

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

Диалог культур в условиях глобализации

XI Международные Лихачевские научные чтения
12–13 мая 2011 года

Том 1. Доклады

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — Девятнадцатые по счету и одиннадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2011 году при реализации проекта «Международные Лихачевские научные чтения» оказана поддержка Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ

Санкт-Петербург
2011

ББК 72
Д44

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений,
академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

В научном редактировании принимали участие ученые СПбГУП:
профессора С. Р. Абрамов, Г. М. Бирженюк, Ю. В. Зобнин, Г. А. Праздников,
Ю. М. Шор, доценты Е. А. Кайсаров, Р. Л. Урицкая

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 10 от 11.03.11

Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения,
Д44 12–13 мая 2011 г. Т. 1 : Доклады. — СПб. : СПбГУП, 2011. — 592 с.

ISBN 978-5-7621-0615-3

В сборнике опубликованы 233 доклада участников XI Международных Лихачевских научных чтений, запланированных на 12–13 мая 2011 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди авторов — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, 38 членов Российской академии наук и Российской академии образования: Л. И. Абалкин, А. А. Акаев, О. Т. Богомолов, А. А. Громько, А. А. Гусейнов, М. П. Кирпичников, В. А. Лекторский, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, А. Д. Некipelов (вице-президент РАН), Н. Д. Никандров (президент РАО), М. Б. Пиотровский, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Шульц (заместитель президента РАН), Б. Г. Юдин и другие; около 30 руководителей академических институтов и научно-исследовательских центров, представители более 70 высших учебных заведений, руководители 24 научных и общественно-политических периодических изданий, известные политики, государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: писатели Д. А. Гранин и А. А. Лиханов, балетмейстеры О. М. Виноградов и Б. Я. Эйфман, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, председатель ФНПР М. В. Шмаков, председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке Ю. Н. Солонин, председатель Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы РФ А. К. Исаев, заместители министров РФ А. Е. Бусыгин, Г. М. Гатиллов и А. Л. Сафонов, советник Президента РФ М. А. Федотов, заместитель мэра Москвы А. Н. Горбенко, главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы П. Н. Гусев, президент Адвокатской палаты г. Москвы Г. М. Резник и др.

Среди иностранных гостей Чтений — представители 22 стран: послы в Российской Федерации — Посол Испании Х. А. Марк, Посол Исламской Республики Иран С. М. Р. Саджади; представители ООН, ЮНЕСКО, Европарламента: М. Шойер, М. Й. Катагум, М. Эль Захаби, К. Яо Яо, Т. А. Жданок; представители 5 иностранных академий наук: Европейской академии наук и искусств Ф. Унгер, Академии наук и искусств Республики Сербской Боснии и Герцеговины Л. Зукович, Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко, Болгарской академии наук В. Проданов, Академии общественных наук КНР Г. Син; немецкий политолог А. Рар, украинский писатель О. А. Бузина и другие всемирно известные специалисты.

Доклады участников XI Лихачевских чтений посвящены актуальным проблемам современности. Роль Чтений высоко оценил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, отмечая, что «сегодня, при всем сближении и взаимопроникновении культур, важно сохранять самобытные традиции, языки, уклад и духовно-нравственные ценности народов — как основу культурного многообразия мира в эпоху глобализации».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0615-3

© СПбГУП, 2011

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
XI МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

12–13 мая 2011 года

Том 1. ДОКЛАДЫ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*; художественное оформление *В. Б. Клоков*;
редакторы: *Я. Ф. Афанасьева*, *В. Г. Даниленко*, *Т. В. Никифорова*;
технические редакторы: *Л. В. Климкович*, *А. Ю. Ванеева*; корректоры: *О. В. Афанасьева*,
Е. С. Васильева, *Т. А. Кошелева*, *И. Н. Чугунова*

ISBN 978-5-7621-0615-3

9 785762 1106153

Подписано в печать с оригинала-макета 14.04.11. Формат 60х90/8
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 74. Тираж 800 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Участникам и гостям
Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием Десятых, юбилейных, Лихачевских чтений.

Ваш форум традиционно собирает представителей научной интеллигенции и деятелей искусства, известных политиков и экспертов из России и других стран.

В этом году Лихачевские чтения посвящены одной из ключевых проблем современности — становлению глобальной культуры и сохранению национальной идентичности. Сегодня, при всем сближении и взаимопроникновении культур, важно сохранять самобытные традиции, языки, уклад и духовно-нравственные ценности народов — как основу культурного многообразия мира в эпоху глобализации. Желаю вам интересных дискуссий и плодотворного общения, а старшекласникам, участвующим в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность», — удачи и новых успехов.

Президент Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В. В. ПУТИНА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Участникам и гостям
Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге, на юбилейных, X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН

**ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО
И. БОКОВОЙ
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

Я бы хотела тепло поприветствовать участников X Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры».

Я сожалею, что не могу присоединиться к вам на этой конференции, посвященной проблемам большой важности для ЮНЕСКО и являющейся чрезвычайно своевременной в Международном году сближения культур, который отмечается в этом году, для которого ЮНЕСКО является главным проводником ООН.

Санкт-Петербург наиболее подходит для проведения этого мероприятия. В дополнение к его статусу города первого российского мирового наследия, этого красивого города, невероятного в истории и культуре, служащего связующим звеном России со всем миром. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — одно из старейших и наиболее престижных образовательных учреждений в России.

Великий интеллектуал Дмитрий Лихачев инициировал эту ежегодную конференцию, его жизнь была связана с Санкт-Петербургом и этим университетом, он был патриотом, который любил российскую культуру. Всю свою жизнь он являл пример открытости и глубокого уважения другим культурам всех видов. Он был большим другом моей родной страны — Болгарии — и обладал богатыми знаниями по ее культуре и истории.

Понимание других — сущность сегодняшнего дня. Мы живем в мире, в котором растет взаимозависимость во всех областях человеческой деятельности. Процесс глобализации может открывать новые возможности для укрепления связей между людьми, нациями и культурами, но также вызывать недоверие. Межкультурный диалог помогает способствовать пониманию того, что, будучи разными, мы все разделяем много положительных ценностей и жизненных проблем вместе. С этой точки зрения это только маленький шаг к реализации того, что проживание в мире разнообразия может быть источником улучшения благосостояния.

История показывает, что никакая культура не развивалась в вакууме или в постоянном конфликте с другими культурами. Развитие процессов коммуникации, следующих из планетарных явлений, способствовало конструктивному диалогу между культурами и послужило на пользу всему человечеству.

ЮНЕСКО была создана после Второй мировой войны для повышения взаимных знаний и понимания между людьми, содействия миру и безопасности, стимуляции сотрудничества среди наций посредством образования, науки и культуры. Ввиду этих полномочий и наших целей в этот Международный год, вскоре после моей инаугурации Генеральным директором ЮНЕСКО в прошлом ноябре, я составила список экспертов по вопросам мира и диалогу культур, включающий интеллектуалов и персоналии из разных сфер жизни со всего мира. Я уверена, что экспертная группа поможет ЮНЕСКО найти новые пути большего взаимопонимания и терпимости.

Чтобы культурный диалог был значимым и продуктивным, с продолжительным результатом, заинтересованные стороны на всех уровнях и всех культур должны принять участие в процессе. Только работая вместе, мы можем реализовать полный потенциал, решая вопросы мира и солидарности, являющиеся гарантиями стабильного будущего.

Я сердечно поздравляю Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, его партнеров, организаторов конференции с проведением важнейшего мероприятия и желаю его участникам большого успеха в их дискуссиях.

Ирина БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбагов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, С. Л. Каганандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшекласников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009 и 2010 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации Д. А. Медведев и В. В. Путин, в 2008 и 2010 годах — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	4
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	5
ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО И. БОКОВОЙ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	6
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	7

Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. И. БАЛКИН , академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН, главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор ВЗАИМОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР — ОСНОВА ПРОГРЕССА	20
А. А. АКАЕВ , Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И ЛЕВ ГУМИЛЕВ: СОПРЯЖЕНИЕ СУДЕБ	21
П. АНЧЕВ , главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария), председатель Варненского отделения Союза болгарских писателей ДИАЛОГ КУЛЬТУР И /ИЛИ СИМФОНИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	24
О. Т. БОГОМОЛОВ , академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЕТЕ УРОКОВ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	27
О. А. БУЗИНА , писатель, журналист, историк (Украина) БОРЬБА ИЛИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУР В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	30
А. Е. БУСЫГИН , заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	35
О. М. ВИНОГРАДОВ , балетмейстер, художественный руководитель Российской академии национального танца, профессор СПбГУП, народный артист СССР БАЛЕТ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	38
Й. ВОЛЬФ , главный редактор сайта atlantic-community.org (открытый аналитический центр «Atlantic Initiative e.V») в Берлине (Германия) ПЕРЕЗАГРУЗКА: КАК ГЕРМАНИЯ МОЖЕТ ПРИДАТЬ НОВЫЙ ИМПУЛЬС ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЗАПАДА И РОССИИ	40
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	43
Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ООН	46
А. Н. ГОРБЕНКО , заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, кандидат политических наук РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	48
Д. А. ГРАНИН , писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	54
А. А. ГРОМЫКО , член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доктор исторических наук, профессор КУЛЬТУРА МИРА И АРХИТЕКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	56
П. Н. ГУСЕВ , главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, заслуженный работник культуры РФ РОССИЙСКИЕ СМИ: ОТСТАВАНИЕ ОТ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ МОЖЕТ СТАТЬ НЕОБРАТИМЫМ?	58
А. А. ГУСЕЙНОВ , академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРЕДЕЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	61
П. ДУТКЕВИЧ , директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), доктор философии, профессор ЧЕТЫРЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КРАТКОСРОЧНЫЙ ПОСЛЕКРИЗИСНЫЙ СЦЕНАРИЙ	65

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	67
Ю. В. ЗОБНИН , заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ «КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...»: «РУССКИЙ ПРОЛОГ» К ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛИЗМА	73
Л. ЗУКОВИЧ , вице-президент Академии наук и искусств Республики Сербской Боснии и Герцеговины КУЛЬТУРА СЕРБОВ В ВОДОВОРОТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН	75
А. К. ИСАЕВ , председатель Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук КОНФЛИКТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕСУРС ПЕРЕХОДА ОТ ПОЛИТИКИ КОНФРОНТАЦИИ К ПОЛИТИКЕ СОГЛАСИЯ	78
В. А. КВИНТ , иностранный член РАН, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор КУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СРЕДА РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ	79
М. П. КИРПИЧНИКОВ , академик РАН, председатель Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ, декан биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой биоинженерии, доктор биологических наук, профессор РОЛЬ НАУКИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНОГО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	82
Г. Б. КЛЕЙНЕР , член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КОЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	85
В. Г. КОСТОМАРОВ , академик РАО, президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЭКРАННЫЕ ТЕКСТЫ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	88
С. В. ЛАВРОВ , министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	92
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	96
А. А. ЛИХАНОВ , академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, почетный доктор СПбГУП ДЕТСТВО КАК ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	97
В. А. МАКАРОВ , академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор физико-математических наук, профессор О РОЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ	99
А. Ю. МАНИЛОВА , вице-губернатор Санкт-Петербурга САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	101
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ «АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ»: ПЯТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ	102
В. И. МАТВИЕНКО , губернатор Санкт-Петербурга, Чрезвычайный и Полномочный Посол МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	105
В. В. МИРОНОВ , член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ	107
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , вице-президент РАН, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	110
Н. Д. НИКАНДРОВ , президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор ИДЕИ И МИФЫ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ	113
В. Ф. ПЕТРЕНКО , член-корреспондент РАН, профессор кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ — ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	118
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ , член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, председатель Союза музеев России ДВА МУЗЕЯ И ДВЕ ПЛОЩАДИ	123
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор УВЕЛИЧИВАЕТ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КОНФЛИКТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ?	124
А. РАР , директор Центра им. Бертольда Гейца при Германском совете по внешней политике (DGAP), журналист, политолог (Германия) СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ	129

Г. М. РЕЗНИК , президент Адвокатской палаты г. Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ	
ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	133
С. М. Р. САДЖАДИ , Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ	
НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА МЕЖДУ ИСЛАМОМ И ПРАВОСЛАВИЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ	135
М. САНАИ , член Парламента Исламской Республики Иран, директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета, профессор юридического института Тегеранского университета, доктор наук (политология)	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗМА	136
А. Л. САФОНОВ , заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, профессор СПбГУП, доктор экономических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса	
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИКЕ И РЫНКУ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	141
Г. СИН , заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор	
МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ВЫБОР РОССИИ	144
Н. Н. СКАТОВ , член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор	
РЕФОРМЫ И ТРАДИЦИИ	145
А. В. СМЕРНОВ , член-корреспондент РАН, заместитель директора по науке Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор	
ВОЗМОЖНА ЛИ НЕ-ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ?	147
Ю. Н. СОЛОНИН , председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по культуре, член Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
КУЛЬТУРА В ПЕРСПЕКТИВЕ ИЗМЕНЕНИЙ	150
Е. И. СТЕПАНОВ , главный научный сотрудник Сектора комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН, главный редактор журнала «Конфликтология», доктор философских наук, профессор	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	151
В. С. СТЕПИН , академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	
ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	153
М. А. ТИТАРЕНКО , академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН (Москва), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПАРАДИГМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСЦВЕТА МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	157
М. ТЛИЛИ , основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета, дипломат	
НОВЫЙ ПОРЯДОК В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	163
Ж. Т. ТОШЕНКО , член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор	
КЕНТАВР-КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ЛИКИ	165
Ф. УНГЕР , президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор	
О ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	173
М. А. ФЕДОТОВ , советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, секретарь Союза журналистов России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол	
«МЫ» И «ОНИ» НА ФОНЕ МЕДИА	174
Н. А. ХРЕНОВ , заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания (Москва), профессор кафедры гуманитарных наук Всероссийского государственного университета кинематографии, доктор философских наук	
СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕИ РОССИИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	176
С. ЧАНГ , директор департамента Института общественного развития Партийной школы ЦК КПК, редактор журнала «Научный социализм» (КНР), профессор	
ПЛЮРАЛИЗМ КУЛЬТУР И ГАРМОНИЧНЫЙ МИРОПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	182
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научного центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ	
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ГРАНИЦЫ СОСУЩЕСТВУЮЩИХ ЭПОХ	184
А. О. ЧУБАРЬЯН , академик и член Президиума РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	
МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	187

В. Е. ЧУРОВ , председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП НАЦИОНАЛЬНЫЙ (МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ) ФАКТОР В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ.....	188
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ В СВЕТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА.....	192
М. В. ШМАКОВ , председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	195
Н. П. ШМЕЛЕВ , академик РАН, директор Института Европы РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор РОССИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО	198
Э. ШНАЙДЕР , профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИНТЕРНЕТ.....	204
М. ШОЙЕР , директор секретариата «Альянса цивилизаций» ООН ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	205
В. А. ШУЛЬЦ , член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН, директор Центра исследований проблем безопасности РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОНФЛИКТЫ И РАЗВИТИЕ	207
Б. Я. ЭЙФМАН , художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета, балетмейстер, народный артист России, почетный доктор СПбГУП ПЕТЕРБУРГСКИЙ БАЛЕТ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	210
Б. Г. ЮДИН , член-корреспондент РАН, заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», доктор философских наук, профессор ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК МУЛЬТИПЛИКАТОР КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ	212
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии, доктор юридических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	214
Секция 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА	
Е. М. АСТАХОВ , профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	216
Х. БОННЕНБЕРГ , доктор технических наук, член Немецкого общества внешней политики, член Германно-российского форума ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИСЛАМ НА ПУТИ В ЭПОХУ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ	219
М. Г. ДЕЛЯГИН , директор Института проблем глобализации (Москва), доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ — ЭТО КОНКУРЕНЦИЯ КУЛЬТУР.....	224
Т. А. ЖДАНОК , депутат Европейского парламента (Латвия), президент Европейского русского альянса, доктор математики А ЕСТЬ ЛИ СУБЪЕКТЫ ДИАЛОГА?	229
В. В. ЗАПЕВАЛОВ , представитель МИД РФ в Санкт-Петербурге, председатель редколлегии журнала «Консул» РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МИД РФ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР.....	230
М. Й. КАТАГУМ , Посол, Постоянный представитель Федеративной Республики Нигерия при ЮНЕСКО ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: НИГЕРИЙСКИЙ ОПЫТ	231
В. А. КИП , общественный и государственный деятель ФРГ, доктор ШАНСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ	235
А. КЛЕСС , директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор ПРЕДПОСЫЛКИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ.....	236
В. Б. КУВАЛДИН , заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСОМ	239
А. А. МОИСЕЕВ , заведующий кафедрой международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем ДА МИД РФ, доктор юридических наук, профессор КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	241
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОДОВОРОТ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	243
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	245

В. В. СОГРИН , <i>руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва), профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (Университет) МИД РФ, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
ЦИВИЛИЗАЦИЯ США В ВОСПРИЯТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	249
С. ФАРАХ , <i>иностраннный член РАО, профессор кафедры философии Ливанского государственного университета, доктор философских наук</i>	
ОТ ДИАЛОГА К ПАРТНЕРСТВУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРИНЦИПЫ, ПРЕПЯТСТВИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ	252
К. В. ШУВАЛОВ , <i>посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ	256
М. ЭЛЬ ЗАХАБИ , <i>Постоянный представитель Арабской Республики Египет при ЮНЕСКО</i>	
РОЛЬ СМИ В ПРОДВИЖЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ	257
К. ЯО ЯО , <i>посол, Постоянный представитель Республики Кот-д'Ивуар при ЮНЕСКО</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	260

Секция 2. ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

С. Р. АБРАМОВ , <i>заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор</i>	
РОССИЯ И ЗАПАД: ХРИСТИАНСКАЯ ИДЕЯ ЛОГОСА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НАШЕЙ ОБЩНОСТИ	261
Б. В. АКСЮМОВ , <i>доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	264
Ф. А. АСАДУЛЛИН , <i>ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), директор Научно-просветительского центра «Аль-Васатыйя», член Общественной палаты РФ, кандидат филологических наук</i>	
КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ В ИСЛАМЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР	266
О. Н. АСТАФЬЕВА , <i>заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор</i>	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	269
В. Г. АФНАСЬЕВ , <i>заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г. В. Плеханова (технический университет), доктор исторических наук, профессор</i>	
НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР (На примере горного дела)	272
В. П. БОЛЬШАКОВ , <i>профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
ЦЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ СОВРЕМЕННОСТИ	274
О. С. БОРИСОВ , <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, доктор философских наук</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ	276
Н. В. БУРОВ , <i>директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, народный артист России</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	278
А. А. ВОЗЬМИТЕЛЬ , <i>заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН (Москва), доктор социологических наук</i>	
БАЗОВЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ	281
В. А. ВОЛОШИНА , <i>заместитель начальника кафедры философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России (Москва), кандидат философских наук, доцент</i>	
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	283
В. С. ГЛАГОЛЕВ , <i>профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук</i>	
РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЛИМИТОВ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	284
Р. Б. ГРОМАДСКИЙ , <i>декан факультета искусств СПбГУП, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства, профессор, народный артист России</i>	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	285
П. С. ГУРЕВИЧ , <i>заведующий Сектором истории антропологических учений Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор</i>	
КРАХ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	286
Е. А. ГУСЕВА , <i>заведующая кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук, профессор</i>	
РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	288
А. В. ДЕНИСОВ , <i>профессор кафедр режиссуры мультимедиа и звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения</i>	
МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	290

К. М. ДОЛГОВ , профессор кафедры философии, истории и культуры Дипломатической академии МИД РФ (Москва), главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук	
МЕСТО ЯЗЫКА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	291
Н. В. ДЫМЧЕНКО , директор Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь), кандидат культурологии, доцент	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПРИДНЕСТРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	292
С. А. ДЯТЛОВ , профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук	
ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	294
С. М. ЕЛИСЕЕВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор политических наук	
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЫ	297
О. А. ЖУКОВА , профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук	
СТРАТЕГИЯ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	299
Н. А. ЗАХАРОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор социологических наук	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДВЕ МОДЕЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	301
В. Ю. ЗОРИН , заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН (Москва), доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПРОТИВ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ. РОССИЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ	306
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва), кандидат философских наук	
АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	313
Б. С. ИЛИЗАРОВ , ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор	
О СУДЬБОНОСНЫХ ДИАЛОГАХ С ПРОШЛЫМ (Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина)	315
А. В. ИЛЬЧЕВ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
ОБРАЗ ГОРОДА КИЕВА В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ...» ИЛАРИОНА: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ГРЕКО-ИУДЕЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУР	321
Е. А. КАЙСАРОВ , доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук	
ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРЖЦА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	324
Д. Н. КАТЫШЕВА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ	
ИСКУССТВО: ГРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ. ДИАЛОГИ КУЛЬТУР	326
Р. М. КАЧАЛОВ , заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН (Москва), доктор экономических наук	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИМ РИСКОМ	328
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук	
О РОЛИ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	330
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ГЛОБУС СОЦИАЛЬНОСТИ И ЛОКУС СОВМЕСТНОСТИ	332
В. Н. КОНОВАЛОВ , заведующий кафедрой конфликтологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	335
А. В. КОСТИНА , заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор	
О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	337
Л. К. КРУГЛОВА , заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ПАТРИОТИЗМ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КТО В ЛЕС, КТО ПО ДРОВА?	339
С. А. ЛЕБЕДЕВ , профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
ДИАЛОГ НАУЧНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	341
В. Н. ЛИПСКИЙ , заведующий кафедрой философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России (Москва), доктор философских наук, профессор	
ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДИАЛОГА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	344
Ф. МАМЕДОВ , профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук	
КУЛЬТУРА КАК ПУТЬ К СПАСЕНИЮ	346
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук	
МЕНТАЛИТЕТ. ИДЕНТИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА	347

А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МАТРИЦЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	349
С. Т. МАХЛИНА , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук ВОСТОК НА ЗАПАДЕ	352
И. В. МАШИЕВСКИЙ , композитор, заведующий сектором инструментоведения Российского института истории искусств, доктор искусствоведения, профессор ЭТНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В МИРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕКСТ И ТРАНСЛЯЦИЯ	361
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ , главный редактор журнала «Российская история» (Москва), главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор философских наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР: КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ	362
А. М. МЕЛИХОВ , писатель, заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), кандидат физико-математических наук «КОММУНАЛКА» КУЛЬТУР	366
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ	369
М. С. МОТЫШИНА , декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ	371
В. С. МУХИНА , академик РАО, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЛИЧНОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ РОССИИ	374
А. П. НАЗРЕТЯН , главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории» (Москва), главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор философских наук, профессор ПЕРСПЕКТИВА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	376
С. А. ОСКОЛКОВ , заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов и Союза концертных деятелей России АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	377
Б. Д. ПАРЫГИН , почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	379
В. М. ПОМЕРАНЦЕВ , профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), доктор химических наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР: «ФИЗИЧЕСКОЕ» НАПОЛНЕНИЕ	380
М. Е. ПОПОВ , докторант кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук, доцент КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА	382
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО: ДИАЛОГ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	383
Е. В. СЕРЕДКИНА , доцент кафедры философии Пермского технического университета, кандидат философских наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ «ХАЙ-ТЕК» И ГАДЖЕТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ	386
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научно-исследовательской работе Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ДИАЛОГ КЛАССИЧЕСКОГО И НЕКЛАССИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ	389
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СЦЕНАРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	391
А. В. СМЕРНОВ , заведующий кафедрой иностранных языков и делового перевода Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ	392
А. В. СОЛДАТОВ , заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ДИАЛОГ НАУКИ, РЕЛИГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	394
Н. А. СОЛОМОНОВА , профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	396

В. Д. СОШНИКОВ , заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор; А. В. КАРПОВ , заведующий кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат культурологии, доцент	
ИСКУССТВО МУЛЬТИМЕДИА КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР	397
А. И. ТИМОФЕЕВ , заведующий кафедрой гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор философских наук, профессор	
РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	399
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
АНТИЧНЫЕ РЕЦЕПЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	403
Н. И. ФАТИЕВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЕГО ПРЕДЕЛЫ	405
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук	
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ БЛОКАХ	406
А. Я. ФЛИЕР , профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук	
ЭЛИТАРНАЯ, НАРОДНАЯ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГ НА ЭШАФОТЕ	409
И. А. ШАДХАН , профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, заслуженный деятель искусств РФ	
В ЗАЩИТУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	412
Ю. М. ШОР , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ДИАЛОГ КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	416
Н. З. ЯРОШУК , профессор Международного славянского университета им. Г. Р. Державина (Москва), почетный работник высшего профессионального образования РФ; К. А. ГЕЗАЛОВА гызы, научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана (Баку)	
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ	418

Секция 3. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В. А. АВКСЕНТЬЕВ , директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор	
КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА КАК ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	421
Г. М. БИРЖЕНЮК , декан факультета конфликтологии СПбГУП, заведующий кафедрой социально-культурных технологий, доктор культурологии, профессор	
ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК РЕСУРС УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	423
А. В. ДМИТРИЕВ , член-корреспондент РАН, руководитель Центра конфликтологии Отделения общественных наук РАН, главный редактор журнала «Социология образования» (Москва), доктор философских наук, профессор; Г. А. ПЯДУХОВ , старший научный сотрудник Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, кандидат исторических наук	
ДЕСТРУКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МИГРАНТОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ	425
И. А. КОХ , профессор кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы (Екатеринбург), доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ В МОДЕРНИЗИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ	426
К. С. ПИГРОВ , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор	
ЦЕННОСТЬ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	428
А. Н. ПОЛУХИНА , профессор Марийского государственного технического университета (Йошкар-Ола), доктор экономических наук, кандидат исторических наук	
ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ В РОССИИ	431
Л. В. ПУШКАРЕВА , профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук	
СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	433
Л. С. РЖАНИЦЫНА , главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	435
А. Н. САМАРИН , доцент кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат философских наук	
СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ	437
Л. Н. ТИМОФЕЕВА , заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ	439

Л. Г. ТИТОВА , профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	440
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент	
ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	442
Л. Н. ЦОЙ , доцент кафедры управления человеческими ресурсами Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат социологических наук	
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	444
В. Н. ШАЛЕНКО , профессор Российского государственного социального университета (Москва), доктор социологических наук	
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	447

Секция 4. СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Н. В. ВИТРУК , заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ в отставке	
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ	449
Ф. Б. ВЛАСОВ , профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Государственного университета — УНПК (Орел), доктор экономических наук	
ИДЕОЛОГИЯ СОГЛАСИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	454
В. Г. ГАНШИН , руководитель Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН (Москва), кандидат исторических наук	
ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КИТАЯ	455
В. Г. ГРАФСКИЙ , заведующий Сектором истории права и государства Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор	
О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ (Из истории идеи)	457
В. В. ЕРШОВ , ректор Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы РФ	
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	461
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ , заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент	
ЕВРАЗИЙСКИЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	465
В. В. ЛАПАЕВА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук	
ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	467
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук	
ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ПРОТИВНИКИ	469
Г. И. МУРОМЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ	471
М. В. НЕМЫТИНА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор	
ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ	474
Р. А. РОМАШОВ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	478
В. Н. САФОНОВ , профессор кафедры теории государства и права Юго-Западного государственного университета (Курск), доктор юридических наук	
ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАПРАВЛЕНИИ ПРИЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В США	480
А. В. СТРЕМОУХОВ , заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	483
И. А. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук	
РАЗВИТИЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	484

В. Е. ЧИРКИН , главный научный сотрудник Сектора сравнительного права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНДИКАТОРЫ.....	486
---	-----

Секция 5. РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

А. АЛИМЖАНОВ , директор филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» (Казахстан) НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ НА ТЕМУ «РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР»	490
Ю. А. ВЕРБИЦКАЯ , журналист, координатор проектов Международного медиаклуба «Формат-3» (Симферополь), кандидат филологических наук РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: КРЫМСКИЕ АСПЕКТЫ.....	491
А. ГЕРБЕР , главный редактор RW-TV «Русская волна» (Дюссельдорф, Германия), член президиума Международной академии телевидения и радио (IATR) РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	492
М. ГЕРУЛЯ , профессор кафедры журналистики Силезского университета (Катовице, Польша) ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В АВТОРИТЕТНОЙ ПРЕССЕ ПОЛЬШИ.....	494
Ю. ГОЛИГОРСКИЙ , независимый журналист, продюсер (Великобритания) КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И СМИ: СОБСТВЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ «КАРТИНКИ»	496
М. И. ДЗЯЛОШИНСКАЯ , профессор кафедры связей с общественностью Академии труда и социальных отношений (Москва), кандидат филологических наук СМИ КАК РЕСУРС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ	497
А. А. ДЯТЛОВ , первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда» ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО СБЛИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР	499
А. И. ЕВСЕЕВ , генеральный директор РИА «Ленинград», генеральный директор «Пронто-Петербург», генеральный директор — главный редактор газеты «Экономика и время»; Н. И. ФАТИЕВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук ИДЕОЛОГИЯ И ИМИДЖЕЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	502
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ РОССИЙСКИЕ СМИ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ «КУЛЬТУРЫ»	504
С. Н. ИКОННИКОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАЗВИТИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ	507
М. Б. КАСЕНОВА , профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ИНТЕРНЕТ	510
М. Н. КИМ , заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук, профессор СЕТЕВЫЕ СМИ: ОТ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР	515
В. Б. КОКАШВИЛИ , директор дирекции зарубежного вещания «ТВ Центр» ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (На примере телеканала TVCS)	517
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА ДИАЛОГА КУЛЬТУР	518
Е. Е. КОРНИЛОВА , заведующая кафедрой журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, профессор ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ.....	520
В. Г. ЛОШАК , главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики МГИМО (Университет) МИД РФ ПО МНЕНИЮ ЛИНДЫ И АЛЛАНА (Как появилось первое в отечественной прессе свободное мнение западных журналистов о России).....	521
Л. В. ЛЫТКИНА , профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук ЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ	522
И. В. МАЛОВ , заместитель директора дирекции радиовещания Всероссийской государственной телерадиокомпании СМИ В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	523
В. К. МАМОНТОВ , президент ОАО «Редакция газеты “Известия”» ДИАЛОГ КУЛЬТУРЫ С ИСТРЕБИТЕЛЕМ	525
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ СМИ КАК ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	527

О. Ф. РУСАКОВА , заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор политических наук, профессор	
ДИСКУРС SOFT POWER КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТВОВАНИЯ	
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	529
А. А. СЕРЕБРЯКОВ , декан факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета, доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы, доктор филологических наук	
СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	530
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс»	
ЗАПАДНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ:	
ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ВНУТРИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	532

Секция 6. ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В. И. АДИШЕВ , декан факультета музыки Пермского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики, доктор педагогических наук, профессор	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:	
ДИАЛОГ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	533
С. М. АШКИНАЗИ , профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук	
РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ НА ЗАПАДЕ:	
ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ	535
В. Н. ВАСИЛЬЕВ , член-корреспондент РАО, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет) (СПбГУ ИТМО), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; А. А. ШЕХОНИН , проректор по учебно-методической работе СПбГУ ИТМО, заведующий кафедрой прикладной компьютерной оптики, кандидат технических наук, профессор	
ПЕРЕХОД ВУЗОВ РОССИИ К КОМПЕТЕНТНОСТНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ	
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА	538
Ю. С. ВАСИЛЬЕВ , академик РАН, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (национальный исследовательский университет) (СПбГПУ), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ; В. Н. КОЗЛОВ , проректор по учебно-методическим объединениям, заведующий кафедрой системного анализа и управления СПбГПУ, доктор технических наук, профессор; О. К. ПАВЛОВА , профессор кафедры международных отношений СПбГПУ, доктор исторических наук; П. И. РОМАНОВ , директор Научно-методического центра учебно-методических объединений вузов России (Санкт-Петербург), доктор технических наук, профессор	
ДИАЛОГИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КАК СРЕДСТВО	
ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	540
М. Н. ВЕТЧИНОВА , профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук	
ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР	541
А. В. ВОРОНЦОВ , заведующий кафедрой истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ОБРАЗОВАНИЕ В ЛОГИКЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР — МЕХАНИЗМ ПРОРЫВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	
И РОССИИ К ПРИРОДОСООБРАЗНЫМ ФОРМАМ БЫТИЯ	543
Е. О. ГАЛИЦКИХ , заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ —	
ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ НОВОГО ВЕКА	544
В. В. ГОРШКОВА , заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор	
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	546
Е. М. ДОРОВСКИХ , научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	
И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ	548
Н. П. ДУДИН , директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, генеральный советник юстиции 3-го класса, кандидат юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ	
ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	550
И. А. ЗИМНЯЯ , академик РАО, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов (Москва), доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
УНИСОН ПОЛИЛОГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА XXI ВЕКА —	
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	551
Н. Н. КИРИЛЛОВА , профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук	
О ГЛОБАЛИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИКИ И РОЛИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	553
Е. В. КОВРИКОВА , доцент кафедры фортепиано Казанского федерального университета	
ПОТЕНЦИАЛ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В РАЗВИТИИ	
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА СТУДЕНТОВ ВУЗА	555

В. А. КОЛЕСНИКОВ , директор Иркутского государственного педагогического колледжа № 1, доктор философских наук, заслуженный учитель РФ	
ИННОВАЦИОННОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	557
Н. С. КОНОПЛЕВ , профессор Иркутского государственного университета, доктор философских наук	
МЕСТО ДИАЛОГА В ЛИЧНОСТНО РЕАЛИЗУЕМОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	559
В. М. КУТУЗОВ , ректор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (СПбГЭУ) «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор технических наук, профессор; О. Ю. МАРКОВА , заведующая кафедрой философии СПбГЭУ «ЛЭТИ», доктор философских наук, профессор	
ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА — ДИАЛОГ С МОЛОДЕЖЬЮ	560
С. С. ЛЕБЕДЕВА , профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук	
ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ	562
В. Н. МАКСИМОВА , заведующая кафедрой теории и методики непрерывного образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; Н. М. ПОЛЕТАЕВА , заведующая кафедрой педагогики и педагогических технологий Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, профессор	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР	563
И. А. МАКСИМЦЕВ , ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	565
В. А. МОСОЛОВ , профессор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук	
О РАЗНООБРАЗИИ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕМЫ «ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР»	568
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И ДИАЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ	570
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА , академик РАО, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор	
РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРОКОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА	571
А. А. ОВОДЕНКО , ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
УНИВЕРСИТЕТ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО	573
Л. А. ПАСЕШНИКОВА , первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры государственного права	
АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ	575
Е. И. ПИВОВАР , член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор	
СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	577
Н. В. РУДСКАЯ , доцент кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (национальный исследовательский университет), кандидат культурологии	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВЗАИМОБОГАЩАЮЩЕГО ДИАЛОГА КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ	580
Ю. В. СЕНЬКО , академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	582
Н. П. ТЕРЕНТЬЕВА , доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ШКОЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ	583
В. Е. ТРИОДИН , директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	585
О. А. ФИОФАНОВА , директор научно-образовательного центра «Социальное проектирование в сфере образования и культуры» Удмуртского государственного университета (Ижевск), доктор педагогических наук	
ДИАЛОГ ОБРАЗОВАНИЯ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ	588
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ , доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук, почетный работник общего образования РФ	
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ–СТУДЕНТ»	590

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

12 мая 2011 г.

Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

- Д. А. ГРАНИН соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ вице-президент Российской академии наук, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор

А. И. Абалкин¹

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР — ОСНОВА ПРОГРЕССА

В условиях глобализации все более развитым становится многообразие культур. Как писал академик Д. С. Лихачев, именно культура «делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные нормы поведения людей и государства».

В понятие культуры как целостной системы входят и другие ее элементы. Это архитектура и живопись, старые рукописи и могильные плиты. Как писал в своей книге «Философия неравенства» Н. А. Бердяев, «в нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы».

Об этом надо задумываться всегда, но особенно — тогда, когда осуществляются радикальные реформы образования, готовятся кадры для завтраш-

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института экономики РАН, главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор. Автор около 800 научных публикаций, 24 книг, в т. ч.: «Политическая экономия и экономическая политика», «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества», «Заметки о российском предпринимательстве», «Ключевые народнохозяйственные результаты (сущность, показатели, пути повышения)», «Новый тип экономического мышления», «Россия: поиск самоопределения». Почетный президент Международного фонда Николая Кондратьева, вице-президент Вольного экономического общества России и Международного союза экономистов, почетный профессор университета Тсинхуа в Пекине, член Нью-Йоркской академии наук, академий наук Белоруссии и Грузии, Международной экономической академии «Евразия». Награжден орденом «Знак Почета», Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке в номинации «Выдающиеся ученые».

него дня. Молодым людям необходимо впитывать духовные ценности — достижения культуры, знание языка и истории своей страны и мирового сообщества. Без этого прогресс в принципе невозможен.

Глобализация с ее многочисленными инструментами не только расширяет многообразие культур, но и облегчает доступ к ним. Можно сравнительно свободно получать информацию, причем речь идет о культуре не только больших народов, но и малых, уникальных в языке, архитектуре, нравственности, в духовной сфере и даже в продолжительности жизни. Поэтому любые попытки установления замкнутости, языковых барьеров (в отдельных странах или группе связанных языком стран) ведут к изоляционизму, мешают взаимопониманию народов и тем самым опять-таки тормозят (или отбрасывают назад) общественный прогресс. Многочисленные примеры последних лет — положение россиян в Прибалтике, беспорядки в Пакистане и Индии, бунты в Париже с поджогом автомобилей, революционные события на севере Африки — дают крайне тревожную информацию о положении дел в мировом сообществе. Дальнейший ход событий пока не поддается анализу.

В основе исследования путей общественного прогресса лежит взаимопонимание культур, их обогащение как двигатель этого прогресса. И как бы мы ни понимали сами культуры, здесь не может быть навязывания единообразия.

Человеческое общество устроено достаточно сложно, при его описании и исследовании мы широко используем синтезирующие понятия. Но из них в принципе нельзя выводить практические рекомендации. Они оказываются мертворожденными.

Возьмем отношение к такому понятию, как демократия или демократическая организация обще-

ства. Нам хорошо известны попытки принудить или навязать (причем здесь нет преувеличения) единую «для всех стран» демократию. Они полностью провалились, хотя это еще не осознали авторы проекта. Нельзя строить демократию по единой модели для Китая и Японии, Швеции и Франции, стран исламского мира и, естественно, для России.

То же относится к понятию прогресса, который имеет разные ценности в различных цивилизациях. То, что в одних является благом, в других воспринимается как зло и порок. И попытка навязывать, то есть делать это извне, воспринимается как тупиковый путь. Никакому народу нельзя навязать такой подход. Люди различны, и в этом состоит богатство современного мира.

Беспристрастный анализ тенденций мирового развития дает основания полагать, что в ближайшие пять столетий (если не произойдет какой-то катастрофы) сохранятся различия между нациями и цивилизациями. Они являются продуктом длительного исторического развития и не уходят со сцены по воле людей, государств или их сообществ. При всех универсальных способностях человек не в состоянии творить свое будущее, определяемое длительными мегатрендами исторического развития.

Но то, что реально возможно и осуществимо, — развивать взаимопонимание культур. Именно оно является главным и, вероятно, единственно верным подходом на пути к процветанию человеческого общества.

А. А. Акаев¹

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И ЛЕВ ГУМИЛЕВ: СОПРЯЖЕНИЕ СУДЕБ

В плеяде самых светлых личностей в российской общественной жизни, которые в конце истекшего века определяли духовную атмосферу в нашей единой тогда великой стране, имена Дмитрия Лихачева и Льва Гумилева по праву стоят рядом. Оба сполна хлебнули лиха в сталинские времена: один прошел через четыре года Соловецких лагерей, другой — через четырнадцать лет ГУЛАГа. Но ни тот, ни другой не были сломлены. Удивительными были их творческая, гражданская и политическая страстность, подвижническое служение науке и своему народу.

В моей памяти выпукло встает дата 12 марта 1990 года. В тот день я как депутат от Кыргызстана участвовал в работе внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Предстояло избрать президента страны. Рядившихся в тогу «властителей дум» на съезде было немало. Среди представителей знаменитой тогда межрегиональной депутатской группы выделялся Андрей Сахаров. Тянули в разные стороны. С первого захода кандидатура М. Горбачева не прошла. Его авторитет к тому времени заметно пошатнулся. По существу положение спас своим призывом в поддержку М. Горбачева седовласый корифей из Ленинграда. Д. Лихачева тогда знала и почитала вся страна, равного ему по моральному авторитету в Союзе не было.

¹ Иностраннный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор. Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Автор более 160 научных работ и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина.

Вспоминая спустя двадцать с лишним лет о стремительно ухудшавшемся положении дел в Союзе, отчетливо понимаю, что Д. Лихачева как гениального провидца главным образом беспокоила не фатальная участь советских правителей, а надвигающаяся на великую страну беда, тревожила судьба народов, которые извечно жили на единой земле, испытывали общие великие взлеты и исторические невзгоды, кровно и духовно сроднились. Такими же заботами жил тогда и Л. Гумилев. Он был далек от кремлевских, парламентских и иных общественных высот, государство не баловало его наградами. Но своей научной деятельностью по проблемам древней истории Евразии он был человечески и творчески близок к Д. Лихачеву, посвятившему свою жизнь изучению духовных проблем Древней Руси. Из тупика, в который Л. Гумилева в 70–80-е годы истекшего века загнали его академические противники и идеологические фарисеи, ученый смог выйти лишь при активной поддержке со стороны Д. Лихачева, проявившего подлинное гражданское мужество при защите своего собрата по науке. Окрепнув при такой поддержке, Л. Гумилев дальше стремительно зашагал сам. А когда великая держава предстала перед критическим испытанием, лихаческо-гумилевское творческое сопряжение дополнилось их гражданским сопряжением.

Научное братство

И Д. Лихачев, и Л. Гумилев, как известно, занимались преимущественно древней историей. Первый — духовными проблемами Древней Руси, второй — «седыми временами» Евразии. Вводя свои труды в общий исторический контекст в свете неразрывной связи времен, они мастерски перебрашивали мостик из древности к современности. Оба исходили из того, что на мощных древних корнях произрастает могучее живое древо нашей современной жизни.

Перечитывая лихачевские исследования в нынешних условиях, когда возникли трения в известном славянском треугольнике, невозможно без душевного волнения воспринимать мысли великого ученого о Древней Руси как матери трех братских народов. Их издревле связывает общая пуповина. Лучше раньше, чем позже, чтобы братья-одноутробники снова по-родственному сошлись за общим столом. Призывы же Л. Гумилева к единению евразийских народов вокруг России исходили с другого — восточного азимута. В свете гумилевских трудов по истории Евразии ярко высветилась выдающаяся роль Древней Руси, которая стала потом Россией и, как великая держава, охватила своим благотворным влиянием гигантское пространство: от Дуная и Черного моря на западе до Тихого океана на востоке, от Тянь-Шаня и Байкала на юге до Северного Ледовитого океана на севере. Л. Гумилев убедительно показал, как рождался и, преодолевая выпавшие на его долю беды и испытания, креп русский этнос. Вступая в дружественные отношения с соседствующими этносами, он в ходе исторического процесса обрел черты Суперэтноса — уникального многонационального сообщества — и занял центральное место на евразийском континенте.

После выхода Л. Гумилева из лагерей и политической реабилитации его самого и его прославленных родителей для 45-летнего ученого наступила возможность активной исследовательской деятельности. Он пишет знаменитые книги «Древние тюрки» и «Хунну», защищает докторскую диссертацию. Подлинным творческим взлетом той поры оказалась гумилевская книга «Этногенез и биосфера Земли». Депонированная вначале в качестве рукописи в научной библиотеке, она поляризовала историческую науку, а в официальных кругах была воспринята как вызов партийной идеологии. В 1980 году по решению Президиума АН СССР на публикацию трудов Л. Гумилева был наложен продолжавшийся почти шесть лет административный запрет, дело доходило до его открытой травли. Именно в этой ситуации, казавшейся многим безвыходной, в защиту Л. Гумилева смело выступил Д. Лихачев. Он вместе с тогдашним членом-корреспондентом, а ныне академиком В. Яниным и другими соратниками обратился с большим аргументированным письмом в ЦК КПСС с требованием снять табу на публикацию трудов Л. Гумилева. Под давлением научной общественности ЦК КПСС был вынужден отступить. С тех пор основные труды Л. Гумилева получили право на выход в свет. И читательская реакция не заставила себя ждать. Помню, что залы, где выступал Л. Гумилев, заполнялись битком. За его книгами выстраивались очереди. И до сих пор перед полками с трудами Л. Гумилева в больших книжных магазинах толпятся люди.

Гумилевская книга «Этногенез и атмосфера Земли» до сих пор находится в центре внимания. Ее первое издание сопровождалось рецензией Д. Лихачева. Он писал: «Книга Л. Н. Гумилева “Этногенез и атмосфера Земли”, в которой дается систематиче-

ское изложение представлений ученого об этносе как связующем звене между природой и человеком, уже более десяти лет привлекает пристальное внимание самого широкого читателя. Причина тому — необычайная постановка проблемы, широта обобщения огромного фактического материала всемирной истории и географии, необычайная эрудиция автора, соединение исторического, географического и биологического взглядов на предмет исследования на базе системного подхода». Отталкиваясь от разработанной Л. Гумилевым в данной книге теории пассионарности, Д. Лихачев ставит имя Л. Н. Гумилева «в один ряд с именами замечательных ученых-натуралистов В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. И. Вавилова». Рецензент далее писал: «Со своей, гуманитарной стороны не могу не отметить глубокого профессионализма Л. Н. Гумилева как историка, обладающего к тому же удивительным талантом облекать полные строгости исторические доказательства в форму живого неумолимого повествования»¹... Впоследствии большинство новых книг освящалось предисловиями Д. Лихачева, что в наивысшей мере подчеркивало глубокую сопряженность их творческой деятельности и близость научных взглядов на характер исторических процессов.

Введенная Л. Гумилевым в научный оборот идея пассионарности до сих пор вызывает острые споры. Она возникла в уме молодого ученого во время его пребывания в тюремной камере как творческое озарение. Вникнув, как физик, в гумилевскую теорию пассионарности, я отчетливо осознал, что в силу условий, в которых ученый в те годы находился, он не имел возможности при создании концепции этногенеза опираться на новейшие достижения в естественных науках. Теория систем в ее современном понимании в те годы была еще в утробном состоянии, а теории диссипативных структур, честь разработки которой принадлежит бельгийскому ученому русского происхождения, лауреату Нобелевской премии Илье Пригожину, вообще не было в зачатке. Можно лишь поразиться уникальной научной интуиции Л. Гумилева. Дело в том, что концепция пассионарности в отношении этногенеза хорошо сопрягается с современной теорией систем применительно к крупным социальным общностям. Более 70 лет назад молодой ученый сумел увидеть, что в основе развития этносов как открытых биосоциальных систем лежат нелинейные закономерности, приводящие к возникновению в этом процессе явлений цикличности. Хорошо известная «кривая Гумилева», описывающая закономерности этногенеза в свете идей пассионарности, является тому свидетельством. Переводя на современный научный язык в духе теории И. Пригожина, этносы в их гумилевском понимании можно рассматривать как открытые диссипативные системы с имманентно присущими им явлениями самоорганизации, обеспечивающими переход таких систем в новое состояние путем би-

¹ Из кн.: *Демин В.* Лев Гумилев. М., 2007. С. 169–170. (Жизнь замечательных людей).

фуркаций. Вспомним выражение Гумилева — «конец и вновь начало». В своих усилиях по развитию идей пассионарности Л. Гумилев, не имея возможности опираться на систему современных научных знаний, был вынужден прибегать к объяснениям о вземном происхождении этнической энергии, исходящей будто бы из неких космических источников. С моей точки зрения, обоснование происходящих в нашем сущем мире процессов, связанных с человеческой деятельностью, надо искать в земных причинах, не прибегая к объяснениям вземного характера. Пассионарность надо заземлить и очеловечить — в этом суть моего подхода¹.

Д. Лихачев своими действиями на сложном этапе советской истории дал мощный импульс для вхождения в отечественную науку нового яркого исследователя. Труды Л. Гумилева стали достоянием всех наших народов. Его имя особенно почитают и уважают среди тюркских народов, об исторической судьбе которых ученый писал проникновенно и с любовью. Евразийский национальный университет в Астане считает за честь носить имя российского ученого Льва Гумилева. Особенно много его почитателей в Татарстане.

Объединиться, чтобы не исчезнуть...

Единение евразийских народов вокруг России в тех территориальных рамках, которые сложились вековыми усилиями дальновидных русских правителей и смелых землепроходцев, а также на основе неудержимой тяги соседних народов к союзу с Россией ради национального выживания, было велением времени, отражением исторических закономерностей. В итоге в центре Евразии возникла великая многонациональная держава, оказавшаяся в XIX—XX веках в центре мировых событий и сыгравшая в 40-х годах истекшего века решающую роль в победе человечества над фашизмом. Удержаться на завоеванных веками позициях Советскому Союзу, как известно, не удалось. Опасности захлестывали державу как извне, так и изнутри. Локальные межнациональные конфликты (Нагорный Карабах, Абхазия, Сумгаит, Фергана и др.), а также трения республик с Центром не без влияния извне подтачивали государственные устои Союза. Активно участвуя как президент Кыргызстана в известном ново-огаревском процессе и других ключевых политических событиях той поры, могу с уверенностью сказать, что Союз можно было спасти, во всяком случае Кыргызстан и другие центральноазиатские республики выступали за его сохранение.

Д. Лихачев и Л. Гумилев, проникая историческим скальпелем в глубину веков, видели, как рождались, развивались, а порой и уходили в небытие этносы (народы), возникали и рушились малые и великие государственные формации. Окрепнувшими выходили из критических испытаний лишь этносы (народы), которые объединяли свои силы, находили мощных союзников, обеспечивавших их защиту

от внешних посягательств. Обращение мудрых кыргызских правителей в 1785 году к императрице Екатерине Великой с просьбой о принятии кыргызов в российское подданство спасло мой родной народ от исчезновения в турбулентном политическом потоке. Грузинам полезно вспомнить Георгиевский трактат 1783 года, а украинцы в своей истории будут всегда отмечать Переяславскую Раду 1654 года.

Глубокие внутренние переживания и поныне вызывают работы Д. Лихачева 1980—1990-х годов, в которых великий ученый, осмысливая тревожные современные события через призму древнерусской истории, обращался к народу и власти с призывом к укреплению общенационального единства. Для меня ярким свидетельством тому стало лихачевское исследование «Начало русской литературы»², в котором, подобно набату, звучали обращенные к современникам его мысли о единении русских людей, преодолении раздоров, укреплении государства. «Объединиться, чтобы не исчезнуть»³ — с таким призывом за несколько месяцев до разрушительных событий в Беловежской пуше обратился и Л. Гумилев к народам, которые входили в состав Советского Союза. Он считал, что «дружба народов — лучшее, что придумано в этом вопросе за тысячелетие».

В стремлении более выпукло отразить ход гумилевских мыслей сделаю небольшое отступление. Единение, дружба народов, другие подобные дефиниции относятся к миру метафизики. Для перевода их в земную систему координат, насыщения конкретным содержанием необходима опора на адекватную систему политических (геополитических), экономических, социальных и культурных институций. В ходе многовековой исторической практики государство в деле единения этносов оказалось, пожалуй, наиболее оптимальной институцией. В рамках Российской империи и ее исторического преемника Советского Союза смог сложиться евразийский Суперэтнос, скрепленный не только и не столько государственными границами и принуждением со стороны властей к межэтническому сожительству, но и коллективными заботами народов по обустройству Общего дома, по его защите от внешних посягательств. Многовековая жизнь на единой для Суперэтноса земле, общие заботы, кровные связи, совместно пролитая кровь в борьбе с иноземными нашествиями и поныне служат скрепами евразийского единения.

Гумилевская идея подтвердилась, когда развал Советского Союза не привел к распаду евразийского Суперэтноса. Великие державы (империи) могут возникать и исчезать. Это не означает, что вместе с ними растворяются и уходят в небытие входящие в их состав этносы. Во многих случаях в историческом плане этносы, как считал Л. Гумилев, оказываются более жизнеспособными, чем государства. Институции, в рамках которых этносы способны существовать и развиваться, могут носить не только форму

² Лихачев Д. Начало русской литературы // Повести Древней Руси : сб. Л. : Лениздат, 1983.

³ Гумилев Л. Н. Объединиться, чтобы не исчезнуть // Час пик. 1991. № 2.

¹ Акаев А. Киргизская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2008. Гл. XVII : Пассионарность глазами физика.

государства в традиционном понимании этого феномена. Роль государства в этногенезе Л. Гумилев не абсолютизировал. Историческая практика знает и другие институции, способные служить межнациональному единению, — ассоциации, союзы, сообщества, содружества и т. д. В изменившихся после распада Союза условиях охранительную миссию для евразийского Суперэтноса может обеспечить, например, Содружество независимых государств как четко оформленное многонациональное сообщество, в центре которого находится Россия.

Вспоминая о беседах с Д. Лихачевым во время моих поездок в Санкт-Петербург в 1990-е годы в качестве президента Кыргызстана, я начинаю ныне лучше понимать тот пылкий интерес, который он проявлял к жизни центральноазиатских народов в постсоветских условиях, к тем возможностям, которые предоставляет СНГ для укрепления дружественных отношений между народами на постсоветском пространстве. На содружество в этом плане он возлагал самые высокие надежды. Веление времени как закономерный рычаг для единения народов на постсоветском пространстве неизбежно проявится и на новом этапе в нашей общей истории. Об этом мечтали Д. Лихачев и Л. Гумилев.

Посвятить очередные Лихачевские чтения 100-летию со дня рождения Л. Гумилева

В жизни и творчестве Д. Лихачев и Л. Гумилев шли вместе. Их личности вновь и вновь подтверждают, что интеллектуальная атмосфера Санкт-Петербурга, дух города на Неве способны порождать великие творческие взлеты. Так было во все времена, начиная с Пушкина. К чести российской государственной власти, установилась прекрасная традиция ежегодно проводить Международные Лихачевские научные чтения. Высокой признательности заслуживает роль в организации этих чтений Конгресса петербургской интеллигенции, в числе учредителей которого был и Дмитрий Лихачев.

В 2012 году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, великого сына России Льва Гумилева. Данное событие будут отмечать миллионы его почитателей в России и в других странах, особенно в государствах тюркского мира. Учитывая тесное научное и гражданское сопряжение творческих и личных судеб Д. Лихачева и Л. Гумилева, этой памятной дате, по моему мнению, следовало бы посвятить очередные Международные Лихачевские научные чтения.

Панко Анчев¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И/ИЛИ СИМФОНИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный сложный и противоречивый мир не имеет аналогов в прошлом. Поэтому перед философией встают новые проблемы, ранее никем не решавшиеся. Философам надлежит проанализировать противоречивые события в жизни народов всех континентов, с тем чтобы представить полное и правдивое знание обо всех процессах, возникших в XXI столетии и создающих тот мир, который мы называем эпохой XXI века. Народы и государства хотят осознать эти процессы во всей их сложности и в полном объеме, чтобы затем найти способы и средства для достойного существования и взаимодействия друг с другом.

Этносы никогда не жили полностью изолированными друг от друга. Если кому-то приходилось некоторое время жить обособленно, то рано или поздно наступал момент, когда нужно было покончить с изоляцией. Начиналась мучительная борьба — обычно это были войны или столкновения.

Люди живут вместе по одному для всех Божьему промыслу. При этом следует учитывать, что все люди разные. Они объединены в том смысле, что

у них есть общие черты, они действуют одинаковыми способами. Так было даже тогда, когда люди находились на огромных расстояниях друг от друга и не знали ничего друг о друге, так как между ними не было прямых контактов.

Но современный новый мир практически уничтожил расстояния при помощи высоких скоростей и информационных технологий, а также благодаря стиранию различий путем внедрения единых стандартов в культуре и способах существования. Сейчас о народах на земле скорее можно говорить, что они вместе, а не разделены. Народы унифицируются, стираются различия, больше открываются друг другу, обмениваются опытом с далекими и близкими соседями. Эти процессы очевидны, и они проявляются разными способами. Действительно, народы находятся на разных стадиях своего развития, одни богаты, а другие бедны, но все же различий между ними становится меньше.

Могут ли философы уловить эти процессы сближения и понять их?

Как известно, познанием мировых процессов занимаются разные науки. Познание начинается с описания процессов и закрепления терминологии. Ничего нельзя познать, если его не обозначишь, не покажешь границы и объемы объекта изучения. Мы представляем себе мир по Божьему образу и подобию — таким, каким его задумал Творец, Создатель. Для описания этого мира мы подбираем слова,

¹ Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария), председатель Варненского отделения Союза болгарских писателей. Автор многочисленных научных публикаций, в т. ч. книг: «Творцы и слово», «Философия на литературната история», «Малкият народ», «Друг начин на мислене», «Смисълът на литературознанието», «Руският разум», «Христо Ботев като мислител. Хипотези», «Българската история по Антон Дончев» и др. Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького.

термины, всякий раз уточняем их, расширяем свои знания, обогащая собственный опыт. Наша речь пополняется одними метафорами, освобождается от других метафор — мы стремимся стать более конкретными и точными. Трудности научного познания, особенно гуманитарного, заключаются именно в обозначении предмета исследования, в создании терминов и затем в описании предмета познания. У нас нет готовых формул, мы подбираем слова, которые из-за нашей духовной немощи не всегда правильно находим и не совсем точно используем. Гуманитарное знание остается приблизительным, оно не совсем истинно, так как не может представить абсолютную истину.

Именно из-за человеческой духовной немощи гуманитарные науки не могут найти точного обозначения явлений и процессов. И как правило, неоднозначно формулируют проблематику, которую хотят изучать. Эта духовная немощь есть и доказательство того, что мы люди, она придает научному процессу характер бесконечности.

В принципе мы обозначаем явление и факт таким образом, чтобы стала ясна предметность, чтобы сделать их зримыми и конкретными, то есть приравниваем их к конкретным и уже знакомым фактам. Сравнивая новое с привычным, мы делаем факты более доступными для изучения. Дефиниция по своей сущности есть концентрация видимых особенностей явления в одно целое. Они должны занять свое законное место в зависимости от главных признаков, которые мы увидели в предмете, или в зависимости от явлений, которые мы постигли, наблюдая изучаемый объект.

Речь идет о том, является ли достаточно ясным и точным понятие «диалог культур», чтобы на его базе мы могли изучать сегодняшнее состояние культуры вообще и ее место в так называемой «глобализации».

Глобализация влияет на культуру, а культура остро откликается на глобализацию. Культура отражает все последствия мирового экономического слияния и унификации. Потому что культура — это прежде всего разнообразие и своеобразие. И не случайно сегодня так велик интерес к состоянию и проблемам культуры в их разнообразных аспектах. Именно поэтому в последние годы получила активное развитие *культурология*. Одна из главных проблем, которые она ставит, — так называемый «диалог культур» или «столкновения цивилизаций». Очевидно, что мир, народы, государства и их культуры взаимодействуют по-новому, трансформируются под воздействием новых процессов, приобретают новые состояния. Вопрос в том, *как* все это обозначить точно и ясно, чтобы люди могли изучить происходящее во всей полноте с максимально возможной точностью.

Наши попытки обозначить протекающие в современной культуре процессы терминами «диалог», «столкновение» или «взаимодействие» выражают скорее механические процессы, а не сущностные. Они демонстрируют внешнее, наружное, то, что

сведено до уровня конкретного, знакомого в других сферах деятельности.

Диалог культур требует напряжения усилий двух сторон. Иначе ничего не получится. Для диалога необходимо желание двух участвующих сторон, которые выражали бы что-то различное или близкое, но требующее уточнений при помощи знакомых понятий и терминов. Надо говорить на одном языке.

То же относится и к противоборству или взаимодействию, при котором необходимо проявить волю с одной стороны и отклик, усилие — с другой. Нужны терпение и такт для преодоления разногласий. Тот, кто сильнее, говорит больше и «одолевает» слабейшего, устанавливает правила дальнейшего существования субъектов. Я не говорю, что культуры не ведут диалога или между ними нет столкновений, но все же между ними больше взаимодействия. Это необходимо и крайне продуктивно для их развития, а также для развития всего человечества. Однако это состояние нестабильно, жизнь культур в условиях глобализации протекает не только в удобных формах. В диалоге с «большими» культурами находятся все «малые» культуры, независимо от того, где они находятся. Возможности общения сокращаются расстояния и открывают доступ к сокровищницам культур. Современные коммуникационные средства сближают и даже объединяют малые культуры с большими, особенно с американской. И поскольку малые культуры по своей природе подражательные, то они быстро американизируются, или вестернизируются. (Если для кого-то термин «подражательный» звучит оскорбительно, то мы предлагаем называть этот процесс *«сообщающимися сосудами»*.) Американская культура (как и все большие культуры) благодаря огромным ресурсам, которыми она располагает, и способности быстро и легко развиваться в новой среде «переливается» в малые культуры, постепенно делает из них похожую на себя.

Я считаю, что характер существования культур в глобальном мире можно назвать *симфонией*, другими словами — *созвучием*, а уже потом *диалогом*. Это их изначальное состояние, которое характеризует их бытие в глобальном мире. Каждая из культур отправляет свои послания в разных формах, они говорят слабым или сильным голосом, проявляют себя в традиционных особенностях и сообразно месту, которое народы занимают в геополитике. И не имеет никакого значения, ведут они между собой активный или пассивный диалог, влияют ли они друг на друга прямым или косвенным образом — они находятся на своих местах, живут своей жизнью. «Малые» культуры абсолютно равноправны со всеми остальными.

Когда я говорю, что каждая культура находится на своем месте, я подчеркиваю, что это место условно и его трудно идентифицировать, поскольку нет *чистой*, то есть *однородной*, культуры. Культура — сложное образование, состоящее из различных национальных элементов, носители которых входят в состав нации. Это особенно характерно для сегодняшней ситуации, когда смешение народов

стало неконтролируемым и невозможным для строгой селекции. В одном государстве, в одном городе, в одной деревне живут представители разных наций, каждый из которых распространяет свою культуру и вместе с ней включается в культуру большой нации и в глобальную культуру. Поэтому трудно локализовать голос национальной культуры и очистить ее от чуждых звучаний и диссонансов. Это возможно лишь в рамках конкретного анализа конкретной культуры или культур одного отдельного региона. Но в целом культуры относительно индивидуальны — как звук отдельного инструмента в оркестре. Но инструмент звучит по-разному в руках разных исполнителей (отдельные инструменты различаются настройкой, тембром и спецификой звука). Различия в общем оркестре незначительные, но они существуют, их улавливают только специалисты в определенных условиях.

Симфония культур в мире возможна, потому что каждая из них исполняет одни и те же функции, служит одним и тем же целям и развивается по одним и тем же законам, как инструменты в оркестре, которые играют по одним нотам одно произведение. Они самостоятельные, автономные и равнозначные по своей сущности. Ни у кого из них нет власти над другой, хотя каждая культура может стремиться приобрести такую власть, а большие культуры вообще считают, что малые должны следовать за ними и равняться на них. В жизни так и происходит, но это следствие объективных условий. Это не только не нивелирует своеобразие, но и подчеркивает его. В разные времена как основная движущая сила или как главный аналитический принцип на первый план выходят разные доминирующие факторы, которые объявляются важнейшими и даже единственными. Они играют роль руководящего элемента (дирижера) в общем звучании мировых культур — в их симфонии. «Дирижер» — важная фигура, хотя и без него иногда можно обойтись, но он необходим, чтобы задавать темп, внести оригинальность в интерпретацию и звучание, отмечать такт, подавать солидные партии, то есть отчетливо очерчивать ведущие культуры. Это не исключает конфликтов, противоречий, даже войн, потому что «дирижеры» меняются. Но даже когда появляется диссонанс, симфония не нарушена. Иногда в ней звучит фальшивый тон, но это продолжается недолго.

Глобальная культура не может быть механическим собранием всех культур в мире или какой-то

квинтэссенцией отобранных культур. Она такая лишь в представлении материалистов и прогрессистов, для которых важны история линейного развития и надстройка одного явления над другим. Лучшее ее представлять как новое образование (какое оно, мы еще не знаем, но пристально его изучаем). Оно может быть воспринято в том же духе, как Гете сформулировал понятие «мировая литература». Но так как сегодня культуры в гораздо большей степени взаимосвязаны и находятся в непосредственном контакте, то вполне возможно создать нечто, что не будет ни первым, ни вторым, ни собранием всех вместе. Глобальная культура — плод культур народов, она приобретает свое бытие и дух. *Она — симфония, созвучие, общее творение всех участвующих, новое бытие.*

Независимо от того, как мы рассматриваем культуру, в каких проявлениях ее изучаем, она включает в каждый свой национальный вариант общее, одинаковое, родственное для всех остальных культур, хотя это «общее, одинаковое, родственное» трудно и даже невозможно отделить, изолировать в «лабораторных условиях» и описать формулами и словами. Но такое «общее» существует, так как в конечном счете люди созданы одним прародителем, живут на одной земле, дышат одним воздухом. Экономические, политические, национальные, религиозные, расовые и другие различия не разделяют и не отчуждают людей, а только приспособливают их к разным условиям. Пристальный анализ этих различий поможет установить, что культуры отличаются только тем, что характеристики им даны на разных языках, — и ничего больше. *Национальные культуры как инструменты в большом оркестре, называемом «глобальная культура», который под управлением «дирижера» исполняет одну партитуру, то есть грандиозную симфонию.* Наш долг — уметь слышать и понимать эту симфонию, а не твердить, что в этом оркестре играют только некоторые инструменты, ведущие между собой диалог, на фоне которого остальные пытаются настроиться как послушные исполнители уже «сыгранной музыки».

Если мы обратимся к определению Гете «мировой литературы», постараемся увидеть величие проходящего процесса глобализации, согласовать его специфику со спецификой разных культур, участвующих в этом процессе самостоятельно и равноправно, то осознаем, что *глобальная, или мировая культура — это симфония, созвучие всех культур в мире.*

О. Т. Богомолов¹**ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЕТЕ УРОКОВ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Глобальный экономический кризис — еще одно свидетельство назревающих кардинальных перемен в мироустройстве. Они затрагивают экономическую сферу, которая вступает в стадию перехода к новым формам регулирования и следующему технологическому укладу, в котором информационные, нано- и биотехнологии приобретают стержневое значение. Но не только. Назревают важные сдвиги в общественном устройстве, зарождаются новые его модели, глобализируются производство, культура, международные отношения, складывается иная конфигурация мировых цивилизаций.

Однополярный мир, в котором гегемоном выступали США, уступает место многополярному, требующему равноправия, учета интересов и согласия большего круга стран. Политический авторитет Америки потускнел. Глобальный кризис выявил пороки современного капитализма, скроенного во многом по канонам неолиберальной идеологии, исповедуемой и пропагандируемой Америкой. Изъяны со всей очевидностью вскрылись не только в сфере финансов, денежно-кредитного и валютного оборота, что особенно очевидно, не только в производстве и торговле, но и в функционировании западной демократии. Революции в Тунисе, Египте, Ливии против авторитарных, псевдодемократических режимов всколыхнули население соседних мусульманских стран. Все больше накапливается симптомов духовно-нравственного кризиса общества в различных регионах планеты — как в развитых, так и в развивающихся и переходных. Это дает повод усомниться в адекватности вызовам XXI века господствующей в мире идеологии и политической практики.

Выдающийся социолог Питирим Сорокин еще в 40-е годы прошлого столетия писал в своем epochальном труде «Социальная и культурная динамика» о нарастающем цивилизационном кризисе, который проявляется прежде всего в культуре, мышлении, социальных отношениях. Человечество переживает ныне переходную полосу в своем миропонимании и жизнеустройстве. По мнению Э. Ласло, процесс социальной эволюции на планете подошел к критиче-

ской фазе макросдвига. Это сопровождается социальным и культурным хаосом, когда одни люди придерживаются устоявшихся взглядов и ценностей, но другие — и их все больше — пытаются найти альтернативы². Преодоление деструктивных сторон происходящего макросдвига и нахождение ответов на вызовы новой эпохи начинают занимать умы многих политиков и ученых, а также общественных кругов, хотя развитие научной и политической мысли и общественного сознания явно не поспевает за событиями.

Российские власти в поиске выхода делают ставку на инновации в научно-технической области, как мощный рычаг подъема производительности труда и жизненного уровня народа. Споры нет, это необходимо. Оправдаются ли надежды? Здесь многое зависит не только от усилий в научно-технической и экономической сферах, но и от благоприятного состояния всей общественной среды, от духовного и гуманитарного компонента развития нашей и других цивилизаций.

Многие сегодня убеждены, что человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для прогресса человечества. Поэтому предлагают сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государств, приверженность общечеловеческим нравственным ценностям. Это то, что называют социальным капиталом, наращивание которого все более становится залогом успеха всех экономических начинаний.

Словом, зреет понимание необходимости перехода к новой модели развития общества и экономики. Этот переход начинается с переосмысления идеологических постулатов, с духовного возрождения и обновления людских сообществ. И в этом деле интеллектуальные контакты и обмен опытом между представителями различных цивилизаций способны помочь нахождению правильных решений. Уже появились любопытные и поучительные свидетельства того, что поиск начался.

Журнал «Экономист», например, на обложке одного из своих номеров поместил изображение тома «Современной экономической теории», а ниже надпись крупным шрифтом: «Что в ней ошибочно и как кризис меняет ее». В этом журнале утверждается, что макроэкономика, изучающая функционирование экономики страны в целом и такие общие процессы и явления, как инфляция, безработица, экономический рост и тому подобное, подлежат сегодня «оправданному и серьезному пересмотру»³. Прочесте на страницах этого либерального журна-

¹ Академик Российской академии наук, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; дважды избирался членом Исполнительного комитета Международного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета в КНР. Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

² Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 26

³ The Economist. 2009. July 28th.

ла подобные слова — настоящая сенсация, которую некоторое время тому назад трудно было даже предвидеть. Лауреат Нобелевской премии по экономике Поль Кругман отмечает, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем просто вредна». Другой нобелист Джозеф Стиглиц констатирует «несостоятельность академической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма»¹. Ему вторит доклад ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения»², признающий, что «рыночный фундаментализм... последних 20 лет драматически провалил экзамен». Доклад связывает системные преобразования с возрастанием регулирующей роли государства. Еще определеннее высказывается журнал «Экономист»: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм»³. Его впечатляющим примером, по мнению журнала, служит китайская модель «государственного капитализма». Об этом же идет речь в книге Яна Бреммера «Конец свободного рынка: кто выигрывает войну между государством и корпорациями»⁴. Ту же тему рассматривает Стефан Халпер в книге «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель станет доминирующей в XXI веке»⁵. Оба автора считают, что многие государства, от Латинской Америки до Среднего Востока, подражают Китаю.

Китай действительно ведет поиск модели постреформенного развития, но называет ее социалистическим гармоничным обществом. Европейцы, особенно скандинавы, практикуют то, что называется моделью государства благосостояния, а в Германии — социально-ориентированной рыночной экономикой. Эти новые видения и концепции в Европе уже прижились и во многом оправдали себя, хотя либералы утверждают, что они всего лишь временное явление и скоро наступит возврат к прежнему пониманию рыночной модели экономики.

Если глобальный кризис побуждает думающих людей в Америке и Европе к переосмыслению привычных постулатов так называемого «мейнстрима» общественной мысли, то и Россия не должна быть исключением. Ей также предстоит извлечь уроки из кризиса и определить стратегические ориентиры.

Мы в своих экономических реформах, как известно, руководствовались макроэкономикой именно американского покрова, на которую нас нацеливали Е. Гайдар, А. Чубайс и другие горе-реформаторы, не без советов из-за океана. Она завела страну в тупик. По сравнению с 1990 годом ВВП в 2010-м практически остался на том же уровне, объем промышленного производства сократился на четверть,

¹ *Stiglitz J.* Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy. Norton, 2009. P. 361.

² *The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies.* N. Y., 2009. P. III.

³ *The Economist.* 2010. January 23rd–29th. P. 22.

⁴ *Bremmer I.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between State and Corporations. N. Y., 2010.

⁵ *Halper S.* The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y., 2010.

а сельскохозяйственной продукции — на 40 %. Поэтому переоценка ультралиберальных рецептов составляет, на мой взгляд, один из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода. Видимо, не только в России.

В центре предстоящего переосмысления, несомненно, находится вопрос о роли государства. Архитекторы российских реформ призывали к уходу государства из экономики и не терпели никаких контраргументов. Самый действенный рычаг преобразований — государственный механизм управления и соблюдения порядка — оказался у нас разлаженным, недостаточно компетентным, разрезанным коррупцией, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и пугающей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления очевидна, тем более что наш частный бизнес в большинстве скомпрометировал себя ненасытной жадностью, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением к национальным интересам и правопорядку. Может ли он стать ведущей силой в модернизации страны? Маловероятно.

То, что наше государство не адекватно вызовам постиндустриальной эпохи, подтверждают достаточно убедительные факты. Конституционное определение России как социального государства остается нерасшифрованным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. Население лишено важнейшего ориентира, а именно — к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу. Какая форма демократии будет для нас оптимальной? Политическое и экономическое устройство американского образца не оправдывает себя на российской почве. Отсутствие ясной перспективы, веры в будущее не может не сказываться на духовном климате в стране и настроениях людей.

На современном государстве (не только у нас, но и на Западе) ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов — как в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, так и в других областях. Если говорить о России, то решение целого ряда неотложных задач требует участия государства. Среди первоочередных из них: преодоление опасного имущественного расслоения населения, разорительной инфляции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, разгула преступности и коррупции, высокой безработицы.

В отношении социальной поляризации населения показательна констатация доклада Международного валютного фонда «Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового развития»⁶, в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым

⁶ *World Economic Outlook Supporting Studies IMF.* 2010. P. 35.

частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку».

Мировая практика свидетельствует о возрастающем участии государства в перераспределении создаваемого дохода. За минувшее столетие доля государственного бюджета в распределении ВВП возросла в большинстве развитых стран мира с 10–20 до 50 % и более. Это происходит прежде всего в результате роста государственных расходов на образование, здравоохранение, науку, пенсии и другие социальные трансферты. Развитый мир, видимо, осознал, что только во власти государства противодействовать стихии нарастающего социального расслоения населения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам и тем самым способствовать консолидации и стабильности общества.

Но для этого государство должно быть авторитетным и эффективным, выражать и защищать интересы всех слоев населения, а демократические механизмы — открытыми и действенными. Нужно взаимодействие власти с гражданским обществом, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, демократические процедуры формирования и смены руководства.

Вмешательство государства исключительно важно и с точки зрения восстановления социальной справедливости в российском обществе, которую, к сожалению, власти не принимают seriously в расчет. Характерный пример: фактическая налоговая нагрузка 20 % населения с низкими доходами, как показывают исследования, вдвое превышает нагрузку 20 % населения с высокими доходами. Кроме того, оплата труда работников в России происходит, по большей части, вопреки экономическим и социальным основаниям. Она крайне произвольна и для многих неоправданно занижена и несправедлива.

Средняя величина заработной платы в разных рыночных системах различается в зависимости от их уровня развития. Но пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходятся с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда.

Нельзя признать нормальным игнорирование принципа социальной справедливости в политике, не говоря уже об официальной пропаганде. В стране наблюдаются масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, бережливость и скромность должны поощряться. Однако наши СМИ, особенно телевидение, всячески рекламируют и оправдывают бездумную роскошь и расточительство российских «нуборишей». Жизнь

простых людей для них малоинтересна. Верхи также не подают примера экономии и скромности. Между тем доклад Всемирного банка «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям... Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»¹. Это подтверждает российская действительность. В результате кризиса производство и потребление в России сократилось значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, а число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Форбс», выросло на 70 %. По их числу Россия оказалась в 2010 году на 3-м месте в мире.

Социальная справедливость — извечная нравственная норма, неотъемлемая часть религиозного сознания верующих. Без ее соблюдения не может быть здоровым нравственный климат в обществе, как невозможна и здоровая экономика. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика неэффективна, более того — нежизнеспособна и опасна»².

В России средний доход бедной 10-процентной части населения в 30 раз меньше среднего дохода 10-процентной части богатых, а в Москве даже в 50 раз, тогда как в ЕС этот разрыв составляет 7–10 раз, в США — около 15 раз. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и безучастность российского государства в его снижении до европейского уровня имеет негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 годах могли бы возрасти на 30–50 %, а при годовом росте реальных доходов основной массы населения на 10 % удалось бы преодолеть процесс депопуляции страны. Для исправления положения нужен отказ от плоской и переход к прогрессивной шкале налогообложения, а также различные меры поддержки малоимущих. В США такие меры позволяют снизить неравенство между крайними 10-процентными группами населения до 15 раз, а без них оно составляло бы 68 раз. Откажись американское государство от прогрессив-

¹ Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2006 г. : Справедливость и развитие. С. 2.

² Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. С. 113.

ного налогообложения доходов граждан, и страна пережила бы коллапс.

Российское государство в течение двух десятилетий не в состоянии пресечь бегство капиталов и умов из страны. Более того, оно пошло на неоправданную и преждевременную либерализацию в этой области. За годы перестройки и рыночных реформ отток капиталов составил, по различным оценкам, 1–2 трлн долларов. Можно оспаривать точность оценок, но в любом случае поражает количество нулей. Колоссальные потери мы понесли и от утечки умов — квалифицированных работников, инженеров, ученых не только за рубеж, но и во внутреннюю эмиграцию: торговлю и мелкий бизнес. Это связано прежде всего с невостребованностью труда ученых, неоправданно низкой их заработной платой, ликвидацией рабочих мест для высококвалифицированных работников в связи с ликвидацией и недогрузкой многих предприятий. Приходится лишь удивляться, как мы выжили после такого кровопускания.

Беспомощность российских государственных экономических и финансовых властей наблюдается и в борьбе с инфляцией. Последняя связана не столько с излишком денег в обращении, сколько с ростом издержек при производстве и сбыте товаров, а также заниженным курсом рубля, что ведет к удорожанию импорта, особенно потребительских товаров. Цены вздуваются под влиянием искусственных «накруток» алчного бизнеса, чиновничьей коррупции, вымогательства организованной преступности, растущих налогов и тарифов. Поэтому чисто монетаристские средства борьбы с инфляцией недостаточны. Много зависит от доверия к экономической и правовой системе, степени ее коррупционности и криминальности, инфляционных ожиданий населения и бизнеса. Об этом, к сожалению, забывают.

В условиях глобального кризиса инфляция в развитых странах обычно сменяется снижением цен и появлением угрозы дефляции. В 2009 году по сравнению с 2008-м индекс розничных цен в группе ведущих стран Запада имел отрицательную величину –0,1 %, в том числе в США –0,3 %, Японии –1,4 %, Швейцарии –0,5 %. В России же наблюдалась «стагфляция», когда падение ВВП не менее чем на 8 % сочеталось с ростом потребительских цен на 12 %, а корзина благ, потребляемых частью населения с низкими и средними доходами, подорожала на 20–25 %. Издержки кризиса государство и бизнес переложили на массового потребителя; это сузило внутренний рынок. В подобных ситуациях западные государства нередко прибегали к тем или иным способам государственного контроля за ценами на ключевые товары и прибылями компаний. Робкие шаги в этом направлении начинают предприниматься и в России.

Справиться с перечисленными проблемами без коррекции экономической политики и улучшения качества государственного управления не удастся. Текущие меры по преодолению остроты кризисных процессов едва ли приведут к прочному успеху, если не определить стратегические приоритеты не только и не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах, что и делают сегодня многие западные лидеры. Во главу угла государственной политики ставится развитие образования, здравоохранения, науки, культуры, обучение и воспитание подрастающего поколения. Именно через это пролегает путь к обновлению общества, оздоровлению морального климата в нем и процветанию экономики. Хотелось бы, чтобы контакты и взаимодействие цивилизаций этому способствовали.

Олесь Бузина¹

БОРЬБА ИЛИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУР В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении последних двадцати лет только ленивый в Украине не говорил о необходимости развития и поддержки национальной культуры. Но при этом никто точно не может сказать, что сегодня можно считать «истинно украинской» культурой. Представители немногочисленной, но шумной прослойки так называемой «настоящей украинской интеллигенции» считают, что власти Украины должны 25 часов в сутки заниматься культурным строительством именно по ее рецептам.

¹ Писатель, журналист, историк (Украина). Работал в газетах «Киевские ведомости», «2000»; автор публикаций в журналах «Лидер», «Натали», «Эго», «XXL». Ведет авторскую колонку и блог в газете «Сегодня». Является ведущим программы «Следами пращуров с Олесем Бузиной» на телеканале «К-1» (Киев). Автор книг: «Вурдалак Тарас Шевченко», «Верните женщинам гаремы», «Тайная история Украины–Руси», «Революция на болоте».

Эти воинствующие «просветители» считают, что самый важный элемент украинской культуры — это ее язык. Естественно, они выступают сторонниками радикального монолингвизма. По их мнению, чем больше людей будут говорить, читать, петь, смотреть и слушать *только* по-украински (даже если это будет всего лишь одна книга, одна песня и один фильм), тем быстрее наступит расцвет украинской культуры.

Но достижению такого «рая земного» этой группой украинских культуростроителей мешает серьезная проблема — русский язык, который не менее половины граждан Украины считают родным, а понимают практически все, то есть даже те, кто его ненавидит. Поэтому адепты монолингвизма требуют полностью избавиться в Украине от русского языка

и русской культуры или ограничить ее функционирование только в среде тех, кто при переписи населения официально назвался русским. Все те, кто записал себя в «украинцы», обязаны не только говорить по-украински, но и думать на этом языке и даже видеть сны только «державною мовою».

Самым ярким представителем, придерживающимся такой позиции, был экс-президент Виктор Ющенко, который и стал «экс» исключительно из-за своей заикливости на вопросах языка, культуры и истории. Избиратель не оценил его труды во благо националистической культуры и отправил из президентского кресла заниматься любимым делом — пчеловодством на пасеке.

Все борцы за украинскую культуру и язык любят ссылаться на опыт «настоящих» и «правильных» европейских государств. К числу таковых относятся все западные соседи Украины — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния. В этих странах только один государственный язык и одна национальная культура. Но есть в Европе и «неправильные» государства. Их профессиональный борец за украинскую культуру вообще боится вспоминать. К числу таких «неправильных», с точки зрения патриота Украины, государств относятся Бельгия, Финляндия и Швейцария. Почему? У этих стран нет не только единого государственного языка, но и одной национальной культуры. И ничего, живут. А в Ирландии на родном кельтском языке почти никто не говорит. До сих пор жители страны святого Патрика пользуются языком бывших оккупантов и угнетателей — английским — и не собираются от него избавляться. Вот какие несознательные люди! Но ведь использование английского языка в Ирландии совершенно не означает, что никакой отдельной от английской ирландской культуры не существует!

В государствах Латинской Америки никто не собирается заменять испанский местным языком. Даже нынешние президенты Венесуэлы Уго Чавес и Боливию Эво Моралес, оба частично индейского происхождения, не говорят о преодолении «испанизации» и создании венесуэльского или боливийского языков на основе местных индейских племенных диалектов. А в Канаде так и не создали свой, «канадский» язык — англо-французский суржик с добавлением ирокезского, на котором разговаривают герои Фенимора Купера. Наоборот, в стране признали исторические реалии двуязычия. Пример же Финляндии, где ради жителей региона Аландских островов сделали вторым государственным языком шведский (лишь бы страна была комфортной для проживания граждан), объявлен среди украиноязычных патриотов небывалой ересью. По их убеждениям, государство Украина существует для того, чтобы «украинизировать» всех его граждан. Поэтому настоящие патриоты Украины любят пересказывать/цитировать слова итальянского писателя, политика Фердинандо Мартини, сказанные им в 1896 году: «Италия создана, теперь предстоит создать итальянцев». Однако празднование 150-летия объединения Италии в марте этого (2011) года не вызвало бурных

восторгов, а скорее наоборот — размышления вслух, почему за столько времени так и не была создана единая унитарная Италия.

Какой же национально-культурной унификации можно требовать от Украины, которая в относительно независимом состоянии существует 20-й год? У страны, которая находится на перекрестке трех великих культур/цивилизаций — европейской (западнохристианской), восточноевропейской (православной) и мусульманской (исламской), сложно требовать унификации культуры по единому образцу. Удивительно, что такая страна вообще существует и включает как минимум две культуры — русскоязычную и украиноязычную. Эти культуры находятся в причудливом взаимодействии, историю которого я в общих чертах попытаюсь описать в исторической динамике.

Украинская (двуязычная) культура, как и русская/российская культура, берет начало в Киевской Руси. Общая для восточнославянских народов русская культура явилась результатом христианизации Древней Руси и русичей по восточному/православному обряду из Константинополя. Книжное/летописное дело, просвещение и воцерковление происходили одновременно и были довольно поверхностны. Немногочисленные образованные люди среди этого конгломерата восточнославянских и финноугорских племен оставили нам летописи, о которых мы можем судить об истории Руси того периода. Но записать Киевскую Русь в исключительно древнеукраинское государство, как требует того историческая школа Михаила Грушевского, невозможно. Это все равно что объявить Римскую империю древнеитальянским государством на основании, что его история происходила на территории современной Италии. В данном случае такие идеи выглядят абсурдно, но в Украине этим сказкам учат детей в школе.

Но вернемся в Древнюю Русь. Если говорить о географии, то в Русь даже в самые лучшие для нее времена не входил не только Крым, но и две трети нынешней южной и восточной Украины, которые принадлежали тогда кочевникам-половцам. Именно кочевники, но уже монголо-татары из евразийской Великой Степи, и поставили точку в киевском периоде Древней Руси в 1240 году.

После упадка Киева именно Владимир, а потом и Москва сохранили в наибольшей степени древнерусские культурные традиции. Сюда начался отток населения, причем культурного, из Киева, Чернигова и Галича. Кроме митрополита Всея Руси, туда были перевезены библиотеки, перебирались иконописцы. Именно поэтому былины «киевского цикла» о богатырях и князе Владимире Красно Солнышко сохранились на Севере Руси (современной России), но совершенно отсутствуют на территории нынешней Украины. Большинство литературных памятников Киевской Руси выжило только благодаря переписчикам из Московской Руси, которую так презирают украинские националисты. А ведь не уцелело бы «Слово о полку Игореве», не сохранил-

ся бы чудом всего один его список в монастыре под Ярославлем! Кто бы мог сказать после этого хотя бы одно доброе слово о шедевре «давньоукраїнської літератури»?

Даже после распада Киевской Руси и захвата ее западной части поляками и литовцами всех жителей ее территории продолжали называть русскими, а саму землю — так, как она именовалась до распада. «Руссией владеют ныне три государя, — писал немецкий дипломат XVI столетия Сигизмунд Герберштейн, — большая ее часть принадлежит великому князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой». У него же можно прочитать: «Московия, которая является главой Руси». А современник Лжедмитрия I французский наемник Жан Маржерет, побывавший в Москве в начале XVII века, так объяснял происхождение слова «московиты»: «Русских стали называть московитами по имени их главного города, а это так же бессмысленно, как называть французов парижанами».

Польская колонизация Украины в первой половине XVII сопровождалась массовым переселением мелкой польской шляхты, которая, как саранча, «облепила» новосозданные населенные пункты. Эти типажи мелкого шляхтича с саблей, гербом и гонором талантливо описаны в романе Генрика Сенкевича «Огнем и мечом» и показаны в одноименном фильме режиссера Ежи Гофмана. Именно эта публика привела к появлению того, что сегодня мы называем украинским языком. Возник он просто: поскольку местным православным крестьянам нужно было общаться с такими «начальниками», то в их языке появлялось все больше полонизмов. Не стал бы ради них благородный шляхтич учить «хлопську мову» — не панское это дело.

В результате в современном украинском языке до 40 % общеупотребительной лексики — слова польского происхождения. Хотя считать их совсем чужими тоже нельзя — польский язык сохранил довольно много лексем, относящихся к периоду общеславянского единства, но для владеющих только русским языком они уже непонятны. Кроме того, в польский язык (а через него и в украинский) попало много латинизмов, связанных со всеобщим католическим образованием польской шляхты. Впрочем, процесс полонизации современного украинского языка продолжается и сегодня — его «реформаторы» заимствуют любые слова, лишь бы они были не русские по звучанию.

Война Богдана Хмельницкого и казаков с крестьянами против Речи Посполитой, начавшаяся в 1648 году, закончилась Переяславской радой 1654 года, на которой гетман попросился к «его царскому величеству государю Алексею Михайловичу». После наступил период «великой руины», в результате которой Левобережная Украина и город Киев окончательно стали автономной Малороссией, или Гетманщиной. А Правобережная Украина, опустошенная войнами, осталась частью Речи Посполи-

той, и ее территорию стали заселять по-новому. Именно это разделение, продолжавшееся более 100 лет, привело к тому, что в Украине сформировались две культуры — на русской и антирусской/польской основе, чье противостояние продолжается до сих пор и часто обостряется.

В Левобережной Украине-Гетманщине произошла практически полная интеграция образования, религии и языка, как говорят сейчас, в общеимперское культурное пространство. Выпускники Киевской академии основали в Москве Славяно-греко-латинскую академию в 1687 году. Вклад малороссийского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем в церковные реформы Петра I оценить просто невозможно. В результате этого взаимопроникновения последний гетман Малороссии Кирилл Разумовский с 1746 по 1798 год заведовал Императорской Академией наук. О каком угнетении малороссийского дворянства из казацкой старшины можно говорить? У любого образованного человека в Малороссии в те годы был выбор — или остаться у себя в родных краях и развивать культуру здесь, или же заниматься культурным строительством в общеимперском масштабе в Петербурге или там, куда монарх направит.

В качестве примера можно привести Ивана Котляревского, автора шуточной «Вергилиевой Энеиды», который сейчас считается основателем современного украинского литературного языка. Или его земляка — Николая Гоголя, который стал классиком русской литературы, но при этом блестяще знал украинский язык и собирал местный фольклор. Они — уроженцы Полтавщины, оба — дворяне, предки которых вышли из казаков, поддержавших Хмельницкого. Можно сказать, что именно они и им подобные сформировали ту часть украинской культуры, которая не является враждебной русской. Народная версия их языка — сегодняшней суржик, на котором исполняет свои произведения Верка Сердючка, по документам — Андрей Данилко, тоже, кстати, уроженец Полтавщины. Этот суржик сегодня вызывает лютую ненависть «сознательных» украинцев своей схожестью с русским языком.

Совершенно противоположная ситуация сложилась на Правобережье в XVIII веке. Там всю систему образования контролировала многочисленная польская шляхта. После раздела Польши ситуация особо не изменилась — польская шляхта не исчезла и продолжала заниматься любимым делом — антирусской пропагандой.

Мало людей до 1917 года слышало слово «украинец». Это был маленький модернистский проект, который организовала небольшая инициативная группа интеллектуалов. Она действовала и в так называемой Великой Украине (Киев, Полтава) и на территории Австро-Венгрии, во Львове, где существовало ее ответвление под руководством Михаила Грушевского. Но при этом все «апостолы» украинства жаловались на несознательность жителей Малороссии, которые не хотят становиться украинца-

ми, потому что слишком близки к русским. Эту близость следовало разорвать любой ценой.

Реально создать украинцев смогла только советская власть в рамках политики «украинизации» в 1920-е годы. Политику «коренизации» национальных окраин провозгласили на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года. Нужно было наполнить ново-созданный СССР реальным содержанием, чтобы у каждой республики была своя культура, «национальная по форме, социалистическая по содержанию». И началось... Всех, кто не хотел отказываться от своей малороссийской идентификации, обвиняли в злостной «белогвардейщине», а критика или высмеивание украинизации, нового правописания и литературы считалась «контрреволюционным великодержавным шовинизмом». На руководящие должности в Украинской ССР (даже в Донбассе или Одессе) назначали только людей, которые владели украинским языком или имели справку о прохождении государственных курсов «украинизации». На бланке дипломов этих курсов были надписи: «Украинизация совершит объединение города и села» и «Знание украинского языка — только первый шаг к тотальной украинизации». Это был своеобразный ответ тем, кто считал, что украинская культура — это в основном культура села, а в городе должна быть русская культура. «Подрыв смычки города и села в государстве победившего мирового пролетариата» тогда был слишком серьезным преступлением, поэтому никто громко не протестовал против этого. Но массовость появления украинцев смог обеспечить только процесс ликвидации безграмотности, осуществлявшийся в 1920-е годы на украинском языке. Этот «ликбез» сопровождался следующими жалобами: «Что это за наш родной язык, которого мы не знаем и на котором не говорим, но учить его нас заставляют». Логичный финал такой «политики» наступил в 1933 году, когда совпали пик украинизации в Украинской ССР и событий, именуемых «голодомором».

После 1933 года в УССР начался отказ от политики украинизации, в результате чего появилось мало отличающихся друг от друга по программам обучения русских и украинских средних школ. В результате все, кто учился в школах УССР, получили возможность узнать как украинскую, так и общесоюзную русскую культуру. В 1960-е годы окончательно оформился тот тип образовательно-культурной политики, который просуществовал до краха СССР. Он характеризовался свободой выбора языка обучения, но в школе учили украинский язык и литературу все учащиеся, кроме детей военных, которые не получали аттестации по этому предмету (если они этого не хотели). Однако местных деятелей культуры, писавших только по-украински, раздражал тот факт, что зритель и читатель получили свободу выбора.

В непопулярности украинской культуры в УССР, по мнению подобных «творцов», были виноваты русский язык и культура, которыми сознательных украинцев «замучили» в школе, вузе и СМИ. Избавление от русского языка автоматически приведет к неви-

данному расцвету украинской культуры — примерно такие мысли будоражили деятелей «Народного руха Украины» в конце 1980-х — 1990-х годах.

В 1991 году Украина провозгласила независимость. И в этой стране начали проводить культурную политику, девиз которой сформулировал еще в 1920-е годы публицист и писатель Николай Хвильевой (по паспорту — Фитилев): «Прочь от Москвы! Даешь Европу!» Мигом ставшие националистами бывшие члены Союза писателей УССР и сотрудники гуманитарных институтов начали административным путем ликвидировать «засилье русского языка», а также оказывать всяческую поддержку любому культурному движению на украинском языке, независимо от степени его популярности. К созданию супермодерновой, даже постмодерновой украинской культуры подключилась и украинская диаспора США и Канады под лозунгами «борьбы с последствиями русификации». Американские и европейские фонды стали выдавать деньги на различные культурные проекты, направленные на развитие «антироссийского» сегмента украинской культуры. «Грантоедская» украинская антироссийская культура расцвела во всей своей красе в основных СМИ Украины.

Но в Украине начала 1990-х годов, кроме «принудительной украинизации», законодательно была объявлена полная свобода экономической и культурной деятельности. Иными словами, люди получили возможность при помощи денег проголосовать за нужный, лично им интересный культурный продукт. Казалось, что освобожденный от оков «культурного империализма» житель Украины просто засыплет деньгами «настоящих творцов» украиноязычной культуры. Но в результате получилось с точностью до наоборот — перешедшие на самокупаемость русскоязычные культурные продукты (пресса, поп-музыка, ТВ) уверенно вытеснили с рынка их украинские аналоги.

Кроме того, почти любой сделанный в России культурный продукт автоматически находил свою аудиторию в Украине, чего нельзя было сказать об украинском культурном продукте в России. Если бы не господдержка издательского дела и квотирование рынка аудиовизуальной продукции в электронных СМИ, то уровень распространения украинской культуры в Украине был бы намного ниже, чем сегодня. «Проклятая близость языков и народов», на которую жаловались украинские деятели начала XX века, вновь проявилась во всей красе.

В эпоху глобализации и трансграничных информационных потоков оказалось невозможным заблокировать административным путем доступ к информации или культурным продуктам. Запретами «всего русского» пыталась судорожно заняться украинская власть при Ющенко, но результатом такой политики стала полная дискредитация украиноязычной (русифобской) националистической культуры и ее деятелей. Крах государственной политики запретов на информацию демонстрирует и развитие украинского сегмента Интернета. Данные за 2005—2010 годы

показывают, что около 80 % сайтов Уанета русскоязычные, около 12–14 % — двуязычные, а на украинском языке — около 5 % сайтов. Эта пропорция не менялась в течение последних пяти лет, хотя за этот период число пользователей Интернета в Украине возросло с 2 до 8 млн.

В качестве примера рассмотрим близкое мне как писателю издательское дело. Не будем говорить о печатных СМИ Украины — в основном они русскоязычные. А с книгоизданием сложилась интересная ситуация. Статистика, которую ежегодно приводит в своем отчете Украинская книжная палата, наглядно свидетельствует, что в 2000-е годы произошла стабилизация рынка печатной продукции в Украине. В 2005–2008 годах количество выпущенной литературы составляло примерно 55 млн экземпляров. Так, в докризисном 2008 году общий тираж книг и брошюр, выпущенных издательствами Украины, составил 58,12 млн экземпляров. Из них на русском языке — 22,5 млн, на украинском — 32,6 млн экземпляров. Население Украины составляло тогда 46,5 млн человек, то есть на одного человека приходилось в среднем по 1,2 книги. На фоне России и Польши,

где на одного жителя приходится 4 изданные книги, а европейский показатель составляет 8 экземпляров на человека, 1,2 книги — очень скромные результаты.

Каковы же основные причины ситуации, сложившейся на полиграфическом рынке Украины? Выяснилось, что реальный объем книг, продаваемых в Украине, постоянно растет, а количество изданий, выпускаемых украинскими издательствами, сокращается. Несмотря на налоговые льготы издателям, которые были введены в 1997 году и регулярно продлеваются Верховной Радой, большая часть печатной продукции по-прежнему завозится из Российской Федерации — примерно 60–70 %. Наличие этих льгот пока позволяет выдерживать прессинг конкуренции. Однако потребительский спрос диктует ассортимент рынка, а на этом рынке самокупаемые украиноязычные издания не востребованы. Основной сегмент их спроса — это учебники, нормативные акты, официальная информация органов власти и прочие формы госзаказа.

Оперативные данные выпуска книжной продукции в Украине в 2011 году¹

Вид издания	2010		2010 (по состоянию на 14.03)		2011 (по состоянию на 14.03)			
	Количество изданий, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Количество изданий, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Количество изданий, печатных единиц	В %-ном отношении на количество изданий (на 14.03.10)	Тираж, тыс. экз.	В %-ном отношении к общему тиражу (на 14.03.10)
Книги и брошюры, в том числе:	22 557	45 058,3	2477	5274,7	2214	89,4	4002,9	75,9
На украинском языке	14 852	24 704,4	1641	2420,0	1446	88,1	2035,8	84,1
На русском языке	5554	17 972,8	668	2611,0	479	71,7	1692,2	64,8
Авторефераты диссертаций	7328	750,6	1240	130,2	880	71,0	90,2	69,3

О текущем состоянии украиноязычного издательского дела красноречиво свидетельствует публикация в блоге переводчицы Ирины Славинской на интернет-портале «Украинская правда» «Убивство К...» (книжки) от 16 марта 2011 года. В нем она делится с читателями информацией о реальном спросе на то, что переводят на украинский язык по заказу международных благотворительных организаций. Так, на круглом столе украиноязычных переводчиков 15 марта 2011 года представитель фонда «Возрождение» (фонда Сороса) Тарас Лютий заявил, что за 10 лет поддержки этим фондом издательства по переводу интеллектуальной литературы на украинский язык результатов нет. Это означает, что спрос в Украине на подобную переводную европейскую литературу не вырос, даже если ее издание дотируется. Другая участница круглого стола (Диана Клочко) подтвердила эти слова, заявив, что «подобные книжки тиражом 3 тыс. экземпляров продаются

по Украине в течение 5 лет». И это логично: нужную книгу переведут на русский намного быстрее и издадут в Москве, чем ее напечатают в Киеве.

На этом фоне претенденты на роль «властителей дум» Украины, галицкие литературные постмодернисты, предлагают совершенно абсурдные проекты спасения украиноязычной культуры. В СМИ Украины серьезно обсуждаются их предложения отделить от Украины... Крым и Донбасс. По их мнению, сбросив балласт «несознательных русскоязычных регионов», на оставшейся территории государства можно построить правильную украиноязычную Украину.

Такие «культурно-сепаратистские» идеи стали особенно популярны в 2010 году, когда Украину возглавил Виктор Янукович, а из органов власти началось вытеснение кадров, попавших туда при Ющенко и отобранных по принципу «сознательности» и «украиномыслия». Слышать такие призывы от людей, которые 5 лет назад во всех СМИ кричали о единстве и соборности Украины и незыблемости ее культуры, языка и литературы, дорогого стоит! А что

¹ По данным сайта Книжной палаты Украины им. Ивана Федорова.

им остается делать, если в открытом соревновании они уже проиграли конкуренцию идей и текстов и начинают проигрывать битву за умы на Украине?! Поэтому спасаются бегством в «литературное гетто», а потом — в «подполье», где узкий круг «настоящих тусовочных творцов» будет ценить их произведения. Впрочем, в такое «культурное гетто» превратился и комитет, вручающий ежегодную Национальную премию Украины им. Тараса Шевченко, лауреаты которой «страшно далеки от народа».

Сейчас власти Украины пытаются ослабить «законодательный пресс» запретов на русский язык, но сталкиваются с истерической критикой «грантоедов», которые активно изображают «народное возмущение» в СМИ и Интернете. Министр образования Украины Дмитрий Табачник готовит целый пакет законопроектов и распоряжений министерства для расширения использования русского языка в образовании. Среди первоочередных мер — проведение всеобщего тестирования на русском языке для всех желающих выпускников школ весной 2011 года. Кроме этого, планируется разрешить родителям выбирать язык школьного обучения, предоставив необходимое для открытия в школах русскоязычных классов количество заявлений. Распоряжениями Минобразования вузам будет разрешено открывать русскоязычные курсы и специальности, если этого захотят студенты.

Но основная инициатива по развитию русского языка должна принадлежать регионам. Так, в Одессе городской голова и Горсовет планируют провести опрос родителей о языке обучения и по его результатам сформировать в городе уже осенью 2011 года сеть классов и школ. Хороший пример подает Запо-

рожский областной совет, который осенью 2010 года в рамках своих полномочий де-факто объявил официальным русский язык. К весне 2011 года были выиграны все суды и принята программа развития русского языка в образовательных учреждениях всей области. Кроме этого, люди смогут писать обращения в органы власти и получать ответы на русском языке, если они этого захотят. Это пример действительного, а не декоративного расширения прав граждан. Но для этого гражданам Украины нужно объединяться в реальное, а не «грантоедское» гражданское общество, быть активными в отстаивании своих прав и лоббировании своих культурно-языковых интересов.

В современной Украине имеются противоречия между украиноязычными и русскоязычными гражданами. В условиях глобализации стало возможно как обострять этот конфликт за счет антирыночных методов точечной подпитки украиноязычного сегмента культуры, так и смягчать его с помощью чисто рыночных механизмов, к которым успешно приспособился русскоязычный сегмент культуры Украины. Кто выигрывает — покажет будущее, но в последнее время даже заказчики «грантоедской» продукции на украинском языке испытывают разочарование в результатах проводимой ими политики. Производство культуры — такой же продукт, как и любой другой. Его невозможно навязать без ущерба для потребителя. Возвышенности на культурном ландшафте нужно не рыть экскаватором, словно скифские курганы, а использовать в интересах гуманитарных потребностей современного человека. Иначе вместо живописного пейзажа мы получим голую плоскую культурную пустыню.

А. Е. Бусыгин¹

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Есть все основания с уверенностью говорить о том, что наконец приходит осознание важности сохранения и развития традиций гуманизма и патриотизма, необходимости объединения российского общества на основе культурных и нравственных ценностей для обеспечения национальной безопасности. Если в обществе нет системы ценностей — культуры в широком смысле слова — нет перспектив создания эффективной экономики, перекрыт путь к модернизации всех сфер жизни.

Если в обществе отсутствует культура как система нравственных ценностей, даже самые жесткие репрессивные меры не позволят победить кор-

рупцию. Об этом уместно вспомнить, так как все больше внимания уделяется борьбе с этим злом, однако признаков его искоренения пока не просматривается.

Во многих публикациях последнего времени дается подробная характеристика той тревожной ситуации, которая сложилась в российском обществе в сфере духовности и культуры. Последствия этого также подробно описаны. Отторжение идеологии советского времени обусловило отторжение и культуры того периода. Традиционная народная культура оказалась практически вытеснена подражанием западной поп-культуре. Сократилась сеть учреждений культуры. Была ликвидирована примерно треть культурно-досуговых учреждений клубного типа, которые во многом определяли культурное пространство малого города и села. Те, что остались, вынуждены вводить платные услуги, которые в силу низких доходов жителей провинции мало востребованы. Исчезла так называемая «профсоюзная культура» — огромная инфраструктура, обеспечивавшая в совет-

¹ Заместитель министра культуры Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса. Автор монографий и статей по проблемам экономической теории (1986–1993), экономическим проблемам федерализма (1994–2002), серии статей по вопросам государственной службы, опубликованных в 2003–2006 гг. в «Социологическом вестнике РАГС», брошюры «О роли культуры в развитии современного российского общества» (2008) и др. Награжден орденом Почета.

ское время вовлеченность в культурно-досуговую деятельность миллионов детей и взрослых. Конечно, как метко заметила в своем прекрасном последнем романе «Зеленый шатер» Людмила Улицкая, в советский период «литературный и художественный общепит наводил тоску». Да, этот «общепит» был пресным, плоским, зачастую оглуляющим или смешным для думающих людей, но им, по крайней мере, нельзя было отравиться.

И что особенно тревожно — на смену стратегическим интересам государства пришла сиюминутная выгода частных субъектов. В области культуры это произошло прежде всего в таких сферах, как кинопрокат, теле- и радиовещание, книгоиздание.

Усилий, предпринимаемых государственными органами, политическими партиями и общественными организациями, направленных на изменение ситуации в сфере культуры, явно недостаточно. Позитивную роль играет деятельность традиционных для России религиозных конфессий, но и они не способны справиться с проблемами. Нужна скоординированная работа всех заинтересованных ведомств совместно с институтами гражданского общества, включая религиозные организации. Нужен комплекс мер, необходима стратегия формирования новой системы идеалов и духовных ценностей при опоре на национальные традиции.

Что же представляется самым важным? Не вдаваясь в теорию, хотелось бы остановиться на практических шагах, которые целесообразно предпринять в первую очередь.

Крайне необходимо запланировать мероприятия, которые позволили бы гражданам России более полно, чем сегодня, осознать свою принадлежность к гражданам Российского государства, к общероссийской общности. Беда в том, что сегодня у жителей республик Кавказа, например, нет даже общекавказской идентичности, не говоря уже об общероссийской. Ослаблено это ощущение и у жителей Дальнего Востока, Калининградской области. О чем можно говорить, если жителю Владивостока прилететь в Москву через Сеул дешевле, нежели прямым рейсом «Аэрофлота»? Нужен целостный комплекс целенаправленных мероприятий, охватывающих СМИ (прежде всего телевидение), гастрольную деятельность, производство кинофильмов для того, чтобы все россияне почувствовали и осознали свою общероссийскую идентичность. Предстоят крупные капиталовложения в инфраструктуру отрасли культуры. Соответствующие поручения президента страны и председателя правительства уже имеются. Они касаются театров, музеев, библиотек, архивов, реставрации памятников истории и культуры. Их нужно уточнить и скорректировать. Хочется подчеркнуть: недофинансирование проектов в области культуры отбрасывает Россию в прошлое, ведет в никуда.

Чрезвычайно важно обратить особое внимание на кинопроизводство и кинопрокат. Данные социологических опросов показывают, что единственным реальным массовым видом приобщения к культуре горожан является посещение кинотеатров. Сеть ки-

нотеатров в сельской местности пока мало развита, и это важно учесть при разработке плана первоочередных мероприятий.

Сегодня возможности кино активно влияют на укрепление отечественных нравственных ценностей и духовного единства российского народа практически не используются. Если предположить, что все отечественные картины хороши и способствуют воспитанию нравственности (хотя это и не так), их доля в кинопрокате очень мала — примерно одна четверть. Три четверти кинопроката — это иностранные фильмы, прежде всего боевики, криминальные драмы, комедии и другие фильмы развлекательного жанра.

Засилье зарубежной кинопродукции наблюдается и в сфере так называемого авторского кино. Это, как правило, серьезные кинопроизведения, рассчитанные на подготовленного, заинтересованного зрителя и демонстрирующиеся не более, чем в 30 кинозалах. Здесь такая ситуация: в 2009 кинопрокатном году всего было выпущено 323 отечественных фильма, из которых 104 можно отнести к авторскому кино. При этом в прокат вышла 21 российская авторская кинокартина и 83 зарубежных. То есть отечественных кинокартин — одна пятая часть!

Но самая тяжелая ситуация сложилась с детскими фильмами. Доля российских детских фильмов по валовым сборам и количеству релизов составила в 2010 году всего 8 %. Остальные 92 % — это зарубежные ленты. В кинопрокате шли 3 отечественных и 33 иностранных детских фильма.

Нужны протекционистские меры защиты российского кинематографа. Нередко высказываются предложения квотирования кинопоказа зарубежной продукции. Но есть масса примеров неэффективности квотирования на опыте зарубежных стран.

Необходимы меры поддержки показа национального кино в кинотеатрах.

Министерство культуры России проработало предложения по субсидированию кинотеатров, показывающих национальные фильмы, в том числе это субсидии в расчете на одну цифровую копию фильма, демонстрируемую кинотеатром, и компенсация процентных ставок по банковским кредитам на строительство кинотеатров.

Введение специального налога на прокат зарубежных фильмов невозможно в соответствии с действующим налоговым законодательством, которое не предусматривает механизма целевых налогов. Но возможно целевое финансирование национальной киноиндустрии за счет отчислений. Таковыми могли бы быть отчисления от телеканалов в размере 2–2,5 % от валовых рекламных сборов. Причем часть этих отчислений телеканалы могли бы направлять на собственное кинопроизводство, а другую предоставить в распоряжение уполномоченного органа. Возможны и отчисления от прокатчиков — в размере 3 % их валовых сборов.

Кинозалов в стране катастрофически не хватает, особенно в сельской местности, но вопрос создания отечественных фильмов и их проката стоит даже острее вопроса развития сети кинотеатров.

Телевидение сегодня, возможно, даже более важно, чем кино, так как телевидение абсолютно доминирует в структуре досуга жителей страны как по затрачиваемому на просмотр телепередач времени, так и по числу людей, занимающих места перед экранами телевизоров. По некоторым данным, величина среднесуточной аудитории телевидения колеблется в интервале 75–80 % населения.

В отличие от советского времени, телевидение в нашей стране практически перестало выполнять функции пропаганды достижений культуры. Об этом много говорится в последнее время. Лишь один пример: 55 % россиян впервые узнают о музеях Московского Кремля в школе, 34 % — от родных и друзей и только 6 % — из СМИ, ведущим из которых является телевидение.

Современное телевидение обладает огромной властью. Можно открывать новые театры, строить новые музеи, создавать симфонические оркестры и ансамбли народной музыки, но если наше телевидение будет оставаться прежним, в деле сохранения и развития культурных и нравственных ценностей мало что изменится.

Несколько слов о книгоиздании и печатных СМИ. Россия пока остается «читающей страной». Но выпуск книг, брошюр, журналов и газет с 1992 года изменился кардинально, и не в пользу шедевров мировой и отечественной литературы и высококачественных печатных СМИ. Номенклатура издаваемых книг непрерывно расширяется. Но вместе с тем следует отметить сокращение тиражей. При этом львиную долю тиражей составляет продукция, отнести которую к ценностям культуры не представляется возможным.

Номенклатура и тиражи газет и журналов за последние 18 лет значительно выросли. Но их культурная значимость катастрофически упала. В итоге художественную (в том числе и псевдохудожественную) литературу читает 30 % россиян, научно-популярные тексты — 10 %.

Поэтому планы первоочередных мероприятий должен включать мероприятия, направленные на усиление роли книгоиздания и печатных СМИ в деле сохранения и развития культурных и нравственных ценностей. Нужна государственная поддержка изданий, знакомящих читателей с лучшими произведениями многонациональной и многоязычной отечественной литературы.

Гете обратил внимание на то, что итальянцы — это нация, созданная музыкой. По аналогии можно утверждать, что мы — нация, созданная литературой.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на тот факт, что за последние 30 лет количество часов, отводимых на изучение литературы в старших классах средней школы, уменьшилось практически вдвое. Это положение надо в корне менять.

Особое внимание в планах мероприятий по укреплению культурно-нравственных ценностей предстоит уделить русскому языку и другим языкам народов России.

Говоря о национальной безопасности России, следует исходить из жесткого принципа, согласно кото-

рому каждый язык на территории Российской Федерации является национальным достоянием России.

В нашей стране возникла серьезная проблема — увеличивается число детей, в силу обстоятельств не получивших настоящего знания своего родного языка и кое-как выучивших государственный язык. В условиях растущих миграционных потоков эта опасность постоянно усиливается.

Есть немногочисленные положительные примеры противодействия этому явлению. Для детей коренных народов Севера преподаются уроки родного языка, на котором часто уже никто не говорит ни в семье, ни за ее пределами. Но преподавание родного языка расширяет кругозор ребенка, способствует формированию национального самосознания и не препятствует одновременному формированию гражданского самосознания.

В предстоящий период необходимо усилить подготовку учителей русского языка. Профессиональный уровень учителей падает. Проблема заключается также в том, что в последнее время в школе русский язык низводится до уровня языка, не имеющего истории. Поэтому столь важно давать детям и молодежи знания по истории отечественной культуры, от которой неотделима история русского языка и других языков народов России.

Поддержка русского и других языков, повышение качества подготовки учителей потребует усилий, в том числе и финансовых вложений, но все это окупится сторицей. В других странах это отлично понимают. Один пример: над переизданием Оксфордского словаря в Англии работают 1500 специалистов, а над Большим академическим словарем русского языка в Институте лингвистических исследований РАН — 12. И издается этот словарь тиражом всего 2500 экземпляров. Это не вина РАН, а ее беда — таков уровень финансирования.

Современное российское общество переходит на новую стадию развития — стадию информационного общества. Переход в эту новую стадию предполагает возвышение роли культуры и рост интеллектуального уровня населения страны.

В связи с этим следует отметить возрастание ответственности государства в деле обеспечения доступа граждан к культуре с целью духовно-нравственного возвышения человека. Государство не может не управлять циркулирующими в обществе информационными потоками, способами подключения к ним человека.

Управление производством и распределением материальных благ современное государство не может полностью переложить на субъектов рыночной деятельности. Тем более очевидно, что в управлении производством и распространением информации (а это не что иное, как управление производством и распределением культурных благ) государство должно играть ключевую роль.

Поэтому государственная политика в области сохранения и развития культурных и нравственных ценностей, укрепления духовного единства русского народа становится важным фактором национальной безопасности.

О. М. Виноградов¹

БАЛЕТ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Академик А. А. Гусейнов в своих тезисах на прошлых X Международных Лихачевских научных чтениях справедливо отметил, что процесс глобализации, трансформации человечества в единое целое в экономическом и технологическом отношении не лишен противоречий. Одно из них — разделение духовности и культуры.

Для того чтобы глобализация не блокировала процесс изоляции как естественного стремления народов к сохранению самоидентичности, предлагается ввести в комплекс категорий диалога культур понятие «сверхкультура». Оно не снижало бы различия самобытности культур малых народов, а достигало бы результата с точки зрения *взаимобогащения*, обусловленного взаимодействием.

Сфера такого явления, как мировой балет, фактически уже существует в пространстве сверхкультуры несколько столетий. Об этом свидетельствует вся история нашего отечественного балета.

Французские танцовщики и хореографы Дидло, Сен-Леон, Перро переносили на плодородную почву петербургской сцены лучшие достижения западной культуры, развивая наши национальные традиции. Позднее их идеи развил и умножил другой великий русский француз Мариус Петипа, более 60 лет проработавший в Мариинском театре. Его блестящие творения, ставшие украшением сцен Петербурга, Москвы и других городов, до сих пор восхищают зрителей всего мира. Без «Лебединого озера», «Спящей красавицы», «Щелкунчика», «Баядерки» и других балетов этого гения невозможно представить судьбу мирового балета, как невозможно переоценить значения русской академической школы балета, синтезировавшей лучшие традиции и достижения мировой культуры. По российским учебникам А. Вагановой, А. Ширяева, В. Костровицкой, Н. Базаровой и других наших педагогов до сих пор учатся во всех странах мира.

Вклад в «сверхкультуру» нашего балета огромен. Балет возник в аристократических салонах Италии и Франции, где сформировался на основе фольклорных элементов и особенностей наций. Трансформируя и развивая взаимоотношения в бальном танце, приспособив их к реальной жизни общества, к его этикету, манерам, простые движения и пластика превратились

в интеллектуальный комплекс культуры. Объединяясь в различные композиции, пополняясь сюжетами и содержанием, придворные забавы превращались в спектакли с драматургией и философией.

Образование и интеллект создавали сложный, богатый комплекс балетного театра с широчайшими возможностями влияния на зрителя. Стало ясно, что через театр можно проводить любые идеи и, главное, образовывать и воспитывать нацию.

Любой вид искусства, имеющий ту или иную степень воздействия, становится инструментом идеологии и политики, и оба этих понятия формируют критерий искусства. Как ни странно, и императорский русский балет, и советский балет поддерживались государством в связи с особенностями специфики самого жанра и героев его сюжетов.

В образах поэтических условных обобщений, понятных без применения слова, без конкретных определений эмоционального воздействия, балет выражал основные философские категории добра и зла, а позднее и большой литературы.

Отсутствие языковых барьеров возвышения красоты, единение с музыкой и изобразительным искусством, с возможностями и эффектами театра сделали этот жанр востребованным и любимым. Секрет явления — в желании зрителя отвлечься от тягот реальной жизни и хоть на момент подняться над ее прозой и агрессией к одухотворенной красоте человеческого тела.

Система классического танца — единственная совершенная в мире. Она сохраняется, развиваясь уже 300 лет, и до последнего времени особенно сохранилась в России.

Сергей Дягилев, открывший миру русский балет, доказав его превосходство, заложил основу постоянного влияния русской культуры на все западное искусство.

После почти 15 лет восхищения русским балетом, музыкой, художниками в Европе прочно и надолго возникла мода на русский балет. Продолжение традиций Дягилева сформировало поколения хореографов и артистов советского периода 1930–1940-х годов, способствовавших еще большему развитию дягилевских побед. Созданные в эти годы прекрасные балеты еще раз восхитили европейскую публику спектаклями Большого и Кировского театров в середине 1950-х годов.

Влияние нашей эстетики мы увидели и в спектаклях западных трупп, приезжавших к нам на гастроли. Королевский балет Лондона развивался в основном в традициях русской школы.

Парижская опера, долгое время возглавляемая русским хореографом С. Лифарем, имела несколько русских педагогов и постоянно приглашала русских балетмейстеров (Ю. Григоровича, В. Бурмейстера и др.). Долгое время труппой руководил Р. Нуриев, как никто прославивший Петербургскую школу и ее

¹ Балетмейстер, художественный руководитель Российской академии национального танца, профессор СПбГУП, народный артист СССР. С 1977 по 1996 г. — главный балетмейстер Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова (Мариинского театра). Поставил балеты: «Асель», «Витязь в тигровой шкуре», «Гусарская баллада», «Зачарованный принц», «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Ревизор» и др. С 1989 г. по н. в. — руководитель Кировской балетной академии (Вашингтон). С 1992 г. по н. в. — руководитель Универсальной школы (Сеул). Автор книг: «Исповедь балетмейстера», «Моя система балетного образования. Лауреат Государственной премии РСФСР, премий им. Мариуса Петипа, Лоренса Оливье, Пикассо и др. Удостоен высшего звания в области литературы и искусства Франции — «Шевалье». Награжден орденами Лепина, Дружбы народов.

традиции. Позднее его триумф развили Н. Макарова, М. Барышников, В. Панов, занявшие самые высокие позиции в мировом балете. Их уровня до сегодняшнего дня на Западе не достиг никто.

Примером диалога и взаимодействия культур является моя жизнь. Получив самое хорошее хореографическое образование в школе А. Вагановой и окончив театральный институт в Москве, я за 50 лет творческой жизни прошел большой путь от артиста балета до художественного руководителя лучшей труппы мира, которую я возглавлял более 20 лет.

Именно с труппой Мариинского театра мы доказали превосходство нашей системы образования в балете. От Японии, Кореи и Китая до Америки и Австралии мы показывали достижения в нашей культуре, вызывая искреннее преклонение. Чистота стиля, строгая дисциплина, поэтическая одухотворенность и физическая красота артистов в академических формах выражения долгое время бережно сохранялись в наших театрах.

Будучи руководителем одной из лучших трупп мира, я понимал, что, сохраняя, мы должны и обогащать свои возможности, поэтому первым стал приглашать ведущих западных хореографов, близких к нам по направлениям и эстетике.

Балеты А. Бурнонвиля, М. Бежара, Д. Роббинса, И. Лякотта, Э. Тюдора и других расширили диапазон наших выразительных средств и обогатили зрителя. Наша школа каждый раз доказывала свое превосходство, мы свободно танцевали балеты любых хореографов.

Я сам, работая в различных театрах мира, ставя спектакли и читая лекции в Сорбонне, в Йельском университете США, в университетах Японии, Кореи, Германии, с гордостью передавал свой опыт молодым артистам и хореографам, что продолжаю делать и сейчас в Консерватории и СПбГУП.

Самые значительные результаты диалога культур я увидел во время зарубежных гастролей трупп, которыми я руководил. Пять лет я руководил Малым оперным театром Ленинграда и 23 года — балетом Мариинского театра, позднее — 20 лет Сеульской труппой в Южной Корее.

На всех континентах, в десятках стран и городов зрители восхищались нашим искусством. Мы становились участниками политических акций и культурных событий.

Короли, принцы и президенты были гостями наших спектаклей. В Америке президент Рональд Рейган комментировал показ нашего «Лебединого озера» по национальному ТВ. Президент Дж. Буш-старший прислал мне лично письмо с приглашением создать академию балета в Америке, что я и сделал, живя и работая в Америке вот уже 21 год. Кировская балетная академия в Вашингтоне стала оазисом русской культуры, где учатся студенты со всего мира. Именно плоды вот таких взаимовлияний важны и нужны. Они обогащают всех участников диалога. Важно понимать, что на что влияет и какое влияние необходимо.

Недавно, 1 февраля 2011 года, я испытал шок от показанных на прославленной сцене Мариинского театра, создавшего славу российскому балету, балетов французского хореографа Прельжожака, в которых «танцуют» абсолютно голые артисты, показывая изощренные способы изнасилования...

И это на сцене, где создавал свои гениальные спектакли знаменитый француз Мариус Петипа на музыку другого гения П. И. Чайковского! На кого хотели повлиять руководители, предоставившие самую главную сцену России этим извращенцам? Нужны ли нам такие влияния? Самое интересное, что этого хореографа сразу пригласили для постановки, и он уже работает на Мариинской сцене.

Один из самых выдающихся западных хореографов Морис Бежар, к которому присоединился в своих высказываниях другой ведущий хореограф Джон Ноймаер, сказал: «Мировое содружество должно платить России за сохранность классического балета».

Сама же Россия сегодня теряет все. После развала Союза классический балет уже потерял десятки прекрасных театров, балетных школ, артистов, хореографов, педагогов. Сопrotивляться местному беспределу не хватит жизни, а вне России я могу выбирать, где мне лучше.

Но я люблю Санкт-Петербург. Это мой город, которому я обязан всем. Я хочу быть полезен ему и тем, кто любит настоящий, красивый, чистый, поэтический балет. Я знаю, как его делать, но... Уже многие годы красивые спектакли никто не создает. Аэробика, фитнес-балеты, развлекаловка улицы с дикостью примитива и тупостью музыкальных шумов (не музыки)... Буйно плодящиеся певцы и певицы используют артистов балета в подтанцовках и платят значительно больше, чем в театрах, откуда танцовщики уходят в эстраду, теряя квалификацию.

Попсе классический балет противопоказан, но она везде — и артисты приспосабливаются к этому примитиву. Никто этой проблемой не занимается. Если срочно не обратить на это внимание, через несколько лет классический балет погибнет.

Сейчас, когда сверхнациональной идеей стали спортивные игры и чемпионаты, необходимо вернуть наших идеологов в правительство на реальную землю культуры, воспитания и образования, без чего невозможно представить здоровое тело и дух.

Я чувствую особую ответственность, участвуя в этих Чтениях, так как считаю, что мне в жизни необыкновенно повезло — я работал с Д. С. Лихачевым в середине 1970-х годов... над балетом. К этому времени я уже 7 лет изучал его материалы по «Слову о полку Игореве», сочиняя сценарий для балета.

Композитор Борис Тищенко, режиссер Юрий Любимов и я задумали создать новый вид балетного спектакля на историческую тему и сюжеты «Слова о полку Игореве», который нам казался очень своевременным и актуальным. Концепция знаменитой оперы А. Бородина «Князь Игорь» нам

не подходила, и для того чтобы утвердиться в нашей концепции, в которой Игорь является антигероем, принесшим огромные страдания своему народу, мне необходима была встреча с Дмитрием Сергеевичем.

Юрий Петрович Любимов устроил эту встречу, так как я очень стеснялся и не надеялся, что академик меня примет. Встреча рассеяла все мои страхи и стеснения, так как Дмитрий Сергеевич излучал доброту и свет. Он был удивлен самой идеей балета на трудную тему, и еще более тем, что я знаком с его работами. Он принял мое предложение быть официальным консультантом нашего балета, и мы начали работать.

Я сочинял варианты сценария, приносил ему, он вносил свои изменения, и дело двигалось. Чуть поз-

же к нам присоединился и замечательный писатель Федор Абрамов.

В таком содружестве мы создали необыкновенный балет, потрясший публику, но его судьба была необычной. После первого спектакля балет запретили и созвали специальную идеологическую комиссию обкома партии. Дмитрий Сергеевич и Кирилл Лавров выступали на этой комиссии в защиту спектакля, назвав создателей подлинными патриотами.

Спектакль выпустили, и началась его триумфальная жизнь. Более 10 лет он шел с постоянными аншлагами у нас и был показан во многих странах на престижных музыкальных фестивалях, подтверждая высочайший уровень нашей культуры.

Йорг Вольф¹

ПЕРЕЗАГРУЗКА: КАК ГЕРМАНИЯ МОЖЕТ ПРИДАТЬ НОВЫЙ ИМПУЛЬС ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЗАПАДА И РОССИИ

Отношения между Россией и Западом страдают от отсутствия доверия. В преодолении этой проблемы Берлин может сыграть ключевую роль, «перезагрузив» внешнеполитический дискурс и обеспечив более активное участие гражданского общества, а также сотрудничество в сфере экономики и безопасности.

Сегодня отношения между Россией и Западом характеризуются, с одной стороны, отсутствием доверия, а с другой — узкой сосредоточенностью на частных вопросах. Устаревшие стереотипы времен холодной войны слишком долго преобладали в отношениях между Россией и Западом, что отвлекало внимание от опыта успешного сотрудничества в таких сферах, как противодействие угрозам терроризма, распространение ядерного оружия, дефицит природных ресурсов, нищета и природные катаклизмы. В многополярном мире в XXI веке эти

острые проблемы остаются актуальными. Справиться с ними Западу и России удастся, только тесно сотрудничая.

Сферы, в рамках которых расширяющееся сотрудничество окажется полезным для обеих сторон, — это программы по обмену гражданскими кадрами и образование. Продолжающееся ущемление прав человека в России все более отдаляет ее от Европы и лишает страну социальных и экономических преимуществ открытого диалога и инновационного сотрудничества. Евросоюз, в особенности Германия, должен способствовать укреплению гражданского общества в России и создавать новые возможности для диалога между российским и немецкими народами, а также между другими народами Европы.

На Саммите НАТО в 2010 году в Лиссабоне тесное сотрудничество с Россией было признано одной из приоритетных целей, были обозначены перспективы расширения сфер сотрудничества и стремление к углублению взаимопонимания. Этой цели относительно легко можно достичь там, где интересы России и Запады совпадают, а именно: в вопросах борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, киберпреступностью, а также в вопросах разрешения конфликтов в горячих точках. Например, обе стороны опасаются дестабилизирующего влияния Афганистана как несостоятельного государства, которое может затронуть страны Средней Азии, или гонки вооружений на Ближнем Востоке, которую провоцирует Иран, стремящийся к обретению статуса ядерной державы.

В экономической сфере также существует широкое поле возможностей для взаимовыгодного сотрудничества. Несмотря на то что уровень экономи-

¹ Главный редактор сайта www.atlantic-community.org (открытый аналитический центр «Atlantic Initiative e.V») в Берлине (Германия). Политолог, участник исследовательского проекта «Политика управления международными рисками» Центра Вольного университета по изучению трансатлантической политики в области международных дел и безопасности. Занимался исследовательской деятельностью в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе и Вашингтоне, работал в Фонде Фридриха Эберта в Каире и Берлине.

Соавторы: Марсель Левицки, студент Мюнхенского университета (ФРГ), специальность — «Политология и право»; Бенжамин Ханке, студент Лейпцигского университета (ФРГ), специальность — «Международные отношения»; Гули Бабадьянова, магистрант Марбургского университета им. Филиппа (ФРГ), специальность — «Проблемы мира и конфликтология»; Матиас Конрад, студент Свободного университета в Берлине (ФРГ), специальность — «Экологическая инженерия»; Александра Васильева, магистрант Свободного университета в Берлине (ФРГ), специальность — «Политология»; Филипп Гроссе, изучает право в Боннском университете (ФРГ).

ческой взаимозависимости достаточно высок, желательна более стабильная экономическая интеграция, что и показали недавние «газовые» конфликты. Присущая России коррупция и лишенная независимости правовая система привели к значительному сокращению прямых инвестиций из-за рубежа. Более того, попытки вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) постоянно блокируются. Иначе говоря, существует целый спектр политических и экономических причин, часто приводящих к губительным последствиям.

Однако, несмотря на существующие стимулы к сотрудничеству, процесс дальнейшего урегулирования отношений между Россией и трансатлантическим сообществом требует от нее болезненного компромисса и не может рассматриваться как гарантированный. Следовательно, необходимо, чтобы комплексная стратегия включала все имеющиеся инструменты для поощрения позитивного развития и сдерживания негативных последствий. Нижеприведенные рекомендации по осуществлению данной стратегии дают политическим лидерам возможность проявлять гибкость при принятии решений и в то же время четко определяют пути более тесного сотрудничества между Западом и Россией.

В этом отношении Германия находится в наиболее выгодном положении вследствие тесных экономических связей с Россией, исторически сложившегося принципа внешней политики *Wandel durch Annäherung* (изменение посредством сближения), а также традиционной связи с Востоком благодаря географическому положению в центре Европы. Однако Берлин слишком долго проводил политику, нацеленную в первую очередь на укрепление собственного экономического положения, уделяя при этом мало внимания интересам своих европейских соседей. Сегодня правительству Германии необходимо пересмотреть свои приоритеты, вновь начать рассматривать Европу как единое целое, а также выработать общее для Евросоюза отношение к России.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. «Перезагрузить» внешнеполитический дискурс

1.1. Европейский Союз и Россия нуждаются в «перезагрузке» своих взаимоотношений, подобно тому, как это произошло у Вашингтона с Москвой. Учитывая внутренние разногласия в ЕС по поводу отношения к России, крайне важно развивать такой подход, с которым согласны страны — члены ЕС, чтобы примирить существенные внешнеполитические разногласия между Россией и Западом. Исторически обусловленная враждебность в отношениях между восточноевропейскими столицами и Москвой привела к тяжелым конфликтам внутри Европы и конфликтам с Россией. Чтобы смягчить это глубоко укорененное недоверие, следует выработать такой подход, при котором воздастся должное общему прошлому и при этом будут намечены пути к общему будущему. Таким образом, следует поощрять учреждение совместных комиссий, состоящих из

восточноевропейских и российских историков, с целью оценки их общей истории. Германия в этом плане могла бы оказать помощь России, предложив свой опыт аналогичных инициатив по отношению к Парижу и Варшаве, заложивших основу общеевропейского будущего.

1.2. Германия должна убедить страны — члены ЕС, а также США в том, что изменение риторики приведет к положительным результатам. Россия и Запад готовы увидеть друг в друге партнеров, а не враждебно настроенных соперников (и это должно быть отражено в языке). Кроме того, Запад должен недвусмысленно показать, что Россия для него — равноценный партнер, и отказаться от преобладающего в некоторых странах отношения к России по принципу «учитель—ученик». В своей риторике, посвященной России, Германия в частности и Запад в целом не должны ставить под сомнение легитимность сегодняшних российских лидеров. В свою очередь Москва должна воздержаться от популистских риторических выпадов против Запада, преследующих внутренние цели. Взаимодействие, взаимоуважение, которое должно прийти на смену иногда грубоватой прямолинейной критике, характерной для сегодняшнего дня, призвано укрепить взаимное доверие и улучшить отношения между Западом и Россией.

2. Поддерживать гражданское общество и стимулировать демократию

2.1. Культурные и образовательные программы по обмену — оптимальный способ установления продолжительного сотрудничества, передачи опыта демократических ценностей и практики добросовестного правления. Таким образом, эти программы способствуют развитию зарождающегося гражданского общества в России. Имеются в виду официальные программы по обмену российскими и немецкими студентами (созданные по принципу уже работающих программ по обмену студентами между Германией, Францией и Польшей); постоянно увеличивающееся количество стипендий для приезжающих на стажировку российских студентов, а также расширяющееся культурное сотрудничество между городами-побратимами. Такие мероприятия, как дни культуры, молодежные концерты и спортивные соревнования, призваны укрепить фундамент взаимопонимания между людьми различного культурного и исторического контекста.

2.2. Для данной цели первостепенное значение приобретает смягчение визового режима. Более того, научно-исследовательские соглашения между немецкими и российскими университетами, а также расширяющийся диалог в среде малого и среднего бизнеса обеих стран (например, посредством уже существующих бизнес-ассоциаций) могут облегчить передачу инновационных технологий и обмен новыми идеями. Акцент должен быть сделан на реальной пользе для граждан и потребителей, а не на эффектных политических жестах.

2.3. Германия должна поощрять создание открытого общества, привлекая к своей деятельности как лидеров, избранных российским народом, так и представителей гражданского общества, не занимающих официальные посты. Уважение суверенитета как основного принципа российско-европейских отношений, более глубокое понимание помогут в деле выстраивания взаимовыгодных отношений. Таким образом, на территории России следует поддерживать деятельность таких неправительственных институтов, как Фонд им. Конрада Аденауэра и Фонд им. Фридриха Эберта, направленную на укрепление российского гражданского общества и включающую защиту прав и гражданских интересов, а также программы в виде семинаров для российских журналистов, и оказывать финансовую поддержку местных организаций, возникших по инициативе снизу. Аналогичные усилия уже доказали свою эффективность в других постсоветских странах и бывших странах — сателлитах СССР, которые сейчас входят в Европейский Союз.

2.4. Правительство Германии должно обеспечить надлежащее финансирование радиостанции «Немецкая волна» с целью расширения вещания на русском языке, чтобы российская аудитория имела нейтральную информацию о событиях в Западной Европе и остальном мире.

3. Расширять сотрудничество и интеграцию в области безопасности

3.1. Из-за бюджетных ограничений и демографического спада армии государств — членов ЕС нуждаются в более тесной интеграции с целью обеспечения необходимого потенциала в будущем. Это шанс для решения вопросов защиты стран Восточной Европы и одновременно возможность для более тесного сотрудничества с Россией по таким проблемам, как контроль воздушного пространства, борьба с незаконным оборотом наркотиков и своевременное реагирование на природные катаклизмы. В этом плане новый подход НАТО к противоракетной обороне мог бы послужить моделью в иных областях сотрудничества.

Правительству Германии следует принять во внимание необходимость проведения конференции с участием всех членов НАТО, России и стран Восточной Европы, чтобы обсудить предложение Д. А. Медведева об универсальной архитектуре европейской безопасности и оценить возможности дальнейшего сотрудничества. Это предложение не следует игнорировать, но европейские лидеры правомочны относиться к нему критически, поскольку оно подрывает Трансатлантический альянс и одновременно не принимает во внимание права человека. С учетом обычно негативной корреляции между устрашающими нарушениями прав человека и стабильностью государства становится очевидно, что данный вопрос требует объективного рассмотрения на подобной конференции.

Россия должна понять, что для пересмотренной концепции системы европейской безопасности тре-

буется не только одобрение Вашингтона, но и его помощь. Универсальная архитектура европейской безопасности при ее окончательном согласовании могла бы базироваться на модернизированной Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и включать некоторые аспекты военного соглашения, например НАТО. Она должна преодолеть неэффективную систему принятия решений, характерную для современной ОБСЕ. Если принцип консенсуса заменить на «голосование квалифицированным большинством», как принято в Евросоюзе, то ОБСЕ могла бы вернуть свое политическое значение. Кроме нивелирования опасений стран, которые, основываясь на историческом опыте, все еще испытывают страх перед Россией, ОБСЕ могла бы стать гарантом длительного мира не только во всей Европе, но и за ее пределами.

3.2. В случае с Грузией, например, соглашение по европейской безопасности способствовало бы вовлечению правительств Грузии и России в общий диалог, в котором также приняли бы участие представители фактических автономий Южной Осетии и Абхазии. Выходом из тупика могло бы стать нейтральное переходное правительство в Абхазии и Южной Осетии, действующее по мандату Совета Безопасности ООН и сформированное по тому же принципу, что и аналогичные структуры в Камбодже, Восточном Тиморе и Косове.

3.3. Европа и Россия должны сотрудничать еще и для того, чтобы установить длительные стабильные отношения в странах Средней Азии, главным образом в Киргизии, Узбекистане и Афганистане. Обязательства России по тыловому обеспечению Международных сил содействия безопасности (ISAF) посредством баз в Центральной Азии сделали бы необязательным наличие там баз НАТО (как, например, немецкой военно-воздушной базы в Термезе, на узбекско-афганской границе), а также вовлекло бы Россию в процесс промышленного восстановления Афганистана. Официальная поддержка российских операций по поддержанию мира в Киргизии могла бы рассматриваться в качестве вклада доверия России (в ее способность разрешать конфликты) со стороны НАТО.

3.4. Германия должна содействовать тому, чтобы в странах Балтии более активно защищались права русскоязычного меньшинства. Пока здесь преобладают недоверие и дискриминация, призывы Запада к защите прав человека в России будут звучать впустую и дадут России повод для вмешательства в суверенные дела Балтийских государств. Если от русскоязычных жителей Балтии требуют интеграции и гражданской благонадежности (но не культурной ассимиляции), то в этом случае имеется реальный шанс на улучшение политического климата и нейтрализацию проблемы безопасности между странами Балтии и Россией.

4. Содействовать экономической интеграции

4.1. Разработанная Москвой Энергетическая стратегия России на период до 2030 года предлага-

ет уникальный спектр возможностей: Россия предусматривает обширные прямые иностранные инвестиции для улучшения разработки своих ресурсов и изменения направления деятельности (в качестве долгосрочного проекта) в сторону возобновляемых источников энергии. Риски для российского энергетического сектора, вызванные изменением климата, еще более стимулируют Москву следовать по этому пути. Здесь наблюдается совпадение мер, предпринимаемых Россией, с попытками Евросоюза сократить выбросы CO₂ и развивать рынок экологически чистых технологий. Однако зарубежные инвестиции в отрасли и секторы высоких технологий возможны лишь в том случае, если Россия будет рассматриваться как надежный гарант прав собственности и личных свобод. Таким образом, западные правительства настаивают на прозрачности действий и подотчетности государственных служащих в Российской Федерации, поскольку все это в интересах самой России.

4.2. Более того, стремление России стать членом ВТО — хороший повод для заострения внимания на торговых и экономических реформах. В рамках переговоров о вступлении России в ВТО следует предложить российскому правительству консультационное и техническое содействие. В качестве промежуточной цели желательны в течение 10 лет создать зону свободной торговли с Евросоюзом, включающую Белоруссию, Украину, Россию, а также страны Южного Кавказа.

4.3. Опираясь на опыт Европейского объединения угля и стали, следует создать Европейское энергетическое сообщество, которое в равной степени отражало бы интересы как стран-потребителей, так и стран-производителей. Пересмотренный Договор к Энергетической хартии (ЕСТ) должен послужить своеобразной точкой отсчета в данном начинании. При существующем уровне взаимозависимости по-

пытки диверсификации, предпринятые Россией или Европейским Союзом, не скажутся губительно на их взаимоотношениях. Разработка альтернативных маршрутов поставок (таких как газопроводы «Набукко», «Баку—Тбилиси—Джейхан», «Южный поток» или российско-китайский «Алтай»), инновационных систем доставки (например, терминалы сжиженного природного газа) или новых источников энергии (например, использующих солнечную энергию по программе Desertec) не помешает созданию взаимовыгодного энергетического сообщества в большой Европе.

* * *

Очевидно, что для формирования устойчивого стимула к сотрудничеству как Запад, так и Россия должны отойти от принципов, которых они придерживались в течение длительного времени. Более того, Европейский Союз и НАТО должны найти общий язык друг с другом. Кроме того, России следует принять решения относительно будущего курса: насколько близким партнером для Запада желает стать Россия? Или Россия стремится к альтернативному, менее обязательному сотрудничеству, и только в определенных сферах политики? Подлинное изменение в отношениях не может быть достигнуто усилиями одной стороны. У Германии как наиболее значительного экономического партнера России и влиятельного члена Европейского Союза и НАТО находятся ключи, открывающие дверь между ними. Однако Берлин должен осознать важность такого исторического шанса и действовать в подлинно всеевропейском духе. Политические рекомендации, представленные в данной статье, носят общий характер, обозначают направление дипломатических инициатив, а там, где предлагаются конкретные решения, подробно описываются первые действенные шаги.

Г. А. Гаджиев¹

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В научном мире существуют идейно-теоретические концепции, в отношении которых нельзя с полной определенностью сказать, кем, когда, где они были созданы. Такие концепции, представляя

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

собой достижения общечеловеческого разума, обретают формальное и содержательное своеобразие в зависимости от особенностей определенной национальной культуры. Национально-культурная идентичность той или иной модели подчеркивает особенности ее восприятия в рамках устоявшейся системы взглядов и традиций. Вместе с тем, современное человеческое сообщество наглядно демонстрирует стремление и готовность к широкомасштабному диалогу культур и партнерству цивилизаций. Формирование мультикультурного пространства межгосударственного и межличностного общения обуславливает интернационализацию идей и взглядов, в рамках которых отражаются представления об универсальных ценностях, в той или иной сте-

пени воспринимаемых и поддерживаемых всеми государствами и народами. К числу таких идейно-теоретических концепций несомненно относится концепция правового государства.

Идея правового государства возникла не как юридическая идея. Она является самой важной философско-правовой концепцией, обоснованной в работах И. Канта, написанных в последнее десятилетие XVIII века. Вряд ли великий философ предполагал, что идея правового государства окажется одной из самых практичных и станет основой для бурного развития конституционного права в XIX и XX веках.

И. Кант контурно создал своеобразную программу постепенного и длительного совершенствования всех форм публичной власти на основе ограничения, точнее — самоограничения государственной власти.

Как важнейшая юридическая идея, принцип правового государства — это большая совокупность велений, императивов, запретов, адресованных публичной власти самой публичной властью под влиянием гражданского общества.

Часть этих велений и запретов возникает под воздействием этических норм.

Развивая представление о нормативном содержании принципа правового государства, Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 23 декабря 1999 года по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о тарифах страховых взносов в государственные социальные внебюджетные фонды отметил: «Из закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа правового государства... вытекают конкретные требования, рекомендации и запреты в отношении определенных действий органов государства. В сфере тарифообложения указанных конституционный принцип диктует для законодателя запрет устанавливать регулирование таким образом, чтобы провоцировать законопослушных граждан на сокрытие получаемых доходов и занижение облагаемой базы». Государство не может провоцировать правонарушающее поведение граждан, потому что это аморально — вот в чем суть этого веления. Развивая эту идею, Конституционный суд РФ в ряде своих решений оценивал действующую в нашей стране систему регистрации граждан по месту жительства и признал, что она является чрезмерно усложненной, что, по существу, представляет собой провокацию на нарушение составляющих эту систему правил.

Проверяя конституционность закона о сертификации продукции по жалобе гражданина Редикопы, Конституционный суд сформулировал важное требование, входящее в нормативное содержание принципа правового государства, также имеющее этическую основу. Оно сводится к правилу, в соответствии с которым в сфере деятельности органов исполнительной власти этот принцип предполагает равноудаленность этих органов от различного ряда предпринимательских структур. Равноудален-

ность — как проявление объективности, неселективности, в общем плане — справедливости публичной власти в ее отношениях с бизнесом. Практика коммерциализации государственных функций, создания так называемых «уполномоченных юридических лиц», которым публичная власть поручает заниматься предпринимательской деятельностью на базе государственных ресурсов, недопустима прежде всего с точки зрения идеи правового государства. Вне всякого сомнения, в государстве есть такие сферы — и это, прежде всего, образование, наука, искусство — где нельзя полагаться на стихийное развитие товарно-денежных отношений. Иначе можно разрушить основы не только правового государства, но и государства вообще. Карл Маркс, который вскрыл закономерности рыночного хозяйства, предупреждал, что есть сегменты общества, в которых нельзя добиться ничего хорошего, если полагаться только на закон стоимости. Он говорил о предельной для публичной власти опасности, возникающей тогда, когда чиновник рассматривает исполняемую им государственную функцию как свою собственную, из которой он вправе извлекать доход.

Когда в нашей стране приступили к реформированию систем образования, науки и культуры, руководствовались определенными «монетаристскими» соображениями, которые, по сути, просто аморальны. Если переход на единый государственный экзамен стал возможным и потому, что таким образом регулируются финансовые потоки между высшим и средним образованием, то результаты реформы окажутся плачевны, поскольку ложной является исходная цель.

Ее один эпический аспект правового государства — это ориентация публичной власти на поиск доверия граждан. В целом ряде решений Конституционного суда РФ рефреном повторяется идея: в правовом государстве власть должна осуществляться так, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему правовых норм. Этот императив правового государства означает, что самой опасной формой вероломства является вероломство публичной власти. Поэтому недопустимо придавать обратную силу закону, устанавливающему или отягчающему ответственность (это норма ч. 1 ст. 54 Конституции России). А при необходимости законодатель должен предоставлять гражданам возможности, в частности — посредством временного правового регулирования, в течение некоторого разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям в закон.

Укрепление доверия к публичной власти — это базовая идея для реформирования административного аппарата и административного законодательства.

В Концепции развития российского законодательства (М., 2010) отмечается, что происходящая

трансформация административного права и административного законодательства неразрывно связана с изменением роли государства и его органов в жизни общества. Государство должно выполнять только необходимые и полезные для общества функции, сущность и объем которых зависят от задач, стоящих перед обществом на каждом этапе его развития.

В этих условиях основным направлением оптимизации функций государства, его роли в социальном и экономическом развитии российского общества является повышение качества и доступности государственных услуг, что требует анализа и осмысления ряда вопросов. Это и универсальный характер таких услуг, и признаки, на основе которых те или иные социально значимые действия могут быть отнесены к категории публичных услуг, и круг субъектов, в интересах которых осуществляются указанные действия, что позволяет характеризовать услуги именно как публичные; и, безусловно, категории лиц, которые могут осуществлять деятельность по предоставлению государственных услуг.

При этом, видимо, надо учитывать императивы, образующие содержание принципа правового государства, — подчинение праву публичных образований, ограничение вмешательства непосредственно органов государства в экономическую деятельность и вместе с тем повышение качества доступности публичных услуг в целях укрепления доверия к публичной власти. По сути, из идеи правового государства следует, что публичная власть не должна полагаться только на силовые методы и на силовые структуры (не должна быть только «сильным государством»). Публичная власть должна заслужить доверие людей.

И, наконец, правовое государство как теоретическая идея конституционного права содержит важное этическое требование к органам публичной власти: они должны быть самокритичны, не бояться признания своих ошибок и стремиться к их публичному исправлению. Как шаг в сторону правового государства можно в связи с этим рассматривать Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 года «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Предусмотренная этим нормативным актом общественная экспертиза проектов законов позволит устранить недоработки, если, конечно, не станет простой формальностью.

Сложнее обстоят дела с другой ветвью государственной власти — с судебной. А можно ли подвергать судебной экспертизе вступившие в законодательную силу решения судов? Особенно если речь

идет о так называемых «резонансных приговорах», которые, вне всякого сомнения, имеют политическую окраску. Выступая на заседании Совета по развитию гражданского общества и прав человека 1 февраля 2011 года, Президент РФ Д. А. Медведев говорил о том, что обществу нужен эффективный суд. И для этого, помимо «абсолютных иммунитетов», обеспечивающих независимость судей, необходим общественный мониторинг судебных решений.

Я думаю, что такое право граждан, как общественная экспертиза резонансных судебных решений (и не только приговоров по уголовным делам, но и решений Конституционного суда), является конституционно-гарантированным правом. В ч. 1 ст. 32 Конституции РФ закреплено, что граждане имеют право участвовать в управлении делами государства. Есть целая группа прав граждан на участие в управлении публичными делами. Это и право рассматривать уголовные дела в составе суда присяжных, это и право на проведение общественных и градостроительных экспертиз, это и право на участие в деятельности Общественных палат и на общественную экспертизу актов публичной власти.

Отвечая на письмо Президиуму Совета судей Российской Федерации с вопросом о том, насколько согласуется с конституционными нормами публичная организация экспертной работы по анализу уголовного процесса по делам, по которым приговоры не вступили в законную силу, и не является ли это публичной формой влияния на суд при рассмотрении конкретных дел, Председатель Конституционного Суда РФ в своем ответе, одобренном судьями Конституционного Суда РФ, обратил внимание на то, что полномочия судей непосредственно связаны с их ответственностью, которая подразумевает, в первую очередь, подотчетность судейского корпуса обществу. Судебная власть, будучи наделенной полномочиями по контролю деятельности всех остальных ветвей власти, нуждается в особых гарантиях невмешательства в отправление правосудия. В силу сниженных возможностей правомерного контроля со стороны других ветвей власти особое значение приобретает общественный контроль над правосудием. С другой стороны, такой контроль является важной гарантией от неправомерного административного воздействия на суд. Будучи одной из форм «обратной связи» между обществом и судебной властью, общественная реакция как на судебные решения по конкретным делам, так и на сложившуюся практику по отдельным категориям дел не может быть ограничена с точки зрения возможности анализа таких дел и их оценки, в том числе высказанной публично.

Г. М. Гатилов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ООН

Глобализация все больше становится объективным фактором современного этапа развития человечества, затрагивающим практически все сферы нашей жизни. Безусловно, не стоит в стороне от влияния процессов глобализации и область культуры. Более того, именно культура испытывает на себе воздействие глобализации, пожалуй, наиболее чувствительно. Ее формы многообразны и могут выражаться как непосредственно в диалоге культур, так и в их взаимодействии, взаимопроникновении, обогащении и в некоторых других формах.

При этом если подобный диалог проходит эволюционным путем на основе взаимного уважения и равноправия, сами культуры, обогащаясь наиболее привлекательными чертами и особенностями своих партнеров по диалогу, в то же время продолжают оставаться самостоятельными и самодостаточными. По сути, зримые достижения в вопросе диалога культур наблюдаются именно тогда, когда он является естественным продолжением цивилизационных традиций.

В другом направлении может развиваться ситуация в том случае, когда иная шкала ценностей, иные социальные, жизненные приоритеты насаждаются в среду тех или иных обществ — носителей своих ценностных ориентиров, сформированных на протяжении столетней и даже тысячелетней истории. Такой подход закладывает основы для возможной конфликтной ситуации на почве столкновения культур.

И тот и другой сценарии довольно часто встречаются на современном этапе развития мировой цивилизации. Поэтому диалог культур в эпоху глобализации, видимо, неверно было бы рассматривать исключительно в негативных или, наоборот, в розовых тонах. Он несет в себе как новые возможности, так и новые проблемы, как бесспорные блага, так и несомненные опасности.

Следует отметить, что вопросам межцивилизационного, межкультурного диалога в последние годы стало уделяться особое внимание. Из чисто теоретической плоскости они перешли в разряд факторов, непосредственно влияющих на внутреннюю стабильность государств и международную безопасность.

Еще задолго до того, как о важности развития диалога культур и цивилизаций заговорили широко, де-факто он уже существовал на площадке Организации Объединенных Наций. И это не случайно, поскольку «площадка» ООН объединяет 192 государства-члена, каждое из которых имеет свою культуру, свои традиции, возможно, иногда схожие, близкие, но все же свои. Более того, есть много примеров, когда в рамках одной страны

успешно сосуществует, взаимодействует и развивается множество культурных направлений.

При этом продуктивность и качество такого диалога в ООН определяются прежде всего общностью задач и вызовов, с которыми сталкивается мировое сообщество на различных этапах своего развития, а также пониманием необходимости идти на компромиссы и учитывать мнения партнеров в целях достижения взаимоприемлемых результатов.

При таком понимании многие страны стали приходить к осознанию важности решения вопросов, касающихся необходимости надлежащей координации управления культурным многообразием. В этих целях и был создан «Альянс цивилизаций». Не случайно данная структура была сформирована именно под эгидой ООН, предоставляющей реальные возможности для налаживания широкого диалога по межкультурной тематике с участием представителей государств, гражданского общества, деятелей религии, науки, культуры, СМИ.

Россия заинтересована в дальнейшем укреплении и развитии данного межкультурного движения. Наши представители принимают активное участие в его работе, причем на всех уровнях: на ежегодных форумах Альянса, министерских встречах Группы друзей «Альянса цивилизаций» (ГДАЦ), в мероприятиях ГДАЦ на уровне национальных координаторов, постоянных представителей при ООН в Нью-Йорке. Параллельно активно задействуется ресурс гражданского общества нашей страны — через неправительственные, общественные, научные, образовательные организации.

Важной вехой в развитии Альянса, безусловно, стал его Третий форум, состоявшийся в мае 2010 года в Рио-де-Жанейро. Он продемонстрировал растущий интерес мирового сообщества к проблематике диалога цивилизаций, подтвердил востребованность этой структуры и придал свежий импульс ее дальнейшей деятельности. Были намечены и шаги по развитию этой инициативы на перспективу. По результатам форума объявлено о запуске ряда проектов по налаживанию межкультурного диалога и надлежащего управления культурным многообразием. Проведение столь масштабного мероприятия в Бразилии способствовало становлению «Альянса цивилизаций» как глобальной инициативы, выходящей за рамки изначально заданного формата Запад—исламский мир.

Знаковым событием в области развития отношений России с Альянсом стал состоявшийся в сентябре 2010 года визит в Москву Высокого представителя Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Ж. Сампайю. В ходе бесед в МИД России и других организациях и ведомствах была подтверждена обоюдная заинтересованность в наращивании взаимодействия, дан импульс подключению российских парламентариев к полномасштабному за-

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций, в т. ч. «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе» и др. Награжден орденом Дружбы.

пуску парламентской составляющей в работе Альянса, а также Русской православной церкви — к развитию межрелигиозного направления в формате этого межкультурного движения.

В деятельности Альянса реализуется и новое направление, связанное с развитием под его эгидой регионального сотрудничества. Запущен процесс выработки региональных стратегий по развитию межкультурного диалога, в частности применительно к Юго-Восточной Европе, Средиземноморью, Ибероамериканскому региону, делаются первые шаги в направлении выработки такой стратегии и для Центральной Азии.

В ходе постоянно проводимых дискуссий все отчетливее прослеживается желание многих видеть в «Альянсе цивилизаций» подлинный механизм «мягкой силы» в руках ООН, призванный предупреждать возникновение новых конфликтных ситуаций, имеющих в своей основе причины религиозного свойства и признаки столкновения культур, а также проводить работу по примирению сторон в ходе продолжающихся и тлеющих конфликтов. Такую деятельность Альянс мог бы осуществлять, задействуя имеющийся у него инструментарий гуманитарного характера по сближению позиций противостоящих сторон.

Однако далеко не все конфликтные ситуации вызваны противоречиями межкультурного или межрелигиозного характера. Зачастую они возникают как результат негативных последствий нескольких взаимосвязанных процессов, в частности таких, как глобализация, ускоренная модернизация традиционных обществ, демографические проблемы и др.

Все это порождает конфликты, имеющие как внутреннее, так и внешнее измерение, главным образом региональное. Наиболее ярким примером в связи с этим является ситуация, наблюдаемая в последнее время на Севере Африки и Ближнем Востоке.

Накапливавшийся десятилетиями в регионе взрывоопасный потенциал привел к крупной дестабилизации. На обширном геополитическом пространстве создалась кризисная ситуация, которая оказывает прямое негативное воздействие на международную безопасность, мировую энергетическую и финансово-экономическую систему. Регион вошел в фазу длительной и глубокой нестабильности, чреватой усилением опасных вызовов для межкультурных отношений.

Есть ли здесь площадка для работы «Альянса цивилизаций», в состав которого входят 127 членов, в том числе большое количество арабских государств? Уместно ли его участие в содействии умиротворению ситуации гуманитарными средствами? Ответ очевиден. Усилия Альянса в этом направлении в виде своего рода «миссии добрых услуг» точно не были бы излишними.

Думается, что отличие «Альянса цивилизаций» от других возникавших ранее инициатив в этой области заключается в том, что в рамках данной структуры главное внимание сфокусировано не на метафизических вопросах «диалога цивилизаций», а на

реальных проблемах, возникающих в ходе межкультурного взаимодействия. Важно и то, что при всемерном учете интересов гражданского общества, Альянс в своей основе — это межгосударственное движение, решения в рамках которого принимаются с учетом мнений входящих в него стран и международных организаций, что способствует поддержанию высокого авторитета этого объединения, а также решению масштабных задач.

Хотелось бы обратить внимание еще и на такой аспект. Неразрывной частью культуры является религия. Логично, что важным элементом диалога культур следует признать и межрелигиозный диалог. Оптимальной площадкой для его развития также видится Организация Объединенных Наций.

Требованием времени является то, чтобы наряду с представителями гражданского общества в рамках неправительственного сегмента ООН участие в обсуждении вопросов мировой повестки дня, имеющих морально-этические и религиозно-нравственные аспекты, принимали также лидеры ведущих религиозных конфессий.

В связи с этим наша страна выступила с идеей учреждения под эгидой ООН Консультативного совета религий, основной задачей которого стало бы налаживание широкого диалога между конфессиями и международными организациями.

Подобная структура могла бы объединить представителей христианства, ислама, иудаизма, дхармических религий, синтоизма. Причем, будучи религиозным по сути, Совет религий в своей деятельности применял бы светские формы и методы. Его компетенция распространялась бы на такие вопросы, как межрелигиозный диалог и диалог с нерелигиозными мировоззрениями, борьба с диффамацией религий, проявлениями нетерпимости и ксенофобии, защита мест религиозного поклонения и святынь, сохранение культурно-цивилизационного многообразия в условиях глобализации, содействие урегулированию региональных конфликтов, имеющих религиозную составляющую.

Предпринятые усилия по продвижению этой инициативы в ООН показали, что ряд стран все еще либо отвергает идею встраивания религиозного компонента в международный диалог, исходя из принципа отделения церкви от государства, либо относится к ней настороженно. Порой эта тема рассматривается в аспекте предоставления дополнительных свобод разного рода нетрадиционным сектам и псевдорелигиозным группам и течениям. По-видимому, присутствует также опасение ряда стран в связи с возможной конкуренцией продвигаемым ими форматам межкультурного и межкультурного диалога.

Будучи убежденными в том, что такая структура все же необходима, в качестве промежуточного шага в условиях, когда не удалось заручиться полной поддержкой этой идеи среди государств — членов ООН, Россия предложила начать с рассмотрения возможности учреждения в рамках ЮНЕСКО Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу при Гене-

ральном директоре этой организации. Первые шаги по институционализации такой группы обнадеживают, хотя и в этом случае вопрос до конца не решен, как представляется, по упомянутым причинам. Варианты его разрешения в виде аккредитации некой неправительственной организации при ЮНЕСКО с созвучными целями вряд ли соответствуют размаху и масштабу первоначальной идеи о Консультативном совете религий под эгидой ООН.

Выступая 28 февраля 2011 года на проходившей в Женеве 16-й сессии Совета ООН по правам человека, министр иностранных дел России С. В. Лавров особо отметил «необходимость продвижения межконфессионального согласия, объединения лидеров мировых религий для противодействия экстремизму и защиты людей, оказавшихся в зонах конфликтов». Он также сказал, что «положение дел во многих регионах мира, включая Балканы, Африку, Южную и Юго-Восточную Азию, Ближний Восток, буквально требует более полного, более тонкого учета религиозного фактора; при том, что в таком вопросе, как судьба Иерусалима, этот фактор вообще является решающим». Отметив, что Россия последовательно продвигает предложения о налаживании межрелигиозного диалога на площадках ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО, С. В. Лавров в то же время выразил надежду на поддержку наших партнеров в этом вопросе.

Возможно, на каком-то этапе стоило бы вернуться к изначальной идее о создании Консультативного совета религий. Для этого, разумеется, потребовалось бы в первую очередь предпринять усилия по линии межцерковного диалога для согласованного внесения в ООН данного предложения всеми религиозными конфессиями, которые могли бы войти в его состав. Немалым подспорьем в этом деле могли бы стать и усилия представительств Русской православной церкви за рубежом по продвижению данной идеи «на местах».

В целом полезным было бы использовать любые специализированные площадки, конференции, симпозиумы, круглые столы для информирования мировой общественности и широкой популяризации данной идеи, что, несомненно, способствовало бы ее лучшему восприятию и расширяло базу ее поддержки.

Со своей стороны МИД России в продолжение этих усилий мог бы приступить к работе по организации уже на новом витке целенаправленного содействия данной инициативе в рамках ООН.

Вне зависимости от того, как будет решен вопрос о механизме межрелигиозного диалога, необходимость задействования потенциала адекватных сил в мировом религиозном сообществе становится все более очевидной, а его продвижение и укрепление — насущными задачами мировой политики.

А. Н. Горбенко¹

РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Понятие «культура» существует практически во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях. Это понятие чрезвычайно широкое, поскольку в нем отражается сложное, многогранное явление человеческой истории. В настоящее время, как утверждают знатоки, существует уже свыше 500 определений культуры.

Применительно к нашей сегодняшней жизни можно сказать, что совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их создания, умение использовать их для прогресса человечества, передавать от поколения к поколению и составляя культуру. Исходной формой и первоисточником развития культуры является человеческий труд, способы его осуществления и результаты.

Когда мы говорим о культуре, то обращаем внимание, прежде всего, на многообразие конкретных вариантов культур. Человеку, наверное, проще было бы взаимодействовать с другими людьми, строить свои отношения, если бы в мире утвердилась одна культура. Столько разногласий, конфликтов, каза-

лось, нам удалось бы преодолеть, как просто и легко нам было бы общаться, вживаться в новую среду и т. д. Но почему-то не хочется жить в таком скучном, унылом и однообразном мире. Ведь взаимодействуя с людьми другой культуры, ты волей-неволей выявляешь нечто новое для себя, примеряешься к тем преимуществам, которые обнаруживаешь в нормах, традициях, способах деятельности, принятых у представителей другой культуры. Такое сравнение будит мысль, подвигает к изменениям, улучшениям. Точнее поэтому сказать, что жить в однообразном в культурном отношении мире не только скучно, но и нежелательно, даже опасно. Отсутствие внутреннего многообразия, дифференциации — это важное свидетельство неспособности данной системы к развитию, налицо признаки застоя.

Вместе с тем имеют глубокие корни и различия культур, отражающие особенности бытия той или иной социально-исторической или этнической общности в их целостности и внутренней взаимосвязи с природной и социальной средой. Сложившись, культура каждой общности сама становится активно действующей исторической силой. Поэтому особенности культуры сказываются на конкретной истории народа, его социальном развитии.

Каждая культура как некая целостность неповторима, уникальна. И эта неповторимость, неза-

¹ Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы по средствам массовой информации, межрегиональному сотрудничеству, спорту и туризму, кандидат политических наук. Председатель Комитета по предпринимательству в сфере СМИ и книгоизданию Торгово-промышленной палаты России. Президент Гильдии издателей периодической печати России. Награжден орденом Почета.

менимость каждой культуры означает, что в определенном отношении разные культуры равны между собой. Но именно неповторимость национальных, региональных особенностей той или иной культуры ставит ее на соизмеримый с другими уровень.

Многообразие культур — объективная реальность, и к ней можно подходить двояко: руководствоваться либо идеей единства мировой культуры, либо утверждением несовместимости культур, считая, что каждая из них стимулируется своими принципами и не способна вступать во взаимодействие с другими культурами.

Современная мировая культура представляет собой сложное многообразное единство, целостность разнообразных самобытных культур, где основную роль играет принцип ценности творческой личности.

И хотя «диалог культур» происходил уже в глубокой древности, по мере того как история становилась всемирной, возможности взаимовлияния культур неизмеримо возрастали. Только самобытность дает право на место в мировой культуре и только взаимодействие культур (а не изоляционизм) обеспечивает здоровое развитие этой самобытности.

Что касается научно-технического прогресса, технологии, вообще материальной культуры — тут не надо объяснений: изоляционизм, отказ от взаимодействий, от мировых связей ведут к отставанию, к деградации. И в духовной культуре происходит то же самое. Экология вообще и «экология культуры» в частности подразумевают взаимодействие во имя всеобщего выживания.

Культура, воздействующая на все сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности, становится все более реальной силой в современном обществе, а ее «голос», получая общемировой резонанс, превращается в слово свободы и демократии, объединяющее людей и предупреждающее об истинных и ложных путях развития каждого народа и человечества в целом. Опыт XX века показал, что в условиях несвободы, отсутствия демократии лишь до поры до времени можно делать «большие скачки», чтобы потом оказаться в ситуации неизбежного краха.

Освоение духовных сокровищ народов мира, бережное и, вместе с тем, соответствующее современным задачам обращение с культурным богатством предшествующих поколений дает возможность выявить живые, развивающиеся культурные ценности, без которых невозможен ни социальный прогресс, ни самосовершенствование личности.

Значительные социокультурные изменения, затрагивающие практически все стороны общественной жизни различных стран и народов, с особой остротой ставят вопрос о межкультурном взаимодействии или культурном диалоге, о его роли в развитии общемировой культуры.

История развития общества показывает, что технический прогресс, открытие новых средств массовой информации сыграли главную роль в деле распространения культурных образцов и ценностей. Действительно, первоначально образцы культуры

и ценности обычно не выходили за рамки семьи, рода или племени. Каждое племя использовало свою собственную систему символов, свои обычаи, традиции и систему верований (например, племенных тотемов). Развитие языка и письменности позволило распространять культуру на значительные расстояния, и с этого времени культура начала переходить границы различных обществ, стран, государств. Самым ярким примером такого распространения культуры может служить проникновение идей христианства, которые с помощью Евангелий и «Деяний апостолов» охватывали различные общества и государства. Дальнейшие изобретения и открытия в области средств массовых коммуникаций стерли все физические границы для передачи информации и создали условия для глобального распространения любых культурных образцов.

СМИ, доступные всем слоям населения, относятся к массовой культуре, которая появилась в начале XX века. Конечно, эта культура обладала меньшей художественной ценностью, но была понятна всем и давала информацию о тех или иных событиях. Она удовлетворяла сиюминутные потребности людей, но в то же время быстро теряла актуальность.

Мы ежедневно получаем огромный объем информации и отбираем из нее для усвоения лишь незначительную часть. Если новая культурная норма или ценность принимается широкой аудиторией, макросредой как необходимая, полезная часть культуры, если она выдерживает конкуренцию с другими образцами культуры данного общества, она становится частью этой культуры. В ходе дальнейшего использования культурный образец усваивается людьми, входит как неотъемлемая часть в индивидуальную культуру личностей, и процесс повторяется.

Современные СМИ играют в жизни общества существенную роль, имея самое непосредственное отношение к его жизнедеятельности. Миллионы газетных полос ежедневно попадают в руки читателей. Волны сотен радиостанций пронизывают сегодня эфир, донося до слушателей новости из любого уголка нашей планеты. Тысячи телебашен, десятки космических спутников делают нас свидетелями событий в разных странах мира.

Объединение наций в сильные централизованные государства часто оказывалось возможным во многом благодаря появлению прессы, которая создала новый вид социальной общности — публику отдельной взятой газеты. Члены этой агрегации разделены расстояниями, но объединены потребляемой информацией. Пресса ускорила и поставила на «поток» выработку единых символов и значений в национальном масштабе. Сегодня СМИ не только непрерывно воспроизводят этот процесс, но и выводят его на глобальный уровень. Хотя массмедиа призваны решать определенные задачи в политической системе и обществе, в реальной жизни они достаточно самостоятельны, имеют собственные, часто расходящиеся с потребностями общества цели деятельности и используют для их достижения раз-

личные методы. Политическое влияние СМИ осуществляют через воздействие на разум и чувства человека.

Основная цель СМИ в любом обществе — информационная. При тоталитарном режиме посредством политической пропаганды через СМИ в сознание людей систематически внедряются взгляды и ценности, нужные в данный момент руководству страны.

В демократическом обществе, в отличие от тоталитарного, в условиях свободомыслия существуют разные взгляды на те или иные вопросы, благодаря чему может развиваться здоровая конкуренция за власть. Здесь явно преобладает рациональная модель массовых коммуникаций, рассчитанная на убеждение людей с помощью информирования и аргументации, построенной в соответствии с законами логики. Эта модель предлагает состязательность различных СМИ в борьбе за внимание и доверие аудитории. В таких государствах запрещено законом использование СМИ для разжигания расовой, национальной, классовой и религиозной ненависти и вражды, однако в них различные политические силы для пропаганды своих идей и ценностей широко применяют методы преимущественно эмоционального воздействия, нередко затмевающего рациональные доводы и аргументы, что особенно ярко проявляется в периоды избирательных кампаний.

Методами массированного воздействия широко пользуются тоталитарные, авторитарные и особенно этнократические режимы, обильно насыщающие свою политическую пропаганду эмоциональным содержанием, подавляющим разум человека. СМИ здесь широко используют методы психологического внушения, основанные на страхе и вере, для разжигания фанатизма, недоверия или ненависти к политическим оппонентам, лицам других национальностей и ко всем неудобным.

То, что средства массовой информации — мощная сила воздействия на сознание людей, особенно четко проявляется в отношении электронных СМИ. По мере расширения технических возможностей их роль возрастает. А по эмоциональному воздействию на чувства и сознание людей они остаются пока непревзойденными и собирают самую большую аудиторию. Господствующее положение на сегодняшний день здесь занимает телевидение, которое постепенно вытесняет газеты и журналы, серьезно конкурирует с радио. Конкуренция с прессой объясняется появлением на телевидении новых технологий.

В то время как новые средства массовой информации привлекают к себе все более широкую аудиторию, усиливаются споры о том, будут ли сотрудники новых СМИ соблюдать профессиональные стандарты, выработанные и испытанные в ходе истории и отличающие профессиональную журналистику от желтой прессы.

А вот сторонники гражданской журналистики утверждают, что именно благодаря по-настоящему независимым новым формам СМИ общество полу-

чает полноценный доступ к информации, и источники новостей вне сферы действия основных СМИ со временем обогатят, а не обеднят общественный диалог. Положительный опыт некоторых новых сетевых СМИ, работающих под девизом: «Каждый гражданин — репортер», убедительно подтверждает эту точку зрения. Кроме того, сторонники гражданской журналистики вполне обоснованно указывают на то, что под «высокими профессиональными стандартами журналистики» зачастую скрывается двойная игра частных компаний, которые ради прибыли вступают в деловые отношения с представителями закрытых обществ и репрессивных режимов, ограничивающих свободный доступ к информации, в том числе практикующих жесткий «государственный контроль Интернета».

В современном поле культуры интернет-коммуникации, дополняя и обогащая СМИ, систему образования и воспитания, размывают границы между реальным и виртуальным миром, породили множественность позиций и воззрений, разрушили барьеры между центром и периферией, расширили культурно-образовательное пространство. Более того, по словам М. Маклюэна, они способствовали возрождению принципов естественной коммуникации, свойственной дописьменной культуре, в новой слухово-визуальной форме, что явилось своеобразным «продолжением» и «расширением» нервной системы человека. Современные медиатехнологии позволили сформировать новую коммуникационную культуру, в которой осуществляется синтез текста и аудио/видеосообщений. В ее рамках формируются как объективные знания, так и инфологемы, что позволяет манипулировать массовым сознанием, создать мифологическую картину мира.

Образно-моделирующие возможности электронных видов информации могут как открыть новые возможности для творческой деятельности, диалогического мышления, так и выработать негативные установки относительно окружающего мира.

Культуроформирующая функция журналистики заключается в том, чтобы, будучи одним из институтов культуры общества, участвовать в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общечеловеческой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека. Это обязывает журналиста знать сферы культурных пристрастий и увлечений своей аудитории, чтобы снабжать ее соответствующей информацией.

Разумеется, деятельность журналиста может быть направлена на расширение или преобразование интересов своей аудитории, но главной его задачей остается высокопрофессиональное «обслуживание» предпочтений, стремлений и увлечений, сформировавшихся на базе ее собственного выбора.

Заботясь о духовном развитии личности, журналистика способна противостоять разрушительному воздействию так называемой «массовой культуры», явлениям китча, суррогатам искусства, рассчитанным на неразвитый или извращенный вкус. При

этом важнейшей задачей журналистики оказывается формирование действительно массовой культуры, то есть реальное приобщение самых широких масс к культуре подлинной.

Современные СМИ приобрели способность успешно преодолевать пограничные культурные рубежи, используя манипулятивные технологии, выражая свое поощрение или порицание каким-либо социальным нормам, идеалам, ценностям, вводя их в массовый оборот. Если в индустриальной культуре развитие человеческой личности связывалось в основном с уровнем развития производства и возможностью обладания его продуктами, то в современном обществе пальма первенства переходит к информационной инфраструктуре.

Преобладающие в пространстве СМИ информационные технологии создали особую коммуникативную среду, в которой происходит не только нивелирование системы ценностей, но и неравномерное распределение информации. Это ведет к информационному преимуществу одних индивидуумов перед другими, которое постепенно трансформируется в экономическое, политическое или социальное преимущество. Вместе с тем налицо качественно новый уровень информационных технологий, возможность СМИ свободно выражать свое мнение, формировать новое качество современной культуры.

Наша эпоха стремительного развития информационных и коммуникационных технологий до неузнаваемости преобразует экономический, социальный и культурный облик современного мира, что приводит к разрушению устоявшихся стереотипов мышления, моральных норм, национальных традиций, зарождению унифицированной глобальной культуры и в то же время — к усилению процессов национального самосознания. Данные процессы сродни физическим законам центростремительных и центробежных сил.

Таким образом, тезис «тот, кто владеет информацией, владеет миром» в информационном обществе становится все более актуальным. Этот факт открывает необозримые возможности как для взаимного обогащения культур, консолидации общества, так и для разделения и вражды.

Диалог культур, партнерство цивилизаций — это сегодня, что называется, повседневность миллионов людей. И именно наше Отечество сегодня выступает уникальным примером системного единства различных этнокультурных категорий, достойно выдерживающего драматические испытания на прочность.

Средства массовой информации сами являются частью современной действительности со всеми ее противоречиями и в той или иной форме воспроизводят их. С этой точки зрения СМИ — лишь один из инструментов, дополнительный фактор, способствующий изменениям в соответствии с задачами и потребностями общественно-исторической ситуации.

Не секрет, что проблемы межэтнических взаимодействий, особенно связанные с острыми конфликтными ситуациями, криминальными инци-

дентами, всплесками массовых эмоций, привлекательны для журналистов, озабоченных резонансом своих публикаций, и для владельцев и редакторов СМИ, заинтересованных, в первую очередь, в увеличении тиражей своих изданий и количестве прощелков. Поэтому описание этнически окрашенных процессов, событий и происшествий в СМИ, ориентированных на массового читателя, очень часто становится эпатажным и тенденциозным. Чтобы придать большую достоверность и доступность соответствующей информации, журналисты склонны ориентироваться на мнение читателя, представляющего этнокультурное большинство населения данного региона, и в результате вольно или невольно следуют стереотипам массового сознания. Будет ли при этом перейдена грань, отделяющая вполне толерантные или нейтральные высказывания от высказываний, провоцирующих межэтническую напряженность, объективную информацию — от пропаганды национальной, расовой и религиозной ненависти, зависит от профессиональной подготовки и ответственности журналиста, зрелости корпоративной культуры работников СМИ.

Под растущим влиянием СМИ на первый план в коммуникативных процессах, включая этнические контактные ситуации, выходят представления человека о самом себе в сопоставлении с «другим»: каким я кажусь другому лицу, какую оценку другой дает моему образу, с какими чувствами — гордостью или унижением — связано восприятие моего «я». Это усиливает личную восприимчивость человека к этническим образам «своих» и «чужих». При этом мнение, формируемое и распространяемое в сфере массовых коммуникаций, может восприниматься как индивидуальная точка зрения, личная позиция, что соответствующим образом влияет и на поведение индивида.

Арсенал методов нейтрализации негативного влияния СМИ на межэтнические отношения невелик и практически исчерпывается уголовным преследованием, санкциями гражданского законодательства, административными мерами воздействия, способами морально-этического воздействия.

В силу остроты проблемы и особой опасности конфликтогенного воздействия массмедиа на этноконтактную ситуацию, в сфере управления и в экспертном сообществе возникают специфические проекты, в соответствии с которыми управляющий субъект определенным образом «фильтрует» и лимитирует поток этнически окрашенной информации, транслируемой СМИ в общественное сознание.

Эта позиция представляется уязвимой с разных точек зрения. Прежде всего она не согласуется с базовыми ценностями демократического общества. Однако ее нельзя считать приемлемой и с точки зрения общественных интересов. Если власть ограничит распространение правдивой и актуальной информации о наиболее острых проблемах межэтнических взаимодействий посредством лояльных и подконтрольных ей СМИ, то информационная «лакуна» будет заполнена желтой прессой, а так-

же СМИ, созданными и финансируемыми самими экстремистами. Интерпретации событий и предлагаемые доктрины будут в таких СМИ соответствующими.

Кроме того, массмедиа, информация как таковая — это товар, и в условиях рынка табуирование одного из его сегментов приведет только к возникновению теневых структур, с понятными издержками для общества и государства. Управленческие решения такого рода создадут благоприятную почву для культивирования всякого рода слухов, домыслов и фальсификаций, а значит, и мощные рычаги манипулирования общественным мнением.

Реализация рассматриваемой позиции в управленческой практике окончательно подорвет доверие общества к власти. Можно быть абсолютно уверенным в том, что при нынешнем арсенале технических средств потребитель информации найдет способ эффективно воспротивиться такому решению, соответственно, административные инициативы подобного рода просто не дадут значимых практических результатов.

Возможности «внутрицеховой» саморегуляции на основе морально-этических кодексов часто переоцениваются и интерпретируются как вполне достаточная мера воздействия на недобросовестных журналистов. Оптимисты надеются на то, что журналистская среда способна на самоорганизацию и эффективный контроль над профессиональной деятельностью членов своего «цеха».

В России уже в 1994 году был принят «Кодекс профессиональной этики журналиста». Руководствуясь этим Кодексом, Большое жюри Союза журналистов на заседании коллегии неоднократно выносило резолюции с осуждением действий своих коллег, опубликовавших этноконфликтные материалы. Однако следовать этическим нормам, провозглашенным в Кодексе, журналисты, к сожалению, не всегда считают нужным.

Это не значит, что журналисты безнравственны и сознательно стремятся к нагнетанию межэтнической напряженности или оскорблению этнического чувства людей. Ксенофобия на страницах газет и журналов обусловлена рядом вполне объективных социальных факторов.

Независимая пресса в условиях рынка может существовать только тогда, когда на газеты и журналы, так же, как и на всякий другой товар, есть потребительский спрос. Очевидно, что спрос этот во многом обусловлен, во-первых, подготовленностью потребителей; во-вторых, господствующими в данный момент ценностями, применительно к этнической проблематике — этноконтактными установками. Журналисты, как и те, кто вкладывают деньги в массмедиа, вынуждены производить и продавать ту интеллектуальную продукцию, которую готовы оплачивать потенциальные потребители.

В условиях, когда массовое сознание неразрывно связывает страшные террористические акты и этничность, окрашивает в этнические тона криминальную ситуацию, когда острая социальная кон-

куренция интерпретируется обывателями как следствие этнической стратификации, когда миграционный «обвал» порождает осязаемую этнокультурную дистанцию, — в этих условиях СМИ неизбежно будут продавать потребителям ту продукцию, которая соответствует потребительским ожиданиям.

Нельзя также забывать, что на информационном рынке существует жесткая конкуренция. Этническая проблематика — едва ли не самый товарный сюжет, поэтому журналисты писали и будут писать конфликтные материалы, редакторы ставили и будут ставить их на первые полосы, магнаты массмедиа вкладывали и будут вкладывать деньги в те издания, которые пользуются спросом у населения. «Товарность» скандальных публикаций на этнические темы прекрасно осознается в самом журналистском сообществе. Соответственно рассчитывать на некие нравственные «самоограничители» журналистов и топ-менеджеров массмедиа не приходится.

Все это не означает, что власти должны полностью отказаться от использования такого «рычага» воздействия на журналистское сообщество, как апелляция к этическим нормам, принятым в профессиональном сообществе. Но не следует переоценивать его эффективность. Ограничить поток этноконфликтных материалов в прессе можно, только апеллируя к закону, и наказывать провинившихся можно только в строгом соответствии с законом. В противном случае этические санкции могут стать опасным орудием расправы с неугодными журналистами. Объективированные в виде резолюций, протоколов этические и моральные оценки деятельности журналиста или СМИ должны возникать не вместо оценок правовых, а наряду с таковыми.

Провоцируя межэтническую рознь, недобросовестные журналисты угрожают интересам общества в целом, наносят ущерб национальной безопасности. Поэтому защита общества от негативного воздействия конфликтных СМИ может осуществляться только при активном участии всех заинтересованных структурных элементов гражданского общества.

Алгоритм действия социального контроля должен включать в себя выявление этноконфликтных публикаций силами заинтересованных этнокультурных общественных организаций, профессиональную экспертизу, организованную под эгидой местных органов власти, судебную оценку деятельности СМИ или работы журналиста, этическую оценку работы журналистов со стороны коллег.

В этот алгоритм может быть включено еще одно важное звено, способное позитивно повлиять на качество отражения в СМИ этнических явлений и процессов. Мы имеем в виду приглашение профессиональных этнологов к постоянному сотрудничеству с уважаемыми СМИ в качестве экспертов. Если редакция не может позволить себе содержание в штате журналиста, специализирующегося на этнической тематике, то позволить себе предварительную этнологическую экспертизу материалов, готовящихся к публикации или эфиру, может, как

нам кажется, любое более или менее солидное издание. При этом нужно иметь в виду, что действительно квалифицированных этнологов-профессионалов совсем немного, и проблема привлечения специалистов к постоянному сотрудничеству с редакциями должна решаться при обязательном консультировании с наиболее известными этнологами.

Необходима и специальная этнологическая подготовка или переподготовка журналистов и сотрудников редакций, специализирующихся на этнической проблематике. Этнологическое просвещение журналистов, пусть самое краткосрочное, но концептуально выдержанное, имеет большое практическое значение.

В современный период развития российского общества успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действия такого субъективного фактора, как социальная активность личности.

Сегодня необходимо переместить акцент общественного мировоззрения с внешнего на внутренний мир человека, на его высшие социальные и духовные чувства. В СМИ должна быть целенаправленная кампания по духовно-нравственному воспитанию граждан в духе гуманизма, межнациональной солидарности, патриотизма и интернационализма, включая также и контрпропаганду, обличающую несостоятельность и вред идеологии шовинизма и национализма. При этом задача, включающая привлечение «лидеров мнений», противостоящих тем, кто делает капитал на человеческих страхах и предрассудках, представляется ключевой. К негативной оценке националистических идей должны быть подключены наиболее популярные ведущие телевизионных программ, деятели культуры и науки, известные эксперты и религиозные проповедники. Возможно, что этой работе нужно придать статус национального проекта.

Для многонациональной России жизненно важно обеспечить целостность государства и успех проводимых реформ. Поэтому СМИ в данном случае являются незаменимыми помощниками и мощными рычагами управления. Главное, чтобы превалировала не сиюминутная, местечковая «политическая целесообразность», а историческая перспектива. Примером может служить состояние массового сознания, сформированного СМИ в отношении таких глобальных общечеловеческих проблем, как экология, угроза термоядерной, биологической войны и т. д. Поскольку в мировом сознании существует четкое мнение об этих явлениях, можно сказать, что СМИ передают достаточно объективную информацию, не противоречащую ценностям общества и позволяющую сформировать достаточно долгосрочное и утвердившееся мнение. Таковую же безусловную по-

зицию необходимо иметь в отношении межэтнического мира в России.

Справочно

Правительство Москвы видит одну из главных своих задач в том, чтобы проводить планомерную работу по совершенствованию форм и методов освещения в средствах массовой информации города межэтнических отношений, тем интернационализма, уважения к культуре и религии других народов, формирования в общественном сознании стойкого неприятия экстремистских националистических и религиозных взглядов и установок.

Для решения задачи предотвращения проявлений политического и религиозного экстремизма только в последнее время был, в частности, реализован ряд специальных *телевизионных проектов*.

С целью гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений на телеканале «ТВ Центр» создано восемь серий телевизионного фильма «Границы государства» о религиях и верованиях народов России.

Выпущены четыре документальных фильма из цикла «Духовные основы мировых цивилизаций»: «Католицизм» и «Древние церкви Востока» (2008), в 2009 году — «Православие» и «Протестантизм» (52 минуты каждый). Фильмы, созданные Комитетом, были показаны на телеканалах «ТВ Центр» и «САРАФАН-ТВ».

Четыре социальных ролика из цикла «Моя столица — все краски народов страны» (по 30 секунд каждый) были показаны на телеканалах «ТВ Центр», «ТВ Столица» и «Доверие». Работа по созданию социальных роликов будет продолжена.

В настоящее время проводится работа по созданию новых фильмов об истории мировых религий, истории формирования многонациональной России, о культуре и традициях ее народов.

На радиоканале «Говорит Москва» три раза в неделю выходила программа «Москва многонациональная», в рамках которой рассматривались различные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений, рассказывалось о традициях и обычаях народов России и мира, освещались происходящие в Москве и стране события, связанные с жизнью и культурой национальных общин.

Из бюджета Москвы традиционно финансируется ряд социально значимых периодических печатных изданий, в том числе учрежденных с участием органов исполнительной власти.

Из средств городского бюджета осуществляется поддержка издания ежемесячного журнала «Этносфера», на страницах которого размещаются, в частности, материалы об участии этнонациональных объединений в жизни Москвы и т. п.

Д. А. Гранин¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

При размышлении о диалоге культур мне симпатично обращаться к той жизни, в которой я жил и живу. В данном случае речь идет, во-первых, об истории нашей советской жизни. Наша история показала, что мы создали многонациональную культуру из собрания культур разных народов — кавказских, народов Дальнего Востока, Прибалтики, Украины, Молдавии и др. Разные истории со своими сложностями и трагедиями. Я соприкасался большей частью с литературой. Поэзия, допустим, наших малых народов дала много замечательных авторов. Поэзия Дагестана дала нам Расула Гамзатова, фигуру огромного поэтического дара, который, как всякий большой талант, оказал влияние на культуру своего народа. Он сразу вывел ее на международный уровень, поскольку его стихи получили международную известность, переводились на множество языков. На его тексты создавались прекрасные песни. Я могу назвать еще нескольких поэтов: Мустай Карим — представитель башкирской культуры, Давид Кугультинов — калмыцкой культуры, Кайсын Кулиев — балкарской культуры.

Это созвездие больших поэтов и прозаиков появилось не случайно. Оно появилось, потому что было очень плодотворное, подлинное содружество русской культуры с национальными культурами республик. Сформировалась замечательная школа переводов, что много значит для поэзии, литературы. Так возникла возможность общения. Хорошей культурной традицией были декады той или иной национальной культуры, проводимые в различных уголках страны. Благодаря русской переводческой школе, например, представители прибалтийских культур были введены в европейскую культуру. Блестящие переводы произведений Ю. Марцинкявичюса, М. Слущкиса и других писателей и поэтов сделали эти имена и их труды знаменитыми, ввели в обиход европейской культуры. Не случайно столько хороших творцов родилось в литературе, поэзии, прозе, кино, театре, изобразительном искусстве. Я помню, какая великолепная литовская живопись выставлялась в нашем городе, в Ленинграде. Я помню, насколько интересные были работы. Все это по-настоящему сближало народы. Национальные

культуры не разобщают, а наоборот, сближают нации. Расул Гамзатов или Кайсын Кулиев заняли свое место в русской литературе, русской культуре и русской жизни. Эти писатели участвовали во всех наших литературных событиях, что воспринималось вполне естественно. Это не были литературные туристы.

То же самое, благодаря нашей переводческой школе, происходило и с европейской литературой. Должен сказать, что как ни парадоксально, но именно благодаря «железному занавесу» мы очень горячо интересовались, что же за этим «железным занавесом» происходит. Какие там выходят книги, какая литература, что там творится, какие исторические, публицистические, философские работы появляются? И оказалось, что когда «железного занавеса» не стало и мы поехали в Европу, то выглядели очень образованными и сведущими людьми; не менее, а то и более сведущими, чем многие западные интеллектуалы. Это был интересный, взаимообогащающий культурный процесс. Я думаю, что такие фигуры, как Вячеслав Всеволодович Иванов, Сергей Аверинцев, Мераб Мамардашвили и другие, естественно вошли в обиход европейской интеллектуальной жизни. Связь разных культур, разных народов, разных национальных традиций помогает обогащать жизнь каждого из нас и мировую культуру. Показательна история нашей переводной литературы. В наш обиход так же, как на Западе, вошли Борхес, Фолкнер, Сэлинджер и другие. Они вошли в число наших писателей. Я бы даже рискнул сказать — в состав нашей российской библиотеки. Нам не так важно, итальянская это литература или французская, Моравиа или Сартр, — это, прежде всего, наш культурный обиход. И осмысление их произведений происходило так же интенсивно, как и осмысление творчества многих отечественных писателей. Наш интеллигентный читатель — это читатель всемирной литературы. Так же у нас существует и всемирное кино. У нас существует всемирная музыка. Твердо могу сказать: нет в нашей культуре явлений национализма, замкнутости и закрытости. Диалог культур, познание другой культуры, безусловно, позволяют полнее понять свою культуру.

Я не знаю, откуда берутся и чем питаются суждения о враждебности культур. Это было в фашистской Германии, когда лучшие писатели, такие как Томас Манн или Стефан Цвейг, вынуждены были эмигрировать. Спесивость в культуре характерна для тоталитарных режимов фашиствующего типа. Должен сказать, что и у нас был тоталитарный режим, но мы, однако же, можем похвастаться тем, что в течение этого тоталитарного режима мы имели возможность знакомиться и общаться с западно-европейской, американской литературой, поэзией, наукой. И оказалось, что наша литература — советская — за 70 лет своей истории создала замечательные произведения во всех жанрах. Не случайно мы

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Священный дар», «Интеллегенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др. Член Общественной палаты РФ. Лауреат государственных премий СССР и России, премий Президента РФ в области литературы и искусства, Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Почетный доктор СПбГУП.

сейчас с таким удовольствием смотрим старые фильмы, устраиваем выставки старых художников, поем советские песни. Высокая классика не стареет.

Когда исчезло понятие «советский человек», на смену ему пришло разделение народов на адыгейцев, черкесов, калмыков, украинцев, евреев, молдаван и т. д. Это спровоцировало националистические настроения. И это во многом результат, по-моему, жажды власти национальных элит. Они хотели быть не просто *при* советской культуре, они хотели быть самостоятельными хозяевами. Все произошедшее породило ряд не очень приятных явлений.

Российская история, по сути, представляет собой длительный диалог культур, диалог народов и конфессий. Такой диалог культур представляет собой и история Петербурга. Хочу отметить, что большую роль в диалоге культур сыграла Петербургская школа перевода. У нас были замечательные переводчики с английского, французского, немецкого. Одним из ярких представителей этой школы был Ефим Григорьевич Эткинд. Кроме того, следует вспомнить Б. Лившица, В. Адмони и других замечательных мастеров перевода и теоретиков перевода. Иосиф Бродский много переводил. Пушкин подчеркивал, что переводчики — «почтовые лошади цивилизации». Очень многое зависит от качества перевода, он может погубить произведение или же вдохнуть в него новую жизнь. Переводы — вещь капризная. К слову, у российских переводчиков не получаются, например, переводы Байрона. Плохо с переводами некоторых произведений Гете. Есть неподатливые авторы. Кстати, тот же Пушкин остается неподатливым для многих языков. Брался за него Набоков и очень хорошие литераторы — не получается. Это серьезнейшая проблема. Раньше у нас были курсы переводчиков, семинары переводчиков, поездки переводчиков, обмен опытом. Сейчас все это практически прекратилось. На наших глазах нарушаются, слабеют культурные связи. У нас была школа переводов прибалтийских литератур — с литовского, латышского, эстонского языков. Важно не лишиться традиций. Боюсь, что в наше время выход на международную арену прибалтийских поэтов и прозаиков сильно затруднен. И это губительно прежде всего для маленьких народов.

Роль Петербурга в культурном диалоге трудно переоценить. В нашем городе проходили международные конгрессы писателей, деятелей культуры, кинофестивали, фестивали драматургов. Петербургский драматург Александр Володин — драматург международного класса. В городе работало немало крупных художников и композиторов: А. Петров, С. Слонимский и другие. Это композиторы, которых Запад знает и музыку которых слушает. Мы можем считать, что Петербург остается одним из крупных международных культурных центров.

К сожалению, существует общий процесс — во многом мировой — кризисных явлений в искусстве, культуре. Кризисное явление есть в экономике. Но есть кризисные явления и в искусстве. В течение многих лет у нас не появилось шедевров киноискусства мирового масштаба. Есть потуги, есть заявле-

ния. Но шедевра не выходит. «Оскар» наши кинематографисты не получают. Все-таки существуют те или иные международные премии, которые худобедно, более-менее точно определяют уровень таланта и достижений. «Оскар» у нас не было давно. У нас очень бедный список Нобелевских премий по литературе. После Бродского и Солженицына новых лауреатов так и не было.

К сожалению, надо признать: мы не умеем ценить свои таланты. Мы боимся современных поисков. К примеру, наши музыканты уезжают на Запад, получают там признание, и лишь после этого мы начинаем им рукоплескать. Так было со А. Шнитке, С. Губайдуллиной, Р. Щедриным. Так происходит не только с композиторами, но и с пианистами, дирижерами, скрипачами. Они уезжают от нас, потому что не могут добиться здесь успеха. Возьмем Петербург — огромный пятимиллионный город. А в нем всего 4–5 концертных залов, один настоящий академический оркестр (в двух вариантах). Мы перестали приглашать к себе музыкальных знаменитостей Запада. Все ссылаемся — нет денег, платить нечем. Это неправда. Наши меломаны готовы платить любые деньги, лишь бы слушать настоящую исполнительскую музыку. Советский Союз пользовался особым интересом со стороны западной культуры. Сейчас мы стали обычной отсталой капиталистической страной. Замечу, что американский Белый дом, президент США приглашают к себе скрипачей, пианистов, устраивают вечера. Не потому, что американские политики такие уж ценители музыки, а потому, что это принято. Главное — потому, что это признак уважения к культуре своей страны. Мы же не умеем ценить своих мастеров.

Хочу сказать, что сейчас существует много разных культур, много определений культуры, искусства. На мой взгляд, искусство — это то, что становится открытием; то, что волнует; то, что может отпечататься в душе. Недавно я посмотрел британский фильм «Король говорит!». Очень простой сюжет, все наивно, очень хорошо сделано, хорошо играют актеры. И столько правды, чувства! Или фильм «Спасти рядового Райана» — фильм, который меня захватил. Он о главном — спасти человека. Что может быть более дорогим и важным в жизни? Спасти жизнь другого человека. У нас была война более тяжелая и страшная, чем у американцев. А фильма мы такого не сделали — столь гуманной наполненности. Да, у нас были замечательные кинокартины — «Отец солдата», «Летят журавли». Но много лет уже не появляется достойного фильма о войне. А американцы взяли и сделали такой фильм. И там нет восхваления их армии. «Король говорит!» — не восхваление английской монархии. Это история человека, который нашел в себе силы одолеть свое заикание и выступить. Это — про человека. А у нас? Почему мы в течение 80 лет не можем сделать хороший легковой автомобиль? Все делаем: танки, самолеты, ракеты, а автомобиль не можем. Потому что не о человеке думаем. Для человека мы ничего не умеем делать. Раньше не хотели, а сейчас уже не умеем. То же самое относится и к искусству, культуре. Главное в искусстве, культуре — мысль о человеке.

А. А. Громыко¹

КУЛЬТУРА МИРА И АРХИТЕКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Каждая эпоха имеет свою культуру. Культура и образование формируют модель взаимоотношений с человеком. Культура — это своего рода защита для человека, важная часть фундамента безопасности государства.

Европейский взгляд на архитектуру международных отношений связан с *Античностью*, ее идеалом гармонии человека в упорядоченном мире. В *Средневековье* европейцы воспринимают мир при помощи всезнающего Бога, без которого понимание жизни невозможно. В эпоху *Просвещения* на первое место выходят культура и образование. Они помогают человечеству преодолевать невежество, стремиться к установлению истин, в том числе в философии и политике. Растет уверенность в том, что мир может быть устойчивым и возможно исключить насилие, а тем более войны как средство достижения внешнеполитических целей.

Реальность оказалась иной. Возобладало мнение, что война — это продолжение политики другими средствами. Пацифистские взгляды на международные отношения также получили распространение, но они не оказали ощутимого влияния на историю людей.

Именно в Европе, считавшей себя *колыбелью Просвещения*, основанного на знаниях, начались две мировые войны и множество других военных конфликтов. Именно здесь возник фашизм, сугубо расистская идеология, утвердился мрак невежества и геноцида в невиданных ранее масштабах.

В XX веке как реакция на ужасы войны усилилась борьба двух основных тенденций международной жизни — силы права с правом силы. После немогущей Лиги Наций возникла Организация Объединенных Наций, окрепло международное право, активизировалась позитивная дипломатия. Между государствами с противоположными общественными системами были заключены важные соглашения международно-правового характера.

Казалось, что разум берет верх над насилием, но этого, к сожалению, не случилось. Биполярный мир с его балансом интересов исчез, ему на смену пришел мир с новыми заботами, глобальным финансово-экономическим кризисом, отсутствием стратегического согласия между влиятельными

странами, особенно в сфере международной безопасности.

В этих условиях возросло значение научных исследований, в том числе тех, в которых политикам и дипломатам даются полезные и правильные советы. Последние появляются тогда, когда мы признаем приоритет знаний и культуры мира, не забываем об отрицательном опыте прошлых лет, особенно опасного милитаристского мышления.

Культура мира в диалоге культур занимает важное место. Она оказывает благотворное влияние на международные отношения. Решающую роль при этом играют национальные государства, их внешняя политика и дипломатия. Культура мира является основанием силы права. Уникальным фундаментом для нее является ООН.

ООН — планетарная демократическая организация — детище великой победы советского народа и наших союзников над сильным и безжалостным врагом — гитлеровской Германией и ее союзниками. Сегодня ООН является основой архитектуры международных отношений. У этой организации немало недостатков, но они — порождение не Устава, а наглого поведения на международной арене хорошо вооруженных государств, проводящих политику с позиции силы.

Важная задача просвещенной части мирового сообщества, к которой относится и мир науки, — не упустить момент, когда человечество может оказаться в «точке невозврата». В этом случае сохранение мира станет не просто проблематичным, но и невозможным. Использование термина «точка невозврата» возможно не только в авиации, но и в политике, в том числе в международных отношениях.

Приведу один пример — создание Организации Объединенных Наций. Если бы ООН не была создана летом 1945 года, то она бы никогда не была создана. ООН появилась в результате чудовищных потрясений, которые европейские и другие народы пережили во время Второй мировой войны. Это было жестокое время, которое породило большие надежды на рай на Земле и уникальный результат — планетарную демократическую организацию, призванную, как говорится в ее Уставе, «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе»². «Невыразимое горе» объединило лидеров «Большой тройки», стран антигитлеровской коалиции, в духовном порыве создать новую архитектуру международных отношений. Это был реальный триумф мира в условиях великой победы над фашизмом, наследниками которой мы все являемся.

Создание ООН помогло пройти «точку невозврата», которая возникла после смерти президента США Франклина Рузвельта и воцарения в Белом доме нового хозяина — Гарри Трумэна.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 30 монографий: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Член Научного совета Президиума РАН по проблемам Африки. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Почетный член Королевской академии наук Марокко, Малагасийской академии наук, Почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

² Пreamбула к Уставу ООН «Мы, народы объединенных наций...»

На Сан-Францисской конференции (25 апреля — 26 июня 1945 г.) Москвой были предприняты решительные действия по спасению наследия конференции представителей США, Великобритании и СССР, прошедшей в Думбартон-Оксе, пригороде Вашингтона (2 августа — 7 ноября 1944 г.), и особенно исторических результатов Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.).

Архитектура международных отношений была бы совсем иной — шаткой, подверженной большому риску третьей мировой войны, если бы создание ООН торпедировали.

ООН с увеличением ее состава стала похожа, как говорил мой отец, на муравейник. В этом «высокопоставленном муравейнике» методами многосторонней дипломатии достигаются договоренности по многим международным проблемам.

В условиях глобализации на международные отношения сильное влияние оказывают цивилизации, баланс экономических и военных сил, региональные особенности геополитических зон. Но из этой суммы факторов следует выделить одну силу, которая ощутимо влияет на наше настоящее и будущее, — это международное право. Оно является результатом развития культуры мира, воплощенной в различных сферах человеческих знаний, в том числе следствием возможностей дипломатии как искусства решать международные конфликты мирным путем на основе компромиссов.

Право силы — это такая организация глобальной архитектуры международных отношений, когда центры финансовой и экономической мощи (многонациональные корпорации крупных государств и их союзников) присваивают природные и иные богатства Земли в пропорциях, весьма далеких от справедливых. Это ведет к деградации жизни, усилению процессов миграции населения, быстрому изменению этнического состава не только отдельных городов и стран, но и в перспективе — целых континентов, в том числе Европы и даже США.

Пока не ясно, к каким цивилизационным сдвигам приведут эти процессы. Более того, эти испытания сопровождаются природными катаклизмами. Наш общий дом — Земля — на глазах ветшает, экология деградирует, количество плодородных земель и питьевой воды уменьшается.

Чем в этой ситуации, чреватой большими опасностями, заняты мировые политические элиты?

Какой линии в международных отношениях они придерживаются? Отвечая на эти вопросы, трудно оставаться равнодушным. Мы наблюдаем тревожную картину постепенного разрушения международного правового сознания. Например, отрицается значение и даже жизнеспособность такого уникального социально-политического института, как государство. Непродуктивность таких утверждений очевидна. Они преследуют корыстные экономические, а также политические и геополитические цели.

Международные отношения — это прежде всего отношения между государствами. Нормы международного права в первую очередь регулируют отношения между государствами. Именно поэтому ООН состоит из равноправных государств. В ООН принимают в качестве членов не народы, а государства. В Уставе ООН говорится о дружественных отношениях между «нациями», при этом подразумеваются государства, так как в английском языке слово “nation” имеет тот же смысл, что и слово “state”.

Какое место в архитектуре международных отношений XXI века займет Россия? Каким будет ее силуэт? Прекраснодушные лозунги не дают ответа на эти вопросы. Более того, мы не ищем ответов, живем в обстановке криминально-карнавального шоу, беспорядочных реформ. Страна утратила былую мощь. Чиновники разучились работать. Крах Советского Союза обернулся дезинтеграцией веками создававшейся царской империи, от нее остались лишь символы власти и парадные мундиры.

Умирает надежда на создание в Восточной Европе союза трех славянских государств — России, Украины и Беларуси. Наивно думать, что «окно возможностей» для такого единения будет существовать вечно. Сохраняется надежда на жизнеспособность Содружества Независимых Государств, хотя соперники России хотели бы развалить и его.

Если интеграционные проекты славянских народов не будут реализованы, в Восточной Европе возникнет ситуация, которой трудно дать определение. Она будет напоминать беспорядок. Наша элита, убаюканная розовыми снами «всеобщего» обогащения, предпочитает об этом не думать. Архитектура международных отношений сложится и без нас. Только на ее горизонте не будет красивого и мощного здания «Россия». Придется долго всматриваться в эту архитектуру, чтобы воскликнуть: «Да вот же мы!»

П. Н. Гусев¹

РОССИЙСКИЕ СМИ: ОТСТАВАНИЕ ОТ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ МОЖЕТ СТАТЬ НЕОБРАТИМЫМ?

В последние десятилетия в России немало сделано в направлении приведения сферы деятельности СМИ в соответствие с международными нормами. Однако пока сделанного в этом плане недостаточно. В своем прошлогоднем обращении к Федеральному собранию Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев намекнул, что государству пора начать избавляться от несвойственных ему активов типа «заводов, газет, пароходов».

«Органы власти не должны быть владельцами заводов, газет, пароходов. Каждый должен заниматься своим делом», — сказал Президент РФ. Устами господина Дворковича было досказано, что государство должно освобождаться не только от избыточных функций, но и от избыточной собственности. По его словам, приватизация на региональном уровне может принести несколько десятков миллиардов рублей. Приватизированы должны быть и СМИ: «У многих регионов не одна, а несколько газет — это бессмысленная трата средств местного бюджета», — сказал помощник президента. «Необходимо, чтобы газеты были объективным источником информации», — отметил он. — Срок принятия региональных планов приватизации может составить около полугода».

Эта аккуратно высказанная Президентом России мысль — пусть даже и без цифр (показывающих, сколько народных денег и активов взяла власть в свое весьма долговременное пользование и как использовала), сроков возвращения долгов и концепции предстоящей работы — все же вызвала в определенной части общества (особенно в его медиаотсеке) бурную, не сказать бы — восторженную реакцию.

Некоторые, в том числе и я, назвали девиз Президента России (при всех сомнениях) революционным! Мы, представители медиасообщества, резво кинулись в дискуссии, разговоры, поиски ответов на главный вопрос — когда же столь долго ожидаемое разгосударствление СМИ случится, и как оно затронет тех, кто работает в редакциях газет, на телевидении и радио, в интернет-изданиях?

В декабре 2010 года в Твери Комиссия Общественной палаты по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации провела весьма содержательные слушания на эту тему.

По имеющейся статистике Роспечати, в 2010 году было зарегистрировано на 8 % больше печатных СМИ, чем в 2009-м, а по сравнению с 2005 годом их число увеличилось на 34 %. На сегодняшний день в России зарегистрировано около 94 тыс. средств массовой информации, из них почти 73 тыс. печатных

СМИ и более 17,5 тыс. — электронных. Причем число зарегистрированных в 2010 году региональных СМИ более чем в два раза превышает число общероссийских. В предыдущем году эта разница была не столь существенной. Так, в 2005 году число территориальных СМИ превышало число общероссийских лишь на 11 %, в 2006-м — на 16,5 %, а в 2009-м — уже на 42 %.

Средний объем региональных газет составлял 18 страниц, журналов — 98 страниц, средний объем общероссийских газет — 20 страниц, журналов — 102 страницы. Больше всего журналов развлекательной (14,6 %) и рекламно-информационной (12,4 %) тематики. Общественно-политических журналов — 7,9 %, научных и научно-популярных — 7,8 %, детских — 2,9 %, литературно-художественных — 2,7 %.

Наибольший процент газет (42,3 %) составляют газеты общественно-политической тематики, 17,1 % приходится на рекламно-информационные издания, 12,9 % — на газеты с тематикой «досуг и развлечения». По периодичности выхода в свет больше всего наименований ежедневных газет и ежемесячных журналов. По данным, имеющимся у Роспечати, в 2010 году в России на 33 % выросло число зарегистрированных электронных СМИ. В два раза выросло число зарегистрированных как средства массовой информации интернет-сайтов. По сравнению с 2006 годом рост числа зарегистрированных как СМИ интернет-сайтов составил 62 %².

Однако, как сообщила газета «Ведомости» 1 декабря 2010 года, точных данных о количестве СМИ, принадлежащих региональным властям, и о том, во сколько их содержание обходится местным бюджетам, у Минкомсвязи нет. Прежде инициатива тотальной приватизации региональных газет и телеканалов не обсуждалась.

Любопытна реакция госаппарата на идею Президента РФ. Так, председатель Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации администрации Санкт-Петербурга Александр Коренников согласен, что регионам необходимо избавляться от непрофильных активов, но настаивает на том, что собственные газеты и телеканалы администрации нужны, чтобы разъяснять гражданам «суть решений властей». Город владеет бесплатной газетой «Петербургский дневник» и кабельным каналом «Санкт-Петербург» (его бюджет на четыре месяца 2010 г. — 60 млн руб.).

Не считает СМИ непрофильными активами и высокопоставленный чиновник мэрии Краснодара (ему принадлежит газета «Краснодарские известия» и телерадиокомпания «Краснодар»): «Платить за освещение деятельности властей коммерческим СМИ было бы слишком дорого».

¹ Главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, заслуженный работник культуры РФ.

² Источник: Media Atlas от 14 января 2011 г.

При существующем положении власть всегда будет поддерживать свои СМИ. И здесь кроме прямого финансирования существуют и другие возможности административной помощи. Это организация, а временами и принуждение подписки на свои издания, рассылка грозных писем и т. д.

Государственные СМИ щедро финансируются из бюджета. Как сообщили Комиссии по СМИ Общественной палаты РФ из Красноярского края, в 2011 году в целом на информационную политику предлагается выделить 381 млн рублей. Это почти на 2 млн больше, чем в 2010-м. Деньги должны пойти на поддержку краевых газет, журналов, телевидения и 44 районных и городских газет, находящихся на балансе краевого бюджета. При этом лишь 28 млн рублей будут направлены на размещение материалов в негосударственных СМИ.

Воссоздаются региональные городские медиахолдинги, которые формируют и финансируют региональные и муниципальные органы исполнительной власти. Наиболее яркий пример прошлого года, характеризующий эту тенденцию, — преобразование агентства «Татмедиа» (Татарстан), куда входят более 100 средств массовой информации, в республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям и наделение его полномочиями по вопросам госуправления в сфере печати.

Из всех субъектов Федерации на поддержку СМИ больше всего средств из бюджета тратит Москва.

В то же время, отмечают наши коллеги на местах, независимые общественно-политические газеты вымирают как класс. А им на смену приходят бюджетные издания с бесплатным распространением. Эти СМИ полностью подконтрольны региональной власти, а поэтому власть не жалеет на них денег. Бесплатно раздаются сотни тысяч экземпляров выпущенных за счет бюджета государственных и муниципальных газет. С громадной скоростью уничтожается медийный рынок. Усиливается конкуренция на рынке печатных СМИ, общественно-политическим изданиям в этих условиях выживать тяжело. А независимым — вдвойне.

Сегодня в России понятия «медиабизнес» и «информация» зачастую разведены в разные стороны. Дотация в обмен на нужную информацию — вот пагубная формула, которая наносит очевидный ущерб и СМИ, и власти в регионах. Зависимость местной прессы от исполнительной власти — жесткая. Так, например, в Алтайском крае за два года сменилось 24 редактора районных городских газет. Произошло это после выборов глав местных администраций в 2005–2006 годах. Не менее губителен и другой путь — прямое содержание СМИ органами власти. Два этих антирыночных потока образуют в масштабах страны многомиллиардную реку дотаций.

В целом Россия, по подсчетам Минфина, потратит 174 млрд рублей на поддержку средств массовой информации в 2011–2013 году.

Государство продолжит финансировать «Российскую газету», «Голос России», ВГТРК, телекомпанию Russia Today, «РИА Новости» и ИТАР-ТАСС.

В данный список может войти также ряд радиостанций и интернет-порталов. Кроме того, государству принадлежит 51 % акций Первого канала. Как показывает жизнь, государство по сути контролирует и НТВ, формально принадлежащее Газпрому. Правительство выделяет деньги и на поддержку организаций спортивного вещания, которое будет отвечать за концепцию олимпиады в Сочи.

Большинство руководителей СМИ, ведущих самостоятельный бизнес, считают, что такая политика безумна для нашего государства. У многих из них есть понимание, что поддерживать средства массовой информации, особенно муниципальные, районные, региональные, нужно, но форма поддержки — когда из рук власти напрямую «кормятся» тысячи представителей СМИ — пагубна, страшна.

Есть весьма оригинальные предложения об использовании средств госбюджета более эффективным образом, чем прямое финансирование СМИ властью. Вот, скажем, у государства существует проблема борьбы с пьянством и алкоголизмом, и с ней нужно бороться всерьез. Было бы лучше, если бы вместо того, чтобы деньги распределять на содержание бесчисленного количества государственных газет, журналов, теле- и радиостанций, государство создало программу социальной рекламы по этой проблеме. И эту рекламу размещало бы в средствах массовой информации, а через Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям распределяло эти рекламные материалы, оплачивая их. Аналогичный подход мог бы иметь место, скажем, по демографической проблеме, проблеме толерантности, веротерпимости и др.

Есть опасность, что в процессе приватизации государственных СМИ ближайшие родственники начальников — как губернских, так и региональных — «неожиданно» станут владельцами средств массовой информации. Не получится ли, что государственные СМИ в период приватизации будут скуплены криминальными авторитетами? Ведь это важно — в чьи руки они перейдут.

Процесс разгосударствления СМИ представляется весьма непростым. Если сейчас перестать помогать муниципальной «маленькой» прессе в небольших городах, поселках, то она просто исчезнет. Там нет своего рекламного рынка, крупных финансовых спонсоров.

Необходимо менять Закон о СМИ или оговаривать какие-то условия, что государство должно иметь одно средство массовой информации, в котором будут печататься, предположим, какие-то документы, постановления, решения, то есть информировать население.

Надо ставить вопрос на уровне и правительства, и законодательной власти, что все-таки пришла пора — в Законе о СМИ должна появиться графа, что такое государственное СМИ, и вообще должно ли оно существовать или нет. Даже в виде бюллетеня, в котором публиковался бы свод постановлений.

Попытки менять Закон о СМИ предпринимаются регулярно. Только за прошлый год Комиссия по

СМИ Общественной палаты России отклонила более 70 поправок в Закон — прежде всего поправок, ужесточающих закон, касающихся условий работы журналистов, их прав и свобод.

Но попытки изменить Закон продолжаются. Так, в частности, 22 февраля 2011 года Госдума приняла в первом чтении законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации, телевизионного вещания и радиовещания». Законопроект затрагивает, в том числе, вопросы правового регулирования Интернета.

Общественная палата РФ в связи с этим заявила, что проведет экспертизу данного законопроекта, что любые нововведения, касающиеся Интернета, его законодательного регулирования, воспринимаются с настороженностью, поскольку несут в себе угрозу ограничений распространения информации и цензуры. Что нужно очень гибко подходить к этому вопросу, совместно с экспертным сообществом, блогерами, общественниками, редакторами, журналистами, юристами обсуждать любые нововведения.

Общественная палата РФ сформулировала по поводу разгосударствления СМИ свои предложения и направила их во все структуры власти. Речь идет, в том числе, и о том, что финансирование СМИ должно проводиться через общественные структуры, палаты, организации, добиваясь того, чтобы прямого участия власти в распределении денег не было. Опыт такой есть: Общественная палата РФ уже третий год распределяет миллиарды рублей среди общественных организаций — не государство, а именно Общественная палата.

По содержанию наши предложения по разгосударствлению СМИ следующие:

- запретить (через нормативно-правовые акты, а лучше законы) органам власти всех уровней лоббировать «свои» издания, заставить их выйти из состава соучредителей СМИ и прекратить тем самым прямое финансирование;

- на уровне государственной власти России: законодательно запретить органам власти субъектов Федерации учреждение и финансирование производства и распространения СМИ общественно-политической тематики, за исключением газет и журналов на языках малых народностей, изданий для инвалидов;

- ограничить государственные СМИ, созданные для официального опубликования законов и других нормативных актов, а также комментариев к ним, в публикации рекламы и платных объявлений;

- установить льготный режим налогообложения редакций СМИ, за исключением редакций, издающих газеты и журналы рекламного, эротического характера;

- сохранить на два-три года почтовые тарифы при подписке на газеты и журналы на уровне 2010 года;

- не допустить взимания Почтой России с редакций СМИ дополнительной платы за доставку печатных изданий до газетных узлов;

- решить вопрос о сохранении сети почтовых отделений, о возобновлении их как минимум пятидневного режима работы, так как сейчас число почтовых отделений в стране сокращается, режим оставшихся доходит до двух-, трехразового, что приводит к сворачиванию подписки на ежедневные газеты и нарушению прав подписчиков;

- разработать и реализовать программу разгосударствления прессы путем постепенной трансформации государственных СМИ в общественные или частные; незамедлительно ввести запрет на участие негосударственных структур в уставном капитале государственных СМИ и государственных структур в уставном капитале негосударственных СМИ; изменить методы управления государственными СМИ в направлении их профессиональной самостоятельности и учета общественного мнения, исключить государственные СМИ из рекламного рынка;

- провести реформы организационно-правового, экономического статуса местных СМИ: муниципальных, районных, городских газет, информационных центров и телерадиокомпаний — с целью обеспечения их независимой от собственника СМИ, органов местной власти редакционной политики;

- в качестве экономической гарантии такой независимости создать Общественный фонд финансирования деятельности местных СМИ, не зависящий от конъюнктуры существующей региональной и муниципальной власти.

Жизнь покажет, станет ли ситуация с «газетами, пароходами» и продекларированным намерением российской власти провести разгосударствление СМИ реальностью или... всего лишь приманкой для либеральной интеллигенции, гражданского общества на период предвыборной президентской кампании. Тема сегодняшнего, явно неблагоприятного состояния российских СМИ, их способности обеспечивать конституционные права граждан на объективную и честную массовую информацию, развиваться в русле мировых ценностей и демократических тенденций исключительно серьезна.

У России есть выбор пути, и СМИ должны помочь стране сделать его правильно. Впереди — огромная, напряженная и чем-то даже рискованная работа. Поэтому, как говорится, «улыбаться будем потом».

Кстати, о диалоге культур. Многим участникам дискуссий о разгосударствлении СМИ было интересно узнать, в частности, о том, что в Грузии, например, запрещено создание государственных СМИ. По мнению ряда экспертов, именно в этой стране лучшее законодательство в области СМИ — не только на территории бывшего СССР, но и в странах Восточной Европы. Во-первых, Грузия — единственная страна на постсоветском пространстве, в конституции которой запрещено создание государственных СМИ; во-вторых, там лучший закон о свободе информации; в-третьих, из уголовного кодекса Грузии изъяты все статьи, которые могут быть применены против журналистов. Наконец, там нет института аккредитации, и все ино-

странные журналисты вольны ехать, куда и когда они хотят: никто не требует от них получения разрешений.

Более того, правительство вводит новые стандарты публичности информации и свободы СМИ. Оно решило перейти на более высокие и демократичные стандарты, которые внедрены в США, Ве-

ликобритании и других развитых странах мира. Начата работа над законопроектом, согласно которому информация о том, кто является владельцем СМИ, кто стоит за теми или иными газетами, журналами и другими средствами массовой информации, откуда они получают финансирование, станет общедоступной и публичной.

А. А. Гусейнов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРЕДЕЛЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Два исторических события последнего времени заставляют вернуться к вопросу о диалоге культур, в частности, по-новому взглянуть на вопрос о самой его возможности. Первое из них состоит в признании президентом Франции и канцлером Германии краха политики мультикультурализма. Второе — это восстание масс в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, тех самых масс, представители которых, попав в страны Европы, оказались непроницаемы для политики мультикультурализма. Внешне эти события не связаны между собой, тем не менее внутренне такая связь существует.

Восстание мусульманских масс в своих странах позволяет предположить, что крах политики мультикультурализма на самом деле означает признание ограниченности культурологического подхода к проблемам межкультурного взаимодействия в развитых европейских странах. Для понимания и практического решения последних необходимо расширить исследовательские подходы к ним.

Прежде всего, надо учитывать, почему и как в культурно-гомогенных странах Европы возникают инокультурные анклавы выходцев из стран третьего мира. Совершенно очевидно: перебираясь правдами и неправдами (большая часть, конечно, правдами, по вполне легальным каналам) в развитые страны, люди из так называемого «третьего мира» убегают от нищеты, от бесправия, а чаще всего от того и другого. В конечном счете та же причина, которая порождает эмигрантские потоки из этих стран, вывела в них людей на улицы. Это недовольство социальными и политическими условиями жизни.

Далее надо понять, почему люди, став иммигрантами, не мирятся со своим второсортным материальным и социальным положением, хотя оно намного лучше, чем у их оставшихся на родине соотечественников и чем было там у них самих. Дело

в том, что людей побуждают покидать свои страны и выводят на улицы не только одни и те же причины, но и одни и те же идеальные устремления: ценности демократии, свободы, человеческого достоинства. Решаясь на эмиграцию в развитую Европу, люди рассчитывают не только на улучшение условий своей жизни по сравнению с тем, что они имели на родине, но и на достойное существование по европейским критериям. Но именно этого последнего они здесь не получают. Они с удивлением обнаруживают, что европейцы видят их культурные особенности, цвет кожи, платки и минареты, но не видят их человеческого родства с собой; ощущают, что именно из-за культурных различий их готовы скорее изолировать, изгнать, чем понять и сотрудничать. Отсюда склонность к иррациональным и разрушительным действиям, которые порождены скорее глубокой завистью и уязвленным самолюбием, чем стремлением защитить свои права. В связи со сказанным уместно процитировать неожиданное и довольно точное суждение Славоя Жижека: «Фундаменталистский исламский террор основывается не на вере террористов в свое превосходство и не на их желании оградить свою культурно-религиозную идентичность от наступления глобальной потребительской цивилизации: проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем, что они хуже нас, а скорее в том, что они втайне сами так считают (то же, по-видимому, ощущал и сам Гитлер по отношению к евреям). Именно поэтому наши снисходительные политкорректные заверения, что мы не считаем себя лучше их, только усиливают их бешенство и *ressentiment*. Проблема не в культурном различии (их попытке сохранить свою идентичность), а ровно в обратном: фундаменталисты уже похожи на нас, потому что они втайне применили наши стандарты и мерки к себе. (Это явно относится и к далай-ламе, который обосновывает тибетский буддизм в западных терминах стремления к счастью и избегания страданий.) Парадоксальным образом фундаменталистам действительно не хватает некоторой дозы “подлинно расистского” убеждения в собственном превосходстве»².

Словом, восстание масс в арабо-мусульманских странах, проходящее под лозунгами социальной справедливости и демократии, и в той мере, в ка-

¹ Академик Российской академии наук, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», книжной серии «Библиотека этической мысли», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии // Логос. 2006. № 2. С. 9–10.

кой оно проходит под этими лозунгами, позволяя понять, что политика мультикультурализма потону и терпит крах, что она не доходит до социальных и нравственных глубин проблемы.

Судьба мультикультурализма в Западной Европе имеет для нас не только абстрактно-познавательное значение. Она важна также для понимания российской ситуации. Россия, конечно, счастливо отличается от Западной Европы тем, что она имеет многовековой опыт государственной жизни в условиях этнокультурного и конфессионального многообразия. Однако значение этого опыта нельзя преувеличивать: он ограничен историческими условиями, в которых складывался, и формами, в которых существовал. Культурное многообразие современной России качественно иное, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, входившие в состав российского государства народы и конфессии в целом жили на своих исторически существовавших территориях, сохраняя относительную обособленность и преемственность своего образа жизни. В этом отношении показательно, что для двух крупных пришлых народов — немцев и евреев — в годы советской власти были выделены особые территории и созданы автономные государственно-административные структуры. Это было, видимо, сделано как раз для того, чтобы вписать их в традиционную российскую версию культурного многообразия. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась: люди, принадлежащие к разным культурам и конфессиям, покидают свои экологические ниши, они пришли в непосредственное и систематическое общение, которое приобрело социологически значимые масштабы. Сегодня поликультурность — не только характеристика демографии государства, но и реальность повседневной жизни.

Во-вторых, раньше российское государство (и в царский, и в советский периоды) было национальным (империей, союзом республик). Современное российское государство, если иметь в виду его основной постсоветский исторический вектор, развивается в сторону национального государства, а именно русского национального государства. Тем самым проблема сочетания единой государственной идентичности с разнообразием культурных идентичностей приобретает новое измерение и чревата глубокими конфликтами. Это становится проблемой и для самого русско-православного населения не менее острой, чем для других этнокультурных и религиозных групп.

Поликультурность — новая реальность новой глобальной эпохи, новый исторический вызов, в том числе для России. Политике мультикультурализма в современном мире, поскольку он, современный мир, становится глобальным, нет альтернативы. Сегодня для всех очевидно, что нарастающее единство человечества в области технологий, экономики, финансовых коммуникаций, отчасти политики сопровождается усилением исторически сложившихся цивилизационных и культурных различий, всплеском

многообразных этнических, конфессиональных, региональных и других идентичностей. Однако не все видят связь одного с другим — того, что диверсификация, если можно так выразиться, в области духовной жизни является продолжением и дополнением глобализации в материальной сфере. Дело не просто в том, что только в перспективе глобализма высвечивается само духовное и культурное многообразие мира, актуализируется и обостряется чувство культурной самобытности. Еще важнее другое: в рамках процессов глобализации регионы оказываются связанными между собой по принципу сообщающихся сосудов, что неизбежно приводит к свободному передвижению людей и порождает ситуацию культурного многообразия в качестве нормы общественной жизни. Попытки поставить юридические и физические заслоны, препятствующие свободному перемещению людей, противоречат самой сущности глобализма, что, разумеется, не означает, будто надо настежь открыть двери для передвижения людей так же, как они открыты для товаров и информации. Это лишь означает, что культурный плюрализм в том виде, в каком он складывается в развитых странах Запада и региональных центрах, как Москва, является в очень большой степени следствием неравномерности и диспропорций в экономическом и социальном развитии стран и континентов. Его нельзя рассматривать только как культурологическую проблему. Соответственно и диалог культур, как способ легитимации культурного многообразия, необходимо интерпретировать с ясным осознанием его возможностей и пределов — с таким осознанием, которое, с одной стороны, видит в многообразии культур формы, ограничивающие общие всем людям интересы и стремления, а с другой стороны, оставляет открытой перспективу формирования глобальной общности людей.

Точное определение собственного содержания и возможностей диалога культур позволяет одновременно очертить его пределы и тем самым сочетать этико-культурологический анализ поликультурности с социальным и философско-историческим подходами к нему. Адекватное понимание диалога культур состоит в его интерпретации как открытого процесса — такой формы взаимоотношений людей, которая является лишь аспектом их многогранной и моментом исторически развивающейся совместной деятельности. С этой точки зрения ряд концептуальных положений являются особенно важными.

Одно из ключевых положений концепции диалога культур состоит в том, что культуры сами по себе не взаимодействуют, не вступают в диалог. Это могут делать только люди, принадлежащие к той или иной культуре. Культуры, особенно культуры в их этнонациональной, религиозной, цивилизационной выраженности, объединяют большие, социологически значимые группы людей. Принадлежность к культуре — генерализирующая, а не индивидуализирующая характеристика человека. Отсюда следует как минимум два вывода.

Во-первых, так как принадлежность к культуре — общая характеристика большой группы людей, то никто из них в отдельности не имеет исключительного или преимущественного права выступать (свидетельствовать) от имени культуры, представлять ее. Это тем более верно, что люди, принадлежащие к одной культуре и несущие ее в себе, могут по-разному понимать и чаще всего действительно по-разному понимают ее сущность и нужды. Русский равен русскому. Христианин равен христианину. Европейец равен европейцу. Нет такого русского, который был бы более русским, чем другой. Русский остается русским, даже если он принимает другую веру и другое имя. Нет такого христианина, который был бы более христианином, чем другой. Л. Н. Толстой был глубоко верующим христианином, а Синод русской православной церкви признал его позицию нехристианской. Но право одного считать себя христианином было столь же законным, как и право других отказывать ему в этом. Нет такого европейца, который был бы более европейцем, чем другой. Даже если он уезжает на Гаити и живет там по местным обычаям, он все равно остается европейцем, и, быть может, в самом факте такой перемены места и образа жизни он является им более, чем в чем-либо другом.

Во-вторых, поведение отдельных индивидов, их поступки нельзя выводить из их принадлежности к культуре. Принадлежность к культуре, как, например, и принадлежность к человеческому роду, является только условием поведения индивидов, задает некие рамки, пространство, в котором совершаются их поступки, но не объясняет их. Конечно, культурная идентичность — более конкретная характеристика, чем биологическая идентичность, но тем не менее все равно и она остается слишком общей для понимания поведения отдельных индивидов.

Можно предположить, что мотивирующая роль культурной идентичности индивидов оказывается иной, в частности, становится более осознанной и действенной в процессе взаимодействия с индивидами, принадлежащими к другой культуре, в ситуации поликультурного существования. Однако следует иметь в виду, что люди, принадлежащие к разным культурам, встречаются, взаимодействуют между собой, как правило, не в связи с их культурными различиями, а по совершенно конкретным поводам и интересующим их проблемам, которые находятся вне этих различий. К примеру, мы в Москве в последние годы по месту жительства часто контактируем с иммигрантами из Таджикистана, которые работают дворниками. Работают они в этом качестве не потому, что они таджики, а потому, что их заставляет нужда. И берут их на эту работу не потому, что они — таджики, а потому что они готовы выполнять ее. Этот маленький случай поликультурности обусловлен совершенно конкретным делом и совпадением интересов — нашего интереса иметь чистые дворы, их интереса заработать деньги. И существующие между нами культурные различия в данном случае прямого отношения к делу не

имеют. Так происходит в подавляющем большинстве случаев.

Ситуация поликультурности чревата опасностью абстрактного мышления, состоящего в том, что конкретные факты и индивидуальные действия человека рассматриваются исключительно сквозь призму его принадлежности к другой культуре. Она требует более высокого, чем монокультурная среда, интеллектуального уровня и нравственной дисциплины: первый состоит в конкретности мышления, умении судить о каждом деле по его собственным критериям, вторая требует рационально обусловленной сдержанности оценок, выстраивания отношений в логике индивидуально-ответственного поведения. Например, если, возвращаясь к нашему примеру, дворник хорошо убирает и ведет себя уважительно и, в особенности, если он делает свое дело плохо и доставляет неудобства жильцам, то надо понимать, что так действует и ведет себя не «таджик» и тем более «не таджики», а наш дворник, вот это конкретное лицо. Деформация в рассуждении, когда содержательный и конкретный анализ конкретных действий привязывается к одной абстрактной, а именно этнонациональной характеристике человека, как если бы последняя была основным или единственным детерминирующим фактором его поведения — такой сбой в мышлении, в логике приводит к этической деструкции и оборачивается одной из самых опасных форм моральной демагогии и фальши.

Поликультурность становится драматически напряженной и выступает в своем специфическом содержании тогда, когда предметом отношений между людьми, принадлежащими к разным культурам, становится сам факт их принадлежности к ним — то, что отличает их друг от друга именно как представителей разных культур. Это могут быть языковые проблемы, религиозные и национальные святыни, поведенческие и обрядовые культурные символы, то или иное понимание исторически отягощенных и идеологически нагруженных проблем и др. При всех различиях этих предметностей самих по себе, а также степени их остроты в различных контекстах следует заметить, что всем им свойственно нечто общее: они входят в ментальное ядро человека, фиксирующее его личностную идентичность и чувство достоинства. Связь человека с этнонациональной культурой, религией, а через них — с собственной цивилизацией является более глубокой, чем, например, связь с профессией, социальной группой, культурно-эстетическим течением, регионом, учреждением и т. д. Она имеет интимную, личностную и потому неотчуждаемую природу. Общее правило, на мой взгляд, должно состоять в том, чтобы предельно уважительно и корректно относиться к культурной идентичности человека, с пониманием того, что речь идет о его личностном достоинстве.

Символы культурной идентичности, все то, что человек воспринимает как священное для себя, не могут быть предметом диалога, а, может быть, и вообще публичного дискурса. В процессе диалога культур и для того чтобы этот диалог был продук-

тивным, можно обсуждать все, кроме вопроса об их сравнительной ценности. Для каждого человека лучшей культурой в мире является собственная культура, точно так же, как лучшей женщиной в мире — собственная мать. Культурная идентичность находится за пределами того, что подлежит свободному выбору, если понимать под последним рационально взвешенную процедуру. Она относится к тому же ряду, в котором располагаются убеждения и верования личности.

Диалог культур, на мой взгляд, должен строиться по той же схеме, с теми же ограничениями и бережностью, что и межличностный диалог.

Нравственно цементирующей основой диалога культур, гарантией того, чтобы факт принадлежности людей к разным культурам не оказал на них деструктивного, разрушительного воздействия, является толерантность, включая такой ее элемент, как политкорректность.

Толерантность — терпимое отношение не просто к непривычным, раздражающим особенностям окружающих, а к таким их особенностям, в силу которых они являются и остаются другими, не могут не быть другими — другими и в силу своего расового, этнического, социального происхождения, и в силу своих верований и культурной принадлежности. И это — терпимое отношение не в смысле душевной щедрости (мягкости, снисходительности и т. д.), а скорее наподобие сознательно культивируемой, даже стoisчески окрашенной позиции по отношению к необходимости. Первоначально возникшая как веротерпимость в условиях религиозного раскола и как способ его нравственно-правовой легитимации, толерантность распространилась со временем на партийно-политические убеждения, а в современную эпоху и на различия, коренящиеся в принадлежности к различным культурным мирам. Она представляет собой духовно-нравственный и этико-правовой базис единства гражданского общества, социального и публичного пространства, складывающегося несмотря на изначальные различия индивидов, поверх их мировоззрений, верований, политических убеждений, культурных различий.

Толерантность как определенный тип отношений между людьми, позволяющий им сотрудничать и быть взаимно уважительными несмотря на их мировоззренческие, политические, культурные различия, не означает релятивирования, девальвации последних. Ее скорее следует понимать как требование более серьезного, ответственного, рефлексивно-обогащенного отношения к мировоззренческим, духовно-нравственным основам человеческого существования. Более того, толерантность означает не отказ человека от абсолютных ценностей, составляющих внутреннее духовное ядро личности, а только лишь отказ от того, чтобы придавать абсолютный смысл своим собственным представлениям о них.

В качестве добродетели и общей нормы поведения человека в современном плюралистическом, поликультурном обществе толерантность имеет много проявлений, среди которых особую остро-

ту и актуальность в последнее время приобрела политкорректность. Политкорректность подвергается разнообразной, часто заслуженной критике и даже осмеянию. Она и в самом деле в каких-то случаях приобретает комические формы, становится предметом идеологических злоупотреблений. Тем не менее правильно понятая политкорректность является огромным гуманистическим завоеванием именно в связи и в контексте диалога культур. Насколько я понимаю, политкорректность состоит в целенаправленной политике, направленной на то, чтобы очистить публичное пространство от слов, фигур речи, жестов, действий, которые несут на себе явную или скрытую негативную нагрузку, воспринимаются как оскорбления теми, на кого они направлены (особо следует подчеркнуть: сам факт, что они воспринимаются какой-либо группой как оскорбления, является достаточным, чтобы считать их таковыми).

Диалог культур не снимает различий между ними, в каком-то смысле даже обостряет их, помогает яснее осознать и почувствовать. Он является как выражением многообразия культуры, так и способом его сохранения. Конечно, диалог между культурами возможен постольку, поскольку они имеют нечто общее, прежде всего идентичность основополагающих принципов. В то же время он предполагает различия, воспроизводит и закрепляет их, показывает неповторимость и самоценность каждой культуры. Диалог культур — свидетельство того, что культура существует и должна существовать в многообразии форм, притом в умножающемся многообразии. В связи с этим встает вопрос о перспективах исторической эволюции форм человеческой жизни, о возможности глобальной общности людей. Не закрывает ли диалог культур саму возможность такой общности?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учитывать, что в диалоге культур всегда есть дополнительная составляющая, как бы дополнительный «субъект» — помимо культур, которые участвуют в диалоге, еще и сам процесс диалога. Чтобы выделить процесс диалога как место встречи, пространство взаимности людей, принадлежащих к разным культурам, надо провести одно различие.

Люди разных культур могут встречаться на почве и в пространстве какой-то одной культуры (типичный случай: иммигранты из Азии и Африки в странах Европы). Они также могут встречаться на пересечении различных культурных потоков, на территории, которую в этом отношении можно считать нейтральной (типичные случаи: международные аэропорты, международные организации и т. д.). Различие между этими двумя случаями является принципиальным. В первом — культурные различия являются привходящим, вторичным и в этом смысле случайным фактором (московские дворы могли бы убирать и сами москвичи, и было бы лучше, чтобы убирали они). Во втором случае культурные различия являются существенным фактором, так как сами эти коммуникативные площадки задуманы, предназначены для людей разных культур, которые появля-

ются там в качестве законных и желанных участников какого-то общего дела. Данное различие можно обозначить еще таким образом: люди, принадлежащие к разным культурам, встречаются между собой в первом случае несмотря на то, что они принадлежат к разным культурам, во втором случае — благодаря этому. Самое важное, принципиальное отличие состоит в том, что конфликтный потенциал культурных различий во втором случае намного (качественно!) меньше, чем в первом, можно даже сказать, практически отсутствует.

Диалог культур в собственном и строгом смысле слова как сотрудничество, соединенность людей, принадлежащих к разным культурам, имеет место именно во втором случае, когда площадка диалога, соединяющее их дело, находится в про-

странстве между культурами. Особенности поведения людей, их взаимоотношения в точках пересечения культур, способность быть вместе, оставаясь в рамках своей культурной идентичности, позволяют предположить, что в процессе диалога культур (по крайней мере в той мере, в какой он разворачивается на нейтральных площадках) складываются некие универсальные, сверхкультурные формы общения, которые способны стать зародышем... глобальной общности людей. Но глобальная общность людей — это уже другой предмет (нечто качественно иное, чем культура, своего рода сверхкультура), который выходит за рамки этико-культурологического анализа и находится в ведении иных научных методов (аксиологического, философско-исторического и др.).

Петр Дуткевич¹

ЧЕТЫРЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КРАТКОСРОЧНЫЙ ПОСЛЕКРИЗИСНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Глобализация, какой мы ее знали, завершилась. Отдельные страны намереваются защищать прежде всего себя, а уже затем — глобальные рынки. Протекционизм, как явный, так и скрытый, постепенно завоевывает позиции в качестве политики вопреки противоположным публичным заверениям. Финансовые центры и центры власти смещаются, внося типичную кейнсианскую «рыночную неопределенность» в общественные и политические процессы.

Три процесса определяют современные макроэкономические тенденции — неравномерная скорость и глубина экономического восстановления, усиление «новых полюсов роста» и применение регионально дифференцированных экономических стратегий с целью восстановления.

Ключевыми являются следующие вопросы: какие модели международного развития возникают в мировой системе? Как в общих чертах описать их влияние в последующий период (3–4 года)? При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, что по крайней мере четыре политических и экономических процесса будут определять ближайшее будущее мировых рынков.

Первый процесс — неравномерное развитие мировых рынков в 2010 году, а вследствие этого — несоразмерность скорости и глубины восстановления экономики в различных государствах. В сущности,

¹ Директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), доктор философии, профессор. Руководитель проектов по региональному развитию, страхованию безработицы, социальной политике и рынку труда. Эксперт по молодежным рискованным проектам в России. Автор книг: “New Europe. The Impact of the First Decade, Volume 1: Trends and Prospects”, “Theory and Practice of the Civil Society in Russia”, “Basics of Local Governance”, “NATO Looks East”, “Ukraine: Social and Economic Transformation”, “The Worst is Over?”, “Democracy Without Liberalism”, “Unemployment Insurance in Canada”, многочисленных глав в книгах и статей в профессиональных журналах. Член совета Всероссийского фонда защиты прав человека, член дискуссионного клуба «Валдай».

глобальная экономика в 2010 году функционировала нормально. Пример тому — то, что глобальный объем выпускаемой продукции вырос почти на 5%. Это больше, чем прогнозировалось. Самые мрачные предсказания не реализовались. Однако восстановление экономики осуществляется в разных формах. Китайская экономика не испытала каких-либо серьезных потрясений, а экономики Индии и Бразилии, несмотря на высокий уровень инфляции и рост цен на продовольствие, переживают период расцвета, о чем свидетельствует 7–8-процентный рост валового внутреннего продукта (ВВП). К ним примыкает большинство стран с развивающейся экономикой.

В Америке все складывается иначе. Возникшие экономические и политические проблемы продемонстрировали, что крупнейшая в мире экономическая и военная держава лишилась уверенности и стала более уязвимой по отношению к внешним вызовам. Данный факт не остался незамеченным как странами-аутсайдерами, так и государствами, приобретающими все большее влияние. Европа, несмотря на предпринимаемые ею усилия, не может рассматриваться как единое целое: экономика Германии — «здоровое ядро» — окружена предрасположенными к неблагоприятному развитию экономикой Ирландии, Греции, Португалии и Италии.

Другими словами, мировая экономика движется по пути разделения на три макроэкономические зоны: вновь появляющиеся расширяющиеся рынки (включая большинство стран — членов БРИК, группы пяти быстроразвивающихся государств), фрагментированный Европейский Союз и отстающая Северная Америка. Эти три макроэкономических региона развиваются в различных направлениях.

Во-первых, их разделяют не только «традиционные» барьеры (такие как уровень человеческого и финансового капитала и т. д.), но и совместное на-

следие экономического кризиса и разные политические установки, касающиеся их будущего.

Во-вторых, в каждой из трех зон «послекризисного восстановления» имеются собственные внутренние «ядро и периферия». До недавнего времени внутрирегиональное сотрудничество осуществлялось достаточно плавно (Европейский Союз и Североамериканская зона свободной торговли), однако в последнее время возникла напряженность (дебаты о будущем евро), а борьба за выживаемость (как экономическую, так и политическую) приобретает драматический характер и проявляется в углубляющейся «эгоистичной» и протекционистской политике.

Сейчас закономерным представляется вопрос: до каких пор Германия будет защищать экономики стран Европейского Союза за счет средств своих налогоплательщиков? Когда и каким образом установка правительства Меркель на уменьшение расходов и повышение налогов в пользу Греции будет направлена на поддержку собственных сокращающихся социальных программ?

Иными словами, в рамках глобальной экономики возникающие «центры восстановления» неизбежно оказывают влияние на ближайших соседей. Эта тенденция будет иметь развитие по двум причинам: 1) это «национальный эгоизм», заключающийся в стремлении к более высокой скорости восстановления, чем у других; 2) такие центры ставят перед собой менее эгоистичные (менее национально ориентированные) задачи по поддержанию региональной экономической и политической стабильности (хороший пример — Германия).

В-третьих, «зоны» послекризисного восстановления, вероятно, будут проводить различную политику ускорения возобновившегося роста и возвращения стабильности (экономической и др.). Эти стратегии разительно отличаются друг от друга, порождая, таким образом, еще большую неопределенность и обуславливая возникновение «конфликтов стратегий» между ключевыми игроками мирового рынка. Некоторые конфликты такого рода уже проявились. Например, если Китаю сегодня выгодно поддерживать уровень своего роста, то это не лучший выбор для США или ЕС (и даже для ближайших соседей Китая). То же относится к ЕС и Латинской Америке, к США и ЕС, в рамках североамериканского континента — к США и Канаде.

Дело в том, что расходящиеся экономические стратегии могут создать дополнительную глобальную напряженность (например, при установлении курса обмена валют или степени государственного вмешательства в экономику). США наряду с другими сильными странами Европейского Союза и с некоторыми странами с развивающейся рыночной экономикой, скорее всего, изберут различные экономические пути развития, с учетом прежде всего национальных и региональных проблем. Например, Германия продолжит политику жесткой экономии,

тогда как США избирают совершенно другой путь — понижение налогов и большие денежные вливания в экономику. Страны с развивающейся экономикой сосредоточивают свои усилия на сдерживании растущей инфляции и несбалансированности в торговле, а также на борьбе с нищетой.

Неудивительно, однако, что несколько переменных повлияют на вышеописанный сценарий. Несмотря на то что *макроэкономический* дисбаланс, скорее всего, приведет к новому геополитическому *дисбалансу* и, таким образом, к еще более неоднородному распределению влияния и ресурсов, США могут потребовать заключения «особых соглашений» в рамках процесса глобального перераспределения власти и богатств.

США в течение определенного времени будут оставаться ведущей мировой державой. Я согласен с замечанием Роберта Скидельского, сказавшего, что «естественная эволюция» Америки «ведет к тому, чтобы эта страна стала пятым колесом в каждой телеге, а не рулевым всей команды». Один из главных вопросов заключается в том, будет ли Китай (и другие ключевые игроки) и далее воспринимать как должное это «пятое колесо»?

Какое место занимает Россия в сложившейся ситуации? Возможно, Россия будет воссоздавать в новой форме свою периферию, придерживаясь политики общей безопасности и энергетического сотрудничества с ближайшими соседями. Это достаточно сложная задача, поскольку за последние 20 лет Россия утратила свой промышленный потенциал и не является привлекательным партнером, в отличие от Китая или Индии. Даже беглый анализ данных о развитии стран, входящих в БРИК, демонстрирует отставание России по многим ключевым показателям. Но поскольку интерес США к соседям России снижается, такой сценарий становится вполне возможным.

Вместо заключения — несколько слов о связи экономики и политики. Выделим наиболее вероятные для глобальной политики последствия развития экономики по вышеописанному сценарию. Во-первых, новые «центры роста», вероятно, будут поглощены решением собственных проблем и в результате станут уделять меньше внимания международному сотрудничеству и решению «глобальных вопросов» (таких, как экология и локальные конфликты). Вышеописанный факт может стать предвестником конца эпохи и обусловить окончательный отказ от полного спектра либерализации и широкой глобализации. Что касается финансового управления, в ближайшем будущем мы увидим возрождение национального государства как центра власти. Во-вторых, внутренние проблемы, возможно, и не приведут к прямой конфронтации, но внешние расходящиеся интересы (а вслед за ними — и расхождения в политике) создадут в глобальном масштабе большую напряженность и обусловят непредсказуемость, что может повлечь политическую нестабильность.

А. С. Запесоцкий¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

I

Спустя 20 лет после распада СССР и мировой социалистической системы представляется очевидным, что исторический спор между капитализмом и социализмом не закончен. Напротив, он обрел интереснейшее продолжение в жизни многих стран мира от Китая и Южной Кореи до Европейского союза и Канады.

При изучении культуры данный спор может быть представлен как непрерывный диалог между двумя культурными комплексами. Один из них развивается вокруг идеи личной выгоды человека, побуждающей его к упорному труду и предприимчивости, основан на конкуренции и апеллирует к первобытным животным, биологическим инстинктам человека. Другой основан на концепции общественного блага и апеллирует к гуманитарной сущности Человека, его духовно-нравственному отличию от животного.

В книге Ф. Б. Власова «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие»², недавно выпущенной нашим Университетом, дается интересный очерк того, как эти культурные комплексы вызревают в историческом развитии Европы, начиная с XVI—XVIII веков, в капитализм и социализм. Однако культурные корни капитализма и социализма нетрудно проследить и во временной толще тысячелетий жизни разных стран и континентов — они присутствуют в различных вариантах во всех традиционных религиях и национальных культурах.

В XX веке капитализм и социализм размежевались как две автономные, конкурирующие,

¹ Академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга.

Автор свыше 1550 научных и научно-популярных работ по проблемам культуры, образования, СМИ, профсоюзов, социальной и молодежной политики, международных отношений. Сценарист, режиссер, создатель более 30 научно-популярных фильмов и более 300 телепрограмм. Член правления Российского детского фонда. Член редколлегий журналов: «Педагогика», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Философия и культура».

Лауреат премий Правительства РФ в области образования, Горьковской литературной премии. Награжден орденом Дружбы. Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

² Власов Ф. Б. Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие / науч. ред. М. С. Мотышина. СПб. : СПбГУП, 2011. (Новое в гуманитар. науках ; Вып. 51).

а во второй половине столетия — и враждебные системы, своего рода альтернативные типы цивилизационного развития. При этом социалистическая система культивировала в себе изоляционизм, стремилась игнорировать достижения капитализма и постепенно пришла в упадок. В итоге ее погубило перерождение в ультрасоциализм: полное отрицание роли и потенциала рыночных механизмов, абсолютизация государственного регулирования и подавление частного интереса в пользу общественного блага. Капиталистическая система, напротив, тщательно изучала достижения социализма и постепенно внедряла их в собственную культуру, в итоге оказавшись эффективнее. Но социализм как явление мирового культурного развития при этом не исчез.

Теперь диалог между капитализмом и социализмом протекает в рамках единой глобальной культуры, по-своему затрагивая каждую из развивающихся в условиях глобализации национальных культур.

II

Одним из наиболее интересных и перспективных для человечества продуктов этого диалога является, по моему мнению, концепция социального государства. Возрастающий сегодня в различных отраслях научного знания интерес к проблематике социального государства связан, безусловно, с потребностями практики, обусловлен логикой исторического развития.

В глобальном пространстве деятельности элит, управляющих функционированием различных государств, все больше укрепляется, складывается понимание того, что устойчивое развитие и обретение конкурентных преимуществ не может быть обеспечено лишь опорой на частный экономический интерес, на стремление предпринимателя к максимизации прибыли. Все большее значение приобретает вовлечение в процессы развития широких масс населения, мотивация которых к деятельности далеко не исчерпывается материальным стимулированием. Вместе с тем выявившаяся в XX веке неэффективность ультрасоциалистических моделей построения государства и его жизнедеятельности стимулирует общее движение в русле теории конвергенции. Движение к теории конвергенции стало в последние годы господствующим течением мировой экономической мысли³. К числу редких оплотов сторонников ныне устаревшего ультралиберализма можно отнести так называемую Чикагскую школу, в России — ис-

³ См., например: *Абалкин Л. И.* Размышления о досрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17; *Чеберко Е. Ф., Бобров А. В.* Совершенствование управления государственным сектором экономики. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2005. С. 18–21; и др.

следовательские центры Минэкономразвития. Все прочие в основном заняты поиском социально-экономического устройства, нейтрализующего недостатки и синтезирующего достоинства либеральной и социалистической моделей¹. Социальное правовое государство находится в фокусе этих поисков.

В то же время в мировой практике все более утверждается взгляд на экономическое развитие как относительную ценность — ценность средства, а не конечного результата. Экономическое развитие — не самоцель. Эта истина выстрадана тысячелетиями исканий философской, в более широком контексте — гуманитарной мысли человечества: богатство ценно лишь в той мере, в которой оно способствует социальному прогрессу, духовно-нравственному развитию общества и человека: «Все прогрессивное — реакционны, если рушится человек»², — как писал почетный доктор нашего Университета Андрей Вознесенский. Процветающая экономика является не целью человеческого существования, а всего лишь одним из условий развития человека, выявления и реализации его гуманитарного потенциала, гуманитарной сущности. Это положение также фокусирует внимание исследователей на теории и практике строительства социального правового государства.

В современной России существуют и локальные причины особого интереса к данной проблематике. В первую очередь — это крах ультралиберальной социально-экономической формации, сменившей в нашей стране ультрасоциалистическую и показавшей за последние 20 лет свою катастрофическую неэффективность³.

Сокрушительный провал рыночных реформ в России обернулся не только экономической пробуксовкой, деградацией собственно производственной сферы. Разрушаются основные подсистемы жизнедеятельности: вооруженные силы и органы охраны правопорядка, судебные структуры, медицина и здравоохранение, образование, сфера массовых коммуникаций и т. д. Катастрофическим образом падает качество питания населения. Безостановочно развиваются социальные болезни: алкоголизм, наркомания, проституция и т. д. Практически все области социально-экономической практики испытывают острейший кадровый голод. Стремительно падает профес-

сионизм, в особенности — квалификация чиновничества. Коррупция пронизала деятельность госаппарата. Экономика России все больше сводится к «распиливанию» бюджетов различных уровней между чиновниками и субъектами хозяйственной деятельности, реализации пресловутых технологий «отката». Все это — расплата за абсолютизацию фактора частного интереса, принятие правящим слоем идеологии главенства индивидуального успеха, материальной выгоды над нравственностью, справедливостью, честностью, общественным благом.

Отсюда — и особый интерес в России к поиску «третьего пути» как «золотой середины» между ультрасоциалистической и ультралиберальной социально-экономическими формациями. Отсюда же и осознание важности нахождения разумного и эффективного баланса между частным и общественным интересами, поиск, поддержание и «шлифовка» которого в мировом сообществе все в большей мере возлагается на социальное государство. Как отмечает Е. А. Лукашева, «принцип социального государства в той или иной форме выражен в конституциях Германии, Франции, Италии, Португалии, Турции, Испании, Греции, Нидерландов, Дании, Швеции и других государств»⁴. Согласно нашей Конституции социальным государством должна быть и Россия.

Характеризуя концепцию социального государства, Е. А. Лукашева пишет: «...оно должно соблюдать баланс между свободной экономикой и определенными способами воздействия на распределительные процессы в духе справедливости, “выравнивания социальных неравенств”. Отказываясь от роли “ночного сторожа” и стремясь обеспечить всем гражданам достойный уровень жизни, государство не должно переступить черту, за которой начинается грубое вмешательство в экономику, подавление инициативы и свободы предпринимательства. Проявляя заботу о повышении статуса граждан, государству необходимо соблюдать меру, которая воспрепятствовала бы освобождению индивида от личной ответственности за свою судьбу и судьбы своих близких. Стремясь создать “общество всеобщего благосостояния”, государство не может использовать административно-командные средства. Его задача — применять такие экономические методы, как налогообложение, бюджет, создание социальных и экологических программ»⁵.

И далее: «Поиск такого баланса, который позволил бы сочетать непрерывный рост экономики с расширением социальных функций государства, — одно из наиболее важных направлений общественной мысли в современном мире, когда новые ситуации и гуманитарные идеалы не могут найти опоры

¹ Богомолов О. Т. Уроки глобального и российского кризиса // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Отд-ние обществ. наук РАН; рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинар. проекта Б. Н. Кузык. М.: Ин-т экон. стратегий, 2010. С. 10–36.

² Вознесенский А. А. Оза : тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы // Вознесенский А. А. Рубанок носорога : избр. произв. о современной культуре. СПб.: СПбГУП, 2008. С. 54.

³ Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Отд-ние обществ. наук РАН; рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинар. проекта Б. Н. Кузык. М.: Ин-т экон. стратегий, 2010.

⁴ Цит. по кн.: Права человека и правовое социальное государство в России / Е. А. Лукашева [и др.]; отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2011. (Книга готовится к выходу в издательстве.)

⁵ Там же.

в существовавших ранее доктринах. Отсюда и вытекает необычный интерес к данной проблеме в современной науке, где наряду с приверженностью к неолиберальным концепциям отношений государства и гражданина в условиях рынка четко обозначаются подходы, основанные на стремлении утвердить в обществе принципы справедливости. Последние выдвигают теоретическое обоснование курса социальных реформ, социальных программ государства, «социального качества жизни», которые способствовали бы гуманизации отношений в современных государствах, утверждению нравственных начал»¹.

Характерно и неслучайно, что по мере общественного развития героический образ предпринимателя, капиталиста-первопроходца, столь талантливо воспетый Джеком Лондоном и Теодором Драйзером, тускнеет вслед за такими субъектами героической истории, как цари и полководцы. Так же, как в последние десятилетия теряют свою привлекательность и образы вождей-революционеров. Ни те, ни другие, ни третьи не могут быть героями в эру социального государства.

К тому же выясняется, что способность к частной коммерческой инициативе, предпринимательству — это специфический и редко встречающийся вид человеческой одаренности, безусловно необходимый для экономического развития, но уже и не самый значительный, а лишь стоящий в ряду прочих. Принципиально важно, что в структуре постиндустриального общества ученые, инженерно-технические работники, деятели культуры и искусства, работники СМИ, врачи, школьные учителя и вузовская профессура, судьи, военные и тому подобные образуют огромные, доминирующие по численности социально-профессиональные категории, деятельность которых по своей природе весьма далека от предпринимательской. Экономическая эффективность в подобной деятельности не может быть главным мерилем успеха, а любые попытки поставить личную выгоду во главу угла, сделать целью деятельности приводят к катастрофическим деформациям.

И чем больше роль этих категорий участников социально-экономического развития, тем важнее социальная функция государства, осуществляющего распределение доли валового национального продукта, собираемого им с субъектов хозяйственной деятельности. Тем важнее распределение концентрируемой государством части совокупного богатства страны на основе политики, признаваемой обществом справедливой. В большинстве ведущих экономик мира доля валового национального продукта, собираемого государством с участников экономической деятельности в виде налогов и распределяемого через бюджетные механизмы, давно превышает 50 % ВВП. Здесь все более отчетливо вырисовывается и новая функция государственных, научных и общественных институтов — по выработке справедливой государственной политики в

данной сфере. Справедливость в данном случае выступает и как нравственная, гуманитарная категория, и как рациональное условие устойчивого, успешного функционирования экономики. Соответствующие задачи возникают и в области права. Справедливость становится условием эффективности и должна получить надлежащее правовое обоснование.

Социальное государство может быть представлено в связи с этим как результат и перспектива мирового культурного развития. Его формирование обусловлено историей человечества как процессом непрерывно усложняющейся человеческой деятельности, в ходе которой формируется все более многообразная и разветвленная, сложно сбалансированная система социальных институтов, находящих свое обоснование и оформление в праве. Но человеческой деятельности всегда предшествуют цели, а цели соотносятся с ценностями. Ценности составляют ядро, своего рода фундамент человеческой личности. С ними человек сопоставляет цели своей деятельности. То есть ценности как бы «санкционируют» в механизме деятельности выбор тех или иных целей². Таким образом, на практике реализация концепции социального государства сопряжена с утверждением в общественном сознании определенной системы ценностей.

III

По мере мирового исторического развития в человеческой деятельности постепенно происходит перенос центра тяжести с ценностей материального характера, призванных в первую очередь обеспечить биологическую жизнедеятельность человека, на ценности духовные. И даже богатство как ценность все меньше связывается в общественном сознании с удовлетворением биологических потребностей, «мигрируя» вместе с такой ценностью, как власть, в группу «статусных» признаков, обеспечивающих общественное признание. Однако в развитых обществах со стремлением к богатству и власти все более активно конкурируют альтруизм, совесть, социальная ответственность и тому подобный набор качеств, основанных на гуманистических ценностях, «вскормленных» всей историей духовного возвышения человека. Вопрос о приоритете гуманистических ценностей имеет огромную традицию в российском обществе и остро ставится его столпами в современных условиях³.

Таким образом, само появление социального правового государства как нового типа государственного устройства можно рассматривать как реализацию определенной исторической закономерности. С одной стороны, оно более эффективно

² См., например: *Степин В. С.* Философия в эпоху перемен // Вестник Моск. ун-та. 2006. № 4. Сер. 7 : Философия. С. 18.

³ См., например: *Гранин Д. А.* «Мне лично нужны простые человеческие ценности» // Книга знаний : беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / [идея проекта и реализация К. фон Барлэвен, Г. Наумова ; пер. с фр. Г. Наумовой]. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 148–167.

¹ Цит. по кн.: *Права человека...*

экономически — за счет рационального перераспределения общественного богатства в пользу нерыночных по своей природе сегментов общественного производства, без которых рыночная экономика функционировать не может. С другой стороны, социальное государство является новой правовой формой реализации меняющихся качеств человека, воплощающихся в первую очередь в гуманитарных ценностях его существования. Человеческое начало взращивается в современном человеке все больше, и социальное государство соответствует этой новой ситуации.

Созревание идеи социального правового государства особо рельефно прослеживается в общем контексте западноевропейского культурного развития под влиянием российской революции 1917 года. Опасаясь столь масштабных потрясений, правящие круги стран Западной Европы, к примеру, приняли на вооружение идею социального партнерства между государством, профсоюзами и работодателями. Была создана Международная организация труда, распространившая по всему миру идеи трипартизма и внедрившая механизмы их реализации¹. Первоначально это выглядело как стремление «бросить кость» угнетенным, эксплуатируемым массам трудящихся. Но весьма быстро сострадание, самоограничение, гуманизм реально вошли в состав базовых ценностей общества, стали культивироваться как общеевропейские ценности. Они же в существенной степени легли в основу европейской государственной интеграции от национальных государств к ЕС².

Для современного Запада стало аксиомой и основой практической государственной деятельности положение о том, что далеко не все дееспособные члены общества могут и должны быть вовлечены в конкуренцию; что рост производства невозможен без соответствующего совершенствования социальной инфраструктуры и решения социальных вопросов; что одна из функций государства — постановка в общественных интересах границ для «свободного», безудержного обогащения; что экономика не может быть полностью подчинена идеологии частной выгоды: «Союз старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, наличие в высокой степени конкурентоспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокий уровень охраны и повышения качества окружающей среды. Он способствует научно-техническому прогрессу. Он борется с социальной изоляцией и с дискриминацией, содействует социальной справедливости и социаль-

¹ См., например: Международная организация труда: Конвенции. Документы. Материалы : справ. пособие / [сост. и авт. предисл. и вступ. ст. З. С. Богатыренко]. М. : Дело и сервис, 2007.

² Договор, устанавливающий Конституцию для Европы / пер. и примеч. А. О. Четверикова // Конституция Европейского Союза : договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием). М. : ИНФРА-М, 2005. Ст. 1–2. Ценности Союза. С. 99.

ной защите, равенству женщин и мужчин, солидарности поколений и охране прав ребенка»³. В ходе развития этих представлений имела место эволюция от идеи минимальных социальных гарантий и стандартов к идее универсальной социальной защиты граждан, была сформулирована концепция социального качества.

Выяснилось, что справедливость как нравственная категория имеет исключительное значение для развития экономики, а вопрос о назначении государства становится все больше вопросом смысла жизни: потреблять материальные блага или с их помощью творить в себе Человека.

IV

В силу исконно европейского характера российской культуры подход к строительству социального государства, реализуемый в Евросоюзе, представляется весьма привлекательным для адаптации к отечественным реалиям. Но механическое перенесение этого опыта на российскую почву, разумеется, не представляется возможным. И дело здесь не только в необходимости учета особенностей российской культуры. Западная Европа шла к данному типу социально-экономической и общественно-политической формации эволюционно. Наша же страна пережила в 1917 и 1991 годах два губительных в своем радикализме перелома.

В связи с этим сопоставление нашей страны со странами Восточной Европы мало что дает — они после распада социалистического лагеря избрали путь потери национального суверенитета, механического принятия стандартов ЕС, что для России по многим причинам неприемлемо. А вот учет опыта других стран, переживших серьезные катаклизмы и нашедших свой путь суверенного развития, может быть весьма поучителен. В первую очередь речь идет о Республике Корея и Китае.

Освобождение Кореи произошло в 1945 году. После чего был сделан мощный рывок от отсталости, феодализма. Страна вошла в число государств с динамично развивающейся экономикой. Путь этот был нелегкий: республика прошла через 45-летний период авторитаризма и жестких военных диктатур. Правление военных было длительным, антидемократическим и в то же время весьма успешным в социально-экономическом отношении.

Корея дала ответ на вопрос: должна ли модернизация начинаться во всех сферах социально-экономической жизни одновременно, либо какие-то сферы должны быть опережающими?

Напомним, что Михаил Сергеевич Горбачев начал перестройку в СССР во второй половине 1980-х годов с духовно-нравственной сферы, «даровав» в ней обществу свободу. Одновременно была провозглашена задача ускорения за счет научно-технического прогресса. Но технологическая модернизация провалилась, а демократизация и гласность привели к развалу общества и го-

³ Там же.

сударства. Примерно в то же время власти Китая подавили протестное движение на площади Тяньаньмэнь и приступили к модернизации экономической жизни страны под полным контролем сфер идеологии и морали со стороны коммунистической партии. В России же времен Ельцина была провозглашена свобода нравов, государство устранилось от поддержки общественной морали. Культура советского времени была отвергнута, традиционная народная культура оказалась практически полностью вытеснена подражаниями западной поп-культурой.

Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи развития демократии с прогрессом в экономике, экономический взлет современной Кореи не был связан с демократией, произошед в условиях тоталитарного режима, военной диктатуры и явился следствием разумной государственной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу.

Как известно, в России существовали «славянофилы» и «западники». Корейцы с начала 80-х годов XIX века создали два течения общественной жизни, очень похожие на российские, — «юсэн» и «кэхва». Приверженцы учения юсэн, разновидности конфуцианства, выступали против реформ. Они полагали, что исконная, традиционная культура Кореи выше всех на свете, что Запад тлетворен, что нельзя отступать ни на шаг в защите своей культуры от внешних влияний. Они боролись против сторонников кэхва — модернизации Кореи. Одни считали, что путь нации к величию лежит через развитие национальной экономики за счет национального капитала, но западным путем, другие требовали пробуждения национального самосознания за счет обращения к культурным корням.

Эпоха японского колониального господства преврала эти споры с 1910 до 1945 года. Придя к власти, первый президент страны Ли Сын Ман пообещал превратить Корею в плавильный тигель, где соединятся в единое целое учения Конфуция и Христа. Но столкнулся с трудностями определения ценностных ориентиров нации.

С 1948 по 1960 год весьма жесткая политика государства в области культуры была ориентирована на западные образцы. Культурное сотрудничество с США способствовало ускоренному приобщению к западной культуре. Был достигнут большой прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии различных профессиональных объединений интеллигенции. Вместе с тем имели место и негативные тенденции: в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок стала приходиться традиционная национальная культура.

В период правления Ли Сын Мана были отработаны механизмы жесткого государственного контроля над всеми сторонами социально-экономической жизни, действующие до настоящего времени. Пришедший к власти в 1960 году Пак Чжон Хи был убеж-

ден, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Он поставил решение экономических проблем на основу корейского исторического наследия, укрепляя национальную этику. «Линия Пак Чжон Хи» означала коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась эта линия методами диктатуры.

В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. С другой стороны, государство тогда приняло ряд материальных и моральных мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Характерно, что для деятелей искусств, вносящих наибольший вклад в развитие национальной культуры, специальным указом президента было введено почетное звание «Человек — живое сокровище культуры». Огромное внимание стало уделяться объектам материальной культуры Южной Кореи, развитию культуры в провинции. Таким образом, новое в жизни страны стало развиваться в разумном балансе с поддержкой фундаментальных традиционных ценностей общества.

Президент Чон Ду Хван, пришедший к руководству страной в 1979 году, продолжил эту линию. Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике: культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и другие — все это, помноженное на использование реальных технологических достижений Запада и экспортно ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея.

Экономические успехи достигались одновременно с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране прошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, подъему творческой интеллигенции. В настоящее время корейцы считают, что страна сильна прежде всего своим духовным потенциалом, ее развитие зависит в первую очередь от нравственного здоровья нации. Возможно, что это и есть главный урок, который Республика Корея преподнесла современному миру.

Сегодня миллионы людей в нашей стране задают себе вопрос: почему в Китае реформы удались, принесли блестящие результаты, а в России провалились? В связи с этим следует отметить, что Китай, в отличие от России, осуществляет экономические преобразования не в интересах узкой группы людей (захвативших власть в 1991 г.), а в целях повышения благосостояния всего населения, страны в целом. Речь идет о долгосрочном (приблизительно с 1977 г., после смерти Мао

Цзэдуна), постепенном и осторожном внедрении рыночных механизмов в социалистическую систему хозяйствования, сопровождающемся остановками и корректировкой маршрута в сложные моменты развития. Как отмечает А. В. Кива, при этом реализовывается принцип: «реформы ни в коем случае не должны ухудшать жизнь народа, напротив... жизнь улучшается. Это и делалось на практике. Если, например, за первые 10 лет реформ экономика выросла более чем в 3 раза, то примерно во столько же раз повысилось и благосостояние граждан»¹.

Обстоятельно анализируя данный опыт, автор справедливо констатирует: «...закономерность такова, что именно там, где умело сочетаются экономические и социальные начала, имеет место и быстрый прогресс. “Экономическое чудо” в Германии создавалось под лозунгом блестящего экономиста и управленца Л. Эрхарда: “Благосостояние — для всех!” Примерно на тех же принципах выросло и “экономическое чудо” в Японии, в которой и сегодня децильный коэффициент (1:4) — один из самых низких среди развитых стран. У нас он официально 1:16, неофициально — 1:30, а в Москве — 1:100»².

Внимание к социальным вопросам проявляется в последние годы и правящей элитой США, оплота либеральной культуры. Последний экономический кризис побудил ведущих американских теоретиков (уровня нобелевских лауреатов Д. Стиглица, П. Кругмана и др.) поставить вопрос о переосмыс-

лении центральных разделов экономической науки (в ее современном англосаксонском понимании). Констатируются фундаментальные изъяны в американской модели капитализма и необходимость усиления государственного регулирования экономики. Намечена и новая стратегия движения вперед, основанная на масштабных инвестициях собранных государством с налогоплательщика средств в непроектные сферы.

В связи с этим характерны высказывания президента США Барака Обамы: «Мы дадим людям работу на строительство школ, лабораторий, библиотек...»³ Это — инвестиции в уровень образования, развитие интеллектуальных способностей граждан. Выступая в Национальной академии наук, он заявил: «Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни».

Таким образом, практически все ведущие державы мира, способные проводить самостоятельную политику (от Китая до США), по-разному, с учетом исторических особенностей своего развития ищут сегодня свои модели гармоничного государственного, экономического и социального устройства. Спор между капитализмом и социализмом продолжается в этих странах характер конструктивного диалога. Очевидно, что в данном направлении должна быть откорректирована и стратегия дальнейшего развития России.

¹ Кива А. В. Китай и Россия: разные модели реформ — разные результаты // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. С. 354.

² Там же.

³ Цит. по ст.: Богомолов О. Т. «Российскому работнику недоплачивают в 2,5 раза» / интервью с академиком Олегом Богомоловым // Солидарность. 2009. № 41 (4 нояб.). URL: http://www.solidarnost.org/thems/politEkonomiya/polit_Ekonomiya_6486.html (дата обращения — 13.04.2011).

Ю. В. Зобнин¹

«КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...»: «РУССКИЙ ПРОЛОГ» К ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛИЗМА (Предварительные заметки)

Позитивный пафос идеи глобализации — стремление человечества к устройению *общего* бытия на единых, разумных, справедливых и мирных нравственных, политических и экономических основаниях — не был чужд российской литературно-общественной мысли начиная с XVIII века, когда, по словам протоиерея В. В. Зеньковского, здесь окончательно утвердился порожденный петровскими реформами «секулярный национализм, соединенный с гуманизмом»². «Уже не “святая Русь”, а “Великая Русь”, — пишет Зеньковский о «первых значительных русских поэтах XVIII века», Ломоносове и Державине, — вдохновляет их; национальный эпос, упоение величию России относятся всецело к эмпирическому бытию России вне всякого историко-философского обоснования»³.

Упомянутый В. В. Зеньковским отказ «петербургской» интеллектуальной и творческой элиты от «московской» историко-философской мессианистской мистики («Два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому не быть»), восприятие постпетровской России как субъекта *политического*, а не провиденциального действия вовсе не означало отказа от мессианизма как такового. По крайней мере, «петербуржцы» никогда не мыслили свою «Великую Русь» отчужденно от европейской и — шире — мировой цивилизации. Напротив, эта новая Россия виделась им созданной волею Петра Великого *сверхдержавой* и в таком качестве не могла выстраивать свою идеологию иначе, как в «глобальных» категориях. Характерно, что уже в ранних стихах В. К. Третьяковского формируется особый взгляд на Россию, «через страны дальны»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
(«Стихи похвальные России»)

Величие страны, ее «сила» и «обильность» осознаются поэтом *в сопоставлении со странами «старой» Европы*. На этом фоне выявляется и ключевой для стихотворения образ «*России-надежды*»:

Виват, Россия! Виват, драгая!
Виват, надежда! Виват, благая!

Таким образом, Европа в глазах Третьяковского (и его современников) «богата прошлым», тогда

¹ Заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных трудов, в т. ч. монографий: «Николай Гумилев — поэт Православия», «Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии», «Д. С. Мережковский: жизнь и деяния», «Поэзия белой эмиграции» и др.

² Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 94.

³ Там же.

как Россия «богата будущим», она несет старым цивилизациям нечто «новое», что позволяет *надеяться* на нее...

В Екатерининскую эпоху огромную роль в кругах отечественной творческой элиты играли европейские социальные утопии, основанные на отвлеченной от национального бытия *идее «общего блага»*. «...В журнале Новикова “Утренний свет” <...> был помещен перевод утопической сказки о Троглодитах из “Персидских писем” Монтескье. Историк и публицист Екатерининского времени Щербатов <...> написал собственную утопию — “Путешествие в Офирскую землю”, где он изобразил свой идеал будущего России <...> вдохновлявшийся Фенеллоном, утопиями Морелли (“Базилиада”), Мерсье (“2440-й год”) <...> Наконец, с утопической сказкой встречаемся мы и в “Путешествии” Радищева...»⁴ К этому следует добавить и масонский миф об ожидающем человечество «золотом веке», популярный среди русских просветителей — того же Н. И. Новикова и И. Г. Шварца.

Утопическая социальная «мечтательность» сохранялась и в кругах литературной петербургской молодежи декабристской эпохи. Так, А. С. Пушкин, вернувшись в 1826 году из Михайловской ссылки, беседовал среди своих столичных друзей с Адамом Мицкевичем «*о временах грядущих*»:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
(«Он между нами жил...»)

Ранее, в 1821 году, сам Пушкин, откликаясь на известие о кончине Наполеона, завершает стихотворение парадоксальным до невероятности (тем более в устах автора «Воспоминаний в Царском Селе» и «Вольности») утверждением:

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.
(«Наполеон»)

Достоевский в своей знаменитой речи 1880 года недаром говорил о «двух главных мыслях», соединенных в Пушкине и заключающих в себе «образ всего будущего назначения и всей будущей цели России»: «Первая мысль — *всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. <...> Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только

⁴ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 90.

народе обретем мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его»¹.

Следует добавить, что и для самого автора пушкинской речи «нравственный идеал <...> есть одновременно и идеал общественный: ничем иным и быть не может стремление “ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению”. Всемирность и всечеловечность мыслятся как естественная для нации форма ее общественного бытия»².

В пушкинскую эпоху русская историософская мысль переходит от эклектики к попытке создания оригинальной религиозно-философской системы — в творчестве П. Я. Чаадаева. «Глобалистический мотив» здесь настолько силен, что недостаточное понимание его ведет к полному искажению пафоса «Философических писем». Именно это и случилось после публикации первого «Письма» в «Телескопе» в 1836 году: автора единодушно признали «русофобом» с самыми печальными последствиями как для него самого, так и для редактора журнала Н. И. Надеждина. Между тем, по справедливому замечанию Д. В. Филоосова, П. Чаадаев «любит Россию будущего, а не настоящего и прошлого. <...> Чаадаев стоял за единую общечеловеческую культуру. Это единство он видел в христианстве, не славянофильском, национальном, а вселенском»³. «Чаадаев, — пишет Н. О. Лосский, — пришел к выводу, что бесплодность исторического прошлого России является в известном смысле благом. Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего. Православная церковь сохранила сущность христианства во всей его первоначальной чистоте. Поэтому православие может оживить тело католической церкви, которое слишком сильно механизировано. Призвание России состоит в осуществлении окончательного религиозного синтеза. Россия станет центром интеллектуальной жизни в Европе в том случае, если она усвоит все, что есть ценного в Европе, и начнет осуществлять свою Богом предназначенную миссию»⁴.

Идеи П. Чаадаева были широко востребованы как «западниками», так и «славянофилами». «Поставив вопрос об отношении России к абсолюту и попытавшись решить его, опираясь на силу собственного мышления, Чаадаев предложил тем самым философию русской истории, стал первым русским философом. В этом смысле о нем можно гово-

рить так же, как об А. С. Пушкине: Чаадаев есть *все* нашей мысли, нашей историософии, а через нее — антропологии и социальной философии. Поэтому и поныне делящиеся споры о теоретическом содержании и социальном статусе русской философии: является ли она, по образцу европейской мысли, особого рода знанием или же по преимуществу выражением национального самосознания — это споры также о Чаадаеве — подлинном представителе русской мысли, предложившем в своих сочинениях образец нераздельно-неслиянного единства этих двух природ философии»⁵.

С легкой руки П. Чаадаева как в славянофильской, так и в западнической мысли русского XIX века образ России всегда связывался с неким грядущим глобальным действием, лежащим на грани политики и эсхатологии, — действием, результатом которого и будет в конце концов новая эпоха:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Сущность этого «сверхдействия» России в мировой истории мыслилась славянофилами и западниками по-разному. Крайние точки зрения полнее всего были выражены, соответственно, Ф. И. Тютчевым и В. С. Печериным, так же, как и П. Чаадаевым, сочетавшими литературное дарование с выдающимися интеллектуальными способностями.

Крайний славянофил Ф. Тютчев видел «русский путь» как диалектическое преодоление грубой политической воли и прагматического рационализма, самым ярким воплощением которых в европейской политике второй половины XIX столетия стал политический курс Отто фон Бисмарка:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...

(«Два единства»)

Российская империя, таким образом, должна, подобно империи Германской, создаваемой Бисмарком «железом и кровью», также совершить «бросок в Европу», однако, в отличие от германской имперской агрессии, *агрессия русская (шире — славянская) чудесным образом превратится в триумф мира и любви, переводящий цивилизацию в качественно новое состояние.*

Западник-радикал Печерин видел залогом спасения человечества разрушение России, уход ее в политическое небытие:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрождения!

(«Как сладостно отчизну ненавидеть...»)

⁵ Ермичев А., Златопольская А. П. Я. Чаадаев в истории русской мысли // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 9–10. (Русский путь).

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 199–200.

² Волгин И. Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1991. С. 253.

³ Филоосов Д. В. Апология сумасшедшего // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 323. (Русский путь).

⁴ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 71–72. (Б-ка философа). Именно эта футурология Чаадаева и принималась Н. И. Надеждиным (сосланным за публикацию «антипатриотического» первого «Письма» в Усть-Сысольск и отчаянно пытавшимся оправдаться): «Да! Мы существуем для того, чтобы преподать великий урок миру! Наше назначение — не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации...» и т. д. (см.: Надеждин Н. И. <Два ответа Чаадаеву> // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 93. (Русский путь)).

Здесь высшей «русской ценностью» в мировой истории оказывается не бытие, а не-бытие: Российская империя должна освободить мир от своего присутствия, открыв этим актом уничтожения (или самоуничтожения¹) дорогу всему остальному человечеству к качественно новому, разумному и счастливому существованию.

Разумеется, и у «славянофилов», и у «западников», действовавших в доиндустриальную эпоху, глобальные мотивы предстают как интуиции или даже как пророчества. Объективных исторических предпосылок для процессов глобализации еще не было и в помине, так что даже образ «вселенского» в реальных географических масштабах в этих трудах ограничивался либо Европой и некоторыми регионами Ближнего Востока и Центральной Азии, либо вообще «сжимался» до славянских территорий, лежащих в зоне непосредственных геополитических интересов Российской империи.

Тем поразительнее, что обе указанные интуиции нашли историческое подтверждение в XX веке, когда глобальные тенденции в постиндустриальном мире стали набирать силу.

Так, поход Красной армии в Европу в ходе Второй мировой войны 1939–1945 годов, планировавшийся изначально как агрессивный «экспорт» коммунистической революции, стремящейся утвердиться в мировом масштабе, в реальных обстоятельствах превратился в войну за освобождение Европы от фашизма, которую СССР осуществлял в коалиции с Великобританией и США.

В конечном счете этот поход объективно привел к организации ООН и возникновению в странах Западной Европы и США предпосылок к установлению принципиально новой политической и экономической системы глобальных союзнических взаимоотношений.

А удивившая весь мир мгновенная «самоликвидация» СССР в 1991 году дала «зеленый свет» к созданию единой Европы, в которой добровольно «растворяются» части бывшей советской империи. Думаю, что у любого трезвого футуролога нет никаких сомнений в том, что и Россия в ближайшем историческом будущем растворится в «евростандарте» общечеловеческих ценностей, существенно приблизив тем самым чаемый день.

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Однако, возвращаясь к русским мыслителям, необходимо отметить, что в канун научно-технической революции, когда глобализация из интуитивно воспринимаемой абстракции стала превращаться в конкретную историческую перспективу, новое их поколение — В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, Вяч. И. Иванов и др. — вдруг резко поменяли приоритеты в своих размышлениях о грядущей «великой семье» народов и стали весьма убедительно говорить об опасностях, подстерегающих человечество в новом, «едином» качестве...

Впрочем, это уже тема для другого доклада.

Любомир Зукович²

КУЛЬТУРА СЕРБОВ В ВОДОВОРОТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Полагаю, что в словосочетание «диалог между культурами» мы вкладываем приблизительно одинаковый смысл. Диалог между культурами в той или иной форме ведется с тех пор, как существуют различные народы, их культуры и языки. Он зависел от многих обстоятельств, из которых одни были благоприятными, а другие его затрудняли, замедляли или делали полностью невозможным (по крайней мере на некоторое время).

Одно обстоятельство не вызывает сомнений — контакты, взаимодействие и взаимопроникновение культур разных народов всегда были плодотворны и желательны. Конечно, должно было соблюдаться условие, что они осуществляются на добровольной и равноправной основе. Связи между различными культурами более зримо были представлены среди соседей и народов, чьи языки, как один из важней-

ших инструментов развития культуры, схожи, что наряду с экономическими факторами способствовало развитию других видов отношений и контактов. Для процесса, о котором идет речь, особенно важна религиозная идентичность или по крайней мере сходство между отдельными народами, что не всегда означает их географическую близость. Эти факторы являются благоприятными и желательными для взаимного культурного влияния и обогащения, которые во все времена следует беречь и укреплять.

Взаимное культурное влияние и обогащение происходит в двух направлениях и в случае завоевания одного народа другим. Иногда завоеванный народ своей более развитой культурой покорял завоевателей, из чего можно заключить, что культура — это более мощное оружие, чем меч и ружье. Такой тип смешения между культурами разных народов хотя и известен в истории, но является нежелательным, потому что сопровождается многочисленными фактами антагонизма и сопротивления, нередко — различными формами насилия. Он не является ни культурным, ни демократическим и непосредственно угрожает свободе и правам отдельных лиц и народов.

¹ С В. С. Печериним неожиданно переключается В. С. Соловьев, высказавший в известной статье «Русская идея» мысль о том, что призвание России в истории — добровольная и сознательная жертва собственной духовной самобытностью с целью присоединения к Риму, восстановления единства христианской церкви и превращения ее в подлинно вселенскую.

² Вице-президент Академии наук и искусств Республики Сербской Боснии и Герцеговины.

Менее болезненной и менее насильственной формой завоевания одного народа другим является экономическое завоевание, которое не обязательно влечет культурное покорение завоеванных, но, конечно, создает существенные предпосылки для культурных связей, влияния и постепенного культурного и экономического подчинения экономически слабых народов. Это свидетельствует о многочисленных и важных связях между экономикой и культурой, существующих во все времена и особенно актуальных сегодня.

С учетом вышесказанного я хотел бы охарактеризовать ситуацию, касающуюся моего сербского народа, прежде всего той его части, которая проживает в Боснии и Герцеговине и Республике Сербской.

В бурном и не особенно счастливым историческом прошлом сербов была и светлая сторона. С приходом на Балканы соседями сербов стали греки, которые уже были христианами и которым культурой и цивилизацией обязана не только Европа, но и весь мир. Влияние соседей на сербов было очевидным во всех сферах жизни, особенно в области культуры и духовности. Решающее событие в этом процессе произошло в IX веке, когда братья Кирилл и Мефодий изобрели кириллицу и перевели Библию на сербский язык. Это стало самым важным событием, имеющим далеко идущие последствия для развития сербской культуры и духовности, а также для их общей жизни и дальнейшей исторической судьбы. Сербы становятся христианами, а письменность, которая много веков будет сохраняться в церкви, — мощным инструментом развития литературы, осуществления переводов с иностранных языков, в основном с греческого.

Духовная близость и другие связи между греческим и сербским языками способствовали тому, что после разделения христианской церкви на западную и восточную, католическую и православную оба народа остались приверженцами одной православной церкви. Это взаимовлияние продолжалось в течение веков и осуществлялось не только в литературе, историографии, искусстве, церкви, законодательстве, но и в зодчестве и строительстве. Оно имело доминирующий характер, но было не единственным. Сербская культура испытывала влияние северных соседей, венгров, а через прибрежные города — и западных соседей. Это привело к смешению различных стилей в архитектуре и живописи, а с некоторого времени — и в литературе. Так родился особый стиль Рашки — моравский. Не случайно первый сербский архиепископ святой Сава утверждал, что Сербия — это запад Востока и восток Запада.

Во второй половине XV века раздробленные части некогда мощного Сербского княжества оказались под гнетом турков. О последствиях этих событий в духовной жизни сербского народа в Боснии и Герцеговине, в частности, рассказал Иво Андрич в своей докторской диссертации и особенно живописно — в своих романах и рассказах. Он сделал это так искусно, что стал первым сербским писателем,

который получил Нобелевскую премию по литературе. Сербская культура в прошлом, по меткому замечанию Добрицы Чосича, развивалась «в непрерывных разрывах».

Влияние Османской империи хотя и было нежелательным, но продолжалось несколько столетий в духовной, а следовательно, и культурной жизни сербов. Его следы заметны во многих областях, прежде всего в языке, архитектуре, фольклоре, особенно в лирических народных песнях и их музыкальных компонентах. Длительное присутствие на территории Сербии турецкой армии, в которую также входили представители покоренных народов, подвергшихся исламизации: персы, арабы и другие, наложило отпечаток на сербскую культуру.

Здесь, конечно, нельзя говорить о культурном диалоге, поскольку в действительности это были рабство и насилие, наиболее тяжелым и долгосрочным последствием которых стала исламизация (добровольная или насильственная) значительной части сербского народа. При этом параллельно и в тесной причинно-следственной связи происходило и «окатоличивание» части сербского народа, бежавшего от турок в Австро-Венгрию и Венецию. Тем удивительнее стойкость сербов, несмотря ни на что сохранивших память о былой славе и веру в то, что рано или поздно они избавятся от рабства. Здесь решающую роль сыграли Сербская православная церковь и эпическая народная поэзия, которая прославляла былую мощь Сербского государства и отдавала дань памяти жертвам, павшим за веру и свободу.

Все факторы, о которых говорилось выше, имели серьезные последствия в Боснии и Герцеговине, во-первых, потому что эта территория была освобождена последней из турецкого рабства, во-вторых, потому что процесс исламизации здесь был наиболее распространенным и прочным. Когда речь идет об османском влиянии на сербскую культуру, к сожалению, необходимо упомянуть о нежелательных культурных «шрамах», которые медленно зарастают, но и сегодня разъединяют и обуславливают конфликты между частями некогда единого народа.

С течением времени стало известно о существовании мощного государства — братской православной России, связи с которой постоянно укреплялись и которая стала оказывать помощь и поддержку Сербии. Крепло осознание близости между русским и сербским народами и понимание того, что у этих народов одни и те же недруги. В поиске свободы и поддержки все больше сербов, иногда целыми семьями, отправлялось в Россию. Особенно активно миграция сербов в Россию происходила в XVIII веке. Некоторые прибывшие в Россию сербы заняли высокие должности в армии и дипломатической сфере, стали состоятельными людьми и имели возможность помогать своим соотечественникам. Они внесли свой вклад в укрепление культурных связей между Сербией и своей новой родиной, Россией. В сербских церквях и монастырях распространялись русские церковные книги, что свидетельствовало о близости их духовных корней, язы-

ка и православной веры. В те времена был заложен прочный фундамент дружбы между русским и сербским народами.

Эта связь получила новый импульс развития в начале XX века, особенно во время Первого сербского восстания, и в ближайшие сто лет развивалась по восходящей. Значительный вклад в развитие российско-сербских взаимоотношений внес «золотой век» русской литературы. Русские писатели переводились в значительном количестве, а русский язык преподавался во всех школах. В результате влияние русской культуры и литературы стало доминирующим среди сербов. В русских университетах обучались сербские студенты, в первых университетах Сербии использовались преимущественно русские учебники. Сербы были открыты для культурного и духовного влияния России.

Хаос в отношениях между двумя странами возник после Октябрьской революции, но это в большей степени проявилось на политическом уровне, а не в отношениях между русским и сербским народами. События, о которых идет речь, в какой-то мере даже способствовали росту российского духовного влияния на сербов. Многие противники нового порядка в России, в основном образованные люди: врачи, инженеры, преподаватели, художники, переселились в Сербию и находили здесь свою новую родину. Здесь сохранились многочисленные следы их деятельности. Этот вклад еще не до конца осознан и оценен.

В связи с этим я не могу не упомянуть учителя Игнатия Подерегина, который во время Второй мировой войны преподавал в средней школе в Кралево. Когда немцы захватили его учеников, он добровольно пошел с ними на расстрел. Этот яркий пример подтверждает духовную близость между русским и сербским народами, схожесть их исторической судьбы. Ни русские в Сербии, ни сербы в России не чувствуют себя чужими. И это неудивительно. Однако странно, что это беспокоит некоторых людей. Обеспокоенность вызвана тем, что отношения между нашими народами стоят выше их понимания взаимоотношений между народами, в основе которого лежит практический интерес.

С XIX века начали устанавливаться многочисленные культурные связи сербов со странами Западной Европы, прежде всего с Австро-Венгрией,

Германией, а затем и Францией, что сыграло значительную роль в духовном возрождении Сербии.

С начала истории человечества происходит обмен культурными ценностями, культурное взаимодействие между разными народами. Этот процесс имеет неоднозначный характер, но в целом служит взаимному обогащению, если происходит на добровольной основе, в русле, соответствующем культуре. Проблемы возникают тогда, когда влияние осуществляется с помощью различных форм принуждения и шантажа, что подразумевает применение насилия по отношению к существующим культурным традициям, привычкам и убеждениям какого-либо народа, прежде всего к его языку. Родина человека — это не только и даже не столько его холмы и долины, реки и ручьи, но прежде всего его культура, язык и духовность в самом широком смысле. Если при помощи давления и принуждения мы лишаем человека этого, значит, мы нарушаем его права и свободы.

Желательно, чтобы культурный диалог, влияние и обмен культурными ценностями совершались без принуждения и шантажа и чтобы в этом основную роль играли культурные институты, действующие в соответствии с общепринятыми принципами и стандартами. Очевидно, что культурное влияние должно происходить путем свободного выбора свободных людей в благоприятных условиях. Каждый народ должен осознавать преимущества и недостатки (даже опасности), которые несет глобализация каждой культуре, в особенности небольшим бедным странам. Необходим механизм, который позволял бы эффективно использовать полезное и сдерживать вредное и опасное влияние на культуру и духовность. Глобализм неизбежен в современном мире. Однако когда дело касается культуры, не должно быть позволено средствами давления и принуждения навязывать некую единую культурную модель. Только путем создания условий для равноправного диалога и свободного обмена культура станет богаче, разнообразнее и интереснее.

По моему мнению, сегодня наиболее опасная тенденция для общества — превращение культуры в «служанку» прибыли. Истинным культурным ценностям соответствует высокая мораль. Если культура становится «служанкой» прибыли, то ее назначение оказывается под вопросом.

А. К. Исаев¹

КОНФЛИКТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕСУРС ПЕРЕХОДА ОТ ПОЛИТИКИ КОНФРОНТАЦИИ К ПОЛИТИКЕ СОГЛАСИЯ

Как известно, существуют два договора, которые лежат в основе жизни практически любого общества. Один — это договор о правах. Второй — договор о правлении. Речь идет о том, что любое общество состоит из множества социальных, возрастных, имущественных, профессиональных и других групп, у которых есть самые различные интересы и права. В этой связи люди должны изначально договориться о правах каждой из групп, что предполагает целый ряд уступок, ограничения одних прав в обмен на другие и т. д. Второй договор — это решение вопроса о том, кто будет контролировать выполнение первого договора. Здесь сложились две модели общественного договора или, выражаясь современным языком, социального контракта.

Автор первой модели Томас Гоббс предложил вариант, который позже получил название «вертикального социального контракта». Суть его сводится к тому, что люди договариваются о правах, а затем вручают государству функцию наблюдать за соблюдением прав и одновременно регулировать эти права, то есть произвольно в них вмешиваться.

Автор второй модели Джон Локк предложил вариант, позже названный «горизонтальным социальным контрактом», где есть одно небольшое, но принципиальное отличие от контракта вертикального. Состоит оно в том, что общество нанимает государство как менеджера и поручает ему следить за соблюдением прав отдельных групп населения, но при этом ни в коем случае не вмешиваться в распределение или даже корректировку этих прав.

Исторический опыт убедительно показал, что ведущей тенденцией мирового развития является переход от вертикального социального контракта к горизонтальному. Одновременно история позволяет сделать вывод относительно того, что при вертикальном контракте конфликтность возникает в основном в отношениях личности или социальной группы с государством (в лице его конкретных органов и организаций). При этом, в связи с тем, что государство представляет собой практически идеальный аппарат насилия, конфликт разворачивается на поле государства, где оно имеет решающее преимущество.

¹ Председатель Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального собрания РФ, кандидат политических наук, доцент, профессор СПбГУП. Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Основные изменения в трудовом законодательстве России», «КПРФ: слова и дела», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «Экономическая демократия в современной России» и др. Член Бюро Высшего совета партии «Единая Россия», первый заместитель секретаря Президиума Генерального совета партии «Единая Россия» по агитационно-пропагандистской работе в партии. Награжден орденами Почета, Дружбы.

В то же время в ситуации вертикального контракта наблюдаются относительная стабильность и бесконфликтность отношений «по горизонтали», поскольку государство жестко контролирует практически все сферы социальной практики (включая даже семейно-бытовую) и выступает в качестве не столько арбитра, сколько судьи.

В условиях горизонтального контракта роль государства существенно ограничивается и его функции во многом переходят к гражданскому обществу. При этом существенно расширяется область конфликтов между различными социальными группами, политическими партиями, отдельными людьми, возникают конфликты в системах «личность—социальная группа», «личность—общество» и т. д.

Именно в условиях гражданского общества становятся объективно необходимыми наука и практика прогнозирования, урегулирования, анализа, управления конфликтами, то есть конфликтология.

Переход к гражданскому обществу невозможен, если окончательно не похоронить основанные на конфликте модели политики предшествующих эпох. В частности, доктрина либерализма позиционировала себя как конфликт личности и общества, доктрина марксизма базировалась на глобальном конфликте между трудом и капиталом. Различные националистические доктрины основывались на теории борьбы наций между собой за социальное выживание.

Конфликты в современной России многочисленны, многообразны и порой принимают весьма острые формы. Здесь можно вспомнить ряд конфликтов на Северном Кавказе, где в основе лежали межэтнические отношения. В массовых беспорядках в Москве на Манежной площади также просматривается этнический аспект. Достаточно остро протекают отношения в социально-трудовой сфере. Это конфликты по поводу закрытия предприятий (яркий пример — Пикалево), невыплата заработной платы, перевода работников на неполный рабочий день и неполную рабочую неделю, ущемление трудовых прав работников и т. д.

Однако нельзя не признать, что это конфликты, которые отражают принципиально новые отношения между отдельными людьми, социальными силами и слоями, между государством и личностью. В целом история учит, что жизнь современного общества невозможна без конфликтов.

Но в современной России конфликт может быть источником развития, принятия решений, которые будут продвигать общество вперед. У нас есть опыт задействования механизмов социального партнерства. Сегодня конфликтология как научная дисциплина и область профессионально-практической

деятельности начинает способствовать выработке культуры отношения к конфликту.

Эта культура заключается в том, что, во-первых, конфликт должен восприниматься как абсолютно нормальное явление, а не как признак кризиса. Во-вторых, это понимание того, что конфликт нуждается в сопровождении, в том числе специалиста. В-третьих, конфликт может и должен рассматриваться как средство решения актуальных проблем, средство укрепления организации, оптимизации психологического климата.

В этой ситуации задача конфликтолога — не подменить собой какую-либо из сторон, а помочь им найти оптимальный выход из возникшей конфликтной ситуации, помочь понять, в чем стороны могут договориться между собой.

Можно с уверенностью предположить, что профессия конфликтолога обещает быть все более востребованной рынком. Это будет происходить не автоматически, а в том случае, если конфликтолог на высоком профессиональном уровне станет проводить мониторинг содержания и динамики развития трудовых, этнических, социально-культурных отношений и иных отношений, прогнозировать возникновение зон напряженности и нестабильности, проблемных ситуаций, включая сферы взаимоотно-

шений между работодателями и наемными работниками, властными структурами и населением, мигрантами и традиционно сложившимся социумом, и иные сферы.

Не менее важное направление работы конфликтолога — выработка рекомендаций по предотвращению конфликтов для субъектов социальной практики: государственных и муниципальных органов, предпринимательских структур, профсоюзов и др. Для этого необходимо изучать особенности возникающих конфликтов, выявлять действующие субъекты конфликтов, их мотивы, выяснять их позиции.

Наконец, конфликтолог выступает посредником между сторонами конфликтов, консультирует стороны о возможных действиях и их последствиях при развитии конфликтов. Он информирует стороны конфликтов о возможных направлениях, способах и технологиях разрешения конфликтных ситуаций, разрабатывает и согласовывает со сторонами конфликтов формы и регламенты переговоров и иных примирительных процедур.

Таким образом, конфликтолог — это чрезвычайно интересная, но и в то же время сложная для освоения профессия, которая требует владения самыми современными методами и технологиями.

В. А. Квинт¹

КУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СРЕДА РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

Культура на глобальном рыночном пространстве

Глобализация имеет очень важные культурные и религиозные последствия, которые должны быть поняты стратегами, работающими на глобальном рыночном пространстве (ГРП). Критики часто утверждают, что она является причиной глобального преобразования культуры, что размывает подлинность и уникальность местной, локальной культуры. В самом деле, стратеги должны принять во внимание две парадоксальные культурные динамики: глобальные преобразования культур и в то же время сохранение и защиту местных культурных особенностей. Прежде всего, это касается лингвистической культуры, ее трансформации в условиях глобального рынка. Хотя английский язык стал практически стандартным средством общения на ГРП, есть несколько ре-

гиональных языков, которые имеют большое значение: например испанский язык — в странах Латинской Америки, русский язык — на территориях бывшего Советского Союза и арабский язык — в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, есть языки, которые свойственны некоторым рынкам и рассеянным по всему миру нациям и народам. Франкоязычные рынки присутствуют на всех обитаемых континентах, немецкий рынок есть в нескольких европейских и африканских странах, португальский рынок — в Португалии, Бразилии и ряде африканских стран, итальянский рынок — в Италии, Эфиопии, Эритрее, Албании и Швейцарии, арабский рынок — на Ближнем Востоке и в арабских диаспорах по всей Европе, в Африке и Северной Америке. ГРП создало необходимость повсеместного владения основными иностранными языками и понимания иностранных культур. Тем не менее, английский язык является языком глобального бизнеса. Как заявил главный редактор Forbes Стив Форбс: «Английский язык является языком экономических возможностей... Если вы знаете английский, то информационный век является вашим другом. Если вы знаете английский, двери к новым возможностям широко открыты для вас. Но если вы его не знаете, то вы застряли и рискуете остаться позади».

Многие идентичные товары, услуги и технологии используются по всему миру; они вносят свой

¹ Иностраный член Российской академии наук, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. Автор более 450 научных трудов, в т. ч. книг: «Абрис стратегии», «Бизнес и стратегическое управление», «Глобальный формирующийся рынок в переходный период», «Глобальный формирующийся рынок: стратегическое управление и экономика», «Бизнес и стратегическое планирование», «Возникающий рынок России», «Капитализация новой России» и др. Член Бреттон-Вудского комитета (Вашингтон), осуществляющего мониторинг Всемирного банка, Международного валютного фонда и ВТО. Член редколлегии журнала «Экономика и математические методы». Награжден орденом Дружбы.

вклад в дальнейший путь глобальной интеграции и унификации и одновременно являются и фактором, и следствием действий ГРП. Оно ускоряет глобальный прогресс, в силу того, что инновации и новые идеи становятся все более широко принятыми и внедренными. Культурный обмен идеями и технологиями также является и следствием, и фактором ГРП. Это акселерирует процесс постоянного развития и оптимизации стратегий и операционного управления. Эти процессы приводят к созданию более объединенного, мирного и толерантного мира. Но в то же время различные политические и идеологические условия, страновая и региональная вариантность в потребительском поведении влияют на все ГРП и создают проблемы для процесса дальнейшей глобальной интеграции. Стратеги же пытаются успешно действовать в этой постоянно изменяющейся среде, отвечая на ее все новые вызовы. Эти обстоятельства обязывают компании иметь глобальную корпоративную стратегию, которая принимает во внимание особенности в поведении потребителей на различных национальных и региональных рынках.

Культурная конвергенция — это улица с двусторонним движением. Успех корпоративной глобальной стратегии связан как с отражением растущего влияния бизнес-культур глобального формирующегося рынка (ГФР) и с его системными преобразованиями, так и с конвергенцией корпоративных культур компаний ГФР с хорошо «налаженным» этикетом бизнеса и с практикой ведения дел компаниями из развитых стран. Прекрасным примером этого явления служит компания ArcelorMittal, крупнейший в мире поставщик стали, принадлежащий британо-индийской семье Миттал (Mittal). Эта семья использовала гибрид индийских и британских ценностей, чтобы создать одну из самых успешных семейных компаний, которая владеет и управляет предприятиями во многих странах мира. Их успех напоминает опыт семьи Дюпон (DuPont family) в Америке в XIX веке, объединившей французскую этику с американской деловой культурой. Деловая культура семьи Миттал должна изучаться руководителями во всем мире, а не только лидерами бизнеса из Индии или даже из ГФР. Когда семья Миттал приобрела Arcelor, ведущую европейскую компанию по поставкам стали, это был один из первых примеров инсорсинга компании из формирующегося рынка в развитом мире бизнеса, задавшей новую глобальную тенденцию, которую можно определить как «распределение или перераспределение ресурсов в системе одной организации, даже если распределение происходит в различных географических регионах».

Еще одна важная культурная тенденция — американизация — связана с массовой культурой США как сверхдержавы. Поведенческие нормы США распространились на ГРП и глобальную производственную площадку. Например, дипломы на стенах офисов руководителей фирм в Албании или Бразилии стали символом и результатом взаимодействия с партнерами и клиентами из американских компа-

ний. В прежние времена, до начала влияния этой тенденции, люди из ГФР хранили свои награды и дипломы дома и не демонстрировали их в корпоративных офисах. Однако существуют ограничения на американизацию даже в не столь существенных вопросах. В США не считается чем-то необычным при покупке автомобиля ударить пару раз по шинам в качестве своего рода символического поверхностного теста на качество автомобиля. Однако во многих странах с формирующимися рынками (СФР), особенно на Украине, в Молдове и Грузии, использовать подобный прием не рекомендуется. Если кто-то ударит по шинам при первом осмотре автомобиля в одной из этих стран, продавец, скорее всего (по меньшей мере), может нанести ответный удар! Цель этой шутки — дать международным инвесторам представление о том, что даже повседневное поведение существенно различается в страновых культурных полях и может стать источником недоразумений, если они не учтены. Как говорится, дьявол кроется в деталях. Профессиональное поведение — это и комплекс многих малых культурных норм и привычек, к которым иностранцы должны быть чувствительны, чтобы развивать позитивную атмосферу своего зарубежного бизнеса. Компания «Макдоналдс» часто изображается как инструмент американизации других стран. В определенной степени «Макдоналдс» является одним из «транспортных» средств, организационных форм, с помощью которых американская потребительская культура распространилась по всему миру, но его международный успех основан на способности удовлетворять местные вкусы и предпочтения, часто с помощью опыта и знаний местных партнеров. «Макдоналдс» не выходит на новые рынки с целью заменить местную кухню своими гамбургерами. Такая стратегия неизбежно вела бы к неудачам. На самом деле корпоративные стратеги «Макдоналдса» создают разнообразие стратегий входа в СФР в соответствии с региональными, национальными и местными культурными и религиозными ценностями. Например, в мусульманских странах «Макдоналдс» предлагает халяльную пищу, а в Израиле — кошерное меню. Другая важная часть глобальной стратегии «Макдоналдс» — всегда нанимать местных работников и использовать локальные традиции и культуру в своей рекламе. Успешное применение стратегии «Макдоналдс» связано и со способностью удовлетворять местные вкусы и предпочтения. Эта модель — для стратегов, разрабатывающих вступительные стратегии для стран ГФР. Разнообразие стран ГФР и роль культурных традиций здесь гораздо сильнее и более актуализирована локальными характеристиками, чем в развитых странах, которые достигли гораздо более высокого уровня культурного преобразования в сторону конвергенции.

Культура как стратегический риск-фактор

Многообразие культурных, исторических, религиозных и политических традиций и бизнес-этик в СФР по сравнению с развитыми странами глубоко

затрагивает менталитет иностранных инвесторов. Это многообразие оценивается ими, да и по существу является не только вызовом, но и угрозой их инвестициям и компаниям в странах ГФР. Эти вызовы и угрозы могут быть объединены в категорию «культурный риск инвестиций».

В сущности, это культурный разрыв на ментальном уровне между инвестором, предпринимателем или компанией, с одной стороны, и обществом, где функционируют эти иностранные инвестиции и бизнесы, — с другой.

Например, такие слова, как «демократия», «выборы», «общественное мнение» и так далее, универсально воспринимаемые людьми в развитых странах, имеют отличные оттенки и значения у народов СФР. Многие из этих людей не отклоняют, например, демократию напрямую, но связывают ее с хаотичным переходным периодом после падения диктатуры и в ходе либерализации государственной командной экономики. Кроме того, стратегам и руководителям из развитых стран может показаться, что репрессивные диктатуры, покрытые прозрачными демократическими лозунгами, являются чрезвычайно позитивным шагом вперед от жестокой диктатуры, которую люди когда-то были вынуждены терпеть. Наследие диктатуры глубоко затрагивает деловую культуру ГФР. Многие иностранные менеджеры и руководители иногда бывают шокированы отсутствием инициативы у работников в СФР. Это результат поведенческих традиций поколений, не расположенных к принятию любых, но прежде всего рискованных решений. Становление этих традиций происходило под влиянием диктатур. Во многих обществах стран ГФР есть только один правильный ответ — мнение начальника.

Быстрые темпы урбанизации в большинстве СФР способствуют расширению культурного разрыва, с которым сталкиваются иностранные стратеги. Значительная часть городского населения не так давно переехала из глубоких провинций и деревень. Эти люди испытывают двойной культурный шок, когда сталкиваются один на один с более сложной городской культурой (музеи, театры, интернет-кафе и т. д.), с городской жизнью; особенно когда имеют дело с иностранцами и впервые взаимодействуют с зарубежными культурами. Эти обстоятельства являются источником больших недоразумений между иностранными руководителями и менеджерами, с одной стороны, и местными «синими воротничками» — с другой.

Лучший способ для иностранных компаний минимизировать культурные риски — не пытаться сразу изменить менталитет местного населения, так как это постепенный и довольно медленный процесс. Неотъемлемой частью успешной стратегии входа на рынок для иностранных компаний является постоянный интерес к местным традициям, истории, политической и деловой культуре. Иностранные компании должны быть готовы изменять свои типичные практики в целях более эффективной работы в новых условиях.

Также очень важно, чтобы стратеги иностранных компаний не пытались подменять (подстраивать под

себя) политическую и деловую культуру, с которой они сталкиваются в странах ГФР. Эти культуры являются отражением высокой культуры самого общества, таких ее составляющих, как искусство, литература, кино и т. д. Стратегия входа на ГФР должна быть разработана с учетом очень глубоких литературных и художественных традиций, особенно в таких странах ГФР, как Россия, государства Восточной и Южной Европы, Аргентина и Индия. Стратегам необходимо предусмотреть, что многие люди, с которыми иностранным бизнесменам предстоит взаимодействовать, очень хорошо осведомлены о высокой мировой культуре. Так, американские стратеги могут быть незнакомы с писателями, на которых европейцы (и большинство людей из бывшего Советского Союза) выросли. Например, с французским писателем Ги де Мопассаном или немецким — Эрихом Марией Ремарком. Очень трудно найти в Латинской Америке руководителей, которые незнакомы с работами колумбийского лауреата Нобелевской премии по литературе Габриэля Гарсиа Маркеса или бразильского автора Жоржи Амаду. В равной степени невозможно отыскать китайских руководителей и стратегов, не изучавших древнего философа Конфуция. Любые лидеры, незнакомые с итальянским политическим философом и человеком эпохи Возрождения Никколо Макиавелли, не смогут быть успешными в византийской культуре бизнеса на Балканах и в Магрибе. Высокая культура ряда стран ГФР, особенно литература, должна быть изучена иностранными руководителями и стратегами, так как это может быть очень эффективным средством преодоления пропасти культурных различий в ходе реализации стратегии.

Есть много примеров катастрофических результатов неспособности управлять культурно-стратегическими рисками. Например, известно, что тематические парки компании «Уолт Дисней» (Walt Disney Co.) были очень успешными в США и даже в Японии. Но во Франции они поначалу с треском провалились, поскольку стратегией входа на французский рынок с самого начала неадекватно были оценены культурные факторы. В 1992 году «Уолт Дисней» открыл тематический парк в пригороде Парижа, однако он не принес прогнозируемых доходов из-за низкой посещаемости, и «Уолт Дисней» понес громадные убытки. Он совершил ошибку, предполагая, что французы будут тратить такие же большие суммы денег на развлечения, соглашаться с такой же платой за вход и наслаждаться такой же едой, как американцы и японцы. Все эти оценки и культурные представления были стратегически неверны. Парижский Диснейленд стал успешным позднее — только после внесения значительных корректировок в стратегию, таких как продажа алкоголя, которая согласно американской культурной норме была бы неуместной в аналогичных обстоятельствах — в тематическом парке.

Культурный риск является особенно важным аспектом для стратегии развития и реализации конкретного подразделения. Это относится не только к структурам, которые находятся в зарубежных странах. Культурный риск должен также учитывать-

ся в стратегической оценке потребительской культуры в некоторых отраслях, по отношению к отдельным продуктам и услугам. Например, в январе 2007 года, когда компания Microsoft выпустила новейшую операционную систему Microsoft Vista, это явилось результатом разработки и реализации стратегии Microsoft в течение нескольких лет борьбы с компанией Apple Computers. Будущие потребители внимательно наблюдали за процессом, чтобы убедиться, что Vista будет проще в эксплуатации и займет меньше времени для загрузки. Microsoft также использовал тактический шаг задержки дня выпуска Vista, чтобы создать атмосферу ожидания продукта клиентами и увеличить первоначальный спрос. Без

оценки успеха или неудачи операционной системы Vista этот пример сам по себе очень подходит для внедрения нового продукта в странах ГФР, где людям в первую очередь необходимо ознакомиться с существованием продукта. Во-вторых, они должны верить, что он прост в использовании, и, в-третьих, стратеги должны оценить, как долго люди будут ожидать продукт, прежде чем смогут купить его.

Культурный риск как явление и новая стратегическая категория может плодотворно изучаться совместными усилиями стратегов и культурологов. А игнорирование влияния этого явления при разработке и реализации стратегии ведет к сложным и негативным экономическим последствиям.

М. П. Кирпичников¹

РОЛЬ НАУКИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНОГО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Очевидно, что у науки существует несколько миссий. Вечная и одна из важнейших — то, что наука является неотъемлемой частью культуры. Так было всегда. В XX веке наука становится фундаментом новых технологий — и это другая миссия. Часто выделяют такую функцию науки, как «щит и меч», хотя ее можно включить во вторую, «технологическую» миссию.

Что же принципиально меняется в эпоху глобализации, в XXI веке? С приобретением мощных антропогенных технологий, прежде всего, становится актуальным вопрос прогноза и выбора — как определить устойчивую траекторию развития нашей цивилизации.

Когда мы говорим о прогностической функции науки, мне на память приходят слова одного из выдающихся политиков XX века — президента США Джона Кеннеди. На одной из встреч с выпускниками своего родного университета он сказал, что у него есть тысячи специалистов, которые могут построить пирамиду и знают, как это сделать. Но нет ни одного, кто бы мог сказать: а нужно ли вообще строить эту пирамиду? Так вот, *наука и только наука* может давать ответы на подобные вопросы — а не прорицатели, не экстрасенсы, никто другой. Прогностическая миссия науки становится одной из самых главных в наше время. Почему так получается? Создаются новые технологии — и сразу возникает вопрос об их эффективности и безопасности. Я убежден, что научное сообщество отвечает за

достоверность полученных знаний, эффективность новых технологий, прогнозы, в том числе безопасность новых технологий. Но общество в целом несет ответственность за принятие решений об их использовании, поэтому вопрос не только в научном обосновании безопасности, но в большей степени — в готовности общества, в принятых обществом этических нормах, которые в свою очередь во многом зависят от научных достижений. При этом не следует забывать, что любые технологии, будь то освоение атомной энергии, развитие космических или информационных технологий, достижения в области наук о жизни, могут быть потенциально использованы как во благо человека, так и в антигуманных целях. Примеров этому мы видели немало в последние десятилетия. Правильный выбор может сделать только коллективный разум, только он может обеспечить устойчивое развитие цивилизации.

Давайте подробнее посмотрим, что происходит на поле биобезопасности и, прежде всего, в сфере обеспечения здоровья человека. Как достижения наук о жизни позволяют отвечать на вызовы в этой сфере?

Действительно, сообщения о новых заболеваниях и возврате давно забытых постоянно будоражат наши умы: всевозможные лихорадки, гепатиты, СПИД, оспа и т. д. Почему это возможно? Дело в том, что важнейшими свойствами живого являются изменчивость, приспособляемость. Мы можем избавиться от многих опасностей, но в связи с изменчивостью и стремлением живого к выживанию — а это его фундаментальнейшее свойство — новые формы возникают независимо от нас. Будут появляться новые болезни и возвращаться старые. Это видно на примере вируса гриппа. Та же ситуация со множеством лихорадок и гепатитов, со СПИДом и т. д. Конечно, надо принимать во внимание и другие факторы. С одной стороны, мы научились лучше определять возбудителей опасных заболеваний, с другой — и деятельность человека, меняя условия жизни

¹ Академик Российской академии наук, председатель Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ, декан биологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой биоинженерии, доктор биологических наук, профессор. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. книг: «Принципы структурной организации белков и их применение к конструированию новых белковых молекул: теория и эксперимент», «Белковая инженерия искусственных белков» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 16. Биология». Награжден орденом Почета, Дружбы.

возбудителей, может потенциально влиять на их природную изменчивость. Таким образом, главная угроза (причем она будет всегда) — новые инфекционные заболевания. (А вовсе не биотерроризм, истоки которого лежат в социально-экономической сфере.) И ответ на этот вызов может быть только один — мобилизационная готовность фундаментальной науки. Вот почему науку надо поддерживать, а науки о жизни — особенно.

Отмечу, что кроме природных биологических угроз, есть и антропогенные. Вспомним, к примеру, знаменитую историю асбеста. Еще в 1898 году наблюдения показали, что этот минерал может быть очень вреден, но прошло 100 лет, прежде чем все мировое сообщество поддержало запрет Евросоюза на асбест. Это типичный пример того, как мы недооцениваем тот самый принцип абсолютной приоритетности безопасности, о котором я говорю так настойчиво.

Таким образом, проблемы биобезопасности связаны с тем, что мы будем неизбежно сталкиваться с различными угрозами, во-первых, со стороны биологических явлений естественного происхождения, и, во-вторых, со стороны факторов, связанных с деятельностью человека. Примеров можно привести десятки.

Но вот еще один интересный круг вопросов, порожденных развитием современной биологии — проблемы биоэтики. Начнем с доступности генетической информации. Понравится ли вам, если ваши генетические данные, то есть сведения о ваших предрасположенностях к заболеваниям и возможных склонностях, окажутся в руках у работодателя или у страховой компании? Готово ли к этому общество? Много этических проблем возникает в медицине — связанных, например, с пересадкой органов, с эвтаназией. А создание генетически модифицированных организмов? Вспомнив ту мышь, которая за счет изменения ее генома продуцирует человеческие терапевтические антитела, наверное, каждый из нас скажет, что это необходимо, поскольку это единственное на сегодняшний день средство борьбы со многими страшными заболеваниями.

Одна из острейших проблем последнего десятилетия — клонирование, репродуктивное и терапевтическое. Репродуктивное клонирование — это просто воспроизводство индивидуума; понятно, что, во-первых, мы к подобному не готовы, а, во-вторых, это и не нужно. Терапевтическое же клонирование — это получение из одной клетки участков ткани человека (например, кожи, печени и т. д.) или целых органов. Разве это плохо? Мир идет как раз по такому пути: запрет первого и всяческое развитие второго.

Вечная и очень сложная проблема трансплантологии заключается в том, что часто бывает трудно определить, можно ли спасти жизнь человека или он может послужить донором того или иного органа. И здесь с точки зрения морали гораздо лучше пойти по пути терапевтического клонирования.

Эксперименты на животных также вызывают много вопросов, и это правильно. Но, вообще говоря, нельзя сказать, что эксперимент на животном и человеке — дело прошлое. Австралийские ученые, установившие роль бактерии *Helicobacter pylori*, которая живет в желудке человека и вызывает язву, гастриты, а иногда и злокачественные новообразования, стали нобелевскими лауреатами в 2005 году. Так вот, эти два человека испытывали действие *Helicobacter pylori* на себе.

Еще одна важная проблема — роль наук о жизни в ситуации устойчивого развития. Что мы понимаем под устойчивым развитием? Это модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности будущих поколений. Практически все мыслители и практики сходятся во мнении относительно перманентной экономии в целях предотвращения дальнейшего наращивания потребления невозобновляемых ресурсов. Необходимо непрерывно уменьшать их использование за счет научно-технического совершенствования и сокращения нерациональных расходов. Мир пришел к пониманию роли достижений наук о жизни. Заговорили о переходе к зеленой «экономике», или «биоэкономике». Современные биотехнологии реально становятся системообразующими технологиями. В связи с этим нынешний кризис, я глубоко убежден, не только финансовый или экономический. Финансовые механизмы, конечно, надо пересматривать, но проблема гораздо более глубока и масштабна — речь идет об изменении мотивации поведения человечества. В этом смысле речь идет о системном кризисе. И принцип перманентной экономии вместо приоритета потребления — это то, что нас неизбежно ждет, если мы хотим продолжать устойчиво развиваться. Наконец, принцип предосторожности тоже вытекает из определения устойчивого развития: мы должны в случае неуверенности или нравственной неготовности общества к применению новых технологий в приоритетном порядке рассматривать потенциальные риски.

В естественных науках все начинается с фундаментальных открытий, и мнение, что их можно планировать или прогнозировать, — огромное заблуждение. Хочу напомнить, что основное открытие в области молекулярной биологии было сделано в 1953 году Джеймсом Уотсоном и Френсисом Криком, когда они обнаружили и доказали, что вся генетическая информация о живом организме закодирована в двойной спирали ДНК. Именно такие открытия приводят к созданию новых технологий. Дальше идет важный этап разработки и использования этих технологий. Я специально провожу разделительную черту, потому что использование технологий — это вопрос не только науки и даже не техники, а всего общества: чем дальше мы продвигаемся в области технологического развития, тем чаще сталкиваемся с технологиями, оказывающими колоссальный антропогенный эффект. Вопрос использования всегда

был вопросом общества в целом, но сейчас это особенно важно.

Когда моего учителя, академика Александра Александровича Баева, спрашивали: «Какая разница между прикладной и фундаментальной наукой?» — он отвечал: «Есть хорошая и плохая наука, а не фундаментальная и прикладная». Теперь, в условиях рынка, между фундаментальной и прикладной наукой действительно есть разница. Прикладная наука — это та, которая может быть товаром; фундаментальная же в любом обществе всегда финансируется государством, никакая фирма в нее вкладывать не будет — разве что в форме благотворительности. Товаром служат технологии, продукты, ведь, скажем, производство такого продукта, как терапевтические антитела, делает первые шаги, а их рынок уже оценивается в десятки миллиардов долларов. К примеру, чтобы удовлетворить потребности страны в каком-то терапевтическом антителе, достаточно хорошо оборудованной лаборатории — и можно заработать на этом многие миллионы долларов. То же может касаться практически любого действительно наукоемкого продукта. Но, чтобы создать такую лабораторию, разработать и вложить в нее нужные технологии, подготовить кадры, необходимо, как правило, объединить усилия десятков, а иногда и сотен научных коллективов. Единственный способ подготовить ситуацию — развивать и поддерживать фундаментальную науку.

В связи с этим особенно актуальной представляется проблема мотивации молодых ученых. Перспективы фундаментальной науки во многом зависят от того, насколько продуманной и эффективной будет система мотивации человека, который занимается наукой. И здесь одним повышением зарплаты вопрос не решить. Кроме зарплаты, квартиры, инфраструктуры, необходимы и конкурентоспособные условия для работы — техническое оснащение, не хуже, чем за границей. А это порой дороже и важнее, чем зарплата. Что такое зарплата в 30 тыс. рублей, когда нет современного оборудования? Еще один важный момент: молодой специалист приходит в лабораторию и видит своего руководителя в рваных ботинках, которого не затронула «государственная забота». Он думает — что будет с ним через 20–30 лет? Неужели и его удел — рваные ботин-

ки? Уверенность молодого ученого в завтрашнем дне появится, если наша забота о науке, а значит — о завтрашнем дне в целом, станет системной.

Замечу, что нет деления на науку молодежную и зрелую, наука одна. Но есть молодые ученые и ученые с опытом и именем. Понятно, что если этого не учитывать, в пользу конкурсной работы зрелого ученого будут говорить его имя, научная биография. У молодых такой истории нет, поэтому им нужно давать преференции и тем самым поддерживать.

Я убежден, что самое важное для настоящего ученого — понимание того, что он не может жить без науки. В связи с этим я очень часто вспоминаю слова нашего великого соотечественника Петра Леонидовича Капицы, который говорил: «Ученый — не тот, кто пишет научные статьи или просто занимается наукой. Ученый — тот, кто не может не заниматься наукой». Я думаю, что это главная мотивация, в том числе и для современных молодых ученых. Сюда же я бы отнес здоровое честолюбие людей, занимающихся наукой. Они хотят получить признание, сделать что-то новое в науке (я сознательно начинаю не с материальных вопросов). И для того, чтобы лучшие умы и наиболее преданные люди науки оставались в России, необходимо создать им соответствующие условия.

Но не менее важно понимание потребности заниматься наукой как своего рода инстинкта, подразумевающего постоянную тягу к обретению новых знаний, здоровое любопытство ученого. По этому поводу на память приходят слова другого великого человека — одного из моих учителей, академика Владимира Александровича Энгельгардта. Когда на одном из юбилеев кто-то выразил восхищение по поводу его преданности науке, он сказал: «А за что вы меня хвалите? Это мой естественный инстинкт. И счастье, что он совпадает с интересами общества. Я не могу не заниматься наукой. Это как хороший аппетит. Ведь здоровый человек не может не есть». Поэтому счастье молодых людей, которые решили посвятить себя науке, заключается в том, что их внутренняя мотивация сегодня как никогда совпадает с объективными интересами общества. Это действительно счастье, и одновременно — огромная ответственность.

Г. Б. Клейнер¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КОЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Проблема сосуществования и многоаспектного взаимодействия стран, находящихся на разных стадиях развития и имеющих различные системы экономических институтов, особенно остро встает в эпоху глобализации. Существенными для ее решения являются два противоположно направленных процесса: с одной стороны, сглаживаются различия между технологиями, применяемыми в экономике разных стран, выравнивается качество товаров, производимых странами с разными уровнями развития, происходит перенос ряда социальных институтов из страны в страну. На поверхностном уровне наблюдения и сопоставления очевиден процесс *конвергенции*.

С другой стороны, происходит процесс размежевания стран, затрагивающий более глубокие различия, касающиеся менталитета, интерпретации смыслов, интенциональной и экспектационной сфер. Здесь наблюдается процесс *дивергенции*.

Эти два процесса переплетаются и дополняют друг друга на разных уровнях, формируя сложную структуру развития международной экономики, как в статике, так и в динамике. Такая ситуация делает мировую экономику не только волатильной, но и кризисогенной. В этих условиях наилучшим вариантом была бы *коэволюция* — согласованное координируемое независимое развитие стран без войн, кризисов и катаклизмов.

За счет каких видов и структур межстранового взаимодействия может быть достигнут переход от страновой дивергенции к страновой коэволюции? В данной работе, исследуя страны как социально-экономические системы, мы рассматриваем сначала внутреннюю функциональную структуру таких систем, основные виды межстранового взаимодействия и показываем, что именно межстрановой

культурный диалог должен сыграть определяющую роль в формировании совместно эволюционирующего мира. Мы подчеркиваем также, что структура основных межстрановых взаимодействий складывается из особых «блоков» — групп из четырех стран, каждая из которых представляет собой один из четырех типов социально-экономических систем. Именно такая структура способна обеспечить стабильное и гармоничное развитие многополярного международного мира. Результаты основаны на применении концепции и выводов *новой теории социально-экономических систем*², базирующейся, в свою очередь, на так называемой системной парадигме Я. Корнай³. Согласно этой парадигме страны должны рассматриваться как разновидности социально-экономических систем, что позволяет выявить как базовые страновые различия, так и общие черты. При этом, в отличие от традиционного подхода к системе как совокупности элементов и связей (эндогенное определение), в новой теории систем акцент делается на восприятии системы как относительно устойчивой части внешнего мира, обладающей целостностью и внутренним многообразием (экзогенное определение). Это позволяет исследовать взаимосвязь между *положением* системы во внешнем пространственно-временном континууме и ее *состоянием* в пространстве внутренних координат.

Каждая социально-экономическая система включает, как было установлено⁴, семь подсистем, реализующих необходимые для жизнедеятельности системы функции. Каждая такая подсистема производит определенный продукт, как используемый внутри системы, так и импортируемый вовне. К числу этих подсистем относятся: ментальная подсистема, продуктом которой являются ментальные модели, образы, умозаключения; «культурная» подсистема, формирующая смыслы, ценностные ориентиры и образцы; институциональная подсистема, продуктом которой являются институты, как применяемые внутри системы, так и транслируемые за ее границы; когнитивная подсистема, производящая знания; технико-технологическая подсистема, производящая товары, услуги, работы; имитационная система, осуществляющая апробацию возможностей применения в условиях данной системы опыта других систем в разрешении тех или иных проблемных ситуаций (производство «кейсов»); «историческая» подсистема, производящая такие же кейсы, но на материале собственной истории данной системы. Таким

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний», «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента», член Научно-экспертного совета по антикризисной политике Аналитического управления Аппарата Государственной Думы РФ. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

² См.: Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10; Он же. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2, 3; Он же. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

³ Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.

⁴ Клейнер Г. Системная парадигма и теория предприятия.

образом, каждая социально-экономическая система экспортирует в общем случае, кроме товаров и услуг, ментальные модели («мысли»), культурные ценности и образцы («смыслы»), институты («нормы»), знания, обобщенные внешние кейсы (условно говоря, «анекдоты») и обобщенные внутренние кейсы (случаи из жизни, прецеденты). Хотя в принципе в производстве или создании каждого продукта участвуют все подсистемы, мы можем условно рассматривать каждый из продуктов как результат функционирования соответствующей подсистемы. Это дает возможность представить функционирование социально-экономической системы как взаимодействие перечисленных подсистем, причем каждая последующая из них базируется на результатах предыдущей и поддерживает, в свою очередь, ее устойчивость.

Теперь мы видим, что межсистемное взаимодействие охватывает не только товарно-денежный обмен, но и трансферт целого ряда нематериальных ценностей. Отметим, что в современном мире этот нетоварный обмен играет не менее, а в ряде случаев и более важную для развития популяции систем роль, чем товарооборот.

Применительно к странам как социально-экономическим макросистемам данная концепция выглядит следующим образом. Страны экспортируют и импортируют: менталитет населения и общества, культурные ценности и смыслы, институты, знания, товары и технологии, а также феномены как обобщенные описания апробированного решения проблемных ситуаций (прецеденты), имевшие место в иных географических или исторических условиях. Каждый из этих предметов странового взаимодействия может быть охарактеризован с помощью признаков, описывающих: а) «транспортабельность» — возможность обособления единицы (кванта) данного вида благ и переноса его из страны-донора в страну-реципиента; б) срок приживаемости — время, необходимое для укоренения на новом месте объекта переноса; в) полезность — шансы на эффективное использование данного элемента и риски его негативного влияния на страну-реципиента. Оценивая с точки зрения этих характеристик перечисленные объекты межстранового взаимодействия, мы увидим, что ментальные модели наименее транспортабельны, поскольку являются в значительной мере функцией от психологических особенностей населения и особенностей исторического развития страны. Трансплантация и укоренение институтов не только требуют затрат, но и создают риски долговременной зависимости реципиента от донора¹. То же самое можно сказать об импорте знаний и материальных ценностей. Межстрановой обмен прецедентами требует преодоления языкового, общекультурного барьера и имеет ограниченное значение.

В результате такого анализа из всех семи видов межстранового обмена выделяется межстрановой культурный обмен. Он во многих случаях не требу-

¹ См.: Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.

ет обязательного преодоления языковых барьеров, опирается не только на разум и привычки, но и на чувства и эмоции. Предметы культурного обмена носят часто более инвариантный характер по отношению к географическому пространству и календарному времени, имеют общечеловеческую ценность. Крайне существенно, что продукты культурной подсистемы «более системны», чем продукты других подсистем: каждый феномен культуры может рассматриваться «как “зеркало”, отражающее культурную систему в ее системном единстве»².

В итоге продукты культурной деятельности, подлежащие межсистемному трансферту, сами становятся социально-экономическими системами (разумеется, иного масштаба, чем система-донор), причем эти системы носят *фрактальный* характер. Наконец, все эти особенности культурных феноменов создают предпосылки для *событийности* каждого такого импорта и возникновения феномена культурного резонанса. (Импорт для системы является событием, если предмет импорта сам представляет собой систему, причем все его функциональные подсистемы более или менее синхронно вступают во взаимодействие с одноименными подсистемами системы-реципиента³.)

В силу этих особенностей культурный обмен должен стать основным видом обменов, поддерживающим единство мирового социально-экономического пространства. Взаимодействие разнонаправленных культурных феноменов носит достаточно сложный характер. Успешный синтез таких феноменов — весьма редкое явление, что является оборотной стороной их системности. Каждый такой синтез в этих условиях содержит, по сути, элементы синтеза самих стран — участниц обмена. При этом механическое (точнее говоря, теоретико-множественное, «поточечное») слияние систем здесь практически невозможно («нанэкономические» технологии формирования целостной социально-экономической системы из элементов двух или более таких систем, подобные физическим нанотехнологиям, в настоящее время не разработаны).

Трудности прямого синтеза разнокультурных феноменов, хорошо иллюстрируемые известной проблемой качества художественной межстрановой копродукции (трудно назвать успешные попытки создания совместных кинофильмов, литературных, музыкальных и других произведений), не означают бесперспективности создания единого мультикультурного пространства. Дальнейшее развитие общей теории социально-экономических систем, по-видимому, позволит предложить модели гармонизации общемирового культурного пространства с точки зрения соотношения между гетерогенностью и гомогенностью его структуры⁴. В настоящее

² Цит. по кн.: Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры. М.: Наука, 2010. С. 81.

³ Клейнер Г. Б. От теории предприятия к теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. Т. 1.

⁴ Клейнер Г. Б. Стратегия системной гармонии экономики России // Экономические стратегии. 2008. № 5–6.

время естественной формой межкультурного взаимодействия страновых систем является не столько системный синтез страновых культурных феноменов, сколько их совместное восприятие и изучение на базе культурных традиций двух стран, что можно рассматривать как своеобразный *диалог*. В ходе этого диалога в силу системности предмета культурного импорта происходит взаимодействие между всеми подсистемами импортера и экспортера, что содействует их совместной и согласованной эволюции. Так формируются предпосылки для создания новых культурных феноменов, носящих мультикультурный характер. Здесь сопряжение культурных феноменов напоминает процесс выращивания институтов¹.

Такой диалог позволяет рассчитывать на определенную когерентность развития вовлеченных в него стран, поскольку системность каждого культурного феномена как предмета трансферта позволяет концентрировать в нем и транслировать в каждую из стран существенные черты и компоненты национальных культур.

Теперь с системных позиций рассмотрим структуру межстрановых культурных и иных взаимодействий. Каждая социально-экономическая система может исследоваться с точки зрения ее принадлежности к одному из четырех типов систем: объектной, проектной, процессной и средовой². Объектные системы воспринимаются как существующие независимо от наблюдателя объекты — образования, имеющие определенную форму в пространстве и не имеющие априорного периода существования. Пространственные границы такой системы являются *ощущаемыми* для представительного числа ее участников, в отличие от временных границ. Для участников *процессных* социально-экономических систем, наоборот, более остро, чем ограниченность территориального пространства, ощущаются ход и ограниченность времени. Основным компонентом функционирования такой системы является процесс, развивающийся по законам эволюции. Для *проектных* систем значение имеют как территориальные, так и временные ограничения, в силу чего в основе функционирования таких систем лежит проект — совокупность мероприятий, имеющая конкретную локализацию и цель проведения. Наконец, для участников *средовой* социально-экономической системы слабо ощущаются и ограниченность времени, и ограниченность пространства.

Несмотря на то, что каждая страна имеет признаки всех четырех типов систем, часто можно выделить один из них в качестве доминирующего. Так, США представляют собой типичный вариант проектной системы, Китай — процессной, для Японии

характерны черты объектной системы. Россию можно считать средовой страной³.

Функционирование любой социально-экономической системы (в том числе мировой) может быть представлено в виде совокупности четырех процессов: создания новых благ, производства (тиражирования новых экземпляров), распределения (трансферта), обмена, и потребления (использования) материальных, духовных и иных ценностей и ресурсов. В мировой экономике эти функции осуществляются странами в неодинаковой пропорции, в зависимости от системного типа, к которому может быть отнесена та или иная страна. Система каждого типа реализует ровно две из четырех указанных функций, причем одну из них в качестве основной, другую — в качестве дополнительной⁴. Каждая функция реализуется ровно двумя системами различных типов. Так, система объектного типа реализует производственную функцию в качестве основной, потребительскую — в качестве дополнительной. Проектная система реализует обменную функцию как основную, производственную — как дополнительную. Процессная система — распределительную как основную и потребительскую как дополнительную. Средовая система — потребительскую как основную и распределительную как дополнительную.

В этих обстоятельствах естественной является такая организация функционирования экономического пространства, при которой социально-экономические системы, наполняющие это пространство, группируются в так называемые *тетрады* — блоки из четырех систем разных типов, реализующие в совокупности четыре основных социально-экономических процесса. Взаимодействие между элементами такой тетрады не симметрично: отношения в парах «объектная и средовая системы», «средовая и процессная», «процессная и проектная», «проектная и объектная» в такой тетраде носят тесный, приближающийся к симбиотическому характер, в то время как отношения в парах «объектная—процессная системы» и «проектная—средовая» неизбежно характеризуются определенной напряженностью. Тем не менее, как показывает анализ, своеобразная «кольцевая» структура тетрады позволяет ей сочетать внутреннее многообразие с внешней устойчивостью. Взаимодействие тетрад происходит в рамках так называемой паркетной структуры, где каждая система определенного типа взаимодействует с тремя системами других типов.

Эта схема носит теоретический характер, однако она может быть положена в основу формирования сбалансированной и надежно функционирующей структуры мировой социально-экономической системы.

¹ Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; Stiglitz J. Scan globally, reinvent locally: knowledge infrastructure and the localization of knowledge // Banking on Knowledge. The Genesis of the Global Development Network / Diane Stone (ed.). 2000. P. 24–43; Клейнер Г. Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

² Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2, 3.

³ Клейнер Г. Б. Глобальное миссионерство или глобальное стяжательство: есть ли третий путь для России? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2010; Он же. Системная парадигма и экономическая политика.

⁴ Клейнер Г. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

Как это могло бы выглядеть на практике? Выше были приведены примеры стран, являющихся яркими представителями соответствующих типов. Согласно изложенной концепции США, Япония, Китай и Россия образуют в определенном смысле самодостаточную систему стран, способную реализовать полный функциональный цикл создания, тиражирования, распространения и распределения практически всех основных видов материальной продукции — от интеллектуальной до сельскохозяйственной. Эти страны могут блокироваться в целях создания своеобразной «центральной» тетрады современного мира. Централизм здесь не в том, чтобы эта четверка диктовала другим странам и группам свои условия, а в том, чтобы она стала своего рода

модельным примером для формирования и функционирования других подобных тетрад. Объединяя представителей трех континентов — Европы, Азии и Америки, — такой союз мог бы стать «точкой кристаллизации» нового мирового порядка, основанного на принципах страновой коэволюции. Диалог культур как обмен системными культурными феноменами в такой группе способен привести к формированию локального межстранового культурного подпространства, более гармоничного и адаптивного, чем глобальное культурное пространство. Развитие таких гармонизированных «культурных очагов», базирующихся на тетрадных группах стран, в свою очередь, будет способствовать формированию единого мирового культурного пространства.

В. Г. Костомаров¹

ЭКРАННЫЕ ТЕКСТЫ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Приветствуя участников форума, посвященно-го диалогу цивилизаций, хочу обратить внимание на то, что сама форма данного диалога, равно как и любой вид современной коммуникации, может стать объектом изучения в силу бурно развивающегося технического прогресса в сфере информативных технологий.

Нынешняя техногенная эпоха подарила людям чудесную возможность хранить и получать знания не только буквенной записью и чтением, но и менее опосредованно, наглядно и красочно. Бурно совершенствующиеся аппараты аудиовидеозаписи, телевидение, компьютер, мобильная телефония, Интернет серьезно изменили исторически сложившееся языковое существование человечества. Библиотеки, например, стали хранилищами отнюдь не только книг, но и карт, рисунков, фильмов, кассет, дисков. Одной из первых перевела в цифровую форму свои книжные и рукописные богатства Библиотека Конгресса США; петербургская Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина даже задумана как электронно-книжное хранилище.

Распространяющиеся по всему миру способы фиксации, хранения и воспроизведения информации в естественном виде с тонкостями звучания и интонации, жестами, мимикой, движением, цветом, всей обстановкой речевого акта не могут не служить предметом изучения и преподавания язы-

ков, активизации межкультурного диалога. Сейчас уже мы можем говорить об особом виде текстов, которые можно назвать *экранными* и которые как явление, видимо, глобальны, хотя и существуют в национально-культурных и языковых различиях.

Быстроту и легкость поиска нужных сведений, яркие формы их подачи, открытые фотографией, грамофоном, радио, кино и телевидением, новые машины так усилили, что возникла угроза самому существованию книги. «Медиаологи» уже делят историю человечества на три типа цивилизации: господство устного слова, господство рукописной или печатной письменности и грядущее звукоизобразительное господство. Родители повсеместно жалуются, что дети перестали читать.

Однако письмо и рожденная им богатейшая книжность, возникшая как компенсация того, что есть в первородном контактом звуковом общении (произношение, интонация, невербальные носители информации вроде мимики, жестов, вообще «культурная обстановка») и чего письмо не передает, отнюдь не погубили первородное звучащее слово. Так и электронно-экранные средства могут лишь сосуществовать с ним и с книгой, столетиями плодотворно обслуживающими жизнь и прогресс людей. В то же время задача добиться органического соотношения в нашем языковом существовании теперь уже трех вместо двух «царств» в открывшемся аудиографовидеоединстве крайне актуальна.

Специфику аудиографовидеотекстов проще уловить, наблюдая за кино и телевидением как наиболее сложившимися их носителями. На их базе уже явно сформировались тексты своеобразной структуры, принципиально совмещающей языковые устные и письменные носители смысла с неязыковыми. По своей природе они синкретичны как в вербально-картинно-образном, так и в собственно вербальном смысле. Действуя массивно на все органы чувств, они создают, несмотря на дистантность контакта, иллюзию соучастия в общении,

¹ Академик Российской академии образования, президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор свыше 700 публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Культура речи и стиль», «Русский язык на газетной полосе», «Русский язык среди других языков мира», «Жизнь языка: от вятичей до москвичей», «Рассуждение о формах текста в общении», «Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массовой культуры», «Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики», «Стилистика» и др. Главный редактор журнала «Русская речь», член редколлегии журнала «Русский язык за рубежом». Награжден медалью Пушкина. Лауреат Государственной премии СССР, премии Президента РФ в области образования.

«вовлеченности». Они менее упорядочены, нежели книжные тексты, четко делящиеся на прагматические с доминантой тематической сферы и среды участников общения («функциональные стили») и художественно-беллетристические. По содержанию неограниченности и расчету на массовую аудиторию они столь же непредсказуемы (пока или просто требуя иных оснований дифференциации, чем книжные), что и всеохватная звуковая разговорность, которая и сегодня занимает наибольшее время в нашем языковом существовании и в которой, как и в них, важна проблема удержания аудитории, пусть и менее остро, ибо налицо немедленная «обратная связь» диалогом или даже физически.

Рассматриваемые тексты получаются синтезом и их справедливо считать синтетическими в двух значениях этого прилагательного — «полученными синтезом» и «искусственными». Последнее значение связано с непривычной новизной и качествами порождающей их технической базы, значительно более сложной, нежели техника письма, ставшая за века по сути естественно-человеческой (различие между естественным, природным и искусственным вообще противоречиво), и позволяющей передать фотографически (то есть точно, с иллюзией реального воспроизведения) акт коммуникации, опирающийся не только на язык, но и на изображение, звук, цвет, движение. В самом деле, в отличие от книжных, жестко связанных с языком (картинки, иллюстрации в них связаны больше с украшательством или — в прагматических их группировках — с картами, диаграммами, схемами, таблицами), они способны обрести формы изобразительности (как в пантомиме) и музыки, реализоваться и в звуке, и в письме, в песне, речитативе, вообще без языка и без письма, хотя, конечно, обычно в совокупности не всех, а лишь нескольких возможностей, чередуя их.

Эта сказочная полнота воздействует (деформирующе?) на язык, отчего можно сразу предположить, что она может быть избыточной и, облегчая, как и повседневные разговоры, восприятие, серьезно мешать его глубине, переходу информации в личностное сознание, чего достигают книжные тексты, отсекающие лишнее и требующие при чтении умственного напряжения, опоры на свой опыт и фантазию, критической оценки, скепсиса. Как ущербная ограниченность книжных текстов давно стала исторически величайшим их достоинством, так и неограниченная полнота рассматриваемых текстов оборачивается их ущербной ценностью для воспитания и обучения; болезненно встает вопрос, всегда ли все их возможности стоит запускать?

Специфично особое строение этих текстов, обеспечивающее помехоустойчивость и надежность связи с дистантной и неопределенной аудиторией, разные «искусственные» приемы, как: упорядоченное чередование информем и экспресем (идушее от газетного сочетания информации и сенсации); «блочный синтаксис» (идуший от открытых кинематографом законов «монтажа кадров»); «клиповое

строение» с учетом особенностей кратковременной памяти; подчеркнуто контекстное значение слов, поддерживаемое изображением и нередко искажающее его истинное словарное значение; принципиальное и, видимо, постоянное использование наряду с языком невербальных носителей смысла.

Стремясь быть интересными и доступными, тексты массовой коммуникации имитируют межперсональный акт общения элементами разговорного диалога, приметами интимности, непринужденности, доверительности. В то же время, не ограничиваясь повседневно-житейской и художественно-литературной тематикой, они вынуждены обращаться к книжному языку высоких материй, научных, официальных, государственно-политических. Действительное, чаще декоративное воспроизведение культуры обстановка также смягчает противопоставление письменной и звучащей реализации текста, а отчасти и вербальной и внеязыковой его частей. Образующийся «плавильный котел» своеобразно сплавляет книжные и разговорные средства выражения.

Рассматриваемые тексты завоевали себе обширное место в нашей жизни, а их отрицательные (впрочем, необязательно отрицательные, может быть, просто не всем пока привычные?) черты существуют с несомненно положительными. Современные быстротекущие события, высокотехническое и автоматизированное производство нуждаются в быстром получении нужной информации, представленной в краткой и яркой форме. Вряд ли стоит, боготворя многовековую традицию, отрицать новое; это было бы столь же нелепо, как и обожествлять его. Да это и невозможно, потому что первое, что сейчас делают миллионы людей, приходя домой, — включают «ящик», а не лезут на книжную полку. Громадный их успех объясняется именно легкостью потребления сообщаемого знания, расчленяемого на удобоваримые куски-блоки с развлекательными прокладками и подаваемого непрерывно, ярко, рекламно, даже агрессивно, в буквальном смысле, под музыку.

Рассматриваемые тексты привлекают все больше исследователей, их называют *креолизированными*, *диффузными*, *синтезированными* или *синтетическими* и чаще всего экранными. Форма их осуществления своеобразна, по природе своей механистична, связана с техническим опосредованием, что роднит их с книжными, опосредуемыми письмом, впрочем, они столь же легко прибегают к иным текстовым формам — устной, письменной, а также песенной, музыкальной, балетной, театрально-сценической, мимической или диалогической, монологической, стихотворной и прозаической и т. д.

Явление экранных текстов с начала нынешнего столетия замечается многими. Одной из первых о них написала Е. С. Кара-Мурза в статье «Русский язык и современная потребительская реклама»¹, отметив присущую им «аномию», размывание и пе-

¹ В сб. «Журналистика и культура на переломе тысячелетия» (М., 2002).

ресоздание языковых и стилистических законов и правил. С. И. Ильясова в докторской диссертации «Словообразовательная игра как феномен современных СМИ» (Ростов-на-Дону, 2002) выдвинула концепцию двух литературно-языковых норм — «словарной» и «ситуационной», причем вторая безоговорочно оправдана как неизбежная перспектива. Взвешенную оценку утраты «обычного (и привычного) нейтрального русского слова» в массмедиа дала О. А. Лаптева в докладе «Русское слово у журналиста». Принципиальное качество экранных текстов — сознательное обращение к невербальной передаче смысла — отмечено в авторитетной книге американских исследователей¹, возводящих его к изобретательству в газете как прародительнице языка всей массовой коммуникации. Это обстоятельство лежит, несомненно, в основе рождения экранной формы вообще. С тех пор появилось немало исследований на эту тематику.

В принципе любой текст может быть осуществлен в любой форме, но только в экранных одновременно могут использоваться все. Редко употребляется в письме (псевдоэкранных текстах, заменяющих устное общение, когда партнер не может говорить или когда надо сэкономить деньги) — в sms и интернет-чатах; забудем, что многие видят в этом «издевательство над русским языком» (может быть над орфографией, которая беспомощна передать живое общение?). Так же и книжный текст (чаще всего письменный, но сегодня нередко реализуемый в звуке) может порождаться и существовать в экранной форме (будь то радио, экран, компьютер, цифровая запись). Несмотря на то что эта форма до сих пор преимущественно ассоциируется с массовой коммуникацией, которая, впрочем, первоначально рождена и существует в письменной форме, в последние годы все чаще воплощается электронными средствами в звуке и даже с изображением. Оставляя эту тематику для дальнейших исследований экранных текстов, рассмотрим различия между их восприятием, детерминируемыми особенностями их природы и строения, и восприятием книжных текстов, то есть чтением.

Разумеется, характер чтения зависит прежде всего от того, что читается. Ведь чтение — это и восприятие массово-коммуникативных текстов, прежде всего газеты, являющейся родоначальницей массовой коммуникации в нынешнем понимании слова. Еще И. Кант придавал чтению газет (в отличие от чтения серьезных книг) отвлекающее значение, для отдохновения. Надо думать, что «чтение» таких источников, как газета, тем более реклама, отличается от настоящего чтения. В то же время несомненно, что отнюдь не все тексты, получаемые с экрана (который служит и просто носителем письменных текстов, целых книг для истинного чтения), — это тексты в экранной форме.

Чтение тем и отличается от прямого получения информации (например, от «телеслуховидения»),

¹ Barnhurst K. G., Nerone J. The Form of News [A History]. N. Y. : L., 2001.

что требует напряжения разума и воображения, обращения к собственному жизненному опыту, критического подхода, индивидуальной вдумчивости и обычно тишины. Через фазу скептической оценки ума происходит интериоризация (освоение и присвоение) прочитанного, возникает приобщение к всечеловеческому и национальному опыту, не только узнавание природы, законов математики, физики, химии, но и понимание социально-философских концептов свободы, добра, веры.

Извлечение информации из письменных источников — серьезный труд. Ведь здесь текст не содержит ничего, кроме буквенных символов, и передает смысл лишь достаточно условным и хитроумным возбуждением мышления, чувства и воображения, воскрешая личный опыт и компетенцию читателя. Если этого не происходит, если у читателя жизненного опыта мало, а накопленная компетенция слаба, то чтение превращается в непосильное занятие. Чтению, как известно учителям и родителям, учить необходимо долго и настойчиво, тогда как восприятию кинофильмов и телепередач, не предполагающих особых усилий ума и воображения, учить не надо. Теле(экрано)зрители, даже радио(аудио)-слушатели и без учения готовы к потреблению информации с экрана и из динамика, особенно когда там имитируют живое общение. Эффект легкого восприятия текстов в экранной форме усиливается технологическим делением информационного потока на краткие, яркие, агрессивно воздействующие блоки (клипы) и другими уже отмеченными характеристиками их строения. Они затмевают сюминутность, преходящность, часто мимолетность и поверхностность сведений, не прошедших проверку разумом; они упрощают мир и не становятся органичным элементом духовной жизни личности. Этим экранные тексты отличаются от естественно прямого устного общения, где действительно есть непосредственное участие, и от книжных текстов, в которых для постижения смысла требуется разум, воображение, усидчивость. Привычка получать информацию в легкой для восприятия форме невольно отучает от трудовых умений, без которых чтение неинтересно и не приносит радости. Глубокое и прочное знание может возникнуть в сознании личности только в ходе чтения. Без него трудно, если вообще возможно воспитать человека, развить его ум и истинные чувства. В этом плане книга незаменима.

Ясно, что тексты в разном оформлении не взаимозаменяемы. У каждого свои достоинства и недостатки (не говоря уже о диалогических и монологических, стихотворных и прозаических, вспомним «тексты» театрального, балетного, мимического действия, живописи, музыки), и они должны мирно сосуществовать и дополнять друг друга для воспитания полноценных людей. Задача ввести эти сообщения в образование становится принципиальной. И ее не заменить ни криками о «гибели книги», «неполноценности нынешних детей», ни призывами запретить телевидение и Интернет. В сущности, перед нами всего лишь частный аспект идеологии

«общества потребления», только устроенного так, что железные оковы рациональности заменены резиновыми. Старые ценности вопиют о защите, потому что кажущаяся легкость жизни и доступность благ (обогатиться не трудом, а выигрышем на «поле чудес») губительны, если не пропущены через самодисциплину ума. Соответственно и в данном случае необходимо возрастное опережение: сначала научить читать, а потом допустить до компьютера, причем отдавая себе отчет, что дети в обоих случаях будут играть, а не вдумчиво постигать серьезные материи. Важно создать общее мнение, что хорошо говорить и грамотно писать столь же престижно, как и владеть компьютером, что быстро искать нужное в Google так же достойно, как и в словаре или энциклопедии.

Задача научить совмещать эти навыки имеет общечеловеческий характер и активно осмысливается. Обход фазы умственного напряжения и критичности восприятия открывает в перспективе возможность отвлечения от подлинного смысла, а то и случайного или сознательного его искажения, незатрудненного навязывания чуждых идей, оболванивания неопытного зрителя. Но и без злого умысла легкость и мнимая убедительность экранной информации ведет к болезненному дефициту внимания (ADD — Attention Deficit Disorder). Педагоги ищут способы борьбы с этим ранее редким заболеванием, сейчас охватывающим массы детей и подростков. Конечно, и у книги есть недостатки (не затрагивая различий содержания, напомним «чтение взапой» или «чтение» гоголевского героя, не вникавшего в смысл), но они не столь остры.

Не подменяя собою чтение, телевидение и Интернет обязаны поднимать его престиж. Они и сами организационно и содержательно опираются, по крайней мере пока, на письменную книжность. Привычку к чтению, любовь к книге могут воспитывать компьютерные игры, если представляют их целью увлекающего детей агрессивного достижения. В то же время все естественно связанное с чтением книги часто перестает быть индивидуально-молчаливым процессом воссоздания графического слова в живой текст и все чаще предстает озвученной живой картинкой.

Непреодолимого противоречия тут нет. Лозунг «Радио России»: «Теперь вы можете услышать то, что раньше могли только увидеть» можно с полным правом перефразировать: «Люди хотят уметь прочитать то, что увидели или услышали». Без этого умения сокровищница истории человечества и его сегодняшний день останутся втуне, а молодежь превратится в «иванов, не помнящих родства». Рассказывают о продвинутом мальчике, которого дед увлек коллекцией марок, историей и культурной ролью почты, забываемой в эпоху электронной переписки. Мальчик поинтересовался: куда наклеивали марку — прямо на дисплей или на вход компьютера?

Создать единую систему мирного сосуществования и сотрудничества всех способов и каналов хранения и передачи знания — важнейшая задача семьи

и школы, всего общества, обязанного во имя здоровья будущих поколений строго структурировать современное информационное пространство.

Сейчас модно ругать детей, которые мало читают, но они не стали хуже, они просто предпочитают меньше напрягаться, особенно при необученности, обращаясь к собственному разуму, воображению и жизненному опыту, перестали подходить к постигаемому с индивидуальной вдумчивостью, критически. Глубокое и прочное знание может в сознании личности возникнуть только в ходе чтения. Без него трудно, если вообще возможно воспитать человека, развить его ум и истинные чувства. Экранные тексты явно противопоказаны для философии и поэзии, для души и религии, да и для посвящения в научные знания — для всего, что требует выработки своего мнения, что формирует мировоззрение и самосознание личности.

Характеризуя экранные тексты, уместно провести такую условную параллель. Совсем недавно в продовольственных магазинах продавцы совком насыпали в пакет сахарный песок или крупу и взвешивали столько, сколько просил покупатель. Теперь мы сами берем коробку или банку, а кассирша лишь подносит их к считывающему устройству: товар расфасован, красиво упакован. Гораздо удобнее, гигиеничнее, быстрее, а главное — не надо напрягать разум. Информация — тоже товар, и телевидение ее фасует, подает в красивом, ярком и удобном виде. Однако очевидно, что роль потребителя в обоих случаях ограничена: нельзя купить, скажем, 700 граммов манки, а только килограмм (иногда и 980 граммов за ту же цену!), нельзя и самостоятельно иначе посмотреть на то, что преподносит телевидение. Потому-то книжники (!) со скепсисом смотрят телепередачи, а в магазин идут с мини-калькулятором или блокнотом.

Потребитель экранных текстов («юзер») забывает, что они крайне опосредованы и синтетичны (в смысле искусственны и привлекают, как любое новомодное изобретение), что на самом деле он видит лишь то, что ему показывает оператор, режиссер, редактор, монтажер, в конце концов владелец канала. Даже если они и далеки от сознательной манипуляции его сознанием, он лишен важнейшей при чтении возможности критически обдумать, трезво взвесить ценность и истинность ярких клипов, рекламно-красочных сведений, эмоционально поддержанных музыкой, цветом, движением, изображением. Он не может даже просто переспросить что-либо как при непосредственном живом общении, которое имитируют телеведущие. Трудно сказать, меняют ли ситуацию разные способы компенсации отсутствующей «обратной связи» — звонки в студию, ток-шоу с приглашением телезрителей, «поля чудес» и тому подобные приемы.

Ощущая все же некую неловкость от своеобразия языка в экранных текстах, мы склонны обвинять журналистов в отсутствии стилистического слуха, порче языка. Наивно полагая, будто всегда и всюду действуют одни и те же всепригодные законы его

применения, мы недоумеваем, сталкиваясь с нелепыми переносами специфического его функционирования в массмедиа, столь мощно и бесконечно вторгающихся каждый день в нашу жизнь, на другие сферы, в частности на сочинения некоторых писателей, составленные из блоков и клипов. Внимание всегда обращено к необычному, и мы злорадно выискиваем в газетах, радио- и телепередачах ошибки, несуразности, действительные или мнимые неудачи, но нам не приходит в голову собирать, цитировать удачные их фразы, находки, тексты, которых, безусловно, не меньше. По своей общественной природе именно массмедиа всегда, а в нашу карнавальную эпоху особенно — это опытная (чаще всего смеховая) лаборатория опробования потенциалов языка. В ходе экспериментирования неизбежны чудачества, но встречаются и чудеса, которые (не менее, думается, чем художественная литература) обогащают и наш общий литературный язык.

В то же время никоим образом нельзя одобрить модное сегодня бездумное перенесение языковых особенностей экранных текстов на тексты иного оформления и иных сфер. Законность своеобразия функционирования языка в экранных текстах и незаконность бездумного, неосторожного его распространения на тексты в других формах особенно важны, потому что они находятся сегодня в разных весовых категориях. Ведь силу воздействия средств массовой коммуникации нельзя переоценить. Отключение электричества люди сейчас воспринимают большей трагедией, нежели задержку зарплаты, причем даже не отсутствие света, а неработающий

телевизор. Оказавшись в зоне абсолютистского влияния массмедиа, мы все — вольно или невольно, слепо или сопротивляясь — ориентируемся на их язык как на образец для всеобщего подражания.

Необходима трезвая оценка неизбежной деформации языка в текстах экранной формы, так же как, скажем, обособляется язык в письменных текстах науки, производства, бизнеса, делопроизводства, или в устных текстах непринужденно-естественного быта, или в художественных, поэтических текстах согласно их стилевой, конструктивной специфике. Напомним, что принято даже говорить о разных «языках» (о «книжном языке» с его прагматическими стилями, о «разговорной речи», о «языке художественной литературы») или, что достойнее, о разновидностях применения единого русского языка.

Не породят ли экранные тексты (подобно тому, как письменные тексты породили книжность) еще одну разновидность применения единого русского языка — «массово-коммуникативную»? Главной ее особенностью, как нетрудно предугадать, будет принципиальная техническая опосредованность и способность к синтезу (во всех значениях этого термина, давшего определение «синтезированный», «синтезирующий» и «синтетический») текстовых форм, разновидностей применения языка, неязыковых носителей и передатчиков смысла, прежде всего звука и изображения...

Таковыми представляются возможные варианты судьбы языка экранных текстов в эпоху глобализации.

С. В. Лавров¹

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Очередные Международные Лихачевские научные чтения представляют уникальную международную площадку для обмена мнениями по глобальным проблемам современного общества, обсуждения основных тенденций в сфере культуры, образования, гуманитарных наук, а также внешней политики.

Символично, что они традиционно проходят в Санкт-Петербурге, который по праву называют Северной Пальмирой. В созданном Петром Великим «окне в Европу» особенно ясно ощущается, что мир неделим, как неделима и безопасность, а проблемы диалога культур и цивилизаций схожи

¹ Министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1972 г. работает в системе МИД СССР и России. В 1994–2004 гг. — постоянный представитель РФ при ООН и представитель РФ в Совете Безопасности ООН. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Попытка заглянуть в послевоенное будущее», «Несколько штрихов к международному портрету Москвы», «Россия и Индия. Взаимовыгодное сотрудничество и стратегическое партнерство», «Мир в поисках нового равновесия» и др. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней.

на всем евразийском пространстве. Отрадно, что усилия руководства Санкт-Петербурга, в котором представлено 134 этноса и 30 конфессий, по гармонизации межэтнических и межкультурных отношений получили заслуженное признание со стороны ЮНЕСКО: в 2009 году город удостоен почетной награды этой организации за продвижение идей толерантности.

Время неумолимо движется вперед. Однако, в полном соответствии с сформулированным по этому тезисом о том, что «большое видится на расстоянии», все более востребованным становится духовное и идейное наследие выдающегося ученого, гуманиста и патриота Дмитрия Сергеевича Лихачева. Разработанный по его инициативе в середине 1990-х годов проект Декларации прав культуры, в котором культура рассматривается как главный источник гуманизации человеческой истории, вносит свой вклад в «копилку» международных усилий по анализу актуальных вопросов современности.

Трудно не согласиться с содержащимся в Декларации положением о том, что диалог культур обеспе-

чивает взаимопонимание между народами, выявление духовной уникальности каждого из них. Среди наиболее важных задач, которые стоят сегодня перед человечеством, — научиться жить вместе, понимая друг друга, помогая друг другу, уважая друг друга. Эту мысль отмечал Президент РФ Д. А. Медведев 11 февраля нынешнего года в Уфе на заседании президиума Государственного совета, на котором обсуждались вопросы межнационального и межконфессионального согласия, развития национальных культур. Приоритетными областями приложения наших усилий являются содействие утверждению в отношениях между народами атмосферы взаимопонимания и взаимного доверия, поддержание интереса к другим культурам, продвижение открытого и равноправного взаимообогащающего межкультурного диалога.

Очевидно, что современный мир переживает один из самых динамичных и драматичных этапов своего развития. Наглядное подтверждение этого тезиса — бурные события в последнее время в ряде регионов нашей планеты, в том числе в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Происходят фундаментальные изменения, глубоко затрагивающие интересы всех государств и обществ, все четче проступают контуры нового полицентричного мироустройства.

Как подчеркнул Д. А. Медведев на совещании послов и постоянных представителей в июле 2010 года, на передний план в мировом общении сегодня выходит стремление к гармонизации отношений, снижению конфликтности, налаживанию эффективного сотрудничества. В международном сообществе крепнет осознание императивности сложения усилий в поиске ответов на общие для всех вызовы и угрозы, понимание того, что все мы находимся «в одной лодке». Эта тенденция объективна и закономерна.

В числе зримых свидетельств перемен к лучшему в международных делах — подписание и ратификация нового российско-американского Договора о СНВ. Осознанием безальтернативности перевода евроатлантической политики в конструктивное русло, включая модернизацию архитектуры европейской безопасности, отмечены результаты саммитов Совета Россия–НАТО в Лиссабоне и ОБСЕ в Астане. В пользу этого говорит и начавшийся процесс коренного оздоровления российско-польских отношений. Важно весь этот позитив сохранить и нарастить.

В то же время предсказать, как будет развиваться международная ситуация, непросто: глобализирующийся мир все еще перегружен различными рисками и полон острейших противоречий. Но это особенность любого переломного этапа в мировом развитии. Другое дело, что мало кто был к этому готов: ждали «конца истории», мешала эйфория в духе «победы в холодной войне». Поэтому говорить о том, что разворот к оздоровлению международных отношений надежно гарантирован, пока не приходится.

Со своей стороны Россия подходит к выстраиванию новой парадигмы мира неконфронтационно и открыто. Мы настойчиво проводим в общении с зарубежными партнерами мысль о том, что императив текущей эпохи — трансформация старых взглядов, пропитанных духом изоляционизма и недоверия. Росту взаимного доверия способствует то, что на первый план для всех, как показал глобальный кризис, выходят вопросы развития. Это создает в международных отношениях мощную объединительную повестку дня. Остается только это признать. Но это-то и труднее всего. Ведь, как писал еще Л. Н. Толстой, «самые твердые, непоколебимые убеждения — самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны». Подчеркиваем, что «заскорузлость» в мировоззренческих подходах в значительной степени и подпитывает сохранение очагов противостояний и конфликтов на почве культурной идентичности, рецидивные проявления религиозной нетерпимости, попытки экспорта собственных рецептов развития в другие страны.

В связи с этим период холодной войны представляется искривлением пространства и времени, когда, как в годы религиозных войн в Европе, идейные разногласия стали ареной межгосударственного противоборства. Инструментами такой конфронтации выступали ценностные ориентиры и модели развития, которые каждый из противостоящих лагерей навязывал другим государствам. Это унификаторство (хотя зачастую государства «записывались» в тот или иной лагерь на словах, преследуя свои прагматические интересы) в полной мере вписывалось в логику блоковой дисциплины, которая правила бал в мировой политике. К сожалению, инерция таких подходов, в том числе в форме претензий на универсальность своих ценностей и своей модели развития, еще дает о себе знать. Эту порочную логику надо преодолевать и возвращаться к норме, имея в виду свободную конкуренцию ценностных систем и моделей развития, преимуществ которых должны не навязываться, а утверждаться собственным примером, что, кстати, и является важнейшим элементом «мягкой силы» в современных международных отношениях.

Как показывает логика событий на арабском Востоке, запущенных в начале этого года общественными волнениями в Тунисе и Египте, в имплементации универсальных, общепризнанных принципов и норм необходимо обязательно учитывать конкретику той или иной страны. Думается, что то, как эти принципы и нормы переводятся на язык национального согласия и законодательства, необходимо оставить на усмотрение каждого отдельно взятого государства. В данном вопросе нельзя не принимать во внимание религиозные и культурно-нравственные традиции обществ.

Ветры глобализации, сделавшие мир экономически единым и информационно прозрачным, одновременно делают его социально разобщенным и обедненным с точки зрения культурно-цивилизационного многообразия. Судя по звучным

констатациям в ряде стран, политика мультикультурализма не дает адекватной отдачи. Почему? Может быть, ее просто вовремя не переналадили под новые реалии, и тогда уже иначе ставится вопрос о том, кто повинен в ситуации, когда представители разных культур оказались по разные стороны «культурно-ценностных баррикад» и тем самым подпитывают нетерпимость и радикализм в обществе. В известной степени перед человечеством в очередной раз в его истории возникает дилемма, которую в свое время описал Н. А. Бердяев в книге «Судьба России», опубликованной в 1918 году. Рассуждая о проблеме «духа и машины», он отмечал, что «...механистичность культуры расплывает плоть мира, ... в ней отцветает и погибает органическая материя, родовая материальная жизнь».

С другой стороны, мы отмечаем глобальную тенденцию, направленную на усиление «пестроты» и «лоскутности» современной цивилизации, что иногда затрудняет процесс верного ориентирования для многих членов мирового сообщества и требует инновационных подходов в реагировании на существующие и рождающиеся вызовы нашего времени. С распадом блоковой системы ушли прежние механизмы регулирования международной жизни, которые с помощью жесткой дисциплины связывали мировую ткань, не допуская неопределенности и непредсказуемости. Сегодня межгосударственные альянсы и государства перестали быть единственными регуляторами нравственно-духовных и культурных отношений. Как следствие освобождения международных отношений от прежних идеологических оков, на мировую арену выходят новые игроки — гражданское общество, НПО, средства массовой информации, интернет-сообщество, религиозные структуры, объединения диаспор, отдельные выдающиеся личности. Наконец, свои культурные ценности и модели развития все энергичнее, а порой и напористо привносят в диалог культур быстроразвивающиеся государства Востока.

Перед лицом новых вызовов особое значение приобретают коллективные усилия по налаживанию межкультурного и межрелигиозного диалога. Возрастает потенциал культуры как эффективного инструмента сглаживания разногласий между государствами и нациями, предотвращения конфликтов на гуманитарной почве. Считаем, что предпринимаемые на международном и региональном уровне усилия по сохранению межцивилизационного и межкультурного согласия зачастую не соответствуют в должной мере масштабу и динамике угроз, возникающих из-за разбалансировки существовавших ранее конфигураций. Во много раз возрастает актуальность культурной дипломатии, что находит отражение и в деятельности российского МИДа.

В одобренной еще в 1953 году Декларации ЮНЕСКО подчеркивалось: «Проблема международного взаимопонимания — это проблема культурных отношений. Из этих отношений должно родиться новое мировое сообщество взаимного понимания и уважения. Это сообщество должно принять

форму нового гуманизма, в котором универсальность достигается путем признания общих ценностей культурного разнообразия». Радует, что сегодня не без нашей помощи это понимание шаг за шагом утверждается в умах тех, от кого зависят судьбы планеты.

Одним из средств продвижения российских приоритетов в вопросах межцивилизационного согласия, глобального культурного диалога и мультирелигиозной терпимости призван стать впервые принятый в нашей стране концептуальный документ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», утвержденный 18 декабря 2010 года Президентом РФ Д. А. Медведевым. В документе определены цели, задачи и принципы деятельности российского государства в этой области. Его положения представляют собой своего рода «дорожную карту» по активизации международного сотрудничества и создают добротную основу для развития взаимодействия России с зарубежными странами и партнерами в плоскости культурной политики.

Мы исходим из того, что распространение культурного влияния России за рубежом призвано способствовать утверждению нашей страны в качестве одного из ведущих государств современного мира — в полном соответствии с ее многовековой историей. Позитивно зарекомендовали себя крупные акции культурно-гуманитарной направленности — национальные годы России в зарубежных странах, «перекрестные» годы языка, недели культуры. Широко востребовано за рубежом российское искусство в формате гастрольной и выставочной деятельности. Интенсивный характер приобрело открытие в разных странах мира российских центров науки и культуры, которые призваны стать ведущими организациями, обеспечивающими российское культурное присутствие за рубежом. Немало полезного несет деятельность таких российских структур, как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Фонд «Русский мир», Российский фонд культуры, Международный культурный центр Рерихов, Славянский фонд России, Международная ассоциация «Знание». Мы будем продолжать оказывать содействие этим и другим подобным объединениям.

Одно из приоритетных направлений внешней культурной политики России — взаимодействие в гуманитарной сфере в рамках СНГ. Расширение межкультурного диалога приветствуется всеми государствами — участниками Содружества и рассматривается как один из ключевых ресурсов стабильного социально-экономического развития стран Содружества в целом, повышения их творческого и интеллектуального потенциала, фактор сохранения и углубления отношений дружбы и партнерства.

Нынешний год объявлен в СНГ Годом историко-культурного наследия. Обеспечению его проведения

на высоком уровне призвана способствовать реализации Плана приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ на 2011–2012 годы, которым предусмотрено более 160 мероприятий, охватывающих практически весь спектр гуманитарных связей. В период российского председательства в Содружестве в 2010 году принята Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в сфере культуры. Важную роль в наращивании межкультурных связей играет Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, который за пять лет своей деятельности реализовал около 250 проектов. Среди выдвинутых им в последнее время инициатив — Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества», пилотный проект в рамках которой планируется реализовать уже в нынешнем году.

Немало полезного делается по линиям ООН, ЮНЕСКО. Одним из результатов Саммита ООН по Целям развития тысячелетия, состоявшегося в Нью-Йорке в сентябре 2010 года, стало признание его участниками ведущей роли культуры и образования в обеспечении устойчивого развития. В программу разнообразных мероприятий в 2010 году, объявленном Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом сближения культур, удачно вписались организованные в рамках 185-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО российским председателем тематические дебаты «Диалог культур в 2010-х годах: переосмысление политики в контексте культуры мира». Наше председательство в Исполнительном совете ЮНЕСКО позволило впервые за многие годы организовать поездку в Российскую Федерацию большой группы представителей стран — членов Исполсовета, которая была приурочена к X Международным Лихачевским научным чтениям и нашла отражение в докладе «Роль ЮНЕСКО в развитии культурного многообразия и сближении культур». Создана Группа высокого уровня по вопросам мира и диалога культур при Генеральном директоре ЮНЕСКО, наше участие в работе которой позволяет всемерно расширять поле межкультурного диалога, в том числе за счет придания ему религиозно-духовного измерения.

Положение дел во многих регионах мира требует более полного учета религиозного фактора. Трудно переоценить значение религиозной составляющей в деле налаживания межкультурного диалога. Россия принимает активное участие в работе таких постоянно действующих структур, как Диалог высокого уровня по межрелигиозному и межкультурному сотрудничеству за мир, Трехсторонний форум по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира, Министерские встречи по межрелигиозному диалогу и сотрудничеству на благо мира. Мы последовательно продвигаем предложения о налаживании межрелигиозного диалога на площадках ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО. Еще в сентябре 2007 года мы выступили с инициативой создания под эгидой ООН диалогового форума — Консультативно-

го совета религий, который давал бы возможность представителям основных мировых конфессий на регулярной основе проводить встречи по вопросам международной повестки дня, включающим вероисповедный и ценностный компоненты. В качестве промежуточного шага к реализации данной идеи Россия предложила поработать над образованием в рамках ЮНЕСКО Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу.

Важным инструментом в вопросах развития диалога культур на современном этапе является созданный в 2005 году под эгидой ООН Альянс цивилизаций. Российская Федерация участвует в его работе и входит в Группу друзей Альянса, насчитывающую 127 членов. Разработан и успешно осуществляется одобренный Д. А. Медведевым Национальный план по развитию отношений с Альянсом цивилизаций. В соответствии с этим документом российский вклад в усилия Альянса по развитию межкультурного диалога предусматривает широкое сотрудничество государственных институтов с общественными, неправительственными организациями, представителями научного сообщества и других сегментов гражданского общества. Мы внимательно наблюдаем за развитием регионального компонента в деятельности Альянса и не исключаем возможности участия России в осуществлении в его рамках ряда региональных стратегий; поддерживаем усилия Русской православной церкви по развитию религиозной составляющей Альянса цивилизаций, в частности в том, что касается организации в партнерстве с ЮНЕСКО секции по межрелигиозному диалогу в рамках четвертого Форума Альянса в декабре нынешнего года в Катаре; приветствуем участие РПЦ в проведении мероприятий в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений.

Немалые надежды мы возлагаем на министерскую сессию Комитета министров Совета Европы (КМСЕ) в Стамбуле в мае 2011 года. На сессии Группа мудрецов, созданная по инициативе Турции, председательствующей в КМСЕ (а в ее состав от России входит Уполномоченный по правам человека РФ В. П. Лукин), планирует представить новую концепцию «как жить вместе в Европе XXI века различным общинам внутри европейских обществ». Документ в первую очередь нацелен на содействие преодолению растущей в Европе разобщенности по этническому и религиозному признаку и связанным с ней проявлениями нетерпимости.

Нельзя не отметить многолетнюю плодотворную деятельность мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» в области межкультурной проблематики. Стало уже доброй традицией проведение данной НПО своих ежегодных сессий на греческом острове Родос.

Мы исходим из того, что сегодня для международного сообщества приоритетным становится повышение эффективности глобального межкультурного диалога путем координации различных механизмов в данной сфере. Логика мирового развития подталкива-

ет к формированию пула неправительственных структур, основной сферой деятельности которых является проблематика диалога культур и цивилизаций.

В целом несомненно, что процесс глобализации и, следовательно, расширение масштабов культурного диалога народов продолжатся. Разумеется, речь не идет о создании «единой и неделимой» глобальной культуры. Мир никогда не был и не будет унифицированным и однородным. Однако рост степени взаимозависимости и взаимопроникновения культурных процессов и их участников — налицо, и важно находиться на гребне перемен.

Россия будет и впредь всемерно содействовать продвижению всестороннего межкультурного и межцивилизационного диалога. Выбор в пользу ши-

рокого сотрудничества и взаимообогащения культур и цивилизаций выстрадан всей историей нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. Думаю, сегодня роль России как культурно-цивилизационного моста оказывается востребованной как никогда.

Наша общая задача — находить оптимальное соотношение между самобытностью культур и цивилизаций и их открытостью к диалогу и взаимообогащению. Нынешний глобальный кризис обозначил острую потребность в обновленной модели отношений. Убеден, что поиск ответов на возникающие вопросы станет реальным вкладом в усилия по построению полицентричного, справедливого и толерантного миропорядка.

В. А. Лекторский¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

После того как идея «плавильного котла» (слияния различных культур в некую однородную целостность) была отвергнута теоретически и практически, ей на смену пришла идея мультикультурализма. Последний был истолкован как концепция защиты культурного разнообразия, автономии культур. Мультикультурализм был связан с принципом толерантности — уважения к иной системе ценностей, взглядов на мир, образа жизни. Идея мультикультурализма (вместе с принципом толерантности) была практически реализована в последние десятилетия: как в рамках отдельных стран (прежде всего в Западной Европе), так и в мировом масштабе.

Имеющийся сегодня опыт этой реализации демонстрирует следующее. И мультикультурализм, и толерантность в той форме, в какой они ныне понимаются и практикуются, могут вести к взаимной культурной замкнутости. Как следствие этого, с одной стороны, отдельные культуры могут выключаться из мирового цивилизационного процесса, консервироваться и лишаться стимулов к развитию,

а с другой — возникает опасность утери идентичности некоторых культур, если включенные в них инокультурные анклавные все больше распространяют сферу своего действия (по-видимому, сегодня с такой ситуацией столкнулась Западная Европа).

Единственно плодотворным в современной мировой ситуации представляется диалог культур, предполагающий не замкнутость культур, а их взаимную открытость. Нужно сказать, что и мультикультурализм может быть истолкован как диалог. Но тогда это будет иная концепция мультикультурализма, чем та, которая практикуется сегодня. Диалог не означает некритического приятия чужого опыта, а предполагает только возможность учитывать иную перспективу в понимании той или иной ситуации для решения современных проблем. Иными словами, именно в диалоге возможно реальное взаимодействие культур и их развитие, само-изменение.

В связи с этим нужно сделать ряд разъяснений и уточнений. Во-первых, культура как целое не может практиковать диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, институты могут участвовать в диалоге. Во-вторых, диалог обычно ведется не по поводу системы культурных ценностей. Последние конституируют культурные идентичности и в связи с этим — личные идентичности людей, принадлежащих той или иной культуре. Невозможен диалог по поводу религиозных догматов, которые могут быть связаны с определенными культурными ценностями (если та или иная религия допускает возможность критического обсуждения собственных догматов со стороны иной религии, она саморазрушается). Поэтому межкультурный диалог возможен и плодотворен именно в контексте решения определенных практических проблем: в связи с пониманием проблем, предлагаемыми средствами их решения с точки зрения разных способов осмысления ситуации и действия в рамках разных культур. Эти способы можно сравнивать с точки зрения их плодотворности. При этом нужно

¹ Академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры». Редактор книг: «Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины», «Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке». Главный редактор и один из авторов серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.» (М., 2008–2010). Многие работы переведены и опубликованы в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, Южной Корее, Турции, Китае и других странах. Член редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова.

иметь в виду, что в изменившейся ситуации (а она постоянно меняется в современном мире) оценка плодотворности тоже может меняться.

Для того чтобы межкультурный диалог стал возможен, необходимо соблюдение определенных условий. Прежде всего это признание всеми его участниками определенных общих рамок, общего пространства диалога. В противном случае разные культуры становятся несоизмеримыми, а их представители неспособны понять друг друга, ибо не в состоянии опереться на общие предпосылки. Такие общие рамки существуют в пределах отдельных стран в виде их конституций и правовых систем, а в масштабе мира — в виде Всемирной декларации прав человека и системы международного права. Проблема в том, что в системе международного права имеется немало пробелов, мешающих урегулированию ряда возникающих сегодня в мире проблем. Так, во Всемирной декларации содержатся противоречия (например, между правом индиви-

да и группы людей на свободу передвижения и правом культур на собственную защиту и сохранение). Другое условие возможности межкультурного диалога — убежденность в его плодотворности, то есть установка на необходимость расширения способов понимания мира и человека, на важность выхода за рамки собственной культурной ограниченности и вместе с тем признание равного участия партнеров в диалоге. Но и второе условие межкультурного диалога сегодня в большинстве случаев отсутствует. Вместо этого делаются попытки навязать ту или иную систему культурных ценностей всем остальным в сочетании с лицемерными ссылками на мультикультурализм. Поскольку будущее цивилизации связано именно с межкультурным диалогом, главные проблемы сегодня — создание условий для него, общего ценностного пространства и взаимного уважения. Решить их практически очень сложно. Но другого пути нет. Глобализация не снимает этих проблем, а лишь обостряет их.

А. А. Лиханов¹

ДЕТСТВО КАК ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В феврале этого года мне довелось побывать в Индии, чтобы пообщаться с коллегами, посвятившими жизнь свою защите детства и в широком смысле — общественному благу.

Величайшая страна с 1 млрд 300 млн жителей, в нравственном основании которой, наряду с религией, лежит философия и политическая практика Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру, Индиры Ганди, обостряла мой профессиональный интерес. Разумеется, интерес как бы зауженный — что там с детством? И в то же время — коренной, ведь детство любой страны — это свидетельство ее современности, не только экономического состояния, но и духовного стремления.

Индия — один из столпов современной цивилизации. По числу народа давно превзошла не только ведущие страны мира, но и целые континенты. А что это обещает миру? Как она пересекается с этим миром?

В делийском аэропорту — широкоэкранный баннер: «50 процентов всех менеджеров мира — ин-

дийцы». И это — серьезнейший посыл для рассуждений о межцивилизационных (а не узко — межгосударственных, межнациональных) отношениях.

Вот два поражающих и — в чем-то! — разнонаправленных вектора: глубокая бедность многомиллионного большинства, и мощный — социальный и технологический — прорыв поистине планетарного масштаба.

Сегодня в Индии больше 1 тыс. инженерных колледжей и еще 1 тыс. учебных заведений разного уровня, выдающих диплом специалиста по компьютерным технологиям. Больше 300 университетов и существующих при них колледжей каждый год выпускают 2 млн программистов и компьютерщиков.

Итог: сегодня количество дипломированных специалистов — индийцев превышает численность всего населения Франции. Годовой объем экспорта программного обеспечения близится к 50 млрд долларов США. Экспорт программного обеспечения из Индии сравнивают с экспортом нефти из арабского мира.

Но откуда же взялись специалисты, создавшие это электронное царство? Может быть, у них особый дар к математике?

Индийский исследователь Паван Варма рассказывает о 16-летнем Шатруджае Верма, лучшем из 2 млн выпускников 2003 года штата Утар-Прадеш. Он жил в деревне, где нет электричества, каждый день ездил за 10 км в школу. Стал лучшим — из 2 миллионов! Сантош Кумар, сын рикши, учился в школе, которая размещается в ветхой лачуге, но носит имя великого индийского математика Шриниваса Рамануджана. Его учитель Ананд Кумар продвигает детей бедняков в технологические институты изо всех сил. В 2007 году туда поступили все 30 его учеников.

¹ Академик Российской академии образования, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт» (трилогия «Семейные обстоятельства»), «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла», «Русские мальчики», «Мужская школа», «Слетки», «Преддетство», «Сострадательное наклонение» и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, золотой медалью им. М. В. Ломоносова, а также орденами и медалями Болгарии, Грузии, Украины, Белоруссии и Армении. Лауреат премии Ленинского комсомола, премии Президента РФ в области образования, премии Правительства РФ в области культуры. Почетный доктор СПбГУП.

Напрашивается естественный вывод: дети бедняков рвутся вверх, меняя свой социальный статус, с помощью компьютерного технологизма.

Добавим к этому: Индия производит одни из лучших лекарств; она стремится построить современную, технологически оснащенную армию; создает, в том числе при участии России, ядерную энергетику.

Всюду нужны специалисты, и их число не обеспечивают состоятельные круги нации. Происходит народный прорыв вверх. Социальный по существу, он давно обрел межцивилизационное значение.

Желание вырваться из бедности, на мой взгляд, сравнимо с пафосом преобразований в Советском Союзе в 1930–1940 годах, когда была распахнута дверь для всех, кто желал получить образование. Теперь эта дверь не то, чтобы полужакрылась, нет, она по-прежнему распахнута, но вход в нее, а главное, выход не могут изменить социальный статус человека снизу. Исчезает пафос прорыва. Часто, даже само желание.

Государство, устранившись от планирования специалистов, неразумно наплодило юристов и экономистов, практически ликвидировав глобальную инженерную школу России. Да и где работать новым инженерам?

Пример Индии, на мой взгляд, сильно отличающийся от западноевропейской, американской и китайской практики, мог бы послужить основой для российских перемен. Это прежде всего стимуляция школьников к прорыву, создание национального пафоса нового типа, возрождение того, что раньше называлось востребованным призванием.

Несмотря на то что государство вложило огромные средства на компьютеризацию школ, взрыва интереса к технологиям этого новшества, сравнимого с тем, что было в Индии, у нас не произошло. Было бы не только интересно, но и экономически целесообразно проанализировать, почему.

В Индии у меня возникли и иные аналогии. Страна, как известно, входит в число лидеров по уровню бедности. Но в ней повсеместно распространено стремление к богатству и изобилию. Нравственные постулаты Махатмы Ганди отступили. Но все-таки это происходит с участием морально-экономического катализатора: вырваться из нищеты.

У нас сегодня царствует похожая мечта — стать состоятельным. Но, в отличие от Индии, школьники в большинстве своем не обладают такого же рода массовым пафосом. Пока еще? Или уже? Надежды на связи, случай, удачу вместо яростного освоения желанных дисциплин — это массовый фактор, и здесь было бы полезно громче говорить о практике индийской школы, образования в целом.

На мой взгляд, русская школа — средняя и высшая — утрачивает энергетику и мощь. И это диктуется государственной невостребованностью. Офисы переполнены так называемым «планктоном», который доволен своим существованием. Но должно ли пребывать в довольствии государство, отдавшее на волю волн и частную инициативу развитие массовых отраслей промышленности?

Детство в межцивилизационном осмыслении все-таки редко выходит на передний план как межгосударственная, межличностная, межконтинентальная цель и проблема.

Когда случается эпидемия в Эфиопии, ООНовские организации и Красный Крест не выделяют «отдельной строкой» обеспечение детей лекарствами, одеждой, едой. Чаще всего это вложено в общие усилия. И с организационной точки зрения это понятно и целесообразно. И все же в мире уже складывались тотальные ситуации, когда дети народов и стран вымирали массами и их могло спасти только межцивилизационное взаимопонимание и гуманизм, не строящийся на выгоде.

Яркий пример — детский полиомиелит, от которого мир в основном освободился. Сыворотку от этого смертельного заболевания изобрел американский врач Альберт Сэбин. И США, как полагаются, сделали на этом изобретении бизнес, продавая сыворотку как товар. В это время, в 1960-е годы, эпидемия полиомиелита обрушилась на Японию. Начались торговые переговоры. Дети умирали. И тогда Советский Союз сделал невероятное: в стремительные сроки парход с сывороткой был подарен Японии, и дети спасены.

У этого сюжета, увы, есть безрадостное продолжение. В те времена, о которых я повествую, в СССР детский полиомиелит был полностью ликвидирован. Теперь он вернулся: прежде всего в восточные страны СНГ. Да и в Россию. Но сыворотка теперь стоит денег. Мы окончательно расписались в своей приверженности западным ценностям.

Однако не хочу завершать на такой печальной ноте. Глубоко верю, что все дети равны. Они не виноваты в том, где родились и кто их родители. Все люди, особенно маленькие и зависимые, имеют право на радость, здоровье, защиту. К сожалению, российско-индийские отношения, которые носят прежде всего организационные и материальные отношения, не касаются сферы защиты детства и помощи ему. Эта сфера на словах передана гражданскому обществу, а у него недостает ресурсов, практики, да и моральной решимости помогать чужим, когда своим не хватает. Вообще-то это обывательская мерка. Ее надо преодолевать, памятуя при этом, что отношения между народами начинаются с взаимной помощи людей.

О межцивилизационных отношениях можно заметить, что в них присутствует перекос. В этом нет никакого откровения. Одни системы живут часто за счет других, навязывая им свои представления об истине. На мой взгляд, это очень ярко и кроваво подтверждают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Фидель Кастро давно предсказывает Третью мировую войну — не политическую, не организационную, а самую натуральную, горячую.

Я полагаю, что с точки зрения индийского бытования то, как живут ливийцы, это почти рай. А Кувейту откровенно завидуем и мы — особенно тем льготам, которые предоставлены всему населению, дабы избежать типовых арабских кровопролитий.

Что происходит в этих странах, мало кому понятно. Но то, что стихией народного недовольства это не объяснить, более чем очевидно.

По существу, атакован весь арабский мир — изнутри или извне, покажет время. Однако кому-то выгодно разрушить пусть не вполне единое, но все-таки единство мусульманского мира. Мусульмане есть и в Индии, и у нас. Придавать одному из

вероисповеданий статус мины замедленного действия — бессмысленно. Но и бессмысленное вдруг оказывается востребованным. Кому и во имя чего? И не возникнет ли мирового раздора на межцивилизационном и межрелигиозном уровне, что описать даже умозрительно невозможно. Увы, сегодня нельзя исключать никаких расколов. Детству мира это грозит невиданными бедами.

В. А. Макаров¹

О РОЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

О переходе от коллективности к индивидуальности

Мы привыкли связывать достижения науки, искусства, культуры с конкретными творческими личностями. Пышным цветом расцвело авторское право, защищающее индивидуума. Особенно оно расцвело в эпоху рыночной экономики, когда все стало можно продавать. Ньютон и Лейбниц спорили за чисто научный приоритет, а теперь больше заботятся о «роялти».

Однако в далекие времена творчество тоже, естественно, существовало, но не связывалось с отдельными личностями. Главное, на чем человечество держится, — это продукт коллективного творчества. Наиболее яркий пример — язык. У языка нет конкретного изобретателя, за исключением, быть может, искусственных языков типа эсперанто или даже иврита. Когда говорят «римские или арабские цифры», то имеют в виду результат коллективного творчества соответствующих цивилизаций. Разнообразие языков, знаков, букв свидетельствует о том, что коллективное творчество работало во всех культурах. Разве что математические знаки связываются с именем Ф. Виета, но это скорее исключение из правила.

Сказанное про языки можно повторить и применительно к тому, что принято называть народным творчеством. Посуда, одежда, ковры, песни, сказки, без чего нельзя себе представить и современную жизнь.

Постепенно в процессе коллективного творчества стали появляться элементы индивидуальности. Все великие книги, в которых зафиксированы основы мировых религий, несут в себе зачатки индивидуальности. Библию, Коран, Талмуд и тому подоб-

ное нельзя назвать результатом чисто коллективного творчества.

Процесс индивидуализации творчества хорошо иллюстрируется содержанием книги С. Иванова², в которой описывается история возникновения 100 наиболее известных вещей: от топора и колеса до пенициллина и микроволновой печи. Сейчас практически все достижения в науке, технике, искусстве, культуре связаны с конкретными личностями. А из тех, что попали в упомянутый список, больше половины автора не имеют.

Кризис авторского права

Спрашивается, до какой степени дойдет процесс индивидуализации? Где он остановится? Сейчас в связи с бурным развитием Интернета тупик уже маячит впереди. Поскольку в Сети любую идею — умную, глупую или просто чужь — можно зафиксировать на индивидуальном сайте, есть уже попытки это сделать. Вдруг какая-то идея окажется востребованной обществом, популярной, плодотворной? Тогда впервые ее высказавший сможет стричь купоны, благодаря действующим законам авторского права. Хотя он может оказаться при ближайшем рассмотрении обезьяной, балующейся с клавиатурой или, что вполне реально, компьютерной программой, порождающей осмысленные тексты. Данный феномен наводит на мысль, что авторское право в его теперешнем виде нуждается в серьезной корректировке. Дискуссии по этому поводу уже начались.

Дискуссии эти привели к совершенно выдающемуся прорывному явлению, называемому обычно «open source». У нас говорят: «открытый код, открытый источник». Открытый код начался с того, что некоторые программисты стали выкладывать в Интернет свои программы с призывом бесплатно использовать и улучшать их. При этом принципиальным условием является сохранение публичности использования и улучшенной программы. Это условие стало основой для нового типа авторского права, названного «copyleft», как альтернативы стандартному copyleft.

Новая технология коллективного творчества

Почему я называю это прорывом? Потому что коллективное творчество, творчество масс обр-

¹ Академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук РАН, директор-организатор Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономика современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича, Демидовской премии.

² Иванов С. 1000 лет озарений. М.: Вокруг света, 2010.

ло юридическую основу. Оно получило толчок для бурного развития. Найден способ мягкого сочетания индивидуального и коллективного. У операционной системы LINUX есть автор. Она становится все более популярной благодаря творчеству целой армии программистов, которые на авторство не претендуют.

Самый яркий пример использования открытого кода — это Википедия, которая тоже имеет инициатора, но и только. Ее содержание — чисто коллективное творчество. А самое привлекательное ее свойство можно назвать «состоянием жизни». Википедия «живет», в отличие от классических энциклопедий и справочников. Потому-то все мы обращаемся в первую очередь к ней, а не к энциклопедиям.

Пока что нет серьезных исследований, изучающих феномен интернет-блогов, живого журнала, Твиттера, Facebook'а, других социальных сетей. Ясно, что здесь имеет место коллективное творчество, но не ясно, как выглядит продукт этого творчества, в чем он выражается, как его фиксировать, документировать. Горячие головы утверждают, что бунты в Молдавии при разгроме парламента, на Манежной площади, в Египте и других арабских странах — это как раз продукт социальных сетей.

Фракталы

Осмелюсь высказать гипотезу: российская ментальность больше других приспособлена к производству шедевров коллективного творчества. Для этого мне придется воспользоваться математическим понятием фрактала, которое и без математики интуитивно понятно всем. Фрактал — это некая система, у которой части подобны целому. Русская матрешка — наглядное представление фрактала. Фрактальные свойства встречаются в природе. Примеры фракталов — снежинка, разные оптические явления и многое другое. Эти явления всегда красивы.

Наши великие писатели интуитивно подвержены фрактальному мышлению. В качестве примера можно привести шедевр Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Здесь не просто роман в романе, а именно *вложенные* друг в друга сюжеты. Эта особенность «Мастера и Маргариты» так восхитила профессора МГУ Ю. М. Осипова, что он написал свой роман, *роман о романе*. Вы спросите: а где тут коллективное творчество? Фрактальное мышление так устроено, что индивидуум-творец, идя в глубь своего творения, привлекает достижения, полученные до него. Поэтому индивидуальное творчество превращается в коллективное. Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, другие писатели брали народные сказания и с их помощью создавали шедевры. Так что они являются выразителями народного творчества.

Фракталы — это не только движение внутрь. Это и создание надстройки. Известный математический фрактал «снежинка Коха» получается в процессе подобного преобразования границы. В искусстве что-

то подобное можно наблюдать в современных трактовках классических произведений. Например, пьесы А. П. Чехова не сходят со сцен, составляя основу для творчества последующих режиссеров. Доходит, правда, и до крайностей, когда «Три мушкетера» превращаются в собак в известной экранизации.

Последовательное коллективное совершенствование есть не что иное, как другой тип эволюции. Стандартная эволюция, по Ч. Дарвину, состоит в процессе изменчивости особей популяции (мутации), в выживании наиболее приспособленных и сохранении в потомстве полезных для выживания признаков. Здесь же коллективно совершенствуется исходный продукт, что тоже можно называть эволюцией. И. Ньютон подчеркивал, что он «стоял на плечах гигантов». И все понимают, что ньютоновская механика — это результат творчества многих ученых, и не только гениев.

Кстати о гениях в коллективном творчестве. На заре развития кибернетики талантливый журналист В. Д. Пекелис написал известную статью под названием «К вопросу о гениальном коллективе». Там он на ряде примеров показал, что гениальный коллектив может вообще не иметь гениев в своем составе. Важен правильный баланс ролей. Должен быть лидер, генератор идей, критик-скептик, скрупулезный проверяла, работяга и др. А главное, оптимистичная атмосфера в коллективе. Коллектив же, состоящий из гениев, наоборот, оказывается не работоспособным.

Возвращаясь к эволюции в популяциях. В век информационных технологий создать популяцию копий ничего не стоит. Они, кстати, постоянно порождаются и живут по своим законам. В условиях действия открытого кода одни копии успешно совершенствуются, другие — нет. Происходит естественный отбор. Поэтому здесь также возможны разветвления, как и в животном мире. У известного романа десятки экранизаций. Социальные сети в Интернете одним приносят миллиарды, другим — одни расходы.

Век толп

В заключение — о (возможном) творческом потенциале масс, что весьма актуально в связи с недавними событиями в арабском мире. В своей известной и российскому читателю книге французский психолог С. Московичи¹ подробно обсуждает свойства толпы как отдельного субъекта в функционировании общества. Толпа у него безумна, героична, благородна, преступна, истерична. Какие только эпитеты ни используются. Он пишет: «Основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был

¹ Московичи С. Век толп : пер. с фр. изд. 1981 г. М. : Центр психологии и психотерапии, 1996.

социальный класс, образование и культура участвующих». Таким образом, С. Московичи вроде бы отказывает толпе иметь творческие способности.

Наверняка это не так. Сам он целую главу в своей книге посвящает роли коммуникаций в формировании толпы. Он прозорливо предвидел, что новые средства коммуникации создают новые способы порождения толп, что мы видим на примере недавних событий. Простой пример творчества толпы — протоптанные дорожки. Ландшафтные дизайнеры знают, что дорожки надо делать там, где люди стихийно их протоптали.

А если говорить о новом устройстве общества, почему бы не приглядеться к стихийному творчеству масс? Как известно, Ленин подсмотрел идею Сове-

тов как раз у масс. Если анализировать процесс обсуждения разных идей в блогах, то можно выделить те идеи, которые больше всего нравятся толпе.

И кто знает, может быть, мы придем к новому типу толпы, участники которой не оглушаются, согласно теории С. Московичи, а наоборот, становятся духовно богаче. Профессор МГУ А. В. Бузгалин напоминает: «Каждый из нас потенциально является собственником всего культурного богатства человечества — любых научных знаний и произведений искусства... Дело за малым — способностью съесть этот пирог, способностью освоить, распределить это богатство»¹. Веселее есть этот пирог коллективно. И когда будут рождаться шедевры, сочтемся славой, ведь мы же свои люди.

А. Ю. Манилова²

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Санкт-Петербург — это город, историческая судьба, экономический и культурный потенциал которого имеют мировое значение. Город связан с глубинными смыслами российской истории и культуры, национального самосознания. Петербург наглядно воплощает тот факт, что русская культура является частью культуры европейской. Даниил Гранин недавно сказал: «Мы арендуем этот город у мировой культуры».

Что формирует образ (имидж) Петербурга? Без сомнения, мощная фигура Петра Великого — основателя города. Небесным покровителем города стал благоверный князь Александр Невский, мощи которого волею Петра были привезены в Петербург из Владимира.

Понимать Петербург нас научили Пушкин, Гоголь, Достоевский, которые наиболее полно выразили идею города, заложили основные петербургские темы в российской культуре. Все это важные составные части образа Петербурга.

Поскольку город связан с петровскими реформами и личностью царя-реформатора, то вся противоречивость их оценок переносится и на Санкт-Петербург. С одной стороны, это символ торжества разума, гения Петра, открывшего новые горизонты российской жизни. С другой — центр зла и преступлений, историческая ошибка Петра.

Академик Лихачев не разделял представления о том, что петровские реформы были чужды и даже враждебны России. Он писал, что в целом процессе российской истории «петровская эпоха была эпохой “осознания”, и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в историю русской культуры».

¹ Россия и мир XXI : труды семинара Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М. : Научный эксперт, 2010. С. 10.

² Вице-губернатор Санкт-Петербурга. Вице-президент Российского книжного союза. Председатель Издательского совета Санкт-Петербурга. Председатель Топонимической комиссии Санкт-Петербурга. Награждена орденами Почета и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

В другой статье он называет культуру главной отличительной чертой Петербурга: «Выделение петербургской русской культуры в отдельное явление имеет под собой основание, обусловленное, в первую очередь, концентрацией здесь во второй половине XVIII в., в XIX в. и в начале XX в. интеллектуальных сил страны. Поэтому здесь, в Петербурге, по существу, сконцентрировались именно все лучшие стороны русской культуры. Не просто близость и схожесть с Европой, как это часто трактуют, а именно концентрация особенностей русской культуры».

Если два-три десятилетия назад культура рассматривалась как чисто затратная сфера, то теперь она все чаще осознается как важный ресурс развития территорий. Ресурс данного места — это то, что отличает его от других, что делает это место уникальным, неповторимым и своеобразным.

Из чего состоят культурные ресурсы? С одной стороны, это современная, актуальная культура. С другой стороны, это культурное наследие. Для Петербурга культурное наследие (музеи, библиотеки, памятники архитектуры) составляет большую и важную часть современной культуры.

В современном мире идут процессы глобализации и интеграции, но не менее важны дополняющие их процессы культурной идентификации. Люди чувствуют себя дискомфортно без корней, традиций, придающих человеческому существованию смысл и преемственность.

В современном обществе культура все больше осознается не как результат социально-экономического и политического развития, а как необходимое условие и важный фактор этого развития, нравственный стержень общества и отдельной личности.

Сегодня можно привести много примеров того, как культура стала мощным ресурсом развития городов. Культура способна создавать новые рабочие места, изменять имидж городов, привлекать допол-

нительные инвестиции, содействовать развитию туризма.

Уместно напомнить опыт Перми, которая сделала культуру приоритетом своего развития, и уже через небольшое время вдвое увеличила туристический поток в город.

В конце XX века в ряде неблагополучных промышленных городов Англии культура оказалась решающим фактором их преобразования. В Манчестере появился огромный культурный квартал, в котором сосредоточены разные культурные организации, кафе и др. Бирмингем (в недавнем прошлом центр автомобилестроения) стал центром кинематографии, причем все связанные с кино помещения были встроены в заброшенные производственные цеха. Культурная составляющая позволила освоить индустриальную зону и привести к изменению концепции самого города.

Известно, как непросто идет формирование единого экономического пространства постсоветских стран. По-иному может обстоять дело в сфере культуры. В сентябре 2010 года Государственный Эрмитаж и Фонд имени Д. С. Лихачева провели первый после распада СССР конгресс художественных музеев СНГ и стран Балтии. На него приехали представители главных художественных музеев всех (!) постсоветских стран (за исключением Грузии). Это показывает, что культура может стать не только экономическим ресурсом, но и серьезной позитивной силой в международных отношениях.

В основных направлениях развития города до 2025 года первым названо «Санкт-Петербург — мировой город». Он будет развиваться как город, открытый миру, крупнейший международный центр делового, политического и культурного сотрудничества. Санкт-Петербург станет местом, где будут проводиться представительские переговоры, конферен-

ции, форумы и приниматься важнейшие политические и экономические решения. Кроме того, Санкт-Петербург возьмет на себя выполнение целого ряда общегосударственных федеральных функций.

Сейчас обсуждается новая концепция Стратегии развития Санкт-Петербурга и новая концепция развития сферы культуры города на 2011–2013 годы. Эти концепции должны исходить из конкурентных преимуществ Петербурга, важнейшим из которых является культурный потенциал.

При Комитете по культуре Петербурга должен существовать Центр культурной политики, который бы занимался стратегическим планированием, находил и поддерживал инициативные проекты, направленные на развитие имиджа Петербурга.

Санкт-Петербургу необходимо расширить культурное влияние в регионах России. Подписывать договоры о культурном сотрудничестве, поощрять учреждения культуры, работающие в регионах России. Поощрять программы, интегрирующие вокруг Петербурга города и регионы по различным культурным «силовым линиям» — города культурного наследия, петровские города и др. Необходимо укреплять свою роль культурной столицы России, места проведения фестивалей, выставок и концертов, немалая часть которых будет иметь международное значение.

Повысится туристическая привлекательность Санкт-Петербурга, что позволит ему войти в число ведущих европейских центров международного туризма. При этом будет обеспечено безусловное выполнение всех международных обязательств по отношению к объектам, находящимся в границах территории Санкт-Петербурга и включенным в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Таким образом, Санкт-Петербург станет городом мирового значения.

Хуан Антонио Марк¹

«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ»: ПЯТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ

Пять лет — это немного, однако в современном контексте мировой политики, когда события сменяют друг друга с невероятной скоростью, осмысление прошедшего периода предполагает видение некоторой перспективы. Так, спустя пять лет после того, как инициатива, озвученная в сентябре 2004 года председателем правительства Испании, была принята Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, представляется возможным подвести первые итоги развития «Альянса цивилизаций».

Приведу высказывание Родригеса Сапатеро и Реджепа Тайипа Эрдогана, глав правительств двух стран — основательниц Альянса — Испании и Турции, недавно опубликованное во французской газете «Ле Фигаро»: «За пять лет Альянс заручился поддержкой подавляющего большинства государств — членов ООН и более чем двадцати международных организаций и стал образцовой международной площадкой в вопросах межкультурного сотрудничества и диалогов».

Подводя итог деятельности Альянса, я остановлюсь на характеристике его работы за последние 12 месяцев, то есть за период с середины 2009-го по середину 2010 года. Это время было наполнено событиями, когда мировой финансовый кризис привел к возникновению напряженности и неопределенности в мире. Любой кризис — это риск разрушения существующего порядка. В связи с этим осо-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации. Занимал пост Генерального директора по ибероамериканскому сотрудничеству, заместителя руководителя бюро по сотрудничеству, Советника в Посольствах в Риме, Лондоне, Мексике. С 2001 по 2008 г. — Посол — Полномочный Представитель Испании при Организации Объединенных Наций и Международных Организациях в Женеве, председатель Конференции по разоружению и Комитета по финансам ОМТ.

бую важность приобретают схемы сотрудничества, поддерживающие открытый диалог между его различными участниками и культурами. Во время любого кризиса важно уметь преодолеть соблазн увлечения изоляционизмом, национализмом или протекционизмом. Только открытый мир приводит к процветанию. Современный мир характеризуется быстрыми переменами, что чревато крахом для тех, кто в этих переменных видит угрозу своему привилегированному положению. Важно укреплять механизмы, защищающие диалог и взаимопонимание. Инициатива создания «Альянса цивилизаций» — важный инструмент.

Прошедший год был плодотворным, определилось будущее данной инициативы: мы стали свидетелями всеобщего ее принятия в качестве одного из основных принципов урегулирования конфликтов между культурами. За период с середины 2009-го по середину 2010 года произошли следующие важные события:

— принятие Генеральной Ассамблеи ООН Резолюции № 6414 об «Альянсе цивилизаций». Согласно этому документу Альянс признается инструментом ООН для осуществления диалога и сотрудничества между культурами;

— представление новых государственных проектов диалога и сотрудничества между культурами. Особо были выделены региональные стратегии «Альянса цивилизаций» в Юго-Восточной Европе (конференция в Сараево, 2009 г.) и Средиземноморском регионе (Александрия, июнь 2010 г.);

— реализация в Мадриде и Стамбуле проектов, которые будут способствовать получению оперативных ответов, поиску экспертов в области средств массовой информации, внедрению стипендиальных программ;

— Третий форум «Альянса цивилизаций», состоявшийся в Рио-де-Жанейро 28–29 мая 2010 года. Он послужил упрочению приоритетов Альянса. Впервые Латинская Америка выступила главным участником процесса развития Альянса. Учитывая значимость Латинской Америки как места встречи культур начиная с Нового времени, обретение этим континентом ведущей роли — одно из важнейших событий.

Далее я более подробно расскажу о некоторых из вышеупомянутых фактов.

Недавнее расширение «Альянса цивилизаций»

За последние 12 месяцев к Группе друзей Альянса присоединились следующие страны и международные организации: Ангола, Саудовская Аравия, Боливия, Буркина Фасо, Колумбия, Конго, Эквадор, Соединенные Штаты Америки, Гамбия, Гватемала, Гвинея-Биссау, Мали, Доминиканская Республика, Сан-Томе и Принсипи, Суринам, Узбекистан, Центр исследования исламской истории, искусства и культуры, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Организация черноморского экономического сотрудничества, Организация американских государств. Мне хотелось

бы особо отметить значение присоединения США, а также стран Латинской Америки и Африки. Это увеличивает универсальность Альянса.

Создание новых центров

После обращения Высокого представителя Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Жоржи Сампайю представителями Группы друзей были назначены координаторы на национальном уровне, основной целью которых является претворение в жизнь идей Альянса в национальном контексте.

Мировые интерконфессиональные сети

В этот период особое внимание уделялось отношениям между религиозными конфессиями. При этом значимым событием стало присоединение к Альянсу Саудовской Аравии. Альянс принимает активное участие в установлении и развитии диалога с религиозными организациями, например, можно выделить диалог, организованный Фондом ООН по вопросам населения или Парламентом мировых религий.

Развитие государственных проектов и стратегий

Двадцать три государства развивают и реализуют свои национальные проекты, основными принципами которых являются устранение преград для достижения равноправия, а также расширение межкультурных возможностей.

На основе подхода, направленного на реализацию государственных проектов, были определены две важные региональные стратегии: одна — для Юго-Восточной Европы (одобрена в декабре 2009 г. в рамках конференции, скоординированной правительством Боснии-Герцеговины), другая — для средиземноморского пространства (по инициативе бывшего египетского президента Мубарака). Параллельно закладываются основы еще для двух стратегий — в Латинской Америке и Центральной Азии.

Развитие проектов и программ «Альянса цивилизаций»

Инициативы и проекты получили поддержку правительств государств — членов Альянса. В области образования следует выделить Сообщество виртуального образования для изучения религий и вероисповеданий «Альянса цивилизаций», сайт которого (www.aozerb.org) начал работать в июне 2009 года. Исследовательская сеть «Альянса цивилизаций» — еще один важный проект — включает множество исследовательских учреждений и предполагает интеллектуальную организацию в основных областях деятельности: миграции, СМИ, образовании и молодежной политике.

В области молодежной политики следует отметить всемирное молодежное движение, основанное на молодежной стратегии, которая была принята в Стамбуле в апреле 2009 года. Также можно упомянуть Молодежный социальный фонд, который обеспечивает финансирование молодежных про-

ектов, способствующих контактам между молодыми людьми разных культур. В этом контексте был создан сайт для молодежи, который является интерактивной централизованной службой, отвечающей на вопросы, связанные с молодежью и пониманием различных культур. Следует также отметить инициативы меньшего масштаба, например Plural+ (фестиваль молодежного видео, посвященный вопросам миграции), который продвигают разные международные организации и фонды при поддержке Международной организации по миграции.

В сфере средств массовой информации в качестве наиболее значимых проектов можно выделить образовательную программу для журналистов, реализуемую в Пакистане, Непале, Индонезии и арабском мире. В частности, ресурс глобального поиска сегодня насчитывает более 350 статей. Также в течение рассматриваемого периода увеличился ресурс, ориентированный на нахождение быстрых ответов, который был создан в 2008 году и является неотъемлемым инструментом поиска как для журналистов, так и для экспертов (более 7 тыс. во всем мире). Через Интернет обеспечивается доступ к информации, анализу и комментариям любых событий.

Обществу был дан новый импульс для решения проблем в миграционной и интеграционной сферах, в частности это выразилось в проведении круглых столов на тему этнических городов.

Третий форум «Альянса цивилизаций»

Ежегодный форум «Альянса цивилизаций» ООН собирает мировых лидеров, ответственных политиков, международные организации, фонды, деловые круги, гражданскую общественность, религиозные сообщества, молодежь и средства массовой информации, предоставляет большие возможности для создания инновационных ассоциаций и продвижения новых инициатив, направленных на укрепление доверия и понимания между различными сообществами.

С 27 по 29 мая 2010 года состоялся Третий форум «Альянса цивилизаций» под девизом: «Построить мосты между культурами, установить мир». Конференция сыграла решающую роль в определении инициатив, призванных консолидировать работу Альянса.

Были сформулированы политические приоритеты Высокого представителя «Альянса цивилизаций». При этом особый акцент был сделан на определении стратегических задач и диалоге с новыми государствами-участниками. Было признано, что начиная с сегодняшнего дня Группа друзей должна играть ключевую роль в деятельности Альянса. Была достигнута договоренность об усилении значимости послов Альянса и принято решение о создании консультативной группы при Высоком представителе.

Из всех достижений этой конференции я хотел бы особо выделить три: подписание или продление Меморандума о взаимопонимании с международными организациями, работающими в сферах деятельности Альянса (ЮНЕСКО, Верховный комиссариат ООН по делам беженцев, Международная организация труда); открытие двух первых виртуальных станций для диалога (которые будут располагаться в Рио-де-Жанейро и Лиссабоне) и реализация онлайн-проекта по делам миграции.

Чего можно ожидать от будущего Альянса после проведения такого важного форума? Его консолидации как фундаментальной опоры ООН в политико-культурном диалоге (наряду с вопросами развития, прав человека, обеспечения мира и безопасности). Основа Альянса — политико-культурное пространство, управляемое хорошим правительством. Эта тема должна привлечь внимание на предстоящих двух встречах Альянса, которые планируется провести в Дохе (2011) и Вене (2012).

Многообразие на протяжении XXI века должно стать значимым и ценным. Подобно природе, где разнообразие видов — это залог богатства, то же самое должно происходить на уровне человеческого общества, но именно теперь это будет осознано в глобальном масштабе. Если несколько тысячелетий назад открытие нового всегда было связано с конфронтацией, то в XXI веке необходимо сосредоточиться на позитивной стороне диалога. Смешение культур станет фундаментальной опорой мирового общества в XXI веке. Необходимо искать положительные стороны разнообразия, для того чтобы оно не только сохранялось, но и воспринималось как сила человечества, по сравнению с механическим и однообразным миром, который существовал бы без этой составляющей. Отсюда — значимость задачи, стоящей перед Альянсом.

По мнению глав правительств Турции и Испании, Эрдогана и Сапатеро, «кредит доверия Альянса основывается на результатах деятельности, полученных в конкретных проектах в области образования, молодежи, миграции и СМИ... а также на его способности совмещать глобальные подходы и локальные решения». По словам глав правительств, следует продолжить работу параллельно в двух областях: в глобальном (присоединение новых членов и подписание новых документов о сотрудничестве с международными организациями) и локальном плане (в основном в национальных проектах). Кроме того, необходимо продолжить работу по укреплению и поддержке институциональной роли Высокого представителя Альянса Жоржи Сампайю, чья приверженность данной инициативе является ключевой. Я хотел бы завершить свой доклад признанием как личных качеств Высокого представителя Альянса, так и его отличной работы во главе «Альянса цивилизаций».

В. И. Матвиенко¹**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ:
СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Во всем мире сегодня национальные отношения приобретают все большее значение. Нарастающие процессы глобализации отнюдь не умаляют значимость вопросов национальной принадлежности, национальной идентичности, сохранения богатейшего культурного многообразия. Мы с этими проблемами в Петербурге хорошо знакомы и научились их решать. Мы знаем, что сохранение социального мира и согласия возможно только посредством самого широкого диалога культур. Этот диалог предполагает взаимопроникновение и взаимовлияние культурных традиций, служит источником их взаимообогащения и развития.

Само понятие культуры подразумевает наличие некоего «культурного кода», этических, нравственных и духовных традиций, утрата которых равносильна гибели общества. Между тем, сохраняя неизбежным свое самобытное ядро, каждая национальная культура постоянно подвергается воздействию других культур, по-разному их адаптируя. Под влиянием новых культурных трансплантаций традиции переосмысливаются, в них включаются новые жизненные ценности и ориентиры.

Таким образом, диалог предполагает не просто принятие и понимание богатого многообразия различных культур, но и нечто большее. Чтобы постоянно развиваться и совершенствоваться, одна культура нуждается в другой. По мнению многих ученых, таков был опыт великой российской модернизации, осуществленной Петром I. Модернизации удивительно успешной, плацдармом которой был избран Санкт-Петербург. Она позволила России встать в ряд ведущих европейских и мировых держав.

В Петербурге на протяжении столетий жили и трудились представители разных народов и этносов. Наш город формировался как многонациональная и поликонфессиональная столица, население которой отражало всю пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи. Основатель города Петр I сумел собрать в новой столице все лучшее, что было в других странах, создавая условия для интеграции западной и российской культур. В строительстве Санкт-Петербурга участвовали и трудовые мигранты, мастера из российских губерний, и профессионалы-иностранцы.

Город вбирал в себя массы людей, различных по своему вероисповеданию, языку, обычаям, которые оставили свой культурный след в его облике, топонимике, традициях. Примечательно, что по данным переписей населения, проводимых в Петербурге в XIX веке, многие иностранцы, приехавшие в Россию, называли родным языком русский. В городе строились храмовые здания и сооружения различных религиозных конфессий, открывались национальные школы, создавались национальные объединения. Петербург не только стал «перекрестком культур» — в городе на Неве сложилась особая, неповторимая полифоническая культура.

Именно в Петербурге на протяжении многих десятилетий формировалась подлинная элита многонациональной России. Здесь учились представители практически всех этносов нашей страны и сопредельных стран. Интеллигенция разных национальностей осознавала себя здесь в качестве ведущей духовной силы своих народов.

Национальные диаспоры Санкт-Петербурга сегодня глубоко интегрированы во все сферы жизни города, они стали неотъемлемым компонентом гражданского общества. В современном пятимиллионном мегаполисе насчитывается около 200 этнокультурных общественных организаций, действует более 300 храмов. Здесь в мире и согласии, в атмосфере взаимного уважения и дружеского общения проживают представители более 140 этносов. В Петербурге открыт Дом национальностей, ставший координирующим центром деятельности национально-культурных объединений.

Вместе с тем усилившиеся повсеместно в мире в конце XX века миграционные потоки ставят перед нами новые задачи в регулировании межнациональных процессов. Практически во всех странах люди становятся все более мобильными, социумы — все менее гомогенными. Если 60 лет назад, в 1950 году, границы государств ежедневно пересекали 70 тыс. человек, то в конце 2000 года эта цифра превысила уже 2 млн. Не остается в стороне от глобальных миграционных процессов и Россия. Сегодня наша страна занимает второе место после США в списке стран, активно принимающих мигрантов. В Россию ежегодно прибывает более 12 млн трудовых мигрантов.

Миграция — важнейший демографический процесс с экономическими, политическими, географическими и иными аспектами. Но это и многогранное социокультурное явление, источник постоянного межкультурного диалога. Следует отметить, что за последнее время поликультурные общества стали реальностью всех без исключения стран и городов мира. Однако одно дело — культурные различия, к примеру, между испанцами и каталонцами в Испании, которые исторически десятилетиями прожива-

¹ Губернатор Санкт-Петербурга. С 1972 г. — на комсомольской и партийно-хозяйственной работе. Избиралась народным депутатом СССР, возглавляла Комитет Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. С 1991 по 1998 г. — на дипломатической службе. Была послом в Республике Мальта, Греции. Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1998 по 2003 г. работала заместителем председателя Правительства РФ, полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. С 2003 г. — губернатор Санкт-Петербурга. Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, член Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в Российской Федерации. Награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Почета, «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степеней.

ли бок о бок друг с другом. И совсем другое — между христианами и мусульманами, представителями европейской и азиатской цивилизаций. Мы хорошо знаем, что в отношениях между столь различными культурами есть определенные стереотипы, мешающие нормальному диалогу.

В разных странах по-разному решают проблемы межкультурного взаимодействия этнических мигрантов и местного населения. Мировой опыт знает целый ряд моделей такого взаимного общения — от сегрегации, то есть раздельного существования культурных групп, до ассимиляции — полного принятия мигрантами ценностей и норм новой среды. Если говорить объективно, ни одна из европейских стран полностью не решила проблему взаимной адаптации иммигрантов и принимающего социума. Вместе с тем европейский опыт был бы нам очень полезен.

Нашему городу изначально присущ дух новаторства и первопрободства. За Петербургом исторически закреплена роль проводника в России идей и результатов европейского просвещения, апробации и воплощения всего нового и прогрессивного. Несколько лет назад мы приняли программу по укреплению и гармонизации межнациональных отношений «Толерантность», которая стала достоянием всех российских регионов и получила признание европейского сообщества. За заслуги в продвижении идей толерантности и ненасилия Санкт-Петербургу присужден почетный диплом премии ЮНЕСКО.

Программа «Толерантность» учитывает запросы и потребности и петербуржцев, и гостей нашего города. На первом своем этапе — с 2006 по 2010 год — она была нацелена на воспитание толерантности на тех гуманистических принципах, которые всегда были присущи нашему городу. Ее второй этап, рассчитанный до 2015 года, направлен на интеграцию «новых жителей» в городское сообщество и приобретение к петербургской полифонической культуре. В разработке новой версии программы приняли участие ведущие специалисты и эксперты в области гармонизации межэтнических отношений, видные деятели культуры, ученые, педагоги. В ней особое внимание уделяется адаптации мигрантов. Кроме того, она содержит ряд мер решения экономических, социальных и бытовых проблем. В частности, речь идет об обучении русскому языку и детей, и родителей из семей, прибывающих в Петербург на постоянное место жительства из других стран.

Мы четко сознаем, что от успеха программы «Толерантность» зависят имидж Санкт-Петербурга,

общественное спокойствие и социальная стабильность. Она охватывает практически все сферы жизни мегаполиса: образование и науку, молодежную политику и безопасность. В межкультурный и межкулисссиональный диалог включены школа, семья, общественные организации. Этот диалог ведется на страницах газет, на телевидении, в Интернете.

Явления ксенофобии и национализма получают распространение во многих странах. И мы должны опережающими темпами воспитывать в людях толерантное отношение друг к другу. Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев на недавнем совещании о дополнительных мерах по обеспечению правопорядка подчеркнул, что необходимо усилить профилактику экстремизма, правонарушений в молодежной среде. И здесь у нас накоплен немалый положительный опыт. Петербург по праву называют сегодня одним из самых безопасных городов России.

Диалог культур в нашем городе продолжается. Добрососедство и взаимопонимание, взаимоуважение и партнерство — это принципы, продиктованные самой логикой развития Петербурга. Укреплению межнационального мира и согласия служат популярные выставки «Хлеб многонационального города», «Я этим городом храним. Петербургская многонациональная семья». Названия этих выставок говорят сами за себя. Тема межнационального согласия в полную силу звучит на фестивалях «Культурной столице — культуру мира», «Этномеханика». Об особенностях тех или иных культур, национальных обычаев рассказывают многочисленные справочные издания. Выпущен уникальный «Этнокалендарь Санкт-Петербурга», созданы видео- и кинофильмы на тему толерантности, дети «новых петербуржцев» обучаются в полиэтнической школе по инновационным программам. Невозможно представить петербургский календарь культурной жизни без таких ярких национальных праздников, как Сабантуй, Навруз и многих других, ставших брендами Северной столицы.

Полиэтническая и поликонфессиональная культура нашего города стала предметом глубоких научных исследований, темой международных конференций, семинаров, круглых столов.

Многонациональность — судьба Санкт-Петербурга. Но в то же время у каждого горожанина есть и общая «национальность», и называется она «ленинградцы-петербуржцы». Нас всех объединяет любовь к нашему прекрасному городу, его бесценному историческому наследию, взаимная ответственность за его настоящее и будущее.

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ

Коммуникация культур осуществляется в рамках особого смыслового пространства, которое Дмитрий Сергеевич Лихачев обозначал как *диалог культур*, подчеркивая тем самым необходимость фактора их взаимопроникновения друг в друга.

Предметом моего доклада является анализ изменений в современной культуре, которые происходят под воздействием научно-технического прогресса в целом и прежде всего в области коммуникации и массмедиа, во многом трансформируя процесс диалога культур, а значит, модифицируя определенным образом человеческую культуру в целом.

Мы будем понимать культуру как совокупность результатов деятельности людей, создавших систему материальных и духовных ценностей. Часть культуры носит «застывший» характер, представляя собой, с одной стороны, совокупность реальных культурно-исторических памятников, а с другой — систему ценностей, таких, например, как Добро, Истина, Красота, Справедливость, выражающих цели человеческого существования. Эта «музейная» часть культуры является фактором ее устойчивости.

В то же время культура — это живое образование, которое приспособляется к условиям ее существования и функционирования, вырабатывая в себе набор «средств практической адаптации» к изменяющимся обстоятельствам, что формирует ее цивилизационную часть. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

Кроме того, мы будем интерпретировать культуру прежде всего как семиотическую систему закодированных знаков, значений и смыслов. В этом смысле культура представляет собой текст как совокупность закодированных смыслов культуры. Поэтому познание культуры всегда есть познание текстов в контексте Текста всей культуры.

Инструментом кодирования культуры выступает реальный язык, с которым необходимым образом связано раскрытие смыслов. Так, познание культуры является не просто познанием структуры текста (грамматики языка), а проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, которая связана с историей развития культуры. Коды культу-

ры, связанные с историей их возникновения, есть историческая память как важнейшая составляющая культуры.

Развитие общества приводит к трансформации взаимоотношения между средствами коммуникации и текстом. На современном этапе средства коммуникации становятся содержанием культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, оказывая влияние на механизмы смыслообразования, переходя из состояния некоего фона культурных событий в особое образование, доминирующее над всеми остальными, вынуждая ее функционировать по законам коммуникации.

В развитии человеческой культуры нечто подобное было, когда она переходила к письменности. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры, сформировав рамки и особенности культурной коммуникации. Смыслы культуры фиксировались в письменной форме, что необходимо вело к развитию системы понятий и прежде всего их упорядочиванию. Культурный взрыв (подобный нынешнему вследствие появления электронных средств) происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию в классической культуре линейного типа мышления, замыкающегося рамками грамматики, трансформируя тем самым восприятие реальности.

Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает ее замыкание пределами национального языка. Культура, по выражению Ю. М. Лотмана, кодируется национальным языком и становится семиотически замкнутой. Поэтому общение культур реализуется как своеобразное «столкновение» обособленных культурных смыслов. В результате этого мы наблюдаем напластование информации «горизонтальной», связанной с расшифровкой кодов современных друг другу культурных систем, и информации «вертикальной», связанной с дополнительным фактором исторической интерпретации. Таким образом, культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных (национальных), достаточно замкнутых культур.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для ее представителя она представляла собой почти «застывшую» систему, смысловое ядро которой на протяжении столетий оставалось неизменным и передавалось от поколения к поколению путем эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей. Это обеспечивало ее стабильность.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два компонента. «Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку. «Высокая» культура

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных и учебных изданий, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике», «Онтология и теория познания», «Философия» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия», член редколлегии журналов: «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как *культура* «с большой буквы».

Для локальной культуры характерными являются **смысловые оппозиции**, некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре.

Дихотомия «прикровенность—откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления, факты и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты для человека на уровне культурных стереотипов. Возникает периферийная зона бытия — его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято рассуждать, она требует смыслового прикрытия.

Дихотомия «свой—чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к другой культуре, не пропускающий чуждых элементов и влияний. Мое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, а чужое — как отрицание моего, а значит ложное, а в крайних случаях — даже враждебное.

Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать, и он в таком качестве закрепляется как один из основных признаков классической культуры. Приучив себя мыслить линейно, то есть конструируя текст по правилам грамматики, мы и мир стали интерпретировать таким же образом. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой.

Культурное творчество периода классической культуры было направлено на создание **завершенных** объектов как установку на возможность абсолютного постижения бытия, мира и Человека. Будь перед нами произведения музыки, архитектуры или философии — во всех случаях это завершенные произведения, в которых структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл.

Диалог между культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман очень удачно обозначил **семиосферой**. В этих условиях область языкового смыслового пересечения, то есть область тождества, была невелика, а область непересекаемого огромна. Желание и необходимость понимания были направлены на увеличение области смыслового пересечения, тогда как тенденции самосохранения внутренних смыслов культур препятствовали

этому. Это создавало ситуацию «культурного напряжения» (Ю. Лотман).

Процессы глобализации изменяют характер диалога культур, разрушая классическую культуру как систему локальных культур. Трансформация культуры означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а изменение сущности системы, то есть ее переход в иное качество. **Трансформация — это направленный внутренний процесс изменения**, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо **реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом**.

Современные процессы, происходящие в культуре, можно сравнить с трансформацией клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Культура буквально атакуется «медиавирусами» (Д. Рашкофф), и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае — «культурный иммунитет» системы, или когда культура зависит от поставщика культурных вирусов. Увеличение числа культур, впитывающих порции культурных инфекций, способно модифицировать всю человеческую культуру.

В результате разрушается локальный характер культуры. Диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило при контакте локальных культур. Глобальное коммуникационное пространство заставляет культуры общаться по законам и стереотипам общения, которые могут далеко отстоять от сущности и традиций самих культур. **Коммуникация становится самостоятельной субстанцией**. Культуры погружаются внутрь агрессивной коммуникационной среды. Коммуникация из средства превращается в цель и состояние. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптации культур в **инфосферу как особую реальность**.

Происходит **разрушение дихотомий локальной культуры**. Например, модифицируется дихотомия «прикровенности и откровенности». То, что раньше считалось необходимым скрывать от глаз «посторонних», переходит в свою противоположность, становясь открытым. «Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми стали, напротив, наиболее модными и популярными. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно прикрытые, что не означает запрещенные, изображения сексуальной жизни людей и соответствующих переживаний за рамки индивидуальной интимности. В сфере получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Если ранее это могло быть объектом восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно мо-

гут видеть миллионы и независимо от их возраста. Ю. М. Лотман оценивает сексуальную революцию как проявление контркультуры, которой трудно что-либо противопоставить по силе воздействия на массу.

Наносится удар по принципу **завершенности**, который господствовал в классической культуре, и это уступает место клиповому сознанию, основанному на фрагментарном восприятии реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов.

В мире начинают господствовать **интегративные языковые тенденции**. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. В новом коммуникационном пространстве господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами. Общение со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое **увеличение образований, претендующих на статус культурных**. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой, которая становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. Г. С. Кнабе обозначал это как «плебейский протест». В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения. Массовая культура — это типично низовая культура, усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает **феномен «поп-культуры» как антикультурный выброс из общей системы культуры части низовой культуры**, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления. Она не имеет своих этнических корней, даже если использует национальный язык. Важнейшим признаком поп-культуры становится возможность массового производства и потребления ее образов, что порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество превращается в фабрику развлечений, потребителями продуктов которой становится все общество.

Особенностью поп-культуры является чрезвычайная **агрессивность** и всеядность, проявляющаяся в том, что тиражированию может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Поп-культура «вырвалась» из системы культуры, став ее превращенной формой, то есть симуляцией культу-

ры. Условием развития поп-культуры является постоянная раскрутка в медиaprостранстве, охватывающем не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека, от индивидуального поведения до самовыражения в политике, бизнесе, науке и философии. Это самовыражение массовой культуры и продукт глобального информационного пространства.

Условием поп-культуры является интегрированная информационная среда, а реализацией массовые действия — **шоу**. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого творчество, а принцип соучастия. Соучастие само становится главной формой коммуникации. Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов. Условием их распространения является узнаваемость в медиaprостранстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или деятельность поп-лидеров политики.

Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают ее представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалии-шоу как примером наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легкоманипулируемые стереотипы поведения. Мы погружаемся в «реальность», которая конструируется массмедиа. Шоу — это современный карнавал, который вошел в нашу жизнь, но длящийся, в отличие от периода Средневековья, бесконечно. Низовая культура становится официально признаваемой, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Карнавальность шоу-культуры закрепляется коммуникативными возможностями Интернета. Общение в Сети — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия.

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и **науку**, формируя ее образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато удобную для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификаций научных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформирует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, возможности финансирования научных исследований.

Философия — это самосознание культуры, фиксация ее образа на конкретно-исторической стадии развития, а значит, испытывающая на себе послед-

ствия господства массовой культуры. Возникают популярные образы философии, которые «раскручиваются» в массмедиа как продукты, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Затем происходит смысловое «оборачивание», и эти превращенные образы становятся предметом профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсонов или философии доктора Хауса. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает.

Период постмодерна в культуре порождает **имитирующие формы философии**. Он выступает как теоретическое оправдание трансформации культуры, как оппозиция обыденного сознания сознанию рациональному и теоретическому, но возведенному в ранг нового философского осмысления. Поэтому центральным стержнем постмодернистской линии выступает критическое отношение к тексту, рациональному мышлению в целом, так как именно данные компоненты являются признаками классической культуры.

Главным врагом постмодернизма объявляется метафизика с ее принципами рационального объяснения бытия через причинность, закономерность, что трактуется как проявление догматизма. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии. Понимание языка из средства понятийного анализа объектов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом. Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе становится в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания устоявшихся языковых стереотипов и поиска новых смыслов и значений.

Постмодернизм оказался формой философии, развитие которого удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. Возникновение новой системы общения посредством Интернета в буквальном смысле реализовало целый ряд теоретических положений, которые в иной ситуа-

ции могли пройти незамеченными. В виртуальном пространстве Интернета стала возможной «**смерть автора**», ибо исчезает всякая ответственность за сообщение и возникает соблазн мистификаций. Реализуется идея **гипертекста**, позволяющего ассоциативно и бесконечно перескакивать от одного фрагмента к другому, без необходимости осуществлять смысловое связывание получаемой информации.

Это обеспечило популярность постмодернизма, так как он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, и, как это ни парадоксально, может стать тем мостиком, который свяжет нас с классической культурой. Если ранее мы могли лишь образно говорить о семиотическом пространстве, в рамках которого размещаются все философские концепции, а философия представляет собою вневременной диалог всех мыслителей, то сегодня виртуальное пространство Интернета может дополнить этот диалог почти реальным участием. В этой ситуации проблема философской интерпретации выступает на первый план, безотносительно к автору той или иной идеи. Это было прочувствовано постмодернизмом, и его представители обратили наше внимание на языковое творчество как таковое, показав, что нет пределов интерпретации текста и что философ во многом и выступает как наиболее свободный интерпретатор. Одновременно следует понимать, что постмодернистская линия в философии не является столь уж оригинальной. Деконструктивистская установка может быть вполне вписана в общую рационально-конструктивную работу философа.

Постмодернизм отразил умонастроение эпохи постмодерна, в которой человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии, объективно не имеет для этого времени, заполненного поглощением информационных клипов. Одновременно он отразил и нарастание свободы человека в его мыслиезъявлении, выстраивающего собственные схемы объяснения тех или иных феноменов бытия и не желающего использовать готовые схемы. Проблема лишь в том, где та грань, за которой этой свободой будут прикрываться примитивная банальность и упрощение?

А. Д. Некипелов¹

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Теория экономического роста является, как известно, важнейшим элементом современной макро-

¹ Вице-президент Российской академии наук, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

экономики. При этом под экономическим ростом понимается динамика во времени объема «совокупного продукта», производимого (а потому обмениваемого, распределяемого и потребляемого) за избранный временной отрезок (обычно — год). Большое значение, придаваемое таким агрегированным показателям, связано с тем, что совокупный продукт рассматривается как основа общественного благосостояния.

Следует сразу обратить внимание на то, что в соответствии с таким подходом общественное благосостояние приобретает в стандартной макроэкономической теории «скалярную природу»: оно может

(и должно) выражаться через один-единственный показатель. Правда, вопрос о том, какой именно показатель (валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт, национальный доход и т. п.) в наибольшей степени подходит для этих целей, остается в некоторой степени открытым.

При жестком следовании этим установкам темпы экономического роста оказываются окончательной мерой успеха, а понятия «экономический рост» и «экономическое развитие» должны рассматриваться как синонимы.

Изложенный подход к проблеме измерения общественного благосостояния и его динамики был в общем и целом принят не только экономической теорией, но и практикой. Во всех странах придается большое значение максимально точному измерению «масштабов экономической активности»; с этой целью повсеместно внедрена и непрерывно совершенствуется так называемая «система национальных счетов». Мировое сообщество уделяет большое внимание международному сопоставлению темпов роста различных государств. Моделирование экономического роста стало одним из популярных направлений экономических исследований.

Между тем целый ряд недостатков, внутренне присущих рассматриваемому подходу, давно известны. Он не позволяет учесть такие виды экономической деятельности, результаты которых не становятся объектом рыночных сделок. К ним, в частности, относятся и труд внутри домашних хозяйств, и негативные экологические последствия человеческой деятельности. Показатель стоимостной величины совокупного продукта не в состоянии «ухватить» такие важные аспекты общественного благосостояния, как уровень дифференциации доходов населения. Действительно, разве может быть обществу безразлично, как распределяется произведенный им продукт? Наконец, методологически трудноразрешимые проблемы возникают при сопоставлении показателей экономической активности за длительный период времени (появляются новые продукты, меняются структуры производства и цен), а также между различными странами (результат сравнения будет отличаться в зависимости от того, цены какой из сравниваемых стран будут применяться при обчете национальных показателей).

Экономическая наука в стремлении элиминировать (или хотя бы смягчить) эти проблемы действует по трем основным направлениям.

Первое состоит в попытке усовершенствовать сам показатель агрегированного продукта. Известна предпринятая в 1972 году попытка двух известных американских экономистов Дж. Тобина и У. Нордхауза сконструировать показатель экономической активности, учитывающий труд в домашних хозяйствах и неблагоприятные последствия для экологии от производственной деятельности человека. Характерно название этого показателя — NEW (с одной стороны английское слово “new” означает «новый», а с другой — название NEW является аббревиатурой: net economic wealth, что означает «чистое экономи-

ческое благосостояние»). И хотя были проведены экспериментальные измерения масштабов экономической деятельности с помощью нового показателя, в практику он так и не вошел: сказался прежде всего большой объем затрат, связанных со сбором необходимой информации.

Второе направление состоит в том, чтобы в методологически сложных (а иногда и попросту неразрешимых) случаях, касающихся измерений и сопоставлений совокупных продуктов, выработать на основе «конвенции» применяемый подход. Это, разумеется, не решает проблемы по существу, но по крайней мере позволяет добиться единообразия в статистическом измерении экономического роста в разные периоды времени и в разных странах.

Наконец, третье направление связано с попыткой перейти от использования одного измерителя социально-экономического прогресса к системе измерителей. Такой подход получил широкое развитие. В экономический анализ, призванный дать общую оценку экономическому развитию, стали вовлекаться многие показатели; кроме того, начали активно конструироваться разнообразные индексы, нацеленные на формирование обобщенной характеристики по крайней мере части результатов экономической деятельности (к примеру, индекс человеческого капитала). Следствием такого развития событий стало «разведение» понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» и возникновение особой экономической дисциплины «экономика развития» (development economics).

Нет сомнений в том, что работа по всем этим направлениям улучшает наше понимание результатов экономической деятельности, ее эффективности, а потому является полезной в практическом отношении. Однако остаются нерешенными следующие немаловажные вопросы.

Во-первых, попытка сформировать единый стоимостной показатель общественного благосостояния постоянно сталкивается с препятствием в виде принципиального отсутствия рынков для некоторых продуктов человеческой деятельности. Это препятствие приходится преодолевать за счет тех или иных «конвенций», что само по себе является свидетельством отсутствия «чистого решения», лишённого элементов произвольности.

Во-вторых, система показателей, позволяя нам получить «стереоскопическое» представление о результатах социально-экономического процесса, никогда не дает обобщающей оценки его результатам. Построение же на их основе любых индексов может быть основано только на некоторых достаточно произвольных договоренностях. Это связано с тем, что значение любого индекса зависит от «весов» показателей, используемых при его расчете.

С учетом изложенного обратим внимание на следующие моменты.

Совокупный продукт представляет собой не скалярную величину, а вектор товаров и услуг, произведенных за соответствующий период. Его можно трансформировать в скалярную форму только при

помощи цен этих благ и услуг, которые (цены) являются продуктом рынка (а потому отсутствуют там, где его нет). Именно с этим и связаны те проблемы межвременных и межстрановых сопоставлений, о которых упоминалось выше. Кроме того, методология измерения общественного благосостояния на основе стоимостной величины совокупного продукта имеет, строго говоря, ограниченное применение — только к рыночной экономике. Это наводит на мысль о ее теоретической ущербности: ведь в истории человечества существовали и иные формы организации хозяйственного взаимодействия людей, и мы не можем утверждать, что в тех обществах вообще не стояла задача обеспечения общественного благосостояния.

В попытках вырваться из всех этих ограничений и плохо совместимых с чистой наукой компромиссов естественным представляется обращение к хорошо разработанной в рамках микроэкономической теории проблеме индивидуального благосостояния так называемого «экономического человека». В известной «задаче потребительского выбора» личный доход рассматривается как мера благосостояния индивида, но делается это только потому, что денежный доход может быть трансформирован в набор товаров и услуг, максимизирующих уровень благосостояния соответствующего индивида. В макроэкономике совокупный доход страны, равный по стоимостной величине совокупному продукту, рассматривается уже как *непосредственная* мера общественного благосостояния. Происходящее с этой целью суммирование индивидуальных доходов прямо противоречит принятому в микроэкономике запрету на проведение межличностных сравнений благосостояния. В этом проявляется качественное различие между микроэкономикой как «чистой наукой» и макроэкономикой как «реалистической наукой».

Но можем ли мы применить к проблеме измерения общественного благосостояния выработанный микроэкономической теорией подход к определению индивидуального благосостояния? Этот вопрос можно сформулировать иначе: нужна ли нам «чистая макроэкономика», построенная на тех же принципах, что и современная микроэкономика?

Попытка «лобового» применения микроэкономического подхода к макроуровню состоит в следующем. Прежде всего необходимо определение системы социальных предпочтений по отношению ко всем мыслимым состояниям «окружающего мира». Далее: нужно иметь исчерпывающее представление о разного рода ресурсных ограничениях, с которыми сталкивается общество. И если бы удалось чисто теоретически решить эти две задачи, то выбор наилучшего, с точки зрения общественного благосостояния, использования имеющихся ресурсов стал бы идентичен выбору, который делает «экономический человек» в рамках проблемы потребительского выбора.

Кстати говоря, применение такого подхода означало бы формирование «чистой, или векторной, макроэкономики», в рамках которой получили бы четкое определение такие распространенные понятия, как социальный интерес и общественные приорите-

ты. Первый отождествлялся бы с уровнем благосостояния, максимально достижимым при имеющихся ресурсах. Под приоритетными для общества видами деятельности мы бы понимали те сферы, на долю которых ранее выделялось недостаточное с точки зрения общественных интересов количество ресурсов.

Однако «лобовой подход» не проходит: преградой для него стала знаменитая «теорема о возможности» К. Эрроу. Американский экономист поставил вопрос о том, каким должно было бы быть «правило общественного выбора», позволяющее трансформировать индивидуальные предпочтения членов группы в предпочтения группы в целом? Ответ оказался неожиданным для него самого: таким инструментом перехода одних предпочтений в другие может быть только «диктатор», то есть человек, распространяющий свои взгляды на благосостояние на группу в целом.

Проблема, несмотря на огромные интеллектуальные усилия многих ученых, остается открытой до настоящего времени. Одно из направлений поиска связано с изменением самой постановки задачи. Новый вопрос состоит в том, каким будет социальный выбор при том или ином действующем механизме его совершения? Конечно, к такой постановке можно предъявить претензию в тавтологичности: ведь получается, что для того чтобы социум мог совершить выбор, он должен вначале сделать выбор о том, как этот выбор совершать. Но, быть может, речь здесь должна идти не о тавтологичности мышления, а о реальной противоречивости объекта. Ведь сами правила принятия решений в рамках социума не были неизменными на протяжении человеческой истории. Изменения в них происходят и сегодня, в благоприятных случаях — по определенным правилам.

Конечно, «чистая теория общественного благосостояния» (если таковая будет создана) не сможет непосредственно применяться для анализа реальной экономики и процесса принятия политических решений. Здесь будет действовать полная аналогия с микроэкономической теорией, основные концепции которой, включая проблему потребительского выбора, не могут практически использоваться. Ценность чистой теории носит не утилитарный, а идейный характер. Она помогает понять как сложную конфигурацию внутренних сил, движущих обществом и его членами, так и ограниченность «реалистичной науки» в их трактовке.

В свою очередь стандартная макроэкономика и теория экономического роста как ее важная составная часть «сплющивают» сложную многомерную (векторную) реальность до простого скалярного представления. Упрощая реальную картину мира, эта теория помогает понять основные взаимосвязи в реальной жизни и на этой основе принимать решения. Но она неизбежно порождает искажения, а потому становится необходимым дополнительный, но уже выходящий за рамки макроэкономики «реалистический анализ» в рамках «экономики развития». Таким образом, делается необходимая для реальной жизни попытка если не ликвидировать, то уменьшить разрыв между концепциями экономического роста и развития.

Н. Д. Никандров¹

ИДЕИ И МИФЫ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ

Как сказал когда-то К. С. Станиславский, театр начинается с вешалки. В этом же смысле верно утверждение, что нас воспитывает все, что нас окружает. Нас воспитывает то, что специально создано человеком для этой цели. Такова, например, школа как институт воспитания. Нас воспитывает и все то, что создано человеком для совсем других целей, но целенаправленно может быть использовано в воспитательных целях. Например, произведения искусства во всем их многообразии.

Идеи и мифы, о которых пойдет речь ниже, создаются человеком для разных целей. Но практически всегда явно или скрыто и в этом процессе, и в результатах, то есть в самих идеях и мифах, присутствует желание и намерение изменить чье-то конкретное мнение, понимание, а иногда и мировоззрение. А это значит, что идеи и мифы воспитывают, являясь средствами воспитания или — шире — социализации («воспитания жизнью»).

Процесс создания и использования идей и мифов интересен, но он и практически важен. Понимание этой важности обостряется во времена перемен, эволюционных и — особенно — революционных, во времена гражданских и межгосударственных горячих войн, а также войн холодных, идеологических. Ведь в пропаганде, в идеологических спорах всегда так или иначе соперники создают свои мифы, которые, конечно же, мифами не называют, а также развенчивают, уничтожают мифы (конечно же, мифы!) противника; иногда и творцов этих мифов («нет человека — нет проблемы», как бы отвратительно это ни звучало). Это дает возможность представить себя, своих близких, своих союзников, свою партию, свою страну в выгодном свете. Не «своих» — в совсем ином. И поскольку всякое воспитание есть воспитание ценностей, здесь нет места полной нейтральности и беспристрастности. Кажется бы, еще К. Скотт, редактор английской газеты «Манчестер гардиан», в 1930 году написал верную и афористически остроумную фразу, что факты священы, их толкование свободно. Но и до этого, и позднее многим было ясно, что уже сам отбор (подбор) фактов без всякого их искажения может создать совершенно различное понимание того или иного события или явления. Гораздо сильнее оказывается преднамеренная фальсификация исторических со-

¹ Президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Перспективы развития образования в России», «Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности»; учебных изданий: «Общие основы педагогики», «История педагогики», «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность». Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

бытий или черный пиар, специально используемый для очернения соперников, противников. Причем не только идеологических, но и в области имущественных и иных отношений. Кстати, специально зайдя в Интернет с поиском «черный пиар», автор предсказуемо нашел в первой же ссылке по адресу turbocontext.ru, а всего нашлось, как сообщил мне Яндекс, 5 млн ответов (!) — вполне ошеломительный призыв использовать сие средство: «Нестандартные решения. Эффективные инструменты. Конфиденциальность. Звоните».

О том, как черный пиар используется в сфере образования, мне уже приходилось писать². Не возвращаясь к теме, напомним лишь, что уже и в этой краткой брошюре были приведены примеры использования черного пиара в давней (включая древнегреческую) истории и, понятно, в современности.

Весьма широкую область использования идей и мифов ограничим только тем, что касается воспитания, еще уже — идеологического и патриотического воспитания. Подробно разобрать отличия того и другого было бы интересно, но это не входит в наши задачи.

Об идеологии, идеологическом воспитании в России стали вновь говорить после довольно длительного перерыва «лихих девяностых» примерно после прихода к президентской власти В. В. Путина. Этот перерыв не был абсолютен. Так, еще в середине 1990-х в ряде работ мне приходилось высказывать, на мой взгляд, совершенно бесспорную мысль о том, что идеология — это не только идейно-политическое воспитание в марксистско-ленинском понимании, но любая система идей, разделяемая на любом уровне любой социальной группой³. Вместе с тем любая идеология имеет и воспитательный аспект, хотя масштабы весьма различны: от небольшой группы людей до государства. При этом, конечно, приходится помнить, что согласно нашей Конституции (ст. 13) никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Именно это последнее обстоятельство заставляло многих, фактически говоря об идеологии, использовать иные термины, иную фразеологию. В этом смысле чрезвычайно важным является выступление Президента РФ Д. А. Медведева 22 апреля 2010 года на заседании Госсовета, посвященного развитию творчества молодежи. Среди прочего президент отметил, что необходимо также заняться идеологическим воспитанием, которого после распада Советского Союза фактически не было. Развивая свою мысль, Д. А. Медведев подчеркнул, что именно по этой причине, по причине отсутствия идеологического воспитания, для многих наших

² Никандров Н. Д. Черный пиар : пособие для журналистов, читателей и слушателей. М. : Сайтекс, 2007.

³ Никандров Н. Д. Воспитание ценностей: российский вариант. М. : Магистр, 1996.

молодых людей идеалом являются герои американских боевиков.

Действительно, идеал не лучший. Поскольку эти боевики в разные годы смотрели все, легко вспомнить, каковы эти герои. Как правило, это супермены. «Супер» относится к физической силе, силе характера, привлекательной внешности. Часто он «борец за правое дело», избавляет от опасности то целый мир, то свою страну, то своих близких. Часто это «хороший» или «бывший» полицейский, которому приходится бороться и с преступниками, и с «плохими» полицейскими. Очень часто это герой-одиночка, что дает возможность подчеркнуть все его «суперкачества».

Уже не раз отмечалось, что практически любое изображение насилия на экране будит агрессивные качества людей, особенно подростков, даже если это насилие и направлено, как часто бывает, на борьбу со злом. За это американские и иные триллеры часто ругали, отмечали, что в последние годы мы в этой области «впереди планеты всей» и по частоте эпизодов, и по натуралистичности насилия. Вместе с тем нельзя не отметить, что американские боевики, американские триллеры выполняли в США и весьма полезную роль, которую постепенно начинают выполнять и некоторые наши произведения этого жанра. Они воспитывали гражданское мужество и патриотизм, защищали и пропагандировали американский образ жизни, заодно показывая непривлекательность других «образов жизни».

Поскольку кино — относительно недавнее искусство, то в прошлом это были досоветская Россия, Советский Союз, его союзники на всех континентах. Теперь — те страны, включая современную Россию, которые либо вообще не принимают американский образ жизни, либо недостаточно быстро и активно это делают. Но в эпоху «до кино» ситуация в принципиальном отношении была такая же, просто соответствующие идеи проводились в жизнь иными средствами. И обобщенно можно сказать, что при всем разнообразии этих средств основное — это идея, превращенная в миф или подкрепленная им. Путешествуя во времени и пространстве, идеи и мифы видоизменялись, заимствовались у друзей и врагов, украшались или уродовались, но выполняли свою функцию. При всех вариациях они показывали авторов (отдельных людей, их группы, народы, страны) в положительном свете, «других» (опять-таки отдельных людей, их группы, народы, страны) — в отрицательном. Понятно, что далеко не всегда это делалось примитивно, в черно-белом варианте. «Мы» могли быть не во всем, но «в основном» положительными. «Они» могли быть не абсолютно, но «прежде всего» отрицательными. Это добавляло правдоподобности, усиливало пропагандистское воздействие мифов. Но и сейчас давайте вспомним, как часто, прежде чем дать какую-либо положительную оценку какому-либо политическому деятелю, оценивающий в качестве преамбулы говорит примерно такие фразы: «Можно по-разному относиться к...», или «Конечно, можно поспорить с...»,

или «Конечно, нельзя во всем согласиться с...» Форма различна, смысл один.

В древние времена, на которые в краткой статье времени нет, мифы создавались прежде всего для объяснения иначе не объяснимого, например, явлений природы. Но уже и тогда понимали ценность идей вообще, ценность идеи патриотизма. Симонид Кеосский (Греция, 556—468 до н. э.) считал, что для полного счастья человеку необходимо иметь славное Отечество. И подобные мысли можно найти в Древних Китае и Индии, хотя они, как, впрочем, и Греция, были разделены на разные области (страны, города-государства) с разными названиями и разными правителями. Другой пример по времени ближе к нам. При создании Федеративной Республики Германия определенную трудность вызвал гимн. Созданный за много десятилетий до возникновения фашизма, причем музыка — раньше (Й. Гайдн), слова — на 40 лет позднее (А. Хоффманн), этот гимн воспринимался после Второй мировой войны как чисто фашистский. Особенно за слова первой строфы:

Deutschland, Deutschland ueber alles,
Ueber alles in der Welt
(Германия, Германия превыше всего,
превыше всего в мире).

Воспринимался, пока Президент ФРГ Хейсс и канцлер Аденауэр публичным обменом письмами не согласились, что гимн должен начинаться с третьей строфы первоначального текста:

Einigkeit und Recht und Freiheit
Fuer das deutsche Vaterland
(Единство, право и свобода
для немецкого Отечества).

Ведь смысл этого текста — действительно борьба за единое немецкое отечество, за объединение многочисленных княжеств, графств, баронств в единую Германию. Если вспомнить Симонида Кеосского — в «славное» (единое, большое, сильное) Отечество. Будто и не прошло с тех пор 25 веков!

Любовь к Отечеству, патриотизм — одна из идей, которая так или иначе проходит в истории всех стран, больших и малых. Именно поэтому для ее проведения в жизнь, для того чтобы она не только была известна населению, жителям, обывателям, но принималась ими эмоционально, была руководящей в их поступках, выходящих за пределы просто быта, требовалась особая работа. Соответственно именно вокруг этой идеи, имеющей понятное воспитательное значение, формировалось немало производных от нее идей, поддерживающих ее.

Формировалось — не только как-то складывалось, но и целенаправленно формировалось — и немало мифов. Правильнее сказать, не просто немало, а огромное количество, если помнить, что в мире много стран, которые имеют и двусторонние, и многосторонние отношения. И при всей соблазнительности идей дружбы народов конкуренция стран,

обществ, государств никогда не исчезала. Тем более сейчас, когда она идеологически и на всех уровнях подается как идея конкурентоспособности. А конкуренция, естественно, бывает разная — жесткая и более мягкая, цивилизованная или мало отличающаяся от бандитизма, в хозяйственной жизни и в науке, в космосе и на полях сражений, везде и во всем. И мифология всегда привлекалась и привлекается как эффективное средство воспитания человека и народа для конкурентной борьбы, для успешного ведения самой этой борьбы.

Попытка дать даже краткий обзор различных мифов разных стран и народов в истории и современности — интереснейшая и практически важная задача, требующая для своего решения и немало времени, и немало специалистов, и немало места на бумаге или в электронном носителе. Но, ограничив ее рамками России, можно сослаться на уже выполненные интересные работы. Отметим прежде всего книги В. Р. Мединского (2010–2011)¹. Я намеренно привожу такой длинный список публикаций этого автора, потому что сами названия вполне отражают те мифы, которые в разное время сочинялись и использовались и за рубежом, и в самой России для целей идеологической борьбы, холодных и горячих войн. Это мифы о русском пьянстве, лени и жестокости; о русском воровстве, особом пути и долготерпении; о русском рабстве, грязи и «тюрьме народов»; о тяге русских к сильной руке и неспособности к демократии; о русской грязи и вековой технической отсталости; о русской угрозе и секретном плане Петра I; об особом пути и загадочной русской душе; о жестокости русской истории и народном долготерпении. Другие книги из перечисленных ниже помогают понять, кто, когда и с какой целью сочинял, как распространял эти мифы.

Мифология в целях идеологического воспитания и идеологической борьбы есть частный случай манипуляции сознанием (Кара-Мурза, 2002). Рассчитывать на то, что строгое и логичное, беспристрастное изложение фактов при столь же беспристрастном их отборе достигнет этих целей, вряд ли возможно. Вспомним приведенный выше и опровергнутый жизнью афоризм К. Скотта. Есть еще и другой афоризм, приписываемый разным авторам: «Я знаю, что Вы беспристрастны. Но к кому Вы более беспристрастны?» Соответственно нужны эмоции, значит, нужны и мифы. В информативной книге С. Г. Кара-Мурзы есть и глава с показательным

названием: «Мифы общественного сознания: большие проекты манипуляции».

Задолго до появления этой книги, еще в 1950-х годах, мне пришлось на личном опыте проследить, что это за «проекты». Как студент, изучавший иностранные языки, я слушал зарубежное радио. Никаких идеологических целей при этом не преследовал, был вполне обычным советским патриотически настроенным человеком. Не думал о манипуляции сознанием, не воспринимал эти радиопередачи как некий «проект». Но постепенно передачи различных радиостанций из разных стран и на разных языках привели к совершенно однозначному выводу: если и нет в мировом масштабе некоего единого агитпропа, своего рода идеологического отдела — а такое предположить трудно, в мировое правительство я и сейчас не верю, — то есть некоторая его, мирового агитпропа, замена. Не может не быть, если оценки значимых событий в СССР, странах социализма на мировой арене в целом практически совпадают и по знаку, и по приводимым примерам. И это «что-то» — веками (не годами и десятилетиями, а веками!) складывавшаяся система мифов, хорошо укрепленная средствами самоцензуры.

Примеры того, что было тогда для меня лишь попутной информацией к основному — изучению языков, легко найти в интересных и популярно написанных книгах В. Р. Мединского. Например, миф о том, что русскую армию всегда били. Начиная с истоков этого мифа в русском средневековье и по сейчас он не теряет своей актуальности, перелагаясь в сотнях вариантов и за рубежом, и на родной почве. Если русская армия терпела поражение, что, конечно же, бывало, — это усиливалось красочными деталями и частым повторением. Если, что бывало чаще и в более крупном масштабе, русская армия достигала победы, то это было «не благодаря, а вопреки», огромными жертвами, с помощью «генерала Мороза» при бездействии и некомпетентности реальных генералов.

Другой пример — «Завещание» Петра Великого. Его никто не видел в оригинале, о его копиях достоверных сведений тоже нет. Но как только нужно «идти на Россию», например, Наполеону Бонапарту, то миф вспоминается для объяснения этой агрессии. В те годы объяснения не очень-то и требовались, в начале XIX века война была вполне привычным способом решения территориальных и экономических проблем. Но почему нет — хороший дополнительный аргумент. Прошло 100 с лишним лет — и гитлеровская пропаганда вновь извлекает этот миф на свет Божий. Прошло еще полсотни лет. Президент В. В. Путин вскоре после своего избрания повесил в кабинете портрет Петра I. И опять западная пресса вспомнила этот миф. Правда, это было еще до «перезагрузки»...

А исконная недемократичность России, неспособность русских (точнее, россиян, жителей России вообще) усваивать демократические образцы жизни? Новгородское вече, которое было до европейских парламентов, забывается. Забывается и то, что

¹ *Мединский В. Р.* О жестокости русской истории и народном долготерпении. М. : Олма, 2010; *Он же.* О русской грязи и вековой технической отсталости. М. : Олма, 2010; *Он же.* О русской угрозе и секретном плане Петра I. М. : Олма, 2010; *Он же.* О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М. : Олма, 2010; *Он же.* О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М. : Олма, 2010; *Он же.* Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М. : Олма, 2010; *Он же.* Скелеты из шкафа русской истории. М. : Олма, 2010; *Он же.* О том, кто и когда сочинял мифы о России. М. : Олма, 2010; *Он же.* О тяге русских к «сильной руке» и неспособности к демократии. М. : Олма, 2010; *Он же.* Об «особом пути» и загадочной русской душе. М. : Олма, 2010; *Он же.* Негодяи и гении PR. От Рюрика до Ивана IV Грозного. СПб. : Питер, 2011; *Он же.* О России — «тюрьме народов». М. : Олма, 2011.

в США рабство было отменено на шесть лет позднее, чем в России — крепостное право. Статистика не подтверждает и тезис о более многочисленных казнях в России, чем в странах Западной Европы, о свирепости и жестокости русских.

О дикости и дремучести русских за границей писали еще в допетровскую эпоху Алексея Михайловича. Но миф о России как Верхней Вольте с ракетами гораздо моложе, пьяные русские космонавты на борту космического корабля, устранившие неисправности с помощью кувалды — из фильма «Армагеддон» 1998 года.

Других примеров приводить не буду — еще раз рекомендую читателю книги В. Р. Мединского. А далее действует то, что советовал Гитлер в своих застольных беседах: как можно чаще повторять то, что хочешь внушить массам, которые глупы и наивны. Но одну деталь со ссылкой на цитату из В. Р. Мединского приведу, поскольку она касается не частного примера, а важного вывода общего характера, с которым не могу не согласиться: «...после реформ Петра Великого в самой России появляется немало людей с психологией “исторических подкидышей”. Они с восторгом воспринимают черные мифы о России и сами создают новые»¹. Примеры легко найти у многих наших авторов эпохи перестройки и «лихих девяностых». Можно и не искать — достаточно посмотреть сериал «Школа». Лучший пример черного мифа из области образования найти трудно, а ведь создан он В. Г. А. Германикой в «этой стране» — так нашу Родину называют некоторые ее жители. Да, миф вполне современный, хотя и сделан по рецептам, знакомым с древности: набрать недостатков, которые все возможны и встречаются в разных местах, сконцентрировать их в одном месте (например, под крышей одной школы) и провести мысль о ее типичности.

Итак, мифы служат идеологическим и воспитательным целям как средство. Результат применения этого средства — создание определенного представления о некотором предмете, человеке, стране, обществе. И теперь можно вернуться от мифов обратно к идеям, к тому обобщенному представлению о России, которое создается с помощью мифологии. Как уже отмечалось², многие печатные издания, радио и телевидение, система рекламы создают далекий от позитива образ России, связывая с ним столь же далекие от позитива идеи.

1. Негатив и зло в мире преобладают над добром.

2. Наш мир есть мир насилия (физического, волевого, сексуального, психологического), противостояния и соперничества, что надо считать естественным.

3. Основной (сексуальный) инстинкт — действительно основа всего. Здесь трудно определиться с «нормой доступности», но, по многим данным,

¹ Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма, 2008. С. 257.

² Никандров Н. Д. Идеология и идеологическое воспитание: есть ли они, нужны ли они сегодня? // Родная Ладога. 2010. № 3. С. 59–68.

мы сейчас в этом отношении практически «впереди планеты всей».

4. Культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» — пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности — либо от скудости, либо от глупости.

5. Рынок правит миром, причем не только в экономике, но во всех взаимоотношениях людей.

6. Конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм — исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все»).

Эти идеи глобального плана; некоторые же касаются прежде всего России.

7. Российские власти всех уровней не заботятся о народе и в высокой степени коррумпированы. Они были лучше в 1990-е годы (когда соглашались на все, что требовали США. — Н. Н.).

8. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и коррумпированы.

9. Гражданский патриотизм в России если и был возможен (например, во время Великой Отечественной войны), то сейчас характер отношений народа и власти делают его реально невозможным.

10. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в «цивилизованных» странах.

11. Высшие иерархи православной церкви в России запятнали себя в давнем прошлом сотрудничеством с КГБ, в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно православную церковь, нарушая тем самым Конституцию.

12. Уровень развития России крайне низок.

13. Между странами СНГ имеются непреодолимые противоречия, обусловленные историей Российской и советской империй, имперскими «замашками» современной России.

14. Российская власть неэффективна еще и потому, что расколота. Имеются непреодолимые противоречия между Центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме «Медведев—Путин».

Разумеется, в подтверждение каждого тезиса опытный пропагандист, агитатор или пиарщик (они часто совпадают в одном лице) что-нибудь найдет. А далее действует закон, открытый еще в Древнем Риме — *calumniare audent, semper aliquid haeret*, то есть «клеветы дерзко, что-нибудь всегда прилепится». При частом повторении «прилепится» всегда немало.

Некоторые особенно «вредоносные» идеи и мифы, то есть, уточним, такие, которые мешают патриотическому воспитанию граждан России, требуют и особенного внимания. Это прежде всего такие мифы, которые касаются близкой к нам истории, хотя могут иметь и достаточно давнее происхождение. Сюда относятся мифы об истории нацио-

нальных отношений в России, включая историю вхождения различных регионов в состав Российской империи. В антироссийских кампаниях используются также соответствующие интерпретации «гладомора» на Украине, предыстории Великой Отечественной войны, характер ее начала, роли СССР и союзных держав в обеспечении победы над фашизмом, пересмотра итогов войны, освещения деятельности террористического подполья и коллаборационистов в годы войны («лесные братья», бандеровцы, РОА), новых вызовов и рисков России и т. д. Эти периоды и материалы дают особенно благоприятные возможности для антироссийской пропаганды, что и объясняет создание Указом Президента РФ Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹.

Путешествуя во времени и пространстве, идеи (и соответствующие им мифы) видоизменяются, иногда превращаясь в свою противоположность. Эти превращения обычно обусловлены сложившимися культурными, например, религиозными традициями. Так, весьма серьезные различия есть в отношениях к иноверцам даже в рамках авраамических религий. В Ветхом Завете, сложившемся в иудейской традиции, уже содержалось требование любви к ближнему, хотя многие связывают его лишь с христианством. Но под «ближним» понимался иноверец, на представителей других верований это требование не распространялось. «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как себя самого» (Лев. 19:18). Заметим — народа твоего! В раннем мусульманстве идея иноверца-врага сохраняется. В 8 суре Корана «Добыча» мы читаем: «О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не уверовал, то не обращайтесь к ним тыл. А кто обратит к ним в тот день тыл, если не для поворота к битве или для присоединения к отряду, тот навлечет на себя гнев Аллаха... Не вы их убивали, но Аллах убивал их». Как можно было обращаться с иноверцами в католичестве, легко понять, вспомнив крестовые походы.

Совсем иначе рассматривается вопрос в православии. Из истории мы знаем, что православие, укрепившись в Московии, не распространялось на юг и восток огнем и мечом. В XVIII веке, когда на Руси уже не было патриаршества, церковь была в высокой степени зависима от государства, которое действительно ставило задачу русификации, появилась очень интересная инструкция Святейшего правительствующего синода о том, как учить

новокрещенных детей (например чувашей). Их требовалось обучать русской грамоте, алфавиту, десяти-словию, часослову, псалтыри, катехизису, скорописи и «при этом за ними смотреть, чтобы они своих природных языков не позабывали». Кроме школьных часов им «велено было все время говорить на родных наречиях». Это — XVIII век. Но еще гораздо раньше (XI в.) Феодосий Печерский, один из первых игуменов Киево-Печерского монастыря (впоследствии Лавры), в одном из своих посланий писал так: «Милостынею же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли — всякого помилуй, и от беды избави, яко же можеша»². Различия вполне понятны, и обусловлены они культурными, точнее, религиозно-культурными факторами.

Надо сказать, что Россия всегда отличалась терпимостью к представителям других культур и религий. Конечно, как во всех странах, был бытовой антисемитизм, были и еврейские погромы. Но масштабы были несравненно меньшими, чем во многих других странах. Поэтому и сейчас у нас есть все основания надеяться на постепенное мирное разрешение тех национальных проблем, которые частично объясняются не всегда удачными реформами, частично и вполне сознательно привносятся извне. Поэтому, к счастью, Россия далека от того, о чем на рубеже 2010–2011 годов говорили в своих странах А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерон. Слова были разные, но все в духе первого высказывания А. Меркель: политика мультикультурализма, мульти-культы (да, так, и по-немецки это звучит так же уничтожительно, как по-русски! — *Н. Н.*) полностью и окончательно провалилась.

Вместе с тем надо помнить, что мирные решения этого рода на российской земле не придут сами собою. Не забывая мирных традиций, будем учитывать, что идеи, как писал классик, становятся материальной силой, когда овладевают массами, и эта сила может быть использована для решения совсем не мирных задач. Будем учитывать, что идеи создаются нередко специально для целей борьбы, часто подкрепляются умело разработанной мифологией и используются как непосредственно в политике, так и опосредованно через воспитание тех, кто в ней участвует. А в политике участвуют в конечном счете все, поскольку, как было остроумно сказано, если ты не занимаешься политикой, она займется тобой.

¹ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России : указ Президента РФ от 15 мая 2009 года.

² Дьякова Е. А. Перед праздником. М. : Космополис, 1994. С. 117.

В. Ф. Петренко¹

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ — ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ²

О том, что в России растет социальная напряженность, пишут пресса, социологи, говорит высшее руководство страны. Россия больна, наряду с синдромом авторитаризма, коррупции, социальной аномии остро стоит проблема «национальной идентичности». Проблема не новая, доставшаяся по наследству от СССР и предшествующая его распаду. Резня в Сумгаите и последовавшая затем Карабахская война Азербайджана и Армении, резня в Оше и на прилегающих к нему территориях в Киргизии (повторившаяся в прошлом году), Молдавско-Приднестровский конфликт; две чеченские войны, уже в независимой России; межнациональные конфликты в Кондопоге, Ростове, Ставрополе, Челябинске, а совсем недавно в Москве (на Манежной площади) и в Питере — симптомы все той же тяжелой затяжной болезни. Но болезни отнюдь не чисто российской. В несколько иных условиях с ней сталкиваются практически вся Европа и отчасти США. Проблема эта связана с неравномерным развитием стран или (что специфично для России) их отдельных регионов и ограниченностью природных ресурсов.

Идет своеобразная «обратная волна колонизации» бывших метрополий выходцами из бывших колоний. Проблема высокой рождаемости при ограниченности природных ресурсов была поставлена еще Мальтусом и известна как «мальтузианский тупик». Нарисуем некую, значительно упрощенную схему демографической саморегуляции народонаселения. Высокая рождаемость отчасти компенсировалась высокой смертностью, низкой продолжительностью жизни, гибелью населения в войнах, уходом части населения в монастыри. Такая «отрицательная обратная связь» действовала на уровне отдельных стран, осуществляя динамическое равновесие численности населения. Страны, достигавшие экономического и культурного прогресса, имели возможность увеличить собственное население и осуществить экспансию в мир, колонизируя страны, отставшие на неком историческом промежутке. Такой механизм действовал до XX века.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, профессор кафедры общей психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета)», «Основы психосемантики» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Психология», «Общественные науки и современность», «Историческая психология», «Московский психотерапевтический журнал», «Методология и история психологии».

² Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ.

В XX веке население лидирующих культур неизбежно начало изменять принятое до этого демографическое поведение, связанное с высокой рождаемостью. Равноправие женщин, вовлечение их в экономику, позднее вступление в брак, связанное с необходимостью длительного образования, неизбежно привели к снижению рождаемости в экономически развитых странах. При этом гуманизация экономической и культурно лидирующих стран, а затем и последующая глобализация привели к тому, что экономические, научные и культурные достижения лидирующих стран (в первую очередь Европы и США), а также успехи в медицине стали достоянием стран и регионов-аутсайдеров. Последние же сохранили традиционный стиль жизни и связанную с этим высокую рождаемость. Возникло все увеличивающееся демографическое и иммиграционное давление населения третьего мира и традиционных культур на экономически развитые страны. Все это происходит на фоне старения населения бывших метрополий и их депопуляции. Потребности экономики диктуют необходимость иммиграционной подпитки трудовых резервов и привлечения иммигрантов. Однако национальные волнения арабской и негритянской молодежи в пригородах Парижа, стычки иммигрантов с полицией в Манчестере, Лионе, Неаполе и тому подобное показали, что если первые волны иммигрантов из третьего мира были готовы к выполнению самых тяжелых и непрестижных работ, то их потомство, плохо ассимилируясь в культуре новой родины, предпочитает жить на пособие, усугубляя экономические и политические проблемы.

Если массовая волна эмиграции из стран третьего мира в Европу началась в середине 1960-х годов, то Россия столкнулась со схожей проблемой в 1990-х, с распадом Советского Союза. В роли иммигрантов здесь выступают выходцы с Кавказа и Средней Азии для Европейской части России и Сибири, и китайцы на российском Дальнем Востоке. И если трудовая иммиграция из республик Средней Азии и Китая предположительно временная, осуществляющаяся «вахтовым методом», то иммиграция с Северного Кавказа граждан Российской Федерации не предполагает последующего их возврата на исходные позиции. То, что демографические проблемы, связанные с национальными проблемами и национальными волнениями, идут, в сравнении с Европой, с временным лагом, дает некую фору и слабую надежду на способность учиться на чужих ошибках и надежду на формирование осмысленной национальной политики.

Основную опасность национальной российской политики я вижу в потенциальной возможности утраты национальной идентичности (см. понятие идентичности Taifel, Turner 1986). Перефразируя изречение Клаузевица. «Народ, не желающий кормить

свою армию, будет кормить чужую», добавлю: «страна, не способная содержать и развивать свою культуру, просто исчезнет, ассимилировавшись и растворившись в других культурах».

Россия — многонациональное государство, и уникальная русская культура является сплавом, интеграцией, синтезом славянских, угро-финских, тюркоязычных и малых северных народностей. На ее содержание повлияли и культуры наших бывших и настоящих соотечественников — украинцев, татар, армян, евреев, грузин, белорусов, казахов, немцев, бурятов, корейцев и других народов (следовало бы назвать представителей всех национальностей, имеющих российское гражданство). Помимо этого, русская культура немыслима вне контакта с культурой Франции, Германии, Польши, Голландии, Швеции, Монголии, Китая, Индии, США...

Русский этнос — не биологическое, а культурологическое понятие, объединяющее людей разных национальностей, принадлежащих русской культуре, думающих на русском языке и идентифицирующих себя с российской историей. Рассмотрим в качестве примера только поэзию, как очень важную часть русской культуры, выступающую своеобразной экспериментальной лабораторией русского языка. «Солнце русской поэзии» — потомок арапа Петра Великого Александр Сергеевич Пушкин — «Русский человек через сто лет его развития», как его определил Ф. М. Достоевский; потомок шотландца Лермонта — М. Ю. Лермонтов; создатель «Словаря великорусского языка» — датчанин (по происхождению) В. И. Даль. Имевший немецкие корни А. А. Блок, шотландские — Д. К. Бальмонт, русские поэты еврейской национальности Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, И. А. Бродский — вот только несколько ярких примеров создателей русской культуры в области поэзии и языка.

Русская идентичность, помимо очень важного усвоения внутрисемейной автобиографической памяти, формируется путем усвоения русского языка, истории, литературы, всего того комплекса, который называется гуманитарным образованием. Последнее, обретаемое в первую очередь в школе, претерпевает системную деградацию. Опыт общения со старшими школьниками показывает, что они не владеют элементарными историческими знаниями. На мой вопрос, возникший в ходе обсуждения творчества М. Е. Кольцова, когда была гражданская война в Испании, ни один из студентов первых курсов (вчерашних школьников) престижного московского университета не смог ответить. А это событие связано с первым отпором фашизму в Европе, с созданием интербригад и участием в них наших добровольцев. Оно имело огромное идеологическое значение и является фактом нашей собственной истории.

Мой коллега А. П. Назаретян, психолог и специалист по Латинской Америке, много лет преподавал в Институте общественных наук лидерам коммунистических партий Южной Америки, партизанам, подчас находившимся у себя на Родине на нелегаль-

ном положении. Разные по уровню образования и общей культуре, в массе своей это были искренние борцы за лучшую участь своего народа, борцы против империализма и эксплуатации. Для многих из них Советский Союз представлялся идеалом того, к чему они стремились, страной победившего социализма, «раем божьим на земле», справедливым обществом, лишенным эксплуатации. Образ Советского Союза у них был чаще всего стереотипным и упрощенным. Сталкиваясь с негативными примерами нашей жизни, они искренне удивлялись: «Откуда в вашей стране преступность? Как она может быть в стране, покончившей с эксплуатацией человека человеком?» Стереотипность представления нашей страны и низкая когнитивная сложность в осознании социального устройства общества часто приводили к тому, что Назаретян (2005) называет «стереотипами-перевертышами». Шок от несоответствия ожидаемого и реальности часто приводил к тому, что человек, приехавший к нам горячим поклонником нашей страны, уезжал если не противником, то по крайней мере разочарованным в стране «победившего социализма». Многие наши постперестроечные эмигранты подчас возвращаются в Россию разочарованными в «свободном мире» и выступают с позиций «ура-патриотизма». В то же время системные социальные, гуманитарные знания позволяют амортизировать влияние негативных событий, ведут к пониманию многомерности бытия, сосуществованию в нем темных и светлых сторон.

Во времена «перестройки» мне запомнилось рассуждение одного священника (оставшегося для меня безымянным) о первородном грехе. Первородный грех, полагает он, состоит не в том, что Адам и Ева, нарушив запрет Бога, съели яблоко с древа познания, и мы, их дальние потомки, грешны, так сказать, «по наследству». Грех в том, что, входя в этот мир, мы наследуем (интериоризируем, сказали бы психологи) историю и культуру наших предков и являемся производными от этой истории, включающей как события, которыми можно гордиться, так и то, что вызывает стыд и чувство вины за наших предков, да и за нас самих. Ведь мы вскормлены их ресурсами, впитали их менталитет со всеми гранями добра и зла. Мы и есть наши предки в новой исторической одежде. И принять эстафету поколений — значит принять ответственность за поддержание и развитие своей истории и культуры, испытывать гордость за историю своей страны и чувство вины за ее неблаголе деяния. Последнее дискомфортно, а подчас и мучительно. Поэтому грустно наблюдать «новых молодых конформистов» — разнообразных проправительственных «Наших», готовых вешать себе на грудь заслуги своих прадедов, но не готовых сострадать их тяжелой судьбе и, главное, принять на себя ответственность за судьбу своей страны и бороться за ее улучшение и модернизацию. Выгоднее петь «аллилуйя». Вспоминаются иронические стихи советского времени: «Мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным строем».

Человек — существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, на мой город, мою страну); но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, идет еще и конкуренция в ментальном, семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий — словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта. Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования.

Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смысла существования, как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, медицины, культуры), но и тесно связанная с культурой оценка состояния общества в духовной сфере, степень доверия в обществе, милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал», «ментальный ландшафт», «общественные установки», «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества» — необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет научного направления, известного под названием «психосемантика сознания», или «психосемантика общественного менталитета» (Петренко, Митина, 1997; Петренко, Митина и др., 2000; Петренко, Митина, Карицкий, 2010; Petrenko, Mitina, 2003).

Россия — государство межконфессиональное и многонациональное. Как показали наши исследования семантического пространства политических партий и семантических конструктов политического сознания, накануне распада СССР идеологическое измерение было задано оппозицией (противо-

поставлением) коммунистической и религиозной идеологии (Петренко, Митина, 1997). Демократы первой волны не смогли или не захотели создать собственную идеологию и выдвинуть собственный вектор направления «русской идеи». В результате возникло потенциальное противоречие между религиозным сознанием, несущим в своих истоках элемент нестяжательства, и потребительской идеологии, выступающей под лозунгом личного обогащения и убеждения, что «в экономике морально то, что приносит прибыль».

Заложенная мина противоречивости системы ценностей общественного сознания дополнена проблемой многоконфессиональности. О том, что религия объединяет, свидетельствует исторический опыт создания великих империй, которые возникли под влиянием мировых религий, появившихся в так называемом «осевом времени» (К. Ясперс, 1997). Принцип христианства «несть грека и несть иудея» в тех или иных формах присущ всем мировым религиям. Они и стали мировыми, так как сняли проблему национальных противопоставлений, заместив его принципом религиозного единства. Квазирелигия коммунистической идеологии, также имевшая колоссальное объединяющее начало по классовому, а не национальному основанию, выразила это в лозунге: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». И то, что в Советском Союзе, по крайней мере в Центральной России, Украине, Белоруссии, Казахстане и так далее, людей интересовала не национальность соседей или сослуживцев, а их личностные качества, свидетельствует, что лозунг брежневской эпохи о том, что в Советском Союзе создана новая социальная общность — советский народ, не просто был идеологическим штампом, а имел под собой некое реальное основание.

С распадом Советского Союза, уже в России роль объединяющего и духовного начала взяла на себя религия. Но в условиях многоконфессионального государства сплочение народа на религиозной основе неизбежно оборачивается противопоставлением народов по конфессиональному принципу. В цивилизованном мире отделение церкви от государства вызвано не особым безбожием правящей элиты демократических обществ, а необходимостью обеспечения равных прав граждан — как представителей разных национальностей и зачастую разных конфессий, так верующих и атеистов. Правильные слова президента Д. Медведева на встрече с лидерами парламентских фракций в январе 2011 года о том, что в условиях России нужно делать особый акцент на развитии культуры титульной нации (хорошо бы, чтобы за этими словами стояли и реальные программы ее финансирования), потенциально могут обернуться оруэлловским «Все животные равны, но некоторые равнее». Империи, не придерживающиеся национального и религиозного равноправия, рано или поздно распадаются. Ярким примером может служить распад Османской империи, устроившей резню армянского и отчасти курдского населения, при реализации младотурками программы созда-

ния национального государства. Но применительно к Советскому Союзу времен «брежневского застоя» и нынешней России мы сталкиваемся скорее с противоположной ситуацией, когда этносы, имеющие свою титульную государственность, обладали скорее некоторым преимуществом по отношению к русскому населению.

Наше утверждение относительно СССР касается уже послевоенного времени. Мы хорошо знаем о массовой депортации крымских татар, греков, корейцев, чеченцев, ингушей, «расказачивание» донских и терских казаков, антисемитизм и подавление культуры и религии (например шаманизма) малых народов в сталинские времена. Однако в хрущевско-брежневское время ситуация сильно изменилась, и национальные республики имели существенную экономическую подпитку. Во времена Хрущева и Брежнева только три республики — Россия, Азербайджан (за счет нефти) и Белоруссия (незначительно) — являлись республиками-донорами, но даже «щирая» Украина пользовалась союзными дотациями. Можно вспомнить освоение «целинных и залежных» земель в Казахстане, восстановление Ашхабада и Ташкента после чудовищных землетрясений, строительство заводов электронной промышленности в Прибалтике и тому подобное при экономической деградации малых городов и сел центральной России, ресурсы которой во многом перенаправлялись на периферию государства. Жители союзных республик обладали как бы двойным гражданством и, имея карьерные преимущества в собственной титульной республике, пользовались общесоюзными квотами в образовании и представительстве в аппарате власти.

Могу привести пример из собственной жизни, иллюстрирующий мои слова. Я поступал в престижный Московский университет три раза, и только с третьей попытки мне удалось преодолеть огромный конкурс на факультет психологии. Многие мои однокурсники прошли с первого раза по республиканским квотам. Как правило, это были дети местной чиновной и партийной элиты. Впрочем, будучи уже студентами, мы не обсуждали национальных аспектов зачисления. Среди «позвоночных» по линии ЦК КПСС хватало и русских ребят. Сходная ситуация повторялась и при зачислении в аспирантуру. У нас на факультете учился целый поток ребят из Прибалтики, и мне больно сознавать, что большинство вчерашних однокурсников, став важными людьми, не поддерживают контактов со своей альма-матер, видимо, не считая ее таковой.

В новой России сохранились и даже значительно увеличились преимущества титульных национальностей, имеющих свою государственность. Имея свои органы власти, своих руководителей (президентов в недавнем прошлом) в Дагестане, Татарстане, Башкирии, Якутии, Чечне, Ингушетии и других республиках, они обладают конкурентным преимуществом у себя на родине, а имея землячества — так и по всей стране. Многие республики, в первую очередь Северного Кавказа, являются дотационными, но вследствие значительной коррупции (присущей

всей России, но в силу клановых отношений особо процветающей в национальных республиках) обладают и исходным предпринимательским капиталом. Все это дает дополнительные конкурентные преимущества.

Одна из линий возможных этнических противостояний — это различие по религиозной принадлежности. Чтобы избежать противостояния по религиозному принципу, в новой России в ельцинские времена была открыта возможность религиозной реализации для различных конфессий. Что есть благо, так как способствует духовному развитию, по крайней мере части населения. Но это не есть благо с учетом возможности противопоставления и даже конфронтации по религиозному признаку, что послужило причиной напряженности и терроризма на Северном Кавказе. Допущение к религиозной службе иностранных проповедников, придерживающихся фундаменталистских взглядов (тех же ваххабитов), открытие медресе и мечетей на деньги зарубежных спонсоров, имеющих собственные геополитические цели, не совпадающие с интересами российской государственности, способствовали радикализации и росту напряженности на Кавказе, проявившихся в двух чеченских войнах и терроризме на всем Северном Кавказе. Фундаменталисты, исповедующие национализм, имеются и в православной церкви. Антитезой противопоставления населения по религиозному принципу является культивация общечеловеческих принципов и ценностей и акцент на гуманитарной культуре, задающей эталоны духовности и нравственности.

Итак, Россия стоит перед дилеммой. Демографический крест, включающий низкую рождаемость и высокую смертность, связанную со старением населения, настоятельно требует иммиграции трудовых ресурсов для поддержания экономики. Массовый же приток людей иной бытовой и религиозной культуры, иной системы ценностей грозит размыванием русской идентичности, падением уровня национальной культуры и превращением ее в одну из многих рядоположных конкурирующих этнических культур на поле традиционной территории. И это происходит на фоне падения «качества населения» самого русского этноса, его образованности и уровня гуманитарной культуры, включающей знание собственной истории, литературы, искусства.

Качество населения включает и отношение к труду как источнику блага. Неслучайно наряду с протестантской трудовой этикой (вспомним работы Вебера, утверждавшего, что протестантизм проложил дорогу капитализму), конфуцианская, буддистская трудовая этика способствовала появлению дальневосточных экономических «тигров» и «драконов» (Японии, Китая, Южной Кореи, а теперь уже набирающего силы Вьетнама). В России же трудовая мотивация деградирует, ибо качество жизни и уровень доходов находятся в отрицательной корреляции с уровнем образования и трудовыми достижениями. В 1990-х годах на сцену вышел малообразованный, но нахрапистый «троечник», на вкусы и запросы ко-

торого начала ориентироваться массовая культура. Место ценности труда и образования как средства достижения определенного уровня жизни заняли родственные связи, где дети элиты не только наследуют родительские капиталы, но и автоматически занимают престижные места в социальной иерархии. Для массы остальной молодежи телевидение и гламурные журналы пропагандируют идею «счастливого случая» — удачного выхода замуж за богатого бизнесмена для девушек или успешной карьеры бизнесмена на поприще чиновника или бандита для юношей. Многочисленные денежные лотереи и конкурсы типа «выиграй миллион» также работают на идею «удачи», не связанную с трудовой активностью, хотя справедливости ради отметим, что в последнем случае ценность образования, пусть косвенно и в извращенной форме, все же пропагандируется как условие этой удачи.

Из политиков только, наверное, ленивый не пнул телепередачу «Дом-2», обвиняя ее в пропаганде распущенных нравов. Я же вижу пагубность этой передачи в том, что молодые здоровые ребята, нигде не работая, не производя никаких материальных или духовных ценностей, могут успешно заниматься сексом и выяснением личных отношений за счет субсидируемого государством телевидения. А тысячи молодых (да и старых) налогоплательщиков, готовых подглядывать в «замочную скважину», утверждают в представлениях, что для преуспеяния не надо учиться и трудиться, главное — пробиться к «ящику», попасть в сферы власти имущих. Лидеры поп-культуры наряду с чиновниками и бизнесменами становятся «новой русской элитой». Научная, художественная, да и военная элиты оказываются на задворках этого «праздника жизни». Нищенская зарплата преподавателей средней и высшей школы (зарплата доцента периферийного вуза со всеми добавками за степень не превышает 15 тыс. руб.) не позволяет поддерживать достойный уровень жизни, а многочисленные подработки отвлекают от главной задачи — обучать и просвещать подрастающее поколение.

Как приток иммигрантов в Россию, так и падение «качества» коренного населения настоятельно требуют увеличения значимости гуманитарного образования и гуманитарной культуры — как фактора, формирующего и поддерживающего менталитет нации. Как пелось в задорной детской песне: «Одни поем мы песенки, одни читаем книжки». Но книжки, научные журналы, перестав дотироваться государством (как было в советское время), выходят минимальными тиражами и не в состоянии просвещать население. Государство отстранилось от гуманитарной политики, отдав ее на откуп рыночной экономике. Государство, экономящее на культуре и образовании, «рубит сук, на котором сидит». В результате оно получит (уже получило) массу люмпенизированной молодежи, которую легко зажать националистическими лозунгами, а также малограмотных иммигрантов, не готовых принять и полюбить культуру нового места проживания, которое не стало новой родиной.

Низкий уровень гуманитарной культуры неизбежно отзовется межнациональным противостоянием, этническим терроризмом и русским бунтом, «бессмысленным и беспощадным». Выход из этого тупика — гуманитарное образование, дающее рост духовности.

Литература

1. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения / А. П. Назаретян. — М.: Академия, 2005.
2. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. — М.: МГУ, 1997.
3. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / В. Ф. Петренко [и др.]. — М.: Смысл, 2000.
4. Образ России глазами россиян и иностранцев / В. Ф. Петренко [и др.]. — М.: Московский гуманитарный университет, 2009.
5. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. — М.: Практика, 1997.
6. Petrenko V. Russian s Representations of Geopolitical Space / V. Petrenko, O. Mitina // European Psychologist. — 2003. — № 4., Vol. 8.
7. Taifel H. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Taifel, J. C. Turner // Psychology of Intergroup Relations. — 1986.

М. Б. Пиотровский¹

ДВА МУЗЕЯ И ДВЕ ПЛОЩАДИ

Иракский музей в Багдаде и Египетский музей в Каире — два очень поучительных символа и две похожие и непохожие истории. Они еще раз показали, что всякие массовые события, когда они происходят около музеев, смертельно для них опасны, будь это сражения двух армий или борьба народа с властями.

Музеи надо беречь. И не только потому, что они хранят ценные вещи, но и потому, что они хранят ДНК нации и человечества. Изменения в этом, казалось бы, мертвом прошлом сказываются на нашем сегодняшнем и будущем. Они активно участвуют в диалоге культур — горизонтально, вертикально, на всех уровнях и в самых острых ситуациях.

История с Иракским музеем — это диалог культур внутри Ирака и сегодняшний диалог Запада и Востока и «разновременных Востоков» между собой. Музей был разграблен во время вторжения американской армии в Багдад. Американцы вели по нему огонь, а затем оставили без прикрытия и охраны. Музей стал добычей разных категорий мародеров. Мир справедливо воспринял пренебрежение оккупантов своими естественными обязанностями как проявление культурного небрежения. В Европе американцы так не поступали.

Поднялся большой шум из взаимных обвинений и оправданий. Со временем выяснилось, что иракские власти и тут, как во многом другом, не были идиотами, какими их любят представлять. Самые ценные экспонаты были спрятаны в других местах, хотя и там пострадали в результате боев. Международный розыск позволил вернуть немало исчезнувших экспонатов, и расследования продолжаются. Продолжается также и небывалый по размаху организованный грабеж собственно археологических памятников и бандитские раскопки на них. Международное сообщество в лице ЮНЕСКО поспешило помочь консультациями, особенно там, где все тихо, — в Курдистане. Несколько залов Иракского музея торжественно показали избранной публике, но потом закрыли. Проблема находится на периферии забот как оккупационной администрации, так и иракских властей.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа» и др. Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства.

Один из американских следователей по этому делу опубликовал прекрасную книгу «Багдадские воры»² — образец ангажированного анализа, согласно которому почти во всем виноваты сами иракцы. Они оборудовали в музее огневую точку, не попросили помощи, плохо хранили экспонаты, не вели должного учета, не защищали музей и т. д. В книге выделено несколько категорий мародеров, которые складываются в полезную и для других таких случаев типологию музейных грабителей. Среди них, конечно, люди, имевшие отношение к музею, знавшие, где и что можно взять. Далее — толпа с улицы: она ищет золото и не различает, где подлинники или копии. В Багдаде ужасный разгром был учинен гипсовым копиям древних статуй. Кое-что попало и в руки американских военных. За ними появились знающие антикварный рынок местные добытчики. Потом — умелые воры, исполнявшие заказ и знавшие, что и где надо брать, чтобы не осталось явных следов. Увы, эту типологию мы можем проследить и в Каире.

Иракский музей был не только хранителем истории, но и символом единства Ирака как страны, образованной относительно недавно. В нем демонстрировались вместе памятники доисламской и мусульманской истории, памятники шумеров, вавилонян, ассирийцев, персов, арабов, курдов. Идеология иракской БААС эволюционировала от чистого арабизма к апелляции ко всему иракскому историческому наследию. Память о великих победах Ассирии и Вавилона часто воспринималась так же живо, как победы и достижения мусульманской цивилизации. Тем не менее арабизм и ислам оказались вершиной всех этих достижений. Музей был зрительным и осознанно созданным символом горизонтального и вертикального единства Ирака с особым упором на древнюю историю. Как можно судить по некоторым отрывочным сведениям, доходящим из сегодняшнего Ирака, там все больше начинает звучать «шиитский» подход, для которого вавилонские и ассирийские корни — вредное ничто, а древние памятники — не предмет для гордости.

В зрительной и зрительской памяти об американском вторжении в Ирак особое место занимает кадр сокрушения иракцами статуи Саддама Хусейна. Свергают портрет ненавистного тирана, уничтожают злого идола. Мотив идолоборчества крайне важен для ислама, как изначально, так и сегодняшнего. Площадь эта — в центре Багдада и называется Фирдаус (рай). Рядом находится гостиница «Палестина», в которой жило большинство журналистов, приехавших в военный Багдад. Именно они составляли основную часть толпы, находившейся на площади. Были там и американские военные, в том числе и пропагандистские подразделения. Американцы помогли стащить статую с пьедестала. Получился исторический кадр, ставший символом победы. Как и другие знаменитые символы (взятие Рейхста-

² Bogdanos M. Thieves of Baghdad. N. Y., 2005.

га, флаг над Ивдзимой), эта картинка достоверна, хотя и ориентирована на зрителя, в данном случае — телевизионного.

Телевизионная же стилистика была одним из «организаторов» действия на другой площади — Тахрир (Освобождение) в Каире. Это — сердце города. Там находится штаб-квартира правящей партии, МИД, отель «Хилтон», Лига арабских государств, знаменитые исторические кафе и главное — знаменитый Египетский музей. Своим содержанием, корнями и архитектурой он является символом гордости доисламским фараоническим прошлым. Он символ Египта XX века. Египетский музей возник много раньше Иракского и посвящен он (как и его строящиеся грандиозные здания в Гизе) только Древнему Египту. Для христианского Египта есть Коптский музей, для мусульманского — Исламский.

Музей оказался в центре многодневного митинга, бушевавшего на Тахрире в январе 2011 года. В бурную ночь 25 января, когда горела штаб-квартира Национально-демократической партии, в музей проникли мародеры. Как и в Багдаде, не обошлось без помощи обслуживающего персонала музея. Как и в Багдаде, воры накинулись сначала на реплики и копии. Как и в Багдаде, они не добрались до главных хранилищ. В гневе воры поломали несколько фигурок и оторвали головы двум мумиям. Но, в отличие от Багдада, их быстро поймали и выдворили из музея. Демонстранты создали у входов в музей живую стену и защищали его до тех пор, пока их не сменили войска, твердо стоявшие у музея все последние дни. Опытных «антикваров» к древностям не подпустили. К счастью, пропало немного экспонатов, большая часть которых сразу же была найдена. Под охрану были взяты также археологические памятники и хранилища по всему Египту. Там, правда, потери были много больше.

И все-таки демонстранты были правы — это не Багдад! На Тахрире не скидывали статую, но над все-

ми событиями витал образ «идола» президента Мубарака — нового фараона. В Египте слово «фараон» имеет два эмоциональных оттенка. С одной стороны, это — символ могучего Древнего Египта, его прошлой и возрождаемой мощи и славы. Такими ощущали себя Насер, Садат и, конечно, Мубарак. Его манера двигаться и стоять вполне соответствует древнеегипетской стилистике. Египетский музей, Каирский университет — образцы той же стилистики и символики. С другой стороны, фараонами их называли и их враги, сторонники массовых исламских движений. В Коране, как и в Ветхом Завете, Фараон — злодей и тиран, угнетавший народ Моисея и преследовавший его до Красного моря. Коранический фараон — символ высочайшей гордыни, великого греха для мусульманина. Таким фараоном стал Мубарак в глазах египтян. Такому фараону они кричали «ирхал» — уходи. И он ушел. Ушла ли с ним фараоническая мечта — посмотрим. Кстати говоря, коранический фараон утонул в Красном море, но потом его тело было выброшено на берег — это как бы возможность для покаяния. В музейном налете тоже есть идолоборческий аспект. В англоязычных блогах в связи с ограблением Египетского музея я читал фанатичные сентенции о том, что так и нужно делать — надо выбросить вон и уничтожить все языческое наследие.

Все эти недавние события современной ближневосточной истории происходили вокруг музеев, и музейная знаковость и символика указывают нам на то, что внешние и внутренние перевороты вернули обратно некоторые страницы. Египет вернулся к тираноборчеству 1950-х годов, когда армия делила победу над королем-фараоном с братьями-мусульманами. В Ираке шиитские имамы заменяют в качестве героев ассирийских царей. А в Ливии и вовсе старое королевское знамя суфийского ордена сенуситов заменило собой зеленое исламское знамя светско-религиозной джамахирии.

Политический диалог культур начинается снова.

Васил Проданов¹

УВЕЛИЧИВАЕТ ЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КОНФЛИКТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ?

Создание национальных государств с начала современной эпохи неразрывно связано с формированием единых национальных культур, которые становятся основой формирования единого «мы» больших масс людей. Именно единые национальные культуры лежат в основе того, что такие авторы,

¹ Член-корреспондент Болгарской академии наук, директор Института философских наук (1988–1992) и Института философских исследований при Болгарской академии наук (1995–2010), доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дължимо», «Познание и ценности», «Биосоциални ценности», «Биоэтика», «Гражданското общество и глобалният капитализъм», «Насилието в модерната епоха», «Бъдещето на философията» и др. Член редколлегии ряда научных журналов, среди них «Монд дипломатик».

как Бенедикт Андерсон, называют «воображаемыми общностями». Такие институции, как армия на базе срочного призыва и обязательное национальное образование, играют в этом отношении ключевую роль. Государства стремятся к культурной гомогенности населения на своей территории и с этой целью используют различные методы, начиная с насильственного переселения чужих этнических и культурных общностей за границы страны и заканчивая насильственной или добровольной ассимиляцией.

В США, эмигрантском государстве, принимающем людей различных народностей, этносов и религий, создается своеобразный механизм, известный как «плавильный котел» (melting pot), который

в конечном счете приводит к интеграции в единую нацию множества различных по своему происхождению индивидов. Однако в последние годы механизмы создания единой национальной культуры все в большей степени не работают, и это приводит к распаду некоторых единых государств, к агрессивным сепаратистским движениям. В Америке отдельные общности все сильнее осознают себя как нечто самобытное, что приводит к распаду государства на италоамериканцев, афроамериканцев, испаноамериканцев и т. д. Составляющие единое целое, таким образом, все более разнятся. Даже евреи, сохраняющие свою идентичность в неродной среде в течение тысячелетий, прибывая в Израиль, оформляются в различные группы и культуры, которые создают свои партии и обособленные районы проживания специфических меньшинств. Кажется, что понятие «идентичность» становится все более подвижным, и люди стремятся вернуться к первичным историческим формам культурной принадлежности, а существующая до этого ассимиляция меньшинств со стороны национальных государств и культур исчезает.

Одной из тенденций третьей индустриальной революции и постфордизма является то, что они способствуют развитию горизонтального и сетевого типов отношений, в которых отдельные субъекты являются равноправными. Интернет и информационная революция играют здесь ключевую роль, создавая огромное количество горизонтальных взаимосвязей между различными регионами планеты. Предыдущие «воображаемые сообщества» национальных государств, локализованные на определенных территориях, начинают колебаться от увеличивающегося количества «виртуальных общностей», создаваемых с помощью глобальных коммуникаций, для которых общее культурное пространство не является территориально локализованным. Так возникают благоприятные предпосылки для «эрозии» национальных государств, их распада, усиливающейся миграции и все большей мультикультурализации некогда гомогенных обществ. В то же время идеология демократии утверждает эгалитарные приоритеты. В мире возрастает количество образованных и урбанизированных людей, более склонных к диалогу. Мир все более становится постмодерным и относительным, что способствует распространению отношений терпимости и взаимодействия, в рамках которых каждый субъект воспринимается как имеющий право на свое отличие от других, только если оно не мешает остальным. В развитых странах существует большая прослойка представителей среднего класса, культивирующая постматериальные ценности в культуре. Последняя, кстати, также является более диалогичной. Это приводит к возрастающей культурной релятивизации и распространению постмодерных идей за пределы больших нарративов. На глобальном рынке культурных символов и стилей жизни человек может легко изменять свою идентичность, соотнося себя с различными культурами.

В действительности как будто наблюдается уменьшение разнообразия, например в любой точке

мира люди пьют кока-колу, носят джинсы, смотрят голливудские фильмы, ходят в «Макдоналдс». Однако одновременно с этим в самих США, которые воспринимаются как культурная угроза для остального мира, приток новых иммигрантов, идей и обычаев извне изменяет саму американскую культуру. А количество китайских ресторанов в мире превышает число ненавидимых антиглобалистами «Макдоналдсов».

Опыт модернизации азиатских государств показывает, что глобализация возможна при сохранении и утверждении культурных различий и особенностей. В то же время традиционные культуры также не остаются неизменными, а подвергаются непрерывным изменениям и трансформациям. Ключевым элементом в сохранении и развитии культур становятся новые коммуникации. Они дают возможность разобщенным в пространстве потребителям данного продукта объединиться и способствуют образованию специфических общностей со своими нишами в культуре и на рынке. Например, является неоспоримым тот факт, что сегодня в Великобритании больше, чем раньше, пользуются уэльским диалектом в Уэльсе и кельтским языком в Ирландии, а различные европейские страны передают полномочия местной власти. Глобальная информационная революция усиливает, а не ослабляет локальные культуры и стимулирует создание, избобретение новых. Именно это является одной из важных предпосылок для непрерывного появления все новых государств, соответствующих усиливающимся идентичностям, ранее выглядевшим незаметными локальными.

В качестве реакции на данную ситуацию возникла политика мультикультурализма и признания различных идентичностей. Термин «мультикультурализм» и связанная с ним политика были сформулированы в начале 1970-х годов в Канаде, а стали особенно популярными в связи с переменами, происходившими в Северной Америке. Политика мультикультурализма — результат начала борьбы за культурную автономию Квебека, за гражданские права в США в связи с появлением так называемого «третьего поколения права», относящегося к общностям, в отличие от первых двух «поколений права», являвшегося индивидуальным.

Идея мультикультурализма вошла в политическую практику, в социальные науки и политическую философию, стала основой развития нового направления в философии, в центре которой находятся такие категории, как политика признания, политика идентичности, мультикультурализм. Всемирную известность приобрели работы в данной области таких политических философов, как Чарльз Тэйлор, Эми Гутман, Уилл Кимлика. Мультикультурализм казался неизбежным в условиях возрастающих потоков эмигрантов и усиливающегося этнорелигиозного разнообразия государств. 2 ноября 2001 года ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, целью которой, по словам ее генерального секретаря, было «подтвердить убеждение, что межкультурный диалог является самой лучшей гаранти-

ей мира». В декларации подчеркивается, что культурное разнообразие реализуется в уникальности и плюрализме групп и обществ, образующих человечество. Акцент делается на том, что разнообразие в культурном отношении является предпосылкой для перемен, инноваций, творчества.

Однако проблема заключается в том, как это разнообразие будет сочетаться с другими различиями, прежде всего с экономическими и политическими. Мысль о равенстве и уважении к различным культурам встречается еще в XVIII веке в трудах Гердера, но с тех пор до настоящего времени на ее пути возникали различные препятствия.

Первым препятствием было то, что отдельные культуры различаются по своим масштабам и возможности воздействия. Имеются господствующие культуры, которые благодаря СМИ, языку, финансам доминируют над остальными в определенный период. Сегодня это видно на примере американской, в частности голливудской, культуры. В современном мире большинство переводов (50–60 %) осуществляются с английского языка, что предполагает мировое господство англосаксонского типа культуры («Гутенбергова галактика»). Даже в странах, известных специфической политикой насаждения своей культурной идентичности, каковой является Франция, 58 % всех переводных книг — с английского языка. В небольших государствах этот процент еще выше. Так, в Сербии он достигает примерно 70 %. Только от 3 до 6 % в мире составляют переводы с других языков на английский, что свидетельствует об огромной культурной асимметрии, которую невозможно преодолеть никакими декларациями ЮНЕСКО¹. Следует иметь в виду, что в киноиндустрии данная асимметрия еще больше.

Второе препятствие — культуры являются механизмом легитимирования власти и идентичности, вследствие чего политики заинтересованы в том, чтобы утвердить свою культурную гегемонию, а огромная часть политических баталий находит свое выражение в культурных войнах и столкновениях.

Третье препятствие связано со следующим вопросом: там, где существует много культур, от чего зависит единство между людьми? И вообще, каковы границы культурного разнообразия и различий, к которым мы будем проявлять терпимость? Очевидно, что такие границы необходимы, и невозможно терпимое отношение к любой культуре.

В-четвертых, культуры не являются чем-то застывшим и неизменным, они развиваются и изменяются, в наше время особенно быстрыми темпами. При этом возникает вопрос: к чему конкретно мы должны испытывать уважение в процессе перемен?

В этом контексте мультикультурализм (прежде всего на американском континенте) превратился в злободневную тему философских и политических дискуссий, которые позднее были перенесены в Европу, где политика мультикультурализма была подвергнута сомнению правыми и популистскими пар-

тиями. Знаменательна дискуссия по поводу публикации бывшего члена правления Бундесбанка Тило Сарацина «Германия самоликвидируется». В результате появилось заключение, сформулированное канцлером Германии Ангелой Меркель: «В начале 1960-х годов наша страна пригласила иностранных работников, они живут здесь и сейчас. Известное время мы обманывали себя и говорили: “Они не останутся у нас и через какое-то время уедут”, но этого так и не случилось. И, разумеется, наш подход опирался на мультикультурализм, на то, что мы будем жить рядом друг с другом и будем ценить друг друга. Этот подход провалился, полностью провалился». Также подчеркивалось, что в условиях глобализации коммуникаций все труднее становится интеграция местных диаспор. Так, если супруги турецких иммигрантов в 1960-е годы сидели дома, занимались воспитанием детей, смотрели немецкое телевидение и таким образом учили немецкий язык, то сейчас они смотрят турецкое телевидение и овладение немецким языком становится для них все более сложной задачей. Постоянно увеличивающееся количество иммигрантов создает напряженность на рынке труда и ситуацию, при которой социально-экономические и этнические неравенства совпадают.

В принципе, консервативно настроенные авторы и политики относятся к этому критически, в отличие от либералов и социал-демократов, которые делают акцент на правах человека, в частности на культурных и коллективных правах. Более того, в условиях глобализации, когда различия в экономической политике между левыми и правыми политическими силами все более стираются, отношение к культуре и таким вопросам, как единство и разнообразие в обществе, становится водоразделом между ними. Консерваторы обычно выражают тревогу по поводу распада коллективной идентичности под воздействием иммигрантов и мультикультурализма, в то время как либералы, особенно левые либералы и социал-демократы, выступают за защиту разнообразия, множественность культурных прав.

Никто не отрицает, что культурное разнообразие необходимо, но возникает вопрос о его границах и факторах, обуславливающих единство. Будет ли согласно данное общество, чтобы девочки-мусульманки в Европе ходили в школу в парандже? Будет ли разрешено верующему мусульманину в Болгарии (как выражение толерантности к моей культуре) иметь четыре жены или он должен подчиняться заложенной в болгарской правовой системе и христианской культуре моногамии? Как и кто будет определять язык, символы, знаки, с которыми взаимодействуют различные культуры, и формировать общую культуру с учетом их существования и уважения. Центральной проблемой этих дискуссий является вопрос, сохранится ли нейтралитет государства в отношении культурных различий или они должны стать его частью? Является ли разнообразие культур характерным только для гражданского общества или оно будет проявляться и на уровне государства?

¹ *Wischebart R.* Kultur, Globalisierung und Vielfalt — eine Fata Morgana. 2007.

Традиционные различия между идеологиями переносятся и на нормативные теории мультикультурализма — существуют левые эссенциалисты, делающие акцент на сохранении культур меньшинств; либеральные антиэссенциалисты, для которых основным является индивидуальное право выбора; процедурные мультикультуралисты, для которых мультикультурализм имеет право на существование только в гражданском обществе; коммунитарные мультикультуралисты, которые ищут проявления культурных различий в политике и государстве, учитывая различные этнические, религиозные и другие партии, соответствующие культурные, религиозные, расовые квоты; консервативные антикультуралисты, борющиеся за сохранение национальной целостности и против опасного мультикультурного разделения общества.

В дискуссии о мультикультурализме формируются диаметрально противоположные мнения о негативных и позитивных тенденциях мультикультурализма. С одной стороны, тезис, что мультикультурализм ослабляет национальное единство. С другой стороны, противоположное мнение, что мультикультурализм разрушает разделяющие людей барьеры. Таким образом, противопоставляются два утверждения: 1) что мультикультурализм создает не представительные элиты, которые присваивают себе право говорить от имени своей «общности»; 2) что мультикультурная политика, давая власть меньшинствам, приводит к их большему участию и представительству.

Однако за всеми дискуссиями стоит базисная дилемма, показывающая различные формы мультикультурализма: которые являются опасными и содержат большой потенциал для создания конфликтов; которые содержат этот потенциал в минимальной степени. Чтобы решить эту дилемму, мы разграничим два методологических подхода к мультикультурализму — эссенциалистский и конструктивистский.

Культурный эссенциализм (натурализм) предполагает, что любая культура обладает уникальной фиксированной сущностью, которая существует независимо от контекста или межкультурных отношений и действует на этническую группу так, как она действует. Эта сущность проявляется в большей или меньшей степени у каждого представителя соответствующей культуры. Из этого следует, например, что если иммигрант уехал из своей страны и оторвался от своей культуры, то на новом месте он должен обрести свою старую культурную принадлежность и ограничиться ею. Культурная принадлежность не есть право на выбор, она трансформируется в predetermined сущность, которая может предполагать распространение негативных санкций и дискриминацию, что является предпосылкой для «культурных войн» и «столкновений цивилизаций».

Культурный конструктивизм (антиэссенциализм) основывается на идее об активной роли индивидов в создании культурных продуктов. Справедливо утверждение, что индивиды рождаются и раз-

виваются в определенной культурной реальности, но они могут изменить параметры этой реальности. Более того, в современном глобальном мире, в котором производство культуры является гигантской индустрией, непрерывно генерируются огромные потоки культурных продуктов, которые с помощью глобальных СМИ могут достичь каждого, независимо от того, какова его локальная или национальная культура. Поэтому ответственность несут только индивиды, а их культурная принадлежность не обязательно имплицитно определяет определенные характеристики их поведения. Антиэссенциализм предполагает, что культура и культурная идентичность изменяются и индивид может отказаться от тех или иных ее характеристик, изменить их или выбрать альтернативную культуру. Антиэссенциализм содержит большой потенциал для диалога культур, потому что отрицает понимание культуры как застывших и закрытых субстанций, учитывает то, что культуры вступают в многообразные и сложные отношения.

Антиэссенциализм, как, впрочем, и эссенциализм, также может быть опасен, потому что приводит к культурному релятивизму, вплоть до разделения культур, до сверхакцентирования на их специфике, а не на том общем, что есть между ними. Не рассматривается вопрос о содержании ценностей, присущих той или иной культуре, который состоит в том, в какой степени эти ценности могут быть основой сосуществования различных культур, избегая сравнительной их оценки. Не учитывается то, что различные ценности и правила могут нести в себе элементы несовместимости между культурами и что вопрос о сосуществовании различных культур не является независимым от правил и ценностей, которые содержит каждая культура. Антиэссенциализм ставит сверхакцент на индивидуальном выборе и самоопределении, когда речь идет об идентичности, и не учитывает, что каждый индивид все же является частью некоей истории и соответствующей общности. Не случайно Сэмюэль Хантингтон говорит о мультикультурализме как об опасной «антизападной идеологии», которая затрудняет ассимиляцию иммигрантов и создает в Америке множество групп, имеющих различные политические ценности¹.

Но если мультикультурализм в иммигрантских государствах, таких как Канада, США, Австралия, воспринимается настороженно, что можно сказать о государствах с древней исторической традицией, которым не присущ иммигрантский характер и большая часть населения которых в культурном отношении однородна и характеризуется общей идентичностью? Они опираются на определенную историю, связанную с данной идентичностью, и крайности «политики различий» могут превратиться в инструмент дегомогенизации и серьезных конфликтов. Не может существовать государство, если оно формируется не на базе некоей общей идентичности, если население на его территории или некие «нейтрально» единые или мультикультуралитски

¹ Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y., 2004. P. 171.

разъединенные институты осуществляют единство на данной территории. Существование государств опирается не только на общие институты, формальные общие правила, но и на общую историю, культуру, идентичность. Европа как единая политическая и экономическая общность сможет стать сильной лишь в том случае, если, кроме 27 отдельных языков и национальных идентичностей, будет существовать общий язык, культура, ценности, символы и идентичность.

Не существуют статичные и неизменные идентичности и культуры, а имеется множественность идентичностей, различные уровни культурной принадлежности, поэтому мы должны учесть, что общие политические единицы возможны, только если на более высоком уровне они опираются на общее ядро, часть общей национальной идентичности (независимо от их культурного разнообразия). Политика признания различий не должна осуществляться за счет политики признания единства. Если опираться только на гражданское (политическое) понятие нации, в котором общим является правовая увязка группы людей с некой державой, то держава не сохранится. Необходимо общее культурное понятие о нации как о виртуальной или воображаемой общности, представляющей собой общее поле коммуникации, реализуемое в общем языке, месте памяти, знаках, символах, значениях.

После 11 сентября 2001 года как в Северной Америке, так и в Европе стали говорить о том, что не может быть мультикультурализма «без границ», что он должен быть связан с внедрением единых национальных правил, требований, обязательств. Эти мнения (включая либеральных политиков) звучат и в публичных дебатах в Европе после терактов и убийств на религиозной почве в Голландии, Великобритании, Испании. Говорят о «кризисе мультикультурализма», о том, что «мультикультурализм мертв»¹. Предыдущее консервативное отрицание также повлияло на либеральные и социал-демократические партии. Например, Рене Куперус — представитель голландской партии труда — следующим образом комментирует возрастающее «мультикультурное неодобрение», особенно в рядах избирателей социал-демократических народных партий. Говоря о «новой исторической миссии социал-демократии», он подчеркнул, что необходимо «сказать до свидания концепции мультикультурного общества. Это трудный выбор. Но я думаю, что концепция мультикультурализма принесла много вреда и неясности как эмигрантам, так и тем, кто родился здесь... Она находится в противоречии с успешной моделью интеграции восприятия чужой культуры и ассимиляции в смысле обеспечения занятости, равенства, социального и политического участия»². Кроме того, он добавил, что

¹ *Malzahn C. Ch. Germany's Second Unification // Spiegel Online. 2006. 6 April.*

² *Куперус Р. Как малые страны, такие как Болгария и Голландия, выживают в глобальной трансформации и сохраняют толерантные общества? // Мизов М. Диалог и толерантность в политике. 2007. С. 37.*

большое количество голландцев (70 %) ³ отрицают мультикультурализм и считают, что «меньшинства должны приспособиться к национальной культуре». Отсюда вытекает идея, что вместо мультикультурализма нужно говорить о «национальной идентичности», понимаемой как связанная с «надэтнической общностью и солидарностью».

Подобные взгляды, направленные против нынешних мультикультуралистских крайностей и ориентированные на акцентирование общих культурных характеристик нации в национальном государстве, привели к формулированию требований об ассимиляции иностранцев, их объединению на основе общего национального языка, истории, культуры, традиций.

В 2003 году министр внутренних дел Франции Николя Саркози предложил сложный тест с вопросами, на которые должен был ответить любой иммигрант, желающий получить французское гражданство. Среди них вопросы типа: «Может ли состоящий в браке мужчина быть осужден за изнасилование своей супруги?»; «Что означает принцип индивидуальной свободы?»; «С какого момента разделены церковь и государство во Франции?»; «Каковы права иностранцев во Франции?»; «Каковы три принципа социальной обеспеченности?»; «Кто должен дать согласие, если ты хочешь вступить в брак?»; «Каковы колониальные морские территории Франции?»; «Каковы два способа, посредством которых народ может осуществить свое право на национальный суверенитет в соответствии с французской Конституцией?»; «Когда было отменено рабство во французских колониях?»

В октябре 2005 года МИД Британии опубликовал серию вопросов, связанных с географией, управлением, историей, монархией в стране, на которые каждый иммигрант должен ответить. В марте 2006 года немецкая провинция Гессен ввела тест из 100 вопросов, на которые необходимо ответить, чтобы получить гражданство Германии. Все вопросы разделены на несколько основных групп: общая информация о Германии; познания в ее истории; Конституция и основные права; выборы, система выборов, основные права, партии, лобби; устройство государства; культура, образование и наука; национальные символы. В конце 2005 года нидерландский парламент принял новые правила получения голландского гражданства. Будущие иммигранты должны сдавать экзамен по голландскому языку и культуре, а чтобы его сдать, необходимо пройти курс обучения 250–350 часов. Хорошее владение голландским языком является начальным условием интеграции, а в конечном счете и ассимиляции различных иммигрантов, в результате чего они формируют общую голландскую идентичность.

Все изменяющиеся виды практики интеграции иностранцев в единую национальную культуру являются выражением того факта, что человек может быть связан с различными элементами локального и глобального культурного пространства, что могут

³ *Куперус Р. Указ. соч. С. 42.*

существовать различные иммигрантские общества и меньшинства, но их функционирование в единой политической общности предполагает общую культурную идентичность. В современных государствах происходят значительные изменения в области культуры и демографии. Но если они не смогут создать не только политические, но и культурные механизмы интеграции различных меньшинств в единое целое, то это грозит опасностью для их существования. Безопасность государства в сфере культуры обуславливается наличием единого культурного пространства, которое объединяет граждан и является основой их коммуникации и солидарности, основанных на общих переживаниях, правилах и нормах. Это означает, что отдельные культуры в мультикультурном обществе не могут быть «монадами», содержащими индивидов, а должны быть адаптиро-

ваны к среде, в которой они находятся; они должны вести активный диалог, быть частью динамики, которая трансформирует каждую частицу в единое целое, они должны быть открыты для нового культурного синтеза. При проявлении мощных альтернативных культурных общностей в рамках национального государства их сохранение зависит прежде всего от того, найдут ли они точки соприкосновения с другими общими культурными общностями. Там, где мультикультурная ситуация превращается во множество автономных культурных идентичностей без необходимого взаимодействия между ними (которое обуславливает их взаимную трансформацию и адаптацию в направлении общей идентичности), государство находится под угрозой возникновения культурных разногласий, опасных конфликтов и распада.

Александр Рар¹

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

В 2011 году мы отмечаем двадцатилетие основания новой России. 25 лет назад в Советском Союзе к власти пришел Михаил Горбачев, который стал инициатором перестройки. Он разрушил коммунистическую систему в СССР и создал первые плюралистические институты. Но все же Советский Союз потерпел экономический крах. Спустя шесть лет пала сверхдержава — Советский Союз. Коммунизм был похоронен, а вместе с ним и конфликт между Востоком и Западом, и холодная война. Никто не мог предсказать столь стремительного крушения коммунизма. Изменения начались так внезапно, что у общественности стран, входящих в международное сообщество, не было времени сделать выводы.

На Западе праздновали историческую победу. Германия воссоединилась, западные экономические институты и институты политической безопасности получили распространение в Центральной и Восточной Европе. Европейский Союз стал основным действующим лицом с единой валютой, а начиная с 2009 года — со своим президентом и министром иностранных дел.

Сегодня мы живем в процветающей Европе. Как показывает история нашего континента, это не историческая данность. Двадцать лет назад ответственные политики приняли правильные решения. Но единство Европы не будет полностью достигнуто до тех пор, пока Россия не начнет позитивные преобразования.

¹ Директор Центра им. Бертольда Бейша при Германском совете по внешней политике (DGAP), журналист, политолог, почетный профессор МГИМО. Автор биографий М. С. Горбачева (“Gorbatschow — der neue Mann”), В. В. Путина (Владимир Путин: «немец» в Кремле»), книг «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка». Член Совета директоров YES (Yalta European Strategy), член Валдайского клуба. Награжден высшей наградой ФРГ (Bundesverdienstkreuz) за вклад в развитие немецко-российских отношений.

Что происходит в России? Как ведет себя Российская Федерация на мировой арене? Россия не вошла в новую Европу. Напротив, в 2005–2008 годы обстановка в Европе свидетельствовала о начале возможной новой холодной войны. Ее едва удалось предотвратить. Что было сделано не так?

Четыре выдающихся немецких политика по вопросам безопасности в период воссоединения Германии — Фолькер Руде, Ульрих Вайсер, генерал Клаус Науман и посол Франк Эльбе — недавно в журнале «Шпигель» опубликовали статью, в которой поддержали вступление России в НАТО. На Западе этот вопрос является дискуссионным. Однако не ведется никакой сколько-нибудь значимой дискуссии о будущем НАТО, его самооценке, его будущей стратегической концепции. И Германия также не высказывает своего авторитетного мнения по данному вопросу, не инициирует международные дебаты.

В действительности западная общественность не очень хорошо информирована о вопросах внешней политики и внешней безопасности, поэтому ее это мало интересует. В политической сфере (внешняя политика) царит унылое единообразие. В реальности существует страх перед переменами. Германия сегодня, как никогда ранее в своей истории, находится в комфортном безопасном положении. Для ее обороны нужны минимальные усилия, так как она находится под защитой США. Встречное обязательство Германии перед США — борьба с исламским экстремизмом в Афганистане.

Вернемся к России. Я солидарен с тезисом, который неоднократно слышал в Германии, что мирная и процветающая Европа не может быть создана без России или против России.

После окончания холодной войны у Европы был шанс построить общий дом вместе с освобожденными от коммунизма странами Восточной Европы.

Принципы нового европейского мирного урегулирования были зафиксированы в 1990 году в Парижской хартии для новой Европы. Новые положения были необходимы, чтобы политически обосновать историческое единство европейского континента. После нарушения Варшавского договора НАТО должно было либо самоликвидироваться и передать свои полномочия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), членами которой являются все европейские государства, либо предоставить возможность вступления всем государствам континента. Но впоследствии возникла не новая единая Европа, а трансатлантическое сообщество (США — Западная Европа — Центральная и Восточная Европа без России). Россия и новое суверенное постсоветское пространство исчезли из европейского общественно-политического поля зрения. Страны Западной Европы, прежде всего государства — участники Варшавского договора, решили, что для них важно судьбоносное оборонное объединение с США. Россия воспринималась ими как бывший оккупант, где-то и как враг.

Россия, после того как в конце 1990-х годов ощутила свою изоляцию от европейского общественно-политического устройства, предпринимала попытки обратить Евросоюз к идее создания единого европейского дома. Спустя две недели после страшных терактов 11 сентября 2001 года президент В. Путин в бундестаге представил на рассмотрение Европейскому Союзу перспективы развития энергетического альянса и общего технологического пространства, в конечном счете свободной экономической зоны. В 2002 году Путин предложил отменить визы между Россией и странами Евросоюза, а также создать систему совместной противоракетной обороны. Президент Медведев в 2008 году предложил Западу принять новый договор по вопросам безопасности, который предусматривает безопасное сосуществование США, НАТО, ЕС и России на общем континенте.

Американцы и европейцы отказываются поддерживать российские инициативы. По их мнению, нет альтернативы общественно-политическому устройству Европы, базирующемуся на основе НАТО и ЕС. Россия воспринимается Западом как слабая в политическом отношении и малозначимая в отношении расстановки сил на международной арене страна, и поэтому не может убедить Запад пересмотреть и изменить существующую в настоящее время систему безопасности.

Изоляция России на постсоветском пространстве, которое вплоть до 1991 года было сферой ее влияния, — по-прежнему неофициальная составляющая западной политики. По этой причине в отношениях между Западом и Россией преобладает недоверие, и поэтому сложно выработать позитивную программу в тех областях, где необходимо конструктивное сотрудничество. Примеры — Иран и Афганистан. Россия неохотно поддерживает западную политику демократизации в зоне Среднего Востока, потому что не хочет способствовать укреплению идеи однополярного мира (во главе с США).

НАТО не доверяет России и не посвящает ее в свои оперативные планы в Афганистане, а также уклоняется от совместной работы над коллективным договором о безопасности Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), так как эта организация поддерживается Москвой в одностороннем порядке.

В борьбе против исламского экстремизма Запад не воспринимает Россию всерьез. От России требуется открыть свою территорию для транспорта НАТО или поддержать санкции против Ирана.

Европейские державы, прежде всего Германия и Франция, долгое время мирились с посткоммунистической Россией и добиваются установления долгосрочного союза западных организаций с ней. Они не видят оснований для изоляции России.

До сих пор все спорные вопросы в НАТО и Евросоюзе решались только при помощи консенсуса, поэтому возникла патовая ситуация. Старые договоры между Россией и Западом, сохраняющиеся в первые 20 лет после распада Советского Союза, постепенно расторгались, потому что они больше не отражали реальность. К ним относятся Договор о безопасности в Европе, Энергетическая хартия, Договор о партнерстве и сотрудничестве.

В 2010 году отношения между Россией и Западом по сравнению с прошедшими годами заметно улучшились. Никто на Западе не говорил больше о новом витке холодной войны. США и Россия начали «перезагрузку» в отношениях и урегулировали напряженные отношения. Президент США Барак Обама выступает против политики изоляции на постсоветском пространстве. США нуждаются в России как в партнере для преодоления глобальных вызовов и конфликтов, таких как проблема распространения ядерного оружия в Иране, установление мира в Афганистане и, наконец, соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия. Может быть, Россия, ЕС и США вскоре возведут общий противоракетный «щит». Благодаря этому Россия получит статус державы-гаранта в Европе.

Главным критиком России на Западе долгие годы выступала Польша. Польское руководство накладывало вето на соглашения по партнерству и сотрудничеству между Россией и Евросоюзом, способствовало установлению контроля НАТО над энергоснабжением Европы, добивалось превращения Украины в буферное государство против России, распространения НАТО до Каспийского моря. После трагической авиакатастрофы под Смоленском и гибели польского руководства Москва нашла нужные слова утешения и послала Польше сигнал примирения. В будущем Польша, возможно, решится на пересмотр своего негативного отношения к России, с тем чтобы путь партнерства в области модернизации отношений между Евросоюзом и Россией, на который призывали ступить Германия и Франция, был открыт.

Украина показала, насколько ослабла напряженность между Россией и Западом. Запад продемонстрировал, что не обеспокоен переориентацией

Украины на Россию. Новый украинский президент Виктор Янукович четко дал понять, что отказывается от планов своего предшественника по вступлению в НАТО, и благодаря этому смог получить от России газ по более низкой цене. В будущем нельзя исключать вхождение Украины в единое экономическое пространство России, Казахстана и Белоруссии. В прошлом такие планы провоцировали недовольство на Западе и 5 лет назад косвенно способствовали «оранжевой революции».

Россия больше не угрожает Западу. Она не поставляет противоздушные ракеты Ирану, не перекрывает газ Украине, не угрожает Европе «китайской картой» или собственным противоракетным щитом в Калининграде.

Несмотря на экономическую реинтеграцию России с бывшими советскими республиками, Украина, Казахстан, Беларусь остаются суверенными государствами и как никогда политически близки Западу. Для успешной модернизации России создаются благоприятные внешние условия. Западные политики предлагают России широкое партнерство в этой области, начиная с технического трансфера до активного участия в предстоящей приватизации бывшего государственного имущества.

Финансовый кризис не нанес ущерба процессу сотрудничества. Запад, конечно, ориентируется на установление партнерских отношений исходя из собственных интересов. Французский политолог Доминик Муази полагает, что трансатлантическое сообщество драматически сокращается. Экономическая мощь азиатских стран, прежде всего БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), в ближайшие 10 лет достигнет уровня европейской экономики. Сегодня 13 % населения мира живет на Западе и производит 40 % мирового валового продукта. Через 10–15 лет государства БРИК будут производить более 40 % мирового валового продукта.

Европа и США должны ориентироваться на новый мировой порядок, в котором важнейшие решения будут приниматься не только в Нью-Йорке, Лондоне и Брюсселе, но и в Пекине, Дели и Москве.

Советник Д. А. Медведева Игорь Юргенс, глава Института современного развития, разъясняет, что центральной темой отношений между Россией и Западом должно быть свободное движение потоков капитала, услуг, рабочей силы. Отношения между Евросоюзом и Россией предполагают: вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), новые соглашения по партнерству и сотрудничеству в период председательства Бельгии в ЕС, затем создание свободной экономической зоны и, наконец, возможность ассоциативного членства в Европейском Союзе.

Представляется, что Западу и России следует более активно двигаться в этом направлении, причем для России приоритетной является тема введения безвизового режима. Д. А. Медведев своими указами мог бы способствовать интеграции элементов европейского управления экономикой в российскую

стратегию модернизации. Многие российские экономические законы противоречат законам Евросоюза. Россия выступает за расширение партнерства в области безопасности. В частности, этот процесс уже начался между Россией и Францией. И. Юргенс не исключает того, что через 15 лет Россия может вступить в изменившийся блок стран НАТО.

В ближайшее время состоится встреча представителей Евросоюза и России на высшем уровне. Это вторая встреча, которая проводится согласно условиям Лиссабонского договора. Сможет ли ЕС вместе с Россией с помощью новых инструментов общей внешней политики и политики по сохранению безопасности сформулировать инновационный план действий? Для этого необходимо доверие европейцев.

В настоящее время для того, чтобы построить стабильную общеевропейскую систему безопасности, фактически существует только один выход: Россия, Евросоюз, НАТО должны вести переговоры об общей стратегии в Европе. Эти переговоры могут длиться еще десятилетие, но в результате Россия, возможно, примкнет к Европе. Переговоры могли бы способствовать созданию атмосферы доверия и нейтрализации геополитического соперничества, которое в последние годы возросло на постсоветском пространстве.

На Западе иногда задают наивный вопрос о том, не перекрывает ли Россия газ. Российско-украинский газовый спор 2006 и 2009 годов выявил проблему не подачи энергии, а транзита. Россия хотела поставлять газ в Европу, но страна-транзитер Украина блокировала подачу газа с востока. Украина забирала газ из транзитного трубопровода. Россия отключила газ Украине, чтобы избежать больших потерь. Частному домовладельцу на Западе энергоснабжающая организация также отключила бы газ, если бы не оплачивались счета. Впрочем, Россия никогда не перекрывала газовый кран Западной Европе, ни во времена холодной войны, ни во времена экономического коллапса в собственной стране в начале 1990-х годов.

В этом газовом конфликте Запад по традиции обвиняет Россию в энергетическом самоуправстве. Россия действительно использует свои богатые энергетические ресурсы, от которых Европа становится все более зависимой, в качестве инструмента по возвращению мирового господства. Но при более подробном рассмотрении стало ясно, что такие страны, как, например, Украина научились использовать в политических целях свою монополию на транзит русского газа в Европу. В недавнем прошлом Украина охотно играла роль жертвы, чтобы улучшить свои шансы на вступление в НАТО и Евросоюз.

Почему Украина не погасила свои долги по газу перед Россией и тем самым спровоцировала газовый конфликт? Почему Украина отказывается платить за газ по мировым рыночным ценам? Почему Киев постоянно ожидает уступок со стороны России и одновременно провоцирует своего могучего соседа намерениями вступить в НАТО?

Газовый конфликт между Россией и Украиной серьезно повредил имиджу этих стран. Россия временно прекратила поставку газа в Европу, в результате чего впервые после Второй мировой войны на Балканах мерзли люди. После «оранжевой революции» Украина утратила расположение Запада, скомпрометировала себя как транзитное государство и в дальнейшем вряд ли сможет рассчитывать на строительство новых трубопроводов на своей территории.

Европейский Союз будет более осмотрительно подходить к вопросу сотрудничества в области энергетики, чем раньше. Евросоюз в дальнейшем не желает быть энергетически зависимым от России, но и не собирается прерывать с ней отношения. В следующем году российский газ будет поставляться в Европу по трубопроводу, расположенному на дне Балтийского моря. В пользу сооружения этого трубопровода существует много аргументов, особенно после действий Украины.

Новый президент Украины Виктор Янукович намеревается ослабить напряженность в отношениях с Россией, но не поклоняясь Кремлю. В. Янукович предложил трехстороннее управление газопроводом на территории Украины, имеющим общую протяженность в 37 тыс. километров. Наряду с украинскими компаниями по 30 % акций должны иметь российские и европейские концерны. Эта идея возникла перед «оранжевой революцией». Трехсторонняя компания могла бы совместно произвести модернизацию устаревшего газопроводного оборудования на территории Украины и осуществлять совместный контроль над транзитом газа в Европу. Если бы эта идея была реализована раньше, то, возможно, обошлось бы без печально известных газовых конфликтов. Но В. Ющенко рассматривал национальную газовую сеть как символ украинского суверенитета, который никогда не должен принадлежать России.

После того как финансовые проблемы Украины стали очевидны и уже не шла речь об узурпации Киевом газовой транзитной системы, В. Ющенко предложил Евросоюзу двухстороннюю систему управления газопроводом, исключая Газпром, что вновь не устроило Россию.

В качестве ответной реакции на попытки Украины использовать транспортную монополию в политических целях Россия намеренно начала разработку газопровода в обход Украины и других транзитных государств Центральной Европы. Газопроводы «Nord Stream» («Северный поток») по дну Балтийского моря и «South Stream» («Южный поток») по дну Черного моря сегодня уже почти готовы к запуску. Янукович сразу осознал, что запуск обоих газопроводов нанесет серьезный удар по экономике Украины, бюджет которой существенно пополнялся за счет транзита газа. Поэтому после прихода к власти он попытался убедить Россию отказаться по крайней мере от планов строительства «South Stream». Глава правительства Украины не только разрешил России использовать украинский газопровод, но и

дал ей право напрямую снабжать газом украинских клиентов. Евросоюз же не открывает свой рынок России.

В. Янукович получил поддержку России в решении внутренних экономических проблем. Российские инвесторы — желанные гости на Украине. Новый украинский президент знает, как вести переговоры с Россией. Россия выступает против вступления Украины в НАТО. Мысль о том, что Киев станет частью западного военного блока, крайне негативно воспринимается в России. В. Янукович, осознавая желание российского руководства, провозглашает свое государство свободным от зоны распространения НАТО. Украина не должна ни вступать в НАТО, ни присоединяться к договору о коллективной безопасности стран СНГ. Россия и Украина продлили договор об аренде Черноморским флотом морской военной базы в Севастополе до 2042 года, срок которого истек в 2017 году.

Международная энергетическая политика стала важнейшим фактором европейской безопасности. Организации и политики, ранее занимавшиеся вопросами военного вооружения и разоружения, сегодня стали экспертами по энергетике. Дебаты по проблемам энергетической политики приобрели политизированный характер. Разногласия в этих вопросах способствуют созданию образа врага, что напоминает стереотипы времен холодной войны.

Энергетическая политика одновременно является фундаментом, способным стратегически связать Россию и Европу (или Запад). Так же, как и 50 лет назад, после Второй мировой войны, два заклятых врага — Германия и Франция — стояли у истоков создания Европейского объединения угля и стали и, исходя из прагматических экономических интересов, создали экономический базис для общеевропейской интеграции, сегодня энергетический альянс с Россией позволил бы Евросоюзу реализовать долговременный интеграционный проект.

Стратегическое взаимодействие обеих сторон, укрепляющее связи Евросоюза и России на основе общих интересов, может быть достигнуто на базе сотрудничества в области энергетики. Успешное сотрудничество в области энергетики может иметь своим продолжением сотрудничество и в других областях, например в сфере вооружения, атомной и автомобильной промышленности. Десять лет назад президент В. Путин, выступая в немецком Рейхстаге с речью, предложил европейцам создать единое технологическое пространство, обеспечивающее энергетическую безопасность. Определенное время российское руководство полагало, что Россия в состоянии без помощи Запада провести модернизацию своей экономики. Сегодня В. Путин и президент Д. Медведев критически пересмотрели этот вопрос и готовы к сотрудничеству с Европой и США в области модернизации.

В России основой для модернизации по-прежнему является область энергетики. Если говорить о сотрудничестве с Западом, то европейские компании должны быть более активно вовлечены в сферу

развития технологий модернизации. Евросоюз мог бы пустить Газпром и другие российские энергетические концерны на свой рынок, российские концерны хотят поставлять свой газ напрямую европейским клиентам. Для западных фирм прибыльно вложение в развитие экономики России.

На пути партнерства между Европейским Союзом и Россией в области модернизации больше ничего не стоит.

Конечно, в России еще имеются серьезные проблемы, связанные с созданием правового государства, коррупцией, распространением ксенофобии у населения. Пока Россия не демократическое госу-

дарство, в ней не построено гражданское общество, нет настоящей свободы слова, как на Западе. Парламент подчиняется исполнительной власти, а юридическая власть не является независимой.

Но мы должны помнить, в каком состоянии находилась Россия 25 лет назад, перед тем как к власти пришел М. Горбачев. В стране господствовала диктатура, Россия угрожала Западу ядерными боеголовками. Эта эра миновала, и мы должны дать России, переживающей тяжелый период трансформации, больше времени реализовать себя и проявить к ней терпение. Для Германии «точкой отсчета» стал май 1945 года, но гражданское общество появилось не на следующий день.

Г. М. Резник¹

ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Конституция РФ объявила Россию правовым и социальным государством явно «на вырост». Пост-тоталитарная страна, пережившая в 1993 году экономические реформы — сколь необходимые, столь и болезненные, избежавшая гражданской войны, заявила о своем стремлении утвердить верховенство права и создать условия для достойной жизни граждан. И сейчас это нормы-принципы, нормы-цели, весьма существенно расходящиеся с реальностью.

Для успешного развития страны по пути укрепления конституционного строя, защиты прав и свобод человека, роста благосостояния граждан определяющей будет способность сопрягать в практической политике принципы правового государства и принципы социального государства, ибо они изначально противоречат друг другу: первые означают формальное равенство и господство права в так называемом материальном смысле, вторые — перераспределение национального дохода в пользу социально слабых.

Данное противоречие отмечается практиками всеми правоведами-конституционалистами, указывающими на опасность излишне широкого толкования формулы социального государства, каковая особенно велика для нашей страны с учетом недавнего советского прошлого — государственного патернализма со свойственным ему тотальным регулированием экономики.

И последние (нулевые) годы показывают, что чрезмерное присутствие государства в экономике и связанная с ним консервация патерналистских, иждивенческих настроений населения, увы, реальность наших дней.

¹ Президент Адвокатской палаты г. Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 200 публикаций по проблемам уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по совершенствованию правосудия при Президенте Российской Федерации. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако.

Такому положению во многом содействовали мощные объективные факторы. Чтобы распределить доход, его надо заработать. Начало 1990-х тяжело ударило по большинству — работникам бюджетной сферы и пенсионерам. Во второй половине десятилетия начали проклевываться позитивные ростки гайдаровских реформ — в стране стал формироваться средний класс. Именно не крупный бизнес помог России с наименьшими издержками пережить дефолт 1998 года. А затем резко полезли вверх цены на нефть. Притоку нефтяных денег обязана вся «социалка» нулевых: рост зарплат бюджетников, пенсий, строительство жилья для военнослужащих.

Но «тучные» нулевые — это еще и разрастание чиновничества, передел собственности с все большим вхождением государства в экономику (государственные корпорации, контрольные или блокирующие пакеты акций крупных предприятий), колоссальный размах коррупции, придавливающий предпринимательство. В ментальности сырьевой экономики частный бизнес развивается плохо. Закономерно, что инвестиции собственников малых предприятий в развитие своего бизнеса начиная с 2005 года падают. Эту тенденцию не удалось остановить даже значительным выделением бюджетных средств на поддержку малого бизнеса в кризисный 2008 год. Численность малых предприятий продолжала падать и в 2009-м, и в 2010 году. Многие разорившиеся предприниматели уходят под крылышко государства, пополняя число наемных работников бюджетных ведомств и компаний. По статистике, сегодня свыше 60 % населения получают зарплату от государства. Формирование экономически независимого среднего класса приостановилось, материальное расслоение углубилось. Власть выгодна социальная структура с преобладанием бедных бюджетников, жизненный уровень которых, пусть незначительно, но все же подрастает. Люди осознают, что обязаны улучшением своего положения не собственной инициативе, а доброй воле администрации. Патерналистские настроения крепнут,

а воспоминания о «шоковых» 1990-х идеологически разыгрываются в целях дискредитации либеральных ценностей с умалчиванием об унаследованной от развалившегося СССР пустой казне и ценой на нефть 8 (а не 108!) долларов за баррель.

Показательна реакция на нынешнюю ситуацию молодежи. Если в 1990-е самыми популярными профессиями были экономист и юрист, то сейчас от наплыва абитуриентов ломятся вузы и факультеты госслужбы. В умах молодого поколения отпечатались виды особняков чиновников и силовиков и их иномарок. Понятно, что такой настрой юных душ ставит под сомнение инновации и модернизацию.

Таким образом, нулевое десятилетие продемонстрировало, что в условиях непрерывно бьющего нефтяного фонтана вполне возможен рост как «социалки», так и коррупции — шальных денег на все хватает. Хотелось бы верить, что власть осознает колоссальный ущерб, который наносит коррупция не только экономическому развитию страны, но и нравам, и, наконец, не на словах, а на деле начнет с ней борьбу, не дожидаясь падения цен на нефть.

Похоже, правда, что после кризиса 2008 года одной «нефтянке» «социалку» уже не потянуть. В подобных ситуациях вроде бы средство одно — поднимать налоги. Но Россия в данном вопросе еще раз подтвердила свою уникальность. При прогрессивном подоходном налоге казна наполнялась меньше, чем при плоском в 13 %, введенном в 2000 году. Резонно решили его не увеличивать, ибо собираемость обеспечить не удастся. Зато с 1 января нынешнего года резко увеличен единый социальный налог — для малого бизнеса он вырос с 14 до 34 %. Для большинства предпринимателей следствие такого взлета ЕСН вполне предсказуемо — вылет с рынка.

Налогообложение — пожалуй, самый острый, болезненный вопрос государственной политики. Правовая культура демократических стран предполагает особенно тщательную процедуру принятия любых изменений налогового бремени: обсуждение в прессе, жаркие дебаты в парламенте, переговоры между работодателями и профсоюзами. В нашей Думе все прошло спокойно: споров почти не было, голос малого и среднего бизнеса услышан не был.

В правовом государстве высшей ценностью являются права и свободы человека. Особое место в ряду естественных и неотчуждаемых прав занимает право частной собственности. Именно признание человека собственником средств производства исторически обусловило прогресс свободы, формирование независимой, обладающей внутренним достоинством личности. Обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы не должна в соци-

альном правовом государстве выливаться в чрезмерное налогообложение, забивающее правовое начало «перераспределительным восторгом». Право частной собственности охраняется самой Конституцией. На сей счет важные прецеденты созданы Конституционным Судом РФ. В двух постановлениях (февраля 1998 г. и декабря 1999 г.), вынесенных по жалобам самозанятых граждан — индивидуальных предпринимателей, фермеров, адвокатов и нотариусов, Конституционный Суд признал шестикратное повышение тарифов страховых взносов в Пенсионный фонд РФ чрезмерным ограничением права частной собственности, нарушающим конституционный принцип равенства граждан перед законом.

В отечественной литературе подвергается критике радикально-либеральная концепция государства — «ночного сторожа», минимизирующая его вмешательство в экономическую и социальную жизнь до оказания адресной помощи наиболее слабым группам населения. Но не следует забывать и ответ на такую критику, данный в свое время Л. Мизесом: «Трудно понять, почему “государство — ночной сторож” должно быть более нелепым или плохим, чем государство, которое заботится о приготовлении кислой капусты, пуговиц для брюк или издательстве газет».

Политические и личные права, собственность, свобода предпринимательства — так называемые права первого поколения — действительно отличаются от прав второго поколения: экономических, социальных и культурных — степенью юридической определенности. Многие сформулированы обобщенно, даже декларативно; их невозможно защитить в суде. Но верно и другое: если устройство либерального государства не в состоянии обеспечить решение волнующих людей проблем — трудовых, жилищных, медицинских, то оно утрачивает доверие большинства населения и уступает место авторитаризму. Ценность либеральных прав и свобод должна осознаться не только сильными и независимыми, но и обычными, безыдейными обывателями в их неполитизированной повседневной жизни.

Стратегической целью экономической и социальной политики Российского государства должен стать рост среднего класса. Исторический опыт социальных правовых государств говорит о том, что это лучший способ преодоления массовой бедности. Средний класс — база модернизации. Он сам решает свои экономические проблемы и не нуждается в привилегиях. Ему нужна защищенная государством свобода предпринимательства. Но и разговор с ним государственной власти уважительный, партнерский, а не патерналистский, как с убогими, которых надо опекать и водить за ручку.

Сейед Махмуд Реза Саджади¹

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА МЕЖДУ ИСЛАМОМ И ПРАВОСЛАВИЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Создание образа врага

Угнетатели всех времен всегда находили и использовали различные предлоги для того, чтобы оправдаться перед народом за свои ошибки и морально подготовить его к принятию своих действий и поступков. Примером подобного поведения может служить использование различных страхов, существующих у народа, таких как: боязнь злых духов и колдунов, страх вызвать недовольство и гнев Всевышнего или других богов, а также страх перед природными катастрофами.

После Второй мировой войны, когда почти весь мир, кроме США, лежал в руинах, у Америки появился шанс добиться мирового господства. Осуществление этой цели, помимо использования экономических и культурных методов, требовало военного присутствия Америки во всем мире. США для того, чтобы оправдать свое военное присутствие в мире, использовали в качестве предлога борьбу с коммунизмом, представив при этом СССР и советский народ в виде «монстра» (спустя 20 лет после начала перестройки этот образ еще не выветрился из сознания большинства людей во всем мире). После развала СССР «монстр» под названием «коммунизм», присутствием которого Запад запугивал весь мир и объяснял многие действия, перестал существовать. Поэтому был создан другой «монстр» — ислам и исламский терроризм.

Афганистан был оккупирован под предлогом борьбы с терроризмом в условиях, когда не было ясности ни в вопросе об «Аль-Каиде», созданной самими Соединенными Штатами, ни в обстоятельствах, связанных с событиями 11 сентября 2001 года. Многие граждане Америки убеждены в том, что сценарий атаки на башни-близнецы был разработан американскими спецслужбами и приписан ими исламскому терроризму. Из-за страха перед исламским терроризмом можно создавать любые объединения, им же можно оправдать любое экстремистское действие и даже вооруженную оккупацию любой страны. Ранее страхом перед распространением коммунизма мотивировалось создание НАТО, где США играли главную роль, а также присутствие американских военных в большинстве регионов мира.

Война между православными и мусульманами — западня для России

Некоторые американские стратеги убеждены в том, что наличие сильной и великой России про-

тиворечит стратегическим интересам США. Исходя из этого, они не скрывают своей заинтересованности в том, чтобы Россия вновь была раздроблена и превратилась в маленькую и слабую страну. Сегодняшняя Россия — это все еще сверхдержава, которая является препятствием на пути к претворению в жизнь американских целей во многих регионах мира, в том числе в странах Содружества Независимых Государств. Военное присутствие в стратегических регионах, вмешательство во внутренние дела других государств, контролирование нефтегазовых потоков, контроль за наркотиками и вооружениями — эти важнейшие темы находятся в сфере американских интересов. Существование такого государства, как Россия, не дает США возможности легко и быстро добиться своих целей в этих вопросах.

По моему мнению, развязывание гражданской войны стало бы наиболее эффективной политикой для реализации стратегии, направленной на ослабление и разделение России. Гражданская война является наиболее подходящим сценарием, потому что:

- никакой другой заговор не будет иметь столь разрушительной силы, как гражданская война;
- в России создана необходимая почва для развязывания гражданской войны;
- для того меньшинства, которое не будет вовлечено в эту войну и которое, помимо прочего, пользуется иностранной поддержкой, появится отличный шанс для разграбления природных богатств России.

В настоящее время три причины могут обусловить развязывание гражданской войны и столкновения между православными и мусульманами в России:

а) поддержка террористических акций со стороны Великобритании, Израиля и Саудовской Аравии. Мы полагаем, что взрывы бомб, ответственность за которые приписывается исламским экстремистам с Кавказа, являются продуктом совместной деятельности британских спецслужб, израильской оперативной и образовательной работы, а также идеологического и финансового поощрения со стороны одной из арабских стран Ближнего Востока. Естественно, эти жестокие террористические акты вызывают всеобщую ненависть у россиян. В отношении терроризма формируется международное общественное мнение, направленное на то, чтобы узаконить ненависть по отношению к мусульманам;

б) война СМИ против мусульман. Преобладающий настрой российских СМИ — показать, что якобы все мусульмане связаны с терроризмом и участвуют в нем. Интересный факт: чем больше СМИ зависят от Запада и Израиля, тем сильнее их выпады. В России мусульмане выражают обеспокоенность тем, что ощущают презрение по отношению к себе

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Бакалавр в области электроники и магистр в области управления. С 1983 по 2008 г. занимал руководящие должности при аппарате Президента Ирана. Автор ряда научных работ, посвященных проблемам политики, развития науки и технологий, судостроения, разработки технологий в нефтяной, газовой и других стратегических отраслях, нано- и биотехнологий, развития сотрудничества между университетами и отраслями экономики.

и не чувствуют себя в безопасности. Все эти факты работают против интересов России и ее национального единства;

в) националистический подход патриотов. Националистические действия некоторых патриотов, подвергающих нападкам эмигрантов: таджиков, киргизов, азербайджанцев и даже российских граждан, — постепенно порождают у пострадавших вопрос: почему они должны находиться в стране, которая их оскорбляет и нападает на них? Это создает предпосылки для ослабления авторитета феде-

рального правительства России и влияния на южные российские народности, способствует разжиганию вражды.

Путь решения

Для того чтобы мусульмане и православные не попали в западню, устроенную Западом для разделения России, необходимо, чтобы духовные лидеры двух конфессий начали серию диалогов и переговоров и призвали своих последователей к большему пониманию и уважению религий.

Мехди Санаи¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗМА

Теоретическое основание

Глобализация — это понятие, обозначающее процесс общемирового развития, характерный для второй половины XX века, который обусловил снижение роли отдельных стран, народов и внутренних норм и, напротив, усилил влияние международных норм и процессов. Ныне процесс глобальных изменений под названием «глобализация», особенно интенсивно развивающийся на протяжении двух последних десятилетий, оказал влияние на целый ряд мыслителей, вследствие чего появились различные теории по этому поводу.

Данный процесс затронул внутренние политические аспекты, локальную экономику и локальные культуры. Конфликт глобализации и культур, влияние глобализации на их доминирующую роль в различных сообществах представляют собой одну из вышеупомянутых проблем. В данном коротком эссе предпринята попытка ответить на вопрос: какое место в эпоху глобализма занимает диалог культур?

В качестве введения мы прежде всего обсудим основное понятие глобализации. Немного времени прошло с тех пор, как было введено в обиход слово «глобализация» (глобализм). В 1961 году авторитетный словарь (Webster) впервые предложил несколько определений глобализма и глобализации. Как бы то ни было, данный термин не получил широкого распространения вплоть до последнего десятилетия XX века.

Понятие глобализации обычно используется при обсуждении трех сфер деятельности. Иногда имеется в виду экономический глобализм, подразумевающий глобальный свободный рынок и международные экономические структуры. Экономическую

глобализм влияет прежде всего на Всемирную торговую организацию, которая в силу своей структуры и своих правил сдерживает национальные и локальные экономики. Второй аспект — это глобализация текущей информационной революции: в результате применения информационных технологий, Интернета и электронной почты расстояния сокращаются, а мир становится «одной деревней». Третий аспект — культурный глобализм. Глобальная культура была придумана на основе теорий, ценностей и общепринятых идеалов, а проявила себя в искусстве, музыке и повсеместно распространенном типе одежды. Эта общая культура происходит из множества национальных культурных и религиозных традиций.

У теоретиков возникают различные идеи по поводу глобализма и глобализации. Некоторые усматривают в глобализации название некоей программы. То есть глобализация была разработана и создана первоначально на Западе, главным образом — в США, с целью продолжить доминирование в мире, и этот процесс развивается на протяжении последних десятилетий. Другие рассматривают глобализацию как процесс, который оформился в течение некоторого периода. Они рассуждают о глобализме капитала в XVI и XVII веках и полагают, что сегодняшний процесс есть продолжение предшествующих процессов, а также считают, что внимание следует сосредоточивать на прибылях и убытках. С учетом данной идеи получается, что глобализм есть процесс, а глобализация — программа.

Различие между глобализмом и глобализацией могло бы облегчить анализ нынешних изменений. Для сторонников глобализма важны устремления и волеизъявления народов и правительств; это процесс, который страны приняли и целиком поддерживают. Однако если говорить о глобализации, то здесь наличествуют принуждение и угроза, и данная программа вызывает возражения в большинстве регионов мира.

Все дело в том, что трудно провести различие между глобализмом и глобализацией, тем более что этот процесс в настоящее время быстро развивается при помощи современных технологий. Фактически

¹ Член Парламента Исламской Республики Иран. Директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), профессор юридического института Тегеранского университета, доктор наук (политология). Автор книг: «На Великом шелковом пути... Встречи на земле казахов», «Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ: социально-политические и экономические аспекты», «Отношения Ирана и России»; учебного пособия «Мусульманское право и политика»; многочисленных научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук, консультант «Энциклопедии исламского мира» по России, Центральной Азии и Кавказу.

глобализм даже без использования силы влияет на тенденции и запросы сообществ. Учитывая данную трудность, мы понимаем, что при анализе диалога культур в условиях глобализма следует прежде всего рассматривать сам глобализм и его измерения, а затем приступать к анализу этих условий, опираясь на диалог культур.

Глобализм: измерения и характеристики

Рассуждая о глобализме, мы имеем в виду возрастающую роль наднациональных элементов в политике всех стран, а также в международной сфере. Глобализм означает возрастание роли наднациональных элементов внутри сообществ, стран и в их политике. Однако данная эволюция имеет более широкие измерения. Фактически эта эволюция способна изменить отношения человека с его средой. С точки зрения Джона Томлинсона, движение от ограниченного взгляда к открытому взгляду не означает только лишь переход от «локальной дисциплины» к «сверхдисциплине», но подразумевает большую эффективность коммуникаций, транспортных средств, на основе которых расширяются «взаимные отношения» между людьми. Например, развитие коммуникаций и средств коммуникации, а также совершенствование транспортных систем создают возможность для взаимодействия между политическими союзами и новыми культурами, удаленными друг от друга на большие расстояния. В Оксфорде принято считать, что глобализм — это серия процессов, которые оказывают «давление» на мир и способствуют формированию «единого мира». При этом подчеркивается, что этот «единый мир» не является устойчивым, но представляет собой мир, который «сталкивается с углублением и расширением связей и единения».

Теоретики «глобализма» делают упор на понятие «взаимных отношений», равно как и на расширяющееся понятие «взаимосвязанности». Они считают, что отношения между различными частями мира улучшаются. Ибо глобализм в различных сферах деятельности (например, обмен товаров, капитала и услуг, обмен информацией между людьми, обмен знаниями, модой, даже организованной преступностью и т. д.) развивается. Расширение взаимных отношений и феномен глобальной взаимосвязанности стимулируют рост наднациональных систем, что раздвигает границы, разделяющие отдельных людей на основании национальных, племенных и иных интересов. С другой стороны, глобализм увеличивает число «общих глобальных угроз». Эти общие угрозы, такие как опасности, связанные с «кризисом окружающей среды» или «ядерными войнами», рассматриваются как структурные, и сфера их действия не ограничивается каким-либо отдельным регионом или местом, но затрагивает весь мир. Если рассматривать глобализм не как своего рода «мировую интеграцию» или «глобальную унификацию», но как явление «глобального масштаба», то в этом случае мы рассматриваем глобализм в его нормальном качестве.

С одной стороны, глобализм в вышеупомянутом значении ведет к ослаблению правительственного контроля над гражданами. Подобное можно наблюдать в сфере экономики: развитие иностранных инвестиций на международном уровне. Причем это не ограничивается данной сферой, но распространяется и на сферу культуры. Вследствие развития спутниковых каналов, Интернета и частных культурных фондов правительства утратили рычаги контроля над культурой общества, а люди различных социальных слоев начали обмениваться культурными и политическими посланиями. Но смысл всех этих эволюций не означает формирования «глобальной культуры».

Второе следствие глобализма — расширение локально-глобальной связи. То есть всякое событие в одной части мира способно привлечь интерес всего мира, и таким образом крепнут общественные связи. В этом плане глобализм означает усиление глобальных общественных связей, когда самые отдаленные части мира становятся близки друг к другу: то есть если какое-либо событие происходит где-то далеко, за много километров, то резонанс от него распространяется на все части мира, как будто оно произошло в ближайшем месте. С другой стороны, глобализм оказывает противоречивое воздействие на баланс между личным, национальным и глобальным. Это значит, что, во-первых, в силу появления наднациональных сил нарушается баланс «правительство—нация», а во-вторых, обратно пропорционально меняется баланс между личностью и «правительством—нацией». Таким образом, трайбализм и племенные тенденции представляют определенную угрозу для правительств вследствие стремления к сепаратизму.

Э. Гидденс полагает, что процесс глобализма не противоречит тенденциям рационализма, но противоречия заключены в самом глобализме. Процесс глобализма приводит к тому, что люди ощущают «различия» все более остро, становятся все более чувствительными по отношению к ним. Такая чувствительность порождает возражения. Следовательно, нам не следует слишком сосредоточиваться на конвергентных аспектах глобализма, так как можно упустить из виду дивергентный аспект. Например, культурный глобализм не в состоянии преуменьшить значение границ в реальном мире, но способен привести к конфликтам в различных районах мира, в силу чего эти границы будут укреплены и даже созданы новые. Во многих случаях идентичность обретает более «реальное» значение. С одной стороны, в мире остаются проблемы, которые невозможно разрешить при помощи культурного глобализма. События 11 сентября подтверждают данный факт. По мере развития глобализма нам следует учитывать, что экономический анализ глобализма — это еще не все, и что следует принимать во внимание также и культурный анализ глобализма.

Теперь следует прояснить, каковы возможные отношения между процессом глобализма и культурой в ее основном значении. Несмотря на различия

и широкое разнообразие, мы можем свести отношения культуры к глобализму, или культурный ответ на данный процесс, к трем категориям.

1. Культурное уподобление. Такая реакция на глобализм означает своего рода пассивность и измененные формы. При такой связи культуры становятся пассивными по отношению к процессу глобализма и утрачивают свои особенные черты по мере восприятия новой культуры. Такая реакция, как правило, считается результатом экономического глобализма при господстве глобальной капиталистической системы и транснациональных компаний.

2. Культурная специализация. В рамках понятия культурной специализации можно исследовать еще один тип отношений между глобализмом и культурой. В противовес культурному уподоблению или теории интеграции некоторые теоретики считают, что культурная реакция на процесс глобализма не есть пассивность или капитуляция. Во многих случаях культурная реакция сопутствует сопротивлению и даже напряженному протесту, что реализуется, как правило, в апелляции к лингвистическим, религиозным, этническим элементам, а также к элементам расовой идентификации. Иными словами, процесс глобализма способен упорядочить некоторые аспекты жизни современного общества, при этом укрепляя культурные и индивидуальные различия.

3. Культурное совмещение и эволюция. Третий тип реакции на глобальный процесс можно рассматривать в терминах культурного совмещения и эволюции. На деле не стоит рассматривать комплексный и изменчивый мир культуры только лишь как поле сражения или бездействия. Процесс глобализма в аспекте культуры, невзирая на культурную глобализацию, способен соединять культуры и существующие индивидуальные особенности и в результате приводить к некоему виду связи, симбиоза и конкуренции. Такой тип реакции, обычно выражаемый понятиями гибридизации, преобразования и натиска, предполагает, что культуры не утрачиваются в процессе глобализма, но и не возвращаются к своим исходным корням, однако могут поддерживаться благодаря эволюции других культур и в комбинации с ними.

С целью уточнения вышесказанного можно отметить, что локальный жизненный уклад даже сегодня играет существенную роль в человеческих сообществах и что такое положение дел сохраняется и в условиях глобализма. Дж. Томлинсон в книге о глобализме и культуре использует термин «глокализация», введенный в оборот Роландом Робертсоном. Это та самая «дихотомия», скрытая в понятии глобализма. Фактически различные сообщества становятся глобальными. Однако в то же самое время глобализм становится локализованным. Это означает, что общество, которое пронизано глобализмом, впитывает его; иными словами, глобализм впитывает локализацию, но проявляет себя средствами культуры. В этом смысле глобализм не означает процесс установления связи между сообществами как результат соединяющей их глобальной культуры, но пред-

ставляет собой процесс добровольного установления связи среди сообществ, которые стараются воспроизвести свою внутреннюю культуру с опорой на культуры глобальные.

Аржун Аппадурай выделил политический, экономический и культурный аспекты глобализма, а затем предложил для данных аспектов пять областей — этническое, технологическое, финансовое, идеологическое и коммуникационное пространство. Под этническим пространством он понимал туристов, иммигрантов, кочевников и прочие группы людей, которые «перемещаются». Технологическое пространство образовалось в результате взаимодействия старых и новых технологий, развития коммуникационных технологий и взаимодействия с ними людей. Для финансового пространства характерен свободный поток капиталов вне правительственного контроля.

Из всех этих пространств наиболее сложную структуру имеют коммуникационное и идеологическое пространство. Аппадурай отмечает, что в коммуникационном пространстве имеется возможность передачи информации, что весьма существенно для культурного глобализма. Идеологическое пространство связано с властными элементами в силу своей идеологически ориентированной природы и всегда сопровождает «правительство—нацию». Аппадурай полагает, что каждый человек, племя, население и правительство специфически интерпретируются в аспекте глобализма, и остается непонятным, как такие интерпретации согласуются с самим фактом «глобализма». Таким образом, глобализм абсолютно локален. Следовательно, отдельные личности и сообщества не пассивны по отношению к глобализму, но способны демонстрировать различные реакции на него, как то вытекает из различных интерпретаций глобализма.

Несмотря на теории, утверждающие оригинальность идеи, активность передающего и пассивность принимающего, получателя (коммуникант) считает, что глобализм не обязательно сопровождает культурное доминирование создателей культурных текстов и посланий, поскольку: 1) передаваемые послания и тексты уже содержат полярные элементы; 2) получатели текстов не реагируют на них пассивно, и они не обязаны использовать предпочтительный код для декодирования этих текстов; 3) в нашем мире современность, по крайней мере, в коммуникативном аспекте, воспринимается неотъемлемо от требований в отношении реальности, честности и правдивости, а в силу определенных особенностей современный диалог стремится избежать интеграции, сосредоточиваясь на различиях и поддержке «периферии». При этом обеспечивается адекватное основание для ухода от рутинной антилегитимации в сфере диалога и, таким образом, открывается возможность для звучания различных «голосов».

Итак, в процессе становления глобализма возможны сопротивление, усиливающаяся напряженность, а также совмещение культур.

Существование этих реакций может отражать насущную необходимость диалога по поводу борьбы с насилием, способствовать мирному единению культур и снижать возможные риски.

С одной стороны, некоторые полагают, что процесс глобализма проявляется в двух различных аспектах: глобализация сверху и глобализация снизу. Глобализация, насажденная сверху, рассматривалась как «капиталистически ориентированный» процесс, технические организации которого — Международный валютный фонд, Банк развития и другие — восходят к Организации Объединенных Наций; кроме того, важную роль здесь играют и транснациональные компании. Противники глобализма считают, что этот процесс приведет к расширению экономической пропасти между богатыми и бедными странами.

Напротив, глобализацию снизу можно охарактеризовать как «народно ориентированный» процесс, в котором важнейшая роль принадлежит неправительственным организациям и негосударственным фондам. Здесь подчеркнута пристальное внимание уделяется правам человека, свободе средств массовой информации, охране окружающей среды и пр. Таким образом, глобализация снизу приводит к уменьшению проблем, вызванных глобализацией сверху. В этом противоречивом процессе именно диалог культур может сыграть конструктивную роль. То есть благодаря ему будет создано равновесие между двумя процессами глобализации — глобализацией сверху и глобализацией снизу.

Диалог культур

Одна из распространенных ошибок в отношении диалога культур заключается в том, что мы рассматриваем его в качестве пояснительной теории наряду с другими теориями, связанными с культурой. Фактически же диалог культур не является экспозиционной, описательной, пояснительной или научной теорией о прошлых или будущих отношениях между культурами и цивилизациями. Это целенаправленное поведение, движение, нацеленное на обновление и изменение этих отношений и, таким образом, адресованное политической и общественной воле. Общественно-научные теории, как правило, рассматривают реальный мир как совокупность реальных истин и обусловленной деятельности и направлены на анализ, объяснение и открытие их принципов. Тогда как осмысленное поведение конструирует реалии и действия, а также приданные им цели и значения. Следовательно, целенаправленное поведение становится частью истории, тогда как научные теории наблюдают и анализируют историю, занимая при этом вторичную, пассивную позицию. Если целенаправленное поведение выстраивает единство истории и жизни, то затем приходят теоретики и анализируют его.

Подобное понимание мы находим у многих мыслителей. Например, известное высказывание Карла Маркса гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том,

чтобы изменить его»¹. Таким образом, социализм не в качестве либеральной науки о реальности, но в качестве революционного проекта, или, иными словами, целенаправленного поведения, придает смысл жизни и социальным поступкам в некий период истории. Следовательно, можно сказать, что идеология политического ислама и исламского революционного движения была направлена на обновление идентичности, деятельности и установок.

В результате такие целенаправленные движения выстраивают реальность будущего. Эти движения и мифы не рассматриваются в качестве науки об исторической и социальной эволюции, однако позволяют анализировать тенденцию движения в сторону определенной ситуации (например, войны или мира), поскольку история сама по себе не гарантирует тенденцию естественного движения в каком-либо направлении. Иными словами, исторические эволюции и реалии сопровождают целенаправленные движения. Диалог культур — это еще одно целенаправленное поведенческое движение, которое способно сотворить еще один образ жизни в глобальном масштабе и еще одну новую тенденцию в науке и исследованиях.

Образ мышления в диалоге культур

В целом диалоги представляют собой события с известными и неизвестными причинами. Марксизм, как программа современной революции, являлся сочетанием немецкого идеализма, французского социализма и английской политической экономии. Фашизм сформировался из различных идейных источников, а именно: школы романтизма, традиционного консерватизма, социального дарвинизма, философского идеализма и расистских теорий. А за идеологией исламской революции стоит разнообразная и сложная история. Диалог напоминает мозаику, собранную из антиномических и разнообразных элементов. Следовательно, мы не должны все сводить к одному источнику.

Корни диалога культур прослеживаются не только в западном рационализме, но также и в восточных философиях и религиях. Сложная форма диалога на различных уровнях (но не войны и сражения) представлена в учениях многих великих людей — от Будды, Зороастра, Иисуса, Мухаммеда до Толстого, Ганди и Хабермаса. Истоки ислама — учение Корана. Коран обещает многочисленные дары всем последователям монотеистических религий (мусульманство, христианство, иудаизм, зороастризм и др.) и советует им обрести талант слышать друг друга.

Выводы

Мы видели, что возможность нивелирования мировой культуры и культурной интеграции слишком мала вследствие расширения процесса глобализма, и, наоборот, из-за утраты равновесия в соотношении «личность—нация—мир» вероятность культурного сопротивления существует в рамках более реального значения идентичности и возрастающе-

¹ Цит. по: Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Прим. пер.

го трайбализма, а также этнических тенденций как результата процесса глобализма.

Процесс глобализма в современном мире должен быть многомерным, учитывать появление новых поведенческих норм, новых общественных прав и основываться на международных законах; он должен быть направлен на укрепление управления и народно ориентированного сообщества во всех странах, а также на усиление их ответственности в отношении международных проблем. Необходимо, чтобы все элементы международной системы (правительственные и гражданские организации) могли принимать участие в разработке и принятии международных решений активно и на равных основаниях.

В данных рамках диалог культур должен использоваться для корректного, человеческого и практического урегулирования многих глобальных проблем современной эпохи, таких как этнические кризисы, кризисы идентичности, кризис семьи, кризис окружающей среды, поведенческий кризис (согласно некоторым научным исследованиям), кризис международных политических процедур и т. д.

Диалог культур не принимает глобальное общество с однополярными ценностями, однако верит в глобальное общество, подразумевающее самые разные ценности, принципы и культуры. Фактически можно утверждать, что такая идея доказывает существование многомерного мира и отвергает глобальную эволюцию в направлении глобализма, осуществляемую методом «единой глобальной культуры», когда целью является создание крупных рынков для сбыта товаров и удовлетворения всех национальных культур при помощи одной культуры. Также можно полагать, что диалог с позиций силы, навязывание атеизма, давление и запугивание не могут стать эффективными.

Данная идея подразумевает, что общие и частные общественные принципы культур так близки друг другу и настолько слились, что для них не актуален никакой конфликт; а какие-либо противоречия и конфликты возникают вследствие установленной практики доминирования и стремления к доминированию. Иначе говоря, в случае осознания различия ценностей и многомерности никакой конфликт невозможен.

События 11 сентября 2001 года и другие террористические акты не только не смогли заставить отказаться от диалога культур, но и доказали, что человеку необходим конструктивный и постоянный диалог культур, который помогает решить многие проблемы. Имеются два основных пути для ведения диалога цивилизаций.

1. Эффективность взаимодействия культур в течение длительного времени. Суть данного процесса соотносится с естественным ходом событий, географическими и историческими причинами и не зависит от индивидуального выбора и предпочтения. Такое взаимодействие наблюдалось на протяжении веков между иранцами и греками в эпоху Античности, а затем между европейцами и азиатами через Великий шелковый путь.

2. Диалог цивилизаций и культур при помощи диалога между их представителями. Такой метод ведения разговора представляет собой осознанную и целеустремленную деятельность и не привязан к историческим и географическим факторам.

Диалог культур подразумевает, что если бы человек отказался от ограничений категоризации, имел бы более глубокое представление об истории и культуре других народов и стремился бы к взаимному пониманию, то многие противоречия перестали бы существовать, а лучший путь для решения этой важной задачи — диалог.

Роль иранской культуры можно оценить как мощный элемент партнерства при ведении диалога культур. Характерная черта иранской культуры заключается в том, что она двупланова: в ней сосуществуют иранский и исламский элементы, что способствует сведению воедино обширных частей мира, ведению диалога и взаимодействию. При анализе иранской культуры мы должны учитывать эти два элемента: что такое быть иранцем и в то же время быть мусульманином иранской национальности. С другой стороны, Иран — это страна, которая ревностно приняла ислам, и где цивилизация и культура народа послужили на благо ислама и исламской науки. Многие великие люди исламской эры — выходцы из Ирана. Таким образом, взаимную связь между мусульманином и иранцем следует рассматривать в контексте тысячелетней эволюции Ирана, а также эволюции последнего столетия.

Хотя культура — понятие всеобъемлющее, а обществоведы не выработали универсального и полного определения, в большинстве случаев культура определяется как идентичность и характер нации, которые обуславливают социальную жизнь и общую судьбу людей. В действительности для каждого сообщества характерны какие-то общие потребности, болевые точки, чувства, искусство, чаяния, привычки и поведение; и собрание всех вышеперечисленных факторов можно было бы назвать культурой. Таким образом, если какие-либо из этих особенностей являются общими для разных обществ, эти общности могли бы послужить для еще большего взаимодействия и сближения, удаляя возможные противоречия. Это приобретает особенно большое значение для иранской культуры вследствие двух ее измерений — иранского и исламского, а также вследствие исторической обширности иранских границ и исторических общностей с различными регионами мира.

В этих условиях иранская культура может установить связь между различными культурами и цивилизациями и упростить разговор между ними, так как ее элементы могут стать связующими. Например, персидский язык с давних времен используется соседними народами, а также в некоторых частях Индии.

Развитие иранской культуры можно наблюдать в различных регионах мира. Например, исторические строения имеются в Центральной Азии, где поддерживаются иранская архитектура и ремес-

ла. Кроме того, народы Ирана, Центральной Азии и других многочисленных стран, соседствующих с Ираном, имеют общие традиции, такие как праздник Навруз.

Многие традиции сформировались под влиянием ислама. Философия суфизма и литература, которые в значительном объеме представлены в истории и литературе Ирана, являются мощным элементом в жизни народов Центральной Азии, Кавказа и некоторых областей Юго-Западной Азии (в Центральной Азии активно действуют ордены Нахшбандиех, Кабруех, Эйсавьех, Гхадириех и Частиех). Кроме того, ислам и сам по себе может стать важным элементом для связи различных людей и народов в мире с разнообразными культурами. Существование в Ира-

не различных национальных меньшинств, а также наличие иранских меньшинств во многих областях мира может укрепить идею диалога культур.

В диалоге культур исламская иранская культура может подчеркнуть роль общих ценностей, о которых прежде свидетельствовали все религии, нашедших окончательное свидетельство и утверждение в откровении ислама: ценностей, на которых основана жизнь человека и существование природы. В мире материи нам надлежит устремляться не к материальным, а к духовным ценностям. Справедливость, любовь в семье, миролюбие, сдержанность, уважение к другим людям — это ценности, которые проросли из иранской культуры и призваны разрешить многие проблемы, существующие в мире.

А. А. Сафонов¹

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИКЕ И РЫНКУ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глубокоуважаемые коллеги! Если воспользоваться не раз звучавшей с этой трибуны терминологией академиков Гусейнова и Степина, то следует отметить, что Россия в настоящее время ускоренными темпами завершает переход от традиционного к техногенному типу цивилизации, и переход этот завершается в условиях формирования глобальной культуры.

Наверное, закономерно, что одной из ярких черт проходящих ежегодно в этих стенах Лихачевских чтений стал культуроцентризм. Но, как специалист-практик, я позволю привлечь ваше внимание к отдельным аспектам влияния на ситуацию в стране факторов, лежащих за пределами культуры, — демографических вызовов нашего времени, порождающих миграционные потоки и поколенческие дисбалансы, весьма явственно сказывающиеся на развитии страны.

Обсуждая развитие экономики и рынка труда в Российской Федерации, необходимо остановиться на одной достаточно важной проблеме — общем старении населения. Данная тенденция возникла еще в период существования Советского Союза. Однако после его развала она усугубилась. В том числе за счет того, что для европейской территории СССР был характерен низкий уровень рождаемости, и она больше уже не компенсировалась за счет высокого уровня рождаемости в республиках Средней Азии.

Доля и численность занятых лиц пенсионного возраста

В период с 1990 по 2010 год численность лиц пенсионного возраста выросла на 11,1 %. При этом

¹ Заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор СПбГУП. Автор ряда научных публикаций; в т. ч. книг: «Охрана труда», «Управление социальными расходами: актуальные проблемы и современные тенденции», «Аттестация рабочих мест по условиям труда», «Современное состояние социально-трудовых отношений в России и перспективы их развития». Действительный государственный советник РФ 3-го класса. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

общая численность населения за данный период сократилась на 3,9 %. Доля лиц пенсионного возраста в общей численности населения России за 1990–2010 годы увеличилась с 18,7 до 21,6 %, или на 2,9 процентных пункта.

Численность лиц пенсионного возраста в период 1992–2009 годов увеличилась на 13,9 %, в то время как общая численность занятых за тот же период сократилась на 2,4 %. Доля лиц пенсионного возраста в общей численности занятого населения за период 1992–2009 годов увеличилась с 6,6 до 7,7 %, или на 1,1 процентных пункта. При этом наименьшая доля занятых пенсионеров в общей численности занятых составила 5,4 % (1995), а максимальная — 7,7 (2009). Наибольшую долю среди занятых пенсионеров составляют женщины. Их доля в общей численности занятых лиц пенсионного возраста увеличилась в период 1992–2009 годов с 64,0 до 74,6 %, или на 10,6 процентных пункта. Доля работающих мужчин пенсионного возраста за данный период сократилась с 36,0 до 25,4 %, или на 10,6 процентных пункта.

Если рассматривать долю работающих пенсионного возраста в общей численности занятых, то доля работающих мужчин сократилась с 2,4 до 1,9 %, или на 0,5 процентных пункта, а доля работающих женщин увеличилась с 4,2 до 5,7 %, или на 1,5 процентных пункта.

Характеризуя уровень занятости лиц пенсионного возраста, следует отметить, что за период 1992–2009 годов уровень занятости лиц пенсионного возраста увеличился с 21,5 до 25,8 %, или на 4,3 процентных пункта. При этом уровень занятости мужчин пенсионного возраста сократился с 26,5 до 23,5 %, или на 3 процентных пункта, а уровень занятости женщин вырос с 19,5 до 26,6 %, или на 7,1 процентных пункта.

Данная тенденция создает ряд серьезных проблем как для экономического роста России, так и в целом для социальной политики.

Экономические вызовы

А) Самым очевидным является *снижение уровня и качества потребления населения*. Выход на пенсию и прекращение работы в значительной степени снижают доходы семьи. Средний размер заработной платы в 2010 году составлял 21 193 рубля, а средний размер пенсии — 7476 рублей, или 35,7 % от средней заработной платы. Таким образом, сокращение численности занятых в трудоспособном возрасте и рост числа пенсионеров (не осуществляющих трудовую деятельность) будет при прочих равных условиях препятствовать росту совокупного потребления населения.

При этом надо иметь в виду два дополнительных фактора: отсутствие у российских пенсионеров (в отличие от большинства пенсионеров развитых стран) собственных накоплений в рамках накопительных пенсионных систем и «вывоз потребительского спроса» замещающими их на рынке труда мигрантами (прибывающими в Россию на заработки) в страны постоянного проживания. По данным Центрального банка России, в 2009 году его величина составила около 13 млрд долларов, в 2010 году — уже 14 млрд долларов.

Более низкий уровень доходов лиц пенсионного возраста изменяет и структуру потребления. Основной расходом становятся коммунальные платежи и товары первой необходимости (продовольствие, дешевый ассортимент одежды, лекарства). В среднем эти расходы составляют в структуре совокупного потребления более 72 %.

Структура спроса также становится крайне зависимой от роста тарифов ЖКХ, поскольку данный вид расходов не может эффективно управляться гражданами. Проживание в многоквартирных домах (более 71 % семей) или отсутствие средств для модернизации отопительных систем во многом заставляют граждан автоматически, вслед за ростом цен на энергию, отопление и водоснабжение, увеличивать свои расходы по данному направлению.

Это, в свою очередь, порождает негативное влияние на секторы экономики, связанные с производством товаров долговременного использования (жилищное строительство, сложные бытовые приборы, средства связи, вычислительную технику, автомобили и т. п.), а также на секторы, оказывающие услуги. Например, в структуре расходов данной группы населения расходы на покупку бытовой техники в среднем составляют 1 %, на приобретение транспортных средств — 0,1 %, услуги отдыха — 0,8 %, образования — 1,1 %, общественного питания — 1,2 %, услуги по уходу за домом — 1,1 %. Таким образом, рост в структуре населения лиц пенсионного возраста из-за сокращения доходов и объема потребительского спроса снижает совокупный потенциал развития инновационных отраслей в Российской Федерации.

Б) Изменение половозрастной структуры в сторону лиц пенсионного возраста также *снижает потенциальные возможности бюджетных доходов от налогов на доходы физических лиц*.

В частности это связано со стабильным снижением уровня заработной платы работников в пенсионном возрасте. Так, по данным Росстата, в 2009 году размер заработной платы работающих в возрасте свыше 60 лет был ниже на 11 % по сравнению со средней заработной платой. Это, по расчетным данным, только по НДФЛ в 2008 году составляло потенциальное снижение доходов в 14,7 млрд рублей в год, а по ЕСН — соответственно более 29 млрд рублей.

В то же время лица пенсионного возраста в связи с низким уровнем дохода становятся одними из основных «потребителей» социальных программ: жилищные субсидии, реабилитационные услуги, медицинские услуги, иные социальные льготы.

В) Увеличение доли занятых в экономике страны в пенсионном возрасте *ведет к снижению роста производительности труда* при прочих равных условиях. Это связано с разными обстоятельствами:

- снижение эффективности профессионального образования и переквалификации работников пенсионного возраста (затраты, производимые работодателем на данные цели, окупаются значительно дольше);

- объективные физиологические ограничения интенсивного труда (особенно это касается работников, занятых в секторах экономики с высокой долей ручного труда);

- ограничения использования работников пенсионного возраста на рабочих местах с опасными и тяжелыми условиями труда (в силу снижения адаптивных возможностей организма).

Одним из последствий научно-технической революции является ускоренный процесс морального и фактического обесценивания и устаревания знаний и умений специалистов.

Усиление инновационных процессов в сфере современного производства сопровождается смещением рабочих мест к уровням, требующим более высокой профессиональной подготовки. При этом происходит ускорение самого процесса обновления знаний персонала. Так, по мнению западных специалистов, большинству работающих необходимо будет сменить специальность и квалификацию в течение трудовой жизни не менее 4–5 раз, чтобы идти в ногу с изменениями в производстве¹, а это требует расширения образовательной и специальной подготовки для повышения профессиональной мобильности персонала.

В настоящее время скорость устаревания знаний примерно в 4 раза превышает скорость их обновления в рамках одного поколения. Для поддержания знаний на уровне требований современности специалист должен не менее 4–6 часов в неделю уделять изучению последних достижений в своей области.

В современном мире «жизненный цикл» знаний и навыков очень короток. В научной литературе США, к примеру, фигурирует особая единица измерения устаревания знаний специалиста — так называемый «период полураспада компетентности».

¹ Employment for the 1990-s. White Paper. L., 1988. P. 12.

Этот термин означает продолжительность времени после окончания вуза, когда в результате устаревания полученных знаний по мере появления новой информации компетентность специалиста снижается на 50 %.

Так, девальвация половины знаний происходила в XVIII веке на протяжении жизни 10 поколений, то есть за жизнь одного поколения устаревало приблизительно 10 % знаний, приобретенных в юности. В середине XX века знания устаревают наполовину через 5–6 лет или обесцениваются на 97 % в процессе производственной жизни выпускника университета. На рубеже 1980–1990-х годов этот период составлял 5–6 лет для инженеров на предприятиях с передовыми технологиями, а для медиков и биологов — всего 3–4 года. А сегодня перманентное овладение новыми знаниями становится для специалиста первостепенным условием сохранения квалификации.

Мы живем в очень динамичном мире, в котором знания быстро устаревают. Период «полураспада» знаний в наиболее наукоемких отраслях составляет менее 2,5 лет. Появление новых знаний приводит к смене бизнес-среды, что заставляет меняться компании и работающих в них людей.

Если в начале XX века специалист, получив высшее образование, чувствовал себя уверенно 20–30 лет, то в начале XXI века «период полураспада знаний» сократился до 5 лет!

По данным американских экономистов, ежегодно обновляется 5 % теоретических и 20 % практических знаний, которыми обладают инженеры, врачи, биологи и представители других групп специалистов. Американские исследователи показали, что устаревание знаний инженера-выпускника 1940 года наступало через 12 лет, выпускника 1960 года — через 8–10 лет, а выпускника 70-х годов — через 4–5 лет. Для выпускника XXI века устаревание знаний происходит уже через 2–3 года.

Исследованиями последних лет установлено, что после окончания вуза ежегодно в среднем теряется 20 % знаний. Их быстрое устаревание отмечается в различных сферах. Например, в металлургии знания устаревают каждые 3,9 года; в машиностроении — 5,2 года; в химической промышленности — 4,8 года; в рекламе — 5 лет; в бизнесе — 2 года и т. д.

Таким образом, ускорение научно-технического прогресса объективно ставит вопрос об экономической целесообразности профессиональной подготовки лиц пенсионного возраста и их физическими (в среднем) возможностями обеспечивать быструю профессиональную адаптацию к новым технологиям и знаниям.

Вызовы социальной политике

Общая тенденция старения населения ставит очень серьезный вопрос перед возможностями различных направлений социальной политики.

Во-первых, это касается *политики занятости*.

К основным проблемам относятся:

— низкий спрос со стороны работодателей и дискриминация;

— низкая территориальная и межотраслевая мобильность;

— низкий уровень адаптивности к изменению социального статуса.

В частности, лицам пенсионного возраста труднее найти работу. В определенной степени работодатели проводят в отношении этой категории дискриминационную политику. Это, как мы уже отмечали выше, связано с их возможностями быстро адаптироваться к новым технологическим требованиям, уровню производительности труда, экономической эффективностью затрат на профессиональное переобучение. Кроме того, в обществе действуют определенные стереотипы, которые также формируют отношение работодателей к найму лиц старше 60 лет.

Таким образом, для данной категории свойственна ситуация с более длительным сроком поиска работы в случае ее потери и зачастую необходимости выходить на досрочную пенсию. Программы содействия занятости естественно становятся более дорогими и менее эффективными.

Кроме того, работодатели, понимая высокий уровень зависимости работников старших возрастов от привычных рабочих мест, сознательно снижают качество занятости данной категории (уровень оплаты труда, должностные позиции).

Другой аспект — это объективно низкая отраслевая и территориальная мобильность лиц пенсионного возраста. Работники в пенсионном возрасте не склонны к изменению места проживания. Это объясняется и наличием у них сложившихся семейных связей, и привычным укладом жизни, и другими социально-психологическими моментами. Данный фактор также влияет и на состояние рынка труда, и на возможности программ по переобучению и межрегиональных программ переселения.

Указанная категория психологически более сложно воспринимает также изменение статусного положения. Это в свою очередь накладывает ограничения на программы поиска новых рабочих мест для них, связанных, например, с изменением требований к уровню образования и социального положения.

Естественно, что перечисленные особенности поведения на рынке труда работников старших возрастов делают государственные программы трудоустройства более дорогими, и результат данных программ носит краткосрочный характер.

В системе реабилитации старение населения приводит к дополнительным расходам, поскольку в пожилом возрасте обостряются хронические заболевания и снижается общий уровень здоровья. Меняется также и структура медицинских услуг в сторону применения сложных высокотехнологичных услуг и увеличение продолжительности частоты медицинских услуг.

Рост лиц старших возрастов приводит к *увеличению расходов и в системе содержания одиноких и не-*

мощных. Это ставит в повестку дня задачу поиска устойчивых источников финансирования целой сферы социального обеспечения. Так, в странах Западной Европы такие расходы финансируются за счет специального налога на фонд оплаты труда.

Естественно, одним из главных вызовов социальной политике является *сбалансированность пенсионного обеспечения*. Данная проблема — особенность Российской Федерации. Она характерна для многих экономически развитых стран. Попытка решить данную задачу через увеличение пенсионного возраста наталкивается на ограничения политики занятости и поведение работодателей по отношению лиц старших возрастов. Кроме того, трудоустройство лиц пенсионного возраста вступает в конкуренцию с трудоустройством молодежи.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что демографическая ситуация создает ряд серьезных проблем для устойчивого социально-экономического развития в Российской Федерации. Думается, здесь есть обширное поле для работы конфликтологов: отмеченные демографические дисбалансы в дальнейшем могут усиливать трения между потоками мигрантов и коренным населением различных регионов страны. Это надо предвидеть и реализовывать комплексы превентивных мер. Важно учитывать и возможности межпоколенческих трений и конфликтов, связанных как с трудностями вхождения молодежи во взрослую жизнь, так и с проблемами адаптации к новым реалиям наших ветеранов. От нахождения эффективных инструментов и решения данных проблем во многом будет зависеть социальная стабильность в обществе.

Гуанчен Син¹

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ВЫБОР РОССИИ

Каждый раз в эпоху исторических перемен перед российской политической, социальной и философской элитой встает вопрос о месте России в мире. Россия принадлежит Востоку или Западу? Всякий раз русские мыслители задумываются над вопросом, является Россия европейской или азиатской страной либо страной с двойственными характеристиками? Так в истории России начались споры между «западниками» и «славянофилами», продолжающиеся по сегодняшний день. После распада СССР в условиях динамичных и глубоких исторических перемен колебание между «западничеством» и «славянофильством» с новой силой актуализировалось в среде российской интеллектуальной элиты.

В целом Россия принадлежит к Европе, но большинство ее территории расположено в Азии. Основные процессы в деятельности государства протекают в европейской части страны, а азиатская часть находится в зависимом положении. От такой геополитической асимметричности в значительной степени зависят отношения между Россией и Китаем, стратегии и тенденции их развития. Перед двумя великими сопредельными государствами с огромной протяженностью общей границы остро стоит задача по организации и развитию сотрудничества в приграничных районах.

В то же время Россия вновь провозгласила очередную поворот к Европе, обосновывая такую пози-

цию своим стратегическим выбором. По заявлениям российской политической элиты, России это необходимо для того, чтобы осуществить модернизацию страны. Особенно перспективными кажутся связи России и Европейского Союза в условиях мирового финансового кризиса, от которого Европа и Россия пострадали сильнее, чем США и Китай, продолжающий бурно развиваться.

1) И все-таки Россия — это Европа или Азия?

С точки зрения этногенеза титульной нации Россия принадлежит к Европе. Российская культура также имеет европейский характер. Известный российский филолог и мыслитель Д. С. Лихачев отмечал, что Россия — европейская страна, что «для русской земли гораздо больше значило ее положение между Севером и Югом». Проанализировав источники российской традиционной культуры, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что «обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном — военно-дружинное устройство». Лихачев подробно проанализировал роль данных факторов в русской культуре: «В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и сыграли определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа». Лихачев также отмечал, что «мы — страна с европейской культу-

¹ Заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук КНР, доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Отношение Китая с новыми независимыми государствами Центральной Азии», «Процесс принятия решения высшим советским руководством на протяжении 70 лет», «О парламентах России», «Путин и Медведев: тандем высшей власти»; статей: «Шанхайская организация сотрудничества: приоритетные направления» и др. Вице-президент Ассоциации по содействию развитию западных регионов Китая. Вице-директор Центра исследований Шанхайской организации сотрудничества при Академии общественных наук КНР.

рой», так как «христианство позволило нам привыкнуть к этой культуре».

Тем не менее с учетом географии, геополитики и экономики Россия является типичной сверхдержавой, соединяющей Европу с Азией. В силу такого геополитического положения Россия, соединяющая два континента, играет универсализирующую роль. Наилучшим доказательством справедливости данного суждения является сама русская культура. Россия — европейская страна, впитавшая элементы различных культур. Лихачев признавал, что «русская литература усовершенствовалась путем извлечения из чужих цивилизаций». О Санкт-Петербурге Лихачев писал, что этот город принадлежит не европейскому или восточному типу, а русскому типу со способностью поглощения и преобразования гетерогенных цивилизаций. Названные Лихачевым «гетерогенные цивилизации», естественно, содержат элементы культуры Востока.

На наш взгляд, для сегодняшней России, приобретающей евразийский характер, занимающей место между развитой Европой и динамично развивающейся Азией, наиболее адекватным направлением развития была бы ориентация на консолидацию интеграционных факторов, позволяющих объединить все элементы Европы и Азии для их обоюдного развития и процветания. Сама же Россия в данном контексте должна играть универсальную стратегическую роль.

Исходя из истории и современного состояния, можно сделать вывод, что корень русского духа находится в Европе, но большая часть дерева — в Азии. Протяженные Сибирь и Дальний Восток являются стратегическим пространством для будущего развития России. Настоящий подъем России зависит не только от модернизации европейской части территории, но и от развития Сибири и Дальнего Востока.

2) Какова роль России в Азии?

России следует играть важную политическую, экономическую и дипломатическую роль, что достаточно актуально. Проанализировав основную тен-

денцию развития евразийского континента, можно заметить, что Европа постепенно движется в сторону единства и интеграции в целях поиска общих политических, экономических, дипломатических и стратегических решений. Азия также динамично развивается, используя такие механизмы сотрудничества, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Китай — Южная Корея — Япония, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и т. д. Азия процветает как никогда прежде. И это ставит перед Россией острый вопрос: какую роль должна играть Россия в экономике АТР? К сожалению, до сих пор российская экономическая элита и правительство не использовали все шансы для выстраивания полномасштабного сотрудничества в азиатском регионе.

В странах Азии и Тихоокеанского бассейна (АТР, США, Япония, Китай, Южная Корея, Австралия) формируются современные эффективные механизмы экономического партнерства. Участие России в этом процессе могло бы существенно содействовать развитию запущенных интеграционных процессов.

Трудно переоценить роль России в осуществлении безопасности в азиатском регионе. Последние политические события в Кыргызстане это доказали. Без России также невозможно окончательно преодолеть наследие холодной войны. Китай, США, Япония, Корейский полуостров нуждаются в координации и сотрудничестве с Россией с целью преодоления кризисных ситуаций.

Россия, являясь участником АТЭК, могла бы играть роль промотора в сотрудничестве между пограничными районами Азии и государствами АТР. В 2010 году на саммите АСЕАН Россия и США были приняты как страны-наблюдатели, что вывело Россию на принципиально новые позиции в Азии.

Китай со своей стороны выражает глубочайшую заинтересованность в укреплении роли России в АТР и будет активно содействовать и поддерживать все усилия Российского государства по сохранению стабильности и развития в данном регионе.

Н. Н. Скатов¹

РЕФОРМЫ И ТРАДИЦИИ

Сегодня, когда тускнеют идеалы образования, а иными просветителями не осознается даже национальная идея, им кажущаяся неким анархизмом, полезно вспомнить о реформах и традициях.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор. С 1987 по 2006 г. — директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Кольцов», «Некрасов», «Я лиру посвятил народу своему: о творчестве Н. А. Некрасова», «Пушкин. Русский гений», «Современники и продолжатели». Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки», «О культуре». Президент Пушкинского фонда «Классика». Председатель Пушкинской комиссии РАН. Награжден орденами Почета, Дружбы, князя Даниила III, II степеней Русской православной церкви.

Спасительные идеи традиционны. И сегодня первым условием и предпосылкой утверждения русской национальной идеи должна стать мысль о спасении нации. Что толку в любых национальных идеях, если самой нации не будет?

И чтобы это спасение стало возможным в атмосфере очевидного разброда, должно восстановить в сознании нации чувство родства, чувство соприродного единства с национальными традициями, запечатленными во всей полноте великой русской культуры и самом духе народа.

На каждом историческом этапе российская общественная жизнь оказывается перед необходимостью осознать в отношении к своему времени колллективный всероссийский опыт в его связи с лич-

ным и общим, элитным и массовым, массовым и народным, национальным и многонациональным. И такое осознание, в сущности, представляет собою традиционную задачу исторического развития русской нации в разные периоды ее истории. И каждый раз эта задача возникает в новых условиях, а потому и решается разным образом.

Русская школа, о которой сейчас продолжают споры и которая оказывается вновь предметом широкомасштабных разрушительных экспериментов, напрямую связана с задачей спасения нации. Ею определяются судьбы восприятия фундаментальных основ национальной культуры, на которых зиждутся меняющиеся экономические формации, культурные традиции, проходящие через столетия. Их игнорирование стоит в том же ряду, что и нарушение законов природы.

И эти традиции сейчас под угрозой. На одном из собраний Российской академии наук тревожно прозвучало: мы должны строить рыночную экономику, но не рыночное общество. Ведь общество, если оно претендует на название человеческого общества, часто даже требует не того, чего требует рынок.

Прагматический подход — враг культуры, ибо она требует идеального, целостного и душевного отношения. В то же время нива жизни без культуры постепенно (но достаточно скоро) превращается в выжженное пространство, на котором процветает не человек, но потребитель, то есть уже жалкое подобие человека, способное только на дальнейшее вырождение.

Сегодня принято говорить о провале таких реформ и о горе-реформаторах. Но тогда почему они, эти реформаторы, так самодовольны?!

Действительно, реформы с точки зрения тех задач, что, очевидно, ставили перед собой реформаторы, проведены просто блестяще. Фундаментальная наука закладывается в школе. Общепринято считать (во всяком случае с европейской точки зрения), что в человеческой истории культуры было три заметные эпохи. Помимо Античности и европейского Возрождения, это русская литературная классика, лучшее, по словам Горького, что создано нами как нацией.

И на эту литературу сейчас идет упорное, последовательное и целенаправленное наступление. На первый взгляд в таком потеснении прошлого есть известный смысл. Да, прошлое — великое, достойное, прекрасное, но... прошлое. Ведь жить нужно настоящим и будущим.

Был в свое время примечательный фильм «Воспоминание о будущем». Так вот, наша литературная классика и есть такое воспоминание о будущем.

В XIX веке мы имели счастье обрести Пушкина, ставшего не только выразителем национального опыта, но и школой мировой духовной жизни, своеобразной всемирной энциклопедией, одновременно вместившей Овидия и Анакреона, Шекспира и Гете, Шенье и Байрона, Саади и Гафиза, и оставшегося прежде всего русским национальным поэтом, все творчество которого было «эхо русского народа».

С тех пор русская литература постоянно дарит нам национальных гениев, прозревающих в судьбах народных. Недаром Некрасов сказал: «...и песни вещие Кольцова». И нам еще только предстоит осознать вселенскую мощь и силу власти земли у этого поэта. Недаром поэт Афанасий Фет поэта Федора Тютчева назвал вещим, и нам еще только предстоит освоить тютчевскую историософию, о которой начали догадываться только в начале XX века. Недаром в Достоевском видели пророка и настоящих и, не дай Бог, грядущих революций. Недаром и сам Достоевский увидел в Пушкине уже абсолютно пророческое явление. Одно время в ходу была фраза: «Вперед к Пушкину», а совсем недавно большой и чуткий писатель Андрей Битов сказал о Пушкине как о преждевременном явлении, то есть как о человеке, далеко обогнавшем и свое, и наше время, созданным, так сказать, на вырост, на исторический вырост. Так что, отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего.

Что касается реалий настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние. Она исповедует духовно-нравственные традиционные ценности. Она говорит: «Не убий». А слишком многое в нашей жизни (и в литературе тоже) как раз наставляет: «Убий». Она учит: «Не укради». А слишком многое в нашей жизни (и литературе тоже) учит: «Уворуй». Она запрещает: «Не прелюбодействуй», а слишком многое (и в литературе тоже) славит Содом уже в геометрических размерах.

Конечно, мы живем в новом, подвижном, бесконечно изменяющемся мире, но только в школе и на литературной классике дети могут получить необходимые профилактические, нравственные прививки, которые могут предотвратить многие болезни и ослабить их течение.

Все то, что часто представляется авангардом и несет соблазнительную прелесть новизны, по сути, является тылом (увы, не дающим тылового обеспечения), обозом и навозом буквально: уже разработана целая своеобразная поэтика дерьма. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», — сказал поэт. Все и всякие. И прогресс, обеспечивающий само по себе лишь довольство, изобилие и потребление этого изобилия, может быть, так же реакционен, как прогресс, влекущий к нищете и неприкаянности. Пример — фашистская Германия, достигшая в свое время такого благополучия и пребывавшая в нем.

Воспитание человека вообще, может быть, самый тяжкий труд: «Душа обязана трудиться...»

И не дай Бог, если будет совершаться такое обрушение человека в результате таких успешных реформ в сфере образования, конечно, успешных, с точки зрения реформаторов, как это произошло с другими успешными реформами, столь блестяще осуществленными.

Можно только предположить, сколь сложно положение в этих условиях истинных созидателей

в деле образования, зачастую находящихся не у дел, и сколь мощное давление с разных сторон и разными силами на них оказывается.

Но ведь дело сопротивления вооруженному злу (а зло сегодня особенно изощренно вооружено всем, вплоть до дьявольских технологий манипулирования сознанием) никогда не было легким.

А ведь все начинается со слова. И вряд ли случайно переименование самого министерства из Министерства просвещения, как оно было названо в начале позапрошлого века, то есть несущего свет, в Министерство образования, а образовать можно что угодно и кого угодно. Тем не менее и в этих условиях ведомство не должно забывать об этой изначальной светоносной задаче, тем более что почва народной жизни, несмотря ни на что и вопреки всему, все еще остается доброй. Ведь стоило показать по телевидению сериал по роману Достоевского «Идиот», как, по свидетельству книготорговцев, он был буквально сметен с прилавков.

Разве это не говорит об истинных глубоких потребностях самых широких масс. А нас облыжно уверяют, что классика «не востребована», а ее выда-

ющиеся произведения непреходящего значения современными хозяевами СМИ демонстративно объявляются «нерейтинговыми».

Может быть, это происходит именно потому, что эти «судьи» знают: мы вступили в историческую эпоху, которая требует от нас чрезвычайных мобилизационных усилий и напряжений, и без опоры на фундаментальные культурные ценности мы просто пропадем. Похоже, что такая опасность не до конца осознана теми, кто отвечает за судьбу нации прежде всего перед лицом собственной совести.

Пока еще это понимает значительная часть учительства. Но уже далеко не все. Хотя и во времена Д. И. Менделеева и В. В. Розанова дело обстояло не просто. И вопрос о подготовке «надлежащих учителей», и понимание участниками сферы образования того, что «просвещение есть высшее земное дело, есть украшающее и возвеличивающее человека занятие» (В. В. Розанов) (добавим: крайне необходимое не только для процветания, но и для простого выживания такой страны, как Россия), становится решающим в судьбе нации. От него в конечном счете будет зависеть все в ее будущем.

А. В. Смирнов¹

ВОЗМОЖНА ЛИ НЕ-ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ?

За последние десятилетия много говорилось о «не-западной философии». Многочисленные издания по философии, выпущенные в западном мире, содержат разделы, посвященные не-западной философии. Вместе с тем термин «не-западная» в таких работах обычно не проясняется, а значение не-западного философствования для развития философии (что в данном случае означает «философии западного мира»), как правило, не обсуждается.

Ясно, что «не-западное» обозначает попросту все, что располагается за пределами Запада. Этот термин ничего не сообщает о том, что подразумевается под «все, что располагается за пределами Запада». Само по себе отрицание западного характера философствования не дает никакого представления о природе «не-западной» философии.

Совершенно очевидно, что термин «не-западный» был запущен вместо доброго старого слова «восточный (ориентальный)», который попал под подозрение в большей части западного мира благо-

даря «Ориентализму» Э. Саида. Я ни в коей мере не отношу себя к многочисленной группе сторонников Саида, однако одно из его утверждений представляется мне обоснованным. Саид утверждает, что Запад не смог разглядеть подлинную природу не-западных цивилизаций, а потому «ориентальный (восточный)» в западном словоупотреблении фактически означает «низший».

Представим на минуту, что этот тезис Саида оправдан. Неужели термин «не-западный» в каком-либо отношении лучше, нежели «восточный (ориентальный)»? Приближает ли он нас к тому, что Саид подразумевает под подлинной природой не-западных цивилизаций, не-западного мышления и не-западной философии? Конечно же, нет. Отрицание, будучи чистым отрицанием, бессмысленно. Чтобы отрицание имело смысл, нам необходимо знать, чем являются отрицающее и отрицаемое вкуче; иными словами, каково значение, общее для них. В данном случае нам необходимо знать, чем вкуче являются «западная» и «не-западная» философии; каково общее для них значение?

Ответить на этот вопрос как будто нетрудно. Западная и не-западная философии вместе составляют просто философию. Но что такое философия? И что такое «западная философия», вычитая которую из «философии вообще» как рода, мы получим «не-западную философию» как второй вид того же рода?

Конечно же, я не буду давать определение или развернутое описание философии. Вместо этого я выдвину тезис, с которым, надеюсь, все согласят-

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора по науке Института философии РАН, заведующий отделением востоковедения философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий: «Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «La Filosofia Mística e la ricerca della Verità» («Мистическая философия и поиск истины», на итал. яз.), «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор серии «Философская мысль исламского мира». Заместитель главного редактора «Философского журнала».

ся. Философия — это попытка универсализировать мир. Я не утверждаю, что философия целиком сводится к этому стремлению и что в ней больше ничего нет. Я лишь говорю, что такое стремление всегда присутствует в философии, явно или неявно.

Приняв этот отправной пункт, мы должны будем ответить на два вопроса. Во-первых, что значит «универсализировать мир»? И во-вторых, универсализуем ли мир?

Универсализировать мир значит построить его связанное описание. С этой точки зрения философия представляет собой попытку вскрыть основание, позволяющее дать связанное описание мира. Универсальный характер философии не означает, что философия говорит обо всем. Он означает, что философия показывает, как можно говорить обо всем *связно*. Философия стремится показать, как избежать разрывов (подобных разрыву между бытием и становлением), разбивающих наше описание универсума на плохо сообщающиеся части; иными словами, на несводимые друг к другу сегменты.

Перейдем ко второму вопросу и оттолкнемся от очень простого наблюдения. Мир имеет много аспектов. С помощью грамматических категорий лингвисты классифицируют слова языка, относящиеся к этим различным аспектам мира. Так, в английском, русском и других языках имеются категории глагола, существительного, местоимения, прилагательного и т. д. А понятие философской категории в аристотелевском толковании указывает на различные аспекты универсума, которые как таковые несводимы один к другому.

Обсуждая поставленный вопрос с точки зрения устройства нашей речи и нашей мысли, мы смогли заметить крайне важную, если не сказать фундаментальную черту нашего способа осмысления мира, а именно — категориальное разбиение, характерно равное для языка и мышления.

Остановимся на философском понятии «категории», его значении для вопроса о сводимости различных аспектов мира и следствиях этого для построения связанного описания универсума. Речь пойдет об аристотелевских десяти категориях.

Категории служат высшими родами, не имеющими вышестоящего рода. Это означает, что мир, рассмотренный с этой точки зрения (с точки зрения категориального деления), распадается на не связанные один с другим сегменты. Внутри каждой категории мы можем двигаться по родо-видовой лестнице вверх или вниз, но не можем перейти границы категории. Мы не можем найти ничего общего между, скажем, категорией «субстанция» и категорией «действовать»: если бы такое общее существовало, оно оказалось бы родом, объединяющим эти две категории.

Итак, высшие роды не имеют общего рода. Однако имеется категория бытия, к которой все роды находятся, так сказать, в равном отношении. Все категории выражают модусы бытия и *в этом* смысле являются одним и тем же. Они приходят к единству постольку, поскольку мы рассматриваем универсум

с точки зрения единства бытия. Единство бытия, которое Ж. Делез однажды назвал стержнем западной мысли, делает не только возможным, но и необходимым пересечь границы категорий и преодолеть их несводимость. Категории, не имеющие ничего общего как таковые, то есть как обозначающие различные аспекты универсума, с точки зрения единства бытия оказываются едины.

Что это, просто уловка? Неужели философия играет словами с целью совместить несовместимое, сделать несводимое — сводимым? Ничуть. Бытие не является чем-то общим для высших родов и не может быть обнаружено в них как их общий знаменатель или общая часть. Категории приходят к единству как к единству бытия *не так*, как род объединяет свои виды. Категории оказываются едиными, поскольку они суть модусы бытия, или, попросту, поскольку они *суть*.

Лишь потому, что связка «быть» используется для связывания категорий друг с другом, эти категории *суть* одно и то же; и лишь поскольку они суть одно, они могут быть соединены связкой «быть». Говоря, например, «камень есть катящийся», мы связываем категорию действующего («катящийся») с категорией субстанции («камень») связкой «есть». Здесь субстанция и действие едины, поскольку действие служит модусом бытия субстанции; и, наоборот, они едины потому и постольку, поскольку действие рассматривается как модус бытия субстанции.

Итак, бытие и связка «быть» не просто близки или происходят одно от другой. Об этом говорилось немало, но я вовсе не имею в виду сведение мысли к языку. Я хочу сказать другое: связка «быть» объединяет категории не случайным образом. «Быть» означает «быть модусом субстанции» и в этом смысле принадлежать к категории субстанции, то есть быть субстанциализированным. Бытие и субстанциальность — одно и то же, поскольку единство бытия — это единство субстанциальности.

В нашей речи минимальной, так сказать, атомарной единицей осмысленности служит фраза. Во фразе, понятой как пропозиция, явно или неявно используется связка «быть». Опущенная связка может быть восстановлена: в русском мы обычно опускаем ее, тогда как английский язык, напротив, склонен к ее явному употреблению.

Подождим. Связка делает возможной связанную речь благодаря тому, что преодолевает несовместимость категорий. Это верно как для философии, так и для обычной речи. Связка «быть» выражает тот способ, каким «бытие» преодолевает несовместимость категорий, превращая их в модусы, или аспекты субстанции, и позволяя выстроить связанное описание универсума с точки зрения единства бытия, или единства субстанциальности. Такая субстанциальная картина мира была выработана греками и в целом воспринята западным миром.

Вернемся к основному вопросу статьи. Если западная философия возможна, то она возможна как иной способ универсализации мира. Это означает, что подобная картина мира должна быть несуб-

станциальной. Это также означает, что здесь должна использоваться другая связка для объединения категорий в не-субстанциальное единство — как в обычной речи, так и в теоретической мысли.

Возможно ли это?

Существуют многочисленные традиции мысли, не принадлежащие западному миру и потому носящие название не-западных. Обо всех сразу говорить невозможно, поскольку одни из них отличаются от других не меньше, чем любая из них от западной. Я буду говорить об арабской мысли.

Рассмотрим сперва обычную речь. В арабском имеется глагол «быть»; более того, в нем есть даже два слова, передающих это значение: *ваджада* и *кана*. Арабский схож с русским и некоторыми другими языками в том, что связка в нем обычно не употребляется. Она, однако, подразумевается и потому может быть восстановлена. Но она никогда не восстанавливается с использованием тех двух глаголов, которые передают в арабском значение «быть». Более того, арабская связка вообще не является глаголом: связкой здесь служит местоимение *хува* — «он(о)».

Так что из этого? Пусть связка в арабском отличается от «быть». Является ли это различие номинальным или существенным?

Я утверждаю, что в данном случае мы имеем дело не просто с различием имен, но с различием функций. Более того, эти две связки, «быть» и *хува* — «он(о)», не просто различны; они несовместимы. Это означает, что они не могут заменять друг друга и употребляться одна вместо другой.

В подтверждение этого тезиса можно было бы сказать многое, но я ограничусь одним простым примером, давая арабские фразы в пословном русском переводе.

Возьмем арабскую фразу, в которой связка опущена: *'ана мутакаллим* («я говорящий»). Я даю буквальный русский перевод арабской фразы: в арабском связка опущена, но такая арабская фраза правильна. В русском переводе связка отсутствует, как и в арабской фразе, но, в отличие от арабской, русская фраза неправильна. Попробуем восстановить связку в арабской фразе и посмотрим, будет ли она восстановлена в дословном русском переводе. Для арабского естественный способ восстановить связку — *'ана хува мутакаллим* («я он говорящий»). В арабской фразе связка восстановлена, однако в дословном русском переводе она по-прежнему отсутствует.

Таким образом, арабская связка *хува* — «он(о)» не может функционировать как связка в русской фразе.

Попробуем теперь восстановить связку в арабской фразе, используя один из арабских эквивалентов глагола «быть». Мы получим *'ана акуну мутакаллиман* («я есть говорящий»). Эта русская фраза совершенно правильна. Арабская звучит неуклюже, хотя не является неправильной; важно, однако, что в ней так и не восстановлена связка. Ее можно восстановить, но опять-таки в качестве *хува* — «он(о)»: *'ана хува акуну мутакаллиман* («я он есть говоря-

щий»). Такая русская фраза бессмысленна, однако соответствующая ей арабская фраза правильна.

Таким образом, глагол «быть», добавленный в арабскую фразу, не функционирует как связка, и такая фраза все еще нуждается в восстановлении связки.

Несовместимость связок в русском и арабском служит первой подсказкой к тому, каким является арабский взгляд на мир. Чтобы развить эту подсказку, вернемся на почву философии.

Мы видели, что связка «быть» в западной мысли непосредственно связана с высшей онтологической категорией бытия. Как обстоит дело с арабской связкой *хува* — «он(о)»?

Хува — «он(о)» прямо связано с *хувиййа* («ононь»), одной из излюбленных категорий арабоязычной философии. Говоря о вещи как таковой, о чистой вещи, здесь имеют в виду именно *хувиййа* («ононь»).

Отметим два крайне важных аспекта этой категории. Во-первых, с точки зрения арабоязычных философов, *хувиййа* («ононь») ничего не добавляет к понятию вещи. Во-вторых, *хувиййа* («ононь») равна *субут* («утвержденности»), но не *вуджуд* («бытию»). Что касается *вуджуд* («бытия»), то оно добавляется к чистой вещи и считается ее атрибутом, равно как *'адам* («небытие»), которое наряду с бытием служит атрибутом чистой вещи.

Классическая арабская философия, начиная с ее первой школы — мутазилитов и заканчивая суфиями, прошла сложную эволюцию, которая отнюдь не сводится к истории опирающейся на Античность школы фальсафа. Сказанное выше о трех основных онтологических категориях арабской философии (*субут* — «утвержденность», *вуджуд* — «бытие» и *'адам* — «небытие») намечает основное направление дискуссии, оставляя в стороне многие важные и второстепенные детали. И все же данное заключение остается верным: за исключением переводов и комментариев греческих текстов (и целой традиции, развившейся в этом русле), арабоязычная философия отождествляет чистую вещь не с *вуджуд* («бытием»), а с *субут* («утвержденностью»).

Такова вторая, более существенная подсказка относительно того, каким образом арабская мысль стремится универсализировать мир. Чтобы нащупать этот способ, нам следует сделать еще один шаг и ответить на вопрос: что именно подразумевается под «утвержденностью» и какова разница между утвержденностью и бытием?

Эти две категории разводятся так же, как разводятся процесс и субстанция. «Утвержденность» соответствует процессуальному взгляду на мир, тогда как «бытие» связано с субстанциальной картиной мира. Понять и универсализировать мир по-арабски — значит воспринять его как собрание вещей-процессов, а не собрание вещей-субстанций.

Это верно для арабского языка с его ярко выраженным предпочтением процессуальных способов выражения. Чтобы сделать это понятным для тех, кто не владеет арабским, я скажу, что этот язык настра-

ивает нас на то, чтобы видеть, к примеру, не «стрелу, которая летит», но, скорее, «пролетание летящей стрелы», не «камень, который катится по склону», но «качение камня по склону». Процесс утверждён между действующим и претерпевающим, и именно эту утверждённость арабоязычная философия разрабатывает как понятие чистой вещи. Но это, конечно же, вещь-процесс, а не вещь-субстанция.

Какое значение все это имеет для понимания арабской мысли и арабской культуры? Такое значение невозможно переоценить, поскольку арабская культура в ее различных сегментах выстраивается именно как процессуальная. Приведу лишь один пример. Исламская этика базируется не на понятии *фадила* («добродетель»), а на понятии *'амал* («поступок», точнее было бы сказать, передавая процессуальность, «поступание»), трактуя поступок («поступание») как процесс, утверждённый между *ниййа* («намерением») как активной стороной и *фи'л* («действием») как пассивной стороной этого процес-

са. Арабоязычные этические теории, возникшие в результате перевода и комментариев греческих авторов, напротив, разрабатывают в качестве центральных субстанциально-ориентированные понятия *фадила* («добродетель») и *разила* («порок»). Контрастом между процессуальным и субстанциальным взглядами на мир объясняется факт, на который указывают исследователи исламской этики, отмечая с некоторым удивлением (которое полностью снимается развиваемыми в этой статье взглядами), что греческие этические теории оказали малое влияние на собственно исламскую этику.

Перейду к заключению. Опыт арабской культуры является опытом построения связного описания универсума на основе процессуальности. Процесс здесь никоим образом не сводится к аспекту субстанции, но составляет отправной пункт в попытке целостной универсализации мира. Это служит положительным ответом на вопрос, фигурирующий как название данной статьи.

Ю. Н. Солонин¹

КУЛЬТУРА В ПЕРСПЕКТИВЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Культура является предметом чрезвычайно обширного дискурса. В него вовлечены почти все сегменты интеллектуального мира нашего общества. Но приходится констатировать, что интенсивность презентации проблем не согласуется со степенью приобретаемого понимания. Парадокса в этой констатации нет. Широта полемики порождена стихийно формирующимся осознанием, что в теме культуры сосредоточен узел существеннейших проблем современности. И этому стихийному, массово растущему интересу сопутствует прежде всего процесс фиксации все новых явлений культурной жизни и ее динамики, расширения фактографической сферы. Ее рационализация научными средствами происходит куда медленнее и осуществляется в значительно более узкой среде профессионалов. Наличие этих двух сфер и уровней освоения проблем культуры — важный аспект развития культурологической мысли.

Если в сфере естествознания и технических проблем, где тоже можно установить наличие подобных сфер, влияние обыденных представлений на научную мысль минимально в силу самой специфики

предмета этих наук и способов его постижения, то в области гуманитарного знания дело обстоит иначе, опять-таки в силу своеобразия его предмета². Обратим внимание хотя бы на один аспект. Технологический прогресс стал доминантой, определяющей социокультурную динамику общества. Но в отношении этих двух динамик сказывается принципиальное противоречие. Первый обладает возрастающей агрессивностью, проникающей в самые сокровенные биопсихофизиологические и когнитивные структуры человека. Под его воздействием возрастает быстрота смены предметной организации быта, досуга, видов труда, форм жизнедеятельности вообще. Принципиально иначе в этой деятельности представлены телесная, душевная и интеллектуальная организации человека, запросы к их энергетическим ресурсам.

Социокультурная динамика, как бы она ни ускорялась, что является несомненностью, однако имеет существенно иную ритмику. В коллизиях этого противоречия жертвой выступает то, что принято считать традиционными, незыблемыми формами культурного освоения мира. В первую очередь те формы, которые связаны рефлексивностью, созерцательностью, ретроспективностью, включенностью традиции в реальный контекст жизни человека. Изменилось представление о том, что есть прошлое, но вместе с этим оценка его и отношение к нему. Оно стало прерогативой и характеристикой традиционной культуры, отвергаемой модерном. Если обычно

¹ Председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по культуре, член Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Наука как предмет философского анализа», «Философия культуры», «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры» и др. Член редколлегии научных журналов: «Философские науки», «Личность. Культура. Общество», «Сократ» и др. Председатель Санкт-Петербургского философского общества, вице-президент Российского философского общества.

² Степень отгороженности естествознания от влияния обыденных, профанных, дилетантских представлений не следует преувеличивать. Именно в давлении последних на науку следует видеть отчасти причину возрождения креационизма, паранаучных теорий, интереса к эзотерике, проникших в традиционную научную среду.

прошлое представлялось в ретроспективе больших временных длительностей, то теперь оно определяется метрикой куда меньших величин. Но такое изменение оценки прошлого изменило отношение и к пониманию, что есть настоящее: длительность современности, актуальности сократилась. В обычном смысле *настоящее* определялось временем стабильности быта, формирующих его вещей, условиями труда, устойчивостью коллективностей и ценностных определителей жизненных факторов, контролируемой психической структурой человека социокультурной динамикой. Человек успевал приспосабливаться к ней, сохраняя чувство психологического комфорта.

Прогнозирование и описание следствий несогласованности динамик различных сфер социальной жизни делалось давно как философами, так и культурологами. Но этим никак не создавались предпосылки «снятия» травмирующих эффектов этой несогласованности. Это обстоятельство рождает обычные сетования на неустойчивость гуманитарного, в частности культурологического, знания правящими (не только в политическом смысле) элитами современного общества.

Подобного рода претензии часто основываются на иллюзии, что все дело — в недостатке у них «понимания», воли и упорства в проведении надлежащей культурной политики, наконец, в том, что пополни-

ние элит происходит не из надлежащих социальных резервуаров. Действительная проблема имеет свои основания совершенно в другом месте. Современные правящие элиты, лидирующие группы вполне адекватны той социокультурной модели, которая складывается с неустранимой неизбежностью. Для нее характерны не устойчивость форм, а их динамическая мультиплицированность, основанная на внутренней готовности к модификации, изменению и смене. Устойчивости культурных форм отвечала (и обеспечивала ее) устойчивость ценностной структуры данной культуры. Ценности сопротивляются изменению, в котором не усматривается целеполагаемый смысл. Энергия современной техногенной цивилизации этого не предусматривает либо редуцирует его до уровня четко определяемой прагматики.

В связи с этим наблюдается любопытный парадокс: быстрое изменение рождает потребность в предвидении, прогнозе. Перед нами вычерчивают сценарии различных перспектив, состояний, количественных показателей. Но все они смываются волнами непредвиденных эффектов в социальных порядках жизни. Прогнозы перестают ориентировать, сфера непредсказуемого расширяется, культура как условие стабильности меняет свое состояние и онтологические основания. Человек выскальзывает из форм традиционной культуры, подчиняя себя непредсказуемому процессу.

Е. И. Степанов¹

КОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Диалог культур и партнерство цивилизаций как магистральный путь развития человечества на ближайшую и более отдаленную перспективу знаменует собой переход от многовековой политики конфронтации к принципиально новой парадигме. Переход этот осуществляется сложно, порой интуитивно, неравномерно по отношению к тем или иным странам и регионам и нуждается в серьезном научном осмыслении и методическом оснащении.

Одним из результатов такого осмысления является известная концепция культуры мира, разработанная ЮНЕСКО и принятая ООН в конце XX века в качестве общемировой Программы с перспективой претворения ее в жизнь в XXI веке как всем мировым сообществом, так и отдельными составля-

ющими его региональными образованиями, странами и народами.

В то же время сама эта концепция также требует дальнейшей проработки с участием представителей различных областей гуманитарного знания. В этом плане принципиально важным в обосновании данной концепции представляется указание на то, что ключом к пониманию культуры мира является стремление перевести борьбу с элементами насилия в сотрудничество ради единых целей. А это, в свою очередь, предполагает в качестве задачи, требующей своего решения, организацию общественных взаимоотношений таким образом, чтобы конфликтующие группы работали бок о бок в интересах развития этого «умиротворяющего» процесса. Данная задача сформулирована в принятой ООН Программе как управление конфликтом в интересах совместного развития. Таким образом, уже с самого начала разработки этой Программы в нее оказался включенным весь комплекс проблем современной конфликтологии: проблемы причин и механизмов вызревания и функционирования конфликтов, проблемы возможного их предотвращения, локализации, минимизации негативных последствий, полного разрешения, вопросы учета международного контекста, нетрадиционных форм урегулирования

¹ Главный научный сотрудник Сектора комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Современная глобализация: состояние и перспективы», «Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов», «Конфликты в современной школе», «Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы». Главный редактор серии «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения». Главный редактор научно-практического журнала «Конфликтология». Президент Международной ассоциации конфликтологов.

и т. д. Это обнаружило не только значимость усилий конфликтологов, но и их большую ответственность за успешную разработку и реализацию самой Программы. Ибо можно считать бесспорным не только то, что нынешний уровень и успехи конфликтологии создают ту необходимую стартовую теоретическую базу, без которой не мог бы появиться столь масштабный проект, как данная Программа ООН, но также и то, что эффективная практическая реализация такой Программы требует дальнейших творческих усилий сообщества конфликтологов, как отечественного, так и международного.

В ходе эффективной реализации этих усилий в методологическом аспекте необходимо, как представляется, прежде всего обязательно учесть, что *адекватной общеметодологической основой для эффективного анализа методологических, концептуальных и технологических проблем конфликтологии способен выступить субъектно-деятельностный подход*. Ибо этот подход основан на учете широких объяснительных возможностей понятия деятельности в раскрытии специфики общественного бытия — в том числе в его конфликтологическом аспекте. Эти возможности обусловлены тем обстоятельством, что *деятельность пронизывает всю систему общественных отношений, составляя способ их функционирования и развития*. В социальной действительности ничто не существует вне и помимо деятельности, все социальные процессы и отношения не просто так или иначе связаны с деятельностью, но и сами выступают как конкретные формы ее реализации. Существенно важным представляется также то, что понимание объективных общественных законов как законов самой деятельности исключает возможность их натуралистической трактовки, как и метафизического противопоставления объективной социальной действительности и субъективного мира человека как чего-то «чисто внутреннего».

Деятельность есть выражение активности того или иного социального субъекта по отношению к его окружению — предметному, личностному, групповому. Субъект потому и выступает субъектом, отличным от своего окружения и противопоставленным ему, что его связь с этим окружением, будучи необходимой для самого существования субъекта, является в то же время не механически жесткой, а достаточно неопределенной. Это обстоятельство не только дает субъекту — человеку или сообществу людей — возможность самоопределения, но и требует от него так определиться в отношении данного окружения, установить с ним такую связь, которая в возможно более полной мере обеспечивала бы его существование. Необходимость в этом наиболее отчетливо проявляется в моменты расхождения, несоответствия, рассогласования, противоречия субъекта и его окружения. Активность субъекта и есть прежде всего выражение противоречивости его взаимосвязи с действительностью и стремления снять, преодолеть эту противоречивость посредством собственных усилий. *Когда в качестве действительности данному субъекту в его реальном наличном бытии противостоит дру-*

гой субъект (или другие субъекты), эта его противоречивая взаимосвязь со своим объективным окружением и принимает форму конфликта.

Таким образом, с позиций этого подхода, *социальный конфликт может быть определен как активное противоречие, противоборство самоопределяющихся субъектов*. И поскольку такое самоопределение и такое противоборство в этом самоопределении происходят у индивидов и их общностей и групп постоянно, повседневно — оно является нормальным и массовидным социальным феноменом, а вовсе не экстремальным, предельным случаем обострения социальных противоречий, как трактуют его некоторые авторы.

Современная конфликтология, интенсивно развивающаяся ныне и в России, все больше концентрирует свое основное внимание на выявлении, осмыслении и концептуальном интегрировании конфликтогенных факторов (геостратегических и внутривнутриполитических, юридических и экономических, этнических и культурных, религиозных, социально-психологических и т. п.), вызывающих и обостряющих типичные конфликтные ситуации в общественных взаимоотношениях, складывающихся в российском обществе. В особенности — на осмыслении тех из факторов, которые ведут к разного рода принуждению и насилию, разъединяющим и противопоставляющим участников социальных взаимоотношений; на раскрытии дестабилизирующих и деструктивных последствий действия этих факторов; а также на поиске и обосновании с помощью всего этого возможных мер по нейтрализации указанных факторов и приданию социальным конфликтам характера и форм, содействующих общему улучшению социальной ситуации и согласованному движению общества к развитой демократической стадии, для которой характерна всеобщая ориентация на обеспечение мирного сотрудничества и социального партнерства.

Исследования обнаружили также необходимость учета значительного нарастания в современном российском обществе потенциала массового недовольства и протеста. Вместе с тем они показали, что значительная часть недовольных не имеет склонности к участию в массовых действиях протеста и что у этого обстоятельства несколько причин, одна из которых — ориентация на адаптивную модель поведения в изменившихся социальных условиях. Таким образом, встает вопрос в том, чтобы определить, при каких условиях социальное недовольство преобразуется в потенциал массовой адаптации, а при каких — в потенциал массового протеста.

Факторы конфликтогенности, действующие ныне в российском обществе и его основных регионах, предстоит в ближайшей перспективе выявить и оценить путем организации и проведения конфликтологического мониторинга и аналитической обработки его результатов по следующим конфликтологическим направлениям:

— углубление и расширение методологической и общетеоретической базы конфликтологических

исследований, уточнение и совершенствование их понятийного аппарата;

— содействие дальнейшему развитию отраслевых конфликтологических дисциплин — социологии конфликтов, этноконфликтологии, юридической, политической конфликтологии, конфликтологии образования, здравоохранения, конфликтологии становления рыночных отношений и предпринимательства и т. д.;

— привлечение к этой работе региональных исследователей, концентрация их внимания на проблемах налаживания конфликтологического мониторинга в соответствующих регионах по всем указанным направлениям и формирование на этой основе региональной конфликтологии как интегративной формы конфликтологической экспертизы и консультирования;

— разработка технологических аспектов урегулирования и разрешения разнообразных социальных конфликтов, эффективных методов управления этим процессом;

— конфликтологическое осмысление терроризма как проявления экстремизма и жесткой конфронтации, возникающих под влиянием системных конфликтов в современном обществе, как «устрашение

ради принуждения», а также разработка эффективных средств и способов борьбы с ним как во внутреннем, так и в международном масштабе.

В качестве организационных форм реализации этих задач предполагается: проведение в соответствующих региональных исследовательских организациях и высших учебных заведениях постоянно действующих семинаров как средства обстоятельного обсуждения и оценки наиболее острых и значимых конфликтных ситуаций и противоборств; проведение общероссийских и международных конференций конфликтологов (в том числе международных конгрессов совместно с Международной ассоциацией конфликтологов); издание научно-практического журнала «Конфликтология»; сотрудничество с центральными и региональными вузами в подготовке учебных пособий и курсов по конфликтологии, позволяющих постепенно обеспечить подготовку квалифицированных кадров конфликтологов; а также *проведение исследований, налаживание взаимодействия с администрациями регионов в разработке проектов и программ практической нейтрализации тенденций и негативных последствий острых социальных конфликтов и в эффективном использовании их позитивного потенциала.*

В. С. Степин¹

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Актуальность проблемы диалога культур в эпоху современной глобализации вызвана множеством взаимосвязанных причин. С некоторой долей условности их можно разделить на три кластера.

Первый из них связан с усилившейся миграцией людей в современном глобализирующемся мире. Возникают проблемы адаптации носителей разных культурных традиций. В сложившейся культурной среде национальных государств возникают новые культурные анклавы, нередко вызывающие напряжения и конфликты. Не исключено, что глобальное потепление и такие его последствия, как повышение уровня Мирового океана и затопление больших населенных участков суши, приведут к новому велико-

му переселению народов. А это неизбежно породит проблемные ситуации столкновения и взаимодействия различных культурных традиций.

Второй кластер причин, актуализирующих проблематику диалога культур, связан со становлением в ходе современной глобализации новых крупных межгосударственных образований.

Для многих стран опыт Евросоюза становится своего рода паттерном. Несколько иной опыт добровольного объединения демонстрирует Содружество Независимых Государств (СНГ), образовавшееся после распада СССР. Вероятно, будет специфика и в реализации проектов интеграции ряда государств Южной Америки, как и недавно заявленного проекта интеграции стран Азии (Японии, Китая, Индии, Южной Кореи и ряда государств Юго-Восточной Азии).

Интегративные процессы сопровождаются поисками новой культурной идентичности. В качестве побочных негативных эффектов этого процесса могут возникать неожиданные обострения национальных отношений (причем это относится и к такому продвинутому в интеграционном плане образованию, как Евросоюз). Такого рода коллизии проявляются и в СНГ. Это своего рода «болезнь роста», связанная с поиском национальной идентичности. Я имею в виду ситуации, когда национальные элиты искусственно противопоставляют национальные языки русскому языку, национальную культуру — русской культуре. Но в XXI веке национальная идентичность не должна строиться на основе культурной изоляции и поиска врага. Это стратегии

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института философии РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (4 т.), «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин), действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

прошлого. Поэтому так важен диалог культур, который предполагает взаимное уважение и обогащение культур в процессе взаимодействия.

Наконец, третий кластер причин, на мой взгляд, системообразующих, связан с поиском новых стратегий глобализации и цивилизационного развития.

В конце XX — начале XXI века стратегия глобализации определялась стремлением сделать либеральные ценности основой будущей планетарной интеграции. Паттерны, демонстрирующие воплощение этих ценностей, представляли собой идеализацию различных аспектов образа жизни общества потребления (реализованного в США и Западной Европе).

Их глубинными основаниями были ценности, сформировавшиеся в эпоху становления «проекта Модерн» и затем модифицированные во второй половине XX века в процессе формирования общества потребления.

Однако стратегии глобализации, предполагающие копирование западных образцов потребительского общества, сегодня подвергаются серьезным сомнениям.

Рост благосостояния людей в экономически развитых обществах связан с постоянным повышением уровня энергопотребления. Подсчитано, что если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения.

К этому надо добавить, что прямо пропорционально росту энергопотребления возрастает и загрязнение природной среды. Если мысленно предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы.

Вместе с тем большинство развивающихся стран вряд ли удовлетворятся положением, когда их население заранее обречено быть за пределами «золотого миллиарда». Развивающиеся страны ставят своей целью повысить уровень потребления на душу населения, а в идеале — сравняться по этому показателю со странами Запада. Но существуют объективные энергетические и экологические ограничения этого процесса, нарушение которых приведет к дальнейшему обострению глобальных кризисов. Это означает, что необходима альтернативная стратегия глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и соответственно новых путей цивилизационного развития.

В докладе на предыдущих «Лихачевских чтениях» я отмечал, что в контексте этой сверхзадачи целесообразно выделить два подхода к диалогу культур.

Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что само общечеловеческое в разных культурах

воспринимается по-разному. Оно сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки межкультурного взаимопонимания, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, разделяющих культуры. Взаимопонимание необходимо, но еще недостаточно для выработки новых стратегий глобализации.

При втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции — как постоянно переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в этой связи возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей в качестве условия преодоления глобальных кризисов.

Точки роста новых ценностей — это такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы и которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Сегодня стратегия глобализации определена состоянием трех основных ее сфер: научно-технического развития, экономики, политико-правового регулирования. В каждой из них важно выявить проблемные ситуации и возможности точек роста новых ценностей. Относительно проблемных ситуаций в современном научно-технологическом и экономическом развитии я уже не раз высказывался, в том числе и на предыдущих Лихачевских чтениях. Поэтому я остановлюсь лишь на главных выводах проведенного анализа.

Современные изменения в науке и ее технологических приложениях связаны с освоением сложных саморазвивающихся систем. Это освоение приводит к изменению типа научной рациональности. Я обозначил его как постнеклассическую рациональность. В ее рамках возникает своеобразная перекличка ценностей техногенной культуры с целым рядом ранее отвергавшихся ею мировоззренческих установок традиционных культур. Здесь я выделил три главных аспекта.

Во-первых, это представления об окружающей нас среде как особом живом организме. С позиций классической картины мира они расценивались как ненаучные. Но сегодня они включаются в современную научную картину мира в качестве концепции глобальной экосистемы — биосферы. Во-вторых, научное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем (а такие системы всег-

да обладают синергетическими характеристиками) формируют новые стратегии деятельности, которые перекликаются с принципом «у-вэй» китайской культурной традиции и принципами ненасильственного действия, развитыми в индийской культуре. В-третьих, при изучении сложных человекообразных систем современная наука соединяет поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска. Только внутреннего этоса науки — «ищи истину», «наращивай истинное знание» — уже недостаточно. Его нужно постоянно соотносить с гуманистическими идеалами и ценностями. Такое соединение осуществляется в процессе этической экспертизы научно-технологических программ и проектов, и оно выступает условием получения истинного знания. Здесь западная идея о доминирующей самоценности истины начинает согласовываться с древневосточными идеями о нравственности как необходимом условии достижения истины (а истина открывается только нравственному человеку).

Все эти новые ценностные установки научно-технологического развития можно рассматривать в качестве предпосылок переосмысления стратегий нашей деятельности и нашего отношения к природе. Но пока эти новые ценностные ориентиры не стали приоритетами массового сознания и повседневной практики. Во многом этому препятствуют доминирующие установки экономического сознания и соответствующая им организация мировой экономики. В этой сфере современных глобальных процессов также возникают проблемные ситуации.

Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» (2004), развивая идеи Римского клуба о пределах роста, указывал на ряд мифов современной техногенной культуры, которые лежат в основе современной экономической деятельности и от которых необходимо отказаться. В первую очередь это относится к фундаментальному принципу сегодняшнего потребительского общества: «Чем больше вы потребляете, тем это лучше для экономики». В организации современного рынка этот принцип играет важнейшую роль, поскольку рост производства связан обратной связью с ростом потребления.

В процессе формирования потребительского общества этот принцип получил особую интерпретацию. Американский аналитик рынка середины XX века В. Лебов выразил ее в форме следующей доктрины: экономика требует, «чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение, удовлетворение собственного «я». Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все возрастающей быстротой»¹. Э. Ласло подчеркивает, что современная цивилизация за пятьдесят последних лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые.

Во второй половине XX века доктрина роста потребления стимулировала формирование новых от-

ношений товарного и финансового рынков. Произошла автономизация финансовой сферы и превращение денег в особый товар, что стало источником новых кризисных явлений в экономике. Все это проблематизирует фундаментальный принцип увеличения потребления как стимула экономического роста. Но отказ от этого принципа означает радикальное изменение современной стратегии экономического развития и образа жизни потребительских обществ. В этой связи возникает новая проблема: имеются ли предпосылки таких изменений в современной экономике? Это проблема, которую нужно специально анализировать с учетом перемен, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления, конкуренция на рынке мировых валют, открывающая принципиальные возможности формирования единой мировой валюты под международным контролем, и т. п.

Теперь остановлюсь на проблемах третьей сферы, определяющих стратегию современной глобализации, — сферы политико-правовых отношений. В качестве основных ценностей в этой сфере глобализующегося мира провозглашены демократия и права человека. Но и здесь возникают проблемные ситуации.

В свое время Уинстон Черчилль сказал, что демократия имеет множество недостатков, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Демократия действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, поскольку предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и авторитарном способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. Президенты и парламенты избираются на относительно короткие сроки. Они, естественно, думают о том, что сделают за этот короткий срок, какие реальные результаты могут получить. Они тактически ориентированы, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменных, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность политиков перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей. Однако и простое увеличение сроков пребывания у власти тех или иных политиков не решает проблему, поскольку, как правило, здесь возникает опасность дрейфа от демократических к авторитарным формам правления.

В современных условиях возникают проблемы и в самом процессе реализации демократических процедур. Появление новых средств коммуникации (Интернет, мобильная связь) создает новые возможности гласности, более активного участия людей в политической жизни, в организации массовых протестов и т. п. Но вместе с тем постоянно разрабатываются новые технологии программирования массового сознания. Они инициируют разнообразные

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе. Тем самым проблематизируется идея прав человека. Как показано в работах Э. Ю. Соловьева, развитие этой идеи в трех декларациях прав человека учитывало негативный опыт своеволия монархии, религиозных войн и тоталитаризма XX века. Но сегодня возникает новая проблема — защиты личности от информационного насилия.

Проблема прав человека сегодня становится одной из наиболее острых в современном диалоге культур. Она связана с особым пониманием ценности личности и индивидуальных свобод. Быть личностью в традиционных обществах значило быть частью некоторой корпоративной общности (клана, сословия, касты), к которой личность часто принадлежала от рождения. Поэтому и понимание свободы в традиционалистских культурах акцентировало ее коллективистский смысл. Индивидуальная свобода понималась как подчиненная коллективистской свободе.

Приоритет индивидуальных свобод укоренился в новоевропейской культуре «проекта Модерн». Он сформировался в процессе становления техногенного типа цивилизационного развития. Именно здесь складывается идеал свободной и суверенной личности, которая может включаться в различные социальные общности, не будучи жестко привязанной ни к одной из них. Соответственно утверждается приоритет индивидуальных свобод, который увязывается с идеей права и оформляется в концепции естественных прав человека. Обоснованная в философии Нового времени, эта концепция становится теоретическим основанием правовых практик демократических государств.

В процессах современной глобализации взаимодействуют страны и культуры разного цивилизационного типа. Еще сохранились страны, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, сравнительно недавно, по историческим меркам, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки). В их культурах еще сохраняются архетипы традиционалистского типа понимания личности и приоритета коллективных свобод над индивидуальными.

Взаимодействие стран с различными правовыми культурами с неизбежностью ставит вопросы о балансе прав человека и прав народов. Особая острота этой проблематики обозначилась в наше время, в ситуациях «геополитических игр» Запада, когда

под предлогом защиты прав человека нарушалось международное право, развязывались войны, сопровождающиеся гуманитарными катастрофами (Сербия, Ирак).

Опыт манипуляций с правами человека свидетельствует в пользу простой истины: насильственное принуждение, попирающее права народов, не только не утверждает идеал прав человека, но в целом деавуирует и саму идею правового общества.

И еще один аспект обозначился в проблематике прав человека на современном этапе развития цивилизации. Он связан с возможными социальными последствиями внедрения конвергентных (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологий. Прежде всего речь идет о новых подходах к правам человека, с учетом перспективы все более широкого использования современных биотехнологий и возможностей манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности.

Перспективы продления жизни до 120–150 лет, формирование заранее заданных биологических свойств человека, применение нейрофармакологических препаратов нового поколения, усиливающих память и другие когнитивные способности, ставят перед обществом новые этические и правовые проблемы. Как отмечал Ф. Фукуяма, биологическая революция в конечном счете поставила на карту «нечто, имеющее отношение к природе человека, специфические для вида свойства, общие для всех людей как таковых»¹.

Идея же прав человека в истоках своего возникновения формулировалась как идея естественных прав. Она неявно предполагала некоторый инвариант человеческой природы, общий у всех людей на планете. Но если применение биотехнологий создаст резкое различие между индивидами в их биологической основе — допустим, для богатых людей будут доступны дорогостоящие технологии продления жизни и формирования качественно новых когнитивных способностей, а для бедных недоступны, то реально будет создано нечто подобное кастам высших и низших рас. Как быть в этих условиях с идеей прав человека?

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей, открываются новые перспективы диалога культур. Их надо отследить, выявить и посмотреть, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. И сегодня это уже не чисто теоретическая задача, а практическая потребность определить возможные стратегии развития современной цивилизации.

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 147.

М. А. Титаренко¹

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПАРАДИГМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСЦВЕТА МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Разразившийся в конце первого десятилетия XXI века мировой финансово-экономический кризис приобрел системный характер. Он обнажил несостоятельность основных тезисов сторонников либерализма, стремившихся заставить весь мир поверить во «всемогущество» рынка, якобы способного «самостоятельно», без всякого вмешательства государства обеспечить экономический рост и процветание. Теперь правительства ведущих западных стран не жалеют сил и средств, чтобы не допустить глубокого спада своих экономик и ускорить темпы восстановления.

Кризис продемонстрировал ограниченность западной модели и опасность политики «всеобщей вестернизации» для стран, принадлежащих к иным культурам. Серьезные проблемы в мировой экономике стали стимулом для переосмысления тезиса о «всеобщности» западных ценностей. Кризис напомнил человечеству, что драматические конфликты двух последних десятилетий коренятся не только лишь в сфере военных и политических интересов. Натовские бомбежки Югославии, вторжение западных войск в Афганистан и Ирак, постоянная угроза силового решения Западом своих споров с Ираном и КНДР — все эти очаги напряженности возникли в том числе по причине нежелания и неспособности Запада уважать цивилизационные и культурные ценности других стран, их образ жизни и путь развития.

Звучавшие на Западе утверждения о возможности создания глобальной стабильности в условиях моноцентричного мира при доминировании одной сверхдержавы сопровождались рассуждениями о неизбежности и естественности столкновения западных и восточных систем ценностей и цивилизаций. Эти теоретики и вдохновленные ими политики были твердо убеждены в неоспоримом всестороннем превосходстве и универсальном совершенстве евро-атлантической и американской цивилизаций, отождествляя их с мировой цивилизацией. События в Ираке и Афганистане показали, что западная коалиция может силой оружия свергнуть неугодную ей власть в другой стране. Однако ей не удастся и вряд ли удастся заставить местных жителей принять при-

несенную на иностранных штыках западную модель политического устройства.

Кризис позволил по-новому взглянуть на тенденции мирового развития. Успешное развитие Китая и Индии в условиях глобальной экономической нестабильности стало еще одним напоминанием о том, что западная модель не является универсальной. В современном мире возрастает роль крупных восточных локальных цивилизаций (русской, китайской, индийской, японской, тюркской, персидской и др.), все они были фундаментом, на котором в прошлых тысячелетиях складывалась мировая цивилизация. Еще в 1960–1980-е годы экономический успех Японии и четверки «маленьких тигров» (Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) дал стимул для изучения специфики «восточно-азиатской модели» и ее преимуществ. Впоследствии тема множественности путей развития на время ушла на второй план — торжество Запада после распада СССР породило иллюзию всемогущества евро-американской модели, тогда как азиатский финансовый кризис 1998 года поставил под сомнение жизнеспособность «экономических чудес» Восточной Азии. Однако ныне Китай, сохранивший в условиях мирового кризиса беспрецедентно высокие темпы роста, демонстрирует, что достижение целей развития и модернизации более не привязано к копированию западных рецептов.

Кризис напомнил и о том, как тесно связаны между собой страны современного мира. В одиночку справиться с проблемой такого огромного масштаба невозможно. Урок кризиса должно стать утверждение идеи необходимости сотрудничества между всеми странами и народами для совместного преодоления тяжелых разрушительных последствий кризиса. Та выдающаяся роль, которую играют Китай, Индия и некоторые другие неевропейские страны в поддержании развития мировой экономики, убедительно показала важность и необходимость налаживания конструктивного диалога цивилизаций Запада и Востока.

Российская и русская культура, творчески заимствуя и развивая многие достижения западных и восточных культур, выработала систему цивилизационных ценностей, способную во взаимодействии с другими восточными цивилизациями стать конструктивной альтернативой агрессивной и разрушительной идеологии всеобщей вестернизации. Эта система ценностей способна внести вклад в гармонизацию мира, создание условий для сохранения и расцвета многообразия культур и цивилизаций, развития конструктивного диалога между ними. Ныне эти ценности находят современное воплощение в концепции *нового евразийства*, которая формируется в России и некоторых странах бывшего Советского Союза.

¹ Академик Российской академии наук, директор Института Дальнего Востока РАН (Москва), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий: «Россия и Восточная Азия», «Россия лицом к Азии», «Китай: цивилизация и реформы», «Россия: безопасность через сотрудничество: Восточно-азиатский вектор», «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» и др. Многие работы переведены на иностранные языки и изданы в Китае, Японии, США, Республике Корея, Германии, Вьетнаме, Индии и других странах. Почетный профессор ряда университетов и академий наук Китая, США, Кубы, Республики Корея, Вьетнама и Турции. Награжден орденами «Знак Почета», Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат премии РАН им. Е. В. Тарле.

В течение последнего столетия Россия неоднократно сталкивалась с серьезнейшими вызовами. В одних случаях она оказывалась серьезно ослабленной, в других — у нее появлялся шанс для поиска новых путей возрождения, собиранья заново своего народа и своих земель. Чтобы преодолеть эти смертельные вызовы, народы России понесли громадные жертвы. Так было в годы Первой мировой войны и последовавших затем Октябрьской революции и Гражданской войны. Возникший после Революции 1917 года Советский Союз построил новое мощное государство. В начале 1940-х годов фашистская Германия бросила СССР смертельно опасный вызов. Народы советской страны, воодушевленные героизмом и самоотверженностью русского народа, вышли победителями в Великой Отечественной войне, спасли человечество от фашистской чумы и помогли разгромить японский милитаризм.

На волне эйфории после распада СССР (1991) Запад объявил себя «победителем» и де-факто предъявил России ультиматум. Один из главных идеологов борьбы с Россией как субъектом мировой истории З. Бжезинский в своих сочинениях подробнейшим образом излагал претензии и требования Запада к России, формулировал правила «цивилизованного поведения», которым, по его мнению, Россия должна следовать. Он с особым удовольствием рисовал сценарии, схемы и географические карты новых стран, на которые, по его расчетам, должна была распаться единая российская держава¹. Пространство Евразии, где находился Советский Союз и которое ныне является местоположением России, Бжезинский назвал «главным геополитическим призом для Америки»².

Распад Советского Союза, колоссальное давление Запада на Россию, его откровенное и циничное вмешательство во внутренние дела суверенного Российского государства, настоящая культурная экспансия масскультуры привели к опасному размыванию государственной и цивилизационной идентичности России и ее граждан. Ныне перед нашей страной остро стоит вопрос: «Что есть Россия и каков путь ее развития?»

Найти ответ можно лишь на пути творческого осмысления нашей многовековой истории и извлечения уроков из прошлого, объективного анализа благоприятных и неблагоприятных внутренних и внешних условий развития нашей государственности и цивилизации. На повестке дня стоят задачи осознания евразийской геополитической и цивилизационной реальности России в контексте определения стратегии подъема страны, развития ее экономики и культуры.

Эти задачи должны быть реализованы в условиях *поддержания добрых отношений сотрудничества и взаимодействия со всеми государствами Запада и Востока в условиях глобализации*. Принципы нового евразийства должны стать методологической и идей-

ной основой долгосрочной стратегии развития и обустройства России как единого многонационального государства, неотъемлемой частью ее внешнеполитической доктрины. Они являются краеугольным камнем обеспечения безопасности нашей страны, сохранения ее территориальной целостности, укрепления суверенитета и авторитета на международной арене. Нельзя не согласиться с выдающимся русским ученым, теоретиком нового евразийства Л. Н. Гумилевым: «Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»³.

Один из основоположников евразийства 1920–1930-х годов — князь Н. С. Трубецкой — характеризовал сущность евразийства как отражение общности судеб народов, населяющих Евразию: «В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. *Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом*. Прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить...»⁴ (курсив мой — М. Т.). Следование этим принципам в наши дни при поддержании отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья на уровнях государственной и народной дипломатии обеспечит для России благоприятные внешние условия. Это будет российский вклад в построение полицентричного мира и развитие конструктивного межцивилизационного диалога в противовес различным доктринам «столкновения цивилизаций» и «конца истории».

Этот же вопрос стоял в дискуссиях и политическом противоборстве западников — сторонников европеизации России — и славянофилов, а затем почвенников-государственников, подчеркивающих особый уникальный характер русской культуры как симбиоза, синтеза многих культур и исторического опыта многих народов, исторически проживавших или проживающих на территории России и по соседству с ней. Ныне же речь идет прежде всего о конвергентном сочетании и синтезе самобытной русской славянской культуры с воспринятым от Византии вместе с христианством мощным пластом гуманитарной и политической культуры, а также с культурами угро-финских, тюркских и татаро-монгольских народов, через которые Россия опосредованно восприняла также фрагменты материальной и политической культуры Китая и Индии⁵.

Говоря о самоидентичности России и ее народов, нельзя не учитывать геополитических факторов. Ведь 2/3 территории России — это Сибирь и Дальний Восток. Помимо русских и близких к нему других славянских народов, в России проживает еще более 100 крупных наций и народностей, в том

³ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 31.

⁴ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.

⁵ Подробнее см.: Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 5–10; Там же: гл. «Новое евразийство и азиатский аспект». С. 13–79.

¹ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 64, 108–148, 239–240; Он же. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 43.

числе десятки коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которых уже никак нельзя «пристегнуть» к Европе.

Азиатские страны и народы относят Россию к европейской культуре, а европейцы, особенно западные, рассматривают Россию преимущественно в азиатском ключе. Ни одна из этих точек зрения не дает полного представления об идентичности российской, особенно русской культуры. Игнорирование евразийской сущности геополитического положения России и ее цивилизационной идентичности, доминирование евроцентризма в идеологии и политике, попытки представить всю территорию России как пространство «большой Европы» — все это порождает противоречия в развитии страны и ведет к непрерывным колебаниям в ее политике, подрывает межнациональную сплоченность русских и других народов России, к размыванию идентичности культуры и ослаблению положения России на мировой арене.

Внутренняя политика Российского государства со времен Петра I не отличалась последовательностью в решении вопросов геополитической и цивилизационной идентичности. Стремясь добиться прогресса в модернизации России, Петр I толкал Россию в Европу. В советское время В. И. Ленин и ряд его ближайших последователей неизменно призывали бороться с азиатскими компонентами русской культуры и российского менталитета. Это привело к доминированию евроцентризма и принижению исконно русских, славянских корней российской цивилизации. В практической политике российских властей евроцентризм получил конкретное экономическое и политическое оформление. Его проявлениями стали:

— концентрация всех средств и стратегических целей развития страны в европейской части;

— превращение богатых ресурсами огромных восточных регионов в своеобразную колонию европейской части страны. Усилия по развитию и подъему Сибири и Дальнего Востока не соответствовали потенциалу и возможностям этого региона;

— развитие восточной части страны стало односторонним, сырьевая направленность региональной экономики стала доминирующей. В 1930-е годы в этой части страны возникли такие гиганты индустрии, как Кузнецкий металлургический комбинат, ряд машиностроительных предприятий появился на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири. В годы Великой Отечественной войны Сибирь получила перемещенные из европейской части крупные промышленные предприятия и объекты. Однако в тот период в освоении региона значительную роль играл принудительный труд заключенных.

Необходимо напомнить, что еще в середине XVIII века основоположник российской науки, образования и реформатор русского языка М. В. Ломоносов впервые комплексно сформулировал три стратегические задачи, которые должно решить Российское государство, чтобы обеспечить устойчивое и нормальное развитие.

Во-первых, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹.

Во-вторых, «когда ему.. желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»².

В-третьих, одной из ключевых задач российской власти великий ученый считал «сбережение» и «приумножение российского народа» не менее чем по 1 млн новорожденных в год. Одновременно М. В. Ломоносов придавал важное значение налаживанию добрых отношений сотрудничества русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока.

Выдвинутая великим русским ученым триединая задача освоения Сибири и Дальнего Востока, развития Северного морского пути как канала связи России с Азией, а также приращения российского народа, до сих пор не утратила своей актуальности. Выдающийся ученый и патриот России Д. И. Менделеев, который разделял стратегическую концепцию Ломоносова, полагал, что если Россия будет следовать этим путем, то к концу XX века ее население составит не менее 500 млн и наша страна станет процветающим благополучным государством, пользующимся всемирным уважением. И в последующие времена выдающиеся умы России неоднократно подчеркивали исключительную важность развития и освоения Сибири, особо указывая на необходимость осознания политиками и всей российской элитой евразийского географического положения России, на важность международного сотрудничества с дальневосточными соседями в освоении Сибири и Дальнего Востока.

Важную роль они уделяли необходимости укрепления взаимодействия и взаимопонимания с Китаем, налаживанию с ним союзнических отношений. В «Заветных мыслях» Д. И. Менделеев сделал особый акцент именно на важности российско-китайского сотрудничества и его непреходящем значении для создания благоприятных условий соразвития наших стран. Ученый провидчески указывал, что «...всегда бывший оригинально самостоятельным *Китай может вырасти еще более сильно*, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени»³ (курсив мой — М. Т.). Касаясь значения сотрудничества двух стран для мирового устройства, Д. И. Менделеев отмечал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет

¹ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 392.

² Там же. С. 388.

³ Менделеев Д. Заветные мысли. М., 1995. С. 375.

ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли»¹.

Национальное самосознание граждан России и его суперэтнота — русских — не может не учитывать также и того непреложного факта, что русская и российская цивилизации сложились, развиваются и проявляют свое животворное действие на том геополитическом пространстве, где пересекаются и взаимовлияют друг на друга великие мегацивилизации: великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угро-финская, мусульманская, китайская, индийская, тюркско-монгольская, а также цивилизации более сотни малых коренных народов, живущих в бассейне Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных регионах. История последних двух столетий свидетельствует, что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то в сторону Европы или Востока, неизбежно ведут к расквашке фундамента общества и подрывают основы культурной идентичности народов, лишают страну гибкости в принятии ключевых решений о своем будущем. Лишь осознание неразрывной целостности двух важнейших сторон государственной идентичности, то есть западной и восточной, позволяет России уверенно и стабильно двигаться вперед.

В конце XX века российской культура и цивилизация были принижены до такой степени, что на политическом уровне была поставлена задача «вхождения в мировую цивилизацию». Фактически это означало отрицание существования собственной культуры. Данный путь вел к глубокому размыванию национальной идентичности, утрате русской культурой консолидирующей притягательной силы, фрагментации российской цивилизации и отчуждению от нее нерусских этносов, разрушению русского языка и засорению его вульгаризмами и англицизмами. В первое пятилетие после распада СССР российская политика приобрела уродливую и односторонне прозападную ориентацию в экономической, гуманитарной и других сферах. Постепенное выправление этого опасного одностороннего крена началось с кратковременного премьерства Е. М. Примакова, затем эти процессы получили постепенное развитие в течение восьми лет президентства В. В. Путина. Позитивным итогом этого курса стало укрепление внутренней стабильности в России и ее международного положения — это наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации.

Автору в своих статьях и монографиях неоднократно доводилось спорить с российскими вестернизаторами и зарубежными проводниками идеологии всеобщего озападнивания. Главный тезис сводится к тому, что для внутреннего и международного благополучия России необходимо последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначности внимания как западному, так и восточному азимутам внутренней и внешней политики.

¹ Менделеев Д. Указ. соч. С. 376.

Другими словами, нужно неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России, символическому выражению в двуглавом орле нынешнего государственного герба.

Еще во второй половине 1990-х годов в книге «Россия лицом к Азии» автор решительно оспаривал тезисы тех, кто усердно хоронил Россию, делил ее территории на различные уделы, отрицал самобытность российской цивилизации, рассматривал вестернизацию России как неизбежное и необходимое включение стран в некую «мировую цивилизацию». «Иного не дано», — провозглашали они, поскольку, по их словам, мир стоит перед лицом столкновений цивилизаций. Автор же утверждал, что иное дано: «Оно заключается в возрождении России через возрождение национального самосознания ее граждан, всех ее народов и наций, в укреплении на такой основе их сотрудничества, взаимопонимания и дружбы с целью концентрации своих усилий на развитии экономики, культуры и образования, науки Отечества. Иное состоит в неустанном заботливом пестовании отечественных корней культуры, ибо только тогда воспрянувшая демократическая Россия предстанет не жалким слепцом Запада, не его заурядным эпигоном, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»².

Прошедшие годы подтвердили обоснованность высказанной веры в силы нашего народа, нашего Отечества. В заявлениях занявшего ныне пост премьера России В. В. Путина и в выступлениях президента Д. А. Медведева последовательно проводится идея о том, что «...Россия сегодня — глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых “имперских амбиций”, а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями, и соответствующими ресурсами»³.

Идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет основополагающее значение для здорового развития страны, для обеспечения ее целостности и внутренней стабильности. Идея евразийства учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Благодаря высокому авторитету она стала двигателем подъема и расцвета культур малых народов, населяющих Россию, а русский язык — мостом общения

² Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 6. Дальнейшее развитие и обогащение эти идеи получили в книгах: Титаренко М. Л. Китай: цивилизации и реформы. М., 1999; Он же. Россия. Безопасность через сотрудничество: восточно-азиатский вектор. М., 2003; Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

³ Выступление Д. А. Медведева 7 июня 2008 г. на XII Петербургском международном экономическом форуме. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type122346_202221>shtm

национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией, с мировой культурой. Забвение об этом приводит к разрыву трансляционных связей этих малых культур, малых народов с мировой культурой, замедляет ее развитие. Представители элит этих культур будут вынуждены сознательно или бессознательно искать замену русской культуре и русскому языку. И это будет толкать их в сторону евро-американской массовой культуры, поощрять принятие английского языка в качестве главного инструмента взаимодействия с мировой культурой. Таким образом, игнорирование евразийской сущности русской и российской культуры приведет к подрыву единства и разрушению цивилизационного «обруча» России.

Любая стратегическая концепция развития России в целом и ее отдельных регионов должна учитывать евразийскую сущность нашей цивилизации. Планы экономического и социального развития Российской Федерации до 2020 года и региональные программы развития должны учитывать евразийскую сущность России. Это означает, что планы возрождения и развития должны строиться по принципу единой шахматной доски, единого взаимосвязанного государства и вместе с тем в полной мере учитывать специфику и компенсировать чрезмерно усилившуюся нагрузку на восточные регионы страны, суровость среды обитания их жителей.

Концепция развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра. Жесткий политический моноцентризм, необходимость которого продиктована огромными пространствами, наличием местного сепаратизма и ролью региональных факторов, должен сочетаться с учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов. В экономическом плане он должен раскрывать значительный потенциал региональной самостоятельности, обеспечивать права регионов на творческое самосовершенствование, на адаптацию поступающих из центра общих указаний к местным условиям.

Вместе с тем серьезной проблемой является чрезмерное подчеркивание специфики мелких регионов, что привело к созданию чрезмерно большого количества региональных административно-экономических субъектов. Их в России было до недавнего времени 89. Стоит задача укрупнения регионов, которую нынешнее руководство страны начало постепенно решать. Крупные региональные центры, объединенные тесными экономическими связями и финансовыми рычагами регулирования, должны обладать собственными административными и финансовыми возможностями для решения общерегиональных и местных проблем. Как показывает нынешний опыт России, чрезмерная концепция административных и финансовых рычагов в одном центре ведет к обнищанию регионов, созданию квазиколониальных отношений между центром и регионами.

Подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования административно-экономической системы и ее структур. Опыт экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами. В Америке политические и экономические центры разделены (Нью-Йорк, Филадельфия, Атланта — на восточном побережье; Чикаго, Детройт, Канзас-Сити — в центре страны; Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Диего — на западном побережье). В Китае политическим и экономическим центром является Пекин, однако он делит экономические рычаги управления с такими крупнейшими экономическими и культурными центрами, как Шанхай, Шэньян, Харбин, Чанчунь, Тяньцзинь, Чунцин, Ухань, Гуанчжоу, Тайюань, Сиань, Урумчи. В Японии помимо столицы Токио центрами экономического развития являются Осака, Киото, Саппоро, Ниигата. В Германии экономические рычаги распределены между Берлином, Гамбургом, Франкфуртом, Мюнхеном, Дюссельдорфом, Кельном, Лейпцигом и т. д.

В России абсолютно доминирующим центром не только в политическом, но и в экономическом и других аспектах является Москва — в столице концентрируется основная денежная масса, там сосредоточены крупнейшие банки. Другие крупные регионы, даже именуемый «второй столицей» Санкт-Петербург, де-факто играют второстепенную роль. Значение крупных уральских и сибирских центров в основном ограничивается чисто экономическими возможностями в той или иной сфере. Банки в Сибири и на Дальнем Востоке, в силу ограниченности финансовых ресурсов, не могут играть должную роль в инвестиционном стимулировании социально-экономического подъема этих регионов. Для более эффективного решения задач социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока в перспективе стоило бы подумать о создании трех общерегиональных центров экономического и политического регулирования — в Западном, Восточном и Дальневосточном регионах. Координатором такой работы должен стать высокоавторитетный государственный деятель в ранге первого вице-преьера.

В США, Японии, Австралии, Канаде, некоторых латиноамериканских странах имеются специальные государственные структуры и министерства, регулирующие развитие остальных регионов — к примеру, в Японии длительное время был министр по развитию Хоккайдо. Ныне в России создана структура представителей президента в регионах. Это шаг в правильном направлении, который требует дальнейшего совершенствования и развития как в административно-политическом, так и в финансовом плане.

Некоторые принадлежащие к стану вестернизаторов критики концепции евразийства как современной парадигмы развития России ссылаются

на исторический пример течения евразийства, возникшего после Первой мировой войны и носившего откровенно антизападнический характер. Однако необходимо подчеркнуть, что у парадигмы современного российского евразийства нет жесткой привязки к прозападной или проазиатской ориентации:

1) главная особенность нового евразийства — признание специфичности географического, международного положения и исторического происхождения российской цивилизации, основой и стержнем которой является русская культура, а языком общения — русский язык;

2) и евразийство 1930-х годов, и современное евразийство признают горизонтальный полицентризм, взаимодействие и взаимодополняемость культур, отношений их взаимного влияния и взаимной учебы. Согласно евразийству, отношения между всеми культурами строятся по горизонтали на основе принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности культур даже самых малых этносов;

3) евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство совпадает с конфуцианским подходом к культурному развитию, провозглашающим «гармонию без навязывания единства» (*хэ эр бутун*), диалектику взаимодействия противоположных явлений в культуре и их синтеза в форме тезисов о «слиянии двух различий в единое» (*хэ эр эр и*) и «раздвоении единого» (*и фэнь вэй эр*);

4) евразийству присущ ряд закономерностей становления культур на основе принципов синтеза, взаимного влияния и взаимной учебы, синергетизма соразвития. По своей структуре оно является многослойным полиэтническим полицивилизационным единством, обеспечивающим сосуществование различных этносов и различных культур в рамках одного государства (империя, федерация, конфедерация и пр.). Евразийство по своей сущности содержит компоненты, которые присущи многим культурам. В этом смысле термин «евразийство» неточен, поскольку он привязывает суть этих отношений к евразийскому местоположению;

5) евразийство, в отличие от евроцентризма, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других — низшими. Евроцентризм рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как естественное и неизбежное явление. Лозунги российских либералов-вестернизаторов, по сути своей, означали отказ от русской и российской культуры, ее ассимиляции западно-европейскими и амери-

канскими странами. Они наносили удар не только по культуре, но и по внутренней стабильности России как целостного государства, допуская ее превращение в конфедерацию или даже распад на десятки новых государственных образований. Подобные идеи, получившие распространение в 1990-е годы, на деле поощряли развитие местничества и сепаратизма, выступали прикрытием для подрыва единства России.

Евразийство выступает альтернативой европоцентризму и вульгарному западничеству не только при решении внутренней задачи консолидации России как единого многонационального государства, но и в международном плане. Евразийство противодействует нивелированию национальных культур и отвергает концепцию однополярности, оно создает идейно-теоретические, политические и цивилизационные (прежде всего цивилизационно-культурные) основы создания полицентричного мира и процветания мировой цивилизации как симфонии многообразных культур.

Только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры, стержень единства и взаимодействия цивилизаций.

Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как ШОС, РИК и БРИК, вести диалог в рамках АТЭС, регионального форума АСЕАН по безопасности и форума «Азия—Европа», активно участвовать в совещаниях по взаимодействию и мерам доверия в Азии и Восточноазиатских саммитах. Лишь на платформе евразийства российская дипломатия сможет наиболее продуктивно работать в рамках ШОС и АТЭС и вносить свой вклад в преодоление разделительных линий в Азиатско-тихоокеанском регионе и налаживание равноправного сотрудничества в рамках «Большой двадцатки».

Только Россия как евразийская держава способна добиться признания равноправия и взаимовыгодности ее суверенных отношений с Европейским Союзом и США, наладить отношения с новыми растущими экономиками, интегрироваться в региональные структуры.

Евразийская Россия никому не навязывает свои взгляды и свой образ действия. Наша страна открыта для конструктивного диалога с представителями культур Запада и Востока. Сохранение и развитие Россией евразийской идентичности России будет способствовать внутренней консолидации страны, укреплению ее территориальной целостности, делает ее надежным и перспективным партнером для всех стран мира.

Мустафа Тили¹

НОВЫЙ ПОРЯДОК В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время средиземноморское пространство переживает потрясения, которых не испытывало после деколонизации. Народные революции в Тунисе и Египте уже свергли косные авторитарные режимы, которые десятилетиями господствовали там. Политические лидеры в Алжире и Ливии еще цепляются за власть, но и их режимы, вероятно, будут насильственно свергнуты.

Какую роль могла бы сыграть новая система управления в странах южного побережья Средиземного моря в деле выстраивания общего средиземноморского пространства, основанного на разделяемых всеми демократических ценностях и интересах? Какое стратегическое влияние может оказать такая ситуация на данный регион, Европу и остальной мир в эпоху глобализации?

Средиземноморское пространство сегодня — это «дом» для 475 млн человек: 272 млн европейцев, среди которых 20 млн европейских мусульман, и 200 млн не-европейцев — арабов и евреев. Учитывая недавно произошедшие события (ряд переворотов), вполне вероятно, что Союз для Средиземноморья (СДС) — региональная структура, учрежденная в 2008 году по инициативе президента Франции Саркози для укрепления сотрудничества между народами региона, — возродит историческое прошлое этого региона, бывшего колыбелью просвещения, толерантности и гуманизма, и предложит более перспективную модель сосуществования для этого мира, «искалеченного» отрицательными явлениями глобализации и постоянным страхом перед исламским фундаментализмом.

В числе соратников президента Саркози, стоявших у истоков новой инициативы, были два авторитарных государственных лидера — тунисский президент Зин Эль-Абидин Бен Али и египетский президент Хосни Мубарак. Но ни тот, ни другой не остались у власти, а вместе с ними было покончено с представлениями о международном диалоге как о явлении, основанном исключительно на межгосударственных отношениях, без существенного вклада гражданского общества. Каким образом в течение ближайшего времени можно будет заново выстроить средиземноморское пространство при участии и правительств, и гражданского общества?

В Европе вследствие возросший в последние годы напряженности из-за преувеличенного «мусульманского вопроса» возник соблазн забыть о том, что было время, когда ислам представлял собой неотъемлемую часть как европейской жизни, так и более толерантной и менее дискриминационной цивилизации, нежели та, что возникла на Западе после событий 11 сентября 2001 года.

¹ Основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета. Дипломат. Автор книг: «Le Bruit dort», «For Nelson Mandela», «La montagne du lion: roman», «Lion mountain», «La rage aux tripes: [roman]», «Un après-midi dans le désert: roman» и др. Член попечительского совета Фонда «Взаимодействие цивилизаций». Лауреат тунисской литературной премии Comar d'Or.

Сегодня, как и вчера, народы по обоим берегам Средиземного моря (мусульмане, христиане и иудеи), а также их лидеры имеют дело с одними и теми же геополитическими, демографическими и экономическими реалиями. Они должны решать вопросы, угрожающие их сосуществованию, с позиций исторической перспективы и помнить о том, что стигматизация, дискриминация и разделение — отнюдь не единственный путь данного региона.

Грустно наблюдать, как европейские лидеры порой занимают позицию, которая скорее соответствует частным, временным запросам избирательной политики, чем трудным, но многообещающим перспективам долговременного стратегического развития (в частности, речь идет о президенте Саркози).

Характеризуя положение ислама в Европе, французский президент, крестный отец проекта «Союз для Средиземноморья», 10 февраля 2011 года заявил, что политика мультикультурализма «провалилась», и добавил: «Истина в том, что во всех наших демократических начинаниях мы слишком озабочены идентичностью вновь прибывающих и слишком мало — идентичностью принимающей страны. Это поднимает проблему ислама и наших мусульманских соотечественников. Наши мусульманские соотечественники должны научиться жить и исповедовать свою религию так, как и все другие граждане... но это может быть только французский ислам, а не просто ислам во Франции»². Господин Саркози не дал определения «французского ислама».

По сути, замечания французского президента большинством были расценены как отголоски подобных высказываний, сделанных несколько ранее Марин Ле Пен, новым лидером крайней правой партии Франции — Национального фронта.

Более трезво оценивающие ситуацию люди неоднократно признавали, что с VIII по XV век мусульманская Испания, или Аль-Андалус, воспринималась в Европе не только как родина памятников культуры, положивших начало западному Возрождению, но и как вдохновляющая парадигма *convivencia*, совместного проживания, созданная коллективными усилиями мусульман, христиан и иудеев, — опыт, который мог бы служить моделью для любого современного воплощения европейско-средиземноморской интеграции.

Сегодня интеграция средиземноморского пространства в толерантное сообщество на благо мира и процветания всех его народов может иметь место, поскольку осуществлялась ранее и длилась на протяжении почти семи столетий. Подобное достижение в наше время позволило бы предложить миру альтернативу сомнительной модели экономической глобализации.

² Ruadhán Mac Cormac. Sarkozy denounces multiculturalism as 'a failure' // The Irish Times. 2011. 12 February. URL: <http://www.irishtimes.com/newspaper/world/2011/0212/1224289636274.html>

Союз для Средиземноморья — новая модель сотрудничества между 27 странами Европейского Союза и странами Южного Средиземноморья — на первом саммите в Париже (13 июля 2008 г.) принял декларацию, где в разделе, озаглавленном «Стратегическая цель для Средиземноморья», говорится: «Европа и страны Средиземноморья связаны общей историей, географией и культурой. Еще более важно то, что их объединяет общая цель — построить совместное будущее, в котором воцарятся мир, демократия, процветание, а также человеческое, социальное и культурное понимание. Для достижения этой общей цели участники согласились с тем, что необходимо с новыми силами продолжать поиски пути для мира и сотрудничества, изучать общие для них проблемы и претворять эти добрые намерения в действия на основе возобновленного партнерства на пути к прогрессу»¹.

При взгляде на Европу со стороны возникает образ континента, уходящего с мировой арены, который находится в конфликте как с самим собой, так и со своим прошлым. Хотя в реальности все не так просто. Можно сказать, что нынешняя Европа — это часть света, имеющая значительный потенциал, однако реализующая его при условии, что регион сосредоточит свои силы на развитии таких инициативах, как Союз для Средиземноморья — инициатива, при которой метафорическое понятие *convivencia* обретет свое подлинное существование.

Перед новой Европой стоит серьезная задача — найти ответ на вопрос, каким образом территорию Средиземноморья можно превратить в пространство, где царят разум, терпимость, прогресс и всеобщее процветание, как создать своего рода «украшение мира» (говоря словами Марии Розы Менюкаль, назвавшей так свою книгу, посвященную Аль-Андалусу²).

Безусловно, нелегким делом окажется создание новой средиземноморской *convivencia* (совместная жизнь), в которой 475 млн жителей Средиземноморья будут озадачены решением проблем, связанных с обеспечением мира и благополучия, безопасностью на море, энергетикой, транспортом, сельским хозяйством, градостроительством, защитой окружающей среды, информацией и коммуникациями, туризмом, здравоохранением, развитием человеческого потенциала, образованием и научными исследованиями, диалогом культур, правом и справедливостью, усилением роли женщин в обществе, миграцией, молодежью и т. д.

Развитию вышеперечисленных областей было уделено внимание в окончательном постановлении³, принятом странами — членами Союза для

Средиземноморья на форуме в Марселе, проходившем 3–4 ноября 2008 года, когда страны «стратегические цели для Средиземноморья» перевели в область практических действий.

Для правильной оценки шансов на успех обновленного Союза для Средиземноморья необходимо рассмотреть две важные особенности революций в Тунисе и Египте. В обоих случаях важную роль сыграли такие положительные явления глобализации, как цифровые технологии, в первую очередь социальные сети (например, Facebook, Twitter и YouTube). Кроме того, по мнению большинства, обе революции — и в Тунисе, и в Египте — носили преимущественно светский характер. Особенно ярко это проявилось в Тунисе вследствие наличия здесь обширного образованного среднего класса, а также благодаря его многовековому взаимодействию с Европой, начавшемуся еще во времена Просвещения⁴.

Широкое и эффективное использование социальных сетей в обеих странах продемонстрировало высокий уровень сетевых навыков и творческих способностей, присущих молодому поколению. Однако более важен очевидный факт — беспрецедентный уровень политической грамотности и активности этого поколения — тенденция, на которую первоначальным разработчиком программы Союза для Средиземноморья нужно обратить особое внимание при стратегических расчетах.

Проверкой успешности любой новой структуры, созданной для решения проблем в Средиземноморском регионе, станет то, в какой степени эта структура будет отвечать стремлениям и надеждам молодого, политически грамотного поколения, живущего по обоим берегам Средиземного моря.

Вполне возможно, что «цифровая демократия» — последний шанс избавления ее от апатичности, особенно в Европе, где традиционная политика утратила доверие граждан. Направляемая Facebook демократия более не является теоретическим вымыслом или иллюзией исследователя из цифровой лаборатории — тунисская и египетская революции доказали ее реальность. В эпоху глобализации это может стать поворотным моментом для целого мира.

По этим причинам новый Союз для Средиземноморья и выстраиваемое им средиземноморское пространство могут стать основой реализации новой морали, базирующейся на ценностях, которые мобилизовали молодежь Туниса, Египта, а именно: свобода, личная ответственность, открытость, толерантность, солидарность со слабыми и угнетенными, справедливость, равенство полов и другие основные демократические права и права человека.

И философы эпохи Просвещения, и Иммануил Кант одобрили бы моральные принципы, выраженные в сообщениях, наводнивших киберпространство во время тунисской революции. Нравственный

¹ Совместная декларация, принятая на саммите Союза для Средиземноморья (13 июля 2008 г., Париж). URL: <http://www.info-france-usa.org/spip.php?article1043>

² Menocal M. R. Ornament of the World: How Muslims, Jews and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain. N. Y., 2002.

³ Барселонский процесс : министерская конференция Союза для Средиземноморья (3–4 ноября 2008 г., Марсель). Окончательная декларация. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/103733.pdf

⁴ Tlili M. Whither Tunisia's 'Jasmine Revolution'? // Project Syndicate. 2011. 20 January. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/mtlilil/English>; Timpane J. Arab world shaken by power of Twitter and Facebook // Philadelphia Inquirer. 2011. 27 January. Pg. A01.

секуляризм в своем лучшем проявлении был широко представлен в Тунисе — от тесных улочек Сиди-Бузида до изысканной авеню Хабиб Бургиба. Отголоски обновленного ощущения принадлежности к одному человеческому роду и следования одним и тем же нравственным законам широко распространились по Средиземноморью, были подхвачены средиземноморскими европейцами, услышавшими в доносившихся с другого берега требованиях и ожиданиях эхо собственных несбывшихся надежд.

Сформировав новое чувство всеобщности демократических идеалов, Twitter, Facebook и другие цифровые платформы в большой степени компенсировали негативные аспекты глобализации (рост уровня проституции, терроризма, финансовых преступлений и других «болезней» общества), предложив форум для возникновения глобального нравственного сознания. В обозримом будущем этот форум приобретет значимость не только для революций в мусульманском мире, но и для социальных и политических изменений в Европе, находящейся в поиске своей души и новых форм совместной жизни.

В свете этой внушающей надежды тенденции следует ответить на вопрос: как долго Европа будет одержима идеей исламского фундаментализма? Сколько времени так называемый «мусульманский вопрос» может использоваться в качестве инструмента для подавления политических противников? Молодые европейские избиратели, которые сегодня уже кое-чему научились, вряд ли отнесутся благо-

склонно к такой оппортунистической тактике, особенно если демократический опыт в Тунисе и Египте успешно достигнет своей секулярной цели.

В этом случае можно представить ислам в Европе и как веру, которую каждый гражданин имеет право исповедовать в соответствии с принципами либеральной демократии, и как культуру и цивилизацию, «оплодотворявшую» Европу на протяжении более чем семи столетий, сформировавшую ее идентичность и направившую на путь модернизации. В действительности ислам мог бы стать мостом, соединяющим два берега Средиземного моря. Может быть, люди, которые сегодня в Тунисе, Египте (а завтра, может быть, в Алжире и Ливии) разгромили режим тиранов и вдохновили мир своей храбростью, защитят Европу и Запад от бича анахронического «исламского» политического терроризма.

Наконец, можно надеяться, что эти люди вместе со всеми гражданами средиземноморского пространства — мусульманами, христианами и иудеями — смогут найти новые решения многовекового конфликта на Ближнем Востоке и удивить мир справедливостью, нравственной целостностью и человеческим достоинством. Принадлежа к одной средиземноморской семье, они отвергнут экстремизм любого толка, а также «привычную политику», и предложат палестинцам и израильтянам панацею, к которой давно стремятся оба народа, но которую не смог предложить умирающий старый арабский порядок.

Ж. Т. Тошенко¹

КЕНТАВР-КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ЛИКИ

Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать.
М. Горький

Современная духовная жизнь и ее ядро, смыслообразующее содержание которой определяет культуру,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор. Главный редактор журнала «Социологические исследования». Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лика власти», «Этнокрафия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?»; а также учебников: «Социология», «Социология труда», «Политическая социология», тематического словаря-справочника «Тезаурус социологии». Под его редакцией вышли 12 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире» и др. Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Член редколлегии журнала РАН «Общественные науки». Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Почетный профессор Института социологии РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского, медали П. А. Сорокина.

тура, переживают сложные и неоднозначные процессы. В анализе происходящих в ней изменений обычно преобладает: а) стремление выделить позитивные или негативные явления и процессы; б) анализ проблемных ситуаций; в) сопоставление исторического опыта развития и функционирования культуры. Не отрицая важность таких походов, на наш взгляд, незаметными и непроанализированными остаются своеобразные новообразования в культуре, которые, как это ни парадоксально, сочетают на первый взгляд несоместимые черты, но которые продолжают существовать и развиваться.

Эта ситуация отражает широко распространенное явление, которое затрагивает практически каждое научное направление и соответственно присутствующую им деятельность. В XX веке были выявлены удивительные, парадоксальные процессы, которые были обнаружены как естественными, так и социальными, гуманитарными науками. Они (эти явления и процессы) назывались различными терминами (понятиями), и поэтому долгое время казалось, что речь идет о разной их природе, об их несопоставимости и специфичности. Однако со временем

стало выясняться, что, несмотря на кажущуюся несравнимость, они удивительным образом обнаруживали некое единство, что позволяло говорить об уникальном феномене, имеющем одну общую, хотя и парадоксальную природу и основу. Представители разных наук называли их различными именами: физики — волной—частицей и пространством—временем; биологи — фенотипом—генотипом; психологи — сознательным—бессознательным; лингвисты — синхронией—диахронией; математики — бинарной системой исчисления; писатели — потоком сознания, новым романом; художники — коллажами, инсталляциями, ассамбляжами; музыканты — классической—легкой музыкой; искусствоведы — ренессансом—барокко и иконологией—иконографией; историки — подвижной—неподвижной историей; философы — феноменологией—структурализмом; юристы — авторским правом — свободой слова¹. В попытке осмыслить эти разнообразие определения открытых или открываемых явлений наука вернулась к одному забытому термину, который ранее употреблялся в основном в мифологии и литературе, ее описывающей и осмыслявшей. Речь идет о таком уникальном термине, как *кентавр-проблема*, который позволяет объединить (охватить) в единое понятие разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся как в познавательной, так и в преобразующей деятельности человека.

На феномен кентавризма долгое время не обращали внимания, или эта проблема затрагивалась вскользь, попутно, в основном при анализе проблем мифологии. На наш взгляд, она стала актуальной не только для названных наук и научной деятельности, но и для культуры, духовной жизни общества в целом.

Причины и угрозы кентавризма в культуре

Чтобы выявить общее и специфическое в новообразованиях, тенденциях и фантомных явлениях в духовной жизни, прежде всего ответим на вопрос, почему стало возможным *появление кентавров в сфере культуры?*

На наш взгляд, основой для кентавризма как во всем российском обществе, так и в сфере культуры стали неопределенность, расплывчатость вектора общественного развития, нечеткость и неясность представления о том, какое государство строится, что ожидает россиян в ближайшем будущем, к чему они должны стремиться. Эта ситуация усугубляется дискредитацией всего предшествующего советского опыта, в том числе и исторического. Одновременно выявилось, что предлагаемые и с таким энтузиазмом декларируемые средства развития, такие как рынок, демократия, глобализация и другие, не дали адекватный общественным потребностям ответ. Эта неопределенность дополняется отсутствием или отрицанием идеалов, ориентиров общественного и личного развития. К этому добавилась полная дезорганизация общественного сознания, которая возникла

¹ Чучин-Русов А. Е. Возвращение кентавров // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 164.

в ходе реализации самого худшего варианта преобразования общественных отношений в результате перехода от советской к постсоветской России. «Одно из главных “завоеваний” российского либерализма — людей отучили всерьез доверяться хоть какой-нибудь идее, какому-нибудь слову, какому-нибудь лидеру»². К причинам расцвета, или нашего кентавризма в сфере культуры можно отнести: отказ от конструктивной деятельности, лжеинноваторство, амбициозные претензии на конечную истину. Нередко эти объективные причины дополняются субъективными факторами — жадностью славы, стремлением проявить себя вплоть до геростратовских акций.

Данный анализ начнем с напоминания общепризнанного утверждения: культура есть деятельность по созданию, трансляции и потреблению материальных и духовных ценностей, код по воспроизводству духовности народа. В рамках этого подхода определяются ее формы и методы: анализируется высокая и народная культура, общая, локальная и региональная, мировая и национальная, публичная и личная. Культура может рассматриваться в связи с ее различными функциями: экономической, политической, правовой, эстетической и т. д.³ Есть реальные попытки идентифицировать понятия «общество» и «культура», как это делается в творчестве известного американского социолога Дж. Александра⁴ и частично у российского исследователя Л. Ионина⁵, хотя ими это не всегда прямо декларируется, но объявляется, что все, что существует в обществе, — это культура и ее продукты. Правда, возникает вопрос, а зачем нужны эти два понятия — «общество» и «культура», если они сущностно совпадают?

В конце XX — начале XXI века значительное внимание стало уделяться анализу новых тенденций в развитии духовной жизни. Однако если в целом проанализировать попытки рассмотрения совокупности процессов развития культуры, то можно сделать вывод, что основной тенденцией различных подходов является стремление говорить о позитивных изменениях и мало уделять внимания тому, что является угрозой духовности народа, его нравственному облику.

Какие опасные явления в развитии культуры угрожают духовно-нравственному здоровью общества?

² Прилепин З. Бабушки называют моим именем внуков // Известия. 2010. 19 марта.

³ См.: Иконникова С. Н. История культурологических теорий: идеи и судьбы. СПб., 2001; Козан Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992; Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 1996; Мангейм К. Избранное. Социология культуры. М., 2000; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; Шендрик А. И. Социология культуры. М., 2008; и др.

⁴ Александер Дж. К. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности—II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева. Казань, 2001; Он же. Смыслы социальной жизни. Культурная социология. СПб., 2003.

⁵ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.

Во-первых, осуществляются и не прекращаются попытки превратить явления культуры (и искусства в том числе) и большинство ее результатов в товар. Именно с этих позиций рассматриваются продукты культуры все возрастающим количеством менеджеров, управленцев, чиновников. В результате сократилось число музеев, закрыты библиотеки, особенно сельские, резко уменьшилось количество кинотеатров. Соответственно прекратили свою деятельность многие творческие народные коллективы (художественная самодеятельность), дворцы пионеров, детские спортивные клубы как не приносящие никакой прибыли, а наоборот, требующие субсидий, материальной и финансовой поддержки¹.

Во-вторых, культурная деятельность по производству, трансляции и потреблению приобретает черты агрессивности, наступательности, вплоть до акций, не пренебрегающих никакими средствами по навязыванию низкопробных взглядов, вкусов, предпочтений. Наступление различных видов гламура, кич-культуры и трэш-культуры стало настолько обычным явлением для распространения пошлости и снобизма, что вытеснят все разумное, светлое, все, что заставляет человека задуматься над своей жизнью, жизнью окружающих его людей и общества. Понимание культуры пытаются свести к представлению о своей исключительности, которая достигается не столько талантом и пониманием народа, сколько местом в рейтинге себе подобных. Засилье околхудожественных произведений серьезно сказывается на кругозоре молодого поколения, на воспитании в нем психологии потребительства и безразличия.

В-третьих, под влиянием деформированных видов общественного сознания и социальной практики культура стала приобретать характер всеядности, вседозволенности, когда нет никаких ограничений, никаких запретных или сомнительных тем и вопросов. В результате мы имеем «культурализацию» шизофренических и просто психопатических поступков, вплоть до возвеличивания или просто демонстрации противоестественного поведения людей (А. С. Запесоцкий)².

В-четвертых, идет сознательная ориентация на то, чтобы предлагаемые продукты этих культур не только оправдывали, но и пропагандировали примитивные вкусы и предпочтения, торпедировав все усилия по возвышению нравственных ориентиров до самых высоких стандартов духовно-нравственного поведения. «Как может оценивать современную литературу человек (Виктор Ерофеев и его передача «Апокриф». — Ж. Т.), — возмущался Савва Ямщиков, — который проповедует матерщину и порнографию?»³

В-пятых, идет препарирование произведений литературы, искусства до неузнаваемости, до такого их

обличья, когда от первоначальной сути не остается ничего, кроме внешней оболочки, которая нередко тоже разрывается согласно «новому прочтению» или «новой интерпретации».

И наконец, ориентация творцов этих форм культуры направлена не на то, чтобы добиться понимания, усвоения общепринятых ценностей, не на достижение истины, а на принятие пропагандируемых образцов, которые имеют целью скорее дезориентацию, чем просвещение и усвоение информации, ценностей. И тогда карнавал превращается в матерщину.

Поэтому, на наш взгляд, *в условиях неопределенности и неоднозначности развития культуры в российском обществе расцвели различные кентавристические образования, которые условно можно назвать эрзац-, псевдо-, квази-, контр- и паракультурой*, которые не просто заняли определенную нишу, а претендуют на то, чтобы стать если не главными, ведущими, то олицетворяющими дальнейшие шаги в развитии культуры. Это даже не массовая или поп-культура — это гораздо опаснее и тревожнее, чем кажется на первый взгляд. По нашему мнению, *создается уникальный феномен, который можно назвать кентавр-культурой*. Его суть проявляется в том, что при помощи этих явлений в развитии культуры (и искусства) создаются процессы, которые олицетворяют несовместимые сущности, но которые преодолеваются ее творцами и, более того, успешно конкурируют с настоящей, в том числе и народной, культурой.

Эти кентавристические моменты проявляются, во-первых, в образе *эрзац-культуры*. Суть этого явления — создание *суррогатов*, неполноценных заменителей, которые примитивизируют жизнь, сводят ее к эксцессам и в конечном счете создают мир человека в виде некоего правдоподобия при полном отсутствии даже не идеалов, а элементарного уважения к людям, к их духовности. Многие пропагандируемые литературные произведения, удостоенные всяческих премий, представляют собой продукт «дегенеративных идей», «стеба, ужимок и прыжков, веселого швыряния друг в друга телами покойников», «ритуальные оргии в морге с поеданием трупов», с бесконечным использованием мата и распитием «матеры из ночного горшка»⁴.

Эрзац-культура нередко представляет собой эклектичное соединение реально существующих проблем, которые, будучи искусственно соединены, образуют механистические образования, состоящие из несовместимых компонентов ни по творческому содержанию, ни по художественному стилю. Ее функционирование сопровождается отрицанием нравственных ориентиров, что позволяет воспевать и считать естественным описание испражнений человеческого тела, считать нормой полное обнажение человеческого тела на театральной сцене. Попытка выдать это за то, что жизнь человека должна быть отображена во всей ее полноте, в том числе в ее

¹ Запесоцкий А. С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 7–17.

² Философия российской телесности: сб. СПб., 2009.

³ Ямщиков С. От «совести» к «дерьму» // Аргументы и факты. 2006. № 3.

⁴ Чудинова Е. П. Мама с папой едят матом // Наше время. 2006. № 18. 8–14 нояб.

неприглядности, реальной безобразности, и создают такие «образцы» культуры, которые противостоят источнику всякой культуры — народной — и ее традициям. Сюда же можно отнести тех, кто считает нормой использование матерщины в повседневной жизни (причем эти деятели нередко выдают себя за глубоких интеллектуалов). «Сейчас, — говорит А. Калягин, председатель Союза театральных деятелей, — даже на самых прославленных и известных сценах страны возможно все, от голой задницы до грубой матерщины»¹. В результате создаются такие образцы культуры, которые являются антиэстетической продукцией, перестают быть нравственными ориентирами.

Во-вторых, все больше в жизни общества занимает *псевдокультура*, которая ориентируется на масштабную фальсификацию реальности и ее культурной составляющей, на полностью вымышленный и часто извращенный мир человека, социальных групп, общества. Диапазон этой кентавр-культуры очень широк — от цинизма до создания примитивных фантазмагорических произведений, от идеализации прошлого до оправдания пороков и отвержения собственной культуры. В лучшем случае продукцию этой культуры можно отнести к *примитивной или извращенной фантазии*. Эта культура базируется на искажении, вольной и предвзятой трактовке проявлений человеческого разума и реальной человеческой деятельности. К ним относятся творения новых открывателей истории России и всеобщей истории (Фоменко и его последователи), которые на основе использования внешних признаков (в данном случае использования реальных событий астрономического характера — затмений Солнца и Луны) опровергают все накопленные многими поколениями историков знания о реальной истории человечества.

Особенно много этих проявлений в сфере науки. Поэтому Российская академия наук сочла необходимым создать специальную Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, ибо под прикрытием науки пропагандируются различные измышления, настойчиво навязываются псевдопроблемы, не имеющие никакого отношения к ней. Помимо непрекращающихся попыток решить актуальные проблемы путем внедрения различных перпетуум-мобиле, к таким псевдооткрытиям можно отнести фантазии некоего Петрика, психолога по образованию, который в купе со спикером Государственной Думы Грызловым предложил прибор по очистке воды от радиоактивного заражения. Кстати, его внедрение потребовало бы от государства затрат на 15 трлн руб. А пока результатом стало мнение Грызлова, что в Академии наук «сидят мракобесы», потому что они отвергли это «открытие» как несостоятельное, элементарно безграмотное.

Олицетворением псевдокультуры являются такие феномены, как попса и гламур. Что касается попсы, то, во-первых, ее исходной характерной чертой вы-

ступает отсутствие вкуса. Во-вторых, она окрашена серостью в осмыслении того, что волнует людей, общество, мир. К этому примыкает и леность мысли, ибо попса ограничивает себя примитивными сравнениями, образами, поражает скудностью осмысления происходящих вокруг изменений. Попса нигде не зовет — она играет на низменных чувствах людей, ибо переизбыток патоки или «кошмаризация» происходящего — ее любимые приемы. Даже человеческая боль выглядит в мире попсы как нечто надуманное, случайное, преходящее, на что не следует обращать внимания. Попса ориентирована на то, чтобы «потрафлять» запросам достаточно ограниченного круга лиц, оставаясь равнодушной к истинным переживаниям и страданиям. Ей присущи фарс, пренебрежение, отсутствие элементарного вкуса. А самое главное в ней — отсутствие чувства меры, которое постоянно путает возвышенное с низменным.

Что касается гламура, то он выступает в виде декларируемой социальной демаркации — принадлежности к определенному социальному слою. Ничего творческого, содержательного в этой форме псевдокультуры не содержится. В ней главное — внешнее соотнесение себя и своего окружения с пользователями недоступных большинству возможностей, в основном связанных со значительными материальными затратами на поддержание своего статуса. Последний выражается в большинстве случаев в специфической одежде, оснащении своего жилья, экипировке средств передвижения, пользовании вычурными услугами и демонстрации участия в тусовках различного калибра.

Как попса, так и гламур грешат вычурностью, доходящей до занудства, искусственностью создаваемой ими среды, отсутствием элементарных и возвышающих человека переживаний, стремлением реализовать завещанную Кузьмой Прутковым идею «Казаться больше, чем есть» или «Быть больше, чем ты кажешься». Они не предполагают постижения таких высот, как выражение трогательной высоты чувств, осознание жертвенности, понимание ответственности за судьбы окружающих людей (кроме самих себя и возможно отдельных близких, по тем или иным причинам приближенных). Их нередко сопровождает снобизм, стремление возвыситься над окружающим миром, патологическое желание быть избранным в этом мире. Ориентация на то, чтобы пошкотать нервы, славословить, выслушивать возвеличивающие речи и даже принимать прислужничество, — эти личностные пороки доходят до таких высот, что полностью отрывают их носителей от грешной повседневной действительности. Они хотели бы видеть себя «на возвышении», которое знаменовало бы их преимущество перед толпой, «быдлом», ради чего они готовы жертвовать всем, лишь бы не лишиться достигнутого статуса и такого же сомнительного социального положения.

Псевдокультуре присуща безответственность, ибо за последствия пропагандируемых ее образцов так называемого культурного поведения она не несет

¹ Калягин А. Театр, выставленный на продажу // Независимая газета. 2006. 3 марта.

и не собирается нести ответственности, так же как и отвечать за деформацию нравственно-духовного развития общества.

В-третьих, еще одним обликом кентавр-культуры выступает *квазикультура*, олицетворяющая ложные, мнимые феномены в основном в стиле подражательства, что могло быть только более или менее правдоподобным слепком с уже ранее существующего и даже значительного. В рамках этого кентавристического порождения возвеличиваются и приподнимаются мнимость, значимость, надувание мыльных пузырей и постоянная претензия на новаторство. По мнению С. Юрского, в современном театре, российском и мировом, происходит процесс гниения, когда нет идей, а если они и есть, то это «внешние идеи», которые можно соотнести с обертками конфет, в которые можно завернуть и «простенькую карамель», и прекрасные классические вещи. В квазикультуре сосредотачиваются такие ее характеристики, как похожесть, подобность, претензия на то, чтобы быть рядом, возле, но вне предшествующей культуры. В не меньшей мере ей присущи амбиции, претензии, попытки сформировать свою особую миссию в современном культурном мире. В то же время псевдокультура не чурается возвеличивания аморальности, выдавая ее за естественные причины движения человеческой души.

Квазикультура усиленно создается и в литературе. По утверждению многих людей, причастных к литературному творчеству (и не только их), в постсоветской России практически исчезли произведения, которые описывают жизнь простых людей: учителей, инженеров, рабочих, крестьян. Их место заняли рассуждения, рассказы и обсуждение жизни преуспевающих людей, их окружения, описание ту-совок, а также «страдания» владельцев замков, персональных самолетов, иномарок вкупе с приключениями артистической богемы и спортивных звезд вперемешку с разного рода «стрелялками». Налицо, как пишет писатель А. Макаров, политический гламур в журналистском и литературном оформлении, по сути, являющийся буржуазной журналистикой и буржуазной литературой, которые «по странной игре природы именуется демократическими, хотя проповедуют и воспевают вовсе не простоту, не естественность, не общедоступность, не скромность притязаний и не отсутствие привилегий»¹. Чем не новоявленный кентавр, пытающийся совместить служение истеблишменту и желание быть олицетворением преданности демократии?

В-четвертых, одним из проявлений кентавризма выступает *паракультура*, которая постоянно делает попытку создать исключительно новую реальность, не относящуюся к накопленным и апробированным человечеством духовным ценностям. Ее основу создают астрология, мистика, паранормальные явления вроде колдовства и знахарства. Особенно пагубную роль она выполняет, когда претендует на методы вроде сеансов массового гипноза таких це-

лителей, как Кашпировский, Чумак или прошумевшая в 1990-е годы прорицательница Джуна. Немалую долю вносит абсолютизация мистики, которая базируется на национальных и религиозных началах. Ей присуща также пропаганда пороков и извращений.

И наконец, необходимо сказать о *контркультуре*, в которой реализуется полное отрицание или полное противопоставление культуре, существующей в реальности и разделяемой большинством населения. Ее назначение — противопоставить себя существующей культуре, отрицать ее, что находит свое выражение в сектантских, изуверских учениях, в том числе и религиозного характера. Одиозность, антигуманистическая направленность, нигилизм контркультуры паразитируют на отрицании всей предшествующей культуры, претендуя на создание нового искусственного образа культуры. Контркультура культивирует конфронтацию вплоть до насилия над всеми инакомыслящими. Это проявляется в определенном сектантстве. Ей присуща двойная мораль в духе идеологии одного из губернаторов «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина, девизом которого было: «Надо внедрять в народ науку и просвещение, желательно без кровопролития». Именно в этой культуре, как нигде, проявляется ее кентавристическая сущность — провозглашать одни ценности и ориентиры, но следовать другим.

Таким образом, все эти формы кентавр-культуры направлены на создание духовно-нравственных монстров, которые объединяют принципиально несовместимые элементы. Но их опасность велика, и даже не столько потому, что они коммерциализируют культуру, сколько потому, что они подготавливают цивилизационный крах страны, разрушают нравственные ценности народа, направлены на снижение и обнищание его духовности.

Методы действия превращенных культур

Создание в российском обществе в огромных масштабах кентавр-культуры в лице эрзац-, квази-, псевдо-, пара- и контркультуры сопровождается применением методов, которые отражают намерения и помыслы далеких от художественного творчества людей. Эти методы включают попытки организовать как можно большие *аудитории потребления*, завоевать массовость, привлечь как можно большее количество «хавающих» персонажей. При этом используются такие приемы, которые играют на инстинктах, опираются на сумеречное сознание, на побуждение в человеке того, что ограничено нравственными табу. Так, секс из таинства, интимности превратился в открытые формы его пропаганды со всеми возможными атрибутами, вплоть до извращенных. Именно под этим флагом осуществляется *романтика аморализма*. А как иначе оценить бесконечную демонстрацию различных нравственных табу, вмешательство в такие сферы жизни человека, которые претят не только национальным, но и общепринятым в мире обычаям и традициям. Немалое недоумение вызвало присуждение премии ТЭФИ (премии Российской академии телевидения) Ан-

¹ Макаров А. Дресс-код у журнального подъезда // Литературная газета. 2010. 17 мая.

дрею Малахову за передачу «Пусть говорят», которая попирает элементарные представления о морали. Поэтому неудивительно, что общественное мнение, вопреки решению академиков этой академии, воспринимает это как признание пошлости¹. Одновременно с процессами, направленными на нравственное оскудение общества, происходит, по выражению Красникова, дебилизация населения².

Не менее значительным методом стало превращение массовых проявлений культуры в одно *бесконечно шоу*. Шоу имеет право на существование как один из методов доведения культуры до общественного сознания, но превращение всех видов культуры только в один единственный прием — в шоу — не просто ограничивает и коммерциализирует культуру, а деформирует и извращает ее. Именно этой цели отвечает поощряемая и поддерживаемая официально заказная литература и соответствующие ей явления на подмостках сцены, в кинематографе, на эстраде³.

Распространенным методом стала игра, ориентированная не на привлечение людей в производство культурных ценностей, а на превращение их просто в соперничающих лиц, которые неведомыми путями превращаются в *соучастников этих шоу*. Такие приемы, как «разогреть публику», возможны, но имеют свои ограничения и табу. Результатом этого является отстранение людей от социальной направленности культуры, игнорирование того, что на самом деле заботит и волнует общество, людей. В стороне остаются горе и нужды, социальные катаклизмы и национальная трагедия, которая коснулась каждого человек в нашей стране в 1990-е годы. Даже такой метод, как оперативность, превращается в один из приемов зарабатывания денег, что толкает «мастеров культуры» на *лжеподражательство, лже-символику*, вплоть до производства «чернухи», бездумного заимствования того, что есть у «них».

Согласно постмодернистским настроениям широко применяется такой прием, как *развлекаловка*, попытка охватить все без разбору — от умения печь блины и рассказов о капризах домашних животных до попыток снабдить свои размышления скабрёзными измышлениями по поводу личной жизни избранных персонажей или скандальных эпизодов, как, например, произведения скандально известного Сорокина и эпатажного Ерофеева, которые, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «народ загадочный, от природы покрытый скользким веществом»⁴.

Нередко используется метод, который, по меткому выражению писателя Ю. Полякова, можно назвать *варваризацией*, когда под флагом борьбы с «проклятым советским прошлым», «имперским патриотизмом», отказа от национальной культуры происходит «превращение Парнаса в Лысую гору», рас-

пространение оскверняющих баск о Великой Отечественной войне или глумливое вранье про союзную Белоруссию. Диапазон искажения и просто клеветы охватил практически все (без исключения) стороны российской истории и нынешней действительности, касается ли это событий, связанных с Гражданской войной и первыми пятилетками, или таких событий, как депортация народов, комсомольские стройки и даже освоение космоса. Это сопровождается девальвацией жанра — поют все: и Шифрин, и Жириновский, и Лолита, сочиняют рассказы и повести все кому не лень, тем более что это чтиво можно разместить в Интернете⁵.

Получили распространение методы, которые ориентированы на *борьбу со всеми, кто их окружает, кто предшествовал, кто предлагает свое видение происходящих процессов в культуре*. Это своеобразный посыл — «знаем, с чем и кем ведем борьбу, но не знаем, во имя чего». То есть декларируется факт увлечения самим процессом борьбы без обращения внимания на то, что предлагается достичь и получить. Выросло огромное количество людей, не способных ничего самостоятельно сделать, творить, но умеющих (и достаточно убедительно) критиковать все, окружающее этих скептиков. В результате появились группы персонажей, которые обличают все старые, а заодно и новые достижения в литературе и искусстве.

Огромное место в методах современной культурной деятельности занимает *мифотворчество, в том числе и черная мифология*⁶, которые направлены на то, чтобы по-своему, по-иному интерпретировать происшедшие и происходящие события. Особенно было модно (да и сейчас в той или иной мере сохраняется) вспоминать, каким трудностям, преследованиям, ограничениям подвергались деятели культуры в советское время. Я называю это явление следующим образом: расчесывание комариных укусов до фронтовых ран. Поэтому вполне справедливо замечание нашего соотечественника — всемирно известного скульптора Э. Неизвестного — по поводу скандала, который случился на встрече Н. Хрущева, первого секретаря ЦК КПСС, с представителями художественной интеллигенции в 1962 году. По его словам, это событие так обросло мифами, что определить истину, фантазии и просто деформацию трудно, если не сказать невозможно.

Созданию кентавристических явлений в культуре в немалой степени способствуют *бездумность, слепое копирование зарубежных образцов культуры* (как западных, так и восточных). Глобализация не должна заслонять ценности и значимости национальных культур. К сожалению, в российской действительности идет интенсивное не столько смешение, сколько замещение национально особенного неким абстрактным цивилизационным образцом, в одинаковой степени безликим и бездумным. Иначе говоря, такие методы работы ведут к *духовному колониализ-*

¹ Воспитание пошлости // Известия. 2005. 21 нояб.

² Красников Г. Шоковый ренессанс // Литературная газета. 2007. № 1. 17–23 янв.

³ Поляков Ю. Писатели и пипы // Литературная газета. 2005. № 52.

⁴ Салуцкий А. Поп-культура и пип-халтура // Литературная газета. 2006. № 6. 6–14 февр.

⁵ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры? // Литературная газета. 2005. № 29. 20–26 июля.

⁶ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?; Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.

му. Под его флагом вольно или невольно происходит навязывание чужих эталонов культуры вместо творческого их переосмысления и использования, как это делает творческая интеллигенция в Японии, Китае, Индии: лучшие достижения мировой культуры подвергаются трактовке и интерпретации, исходя из национального менталитета, что позволяет создавать уникальные национальные произведения искусства и литературы.

Анализ методов действия различных культур позволяет различать их в социологии и культурологии. На наш взгляд, культурология сосредоточивает внимание на сопоставлении и сравнении различных появлений культуры в ее многообразии, генезисе идей, на соотношении различных компонентов — от искусствоведческих до инфраструктурных. То есть внимание сосредоточивается на всех гранях культуры — от идей до материальной базы, от традиционных до поисковых, новаторских компонентов. И для культурологии анализ кентаврических моментов — это внимание к сущности и содержанию новообразований, которые необходимо понять, объяснить и определить их возможности и место в духовной жизни общества.

Социология уделяет внимание социальным аспектам и последствиям этих феноменов, осознанию (представлению) воображаемого мира, что воплотилось в образах, в которых совмещались несовместимые элементы (сфинксы, русалки, ангелы, лешие и т. п.). При анализе кентавр-проявлений социология обращает внимание на то, как этот феномен воспринимается читателями (слушателями, зрителями), какие чувства испытывают люди, какими идеями и соображениями руководствовались творцы, создающие эти произведения. Социология сосредоточивает внимание на таких реально существующих феноменах общественной жизни, которые проявляются в кентавр-явлениях, кентавр-процессах, кентавр-образах, кентавр-личностях и которые можно изучить и измерить при помощи социологического инструментария (например, капиталист—коммунист, судья—коррупционер, колдовство и ясновидение, госкорпорации и др.).

Идеологи кентавр-культуры

Рассмотрение феномена кентавр-культуры невозможно без анализа ее творцов, носителей и идеологов. По существу, это означает, что необходимо вести речь о фантомных персонажах, которые особенно отчетливо проявляют себя в переломные эпохи, одна из которых — российское общество.

Как правило, идеологи кентавр-культуры обладают такими характеристиками, как болезненное стремление к славе, известности, паблисити. Часто, потерпев неудачу в попытках заявить о себе методами и средствами, обычно применяемыми в сфере культуры, эти фантомные лица идут на эпатаж, скандалы, на другие акции, которые могут привлечь общественное внимание к их персонам и, возможно, к их деятельности. Они тонко чувствуют конъюнктуру. В ельцинские времена клеймить СССР,

КПСС и советскую власть было весьма прибыльным и востребованным бизнесом. Затем наступил период учета пожеланий «вертикали власти» или, наоборот, работы только на гранты, когда рассчитывали на поддержку тех, кто издали усиленно продолжал ратовать за развитие российской демократии. Среди этих успешных людей было немало тех, кто представлял «оффшорную литературу»¹.

В связи с этим отдельно хотелось бы отметить формирование особой социальной группы — лже- и поп-экспертов, которые настойчиво, оккупировав телевидение и другие средства массовой информации, навязывают свое видение этих деформированных и извращенных форм и продуктов культуры. Причем многие из них образовали специфический слой российского общества — герострату, вольно или невольно нацеленную на разрушение российской цивилизации. Они в полной мере реализовали такие формы работы, которые сродни «черной фантазии», ибо в ее рамках нет ничего светлого и достойного в истории страны и ее культуре. Непонятными становятся некоторые конструируемые кентавры вроде официально созданного специального фонда для улучшения имиджа России за рубежом. В него вошли в большинстве своем именно те, кто поносит Родину, все годы постсоветской России «только тем и занимаясь, что ухудшал образ нашей страны в глазах мирового сообщества. Кому пришло в голову, — спрашивает писатель Ю. Поляков, — образно говоря, формировать службу безопасности курятника исключительно из хорьков?»²

Эта ситуация осложняется тем, что лжеэксперты получили в свое распоряжение телевидение и Интернет. Это дает им возможность организовать обратную связь с потребителями по своему выбору и предпочтениям, создавая еще один эрзац-символ со ссылкой на «связь с народом». Эти интерактивные связи навязывают свои стандарты, свою интерпретацию при помощи разных приемов, известных еще по теории пропаганды Лассуэлла: кто, кому, каким образом и с каким результатом доводит информацию до потребителя.

Анализ содержания многих СМИ и особенно телевизионных программ в конце 1980-х — 1990-х годах показывает, что их деятельность провоцировала «культурную травму»³. Эта «травма» порождала такие феномены, как «моральная паника», повышенная тревожность, осуждение и отказ от прошлого. Эти феномены создавались и внедрялись в сознание людей при помощи различных публикаций, передач, проектов, самыми яркими из которых был цикл фильмов Е. Киселева «Новейшая история» и Л. Парфенова «Намедни. Наша эра. 1961–1991». Архивные материалы, на которых строилась эта продукция, утрировались, носили характер безапелля-

¹ Рыбас С. От «оффшорной» литературы к национальной // Литературная газета. 2006. № 10. 15–21 марта.

² Поляков Ю. Государственная недостаточность // Литературная газета. 2004. № 37; *Он же*. Зачем вы, мастера культуры?

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008. С. 84–85.

ционного обличения, были наполнены праведным гневом¹. Результатом было чудовищное искажение действительности, которое вылилось не только в культурную, но и в большую социальную травму, дезориентировав и дезорганизовав жизнь миллионов людей.

Немалую часть среди идеологов кентавр-культуры представляют «дуни смиренные», «исписавшиеся писатели вроде Аксенова, когда-то изумительного советского писателя»², которые владеют мощным идеологическим оружием — телевидением, газетами, радио, искусством. Они *опошляют культуру*, искажают ее роль и призвание, формируют поколение «хавающих» низкопробную продукцию, производимую ими и подобными им лицами. И самое опасное, что эти персонажи «нравственно не уязвимы в силу отсутствия нравственности»³. Наравне с ними появились абсолютно бездарные персонажи, попавшие на экран, телевидение, в газеты и журналы благодаря тому, что имеют деньги; кому «условные единицы жгут руки» для удовлетворения желаний своей жены⁴; кто родился в семье производителя духовных ценностей и в детстве сидел на коленях у Ролана Быкова⁵; кто стремился угодить гомосексуалистам, которых много в сфере искусства и особенно на эстраде⁶. Но получился удивительный результат — формируется *новая сословность* за счет тех, у кого имеются деньги и связи. А такими приемами формирования новых слоев перекрываются пути выходцам из других слоев населения, особенно для тех, кто стоит ниже по социальной лестнице. Появилась и успешно функционирует «еще одна тревожная примета художественной жизни страны — ошеломляющая необязательность таланта... Десакрализация дара вполне вписывается в новую гедонистическую модель мира. Хочешь быть талантливым? Нет проблем! Для начала найми себе пиарщика и стилиста». Сформировалась «принципиально иная ситуация: не талант стал пропуском в эфир, а эфир стал своего рода сертификацией несуществующего таланта»⁷.

Печально признавать, что идеологов современной культуры характеризует такая черта, как *продажность*. Не в смысле того, что они любят деньги, гонорары, субсидии, спонсорство, а в том, что они готовы участвовать в любом низкопробном фильме, выполнять весьма сомнительные пожелания и писать заказные статьи. Я имею в виду премию «Триумф», учрежденную Б. Березовским и получаемую, по выражению заслуженного деятеля искусств Саввы Ямщикова, «культурным цветом нации», регулярно собирающимся «на приеме у человека, которого прокуратура обвиняет в мошенничестве и хищениях в особо крупных

размерах и который проворачивал грандиозные махинации»⁸.

Есть и такие «мастера культуры», которых сын Р. Кармена Александр назвал падальщиками, подонками, возмущенный клеветнической кинолентой, посвященной его отцу. Такие псевдописатели и псевдорежиссеры, собирая сплетни, домыслы, слухи, наговоры под предлогом свободы слова («разгула слова», по меткому выражению Ю. Полякова), что надо знать «всю правду», «выплескивают на потребу низменным вкусам толпы то, о чем в приличном обществе принято вслух не говорить, даже не задумываясь над тем, какой урон имиджу их “кумира” наносят своим враньем». Этот вывод можно с полным основанием отнести к фильмам о Высоцком, Буinine, Ландау, Есенине, Наталье Гундаревой и даже о Брежнев⁹.

Все это позволяет сделать вывод, что идет интенсивный процесс разрушения мировой и особенно национальной культуры — они интенсивно и открыто заменяются кентавр-культурой. Ее опасность заключается в том, что в ней перемешаны правда и ложь, фальшь и искренность, стремление к истине и замена ее различными шлаками. А островки истинной культуры, которые сосредоточены в отдельных учреждениях и очагах культуры, некоторых учебных заведениях, не спасают существующее положение, тем более что многие из них в той или иной мере поражены бактериями эрзац-, квази- и псевдокультуры. Именно эти явления позволяют назвать их охлократическими, когда пожелания толпы диктуют логику и методы осуществления культурной политики. Кентавр-культуре трудно противостоять, так как она вплетена в реальную жизнь, паразитирует на стремлении народа к духовным ценностям, на естественном желании людей расширить свой кругозор и свои представления об окружающем их мире. Она соткана из элементов, представляющих противоречивые процессы в развитии культуры, которые она эксплуатирует, но не всегда прямо себя противопоставляя противоестественным проявлениям, различным низкопробным вкусам, устремлениям и ориентациям.

В результате духовно-нравственное здоровье нации находится под угрозой. «Едва ли не самым страшным последствием ельцинского режима, — пишет А. В. Кива, — стал подрыв национального духа, резко ухудшившееся социальное самочувствие народа, нравственное разложение наименее устойчивой его части. Этому активно содействовало безнравственное поведение верхов и агрессивная политика очернительства всего и вся, проводившаяся немалой частью СМИ, в первую очередь на телевидении. Фактически началось глумление над истинно человеческими ценностями — добром, бескорыстием, социальной справедливостью, солидарностью, сочувствием другим, сопереживанием и т. д. Крайний эгоизм, индивидуализм, культ

¹ Новикова А. А., Дюло Е. А. «Советское» на современном российском телевидении как проявление глобализации // Вестник МГУ. Сер. «Журналистика». 2010. № 1. С. 25.

² Известия. 2007. 27 нояб.

³ Чудинова Е. П. Указ. соч.

⁴ Юриков А. Дай миллион! // Известия. 2000. 22 февр.

⁵ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?

⁶ Ямпольская Е. Содом и умора // Известия. 2006. 15 мая.

⁷ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?

⁸ Ямщиков С. Указ. соч.

⁹ Кармен А. Шабаш падальщиков // Литературная газета. 2006. № 13. 29 марта — 4 апр.; Петровская И. В ТВ правды нет // Известия. 2005. 26 нояб.

элитарности, избранности, вседозволенности ради личного преуспеяния, денег, силы, секса, агрессивная реклама “новых ценностей”, начиная от жвачки, гигиенических прокладок, пива и заканчивая дорогами автомобилями, украшениями и прочим, — вот что пришло им на смену»¹. Может, в связи с этим следует напомнить, что истина состоит в том, что твердым и надежным фундаментом в нашей жизни являются весьма хрупкие,

но вечные ценности, такие как совесть, культура, вера. «Когда я был трех лет, — вспоминал М. Лермонтов, — то была песня, от которой я плакал... Ее пела мне покойная мать». «Мы никогда не узнаем, — пишет Г. Красников, — какая это была песня, но можно не сомневаться, что в тех светлых слезах заслушавшегося материнским пением младенца омылась и засияла в его душе жемчужина будущего поэтического гения»².

Феликс Унгер³

О ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Наш мир все более напоминает глобальную деревню. Единственное препятствие на этом пути — различия во времени. В ходе процесса «сближения» возникает ряд проблем, обусловленных национальными, континентальными традициями и необходимостью их преодоления. Одно из важных средств, помогающих преодолеть препятствия в повседневной жизни, — средства массовой информации, включая информационные технологии всех уровней. Насколько быстро информация может преобразовываться, становится ясно на примере недавней ядерной катастрофы в Японии. Весь мир со страхом всматривается в будущее и следит за судьбой ядерных реакторов. Информация — это инструмент, помогающий нам наблюдать за событиями и вовремя принимать меры предосторожности на местах. Это лишь один пример того, как информация за считанные секунды распространяется по всему миру.

Мы живем на материке. Жизнь на материковой части суши укоренена в сознании нации, сказавшись на ее развитии в течение столетий. Каждая нация обладает набором унаследованных стереотипов поведения, которые необходимо учитывать. Эти стереотипы касаются прежде всего того, каким образом люди уживаются вместе в рамках нации; как они делят свое жизненное пространство. В данном контексте умение жить сообща как культурно-историческая традиция обязано своим происхождением религии, оказывающей огромное влияние на глобализацию. Зародившись в определенном регио-

не, великие религии — христианство, ислам, индуизм, буддизм — стали распространяться по всему миру. Они определяют будущее нашей планеты. Многие проблемы, доставшиеся нам от прошлого, можно решить при помощи взаимного диалога, который способствует формированию общих позиций и, таким образом, созданию толерантных условий для расцвета глобализации.

Еще один аспект проблемы связан с окружающей средой в целом. Мы живем на одном земном шаре и должны заботиться о нашей планете. В связи с бурным ростом населения следует констатировать, что окружающая среда находится в опасности. Чтобы справиться с экологическими проблемами, необходимо начать взаимный диалог и, более того, вести его постоянно, как и дискуссии. Таким образом мы заложим фундамент, который обеспечит жизнь в процветающем мире нашим детям и внукам.

На земном шаре существует много культур и субкультур. Основные культуры движимы духовным влиянием религии. Необходимо вести постоянный взаимный обмен мнениями — это залог толерантности. Задача учебных заведений и образования в целом заключается в том, чтобы воспитывать и обучать людей так, чтобы они принимали участие в обсуждении всех проблем, возникающих перед личностью, нациями, континентами. Следует помнить, что все мы живем на земном шаре, который постепенно становится глобальной деревней.

¹ Кива А. В. Несистемный режим // Свободная мысль. 2004. № 9. С. 102.

² Красников Г. Указ. соч.

³ Президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург), профессор, доктор. Возглавляет университетскую клинику хирургии сердца частного Медицинского университета им. Парацельса. Первый европейский хирург, осуществивший пересадку сердца. Почетный член Российской академии художеств.

М. А. Федотов¹

«МЫ» И «ОНИ» НА ФОНЕ МЕДИА

Есть истины, которые не нуждаются в доказательствах, но требуют постоянных титанических усилий для своего воплощения. Любовь к ближнему — одна из них. И хотя уже две тысячи лет над миром звучит завет «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...», человек не намного приблизился к этому нравственному императиву. Особенно если речь идет о людях, говорящих на другом языке, исповедующих иную религию, отличающихся цветом кожи, формой носа, разрезом глаз. Тогда, в отличие от Всевышнего, для которого «нет ни эллина, ни иудея», появляется пресловутый «пятый пункт», разделяющий человеческое общество на «нас» и «их». И хотя нынешняя российская Конституция отменила эту строчку в анкете, но, как известно, «бьют не по паспорту».

Россия не одинока в решении проблемы меньшинств. Ведь сегодня на планете существует около 3,5 тысяч этнических групп, проживающих более чем в двухстах национальных государствах. Даже простое сопоставление свидетельствует о том, что в широкой исторической мозаике перемешанных друг с другом народов меньшинств гораздо больше, чем титульных наций. И ни одна нация, как писал сто лет назад Владимир Соловьев, не может жить в себе, через себя и для себя, а лишь осуществлять определенную органическую функцию в общей жизни человечества, понимаемую как ее национальная идея.

Все попытки насильственного этнического перераспределения территорий, собственности ведут лишь к бесчисленным и несопоставимым с прокламируемыми целями жертвам, к новым потрясениям нашего беспокойного мира. Но, несмотря на свою многократно доказанную иррациональность и безнравственность, межэтнические конфликты возникают вновь и вновь, приближая апокалиптические прогнозы Самюэля Хантингтона относительно грядущего «противоборства цивилизаций». Впрочем, на практике конфликт цивилизаций обычно ока-

зывается столкновением невежеств. И в этом одна из причин того, почему международному сообществу не безразличны проблемы межэтнических отношений.

Стремясь содействовать предупреждению конфликтов и постконфликтному миростроительству, мировое сообщество выработало некоторые общие правила поведения. Они закреплены в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы и т. д. В частности, государства — участники Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению признали, что вопросы, относящиеся к национальным меньшинствам, могут быть удовлетворительным образом решены только в демократических политических рамках, гарантирующих уважение прав человека, политический плюрализм, социальную терпимость и выполнение правовых норм, препятствующих злоупотреблению государственной властью. Одновременно они обязались защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств, противодействуя подстрекательству к насилию, дискриминации, враждебности или ненависти.

Конечно, конфликты рождаются не на пустом месте и вовсе не из-за цен на клубнику на колхозном рынке, как некогда пытался нам внушить Рафик Нишанов. Они существуют объективно, обостряясь или утихая в зависимости от множества факторов — экономических, внешнеполитических и т. д. Более того, тенденция разделять людей на «наших» и «не наших» в принципе свойственна человеческому существу. Она легко усваивается и быстро трансформируется во враждебность, особенно если между идентифицируемыми группами имеется конфликт жизненно важных интересов, как правило, связанных с доступом к ограниченному ресурсам. Наличие этой разновидности стадного инстинкта, может быть, как ничто другое, доказывает, сколь мало шагов мы сделали на пути от обезьяны до того, чтобы приблизиться к образу и подобию Создателя.

Причем для реализации тенденции к внутригрупповой самоизоляции не имеет решающего значения, какой именно признак — религия, раса, язык, регион, национальная, партийная или профессиональная принадлежность, лег в основу дистанцирования и отчуждения. Может быть, именно поэтому столь близки экстремизм и агрессивный национализм — по фразеологии, тактике мобилизации ресурсов, методам подрыва социального статус-кво. Неслучайно на российской политической сцене и в отечественных СМИ носители тех и других устремлений часто выступают единым фронтом. Неслучайно запрет пропаганды и агитации, провоцирующих как социальную, так и расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, содержится

¹ Советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, секретарь Союза журналистов России (Москва). Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Один из авторов закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» (1990), закона РФ «О средствах массовой информации» (1991). Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Право массовой информации в Российской Федерации», «Правовые основы журналистики», «Закон о СМИ на перекрестке веков и мнений», «Закон РФ “О средствах массовой информации”»: 15 лет на страже свободы», «Настольная книга по медийному саморегулированию», «Российское законодательство о СМИ: формирование, развитие, деградация», «Законы и практика средств массовой информации в Европе, Америке и Австралии» и др. Награжден медалью ЮНЕСКО в честь 50-летия Всеобщей декларации прав человека и медалью Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского. Лауреат премии Правительства РФ в области печатных СМИ.

в одной и той же статье российской Конституции (ст. 29). Неслучайно, наконец, путь к толерантности в политике и межнациональных отношениях лежит через политический и идеологический плюрализм, высокую степень защиты прав человека для всех, особенно для меньшинств, доступ к средствам массовой информации и т. д.

Хотя проблемы меньшинств рождаются не из-за журналистского пера, но неосторожная или недобросовестная информация легко может стать катализатором конфликта. И наоборот, спокойное, точное, справедливое, сбалансированное и всестороннее освещение вопроса в прессе объективно способствует переводу конфликта в плоскость дискуссии, выходу из замкнутого круга насилия. Именно поэтому международное интеллектуальное сообщество столь важное значение придает роли СМИ в предупреждении и урегулировании межэтнических конфликтов. Например, во время боснийского кризиса ЮНЕСКО оказывала поддержку, в том числе финансовую, тем местным средствам массовой информации, которые занимали по отношению к противоборствующим сторонам международно признанную независимую позицию, распространяли беспристрастную информацию и выступали в защиту ценности мирного сосуществования и взаимопонимания.

Такой приоритет, как помощь независимым средствам информации, в деле стимулирования процесса постконфликтного примирения закреплён и в программных документах ЮНЕСКО, и в решениях, касающихся отдельных стран. Напротив, деятельность радиостанции, допустившей прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида в Руанде, вызвала единодушную озабоченность Исполнительного совета Организации, решившего провести специальное расследование, посвященное роли СМИ в организации массовых убийств на этнической почве.

Специфика темы меньшинств такова, что она неизменно ставит СМИ перед нравственно-правовым, а власти — перед политико-правовым выбором. От журналиста зависит, какую роль для себя избрать: объективного стороннего наблюдателя, проповедника толерантности и межкультурного диалога или «народного трибуна», спекулирующего на этноцентристских мифах и реальных этнических чувствах. От властей зависит, смогут ли они отделить семена беспокойства и серьезной критики от плевел «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора», остаться в рамках демократических процедур, пресекая разжигание вражды и розни, удержаться от введения цензуры.

«Разумная журналистская практика, — говорится в Декларации Саны, принятой на региональном семинаре ЮНЕСКО в Йемене 11 января 1996 года, — является наиболее эффективной гарантией против правительственных ограничений и давления со стороны групп, преследующих особые интересы». Но что представляет собой «разумная журналистская практика»? Для мирового интеллектуального сообще-

щества ясно, что определение руководящих принципов в отношении норм журналистской деятельности является делом профессиональных работников СМИ. Любые попытки установить деонтологические нормы и руководящие принципы должны исходить от самих журналистов. Споры, в которых одной из сторон является СМИ или журналисты, должны разрешаться в рамках гражданских, а не уголовных кодексов и процедур.

Что происходит на практике? Перед журналистом стоит целый ряд дилемм: как избежать обвинений, с одной стороны, в разжигании розни, а с другой — в предательстве интересов собственного народа или этноса? Какой способ освещения проблем меньшинств ведет к росту межэтнической напряженности, а какой — наоборот? Как быть объективным, если аудитория находится во власти предубеждений? Как быть правдивым, если хозяева СМИ настаивают на тенденциозном освещении событий?

Конечно, «солдат идеологического фронта» не может и не должен быть объективным. Журналист, работающий в условиях демократического режима, может. Но должен ли? И способны ли взвешенность и равная дозированность информации о позициях разных сторон обеспечить объективность?

Пожалуй, единственной инстанцией, добросовестно пытающейся, сопоставив закон и реальную журналистскую практику, найти пределы допустимого в освещении проблем меньшинств в СМИ, является Общественная коллегия по жалобам на прессу (www.presscouncil.ru). Коллегия, будучи убеждена, что разжиганию социальной и национальной нетерпимости активно способствует необъективное информирование о природе и субъектах общественных конфликтов, стремится в своих решениях по конкретным делам дать отдельные, хотя и не всегда бесспорные, элементы толкования тех норм Конституции, Закона о СМИ, кодексов журналистской этики, которые запрещают пропаганду межнациональной розни.

Очевидно, что этих ориентиров пока слишком мало, чтобы помочь редактору и журналисту, работающему «в поле», освоить цивилизованные манеры освещения проблем меньшинств. В то же время государственные надзорные органы также не готовы заполнить этот вакуум. Напротив, в странах развитой демократии благодаря существующей системе независимых органов публичной власти, опирающихся на структуры гражданского общества, накоплен бесценный опыт реагирования на нарушение добрых нравов при освещении в СМИ межэтнических отношений.

Показателен случай с популярной во Франции FM-станцией «Фан-Радио». Скандал разразился 27 января 1995 года. В этот день отмечалось пятидесятилетие освобождения Освенцима, и ведущий, высказываясь по этому поводу в беседе с радиослушателем, говорил о лагере смерти как о «доме за гордом», «очень красивом», который «сейчас продается». Высший аудиовизуальный совет Франции,

за год до этого подвергший резкой критике передачу «Фан-Радио» за «скользкие высказывания», которые относились к сексуальным коннотациям, отреагировал немедленно, осудив «тон, вызывающий насмешку». Председатель Совета Эрве Бурж заявил, что «выходка “Фан-Радио” спровоцировала скандал и перешла границы, допустимые даже в черном юморе». Радиостанция, указал он в официальном представлении на имя руководителя «Фан-Радио», «может быть привлечена к суду как по гражданскому, так и по уголовному закону, не считая санкций, которые примет Совет».

Руководитель радиостанции со своей стороны заявил, что речь идет о случайности, «действительно очень неудачной», и обязал ведущего принести свои извинения в эфире. Как контрастирует эта почти идилическая картинка с нашей действительностью, когда многотысячными тиражами распространяются черносотенные издания, чьи «идеи» питают национал-радикалов всех мастей и вдохновляют

экстремистов, становятся идеологической базой вооруженных групп профашистского типа.

Вопрос не в том, чтобы ограничить свободу слова ради борьбы с международным терроризмом, а в том, как ее использовать в этой борьбе. Но если ограничить свободу достаточно просто (было бы желание властей), то для использования свободы потребуются немало усилий, умственных и душевных. Каждый — журналист, политик, чиновник, бизнесмен, человек с улицы — должен почувствовать свою ответственность перед другими людьми, в том числе перед теми, кто придет на смену. Нам понадобится поистине всеобщая нравственная мобилизация, чтобы осознать то, что когда-то замечательно выразил Мартин Лютер Кинг: «Или мы научимся жить, как братья, или погибнем, как дураки». Если же мы не сумеем найти опору в собственной совести или согласимся принести свободу в жертву борьбе с экстремизмом, то рано или поздно поймем: невежество победило цивилизацию, превратив ее в свое подобие.

Н. А. Хренов¹

СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕИ РОССИИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Смысл диалога, понимаемого в самом широком смысле, а именно — как диалог между культурами и цивилизациями, может быть постигнут лишь в том случае, если отдавать отчет в тех трудностях и противоречиях реальной истории, которые мешают его реализации. Попробуем подвергнуть осмыслению именно эти трудности и противоречия. Самой главной трудностью на пути установления диалога будут имперские амбиции, которые связаны не с диалогическими, а с монологическими формами коммуни-

кации, в особенности если речь идет о коммуникации между культурами и цивилизациями.

Трудности с утверждением диалогичности в отношениях между Россией и другими странами заключаются в том, что на рубеже XX—XXI веков русские сталкиваются не с одним вызовом, а как минимум с двумя. Первый вызов связан с распадом некогда огромной общности, составленной из разных этносов, наций и религий, и он оказывается реальным лишь в границах России. Что в этом процессе имеет позитивные характеристики, а что оборачивается негативными сторонами? До какой степени этот процесс позитивен, а когда он имеет продолжение как негативный? Будет ли этот процесс продолжаться или его можно заблокировать? И можно ли его заблокировать, если он подобен природному процессу? Если начать блокировать этот процесс, то можно вызвать к жизни более могущественные разрушительные силы, которые можно будет подавить уже не столько изнутри, сколько извне. Сегодня многое для этого делается.

Следует разобраться в том, что происходит внутри России. Есть ли какая-то другая сила, не связанная с оружием, которая бы скрепляла этнические и национальные организмы и с помощью которой можно было бы укреплять и солидарность, и идентичность людей. Прибегать к оружию — рискованное предприятие, но для выявления реальности идентичности весьма эффективное. Война позволяет укрепить чувство «мы» через противопоставление «они». В экстремальной ситуации мгновенно

¹ Заместитель директора по научной работе и заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания (Москва), профессор кафедры гуманитарных наук Всероссийского государственного университета кинематографии, доктор философских наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Член бюро Научного совета Российской академии наук «История мировой культуры», председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете Российской академии наук «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, председатель выходившей в издательстве «Наука» серии «Искусство в исторической динамике культуры»; член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ, член Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

всплывает сохраняющийся в бессознательном образ врага. Он обычно и является спланивающим людей средством. Здесь следует сказать: и спланивающим, и разъединяющим — одно является продолжением другого.

Если бы в XX веке существовало государство, которое воспринималось бы как империя, то на него мгновенно был бы спроецирован образ врага, настолько архаичной кажется в эпоху распространения демократии империя. Но что такое Советский Союз как не империя в современной форме? Его распад, естественно, происходил под аплодисменты всего мира. Он воспринимался очередным распадом империи в цепи уже распавшихся империй. Поэтому распад России на Западе приветствовался.

Однако во время аплодисментов не всегда осознается, что исчезновение образа врага в виде советской империи имело последствием угасание коллективной солидарности. Это проблема не только России, но и Америки, потому что исчезает образ врага. Понимая, что это удар по коллективной идентичности, Америка пытается найти новый образ врага в мусульманском мире. Здесь становится очевидным, насколько для поддержания идентичности необходим образ врага.

Распад российской империи и имперской идентичности — положительный факт. Все империи рано или поздно распадаются: французская, английская, австро-венгерская. Народы обретают собственную государственность, как это, например, произошло с Чехией после развала Австро-Венгрии. Некоторые прогнозируют дальнейший распад России, понимая под ней исключительно империю. Еще в XIX веке Н. Данилевский сформулировал априорное недоверие народов романо-германского мира по отношению к России. Доказывая эту мысль, он анализировал военные акции XIX века, всякий раз отмечая, что Европа редко бывала на стороне России и никогда ей не сочувствовала. По ее негативным реакциям о России начинали судить весь мир. Н. Данилевский полагал, что общественное мнение Европы враждебнее по отношению к России, нежели ее дипломаты¹. Именно поэтому оно поддержало войну против России и даже примирилось в силу этого с наполеоновской диктатурой. Это априорное негативное отношение к России возникает всякий раз, как только Россия вступает в войну. Это вытекает из установки, в соответствии с которой Россия как империя является колоссальным завоевательным государством, беспрестанно расширяющим свои границы и, следовательно, угрожающим независимости Европы².

И поскольку это так, то Россия априорно воспринимается «гасительницей» свободы. Поэтому всякий успех, расцвет или возрождение России Запад воспринимает как свое поражение. Но дело еще и в том, что в России Запад видит не только враждебное, но и самостоятельное начало, которое не

¹ Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М., 1991. С. 21.

² Там же. С. 24.

поддается ассимиляции. Россия существует как независимая и самобытная реальность. Когда читаешь у Н. Данилевского следующие строки: «Все самобытное русское и славянское кажется ей (Германии. — Н. Х.) достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации»³, то пугаешься того, как прозрения отдельных мыслителей способны опережать массовые катастрофы. Таким образом, отождествление России с империей в западном сознании надолго определило взаимоотношения между Западом и Россией и стало препятствием для установления конструктивного диалога.

Но Россия не сводится к империи, хотя следует признать, что имперская структура заметно определяла историю России в прошлом. К сожалению, она определяла ее историю и в XX веке. О трансформации старой империи в новую говорит Г. Федотов: «Для большинства из нас перекройка России в СССР, номинальную федерацию народов, казалась опасным маскарадом, за которым скрывалась все та же русская Россия или даже святая Русь»⁴.

Какие бы идеологические образы для маскировки имперской структуры (марксистские, коммунистические, социалистические и т. д.) ни использовались, Россия в XX веке продолжала демонстрировать имперскую структуру. Некоторые полагают, что именно это обстоятельство во многом и спровоцировало фашизм, в основе которого тоже был заложен имперский комплекс. Как писал И. Ильин, «фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо»⁵. Тем не менее даже Российская империя с Петра Первого не была только «тюрьмой народов».

Цивилизационная роль Российской империи по отношению к другим народам несомненна. В ее границах развертывалось просвещение всех народов, просвещение, как выражается Г. Федотов, «сияющее с Запада, хотя и в лучах русского слова»⁶. Но эта миссия России реальна не только для входящих в империю народов. Г. Федотов отмечает, что «вдоль западной границы русская администрация имела дело с более цивилизованными народностями, чем господствующая нация»⁷. Но история развертывалась дальше, и становилось очевидным, что империя — архаичская форма сосуществования, сдерживающая развитие духовного потенциала входящих в нее народов. Ведь, несмотря на то что эти народы были включены в империю, все же имело место определенное их развитие. Наступил момент, когда они потребовали большей самостоятельности, чем могла допустить империя. Но самостоятельности потребовали особенно те народы, которые к России были присоединены насильственно. Ведь каждая импе-

³ Данилевский Н. Указ. соч. С. 52.

⁴ Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 316.

⁵ Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. Т. 1. С. 75.

⁶ Федотов Г. Указ. соч. С. 31.

⁷ Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.

рия предрасположена к расширению своих границ. Это обстоятельство характерно для всякой империи, в том числе для российской. Имперский инстинкт, ощутив свободу, требует пространства для своей реализации. Воля к распространению в пространстве — закон существования империи в любой ее форме. Это обстоятельство явно не способствовало диалогу. Этот комплекс О. Шпенглер проиллюстрировал на примере Запада.

Настало время распада одной из последних в мире империй. Победа Советского Союза во Второй мировой войне способствовала укреплению и стабильности империи. Если рассматривать Россию как империю, то сегодня мы переживаем период ее «заката». Должен появиться новый Шпенглер, чтобы переписать идеи «заката», высказанные им после Первой мировой войны применительно к Западу, в соответствии с ситуацией в современной России. Наука не может на это не реагировать. Так, в работах В. Цымбурского развивается мысль о выходе из трехтысячелетней истории российской вестернизации с ее сверхзадачей «похищения Европы» и об осознании России как особого типа цивилизации с присущим ему архетипическим комплексом «острова». По сути, Россия возвращается в допетровскую Русь, то есть в XVII век¹.

Однако такой «закат» для России может быть болезненным, но не смертельным. Россия продолжит свое существование, даже если ее имперская структура исчезнет полностью и окончательно. Ведь империя — это только политическая структура, оказавшаяся в ситуации повсеместной в XX веке либерализации весьма архаической модели. Отомрет империя, отойдет в прошлое и структура государственности, которая в границах империи была вызвана к жизни. Эта структура государственности базируется на военной доминанте, необходимой для распространения своего влияния во всем мире. Такой импульс распространения — самое характерное, что питает империю и делает ее реальной силой. Однако психологический импульс империи реализуется лишь с опорой на военную силу.

Сегодня мы переживаем специфическую ситуацию — Россия преодолевает не только коммунистическую идеологию, на основе которой в XX веке формировалась коллективная идентичность, но и уходящий в историю имперский комплекс. Россия перестает быть империей. Таким образом, исчезает и идеологическая, и политическая основа коллективной идентичности, определявшей происходящие в России на протяжении десятилетий процессы.

В этом случае закономерно возникает вопрос: на какой другой основе будет разворачиваться взаимодействие между входящими в состав России народами? На какой основе будет культивироваться ее новая, соответствующая реалиям сегодняшнего дня коллективная идентичность? Не должна ли в этом случае возникнуть принципиально новая идентичность? Если она должна возникнуть, то на какой основе? Следующий весьма важный вопрос: это бу-

дет принципиально новая идентичность или она будет каким-то образом связана с предшествующим опытом в истории России? От разрешения всех этих внутренних вопросов зависит и судьба коммуникации России с другими цивилизациями.

В данном случае становится принципиальной потребность вновь осмыслить взаимоотношения государства и культуры. Здесь уже необходимо понять отношение коллективной идентичности не только с идеологией и государством, но и с культурой, преодолевающей сегодня дух модерна и возрождающей присущие ей консервативные установки. Если новая идентичность в России будет связана прежде всего с культурой, то эту идентичность не нужно будет конструировать заново, а следует выводить из традиции и из культуры в целом. В этом случае вся предшествующая история культуры может быть прочитана по-новому. Те установки по отношению к культуре, которые имели место в эпоху модерна со стороны государства, должны быть пересмотрены. Сегодня, в ситуации трансформации империи в тип цивилизации, культура должна быть соотнесена с потребностями цивилизации, а следовательно, должна сопротивляться прежнему подходу, когда она рассматривалась исключительно с точки зрения модерна, то есть с утилитарной и функциональной точки зрения. Она также может быть рассмотрена не во времени модерна, причившего к мышлению с помощью выделения в историческом времени кратких длительностей. Иначе говоря, просветительская установка, или установка модерна, по отношению к культуре сегодня заметно уступает романтической установке.

Является ли новая основа, которая может быть подведена под коллективную идентичность, принципиально новой, сконструированной политическими технологиями или же эта основа всегда была, но не осознавалась, а сейчас ситуация так складывается, что это необходимо осознать и понять ее потенциал? Естественно, эта задача требует усилий от гуманитарных наук. То, что мы называем идентичностью, возникает в силу стихий, которые в бессознательном народов уже существуют и требуют актуализации. Но когда идентичность возникает и утверждается, сама она уже оказывается способной формировать и поддерживать солидарность людей и народов.

Таким образом, первый вызов порожден внутренней для России ситуацией, а именно — распадом империи в ее новой, то есть большевистской, редакции. Этим можно объяснить критику, которой в последние десятилетия XX века подвергалась вся предшествующая политика и история России. Но такая критика должна быть конструктивной. Она должна предприниматься во имя выхода из имперского тупика. Освобождаясь от имперской идентичности, народы, населяющие Россию, могут объединиться под знаком другой идентичности. Эту новую разновидность идентичности необходимо назвать и осмыслить. Гуманитарные науки должны над этим работать. Ответов на многие вопросы пока не существует.

¹ Цымбурский В. Указ. соч.

Не успела обозначиться реальность первого вызова, как уже становится реальным второй вызов, связанный с опасностью растворения России в глобальной культуре. Этот второй вызов возникает в ситуации, когда еще не найден творческий ответ на первый вызов. В России многие еще пребывают в состоянии эйфории от развала того государства, которое здесь существовало несколько десятилетий. Того государства, которое функционировало тоже в форме вызова, правда, вызова внутреннего и поздно осознаваемого именно как вызов.

Однако распад государства еще не есть позитивное решение вопроса. Ведь следствием распада явилась социальная аномия, а она превратилась в новый вызов. Позитивного творческого ответа на него пока не найдено. Либерализация экономики и демократизация общественной жизни лишь усиливают смуту и, кажется, не являются творческим ответом. Видимо, этот творческий ответ необходимо связывать с чем-то другим. Таким образом, с середины 1980-х годов Россия оказалась в ситуации, в которой мир (города) пребывает уже с XIX века. В этом контексте была вызвана к жизни социальная аномия. Ее осмысление началось с помощью социологии (Э. Дюркгейм) и психологии масс (Г. Лебон). Эта новая ситуация требовала творческого ответа на социальную аномию как вызов.

Второй вызов связан уже не с внутренней ситуацией России. Однако от него во многом зависят и внутренние процессы. Этот второй вызов подстегивает необходимость в творческом ответе на первый вызов, под которым следует иметь в виду социальную аномию как следствие распада империи. Не успела Россия дать творческий ответ в виде упразднения имперской государственности и либерализации общества, что было продиктовано Западом и что, следовательно, следует признать верным, как Запад начал пропагандировать следующий проект, связанный с глобализацией, а следовательно, с большим взаимодействием между государствами и народами. Это, несомненно, конструктивный для реализации диалогических отношений между народами проект. Действительно, помехи в политической сфере устранены, и народам, наконец-то, пора объединиться. Холодная война закончилась, и появились перспективы для солидарности народов и для диалогической между ними коммуникации, к чему двигалась предшествующая история. Все закономерно и все оправдано.

Казалось бы, о каком новом вызове можно говорить? Однако все дело в том, что в реальности либерализация разворачивается в виде тотальной социальной аномии, способной привести к новой диктатуре, а глобализация как проект в его идеальном виде предстает чем-то сильно отличающимся от реальной глобализации или от реализации этого идеального проекта. Развертывающийся импульс «всеединства», который в России, как и на Западе, ощущают тоже как необходимость, о чем свидетельствует рефлексия В. Соловьева, угрожает идентичности существующих социальных и государственных ор-

ганизмов, их растворению в некоей бесформенной, анонимной общности (как следствие движения к глобальной культуре). Испуг от этого возможного растворения порождает панику, вновь ввергая мир в хаос. Причем опасность идет не от самого проекта «всеединства», а от тех сил, которые этим проектом могут воспользоваться в имперских интересах. Так в истории возникает новый, уже второй, вызов.

Таким образом, второй вызов связан с опасностью растворения России в глобальном сообществе. Эта опасность для России является реальной, ибо она еще не успела преодолеть социальную аномию, образовавшуюся после развала советской империи, а следовательно, не способна сопротивляться этому растворению. В принципе возникновение планетарного сообщества — позитивный процесс. Наконец-то реализуется утопия, которая возникла не вчера. Однако развертывание глобализации свидетельствует, что в реальности образование планетарной общности направляется в русло распространения влияния одной цивилизации, на наших глазах превращающейся в империю по типу некогда существовавшей Римской. Россия больше не претендует на империю и не демонстрирует имперское сознание. Зато фантом империи возникает в связи с Америкой. Это особенно отчетливо проявилось в период нахождения у власти Д. Буша.

Получается, что опасность исходит не от сути развертывающейся глобализации, а от стремления некоторых цивилизаций навязать свои имперские амбиции остальному миру. В этом отдают отчет и западные исследователи. Так, Т. Фридман утверждает, что спонсируемая Америкой современная глобализация не является естественно начавшимся процессом. Она внедряется Америкой с помощью силы¹.

Сама по себе глобализация, идея которой исходит от Запада, не является негативным процессом, наоборот, она весьма позитивна и выстрадана человечеством. Ее идея привлекательна, и она может восприниматься составной частью того целительного света, который излучает Запад. Однако если присмотреться не столько к идеальному образу глобализации, сколько к реальности, то есть к тому, как она разворачивается, то мы не можем не зафиксировать противоречия. Ведь идею глобализации внедряет не просто Америка как прогрессивная страна, демонстрирующая образец разумного политического устройства, вызванного к жизни еще философом Просвещения, а Америка как новая империя с ее ярко выраженными имперскими установками и, соответственно, военными аппетитами. Тут, конечно, не до диалога. В этом случае идея глобализации в ее реальном воплощении демонстрирует абсурд.

На наших глазах произошел распад очередного «третьего Рима» в его большевистской редакции. Он не мог не произойти, поскольку империя была все же не той формой, которая позволяла раскрыть весь духовный потенциал каждого входящего в империю этноса, народа. Конечно, нельзя утверждать,

¹ См.: *Джонсон Ч. Немезида. Последние дни американской республики.* М., 2008. С. 136.

что это существование в империи имело исключительно негативные характеристики. Но если учитывать то, что внутри каждого этноса в империи имело место развитие, какой-то духовный прогресс, даже если признать, что это происходило под благотворным влиянием новой империи, то очевидно, что рано или поздно имперская структура (хотя как политическая структура она не обозначалась) окажется тесной и неудобной.

Так, в последние десятилетия XX века, то есть когда уже не было террора, характерного для сталинской эпохи, когда социализм обещал показать человеческое лицо, когда возникло специальное обозначение эпохи как «оттепели», этносы и народы ощутили не только потребность, но и возможность большей свободы. Это обстоятельство стало основанием для распада советской империи. Прав А. де Токвиль, утверждавший, что настоящие революции происходят не тогда, когда отсутствует свобода, а тогда, когда она начинает становиться реальностью¹. Тогда возникает стремление к тому, чтобы ее обрести сполна и целиком. Горбачевская перестройка с ее усеченной гласностью и стала таким «трамплином» для последующих реформ и сопровождающей эти реформы социальной аномии.

Очевидно, что глобализация — это хорошо. Но этот оптимизм может исчезнуть, так же как он исчез в начале XX века в связи с Первой мировой войной, накануне которой человечество, как никогда, начинало ощущать свое единство². Почему же прогрессивный процесс глобализации может обернуться негативной стороной? Потому что прогрессивность этого процесса соотносится только с сознанием. Бессознательное же этого процесса связано с активизацией традиционного имперского сознания. Дело в том, что в XXI веке логика глобализационных процессов разворачивается по модели Римской империи, то есть по программе, задаваемой одним государством и, следовательно, в интересах этого государства. Именно это обстоятельство приводит к сопротивлению глобализации, к пониманию того, что глобализационные процессы могут привести к разрушению национальной идентичности.

Вместо глобальной общности, в которой каждый народ способен раскрыть свой потенциал (что должно означать идеальное видение глобализации), нации и государства оказываются внутри имперской общности, только на этот раз империя приобретает беспрецедентные масштабы. Здесь невозможно провести аналогии с Россией. Единственная аналогия — это Древний Рим. Но Древний Рим, как только он стал претендовать на всемирную империю и начал реализовывать этот проект, утратил демократические завоевания. Кроме того, исходя из своей программы глобализации, новая империя все делает в своих интересах, в том числе организуя ряд «оранжевых» революций и используя отколовшиеся от советской империи территории для установки «зонты», предохраняющего от агрессии других народов. Если

Америка несет мир другим народам, то почему она ощущает опасность? Но нас меньше всего интересует судьба Америки. В центре нашего внимания — судьба России в ситуации двойного вызова.

Сегодня будущее России за океаном напрасно связывается с неизбежным возрождением империи. То, что Россия возрождается, Запад готов приветствовать. Но, с его точки зрения, возрождение России неизбежно произойдет в формах империи. Из этого заколдованного круга необходимо выйти нам самим и дать гарантию европейцам, что в России есть альтернатива империи.

В самом деле была ли Россия в своей истории только империей? С. Хантингтон пишет, что в конце XX века заканчивается история идеологий и начинается история цивилизаций³. Мир активно трансформируется, перестраивается. Рушатся традиционные идентичности и создаются новые. Что здесь является решающим? Какой принцип вынуждает распадаться старые общности и создавать новые? Сегодня народы обособляются, обретают самостоятельность и вновь объединяются по принципу принадлежности к той или иной цивилизации. Эта принадлежность в силу определенных причин в прошлой истории затемнялась. Предполагается осознание той разновидности идентичности, которая называется цивилизационной. Для России это актуальный вопрос, ибо идеологическая основа исчезла, но в ее составе остались десятки наций и этносов. Следовательно, все, что в России связано с империей, будет отпугивать. Хотя на уровне сознания идея империи ранее не формулировалась, но подразумевалась и способствовала отталкиванию других народов от России. В данном случае следует констатировать уязвимость гуманитарных наук, не способных разобраться в цивилизационных проблемах. И социального заказа со стороны государства на исследование этой проблематики тоже не было.

Тем не менее следует констатировать, что Россия уже несколько десятилетий находится в ситуации становления науки о культуре. Это произошло именно в России, а не в Америке, где в гуманитарных науках пока имеет место другая традиция — позитивистская. Истоки российской культурологии — в одной из научных парадигм, зародившейся на Западе в Новое время, — просветительской. Другой альтернативной парадигмой является романтическая парадигма. В разное время разные цивилизации обращались к этим парадигмам. Сегодня две цивилизации — Америку и Россию — разделяет именно несходство в отношении к этим парадигмам. Америка демонстрирует верность просветительской парадигме. Россия активизирует романтическую парадигму. Не отбрасывает ли это Россию в прошлое? Да, отбрасывает, но это позитивно. Сегодня цивилизационную идентичность Россия обретает только через выход из просветительской парадигмы. Для сознания русских характерен прорыв в более отдаленные эпохи истории. Она должна вспомнить свои византийские корни и время зарождения российской ци-

¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918. С. 144.

² Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 434.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

византизма. Россия должна отречься от имперского комплекса и найти в истории подтверждение существования себя как типа цивилизации. Это задача всего комплекса гуманитарных наук.

Расхождение между российской и западной цивилизациями будет всегда, ибо, породившись в свое время с Византией и ассимилировав ее духовный потенциал, Россия тем самым стала альтернативой Западу, ибо альтернативой Западу была прежде всего Византия. Усвоив идеологию православия, Россия стала восприниматься на Западе в образе «еретика», который в последующей истории лишь видоизменялся, но никогда не исчезал. Как же мог не закрепиться за Россией такой образ, если им прежде всего была наделена Византия? «Реальностью был христианский мир, — пишет Ле Гофф. — Именно применительно к нему средневековый христианин определял и все остальное человечество, и свое место по отношению к другим. И прежде всего по отношению к византийцу. С 1054 года византиец считался еретиком»¹.

Образ русского как еретика сохраняется до сих пор. Конечно, давно уже забыто, что в западной истории завоевание в 1204 году Константинополя вызвало не меньше ликования, чем завоевание Иерусалима². Этот исторический «рубец» оставался в бессознательном не только Византии, но и России. Россия — просто другая реальность, и вовсе не потому, что не хочет и не может стать такой, как Запад, а потому, что это альтернативная цивилизация. Это обстоятельство раздражает американскую империю, не склонную видеть в провозглашенной ею глобализации никаких альтернатив. Россия останется такой, даже если ее политическая система будет соответствовать той, какую хочет видеть Запад, то есть демократической. Именно потому что это самостоятельный тип цивилизации, для которого поиск коллективной идентичности — перманентная проблема.

Нам ближе те точки зрения на Россию, которые осмысливают ее как тип цивилизации. Так, выступающий в последние годы с небанальными идеями В. Цымбурский склоняется к иной точке зрения. Он пишет: «Ошибочно ли рассматривать Россию как цивилизацию? Скажем так: описание в качестве цивилизации отвечает существенным признакам России и объясняет многие перипетии ее истории. В мировом географическом раскладе она занимает особую нишу, не перекрывающуюся с платформами иных цивилизаций и характеризующую самостоятельную государственную и геополитическую традицией, длящейся 400–500 лет. Об особенностях русского типа духовности написано более чем достаточно — как и о его связи через ряд секуляризирующих трансформаций с историей северной ветви православия в российских геополитических условиях — после упадка восточного христианства на его средиземноморской родине под напором ислама»³. Ха-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 132.

² Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 41.

³ Цымбурский В. Указ. соч. С. 184.

актеризуя тип социальности в российской цивилизации, каким он предстает в последние 400–500 лет, исследователь отмечает основные признаки этой государственности: во-первых, исключительную роль государства как главного цивилизатора, во-вторых, конвергенцию культурных и политических функций, когда политические кризисы сопровождались кризисами самоидентичности общества.

Россия заимствовала у Византии не только религию и культуру, но и политическую структуру, а именно — империю, следовательно, и принцип взаимодействия составляющих византийскую империю разных этносов. Здесь приходится вернуться к вопросу о том, что в истории России существовала солидарность разных наций и народов, которая выходила за пределы империи и означала какую-то иную реальность.

Вопрос о специфической солидарности в России одним из первых поставил И. Ильин, когда пытался осмыслить западную установку на расчленение России. То, что Россия в имперских, сталинских формах распадется, Ильину было ясно уже в середине XX столетия. Удивительно, как то, что сегодня происходит, было предсказано И. Ильиным. По его мнению, в процесс расчленения России будет втянут весь мир. «Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейская, азиатская и американская) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и “опорных пунктов”»⁴.

И. Ильин даже пользуется терминологией, которая сегодня у всех на слуху, называя расчленяемую Россию «гигантскими Балканами», которая может превратиться в источник войн и расадник смут. Ильину, когда он пишет эти строчки, еще неизвестно, что новая империя в начале III тысячелетия сделает с Балканами. Но если Россия сблизится с Балканами, то ее ждет та же судьба. Иначе говоря, расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира. Терроризм в его современных формах это подтверждает. Обращая внимание на опасность распада российской цивилизации, И. Ильин останавливается и на причинах необходимости такого расчленения. Для него эти причины связаны с внешними, а не с внутренними обстоятельствами. В качестве причины расчленения Ильин называет «застарелую вражду» западного мира к русской империи и восточному православию. «Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного пространства. Они собираются разделить всеединный российский “веник” на прутики поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь своей цивилизации.

⁴ Ильин И. Указ. соч. С. 255.

Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия»¹.

Однако сегодняшний вызов в его глобальных формах (еще не в стихийных, а в новых идеологических формах, идущих от Америки) угрожает уже не России как империи, а России как типу цивилизации. Смута, в том числе в ее внутренних — индивидуальных и групповых — формах, затрагивает основополагающие механизмы выживания людей. Именно поэтому она и предстает как вызов. Это опасно. Мы не ощущаем различий между Россией как империей и Россией как типом цивилизации. Да и откуда нам ощущать и осознавать? Мы не разрабатывали теорию цивилизации со времен Н. Данилевского. Поэтому распад России как типа цивилизации мы тоже, как и на Западе, принимаем за распад России как империи.

С точки зрения всех либеральных теорий распад империи — явление позитивное. Поэтому мы пребываем в эйфории, в восторге от продолжающегося распада России, не ощущая, что распадается уже не империя, а цивилизация, что дух Танатоса овладевает нашим сознанием. И распад империи уже давно перешел в распад цивилизации. Загипнотизированные либерализмом, европейцы тоже не могут осознать разницы между империей и цивилизацией, приветствуя в России любой распад, в том числе и России как типа цивилизации.

Когда И. Ильин говорит о России не как о механизме, а как об организме, он подразумевает под ней тип цивилизации. Утверждая, что Россия является типом цивилизации, мы находим творческий ответ на первый вызов — на распад в России империи. Отказываясь от солидарности в ее имперских формах византийского происхождения, Россия в то же время сопротивляется растворению в имперской идентичности, ныне навязываемой всему миру Америкой. Но только в непростой современной ситуации ей следует определиться с идентичностью. Ведь вакуум порождает смуту и эксперименты с идентичностью.

Подсказку для понимания того, что сегодня происходит с идентичностью (и не только с российской, но и европейской и американской), дал С. Хантингтон, провозгласив эпоху столкновения цивилизаций, а значит, и нового объединения народов по цивилизационному принципу, а следовательно, и всплеска разъединения тех коллективных организмов, которые до сих пор определяли историю. Но объединение народов по цивилизационному признаку означает, что должна иметь место новая коллективная или, точнее, цивилизационная идентичность.

Что означает культивирование цивилизационной идентичности России? Ответ на этот вопрос заключается в существовании в истории двух альтернативных парадигм становления коллективной идентичности — просветительской и романтической. Если первая футуристична, обращена в будущее, то вторая пассеистична, то есть больше значения придает прошлому. Распад империи в России в конце XX века — это распад симбиоза между древними традициями и идеологией модерна, или просветительской парадигмой, весьма нечувствительной к этническим, религиозным и национальным элементам.

В заключение повторю: чтобы принимать участие в полноценной диалоговой коммуникации между народами, русские не только должны, но и обязаны осознать свою цивилизационную идентичность, способную утвердить солидарность входящих в состав России народов. Гуманитарная наука обязана помочь осознанию этого обстоятельства. Чтобы способствовать решению этой задачи, необходимо стимулировать разработку культурологических исследований. Но хотелось бы также, чтобы Запад перестал воспринимать Россию исключительно как империю. Он должен осознать, что имеет дело со специфической цивилизацией, язык которой необходимо понимать. Лишь это обстоятельство будет способствовать полноценному диалогу между культурами и цивилизациями в современном глобализирующемся мире.

Синсин Чанг²

ПЛЮРАЛИЗМ КУЛЬТУР И ГАРМОНИЧНЫЙ МИРОПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В международном обществе плюрализм культур существует объективно, вне зависимости от идеологий, которые составляют пестрый мир международного сообщества. Уважение к культурному плюрализму — это важная культурная основа сохранения гармоничного миропорядка. Всякая попытка подменить международный плюрализм культур каким-то одним культурным стилем посредством экономической и военной мощи разрушит основу гармо-

ничного миропорядка. Бывший президент Китая Цзян Цзэминь отмечал: «Мы полагаем, что мир богат и красочен. Следует надлежащим образом уважать многообразие и отличительные особенности различных народов, религий и культур, пропагандировать совместимость, но не дискриминацию, общность, но не исключительность, переговоры, но не конфронтацию, сосуществование, но не конфликт. Позитивная функция всех типов культуры должна проявляться на основе взаимного, равноправного уважения, поиска общих точек зрения при сохранении различий, чтобы ускорить непрерывное развитие человеческого общества и совместный про-

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 256.

² Директор департамента Института общественного развития Партийной школы ЦК КПК, редактор журнала «Научный социализм» (КНР), профессор.

гресс стран и народов во всем мире. Во все времена наблюдались взаимная дискриминация, ощущение собственной исключительности, конфронтация и конфликты между различными нациями и странами с различными религиями и верованиями, что приводило к серьезной угрозе и опасности для соответствующих стран и народов. Кроме того, многие регионы во всем мире были лишены стабильности, благосостояния и возможностей развития. Международному сообществу следует помнить об этих горьких уроках».

Что касается других культур, то китайское правительство обобщило принципы внешней политики и международной стратегии Китая в виде новой концепции «гармоничного миропорядка».

С целью продвижения гармоничного миропорядка Китай должен придерживаться пути мирного развития, и такой гармоничный миропорядок является также предпосылкой для реализации мирного развития Китая. Однако гармоничный миропорядок автоматически не воплотится в жизнь сам по себе: для этого необходимы совместные усилия народов всего мира.

Китайская концепция продвижения строительства гармоничного миропорядка есть логическое расширение внутренней стратегии.

Только при условии создания международного гармоничного общества и реализации экономического процветания и политической стабильности мы сумеем эффективно продвигать строительство гармоничного миропорядка. В то же время гармония международного сообщества может обеспечить внешние условия для гармоничного развития страны.

С 1978 года Китай сосредоточивает внимание на экономическом развитии. Но Китай — все еще развивающаяся страна, которая решила основные проблемы, связанные с насущными потребностями своего народа, и должна сосредоточиться на экономическом развитии, всесторонне усиливая национальную мощь и улучшая материальное и культурное благосостояние народа.

Только в условиях мирного международного окружения страна способна реализовать всестороннее развитие зарубежных экономических связей и воспользоваться собственными относительными преимуществами в международной экономике с целью обеспечения быстрого роста национальной экономики.

Будучи ответственной великой державой, которая сосредоточена на экономическом развитии, улучшении материального и культурного благосостояния народа и строительстве гармоничного общества, Китай остается приверженцем создания вокруг себя мирной международной среды.

28 мая 2003 года, выступая в Москве с речью, Президент Китая Ху Цзиньтао детально изложил основные аспекты содействия в установлении справедливого и рационального международного политического и экономического порядка, а именно:

— мы должны способствовать демократизации международных отношений;

- поддерживать и уважать разнообразие мира;
- внедрить новую концепцию безопасности, основанную на взаимодоверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве;
- способствовать сбалансированному развитию глобальной экономики;
- относиться с уважением к Организации Объединенных Наций и ее Совету Безопасности и играть в них важную роль.

Исторически Китай является миролюбивой нацией, а традиция китайской политической культуры обладает всеми качествами миролюбия.

Большинство героев истории Китая прославились тем, что отражали вторжения чужеземцев, но не тем, что участвовали во внешней экспансии.

В Новое время Китай испытал на себе агрессию империализма и колониализма, и этот тяжелый опыт научил китайский народ ценить независимость, равенство и свободу, а также ненавидеть любую форму агрессии и экспансионизма.

Эта историческая традиция и национальная психология оказали глубокое воздействие на внешнюю политику Китая.

С движением к многополярности прямая конфронтация между великими державами становится менее вероятной. Продолжает развиваться движущая сила мировой интеграции, углубляется взаимозависимость наций и общность интересов.

Все эти тенденции предлагают реалистичный фундамент для строительства гармоничного миропорядка. Гармоничный миропорядок, который мы отстаиваем, соответствует сегодняшним глобальным тенденциям в содействии миру, развитию и сотрудничеству.

Как построить гармоничный миропорядок? Он не возникнет сам собой, а зависит от усилий и сотрудничества людей.

В сфере политики нам следует сосредоточиться на укреплении взаимного уважения, расширении консенсуса и выстраивании добрососедских отношений с другими странами.

Мы также должны содействовать реформе Организации Объединенных Наций, поддерживать авторитет ООН.

Кроме того, мы должны настаивать на приверженности международному праву и повсеместно признанным нормам международных отношений, на уважении права каждой страны на выбор собственной общественной системы и своих путей развития, поощряя при этом демократизацию международных отношений.

В сфере экономики мы должны направить усилия на углубление сотрудничества, общего развития и взаимной выгоды.

В сфере безопасности мы должны сосредоточиться на углублении взаимного доверия, укреплении диалога и усилении сотрудничества с каждой страной, поддерживать принципы многосторонних отношений и стремиться к всеобщей безопасности.

Мы также должны создать справедливый и эффективный механизм коллективной безопасности, чтобы избежать конфликтов и войн.

Соседние регионы представляют собой зоны первостепенной важности для нашей страны. Таким образом, мы должны уделять больше внимания выстраиванию отношений с этими соседними регионами и постепенно превратить их в зону долго-

временного и повсеместного процветания и гармонии.

Поскольку мы содействуем процессу строительства гармоничного миропорядка, то должны продолжить пресекать действия, которые угрожают нашему суверенитету, безопасности и интересам развития, а также наносят ущерб общим интересам дружеских стран.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ГРАНИЦЫ СОСУЩЕСТВУЮЩИХ ЭПОХ

Модернизация — процесс, затрагивающий главный нерв цивилизационного устройства мира, поскольку она представляет собой не что иное, как попытку преодолеть временные границы, разделяющие не просто эпохи в их «линейном», «формационном» или «волновом» понимании (как некие вехи или стадии в общецивилизационном развитии), а *сосуществующие эпохи*, в которых пребывают локальные цивилизационные миры. Причем речь идет не только о смене технологических

укладов, хотя именно здесь преодоление существующего разрыва становится фактором глобальной дезинтеграции и, следовательно, постоянным источником демодернизационных процессов, протекающих на фоне ускоренной интеграции и обостряющейся конкуренции ведущих стран, а также межгосударственных союзов, но и о несовпадении «возрастных» характеристик сосуществующих цивилизаций.

Дело в том, что все локальные цивилизации (или, если воспользоваться определением Н. Я. Данилевского, культурно-исторические типы) самоценны и потому ориентированы на вечность. Д. С. Лихачев в своем выступлении в телевизионной передаче «Философские беседы» говорил в этой связи, что каждый тип культуры бесценен, а «в мире существует множество бесконечностей, и каждая бесконечность находится в несоизмеримости с другой» («Вопросы философии». 1990. № 4. С. 3). Такой подход не противоречит историческому пониманию эволюции и взаимодействия цивилизаций, которое предполагает определение динамики и направленности (в телеологическом понимании этого слова) их становления и развития.

«Возраст» локальных цивилизаций — метафора, идущая от теорий, которые уподобляют многоцивилизационный мир процессам взаимодействия и конкуренции живых организмов (так называемый «организмический» подход). Теории такого плана в наше время получили «второе дыхание» во многом благодаря неизбежной «экологизации культуры» и, в частности, «экологизации наук». Эта тенденция, которой в свое время большое внимание уделял Д. С. Лихачев (широкую известность получила его статья «Экология культуры», ставшая в конце 1970-х годов поводом для большой и продуктивной дискуссии), вполне объяснима.

Во-первых, социальные системы действительно имеют много общего с экологическими системами, что позволяет не только говорить об «экологии культуры» или «экологии научного знания», не погрешая против требований научной корректности, но и делает возможной оправданную экстраполяцию ряда эффективных концептуальных схем и методов.

¹ Академик Российской академии наук, член Президиума РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научного центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор. Академик РАН. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфафетопротейн», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» («Russian Journal of Immunology»), «Вестника Уральской медицинской академической науки», «Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

² Профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и сохранению культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, Национальной экологической премии.

Во-вторых, экологические угрозы не считаются с нашими представлениями о суверенных территориях или социальных иерархиях, не признают межгосударственных или межкультурных границ. Этот подход, используемый в процессе оценки цивилизационных и социальных рисков, опирается на колоссальный массив знаний о «средовых факторах» (тот же географический детерминизм со всеми его недостатками и неиссякаемым эвристическим потенциалом), выявляющих многие закономерности возникновения и динамики развития, степень конкурентоспособности или причины гибели отдельных цивилизаций.

В-третьих, только с позиций целостного изучения функционирования социоприродных систем можно подходить к оценке модернизационных рисков, поскольку стратегия модернизации должна начинаться с модернизации экологической — стартовой и опережающей. В противном случае цена модернизации не только сделает нерентабельными все инвестиции, но и приведет к предсказуемой (но не обязательно предсказанной) катастрофе — локальной по происхождению, но трудно локализуемой по последствиям в средне- и долгосрочной перспективе.

В этом смысле правильнее было бы говорить не только о взаимовлиянии социальных и природных факторов, а также соответствующих рисков, но и об эволюции *социоприродных систем*. Не менее важен вопрос и о постепенном сближении методов, характерных для изучения локальных цивилизаций, и методологии, которая используется и совершенствуется в процессе проведения масштабных социально-экологических исследовательских программ, в числе которых особого внимания заслуживает, по нашему мнению, долгосрочная программа международного Северного социально-экологического конгресса. Одна из тем, которая является доминантой этой программы, — изучение специфики становления и формирования российской (или русской) цивилизации в контексте цивилизационной эволюции других северных и приарктических регионов. Такой подход вдвойне продуктивен, поскольку только он позволяет сегодня адекватно оценить запредельные риски предстоящей ускоренной модернизации российского Севера — экологические, социальные и этнокультурные, политические и военные, наметить контуры научно обоснованной модернизационной стратегии северных стран, обеспечивающей устойчивое и относительно безопасное развитие.

Таким образом, системная модернизация (затрагивающая все сферы жизнедеятельности в том или ином государстве либо регионе — и политику, и культуру, и производство) являет собой не что иное, как попытку «пробить» временной барьер. Эта попытка может быть продиктована потребностью преодолеть «цивилизационное угасание» или желанием заимствовать «цивилизационную энергию» восходящих культур, войдя тем самым в запрограммированную современность. Такая инициатива может идти «снизу» — например, от новых поколений «варварских» народов (именно так

определяются общества, не включенные в круг стран, считающих себя носителями «универсальной цивилизации»).

Новые поколения, преимущественно молодежь, вступающая во взрослую жизнь, не находят для себя достойной социальной ниши, но в силу многих обстоятельств не видят подлинной природы вынужденной самоизоляции их стран, хотя причина такой самоизоляции — глобальный демодернизационный тренд, о котором уже говорилось. Он, в свою очередь, связан с углублением социального неравенства на мировом и национальном уровнях, и с неустраняемыми экологическими тупиками, и с тем фактом, что модернизационный рывок «успешных» государств был реализован благодаря принудительному присвоению (по праву силы) и «прожиганию» львиной доли стратегических природных и человеческих ресурсов планеты.

Эта внутренняя связь обычно скрыта от массового сознания, чему в какой-то степени способствуют, как ни странно, международные проекты содействия развитию отсталых регионов. Это действие — оборотная сторона их эффективности. Ту же функцию выполняют и унифицированные образовательные стандарты с факультативной «региональной компонентой» (результат распространения единых образовательных систем, обеспечивающих культурный обмен и открывающих мировые рынки труда), и, разумеется, жизненно необходимые программы гуманитарной помощи.

Но главный фактор, камуфлирующий природу глобальной демодернизации, — чрезвычайно высокий уровень коррупции в регионах-аутсайдерах, который обычно носит санкционированный характер, поскольку выполняет две взаимообусловленные функции. С одной стороны, коррупционные режимы служат гарантией неконкурентоспособности стран-доноров в обозримой перспективе, а с другой стороны, «переводят стрелки» в момент политической дестабилизации на внутренние «раздражители», объясняющие самым простым и доходчивым способом возникновение и обострение региональных и национальных проблем. Это обстоятельство снимает проблему несовершенства и несправедливости мировой системы разделения и перераспределения ресурсов.

Эффект сохраняется некоторое время, так как восходящие поколения желают любой ценой войти в круг «успешных поколений», поскольку сами тяготеют к целям и возрастным субкультурам, не признающим границ. Единственная преграда на этом пути, по их мнению, которая культивируется современными транснациональными массмедиа, — «застойные» и коррумпированные политические режимы, узурпирующие власть в их странах. Таким образом, реальность смешивается с политическими иллюзиями, что служит и как детонирующий фактор, и как рычаг «управляемого хаоса» — дестабилизации или стабилизации, когда в качестве панацеи предлагается политическая модернизация, носителем которой может стать какая-то оппозиционная

сила, опирающаяся на внешнюю поддержку. Наиболее яркая иллюстрация такой тенденции — попытки минимизировать риски «молодежных революций» в Северной Африке и предшествующие эксперименты по волнообразной смене режимов в рамках «стратегии домино».

Есть и другой путь стимулирования модернизационных программ: они могут быть инициированы или поддержаны не «снизу», а «сверху». Одна из причин такой выборочной поддержки модернизации в «отсталых» регионах — ситуация, когда лидирующим государствам выгодно в долгосрочной перспективе встроить ту или иную общность, выделенную из «устаревшего политического тела» («конструирование наций» и создание новых независимых государств), или отдельную страну в мировую систему разделения труда. Не менее типична и модернизационная энергия, идущая как бы «сбоку», поскольку она порождена межтерриториальной зависимостью стран или их конкуренцией, взаимопроникновением культур или межрегиональным сотрудничеством.

Современность, понимаемая как проект или программа (запрограммированная современность), представляет собой либо набор образцов, достойных подражания, либо ориентиров — умозрительных, идеологически обоснованных или навязанных теми, кто не нуждается в обосновании и легитимации. Образцом служит не столько опыт прошлых модернизаций (слишком много отличий технологического и политического свойства), сколько опыт тех стран, которым удалось войти в «клуб избранных» и удастся удерживать лидерство, а также те быстроразвивающиеся регионы, потенциал которых позволяет им конкурировать со странами-лидерами в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Модернизационный прорыв предполагает, по сути, изменение «временных поясов» Земли, разделяющих человеческую цивилизацию. Эти границы более устойчивы, чем государственные. Они отделяют успешный, но недостаточно устойчивый «западный мир» от конкурентов (восходящий Китай, сохранивший цивилизационную идентичность, и ряд других стран-цивилизаций) и тем более от стран-аутсайдеров, в число которых входит сегодня и «постсоветское пространство» с неограниченным, но основательно «руинизированным» ресурсным и человеческим потенциалом. Еще недавно это пространство называли российской или русской цивилизацией.

Вопрос в том и состоит, какую направленность будет и может носить модернизационная стратегия

современной России на этом фоне. При этом принципиально важно понять, будет ли российская модернизация ориентирована на восстановление исторически сложившейся цивилизации с максимальным усилением центростремительных тенденций на «постсоветском пространстве» или на ее полное угасание. Такое угасание может усиливаться в результате успешного (вопрос о цене успеха в этом случае остается открытым) технологического отрыва одной наиболее развитой, искусственно отделенной, но не обделенной стратегическими ресурсами территории (РФ) от заведомых аутсайдеров.

Среди таких аутсайдеров — некоторые бывшие регионы единой страны, которая до своего распада обладала особым преимуществом перед конкурентами на мировых рынках, так как была перестроена в XX веке по единой модернизационной схеме (регионы — сборочные цеха). К сожалению, это конкурентное преимущество, обеспечивавшее взаимовыгодное разделение труда и частично воспроизводимое в ЕС, стало едва ли не главным тормозом развития на «современном» этапе. Развитие интеграционных процессов могло бы снять наиболее уродливые формы архаизации отдельных «периферийных» территорий, но этому мешает дефицит ресурсов, востребованных Европой, и времени, а также мощная инерция центробежных сил.

В этой ситуации определить долгосрочную стратегию модернизации крайне трудно, поскольку приходится переводить политическое планирование и стратегическое прогнозирование на режим альтернативного сценарного проектирования в условиях глобальной стратегической нестабильности. Но чем сложнее задача, тем интереснее представляется ее теоретическое осмысление с позиций цивилизационного подхода, с учетом его методологического и, что не менее важно, миротворческого потенциала. Правда, тот же цивилизационный подход, ставший инструментом политиканства, способен разрушить даже вековые балансы сил на политической и цивилизационной сцене истории. С одной стороны, этот подход позволяет увидеть устойчивое начало связей между народами в нестабильном мире, выйти за пределы грубой идеологизации и политизации, характерных для традиционной оценки отношений между странами и системами. С другой стороны, сам цивилизационный подход давно стал инструментом геополитического планирования и проектирования, в результате чего сами цивилизации все чаще рассматриваются как проекты — уже осуществленные или находящиеся в стадии замысла.

А. О. Чубарьян¹

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В мировой истории культура занимает приоритетное место. Она пронизывает различные эпохи и события. Идет ли речь о политической или экономической истории, социальной или международной, мы постоянно выделяем культурологический аспект. Конечно, особое значение проблемы культуры приобретают в духовной сфере. Идеологические процессы и интеллектуальная жизнь, история литературы и искусства — это в значительной мере культурное развитие.

Столь многоплановое и широкое распространение культуры явилось одной из причин того, что в науке существует множество определений понятий «культура» и «цивилизация».

Универсальное значение культуры в эволюции общества и жизни людей было основополагающим принципом в творчестве Д. С. Лихачева, в его подходе к истории общества, анализу различных сторон человеческой жизни и человеческого бытия.

В последние годы все большее распространение получает тема диалога культур и цивилизаций. Главное здесь заключается в том, что диалог — не изобретение ученых-историков или культурологов. Это было реальное историческое явление, ведущее свое начало с самых древних времен.

Диалог культур составляет ядро цивилизационного единства мира, взаимосвязанности континентов, регионов, стран и народов. В диалоге культур и цивилизаций прослеживается всемирность человеческой истории, универсализм и единство мира. Давно бытует формула, что единство мира (или, например, Европы) реализуется через его многообра-

зие, в том числе через взаимодействие различных культур, укладов и цивилизаций.

В древности этот диалог выражался во взаимовлияниях племен и народов, их обычаев, нравов, языков и пр. Уже многие годы ученые оперируют понятием «контактные зоны», которые формировались в различных частях мира, как правило, на пересечении разных племен и народов. Такие зоны представлены вокруг Средиземного и Черного морей, в балтийском регионе применительно к Европе, на Ближнем Востоке — в Азии и др. Именно в контактных зонах сталкивались и взаимодействовали разнообразные культуры, происходила их ассимиляция или отторжение.

Своеобразие роли культуры в истории человечества состоит в том, что она в большинстве случаев содействовала сближению народов и стран, снимала напряжение, позволяла устранять или минимизировать конфликты.

Яркий пример диалога культур — эпоха Просвещения, совпавшая по времени с формированием национальных государств. В этих условиях аморфная и универсальная культура приобрела национальные черты. Соответственно мировая культура становится суммой и синтезом национальных культур. «Национализация» культуры явилась закономерным историческим этапом XVIII–XIX веков. Она стала важным фактором формирования национальной идентичности стран и народов. Оказывая позитивное воздействие на отмеченные процессы, «национальная культура» одновременно явилась питательной почвой для идей национальной идентичности и национального превосходства.

В этих сложных и противоречивых условиях возрастает значение диалога культур и цивилизаций. Этот диалог происходит как в рамках одного многонационального государства, так и между различными странами. Диалог выражается в сопоставлении культурных достижений, взаимных проникновениях культуры, синтезе культурных процессов.

Особое значение диалог культур и цивилизаций приобретает во время напряженных отношений между странами и народами. В этом контексте мы обратим внимание на XIX век и особенно на XX столетие.

В XIX веке взаимовлияние культур стало одним из самых значимых процессов, причем в большей мере это касалось России и Европы. Европейские страны как бы открывали для себя великие творения русской литературы, музыки и живописи. Влияние Достоевского и Тургенева, Чехова и Толстого, Чайковского и других представителей русской культуры на европейскую культуру стало одной из преобладающих тенденций развития Европы. В свою очередь многие российские молодые художники и артисты начинали свой творческий путь в Италии, Франции, Германии и т. д.

¹ Академик и член Президиума Российской академии наук, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Брестский мир. 1918», «Европейская идея в истории», «Российский европеизм», «Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года», «XX век: взгляд историка». Монографии А. О. Чубарьяна переведены на английский, немецкий и французский языки: «Europa-Konzepte. Von Napoleon bis zur Gegenwart. Ein Beitrag aus Moskau» (Berlin, 1992); «Европа в XX веке: История и перспективы» (Lewiston, N. Y., 2002); «European Idea in History in the Nineteenth and Twentieth Centuries. A view from Moscow» (L., 1998); «La Russie et l'idée Européenne» (P., 2009). Главный редактор многотомной истории Европы (1992–2000), инициатор и главный редактор ряда ведущих отечественных и международных изданий по всеобщей и европейской истории: «Европейский альманах», «Россия и Балтия», «Цивилизации», Международного журнала социальных наук, Международного журнала «Cold War History», журнала Международной ассоциации институтов истории стран СНГ «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Член Президиума Совета при Президенте РФ по науке, образованию и высоким технологиям. Член Королевской норвежской академии. Награжден: орденами — «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2006), Почета (1999), Почетного легиона (Франция), Святого Макария II степени (РПЦ), Григория VI (Ватикан); Офицерским крестом (Германия). Лауреат премии Президиума РАН им. Е. В. Тарле. Почетный доктор ряда российских и иностранных университетов и академий. Почетный доктор СПбГУП.

Говоря о диалоге культур, мы не можем игнорировать опыт XX столетия. В 1920–1930-х годах и послевоенный период продолжался процесс возрастания роли культуры, соответственно усиливалось значение диалога культур и цивилизаций. Особый смысл этот диалог приобрел в условиях глобализации, когда быстро и многопланово расширились взаимосвязи стран и континентов.

XX век — это время кардинальных перемен на Африканском континенте, обретение независимости десятками государств Африки и Азии. Соответственно резко возросло значение культурного диалога внутри Африканского континента и связей Европы и США с африканскими странами.

Интерес историков и представителей других гуманитарных специальностей к так называемой «глобальной истории» органически связан и с пониманием роли культуры и цивилизационных процессов в раскрытии смысла и значения «глобальной истории».

В последнее время активно обсуждается еще одна проблема. Речь идет о мультикультурализме, особенно применительно к европейским странам. Недавние шокирующие заявления лидеров Англии, Франции и Германии о фактическом провале попыток формирования мультикультуралистского единства в этих странах вызвали волну дискуссий и заявлений.

Последние годы деятельности Евросоюза наглядно показали, что все государства, входящие в Евро-

пейский Союз, хотя бы сохранить свою национальную, прежде всего культурную, идентичность, прилагают усилия для сохранения собственной культуры, истории и языка. Однако возникли серьезные проблемы в связи с существованием внутри ряда европейских государств национальных диаспор, исповедующих другую религию и придерживающихся иного уклада жизни. Практика показала, что процесс включения этих диаспор в культуру стран их проживания оказался чрезвычайно трудным. В этих условиях именно диалог культур и цивилизаций в странах Евросоюза приобретает особое значение.

В этом контексте Россия иллюстрирует пример развития мультикультурализма. Взаимодействие различных культур и национальных идентичностей при гибкой и сбалансированной политике властей может способствовать развитию российского единства и общероссийской культуры и идентичности. Однако это не означает, что и в многонациональной России нет серьезных и трудных проблем в сфере национальных отношений.

Опыт стран Европы, в особенности России, ситуация на других континентах обуславливают новое значение и придают новый импульс диалогу культур и цивилизаций, ставят его в центр многих политических и этнических процессов и побуждают ученых в различных частях мира усилить внимание к научной разработке проблем взаимовлияния культур и цивилизаций.

В. Е. Чуров¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ (МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ) ФАКТОР В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ²

Чем мультикультурализм отличается от интернационализма? Корни мультикультурализма европейского образца уходят в колониальное прошлое западноевропейских государств, то есть первоначально речь шла о сосуществовании на территории бывшей метрополии культур бывших колоний. Однако крушение модели мультикультурализма определяется тем, что некоторые культуры (субкультуры) вовсе не собираются взаимодействовать с другими культурами, а в ряде случаев целенаправленно стремятся к доминированию или, как минимум, временному обособлению.

Интернационализм, как модель мирного полиэтнического классового сосуществования, был

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор СПбГУП. Автор свыше 60 научных публикаций, в т. ч.: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимовлияния избирательных систем и национальных культур» и др.; свыше 150 очерков, рассказов, научно-художественных повестей: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены», детских романов «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника» и др. Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

² В подготовке доклада принимали участие В. И. Лысенко и С. С. Вакунов.

основан на классовой теории, и подразумевалось не взаимодействие буржуазной субкультуры, а взаимодействие, конечно, пролетарской субкультуры, отчасти крестьянской субкультуры. Крах интернационализма произошел очень быстро: он начался с прихода Гитлера к власти в Германии (говорить об интернациональных связях с НСДАП было как-то неприлично) и завершился нападением 22 июня 1941 года фашистской Германии на Советский Союз.

Мультикультурализм и избирательная система. В современном мире последним оазисом мультикультурализма, то есть мирного сосуществования и взаимодействия культур и наций, является, по сути, избирательная система. Это связано, в частности, с тем, что только избирательная система в большинстве государств теоретически и законодательно отрицает какие-либо культурные, классовые, социальные и национальные различия среди участников избирательного процесса, исходя из универсальных принципов всеобщих и равных выборов при тайном голосовании избирателей. Используются разнообразные мультикультурные модели избирательных систем как в федеративных, так и в унитарных государствах, в том числе в тех из них, где население

исторически и политически разделено на различные языковые группы (например, в Бельгии).

Существует ряд исключений из общезивилизационного правила, которые в конечном счете обеспечивают реализацию принципа мирного политико-электорального сосуществования во имя обеспечения государственного единства и территориальной целостности, партийно-политического представительства и избирательных прав с учетом этноконфессиональных форматов гражданского общества государства. В целом в избирательном законодательстве присутствуют положения, способствующие свободному и эффективному участию в выборах, в том числе в голосовании, представителей национальных меньшинств, а также иных категорий избирателей и участников выборов. При этом используются различные модели:

— обеспечение языкового равенства в части текста избирательной документации, прежде всего избирательных бюллетеней;

— установление специальных, в том числе национальных, депутатских квот, обеспечивающих гарантированное парламентское представительство, в том числе в виде образования отдельного национального избирательного округа, как правило, в рамках национальных анклавов¹;

— установление определенных преимуществ для кандидатов, выдвигаемых национальными политическими партиями².

В современном Ливане, поликонфессиональном государстве, пережившем две гражданские войны между христианами и мусульманами во второй половине XX века, основой государственного устройства является конфессионализм, юридически закрепляющий связь политической и религиозной сфер жизни общества, в том числе в механизме политического представительства и структуре избирательной системы страны. Так, пост президента Ливана (избирается в ходе косвенных выборов депутатами парламента) занимает представитель маронитской католической церкви, тогда как премьер-министром становится мусульманин-суннит, а спикером парла-

¹ Например, в США Акт об избирательных правах 1965 года гарантирует и обеспечивает реализацию избирательных прав представителей расовых и языковых меньшинств посредством закрепления, в частности, положения о том, что изменение определенных параметров избирательной системы в некоторых штатах возможно только при одобрении со стороны Конгресса США, а также положения об обеспечении двуязычия при проведении выборов на определенных территориях, и др. Действие указанного Акта в 2006 году было продлено Конгрессом США еще на 25 лет; на промежуточных выборах в Конгресс США 7 ноября 2006 года было впервые предусмотрено оказание особых языковых услуг избирателям, плохо владеющим или не владеющим английским языком.

² В частности, в Польше политические партии, представляющие интересы национальных меньшинств, допускаются к гарантированному распределению мандатов независимо от заградительного барьера, действующего в отношении других политических партий (по итогам состоявшихся 21 октября 2007 г. досрочных парламентских выборов немецкое национальное меньшинство получило 1 мандат (ранее было 2) и имеет свое представительство в Сейме с 1991 г.; представители других национальных меньшинств (белорусского, украинского) были включены в списки кандидатов от политических партий, коалиций и соответственно 2 и 1 из них были избраны.

мента — мусульманин-шиит, хотя подобное разделение в конституции прямо не закреплено. Это разделение (конституционно-правовой обычай, традиция) основано на Таифских соглашениях, призванных ликвидировать напряженность в отношениях между этноконфессиональными общинами. Статья 24 Конституции Ливана требует равного представительства в Ассамблее представителей (парламенте) для христиан и мусульман и, кроме того, пропорционального распределения депутатских мандатов между представленными в стране конфессиями, относящимися к каждой из религиозных общин. Во время последних парламентских выборов (7 июня 2009 г.) мусульманские общины распределили свои 64 депутатских мандата следующим образом: 27 мандатов — в общинах мусульман-суннитов, 27 — мусульман-шиитов, 8 — друзов и два депутатских мандата — алавитов; из 64 «христианских» депутатских мандатов 24 распределялось маронитской общиной, 14 — греческой православной общиной, 8 — католической общиной, 5 — представителями Армянской апостольской церкви, один мандат — представителями Армянской католической церкви, один мандат — протестантскими конфессиями и один — иными группами верующих-христиан.

Этноконфессиональный подход в управлении государством закреплен в Конституции Кипра, однако на практике в связи с вооруженной интервенцией иностранного государства, преследующей исключительно свои национальные интересы, электоральный мультикультуризм и демократическое развитие мультикультурной избирательной системы приостановлены. Например, согласно ст. 1 Конституции президент Кипра избирается греческой общиной, а вице-президент — турецкой. В соответствии со ст. 62 Конституции Республики из 50 депутатов Палаты представителей 35 избираются греческой общиной острова, а 15 — турецкой. Согласно ст. 63 Конституции для представительской греческой и турецкой общин Кипра ведутся отдельные списки избирателей, при этом избиратели, находящиеся за рубежом, не могут, в отличие, например, от Хорватии, голосовать на парламентских выборах. После оккупации Северного Кипра турецкими войсками (в 1974 г.) турецкие депутатские мандаты (24 мандата), которых еще в 1963 году лишились турки-киприоты, по-прежнему остаются вакантными. Впервые с 1963 года при проведении 21 мая 2006 года парламентских выборов в греческой части Кипра турку-киприоту, проживающему в греческой части острова, было разрешено участвовать в выборах в качестве кандидата в депутаты; из 500 тыс. зарегистрированных избирателей 270 являлись турками-киприотами. В настоящее время после провала референдума об объединении в апреле 2004 года, когда 75,8 % греков-киприотов отвергли объединительный план ООН, а 64,9 % турок-киприотов, наоборот, его поддержали, при постоянных усилиях ООН, а также с приходом новых политических лидеров греческой и турецкой общин, избранных в ходе парламентских (в греческой общине — 21 мая 2006 г.) и президент-

ских выборов в разделенных частях Кипра, всеми политическими партиями предпринимаются новые шаги по восстановлению территориального единства Кипра. Одним из решающих инструментов на этом пути является использование потенциала дуалистической избирательной системы, которая должна обеспечить равное политическое представительство интересов греческой и турецкой общин в едином парламенте.

Особое положение ряда этноконфессиональных общин зафиксировано в избирательном законодательстве Республики Хорватия. Это связано с тем, что при проведении выборов в Сабор (парламент) создается один специальный избирательный округ для голосования хорватов, находящихся за рубежом (404 950 избирателей), а также один восьмимандатный избирательный округ для обеспечения представительства национальных меньшинств (248 899 избирателей) — по одному мандату от венгерского, итальянского, чешского и некоторых других национальных меньшинств. При проведении 25 ноября 2007 года парламентских выборов избран один депутат, представляющий чешское и словацкое национальное меньшинство, три депутата — сербское, один — суммарно австрийское, болгарское, немецкое, польское, цыганское, румынское, руссенианское, русское, турецкое, украинское, валлачيانское и еврейское национальные меньшинства, один депутат — итальянское, один — венгерское, один — албанское, боснийское, черногорское, македонское и словенское национальные меньшинства.

В Бельгии языковой компонент является одной из конституционных основ федеральной структуры государства и организации выборов, избирательной системы. Как известно, на основе языковых проблем в 1970 году началась реформа государственного и электорального устройства Бельгии, которая с 1993 года стала федеральным государством с тремя уровнями политико-языкового представительства. Конституция Бельгии предусматривает сложную структуру деления страны на субъекты по языковому принципу: на три сообщества (французское, фламандское и немецкоязычное) и четыре языковых региона (французский, голландский, немецкий и двуязычный франко-голландский столичный регион в Брюсселе), дополнительно Бельгия делится на Валлонский, Фламандский и Брюссельский регионы; члены парламента также разделяются на языковые группы — французскую и голландскую; в правительстве должно входить равное число членов, говорящих на каждом из этих языков; вместе с тем провозглашается свобода употребления всех используемых в Бельгии языков и не называется ни один из них в качестве государственного языка. В Бельгии также применяется схожий с квотным принципом принцип этноязыкового представительства при выборах и в сенат (верхняя палата парламента). Из 71 сенатора 40 избираются прямым голосованием, по 10 человек из состава Совета французского сообщества и Совета фламандского сообщества, один — из Совета

германоязычного сообщества и по шесть и по четыре новых члена кооптируют соответственно сенаторы-фламандцы и сенаторы-франкофоны. В этих целях избиратели группируются по языковому принципу в своеобразные языковые избирательные коллегии. Избиратели столичного региона могут проголосовать за один из двух языковых списков кандидатов, тогда как избиратели двух других регионов — только за список кандидатов той языковой зоны, в которой они проживают.

Корни различия национальных избирательных систем. На практике избирательные системы мультикультурны внутри каждого суверенного государства, однако они отнюдь не мультикультурны в плане общих (универсальных) принципов избирательного процесса. Самый простой пример: попытки американцев организовать европейскую схему выборов в Афганистане, Ираке или Палестине оказались малоуспешными. С другой стороны, избирательная система Японии, формировавшаяся при значительном влиянии немецкого конституционного права (в эпоху Мэйдзи), а потом конституционного права США (после окончания Второй мировой войны), в настоящее время отвечает основным стандартам демократических выборов (несмотря на наличие некоторых рудиментов устаревших цензов). Необходимо отметить, что Япония добровольно перенимала «западные» либеральные ценности и стандарты, сравнивая их и выбирая оптимальные: например, в 1870 году советник правительства по иностранным делам и будущий первый премьер-министр Японии Ито Хиробуми после визита в США отмечал, что американское конституционное право послужило для него образцом того, что не следует включать в текст японской конституции.

Различия избирательных систем кроются в национальной истории и традиции, в частности децентрализованная американская избирательная система восходит к тем временам, когда каждый штат государства был по-настоящему суверенным образованием, делегировавшим часть своих полномочий союзу или конфедерации.

Историческое прошлое страны влияет на состав избирателей и кандидатов. В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии активным и пассивным избирательным правом обладают граждане государств — членов Содружества Наций, а также Республики Ирландия. При этом каждая из стран обладает собственной сложившейся государственностью, большинство из них не признают британского монарха главой государства, а само Содружество политическим объединением не является. Кроме того, в Северной Ирландии большое политико-правовое значение имеет конфессиональное разделение корпуса избирателей и политических партий (католики и протестанты, а также сторонники и противники государственной унии с Англией).

Длительная история авторитарных режимов в Центральной и Южной Америке также повлияла на избирательное законодательство стран этого ре-

гиона. Достаточно распространенным в этих государствах является конституционный (или иной законодательный) запрет на замещение тех или иных выборных должностей родственниками или сваяками лиц, эти должности занимавших, что препятствует узурпации власти, а также невозможность совмещения выборной должности и принадлежности к религиозному культу. Так, среди ограничений пассивного избирательного права на выборах президента и вице-президента Республики Никарагуа в ст. 147 Конституции Никарагуа упомянуты и лица, возглавлявшие или финансировавшие государственный переворот, что свидетельствует о непростой истории этого государства и всего региона в целом. Новая Конституция Боливии предусматривает новые гарантии для коренного населения страны. Так, коренное индейское население (36 народностей) будет, в частности, широко представлено в различных органах власти — введены специальные квоты для представительства индейского населения в парламенте; государственными языками, помимо испанского, становятся все индейские языки Боливии, при этом знание хотя бы одного из них является обязательным условием при приеме на работу государственных служащих; при этом католицизм не является больше государственной религией. В Сальвадоре в соответствии со ст. 82 Конституции служители любого религиозного культа не могут принадлежать к политическим партиям и не могут ни в какой форме осуществлять политическую агитацию; в Гондурасе для того чтобы стать депутатом, необходимо, в частности, не иметь духовного звания и не быть служителем какого-либо религиозного культа (ст. 198 Конституции Гондураса). На Кубе, наоборот, в соответствии со ст. 43 Конституции государство провозглашает право, завоеванное революцией, по которому граждане без различия религиозных верований, национального происхождения и любого другого уменьшения достоинства человека имеют доступ в соответствии со своими заслугами и способностями к любым должностям в государстве.

Мультикультурные избирательные системы и международные избирательные стандарты: пределы сближения. У избирательных систем существуют общие проблемы приближения к тем международным стандартам, которые выработаны человечеством.

Ни одной стране пока не удалось полностью обеспечить реализацию *принципа всеобщего избирательного права*. Практически везде существуют ценз оседлости, возрастной ценз, ограничение избрания лиц, ранее уже избиравшихся на ту же должность, ограничения для лиц, отбывающих уголовное наказание, недееспособных и т. д. Часто в этом списке в том или ином виде сохраняются какие-то исторически обусловленные, но уже устаревшие цензы (ценз грамотности, имущественный ценз и др.).

В силу ряда причин принцип *равного избирательного права* нельзя реализовать в полном объеме. Например, невозможно добиться абсолютно равенства всех избирательных округов. Границы

избирательных округов, как правило, жестко связаны с границами административных округов, часто исторически сложившихся.

В отличие от принципов всеобщего и равного избирательного права, принцип *прямого избирательного права* не является универсальным. Во многих государствах исторически сложилась система не прямых выборов главных лиц государства, глав законодательной и исполнительной власти. Во многих странах, как дань традиции, в этой процедуре символическое участие принимает монарх.

Не во все исторические периоды безусловным считался принцип *тайного голосования* — в некоторые эпохи, как, например, в эпоху Великой французской революции (до 1793 г.), тайная подача голосов считалась способом для избирателя «скрыть» свое мнение от сограждан.

Обязательность и периодичность проведения выборов являются одним из главных принципов, закрепленных в международных документах. Однако в истории любого государства имеют место различные потрясения, не позволяющие строго соблюдать принцип периодической ротации состава представительного органа власти или выборных лиц.

Принцип *свободного волеизъявления* признается практически всеми государствами; одновременно в ряде из них требуется обязательное участие граждан в выборах.

Часто *открытость и гласность* избирательного процесса, в первую очередь степень участия в нем средств массовой информации, не определены законодательно, а регулируются на основании традиции.

К проведению *справедливых выборов*, обеспечению конкуренции политических сил, участвующих в них, равенства их возможностей в мире сложилось несколько подходов: в рамках одних происходит максимальное регулирование всех вопросов обеспечения равенства партий и кандидатов, в рамках других провозглашаются лишь общие принципы.

Один из главных принципов демократии заключается в том, что результаты выборов должны *соответствовать воле народа*. Однако сам тип избирательной системы, как правило, определяется историей государства — в государствах со сложившейся избирательной системой даже дискуссии о необходимости тех или иных реформ избирательного законодательства могут продолжаться десятилетиями.

Представления о хорошо организованных выборах также меняются со временем. Резкое увеличение числа избирателей (вследствие отмены многих избирательных цензов) сделало выборы всеобщими и массовыми, а развитие технологий, прежде всего информационных, ставит все новые и новые задачи перед организаторами выборов для того, чтобы существовала возможность заявить о тех или иных выборах, что они хорошо организованы.

У мирового сообщества на электоральном треке есть также проблемы, непосредственно связанные с мультикультурным обществом, инкорпорированием его существенных элементов, в том числе этно-

конфессиональных, в конструкцию национальной избирательной системы:

— языковая проблема: реальное многоязычие требует дополнительных материально-финансовых и иных затрат, связанных с изготовлением избирательной документации на различных языках, что влияет не только на размер избирательного бюллетеня, но и на затраты на печатание биографий кандидатов, различных разъяснительных и информационных материалов, особенно для неграмотных, об участниках выборов, прежде всего о политических партиях, их предвыборных программах и платформах;

— семейно-бытовые традиции: они сказываются на частоте так называемого «семейного» голосования, а в ряде случаев имеются и родоплеменные особенности, скажем, голосование по указанию старейшин;

— образовательная проблема: в недрах мультикультурной системы по-прежнему существуют субкультуры, определяемые социальным статусом, образованием и доходами людей, принадлежностью к этническому сообществу. Соответственно, проблема образования возникает на самом примитивном, первичном уровне: необходимость внесения в избирательный бюллетень общедоступных символов, в частности применительно к политическим партиям, участвующим в выборах, а также трудности внедрения новых способов голосования, включая разъяснения систем электронного голосования;

— межнациональные отношения: несмотря на то что формально любая избирательная система стоит над национальными отношениями, ее приходится учитывать, например, при нарезке избирательных округов в местах традиционного поселения этносов,

а также при миграции населения. Например, если на территорию расселения одного народа (этноса или этноконфессиональной группы) в массовом порядке переместились избиратели другой национальности (конфессиональной принадлежности);

— религиозные (конфессиональные) особенности: их приходится, безусловно, учитывать, так как организация выборов в мультикультурном обществе и с наличием, скажем, значительного исламского населения требует организации (проведения) голосования в два дня — в воскресенье и понедельник. Правда, некоторые страны переходят к голосованию в один день. Так, в 2008 году в Ливане была принята законодательная поправка, предусматривающая переход к проведению голосования в течение не трех, а только одного дня;

— законопослушность населения (избирателей и иных участников выборов): различные культуры имеют различные степени законопослушности;

— миграционный фактор: в рамках той или иной культуры или субкультуры подвижность (миграционный уровень) избирателя разная, что также необходимо учитывать, в том числе при применении различных форм голосования.

Вместе с тем одной из основных тенденций развития избирательных систем в современном мире является, на наш взгляд, максимальное сохранение мультикультурного компонента избирательных систем, избирательного процесса в целом, которые при правильной постановке дела могут обеспечить не только устойчивое, но и демократически динамичное развитие государства, институтов гражданского общества, мирное развитие единой государственности.

Ю. С. Шемшученко¹

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ В СВЕТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Болонский процесс привнес революционные изменения в систему образования для Европы XXI века. Декларация министров образования стран Европы, подписанная в Болонье 19 июня 1999 года,

¹ Иностраный член Российской академии наук, академик Национальной академии наук Украины, директор Института государства и права им. В. М. Корещко НАН Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных публикаций, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академии наук Украины»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Академик-секретарь Отделения экологического и аграрного права Академии правовых наук Украины. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство». Лауреат премии НАН Украины им. М. П. Василенко, Государственной премии Украины в области науки и техники.

интенсифицировала образовательное сотрудничество на континенте, стала важным инструментом развития демократического общества и интернационализации высшего образования.

К сожалению, в постсоветских государствах Болонский процесс реализуется не всегда последовательно. В Украине, в частности, многое свелось в основном к чисто количественным показателям. С начала 90-х годов прошлого столетия количество высших учебных заведений здесь достигло 900, в то время как в Великобритании насчитывается около 100, во Франции — около 80, в Италии — около 60, а в соседней Польше — 11 университетов. При этом диплом о высшем юридическом образовании выдают сейчас почти 300 высших учебных заведений. Это почти столько, сколько выдают дипломов почти все университеты Европы, вместе взятые.

В прошлом году среднюю школу в Украине закончили 380 тысяч детей. Для них было задействовано почти 800 тысяч мест в вузах. Нередко в горо-

де с населением в несколько сотен тысяч человек действует 5–7 вузов. Это уже привело к снижению качества высшего образования, погоне за получением не столько знаний, сколько диплома. Не случайно возникли трудности с трудоустройством дипломированных специалистов, в частности юристов и экономистов.

Действующая Конституция Украины провозгласила право каждого гражданина на бесплатное высшее образование в государственных и коммунальных учебных заведениях (ст. 53). В Основном Законе ничего не говорится о платном образовании. Но в настоящее время более 30 процентов вузов являются фактически частными и финансируются теми, кто в них обучается. Существенно возросла также доля вузов, действующих по смешанной системе финансирования — за счет государственного бюджета и платы за обучение.

Законодательство о высшем образовании начального периода после провозглашения независимости Украины не смогло противостоять стихии в этой сфере. Оно открыло шлюзы для приватизации высшего образования, создало сложную четырехступенчатую систему ступеней образовательных квалификационных уровней (младший специалист, бакалавр, специалист, магистр), оставило за скобками критерии качества подготовки студентов.

Не изменил ситуацию к лучшему и ныне действующий Закон Украины «О высшем образовании» в редакции 2002 года. Идеи Болонского процесса в нем не нашли должного и полного отражения.

По прошествии почти 20 лет власть наконец-то забила тревогу. Сейчас в Верховной Раде Украины находится на рассмотрении проект Закона «О высшем образовании» в новой редакции, внесенный группой народных депутатов Украины. Он в большей мере базируется на европейских стандартах высшего образования. Но и в нем есть проблемы, касающиеся главным образом правильного сочетания этих стандартов с национальными особенностями в области высшего образования. О некоторых тенденциях, вытекающих из данного законопроекта, пойдет речь ниже.

Прежде всего следует отметить, что мы восприняли идею Болонского процесса о сокращении количества ступеней системы образовательных квалификационных уровней. Законопроект исключает из этой системы категорию специалиста, оставив в ней категории младшего специалиста, бакалавра и магистра.

Болонская модель, правда, базируется на двухступенчатой образовательной системе — бакалавр и магистр. Но она внедрена не во всех странах, подписавших Болонскую декларацию. Для этого нужен соответствующий переходный период, в котором находится сейчас и Украина.

Предполагаются определенные изменения и в сроках подготовки младших специалистов, бакалавров и магистров. Нормативный срок обучения по образовательной-профессиональной программе младшего специалиста на основе полного общего

среднего образования устанавливается в 2–3 года, а бакалавра — 3–4 года. Нормативный срок обучения по образовательной-профессиональной программе магистра на основе образовательной-квалификационного уровня бакалавра составляет 1,5–2 года. При этом подготовку магистров будут осуществлять только университеты и академии.

Законопроектом в Украине легитимируется образовательный-научный уровень доктора философии, широко и давно используемый в странах Западной Европы. Он представляет собой аналог нашей научной степени кандидата наук и присваивается в порядке публичной защиты диссертации на соискание научной степени доктора философии.

Подготовка докторов философии будет осуществляться через аспирантуру университетов, академий и научных учреждений с нормативным сроком обучения 4 года. Диссертация на соискание доктора философии должна иметь «существенную научную новизну и практическое значение».

Остается научная степень доктора наук. Это как бы второй образовательный-научный уровень после доктора философии. Подготовка докторов наук будет осуществляться в докторантуре университетов, академий и научных учреждений. Нормативный срок обучения — 3 года. Диссертация на соискание научной степени доктора наук должна содержать совокупность результатов, предполагающих решение «важной научной проблемы».

В Украине уже в начале текущего столетия была утверждена система стандартов высшего образования по каждому образовательному-квалификационному уровню и профилю подготовки. В соответствии с новым проектом Закона «О высшем образовании» под стандартом высшего образования понимается совокупность норм, определяющих требования к образовательному-квалификационному (образовательному-научному) уровню выпускника высшего учебного заведения (научного учреждения), содержанию образования, срокам обучения и средствам диагностики качества образования соответствующих направлений и специальностей. Соответствующие стандарты являются основой оценки качества высшего образования и качества образовательной деятельности высших учебных заведений и научных заведений, что является основой Болонского процесса.

В соответствии с европейским опытом законопроект стимулирует развитие университетской формы высшего образования. Организационную систему этого образования составят университеты, академии и коллегии. Что же касается институтов, то они останутся в качестве структурных подразделений университетов и академий.

Высшие учебные заведения могут быть государственной, коммунальной и частной форм собственности. Но в вузах государственной и коммунальной форм собственности количество студентов дневной формы обучения, принятых на первый курс по государственному заказу, должно составлять не менее 50 процентов от общего количества студентов.

Через законопроект проведена европейская идея формирования сети высшего образования на основе крупных университетов и академий. В этой связи установлены соответствующие количественные критерии. В частности, предполагается, что классический университет будет создаваться при условии, что в нем на дневной форме обучения будет обучаться не менее 10 тыс. студентов не менее чем по 8 отраслям образования; профильный университет — не менее 6 тыс. студентов по 4 отраслям образования; академия — не менее 3 тыс. студентов и по 1–2 отраслям образования.

Предусмотрены также требования по подготовке научных кадров. В классическом университете такая подготовка должна вестись не менее чем по восьми научным специальностям; в профильном университете — по четырем; в академии — по двум научным специальностям.

Эти положения законопроекта, однако, разделяются далеко не всеми. Оппоненты, в частности, считают, что планка здесь завышена. Кроме того, нет прямой зависимости между количеством студентов в вузе и качеством образования.

Идеи Болонского процесса об интеграции образования и науки нашли также отражение в положениях законопроекта о статусе исследовательского университета. Такой статус предоставляется национальному высшему учебному заведению Кабинетом министров Украины с целью расширения исследовательской и инновационной деятельности, углубления интеграции в мировое образовательное пространство.

Исследовательскому университету предоставляется право: принимать решения о присуждении в установленном порядке научных степеней доктора философии и доктора наук, а также о присвоении в установленном порядке ученых званий старшего исследователя, доцента, профессора с выдачей соответствующего государственного документа; устанавливать индивидуальные нормативы численности студентов и аспирантов на одну должность научно-педагогического работника в пределах фонда заработной платы и их общей численности и др.

В Украине ряду наиболее известных национальных университетов уже присвоен статус исследовательских. Но этот статус пока регулируется не законом, а правительственным постановлением.

Отдельно следует сказать об интеграции образования и науки на базе Национальной академии наук Украины и других государственных отраслевых академий (педагогических наук, медицинской, правовых наук и др.). Недавно в Украине обсуждался вопрос о передаче научно-исследовательских институтов НАН Украины университетам Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины. Но эта идея не получила поддержки. Есть опасения в том, что ее реализация может привести к подрыву научного потенциала Академии, ничего существенного не изменив в эффективности научной деятельности университетов.

В данном случае не следует игнорировать национальный опыт, базирующийся на ведущей роли академий наук в проведении научных исследований. В то же время было бы целесообразно более продуктивно использовать образовательный потенциал этих академий, где сосредоточены высококвалифицированные научно-педагогические кадры.

В качестве позитивного примера можно привести 15-летний опыт работы уникального в системе НАН Украины Киевского университета права. Вместе с Институтом государства и права им. В. М. Корещко НАН Украины он представляет собой новый по своему характеру учебно-научный комплекс, позволяющий готовить юристов европейского образца. Для ученых Института Университет является ареной для внедрения научных идей, полученных ими в результате проведенных исследований актуальных проблем государственно-правового строительства. Это позволяет учить студентов не догме закона, а духу права, на основе не только национального, но и зарубежного опыта. Важным подспорьем для этого являются изданные совместно учеными Университета и Института фундаментальные академические курсы по всем основным учебным предметам, а также 6-томная «Юридическая энциклопедия».

После образования Киевского университета права в системе НАН Украины появились и другие учебные заведения подобного рода. Но в целом этот процесс не является активным. Его, в частности, сдерживает неопределенность правового статуса соответствующих университетов в системе как НАН Украины, так и других государственных академий. Этот вопрос, однако, не нашел отражения в проекте нового Закона Украины «О высшем образовании».

Специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти в области образования сейчас является Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины. В его составе действуют Государственная аккредитационная комиссия, Высшая аттестационная комиссия Украины и другие подразделения.

Высшая аттестационная комиссия до конца прошлого года находилась в непосредственном подчинении Кабинета министров Украины. Переподчинение ее указанному министерству вызывает сомнения. Подведомственность комиссии этому министерству таит в себе угрозу ведомственного вмешательства в решение отнесенных к ее компетенции вопросов.

Нельзя не отметить и того, что система аттестации научных кадров через ВАК не присуща странам Западной Европы. Здесь есть над чем подумать и нашему законодателю в процессе совершенствования законодательства об образовании и науке.

Для достижения общей цели Болонского процесса — построения единого для Европы образовательного пространства — недостаточно формального определения его принципов. Необходимы еще прозрачные и понятные всем методы контроля ка-

чества высшего образования. Речь, в частности, идет о наличии внутренних и внешних государственных и общественных систем контроля, в первую очередь лицензирования и аккредитации. Законопроектом в связи с этим предусмотрено, что лицензии высшим учебным заведениям выдаются при условии наличия у них необходимой собственной, переданной в оперативное управление или арендованной не менее чем на 10 лет материально-технической базы, научно-методического и информационного обеспечения, библиотеки, педагогических и научно-педагогических кадров по установленным нормативам. Высшему учебному заведению, успешно прошедшему лицензированную экспертизу, Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины выдает лицензию на образовательную деятельность, как правило, на срок завершения цикла подготовки кадров по специальности, но не менее чем на 2 года.

По результатам аккредитации специальностей то же министерство выдает соответствующий сертификат. В нем указываются название специальности, образовательно-квалификационный уровень,

срок действия сертификата (не более 10 лет), а также местонахождение высшего учебного заведения, его обособленных структурных подразделений.

Таким образом, в настоящее время мы имеем реальное проявление тенденций на сближение украинской системы высшего образования с европейским образовательным пространством. С этой целью государство содействует: внедрению механизмов гармонизации систем оценки качества высшего образования Украины с европейским образовательным пространством; привлечению средств международных фондов и организаций для выполнения в высших учебных заведениях образовательных и других программ; развитию и укреплению международного сотрудничества в области высшего образования и науки в рамках двусторонних и многосторонних договоров. Но для достижения результатов такого сотрудничества нужно надлежащим образом осмыслить проблему на уровне как теории, так и массового сознания. Нужно сформировать способность личности к глобальному мышлению, воспитать ее в контексте фундаментальных ценностей, выработанных человечеством.

М. В. Шмаков¹

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Чем дальше происходит вхождение России в современное постиндустриальное общество, тем острее встает проблема человека, его потенциальных возможностей в преодолении общественного кризиса, в том числе и кризиса труда.

Именно вследствие того, что культура является звеном, связывающим прошлое, настоящее и будущее в ходе общественного развития, культурологический подход особенно важен в исследовании социальных и трудовых конфликтов постиндустриального общества.

Под культурой труда мы понимаем совокупность общественных ценностей, норм, привычек, потреб-

ностей, интересов, мотивов, выступающих в качестве основы социальной ориентации в сфере трудовых отношений, регулятора поведения человека в сфере труда, в процессе которого он создает как определенный продукт, так и общественные отношения и самого себя как субъект культуры труда.

На формирование культуры труда большое влияние оказывает организация труда в обществе в определенном историческом социокультурном контексте. Национальная культура труда определяется взаимозависимостью элементов, составляющих культуру в целом, таких как религия, политическая культура, культура семьи, особенности географических условий России.

Изменения, имеющие место в современной России, способствуют формированию принципиально нового работника, кардинальной смене трудовых ценностей. Культура труда в ее целостности не может быть сведена к экономической системе. России необходимо нащупать личностные, институциональные и организационные предпосылки взаимной адаптации культуры труда к постиндустриальному обществу.

Принимая во внимание современное состояние России, совершенно понятно, что попытки сменить «советскую культуру труда» на культуру постиндустриального общества могут привести в тупик. В раздвоенной реальности повседневной жизни официально провозглашенные, но не усвоенные работником рыночные ценности и нормы будут сосуществовать с сохранившимися традиционными цен-

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранные выступления и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени.

ностями и нормами, в действительности регулирующими трудовое поведение. Как следствие, новые рыночные институты будут воспроизводить традиционные социальные отношения и традиционные формы спроса и предложения, тем самым создавая так называемый «квазирынок».

В современной России заметно стремление заимствовать любую западную более или менее действующую модель труда. Однако российская модель культуры труда является неоднородной. Это обусловлено, во-первых, обширностью территории, наличием различных природно-климатических условий, в которых изначально шло формирование культуры труда. Во-вторых, сложным этническим составом населения. В-третьих, многообразием исповедуемых религий. В-четвертых, соседством технического отсталого производства с самым передовым в техническом отношении. В-пятых, многообразием отраслей общественного производства. В-шестых, неравномерным развитием территорий, наличием центров культуры, науки, технически передового производства (Москва, Санкт-Петербург) и периферии. Все эти особенности необходимо учитывать при рассмотрении социальных и трудовых конфликтов порождаемых вхождением России в постиндустриальное общество.

В настоящее время выделяются основные черты формирующегося постиндустриального общества: высокий уровень организации управления и его профессионализация, информатизация, формирование принципиально новых технологических укладов, гуманизация производства и управления, повышение роли человеческого фактора, экономической психологии в хозяйственной деятельности. Постиндустриальное общество именуют также посткапиталистическим, информационным, технотронным; в таком обществе экономическая составляющая утрачивает определяющее значение, а труд перестает быть основой социальных отношений. Доминирующими становятся постматериалистические ценности, в частности гуманитарные.

Попытки охарактеризовать социальные и трудовые конфликты, свойственные постиндустриальному обществу, предпринимались еще до создания концепции постиндустриализма. Очевидно, что снижение роли классового противостояния между буржуазией и пролетариатом не тождественно устранению социального конфликта как такового. Широкое признание постиндустриальной концепции способствовало упрочению мнения о том, что социальные и трудовые конфликты вызываются к жизни отнюдь не только экономическими проблемами.

В конце XX — начале XXI века стала общепризнанной исключительная роль информации и знания в современном производстве, превращение науки в непосредственную производительную силу и зависимость от научно-технического прогресса всех сфер общественной жизни. В то же время обращало на себя внимание быстрое становление интеллектуальной элиты в качестве нового привилегированного слоя общества, по отношению к которому и средний

класс, и пролетариат выступают социальными группами, не способными претендовать на самостоятельную роль в производственном процессе.

В современном постиндустриальном обществе буржуазия и рабочий класс не только оказались противопоставленными друг другу на крайне ограниченном пространстве, определяемом сокращающимся масштабом массового материального производства, но и утратили свою первоначальную классовую определенность; при этом стали различимы очертания нового социального конфликта.

В то же время острота возникающего социального конфликта в постиндустриальном обществе и сложность его разрешения связываются с тем, что социальные предпочтения и система ценностей человека фактически не изменяются в течение всей его жизни, что придает противостоянию весьма устойчивый характер.

Сегодня реальный социальный и трудовой конфликт еще не определяется тем, каково самосознание того или иного члена общества, или тем, к какой социальной группе или страте он себя причисляет. В современном мире стремление человека влиться в ряды работников интеллектуального труда, не говоря уже о том, чтобы активно работать в сфере производства информации и знаний, ограничено отнюдь не только субъективными, но и вполне объективными обстоятельствами, и в первую очередь — доступностью образования. Интеллектуальное расслоение, достигающее беспрецедентных масштабов, становится основой всякого иного социального расслоения.

Во многих высокоразвитых странах Европы и Северной Америки все поставлено на человека (бедный человек) и его главный ресурс — творчество. Именно интеллектуальные способности человека и его образованность в значительной степени определяют в постиндустриальном обществе уровень его доходов и социальный статус. В нынешних условиях слой высокообразованных людей составляет наиболее состоятельную группу общества и способен к устойчивому воспроизводству.

Постиндустриальное общество радикально изменяет сущность и мотивацию человеческой деятельности, модифицирует корпоративные принципы и определяет новые формы организации товарного производства. В подобной ситуации невозможно предположить, что столь масштабная трансформация оставляет незатронутыми глубинные основы социальной организации, не порождает новые общественные страты, не вызывает к жизни новые конфликты.

Становление интеллектуального класса в качестве элиты постиндустриального общества резко подчеркивает грань, отделяющую его от остального социума. В отличие от индустриального общества, это неравенство вполне оправдано, так как новая элита не является паразитической, а обращает себе на пользу результаты собственного труда, выступающего залогом прогрессивного развития общества. Между тем это не может смягчить и тем более пога-

силь возникающий социальный конфликт, второй стороной которого неизбежно оказываются люди, в огромном количестве вытесняемые из общественного производства той же самой технологической волной, которая вознесла интеллектуальный класс к его сегодняшнему беспрецедентному благосостоянию.

Присвоение возрастающей доли национально-го богатства оказалось связанным не с интенсивностью труда, не с эффективностью использования материалов и оборудования и даже не с уровнем полученного формального образования, а с тем, насколько способен или неспособен человек использовать и генерировать новое знание, наращивать свой интеллектуальный капитал. Развитие подобных тенденций приводит к тому, что низкоквалифицированные работники оказываются сегодня в гораздо более тяжелом положении, нежели раньше, поскольку даже экономический рост не может обеспечить их «хорошими» рабочими местами, как это было в прошлом. В то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, представители среднего и низшего классов сталкиваются с все большими трудностями не только в обеспечении достойного уровня жизни, но даже в поиске работы как таковой.

Тенденции, вполне проявившиеся на протяжении последних десятилетий, свидетельствуют о том, что формирующееся постиндустриальное общество не лишено социальных противоречий и не может рассматриваться как общество равенства. Напротив, распространение информации и знаний как основного фактора производства становится основой новой поляризации общественных групп и формирования нового господствующего класса. Опасность этого нового противостояния заключается в том, что впервые доминирующее положение одной социальной группы по отношению к другой представляется вполне оправданным, так как ее материальное богатство выступает воплощением креативной деятельности самих ее представителей. В рамках современной этики не находится серьез-

ных инструментов для обоснования несправедливости подобного положения вещей, так как оно объективно проистекает из реализации людьми своих неотъемлемых прав на развитие и совершенствование собственной личности в формах, которые непосредственно не направлены на создание препятствий для развития других людей.

На наш взгляд, обострение проблемы бедности на протяжении последних лет выглядит естественным следствием становления постиндустриального общества и отражает расслоение общества на «интеллектуальную элиту» и низший класс, оказывающийся отчужденным от процесса современного наукоемкого производства.

При этом нельзя не признать, что не только интересы, но даже системы ценностей новой элиты постиндустриального общества и работников кардинально различны. Более того, в новых условиях позиции низших классов гораздо более уязвимы, так как единственным значимым ресурсом оказывается знание, которое не приобретается в ходе коллективных действий. Массовые формы протеста и коллективные методы борьбы, характерные для индустриального общества, могут оказаться неэффективными. В то же время современные методы и формы отстаивания социально-трудовых интересов, основанные на применении современных социокультурных технологий, могут быть очень востребованы.

Современная цивилизация, кажущаяся как никогда ранее взаимосвязанной, оказывается резко разделенной. Даже в условиях холодной войны целостность мира казалась гораздо более ощутимой. Формирование нового однополярного мира создает иллюзию автономности развитых стран, однако в то же время порождает множество экономических, социальных, экологических и этнических проблем, которые могут трансформировать эту пока еще автономную постиндустриальную общность в автаркическую и способствовать подлинному расколу цивилизации — самому опасному социальному феномену, с которым человечество может столкнуться в наступающем столетии.

Н. П. Шмелев¹

РОССИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность»,
тогда внезапно постигнет их пагуба...

*Первое послание к Фессалоникийцам
святого апостола Павла, 5: 3*

О духовности, духовном богатстве русского человека, наверное, все уже сказано. О его всемирной отзывчивости, о его метаниях от крайности к крайности — тоже. Думается, что сейчас, после наших трагедий и потрясений, настало, наконец, время рассуждать не в рамках «Бог—общество—человек», а искать ответ на вполне конкретный вопрос: «Как?» Что делать — мы уже, похоже, все знаем. А вот «как?» — нет, не знаем.

Печальный эпиграф выбран мною не случайно. Думается, он в сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил (и живет) вот уже более пяти поколений подряд, с начала XX века и по сегодняшний день. Вряд ли какой еще народ в истории пережил всего за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовом, тотальном голоде. Только полномасштабных войн было восемь: японская, Первая мировая, Гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, кавказская, конца которой не видно и сегодня. И революции: 1905 года, Февральская 1917 года, Октябрьская 1917 года, невероятная по своим губительным последствиям коллективизация 1929—1933 годов и столь же губительный «революционный» террор 1937—1938 годов, наконец нынешняя «демократическая» революция. По своей «социальной цене» она тоже вполне сопоставима с теми, что были до нее. Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных возможных сценариев развития России в ближайшие 50 лет — пессимистического и оптимистического — первым в голову приходит именно пессимистический, пронизанный ожиданием грядущей катастрофы и «конца истории» России. К такому выводу подталкивают многие признаки, причем из самых разных и зачастую даже не связанных между собой (на поверхностный взгляд) сторон нашего бытия.

Прежде всего нельзя не признать определенной обеснованности утверждений тех, кто говорит се-

годня, что российский народ просто «выдохся», надорвался; что ему уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесли ему за XX век все эти войны и безжалостные эксперименты разномастных революционеров; что в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев и другие, он уже прошел пик своей «пассионарности» и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше ему взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из того, что было накоплено веками, истрачено в годы большевистского террора и кровавой мясорубки Второй мировой войны. XX век сломал России хребет: доказательством этого стал самопроизвольный (как говорится, «на ровном месте») распад в 1991 году великой сверхдержавы на множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально все еще огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является ее сохранившийся пока от прежних времен ракетно-ядерный потенциал. Но и он — надолго ли?

Наиболее серьезным международным фактором в перспективе представляется вызревающий уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы — США и Китая. При сохранении нынешней динамики — причем и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах — вполне вероятно, что к середине XXI века США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнообразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а судя по всему, так оно и будет) и если ему удастся установить некие похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом — Индией, то можно будет, наверное, говорить (пользуясь критериями этой самой «пассионарности») уже не только о «закате Европы», но о начинающемся закате всей евроатлантической цивилизации.

Другой важнейший и, вероятно, долговременный фактор современной международной ситуации — всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего его органическим порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая, третья, мировая война началась — война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как эта война закончится.

¹ Академик Российской академии наук, директор Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье—Черноморье—Каспий», «Международные отношения», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов: «Сильвестр», «В пути я занемог»; сборников рассказов и повестей: «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Комиссии по правам человека при Президенте РФ. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

Одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и дорогостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом, во-первых, на ее границах с Центральной Азией и Кавказом и, во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким. Все это, естественно, потребует серьезнейшего напряжения как политических, так и экономических сил страны и, несомненно, как минимум, сильно затруднит ее выход из нынешнего системного кризиса.

Разумеется, список внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия в целом не к усилению, а скорее к ослаблению России, далеко не исчерпывается перечисленными. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие острейшие проблемы XXI века, как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинство населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евроатлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и пр.

Но, как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном ее облике) связан не столько даже с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна изнутри, больна наследственно, и примененная к ней после 1991 года «революционная терапия» лишь усугубила те болезненные процессы, которые начали складываться в ее недрах еще в советские времена.

И первым в длинном списке болезней современной России следует, по-видимому, назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных ее территорий, заметные сдвиги в этнической структуре, отток населения из восточных районов на запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием прежде всего искусственных, политико-административных причин иммиграцию в ее пределы и одновременно возросшую эмиграцию, причем наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своем составе по меньшей мере Восточную Сибирь и Дальний Восток, а возможно, и пояс прикавказских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI века — по Лене, Енисею, а может быть, и по Оби или даже по Уралу, — предсказать сегодня не возьмется, конечно, никто.

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (то есть статистически — за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть в последние пятнадцать-двадцать лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса, старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен: традиционное тяжелое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и т. д. По всем этим направлениям сложившиеся ныне условия в стране никак не способствуют особому оптимизму (если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо).

Прежде всего никогда, наверное, ни одна страна в истории не попадала в такую нелепую, абсурдную с точки зрения обыкновенного здравого смысла ситуацию, когда деньги (инвестиционные и прочие средства) ей на деле оказались не нужны. И это при той колоссальной неудовлетворенной и неудовлетворяемой потребности в деньгах для решения самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач, которые стоят сегодня перед страной! В последние полтора десятка лет, по разным оценкам, от 300 млрд до 1 трлн долларов частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. В последние годы государство само вывело за рубеж порядка 500 млрд долл., которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накоплений Стабилизационного фонда и которые оно «влило» на самых льготных условиях в экономику Запада, а не в собственное народное хозяйство. В это же время политику России стал почти официально определять абсолютно невероятный для нормальных людей лозунг «Чем меньше денег в стране, тем лучше». И если смотреть на вещи трезво, то теперь уже вряд ли когда эти эмигрировавшие деньги в массовом порядке вернутся обратно: в основной части экономика Запада уже успела впитать их и переварить.

Но и деньги нашего бизнеса тоже не могут пока быть гарантией решения проблемы накопления. В первую очередь они и сейчас стремятся уйти за рубеж, а того, что остается внутри страны, явно недостаточно для решения ее основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, ну и отчасти телекоммуникации — вот, собственно, и все, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остается еще один потенциально значительный источник средств — иностранные инвестиции. Но для них особого интереса Россия как производи-

тель высокотехнологичной продукции (то есть потенциальный мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, Евросоюз, стремительно набирающий силу Китай). И еще, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции — от колготок до автомобилей и самолетов. Думается, что России в этом контексте еще предстоят серьезнейшие испытания с непредсказуемым пока исходом, особенно в связи с ее вступлением в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на ее внутренних товарных и финансовых рынках.

В сфере частного капиталообразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (прежде всего из менее перспективных в более перспективные высокотехнологичные, инновационные отрасли) России, видимо, еще очень долго придется расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет сегодня такого автоматического рыночного механизма, и никто не решится сказать, когда он у нас будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую, организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одночасье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в multimillionеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры вроде выпуска пресловутых государственных краткосрочных облигаций с доходностью до 200–300 % годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнется», если ему не светит прибыль меньше 100 % годовых (притом что весь мир работает за 5–15 % и считает это нормой). А такой, поистине «заоблачный», уровень прибыльности ныне возможен у нас только в энергосырьевых отраслях, спиртовом производстве, кое-где в торговле, в криминальном обороте, но никак не в высокотехнологичных, инновационных отраслях (особенно на первых порах).

И, конечно, не внушает сегодня оптимизма и такой важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны, как нынешнее состояние российских «мозгов». Все последние двадцать лет близорукая политика высшего руководства если не на словах, то на деле исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которых они достигли в советские времена, есть излишество для страны, непосильная роскошь, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в 10 раз и на образование в 5 раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3 % ВВП (во всех высокоразвитых странах сегодня — 2–4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране, уровень зарплаты ученых, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры принудительно вытолкнули (и продолжают вытал-

кивать) наиболее талантливую, активную часть нашей интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлете энтузиазма и творческой энергии трудящегося российского человека нельзя, по-видимому, и мечтать, пока не будут решены основные социальные задачи страны, а именно: во-первых, ликвидирован глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остается характерной для жизни вот уже, по крайней мере, четырех поколений россиян, и той, что получают за такой же труд работники в высокоразвитых странах: он, этот разрыв, достигает сегодня величины 6–10 и более раз; во-вторых, уменьшена до социально безопасного уровня разница в доходах между верхними и нижними по доходам 10 % населения, составляющая у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально даже 60:1) при 5–6:1 во всех странах, принадлежащих к евроатлантической цивилизации; в-третьих, будет, наконец, построено подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее рыночные и вне рыночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей, прежде всего в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере.

Одним словом, с реальной угрозой прекращения «самостоятельной истории» России или ее превращения в историю уже другого государства, безусловно, европейского и, безусловно, регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Федора Иоанновича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI века — гораздо более оптимистический.

Прежде всего, исходя из прошлого России, весьма сомнительными кажутся все эти утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась она неизменно отнюдь не ослабевшей, а, напротив, еще более могущественной.

Революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во Второй мировой войне в совокупности — если говорить о крови и разрушении генофонда страны — стоили России много больше, чем затянувшийся современный системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном еще по тем, старым, счетам. Некоторые современные генетики имеют, видимо, основания утверждать, что потери в генофонде страны за период 1917–1953 годов будут естественным порядком восстановлены лишь пример-

но через 5 поколений. Но это как раз и будет середина XXI века! И это значит, что лицо и динамику России к этому времени будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целостности после всех трагических событий и передряг XX века.

Распространено также мнение: для того чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в ее народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причем эта идея должна быть обязательно духоподъемной, равной по силе и замаху, скажем, идее духовного христианского спасения, или великодержавной (вплоть до панславизма и даже еще дальше), или идеей избавления всего человечества (не меньше) от всяческого всемирного зла и несправедливости. Все это долгая российская история знает отнюдь не понаслышке. Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма и весьма длительную перспективу.

Не следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ, — ей просто неоткуда взяться. В перспективе по меньшей мере двух ближайших поколений (а вероятно, и много дальше) спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее умонастроение, общая цель всего российского общества — сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека. Как моральной основы этого, представляется, вполне достаточно не только для выхода страны из ее нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина. Примеры известны — Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было.

Отнюдь не обязательно неблагоприятным для России может быть и будущее развитие международной обстановки. Так, можно, видимо, вполне обоснованно ожидать, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы — США и Евросоюзом — будут все более приближаться к отношениям прочного стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимного уничтожения ни Соединенные Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут и в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США на будущее представляется возможный тесный союз России с их основ-

ным стратегическим соперником — Китаем. Но такое развитие событий тоже, по-видимому, отнюдь не обязательно должно стать реальностью. В то же время в борьбе против новой мировой опасности — международного терроризма — США и Россия объективно уже стали союзниками, и в дальнейшем России, судя по всему, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, происходящей в первую очередь из Центральной Азии и, возможно, Кавказа. В отношении же весьма сомнительной нынешней линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций» перспективы сегодня далеко еще не ясны. Взять на свое содержание (причем на неопределенное время) энное число внутренне слабых новообразованных государств США вряд ли когда решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива ее взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он станет расширяться и дальше. Уж во всяком случае, с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально: присоединение Турции, Балкан, Украины, да еще и России — это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа». Все имеющиеся сегодня разногласия между сторонами могут и, вероятно, будут со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Конечно, Россия не только европейская, но и евроазиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно ее восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить отношения с лидером восточноазиатского сообщества — Китаем.

История много чему учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов таких соседей, как Россия и Казахстан; во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции; в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части своего населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ, остающимися традиционной сферой российского влияния даже после выхода Грузии из Содружества

и столкновения с ней. Конечно, прежний Советский Союз никогда, вероятно, уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в грядущие полстолетия своего рода свободной конфедерации независимых постсоветских государств, костяк которой составят Россия, Белоруссия и Казахстан и присоединиться к которой, не исключено, может и ряд других постсоветских стран, — это вполне, по-видимому, реальная перспектива, тем более после пережитого кризиса в отношениях с Украиной. Слишком многое и слишком долго связывало эти страны во всех областях жизни их народов, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства. Сами по себе эти новообразованные государства по большому счету не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах международной конкуренции вряд ли жизнеспособен.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутривнутриполитическое устройство России. Страна всерьез приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества, и теперь, похоже, ничто, кроме угрозы вторжения извне, не может свернуть ее с этого пути. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичных, скажем, правам американских штатов, или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов — на предстоящие полстолетия не это представляется главным. Основная задача по крайней мере для двух ближайших поколений — создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно — действенной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI века (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX — начале XX века (земство). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной и в финансовом смысле самостоятельной системы местного самоуправления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъем творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то, по крайней мере, на обуздание развешивающих ее изнутри коррупции и преступности. А с мелкими локальными конфликтами, возникающими по самым разным причинам то тут, то там, ей, по-видимому, придется уживаться еще долго. Показательны в этом отношении примеры многодесятилетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России. Даже самая бо-

лезненная в смысле перспектив проблема страны — демографическая — при соответствующей целенаправленной политике может быть, по-видимому, так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества. Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвленной системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, ликвидации национального позора страны — бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов. Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток. В-третьих, нужно устранить все административные и, что, может быть, даже еще важнее, массово-психологические препятствия перед иммиграцией на территорию России не только русских и русскоязычных, но и всех других граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, в частности, что именно такая иммиграция станет одним из главных способов заселения пустеющей российской деревни и малых городов. В-четвертых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить еще Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию иммигрантов из других европейских стран.

Вера в лучшее будущее России позволяет надеяться и на то, что в не столь уж отдаленной перспективе в ней сложится экономическая система, в которой исчезнет, наконец, во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой предпринимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей уже непреложным фактом приватизации: новый передел собственности (неважно, в пользу ли государства или же других частных лиц) обойдется, что называется, себе дороже, резко нарушив только-только возникающее в стране состояние стабильности.

Государство, особенно в наших конкретных условиях, должно сосредоточиться на нескольких важнейших экономических функциях, которые еще длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов, электроэнергетики, водохранилищ, мелиоративных сооружений, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т. д. Во-вторых, еще долго (если не всегда) будет существовать необходи-

мость в казенных заводах, прежде всего оборонного назначения. В-третьих, государственные средства, помимо прямой инвестиционной функции, должны стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким государство является во всех благополучных странах. В-четвертых, без государственной помощи — в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета — малый и средний бизнес, давно уже ставший во всем мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда у нас не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создается, по различным оценкам, свыше 40 % ВВП страны.

Столь же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство, или нарождающиеся фермерские кооперативы, или агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этого сектора нигде в мире не обходятся — ни в развитых, ни в развивающихся странах. И наконец, в-пятых, нигде, даже в самых «рыночных» экономиках, наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без решающего участия государства в их содержании и финансировании. И вряд ли российский бизнес, даже при благоприятнейших условиях, когда-либо сможет взять эту функцию целиком на себя.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности Российского государства наибольшее значение приобретают:

- создание самых твердых гарантий неприкосновенности частной индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и вовсе незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборота;

- восстановление (путем намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе;

- отказ от абсурдной по своей сути политики бюджетного профицита или чрезмерного ограничения его дефицита, противоречащей всей веками устоявшейся мировой практике и резко ограничивающей бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким предлогом;

- проведение самой жесткой антимонопольной политики, поскольку в сложившихся у нас условиях не только и даже не столько денежный фактор, сколько безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной все еще не затухающей инфляции.

Определенный оптимизм внушает также и то, что российский дикий рынок 1990-х годов понемногу, похоже, нормализуется. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу,

и уже видится приход на смену им новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остается все меньше и меньше сфер бизнеса, где сохраняется возможность работать не с нормальной, а с заоблачно высокой прибылью, нормальной становится привычная миру психология «клиент всегда прав», все шире распространяется практика решения хозяйственных споров в обычном судебном порядке, сама собой постепенно исчезает, казалось бы, неистребимая многомиллионная армия «челноков», все больше появляется признаков, что социальная ответственность не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже вышел из стадии «первоначального накопления». Как говорил когда-то Л. Н. Толстой, в конце концов «все образуется»: российский бизнес только-только начал выходить из стадии бурного, но все-таки детства, и те 5–6 % населения, которые во всем мире составляют слой предприимчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии XX века. От государства этим людям нужно одно: не мешать им, а помогать, и не менять слишком часто «правила игры».

Два поколения — достаточный срок и для того, чтобы избавиться от еще одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой платы за человеческий труд. Доля зарплаты в ВВП страны сегодня составляет 30–32 %, во всех экономически передовых странах — 50–70 %. Нечего и говорить, как это неблагоприятно сказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и его морали. Вынужденное безделье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи — это все в первую очередь порождение бедности, а не его, человека, греховной природы.

Таким образом, при благожелательном и по возможности непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозом развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, еще более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то — в лучшее будущее — так оно было и так будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех — и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнеров тоже — стратегический, долгосрочный план развития страны, который, среди прочего, включал бы и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось куда-нибудь кривая сама вывезет» — этот известный принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно вдруг потерявшей прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо нее ничего, что отвечало бы уверенному продолжению ее от века «самостоятельной истории».

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки заглянуть куда-то в середину нынешнего века не вредно было бы, думается, вспомнить мысль, высказанную как-то нашим крупнейшим математиком и футурологом академиком Н. Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): нет смысла загадывать и прогнозировать дальше, чем на 15–20 лет вперед, ибо за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что перевернет все с ног на голову. Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за 5 лет такое всемирно-историческое событие, как внезапный самораспад Советского Союза?

Плюралистическая глобальная культура

Если мы говорим о глобальной культуре, то рано или поздно задаемся вопросом: что, собственно, это такое? Находимся ли мы в месте опасной борьбы культур, по Самюэлю Хантингтону, или на пути к глобальной культуре? Что является элементами глобальной культуры? Это новая культура по ту сторону национальных и региональных культур, образуют ли глобальную культуру элементы, единые для всех культур? Существует ли вообще что-то, что является общим для них? Или глобальная культура — это только прекрасная цель без *fundamentum in re*?

Глобальная культура не может быть синкретизмом различных культур. Так как люди, народы и культуры становятся ближе в ходе экономической глобализации, этот непрерывный процесс не ведет к постепенному растворению национальных культур. Наоборот, на основе сближения различных культур различия между ними становятся отчетливее. Если культура — это основополагающее тождество каждого народа, то глобальная культура не может означать растворения тождества народов в пользу всеобъемлющего космополитизма.

Под глобальной культурой может пониматься, по моему мнению, только интеркультурное взаимодействие в противоположность акценту на культурные различия. При интеркультурном взаимодействии, к которому относится также интеррелигиозное взаимодействие, различные культуры и религии сохраняют свои особенности, не изолируя друг друга, они предоставляют друг другу свободное пространство идентичности и принимают друг друга. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой сотрудничеством народов в рамках Организации Объединен-

Или трагедию 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, какотреагирует мировое сообщество, если в предстоящие полвека на Землю вдруг все же опустится долгожданный корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же места России, будь то в дихотомии Востока—Запада или Севера—Юга, можно с достаточной уверенностью сказать, пожалуй, лишь одно: через 15–20 лет Россия не станет ассоциироваться и не сможет идентифицировать себя ни с одним из этих миров. Но, скорее всего, она наконец расплатится по всем своим и старым, и новым историческим и человеческим счетам. А что дальше будет — то знает, вероятно, лишь один Верховный Судия.

Эберхард Шнайдер¹

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИНТЕРНЕТ

ных Наций в 1948 году, сформулирован минимальный правовой консенсус глобальной культуры.

Глобальная культура не является объединенной культурой, а также ведущей культурой, которую кто-то хочет видеть в американской культуре или сделать ее таковой. Подобные попытки приведут к обратной реакции. Глобальная культура живет интеркультурными коммуникациями. Интеркультурная дискуссия возможна, если имеются различные культурные носители.

Эффективный инструмент создания глобальной культуры — это интеркультурный диалог между представителями различных культур, который является образцом и уже более 10 лет ведется в рамках Международных Лихачевских научных чтений. Многомиллионным, постоянно действующим, эффективным инструментом практического культурного обмена в течение почти 30 лет является Интернет.

Интернет

Интернет — это важный инструмент создания глобальной культуры. Это, на мой взгляд, во-первых, *информация и инструмент посредничества в передаче знаний*. Впервые в истории человечества быстро становится доступен огромный объем информации во всевозможных областях. Кроме того, это телефонная и видеосвязь, прослушивание радиопередач и просмотр телепрограмм, печатные средства массовой информации.

Во-вторых, Интернет — это *глобально действующий информационный инструмент*. Он не знает границ. Текстовые сведения, естественно, требуют знания языка, иллюстрированные сведения говорят сами за себя.

В-третьих, Интернет является *свободным информационным инструментом*. Так как это негосударственный элемент, он может свободно использоваться. Посредством Интернета можно успешно преодолевать государственную цензуру средств массовой информации. Предприниматели интернет-

¹ Профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии. Специалист в области внутренней политики России и бывшего СССР. Автор 12 книг, в т. ч.: «Das politische System der Russischen Föderation», «Das politische System der Ukraine», «Die Formierung der neuen russländischen politischen Elite» и более 100 научных статей. Член консультативного совета Независимого центра европейско-российского сотрудничества «ЕС—Россия» в Брюсселе.

сетей часто действуют во всем мире и не могут быть подвержены внутренним запретам. Даже если доступ к интернет-провайдеру будет запрещен государством, изворотливый пользователь сможет обойти этот запрет и получить желаемый доступ обходными путями.

В-четвертых, Интернет — *демократический инструмент*. Каждый может использовать его. И даже если человек не располагает собственным интернет-доступом, есть возможность войти во Всемирную компьютерную сеть с помощью многочисленных интернет-кафе. Доступ к Интернету не зависит от уровня доходов. Возможно получить любые сведения, а в случае проблем со знанием языка — прибегнуть к услугам интернет-сайтов, которые выполняют переводы.

В-пятых, Интернет не только пассивный, но и *интерактивный инструмент*. Интернет-пользователь может отправлять и получать электронную почту, даже если спам иногда мешает это делать. Можно без проблем общаться и знакомиться друг с другом по всему миру с помощью чата и, вероятно, позже продолжить общение в реальной жизни. Интернет-пользователь может участвовать в блогах, высказывать свое мнение по различным вопросам, в том числе политическим. Некоторые государственные руководители организуют блог-страницы, на которых можно обмениваться точками зрения по поводу политических выступлений этих лидеров. В блогах можно высказываться под псевдонимом без опасения быть идентифицированным. А в случае выхода в Сеть при помощи услуг интернет-кафе вы не будете идентифицированы персонально. Пользователь может размещать любую информацию в социальных сетях, таких как Facebook, Twitter, YouTube, и моментально открывать доступ к ней всему миру.

В-шестых, Интернет является *инструментом глобальной экономической деятельности*. Через Сеть возможно получить работу в любом уголке земли. Вследствие этого одновременно обостряется конкуренция между коммерческими предприятиями, так как они конкурируют между собой не только в своей стране, но и во всем мире. Люди из разных стран, объединенные работой над какими-либо проектами, образуют в Интернете виртуальные предприятия.

Конечно, Интернет, как и любая сфера деятельности, подвергается криминальному воздействию, от которого защищают постоянно обновляемые антивирусные программы. Авторитарные и диктаторские режимы расценивают Всемирную паутину как угрозу. Однако у Интернета есть проблема, которая все больше проникает в сознание людей, а именно — проблема растущего ограничения частной сферы. Это происходит, если пользователи, не задумываясь о последствиях, выкладывают в Сеть личные данные, а иногда даже частные фотографии. Для этих представителей нового интернет-поколения известное высказывание Декарта „*Cogito, ergo sum*“ можно перефразировать так: «Я присутствую в Сети, значит, я существую».

Некоторые сравнивают Интернет с периодом возникновения жизни на Земле, в результате которого из неорганических молекул возникли органические, так и из Интернета, вероятно, однажды возникнет более содержательный вид глобальной культуры. Все сведения, которые я выкладываю в Сети, мгновенно становятся доступны всему миру. Я, так сказать, всегда должен думать вместе с миром. Необходимо мыслить не только с национальной точки зрения, а с помощью Интернета — виртуально, глобально. В любом случае использование Всемирной паутины ведет к развитию нового культурного и политического мышления.

Марк Шойер¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации осуществляется давно, но в последние десятилетия темпы его развития значительно выросли. Она ставит перед человечеством сложные задачи (которые подробно рассмотрены в литературе) и одновременно предоставляет уникальную возможность их решения при условии, что мы обладаем смелостью и рассматриваем глобализацию как этический вызов, этическую программу, предусматривающую творческое, миролюбивое совместное существование на нашей планете. Эта программа не только требует совершенствования методов управления на всех уровнях, но и предполагает культурные сдвиги, осуществленные посредством диалога культур.

В своей недавно опубликованной книге “*Humanity on a Tightrope: Thoughts on Empathy, Family,*

and Big Changes for a Viable Future”² Пауль Эрлих и Роберт Орнштейн напоминают о том, что история человечества представляет собой историю отчуждения и усложнения наших взаимоотношений, что «мы весьма изобретательно находили способы отделить “своих” от “чужих”, подчеркнуть различия, а не общность, а также сформировать всевозможные культурные разрывы».

Некоторые из этих культурных разрывов несут смертельную опасность. Они не только генерируют опасный уровень энтропии, отвлекая от решения приоритетных задач, стоящих перед отдельными сообществами или человечеством в целом, и препятствуя устойчивому развитию, но и несут угрозу для мира, порождая страх, подозрительность, дискриминацию и ненависть. Необходимо найти спо-

¹ Директор секретариата «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций.

² Ehrlich P., Ornstein R. *Humanity on a Tightrope: Thoughts on Empathy, Family, and Big Changes for a Viable Future*. Bloomington, 2010.

собы более глубокого развития эмпатии (понимания эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир).

«Альянс цивилизаций» Организации Объединенных Наций (Альянс) вносит свой вклад в это дело. Он был создан с целью «ослабить углубляющиеся разногласия между сообществами (и даже внутри сообществ), вновь установив принципы взаимоуважения между народами различных культурных и религиозных традиций, а также организовать совместные усилия в этом направлении». Данная инициатива «отражает волю большинства народов в противодействии экстремизму в любом сообществе и в воспитании уважения к религиозному и культурному разнообразию»¹.

Уважение к культурному разнообразию и наведение посредством диалога культурных мостов через пропасти, разделяющие культуры, все чаще рассматриваются как непосредственные факторы устойчивого развития и мирного сосуществования. Проводятся масштабные исследования, призванные доказать эту связь и по возможности предложить способы ее измерения. Например, не подлежит сомнению, что стремление к достижению восьми целей развития тысячелетия, изложенных в Декларации тысячелетия ООН 2000 года, получит более широкую поддержку благодаря растущему межкультурному взаимопониманию и сотрудничеству. Достижение этих целей содействовало бы межкультурному диалогу и поиску пути к более стабильному, справедливому и безопасному миру. На IV ежегодном форуме «Альянса цивилизаций», намеченном на декабрь 2011 года в Дохе (Катар), вновь будет затронут этот аспект. Ожидается, что на этом форуме будут поставлены задачи (в соответствии с методологией целей развития тысячелетия) по реализации новых конкретных действий в сферах образования, средств массовой информации, молодежной политики и миграции с целью построения более толерантных и недискриминационных сообществ как на местном, так и на глобальном уровнях.

Понятие «диалог культур» адекватно отражает чрезвычайно сложный и децентрализованный процесс, включающий множество субъектов действия: государственных и частных, религиозных и светских, некоммерческих и корпоративных. Культуры взаимодействуют при помощи людей. Несмотря на важную роль, которую здесь играют государства и международные организации, диалог начинается снизу. На низшем уровне это процесс, в значительной степени проходящий в рамках индивидуального человеческого общения.

В условиях глобализации особенно важны для такого диалога отдельные факторы, а именно: возрастающее осознание взаимозависимости; усиливающееся единообразие и одновременно возрождение традиций; усиление роли религий, поскольку две трети человечества ощущают свою связь с ве-

рой; влияние культурного многообразия, с которым люди ежедневно сталкиваются в результате массовых миграций, урбанизации и различных форм экспатриации или круглосуточных глобальных коммуникаций нового типа; наконец, активность молодежи, которая часто представляет собой большинство населения.

Межкультурное взаимодействие укрепилось бы, если бы люди осознали, что они генетически связаны, обладают равным достоинством и едиными правами, их личные и общественные устремления во многом схожи, у каждого имеется стремление к аффилиации и несколько уровней идентичности, что все они — часть одной глобальной среды. Это помогло бы расставить все по своим местам. Ключевым навыкам, по-видимому, можно обучаться начиная с юного возраста в процессе начального образования.

В контексте развития идей о человеческом единстве следует распространять знания о специфических особенностях, которые приобретает не только в процессе образования (включая учение о многообразии религий и верований), но и в ходе общения между народами.

Уважение к людям разных сообществ легче воспитывать, если соблюдать принцип диверсификации при отборе кадров на государственную службу, в редакционные комиссии и отделы новостей, парламенты и органы местного самоуправления, негосударственные организации и корпоративный сектор.

Построение недискриминационных сообществ, в которых уважают внутреннее и глобальное многообразие, — непрекращающийся процесс, характеризующийся как успехами, так и неудачами. Здесь отсутствует монополия на истину, эталон достижений. Этот процесс требует участия на «низовом уровне» и обмена опытом в рамках управления на основе универсальных принципов. Он предполагает также, что каждый (вне зависимости от продолжительности его пребывания в том или ином обществе) испытывает чувство сопричастности и единения с развивающимся сообществом. Но мы пока не достигли этого состояния, особенно если вспомнить недавние заявления о провале некоторых европейских моделей интеграции. Систематический анализ успешного опыта и интенсивный обмен информацией о причинах успеха — насущная необходимость. Альянс вносит свой вклад в эту сферу деятельности посредством онлайн-общества миграции и интеграции.

Культурные различия, подлинные или надуманные, часто необоснованно считаются причиной напряженности, которую, однако, легче объяснить экономическими и социальными факторами. Чрезмерная «культурализация» напряженности и конфликтов способна дезориентировать, а вследствие этого — стать опасной, что может помешать любому диалогу.

Средствам массовой информации принадлежит решающая роль в противостоянии стереотипам и оказании гражданам помощи в осознании сложно-

¹ «Альянс цивилизаций»: доклад Группы высокого уровня. Ноябрь 2006 г.

сти спорных вопросов и воспитании восприимчивости к межкультурному взаимодействию. Совместный тренинг для журналистов и неформальных лидеров из различных сообществ и культурных слоев уже сам по себе является важным шагом в межкультурном диалоге. Альянс со своей стороны продолжит организацию таких тренингов в контексте напряженных отношений между Западом и мусульманским миром. Он расширит программу «Узнай у эксперта» в онлайн-режиме, предложив экспертные оценки, мнения и контакты по широкому кругу проблем.

Контакты между народами и общественные проекты в сфере культуры и религии на национальном и международном уровнях особенно необходимы, когда требуется перейти от диалога к действиям. «Альянс цивилизаций» поддерживает программы по обмену, реальному или виртуальному, а также инновационные общественные инициативы, объединяющие людей из разных культурных слоев с различными воззрениями. Приоритетной задачей является предоставление возможности молодым людям направлять свою созидательную энергию на реализацию общественных проектов, в том числе межкультурных.

Следует также учитывать потенциал искусства и спорта. Зачастую доступ к ним упрощен, в результате чего они становятся достоянием значительного числа людей. Альянс полагает, что в данном случае полезен выпуск короткометражной видеопроодукции, ориентированной на интересы молодежи.

Возможности межрелигиозных инициатив, способствующие диалогу и сотрудничеству, особенно важны при наведении мостов и создании пространства для диалога. Ключевое событие в этом плане — Всемирная неделя межконфессиональной гармонии, недавно учрежденная Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

Межкультурный диалог активно развивается, прежде всего в европейском средиземноморском регионе, по оси «Запад — мусульманский мир». Поскольку глобализация продолжается, следует системно вовлекать в нее все больше культур, в частности из Африки и отдельных областей Азии, которые пока активно не участвуют в этом процессе. Без этих важных участников диалог непродуктивен. Лихачевские чтения могут способствовать расширению диалога.

В. А. Шульц¹

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОНФЛИКТЫ И РАЗВИТИЕ

Франкфуртская школа, позднейшим представителем которой являлся Ю. Хабермас, являлась внутренне противоречивым, неоднородным направлением в западном обществознании. Развиваясь на протяжении нескольких десятилетий, она прошла значительную эволюцию, в ходе которой менялись ее принципы, цели и общественно-политические функции. Возникнув в 20-е годы XX века и просуществовав как теоретическое и организационное целое до 1960-х годов, Франкфуртская школа оказала большое влияние на развитие западной общественной мысли, ее форм и методов. Кризис и организационный распад школы не повлекли забвения ее идей, напротив, они получили определенное распространение не только в Европе, но и в США. С чем связан этот феномен?

Во-первых, с тем, что ключевой проблемой Франкфуртской школы являлось отношение к марксизму. Она прошла огромную эволюцию

именно в этом пункте, превратившись из течения, черпавшего определенные идеи и положения из диалектического и исторического материализма, во вполне самостоятельное направление западной социальной философии. Тем не менее, на Западе порой отождествляли Франкфуртскую школу с течением, развивающим марксизм: о ней говорили как о неомарксизме, западном марксизме и т. д.

Во-вторых, сохраняющийся и, возможно, увеличивающийся интерес к критической теории общества связан с деятельностью Юргена Хабермаса, которого при жизни его учителя Т. В. Адорно относили к среднему поколению франкфуртцев, а после его смерти стали причислять к наиболее значительным представителям школы.

Подобная критическая установка является продолжением традиции Франкфуртской школы, в частности взглядов Т. Адорно. Однако эта функция должна быть тесно связана с анализом капиталистического общества, и в этом Хабермас также следует традиции школы. В свое время ее основатели заявляли, что их целью является всестороннее изучение буржуазного общества². Эта тенденция отчетливо прослеживается у Хабермаса. Его первые работы «Студент и политика» (1961), «Структурное изменение общественности» (1962) и последующие — «Наука и техника как идеология» (1967), «Проблемы легитимации позднего капитализма» (1973) так

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента РАН, директор Центра исследований проблем безопасности РАН, научный руководитель Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия Ю. Хабермаса», «Общество и социальные изменения», «Теория и практика экономики и социологии знания», «Власть. Экономика, политика, культура», «Терроризм в современном мире», «Основания консолидации современного российского общества. Социологические аспекты» и др. Член Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. Главный редактор журналов: «Информационные войны» и «Национальная безопасность». Награжден орденом Почета.

² См.: *Jay M. Dialektische Phantasie: Die Geschichte der Frankfurter Schulund des Institute für Sozialforschung. 1923–1950. Frankfurt am Main, 1976. S. 4–7.*

или иначе связаны с рассмотрением современного состояния капиталистического общества.

Хабермас отмечал, что тот, кто применяет выражение «поздний капитализм», имплицитно утверждает, что в государственно организованном капитализме общественное развитие протекает «противоречиво» или «кризисно»¹. Таким образом, в центре внимания Хабермаса оказываются прежде всего кризисные процессы современного капитализма и причины, их породившие. Для теории «позднего капитализма» Хабермас в качестве основных формулирует следующие вопросы. Могут ли потенциалы конфликта и апатии приобрести масштабы, угрожающие системе? Возникают ли из политически опосредованного отношения труда и капитала тенденции к сплочению рабочего класса и конституированию классового сознания? Почему проблемы легитимации (оправдания) в позднем капитализме стали важнейшими?²

Характеризуя экономическую систему современного капитализма, Хабермас отмечал возрастание роли государства, которое начинает заполнять «функциональные бреши» рынка. Эта тенденция становится доминирующей и вносит изменения в экономическую, административную, легитимационную системы капиталистического общества. Утверждается, что общественный сектор может функционировать независимо от рынка в своих инвестиционных решениях. Все равно, идет ли речь о предприятиях, непосредственно контролируемых государством, или о частных фирмах, которые существуют за счет государственных заказов. В административной системе, указывал Хабермас, произошли серьезные изменения по сравнению с периодом классического капитализма. Государственный аппарат регулирует общеэкономический цикл с помощью глобального планирования. Государство замещает механизм рынка и создает благоприятные условия для функционирования капитала посредством организации сверхнациональных блоков экономики, развития космической и военной промышленности. Этому способствуют такие меры, как совершенствование материальной (транспорт, здравоохранение, жилищное строительство, городское и региональное планирование) и нематериальной инфраструктуры (финансирование научных исследований), повышение производительной силы человеческого труда (всеобщая система образования, профессионального обучения, программы переквалификации), снятие социальных и реальных издержек частнокапиталистического производства (пособия по безработице, благотворительность).

Отсюда следует, что капитализм «институционализирует» производительные силы, то есть обеспечивает им долгосрочное развитие. Растущая комплексность капиталистической системы требует постоянного расширения «мощностей управления» и,

¹ См.: *Habermas J. Zur Rekonstruktion.* Frankfurt am Main, 1976. S. 304.

² См.: *Habermas J. Theorie und Praxis.* Neuwied, 1963. S. 14.

как следствие этого, усиливается роль государства в жизни общества. Государство влияет на конъюнктуру, развитие инфраструктуры, создает предпосылки для совершенствования капиталистического способа производства. Тем самым государство определяет пограничные условия, рамки, в которых осуществляется частнопредпринимательская деятельность. Все это, по мнению Хабермаса, означает, что в капиталистическом обществе экономика теряет свой примат, а общественная жизнь — «капиталистическую динамику».

Существующее в условиях «позднекапиталистического» общества «социальное государство» резко меняет, считает Хабермас, и характер классовых отношений.

Введение рабочего и социального законодательства, правовая институционализация тарифных конфликтов и других вопросов, связанных с занятостью населения, значительно снизили остроту классовой борьбы. Даже если труд носит отчужденный характер, считает Хабермас, то он компенсируется либо «гуманизацией» рабочих мест, либо увеличением денежного вознаграждения.

Государство посредством социальной политики возмещает слабые рыночные позиции отдельных категорий трудящихся (рабочих, покупателей, квартиросъемщиков). Такая политика направлена не только на преодоление социального неравенства, но и на поддержку «экологически важных» сфер транспортного сообщения, охраны ландшафта, здравоохранения.

В результате, заключал Хабермас, конфликты по поводу распределения уже не имеют взрывной силы, классовые структуры анонимизируются и затухают. Парадоксальным образом, с одной стороны, продолжается процесс накопления капитала, с другой — происходит снятие классовых конфликтов.

Все системы современного капитализма направлены на то, чтобы удержать вероятный конфликт в скрытом состоянии: «В наше время, — пишет Хабермас, — начиная со Второй мировой войны в самых прогрессивных капиталистических странах удается удерживать классовый конфликт в своей сути в латентном состоянии; конъюнктурный цикл продлевается во времени, и периодические скачки обесценивания капитала переходят в инфляционный длительный кризис с мягкими конъюнктурными колебаниями, наконец, дисфункциональные побочные явления экономического кризиса фильтруются и рассеиваются в квазигруппах (потребители, ученики и их родители, пассажиры, больные, старики и т. д.) или в частных группах с малой организационной градацией»³.

Все это ведет к тому, что тождество классов распадается, а классовое сознание «фрагментируется». Возникают новые конфликты, например, несоответствие между современной военной аппаратурой (и производством) и системами транспорта, образования, здравоохранения, между естественным

³ *Habermas J. Zur Rekonstruktion...* S. 310.

ростом городов и регулированием налоговой и финансовой политики¹.

Хабермас отмечает две трудности, вытекающие из включения государства в «функциональные бреши» рынка. Во-первых, это кризис рациональности, когда административной системе не удается выполнить императивы управления, которые она переняла от экономической системы. Во-вторых, кризис легитимации, когда легитимационной системе не удается поддержать требуемый уровень лояльности масс. Государство, которое берет на себя все возрастающий объем управления, должно лавировать между интересами отдельных капиталистов, всего класса капиталистов и остального населения. Вот здесь и возникает кризис легитимации, который Хабермас раскрывает как кризис мотивации. Последний понимается как «разногласие между потребностью в мотивах, с одной стороны, и предложением мотива социокультурной системой, с другой стороны»². Иными словами, Хабермас трактует кризис системы мотиваций как несоответствие между мотивами и потребностями индивидов и возможной компенсацией их со стороны государства. Административные решения принимаются относительно независимо от конкретных потребностей и целей граждан государства. В результате капиталистическое общество теряет свою идентичность.

Исходя из этого, Хабермас подвергает критике марксистское понимание роли современного капитализма.

Прежде всего фиксируется гносеологическая неэффективность марксистской теории. Хабермас выделяет четыре социальных факта, которые, по его мнению, не может объяснить марксизм. Во-первых, это преодоление разрыва между государством и обществом, типичное для эпохи раннего капитализма, его «либеральной фазы». В настоящее время он ликвидирован посредством взаимопроникновения, и потому «государство и общество перестают находиться в классическом отношении надстройки и базиса»³. Во-вторых, уровень жизни в передовых капиталистических странах, по Хабермасу, настолько вырос, что отчуждение потеряло свою экономическую форму. В-третьих, из предшествующих пунктов следует, что пролетариат утрачивает свою роль носителя будущей социальной революции. Революционное классовое

сознание не конституируется уже в ядре рабочего класса, а потому «всякая революционная теория лишается при этих обстоятельствах своих адресатов»⁴. В-четвертых, не укладывается в марксистские рамки анализ реального социализма.

Известная формулировка, данная Марксом в предисловии к «Критике политической экономии», не удовлетворяет Хабермаса так же, как и основные трактовки этой проблемы в марксистской литературе: Плеханова, Энгельса; Адлера, Лабриолы; наконец, Лукача, Корша, Адорно. Долгое время в марксистской литературе существовало, считает Хабермас, чисто экономическое понимание соотношения базиса и надстройки. В соответствии с ним каждое общество может быть расчленено на частные системы, которые располагаются иерархически: экономическую, социально-политическую, социокультурную. Согласно этой концепции, процессы высших частных систем детерминируются низшими системами (в смысле причинной зависимости). Это означает, что экономическая система определяет возможное развитие других частных систем. Однако марксистская концепция базиса и надстройки, считает Хабермас, носит ограниченный характер, так как, во-первых, показывает зависимость надстройки от базиса только для критических фаз развития общества, когда оно переходит на новый уровень развития; во-вторых, она не в состоянии объяснить возрастающую роль государства в экономике и других сферах общественной жизни в условиях научно-технической революции. А между тем теории постиндустриального общества констатируют такое состояние, при котором эволюционный примат переходит от системы хозяйства к системе образования и науки.

Общество использует самые различные институты для организации социальной жизни, в том числе и элементы надстроечных явлений. Однако из этого еще не следует, что они приобретают значение основных структур определенного способа производства.

При изучении социальной эволюции привлечение понятий «производительные силы» и «производительные отношения» дает определенный эффект. Однако, по его мнению, диалектика производительных сил и производственных отношений часто понимается в техницистском смысле. В историческом материализме производительные силы и производственные отношения не развиваются независимо друг от друга, они образуют структуры, которые: а) соответствуют друг другу, б) дают в итоге конечное число структурно-логических ступеней развития, так что в) получается логически развитый, организованный ряд способов производства.

Развитие производительных сил, полагает Хабермас, скорее разрешает, но не вызывает переворот в производственных отношениях и эволюционное обновление способа производства. Большие внутренние сдвиги развития, которые привели к возникновению первых высоких культур или к возникновению европейского капитализма, имели не условием, а следствием развитие производительных сил.

¹ Подобный вывод приводит Хабермаса к следующей классификации общественных движений в ФРГ: 1) антиядерное и экологическое; 2) движение за мир (включая тему конфликта Север—Юг); 3) движение гражданских инициатив; 4) альтернативное движение (занятие домов, альтернативные проекты, сельские коммуны); 5) движение меньшинств (старика, гомосексуалисты, инвалиды); 6) молодежные секты и группы помощи жизни; 7) религиозный фундаментализм; 8) движение протеста против налогов; 9) движение протеста родительских союзов; 10) движение сопротивления «модернистским» реформам; 11) женское движение; 12) интернациональные по значению автономистские движения, борющиеся за региональную, языковую, культурную, конфессиональную самостоятельность. (См.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981. Bd. 2. S. 578.*) Как видно, в этой классификации не нашлось места для организованного рабочего движения.

² *Habermas J. Zur Rekonstruktion... S. 321.*

³ *Habermas J. Theorie und Praxis. S. 228.*

⁴ *Ibid. S. 229.*

Таким образом, остается неясным, как осуществляется переход от одного способа производства к другому. Попытка объяснения этого перехода через понятия социального конфликта и классовой борьбы означает, что это только описательный, дескриптивный подход. Лишь аналитический

ответ может объяснить, почему общество осуществляет эволюционный шаг и как следует понимать то, что социальные битвы в определенных обстоятельствах ведут к новым формам социальной интеграции и вместе с тем — к новому уровню развития общества.

Б. Я. Эйфман¹

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БАЛЕТ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Выступления на конференциях и симпозиумах — жанр, далекий от моей повседневной работы. Я вообще с большой осторожностью отношусь к словам и больше доверяю языку танца. Мое понимание жизни, человеческой судьбы, искусства, творчества выражено в спектаклях нашего театра. Насколько это удалось — не мне судить, но могу сказать со всей определенностью, что никогда не мыслил балет как искусство красивых движений. Всю жизнь, со студенческих лет, с неизбежными ошибками, а иногда и свершениями строю свой театр как художественную форму общения с миром, ищу способы и возможности выражения и познания с помощью языка тела жизни человеческой души, стихии страстей.

Сложная, таинственная, метафизически глубокая и противоречивая культурная целостность Петербурга, чувственно схватываемая, вполне конкретно переживаемая, но трудно поддающаяся теоретическому определению, неотделима от балета. Как и балет неотделим от нее. Природа, архитектура, художественная жизнь и образы искусства, социальный статус имперской столицы образуют сложные связи, взаимопереходы материального в духовное и наоборот. Белые ночи тоже не только природное явление. В Мурманске и Петрозаводске день еще длиннее, но белые ночи связаны именно с Петербургом, они неотделимы от Пушкина и Достоевского, от удивительного графического рисунка архитектурных линий, особое изящество которых читается на фоне белесого ночного неба.

Исследуя в одной из своих работ явление контрапункта стилей в искусстве, Дмитрий Сергеевич Лихачев строит свой анализ, в значительной степени опираясь на деятельность петербургского балетмейстера Мариуса Петипа. На трех страницах не только профессионально точно оцениваются место и роль выдающегося хореографа в развитии русского балета

та во второй половине XIX века, но и прослеживается воздействие этой сферы петербургского искусства на музыку, живопись, литературу, театральную режиссуру. Эти страницы вполне могут быть развернуты в интересный теоретический трактат.

Петербургскому балету и хореографическому образованию в России почти 300 лет. На протяжении всего XVIII и значительной части XIX века определяющую роль в балете играют иностранцы (и балетмейстеры, и танцовщики). Приглашенный в 1785 году ученик великого Новерра француз Шарль Ле Пик не только танцевал ведущие партии, знакомил петербургскую публику с балетами своего учителя, но и инициировал издание в России знаменитого теоретического труда Новерра «Письма о танце и балетах». Позднее в русском балете появляются Шарль Дидло, Жиль Перро. Именно их усилиями в Петербурге сформировалась одна из самых профессиональных трупп Европы. Уже в конце XVIII века русский балет стал оказывать влияние на европейскую хореографию (балетмейстеры переносили на европейскую сцену спектакли, поставленные в Петербурге, русские танцовщики гастролировали за рубежом). Была подготовлена почва для феноменального прорыва танцевального искусства. Этот период называют «эпохой Петипа».

Невозможно отделить процессы, происходящие на балетной сцене, от великой музыки Чайковского и Глазунова, во многом определившей «симфонизацию» балета. Именно с этой музыкой связана и демократизация аудитории. Конечно, театр оставался увлечением аристократии, но на каждом спектакле присутствовали интеллигенция и студенты.

Я хотел бы акцентировать одно обстоятельство, особенно актуальное сегодня. Расцвет петербургского балета, начавшийся в XVIII веке, тогда, а особенно во второй половине XIX века был бы невозможен без колоссального финансового вклада и патронажа царской семьи. Выдающемуся американскому хореографу Джорджу Балланчину положение Петипа представлялось идеальным: балетмейстера привлекала включенность в «императорскую службу», и в то же время он чувствовал полную внутреннюю свободу творчества. В конечном счете деньги тратились не на развлечение элиты, а на развитие отечественной культуры, предполагавшее демократизацию публики.

В конце XIX века, вобрав все лучшее из мировой хореографии, петербургский балет стал миро-

¹ Художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета, балетмейстер, народный артист России. Автор более 40 балетов, в т. ч.: «Анна Каренина», «Дон Кихот, или Фантазии безумца», «Карамазовы», «Красная Жизель», «Кто есть кто», «Мастер и Маргарита», «Мой Иерусалим», «Мусагет», «Онегин», «Поединок», «Реквием», «Русский Гамлет», «Чайковский» и др. Создал ряд телевизионных фильмов-балетов. Лауреат Государственной премии РФ, премий «Триумф», «Золотая маска», «Золотой софит». Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней, Командорским крестом ордена Заслуги (Польша), кавалер Ордена искусств и литературы (Франция). Почетный доктор СПбГУП.

вым лидером в этой области. Не премьером, а именно лидером, ибо он возглавил дальнейшее развитие мирового искусства, выйдя за пределы России.

В 2008 году Россия и Франция (а вместе с ними и весь мир) отмечали столетие дягилевских Русских сезонов. Художественные идеи Дягилова сформировались в Петербурге. Здесь в 1898 году был основан один из первых художественных журналов — «Мир искусства» — блестящие статьи, великолепный подбор иллюстраций, кажется, невозможное для XIX века качество печати. Журнал собрал художников, композиторов, критиков, поддерживался меценатами. Дягилев был необыкновенным менеджером, финансистом. Бенуа однажды сказал со смешанным чувством радости и досады: «Эх, если бы Дягилев был министром финансов...»

В Петербурге появилась великая балетная музыка Стравинского. Она была «петербургской» музыкой, как ранее — музыка Чайковского. Баланчин настаивал на этом, основываясь не на биографических фактах жизни композитора (здесь учился, умер), а на внутренних свойствах его личности, выраженных музыкой: сдержанность, соразмерность, благородство, «европейскость» и «имперский дух».

В 1909 году Париж увидел русские балеты «Жизель», «Половецкие пляски», «Шахерезаду», «Жарптицу», был ошеломлен искусством Павловой, Карсавиной, Иды Рубинштейн, Нижинского, Фокина. Миру открывается новая хореография Мясина, Нижинского, Лифаря, Баланчина, Фокина.

Дягилев распространил русское искусство за пределы России. Алексей Толстой точно определил реакцию Европы по поводу встречи с русской культурой: «Такого изысканного и совершенного искусства западный мир еще не видел».

В докладе нет возможности и необходимости назвать всех поименно, перечислить все пришедшие из России произведения, во многом определившие пути мирового художественного развития. Джордж Баланчин — один из блистательных деятелей мировой хореографии — был сформирован петербургской культурой и Императорским театральным училищем. Еще одно великое имя — Морис Бежар. Он с гордостью называет себя учеником русских педагогов — бывших солистов императорских театров, не забывая сказать при этом, что русские педагоги советского периода сформировали поколения танцовщиков в Японии, Корее, Китае, на Кубе. А сколько танцовщиков, балетмейстеров, педагогов, работающих на территории бывшего Советского Союза и во всех регионах планеты, подготовлены и продолжают формироваться в стенах Академии русского балета им. А. Я. Вагановой (до 1991 г. — Ленинградского государственного академического хореографического училища) и Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова!

Прерванное двумя войнами движение русского балета в мировом художественном пространстве в 1950-е годы (время «оттепели») снова оказалось «прорывным». Гастроли Большого театра явили Европе и Америке настоящее чудо — Галину Уланову

и Майю Плисецкую. Позже, в 1960—1970-е годы, новая волна гастролей открыла для западного зрителя Наталью Макарову, Владимира Васильева, Рудольфа Нуриева, Михаила Барышникова. Наш балет, к сожалению, не мог продемонстрировать хореографические новации, но мощь и очарование классического танца покоряли и завораживали.

Нынешняя ситуация в петербургском (а во многом в российском и мировом) балете кризисная, тревожная. С одной стороны, безусловные достижения — заслуженное международное признание наших артистов: Ульяны Лопаткиной, Дианы Вишневой, Светланы Захаровой, Игоря Зеленского, Фаруха Рузиматова.

Однако особых оснований для оптимизма нет. Мало новых хореографических идей, за последние двадцать лет практически не появилось новых имен хореографов. Отечественными коллективами активно копируются образцы современной западной хореографии, зачастую уже не актуальные. При этом опрометчиво передается забвению солидное культурное наследие прошлых эпох, игнорируются традиции русского балетного театра.

Существование культуры в условиях рынка вовсе не означает, что сама культура есть часть рынка. Симфонический оркестр не может и не должен конкурировать с популярным эстрадным исполнителем, поэт — с сочинителем детективов и дамских романов. Спонсирование — важная и необходима составляющая финансирования культуры, но лишь в качестве дополнения к обязательному бюджетному ее обеспечению. Заработная плата Василия Ивановича Качалова равнялась заработной плате премьеры России. Эти деньги он получал не в конверте, а в кассе Художественного театра. Мариусу Петипа была назначена годовая пенсия 9 тыс. рублей (это огромная сумма). Культурно значим сам факт такой пенсии.

К счастью, сегодня, в отличие от печальной ситуации 1990-х годов, деятели балетного искусства, как правило, не могут пожаловаться на невнимание к себе со стороны властей, отсутствие государственной опеки. По крайней мере я могу однозначно говорить об этом применительно к ситуации с нашим театром (Санкт-Петербургским государственным академическим театром балета). Так, в настоящее время в Петербурге городскими властями реализуется проект Академии танца. В сентябре 2012 года академия должна распахнуть свои двери. В этом образовательном учреждении будут взращиваться новые поколения деятелей балетного искусства. Мы намерены искать талантливых детей по всей России, уделяя особое внимание одаренным сиротам и ребятам из неблагополучных семей.

Однако не все столь безоблачно для хрупкого балетного искусства. Массовое информационное общество, в условиях которого мы существуем, характеризуется безоговорочной гегемонией масскульта. И поэтому сегодня, к сожалению, можно говорить о периферийном, маргинальном существовании серьезного искусства в общем контексте культуры.

Поп-культура, конечно, тоже нужна, более того, в той или иной мере с ней связан каждый человек. Речь идет о балансе, соотношении возможностей.

Обо всем этом говорить горько. Значительно приятнее делиться радостью от общения с публикой в нашем городе, России, во всем мире. Думаю, что наш коллектив достойно представляет российскую хореографию по всей планете. Мы конкурируем с труппами, которые имеют в десятки раз больший бюджет и современные сцены в своих странах. Наш театр привлекает зрителя, уставшего от бесконечного повторения нескольких названий классического репертуара и от абстрактного балета, насильно оторванного от театральных традиций, лишённого психологизма и драматургического фундамента.

Для меня искусство танца — уникальная возможность исследовать духовный и психологический мир человека с помощью того ювелирного художественного инструментария, которым является древний язык тела. Часто спрашивают о том, почему большинство моих героев — это персонажи страдающие, метущиеся, погружающиеся в безумие и ирреальность. Ответ очевиден. Меня всегда интересовал мир человеческих страстей, душевных терзаний. Однако едва ли не сильнее меня увлекает возможность обращения к вечным философским проблемам, «проклятым вопросам» — о месте человека в мире, добре и зле, любви и свободе.

Сочинение балетов — это чудесный шанс открыть неизвестное в известном, обратившись к текстам произведений великих русских и зарубежных авторов или к страницам биографий легендарных исторических персонажей. Именно при прикосно-

вании к сокрытому между строк, к внутренней магии текстов Пушкина, Толстого и Достоевского рождаются новая поэтика и философские смыслы.

Есть *память культуры*, в которой оживает атмосфера спектаклей и продолжают танцевать Павлова, Кшесинская, Спесивцева, потому что в диалоге культур участвуют не только тексты, здания, ритмы и линии, но и люди, каждый из нас. Культура не только среда, но и *жизненный мир*. Нельзя об этом забывать.

Звание почетного доктора СПбГУП, которого была удостоена в 1995 году Наталья Михайловна Дудинская, заняло достойное место в ряду многочисленных отечественных и зарубежных званий и наград великой балерины. А то, что это произошло спустя 32 года после того, как она оставила сцену, — факт, заслуживающий уважения и восхищения. Бытие балета, в отличие от архитектуры или литературы, эфемерно. Закрылся занавес — и ничего нет. Оказывается, есть. И будет столько, сколько в состоянии удержать наша память культуры. Спасибо Университету!

Как необычно сегодня стоит перед нами пушкинский вопрос:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

Великий провидец Пушкин вряд ли мог предположить нравственно-смысловую остроту этого вопроса в России начала III тысячелетия. Ответ лежит далеко за границами балета. Будем ли мы жить в диалогическом мире или наше существование станет коллективным монологом? Все зависит от нас.

Б. Г. Юдин¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК МУЛЬТИПЛИКАТОР КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Современный научно-технический прогресс принято рассматривать как одну из главных (если вообще не главную) движущих сил глобализации. Развиваемую при этом аргументацию можно представить примерно так. Новые технологии, скажем, информационно-коммуникационные (мобильная телефонная связь, Интернет и т. п.) или биомедицинские (профилактические, диагностические, терапевтические и пр.), распространяются по всему миру — пусть и неравномерно, но достаточно быстро.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Сотворение трансчеловека», «Человеческий потенциал как критический ресурс России», «Здоровье человека: факт, норма, ценность», «Этика науки: проблемы и дискуссии» и др. Заместитель председателя Российского комитета по биоэтике при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Главный редактор журнала «Человек». Член редакционного совета журнала «Идеи и идеалы», председатель Российского редакционного совета журнала «Личность. Культура. Общество», член Научного совета по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания».

Каждая такая технология — это, с одной стороны, некоторые устройства, механизмы, препараты, словом, все то, что можно назвать «вещной» стороной технологии. Впрочем, с «вещностью» здесь все не так просто, поскольку к этой стороне технологии надо отнести и то, что можно назвать программным обеспечением, понимая этот термин весьма широко.

С другой стороны, каждая технология — это и способы взаимодействия человека с ее вещным содержанием, то есть какие-то схемы и образцы поведения. По мере того как он знакомится с технологией, осваивает ее, эти схемы и образцы становятся рутинными.

Начиная с этой точки, дальнейшие рассуждения по поводу взаимосвязи между научно-техническим развитием и глобализацией могут идти в двух разных направлениях. В первом случае мы считаем, что вещное содержание технологии однозначно предписывает все то, что может, вооружившись ею, сделать человек, то есть формы и нормы взаимодействия

с ней человека. С позиций этого своеобразного технологического (а точнее, может быть, вещного) детерминизма глобальное распространение новых технологий имеет в качестве своего неизбежного следствия всемирное распространение не только вещей, но и сопутствующих им образцов и шаблонов поведения. Иными словами, научно-технический прогресс ведет к унификации культур, к последовательному вымыванию всего того, что отличает их друг от друга. И когда мы оказываемся в каком-нибудь огромном международном аэропорту, где люди из самых разных уголков планеты без видимых затруднений пользуются персональными компьютерами и мобильными телефонами одних и тех же производителей, унифицирующая сила научно-технической глобализации, как кажется, предстает перед нашими глазами со всей очевидностью.

А теперь попробуем изменить ход нашего рассуждения. Обратим особое внимание на то, что технология, когда она начинает осваиваться человеком, погружается в мир тех смыслов и значений, которые задаются и поддерживаются культурой. Иными словами, новую технологию воспринимает не *tabula rasa*, а человек, укорененный в той или иной из множества культур, существующих в современном мире. И когда он начинает эту технологию применять, он делает это, ориентируясь не только (и не столько) на ее инструментальные возможности, сколько на свои ожидания, ценности, интересы, на то, что задается ему культурой.

Встав на эту точку зрения, легко увидеть, что новые технологии могут не только нивелировать культурные различия, но и, напротив, усиливать, мультиплицировать их. Таким образом, небывалые возможности, открываемые новыми технологиями, позволяют сделать особенно наглядными, проявить (а подчас и выявить) те культурно-обусловленные различия, которые до сей поры не особенно бросались в глаза.

Чрезвычайно много примеров этой тенденции дают современные биотехнологии. Так, появившиеся несколько десятилетий назад технологии пренатальной (предродовой) диагностики позволяют на эмбриональной стадии развития плода определять его пол. Очевидно, в самой по себе такой диагностике нет ничего культурно-специфического, и она бывает весьма полезной, если речь идет о генетических дефектах, сцепленных с полом. Есть такие генетически обусловленные заболевания, как, скажем, миодистрофия Дюшенна, которые встречаются только у мальчиков. Если в семье, где один из родителей яв-

ляется носителем соответствующего гена, проведена диагностика, показывающая, что мама беременна мальчиком, то можно будет принять соответствующие меры, вплоть до искусственного прерывания беременности, чтобы в последующем избежать тяжелых страданий ребенка. В этом случае цель применения диагностической технологии можно считать медицинской.

Но в некоторых культурах технологии пренатальной диагностики пола будущего ребенка стали применяться в совсем других целях, для того чтобы посредством аборта предотвратить рождение ребенка нежелательного пола. Чаще всего таким нежелательным полом оказывается женский. Это бывает связано с тем, что существующие культурные нормы и обычаи делают устройство будущего девочки весьма непростой, нередко чрезвычайно накладной проблемой. Как известно, природой установлено такое соотношение: на каждые 100 девочек рождается 105–106 мальчиков. Поскольку девочки более жизнеспособны, к достижению репродуктивного возраста это соотношение выравнивается. Сегодня, однако, в некоторых азиатских странах (и не только в них) это соотношение существенно меняется — оно составляет 110:100, 115:100 и даже 122:100! В целом диагностика пола зародыша стала сегодня общепринятой технологией едва ли не во всех странах мира. Но, как мы видим, эффект ее применения зависит от норм соответствующей культуры.

Еще один пример — технологии трансплантации органов и тканей человека. В этой сфере возникают следующие вопросы. Кому принадлежат органы человека, и что означает их принадлежность кому-либо? Кто вправе распоряжаться органами умершего? Где пролегает грань между жизнью и смертью? Все они по-разному понимаются и решаются в разных культурах, а технологический прогресс в сфере трансплантологии позволяет проявиться этим различиям в полной мере.

Современный научно-технический прогресс вооружает человека все более могущественными средствами. Они могут использоваться для достижения не только таких целей, которые уже находятся на горизонте человеческих ожиданий, но и служить тем фундаментом, отталкиваясь от которого, люди начинают задумываться о целях, совсем недавно казавшихся фантастическими или просто невысказанными. Следует только заметить, что эти средства — новейшие технологии — являются только лишь фундаментом того знания, архитектор которого обитает в мире культуры.

А. В. Яковенко¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Первое десятилетие нынешнего века характеризовалось дальнейшим углублением объединительных, интеграционных процессов в мире, которые охватывали все сферы общественной жизни мирового сообщества — политическую, экономическую, культурную, научную, образовательную, гуманитарную и др.

Общие для многих стран и континентов реалии в области экономики и политики, новых технологий, духовной жизни, не знающая границ деятельность транснациональных корпораций, совершенствование систем коммуникаций и транспорта, информатики и связи, практически повсеместное распространение Интернета позволяют говорить о наступлении нового этапа глобализации. Это становится реальным фактором мировой повестки дня и стремительно объединяет ранее отдаленные друг от друга народы, страны и континенты. Человечество все более быстрыми темпами обретает всеобщие черты единой качественной определенности, осваивая новые многосторонние форумы и механизмы, и выходит на более высокие уровни самосознания, самоорганизации и взаимодействия.

Тенденции объединения государств на основе универсально признаваемых гуманитарных и демократических ценностей становятся ведущей парадигмой мирового развития и позволяют аккумулировать ранее разобщенные ресурсы для противодействия кризисным явлениям в экономике, решения острых глобальных проблем человечества — изменения климата, увеличения вредных выбросов в атмосферу, загрязнения окружающей среды, а также голода, нищеты, нехватки природных ресурсов. Центростремительные силы, интегрирующие и сближающие народы, позволяют им увеличивать свой совокупный производственный и интеллектуальный потенциал, противостоять все более мощным и деструктивным вызовам и угрозам, несущим опасность конфронтации, терроризма, роста организованной преступности, смыкающимся со средневековыми пережитками национальной и религиозной вражды и нетерпимости.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор. С 1976 г. работал на различных дипломатических должностях в Центральном аппарате внешнеполитического планирования и в Постоянном представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В настоящее время курирует вопросы участия России в международных организациях, международно-правовой проблематике, международного экономического, гуманитарного сотрудничества, в том числе в области прав человека. Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Альянс цивилизаций и мировая политика», «Международное космическое право», ряда статей по международному праву и внешней политике. Член Бюро Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Награжден орденом Дружбы и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Неравномерность развития различных стран и регионов, нерешенность во многих из них задач построения правовых государств, слабость гражданского общества, глубокие цивилизационные различия в еще большей степени диктуют необходимость диалога культур, позволяющего вывести на новый уровень взаимопонимание и сотрудничество между народами.

Опыт показывает, что, как правило, все благоприятные и позитивные процессы на мировой арене основываются на равноправном и взаимовыгодном диалоге и взаимодействии, и наоборот, вспышки насилия и конфронтации происходят там, где не удалось наладить переговоры, дипломатическими методами преодолеть наметившиеся конфликты и разногласия.

Не случайно диалог стал одной из первых форм размышления человека о его предназначении и месте в мире, о соотношении материального и идеального, движения и покоя, жизни и смерти. Сформулировавшие первыми эти вечные вопросы Сократ, Платон, философы-софисты, Аристотель и другие мыслители в своих диалогах писали также о возможности создания более совершенных способов устройства общества, достижения гармонии в общении между людьми и народами.

И сейчас диалог между различными культурами является незаменимым атрибутом поиска общего и выстраивания нового уровня отношений между странами.

Диалог, как совершенно верно считает большинство российских и зарубежных исследователей, предполагает равноправие сторон, их открытость и стремление к пониманию партнера, желание установить истину. Эти характеристики в полной мере отличают именно мероприятия международной повестки дня, которые основаны на взаимодействии культур, обмене ценностями искусства, науки, образования. Взаимовлияние и взаимопроникновение различных культур призвано быть одним из мощных факторов, способствующих достижению целей развития, преодоления отсталости и бедности, реализации задач тысячелетия в гуманитарной сфере.

Именно поэтому мы выступаем против таких форм распространения процессов глобализации, которые отрицают или принижают значение национальной культуры и самобытности, навязывают народам необходимость слепо следовать чуждым им правилам и идеям. Попытки доминировать в международных отношениях, отрицать общепризнанные нормы и правила поведения в мире, диктовать свою волю другим странам уже не раз оборачивались для человечества тяжелейшими катастрофами, которые не должны повториться сегодня.

Мы придаем всевозрастающее значение тем основополагающим международно-правовым механизмам, которые были выработаны в рамках Ор-

ганизации Объединенных Наций и позволяют учитывать мнение всех ведущих игроков на мировой арене по поводу наиболее важных вопросов современности, в том числе в сфере обеспечения международной безопасности, защиты прав и свобод человека и др.

Как нам представляется, сформировавшиеся и подтвердившие свою эффективность основные принципы международного права с течением времени, в ходе активизации процессов глобализации, будут играть все большее значение в мире, их актуальность будет возрастать и в ходе реформирования деятельности ООН.

Для активизации международного культурного сотрудничества все большее значение сегодня имеет деятельность ЮНЕСКО. Взаимодействие России с этой организацией активно развивается и строится в соответствии с шестилетней Среднесрочной стратегией Организации на 2008–2013 годы, а также Программой и бюджетом ЮНЕСКО на двухлетие (2010–2011).

Наше министерство обеспечивает участие России в программной деятельности ЮНЕСКО, направленной на приобщение широких интеллектуальных кругов страны к передовому опыту и новейшим достижениям.

Важнейшие программы ЮНЕСКО, в которых задействована и Россия, призваны сохранять и приумножать культурное наследие всех стран, добиваться развития их взаимодействия на основе приобщения к ценностям искусства, науки и образования.

Активизация сотрудничества России с зарубежными партнерами в области культуры как в двустороннем, так и многостороннем формате принадлежит к числу приоритетных направлений наших усилий на международной арене.

Политика в сфере международного культурного и гуманитарного сотрудничества, ориентированная на взаимообогащение культур и интеграцию России в мировое культурное пространство, активное и полноправное присутствие отечественной культуры за рубежом, предполагает предоставление нашим партнерам на основе взаимности равных возможностей для демонстрации их национальных культур в нашей стране. Этот взаимный процесс имеет огромное значение не только в плане ознакомления российской общественности с культурным наследием и культурными ценностями других стран и народов,

но и для поддержания в мире заслуженной репутации России как свободного демократического государства, открытого для диалога с другими культурами.

В качестве важной составляющей взаимодействия в гуманитарной сфере нами предпринимаются меры по содействию открытию российских центров науки и культуры в государствах — участниках СНГ, странах Прибалтики и дальнего зарубежья, приоритетное внимание уделяется популяризации русского языка и культуры народов России в мире.

Всего в мире действует уже более 70 таких центров. В ближайшее время подобные структуры должны быть открыты в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Абхазии и Южной Осетии. Подготовлены и в скором времени должны вступить в силу межправительственные соглашения о сотрудничестве в области культуры с Венесуэлой и Никарагуа, другими странами.

Мы концентрируем усилия на продвижении за рубежом достижений нашей страны в области культуры и искусства, в том числе через проведение широкомасштабных комплексных программ. В 2010 году ими стали празднование 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Год России во Франции и Год Франции в России, в ходе которых состоялись многие интереснейшие мероприятия с участием ведущих российских представителей искусства.

Всего в 2010 году прошло более 4 тыс. культурных мероприятий России за рубежом, в том числе гастроли наших лучших артистов, фотовыставки, персональные и коллективные выставки современных мастеров изобразительного и прикладного искусства, тематические кинопросмотры, концертные программы, литературно-музыкальные вечера, презентации российских издательств.

Таким образом, используя мировой опыт и достижения лучших ученых и специалистов, мы активно работаем над вопросами полноценного участия России в диалоге культур, обеспечиваем равные условия для доступа на российскую культурную сцену всех заинтересованных государств-партнеров. Это позволяет защищать духовно-культурную самобытность российского общества, делиться с народами мира истинными сокровищами нашего культурного наследия, отвечать на вызовы современного этапа эпохи глобализации.

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

13 мая 2011 г., гостиница «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. А. ГРОМЫКО	член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доктор исторических наук, профессор
М. Л. ТИТАРЕНКО	академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Ф. УНГЕР	президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор
М. ШОЙЕР	директор секретариата «Альянса цивилизаций» ООН

Е. М. Астахов¹

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В условиях системного мирового кризиса определение возможных параметров взаимодействия цивилизаций приобретает особую значимость.

В XXI веке стало модно говорить о диалоге цивилизаций. Это выглядит «политкорректным» проявлением «толерантности» к другим культурам, верованиям и точкам зрения. В международной практике, однако, диалог зачастую подменяется монологом, стремлением к экспорту своих стандартов.

От «евроцентризма», а можно сказать «атлантизма», идет насильственный экспорт демократии и западных ценностей. Запад — за унификацию «культуры и жизни», за глобализацию мира на основе своих подходов. Тот факт, что они не являются ценностями для других культур, во внимание не принимается. Это не мессианская слепота западной культуры. Это — холодные геополитические расчеты, борьба за умы, территории и ресурсы.

В данной политике просматривается явный монолог одной цивилизации, пытающейся навязать свою волю другим.

Основные элементы такого монолога:

— отсутствие достоверной информации и нежелание ее иметь;

— пренебрежительное отношение к другим цивилизациям;

¹ Профессор кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда научных публикаций по дипломатии и политике, в т. ч.: монографии «Макро- и микроэкономическая дипломатия: сопровождение национального бизнеса» и ряда научных статей. Многие научные работы опубликованы за рубежом. Лауреат Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Держава».

— высокомерие современного колониализма, питающего иллюзии относительно своего превосходства.

Понятие о западной «общечеловеческой цивилизации» навязывается всему миру политическим руководством евроатлантического блока, политологами, СМИ. К сожалению, в этом хоре слышен голос и наших «западников», для которых Европа — это прогресс, а Восток — регресс. Однако в условиях мирового системного кризиса растет понимание экономической силы Китая, Индии и других «восходящих» стран. По оценкам ряда американских экспертов, уже сегодня производительность труда во многих азиатских странах выше, чем в США и Западной Европе. К 2050 году на долю Азии будет приходиться 57 % мирового продукта.

Притязания прежних мировых лидеров на высший цивилизационный статус уже не имеют былого фундамента. Налицо признаки размывания экономического доминирования «первого клуба», который начинает проигрывать соревнование по объемам ВВП в среднесрочной перспективе. В этой связи акцент будет переноситься на фундаментальные науки и инновационные технологии. Но и в этих сферах возможно продвижение вперед в Китае, Индии, Бразилии, России и ряде других стран.

Цивилизация включает в себя не только материальные факторы. Мы видим, что во многих странах прежние нравственные ценности становятся вторичными, а политические концепции начинают играть роль «этических суррогатов».

По сути дела западная цивилизация — это культура денег. Она основывается на материалистической философии, приоритете технологического развития,

массового потребления. При этом остальному миру предлагается догонять англосаксонскую модель с целью выхода в будущем на единую глобальную цивилизацию. Все это экспортируется в Россию и на Восток. Определенные результаты этого экспорта уже видны в нашей стране и ряде других стран. Но в принципиальном плане возможности этого экспорта ограничены. У Востока есть своя философия и свои ценности. А на российской земле всегда было трудно культивировать радикальный либерализм, хотя его сторонники имеются и в нашей элите.

После очередного слома политико-экономической модели в 1990-х годах в России сейчас много разговоров вокруг «вечных русских вопросов»: куда идти, что делать.

Россия, несомненно, европейская страна, но целиком в Европе она не помещается. Другая, причем большая ее часть, расположена в Азии. Отсюда ее цивилизационные геополитические и экономические интересы. Мировые глобальные процессы, разумеется, затрагивают и Россию. Но она всегда трудно встраивалась в глобализацию. Вряд ли стоит погружаться в историческую полемику об исключительности «русского пути». Вместе с тем для понимания межцивилизационного измерения нынешней России желательно иметь в виду некоторые факторы ее формирования.

Российской нации генетически было присуще расширение во времени и пространстве. Так шла и история становления российского государства. В XX веке в этом расширении свою роль сыграли сложные, а порой и драматические страницы нашей истории. Волны эмиграции в конце XIX — начале XX веков, в периоды революционных катаклизмов, гуманитарных катастроф Второй мировой войны привели к пространственным, по сути планетарного масштаба, перемещениям миллионов людей. Но уже не миллионы, а десятки миллионов оказались вне пределов своей Родины после распада СССР.

В результате всех этих тектонических процессов сформировался «русский мир», который выходит далеко за границы России, а в ряде случаев и за пределы русского этноса. Это люди, ассоциирующие себя с Россией, с русской культурой. Чувствовать себя частью России есть в первую очередь вопрос личного выбора, духовного самоопределения. Русскоязычное сообщество — вместе с гражданами России — сейчас занимает пятое место в мире.

Отдельного рассмотрения требует тема русских диаспор на постсоветском пространстве. В результате распада СССР вне России, причем не по своей воле, оказались более 25 млн человек. Это геополитическая катастрофа, не имеющая аналогов в мировой истории. Эти русские люди, не покидая своей земли, превратились в эмигрантов буквально на следующий день после подписания Беловежского соглашения в 1991 году. Теперь они — российская диаспора и одновременно этническое меньшинство в новых странах.

Какую политику следует проводить по отношению к этим людям? Этот вопрос касается не только

России, к нему присматриваются и в Европейском Союзе.

Полемика на этот счет довольно противоречива. До последних лет в части российской элиты сохранялся «беловежский» подход. Эти люди, мол, являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве новых стран.

Такой подход устраивает и руководство новообразованных государств. Это дает им возможность беспрепятственно решать свои стратегические задачи: укрепление государственности, прежде всего закрепление «навечно» в качестве государственных границ прежних линий административного деления бывших советских республик, силовое распространение «титового» языка на все, в том числе русскоязычное население, его информационная блокада, ограничение влияния православной церкви, прежде всего Московской патриархии.

В практическом плане решать проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве непросто даже в случае наличия соответствующей политической воли «наверху». Взять, например, тему несоответствия произвольно установленных границ Российской Федерации в бывшем СССР и реальных пределов распространения русской культуры, русского языка, русскоязычного населения и русского национального самосознания.

В последние годы со стороны российского руководства предпринимаются попытки воспрепятствовать политике ассимиляции русскоязычных диаспор в ближнем зарубежье. Но дальше увещаний дело не идет. Причин такой линии несколько. Здесь отметим лишь, что в российской политической элите опасаются упреков в «неоимпериализме», использовании своих диаспор в качестве «пятой колонны».

В принципе этот вопрос — внутрироссийский, хотя его внешняя проекция вполне очевидна. Эта внешняя проекция особенно наглядно видна в Литве, Латвии, Эстонии, Украине, Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Узбекистане. Положение русскоязычных диаспор в упомянутых странах требует внимания со стороны соответствующих органов Европейского Союза. ЕС всегда тщательно отслеживает все, что происходит на постсоветском пространстве в сфере прав человека, вплоть до судеб отдельных лиц. Но почему нет аналогичного внимания к положению миллионов людей из русскоязычных диаспор, чьи права ущемляются по всем критериям, принятым в Европейском Союзе? В этой связи возникают всякого рода вопросы относительно двойных стандартов, продиктованных политическими мотивами. Все эти аспекты многим странам ЕС понятны и близки. Европейский Союз сам сейчас сталкивается с острой проблемой культурной адаптации различных этнических групп. От этих проблем не уйти, их нельзя просто не замечать. Причем их острота нарастает. Они, несомненно, будут оказывать негативное воздействие на стабильность на европейском континенте.

Отношения между ЕС и Россией исключительно сложны. Здесь играют роль межцивилизационные, геополитические, экономические и многие другие факторы. Но важно вычленил один элемент.

Что нужно русским от Европейского Союза? Обычные люди «с улицы» хотят следующее:

- ездить во все страны ЕС без виз;
- учиться в европейских университетах;
- свободно заниматься бизнесом;
- осуществлять контакты во всех сферах человеческой деятельности.

При этом в отличие от некоторых стран и этнических групп русские не намерены стать частью «нежелательной иммиграции», которая в последнее время все более беспокоит «старую Европу». Если кто-то из русских людей захочет жить в Западной Европе, он может сделать это легально, например приобретя недвижимость.

По сути дела в Европе для россиян пока нет свободы передвижения. У нашей страны есть соглашения о такой свободе с рядом латиноамериканских стран — получается, что на далекие континенты можно ездить без виз, а к ближайшим соседям — нет. Создается впечатление, что в Европе воздвигается новая «берлинская стена».

А как смотрят на Европейский Союз правящие российские элиты?

Европейский Союз для России является естественным политическим партнером, если не ска- зать союзником.

ЕС — важный экономический партнер. Большая часть российского экспорта направляется в страны ЕС. Сильные взаимные интересы — в энергетическом секторе.

Россия заинтересована в научно-техническом сотрудничестве.

Это три главных фактора. Есть еще сферы научно-академических, культурных связей, туризма.

Русским людям близки европейская культура, европейские ценности. Многие столетия в российской империи отчетливо просматривался евроцентризм. Это присуще и нынешней политической и особенно экономической элите.

Стремление к сотрудничеству со странами ЕС очевидно. Но это сотрудничество должно быть равноправным. Россия — страна огромных пространств. География обуславливает и геополитику. Подчеркнем вновь: Россия готова к сотрудничеству с Европейским Союзом в любых сферах, но только к сотрудничеству равноправному, с учетом проблем и интересов обеих сторон. Огромность России определяет многовекторность ее внешней политики. Но европейская цивилизация нам ближе и понятнее других. Отсюда логический вывод: мы должны ис-

пользовать все возможности для налаживания стратегического сотрудничества.

При этом надо избегать лобовых конфликтов. Диалог, полемику желательно продолжать, но не питая иллюзий, что мы добьемся здесь существенных успехов. Очевидная польза от такого диалога — не усиливать конфронтацию и тем самым укреплять позиции Запада, который от этой конфронтации только выигрывает. Это видно в натовской политике на постсоветском пространстве, в окружении России по всему периметру ее границ. Нельзя исключать в будущем и прямой борьбы за российские ресурсы, вплоть до применения силовых методов.

При определении возможных пределов взаимодействия культур желателен учет следующих элементов:

- императивы глобализации, взаимозависимость государств требуют межцивилизационного диалога. Но ценой международного согласия не может быть отказ от национальной и внешнеполитической самостоятельности;

- есть мнение о необходимости духовно-нравственной основы общечеловеческой солидарности. С этим можно согласиться, но не следует предаваться иллюзиям: человеческая природа осталась прежней. Это подтверждается и печальным опытом Горбачева: его проповеди поощрялись на словах, но на деле были использованы против него лично и нашей страны;

- поиск общего нравственного знаменателя всегда существовал в мировых религиях. Сегодня его роль затруднена из-за цинизма «двойных стандартов», продиктованных геополитическими и блоковыми интересами;

- в XXI веке безопасность государств неделима. Однако просматривается стремление к достижению «абсолютной» безопасности в ущерб безопасности других (противоракетная оборона, новые виды оружия массового поражения);

- тезис о том, что современные межцивилизационные проблемы не имеют силового решения, представляется бесспорным. Но в реальной политике такое решение не исключается.

Повторим: линию на диалог с Западом надо продолжать, но успех этого диалога будет зависеть от двух главных факторов: 1) усиление России изнутри; 2) развитие сотрудничества с Китаем, Индией, Бразилией и другими будущими лидерами мироустройства.

При всей неопределенности мировых процессов долгосрочный прогноз в отношении России в межцивилизационном сценарии представляется позитивным. Россия не растворится в глобальной цивилизации хотя бы потому, что она слишком велика для appetites геополитических охотников.

Хайнрих Бонненберг¹ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИСЛАМ НА ПУТИ
В ЭПОХУ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Мне хотелось бы, чтобы мое выступление натолкнуло молодежь на размышления о будущем нашего мира и помогло ей найти путь к бесконфликтному сосуществованию людей, представляющих два комплекса ценностей. Приблизительно 80 % населения нашей планеты придерживаются ценностей *гражданского общества* и примерно 20 % человечества исповедуют ценности *ислама*. Основная задача обоих комплексов ценностей — защита человеческого достоинства, хотя государства, исповедующие эти ценности, по-разному относятся к правам человека.

После 11 сентября 2001 года мирное сосуществование двух названных комплексов было серьезно нарушено, что привело к возникновению взаимных фобий и предубеждений. Преодолеть эти фобии должна прежде всего Европа, которая таким образом объединит силы для нарастающей конкурентной борьбы с Китаем, Индией и странами американского континента.

Под Европой мы понимаем экономическое и культурное пространство, которое охватывает Европейский Союз, Российскую Федерацию, Украину, бывшие республики Югославии, а также несколько других государств, за исключением Турции. Европейское культурное и экономическое пространство простирается от Гибралтара и Исландии на западе Евразийского континента до Чукотки на востоке России. Таким образом, Европа занимает пространство от Атлантического до Тихого океана.

В Европе проживают приблизительно 740 млн человек, около 7 % из них являются мусульманами. Примерно 500 млн из 740 млн человек проживают в государствах Европейского Союза, доля мусульманского населения в ЕС составляет 4 % (преимущественно это граждане зарубежного происхождения). Население Российской Федерации — приблизительно 140 млн человек, доля мусульманского населения — примерно 18 % (граждане только русского происхождения). Население государств — бывших республик Югославии составляет примерно 25 млн человек, доля мусульманского населения в этих странах — приблизительно 26 % (граждане преимущественно местного происхождения). Сред-

¹ Государственный и общественный деятель, видный организатор промышленного производства ФРГ. Доктор технических наук. Председатель Наблюдательного совета и Совета директоров Общества по управлению и эксплуатации шахт г. Лаузиц в Центральной Германии фирмы «Северные энергетические заводы». С 1990-х гг. — директор, генеральный уполномоченный Немецкого фонда государственного имущества. С 1995 г. — председатель Наблюдательного совета и Совета директоров фирмы «Северные энергетические заводы». Участвовал в подготовке соглашения по Балтийскому газопроводу (Россия—Германия). Член Немецкого общества внешней политики, Германо-российского форума, Германо-украинского форума, Объединения немецких инженеров, Общества немецко-арабской дружбы. Входит в состав попечительских советов ряда университетов Западной Европы и США. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Немецкая трансформация на Востоке. Германия: успехи и проблемы». Награжден высшей наградой Федеративной Республики Германия «За заслуги перед Отечеством».

ди государств Европейского Союза наибольшее количество граждан-мусульман представлено в Болгарии — 12 % (преимущественно болгарского происхождения), во Франции — 9 %, Германии — 6 % и Нидерландах — 5,7 %. В трех последних из перечисленных стран ислам исповедуют исключительно граждане иностранного происхождения.

Можно констатировать следующее.

1. Отличительные приметы настоящего времени — электронная микросхема, грузовой контейнер и самолет. Электронная микросхема обеспечивает моментальную передачу данных в любую точку земного шара. С помощью контейнеров и самолетов товары и люди также могут перемещаться в любое необходимое место.

2. В настоящее время возник универсальный набор общечеловеческих ценностей, который я буду называть комплексом ценностей «совесть мира». Определяющее значение для этого комплекса ценностей имеет наука, а также обмен идеями, товарами и культурами.

Основной задачей комплекса ценностей «совесть мира» является сохранение и приумножение социального капитала человечества. Эта система ценностей призвана защищать человеческое достоинство, обеспечивать образование и предотвращать возникновение капиталистической элиты в результате глобализации.

Для мирного будущего нашей планеты, население которой скоро может достигнуть 9 млрд человек, крайне необходимо преодолеть существующий разрыв между бедными и богатыми. Доступность образования и экономического благополучия для всех граждан может помочь предотвратить возможные конфликты между различными государствами, а также внутренние конфликты в отдельных странах. Образование и экономическое благополучие — обязательные условия для мирного существования нашего мира.

Для того чтобы новый комплекс ценностей «совесть мира» стал реальностью, необходимо найти мирный консенсус между комплексами ценностей гражданского общества и ислама.

3. Комплекс ценностей гражданского общества возник около 500 лет назад в Европе. В нем нашли отражение прежде всего основные ценности греческой (свобода, правда, красота), римской (государство, право), еврейской (десять заповедей), кельтской, германской и славянской культур (избрание короля, моногамия), а также основные ценности христианства (первородный грех, любовь к ближнему, милосердие), арабской культуры (энциклопедичность, точность наук) и ислама (арабские и греческие элементы в образовании).

Определяющими чертами комплекса ценностей гражданского общества являются гуманизм (терпимость, свобода совести, монополия государства на власть), просвещение (рационализм, механистическая картина мира, разделение властей, интеллектуальная свобода, свобода вероисповедания), марксизм (труд и капитал, свободное развитие личности), плю-

рализм (идеи, разнообразие, консенсус), социальная рыночная экономика (конкуренция, социальная политика), естественно-научная картина мира (созидательный случай), а также защита растительного, животного мира и окружающей среды. Нельзя также забывать и страшные, унижительные для человека эксперименты в истории (колониализм, национал-социализм, большевизм) и совершенные в ходе этих экспериментов невероятные злодеяния (Холокост).

Комплекс ценностей гражданского общества основывается на стремлении науки к установлению истины и включает выработанные человечеством нормы сосуществования. Система ценностей гражданского общества не соотносится с какой-либо религией.

Синонимом комплекса ценностей гражданского общества является выражение «свобода создает достоинство». Его отличительной чертой является способность к постоянному обновлению. Этот комплекс ценностей обусловил развитие огромного созидательного потенциала, прежде всего в естественных науках, технике, экономике, а также в вопросах социальной солидарности. Ценности гражданского общества способствовали достижению больших успехов, прежде всего, в сфере образования и в достижении экономического благополучия. Неотъемлемым признаком комплекса ценностей гражданского общества является способность к самостоятельному развитию.

Ценности гражданского общества зафиксированы в конституциях государств Европы, Северной и Южной Америки, Китая, Индии, Японии, Австралии, Турции и нескольких других государств. Они отличаются степенью детализации и различным отношением к индивидуальным правам граждан.

Конституции государств, которые исповедуют комплекс ценностей гражданского общества, в некоторых вопросах значительно отличаются друг от друга. Эти отличия связаны с историческими и культурными особенностями данных стран. В качестве примеров можно привести Швейцарскую Конфедерацию с народными референдумами и Китайскую Народную Республику с ее однопартийной системой и отсутствием демократических выборов.

4. Комплекс ценностей ислама идентичен с мировой религией ислам.

Ислам исповедует единого Бога, который является воплощением милосердия и всего хорошего в человеке, без первородного греха. Арабское слово «ислам» означает «достижение мира через поклонение Аллаху». Производное слово «мусульманин» — это «человек, который достиг полного мира через поклонение Аллаху».

Задача ислама состоит в том, что чтобы оберегать человека от всего негативного, что существует в его окружении. Для этого человек получает указания о том, каким образом ему следует вести праведную жизнь, чтобы достойно предстать перед божественным судом в ином мире. При этом единственный, прямой и действительно осознанный путь в рай ведет через мученическую смерть во имя Аллаха. Основы ислама — Коран, Сунна и шариат.

Коран — это истинное слово Бога, рожденное на небесах, которое было передано человечеству приблизительно 1400 лет назад посланным пророком Магометом, избранным для этой цели Богом, он изложил это послание на понятном арабском языке. Коран полон божественных тайн и является последним откровением на все времена. Он был создан и начал действовать еще до создания мира. Новые достижения в науке и социологии, в том числе и те, которые относятся к эпохе настоящего времени, в отдельных случаях могут быть признаны и Кораном благодаря его аллегорическому толкованию.

В Сунне изложены традиции, соблюдая которые правоверные мусульмане стараются вести праведную жизнь так, как ее вел ниспосланный Аллахом пророк Магомет, в полном соответствии с его словами и поступками.

Шариат, являющийся дополнительным толкованием Корана и Сунны, регулирует социальную жизнь людей и должен защищать их от дурного влияния, для того чтобы они могли вести праведную жизнь и мирно сосуществовать друг с другом. Шариат — компромиссное соглашение, которое примерно тысячу лет назад было достигнуто между мусульманскими общинами и учеными. Шариат также считается ниспосланным свыше учением и представляет собой правовую культуру, которая полностью регулирует жизнь мусульманина. Это совокупность религиозных обязанностей, обрядовых правил, а также юридических норм, которые касаются вопросов заключения брака, наследования и уголовной ответственности. Шариат ничего не говорит о том, при каком государственном устройстве действует комплекс ценностей ислама. Сказано только, что шариат должен применяться везде, где проживают мусульмане. Шариат не является кодифицированным правом. Введение в действие шариата как правовой системы означает применение по крайней мере некоторых его разделов.

Ислам состоит из двух компонентов: религиозное верование и свод правил поведения. Публичное признание мусульманской веры и исполнение религиозных обязанностей носят как личный, так и общественный характер.

Правила, так называемые пять колонн, включают: публичное признание своей веры, обязательная молитва пять раз в день (по пятницам — посещение мечети), обязательные пожертвования нуждающимся, пост в месяц Рамадан и паломничество в Мекку.

Система ценностей ислама выражается в словах «истина дает достоинство». При этом почитание мусульманами пророка Магомета является составной частью достоинства. Магомет — посланник Бога — считается идеалом справедливого главы государства, а также социальным реформатором. Комплекс ценностей ислама представляет собой совокупность ниспосланных Аллахом универсальных правил, которые не могут быть изменены людьми. При этом люди могут по-разному их истолковывать.

Комплекс ценностей ислама является основой для жизненных устоев граждан, прежде всего в странах Юго-Западной Азии, Северной Африки, на ин-

дийском субконтиненте, в Индонезии и в других государствах Африки и Азии.

Существуют два главных направления ислама — суннизм и шиизм, а также несколько других течений, которые часто по-разному трактуют правила праведной жизни мусульман. Участниками организации «Исламская конференция» являются 57 государств (в которых проживает значительное количество мусульманского населения).

Конституции государств, которые следуют системе ценностей ислама, имеют серьезные различия. Прежде всего они отличаются степенью интеграции правовых норм шариата, а также механизмами обеспечения легитимности руководства страны. Эти различия также связаны с историческими особенностями того или иного государства. В качестве примеров можно привести Турецкую Республику с лаицизмом, Республику Индонезия с ее синкретической формой ислама, конституционную монархию Марокко с частичным применением норм шариата, а также ваххабитское королевство Саудовскую Аравию, где шариат применяется практически в полном объеме.

5. Для предотвращения разрушительных и часто кровавых конфликтов, которые противоречат человеческому достоинству, необходимо мирным путем объединить регулятивные нормы гражданского общества и универсальные нормы ислама в едином комплексе ценностей «совесть мира». При этом следует сделать акцент на том, что оба эти комплекса ценностей призваны защищать человеческое достоинство. Для этого обе системы должны дать ответ на вопрос, что они понимают под человеческим достоинством в настоящее время, в эпоху, в которой население планеты благодаря электронным микросхемам, контейнерным перевозкам и авиации тесно сосуществует друг с другом.

6. Уже сделаны первые важные шаги на пути к становлению системы ценностей «совесть мира»:

6.1. Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 года, которая, впрочем, носит только рекомендательный характер и поэтому не является обязательной для 192 государств — участников ООН. Но при этом многочисленные конвенции и международные договоры, заключенные после 1948 года, опираются на определения, которые содержатся в той декларации.

6.2. Международный пакт ООН о гражданских и политических правах 1966 года (Гражданский пакт), являющийся обязательным к исполнению для государств — участников ООН, которые его подписали и ратифицировали.

Пакт ООН гарантирует обязательное соблюдение основных прав человека: равноправие мужчин и женщин при использовании всех предусмотренных этим пактом прав; право на жизнь; запрет пыток; запрет рабства; право на личную свободу и безопасность; обязательное сообщение задержанному оснований для его задержания; обязательное судебное рассмотрение дела и предоставление задержанному права

быть выслушанным в суде; право на свободу передвижения; равные права граждан перед судом; гарантированные минимальные права при уголовном преследовании. Также следует упомянуть закрепленные данным пактом свободу мнения, совести и вероисповедания, право на проведение мирных собраний, право на создание добровольных объединений граждан, право мужчин и женщин на заключение брака и основание семьи после достижения соответствующего возраста, а также многочисленные права детей. Помимо этого, пакт запрещает дискриминацию этнических, религиозных и языковых меньшинств.

Пакт ООН подписали 174 государства, в том числе 37 преимущественно мусульманских государств, таких как Арабская Республика Египет (со ссылкой на нормы шариата), Республика Судан, Сирийская Арабская Республика, Иорданское Хашимитское Королевство, Иракская Республика, Исламская Республика Иран, Народная Демократическая Республика Йемен, Исламская Республика Пакистан (пакт еще не ратифицирован), Республика Индонезия, центральноазиатские и магрибские государства.

Этот пакт еще не подписали Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, султанат Оман, Малайзия, Республика Сингапур, султанат Государство Бруней-Даруссалам, а также католическое государство Ватикан (по данным на 1 января 2011 г.).

6.3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Социальный пакт ООН) 1966 года обязателен для исполнения государствами — участниками ООН, которые его подписали и ратифицировали (иногда с дополнительными замечаниями).

Социальный пакт ООН гарантирует обязательное соблюдение равноправия мужчин и женщин. Он запрещает принудительные браки, а также гарантирует право на труд, право свободного выбора профессии, право на надлежащую оплату труда, право на надлежащий уровень жизни в результате трудовой деятельности, безопасные условия труда, право на основание профсоюзов, социальную защиту и социальное страхование, защиту материнства, защиту от экономической и социальной эксплуатации детей и молодежи, а также право на надлежащий уровень жизни, что, в частности, подразумевает право на жилье, максимально возможный уровень физического и психического здоровья, право на образование, участие в культурной жизни, участие в научном прогрессе и в применении его результатов, а также свободу научной деятельности. Эти права касаются всех граждан, то есть они свободны от дискриминации, прежде всего по расовому признаку, цвету кожи, гендерным, языковым и религиозным критериям, а также в зависимости от политических и иных убеждений, этнического происхождения, имущественного положения, места рождения и иных признаков.

Социальный пакт ООН подписали 160 государств, среди них — Арабская Республика Египет (со ссылкой на нормы шариата), Республика Судан, Сирийская

Арабская Республика, Иорданское Хашимитское Королевство, Республика Ирак, Республика Йемен, Исламская Республика Иран, Исламская Республика Пакистан, Индонезия, а также центральноазиатские и магрибские государства.

Этот пакт еще не подписали Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, султанат Оман, Малайзия, Республика Сингапур, султанат Бруней-Даруссалам, а также католическое государство Ватикан (по состоянию на 5 января 2010 г.).

6.4. Значительное количество конвенций ООН, регулирующих вопросы защиты отдельных прав человека и являющихся обязательными для исполнения в государствах — участниках ООН, которые их подписали и ратифицировали.

6.5. Верховный комиссар ООН по правам человека, предметом работы которого является ситуация с соблюдением прав человека во всем мире. Верховный комиссар принимает меры для признания прав человека и их соблюдения всеми государствами.

6.6. Совет ООН по правам человека, который может принимать решения о направлении наблюдателей для отслеживания ситуации с соблюдением прав человека в государствах — участниках ООН.

6.7. Региональные соглашения о защите прав человека, подписанные в Европе, Азии и Америке.

Эти и другие конвенции преследуют благородные цели, достижение которых предполагает наличие воли, понимания и честности. Конечно, выполнение этих документов пока проблематично. Взаимопонимание в определении общих целей также является важным моментом и способствует достижению мира на планете с ее растущим населением. Стремление к практической реализации указанных конвенций, безусловно, заслуживает всех прилагательных для этого усилий.

7. В Европе действует Европейская конвенция защиты прав человека от 4 ноября 1950 года.

Государства — участники Совета Европы обязаны подписать данную конвенцию и инкорпорировать ее в собственное национальное законодательство. Таким образом, каждый гражданин страны — участницы Совета Европы обязан соблюдать положения этого документа.

Особо следует отметить ст. 14 «Запрет дискриминации»: «Пользование правами и свободами, изложенными в настоящей Конвенции, обеспечивается без дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: в отношении пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства».

Участниками Совета Европы на данный момент являются 47 государств, в том числе:

1) государства — основатели Совета Европы (1949): Бельгия, Дания, Франция, Великобритания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Швеция;

2) другие государства — участники Совета Европы (указаны в хронологическом порядке вступления): Турция, Греция, Германия, Исландия, Австрия, Кипр, Швейцария, Мальта, Португалия, Испания, Лихтенштейн, Сан-Марино, Финляндия, Венгрия, Польша, Болгария, Эстония, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Андорра, Албания, Латвия, Македония, Молдавия, Украина, Хорватия, Россия, Босния и Герцеговина, Сербия, Монако и Черногория.

Участниками Совета Европы являются также государства с преимущественно мусульманским населением: Турция (согласно статистическим данным, 99 % населения исповедуют ислам; граждане, которые официально не объявляют о том, что они исповедуют другую религию, считаются мусульманами. С 1928 г. Турция является демократическим лаицистическим государством), Азербайджан (99 % населения, по статистике, исповедуют ислам, принятая в 1995 году Конституция объявляет Азербайджан демократическим лаицистическим государством), Албания (60 % населения исповедуют ислам, лаицистическая республика согласно принятой в 1998 г. Конституции), Босния и Герцеговина (44 % населения, по статистике, исповедуют ислам, демократическое синкретическое государство в соответствии с Дейтонской конституцией 1995 г.).

Для проверки актов законодательства, а также в целях надзора за судебной властью и органами государственного управления во всех государствах, подписавших конвенцию, был создан Европейский суд по правам человека. Его участниками стали все 47 государств — участников Совета Европы.

Беларусь и Ватикан не являются участниками Совета Европы. Соответственно, они не подписали Европейскую конвенцию о защите прав человека и не являются участниками Европейского суда по правам человека.

8. Достойным сожаления отступлением от идеи создания комплекса ценностей «совесть мира» является Каирская декларация о правах человека в исламе, принятая в 1990 году.

В первую очередь такие страны, как Республика Судан, Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Иран и Саудовская Аравия, критикуют Всеобщую декларацию прав человека ООН за ее, по их мнению, недостаточное внимание к культурным и религиозным корням государств, которые не относятся к западной цивилизации. В связи с этим данные государства потребовали официального закрепления прав человека, «соблюдение которых возможно без нарушения норм исламского права».

Каирская декларация спорным образом смешивает права человека и шариат. Недостаточно четкие формулировки, а также положение о том, что права человека не должны противоречить нормам шариата, приводят к тому, что права человека на неприкосновенность, свободу мнения, свободу вероисповедания (включая право перехода в другую веру), а также равноправие мужчин и женщин ограничиваются или даже подвергаются сомнению.

Каирскую декларацию подписали 45 министров иностранных дел государств, являющихся участниками организации «Исламская конференция» (всего 57 государств-участников). Декларация служит руководством для государств-участников в вопросах, связанных с защитой прав человека. Она не носит обязательный международно-правовой характер и не играет существенной роли в национальном законодательстве большинства государств — участников Исламской конференции.

Внушают оптимизм ощутимые усилия по трактовке Корана, Сунны и шариата в сторону большего уважения к правам человека в современном мире, равноправия в соответствии с положениями Гражданского пакта ООН и Социального пакта ООН, которые уже подписаны многими, в том числе исламскими государствами.

Важной лептой исламского мира в дело защиты прав человека является Арабская хартия прав человека, которую в 1994 году принял Совет Лиги арабских государств (переработанная редакция 2004 г.). В преамбуле к Арабской хартии прав человека четко выражено согласие с принципами Хартии ООН и Всеобщей декларации прав человека ООН, а также с положениями Гражданского и Социального пактов ООН. В Арабской хартии предпринимается попытка найти компромиссное решение. При этом она не отрицает положения Каирской декларации о правах человека в исламе.

9. В ходе дальнейшей гармонизации комплексов ценностей гражданского общества и ислама необходимо различать:

1) государства с преимущественно мусульманским населением (Саудовская Аравия, магрибские государства, а также Турция и государства Центральной Азии);

2) государства, в которых ислам исповедует часть местного населения (Россия и Болгария);

3) государства, в которых ислам исповедует часть населения иностранного происхождения (Франция, Германия и Нидерланды).

Каждая из этих групп и каждое отдельное государство в этих группах имеют особенности, связанные с их историей и культурным развитием. Все они по-разному будут решать задачи гармонизации ценностей гражданского общества и ислама с целью создания комплекса ценностей «совесть мира».

10. В странах Европы с мусульманским населением мусульмане представляют только часть населения. Для того чтобы государства, расположенные между Атлантическим и Тихим океанами, то есть страны Европы, имели шансы на успех в будущем и могли достойно конкурировать с Китаем, Индией и странами Северной, Центральной и Южной Америки, Европа обязана гармонизировать ценности гражданского общества и ислама.

При этом важно, чтобы граждане, исповедующие ислам, понимали, что большинство граждан Европы живут в соответствии с ценностями гражданского общества и ориентируются на указанные выше пакты и конвенции, которые имеют приоритетное значение.

Но при этом также важно уважать права граждан мусульманского вероисповедания в Европе, которые являются полноценными членами нашего общества.

Необходимо констатировать следующее:

1) комплекс ценностей гражданского общества нацелен на обеспечение образования и благосостояния граждан. Поэтому логично предоставлять согражданам мусульманского вероисповедания все соответствующие блага, связанные с получением образования и достойной работы. При этом граждане-мусульмане обязаны быть открытыми для всех связанных с этим реалий;

2) комплекс ценностей гражданского общества предусматривает, что граждане обязаны в первую очередь самостоятельно обеспечивать достойный жизненный уровень, а также трудиться на благо развития и процветания всего общества в целом. В связи с этим необходимо обеспечить равные права на рынке труда для граждан мусульманского вероисповедания;

3) комплекс ценностей ислама предусматривает, что у мусульманина всегда должна быть возможность соблюдать свои религиозные ритуалы и обязанности. Представители комплекса ценностей гражданского общества обязаны уважать это право. Нельзя допускать неуважительных высказываний о пророке Магомете — это унижает достоинство мусульман и создает атмосферу недоверия и напряженности;

4) необходимо способствовать взаимопониманию представителей комплексов ценностей гражданского общества и ислама в повседневной жизни. Этому должны помогать личные контакты, фестивали, культурные мероприятия, экономические связи, а также научная деятельность и академический обмен;

5) необходимо совместно проверить, насколько отдельные разделы шариата могут быть согласованы с кодифицированным правом в Европе.

Правоведы и эксперты в вопросах ислама, которые работают в университетах Европы, должны рассмотреть этот ключевой для интеграции вопрос. При этом необходимо наладить максимально возможное сотрудничество между Восточной и Западной Европой под руководством университетов Германии и России. Для лучшего взаимопонимания между представителями гражданского общества и ислама в Германии наряду с уже существующими университетскими организациями были созданы научные центры по вопросам ислама в Тюбингене и Мюнстере / Оснабрюке. В этих центрах также получают образование будущие имамы, мусульманские священники. При этом учитываются положения Конституции Германии, которая является обязательной для всех проживающих в Германии граждан, и которая в соответствии со ст. 79 может быть изменена исключительно демократическим путем при наличии двух третей голосов депутатов бундесрата и бундестага;

6) неправильно ограничивать духовный диалог между комплексами ценностей гражданского общества и ислама дискуссией между западной церковью и исламом.

Церковь является лишь одним из элементов комплекса ценностей гражданского общества и не может представлять его единолично. Это касается в

первую очередь католической церкви, которая представляет собой абсолютную, недемократичную выборную монархию с догматическим определением *ex Cathedra*, что предполагает единственно верное учение Папы и церкви, а также ограниченную прозрачность ее деятельности и обет безбрачия для священников. К сожалению, государство Ватикан не подписало ни одну из основных деклараций о защите прав человека.

Россия и Германия всегда придавали большое значение развитию комплекса ценностей гражд-

данского общества. Оба государства также должны внести свою лепту в становление комплекса ценностей «совесть мира». Можно пожелать молодым ученым из обеих стран плодотворной совместной работы в этом направлении. Хорошим объектом для изучения при этом мог бы стать Берлин с его «брендом» мультикультурализма, доля мусульманского населения в котором превышает средние показатели в Европе и составляет приблизительно 10 %.

М. Г. Делягин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ — ЭТО КОНКУРЕНЦИЯ КУЛЬТУР

Глобализация резко повысила значимость конкуренции между цивилизациями, то есть культурно-историческими общностями, объединенными не только экономическими связями, но и более глубокими культурными факторами — *схожими системами ценностей и мотиваций, мировоззрением, образом жизни и действий*.

Человечество разделяется не только по используемым технологиям и уровню благосостояния, но и по цивилизационному признаку — по признаку культурной совместимости. Это отражено практикой госуправления, в первую очередь неуклонным ужесточением законодательства развитых стран по отношению к представителям других цивилизаций. В законодательстве Великобритании прямо указано, что иммиграция ограничивается не для предотвращения угрозы подрывной деятельности, сохранения рабочих мест и даже экономии бюджетных средств на программы социальной адаптации, но «во избежание ситуации культурного противостояния».

Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы², и силовое поле, создаваемое биполярным противостоянием, удерживало в ее рамках остальное человечество, при этом преобразуя его. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, выведя цивилизации на поверхность политики.

Разные исследователи применяют разные сочетания критериев экономической мощи и культурной общности.

¹ Директор Института проблем глобализации (Москва), доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса. Автор более 900 научных публикаций, в т. ч. 12 монографий: «Экономика неплатежей», «Идеология возрождения», «Мировой кризис. Общая теория глобализации», «Россия после Путина», «Драйв человечества», «Кризис человечества. Выживет ли Россия в нерусской смуте?» Председатель партии «Родина: здравый смысл» и др. Почетный профессор Цзилинского университета (Китай).

² Победу Западу в холодной войне принесло именно переждение революционно-мессианского сталинского общества в буржуазное по своим ценностям брежневское. Экономический и политический крах социализма стал простым следствием этого превращения — приведением экономической и политической системы общества в соответствие с доминирующим в нем мировоззрением.

Тойнби, исходя из историко-культурной парадигмы, выделял 34 цивилизации, многие из которых уже утратили экономическое значение. Поразительна сила сформированной им традиции — даже такой прагматик, как Бжезинский, хотя и сократил число цивилизаций вдвое, явно допускал перекося в пользу культурного и даже этнографического подхода, пренебрегая их экономической значимостью, а следовательно, и участием в глобальной конкуренции.

Более практичен подход А. Уткина, который выделяет семь «цивилизационных комплексов»: Запад (объединяющий США и Европу), латиноамериканский, православный, мусульманский, индуистский, конфуцианский (помимо Китая включающий ряд родственных культур, в частности Кореи и Вьетнама) и японский.

Однако для оценки перспектив глобальной конкуренции и этот подход чрезмерно детализирован. Признавая исключительный потенциал Индии (включая укрепление воинствующего осознания первичности своих интересов и готовности их защищать, своего рода «индуистского фундаментализма»), нельзя не отметить отсутствие склонности к глобальной экспансии. Эти черты отягчены сдерживающим индуистскую цивилизацию, продолжающимся уже более полувека конфликтом с исламским миром.

Японская и латиноамериканская цивилизации не обладают экономическим и, что долгосрочно более важно, демографическим потенциалом экспансии. По оценкам, доля первой в населении Земли в течение жизни нашего поколения практически не изменится (с 9,3 % в 1995 г. сократится до 9,2 % в 2025-м), а второй — и вовсе сократится почти в полтора раза (с 2,2 до 1,5 %).

Что касается православной цивилизации, то само ее существование не как культурного феномена, но как субъекта глобальной конкуренции нуждается в доказательстве. Такие православные страны, как Кипр, Болгария, Черногория и особенно Греция, необратимо вовлечены в европейские регио-

нальные процессы и участвуют в глобальной конкуренции как элементы западной цивилизации, хотя и периферийные.

Постсоветские же общества, в том числе преобладающе православные, объединены не столько вероисповеданием, сколько общностью истории и светской, а отнюдь не религиозной культуры. Это позволяет говорить о продолжающей распадаться советской или о формирующейся на ее руинах российской цивилизации, которая даже в самом оптимистичном случае не завершила процесс становления и потому пока не может участвовать в глобальной конкуренции.

Таким образом, *исчезновение «силового поля» биполярного противостояния социалистической и капиталистической систем высвободило лишь две глобальные цивилизационные инициативы: исламскую и китайскую*¹.

Мировая конкуренция становится цивилизационной, культурной в своей основе — и ужасный смысл этого еще не осознан. Проще всего понять его по аналогии с межнациональными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести из-за их иррациональности: их сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. Они преследуют разные цели разными методами и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансово-технологическая экспансия Запада, этническая — Китая и социально-религиозная — ислама не просто разворачиваются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу общественного развития — вопросу о власти, но и в силу самого образа жизни. *Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть при уничтожении участника компромисса как цивилизации.*

Взаимопонимание, в отличие от внутрицивилизационных конфликтов, в конфликте культур не только не является универсальным ключом к достижению компромисса, но часто уничтожает саму его возможность, так как выявляет несовместимость конфликтующих сторон.

Конкуренция между цивилизациями осуществляется по отношению к каждому ее участнику внесистемными и потому крайне болезненными методами. Она бескомпромиссна и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствии шансов на чей-либо успех. Она иррациональна — и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее (классические примеры — этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах). Возможно, ислам уже в ближайшее десятилетие станет «ледоколом» Китая по от-

ношению к Западу, подобно тому как гитлеровская Германия и в конечном счете сталинский СССР стали «ледоколом» рузвельтовских США по отношению к Европе.

Борьба за повестку дня

Цивилизационная конкуренция, конкуренция культур более любой иной ведется за определение «повестки дня», то есть конкретной области (и, соответственно, принципов) противостояния.

Важность определения «повестки дня» — выбора «поля боя», на котором соперники будут меряться силами, — вызвана глубиной культурных различий между цивилизациями: для каждой из них характерен собственный, непривычный и малопонятный для других образ действий. Навязав противнику свою «повестку дня», вы тем самым навязываете ему свои правила — свои стандарты, которые чужды, а то и не знакомы ему. *Это то же самое, что выманить тяжелоатлета на стометровку.*

Любое широкомасштабное взаимодействие в силу значительности масштабов происходит в разных плоскостях, по разным вопросам, и каждый из его участников стремится свести его к рассмотрению наиболее важных или удобных для себя вопросов. Это стремление облегчается объективной необходимостью выбора главного аспекта, по которому и будет достигнута принципиальная договоренность; определение остальных аспектов будет носить подчиненный характер и вытекать из этой договоренности.

В итоге победителем обычно становится тот, кто перетянул конфликт в наиболее удобную для себя систему понятий, навязал противнику свое «поле боя», свои стандарты и свой образ действий.

Важность определения «повестки дня» для масштабных конфликтов имеет и прогностическое значение. Пока «повестка дня» не определена, конфликт может длиться неограниченно долго, так как его участники сохраняют возможность действовать в наиболее удобных для себя условиях и наиболее комфортным образом (а разнородность их целей позволяет каждому из них систематически объявлять себя победителем). Единство же «повестки дня» означает, что участники перевели его в общую плоскость, где есть однозначный критерий победы, и главное — один из них, как правило, гарантированно сильнее другого. Поэтому согласование единой «повестки дня» означает, что разрешение конфликта — в ближайшем будущем.

Поэтому конкуренция между цивилизациями определяется именно конкуренцией за формирование «повестки дня».

Сегодня наиболее предпочтительно положение Запада, чей образ действий — финансово-экономический — наиболее универсален. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии, финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает *a priori*, поэтому круг ее потенциальных сторонников и проводников наиболее широк, а в связи с этим — и возможность вы-

¹ Здесь и далее понятие «Китай» используется в его китайском, а не европейском понимании, не столько географическом, сколько этническом.

бирать лучший человеческий и организационный «материал».

Конечно, ужесточение конкуренции с началом глобализации, лишая многих возможностей успешно участвовать в экономической жизни, решительно сужает этот круг. Именно этим вызван исламский вызов Западу и отчасти — вызов Китая. Но принципиально ситуация пока не меняется: Запад остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конкуренции объективно выступает почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам образ действий объективно превращает его в проводника интересов и ценностей Запада. *Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает по образу жизни.* Финансист принадлежит незападной цивилизации не в том случае, если он приветствует теракты 11 сентября, а если он готов отказаться от использования финансовых рынков, от самого себя как их участника и перейти к образу жизни представителя западной цивилизации.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе одной из ключевых компонент глобальной конкуренции — ориентации элит погруженных в нее стран.

Трагедия элит в конкуренции культур

Подобно тому как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушающей при этом одни и усиливающей другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных «мышц».

Хотя ключевым среднесрочным фактором национальной конкурентоспособности является эффективность управления, в долгосрочном плане, когда значение ресурсных ограничений снижается, главным становятся мотивация и воля общества, воплощаемые в его элите. А поскольку с началом глобализации конкуренция ведется прежде всего в сфере формирования сознания, *важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится тот, кто формирует сознание его элиты.*

Если общество само формирует это сознание, оно сохраняет адекватность, то есть способность преследовать свои цели и — посредством интеллигенции — сознавать и формулировать их.

Формирование сознания элиты извне — слегка завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между отдельными людьми и даже народами, а между странами и тем более государствами наблюдается конкуренция, сознание элиты обычно формируется извне стратегическими конкурентами общества.

Исключение возможно, если рассматриваемая экономика так мала и однородна, что вписывает-

ся в мировой экономической организм на правах одной клеточки, одного звена в транснациональной технологической цепочке. Тогда интересы внешне-го управления могут соответствовать ее интересам. Но такие случаи не столь часты, как убеждают либеральные фундаменталисты, и не имеют отношения к конкуренции между цивилизациями.

Общество, сознание элиты которого формируется его стратегическими конкурентами, утрачивает адекватность¹. Ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам его стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, обречена на систематическое предательство национальных интересов.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты в силу своего положения располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане. Глобализация, которая дает шансы сильным и несчастья — слабым, разделяет относительно слаборазвитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты таких обществ естественно стремиться к либерализации, дающей им все новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам. При этом уровень конкуренции, необходимый представителям элиты просто для того, чтобы держать себя «в тонусе», может быть абсолютно не посилен для основной части их обществ.

Это естественное разделение усугубляет угрозу превращения национальной элиты в антинациональную силу.

В слаборазвитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, отторгает инициативных, энергичных людей, порождая в них обиду. А ведь именно такие люди и образуют элиту! Отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину механическим насаждением их реалий и ценностей. Подобное слепое культуртрегерство (особенно успешное) разрушительно в случае не только незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своей Родине. «Умный человек в России не прав просто потому, что он умный и поэтому думает не так, как большинство и, соответственно, не может предвидеть, как будет поступать это большинство». Такое отторжение элиты характерно для многих стран.

¹ Мы все помним это на примере горбачевского СССР и ельцинской России.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи неразвитых стран, особенно стран незападных цивилизаций, на западные ценности это противоречие распространяется все более широко.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, простым человеческим благам, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и незаметно для самих себя начинают работать на систему ценностей своих стратегических конкурентов.

Именно с элиты и молодежи начинается размытие системы ценностей, которое ведет к размытию общества. Без этого деликатного аспекта цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение враждебности к собственной стране.

Практический критерий патриотичности элиты — форма ее активов. Вне зависимости от мотивов ее отдельных членов, как целое элита обречена действовать в интересах именно собственных активов (материальных или нематериальных — влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и т. д.). Если критическая часть этих активов, которую члены элиты не могут позволить себе потерять, контролируется его конкурентами, элита поневоле реализует их интересы, превращаясь в коллективного предателя.

Как минимум это означает, что адекватная элита, ориентированная на собственные национальные и цивилизационные интересы, должна хранить критически значимую часть личных средств в национальной валюте, а не в валюте своих стратегических конкурентов. Отсюда, в частности, следует обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут последовательно противодействовать последним.

Раздробление целостностей

Помимо цивилизационной конкуренции, ведущейся на основе культур, глобализация стимулирует проявление и усиление маргинальных субкультур — и, соответственно, дробление всех общественных целостностей.

Глобализация стимулирует маргинальное потребление. Ведь рост масштабов рынков и формирование глобальных монополий ведут к тому, что борьба за стандартного потребителя ведется в мировом масштабе немногими глобальными гигантами. Участие в этой схватке большинству производителей не под силу, — но углубление специализации снижает конкуренцию. Упрощение коммуникаций позволяет найти достаточное число потребителей самому экзотическому товару, — и значимым направлением бизнеса становится удовлетворение маргинальных потребностей.

Стоит вспомнить, что представления о бизнесе, рабски следуя за капризно меняющимся спро-

сом, устарели еще более, чем представления о капитализме свободной конкуренции, на основе которых построена идеология либеральных фундаменталистов.

Суть превращения западной цивилизации в «общество потребления» как раз и заключается в том, что производство перестало следовать за спросом и начало само развивать, а затем и создавать его, преобразуя, а все чаще — и порождая предпочтения потребителя в соответствии со своими потребностями. Распространение технологий формирования сознания стало высшим проявлением этой тенденции.

Именно порождение и углубление все новых потребностей — инструмент, которым современные технологии преобразуют общество, порождая не просто новые виды потребления, но формы поведения, образы действия, стили жизни и в соответствии с ними — социальные структуры. Расширяя спрос созданием все новых потребностей, производственные технологии напрямую меняют социальную и культурную структуру общества.

Раньше общество медленно и мучительно приспособлялось к развивающимся технологиям, сдерживая их развитие. Теперь, оставаясь отражением технологий в зеркале человечества, структуры и психология общества стали прямым объектом активного преобразования бизнесом, расширяющим спрос.

Создание производством новых форм спроса продолжается, по крайней мере, с 1950-х годов, но распространение технологий формирования сознания качественно усилило этот процесс.

Так, если некоей компании при помощи выхода на глобальные рынки (например, через Интернет или транснациональные сети клубов) удалось успешно реализовать значимую для нее партию предметов, по тем или иным причинам позиционированных ею как «розовый-галстук-с-пищалкой-для-хромых-негров-индивидуалистов-нетрадиционной-ориентации», она получила серьезный стимул к созданию, всемерному распространению и пропаганде привлекательности соответствующего образа.

Конечно, данный пример утрирован, но сам феномен распространен и давно привлек к себе внимание бизнес-аналитиков как пример успешной и парадоксальной деловой модели.

Многие компании успешно специализируются на схожих по своей экстремальности товарах. Более привычный пример — современная одежда, призванная «подчеркивать индивидуальность» во всех ее проявлениях — от безумных молодежных «прикидов» до фантазмагорических, но продаваемых деловых костюмов.

Масштабное внедрение «подчеркивающих индивидуальность» образов и стилей поведения делает соответствующий образ жизни привлекательным. При наличии заметного числа действующих таким образом компаний это дробит социальную структуру обществ, затронутых соответствующими технологиями формирования сознания, и выделяет в них

значительные в совокупности маргинальные группы и субкультуры.

Но возникновение маргинальных типов потребления и порождение ими маргинальных социальных групп — лишь одно из направлений разрушения целостности информатизированных обществ.

Применяемые бизнесом технологии формирования сознания направлены не только на описанное создание новых социальных групп (предъявляющих в соответствии с новым предложением новые виды спроса). Они ориентированы и на уже существующие значимые социальные группы, являющиеся носителями специфических типов потребления. *Наиболее укрупненные группы такого рода — домохозяйки, молодежь, пенсионеры, госслужащие и так далее, причем каждая из них при подготовке к решению той или иной маркетинговой задачи может в зависимости от характера последней дробиться на более мелкие подгруппы.*

Применение информационных технологий к существующим социальным группам более распространено, чем направление этих технологий на создание новых групп. Ведь это значительно больший, более однородный по составу и более подготовленный к воздействию человеческий материал, чем маргинальные группы, требующие усилий по их поддержанию и рентабельные только в глобальных масштабах.

Коммерческий потенциал значимых социальных групп неизмеримо более высок, что заставляет специализироваться на них крупный бизнес, вытесняющий мелкий и средний в маргинальные сегменты.

В итоге значимые социальные группы информатизированных обществ испытывают большее и более разнообразное, чем маргиналы, давление технологий формирования сознания.

Относительно крупные социальные группы, значимые с точки зрения потребления, становятся почти таким же объектом концентрированного применения этих технологий, как и общественная элита. Эксплуатируя их отличия от остальных социальных групп, эти технологии неизбежно усиливают эти отличия, тем самым обособляя «целевую» социальную группу. Результат — усиление внутренней раздробленности, разъединенности информатизированного общества.

Даже когда технологии формирования сознания направлены на решение универсальных задач и применяются ко всему обществу, различные социальные группы в силу объективных различий реагируют на одни и те же воздействия по-разному. *(Массированное применение технологий формирования сознания*

мешает их «тонкой настройке» и может обеспечить лишь самый общий учет специфики восприятия даже значительных социальных групп.)

В результате «информационный пресс» усугубляет психологические различия между базовыми социальными группами и *разрушает социальную ткань общества*, которое быстро, глубоко и, главное, устойчиво сегментируется.

На это накладывается иммиграция, в первую очередь в развитые страны, колоссально выросшая с началом глобализации. Ее упростило развитие коммуникаций, позволяющих быстро и дешево получить нужную информацию, забронировать билеты, снять номер в гостинице и даже устроиться на работу, — и все это в чужой стране.

Впрочем, главная причина иммиграционного взрыва — победа развитых стран в холодной войне. Она породила архаизацию бывших соцстран и особенно СССР и бегство их населения — как в вожденный «свободный мир», так и просто от разрухи, хаоса и насилия, насаждавшихся в побежденных обществах, в том числе и победителями. Бегство достигло такой интенсивности, что последним уже давно пришлось, забыв про права человека, под угрозой уничтожения своей культурной идентичности лихорадочно и, судя по всему, запоздало взяться за восстановление пресловутого «железного занавеса» уже не с Востока, а с Запада.

Аналогичные процессы разворачиваются и в России, культурная идентичность которой буквально смывается как архаизацией, так и волнами беженцев (все чаще сознающих себя завоевателями) из Средней Азии и Кавказа (в том числе из его формально российской части).

Одновременно прекращение противостояния двух систем ударило по наименее развитым странам: перестав быть «полем боя», они перестали быть нужными развитому миру и лишились его помощи, к которой привыкли. В сочетании с резким ужесточением глобальной конкуренции это привело к утрате необходимых ресурсов развития и глубокой дезорганизации этих стран, породившей массовое бегство населения.

Иммиграция усилила внутреннюю разнородность развитых обществ, дополнив ее социальный характер более значимой и разрушительной этнической и культурно-цивилизационной разнородностью.

Таким образом, в силу развития процессов глобализации диалог культур все в большей степени приобретает характер конкуренции.

Т. А. Жданок¹

А ЕСТЬ ЛИ СУБЪЕКТЫ ДИАЛОГА?

Необходимым условием возможности диалога культур является сохранение разнообразия и своеобразия его сторон как равных собеседников. Сейчас же, когда технические и организационные возможности диалога возросли невероятно, остро встала проблема существования самих участников диалога. Глобализация отнюдь не сводится к расширению возможностей участия в коммуникации. В огромной степени глобализация одновременно означает смешение и унификацию культурного контекста всей планеты. Есть остроумное выражение о сущности глобализации: «Чем легче перемещение из одной точки мира в другую, тем меньше смысла в этом перемещении». Конечный продукт смешения культур в пределе уже утратит аромат, цвет и вкус исходных компонентов, но будет иметь свой собственный характер — не столько включающий, сколько замещающий поглощенные культуры.

Мне, как русскому депутату Европарламента от Латвии и как президенту международной ассоциации «Европейский русский альянс», объединяющей представителей русскоязычных жителей Евросоюза, ближе проблемы взаимодействия русской и европейской культур. О них я и буду говорить.

Россия и русская культура многократно пересеклись с культурой Европы, и результаты этого диалога часто бывали выдающимися и поистине глобальными — еще до появления самого понятия глобализации.

Параллельное и часто разнонаправленное творчество Достоевского и Ницше даже в своих антагонизмах — один из ярчайших примеров такого диалога. Вместе с наследием Кьеркегора и Ницше творчество Достоевского, Николая Бердяева и Льва Шестова стало основой французского экзистенциализма. Наверное, излишне напоминать о том, какое влияние оказали экзистенциализм в целом, Жан-Поль Сартр и Альбер Камю на европейскую культуру XX века, на литературу, театр и кино — в первую очередь во Франции. А в 1960–1970-е годы этот творческий импульс через французскую литературу, театр и кино вернулся к одному из своих истоков — в русскую культуру. Напряженный поиск смысла человеческой жизни, столь созвучный русской душе, возродился в России спустя треть века после «философских пароходов», на которых была принудительно экспортирована в Западную Европу интеллектуальная и культурная элита страны.

Парадоксально, но современная элита глобализации — это европейцы поколения парижского «Красного мая» 1968 года. Нынешние архитекторы Европы и глобального мира — в большой степени наследники русских богоискателей, богостроителей и богоборцев, чьи мысли, чувства и поиски стали частью европейского культурного контекста и образа мышления.

Еще один исторический пример диалога русской и западноевропейской культур — история французского импрессионизма, постимпрессионизма и отчасти кубизма. Русские купцы, меценаты и коллекционеры — Шукнины и Морозовы — годами финансировали творчество Пикассо, Матисса, Ренуара и Пьера Боннера. Творческий импульс французской живописи вернулся во Францию «Русскими сезонами» Сергея Дягилева, которые в свою очередь стали открытием для французской культуры и оставили в ней долгий след.

Музыка Чайковского, Стравинского, Скрябина, Рахманинова, Шостаковича и Прокофьева, живопись Бакста, Бенуа, Врубеля, Рериха, философия Шестова, Бердяева, Соловьева, Франка, балет дягилевских «Русских сезонов» и Большого театра — таковы были послания русской культуры культуре европейской и мировой. Невозможно перечислить послания Европы, творчески и органично воспринятые и ставшие неотъемлемой частью русской культуры.

Так обстояло дело до наступления эры глобализации, когда и русская культура, и культура европейская были органическими сущностями, целостными системами, между которыми и были возможны диалог, взаимопонимание и взаимовлияние.

Сейчас же европейская культура напряженно противостоит экспансии культуры транснациональной и глобальной, а по сути англо-американской. Одновременно идет конкуренция с атомизацией и распадом культурной системы на острова субкультурных сообществ.

Русская же культура с точки зрения европейцев просто исчезает. То, что предъявляют миру и Европе российские масс-медиа, работающие на зарубежье, все более выглядит не как органическая и самобытная ценностная система, а как результат адаптации и локализации глобального культурного продукта. Причем, как всякое повторение и подражание, этот культурный субпродукт — не более чем бледная тень оригинала, никак не способная конкурировать с первоисточником. Утверждается, что таковы требования рынка. Однако продвижение российской массовой культуры от поп-музыки до поп-литературы обеспечивает армия высокооплачиваемых и квалифицированных профессионалов. Массовый культурный продукт продвигают маркетологи, специалисты по стимулированию спроса, профессионалы пиара и рекламы, психологи, журналисты и знаменитости.

¹ Депутат Европейского парламента (Латвия), президент Европейского русского альянса, доктор математики. Сопредседатель правления партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Автор ряда публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Задачи-тесты по высшей математике: Множества. Функции. Пределы. Производные», «Задачи письменных вступительных экзаменов по математике в 1983 и 1984 гг. (с решениями)», публицистических изданий: «25 вопросов Татьяне Жданок», «Европейский дневник» и др. Одна из основателей Европейского русского альянса. Награждена орденом Дружбы.

Не видно, чтобы столь же мощные силы в России работали на сохранение самобытности и способности к развитию русской культуры как оригинального явления, способного к диалогу на равных. В итоге тот российский культурный контент, что доступен жителям стран Евросоюза, вызывает интерес исключительно в русской и российской диаспоре по ностальгическим мотивам и по соображениям языкового комфорта. Массовой европейской аудитории этот продукт абсолютно не интересен в силу своей концептуальной и технологической вторичности и чуждости контекста. Естественно, что европейская культурная элита, которая могла бы стать стороной диалога, не видит в этих условиях достойного собеседника.

Вряд ли проблема воспроизводства и конкурентоспособности культуры в условиях глобализации может быть решена лишь только усилиями политических структур или государственной власти. Культура, как всякий живой организм, не конструируется, а живет и растет — при наличии условий для жизни и роста. Появление и проявление талантов — скорее событие природы и истории, а не результат государственных усилий. Творчеству Умберто Эко несколько не мешает тот факт, что экономический и политический потенциал Италии неизмеримо ниже потенциала США или Китая. А творчеству авторов российского «женского детектива» ничуть не помо-

гают ни территория, ни природные богатства, ни военный потенциал Российской Федерации.

В стремлении сохранить жизнеспособность русской культуры непродуктивно возлагать чрезмерные надежды на протекционизм и попочительство государства. Жизнь показывает, что страна с самым мощным в мире потенциалом культурной экспансии — Соединенные Штаты — вообще практически не имеет официальных структур регулирования культурных процессов, что не мешает американской культуре долгосрочно доминировать в мире и оказывать давление на культуру, например, Франции — страны с очень развитыми политическими механизмами поддержки культуры.

Однако поддержка высокого общественного статуса создателей культуры и самой культуры как абсолютной ценности — задача разумная и посильная для политической элиты. Столь же разумна и выполнима для государства задача обеспечения высокого образовательного уровня народа, что необходимо для непрерывности культурного контекста и воспроизводства культурных кодов и традиций, которые и делают народ народом. При условии, что не будет потерян буквальный смысл выражения «в русле традиций». Живая традиция — это не застойный пруд, недвижно лежащий в своем ложе. Это поток, стремящийся по своему и именно своему руслу вперед, в будущее — всегда изменяясь и всегда оставаясь собой.

В. В. Запевалов¹

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МИД РФ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Уважаемые дамы и господа, коллеги!

От имени Представительства МИДа России в Санкт-Петербурге разрешите приветствовать вас на XI Международных Лихачевских научных чтениях.

Примечательно, что наряду с такими широко известными названиями Санкт-Петербурга, как «Северная столица», «Северная Пальмира», «Культурная столица России» и многими другими в последнее время к ним добавилось еще одно — «Дипломатическая столица». В этой связи я хотел бы посвятить свое выступление определению роли Министерства иностранных дел Российской Федерации и, в частности, Представительства МИДа России в Санкт-Петербурге в международном диалоге культур, тем самым уделить основное внимание влиянию дипломатической составляющей на развитие и укрепление гуманитарных связей глобализирующегося мира.

На сегодняшний день консульское сообщество Петербурга составляют 33 генеральных консульства, 22 почетных консула, отделение посольства Республики Беларусь и три представительства международ-

ных организаций. География консульских учреждений весьма широка и представляет собой все регионы мира — от Северной Америки до Юго-Восточной Азии и Австралии, от Северной Европы до юга Африки и Латинской Америки. Следует отметить, что в отличие от дипломатических консульским учреждениям предписывается заниматься не политическими, а в основном экономическими, консульскими и не в последнюю очередь вопросами культуры.

Консульские представительства иностранных государств, аккредитованных в нашем городе, активно участвуют в культурной жизни Петербурга и в то же самое время являются проводниками своей культуры на берегах Невы. Как известно, 2010 год начался в России и во Франции под знаком «перекрестка» двух культур, благодаря чему петербуржцы и гости Северной столицы имели уникальную возможность принять участие в разноплановых мероприятиях культурно-познавательной программы.

В нынешнем году Петербург стал ареной для мероприятий в рамках начинающихся перекрестных Года России в Испании и Года России в Италии.

Помимо этого, уже традиционными для Петербурга считаются такие ежегодные акции, как фестиваль «Аромат Кореи—2010». В 2010 году он был

¹ Представитель МИД РФ в Санкт-Петербурге. В 1982 г. был избран народным судьей. С 1995-го — на дипломатической службе. Заместитель председателя Международного фонда канцлера А. М. Горчакова. Председатель редколлегии журнала «Консул».

проведен в рамках 20-летия установления дипломатических отношений между Республикой Кореей и Российской Федерацией. Фестиваль «Японская весна в Санкт-Петербурге» включает в себя около 30–40 мероприятий, направленных на популяризацию японской культуры, спорта, науки, экономики. Фестиваль «Окно в Нидерланды» представляет собой цикл деловых, культурных, научных и общественных мероприятий.

Апофеозом развития гуманитарного взаимодействия, показателем роли МИДа в международном диалоге культур стало празднование в 2003 году 300-летия Санкт-Петербурга. В рамках юбилейных торжеств в Северной столице состоялся саммит «Большой восьмерки», встреча Россия–ЕС, а также неформальная встреча глав государств СНГ, чему предшествовала большая, серьезная дипломатическая работа, в том числе и с участием сотрудников Представительства МИДа России в Петербурге. Задолго до празднования наши дипломаты как служащие федерального органа, с одной стороны, а с другой — как патриоты своего города начали активную подготовительную деятельность: доводили до сведения иностранных коллег большую значимость этого события, а также позицию города, который был готов принять вклад их стран в увековечивание их национальной памяти на страницах истории культурной столицы России. Результатом такой работы стали памятные подарки городу к его 300-летию юбилею. Так, в дар от Италии были получены бюсты четырех итальянских архитекторов на Манежной площади, от КНР — китайский «Сад дружбы» на Литейном проспекте, от Королевства Нидерланды — реставрация потерны и каземата Государева бастиона Петропавловской крепости, саженцы сакуры — от Правительства Японии и др.

Кроме этого, хочется обратить внимание на то, что Представительство МИДа России в Санкт-

Петербурге помимо своих официальных задач выполняет еще и функцию, формально не вмененную в обязанности, — сохранение лучших дипломатических традиций, являющихся составной частью культуры общества. Именно Представительством было подготовлено и проведено празднование 200-летия со дня рождения лицейского друга А. С. Пушкина — А. М. Горчакова, ставшего впоследствии министром иностранных дел России в ранге канцлера и возглавлявшего российскую внешнюю политику с 1856 по 1882 год.

В рамках юбилея по инициативе Представительства и его руководителя в то время, Чрезвычайного и Полномочного посла В. А. Лопатникова в Александровском саду был открыт бюст великого русского дипломата А. М. Горчакова и мемориальная доска на здании Генерального штаба, в котором располагалось переехавшее с Английской набережной Министерство иностранных дел России.

Представительство выступило инициатором по восстановлению доброй памяти церкви Святой равноапостольной Марии Магдалины в Павловске, бывшей церкви при императорском МИДе, где получали пасторские наставления отправлявшиеся на службу за границу российские дипломаты. Впоследствии там были похоронены известные российские дипломатические деятели Н. И. Панин и А. Б. Куракин, чьи надгробия сохранились до настоящего времени.

В завершение хочется отметить, что Представительство и впредь готово вносить свой вклад в развитие культурного взаимодействия между государствами. Желаю всем участникам XI Международных Лихачевских научных чтений плодотворной работы и успехов в деле сохранения богатого культурного наследия нашего Отечества, к чему нас на протяжении всей своей жизни призывал незабвенный академик Д. С. Лихачев.

Марьям Й. Катагум¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: НИГЕРИЙСКИЙ ОПЫТ

Введение

Я хочу поблагодарить организаторов этой широко известной конференции за приглашение, которое я получаю уже второй раз. Сегодня я хочу представить вашему вниманию размышления на тему: «Диалог культур в условиях глобализации в контексте Нигерии».

Любые рассуждения о глобализации полезно начинать с определения терминов. Сегодня термин «глобализация» получил несколько различных трактовок. Например, глобализация была определена как процесс, который охватывает причины, направление и последствия транснациональной и межкультурной интеграции человеческой деятельности и деятельности, не относящейся к чело-

веку². Х. Дж. Дж. Г. Биркенс (H. J. J. G. Beerkens) определил глобализацию как состояние, в котором «мировая взаимосвязь между национальными государствами объясняется самим этим термином: процесс, при котором основные социальные институты существуют в отрыве от пространственного контекста национальных государств, вследствие ускорения, рассеяния и расширения транснациональных потоков, включающих людей, товары, финансы, идеи и информацию»³.

Эти определения представляют некоторые современные кодификации факторов, которые, как

² *Al-Rodhan N. R. F., Stoudmann G. Definitions of Globalization: A Comprehensive Overview and a Proposed Definition // Geneva Centre for Security Studies, June 19, 2006.*

³ *Beerkens H. J. J. G. Global Opportunities and Institutional Embeddedness, Higher Education Consortia in Europe and Southeast Asia // University of Twente. 2004.*

¹ Посол, Постоянный представитель Федеративной Республики Нигерия в ЮНЕСКО.

оказалось, являются важными характеристиками глобализации.

Как установлено, впервые термин «глобализация» был использован в 1952 году для обозначения холистического взгляда на опыт человека в образовании, но далее, в 1960-х годах, его начали широко применять экономисты и социологи, чтобы описывать развитие свободной торговли, а также быстрое развитие информационных технологий и науки о коммуникации¹.

Глобализация породила страхи, сомнения и порой полное недоверие во многих обществах, в том числе африканских. В основном глобализация воспринималась (и зачастую небезосновательно) негативно из-за влияния на развивающиеся страны, а также в силу того, что она способствовала разрушению некоторых культур в результате попыток насаждения иностранных культур, наполнения рынка иностранными товарами и другими ценностями с целью обогащения очень незначительного числа учреждений, стран и отдельных личностей, что нанесло ущерб многим людям, которые продолжают чахнуть в нищете и лишениях. Таким образом, развивающиеся страны в целом воспринимают глобализацию как инструмент, которым пользуются западные страны, чтобы экономически подавить и дезориентировать их. Тем не менее глобализация имеет как отрицательные, так и положительные стороны.

Положительные и отрицательные аспекты глобализации

Найеф Р. Ф. Аль-Родан и Жерар Студманн в 2006 году систематизировали негативные и позитивные эффекты глобализации (см. таблицу):

<i>Позитивные стороны глобализации</i>	<i>Негативные стороны глобализации</i>
Глобализация открывает людям возможность познакомиться с другими культурами, творческими процессами, идеями и ценностями	Вследствие взаимодействия культур некоторые культуры «размываются» и/или разрушаются за счет других. Негативные ценности относительно беспрепятственно распространяются по всему миру
Информационно-коммуникационные технологии упростили взаимодействие между странами и народами	Мир оказался разделенным, с одной стороны, на тех, кто «подключен», обладает информацией и монополией практически на все, с другой — на тех, кто «отрезан», то есть не располагающих информацией и практически ничем не владеющих
Глобализация упростила международную торговлю и коммерческие отношения, а также зарубежные инвестиции и движение капитала	Глобализация стимулировала нелегальную торговлю наркотиками, проституцию, порнографию, незаконную миграцию, сбрасывание опасных отходов и истощение окружающей среды беспринципными предпринимателями

¹ Beerkens H. J. J. G. Op. cit.

Глобализация открыла границы для рынка труда и поспособствовала «обмену мозгов»	Глобализация содействовала «утечке мозгов» из развивающихся стран, уменьшая, таким образом, их кадровый потенциал
Глобализация установила новые правила, интегрирующие мировые рынки	Глобализация установила новые глобальные правила, которые еще больше вытеснили на обочину нищие африканские страны и народы; особенно это касается сферы торговли

Как показано в таблице, практически для каждого положительного аспекта глобализации существует вероятность негативных последствий как уступка требованиям глобализации. Например, достижения в сфере информационно-коммуникационных технологий обусловили внушительный прогресс в сфере взаимодействия культур и народов, однако наряду с этим они разделили мир цифровым барьером, еще более расширяющейся пропастью между теми, кто «подключен», кто информирован и имеет монополию практически на все, и теми, кто «отрезан», то есть не располагает информацией и практически ничем не владеет.

Еще один пример. Притом что мы приветствуем содействие международной торговле и коммерческим отношениям, мы не должны закрывать глаза на негативные стороны глобализации, которая в странах со слаборазвитыми информационными структурами привела к возрастанию незаконной торговли наркотиками, проституции, торговле людьми и загрязнению окружающей среды опасными отходами. В этом же контексте следует упомянуть, что Интернет и компьютерные информационные технологии увеличивают вероятность обширной культурной экспансии в жизнь народов, что сопровождается неуважительным отношением к их культурным и этическим нормам.

Создает ли глобализация условия для «диалога культур»?

Глобализация стала неотъемлемой частью человеческого существования. Однако культуры нуждаются в защите, поскольку являются абсолютным базисом человеческой идентичности. Все свидетельствует о том, что мир вынужден смириться с объединением культур и глобализацией. Фундаментальным остается вопрос о том, не являются ли факторы, лежащие в основе этих двух явлений, противоречивыми, а также носит ли их взаимодействие взаимовыгодный характер?

Культура — это общие особенности поведения и взаимодействия, когнитивные процессы, а также эмоциональное понимание — все то, что формируется в процессе социализации. Эти общие черты идентифицируют членов культурной группы и наряду с этим отличают эту группу от другой².

² См.: Center for Advanced Research on Language Acquisition. URL: <http://www.carla.umn.edu/culture/definitions.html> (Дата обращения: 8.03.2011).

Что делает народы уникальными, так это их культурная идентичность и практическая деятельность. Таким образом, следует задаться вопросом: если культуру «размывать», то повысит ли это ее ценность или, напротив, снизит? Хотя глобализация по мере взаимодействия культур открывает двери другим культурам и творческим процессам, способствует приливу идей и других ценностей, однако некоторые культуры как бы «разжижаются» и/или разрушаются под воздействием других, а негативные явления получают возможность относительно беспрепятственно распространяться по всему миру. Более того, следует отметить, что вследствие глобализации границы стираются, а быстрый обмен информацией при помощи Интернета, телефона и других средств коммуникации значительно влияет на время доставки информации, а также на ту скорость, с которой люди усваивают новые образцы поведения, культуру и воззрения.

Процесс взаимообмена, который начинается каждый раз при взаимодействии двух культур, играет большую роль в диалоге культур. Когда люди делятся информацией, то они перенимают знания друг у друга, то есть вступают в диалог. Поэтому можно утверждать, что глобализация прокладывает путь и создает все условия для обмена и диалога культур.

Мультикультурализм, культурный плюрализм как глобальная культура

Взаимодействие культур всегда способствовало процессу обучения, развитию и прогрессу, принося пользу человечеству в целом.

Глобализация привела к ускорению и интенсификации этих взаимосвязей. Появляются глобальные концепции, касающиеся прав человека, свободы, демократизации, добросовестного правления, культуры мира, свободной торговли, гендерного равенства и т. д. Глобальная музыкальная индустрия стала единой структурой, одни и те же музыкальные клипы могут быть популярны, например, в Нью-Йорке и Абудже одновременно.

Роль языка

Изучение языков подразумевает поликультурное образование. Каждый язык рассказывает историю своей цивилизации. Следовательно, знание еще одного языка обогащает человека знанием еще одной цивилизации и ее сокровищницы. В период глобализации для процесса взаимного обогащения культур большое значение приобретает язык. Я хочу процитировать бывшего Генерального директора ЮНЕСКО г-на Коитиро Мацууру, который сказал: «Глобализация оказывает влияние на использование, знание и усвоение языков. Язык является средством, при помощи которого люди понимают друг друга, выражают свои эмоции и передают друг другу культурные ценности и социальные практики»¹. И действительно, язык — это определяющий фактор в сфере культурной идентичности.

¹ См.: *Matsuura K. Statement // Globalization and Language: Building on our Rich Heritage, International Conference. Tokyo, Japan, 27–28 August, 2008.*

Рынок труда, а также базовые языковые требования к современным специалистам постоянно напоминают нам о непрекращающейся гонке с целью приспособления к постоянно сужающейся «глобальной деревне». В этой гонке величина разрыва между теми, кто смог приспособиться, и теми, кто не смог, отчасти определяется тем, как они умеют общаться на других языках. Это означает, что чем меньше языковая пропасть, тем выше ценится специалист и тем больше его шансы на успех как в профессиональной, так в любой другой сфере деятельности.

Пытаясь облегчить взаимопонимание, страны и организации стремятся выбрать несколько языков в качестве «официальных» языков общения. Например, в Нигерии с начала независимости официальным языком остается английский. С другой стороны, если принять во внимание национальную ситуацию, то в Нигерии для общенационального использования имеются три главных нигерийских языка: хауса — на нем говорят на севере, игбо — на востоке и йоруба — на западе. Предпринимаются попытки приспособить как можно большее число других языков (из трехсот пятидесяти языков и диалектов, распространенных в стране) и вывести их на государственный уровень, чтобы таким образом снизить риск их исчезновения.

Нигерия в глобализирующемся мире

Большинство работ о глобализации в Африке сосредоточивается на ее негативных сторонах и последствиях. Кроме упоминающихся в большинстве случаев утечек финансового и человеческого капитала, интернет-мошенничества, зарубежной помощи и чрезмерной зависимости от добычи природных ископаемых, следует обратить внимание на то, что Африка поддерживала и продолжает содействовать диалогу культур, проводимому на платформе глобализации.

Благодаря своему интеллектуальному и мультикультурному вкладу, а также быстрому развитию киноиндустрии и музыки Нигерия является активным участником культурного обмена с другими африканскими странами и всем миром. В то же время Нигерия старается сохранить свою традиционную культуру нетронутой и при этом использовать те современные возможности, которые предоставляет глобализация.

Трансграничная мобильность и феномен «утечки/притока мозгов»

По статистике каждый пятый встреченный вами сегодня африканец окажется нигерийцем. Более того, в мировом масштабе этот факт подтверждается числом мигрантов из Нигерии, а также достижениями, которых они добились за пределами своей страны. В результате экономической депрессии, которая негативно сказалась на многих развивающихся странах в 1980-х годах, а также вследствие навязанных Международным валютным фондом программ по структурным реформам многие нигерийские специалисты покинули родину и отправились в северном

направлении, увозя свои навыки и культуру, что породило беспокойство по поводу «утечки мозгов». Такой отъезд специалистов стал одним из оснований для взаимопроникновения культур, интеграции и даже своего рода «любви» между местным африканским и западным интеллектуально-технологическим «ноу-хау». На этой интеллектуально-научной платформе многие нигерийские ученые нашли свое место на новообретенной западной родине, привнеся туда свой национальный опыт, что иногда приводило к развитию новых дисциплин. Например, знания в традиционной медицине и динамизм африканского сообщества создали платформу для развития в западных университетах новых направлений африканских исследований и дисциплин. Совместные образовательные программы университетов Африки и Запада, увеличение числа стажировок и участия в научных проектах на основе совместного интеллектуального опыта, подкрепленного информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), отражают взаимосвязь и междисциплинарность при осознании разнообразия мира, в котором мы живем.

Наряду с тем, что нигерийцы гордятся своими достижениями, они также осознают огромную потребность в образованных и квалифицированных кадрах для развития своей страны. Правительство прилагает все усилия, чтобы разработать пути и средства для создания каналов, при помощи которых они смогут продолжать свое дело по содействию национальному развитию.

Совместные плоды ИКТ, науки и технологии

Быстрое развитие и распространение ИКТ является главным каналом для расширенного культурного обмена в том виде, в котором он предстает сегодня. Как отмечалось, «ИКТ обладают потенциалом, чтобы способствовать развитию культур и, таким образом, развитию межкультурного диалога и, в конечном итоге, мира»¹. ИКТ также поощряют и укрепляют инновации и креативность, и все это оказалось актуальным для Нигерии. Иностранное влияние — через Интернет, телевидение и другие средства коммуникации — привносит новые культуры, и благодаря обеспеченности техническими средствами обмен культурным опытом в полном объеме происходит и вводится в практику значительно быстрее. Сегодня в Нигерии плотность телефонных сетей составляет около 50 %, они включают более 70 млн телефонных линий, что составляет самую крупную в Африке базу для более 280 млн подписчиков² — и это при том, что показатель 2000 года был равен 0,4 %. Открытость новым культурам и интеллектуальным стимулам дала нигерийцам возможность способствовать прогрессу обществ, принявших их, что привело к новым изобретениям. В 2008 году в средствах массовой информации широко освещалось изобретение нигерийского инженера Джелани Алию, предложившего экологически чистый автомобиль, «Шевроле-Вольт», который корпорация

«General Motors»³ назвала американской революцией. Инженер Джелани Алию получил образование как в нигерийской, так и в американской образовательных системах и снискал известность тем, что сумел решить проблему экологичности в автомобильной индустрии. Можно и дальше приводить примеры, касающиеся нигерийских работников умственного труда, которые оказались на передовых позициях и сделали выдающиеся открытия на благо своей новой родины, оставаясь при этом верными африканской культуре. Сейчас Нигерия пытается обратить вспять «утечку мозгов» и поддержать «приток интеллекта», организовав в диаспоре ассоциации образованных и квалифицированных нигерийцев, предлагая им стимул и мотивацию для реализации накопленного профессионального опыта как посильного вклада в дело развития своей страны.

Нигерийская индустрия музыки, кино и моды

Музыка, кино и мода стали еще одним существенным поводом для позитивного разговора о взаимодействии культур, традиций и торговых потенциалов в Нигерии.

Нигерию справедливо называют «сердцем африканской музыки». Именно здесь получили развитие такие музыкальные стили, как западноафриканская «музыка хайлайф» и «пальмовое вино», являющиеся сочетанием местных ритмов с музыкальными традициями Конго, положившим начало развитию ряда популярных музыкальных стилей, присущих только Нигерии, таким как: «апала (apala)», «фуджи (fuji)», «джуджу (juju)», «Йо-поп (Yo-pop)». Впоследствии нигерийские музыканты создали собственные музыкальные стили на основе американского хип-хопа и ямайского регги. Нигерийская музыка получила международное признание не только в качестве фолк- или поп-музыки, но и в качестве западной арт-музыки. Во многих африканских странах нигерийская музыка сейчас считается хитом, преодолевающим барьеры языковых различий⁴. Ронни Грэм, историк, специалист по Западной Африке, успех нигерийской музыки объяснил культурными особенностями нашей страны, а именно «жаждой эстетических достижений и вкусом к жизни, любви и музыке».

Любые рассуждения о вкладе Нигерии в глобальную культуру будут неполными, если не вспомнить о сегодняшней огромной киноиндустрии — феномене «Нолливуда». «Нолливуд» (по аналогии с «Болливудом» в Индии и Голливудом в США) возник как своего рода эксперимент в 1990-х годах, который кинематографисты придумали в ответ на экономический спад в стране. Вскоре он вырос в полномасштабную киноиндустрию стоимостью более 15 млрд найр. Нигерийская киноиндустрия, сейчас широко известная и привлекающая к себе внимание глобального кинематографа, считается одним

³ См.: A Nigerian Designs a revolutionary Car in the US // Africa News. 2008. 8 February. URL: <http://www.afric-news.com/article12558.html> (Дата обращения: 9.03.2011).

⁴ См.: Music of Nigeria. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Music_of_Nigeria (Дата обращения: 7.03.2011).

¹ Matsuura K. Op. cit. P. 29.

² См.: http://www.africanmanager.com/site_eng/articles/14192.html (Дата обращения: 9.03.2011).

из положительных культурных вкладов Нигерии в международное сообщество¹.

Третья индустрия, отражающая культурный плюрализм в Нигерии, — дизайн модной одежды. В этой области Нигерия славится оригинальностью, когда наряды в иностранном стиле выполняются из традиционных нигерийских тканей. Местные модельеры — Муди, Дакова, Франк Ошоиди, Мауфе-чи, Галеро, получившие международное признание и ставшие своего рода культурными посланцами Нигерии, проникаются духом иноземных культур и солидаризируются с широкими возможностями глобализации, экспортируя в то же время широко известные нигерийские традиционные ткани в четыре части света.

Заключение

Глобализация как фактор международного развития навлекла на себя критику, вызванную гегемонией Запада, ориентацией на повышение материального благополучия богатых за счет бедных, а также потенциальной опасностью нежелательных моральных последствий и вероятностью распространения неприятных побочных культурных продуктов.

Таким образом, глобализация не так уж хороша. Но и не так уж плоха. Действительно, отдельные аспекты сложного и многостороннего процесса глобализации оказывают влияние, которое можно рассматривать в разных ракурсах в зависимости от того, какие именно ценности выдвигаются на пер-

вый план². Отсюда насущная необходимость в том, чтобы усилить ответственность в деле защиты и сбережения культуры в качестве ключевого и жизненно важного элемента, что поможет сохранить ее положительное влияние, индивидуальность и особенности каждого народа, не ставя при этом преград на пути развития и прогресса.

Все это мы наблюдаем на примере целого ряда элементов культуры, зарождающихся сейчас в современной Нигерии.

Мультикультурализм и плюрализм уже сформировались в качестве позитивных продуктов глобализации и проявили себя в Нигерии. Они ощущаются также в деятельности специалистов из нигерийской диаспоры, которые, оставаясь истинными посланниками Нигерии и ее культуры, работают на благо других стран и стремятся к тому, чтобы их профессиональные знания и навыки способствовали развитию их родной Нигерии.

Все это характерно не только для Нигерии, но и еще для ряда развивающихся стран, которые в настоящее время удачно используют возможности, предложенные глобализацией.

Международная солидарность и сотрудничество должны стать залогом того, чтобы позитивные стороны глобализации способствовали всеобщему прогрессу и чтобы человечество совместными усилиями смягчило воздействие ее отрицательных сторон, особенно в отношении наиболее уязвимых групп населения.

Вальтер Лейслер Кип³

ШАНСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Обеспечение мира на Земле

Итогом переговоров президента СССР Михаила Горбачева и президента США Джорджа Буша-старшего в начале 1990 года стало сохранение мира (прежде всего в Европе) и окончание эпохи холодной войны. Они продемонстрировали глубокое понимание проблем и готовность к решительным действиям.

¹ См.: <http://www.nollywoodfoundation.org/html/nollywood.html> (Дата обращения: 7.03.2011).

² См.: *Rothenberk L. E. Globalization 101: Issues in Global Education, The Three Tensions of Globalization // Occasional Papers from the American Forum for Global Education. 2002–2003. № 176.*

³ Общественный и государственный деятель ФРГ, доктор. Член Христианско-демократического союза с 1961 г. Казначей партии (1971–1972). Неоднократно избирался в бундестаг с 1965 г. Министр финансов федеральной земли Нижняя Саксония (1976–1980). Председатель общества «Атлантический мост» (1984–2000). Президент немецкого университета «Европен Бизнес Скул» (European Business School) с 1994 г., почетный член сената Технического университета «Горная академия» (Фрайберг), член сената Колумбийского университета (Нью-Йорк), член Трехсторонней комиссии по содействию европейско-американско-японскому сотрудничеству (Нью-Йорк) с 1994 г. Председатель совета фонда «Молодежь за взаимопонимание». Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Куда идет Европа?», «Мосты моей жизни — воспоминания» и др. Награжден Большим крестом «За заслуги» Федеральной Республики Германия.

В результате переговоров двух президентов страны Восточной Европы обрели самостоятельность, а также были мирно объединены два немецких государства. Помимо этого, Горбачев и Буш-старший сделали возможной окончательную трансформацию Европейского Союза в общеевропейскую структуру.

При этом президенту Горбачеву удалось сохранить значимость России как великой державы, которая поддерживает тесные связи с государствами Центральной Азии.

Европа

Российская Федерация, большое и значимое государство, занимает большую часть территории Евразийского континента. Так как Россия является европейским государством, следует констатировать, что европейское культурное и экономическое пространство охватывает территорию между Атлантическим и Тихим океанами. Население Европы составляет 830 млн человек. Россия благодаря богатым сырьевым и энергетическим ресурсам является одним из важных участников на этом культурном и экономическом пространстве.

Мирное окончание холодной войны, утверждение финансовой самостоятельности Российской

Федерации, расширение Европейского Союза (27 участников) и реальное партнерство между Россией и ЕС сделали возможным усиление значимости европейского культурного и экономического пространства в процессах глобализации.

Глобализация

Названные процессы, происходящие в Европе, способствовали разграничению центров экономической мощи в мире, а технический прогресс (прежде всего электронные микросхемы, контейнерные перевозки и авиация) сделал наш мир более прозрачным и сжал временные границы между разными его частями. Мы обязаны использовать глобализацию как шанс для мирного развития нашей планеты!

Когда недавно руководители Китая и США обсудили проблемы, стоящие перед двумя государствами, и возможности сотрудничества, то многие осознали влияние глобализации и ее возможности: стало возможно сотрудничество на основе компромисса, который может способствовать установлению взаимопонимания и сотрудничества в интересах народов.

Россия и Германия

Я убежден в том, что россияне и немцы хотя и достигли определенных результатов в культурном и экономическом сотрудничестве, но, как говорят в США, лишь едва затронули общие проблемы.

Россия и Германия после мирного окончания холодной войны не имеют права терять время и должны наладить сотрудничество в сфере безопасности, что предполагает взаимодействие с Североатлантическим альянсом (НАТО). После окончания холодной войны НАТО больше не является средством устрашения для уже несуществующего Советского Союза. Североатлантический альянс превратился в инструмент обеспечения мира в глобальном масштабе. НАТО должно рассказать об этой роли всем участникам европейского культурного и экономического пространства, включая Россию, а также государствам во всем мире. По моему мнению, понимание новой роли НАТО не является достаточным для того чтобы начать процесс постепенного ядерного разоружения в нашем глобализованном мире.

Россия и Германия должны помогать друг другу в экономическом развитии, что также означает

налаживание тесных связей между предприятиями обоих государств. В России практически отсутствуют средние семейные предприятия в сфере производства и торговли. В Германии такие компании являются опорой экономики. При этом необходимо отметить, что средние предприятия особо восприимчивы к инновациям, потому что они должны выдерживать постоянную конкуренцию с другими участниками рынка. Этот факт подтверждается большим количеством патентов, зарегистрированных средними предприятиями. Привить такую предпринимательскую культуру в России достаточно сложно, так как средние предприятия инвестируют в развитие своего бизнеса за рубежом, соблюдая осторожность.

Заинтересованным молодым россиянам необходимо предоставить возможность ознакомления с подобными предприятиями, прежде всего семейными, в ходе посещения Германии. Подобная форма экспресс-образования должна помочь молодым людям понять механизмы повседневной работы средних предприятий в таких областях, как инновационная деятельность, маркетинг, менеджмент. Они должны увидеть, как эти предприятия конкурируют друг с другом. На основе увиденного россияне должны решить, каким образом такая модель предпринимательства может быть реализована в России.

Россия может поддержать экономическое развитие Германии, инвестируя капитал в большие и средние немецкие компании. Одна из основных проблем немецких компаний — недостаточный объем собственного капитала. Российские инвестиции в Германии помогли бы усилить позиции немецких компаний в глобальной конкуренции и, кроме того, способствовали бы трансферу технологий из Западной Европы в Россию. Россия как поставщик сырья и энергоносителей и Германия как государство с высокотехнологичной экономикой могли бы усилить позиции друг друга в целях успешной конкуренции с другими глобальными экономическими игроками. Германия также может способствовать изменению в лучшую сторону отношения Европейского Союза к взаимосвязям между различными компаниями.

Арман Клесс¹

ПРЕДПОСЫЛКИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Одна из главных целей диалога цивилизаций — лучше узнать об обычаях (*mœurs et coutumes*; *Sitten und Gebräuche*²), существующих в различных стра-

¹ Директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор. Автор и редактор ряда трудов по проблемам европейской и международной политики, в т. ч.: «Отношения Россия–Евросоюз: новые вызовы и возможности», «Жизнеспособность России», «The vitality of China and the Chinese», «Beyond East-West confrontation: searching for a new security structure in Europe»; «The vitality of Japan: sources of national strength and weakness»; «The Euro as a stabilizer in the international economic system», «Europa auf dem Weg zur Weltordnung?»

² Нравы и привычки (*фр., нем.*) — прим. пер.

нах, о повседневной жизни людей и обществ во всех сферах деятельности (не только в области культуры). Это необходимо для предотвращения недопонимания, причиной которого часто становится неосведомленность, и, таким образом, избегания разногласий и трений, провоцирующих споры, конфликты и даже войны. Диалог способствует взаимному обогащению и совершенствованию, созданию достойного международного общества, основанного на взаимном уважении, доверии, а также на взаимном сотрудничестве, когда ставятся глобальные задачи. Безуслов-

но, слияние цивилизаций, конвергенция, создание глобальной, или всемирной цивилизации не должны стать целью такого диалога. Существующее сегодня цивилизационное и культурное многообразие необходимо не только сохранять, но и укреплять.

Условия диалога

Для содержательного диалога цивилизаций необходима уверенность в себе участников диалога. Недостаток уверенности ведет к замкнутости, нежеланию сотрудничать с другими. Также должны присутствовать способность к самокритике, умение сомневаться в себе, способность не абсолютизировать свою культуру, рассматривать собственную цивилизацию в ее взаимосвязи с другими. Не менее важны взвешенность и непредвзятость, желание узнать и признать различия, скромность, которая позволит увидеть не только свои сильные стороны, но и недостатки, а также осознание недолговечности любых человеческих усилий. Чрезвычайно важны эмпатия, то есть способность понимать и разделять чувства и взгляды других, глубокие всесторонние знания о других цивилизациях, космополитизм, открытость миру (*нем.* Weltoffenheit).

Среди факторов, препятствующих диалогу цивилизаций, — культурный аутизм и стремление к культурной автаркии. Немалый вред наносит стремление к культурному монизму, отрицающему ценность других цивилизационных моделей, этноцентризму, а также к любому проявлению чувства превосходства, которое превозносит собственную цивилизацию и ставит ее выше остальных. Подобные настроения, подпитываемые колонизаторскими устремлениями государств, долгое время существовали на Западе и в Азии, например в Китае и Японии, а также между различными этническими группами в Африке.

Рост фобий

В настоящее время наблюдается рост нетерпимости, ксенофобии, расизма (в частности, исламофобии на Западе), национального эгоизма, а также коммунитаризма и даже трайбализма.

Канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Николя Саркози, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявили о крахе идей мультикультурализма. Другие европейские политические лидеры разделяют это мнение. Фактически подразумевается, что должен возобладать монокультурализм (то, что немцы называют *Leitkultur*), когда главенствующая культура призвана направлять и в некотором смысле доминировать над другими. Такой подход подразумевает существование иерархии культур. Лидеры европейских стран говорят о том, что хотят применить этот подход только к своему обществу, но фактически это означает наличие чувства превосходства и желание вытеснить все инородное.

Этот спор также свидетельствует о том, что глобализация — это экономическая уловка, которая обеспечивает беспрепятственное движение товаров и в определенной степени людей при условии, что они

имеют высокую квалификацию. Это означает, что производство перемещается в регионы, где себестоимость будет наиболее низкой, что влечет за собой привлечение сторонних ресурсов и делокализацию, использование природных и трудовых ресурсов всей планеты. Все это ведет к сокращению объема вмешательства государства в экономику и одновременно к стандартизации, унификации и вестернизации (прежде всего к американизации), а следовательно, к утрате многообразия. Парадоксально, но факт: психологически одобрение глобализации часто сопровождается явлениями национализма и местечковости. Люди больше путешествуют, но это вовсе не означает, что они лучше узнают различные культуры. Иногда мобильность может укреплять предрассудки.

Более того, глобализация порой вызывает чувство «нехватки воздуха», люди стремятся к уединению в изолированных местах, поиску простых решений возникающих проблем. Глобализация может спровоцировать поиск людей, на которых можно переложить вину и ответственность, — иностранцев, людей другой расы, мигрантов — и усиливать ощущение утраты связи с корнями, нравственных ориентиров и распада идентичности.

Иллюстрацией подобных тенденций могут служить разрушение эстетических стандартов, увеличивающаяся интеллектуальная дезориентация, осуществляемая в рамках постмодернизма, прежде всего деконструкция искусства, философии и этики под девизом «Все дозволено».

Как обеспечить равные условия в споре между единством и многообразием? В истории цивилизаций происходила борьба одной цивилизационной модели, полагающей себя превосходящей, с другой (другими). Это превосходство давало право навязывать другим собственные цивилизационные стандарты, в том числе религию (*mission civilisatrice*¹), право завоевывать, доминировать и даже истреблять народы, искоренять их культуру, как, например, поступили испанцы в Южной Америке.

История цивилизаций — это история столкновения цивилизаций. В этом Самюэль Хантингтон был прав, даже если его основной целью было показать, что все больше людей в мире, особенно его исламская часть, отвергают американскую модель. Ислам вызывает страх, так как, имея сильные религиозные и культурные корни, он может оказывать сопротивление и противостоять американской модели, в то время как Китай и другие страны, одержимые потребительством, не представляют сильной угрозы.

Столкновение социальных доктрин

Почему не складываются отношения между цивилизациями? В дискуссии о взаимоотношениях Запада и ислама большую роль играют стереотипы, клевета, искажение действительности. Все больше людей на Западе, в том числе эксперты, политики и журналисты, пропагандируют искаженный образ ислама, часто разжигая тысячелетние страхи — «турки под Веной». Можно наблюдать, как растерянный

¹ Цивилизаторская миссия (*фр.*) — прим. пер.

и беспомощный западный истеблишмент использует исламофобию как инструмент.

Эти страхи иногда могут выражать искреннюю озабоченность решением проблемы. Но чаще они отражают скрытое чувство неполноценности, которое испытывает секуляризованное, материалистическое, псевдогедонистическое и бездуховное общество Запада по отношению к исламскому миру, чьи твердые убеждения подкрепляются миссионерским рвением; тревогу стареющего Запада (в отличие от демографически динамичного исламского мира); более обобщенно — ощущение необратимости краха Запада, который постепенно утрачивает основания для высокомерия. Эти чувства, безусловно, подогреваются остатками прежнего колониализма, привычкой считать другие культуры второсортными и недостойными уважения.

Некоторое напряжение, несомненно, возникает вследствие расхождения социальных доктрин. Например, гендерный вопрос: в соответствии с западными модернистскими взглядами мужчины и женщины не только имеют равные права, но и играют равные роли в семейной жизни, на работе, в отношениях между полами, то есть Запад подспудно стремится построить общество унисекса, в то время как ислам утверждает одинаково уважительное отношение к мужчинам и женщинам, но предписывает им разные роли.

Подобное расхождение во взглядах касается и проблемы, связанной с правами гомосексуалистов. Запад проповедует идеи, что гомосексуальность не менее ценна, чем гетеросексуальность, что гомосексуалисты должны иметь право вступать в брак, создавать семью и иметь детей. Аналогичное расхождение позиций наблюдается и по таким основным этическим вопросам, как аборт и эвтаназия.

Постоянно муссируется вопрос о политической системе: Запад провозглашает, что западная демократия — это единственно верная политическая система, и утверждает, что ислам несовместим с демократией, а значит, и с основными свободами, автономией личности и самоопределением.

То же самое касается и роли религии: Запад настаивает на необходимости отделения церкви от государства, а исламские общества следуют законам шариата, который определяет религиозные и мирские обязанности каждого.

Следующий пример связан с понятием «честь», которое в западном обществе преимущественно считается устаревшим и даже вредным. В отличие от исламских государств, западные страны не считают, что мужская честь отличается от женской, и не признают права на защиту чести. Действительно, западное общество полностью отказалось от понятия «честь».

Все это означает, что темой споров становятся основные ценности и убеждения, такие как разум, терпимость, справедливость и независимость, а также уважение и солидарность. Эти ключевые ценности создают основу для диалога, но в то же время ограничивают его.

По сути, терпимость — не более чем практический механизм, временное соглашение, позволяющее сохранить существующее положение вещей, не допустить эскалации насилия, всплеска фанатизма. Терпимость, однако, не может быть бесконечной: рано или поздно она приведет к истинному уважению или перерастет в нетерпимость. В качестве примера можно привести знаменитый Нантский эдикт, подписанный французским королем Генрихом IV в 1598 году, который даровал свободу вероисповедания протестантам. Он был отменен Людовиком XIV в 1685 году.

Также можно привести пример Нидерландов, где система свободы вероисповедания позволила долгое время мирно сосуществовать католикам и протестантам в законодательно оформленных общинах (система консоциальной демократии). Эта система начала разрушаться в 1960-х годах и со временем исчезла. Нидерланды вплотную подошли к границе, преодолев которую это общество станет одним из самых нетерпимых в Европе. Хотя эта нетерпимость не касается различных христианских сообществ, а в основном имеет место между секуляризованным коренным населением и мусульманами-иммигрантами.

Минимальный этический кодекс

Для поддержания содержательного диалога между цивилизациями необходимо разработать и принять минимальный этический кодекс, который почитался бы всеми цивилизациями. Соблюдение выработанных правил сделало бы диалог реальным и постоянным. Кроме различий и расхождений, должен существовать общий набор норм и ценностей, которые будут почитаться не только западными странами, но и во всем мире и заложат фундамент достойного международного сообщества. Среди правил можно выделить: уважение физической и психологической неприкосновенности человека, достоинства личности, многообразия мнений, убеждений и вероисповеданий; сострадание и эмпатию; благородство и солидарность; стремление к юридической, политической, социальной и экономической справедливости; участие и вовлечение всех граждан в общественные процессы; отказ от унижения и угнетения, эксплуатации и дискриминации людей.

Без соблюдения этих правил даже самая утонченная цивилизация останется варварской по своей сути. Изысканного вкуса в музыке и искусствах, утонченных художественных творений и выдающихся научных достижений недостаточно. Необходимы благородство сердца, чувство всеединства и ответственности за весь мир, преодолевающие узкие рамки национальных и региональных границ. Отдельным цивилизациям придется отказаться от тысячелетнего высокомерия и ощущения своего превосходства, которые стали причиной непонимания, конфликтов, геноцида и культурного уничтожения. Такой диалог противоположен прозелитизму и должен осуществляться на основе уважения особенностей, склонностей и предпочтений всех участников.

В. Б. Кувалдин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСОМ

Финансово-экономический кризис 2007–2009 годов — первый кризис глобального мира. Как любой серьезный кризис, будучи моментом истины, он дал нам бесценный материал для понимания многих процессов, происходящих в современном мире. В частности, он выступил строгим экзаменатором национально-государственных систем во всех сферах деятельности.

Чтобы трезво оценить степень строгости устроенного экзамена, надо сначала охарактеризовать самого экзаменатора. Конечно, сравнение последнего кризиса с Великим кризисом 1929–1933 годов, которым нередко грешили в научных дискуссиях и публицистике, не выдерживает критики. По всем объективным критериям он явно не «тянул» на вселенскую катастрофу, подобную той, которая разразилась в 1930-х годах. Он выделялся своими масштабами лишь на фоне довольно мягких кризисов второй половины XX века. Хотя надо отметить, что кризис середины 1970-х годов и последовавшая за ним стагнация были, пожалуй, не менее суровым испытанием для национальных экономик и мирового хозяйства в целом.

Прошедший кризис мало сопоставим с его грозным предшественником не только по масштабу, но и по существу. Великий кризис был порождением тяжелейшего срыва процесса глобализации, который бурно и успешно развивался на протяжении всего XIX века, но явно забуксовал в начале прошлого столетия. Многочисленные нарушения естественного порядка вещей и хода событий в формирующихся глобальных системах привели к чудовищным выбросам первой половины XX века — Первой и Второй мировым войнам, Великому кризису, революционным потрясениям, фашистским переворотам, разделам и переделам мира наиболее крупными игроками.

Нынешний кризис — кризис роста, становления глобального мира, подгонки и «притирки» его основных компонентов. Ему предшествовала целая цепь региональных кризисов, прокатившихся по миру на рубеже веков: Юго-Восточная Азия (1997–1998), Россия (1998), Латинская Америка (1998–2001). Он тоже начался как региональный кризис в Северной Америке, но, поскольку речь идет о самом центре современной мировой экономической и политической системы, то быстро приобрел глобальный характер (вот здесь аналогия с Великим кризисом 1929–1933 годов работает, но не надо его слишком увлекаться).

¹ Заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. книг: «Интеллигенция в послевоенной Италии», «Американский капитализм и интеллигенция: историко-социологический очерк», «Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения» и др. Член исполкома Горбачев-Фонда.

Коренным образом различаются и пути преодоления двух кризисов, разделенных большим, весьма насыщенным событиями и значимым промежуток исторического развития в восемь десятилетий. Оказавшиеся под ударами Великого кризиса национально-государственные образования пытались спастись (и погибли!) в одиночку. Нынешний кризис преодолевался коллективными усилиями всех ведущих государств планеты. Можно спорить о степени их продуманности, основательности и эффективности, но принципиальное различие подходов налицо.

Рискнем предположить, что и последствия прошедшего кризиса будут совсем иными, чем в 1930-е годы. Великий кризис был во многом порождением Первой мировой войны и важнейшей причиной возникновения Второй. В нынешнем кризисе проявились тектонические сдвиги, происходящие в глобальной экономике и мировой политике. Суть их заключается в следующем: глобальному миру, сформированному по американским лекалам, стало тесно и дискомфортно в его первоначальной упаковке, и он ищет новые, более гибкие и перспективные формы внутренней организации.

В настоящее время, похоже, кризис завершился или завершается. Его последствия будут ощущаться еще довольно долго, но, по-видимому, нижняя точка падения пройдена, и мировая экономика вступает в новый цикл роста. Можно подводить итоги, хотя бы предварительные, и выставлять оценки ведущим игрокам. Как же они прошли кризисную полосу, и какие выводы на будущее мы можем сделать на основании показанных результатов?

Главный вывод можно сформулировать так: кризис подтвердил силу и устойчивость тенденций, отчетливо проявившихся еще в докризисный период. Эти тенденции хорошо суммируются ранее широко известным, а ныне почти забытым маоистским изречением: «Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада». Действительно, два восточных гиганта, Китай и Индия, преодолели кризисную полосу с наименьшими потерями. Они лишь слегка сбавили темпы экономического роста, которые были и остаются головокружительно высокими, 7–10 % в год. По объему производства Китай обошел Японию и стал второй экономикой мира, а у Индии есть все шансы в скором будущем войти в первую десятку. Более того, китайские и индийские кампании начали массированную скупку подешевевших активов, в том числе и на Западе, превращаясь в глобальных игроков на мировых рынках. Несмотря на все различия в формах собственности, структуре экономики, политических системах, мировоззренческих установках, Китай и Индия проявили завидную способность справляться с кризисными потрясениями.

Этого не скажешь о двух-трех десятках государств, объединяемых не слишком определенным

понятием «Запад». Задававшие тон мирового развития на протяжении столетий, они довольно неожиданно оказались перед реальной перспективой утраты глобальной гегемонии. После болезненного спада, самого глубокого за последние десятилетия, началось медленное и трудное восстановление экономики. Прерывистый рост, высокий уровень безработицы, астрономические государственные долги, камнем повисшие на шее правительств, резкое обострение социальных конфликтов, замаскированные попытки переложить тяготы послекризисного периода на чужие плечи. Перед обществами, построенными на неуклонном росте потребления, внезапно замаячил призрак длительной стагнации или даже снижения жизненного уровня. Встали во весь рост неудобные вопросы: за счет чего и кого выходить из кризисной полосы, как вновь запустить механизм экономического роста? И пока удовлетворительных ответов не видно.

Завершившееся тяжелым кризисом первое десятилетие нового века проверяло на прочность различные модели социальной организации западных обществ. Вопреки расхожему мнению, лучшие западноевропейские образцы (Германия, Голландия, Скандинавские страны) по своей экономической эффективности ничуть не уступают, а по ряду параметров даже превосходят американские показатели. Кризис вообще нанес серьезный удар по мифологизированному представлению о Соединенных Штатах как наиболее рационально организованном обществе.

В Европе страны, взявшие на вооружение принципы «социального партнерства», показали себя более кризисоустойчивыми, чем общества, раздираемые социальными конфликтами. По обширной периферии Европейского Союза, — от Ирландии на западе через южную часть континента и вплоть до стран Балтии на востоке — кризис ударил куда сильнее, чем по его центральному ядру. Он обнажил уязвимость внутренне разнородной европейской интеграционной группировки, акцентировал настоятельную необходимость основательного укрепления всей союзной конструкции.

Прошедший кризис несомненно окажет глубокое воздействие не только на мировую экономику и политику, но и на культурную жизнь. Создаются и воссоздаются материальные основы культурного возрождения Востока. Восточные методы организации хозяйственной жизни, ведения бизнеса вызывают растущий интерес и уважение. Западная модель модернизации общества утрачивает былую монополию, возможные альтернативы начинают анализироваться всерьез. В рамках самой западной модели возможна существенная коррекция под влиянием лучших европейских образцов. Ведь невооруженным глазом видно, что инновационные социумы чувствуют себя в посткризисном мире гораздо спокойнее и увереннее, чем имитационные.

Культура глобального мира, формировавшаяся под мощным прессом американизации, не может не реагировать на фундаментальные изменения,

происходящие в важнейших сферах общественного бытия. Потихоньку избавляясь от односторонней ориентации на Соединенные Штаты и западное общество, она все больше стремится отразить многообразие современного человеческого опыта. Процесс не быстрый, не прямолинейный, не однозначный, но, тем не менее, намечающий вектор возможных изменений в системах ценностей, установках, моделях поведения.

Важнейшим результатом кризиса стало то, что он основательно уравнивал в правах национальные государства и различные цивилизации в качестве участников мирового диалога культур. Стало ясно, что ни одна из практикуемых форм человеческого общежития не является идеальной, и в то же время можно много почерпнуть из опыта тех, кто до недавнего времени считался лишь способным старательно копировать чужие образцы.

Обнаружилось, что Запад, справедливо гордящийся своим уровнем и образом жизни, на протяжении десятилетий живет взаимно, и за это придется расплачиваться не только нынешнему, но и будущим поколениям. Америка, напористо подававшая свои методы хозяйствования и социальной организации как высшее достижение современной цивилизации, в итоге обрушила не только свою, но и мировую экономику, а широко разрекламированный «американский образ жизни» поддерживается за счет многомиллиардных вливаний из-за рубежа. Западная Европа, как никто умеющая жить хорошо и со вкусом, вынуждена вспомнить о суровых добродетелях прежней эпохи: упорном труде, воздержании, бережливости.

В то же время быстрое возвышение Китая позволяет ему как крупнейшему кредитору единственной сверхдержавы на равных говорить с американцами. Сегодня Китай проводит модернизацию столь же успешно, как это делала сама Америка сто лет назад, когда она еще только поднималась на вершину славы и могущества. Соответственно он вправе требовать такого же уважения к своему опыту преобразований, корни которого уходят глубоко в национальную культурную традицию.

Несмотря на кризис, Индия устойчиво демонстрирует почти «китайские» темпы роста. К ее внушительным экономическим достижениям надо добавить уникальный статус «самой большой демократии в мире». Как удалось совершить такой прорыв в современность бедной, мультиэтнической, полицивилизационной, конфессионально далеко не однородной стране? Что в индийской культуре позволило *одновременно* проводить экономическую и политическую модернизацию, да еще в столь сложном социуме? Сегодня Индия приковывает к себе внимание не только как поднимающаяся супердержава, но и как кладезь социального и культурного опыта. Неслучайно она демонстрирует спокойную уверенность в своих силах.

Происходящая демократизация культурных оснований мировой политики наиболее наглядно проявилась в смене неформального лидера. Если раньше

им была «семерка—восьмерка», достаточно закрытый клуб богатых западных государств, то потрясения последних лет выдвинули на первый план «двадцатку», добрую половину которой составляют развивающиеся страны, представляющие разные части света. В их интенсивных взаимодействиях, направленных на преодоление кризиса и его последствий, эконо-

мические и политические аспекты неотделимы от культурных. В результате создание глобального человеческого сообщества из западного (прежде всего американского) предприятия начинает превращаться в универсальный суперпроект, в котором так или иначе представлены все основные цивилизационные компоненты современного мира.

А. А. Моисеев¹

КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К концу XX века был достигнут принципиально новый уровень информационного охвата планеты. Благодаря информационной революции мир сжался, стал доступным, проницаемым и информационно тесным. Стремительное развитие телекоммуникаций и информационных инфраструктур способствовало усилению взаимосвязанности мира. Человеческое общество получило новое измерение — информационное. Создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам.

В условиях глобализации распространение информации преследует вполне понятные задачи обеспечения «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных установок, призванных обосновать преимущества и неизбежность тенденций, направленных на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются государства Запада. Европейцы владеют многими крупнейшими издательствами США и киностудиями, напротив, американское телевидение импортирует идеи телепрограмм из Европы.

Глобализация — это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать, и что они думают о происходящем и его перспективах. Как и любая идеология, идеология глобализации фальсифицирует мировоззрение, она направлена на сокрытие конкурентного противостояния региональных центров сил — Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии.

В результате государства получают распространение «пиара», мощный поток рекламы во всех средствах массовой информации (СМИ), размывание четких различий между информацией и рекламой, уверенность управленцев, менеджеров, пред-

ставителей СМИ, что все проблемы можно решить «промывкой мозгов».

Идеология глобализации развивается в условиях глубокого духовного кризиса. Человеческие ценности перестают играть роль регуляторов социальной жизни, размываются понятия добра и зла применительно к общественному прогрессу. В сфере глобальных информационных сетей для «международного общественного мнения» в ущерб государственно-патриотическим идеологиям распространяются оценочные «демократические» суждения.

Не секрет, что концентрация экономической мощи часто преобразуется в контроль над СМИ, который становится ступенькой на пути к власти, а приобретенная власть часто используется для дальнейшего укрепления экономической мощи — и так далее, по замкнутому кругу. «В условиях быстрых перемен, когда традиции утратили былую власть, — пишет финансовый спекулянт Дж. Сорос, — а людей со всех сторон осаждают предложения, разменные меновые ценности вполне способны заменить подлинные». Реальный мир пытаются заменить фикциями потребительской культуры.

Ценности западного общества хорошо известны, они связаны с культом потребления и приобретательства, желанием господствовать над природой ради удовлетворения своих потребностей. Торжество удовлетворения своих потребностей, «профессионализма» как высших добродетелей общества приводят к снижению общего нравственного уровня. В подобной конструкции мира цели развития оказываются подчиненными корыстным интересам финансовой олигархии, стремящейся унифицировать и стандартизировать человеческий интеллект, превратить его в «производительные силы» и основной источник экономического роста.

СМИ пропагандируют, что глобализация обогащает народы в культурном плане, но фактически «глобализация культуры» означает культурную унификацию под влиянием культуры западной цивилизации. Для культурной глобализации характерно использование английского языка для международного общения, сближение форм деловой и потребительской активности между гражданами разных государств, распространение по всему миру «западных» фильмов, телепередач и программного обеспечения, рост международного туризма, а также ис-

¹ Заведующий кафедрой международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Международные кредитно-финансовые организации: правовые аспекты деятельности», «Суверенитет государства в современном мире: международно-правовые аспекты», «Международные финансовые организации: (правовые аспекты деятельности)», «Суверенитет государства в международном праве» и др. Доктор права Австралии. Почетный исследователь Университета г. Сиднея. Член Российской ассоциации международного права.

пользования Интернета для получения информации и общения.

В этой связи возникает вопрос, возможна ли позитивная глобализация для государств других цивилизаций без отказа от своих национальных традиций, не совпадающих морально-этических и культурных ценностей в пользу распространения основ цивилизации Запада? Ответ на этот актуальный для человечества вопрос лежит на пути синтеза глобализации и индивидуализации, взаимодействия разнообразных и в то же время связанных между собой, дополняющих друг друга социально-экономических, политических, этнонациональных, культурных и тому подобных общностей.

Глобальный процесс унификации культуры противоречит историческому опыту человечества, который был обобщен еще в 2000 году на саммите глав «Большой Восьмерки» в Окинаве: «культурное многообразие, являющееся источником социального и экономического динамизма, способно обогатить человеческую жизнь в XXI веке, поскольку оно способствует творчеству и стимулирует новаторский подход» ко всем проблемам человечества¹.

Попытки национальных правительств ограничить доступ в Интернет в эпоху глобализации становятся все более дорогим и фактически бессмысленным мероприятием. Виртуальное пространство соединяет регионы мира в едином экономическом информационном поле, увеличивает возможности граждан для непосредственного приобщения к глобальным информационным процессам в любой точке планеты. Без искусственно созданной человечеством среды жизнедеятельности, связанной с использованием высоких технологий, систем телекоммуникаций и транспорта человек уже не представляет своего существования.

Продвижение к информационному обществу привело к переизбыточности информации, 80 процентов которой практически оказывается необработанной в силу своей ненужности и невостребован-

ности. Тема «глобализации», широко обсуждаемая в науке, политике, СМИ, «стала, с одной стороны, всепроникающей, а с другой — столь расплывчатой трактуемой, что это не может не компрометировать сам предмет». Термин «глобализация», когда его употребляют абстрактно, без указания на объект глобализации, теряет смысл.

Нельзя исключать, полагает Г. Х. Шахназаров, что «последнее слово окажется за разрушительной информатизацией, за наркотизацией и криминализацией, за экологическим взрывом, за духовной деградацией или прогрессом военной техники, с которой, как с джинном, в какой-то момент не удастся совладать»². Не стоит забывать, что на базе высоких технологий продолжается революция в военном деле и, прежде всего, в сфере информационного обеспечения боевых действий (Ирак 1991 г., Югославия 1999 г.). Активно осваиваются новые интеллектуальные технологии, а также космос, который становится приоритетной областью военных действий. «Глобальность» мира задается, таким образом, еще и тем, что практически любая точка земного шара может быть эффективно поражена тем или иным видом новейшего оружия массового уничтожения.

Глобализация лишь тогда сможет избавиться от негативных социальных последствий современного мира, когда люди изменят свои жизненные ценности ориентиры с принципа «иметь» на «быть», поставив в центр своих приоритетов социальное развитие личности, самобытность, творческий потенциал, профессиональное мастерство каждого человека. «Если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности. Именно в их развитии заключено не только возможное разрешение всех его проблем, но и основа общего самосовершенствования и самовыражения всего рода человеческого»³, — писал создатель и первый президент «Римского клуба» А. Печчеи.

¹ Коммюнике совещания на Окинаве // Независимая газета. 2000. 26–27 июня.

² Шахназаров Г. Х. Глобализация и глобалистика — феномен и теория // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 188–189.

³ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 183–184.

В. В. Наумкин¹МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОДОВОРОТ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События, развернувшиеся в начале этого года на Ближнем Востоке, с новой остротой поставили вопрос о путях развития и судьбах современной цивилизации (считая ее единой на основе формулы «одна цивилизация — много культур»). Пока неясно, какие последствия будет иметь для региона и для мира быстрое свержение тиранов, правивших своими странами в течение десятилетий. Но совершенно ясно, что Ближний Восток вступил в эпоху серьезной общественно-политической трансформации и что этот процесс оказывает и будет оказывать воздействие на систему взаимоотношений между различными частями всеобщей глобализующейся цивилизации, в том числе на отношения между Западом и исламским миром.

Концептуализации того, что произошло в регионе, предстоит еще «вызреть». Однако уже сегодня можно сказать, что мы явились свидетелями появления *массового протестного движения нового типа — революции образованной молодежи*, вызванной, в первую очередь, социальными причинами. Движения, не имеющие организационной структуры, единого руководства, программы и плана действий, выступающего с простыми требованиями — отстранения от власти засидевшихся диктаторов, их кланов, семейств, ближайшего окружения и контролируемых ими институтов (правительства, парламента, партий, руководства силовых структур). Во всех случаях требования восставших носили ярко выраженный политический характер. В качестве инструментов мобилизации в этих движениях выступали коммуникационные сети. Не случайно основных игроков в новых революциях называют «фэйсбуковской молодежью». Общеарабский контекст событий облегчал трансляцию опыта одних государств другим. А роль «триггера», или спускового крючка для начала первого спонтанного выхода на улицы тунисской молодежи, сыграл акт самоожжения молодого человека, отчаявшегося от безуспешной борьбы с тиранической, прогнившей и коррумпированной бюрократической машиной. Акт, который стал «символом». Это одно из понятий *теории символического выбора*, с помощью которой можно попытаться понять суть новых движений на Арабском Востоке.

¹ Директор Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Очерки по этнолингвистике Сокотры», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Абу Хамид аль-Газали», «Правильные весы» и др. Председатель редакционной коллегии журнала «Восток (ORIENTIS)», редакционного совета журнала «Восточный архив», входит в состав редколлегии или редакционных советов журналов: «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), «Вестник российской нации», «Вестник МГУ. Сер. «Востоковедение», «Современный ислам». Многие книги переведены на иностранные языки. Награжден общественными наградами: орденом почета Совета муфтиев России, орденом «За пользу Отечеству» (Золотой крест), орденом Российской нации. Лауреат премии В. В. Посувалюка за достижения в области международной журналистики.

Для их адекватного понимания будет полезен также теоретический инструментарий *теории социального движения*², в частности, такие понятия, как «рамки» (frames), «обрамление», «резонанс», «ресурсная мобилизация».

Но, поскольку теоретическое осмысление событий начала 2011 года пока не является нашей задачей, коснусь некоторых более практических аспектов их интерпретации. В российской экспертной и медийной среде, в частности, возникли две интерпретации турбулентных событий в регионе с помощью «теории заговора».

По первой из них события были инспирированы и даже организованы некими западными (прежде всего американскими) кругами через Интернет (Google, Twitter, Facebook и т. п.) и в этом смысле явились аналогами тех «цветных революций», которые в недавнем прошлом имели место на постсоветском пространстве. Один достаточно известный аналитик, К., утверждал: «Одновременно в Тунисе, Египте, Иордании, Йемене, Сирии люди просто так на площади не выйдут». Но то ли автор ни в малейшей мере не понимает ситуации в регионе, то ли сознательно передегирует факты (тут и время, и страны напутаны), лишь бы обвинить американцев: оказывается, они давно все именно так и запланировали. Многотысячными массами образованной арабской молодежи (по моим наблюдениям, многие из них разбираются в мировой политике гораздо лучше автора), согласно этой теории, просто дергали за веревочку некие заокеанские кукловоды. И всем управляла рука «все того же Бжезинского». Почему вездесущий престарелый профессор, давно отошедший от дел, является исполнителем столь ответственной и трудной миссии, осталось за рамками этого дискурса. Разве что упоминалось, будто он давно и самоотверженно работает над проектом «глубокого партнерства США и радикального ислама». Подобные суждения ранее можно было услышать разве что из уст «сдвинутых» на исламофобии наиболее одиозных представителей крайне правых израильских кругов (кстати, автор утверждает, будто Израиль — чуть ли ни единственное «препятствие на пути объединения США с исламом»).

Мой хороший знакомый, каирский профессор А., давний друг нашей страны, внимательно слушавший основанное на этой же теории выступление одного из наших известных телеведущих, сказал мне: «Как обидно, что ваши обозреватели считают нашу замечательную молодежь какими-то недоумками, которые даже на улицу-то сами выйти не могут!» Возможно, авторы подобных комментариев в наших печатных и электронных СМИ руководствовались

² См. об этих теориях: Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник МГУ. Сер. «Международные отношения и мировая политика». 2009. № 1. С. 9–27.

благими намерениями. Один мой коллега, М., потрясая распечатками из «Викиликса» и с жаром полемизируя со мной в известной телепрограмме, видимо, даже искренне рассчитывал произвести впечатление на арабских друзей, поскольку возглавляет одно из соответствующих обществ дружбы.

На самом же деле эти комментарии только ссорили нас с арабами (что никак не отвечает нашим интересам), во всяком случае, арабские сайты расценивали измышления этих наших «специалистов» не как антиамериканские (как это, возможно, задумывалось), а как арабофобские. А, как известно, в периоды судьбоносных изменений люди особенно чувствительны к тому, что о них говорят и пишут за рубежом.

По другой конспирологической теории все протестное движение организовали и тайно возглавили мусульманские фундаменталистские силы. Утверждения подобного рода гармонировали с эскападами отчаянно боровшегося за власть Каддафи, пытающегося свалить всю вину за кровопролитие в стране на исламистов. Мой коллега по другой телепрограмме, С., заметил, что в конце туннеля всех подобных революций все равно стоит «мрачный бородастый дядька в чалме и с автоматом Калашникова». Иначе говоря, даже если и сейчас исламские радикалы не правят бал на обновленном арабском политическом поле, то они все равно воспользуются плодами победы протестных масс. Естественно, никаких аргументов в пользу этой теории не приводилось. Действительность, напротив, говорила о том, что инициативу протеста у исламистов (к слову сказать, совсем не единых) в этом случае перехватили другие игроки.

События на Ближнем Востоке совпали по времени с новым всплеском террористической активности религиозно-экстремистских группировок на Северном Кавказе. Некоторые западные эксперты заговорили о том, что эхо ближневосточных революций докатится до Северного Кавказа. К сожалению, некоторые наши эксперты и даже официальные лица поспешили заявить о существовании причинно-следственной связи между этими двумя процессами. Думаю, что перекладывать ответственность за резкое обострение ситуации на Северном Кавказе на некие исламистские силы, которые предположительно стоят за массовыми выступлениями в ближневосточном регионе, вряд ли полезно. Как будто бы нам не хватает наших собственных про-

блем — коррупция, та же, что и на Востоке, неустроенность молодежи, засилье продажных чиновников, клановость и nepотизм, безработица, дороговизна, неэффективное местное управление, отсутствие представительства. Стоило бы сконцентрировать внимание на искоренении этих болезней, порождающих протестные настроения. Это, конечно, не означает, что нужно ослаблять борьбу с постоянно и все более активно идущим проникновением в наше исламское пространство радикальных, экстремистских идей из рубежа. Непонятно, зачем нужно было столь настойчиво публично заявлять, что подобные революции у нас не пройдут — почему-то западные политики на свои государства эту модель не применяют.

Отдельные отечественные конспирологи слили обе теории воедино. Так, уже упоминавшийся выше аналитик К. утверждал, будто «исламизм — особая религиозная субкультура, которую взрастили при прямом участии Запада». Организация «Братьев-мусульман», — естественно, британский проект. Обама даже виноват в том, что в своей знаменитой речи в Каире протянул руку дружбы исламскому миру. Будто бы и нет разделяющего современный мир глубокого непонимания между Западом и исламским миром. И опять: наши нападки на любые движения под исламскими лозунгами (хотя в данном случае их было не так уж много) вряд ли дадут нам какие-либо дивиденды. Кстати, «Братья-мусульмане» в Египте (как это уже произошло с «Братями-мусульманами» в Иордании, родственными им партией «Ислах» в Йемене и движением ХАМАС в Палестине) в ближайшем будущем наверняка превратятся в легальную парламентскую партию. А они у нас включены в «черный список» экстремистских организаций, что, безусловно, затруднит наше взаимодействие с новым египетским режимом. Американская администрация, поначалу лавировавшая в своем отношении к египетским событиям, а потом поддержавшая восстание, явно набрала очки, завоевав поддержку тех, кто, возможно, завтра будет править этой страной, но и не утратив доверия своих традиционных сторонников — египетского военного истеблишмента.

Молодежные арабские революции против диктаторов и их тиранического правления, возможно, станут одним из главных событий начавшегося года, а всю глубину их последствий нам еще предстоит осознать.

В. В. Попов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Мы живем в чрезвычайно сложную эпоху: сегодня мировая история — это общий глобальный цивилизационный поток, в который вовлечены все народы и страны со своей уникальной культурой, мировосприятием и историческим опытом.

С конца XX — начала XXI века человечество находится в состоянии глубокого кризиса и трансформации — это период смены преобладавшей более двух столетий индустриальной мировой цивилизации с глобальным доминированием Запада и перехода к постиндустриальной цивилизации, для которой, как видится сегодня, характерной тенденцией является перемещение центра активности и влияния на Восток.

Авторы теории модернизации утверждали, что научно-техническая революция приведет к утрате доверия к традиционным ценностям. Странам Востока предлагалось усваивать парадигмы иной — «подлинной» — цивилизации и отбросить опыт собственного исторического пути. Однако на практике срабатывает инстинкт самосохранения, возрастает сопротивление попыткам унификации, защита идентичности: национальной, религиозной, языковой, стремление к сохранению традиционных ценностей. В каждой культуре и отдельной среде имеются своя система координат, разное понимание человека, его прав, свободы. Запад и не Запад могут иметь разные видения и определения добра и зла, конфликта и сотрудничества. Это противоречивое единство и есть целостность мира, оно определяет его жизнеспособность как сложной динамической системы. Как никогда ранее, очевидной становится истина, что богатство мира — именно в многообразии.

Особенность глобализации XXI века — беспрецедентные скорость и масштабы изменений. На авансцену мировой политики вступают новые государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, со способностью к изменению баланса сил, к вовлечению в историческое творчество миллионов. Это Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, исламский мир. Восток переживает модернизацию, и важно, что этот процесс проходит не в форме вестернизации, а идет своим уникальным путем. Расширение демографического, экономического, политического влияния новых геополитических сил наталкивается на мощное противодействие США и Европы, пытающихся отстоять свое доминирование в мире.

В последнее время ощутимо возросла роль исламской цивилизации, которая сыграла значитель-

ную роль в мировой истории и ныне оказывает все более значимое влияние на многие стороны жизни разных стран и на международные отношения. Значительный рост влияния исламского мира в последние два десятилетия связан с целым рядом факторов, прежде всего с усилением его позиций в мировых финансово-экономических структурах благодаря добыче имеющихся во многих мусульманских странах богатейших запасов нефти и газа и накоплению значительных финансовых ресурсов. Не случайно в мировой «двадцатке» главных экономик мира три места отведены исламским государствам.

На протяжении тысячелетия мусульманская цивилизация претерпела наименьшие изменения. Ислам как вероисповедание привлекает своей направленностью на социальную справедливость, толерантность, терпимость к другим конфессиям (в частности речь идет о теории и практике оказания помощи нуждающимся и неимущим, заботе о детях-сиротах, призыве к самосовершенствованию и пр.). Ислам является государственной религией в большинстве арабских государств и во многих других странах. В мусульманском обществе (в отличие от западного, где главная ценность — индивид) базой является умма — сообщество, основанное на единстве веры. Мусульманские общины существуют практически во всех государствах. Примечательно, что только одно вероисповедание — ислам — было положено в основу создания межправительственной организации, объединяющей 57 государств, — Организация «Исламская Конференция»; именно вокруг нее формируется нечто наподобие Организации Объединенных Наций исламского мира.

В результате возросшего влияния, продолжающегося расширения воздействия ислам оказался в центре мировых событий. Конкретный пример — арабо-израильский конфликт, перспектива справедливого разрешения которого и сегодня, к сожалению, выглядит весьма отдаленной. Серьезную озабоченность вызывают и будущее Ирака (откуда в течение двух-трех лет США должны вывести свои войска), и перманентная острота ситуации в афганско-пакистанском регионе, и тревожная неопределенность иранской проблемы, не говоря уже о других горячих точках, таких как Сомали, Судан и др.

В последней четверти XX века человечество погрузилось в глобальный демографический кризис. Он находит выражение в падении темпов рождаемости, старении населения в большинстве государств, увеличении числа стран (прежде всего в Европе), характеризующихся депопуляцией. При сохранении такой тенденции к концу XXI века средний возраст жителя планеты составит 64 года при резком сокращении трудоспособного населения. Планета будет населена пожилыми, уставшими от жизни людьми, не способными адекватно ответить на вызовы времени и, по сути, в далекой перспективе обречена.

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Член правления и директор по международным связям Фонда поддержки исламской культуры, науки, образования. Награжден орденом Дружбы.

Дефицит трудовых ресурсов в одних странах и их избыток в других (при резком разрыве уровня жизни) привели к увеличению потоков легальных и нелегальных мигрантов, расширению круга смешанных цивилизаций и как следствие — к обострению межцивилизационных и межконтинентальных противоречий. Миграция — перемещение людей по планете — всегда была составной частью мирового процесса, способствовала экономическому развитию, взаимному культурному и научному обогащению. В настоящее время ее темпы ускорились, она приобрела невиданные ранее масштабы — 200 млн мигрантов, характеризуется появлением новых форм и имеет тенденцию к увеличению в самые ближайшие годы. Она оказывает большое влияние на политическое и экономическое положение большинства стран, создает новые «узлы» проблем, что особенно отчетливо проявилось во время мирового финансового кризиса. Представители других цивилизаций заметно расширили свое присутствие на Западе, прежде всего в Европе и Северной Америке.

До недавнего времени большинство стран Западной и Центральной Европы были моноэтническими и моноконфессиональными. Практически единственной религией, исповедуемой в Европе, было христианство, под сенью которого сформировалась европейская цивилизация. В последние десятилетия резко возрос поток иммигрантов исламского вероисповедания из Азии и Африки. По официальным данным, сегодня в Западной Европе проживает около 24 млн мусульман; по другим данным, в частности приведенным в некоторых справочниках, число мусульман в Европе (включая проживающих на Балканском полуострове) достигает 40 млн человек. В настоящее время ислам — вторая по численности религия в таких странах, как Великобритания, Франция, Германия, Испания, Италия. Демографы предсказывают, что к 2015 году количество мусульман в Евросоюзе удвоится вследствие высоких темпов рождаемости, процесса воссоединения семей, продолжения мусульманской иммиграции из Северной Африки и Ближнего Востока. Следует учитывать и тот факт, что все большее количество европейцев принимают ислам: за последнее десятилетие — 1 млн человек. По подсчетам американских политологов, к 2023 году число мусульман в мире превысит число христиан всех деноминаций. Ислам, который раньше на религиозной карте Европы обозначался в виде вкраплений, теперь стал составной частью континента.

Весьма отчетливо тенденция распространения ислама проявляется на Ближнем Востоке. Например, по прогнозам экспертов, в ближайшее время численность арабского населения, проживающего в Израиле и на оккупированных территориях, сравняется с численностью евреев. В этом свете нелогичными и недальновидными выглядят попытки Израиля воспрепятствовать созданию независимого палестинского государства. Заявления нынешних израильских лидеров о решимости сохранения го-

сударства евреев плохо соотносятся с тенденцией распространения ислама.

Европейцы понимают, что без иммиграции невозможно обойтись: высоко подняв планку жизненного стандарта, они не могут удержать ее собственными силами. Численность коренного и при этом быстро стареющего населения продолжает сокращаться. Главная проблема, однако, состоит в том, что принятые в странах Европы меры и усилия, направленные на то, чтобы иммигранты приспособились, адаптировались к традициям, критериям и образу жизни европейцев, интегрировались в европейское общество, потерпели крах. При постоянной миграции происходит самовоспроизводство культурной идентичности. Провал политики мультикультуризма откровенно признала в одном из своих недавних выступлений канцлер Германии А. Меркель.

Исламская культура становится органической и легитимной частью европейской культуры. Как грибы после дождя, появляются различные многочисленные мусульманские организации и структуры. Миллионы мусульман наряду со стремлением вписаться в европейскую среду стремятся сохранять (что вполне естественно) генетическую и конфессиональную привязанность к своим историческим очагам. Причем с особой силой это стремление проявляется в семьях иммигрантов второго и третьего поколений. Молодежь особенно остро реагирует на распространенное отношение к ним как к людям второго сорта, что часто проявляется в резком демонстративном неприятии ими европейских норм морали. Именно в этой среде зарождаются и формируются экстремистские настроения. Вокруг крупных исламских общин создаются «кольца отчуждения».

Некоторые истоки искаженного представления об исламе сокрыты в недрах европейской цивилизации, когда складывался образ ислама как религии агрессивной. Европейцы признают огромное влияние исламской культуры на средневековую Европу, но в анналах памяти доминируют исторические события, связанные с противостоянием христиан и мусульман. Наблюдается своеобразная историческая амнезия: исламская история Европы оказалась забытой.

Все это в целом создает в обществе обстановку перманентной напряженности, порождает страх перед перспективой «исламизации» Европы. Пожалуй, с наибольшей выразительностью это проявилось в книге Тило Сарацина «Самолiquidация Германии», вышедшей в сентябре 2010 года. Автор — член Совета директоров Центрального банка ФРГ, ранее занимавший ряд важных государственных постов. Т. Сарацин предупреждает об опасности увеличения мусульманского населения, в первую очередь за счет иммиграции турок, поскольку это приведет к превращению немцев в Германии в меньшинство, к их материальной и умственной деградации и в конечном счете — к вырождению нации и исчезновению традиционной европейской культуры.

Ситуация в Турции — предмет особой озабоченности и разногласий среди европейцев. С глубоким подозрением они относятся к усилению влияния мусульманских организаций в Турции и к проводимой ее нынешним руководством амбициозной политике, ориентированной на активизацию отношений с исламским миром. Эта крупная страна, расположенная на стратегически важном международном перекрестке, граничащая в том числе с Ираном, Ираком и Сирией, имеющая вторую по численности армию (после США), — необходимый союзник для США и Европы. Это государство становится символом совместимости демократии, капитализма и ислама. Основные европейские державы, прежде всего Франция и Германия, опасаются присоединения почти 80-миллионной Турции к семье Европейского Союза: она может стать самым большим по численности государством Евросоюза, опередив Германию (с учетом высоких темпов рождаемости в Турции и сокращения коренного населения ФРГ).

Спекулируя на страхах перед исламским экстремизмом (что связано с крупными террористическими актами в США, Великобритании и Испании), консервативная часть элиты европейских стран выдвигает в качестве важнейшей задачу недопущения «исламизации Европы».

Это, в свою очередь, ведет к объективному сдвигу вправо западноевропейских обществ, ибо именно антииммигрантские партии или партии с резко выраженной националистической программой выдвигают лозунги, которые пользуются поддержкой у большого числа избирателей. Примечательно, что именно такого рода настроения помогли победить на президентских выборах во Франции Н. Саркози.

Мусульмане, в свою очередь, опасаются, что исламофобия на Западе постепенно примет все более жесткие формы. Исследования, проведенные Европейским центром мониторинга расизма и ксенофобии (Вена), свидетельствуют о том, что в Европе растут исламофобские настроения, а многие мусульмане чувствуют, что им угрожают и их не понимают.

Цивилизационный раскол углубляется, что грозит новыми серьезными осложнениями не только для Европы, но и для многих стран на других континентах.

В Северной Америке, мусульманская община которой насчитывает 7 млн человек, ось противостояния в основном проходит по линии отношений с испаноязычными иммигрантами (латинос). Тема исламизации здесь пока отодвинута на второй план, но постепенно она приобретает все большее значение во внутренней политике Соединенных Штатов Америки. Это продемонстрировали споры, разгоревшиеся в 2010 году вокруг строительства мусульманского центра в Нью-Йорке на месте двух известных башен Всемирного торгового центра, разрушенных в результате террористической атаки. Трагикомично выглядит история о том, как некий пастор Терри Джонс из небольшого городка во Флориде вознамерился публично сжечь 200 экземпляров Корана и как президент США, госсекретарь, другие из-

вестные американские деятели наперебой уговаривали его отказаться от этой затеи.

В современном обществе существуют экстремистские силы, которые пропагандируют идею неизбежности столкновения. В мусульманском мире — это радикалы, которые считают необходимым создание (или возрождение) исламского халифата и распространение ислама во всех регионах мира. В западных государствах — это течение, которое утверждает, что ислам порождает экстремизм и терроризм, поэтому борьба с ним является обязанностью всех жителей Запада, поскольку именно от ислама исходит реальная угроза благополучию иудейско-христианской цивилизации. В последние годы, особенно после 11 сентября 2001 года, экстремисты с обеих сторон немало «потрудились», чтобы отношения между мусульманами и христианами «накапились». Большой моральный и материальный ущерб нанес, к примеру, печально известный «карикатурный» скандал, связанный с публикацией в одной из датских газет карикатуры на пророка Мухаммеда. Как известно, разжигание религиозной или национальной розни — традиционное оружие правящих кругов, когда они пытаются удержать власть.

Теоретической стартовой площадкой для углубления противостояния стала концепция «столкновения цивилизаций» американского политолога С. Хантингтона, первоначально изложенная им в статье 1993 года в журнале “Foreign Affairs”, а в последующем — в его монографиях. Красной нитью в ней проходит тезис о завершении эпохи идеологического противостояния и наступлении нового этапа, где водораздел будет проходить по линии культурно-цивилизационных различий. основополагающий вывод — ислам представляет собой главную угрозу западной цивилизации.

Реакцией на эту концепцию стало выдвижение в конце 1990-х годов иранским президентом М. Хатами идеи диалога цивилизаций. Это предложение в то время получило широкую поддержку международной общественности; Генеральная Ассамблея ООН, приняв соответствующий документ, объявила 2001 год годом Диалога цивилизаций. В ООН была создана Группа высокого уровня, которая 8 сентября 2001 года опубликовала прекрасный доклад по этой проблематике.

Террористический акт 11 сентября 2001 года, выдвинутая администрацией США стратегия «войны против террора» в качестве приоритета для всего международного сообщества, последующие удары по Афганистану, вторжение США в Ирак подорвали усилия по распространению идеи диалога цивилизаций, отодвинули ее на задний план. Эта инициатива не получила должного резонанса. Не последнюю роль в этом сыграла и оппозиция США по отношению к иранскому проекту.

Испанское правительство в 2005 году (после теракта на мадридском вокзале в 2004 г.) выступило с предложением о создании «Альянса цивилизаций». Окончательно эта идея была оформлена в виде

испано-турецкого проекта и полностью поддержана Организацией Объединенных Наций.

Вашингтон на подобные инициативы отвечает глухим неприятием. Например, президент Б. Обама в Турции в апреле 2009 года проигнорировал приглашение турецкого правительства принять участие в конференции «Альянса цивилизаций», которая была приурочена к его визиту (хотя при вступлении в должность он заявил о намерении наладить отношения с исламским миром). Под давлением США от этих инициатив отстраняются и другие страны. Формально прогив диалога цивилизаций никто открыто не выступает. Однако на практике эти идеи не обрели необходимой динамики, не получили распространения, не нашли отклика у международной общественности и не смогли повлиять на ход мировой политики. По существу, идея диалога цивилизаций оказалась в ловушке кризиса. Корень проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что Запад настойчиво пытается навязать свое видение этой проблемы, свои ценности и оценки.

Между тем очевидно, что в XXI веке без налаживания диалога и реального сотрудничества цивилизаций не удастся сохранить мир: ненависть способна породить только ненависть. Реальный диалог может сложиться только на основе взаимоуважения, готовности выслушать и прислушаться к иному мнению, толерантности и доброй воли. Администрация Буша, в которой тон задавали неоконсерваторы, в качестве важнейшей задачи ставила борьбу с исламскими радикалами (которых они называли исламофашистами). Акцент делался на том, как силовыми средствами справиться с экстремистами в Ираке, Афганистане, Пакистане, в странах Африки.

Важный вывод, к которому пришли специалисты, занимающиеся разработкой проблем терроризма, — что карательными акциями с терроризмом не справиться, необходим широкий набор различных средств, прежде всего политических. Сегодня складывается согласованное мнение о том, что с помощью силы невозможно решить этнические, конфессиональные или национальные конфликты. Не случайно существует большое количество так называемых «замороженных» конфликтных ситуаций. Опыт событий в Ираке или войны Израиля с Ливаном и Сектором Газа убедительно свидетельствует о том, что многократное военное превосходство не способствует улаживанию споров. Несмотря на то что военная сила остается серьезным аргументом, лишь умение договариваться способно вывести ситуацию из тупика, открыть путь реального урегулирования проблемы, учитывающего интересы всех сторон. Иные варианты решения либо порождают хрупкое и непродолжительное перемирие, либо загоняют болезнь внутрь, либо создают почву для более широких конфликтов.

Стремительный характер изменений ставит на повестку дня вопрос о том, что современное мироустройство адекватно не отражает сложившуюся ситуацию в мире, что мировые институты не справляются с решением многих неотложных задач как гло-

бального, так и регионального уровня. Это со всей очевидностью проявляется в работе ООН, структура которой, по всеобщему признанию, требует серьезных корректировок. Глобальный экономический кризис продемонстрировал необходимость принятия решений на мировом уровне. Темп изменений общественной, политической и экономической жизни в условиях глобализации стал настолько стремительным, что государственные деятели, бюрократия не всегда успевают обобщать и осмысливать новые явления и зачастую руководствуются стандартами предыдущей эпохи.

В настоящее время происходит переход к постиндустриальному, шестому, технологическому укладу, от биполярной к многополярной структуре. Современная цивилизация имеет техногенный характер. Инновации меняют среду и тип человека, оказывают психологическое воздействие на сознание людей. Глобализация из материальной сферы переместилась в область человеческого сознания, разрушается сложившаяся эволюция человеческого мышления; массивное воздействие СМИ закрывает человеку фазу размышления — важнейшую для формирования мыслительных структур, приводит к размыванию норм человеческого сообщества, устанавливает новые стандарты. Это признак заката индустриальной мировой цивилизации, индустриальной мировой парадигмы. И одновременно предвестник научной революции и общества, основанного на знаниях. Научно-техническая революция «переформатировала» историческое время, культурное пространство, мировосприятие.

Кризис в развитии цивилизаций находит свое выражение и в кризисе религий. Так было на протяжении всей истории человечества. Специфика современного момента — в том, что кризис породил стремление некоторой части духовенства (особенно в зонах влияния ислама и православия) вернуться в эпоху господства религии не только в духовной, но и в политической, экономической жизни. Некоторые деятели пропагандируют концепцию религиозных государств, где клерикалы занимают господствующие позиции во всех сферах общества, что, по сути, означает возвращение к некоему ренессансу религий «под знаменами» прошлых столетий в духе Средневековья. Подобная тенденция схожа с утопией и ретроградством.

Между тем изменяющаяся система ценностей открывает новые аспекты диалога культур. В этих условиях, как представляется, возрастает роль так называемой общественной дипломатии (информация, появившаяся на сайте WikiLeaks, продемонстрировала, что каналы официальной дипломатии не всегда достаточно надежны). Безусловно, существует комплекс вопросов, которые должны решаться только на уровне правительств и глав государств. Вместе с тем сегодня в постоянно усложняющемся мире многие вопросы должны обсуждаться на уровне общественных и научно-экспертных советов, которые, осмыслив новые явления, могут предложить лидерам государств соответствующие решения.

Подобным эффективным каналом общественной дипломатии стала Дартмутская конференция российских и американских общественных деятелей и научных работников, которая недавно отметила свое 50-летие и продемонстрировала свою эффективность.

Представляется, что России в новых креативных процессах принадлежит ключевая роль. Природные, географические и исторические условия России (самого большого по территории государства в мире) обусловили то, что ныне называют средовым, особым самобытным типом цивилизации, представляющим собой органичный сплав многих культур Европы и Азии. Россия по религии, культуре, культурогенезу — несомненно, часть Европы. Она формировалась вместе с Европой, когда в XIV веке, в эпоху Предвозрождения, начали складываться национальные культуры. Европейская культура сыграла исключительную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Кроме того, благодаря Европе в России появилось университетское образование, без которого возрождение и создание государства были бы немислимы. В то же время следует отметить союз России с Востоком, Степью: 240 лет она находилась в составе Великого Монгольского улуса, потом — Золотой Орды; вся эта территория позже (с монголами, бурятами и пр.) вошла в состав Российского государства, Русь была спасена от внешней экспансии.

Народы, проживающие на территории России, способны достичь такого взаимопонимания и братского сосуществования, которые трудно достижимы в других странах. Это подлинное наше богатство и прочная политическая платформа: у России есть духовная основа и уникальный практический опыт развития отношений с различными странами. Она вбирает и сохраняет на своей территории разные объекты и явления, что позволяет ей двигаться в разных направлениях (в отличие от стран, кото-

рые неизменно стремятся вперед или застыли в своем развитии). Для России восприятие территории создает иллюзию двусторонней неограниченности времени. Россия — как галерея времен, где наряду с прошлым и настоящим представлены и элементы будущего.

На фоне опасности, которую таит цивилизационный разлом для судеб человечества, очевидности того факта, что принуждением и силой его не преодолеть, высвечивается естественная позитивная роль, которую могла бы взять на себя Россия, где испокон веков адепты многих конфессий совместно проживают в составе единого государства и где на протяжении всей истории не было религиозных войн. В России получили широкое распространение проверенные опытом традиции мирного сожительства православных, мусульман, представителей других конфессий. Миссия России как средовой системы — обеспечение единства культурного пространства и связности времени, создание и сбережение отечественной и мировой культуры. Именно Россия может стать своеобразным цивилизационным мостом. Наша задача — в том, чтобы избежать крайностей, выбирать не экстремальные, а гармоничные взвешенные решения.

В 2011 году мир отметит десятилетие «черной даты» современной истории — 11 сентября 2001 года. Сейчас все более актуальной становится задача объединения всех здравомыслящих людей на Западе и Востоке, с тем чтобы совместными усилиями изолировать и нейтрализовать экстремистские силы с обеих сторон и объединить усилия для решения неотложных проблем планетарного масштаба, связанных с природными катастрофами, экологией, охраной окружающей среды, эпидемиями, преодолением голода, насилием над детьми и, возможно, главной проблемы — угрозой духовного обнищания и утратой нравственных ориентиров и моральных ценностей.

В. В. Согрин¹

ЦИВИЛИЗАЦИЯ США В ВОСПРИЯТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Восприятие современным российским обществом цивилизации США прошло три этапа, кото-

¹ Руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва), председатель Российской ассоциации историков-американистов, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Основатели США. Исторические портреты», «Мифы и реалии американской истории», «Критические направления немарксистской историографии США XX века», «Джефферсон. Человек. Мыслитель. Политик», «Политическая история современной России. 1985–1994: от Горбачева до Ельцина», «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Президенты и демократия. Американский опыт», «Политическая история США», «Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина» и др. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность», член редколлегии журнала «Новая и новейшая история».

рые условно можно назвать горбачевским, ельцинским и путинским.

М. Горбачев на первом этапе своих реформ реализовывал *великую советскую мечту* — «догнать и перегнать Америку» на основе социалистической модернизации, доказав, что общественная собственность, руководящая роль КПСС и пролетарское государство способны обеспечить более успешное развитие общества, нежели частная собственность, буржуазная многопартийность и капиталистическое государство. Но все его командно-административные экономические и политические реформы провалились, и уже в 1987 году Горбачев поменял реформаторскую стратегию, вознамерившись соединить социализм с рынком и демократией. По мнению некоторых, это была попытка привить социализ-

му западные ценности, но Горбачев и его идеологи попытались доказать, что такие ценности присущи истинному социализму, который наконец-то и будет установлен в СССР. Эти идеологические манипуляции породили фантастические умозаключения о западных странах, в которых рынок и демократия существовали веками. Некоторые советские духовные гуру, среди них писатель Ч. Айтматов, объявили развитые западные страны (сначала Швецию, затем Францию и Германию, наконец США) воплощением подлинного социализма.

Это было абсурдом, призванным спасти социалистическую идею, но одним из его следствий явилось изменение восприятия советской элитой западных, в том числе американских, ценностей. Достаточно быстро Горбачев и его советники нашли выход из затруднений, связанных с классовой идентификацией рынка и демократии. Эти институты были зачислены в разряд внеклассовых *общечеловеческих ценностей*. Выдвижение Горбачевым концепции *общечеловеческих ценностей* означало признание стран, где наличествовали рынок, демократия, права человека, гражданское общество, идейными побратимами СССР. Так, США из врага № 1 превратились в друга СССР. Сам Горбачев впервые открыто заявил об этом в июне 1990 года во время визита в США. Советский лидер объявил, что СССР и США — это «одна цивилизация», и он окончательно принимает идею конвергенции социализма и капитализма¹.

Подобный идеологический поворот Горбачева пришелся по душе не всем представителям советской партийной элиты. Партийные консерваторы приклеили Горбачеву, как и его сторонникам (в первую очередь А. Яковлеву), ярлык «американских агентов». Но среди россиян появились и те, кто считал идейные компромиссы Горбачева с США уже недостаточными, требовал не конвергенции социализма и капитализма, а полного отказа от социализма и принятия западной модели в чистом виде. И именно эти политики, главным лидером которых с 1990 года выступил Б. Ельцин, завоевывали нарастающую поддержку в массах. В 1991 году, открыто выступив против коммунизма и социализма, вооружившись западными, а следовательно, и американскими ценностями, Ельцин и его команда одержали победу на президентских выборах в России, молниеносно и легко подавили августовский реставрационный путч. В России свершилась либерально-демократическая революция.

Восприятие Россией западных и особенно американских ценностей, желание жить, как в США, по моему убеждению, носило добровольный характер, а не было следствием происков Запада и диверсий американских спецслужб, как полагают отечественные коммунисты и национал-патриоты. Укажу на главные причины этого идейно-политического феномена². Одна из них заключалась в том, что к концу

1980-х годов российские массы, по крайней мере их политически активная часть, глубоко разочаровались в возможности успешной модернизации СССР на социалистической основе (горбачевская перестройка в варианте либо командно-административного, либо рыночно-демократического социализма ухудшила экономическое положение страны) и восприняли в качестве реальной альтернативы прогрессивного изменения общества либерально-демократическую западную модель. Согласно данным Всесоюзного центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ), к 1990-м годам 96 % опрошенных делали выбор в пользу общественной модели, восторжествовавшей в той или иной либерально-капиталистической стране (наибольшее число — 32 % — признали наилучшей моделью США), и только 4 % отдавали предпочтение китайской модели³. Другой важной причиной стал общий восточноевропейский антикоммунистический порыв. В 1989–1990 годах во всех восточноевропейских странах — союзниках СССР восторжествовали бархатные антикоммунистические революции, присягнувшие либерально-демократическим идеалам. Выбор и победа восточноевропейских народов стали мощным катализатором антикоммунистических настроений в России.

Новое российское руководство, сформировавшееся в результате успешной антикоммунистической революции, распада СССР и возникновения в 1991 году суверенного Российского государства, действовало под либерально-демократическим знаменем и рассматривало лидера западной цивилизации США как своего идейного и политического союзника. Первый президент России Б. Ельцин неоднократно заявлял, что Россия и США исповедуют одни и те же ценности, российские политики рассматривали американские образцы как пример для подражания⁴. Российская конституция 1993 года составлялась с учетом опыта разных либерально-демократических стран, но американское влияние оказалось наибольшим. Модель президентской республики, процедура импичмента главы государства в случае злоупотребления им властью, ограничение пребывания в должности президента двумя сроками, каждый по четыре года, механизм «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях ветвей власти, способы утверждения в должности высших чиновников, другие ее важнейшие компоненты явились слепком с Основного закона США (они присутствуют в конституциях и других либерально-демократических государств, но их первоисточником была все же Конституция США).

Конец 1980-х — начало 1990-х годов стали периодом торжества позитивного отношения российского политического истеблишмента, ведущих российских массмедиа да и широких масс россиян к Соединенным Штатам Америки, их опыту и идеалам.

³ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1993. № 6. С. 14.

⁴ Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. № 1. С. 55–58.

¹ Правда. 1990. 3 июня.

² Подробно см.: *Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994; *Он же.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; *Он же.* 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3.

Через полтора-два года после достижения «сердечного согласия» между Россией и США в России в силу внутренних перипетий, как и внешнеполитических коллизий, отчетливо проявилось разочарование в либерально-демократических идеалах, которое незамедлительно распространилось на их главного выразителя — Соединенные Штаты. США со своей стороны разочаровались в «диком» российском варианте реализации западных ценностей, как и в нежелании России воспринять Соединенные Штаты в роли лидера мировой демократической революции, а на практике — единственного гегемона нового мирового порядка.

Среди причин этого явления на первом месте оставалось разочарование россиян в результатах радикальных рыночных реформ, распространившееся на западную цивилизацию и особенно на ее проводителя — США, открыто покровительствовавших Б. Ельцину и его преобразованиям. Вместо обещанного Б. Ельциным и его сторонниками народного капитализма в России в течение нескольких лет возник и оформился чиновничье-олигархический капитализм с острыми социальными контрастами и массовой нищетой. Защитники либеральной демократии (партия «Яблоко», некоторые другие), обвинившие Ельцина и его режим в перерождении, не смогли эффективно противостоять негативным следствиям российского варианта смены социализма капитализмом. И виновником «дикости» российского западнического эксперимента в массовом сознании предстали не «отступники» от либеральной демократии, а она сама.

В меняющейся политической ситуации Ельцин и политический истеблишмент в целом пытались сохранять верность своему идейно-политическому выбору, но и игнорировать перемены в массовом сознании были не в состоянии. Кроме того, появился и укреплялся соблазн полностью перенести недовольство масс своим положением на западного партнера, сняв или хотя бы снизив ответственность за «дикий» отечественный капитализм с российского истеблишмента. Так в российской элите стало утверждаться амбивалентное отношение к Соединенным Штатам Америки. Российская элита не была готова отрестироваться от либерально-демократических ценностей и идейного союза с США и западной цивилизацией, но она стала все более претендовать на собственную суверенную нишу в ней и начала все больше пикироваться с Соединенными Штатами, обнаружившими непонимание и неприятие ее позиции и интересов.

В период президентства В. Путина эта амбивалентность в отношении российской политической элиты к США сохранялась и углублялась. На протяжении всего периода пребывания на президентском посту В. Путин (как и затем его преемник Д. Медведев) неизменно заявлял о приверженности принципам демократии, желании модернизировать Россию. В рамках и в контексте подобного позиционирования российского президента его идеологическое окружение объявило В. Путина идеологическим последователем знаменитого либерального прези-

дента США Ф. Рузвельта. В 2007 году на конференции по случаю 125-летия со дня рождения американского президента (в самих Соединенных Штатах Америки эта дата осталась незамеченной) В. Сурков, заместитель главы президентской администрации, за которым закрепилась известность главного идеолога Кремля, заявил: «Если в XX веке Рузвельт был нашим военным союзником, то в XXI веке он стал нашим идеологическим союзником»¹. «Не будем скрывать, что сегодня, говоря о Рузвельте, мы имеем в виду Путина», — декларировал известный кремлевский политтехнолог Г. Павловский².

Но в реальности развитие современной России обнаруживало иные тенденции. Одна из них заключается в отказе от *либеральной демократии*, которой был привержен Ф. Рузвельт, в пользу *суверенной демократии*, авторство которой чаще всего закрепляется за уже упоминавшимся В. Сурковым и которая значится сегодня на идеологическом знамени правящей партии «Единая Россия». В полемике с Западом и в первую очередь с Соединенными Штатами российское руководство и СМИ все чаще воспроизводили аргументацию, характерную для советской эпохи, доказывая, что российская демократия гораздо лучше западной.

Мы должны говорить об очевидной амбивалентности отношений российского руководства с Западом и США. С одной стороны, официальная идеология, озвучиваемая ведущими телеканалами и телевизионным агитпропом, подвергает жесткой критике США за гегемонизм, иные пороки, целенаправленно насаждает антиамериканизм. С другой стороны, российская элита посылает своих детей на учебу в западные университеты, обзаводится недвижимостью на Западе, вкладывает в западные страны огромные инвестиции (история московского мэра Ю. Лужкова показывает, что это в высшей степени для элиты полезно). При встречах и переговорах с американскими лидерами российские руководители ведут себя так, как будто США являются их самым близким партнером, антиамериканизмом и близко не пахнет. Россия последовательно заключает с США важные и, безусловно, полезные международные и двухсторонние договоры, сотрудничает в борьбе с терроризмом в Афганистане, укрепляет отношения с НАТО.

Подобные факты дают аналитикам основание утверждать, что антиамериканизм является для российского руководства продуктом, рассчитанным на внутреннее употребление, инструментом мобилизации масс на свою поддержку, поскольку иные инструменты в дефиците.

Ярким примером цинично-прагматичного отношения к Западу российского истеблишмента является, на мой взгляд, его позиция в отношении западной, в первую очередь американской, массовой культуры. В течение последних двух десятилетий американская массовая культура прочно укоренилась в России. Многие ее образцы, в том числе и даже преимущественно самые низкие (среди них — насилие, секс,

¹ *Закатнова А.* Рузвельт опять союзник // Российская газета. 2007. 9 февр.

² Там же.

убогий юмор, «желтый» интерес к знаменитостям), заполнили российские средства массовой информации, включая телеканалы, контролируемые властью. Казалось бы, власть, постоянно утверждающая, что «Россия — уникальная цивилизация» (определение зафиксировано в программных документах партии «Единая Россия»), призывающая к патриотизму и любви к Родине, должна противостоять распространению подобных образцов, как и стремительному росту собственных национальных «фабрик» вульгарной массовой культуры, опускающих российские массы духовно «ниже плинтуса». Но нет, власть на это как минимум закрывает глаза, позволяя деятелям массовой культуры свободно, по максимуму использовать возможности рынка для обогащения за счет низких массовых вкусов.

Власть также абсолютно не препятствует массам россиян усваивать вульгарные поведенческие манеры американской «толпы». К поведенческой свободе по-американски добавляется поведенческая свобода по-русски: россияне уже привыкли распивать пиво во всех общественных местах и в любое время, превратили русский мат в обыденную разговорную речь. Некоторые россияне с гордостью полагают, что в России свободы стало даже больше, чем в Америке.

Полагаю, что российская власть осознанно способствует отождествлению свободы только с поведенческой свободой. На место прежнего неформального советского «общественного договора», заключавшегося в том, что массы в обмен на обеспечение им минимального прожиточного уровня и минимальных социальных услуг соглашались на свободное распоряжение политической элитой властью и собственностью, заступил новый неформальный общественный договор власти и масс. Власть предоставляет массам любую поведенческую свободу, лишь бы они не претендовали на свободу политическую и экономическую. Политическая и экономическая власть должна принадлежать элите. Пока что новая стратегия удержания власти российской политической элитой обнаруживает достаточную эффективность. Насколько она окажется надежнее и прочнее стратегии удержания власти, использовавшейся советской элитой, покажет время.

Безусловной же задачей академического сообщества, российской американистики, по моему убеждению, является сохранение и углубление объективного сбалансированного подхода к изучению США, противостояние пропагандистским штампам, содействие позитивному диалогу двух культур.

Сухейль Фарах¹

ОТ ДИАЛОГА К ПАРТНЕРСТВУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРИНЦИПЫ, ПРЕПЯТСТВИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В основе идеи создания ООН, как и ЮНЕСКО, лежит убеждение в том, что диалог способен преодолеть противоречия, что многообразие — это всеобщее благо и что народы мира гораздо сильнее объединяет общая судьба, нежели разделяет их самобытность. Организация Объединенных Наций, как она задумана, может стать хорошей основой для диалога между цивилизациями, форумом, где такой диалог может расширяться и приносить плоды во всех сферах человеческой деятельности².

Об этом говорил бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан почти десять лет назад. С тех пор в разных странах мира были проведены сотни, если не тысячи конференций, семинаров и встреч. В связи с этим возникают несколько принципиальных вопросов, на некоторые из них я попытаюсь ответить.

Почему культура диалога между разными цивилизациями, религиями и сферами знаний пока не-

достаточно распространена и признана на Западе, не является привлекательной среди приверженцев тоталитарной политической и религиозной доктрины на Востоке?

Какие принципы необходимы, какие проблемы и перспективы возможны не только в ходе диалога, но, самое главное, при выстраивании партнерства цивилизаций? Наконец, какие предварительные выводы уже можно сделать в процессе этого диалога и партнерства?

Не претендуя на исчерпывающие ответы, наоборот, оставляя вопросы открытыми для их углубления и осмысления, попытаюсь нарисовать первый эскиз целостной картины на эту животрепещущую тему.

Принципы диалога

Диалог имеет свои основания, условия, сдерживающие факторы и желательные последствия, которые должны проявиться в отношениях между человеком и окружающим миром, между цивилизациями и религиями, между разными сферами гуманитарного и естественного знания. Попытаемся свести их к ряду следующих пунктов.

Во-первых, прежде чем начать диалог с кем-либо, необходимо провести его с самим собой. При этом следует проанализировать как сближающие,

¹ Иностраннный член Российской академии образования, профессор кафедры философии гуманитарного факультета Ливанского государственного университета, доктор философских наук. Автор и составитель книги: «Духовная секуляризация и религия: опыт христианства и ислама», «Ф. М. Достоевский. Бог, человек и цивилизация», «Митрополит Илия (Каралм) и Россия», «Разнообразие культур: опыт России и Левантского Востока» и др.

² Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения: кол. монография / сост. С. Н. Фарах. М.; Бейрут; Н. Новгород: Медина, 2010. С. 10

так и разделяющие моменты. Ведь любой диалог, опирающийся на разум и чувство, начинается с выбора между сомнением и уверенностью, между одной и другой идеей, одной и другой линией поведения. Все это свойственно человеку, находится внутри одного мировоззрения, одной веры, одной культуры.

Во-вторых, для любого диалога требуется партнер. Причем партнер искренний, ибо только в открытом диалоге происходит духовное движение сторон навстречу друг другу, перерастающее в обоюдное стремление к еще большему сближению и взаимодействию. В этом контексте диалог представляется как вхождение в процесс расширения пространства познания и освобождения от ошибочных мыслей и представлений о себе и о другом человеке. Кроме того, истина, как утверждает один из крупнейших мудрецов Востока митрополит Жорж Ходр, «не может быть рождена замкнутым сердцем. Она появляется от двух идей, налагающихся одна на другую»¹.

В-третьих, поскольку в различных областях у каждого из нас есть сильные и слабые стороны, любой диалог должен складываться на основе равного отношения к западному и восточному человеку как космической ценности, а также на основе равенства людей перед Создателем и Вселенной.

В-четвертых, успех диалога во многом определяется безусловным принятием, уважением и вниманием участников друг к другу. Диалог не строится на попытке убедить собеседника в правильности своих высказываний и действий, отрицая его слова и опыт. Наоборот, необходимо, чтобы подлинный диалог основывался на разъяснении, понимании, изучении и деликатном подходе. Социально-поведенческий принцип, обуславливающий наше отношение к собственному культурному «я», и взаимоотношение с культурным «я» другого, состоит в признании принципов объективности и относительности в оценке вклада каждого в строительство цивилизации.

В-пятых, предполагается, что собеседник обладает свободной волей, ибо диалог требует от его участников самостоятельности в суждениях и широких знаний, а не жесткого следования букве, слепого подчинения идеологическим шаблонам и наносам исторической памяти, наполненным враждой и противостоянием.

В-шестых, диалог должен продвигать нас к следующему этапу в партнерстве, которое должно охватить все уровни и сферы деятельности всех народов мира. Наиболее значительные из них:

- а) обмен представлениями о духовных и морально-нравственных ценностях;
- б) партнерство через создание широкой сети экономических, общественных и культурных отношений, связей в научных сферах, где имеют место сотрудничество и кооперация усилий сторон по обеспечению их взаимных интересов;

¹ Митрополит Жорж Ходр. Исламо-христианские отношения: прочтение настоящего и будущего. Бейрут : Центр стратегических исследований, разработок и документации, 1994. С. 209.

в) диалог в формате спора — демократическое обсуждение с целью активизации конструктивного, рационально-критического духа в отношении обеих сторон;

г) диалог и партнерство, понимаемые как обмен позитивным и негативным опытом с позиции социологических подходов в целях конструктивно-созидательного развития и непрерывного раскрытия потенциалов для познания бытия.

В-седьмых, влияние участников диалога друг на друга должно быть двусторонним. Несмотря на то, что характерной чертой бытия является борьба между сильным и слабым (это то, на чем делают упор последователи дарвинистской социальной философии и приверженцы точки зрения о неизбежной борьбе между цивилизациями и религиями), мыслящие личности западного и восточного миров должны делать ставку на другую модель взаимоотношений между религиями и цивилизациями — позитивное и конструктивное взаимодействие.

Таковы семь принципов, создающие благополучную картину, которая на первый взгляд представляется идеальной и труднореализуемой, поскольку перед диалогом и тем более перед партнерством встают препятствия как внутри двух миров, так и во взаимоотношениях между ними.

Препятствия для диалога и партнерства

У каждого из народов земного шара существуют свой язык или языки, своя религия, образ мышления и поведения. Различия являются *естественным препятствием* для отождествления одного народа с другим, однако они же делают неизбежным вступление в диалог и партнерство, что в свою очередь становится жизненно важным морально-нравственным долгом. При этом, как справедливо отмечает французский социолог Арман Матлер, «диалог и партнерство, поскольку ведутся между различными людьми, превращаются сами по себе в увлекательное приключение, то есть осуществляются между разными по своим этническим и культурным чертам и характеристикам людьми»².

Второе препятствие, которое, с моей точки зрения, является основным, кроется не собственно в различиях, а прежде всего сводится к двум главным проблемам. Первая из них заключается в отсутствии антропологического взгляда на человеческий род и бытие вообще. Вторая — в отсутствии рационально-разумного личностного взгляда.

Отсутствие этих двух позиций можно отчетливо видеть не только у «рядовых» верующих в восточном и западном мирах. Оно сильно проявляется в подходах религиозной и культурной элиты, которая формирует общественное мнение, массовое сознание и вкусы. Именно здесь кроется наибольшая опасность, поскольку из-за этого отсутствия создается главное препятствие для всестороннего объективного научного взгляда на человека, религии и культуры.

² Matler A. Diversite Culturelle et Mondialisation. P. : Ed. La Decouverte. P. 32–33 (en langue arabe).

Третье препятствие, также значительное, связано с давлением исторической памяти на обе стороны диалога. Расхождения между культурами и религиями коренятся в различиях между священными текстами и ритуалами. Они связаны также с многовековой борьбой за территории и сферы влияния, которая выражалась в столкновениях и многочисленных войнах.

В так называемых горячих точках мы наблюдаем проявления фанатизма, религиозного фундаментализма и, как крайней степени враждебности, — терроризма. И напротив, в мирных районах активно действуют движения в пользу конструктивного диалога между различными религиозными общинами. Для тех местностей, где случается «и так, и эдак», характерны тревожное ожидание и напряженность.

Для достижения целей важно сосредоточиться на выработке стратегии решения следующих задач:

1) тщательное изучение исторической памяти и установление ее влияния на настоящее;

2) применение сравнительной методологии под углом зрения объективной антропологии;

3) исследование взаимного притяжения между религиозным и историческим языками и мышлением, которое передается на этих двух языках;

г) выявление причин противоречия научным подходом и тем, что продуцируется воображением и страхами. Знание и культура, как говорит мыслитель-исламовед Мухаммед Аркун, «становятся богаче и шире, когда существуют и применяются точные критерии справедливости, правды, добра, красоты — и не только для отдельного клана, племени, группы, общины, нации, но и для всего человечества»¹.

Четвертое препятствие, которое не позволяет широко открывать врата диалога, связано с незнанием религиозных текстов и душ. Как говорит немецкий философ Поль Гольбах, «незнание — отец грехов». Ведь существует масса пунктов расхождения между носителями разных вер, источником которых было не внешнее давление или попытки завоевания и захвата добычи, рядившиеся в религиозные одежды, а элементарное незнание сущности текстов священных писаний, изобилующих духом любви, мира, чистого поклонения Господу. И такие общие духовные и божественные ценности можно найти в любой религии.

Пятое препятствие заключается в жесточайшей борьбе между светским и религиозным подходами к вопросам бытия и мира. Отсутствие взаимного признания границ знания, материальных и духовных возможностей каждой из сторон поддерживает поля напряженности в отношениях между ними. Религиозная идея, которая связывает судьбы человечества с желанием и волей Создателя и пытается установить дистанцию между Создателем и Его созданием, для того чтобы избавить Господнее сияние от временных отклонений и постоянно случаемых исторических драм, является безусловно позитивной.

В то же время мы видим, что светская идеология, напротив, связывает судьбы людей, диалог и партнерство цивилизаций с общим течением истории человечества, то есть с диалектикой постоянно изменяющегося исторического движения, которое сопровождается постоянной эволюцией всех типов общественного сознания.

В этом смысле любая идея, религиозная или светская, сама себя освобождает от определенных оков и в то же время ограничивает некоторыми предостережениями. Это не только создает значительное познавательное препятствие в процессе всестороннего диалога и партнерства между государствами и людьми всего мира, но и вызывает серьезную трещину в культурном и идейном здании одной цивилизации и одного народа, а также между последователями одной религии среди верующих и идейного направления среди светских людей.

Шестое препятствие состоит в смешении исторического измерения религии с обрядовым измерением, а также в искусственном взаимопроникновении политического и религиозного компонентов. Это явление отчетливо выражено в большинстве стран Ближнего Востока, где возникли монотеистические мировые религии. К сожалению, такого рода явления влияют на всех верующих, живущих в разных уголках планеты. Все это лежит камнем преткновения на пути взаимопознания и позитивного контакта не только между верующими разных стран, но и между представителями одного народа, принадлежащими к разным религиям или религиозным течениям.

Седьмое препятствие, существующее во многих странах не западного либерального демократического мира, заключается в их недостаточной, усеченной демократии. Отсутствие демократической культуры и практики делает большинство систем власти в них близкими к авторитарным моделям. При этом многие лидеры, не сумев утвердить свою власть посредством опоры на демократический порядок, прибегают к использованию религиозного и политического багажа, унаследованного от прошлого.

Восьмое препятствие, пожалуй, самое сложное, поскольку связано с так называемыми «хозяевами глобализации», которые занимают ключевые позиции в управлении финансами, политикой, имеют силу и влияние в пространстве «золотого миллиарда». Они не заинтересованы в культурном диалоге и тем более в справедливом партнерстве цивилизаций. С другой стороны, представители бизнеса и правящей элиты стран, не относящихся к «золотому миллиарду», также мало интересуются процессом диалога цивилизаций.

Как следствие, эти положения неизбежно вступают в противоречие с идеей творческого и справедливого диалога и партнерства между людьми, между цивилизациями, стремящимися к взаимодействию и интеграции.

Перспективы

Несмотря на препятствия, существует целый ряд общих знаменателей, которые формируют схожие для людей моменты в различных областях.

¹ Аркун М. Окно на ислам. Бейрут : Атия, 1996. С. 232.

Имеются широчайшие поля — культурное, философское, религиозное, духовное, политическое и экономическое, на которых возможен разумно-рациональный диалог и достижение соглашения о выработке стратегии партнерства между сторонами в самых разных сферах. На некоторые из них хотелось бы обратить особое внимание.

На философском, религиозном и духовном уровнях есть вопросы бытия, которые можно прорабатывать творчески, открыто и основательно, с учетом культурного и религиозного достояния всех цивилизаций. Это, в частности, вопросы жизни и смерти, прощения и ответственности, боли и счастья, мирской и вечной жизни и другие крупнейшие вопросы бытия, которые беспокоят сегодняшнего человека.

Как западный мир, так и восточный с их религиозным, этническим и культурным многообразием представляют собой беспокойное пространство диалога и противоборства культур, религий, интересов и надежд. Эти два мира нуждаются в более тесном и прочном сближении, поскольку именно этого настоятельно требует логика их интересов и выработка реалистичных и рациональных стратегий, полезных и выгодных для обеих сторон.

Нашу веру укрепляют сплоченность и сотрудничество ряда влиятельных и деятельных сил и личностей во имя формирования реалистичной основы для всестороннего диалога и партнерства между цивилизациями. Тем не менее требуется создание новых механизмов и институтов для диалога и партнерства на уровне неправительственных организаций (особенно там, где сосуществуют различные культуры и конфессии) — таких, которые заботились бы о соблюдении прав национальных и религиозных меньшинств в своих регионах.

Следует также указать на ряд важных планов ЮНЕСКО, на перспективные проекты и мероприятия, которые осуществили многие организации в России и за ее пределами, представляющие разные цивилизации на различных уровнях и в различных сферах. В частности, Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева, и в первую очередь его президент, академик РАЕН Ю. В. Яковец, выдвигает новые идеи и практические предложения для ЮНЕСКО в области науки, образования и культуры¹.

Нам всем предстоит напряженная борьба за утверждение такого типа глобального развития, которое уменьшило бы для человечества риск противоречий и столкновения между цивилизациями. В этой борьбе решающую роль призваны сыграть усилия в таких областях, как межнациональные отношения, религия, мораль, просвещение, экономика и право. Весьма важно укреплять дух ответственности и партнерства между цивилизациями. Глубокое понимание ответственности, под-

черкивает немецкий ученый Ганс Йонас, «вводит людей посредством философского осмысления и гуманизации морали в технологический век, побуждая их строить отношения между собой на новой, моральной основе»².

По этому поводу справедливо вспомнить слова русско-американского социолога Питирима Сорокина: «Истина, добро и красота вновь объединятся в высшую триаду ценности, раскрывающую все полнее тайны Высшей реальности и преданно служащую человечеству в его творческой миссии на этой планете и за ее пределами»³.

В связи с этим становится востребована новая философия этики, культуры, безопасности, духовности, которая должна руководствоваться, к примеру, следующими императивами:

1) работа над созданием универсальной этики в отношениях между индивидуумами, обществами, народами и цивилизациями. В рамках этой этики формируются принципы взаимоуважения, взаимной ответственности, сотрудничества, солидарности и социальной справедливости;

2) поддержка и пропаганда идеи о культурном, религиозном и духовном многообразии. Человеческий мир должен быть таким же разнообразным и многоцветным, как растительный и животный миры;

3) создание механизмов для достижения мирного сосуществования, взаимодействия и взаимобмена между всеми цивилизациями и культурами в целях превращения планеты Земля в общую, приветливую для всех родину;

4) избавление от иллюзии необходимости сохранения закрытой национальной самобытности и фундаментализма. Приверженность общечеловеческим ценностям и идеалам;

5) недопущение растворения национальных особенностей в переходе на один шаблон. Утверждение не только индивидуальности каждого народа, но и каждой личности при сохранении личностных качеств;

6) если поступательное движение глобализации с технологическим и информационным прогрессом — реальный и предопределенный факт, то сбережение здорового ценностного ядра в культурной самобытности народов — это нравственный человеческий долг для сильного и слабого, для начальника и подчиненного, для элит и масс;

7) если реакцией политиков и народов на засилье потребительской идеологии станет ориентация на духовную составляющую человеческой личности, то реализация этой непростой задачи должна быть возложена на религиозные элиты. От этих элит, с учетом священности религиозной миссии и вечности духовного начала, требуется большее внимание к духовному воспитанию людей, концентрация на нравственности и отстраненность от

¹ О стратегии диалога и партнерства цивилизаций в области науки, образования, культуры и этики: Всеобщая декларация ЮНЕСКО. М., 2010.

² Hans J. Le Principe "Responsabilite". Une etique pour la civilization technologique. P., 1992.

³ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 241–242.

мирских искушений, отказ от соблазна политических и материальных игр, чем грешат некоторые представители религиозных институтов;

8) мир не переживет новую ужасную волну войн и конфликтов, столкновения цивилизации.

Будущее человеческой цивилизации на планете зависит от результатов теоретической полемики — столкновения различных форм научного, религиоз-

ного, культурного дискурса. В каждой цивилизации, в каждой стране, в каждой культуре, вырвавшейся вперед, аутентичной или заимствованной, противоборство такого рода имеет свои отличительные черты. Тем не менее в итоге оно приводит к выработке общезначимых ориентиров, подготавливающих вступление человечества в новую земную и космическую эпоху.

К. В. Шувалов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ

Участники международных обсуждений проблем межкультурного диалога расходятся в понимании термина «культура», но в документах ЮНЕСКО и Альянса цивилизаций этим словом в его значении коллективной идентичности чаще всего обобщают нелюбимые сегодня в Европе понятия «цивилизация», «религия», «этнос». Буду также придерживаться этого не вполне удачного обобщения.

В мире нарастают проявления неприятия чужой культуры. Ксенофобия различных видов входит в число угроз стабильности и может перерасти в угрозу безопасности. Разумеется, государство не бездействует в такой ситуации. На национально-государственном уровне находятся основные механизмы нейтрализации конфликтности на почве культурных различий: демографическая и миграционная политика, политика в сфере образования, занятости, информации и культуры, религии, охраны и защиты прав, государственного строительства. Каждый из этих инструментов может ощутимо влиять на сосуществование культур, но сделать его гармоничным и бесконфликтным одними усилиями государства сегодня практически не удастся нигде.

Идея комплексного реагирования на конфликт культур лежит в основе получившей широкую поддержку международной инициативы — движения «Альянс цивилизаций» (АЦ). Оно рассматривает себя как инструмент «мягкой силы», который предполагается использовать для преодоления конфликтной неуправляемости культурного многообразия. АЦ не хочет подменять существующие механизмы урегулирования конфликтов, а видит для себя нишу в воздействии на их культурное измерение, особенно через примирительную работу на межличностном уровне. Альянс «дружит» с государствами, международными и региональными организациями, но подчеркивает свою самостоятель-

ность в отношениях с ними и желает вовлечь в «демократическое управление культурным многообразием» новых игроков, представляющих в первую очередь гражданское общество.

Проблема управления культурным многообразием интересует и основного международного организатора межкультурного диалога — ЮНЕСКО. При этом как ЮНЕСКО, так и АЦ обходят вопрос о субъекте управления. Есть лишь намек — оно должно быть демократичным. На международном уровне такого субъекта нет, а при гипотетической возможности его появления в рамках изменения роли национального государства в «поствестфальскую эру» неизбежно возникнет вопрос о культурной идентичности самого этого управляющего субъекта и, соответственно, его нейтральности, демократичности и эффективности.

Возможность вовлечения международного уровня принятия решений в управление культурным многообразием предполагала бы выработку его инструментария, в том числе нормативного. Ни АЦ, ни ЮНЕСКО, ни другие международные структуры не ставят перед собой такой задачи, хотя руководство «Альянса цивилизаций» говорит о выходе на новую парадигму межкультурных отношений как о дальнейшей цели своей деятельности.

Возможно замечание в том смысле, что управление с использованием «мягкой силы» по определению не нуждается ни в управляющем субъекте, ни в правовом регулировании, так как оно осуществляется через воздействие на умы методами убеждения, воспитания и просвещения. Но и это действие направлено не на культуры, а на их носителей, то есть на субъектов права и политики, граждан своих государств.

Очевидно, что именно суверенное государство сейчас и в обозримом будущем может быть основным и наиболее эффективным управляющим культурным многообразием. Это связано не только с суверенным характером политических инструментов управления, но и с необходимостью учета сильно различающихся национальных особенностей в подходах к гармонизации межкультурных отношений.

Вместе с тем международный уровень межкультурного взаимодействия полезен и востребован во многих случаях: для сотрудничества по линии межгосударственных специализированных учреждений

¹ Посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД РФ по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций». Чрезвычайный и Полномочный Посол. В системе МИД — с 1976 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате министерства и за рубежом: заместитель начальника управления Департамента Западной и Южной Азии, первый заместитель директора Третьего департамента Азии, посол России в Иране, директор Третьего департамента стран СНГ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Боснии и Герцеговине.

(ЮНЕСКО и ее региональные аналоги, Международная организация миграции, межгосударственные региональные объединения), для обобщения накопленного опыта в сфере сосуществования культур, которым, к сожалению, никто пока всерьез не занимается, для ведения диалога по концептуальным аспектам межкультурных отношений, в который, напротив, вовлечены многие, но особенно интересными диалоговыми площадками выступают Лихачевские чтения и родосские сессии Международного общественного форума «Диалог цивилизаций».

Местная специфика проблем сосуществования культур в некоторых случаях делает перспективными попытки их решения в региональном формате. На нынешнем этапе своей деятельности «Альянс цивилизаций» вывел его на первый план своей деятельности, подготовив и получив от заинтересованных государств одобрение двух региональных стратегий для Средиземноморья — для всего региона и отдельно для Юго-Восточной Европы. По сути дела, речь идет о предоставлении Альянсом своей символической поддержки проектам, которые осуществляют в рамках собственных программ отдельные государства, международные и региональные организации, фонды и НПО, и в которые вовлечены представители нескольких государств.

На международных форумах часто приходится слышать, что задача устранения межкультурной конфликтности решаема преимущественно и чуть ли не полностью расширением информированности людей о «чужих» культурах, с которыми им приходится сталкиваться. Отсюда — тактика приоритиза-

ции локальных инициатив с целью знакомства представителей разных культур друг с другом, снятия таким образом предубеждений и страхов. Бесспорно, эта деятельность полезна, но ее эффективность не следует преувеличивать.

Не менее важно формирование внутри каждой из культур настроя на открытость и диалог, уважение к людям других традиций, соблюдение правил общения в любом социуме. В этом контексте особо высок спрос с тех, кто формирует общественное мнение, — средств массовой информации религиозных деятелей, лидеров молодежных движений, женских организаций. Все они по своей природе и в силу того, что их деятельность проходит в условиях конкуренции, с повышенной настороженностью воспринимают любые попытки, особенно со стороны государства, рассматривать их как объект управления или координации. Выход видится в том, чтобы вовлекать их в межкультурный диалог, делать их единомышленниками и союзниками в противостоянии конфликтности на почве культурных различий. В этом случае диалог между культурами действует как один из инструментов демократического управления их многообразием.

Вопрос управления межкультурными отношениями — отнюдь не бюрократическая казуистика. От того, кто и по каким правилам будет осуществлять это управление, зависит, приведет ли оно к раскрытию созидательного потенциала взаимодействия культур или обернется ужесточением их конкуренции.

Мохаммед Эль Захаби¹

РОЛЬ СМИ В ПРОДВИЖЕНИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

В рамках данного международного научного форума небезынтересно поразмышлять о влиянии, которое оказывает глобализация на диалог культур, а также о роли информационных и коммуникационных технологий в сфере глобальной культуры.

В настоящее время Программа развития ООН рассматривает информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) как неотъемлемый элемент развития общества, а также благополучного существования отдельных людей. Вместе с тем на глобализацию — процесс «расширения, ускорения и интенсификации экономических, социальных, политических и культурных взаимодействий» — сильное влияние оказали развивающиеся информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Количество увеличилось, а также увеличение скорости циркулирующей информации — одна из основных черт глобализации. В данном контексте термины «экономика знаний» и «информационное общество» приобретают новый, более глубокий смысл.

Вследствие прогресса в сфере информатики и телекоммуникаций, благодаря Интернету и взаимо-

связанности фондовых бирж по всему миру возникает новая виртуальная экономика. В связи с колебаниями спроса на валюту и вознаграждения, получаемого от капитала, финансовая выгода от инвестиций становится более важной, чем производственная функция. Таким образом, именно сфера финансовых отношений отвечает за становление «глобальной деревни», о которой мечтал канадец Маршалл Маклюэн². *Однако повторяющиеся кризисы заставляют нас задуматься над тем, как хотя бы минимально регулировать эти рынки, полностью неподконтрольные.*

Компании, специализирующиеся в сфере развлечений, повсеместно формируют восприятие и вкусы людей, распространяя западные идеалы капитализма, его ценности и культуры. Интернет и кабельное телевидение сметают культурные границы.

Давайте начнем с того, что попытаемся очертить границы, разделяющие различные культуры. Можно ли точно определить, сколько культур существует сегодня: западная, китайская, индийская, исламская, арабская? Многие люди, даже не живущие на Западе, считают, что западная культура играет доминирующую

¹ Постоянный представитель Арабской Республики Египет при ЮНЕСКО.

² Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский философ и социолог.

роль на международной сцене. Но что такое «западная культура»? Некий определенный образ жизни, принятый среди различных наций; определенного рода экономический либерализм, политические институты, абсолютно свободное общество? *Похоже, что определение западной культуры становится все более и более размытым. Действительно ли сегодняшний мир развивается в условиях медленного «разжижения» культур, в условиях, которые мы могли бы назвать модернизацией или глобализацией? Раньше различные регионы мира не взаимодействовали; теперь же все они взаимозависимы.* В самом деле, похоже, что различные культуры утрачивают свои границы. Культура и глобализация стали пониматься как взаимно несовместимые.

Парадоксы глобализации

В соответствии со взглядами Гегеля сущность культурной идентичности определяется различиями; любая культура обозначается отношением к другим культурам или в противопоставлении с ними. Как показывает история, эти отношения не так просты, как кажутся. В ряде случаев одна культура подавляла другие вследствие простых экономических интересов. Мир финансовых отношений — это один из принципиальных факторов глобализации экономики, когда наблюдается установление всемирного рынка капитала и бурный рост спекулятивных денежных средств. Все это началось в 1970-х годах с «нефтяных шоков» и раздувания международной ликвидности, которая отчасти явилась результатом «нефтяных шоков», а также с падения доллара по отношению к золотому стандарту и общих валютных колебаний, последовавших с другой стороны. В начале 1990-х годов, после того как была разрушена Берлинская стена и завершилась холодная война, международные компании предприняли массированные действия по реорганизации своей деятельности. Глобализация вступила в новую фазу всемирной интеграции экономической, финансовой, социальной, экологической и культурной зависимости.

Но за этим очевидным единообразием мирового пространства скрыто глубокое неравенство. Мир глобализации — это мир концентрированности всего, который, таким образом, усиливает неравенство. Пропась между теми, кому удалось воспользоваться возможностями, предложенными глобализацией, и теми, кто не сумел найти свое место, пропасть между бедными и богатыми расширяется на всех уровнях: всемирном, региональном, национальном и местном. Всего 1/5 человечества потребляет (и производит) 4/5 мирового богатства. Еще раз: бесконтрольная глобализация порождает маргинализацию наиболее слабых, а также нарастание незаконной или преступной деятельности. Без противовеса капитализм ведет к монополизации, которая уничтожит конкурентность и поставит под вопрос рыночные механизмы. «Являясь изменением масштабов, а именно изобретением нового пертинентного пространства, глобализация — в силу одного лишь своего существования — неизбежно создает напря-

женности в преобладающих локальных конфигурациях, угрожая им конкуренцией».

Западу пришлось вырабатывать законодательные акты, чтобы справиться с расширяющейся нелегальной деятельностью. Общественные силы были вынуждены регулировать глобализацию, устанавливая нормы, распределяя материальные ценности, развивая территории; и вот таким парадоксальным образом глобализация стала сопровождаться отступлением от своих принципов государств, склоняющихся к протекционизму, закрытию границ и введению ограничительного законодательства. Свободный обмен ставится под сомнение, поскольку он подвергает риску некоторые весьма существенные аспекты — трудовую занятость, безопасность, здравоохранение, а также доступ к энергетическим ресурсам. Зоны влияния закрепляются двусторонними соглашениями.

Неуверенность перед лицом перемен в мире, быстрота изменений влекут за собой реакцию в форме утверждения локальных идентичностей, восстановления активности местных сообществ: поиск основ своей идентичности. *И еще раз: глобализация парадоксальным образом дробит мир. Никогда еще давние распри и религиозная нетерпимость не были столь острыми.*

Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)

Культуры или цивилизации всегда в той или иной степени взаимодействовали, и такое взаимодействие является тем самым фактором, который способствует обогащению или обеднению цивилизации. В настоящее время ИКТ играют фундаментальную роль в процессе выстраивания и направления деятельности сообществ, их культур и идентичности. Благодаря новым техническим изобретениям теперь становится возможным устанавливать связь при помощи мобильных телефонов, телевизоров, персональных компьютеров и других электронных приборов. Они дают широкие возможности для налаживания контакта и обмена информацией с другими людьми; они создают основу для преодоления и уменьшения эффекта физической отдаленности. Теперь в режиме реального времени можно выяснить, что происходит на отдаленном участке планеты, а также получить доступ к огромному объему информации. Однако некоторые исследователи отмечают риск гомогенизации и усвоения одних и тех же культурных достижений, которые имеют тенденцию стать нормативными. По мнению Д. Уолтона¹, еще один парадокс глобализации заключается в том, что столь широкая доступность информации вовсе не означает лучшее понимание мира. Иными словами, доступ ко всему диапазону информации не означает, что мы способны лучше понимать события, которые разворачиваются на другом конце планеты.

Напротив, по мере сокращения физических расстояний все острее проявляются культурные отличия. Будучи неверно понятыми, эти культурные от-

¹ Доминик Уолтон (р. 1947) — исследователь в сфере информационно-коммуникационных технологий.

личия могут стать проблемой и даже подвергнуться остракизму. *Вот почему глобализация культуры является также вопросом политическим.* Под предлогом сохранения аутентичности и культурной уникальности любая группа людей может замкнуться сама в себе, развить националистическую и экстремистскую активность, совершить акты расизма или ксенофобии. Культурные проблемы, долгое время считавшиеся менее важными, чем вопросы политики и экономики, теперь стали рассматриваться более пристально, так как они также могут оказаться потенциальными возбудителями конфликтов.

Доступ все увеличивающегося числа людей к всеобщим информационным и коммуникационным сетям приводит к следующим двум результатам.

Во-первых, происходит рождение своего рода «общей культуры», для которой особенно характерно использование английского в качестве «языка коммуникации» (его иногда называют «глобиш», а не «инглиш») и которая строится на основе продуктов культуры (кино, музыка, телевидение и информатика) или на основе стиля жизни (западный спорт, итальянская или китайская кухня и т. д.). Некоторые люди считают, что эта общая культура несет в себе угрозу обеднения культурного многообразия или даже возможность победы одной определенной концепции экономических и социальных отношений. Многие из нас полагают, что самые публичные символы глобализации — это кока-кола и новости по Си-эн-эн. Даже сам термин «всеобщая цивилизация» является предметом полемики.

Во-вторых, приходит глубокое осознание того, что есть и культурное разнообразие, и взаимозависимость всех людей. Вследствие количественного роста информационных источников возникает лучшее понимание определенных обычаев и многообразия мира. Таким образом становятся различимы культуры малочисленных народов. ИКТ дают этим культурам возможности для самовыражения и процветания, завоевания внимания более широкой аудитории, и кроме того — шанс сравнить себя с другими культурами и открыться навстречу миру. События такого международного масштаба сопровождаются усилением роли негосударственных организаций в качестве основных действующих лиц.

Однако культуры, которым не удалось освоить ИКТ, не имеют возможности развиваться на фоне других культур, приобретающих все большее значение и доминирующих в медиапространстве. В действительности имеется некий дисбаланс при взаимодействии различных культур, и, похоже, сейчас мы начинаем понимать риск, который несет в себе этот дисбаланс. Доступ к ИКТ неоднороден и неодинаков. Существует пропасть (цифровой барьер) между развитыми и развивающимися странами. Концепции «глобальной деревни» или «глобального информационного сообщества» необходимо уточнить, так как огромная часть населения Земли не имеет доступа к информационно-коммуникационным сетям. В настоящее время 80 % людей в мире исключены из глобальных информационных сетей. К Интернету подключено менее 4 % аф-

риканцев. И вновь: сфера культуры также подчиняется коммерческим операциям, и данный процесс нуждается в установлении определенных правил, которые смогут гарантировать уважение права собственности и авторского права. В этом плане значительную роль сыграли переговоры «уругвайского цикла»¹. Но помимо этих эксклюзивных прав, нам следует задаться и другим вопросом: *сохранила ли глобализация культурную идентичность? И каков социально-культурный вклад, а также влияние глобализации? Именно эти вопросы могут возникнуть сегодня в связи с защитой культурной идентичности.*

Может ли глобализация сохранить культурную идентичность, или культурное разнообразие находится под угрозой?

Опыт последнего десятилетия показывает, что культура рождается от общества к обществу, однако либерализм осложняет сохранение идентичности некоторых народов, принадлежащих к так называемым «малым культурам». Он даже может способствовать их исчезновению и таким образом обеспечить превосходство доминирующей культуры. Если и впрямь незападный мир пропитан и в каком-то смысле заражен западной культурой, необходимы глобальная реконструкция и восстановление равновесия. Новая модель, учитывающая национальное разнообразие, должна основываться на общих ценностях, взаимном уважении и доверии. Культура — это сфера, где преимущественно разнообразие является источником познания и самовыражения целой нации. Более того, культуру *нельзя свести к экономическим и финансовым вопросам*, и, следовательно, нас не может удовлетворить перспектива ограничения ее лишь законами спроса и предложения.

Возникает вопрос: *каким образом обеспечить сохранение культурных идентичностей в открытом мире, в котором беспрепятственно циркулируют виртуальные потоки капиталов, активы (включая культурные) и услуги?* Как жить совместно в условиях многообразия? Именно этот вопрос возникает в начале тысячелетия. Д. Уолтон призывает к культурному сосуществованию: «Чтобы организовать совместное культурное проживание, необходимо обеспечить минимальное взаимопонимание и осознать воздействие глобализации». Обеспечение культурного разнообразия означает сохранение и развитие многообразия и взаимодействия между различными культурными самовыражениями по всему миру, что обогащает, таким образом, наше общее культурное наследие. Культурный плюрализм (согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии) может стать политическим ответом на вышеприведенный вопрос, а именно, обеспечить глобальное управление, способное мирным путем регулировать отношения между различными группами людей, при условии, что все культурные самовыражения носят демократический и справедливый характер.

¹ Известный также как «уругвайский раунд». Это самый важный цикл международных переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, проводившихся между 1986 и 1994 гг. Этим было положено начало Всемирной торговой организации (ВТО).

Роль СМИ в обеспечении диалога и взаимопонимания между различными культурами

В поликультурных сообществах нынешние СМИ, благодаря своей роли в формировании общественного мнения, обладают необходимым потенциалом для того чтобы стать важнейшим каналом по обеспечению диалога и разрешению конфликтов между культурами. Это может быть достигнуто двумя путями. Во-первых, посредством распространения знаний и более глубокого осмысления локальных и национальных сообществ, принадлежащих к различным культурам: их обычаев, способов мышления, образа жизни. Во-вторых, при помощи диалога, основанного на толерантности и взаимном уважении, диалога между различными религиозными, этническими и социальными группами на всех уровнях: национальном, региональном и международном. Однако этот потенциал СМИ еще далек от реализации. Вот некоторые примеры из различных частей света. Трагедия прошлого года, когда были сожжены гробницы королей в Уганде — мировое культурное наследие; геноцид в Руанде 1994 года;

война в Сербии и везде, где вооруженный конфликт на этнической или религиозной почве доказывает, что неспособность понимать друг друга и уважать право каждого быть другим и быть равным приводит к катастрофе.

Для решения проблемы культурного сосуществования и совместного бытия, вне зависимости от культурных различий, необходимо, чтобы международное сообщество, ассоциации, негосударственные организации и другие заинтересованные стороны разработали инновационный механизм, который позволит каждой культуре самовыражаться и быть услышанной; механизм, который будет стимулировать культурное разнообразие тем, что предоставит возможность каждой культуре защищать свою уникальность и при этом не станет отсекающей ее от других культур, обеспечит ее выживание и развитие; механизм, который поможет наладить диалог между различными группами. На СМИ следует возложить обязанности посредника в межкультурном диалоге и призвать их к более тесному сотрудничеству друг с другом на местном, национальном, региональном и международном уровнях.

Кан Яо Яо¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Уважаемый ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, господа послы, выдающиеся представители университетской общественности!

Для меня огромная честь вновь посетить эту прекрасную страну по случаю XI Международных научных Лихачевских чтений, которые проводятся в престижном университете. От имени моей страны Кот-д'Ивуар я хочу поблагодарить российских должностных лиц, а также лично ректора СПбГУП за традиционный теплый прием.

Прежде всего я хочу отдать заслуженную дань уважения тому, чье имя освящает эту конференцию. Речь идет о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве — защитнике русской идентичности, с кончиной которого осиротел мир. Его напряженная деятельность и непрерывная борьба за сохранение русского языка сделали его одним из величайших умов нашего времени. Ежегодное проведение Лихачевских чтений является данью уважения великому ученому, продолжает его труды и мысли.

Основная тема XI Лихачевских чтений — «Диалог культур в контексте глобализации» — обязательно привлекла бы внимание этого блестящего филолога. Будучи тонким знатоком человеческих душ, Дмитрий Лихачев понимал, что культура — это необходимая часть любого общества. В последние десятилетия идентифицирующие признаки наций размываются, что придает культурам единообразие во имя псевдопревосходства западного образа жизни.

Глобализация способствует лучшему обмену знаниями и искусствами, распространению культур. В то же время ее обвиняют в растворении национальных особенностей, и в Африке, увы, это отражает реальность. На данном континенте с его традициями и символами культурные богатства постепенно подчиняются разрушительной тенденции подражания западным образцам. Это неоспоримая реальность — плохо управляемая глобализация может нанести вред и представлять опасность для Африки.

Однако я вижу свою цель не только в том, чтобы описывать известные опасности глобализации, но и в том, чтобы отметить выгоду, которую можно из нее извлечь.

Я убеждена, что глобализация может стать вектором диалога культур. Достаточно посмотреть на влияние новых коммуникационных технологий, в частности социальных сетей, на недавние события, произошедшие на африканском континенте. Многочисленные конфликты, происходящие в мире, свидетельствуют об отсутствии настоящего диалога, ведущего к взаимопониманию.

Основной трудностью межкультурного диалога является освоение универсальных ценностей, передающихся в ходе усвоения повседневных поведенческих моделей. В Кот-д'Ивуаре к этим ценностям можно обратиться в таких инициационных центрах, как школа Поро на севере и возрастные классы на юге страны.

Я убеждена, что разрешение многочисленных конфликтов, в частности происходящих в Африке, должно происходить при помощи ведения диалога, обмена молодежью. Желательно, чтобы эти мероприятия предшествовали конфликтам и не позволяли им возникнуть.

¹ Посол, Постоянный представитель Республики Кот-д'Ивуар при ЮНЕСКО.

Секция 2

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Руководители секции:

А. Е. БУСЫГИН	заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ	академик РАН, директор Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
В. В. МИРОНОВ	член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Ю. Н. СОЛОНИН	председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по культуре, член Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. С. СТЕПИН	академик РАН, научный руководитель Института философии РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

С. Р. Абрамов¹

РОССИЯ И ЗАПАД: ХРИСТИАНСКАЯ ИДЕЯ ЛОГОСА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НАШЕЙ ОБШНОСТИ

Современная эпоха, одним из характерных признаков которой является глобализация и вызванная ею интенсификация «цивилизационных контактов», а также этнических, социальных, религиозных и культурных конфликтов, с новой остротой ставит вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии духовных традиций и интеллектуальных парадигм, вопрос об идентичности и размежевании. Уже доводилось отмечать, что как бы ни оценивались эти контакты — в маркированных терминах «столкновения», «борьбы», «схватки» или «содружества», «партнерства» и «диалога», как бы ни противились им и ни приветствовали их, приходится признать как факт долговременных и необратимых последствий таковых контактов, так и ряд проблем, в том числе научных [1, с. 302]. Несомненно также, что эти контакты в истории цивилизаций приводили не только к конфликтам и разделению, но и к взаимному обогащению и трансформации культур и даже порождали новые, радикально отличные от предшествующих, духовные традиции, которые становились стержнем новой цивилизационной идентичности: возникновение и становление христианской цивилизации тому пример.

Переживаемый сегодня многими (как отдельными личностями, так и социальными и этническими группами и целыми народами) кризис идентичности породил обильную литературу, в которой рассматриваются отличия, специфические черты, особенно

сти, придающие неповторимый облик и конституирующие «характер», тип какой-либо культуры. Этот анализ чрезвычайно важен и полезен, однако не менее продуктивным было бы вспомнить и то, что в исторических истоках культурной общности России и Запада лежит идея христианского синтеза². И символом этого синтеза, его «чистой» идеей или идеальной формой выступает доктрина Логоса, впервые возникшая в Евангелии от Иоанна и разработанная у Отцов Церкви. Ниже следует краткий обзор предыстории и становления идеологии Логоса — христианской герменевтики бытия.

Всю раннехристианскую духовную культуру, да и само становление христианской цивилизации можно понимать как историю встречи иудейской и эллинистической традиций, как плод соития ближневосточных культур и цивилизаций с античной, поскольку основанием ее служат христианский би-

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Герменевтика: история и теория метода: Краткий очерк», «Практический курс профессионально ориентированного перевода (английский язык)», «English for Economists: практикум по чтению (английский язык)» и др.

² Сейчас только ленивый не помянет о противостоянии России и Запада: о нашей самобытности и особом пути (у нас) или о нашей же «нецивизованности» и азиатчине (конечно, в политкорректных терминах — у них). Да, наше отличие очевидно: Россия как евразийская страна во многом имеет неповторимый лик культуры, не похожий на западный. Однако тысяча лет русской истории — это история восточного христианства, наследованного из Византии. Здесь и корни отличия (Россия получила восточную ветвь расколовшегося христианского наследия, с его мистико-спиритуалистическим акцентом, хорошо усвоенным опытом Платона и неоплатоников, исихастами, тогда как западная ветвь — европейская — последнее тысячелетие развивалась с опорой на Аристотеля, Августина и Фому Аквинского, подготовивших идейное торжество рационализма, и в отрицании хорошо усвоенного урока борьбы с гностиками); но здесь и корни единства: в обоих случаях это была христианская цивилизация, имевшая общим опытом становления предыдущее тысячелетие — от раннехристианской церкви и поздней Античности.

блейский канон (корпус текстов, включивший в себя иудейскую Библию в виде одной из своих частей — Ветхого Завета) и творения Отцов Церкви, осуществивших вслед за апостолом и евангелистом Иоанном и апостолом Павлом (а оба они прежде принадлежали к иудейской традиции) окончательный творческий синтез идей иудаизма и эллинизма.

Новозаветная и раннехристианская герменевтика творчески усвоила достижения греческой и иудейской традиций, отвергнув при этом их культурно-историческую и методологическую ограниченность: новозаветная герменевтика «не была греческой, но она не хотела быть и еврейской; ее содержание было универсально» [7, с. 403]. Она эсхатологически устремлена к пониманию конечного смысла бытия, стремясь сделать само бытие осмысленным. Если в раннехристианских писаниях («Дидахе», «Послание Варнавы» и т. п.), толкующих Ветхий Завет в духе пророчества о мессии и ищущих в нем указаний на Христа, герменевтика носит прикладной характер, то уже у ранних апологетов — Иустина Мученика (ок. 130–200) и особенно Тертуллиана (ок. 160–225) — отчетливо сформулированы принципы новой герменевтической традиции. Будучи людьми прекрасно образованными и возросшими в лоне эллинистической культуры, эти авторы знали трактат Аристотеля «*Peri hermēneias*» («Об истолковании») и в своих трудах пользовались его положениями; в то же время, занимаясь преимущественно библейской проблематикой, христианские апологеты пользовались и еврейским наследием, в частности техникой сравнительно-сопоставительного анализа библейских текстов: *аналогией* и *апликацией*¹. Своеобразие христианской герменевтики определялось новаторской *теорией Логоса*, а также изощренной *типологией* и *аллегорией*², играющими в новозаветной герменевтике конституирующую роль. Уже в самом тексте Нового Завета заложено основание новой герменевтики. Две фигуры его гениальных авторов, апостолов Иоанна и Павла, стоят у истоков этой герменевтической революции.

¹ Термин «аналогия» восходит к логике, где означает сходство связей и отношений; «вариантом аналогии может быть аппликация, наложение, чрезвычайно характерное для разрывания событийной цепи, играющей особенную роль в криминалистике, когда одно событие накладывается на другое, а участниками вдруг оказываются одни и те же лица. В слобесности аппликация может быть свойственна, например, большим отрывкам текста, т. е. проявляться композиционно, передаваться параллельным изложением событий, или изложением события разными лицами, автором и персонажами...» [3, с. 18]. Евангелия в целом дают прекрасный пример аппликации, да и весь Новый Завет представляет собой аппликацию Ветхого Завета.

² Широко известную в христианской библейской герменевтике типологию, родоначальником которой по праву надлежит считать ап. Павла, немецкий филолог Эрих Ауэрбах впервые ввел в филологическую герменевтику (применительно к Данте) под латинскими названиями «фигура» (*figura*) и «префигурация» (*praefiguratio*) [9]. В понимании ап. Павла типологическое толкование образует связь между двумя историческими фактами, т. е. *фигурами*, действиями, событиями и традициями, которые надлежит толковать и понимать как учрежденные Богом образцовые представления, т. е. (*прото*)*типы* будущих и при этом более совершенных и более значительных фактов и событий. *Аллегория*, как духовный метод выведения *скрытых смыслов* из библейского повествования, достигла своих вершин в трудах Климента (ок. 180–215) и Оригена (ок. 185–253), представителей так называемой Александрийской школы.

Обе эти фигуры символизируют *разрыв* как с античной, так и с иудейской системой ценностей, а значит, и с их научными парадигмами. Когда Павел утверждал, что отныне «нет ни Еллина, ни Иудея... ни варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Кол. 3: 11], он тем самым отвергал частные приоритеты греческой и еврейской культурной традиции, сам их категориальный аппарат: известно, что как у греков (т. е. в античном сознании вообще), так и у евреев существовала бинарная оппозиция, членившая мир на «своих», положительно отмеченных, и «чужих», отмеченных отрицательно — на эллинов и варваров у первых и на верных (иудеев) и неверных (язычников) у вторых. Так вот, обе эти парадигмы отвергаются ап. Павлом ради христианской (понимаемой как универсальная и всечеловеческая), в которой снимаются и все прочие оппозиции: расовые, национальные, имущественные, сословные и т. п. Когда «тот же апостол говорил, что призван возвещать свою веру “не в мудрости слова” (οὐκ ἐν σοφία λόγου) [1 Кор. 1: 17], он в четырех словах отказывался сразу и от философии, и от риторики как от единой системы античного “витийства”» [2, с. 240].

Апостол и евангелист Иоанн сознательно оформил свой радикальный разрыв с ветхозаветной иудейской традицией смелым использованием «языческого» философского термина *λόγος*, которому он придал совершенно иное значение, отличное от Гераклитова понимания Логоса, и от Филонова, и от гностического³. Иоанн сознательно оформляет свой разрыв с ветхозаветной традицией, используя нарочито «языческий» термин, пускай и в ином значении. Он, безусловно, отдавал себе отчет в том, что самый термин *λόγος* «заряжен» коннотациями, тем не менее решился на использование его для обозначения второго лица Троицы, Богочеловека Иисуса Христа; так на мгновение, казалось, соединились две герменевтические традиции — античная и иудейская, но на этот раз не для синтеза, подобного Филонову, а для немедленной дивергенции.

Терминологически Логос Евангелия от Иоанна — вовсе не языческий термин с расширенным содержанием и отнюдь не только лишь греческий эквивалент ветхозаветного еврейского термина: это знак новой духовной традиции, решительно отделившей себя как от античной, так и от ветхозаветной или гностической традиции. В этом термине заключена вся суть нового теоретического мышления, квинтэссенция всей новозаветной мысли: идея боговоплощения и вочеловечения Христа и утверждение доктрины Богочеловечества. Чтобы оценить всю глубину и неожиданность семантического сдвига, вызванного Евангелием от Иоанна в теории Ло-

³ В тексте Нового Завета слово «*λόγος*» употребляется не однажды в обычном, нетерминологическом смысле — и лишь у Иоанна оно обретает особое значение и употребляется в совершенно ином контексте, отличном от античного философского дискурса — это контекст ближневосточной словесности, в котором *λόγος* Иоанна включил в себя, между прочим, и всю полноту семантики иудейской «Мемры» (в иудейской традиции для обозначения божественного и животворящего Слова использовался специальный технический термин «*memra*», передаваемый в Септуагинте словом *λόγος*).

госа, следует представить себе эволюцию этого термина в античной герменевтической традиции.

В греческом языке начала христианской эры слово *λόγος* имеет следующие значения: 1) дело, действие; 2) разум, разумное основание; 3) смысл, понятие, идея; 4) учение (философское); 5) договор, условие; 6) весть, известие; 7) книга, рассказ (писанный); 8) слово, речение, изречение (устное). Сама семантическая структура этого слова позволяет евангелисту Иоанну утвердить ряд фундаментальных герменевтических положений: Слово Божие видится ему не как отвлеченная идея (что свойственно греческой философии), а как живое, действующее основание всего сущего, всего бытия, как первопричина космоса и человека, как смысл существования мира (природного, индивидуально-личностного и общественно-исторического), как конкретное воплощение истины и как символ ее, наконец, как символ самого Нового Завета (= договора) между Богом и человеком, осуществленного через соединение двух природ во Христе-Богочеловеке, как керигма¹ (благая спасительная весть), раскрывающаяся в тексте Евангелия от Иоанна. Итак, здесь задана отправной точкой всех дальнейших герменевтических построений целая парадигма смысловых отношений, которая и разворачивается как в самом евангельском повествовании, так и в истории его толкования.

Но это только одна сторона дела — семантическая структура слова с синхронистической точки зрения. Необходимо учитывать и диахронический объем понятия Логоса — его долгую историю как в античном риторико-философском дискурсе, так и в эллинистической иудейской герменевтике: с одной стороны, это одно из ключевых понятий греческой философии; с другой стороны, именно этот термин был употреблен в Септуагинте учеными раввинами-переводчиками для передачи чрезвычайно важного понятия ветхозаветной герменевтики — специфического слова *dabar*, означавшего в библейском контексте творческую космическую силу Божию, создавшую мир в первые дни творения.

В греческую философскую и герменевтическую традицию «Логос» попал из сочинений Гераклита, который употреблял это слово в значении космического принципа устройства, основы миропорядка; принцип же этот Гераклит представлял материальным и связывал его с огнем — первичным космическим элементом: «Психее присущ самовозрастающий Логос» [4, с. 89]. Грубая материальность, как шелуха, опала, а эта «огненная» коннотация Логоса осталась с ним навсегда. У Платона Логос выступает в оппозиции термину «миф» и означает «разум-

¹ Керигма (*греч.* *kerugma* «заявление», «объявление», «весть», «проповедь») — проповедь христианской вести о спасительной миссии Иисуса Христа. В Новом Завете керигма может относиться к самому событию проповеди и к ее содержанию. В противоположность *didache*, учению, которое излагает откровение христианства концептуально и логически в доктринах, суждениях и богословских мнениях, значение керигмы определяется общественной проповедью и непосредственным воздействием спасительного события на человека.

ное и истинное суждение или описание» [6, 61b; 5, 26e]; «Логос» у Платона — это внутренний диалог разума. У Аристотеля «Логос» — это «разум», «пропорция», «определение»; но главное, «Логос» — отличительная черта человека от животных: *речь* [Полит. 1253a]. Центральное же место понятие «Логоса» заняло в стоицизме — философии, выступавшей в течение нескольких столетий антиподом христианства и бывшей для Иоанна символом «языческой мерзости». «Логос», «божество» и «природа» у стоиков синонимы, при этом «Логос» выступал и как деятельное начало обожествленной природы, и как рациональное начало в человеке. У понятия «λόγος» была еще одна судьба — в творениях выдающегося герменевта Филона Александрийского, искавшего синтеза иудейской традиции с греческой.

Эта античная идея глубоко чужда как всей ветхозаветной традиции, так и христианству, отстаивающим трансцендентность Бога. И потому Иоанн неприкрыто полемичен: называя Христа Логосом, он тем самым утверждает Христа как первоначало космоса и человеческого существа, как смысл и источник жизни: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [Ин. 1 : 4]. Ключевое значение слова *λόγος* подчеркнуто у Иоанна его троекратным употреблением в сильной позиции начального предложении текста Евангелия: «*Вначале* было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Более того, сам 1-й стих 1-й главы построен как анафорический контрапункт 1-му стиху 1-й главы ветхозаветной книги Бытия (то есть как параллель начальным² словам всего древнееврейского библейского канона): «*В начале* сотворил Бог небо и землю...» Таким образом выстраивается многозначительная параллель: начало Ветхого Завета, то есть по существу *всей* Библии иудеев, совпадает с началом Нового Завета, христианского сакрального канона. Когда Иоанн писал свой текст, библейский христианский канон еще не сложился, других, так называемых синоптических Евангелий (от Матфея, Марка и Луки) еще не существовало, среди разрозненных христианских общин той поры имели хождение многочисленные писания (аутентичность которых изначально подвергалась сомнению), и потому Евангелие от Иоанна выступало в функции самодостаточного и целокупного текста христианской керигмы. Герменевтическая *эквивалентность части и целого* (в нашем случае Евангелия от Иоанна и всего будущего библейского канона) тем более оправдана и обоснована еще и потому, что апостол стремился дать в своих текстах полную и законченную версию Священного Писания и тем самым отвергнуть лжеписания. Очевидный параллелизм ветхозаветного и новозаветного стихов призван подчеркнуть тождественность христианского «Логоса» Нового Завета ветхозаветному Богу-Творцу.

Вся эта логосная теоретическая парадигма, инициированная в христианской науке евангелистом

² Инициальная позиция сакрального текста была столь значима, что сами книги традиционно назывались по их первым словам: так, книга Бытия называется у евреев «Берешит» — собственно «В начале».

Иоанном, оказала плодотворное воздействие на все дальнейшее развитие христианской мысли, особенно в ранний ее период. Концепции Логоса разрабатывались как Отцами Церкви (Иустином Мучеником, Феофилом Антиохийским и Иринеем Лионским), так и различными противоборствующими гностическими системами. Подтверждением жизненности новой традиции могут служить многочисленные «логосные» христологии, получившие хождение в первые века христианской эры. В этих богословских построениях, обязанных своей идеологией и образным метафорическим строем Евангелию от Иоанна, отразилась вера во Христа — божественного Логоса как в творческое первоначало и обоснование бытия, Вседержителя и предвечного Бога. Но Логос — это и Богочеловек Иисус Христос, соединяющий в себе, по христианскому учению, две природы — Божественную и человеческую, и *символическое слово*, связующее два бытия, явленный синергийный акт понимания. П. А. Флоренский писал, что «образование синергийного акта познания» нарастает очень длительно, томит, как нечто начатое, но неосуществленное: «Этот процесс не есть еще, однако, сознание прикосновения к познаваемой реальности, не есть достигнутое познание, но — лишь подготовка к нему. Две энергии, реальности и познающего, близки друг к другу, может быть, размешаны друг в друге; но эта флюктуирующая смесь еще не образует единства, и необъединенной борьбой своих стихий вызывает во всем вашем организме томительное ожидание равновесия. Напряжение усиливается, и противоположность познающего и познаваемого сознается все острее. Это — как пред грозой. Слово есть та молния, которая раздирает небо от востока до запада, являя воплощенный смысл: в слове уравниваются и приходят

к единству накопившиеся энергии. Слово — молния. Оно не есть уже ни та или другая энергия порожденья, ни обе вместе, а — новое, двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире. Оно — проток между разделенным до тех пор. <...> Слово — это мост между Я и не-Я» [8, с. 262].

И это христианское слово, этот изначальный Логос и есть то, что в одинаковой мере имманентно как русской, так и западной культуре: основа нашего исторического единства и надежда на единение в будущем. И нам, и им следует помнить о нашем общем наследии, не отвергать его в угоду преходящим политическим интересам, не поддаваться духу разделения и отрицания, но стремиться к согласию.

Литература

1. *Абрамов С. Р.* Казус Филона Александрийского: опыт встречи иудейской и эллинистической духовных традиций / С. Р. Абрамов // Диалог культур и партнерство цивилизаций : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. — СПб. : СПбГУП, 2010. — С. 302–305.
2. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» / С. С. Аверинцев // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. — М., 1971. — С. 206–266.
3. *Гучинская Н. О.* Универсалии филологической герменевтики / Н. О. Гучинская // Понимание и рефлексия : материалы III Тверской герменевтич. конф. — Тверь, 1994. — Ч. 1. — С. 17–24.
4. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М., 1992.
5. *Платон.* Тимей / Платон // Платон. Собр. соч. / Платон. — М., 1994. — Т. 3. — С. 421–501.
6. *Платон.* Федр / Платон // Платон. Собр. соч. / Платон. — М., 1993. — Т. 2. — С. 135–192.
7. *Трубецкой С. Н.* Учение о Логосе в его истории / С. Н. Трубецкой // Трубецкой С. Н. Сочинения / С. Н. Трубецкой. — М., 1994. — С. 43–483.
8. *Флоренский П. А.* Собр. соч. : в 4 т. / П. А. Флоренский. — М., 1999. — Т. 3. — Ч. 1.
9. *Auerbach E.* Figura / E. Auerbach // Archivum Romanicum. — Berlin, 1938. — Bd. 22. — S. 436–489.

Б. В. Аксюмов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ²

Очередное обострение ситуации в Северокавказском регионе, связанное с террористическими актами в Кабардино-Балкарии, вновь привлекло внимание общественности к этой «болевым» и проблемной точке на территории Российской Федерации. К сожалению, подобных информационных поводов в последнее время (а речь идет фактически о двух последних десятилетиях) не становится меньше. После

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор научных публикаций, в т. ч.: «Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России», «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа», «Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе» и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностно-идеологические аспекты конфликтов и напряжений на Северном Кавказе», грант Президента Российской Федерации МД-4849.2011.6.

распада Советского Союза и последовавшей за ним системной дезорганизации постсоветского Российского государства и общества контроль за процессами, происходящими на Северном Кавказе, на некоторое время был утрачен. Именно в этот период сформировались новые и были реактуализированы казавшиеся преодоленными факторы и предпосылки конфликтной напряженности, которые сегодня определяют конфликтногенный облик региона.

Обращая исследовательский взор на современные проблемы Северного Кавказа, невозможно обойти вниманием исторические аспекты этой сложной и неоднозначной проблемы. Очевидно, что уже первые шаги России в данном регионе, сопровождаемые ожесточенным сопротивлением горских народов, не предвещали ничего хорошего для будущего взаимодействия России и Кавказа, а также для интеграции Кавказа в общероссийский цивилиза-

ционный универсум. Кавказская война, зафиксировавшая нежелание большей части горцев добровольно войти в состав Российской империи, во многом предопределила характер будущих взаимоотношений. Проект по интеграции Северного Кавказа, относящийся к XVIII столетию, до сих пор остается проектом. Не случайно сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, речь идет именно об интеграции Северного Кавказа, а не о решении проблем данного региона в качестве устойчиво интегрированной части Российской Федерации.

Одно из проявлений этой неинтегрированности — несопоставимая ни с одним другим регионом страны террористическая активность на территории Северного Кавказа. Кроме того, большинство террористических актов или конфликтов на этноконфессиональной основе, происходящих в других регионах России, имеют так называемый «кавказский след». Возникает закономерный вопрос: почему это происходит на Северном Кавказе? Чем обусловлена повышенная конфликтогенная активность в этом регионе?

Сосредоточим внимание на проблеме соотношения социально-экономических и культурно-идеологических предпосылок конфликтной напряженности в Северокавказском регионе. Федеральные власти рассматривают безработицу и низкий уровень развития экономики как причину конфликтов, кризисов и терроризма в регионе. В течение первого года существования нового Северокавказского федерального округа (СКФО) речь шла именно о том, что решить проблемы Кавказа системно можно, только радикально изменив экономическую жизнь, снизив безработицу. На достижение этих целей ориентирована Стратегия развития СКФО до 2025 года, предусматривающая большие государственные инвестиции и беспрецедентные государственные гарантии для частного бизнеса, рискнувшего инвестировать в регион. Итоги первого года существования СКФО показали, что этот вариант не срабатывает и что системные основания для решения северокавказских проблем определены не вполне корректно.

Уровень социально-экономической развитости региона, безусловно, ниже, чем в наиболее развитых субъектах Российской Федерации, в том числе у соседей по Югу России (Краснодарский край, Ростовская область), однако вполне сопоставим с уровнем развития многих регионов страны. Полномочный представитель президента в СКФО А. Г. Хлопонин в ответ на расхожие утверждения о том, что терроризм на Северном Кавказе обусловлен безработицей, заметил, что уровень безработицы здесь не выше, чем в других регионах страны. Тем не менее в других регионах конфликтогенная активность и тем более ежедневные террористические риски несравненно ниже, а если они там все же присутствуют, то чаще всего имеют «кавказский след». Иными словами, социально-экономическая детерминация в данном случае не срабатывает. Очевидно, что уровень промышленного производства низок не только

на Северном Кавказе и проблема безработицы характерна не только для данного региона. Корректно ли в таком случае выводить конфликтогенный потенциал Северного Кавказа из кризисного состояния социально-экономической ситуации, а тем более *только* из этого фактора?

Гораздо больше объяснений сложившейся ситуации можно получить, ознакомившись с культурно-идеологическими предпосылками конфликтов на Северном Кавказе. Можно использовать обобщенное понятие «кавказская культура». Разумеется, этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь существенны, чтобы нельзя было представить их в качестве единого культурного, а в конечном счете и цивилизационного ареала. Кавказская культура на сегодняшний день выступает как часть общероссийской культуры, но мало интегрированная, по сути, неорганическая.

Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например от тех, которые не основываются на религиозной идее. Идеология, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя и подчеркивая партикулярность данного региона, его особый статус в рамках Российской Федерации. Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому цивилизационному миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа.

Разумеется, сами по себе культурно-цивилизационные различия не могут выступать непосредственным источником конфликтной напряженности, однако создают почву для ее возникновения. Еще более благоприятной эта почва становится в контексте актуализации этноконфессиональных различий, которые более конкретны и отчетливы, чем «умопостигаемые» различия культурно-цивилизационных принципов. При наличии указанных потенциально конфликтогенных различий непосредственным поводом для возникновения эмпирического конфликта может стать все что угодно: обидное слово, кривой взгляд, интонация голоса и т. д. Готовность к конфликту, настроенность на конфликт являются отражением общей напряженности в сфере этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе. В такой атмосфере социально-экономическая ситуация, неудовлетворенность уровнем жизни, действительно имеющиеся проблемы с трудоустройством могут выступать как катализатор конфликтов, непосредственный повод, имеющий бытовой характер, но не как причина этих конфликтов.

В свете вышесказанного становятся понятны и проблемы интеграции региона в общероссий-

ское культурное и цивилизационное пространство. Активно пропагандируемые идеи толерантности и мультикультурализма, которые делают данные проблемы более рельефными, могут помочь решить лишь задачу поддержания статус-кво, но не задачу интеграции, могут поддерживать уровень конфликт-

ной напряженности на более или менее «стабильном» уровне, но не устранить глубинные основания самой конфликтной напряженности. Более того, подобный инструментарий потенциально способен еще в большей степени обособить Северный Кавказ от России в целом.

Ф. А. Асадуллин¹

КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ В ИСЛАМЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Интеллектуальный потенциал ислама, испытавший влияние разновременных духовных, научных и культурных традиций, опирается на огромный пласт общечеловеческого знания. Обладание им считается в исламе своего рода религиозной доблестью. Не случайно вера и знание в исламском богословском наследии часто выступают как тождественные понятия, стимулирующие движение навстречу друг к другу.

Между тем именно богатое интеллектуальное наследие ислама, иногда игнорируемое или просто в массовом (особенно в западном) сознании забытое, сегодня нуждается, с одной стороны, в возрождении интереса к нему, что, например, наблюдалось в отечественном исламоведении на рубеже XIX–XX веков (классические труды И. Ю. Крачковского и В. В. Бартольда — лучший тому пример), а с другой — в его популяризации среди самих мусульман, которые нередко сводят ислам лишь к формальной обрядовой религиозности или выяснению тонкостей догматического порядка.

В связи с этим уместно напомнить, что еще в Омейядском халифате аль-Бируни (умер в 1048 г.) — один из крупнейших мусульманских ученых-энциклопедистов — указывал на резкое различие веры у образованной, интеллектуально продвинутой элиты (араб. хасса) и непросвещенной толпы (араб. амма). Аналогичное структурное разделение, на наш взгляд, свойственно не только мусульманам, но и вообще человеческому обществу и другим религиозным традициям, где в соотношении «хасса»/«амма», как и во времена Бируни, знаменатель намного превосходит числитель. Близкие по духу суждения можно обнаружить у английского философа Ф. Бэкона, представителя европейской «хассы» XVI века, который справедливо считал, что «малые знания удаляют от Бога, большие — ведут к нему».

Для самой арабо-мусульманской «аммы» критериями ислама нередко являются формальные при-

¹ Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук. Директор Научно-просветительского центра «Аль-Васатыйя», шейх. Член Общественной палаты РФ. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы. XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

знаки: обрезание, воздержание от употребления алкоголя или свинины, ношение бороды и чалмы (тюбетейки) и так далее, что явно недостаточно для «полноты веры». В силу этого некоторые мусульманские улемы Аль-Азхара, видя этот разрыв, определяют нынешнее состояние мусульманского мира «второй джахилией», то есть «периодом неведения», в котором арабы пребывали до принятия ислама в начале VII века и в силу разных причин, о чем будет сказано ниже, оказались в начале XXI века.

Главные ориентиры и важнейшие параметры интеллектуальной культуры ислама содержатся в Коране, который назван «руководством для имеющих разум». В Коране приводится немало примеров апелляции к понятию «интеллект», «разум» (араб. «акль»). В частности, в нем насчитывается 49 случаев употребления слова «акль» и производных от него форм. В известном хадисе — изречении Пророка — содержится главный интеллектуальный концепт ислама: «Тот, у кого нет разума, нет у него и веры». Один из самых известных авторитетов исламского богословия имам аль-Газали (умер в 1111 г.) сравнивал интеллект с «отблеском света, исходящего от Творца», и подчеркивал, что между интеллектом и религией не существует никакой контрадикции. Образованная прослойка «людей знания» — «расихуна филь-ильм» (Коран 3: 8) — приобрела в исламе весьма значимый социальный статус. Не случайно в средневековой арабской среде бытовало мнение, что «цари являются правителями людей, а ученые — правителями царей» (ср.: Платон в «Идеальном государстве» считает, что «цари являются мудрецами, а мудрецы — царями»). Современник аль-Бируни — известный богослов аль-Маварди (умер в 1058 г.), говоря о главных добродетелях человека, подчеркивал: «Ал — акль асл ад-дин» («Разум — основа религии»).

Осмысленное под влиянием античной философской мысли исламское религиозное знание создало фундаментальную методологию, которая выводила мыслителей в сферу их научных занятий — физики, астрономии, медицины, политики или математики. В этих науках они могли конкретизировать принятые и выработанные на основе Корана и исламского богословия понятия и принципы.

Первый арабский философ аль-Кинди (умер около 870 г.), знавший греческий язык, стремился примирить противоречивые направления греческой философской мысли с религиозной доктриной ис-

лама. Идеи Аристотеля, Платона и Галена, воспринятые арабами, часто служили «ферментом», который вызвал к жизни различные области арабского знания: географию, математику, астрономию, теорию музыки, алхимию, медицину, минералогию и т. д. Религиозные представления мусульманской элиты реагировали на философию Сократа, считавшего, что добродетель тождественна знанию (главной добродетелью он считал разум, а настоящей мудростью — признание своего невежества: «Я знаю, что я ничего не знаю»), или идеи Платона и его ученика Аристотеля, пытавшихся доказать, что мир сотворен демиургом (Создателем) — одним богом. Все это согласовывалось с основополагающими принципами ислама, прежде всего с идеей монотеизма — строгого единобожия. Важно подчеркнуть, что идеи Платона и Аристотеля о едином боге через арабские переводы позднее были заложены в основу христианской догматики и стали своеобразным прологом к Новому Завету.

В X—XIII столетиях исламский мир, Византия и Западная Европа находились приблизительно на одинаковом уровне цивилизованного развития. Известно, что в эпоху основания первых европейских университетов (в Болонье, Неаполе, Париже и др.) европейцы многое заимствовали из системы образования мусульман. В XII—XIII веках в Европе развернулась активная деятельность по переводу научных знаний мусульман, что в дальнейшем, с одной стороны, позволило европейской цивилизации через эти переводы актуализировать на новом историческом витке ученость Древней Греции и вновь открыть для себя труды Аристотеля и Платона, а с другой — Европа через труды своих ученых — Декарта, Спинозы, Бэкона (и Роджера, и Френсиса) — знакомясь с идеями ибн Сины (Авиценны), ибн Рушда (Аверроэса), аль-Фараби, аль-Газали, аль-Араби, ибн Халдуна и т. д. Сегодня считается бесспорным влияние трудов главного популяризатора наследия Аристотеля ибн Рушда на одного из основоположников религиозной философии католицизма — Фому Аквинского (1225—1274), воззрения Декарта (1596—1650) (его принцип методологического сомнения *Cogito ergo sum* — «Мыслю, следовательно, существую») и даже на грандиозную метафизическую систему Иммануила Канта (1724—1804).

Можно утверждать, что высшим достижением арабо-мусульманской научной мысли в эпоху ее расцвета в Средние века стал мусульманский рационализм, основные идеи которого уже были востребованы в XIX веке.

Затем, начиная с XV века, начался регресс исламской интеллектуальной культуры, что прежде всего было вызвано новым отношением к науке, под которой в арабо-мусульманском мире стали понимать исключительно схоластическое знание, основанное на слепом следовании шариату и отторжении иджтихада — независимого суждения как формы интеллектуального ислама. Под влиянием спекулятивной теологии наступил растянувшийся на несколько веков период изоляции и самодовольной

замкнутости, который остановил приток новых научных идей и открытий. «Врата иджтихада (то есть творчески-либерального отношения к собственному наследию) закрылись». Единственная область, где происходил «научный обмен» (причем односторонний), была военная, связанная со строительством флота, фортификационными сооружениями, а также с оснащением армии новыми вооружениями.

По точному определению премьер-министра Малайзии Махатхира Мухаммада, высказанному на Саммите Организации «Исламская конференция» в 2003 году: «...потом (в позднее Средневековье. — Ф. А.) пришли новые “интерпретаторы” ислама, которые стали понимать под наукой лишь исламскую теологию» (газета «Ислам минбаре». 2003. № 10. С. 3). Наука сделалась служанкой богословия, вернее — схоластики. Преподавание алгебры, геометрии, астрономии, которые утратили импульсы самостоятельного развития, в это время определялось потребностями отправления культа: вычислением времени молитв и праздников, составлением астрономических таблиц затмений луны и солнца, а также лунных календарей и гороскопов. Индустриальная (промышленная) революция мусульман затронула косвенно и своеобразно: по сути, они ее «проспали».

Только на рубеже XIX—XX веков силами выдающихся представителей арабо-мусульманской богословской мысли — муфтия Египта Мухаммада Абдо (умер в 1904 г.), индийского поэта-философа Мухаммада Икбала (1873—1938) и татарского ученого-реформатора Мусы Бигиева (1873—1949) — была предпринята попытка реабилитации науки и одновременно интеллектуальной модернизации застывшей в развитии исламской традиции. Это стало возможно, с одной стороны, благодаря реставрации исконного понимания ислама как религии энергичного действия и активной жизненной позиции (в пример приводился Коран (7: 78): «Ничего Аллах не изменит в народе, пока люди сами не изменят себя»). С другой — благодаря непосредственному влиянию и последующей адаптации достижений западной цивилизации, которые на себе ощутили Абдо, живший в 1880-е годы в Париже, и Икбал, учившийся сначала в Кембридже (в Тринити-колледже), а затем — в Мюнхенском университете. Что касается Бигиева, то он был включен в общероссийский культурный контекст и представлял собой тип российского мусульманина, который мог одновременно цитировать суры Корана и отрывки из «Евгения Онегина».

Безусловно, это обстоятельство сделало их кругозор более свободным и раскованным, а также позволило за счет новой и гибкой интерпретации законов шариата создать нормативное пространство модернизации как для самого исламского вероучения, так и других сфер общественной жизни. Так, Абдо принадлежат революционные для его времени и среды идеи. Подчеркивая, что ислам — это единственная религия, основанная на разуме и апеллирующая к человеческому знанию, он мог в своих фетвах зая-

вить: «Молитва незнающего ничего не стоит» или доказывать, что строительство школ в колониальном Египте важнее, чем строительство мечетей. Безусловно, в основе таких заявлений лежали традиции мусульманского рационализма, заложенные еще в Средние века и тесно связанные с философией Рене Декарта, к идеям которого чаще всего апеллировала арабская научная мысль Нового времени.

Еще дальше в плане эмансипации религиозной мысли мусульман пошел Икбал, мировоззрение которого формировалось под влиянием разных идейных школ Европы, но прежде всего — под влиянием наследия Гете, Канта и Гегеля. Возможно, он был первым мусульманским интеллектуалом, попытавшимся, исходя из универсальных принципов Корана, объяснить Западу всемирный характер исламского вероучения. Это была попытка найти равновесие между живой верой и современным видением мира. В своей наиболее значимой работе «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (“The Reconstruction of Religious Thought in Islam”), которая увидела свет уже после его смерти, в 1962 году, в Лахоре, он последовательно проводит мысль об исламе как «религии мира», утверждая, что «идеал ислама состоит в том, чтобы обеспечить мир любой ценой», ссылаясь при этом на известный хадис: «Сорок лет тирании лучше, чем один час фитны (смуты, анархии. — Ф. А.)».

Приведу некоторые выдержки из его книги: «В течение последних пяти столетий религиозная мысль в исламе находилась в состоянии застоя. Было время, когда европейская мысль получала вдохновение из мира ислама. Однако самым примечательным феноменом современной истории является та невероятная скорость, с которой мир ислама духовно движется в сторону Запада. В таком движении нет ничего дурного, так как европейская культура в плане своей интеллектуальности представляет собой не что иное, как дальнейшее развитие некоторых наиболее важных этапов в истории исламской культуры... На протяжении всех столетий нашего интеллектуального застоя Европа занималась серьезным размышлением над великими проблемами, которые глубоко интересовали мусульманских философов и ученых. Со времени Средневековья, когда завершилось формирование исламских теологических школ, в области человеческой мысли и практики произошел невиданный прогресс. Распространение власти человека на природу дало ему новую веру и новое чувство превосходства над силами окружающей среды. Были предложены новые точки зрения, старые проблемы были поставлены в свете нового опыта, появились новые проблемы. С прогрессом научной мысли претерпевает изменение даже наша концепция интеллигентности (постижение только разумом. — Ф. А.). Теория Эйнштейна дала новое видение Вселенной и предложила по-иному взглянуть на проблемы, общие для религии и философии. Неудивительно поэтому, что молодое поколение мусульман Азии и Африки требует *новой ориентации своей веры* (курсив мой. — Ф. А.)¹. Проводниками «новой ориен-

тации» в исламе стала молодая генерация мусульманских интеллектуалов, прорубившая, как и в случае с петровской Россией (хотя и с опозданием более, чем на век), свое «окно в Европу». Для этого были определенные исторические предпосылки.

Наступивший XX век «встряхнул» ислам. Колониальная зависимость от Запада, с одной стороны, деформировала исламское самосознание миллионов простых мусульман, зародив множество комплексов своей несостоятельности и второсортности, а с другой — послужила значительным стимулом для интеллектуального прогресса и новых интерпретаций общеисламского наследия. В мировоззренческой сфере взаимодействие интеллектуальной элиты арабо-мусульманских стран с Западом приобретает характер контаминации обширного круга европейских философских, общественных и естественнонаучных концепций, с помощью которых такие деятели национальных культур, как, например, лауреат Нобелевской премии в области литературы египтянин Нагиб Махфуз (1911–2006), пытаются формулировать, осмыслять и анализировать собственные национальные проблемы, в том числе проблему взаимоотношений между наукой и религией. Именно проблеме художественного осмысления соотношения науки и теологии в социальной жизни посвящены лучшие произведения Нагиба Махфуза «Бейн аль-Касрейн» (1956) и «Авляд харатина» (1963), в которых он пытался снять противоречие между ними, сделав науку преемницей религии.

История общественной и научной жизни в арабо-мусульманском мире XX — начала XXI века — это нескончаемые попытки обосновать и (в случае необходимости) отстоять интеллектуальный плюрализм, диапазон которого колеблется от исламизации современности (Хасан Банна, аль-Маудуди, ат-Тураби) до модернизации ислама (Фарид Закария, Мухаммад Аркун, Мурад Хоффман, Роже Гароди, Рафаэль Хакимов). В арабской научной и шире — интеллектуальной мысли эта проблема часто понимается как сохранение «асаля» (аутентичности, в том числе в религиозном плане) в борьбе с «хадаса» (нововведениями, проистекающими из окружающего мира). Причем «асаля» среди верующей части мусульман в зависимости от широты взглядов и интеллектуального горизонта человека вообще может пониматься и как исключение всяких инокультурных, а главное — иноверческих примесей и влияний (бидгат), и как обретение исконных корней, если речь идет о духовном родстве последователей ислама и «людей Писания» — иудеев и христиан, основанное на единой авраамической традиции. Наиболее перспективной представляется позиция мусульманских интеллектуалов, стремящихся гармонично соединить свою веру с окружающим миром с точки зрения свободы выбора каждого индивидуума, где главенствует разум, а не насилие: «...нет принуждения в религии» (2: 257); «...призывай к Господу твою мудрым словом и добрым увещанием» (15: 126). «Если свободная личность тянется к образованию и наукам, стре-

¹ Икбал М. Реконструкция исламской мысли в исламе / пер. с англ., предисл. М. Т. Степанянц. М., 2002. С. 30–31.

мится к прогрессу общества, то это вполне приемлемо как для западной, так и для исламской культуры», — отмечает современный татарский мыслитель Рафаэль Хаким.

В век глобализации, когда растет взаимозависимость этнорелигиозных традиций и одновременно наблюдается глобальный конфликт интересов между государствами и группами государств, а также су-

ществуют диспропорции развития между богатым «Севером» и нищим «Югом», важно, на наш взгляд, через переосмысление сложившихся стереотипов и представлений осознанно двигаться к новой мировой системе, где на основе общественного консенсуса могут быть выработаны принципы нового мировоззрения с безусловным присутствием духовного измерения.

О. Н. Астафьева¹

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Продолжая обсуждение проблем взаимодействия культур в условиях глобализации в контексте идей межкультурного диалога², без распространения которых сегодня сложно представить картину будущего российской культуры и национально-культурной (коллективной) идентичности, выделим для рассмотрения два основных аспекта. Оба связаны с новыми «вызовами», с которыми столкнулась культура России, испытывающая давление процесса унификации и продвигающаяся в направлении преодоления культурных «разрывов» и культурного неравенства, образовавшихся в результате социальных трансформаций последнего десятилетия XX века. Это усиление миграции как характерной тенденции глобализирующегося мира и появление новых моделей идентичности, формирующихся в результате активизации межкультурных взаимодействий.

Соглашаясь с тем, что мобильность населения разных стран и их перемещение — реалии, которые невозможно остановить, нельзя не замечать того, что эти процессы приводят к социальным и культурным изменениям: в обществе возрастают тревога и напряжение, связанные с неготовностью людей к принятию культурного разнообразия, размывающего устойчивость привычной социокультурной среды. Диалог становится для современного человека жизненно важной потребностью, основанной на выражении уважения к межкультурным различиям. Кажется бы, эта *потребность в диалоге*, базирующаяся на взаимном уважении, должна лежать в основе коммуникаций всех членов социума — как тех людей, которые волею судеб оказались на «чужой» территории, так и тех, кто выступил «принимающей» культурой. Однако такая позиция разделяется далеко не всеми членами общества.

¹ Заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных работ.

² См.: Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог а целях устойчивого развития: Материалы междунар. конф. / под общ. ред. В. К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 120–139; Она же. Взаимодействие культур: модели и смыслы // Взаимодействие культур в условиях глобализации / под общ. ред. Н. М. Мамедова, А. Н. Чумакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 136–144.

Сегодня тема межкультурного диалога — это не только теоретическая проблема, это обсуждение реально существующих в современном социуме моделей межкультурных отношений. Наша исходная позиция такова: поиск диалогического дискурса в неоднородных обществах — многокультурных, полиэтнических, поликонфессиональных — это поиск *модели интеграции*. В некотором смысле — идеальной модели, поскольку с учетом реалий современной ситуации за ее привлекательностью кроется необходимость длительного процесса освоения демократических норм и взаимного признания ценностей разных культур; обучение нормам, правилам, принципам общения, обеспечивающим успешность социокультурных коммуникаций.

Культурная самоидентификация в условиях глобализации — сложный процесс, включающий разные пласты культуры: и те, которые были восприняты человеком в процессе социализации, и ценности социокультурной среды, окружающей человека в данный момент его жизни. Любой человек нуждается в «отсылках» к своей культуре, к тем привычным паттернам и практикам, когда-то составляющим основу его повседневной жизни, придающим особый оттенок стилю его коммуникаций. Как примирить это острое желание сохранить свою культурную самобытность, но при этом вписаться в другие культурно-цивилизационные рамки, научиться понимать иные жизненные принципы и при этом сохранить свою самобытность? Но еще сложнее человеку научиться принимать (разделять) ценности той культуры, в которой он теперь проживает. И альтернативных решений здесь немало.

Какие модели этнокультурного взаимодействия складываются в России: вражды и противостояния, или же модели совместного бытия? На основе анализа социологических исследований автор выявляет основные тенденции в динамике социальных и культурных изменений, в том числе оценивая отношение между людьми разных национальностей, перспективы вхождения мигрантов в новую многокультурную среду, обосновывая эффективность инструментов воспитания *готовности к межкультурному диалогу*. Признается вариативность моделей культурного взаимодействия. При этом выбор из возможных альтернатив связывается автором

со стратегическими целями культурной политики России.

Мир изменяется значительно быстрее, чем идет процесс осмысления социокультурных трансформаций и их последствий для человека; интенсивнее, чем осуществляется выбор новых стратегий культурной политики с учетом культурного разнообразия¹. Поэтому современная культурная политика может быть только политикой для культуры, то есть политикой межкультурного диалога в соответствии с положениями Всемирной декларации ЮНЕСКО по культурному разнообразию. Вытекающая из этих установок ориентация на социальную интеграцию и солидарность при сохранении разнообразия актуализирует проблему перспектив национально-культурной идентичности в условиях интенсификации миграционных процессов.

Модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, обостряя тем самым проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурном пространстве. Следствием изменения социокультурной конфигурации, разрушающей прежнюю целостность человека и оказывающей влияние на ее новую конфигурацию, становятся процессы *реструктуризации и демаркации* коллективных и индивидуальных идентичностей.

В условиях глобализации вряд ли вообще можно говорить о коллективной идентичности как о стабильной идентичности, ведь множество людей, динамично перемещаясь в социальных пространствах и включаясь в разные социальные образования, испытывают кризис идентичности. Причины неустойчивости социокультурных картин мира кроются в неспособности людей идентифицировать себя со своей культурой, в неумении включиться в выработанную человечеством систему ценностей, отсутствием навыков и знаний относительно их действий в социуме, необходимых для удовлетворения новых потребностей, желаний, стремлений. Это связано также с наступлением новой эпохи, влекущей за собой новый тип информационной культуры, новые модели и паттерны поведения; увеличивающиеся межпоколенные разрывы, когда насильственное исключение из исторической памяти мифов, фактов, событий, создание новых образов на описательном и на нормативном уровне уменьшают шансы идентификации индивидов с социокультурной реальностью.

Глобализационный контекст привносит в понимание идентичности не только разные оттенки: в принципе, он подводит основания для прямо противоположных выводов. Столкновением разных точек зрения на место национального государства в современном мире (ослабление власти, трансформация или усиление роли национальных государств) опре-

деляются характер и направленность национальной идентичности. Признание трансформации власти, реартикуляции роли и функций государств в результате пересечения сетей и систем в процессе глобализации и регионализации — сигнал о необходимости вести политику другими средствами, чтобы удержать свой суверенитет и автономию². Не только территория, но и культура рассматривается как ресурс национального государства.

Национально-культурная, этнокультурная и транснациональная идентичности — разные типы искусственно созданных в сознании людей «артефактов», которыми регулируются отношения и правила взаимодействия между членами группы и с иными людьми. Наряду с другими коллективными идентичностями они образуют сложный каркас «множественной идентичности», преломляемый личностью через свое «я» в самых причудливых формах. В отличие от гибкости и пластичности индивидуальных идентичностей, обладающих динамичной иерархичностью, наделенными «ситуативностью», коллективные идентичности являются результатом длительного во времени (измеряемого жизнью не одного поколения) процесса их становления.

Сложность современной ситуации в разных странах мира объясняется одновременным проявлением тенденций к «нагруженности» идей культурных различий политических фонном, исчерпанностью «старых» вариантов мультикультурализма, отсутствием источников пополнения ресурсов множественной идентичности. К примеру, тема «европейской» идентичности соседствует во Франции с актуализирующейся проблематикой этнокультурной идентичности выходцев из стран Карибского бассейна, ныне уже являющихся полноправными гражданами страны и, казалось бы, обладающих одной из устойчивых коллективных идентичностей. В Великобритании в «постколониальный» и миграционный дискурс включается тема английского национализма, связанная с увеличивающимися расхождениями между идентичностью «англичан» и «британцев», для которых все очевиднее становится наступление времени выбора пути развития — по модели европейского федерализма или по модели мультикультурализма³; напряжения, связанные с будущим национальной идентичности и культурной идентичности в условиях появления гибридных образований по типу «британской азиатской идентичности», «британской идентичности черных (выходцев из Африки)» и др.⁴ Глобализация по сути порождает повышенный интерес к корням, поэтому некоторые

² См.: Held D., McGrew A. Globalization, Regionalization and the transformation of political community // Paper for the Political Studies Association-UK 50th Annual Conference 10–13 April 2000, London. P. 21.

³ См.: Kumar K. “Englishness” and English National Identity // British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y. : Oxford University Press LTD., 2001. P. 41–55.

⁴ См. об этом: Hall C. British Cultural Identities and the Legacy of the Empire // British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y. : Oxford University Press LTD., 2001. P. 27–39; Pines J. Rituals and Representations of Black “Britishness” // Ibid. P. 57–66;

¹ См.: Canclini N. G. Cultural Policy Options in the Context of Globalization // The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / ed. by Guglielmo Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach. N. Y. : The New Press, 2000. P. 302–326.

исследователи подчеркивают, что национальная мобилизация типично территориальна по своей природе, так как использует границы для сопротивления транснационализму. Тем не менее К. Кумар относит идею укрепления территориальной идентичности к контрпродуктивным, показывая, что высокоурбанизированное население Великобритании открыто для взаимодействия, использует преимущественно английский язык, мобильно в освоении новых пространств, в том числе сетевых¹.

Не менее сложными представляются идентификационные процессы и на Африканском континенте. С одной стороны, здесь установилась стабильная ситуация, при которой права этнокультурного большинства и меньшинства принимаются уже как данность. Однако, с другой стороны, исторически сложившаяся ситуация в условиях модернизации и глобализации обнажает противоречия, долгие годы не выходящие на поверхность, что также усиливает кризис идентичности. Возрастают взаимные претензии и усиливаются не только внутренние противоречия между расовой и этнической идентичностью (кого считать «коренным», кого — поселенцем, кого — иммигрантом), но и между этими вариантами и гражданской, политической идентичностью. Колониальная власть использует ресурс «интеллектуального воображения» в вопросах признания тех или иных сообществ как “origins”, идентифицируя их как коренные, подлинные сообщества. В политическом дискурсе многих африканских стран различаются понятия «политическая общность» и «культурная общность», и в зависимости от признания за ними либо политических прав либо исторически закрепленных культурных прав сообщество идентифицируется как принадлежащее к “origins”².

Столь же очевидны вызовы идентичности в арабском мире: население региона включено в ситуацию «конкурирующих идентичностей». При этом политические, социальные, классовые конфликты не разрушают этническую и сопровождающую ее (зачастую включающую в нее) конфессиональную идентичность. Давление этнической и даже «сверхархаических» идентичностей над национальной идентичностью, аномию, нормативную дезориентацию, атрофированность государства как сильного политического органа исследователи оценивают в целом как завершающий этап прогрессивного развития в арабском мире. В текущем арабском дискурсе усиливаются призывы к реорганизации гражданской идентичности, а укрепление мифов о далеком прошлом рассматривается как форма проявления самобытности, как последствия кризиса, усиленного глобализационными процессами³.

Modood T. British Asian Identities: Something Old, Something Borrowed, Something New // *Ibid.* P. 67–78.

¹ См.: *Taylor P.* Which Britain? Which England? Which North? // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y.: Oxford University Press LTD, 2001. P. 140–141.

² См.: *Mandani M.* Race and ethnicity as political identities in the African context // *Keywords: Identity*. N. Y.: Other Press, 2004. P. 21.

³ См.: *Al-Azmeh A.* Identity in the Arab world // *Keywords: Identity*. N. Y.: Other Press, 2004. P. 62–63.

В настоящее время воспроизводство этнокультурной идентичности осуществляется в двух основных формах — через традиционные институты культуры и институты гражданского общества: в условиях компактного проживания людей, относящих себя к одному этносу, и в условиях этнокультурной дисперсии. Перемещение огромных потоков людей с нажитых территорий искусственно «прервало» трансляцию культурных традиций и воспроизводство культурного кода, усложнило процесс формирования коллективных идентичностей, в том числе воспроизводство этнокультурной идентичности.

Реструктуризация идентификационных моделей связана еще и с тем, что саморазвитие этнических культур в условиях гражданского общества и информационной открытости включено в полилог культур, образующий контрапункт «перекрестных» связей (культур, развивающихся в рамках светских государств и этнических сообществ, разделяющих разные религиозные убеждения; традиционных культур и культур постиндустриальных обществ с высокими технологиями и т. д.).

Весьма не простым оказалось «испытание» глобализацией, поиски решения модернизационных задач и необходимостью адаптации к «постмодерным», глобальным тенденциям мирового развития⁴ и для национально-культурной идентичности в России. Динамика ценностных предпочтений и представлений в массовом сознании россиян о современном глобальном мире и о культуре Запада показывает поворот в русле ориентаций к «исконно российскому», нравственным устоям и образу жизни, к общенациональным целям, объединяющим позиции всех групп россиян. Нельзя исключать и того, что в условиях модернизации конструирование национальной идентичности связывается не только с риском идеализации прошлого, но и с риском историко-культурного забвения, подменной фактов, трансформацией символического пространства.

Анализ процесса реструктуризации коллективных идентичностей в условиях глобализации позволил автору выделить разные идентификационные модели — «доминантный», «лиминальный» и «когерентный» типы национально-культурных идентичностей как результат разных по интенсивности форм взаимодействия. Для России развитие межкультурного диалога рассматривается автором как фактор укрепления коллективной идентичности в условиях глобализации, как основа для формирования гражданского общества с его прочной социальной солидарностью и ощущением самоидентичности.

⁴ См. об этом: Глобализация и идентичность / под ред. Г. Ершова. М.: РГГУ, 2004; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Проблемы и перспективы трансформации национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1; *Федотова В. Г.* Глобализация и российская идентичность // *Глобализация и перспективы современной цивилизации* / под ред. К. Х. Делокарова. М.: КМК, 2005. С. 150–172; и др.

В. Г. Афанасьев¹**НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР
(На примере горного дела)**

Горное дело — важнейшая составная часть материальной культуры человечества, истоки его — в самых ранних периодах развития цивилизации. Оно связано с крупнейшими этапами истории человечества, с эпохами, которые получили название медного, бронзового, железного века и обеспечили мощное поступательное развитие человеческой цивилизации. Однако в древнейшие времена динамика развития материальной культуры носила замедленный характер. Сказывался и низкий уровень экономического развития, и примитивность правовых представлений и социальных связей, и незрелость общекультурного развития. Важнейшими характеристиками традиционных обществ, определявшими характер социальных и культурных процессов, являлись слабость и низкий уровень межкультурных связей.

Настоящий прорыв во всех областях культуры, техники, науки, образования произошел в XVIII веке — веке Просвещения. Именно этот период стал временем революционных изменений и в развитии горного дела. Стало ясно, что без диалога культур разных стран и народов ни в этой, ни в других областях невозможно добиться подлинного прогресса. Не случайно, в первой половине XVIII века в России была основана Академия наук, при этом в ее создании и развитии значительную роль играли иностранные ученые. Они понимали, что продуктивный поиск и разработка полезных ископаемых невозможны без полноценных связей с учеными других стран.

Прежде всего, сказанное относится к сотрудничеству с немецкой горной академией во Фрейберге. Известно, что вблизи этого саксонского города еще в XII веке добывали и перерабатывали серебро, причем изображения рудокопов являлись украшением домов и даже лестничных клеток. Одним из первых, кто оценил значение накопленного немцами опыта, был Петр I. Начав модернизацию страны, Петр убедился, что без развитого горного дела, в частности металлургии, необходимой для производства оружия в деле достижения победы и укрепления обороноспособности, невозможно продвижение России вперед.

Диалог культур и осмысление русскими людьми передового западного опыта входили в первоочередные задачи Петра I. Известно, что среди направленных на стажировку в Германию молодых людей был М. В. Ломоносов, обучавшийся во Фрейберге. Вернувшись в Россию в 1741 году, он уже на следующий

год опубликовал свои работы «Первые основания горной науки» и «О слоях земных».

Сотрудничество русских и немецких ученых особенно укрепилось, после того как в 1765 году была основана Фрейбергская горная академия, у истоков которой стояли ученые с мировой известностью. Через 8 лет после этого в России указом Екатерины II от 21 октября 1773 года было создано Горное училище, ставшее со временем первым высшим техническим учебным заведением страны. Можно предположить, что на проект его создания и становления большое влияние оказал один из первых его преподавателей И. М. Ренованц, который в 1768–1771 годах проходил обучение в немецкой академии, прослушав там различные курсы, относящиеся к развитию горнозаводского производства. Он принимал участие в разработке учебных планов, по его предложению были изготовлены многочисленные наглядные пособия, механизмы и устройства, применяемые в горном деле, а также построен учебный рудник, считавшейся одной из достопримечательностей Петербурга. Отметим и то, что основатели Горного училища понимали: нельзя стать хорошим специалистом без знания зарубежной науки и техники. Кстати, среди его первых пяти преподавателей был известный баснописец И. И. Хемницер, который преподавал там иностранные языки.

Хотя в дальнейшем к учебному процессу в учебном заведении привлекались именитые преподаватели, включая членов-корреспондентов и даже академиков, в России понимали, что одной теории для успешной практической работы мало, поэтому стали посылать лучших выпускников в немецкую академию. Уже через три года после основания Горного училища туда были направлены на полугодовую стажировку четыре человека, все они по возвращении домой активно занимались научной и практической работой. В 1793 году во Фрейберг отправились П. П. Медер и А. Ф. Дерябин, которые в дальнейшем сыграли важную роль в горном деле России. Так, Медер преподавал ряд предметов, а в 1816–1826 годах был командиром Горного кадетского корпуса, в который в 1804 году было переименовано Горное училище. Дерябин собрал за границей богатую коллекцию минералов, которую в 1801 году передал училищу. Он отличился при разработке основ российского горного законодательства, в 1811–1817 годах был директором Горного кадетского корпуса, используя опыт Фрейбергской академии, много сделал для улучшения подготовки горняков и улучшения их содержания.

В первой четверти XIX века контакты между двумя учебными заведениями сократились, но жизнь показала ошибочность их ослабления, а потому вскоре деловые связи между ними возобновились в полном объеме. Более того: проходившие

¹ Заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г. В. Плеханова (технический университет), доктор исторических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. 6 монографий. Среди них — «Выпускник института барон Петр Врангель: жизнь и судьба», «Очерки истории Горного института (1773–1917)» и др.

стажировку во Фрейберге выпускники института по возвращении в Россию гораздо активнее включались в научную деятельность. Так, маркшейдер Г. А. Иосса в 1829 году был направлен за границу, а в 1832 году получил кафедру металлургии и до 1857 года был ее профессором. Два выпускника института 1851 г. — Н. А. Кулибин, внук выдающегося русского механика-самоучки, и Г. А. Тиме после двухлетней стажировки во Фрейберге стали ведущими профессорами института в области металлургии, горного искусства, математики и маркшейдерского дела, воспитав за долгие годы работы десятки талантливых специалистов горного дела.

Такое же плодотворное сотрудничество продолжалось и в последующие годы. В 1882 году Горный институт закончил Н. С. Курнаков, который после полугода лет пребывания за границей, главным образом во Фрейберге, стал активно заниматься химией. Со временем он стал одним из основателей физико-химического анализа и создателем научной школы в области общей и неорганической химии, а в дальнейшем был избран академиком. Еще одним академиком, внесшим огромный вклад в обеспечение безопасности производства горных пород, стал выпускник Горного института 1900 года А. А. Скочинский, по праву считающийся основоположником отечественной рудничной аэрологии и аэродинамики. На направление его научных исследований и новизну проводимых им работ большое влияние оказала стажировка в ряде стран Европы, а также слушание лекций в немецкой Горной академии. Мы упомянули лишь наиболее известных специалистов, но таких примеров можно привести гораздо больше.

Отметим, что Фрейбергское учебное заведение имело тесные контакты не только с Горным институтом, но и с районами развитой горной промышленности России — Уралом и особенно с Алтаем. Так как эти регионы, в которых было немало специалистов горного дела, были основными поставщиками золота и серебра в государственную казну, отсюда в Германию направлялись выпускники Горного института, которые по возвращении на родину успешно решали сложные практические задачи. Можно отметить также плодотворную работу в 1868 году профессора из Фрейберга Б. Котта, который летом

тщательно изучил ряд районов Алтая и отметил перспективность дальнейшего ведения горных пород. В 1906 году во Фрейберге повысил свою квалификацию один из основателей уральской школы металловедения В. И. Штейнгель, который в дальнейшем стал организатором мартеновского производства в ряде городов Урала. В 1927 году он основал Уральский НИИ черной металлургии, а в 1939 году был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Значительно позднее, чем в Германии, а именно в 1919 году, была основана Горно-металлургическая академия в польском городе Кракове. В становлении и развитии этого учебного заведения заметную роль сыграли видные ученые, профессора Горного института К. И. Богданович, возглавлявший всю геологическую службу России, и Г. О. Чечотт. Поляки по национальности, они вскоре после получения Польшей независимости уехали на родину и, несмотря на сложные отношения между СССР и Польшей, не прерывали научные контакты со своими русскими друзьями.

Много лет прошло с тех пор. Однако, каковы бы ни были те или иные преграды, культурно-научный диалог родственных профессий продолжается и углубляется. Оно носит многоплановый характер и осуществляется не только по линии учебных заведений, но и между структурными подразделениями — факультетами, кафедрами, музеями, а также профессорско-преподавательским составом, аспирантами и студентами. Обоюдные научные стажировки носят устойчивый характер и реализуются на прочной договорной основе. Отметим, что не только эти три учебных заведения, а также Днепропетровский национальный горный университет и Леобенский горный университет в 2007 году основали во Фрейберге Международный ресурсный университет и совместными усилиями развивают интеграционные процессы, содействуя взаимному развитию различных культур. В конечном счете это помогает не только успешно решать многие проблемы, способствует повышению качества образовательного процесса, но и содействует развитию дружественных отношений между народами различных стран, обогащает и развивает культурный диалог в области образования и науки.

В. П. Большаков¹

ЦЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Диалоги культур извечно непросты. Изначально, в период культурогенеза: «Общий тон отношений между племенами был таков: мы — хорошие, культурные, они — плохие, некультурные. Некультурность других состояла только в том, что они были не таковы, как мы»². Этот тип отношений между человеческими сообществами, вообще говоря, сохраняется до сих пор, будучи разнообразно выражен в политических и идеологических взаимодействиях, в самосознании культур, в отсутствии направленности на действительно взаимопонимание, на уважение к особенностям культуры других.

Тем более что понимание своеобразия иной культуры, признание такого своеобразия столь же ценным, сколь и наше, затруднено. Трудности в диалогах культур, даже когда осознана их необходимость, коренятся не столько в различии социальных и политических структур и идеологий, сколько в разной ментальности человеческих сообществ, устойчивых стереотипов восприятия не своего социального и культурного своеобразия.

Многих политических и идеологических проблем межкультурных диалогов, которые были существенны для России советской, теперь нет. Исчез «железный занавес». Россия сегодня открыта для разнообразных взаимодействий со всеми культурами. Но возможности успешных диалогов с ними, обогащающих каждую из сторон, ограничены рядом факторов, значимых и сейчас. И это не только наслоения прошлого, искаженные идеологией представления россиян, скажем, о характере и ценностях западной культуры или цивилизации. Или представления американцев о России как «империи зла». Одним из факторов, осложняющих контакты русской культуры с культурами Запада и Востока, остается своеобразие российских отношений со временем.

Особенности времени, сама его конкретность создаются культурой, которая живет во времени, порожденном ею. Успешность диалогов разных культур обусловлена, помимо всего прочего, тем, что в любой из них, при множестве внутренних вариаций, есть характерные течение, смысловая наполненность, ощущения, ценность времени.

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Особенности культуры в ее историческом развитии (От зарождения до эпохи Возрождения)», «Культура как форма человечности», «Ценности культуры и время: [Некоторые проблемы соврем. теории культуры]», «Своеобразие культуры Нового времени в ее развитии от Ренессанса до наших дней», «Особенности эстетической и художественной культуры», учебных изданий: «Теория культуры», «Культурология».

² Новицкая Л. Ф. Становление культуры // В. П. Большаков, Л. Ф. Новицкая. Особенности культуры в ее историческом развитии : учеб. пособие. Великий Новгород, 2000. С. 41.

Так, европейский Запад (а позже это развилось в США) породил необычайную рационализированность времени, которое дальше рационализировало жизнь. При этом стали ценными исчезающие мгновения и их быстротекущая череда. Ценно прежде всего настоящее, но в его отношении к ближайшему будущему. Время на Западе действительно ценно, и не только в том плане, что «время — деньги». Оно особо значимо, и с ним надо постоянно считаться.

Хотя имеются региональные отличия, и существенные, для всего азиатского Востока характерна скорее ценность вечности, даже в сиюминутном. С этим связана ориентация на сохранение традиций, вкусов, вообще прошлого в настоящем и будущем. Это выражается в рационализированной ритуализации жизни и в длящейся неге пребывания «здесь и теперь», нарушаемой, впрочем, «взрывами» длительности. На Востоке время тоже ценно, но ценна не его динамика, не смена одних мгновений или часов другими. Ценно, значимо и полезно это мгновение, вне его отношения к последующему. Скорее в связи с предыдущим. И такое время переживается как ценность.

Доминантой африканских и латиноамериканских культур в плане темпоральности, по-видимому, является эмоциональная ритмичность, ориентация на четко-ритмичную дробность длительности. Само же время, кажется, не существует в качестве ценности для этих культур, но зато оно и не давит человека.

В России ценность времени не только минимальна, но и весьма сомнительна. Время для русского человека зачастую ощущается как давящая антиценность. Даже русская лень существенно отличается от восточной, африканской или латиноамериканской тем, что в ней нет неги, сладостной расслабленности, легкомысленности ничегонеделания. И западная лень ощущается как освобождение от давления времени. Русская лень — это если и покой, то не освобождающий и не в вечность устремленный. Русская лень — это действительная лень души, которой скучно двигаться и невозможно оцепенеть или вполне расслабиться. Это лень безвременья.

От прошлого мы сравнительно легко отрешиваемся, а в настоящем толком не живем. Что же касается будущего, то его ценность выражена в стремлении после того как «долго запрягали» или «сиднем сидели», вдруг рывком двинуться, и непременно — «куда глаза глядят». Результатом часто оказывается достижение не того, к чему устремились, и опоздание «на праздник жизни». Но мы вообще ничего не любим делать по часам и вовремя. Наша стихия — аврал. Такие отношения со временем сказываются на всем поле культуры: в нравственности, в искусстве, в экономике, политике, повседневности, в том числе и в диалогах с другими культурами.

Возможности диалогов культур, пределы этих возможностей определены достижимым уровнем взаимопонимания. Понимание одного и того же в разных временных контекстах не одинаково. Говоря вроде бы об одном и том же, представители культур с разной темпоральной ментальностью зачастую говорят о разном. Возникает ситуация квазипонимания. По прошествии времени выясняется, что участники диалога имели в виду каждый что-то свое. И если диалог совершался с установкой на некие договоренности или действия, важные для обеих сторон, рождается порой ощущение даже чьего-то коварства. В лучшем случае — непонятости.

Неприемлемый для иных культур, наш, русский (а может и славянский) идеал — неощутимость времени — вроде бы связан с некоторой пассивностью сознания. П. А. Флоренский отмечал, что время строится активностью сознания, а расстраивается его пассивностью. И диалоги нашей культуры с другими в условиях расстройства времени (такого как сейчас) сильно осложнены. В ряде отношений наше настоящее — это прошлое западноевропейской (а в чем-то и восточной) цивилизации и, возможно, будущее всего Востока и Юга. Но нам не хочется жить ни в прошлом Запада, ни в чуждом туманном будущем.

Мы, правда, теоретически уже готовы, но практически не желаем устраивать будущее в настоящем, привыкнув переживать настоящее ради будущего. И если мы, в силу аморфности отношений со временем, принципиальной аритмии, как никто, можем понимать и принимать духовные ценности всех других цивилизаций, переплавляя их в свои, то сами, с нашим практическим игнорированием ценности прошлого и настоящего, остаемся во многом тайной не только для более рационализированных, но и для эмоционально напряженных в темпоральном плане культур. Мы и сами для себя таинственно неопределенны: этикие временщики в безвременье.

И мы ведем диалоги с разными культурами в своем «вневременном» контексте. А они с нами, каждая, в своем временном.

Наше тяготение к упорядоченности в пространстве и во времени какое-то беспорядочное. Реформы, призванные упорядочить разные сферы, будь то политика или образование, порождают «псевдорационализированный хаос». Изменения производим по принципу: «шаг вперед, два шага назад».

Культуры, контактирующие с нашей, имеют более четкие временные ориентации. На Западе, на азиатском Востоке в большей мере, чем в России, уважают и свое и чужое время, более сориентированы на ценности настоящего или прошлого в настоящем. И поэтому им с нами порой сложно взаимодействовать. Ведь мы не только в плане повседневности, но и в ценностно-смысловом отношении живем, по выражению М. Жванецкого, «между прошлым и будущим, вычеркнув к чертовой матери настоящее».

А диалоги с культурами, имеющими иные временные ориентации, остро необходимы. Но чтобы

они были не только желаемыми, а действенными, эффективными, чтобы в их процессах достигалось взаимопонимание и укреплялось взаимное доверие, недостаточно только ждать что нас правильно услышат. Надо и самим уметь вести диалоги так, чтобы нас не просто слушали, а действительно слышали. И самим стремиться на самом деле понимать партнеров. И поэтому добиваться, если не изменения темпорального своеобразия российской ментальности, то хотя бы учета этого своеобразия представителями других культур. Чтобы им каждый раз было ясно с кем (с чем) они имеют дело, что именно мы имеем в виду. Чтобы Россию, представителей ее культуры в большей мере понимали умом, вопреки известному утверждению Ф. Тютчева (умом Россию не понять). Диалоги душ, конечно, хороши, но ведь и славянские души остаются загадочными для не славян.

Хотим мы того или нет, но в современном цивилизованном общении маловато взаимочувствования. Необходимо и взаимопонимание. А действительное взаимопонимание в диалогах культур достижимо, помимо всего прочего, в поле достаточно четких временных ориентаций. Современность требует разных изменений в нашей российской ментальности. В том числе и изменений отношений со временем и ко времени. Нельзя надеяться на то, что тебя будут адекватно понимать, находясь в другом и весьма неопределенном измерении.

Темпоральные особенности русской культуры не вовсе бессмысленны и могут реализовываться весьма позитивно, в связи с процессами глобализации культуры. Эти процессы, конечно, идут не так, как хотелось бы. Тем не менее у человечества нет иного перспективного пути развития, кроме складывания единой человеческой культуры. Реальность такова: или человечество станет единым, преобразовавшись так, что культура окажется в основе будущей цивилизации, или оно погибнет. Но для того чтобы такое преобразование состоялось, уже в не столь отдаленном будущем должны измениться: содержательная динамика жизни, ее темпы, ритмы, само течение времени. Неизбежны при этом замедление скоростей научно-технического прогресса машинного типа и усиление действенного внимания к каждому человеку, к его душе, ибо именно отдельный человек должен стать высшей ценностью жизни в случае превращения мировой цивилизации в мировую культуру.

Россия, с ее неприятием излишней рациональности бытия, с еще не изжитой, хотя и искаженной установкой на то, что каждое движение человеческой души ценнее, нежели любое цивилизационное завоевание, чем нарастание комфортности, — может внести существенный вклад в этот процесс. Но, разумеется, и сама русская культура должна преобразовываться. Нам очень важно проникнуться желанием строить время, ценя его, переоценивая прошлое и устраивая будущее в настоящем, а не настоящее в будущем. Нельзя надеяться только на русский

«авось», на то, что со временем все как-то уладится, утрясется. Надо помнить о том, что, по словам П. Я. Чаадаева, все времена мы создаем сами, что Бог времени не создал, что он позволил его создать человеку.

Можно ведь ценить время и не на западный и не на восточный манер, а по-своему, по-русски. Но научиться ценить его имеет смысл, в том числе и для эффективных контактов с другими культурами на пути к не существующей пока единой человеческой культуре.

О. С. Борисов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Состояние современного социокультурного развития личности характеризуется кризисом ее идентичности, поиском прочных оснований своего бытия в парадоксальной ситуации, когда диффузия культур, неопределенность и в то же время необходимость культурной трансмиссии влекут за собой обострение ценностных конфликтов. В их основе лежат разнородные и разнонаправленные тенденции субъектов социального взаимодействия, самым фактом своего существования вскрывающие сущностное положение дел. Среди этих тенденций, с одной стороны, — возрождение конфессиональной (фундаментальной) принадлежности и, с другой, — национальный ренессанс, протекающие на фоне глобальных процессов культурной ассимиляции, с третьей. Современный мир маркируется как взаимозависимый в своих составных частях мир, в котором напряжение между его частями (Севером и Югом, Востоком и Западом) достигает той степени интенсивности, когда не могущие существовать в неизменном виде выражения сил требуют иной конфигурации отношений.

В этой связи уместно будет вспомнить гуманитарную формулу предтечи современной конфликтологии Г. Зиммеля, сформулированную им в работе «Понятие и трагедия культуры». Она звучит так: «Культура личности есть путь от замкнутого единства через раскрытое множество к раскрытому единству»². Этой формулой вскрывается, как жизненный поток, обретая определенные формы своего выражения и в какой-то момент оказываясь запруженным в этих формах, прорывается в конфликте старых форм и своего обязательного движения в поисках для себя адекватных форм. Личность здесь, в своих объективациях исчезая в форме своего бытия, утрачивает свое единство всякий раз и тогда, когда многообразие форм нивелирует ее определенность, превращая в жертву игры многообразия форм.

Эта универсальная формула определяет и движение самой культуры в ее историческом развитии. Замкнутые единства культуры — это, например, тотемические сообщества или этнонациональные образования, четко выделяющие себя из других по-

добных посредством конструкции «свой—чужой». Конструкция «свои» формируется на основе разделяемых сообществом ценностей и антиценностей, которые формируются в результате взаимоотношения с Другим, маркируемым как «чужие». Однако тренд «дальних пределов человеческой психики» (А. Маслоу), стремящейся к развернутому (актуализирующемуся) единству, телеологически характеризует устремление духа подвести под общее основание единства принципов все то многообразное содержание, которое охватывает его и которое до того уже разомкнуло изначально собранное замкнутое единство. Собственно, здесь замкнутые этнонациональные образования вынуждены самим ходом истории утрачивать свою идентичность, с тем, чтобы определиться вновь на основе наднациональных принципов. Такими являются конфессиональные образования мировых религий: братьями становятся не братья по крови, но метафорические братья по вере. Так, под зеленым знаменем ислама объединились различные арабские племена и те, кто воспринял мусульманские ценности в результате арабизации (поскольку Коран имеет сакральный смысл лишь на арабском языке) и исламизации (за счет налоговых льгот, поскольку «Все мусульмане — братья», как сказал Пророк). Буддизм, христианство и ислам как собирательные конструкции оформились на основе надсловных и наднациональных принципов для тех, кто их разделяет. Но, безусловно, проблема «свои—чужие» не была снята, но поднялась на другой уровень расширительных отношений. В свое время конфессиональная объединительная модель сменилась идеологической, элементы которой могли интегрироваться в результате регрессии к каким-либо архаическим линиям развертывания (национал-социализм) или развивали логику конфессиональной модели к интернационализму (коммунизм как превращенная религия по Н. Бердяеву) или мультикультурализму (секуляризированный христианский гуманизм, закрепленный правом), но с разными укладами экономик, продолжая универсализировать интеграционную модель, с одной стороны, с другой же — замыкаясь в ней ровно на то время, какое было отпущено для ее формирования и уничтожения, чтобы открыться новым порывам. Биполярный экономический уклад синтезируется в конвергенции кейнсианства и монетаризма и перестает быть разделительным идеологическим принципом, открывая дорогу внеэкономическим конфликтам на глобальном уровне. Современные

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, доктор философских наук, доцент. Автор более 60 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Культурология в конспективном изложении», «Религиозное сознание», «Культура древнего мира» и др.

² Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Избранное. Философия культуры. М. : Юрист, 1996. Т. 1. С. 445–474.

цивилизационные модели культуры ищут себя на иных основаниях, поскольку этно-национальные, конфессиональные и идеологические конструкты перестали быть актуальными. И здесь видится несколько вариантов развития.

Первый вариант связан с тем, что разложение биполярной модели, естественным образом ведущее к монополярному миру, не снято в последнем, поскольку традиционные противоречия культурных моделей, вскрывшиеся в силу указанного разложения, не могут разрешиться на языке нормативной модели, которая, обладая доминирующим ресурсом, навязывается в качестве объединительного принципа вопреки их ценностному диссонансу. Апелляция к традиционным культурным ценностям как никогда ранее, со времен И. Канта и И. Гердера, обосновывающего в «Идее к философии истории человечества» движение к гуманности, набирает силу. Казалось, это должно привести к многополярному миру. Однако в силу неоднородности социокультурных моделей, находящихся на разных стадиях развития, подобный сценарий цивилизационного равновесия в ближайшее время представляется маловероятным.

Развернутое множество, согласно логике Г. Зиммеля и другому возможному варианту развития, должно обрести развернутое единство, ибо состояние замкнутости культурных моделей в ситуации взаимозависимости субъектов взаимодействия по причине увеличения скоростей и сокращения расстояний (реальная протяженность) и быстроты обмена информацией (виртуальная одновременность) невозможно. Поэтому апелляция к традиционным культурным ценностям в условиях ценностной неоднородности моделей ведет к конфронтации за их приоритет, при которой ни один из субъектов не сможет избежать конфликта в силу взаимозависимости и «ограничения пространства свободного движения» (К. Левин)¹ и вынужден находить и использовать практики согласительных процедур как единственно возможный способ выживания. Взаимозависимость и сопровождающая ее «социальная турбулентность» неминуемо должны привести через множественность конфликтов к обретению указанного единства или к самоуничтожению, взрыву мира изнутри. Человечество должно научиться сосуществовать, оно стоит на пороге принципиально иной конфигурации истории. Этот принцип единства обосновывает наличие множественных образований, формируемых на суверенных принципах, но всегда открытых друг другу в силу взаимодополнительности и спецификационной функциональности, распределяемой не на основе силы (насилия), поскольку в информационном обществе она утрачивает изначальную эффективность, являясь низкокачественной (Э. Тоффлер)², а на основе интеллектуальных сценариев, в которых сила (или ее

угроза), наряду с богатством (более гибкая) и знанием (высококачественная), может быть тактическим инструментом в многоходовой шахматной партии, преследующей долгосрочные перспективы построения глобального мира.

Однако есть третий вариант: интерактивного поиска собственной идентичности.

Г. Зиммель приводит одну формулу францисканцев с их бедностью и абсолютной свободой от всех вещей, уклоняющих путь спасения души в сторону и направляющих душу к себе — «*ничего* не имеющие и всем обладающие», и другую, нынешней фазы — «*все* имеющие и ничем не обладающие», не дописав, пожалуй, третью — *нечто* имеющие и всем обладающие. Это Нечто проявляется в психологическом факторе интернет-форматирования, который, как «блуждающий электрон», становится значительным ситуационным способом виртуальным формообразованием, подготавливающего не виртуальный жест-поступок. Новая структура сознания, организованная включением в виртуальный процесс больших масс, связывается не классическими конструктами форматирования (социальными институтами), а интерактивно, в силу тотальной неэффективности последних, к которой привела утрата сущностной «прикровенности» (И. А. Ильин), обнажив чистую пользу. Смысл этой третьей формулы в том, что субъект, который находит другого субъекта прикровенно, двигается от самого себя непосредственно к другому в поисках intersubjectивного сопряжения ценностей и самого себя вне институализируемых форм. Классически форматированные группы, утратив ценностный фермент, продолжают держаться пользой, и до тех пор, пока ценностный субъект не столкнется с ситуацией ущемления, он будет пребывать формирующей группой. Ценность сегодня остается в субъекте, который ищет ее приложения, но сталкивается с произволом ценности. Иными словами, человек, оказавшись в экзистенциальной ситуации, не может обрести идентичности в предложенных старых формах. Он ищет новых форм! Новые формы требуют новой личности, которая, обладая внутренним единством своего Нечто, открыта, то есть не привязана ни к какому объекту в силу его ценностной неопределенности. Эта личность обладает и социальной, и ценностной мобильностью. Значит, ценности как ценностные суждения не могут быть привязаны к объекту, как обычно, а только к событию как со-бытию, учитывающему иные ценностные суждения как возможности, в которых взаимооборачиваемость субъектов как субъектов взаимодействия осуществляется не в категориях борьбы противоположностей, а в контексте взаимоотражений, где в зеркале другого представлен сам субъект, наблюдающий за другим как за самим собой. М. М. Бахтин в заметке «Человек у зеркала» писал о фальши во взаимоотношении с самим собой: «Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами... У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему обра-

¹ См.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.

² Toffler A. Power shift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N. Y.: Bantam Books, 1991. P. 13–18.

зу. Из моих глаз глядят чужие глаза»¹. Но инструмент, который позволил бы смотреть на себя извне, дать точку отсчета, найден. Лучше всего этот принцип позиционирования себя, существующий в интеллектуальных высших практиках созерцания для немногих, чаще — преходяще и неустойчиво, сегодня закреплен технологически и повсеместно для всех. Как любая культура в прошлом утверждалась технологиями земледельческими и индустриальными (Л. Уайт), так современная утверждается информационными. «При данном количестве энергии культурное развитие может прогрессировать лишь до определенных пределов — до пределов эффективности орудий»². И здесь, может быть, впервые в истории человечества, уже не только теоретически, но в полной мере реализуется ноосферический эон, в котором виртуальная реальность получает онтологический статус: утверждается в бытии как устойчи-

вая реальность духа. Она получает действительную реализацию свободы, где категорический императив И. Канта устанавливает высокие принципы. Эти принципы не могут быть осуществлены в пределах права для всех, но могут быть доступны в пределах свободы морального выбора, консолидированного для немногих, но ограниченного избранной формой, которую субъект в силу «избирательного средства» (И. В. Гете) необходимо открывает для себя как наилучший психологический фактор самоформирования. Психопространственная интеграция таких субъектов, не будучи ограничена классическими способами интеграции, интерсубъективно создает на основаниях избирательного средства виртуальные поля-ниши культуры, которые, взаимодействуя между собой, вызывают исход субъектов в социальное поле жестов-поступков на ценностных основаниях своего бытия.

Н. В. Буров³

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Диалог культур как естественное свойство развития цивилизации существует многие тысячелетия. Однако в условиях глобализации экономики и духовной жизни мирового сообщества он приобрел особое значение.

Техника и технологии XXI века позволяют преодолевать границы в разных сферах экономики, транспорта, связи, духовной жизни. Информация, деньги, товары переходят из страны в страну; расширилась трудовая миграция; значительно возросло число семей, направляющих своих детей на обучение в экономически коразвитые страны.

Глобализация в первую очередь опирается на информационные технологии, ориентированные не на определенную территорию или страну, а на использующую их личность, которая связана с себе подобными через электронную сеть. Члены информационного сообщества, по сути, составляют разбросанный по всей планете субъектный мир, который разделяет единые космополитические ценности и объективно способствует размыванию национально-государственных границ.

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 71.

² Уайт Л. Избранное: наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. С. 402.

³ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Народный артист России. Председатель Общественного совета Санкт-Петербурга. Член Союза театральных деятелей, Союза музеев России. Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005 гг.). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008 гг.). Снялся в фильмах: «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Истина для Платона», «Жизнь и смерть Лёньки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой — чужой» и др. Награжден орденом Почета, орденом святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, орденом за заслуги перед Республикой Польша, заслуженный деятель культуры Республики Польша.

Глобальная информатизация общества способствует преодолению отчуждения бытия отдельного человека от жизни мирового сообщества, стимулирует формирование информационно-коммуникативной среды, основу которой составляет личность, владеющая умениями и навыками извлекать, сохранять, эффективно использовать и распространять информацию, порождать благодаря ей новые знания.

На современном этапе развития цивилизации происходит транснационализация культуры, проявляющаяся:

- в насыщении диалога культур новым ценностно-смысловым содержанием, отвечающим интеграционным тенденциям XXI века;

- утверждению нового типа транснациональной культуры, для которой характерны трансформирующиеся в национальные культуры унифицированность и мобильность;

- расширении информационной базы диалога культур за счет создания медиапространств и виртуализации культурной среды;

- внедрении новых форм диалога культур и усилении международного обмена ценностями культуры;

- формировании нового уровня личностной культуры, обеспечивающей адаптивность человека к диалогу культур и происходящим в мире культурным явлениям и процессам.

При конструктивных, позитивных аспектах, которые несет глобализация в науке, экономике, техническом прогрессе и распространении информации, нельзя не видеть и негативные последствия ее превращения в мировой феномен: глобализация ударяет по базовым структурам национальных культур, подрывает национально-культурные традиции народов мира, часто пропагандирует и утверждает далеко не лучшие образцы духовной жизни. Это

диктует необходимость государству и гражданскому обществу использовать все возможности для защиты национального достояния. Сложившееся противоречие не предполагает отказа от обмена культурными ценностями, не ставит под сомнения диалог культур, целесообразность максимально широко демонстрировать в России лучшие образцы культуры Запада и Востока. Но на пути продвижения фильмов и электронных носителей, пропагандирующих насилие, национализм и сексуальные извращения, необходим заслон. Более того, вся система воспитания в условиях глобализации должна быть направлена на формирование избирательного отношения к Интернету и иным источникам информации, где наряду с подлинными ценностями утверждаются идеи и концепции, чуждые гуманистическим традициям.

В условиях тотального влияния электронных средств массовой информации, приведших к стандартизации образа жизни и унификации культур, наиболее доступным и эффективным средством сохранения неповторимости каждого народа, предотвращения размывания духовного своеобразия и потери его лица выступают национальный фольклор, национально-культурные традиции. Их раскрытие, поддержание и популяризация становятся важнейшей миссией учебных заведений, библиотек, музеев, театрально-зрелищных и культурно-досуговых учреждений.

Существенную роль в сохранении национально-культурного достояния общества играет диалог светской и религиозной культур. И государство, и церковь заинтересованы в процветании страны и развитии духовного богатства общества. Однако светские и религиозные целевые установки могут различаться. Прежде всего это связано с политическими изменениями в стране, которые приводят к изменению религиозного сознания, замене религий, гонениям на людей, сохранивших верность поверженной церкви. Все это в истории цивилизации приводило к переосмыслению значения культовых сооружений, порождало использование их в далеко не религиозных целях, а иногда и к полному уничтожению. Последствия смены властей, предопределявших и смену религий, сегодня можно наблюдать в Испании, где в действующих храмах или в функционирующих в этих зданиях музеях переплетаются символы христианства и ислама. Это свидетельствует о том, что в разные эпохи здесь можно было услышать и суры Корана, и христианские псалмы и песнопения.

Влияние церкви и ее культовых сооружений существенно актуализируется в переломные моменты истории, когда ослабевают институты государственности. Так было в США в период экономического кризиса 1930-х годов, в Европе после Второй мировой войны. Усиление влияния Ватикана было отмечено тем, что в ряде стран властные структуры возглавили представители христианско-демократических партий.

Рост влияния православной церкви и ислама был отмечен в России в 1990-х годах, когда наша страна переживала глубокий политический, экономиче-

ский, а главное — идеологический кризис, вызванный распадом СССР и утратой иллюзий в грядущее торжество коммунизма.

Церковь по сути — консервативный институт, но развитие цивилизации детерминирует и ее последовательное обновление. При этом чем активнее религиозные конфессии обновляют формы своей деятельности, тем больше прихожан в храмах. В начале XXI века в Европе наиболее быстрыми темпами развивалась лютеранская церковь. Это произошло потому, что она стала более привлекательна для молодежи, обогатила свои методы воздействия на прихожан за счет включения в них современной музыки, поэтических вечеров и т. д.

Любая религия, создавая культовые предметы, в том числе культовые сооружения, была заинтересована в максимальной эффективности этих средств, учитывая их воздействие на эмоциональную сферу человека, то есть, по существу, решала основную задачу искусства, которое, в свою очередь, основывалось на религиозных представлениях. Наиболее яркий пример — античное искусство. Храмы Древней Греции и Рима были архитектурными сооружениями, наполненными произведениями искусства всех жанров.

В этот период государство стремилось к диалогу с церковью и постепенно стало гарантом сохранности культовых сооружений, которые одновременно служили и национальными сокровищницами. Эта тенденция характерна для всех государственных религий, включая Древний Египет, Азию, Африку и доколумбовскую Америку. Именно государство заботилось о сохранении накопленных сокровищ, то есть об их охране, режиме учета и хранения, доступе посетителей и т. д.

При таком взаимодействии религии и государства правовую базу обеспечивает авторитет религии, но с усилением мощи светского государства оно само становится юридическим и фактическим гарантом сохранения культовых сооружений, что можно наблюдать и в настоящее время.

Музеефикация памятников, представляющих собой культовые сооружения, связана с определенными трудностями. Так, у церкви и государства существуют достаточно сложные, меняющиеся со временем и не всегда совпадающие точки зрения на способы и средства их сохранности. Особенно это заметно в странах с традиционно высоким уровнем художественной культуры, например в Италии. Там, с одной стороны, государство обвиняет церковь в плохой сохранности вверенных ей художественных ценностей (особенно тех, которые используются в повседневных религиозных церемониях), с другой стороны, церковь ставит в упрек государству недостаточно внимательное отношение к церковным сокровищам. Это противостояние перманентно, в зависимости от различных факторов баланс этих сил, мнений и взглядов постоянно меняется. Мощная государственная власть старается подчинить себе власть духовную. В случае, когда светская власть достаточно слаба, церковь старается перевести под

свою юрисдикцию все принадлежащие ей строения и культовые сооружения.

Вместе с тем, понимая важность задачи сохранения этих памятников, государство и церковь ведут конструктивный диалог, стараются найти приемлемые формы взаимодействия. Наиболее эффективным способом сохранения уникальных исторических и культурных ценностей, в том числе грандиозных культовых сооружений, как свидетельствует практика, является их музеефикация.

Взаимообогащающее сотрудничество музея и церкви в наше время стало важнейшим условием сбережения шедевров культового искусства и их успешного использования в деле нравственно-эстетического и историко-патриотического воспитания. Комплекс «Исаакиевский собор» — далеко не единственное музейное учреждение, которое вместе с церковью ищет и находит эффективные пути сохранения наследия отцов. Немало сделано в этом направлении Третьяковской галереей, музеем Московского Кремля, музейными учреждениями и православными епархиями центральных областей России, Смоленщины, Вологодчины и иных регионов, где исторически сложилась богатейшая инфраструктура культовых сооружений. Заслуживает поддержки и распространения опыт реализации программы «Духовное возрождение Псковщины», основанной на содружестве музейных учреждений Псковской области, Псково-Печерского Успенского монастыря и иных светских и религиозных институтов. Эта программа позволила многократно увеличить число посетителей музеев, а главное — привлечь к делу сохранения и реставрации ценностей православия десятки тысяч школьников, студентов, пенсионеров, представителей других групп населения.

Музеи Великого Новгорода, Урала, Сибири, Северо-Запада России существенно расширили сферу музеефикации историко-культурной и природной среды, включив в нее фольклорное искусство, декоративно-прикладное творчество, празднично-обрядовые и иные сохранившиеся в веках формы духовно-творческой деятельности.

Особую страницу в развитии музейной деятельности представляет оригинальная интеграция усилий музеев Татарстана с двумя ведущими конфессиями республики — мусульманской и православной. Национальный музей республики по праву называется Государственным объединенным музеем. В нем органично представлены история и современность, этнографические особенности татар, русских и других народов Поволжья, общее и специфическое у людей, исповедующих ислам и православие. Посетители подолгу задерживаются у фотографий, на которых можно увидеть русских, работающих на строительстве крупнейшей в Европе мусульманской ме-

чети, и татар в национальных одеждах, благоустраивающих православный монастырь. В христианских церквях и мечетях специалисты музейного дела проводят экскурсии, раскрывающие ценности каждого из культовых искусств, демонстрирующие благотворный диалог культур населяющих Татарстан народов, пропагандирующие традиции празднично-обрядовой культуры православных и мусульман. Республику Татарстан отличает высокая культура межнациональных и межконфессиональных отношений, политическая толерантность, национальная терпимость. Это результат влияния ряда факторов, среди которых не последнее место занимает содружество церкви и музея.

Взаимосвязь музеев и церкви способствовала сохранению и реставрации таких памятников истории и культуры России, как Соловецкий и Кирилло-Белозерский музеи-заповедники, музеи-заповедники «Александровская слобода» и «Новодевичий монастырь», Ферапонтов монастырь (Музей фресок Дионисия), историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник.

Однако сегодня в различных регионах страны отношения церкви и музеев далеко не столь однозначны. В некоторых местах администрации музейного учреждения, расположенного в храме, стремятся полностью исключить право церкви проводить здесь богослужения. В других случаях православная епархия, не имея реальных возможностей содержать памятник культовой архитектуры и обеспечить сохранность его ценностей, пытается выселить из него музейных специалистов, тем самым, по сути, обрекая памятник на разрушение.

Культовое искусство детерминировано одной определенной религией. Но в рамках музейной экспозиции это искусство поднимается до общечеловеческого уровня, нравственно и эстетически воздействуя как на верующего любой конфессии, так и на атеиста. Удовлетворяя потребности людей в осмыслении духовного мира различных эпох, органично вписавшись в современную культуру, музеи культового искусства обеспечивают преемственность культурно-исторического развития, нравственно-эстетическое воспитание молодежи средствами искусства.

Логика общественного развития обусловила необходимость преодолеть бытовавшую более семидесяти лет конфронтацию с Русской православной церковью. Сама суть музея культового искусства предполагает диалог, органичный союз с церковью, объединение усилий музея и духовных властей в решении единых задач нравственно-эстетического просвещения и историко-патриотического воспитания населения.

А. А. Возьмитель¹**БАЗОВЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ**

Глобализация в сегодняшнем мире — сложный и неоднозначный процесс, результаты которого заключаются не столько в выравнивании экономического, социального и культурного положения различных стран и регионов, сколько в их дальнейшей дифференциации. Более того, чем дальше, тем труднее на основе процесса глобализации выводить какие-то устойчивые закономерности. В частности, мы имели многочисленные примеры того, как сильные страны использовали все плюсы глобализации, интегрируя свои экономики, и слабым оставалась незавидная роль сырьевых придатков и рынков дешевой рабочей силы. В то же время налицо опыт таких стран, как Индия и Китай, которые, будучи изначально слабыми по базовым показателям, сегодня занимают места в числе стран — лидеров мировой экономики.

Россия, в силу своего географического положения, масштабов территории, населения, ресурсов и т. п., не могла оказаться в стороне от процесса глобализации. Однако он, как представляется, сопряжен для нашей страны с определенными социокультурными потерями.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что разлом огромного евразийского пространства, веками цементированного русским языком и русской культурой, контрпродуктивен для России и для образовавшихся на ее окраинах новых независимых государств. Для этих государств — потеря русской культурной составляющей, вытеснение Пушкина, Толстого, Достоевского — фактор и одновременно признак обеднения и деградации культуры. Многие потеряла и Россия. Русская культура всегда «присваивала», вбирая в себя в «снятом» виде культуры и традиции многих народов. Главные из них — традиции толерантности и взаимоуважения, характерные для всей многовековой истории государства Российского. Разлом евразийского культурного пространства безусловно подорвал солидарность большинства народов, его населяющих, а вкупе с их культурной миграцией в Западную Европу, Америку, Китай, Ирак, Турцию способствовал появлению и проявлению крайне националистических экстремистских тенденций, что реально угрожает этноконфессиональной, социальной и политической стабильности, а следовательно, и безопасности ряда регионов.

Исчезновение Советского Союза и массовый отказ от советского образа жизни означает, по сути, цивилизационный катаклизм, распад парадигмы человеческого существования, сопровождающийся обесцениванием культурной и нравственной традиции, дегуманизацией практически всех общественных отношений. Угрожающие темпы депопуляции титульного этноса, напрямую связанные

с социально-психологическим неблагополучием, говорят о вызове самой биологической способности русского человека адаптироваться к навязанным ему ритму и моделям жизнедеятельности, ухудшающейся среде обитания и т. п., не позволяющим сохранить национальную идентичность, самобытность, радость человеческого бытия.

Результаты наших собственных сравнительных исследований (используются данные базового фундаментального репрезентативного всесоюзного исследования образа жизни, проведенного Институтом социологических исследований АН СССР в 1981–1982 гг. (всего опрошено 10 150 чел., в том числе по России — 5522), раскрывающего реальное аутентичное содержание советского образа жизни, и Всероссийского опроса, проведенного в 2008 г. по репрезентативной выборке, разработанной в РГСУ (всего опрошено 2017 чел.)) позволяют говорить о разительном снижении социально-нравственного и трудового потенциала российского общества за последнюю четверть века. Произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей.

Представляется, что общая оценка россиян, связанная с инновациями повседневных практик и социальных представлений, имеет негативный характер. Эти инновации несут российскому обществу скорее экономические и моральные потери, нежели позитивные тенденции преодоления сложных проблем.

В современной России распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями.

В повседневной жизни активизировался и даже начинает доминировать эгоцентризм. Не может не тревожить бурный рост этнической интолерантности и заметный рост алкоголизации населения, а также резкое снижение уровня распространенности норм повседневного поведения, обеспечивающих цивилизованное развитие любого общества (стремление работать как можно лучше; отзывчивость, взаимопомощь), в результате чего формируется неблагоприятная для нормального человека (паразитическая, агрессивно-враждебная) среда обитания.

Схожие, но, пожалуй, более ярко проявляющиеся тенденции, обнаруживаются при анализе изменений в инструментальных ценностях.

В соответствии с реально функционирующими нормами формируется поддерживающая их ценностная система, в которой резко возрастает значение ценностей, так сказать, либеральных (связей с «нужными» людьми, денег, умения приспособиться, крайнего индивидуализма) и резко падает значение ценностей традиционных (трудолюбия, добросо-

¹ Заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН, доктор социологических наук.

вестного отношения к делу; отзывчивости, чуткости к другим людям, честности, принципиальности).

Что же касается терминальных ценностей, то их ядро (семья и работа) оказалось весьма устойчивым, инвариантным к происходящим фундаментальным общественным трансформациям. *Однако сегодня в него прочно внедрилась «уверенность в завтрашнем дне» в качестве важнейшей нереализованной в нынешней России ценности.* Слабо реализуются и другие как «старые» (семья и работа), так и новые терминальные ценности, связанные с достижением богатства, жизнью в экологически чистой среде и личной безопасностью.

Разрыв ценностно-нормативного ядра советского образа жизни сформировал антиномичную структуру массового сознания, являющуюся отражением структуры социально-экономической реальности «дикого» российского капитализма.

Причем налицо интенсивное движение к социальной (шире — цивилизационной) патологии: явному ослаблению рациональных этических начал и господству эгоцентризма (внеэтического индивидуализма), актуализации и производству многочисленных социальных рисков (психологического неблагополучия, аномии, девиантного и саморазрушительного поведения).

Это кумулятивный результат действия взаимозавязанных факторов: кардинального изменения отношений собственности и общественно-политического строя, а также своеобразной инвазии — вторжения в русскую культуру чуждых ей норм и ценностей через подконтрольные «отечественные» СМИ. Фактически произошло разрушение процесса социализации личности, и в первую очередь — практических нравственных отношений между человеком и другими людьми, обществом и человеком, пронизывающих все сферы жизнедеятельности, обеспечивающих их нормальное функционирование и развитие. А ввиду навязываемого людям пренебрежения общественными (в том числе национальными) интересами и целями, которые до самого последнего времени даже не артикулировались, — поддерживаются, по сути, лишь два варианта социализации: маргинальный и девиантный. Распалась и система моральной регуляции — фактически отсутствует общепринятая или хотя бы широко распространенная система представлений о добре и зле, нравственном и безнравственном, норме и отклонении от нее.

Наши исследования, да и динамика основных статистических социально-экономических показате-

телей, позволяют говорить, что реформы, осуществляемые в последние 20 лет, являются скорее формой контрмодернизации, поскольку противостоят идеям гуманизма, справедливости и социального прогресса. Они не просто игнорировали сложившиеся в нашем обществе традиции, культуру и образ жизни, но были направлены на их полное разрушение во имя того, чтобы чье-то чужое прошлое сделать нашим будущим. По существу, была поставлена задача сломать защитный пояс русской культуры и перестроить скрытые за ним механизмы исторической наследственности.

Современный российский контрмодерн обрел реальные черты конструкции нового варварства, дикости, антигуманизма, чистогана и бесчеловечности, тотальной коррупции, криминализации экономики и общества, неспособное к позитивному развитию, а уж тем более к саморазвитию на собственной основе. Произошло полное исчерпание смыслов, аккумулирующих и включающих созидательную общественную энергию. Результат хорошо известен. Несмотря на весьма благоприятные стартовые условия, на самые богатые в мире недра, высокий интеллектуальный потенциал и низкую стоимость рабочей силы — все рухнуло. Экономика стала убого-сырьевой, развалились промышленность, наука, культура, системы правовой и нравственной регуляции, упала рождаемость, зато резко возросли преступность, алкоголизм и наркомания, а также смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, дикое социальное неравенство. Россия превратилась в кастовое общество с правящим классом, отплясывающим дикий танец вокруг золотого тельца, и полунищим, бесправным, ставшим вдруг ненужным населением.

Понятно, что описанные выше процессы, в том числе и негативные, носят незавершенный характер. Как известно, в каждой точке социально-культурного процесса заложено бесконечное количество вариантов дальнейшего развития. В этой связи, во-первых, чрезвычайно важна рефлексия по поводу происходящего — причин конкретных явлений и процессов. Во-вторых, важна проектная составляющая экономической, культурной, социальной политики — четкое осознание целей власти и общества, инструментов социальных преобразований, предвидение последствий. Ресурсы интуитивных решений и импровизационного стиля управления практически исчерпаны. Процесс глобализации это убедительно доказал.

В. А. Волошина¹

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

С конца XX века в системе отечественного образования происходят значительные изменения: образовательный процесс все более приобретает профессиональную направленность. Гуманитарное обучение не только значительно сокращается, но и благодаря активно внедряемой системе тотального тестирования становится чрезвычайно формализованным. Целью обучения становится не столько процесс образования, сколько процесс максимального насыщения информацией, не столько личностный рост, сколько карьерный. Из образовательного процесса уходят духовные основания формирования личности, уступая место технократическому мышлению, отодвигающему задачи постижения человечества и его культуры на второй план.

Необходимость изучения культуры во всех ее исторических и национальных проявлениях связана также с противоречием между темпами и радикальностью происходящих в мире перемен и развитием сознания конкретного человека, не успевающего осмыслить последствия культурных акций и предсказать ход цивилизационного развития человечества. Попытка такого осмысления была неоднократно предпринята в XX веке выдающимися людьми посредством подготовки и распространения нескольких гуманистических документов: Гуманистический манифест I (1933), Гуманистический манифест II (1973), Декларация светского гуманизма (1980), Декларация взаимной зависимости (1988) и Гуманистический манифест — 2000. Каждый из этих документов возник как отклик на наиболее острые проблемы социально-политического и духовного развития мирового сообщества в конкретный период, но объединяет их тревога по поводу распространения слепого фанатизма и нетерпимости религиозного, политического или этнического толка. Документы призывают к созданию всемирной этики, построенной на принципах терпимости по отношению к различным этническим и культурным традициям, признания их права на существование².

В наше время задача формирования толерантного общества перестает быть только нравственной или культурологической. Она приобретает масштаб проблемы духовной безопасности. Усилия государства, общества, индивида в последние годы направлены к общей цели — достижение благополучия и безопасности. При этом под благополучием мы понимаем не только достаток и комфорт, но и нравственное здоровье общества. В основе же духовной безопасности лежат такие категории, как смысл жизни, единство свободы и ответственности, исто-

рическая память, патриотизм и культура патриотизма, предполагающая уважение к проявлениям этих понятий в других культурах.

Противопоставление «своей» и «чужой» культуры происходит не столько на рациональном, сколько на эмоциональном уровне. Поэтому, если не устранить, то, по крайней мере, смягчить этого противопоставления может быть достигнуто именно на эмоциональном уровне, с опорой на антропологические аспекты эстетического отношения человека к миру. Восприятие красоты — это прежде всего переживание положительных эмоций. Переживая эстетическое наслаждение, человек значительно глубже, на подсознательном уровне, воспринимает информацию любого порядка. Следовательно, посредством этой положительной эмоции любые идеологические цели достигаются наиболее верным и коротким путем. Но человек с развитым эстетическим сознанием не может не видеть прекрасного не только в культуре своего народа, но и в других культурах. Именно «других», способных вызвать интерес и уважение, а не «чужих», вызывающих настороженность и неприятие.

Когда-то мы имели продуманную многоступенчатую систему эстетического формирования личности, своими корнями уходящую в XIX век. Размышляя об основах гражданского воспитания, И. А. Ильин писал: «В меру возрастания и в меру возможности необходимо открывать ребенку доступ ко всем видам национального искусства — от архитектуры до живописи и орнамента, от пляски до театра, от музыки до скульптуры. Тогда душа его всесторонне раскроется для восприятия того, что впервые дали ей песня, сказка и поэзия»³. В народной песне и сказке сосредоточено понимание общечеловеческих нравственных ценностей: добра, преданности, способности к состраданию, готовности прийти на помощь другому, иногда совсем не похожему на тебя существу. Не случайно в сказках всех народов мира есть сюжеты о том, как доброта и любовь превращают самых мрачных чудовищ в хороших людей.

История показывает, что общества, развитие которых строилось на эстетических основаниях, смогли достичь высот во всех сферах духовной жизни. Культура Древней Греции стала колыбелью всей европейской цивилизации. Понимание эстетического воспитания как основы формирования личности позволило достичь невероятного духовного взлета в экономически отсталой России XIX века. Система дошкольного и школьного эстетического воспитания в Советском Союзе обеспечила не только формирование творческих личностей, способных прославить отечественные науку и искусство, но и воспитание уважения к многонациональной культуре огромной страны.

¹ Заместитель начальника кафедры философии Академии Государственной противопожарной службы МЧС России (Москва), кандидат философских наук, доцент. Полковник внутренней службы. Автор ряда научных работ по культурной антропологии, эстетике и профессиональной этике, культурологии. Награждена почетным знаком «За заслуги» и 7 государственных и ведомственными наградами.

² См.: Антология русской философии : в 3 т. М., 2000. Т. 3. С. 454–455.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1994. Т. 1. С. 205.

В нынешних образовательных программах возможность изучения национальной и мировой культуры в наибольшей степени реализуется в таких дисциплинах, как «Религиоведение», «Культурология» и «Эстетика». Современные технические средства обучения позволяют знакомиться с произведениями национальной и мировой художественной культуры на уровне, близком к эффекту присутствия. При этом такие функции искусства, как познавательная, коммуникативная, суггестивная, гедонистическая

и другие, позволяют формировать толерантное отношение к другим культурам на подсознательном уровне. Именно искусство дает нам возможность узнать и почувствовать, как люди разных времен, национальностей, религий «понимали счастье, бедствие, любовь, веру, рай, ад — все великие интересы человеческой жизни»¹. Это знание дарит нам радость узнавания своей культуры в другой, вызывает ощущение сопричастности к высшим достижениям мировой культуры.

В. С. Глаголев²

РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЛИМИТОВ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Специализированный раздел религиоведения — «География религий» — располагает многочисленными конфигурациями характеристик религиозности населения в зависимости: от конфессий, которые исповедуют те или другие этнонациональные группы; интенсивности проявлений религиозности, определяемой по различным критериям (частота совершения религиозных обрядов, паломничество, систематичность пожертвований и т. д.); крайних проявлений религиозности в политической и бытовой сферах (частота религиозных убийств, самосожжений по религиозным мотивам, экстремистских акций под религиозными лозунгами и т. д.). Эти конфигурации, налагаемые друг на друга, дают представление о зонах религиозной автаркии и, следовательно, об ограниченной способности услышать и воспринять точку зрения представителей иноконфессиональной культуры; о районах религиозной ксенофобии, где открытые проявления иной религиозности опасны для жизни и чреваты малоприятными последствиями; о районах «размытой» религиозности, где представители различных конфессий вступают между собой в браки, участвуют в совместном владении предприятиями и другими деловыми структурами, сохраняя исповедание религии в качестве частного дела.

Понятно, что последние из упомянутых показателей могут служить основанием для диалога и взаимопонимания в решении по крайней мере прагматических вопросов, в достижении консенсуса, позволяющего обеспечивать более или менее устойчивые условия совместной работы, учебы, научной деятельности и других форм практической жизни.

Нельзя, однако, представлять состояние сотрудничества в качестве инерционно стабильного самовоспроизводящегося фактора. Войственные ритмы национальных и религиозных барабанов включают, как правило, тональность, провоцирующую неприятие чужой веры и связанной с ним культуры. Классическими историческими примерами может служить резонанс «дела Дрейфуса» во Франции на рубеже XIX—XX веков; волна антисемитизма, умело раздутая нацистским движением до повсеместного поджога синагог в Германии в 1938 году; реализация расовой политики на оккупированных Гитлером территориях, приведшая к гибели нескольких миллионов человек, отобранных по религиозно-культурным основаниям, «упакованным» в расовую мотивацию. Погромы в России начала XX века, «дело Бейлиса» имели сходную мотивацию, не ставшую, к счастью, идеологией государственной политики и системы управления. Это обстоятельство и доказательно продемонстрировал А. И. Солженицын в своем двухтомном исследовании «Двести лет вместе».

Очаги и зоны национально-культурной конфронтации, в которых присутствуют религиозные установки и формы консолидации по религиозно-национальным основаниям, неоднократно давали знать о себе в послевоенном мире (противостояние католиков и протестантов в Северной Ирландии, принимавшее крайние формы; антихристианские проповеди в мечетях США, Франции, Великобритании и других европейских странах и т. д.). Поэтому первое условие для благоприятного развертывания диалога культур — усилия по созданию политической атмосферы, позволяющей решать возникающие спорные вопросы за столом переговоров и путем совместных акций, а не в уличном противостоянии, в ходе поджогов, массовых беспорядков и «интифад» на улицах европейских городов. Как в Европе, так и на других континентах земного шара достаточно политических групп и течений, добивающихся сохранения и расширения своих позиций путем массового возбуждения с использованием религиозных призывов.

Второе условие для развития диалога культур — систематическое ознакомление с действительным

¹ Тэн И. *Философия искусства*. М., 1996. С. 12.

² Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор монографий: «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Религия караймов», статей: «Опыт русской интеллигенции в трансляции духовной культуры», «Трансцендентное начало в изобразительном искусстве современной России», «Реформа российского образования в свете духовного наследия Д. С. Лихачева», «Аксиологические аспекты гуманитарного образования в свете Болонского процесса» и др. Член Российского философского общества и Российского социологического общества. Член Правления Московской организации РФО. Координатор межвузовской программы «Духовные основы мирового сообщества».

содержанием религиозных традиций иноконфессиональных и инокультурных групп. Оно предполагает корректные способы подачи: чрезвычайно легко перейти от ознакомления к навязыванию, от просвещения — к надсадному миссионерству, что дает эффект, противоположный ожидаемому. Добросовестность и доброжелательность консультативных структур светского характера, равно как и тех религиозных организаций, которые готовы добросовестно разъяснить свою позицию, а не «продвигать» ее под прикрытием консультаций и разъяснений, также важны в данном направлении.

Наконец, постоянно действующие системы культурологических и философских семинаров, «площадок» заинтересованного совместного обсуждения, открытых средствам массовой информации и включающих участников, нравственная и культурная репутация которых безупречна. Их суждения по религиозным вопросам могут быть также односторонними. Но такая односторонность по крайней мере свободна от подозрений в политической ангажированности, корыстной заинтересованности в поисках публичной известности. Ничто так не вредит делу межконфессионального диалога, как популяризация скандалов, периодически возникающих в среде самых разных конфессиональных групп и широко освещаемых СМИ. Под видом «просветительства» раздувается частное событие.

Глобализационные процессы вносят непрерывные коррективы в более или менее определенно распределенные конфессиональные позиции. Это связано в первую очередь с массовыми миграционными процессами, в ходе которых «Юг» относительно медленно, но неуклонно и последовательно перемещается на «Север», принося с собой более высокие проявления конфессионально-этнической-культурной сплоченности, чем те, что среднестатистически отличают укоренившееся стабильное население Западной Европы, США и Канады. Параллельно происходит расширяющееся движение из деревни в город, влекущее за собой, с одной стороны, маргинализацию ряда групп городского населения, а с другой — добавляющее

«присадку» традиционализма в сложившиеся городские секулярные структуры.

Система массовой культуры «вестерного» типа длительное время пыталась ослабить давление на город традиционалистских слоев путем приобщения их к стандартам ценностей примитивного гедонизма. Правда, кинопродукция ряда государств, озабоченных воспроизводством национально-культурной идентификации, пытается сопротивляться вестернизации, предлагая населению формы разрешения современных молодежных и общих экзистенциальных проблем на основе традиционных способов и подходов (кино Индии, арабских стран, Турции и некоторых других). Уместно отметить, что американское кино последних десятилетий сочетало «выброс» ширпотребной продукции (с «клубничкой» и апофеозом вседозволенности) с обсуждением нравственно-аксиологических проблем на экране, привлекая традиционные протестантские и католические ценности, апробированные историческим опытом Европы и Америки. Ограничение, накладываемое на определенные виды теле- и кинопродукции для детей и подростков, демонстрация ее в ночное время либо по кодированным каналам также являются одной из форм защиты традиционных религиозных, нравственных ценностей в условиях конкуренции систем информиндустрии.

Движение петербургской интеллигенции, ориентирующееся на высокую планку духовного наследия Д. С. Лихачева и популяризирующее достижения многонациональной и поликонфессиональной отечественной культуры в условиях современности, на протяжении последнего десятилетия продемонстрировало готовность людей культуры обстоятельно, обоснованно, последовательно и нравственно безупречно обсуждать сложнейшие проблемы духовной жизни социума, сближая позиции исторически разделенных его частей. Исповедание конфессии для этого движения — сила, когда оно направлено на созидание культуры, образование, просвещение, удержание планки общечеловеческих ценностей в религиозной форме.

Р. Б. Громадский¹

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Думаю, что тема нашей конференции сложна, актуальна и очень интересна. Ее можно раскрывать и обсуждать через разные глобальные направления: политику, науку, культуру, искусство и т. д. Я около пятидесяти лет являюсь профессиональным актером. Сорок шесть лет работаю в Санкт-Петербургском театре-фестивале «Балтийский дом» и пятнадцать лет преподаю в СПбГУП актерское искусство.

За это время, я, как профессиональный актер, объездил почти весь мир. СССР пересекал дважды:

¹ Декан факультета искусств СПбГУП, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства, профессор, народный артист России.

от Калининграда до Камчатки и от Мурманска до Ашхабада. И везде мы играли спектакли, организовывали творческие встречи, общение, обсуждение, споры, возвращаясь домой с яркими впечатлениями от увиденного и услышанного.

Думается, что на примере театрального искусства можно попытаться раскрыть и обсудить наиболее важные и сложные вопросы нашей конференции. Остановлюсь только на одной стороне деятельности моего театра — Ежегодного международного фестиваля «Балтийский дом».

2010 год был объявлен ООН Международным годом сближения культур. Фестиваль «Балтийский дом» был по праву включен в культурную програм-

му России и несомненно стал одним из главных событий знаменательного года. Ведь каждый фестиваль — праздник, открывающий новые перспективы для диалога культур и вдохновляющий молодое поколение на творческое взаимодействие.

Мне 70 лет. На моей памяти много потрясений российской истории: хрущевская «оттепель» с Паустовским, брежневский золотой век с фантастикой Стругацких и романами Булгакова, андроповская дисциплина, горбачевская перестройка, августовская революция 1991 г., распад СССР и медленное возрождение России с Солженицыным.

Распад СССР. Каждая республика, освободившись от российского «гнета», не имея четкого плана дальнейшего развития, закусив удила, крушила все на своем пути: промышленность, науку, литературу, искусство. В результате эти страны до сих пор не могут выйти на доперестроечный уровень. В этом хаосе разобщенности невозможно переоценить значимость организации и открытия в 1990 году Международного театрального фестиваля «Балтийский дом». Таджики, узбеки, киргизы, казахи, армяне, грузины делали все возможное и невозможное, чтобы приехать и принять участие в этом фестивале. Показать, что театральное искусство живо, поделиться проблемами, радостями и горестями. Это помогало людям выживать в сложнейших условиях.

Сегодня фестиваль «Балтийский дом» отметил двадцатилетие. Он значительно расширил географию. Сейчас наряду с Литвой, Латвией, Эстонией, а также Польшей, Германией, Финляндией, Шве-

цией, Норвегией в нем принимают участие Франция, Италия, Англия, Швейцария. В конце каждого фестиваля проходит большой круглый стол, на котором обсуждаются проблемы, выявляются достоинства и недостатки. Могу с уверенностью сказать, что результатом деятельности каждого фестиваля являются продуктивные диалоги между участниками и активное сближение культур. Многие европейские режиссеры, участвовавшие в фестивале, делают заявки на постановку своих спектаклей на сцене «Балтийского дома». Немецкий режиссер А. Жолдак осуществил две постановки на большой сцене нашего театра: «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя, «Москва—Петушки» В. Ерофеева. Известный итальянский режиссер Р. Соттили на сцене нашего театра осуществил известную постановку У. Шекспира «Генрих IV», а также постановку пьесы «Золотой человек». Популярный режиссер Й. Вайткус поставил «Мастера и Маргариту» и чеховскую «Чайку».

Хочу немного остановиться на последней премьере театра. На постановку известнейшей пьесы «Чайка» Й. Вайткус пригласил звезд литовского театра Р. Адомайтиса, И. Будрайтиса, В. Багдонаса, от России в спектакле были заняты ведущие артисты театра Р. Громадский, Н. Индейкина и Р. Лялейките. Спектакль вызвал самое пристальное внимание театральной критики и восторженный прием петербургской публики.

Думается, что вышесказанное и тому подобные явления и представляют настоящий диалог культур.

П. С. Гуревич¹

КРАХ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость, внутреннюю непроницаемость под напором чужеродных влияний? Обсужде-

¹ Заведующий Сектором истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор. Профессор социологии Калифорнийского университета. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий: «Философия образования», «Проблема целостности человека», «Приключения имиджа: типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия» и др.; ряда вузовских и школьных учебников: «Человек. IX класс», «Обществознание. X класс», «Обществознание. XI класс», «Основы философии», «Философия: учебник для психологов», «Религиоведение», «Психология чрезвычайных ситуаций», «Политическая психология», «Философская антропология», «Психология личности», «Психология рекламы: историко-аналитическое и философское содержание», «Культурология», «Эстетика» и др. Главный редактор научных журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника» и др.

ние этих вопросов в Европе имеет давние традиции. Но сегодня они обрели особую актуальность.

В обосновании тех или иных культурных программ, естественно, прослеживаются специфические, нередко противостоящие друг другу теории культуры и культурного процесса. В современной философии выявился обостренный интерес к культуре как фактору социального развития. Исследователи все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например, Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Вот почему многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением духа культуры того или иного народа.

Национальная идентичность давно превратилась в неотъемлемую черту нашего времени. Данная проблема существует не только для Америки. Кризис идентичности затронул все страны и человечество в целом. Нельзя судить об американской идентичности как об автономном процессе. Она связана с самоидентичностью и других национальных культур.

Скажем, японцы не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный уровень развития техники. Иранцев тоже описывают, как «народ, который находится в поисках своего идентичности». В такой же ситуации находится и Южная Африка. Если же говорить о России, то нам предстоит ответить на вопрос, можно ли считать нашу страну европейской или следует относить ее к Азии. Кризис идентичности в различных странах приобретает различные формы, протекает иначе и сулит разные последствия.

Но что же привело к этому глобальному процессу утраты собственного образа? Причин много — это и рождение общемировой экономики, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающая миграция населения, распространение демократических ценностей. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно усматривалось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции (концепции «Плавильного котла», «Доктрины Явственной судьбы»).

Широкую популярность в гуманитарном блоке знаний до недавнего времени имела концепция мультикультурализма. Она зародилась в конце XIX — первой половине XX века. Такие исследователи, как М. Херсковиц, Ф. Боас, К. Клакхон специально изучали взаимоотношения культур, рас, народов. Представленная культурными антропологами концепция аккультурации рассматривала контакты культур как двусторонний процесс. Однако реальная историческая практика далеко не всегда подтверждала выводы ученых.

К тому же американские и латиноамериканские исследования рассматривали в основном влияние европейской культуры на культуры других народов. Обратное воздействие фиксировалось формально и зачастую без особых аргументов. Крайне редко фиксировались спонтанные преобразования, приводящие к видоизменению двух культур, вступивших в контакт. Однако концепция мультикультурализма сохраняла свою научную респектабельность. Предполагалось, что хорошим примером гармоничного сосуществования разных культур может служить Америка. Долгое время в США был популярным своеобразный праздничный ритуал, который символически отражал процесс мирной ассимиляции разных культур. На площади сооружался огромный плавильный тигль. К нему со всех сторон шли в национальных костюмах представители экзотических культур, они поднимались на помост, входили вовнутрь сооружения и выходили с другой стороны, облаченные уже в сюртуки, жилеты, шляпы. Так выражалась идея плавной американизации разных этносов.

Исследователи отмечали «пограничность» американской культуры. Находясь на стыке цивилиза-

ций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно виделось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях — как последовательный процесс ассимиляции (концепции «Доктрины Явственной судьбы», «Плавильного тигля»). Иногда на теоретическом горизонте появлялись радикальные теории этноцентризма, афроцентризма, полицентризма. Нередко «инаковые» культуры утверждали собственную культурную исключительность, самодостаточность, превосходство над другими этносами. В этом варианте мультикультурный радикализм порождал национализм и расизм «наоборот» (“Upside Down”), этнокультурную фрагментацию и сепарацию, перевертывание изначального смысла культурной множественности.

В результате особую остроту приобрела проблема культурной идентичности. Закрепившиеся представления об американской культуре как культуре в основе своей англосаксонской отбросили на задворки цивилизационных процессов как представителей ряда европейских этнокультурных групп, так и представителей неевропейских рас и этносов. Оказалось, что культурному подавлению и процессам аккультурации подвергается ряд европейских, азиатских, семитских и африканских общностей. И вновь обозначился акцент на нетождественности многих культур.

Тем не менее мультикультурализм старался удерживать позицию расового и этнического разнообразия в США. При этом одни исследователи ставили вопрос о неизбежном существовании доминирующей культуры, другие же считали ее излишней. В американском сознании начался процесс, в ходе которого происходил пересмотр представлений о расовой и этнической иерархии. Проблема самооценки маргинальных, бесписьменных культур, которые считались до некоторых пор варварскими, получила развитие в концепции культурного релятивизма (М. Херсковиц, Ф. Боас). Согласно этой концепции, каждая культура, независимо от уровня ее производительных сил, имеет принципиально тот же уровень сложности, ценности и самобытности, что и любая другая. Каждая культура начинает рассматриваться как явление уникальное, не подлежащее кросс-культурному анализу. Сторонники такого взгляда отвергали обязательность критерия прогресса.

Так сложился определенный комплекс представлений о том, как следует осуществлять культурную политику в условиях полиэтничности — от полной ассимиляции «инаковых» культур до навязывания доминирующей культуры. Разумеется, американский мультикультурализм имеет солидный практический аспект. В США развертывались государственные программы, которые включали в себя социальные, образовательные и культурные аспекты. Одна из важнейших целей политики мультикультурализма — создание и поддержание социокультурного равновесия в обществе.

Конец XX — начало XXI века ознаменовались крушением идеи мультикультурализма. Идея равен-

ства наций и государств стала подвергаться резкой критике. Американский социолог Патрик Бьюкенен пишет: «Неужели все наши рассуждения о равенстве народов — не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня — только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого века, обречен проиграть?»¹

Вот некоторые узловые точки развертывающихся на наших глазах этнических и культурных конфликтов. Мексика исторически настроена против США — мексиканцы, мягко говоря, недолюбливают северного соседа. Они считают, что американцы лишили их страну половины законной территории. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс, как минимум, миллион добавляется к их числу каждый год. У мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывают, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели «родичам по расе». Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимилировались в Америке полностью, чего не скажешь о миллионах выходцах из Азии и Африки, и поныне не имеющих равных с белыми прав.

Отличие от иммигрантов прошлых лет, навсегда порвавших с отчизной перед тем, как взойти на

борт корабля, мексиканцы отнюдь не порывают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский язык или принимать американское гражданство — их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. В Америку они пришли, чтобы получить работу. Вместо того чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах «маленькие Тихуаны» — все равно как кубинцы с их «Малой Гаваной» в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы. Мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. Иначе говоря, фактически становятся нацией внутри нации.

Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У других американских меньшинств сложилась убежденность в справедливости тезисов расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и их культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как «плавильного тигля» и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам «настоятельно рекомендуется» придерживаться национальной идентичности — разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма.

Е. А. Гусева²

РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

На современном этапе цивилизационного развития взаимодействие представителей разных культур стало систематическим, повседневным и массовым. Диалог как живое и взаимное общение между собеседниками (культурами) позволяет им не только осознать, что собственное существование не является единственно возможным, но и выказать интерес к опыту других, а также испытать чувство равенства, без которого разговор невозможен.

Диалог культур — это в самом общем виде обмен ценностными парадигмами, как на уровне обыденного сознания, повседневной жизни, так и на уровне общественной идеологии. В системе и обыденной культуры, и ценностной парадигмы идеологии важное место занимает патриотизм.

Чувство патриотизма имеет глубокие исторические формы. Хорошо известно, что разделение на «своих» и «чужих», характерное для мифологическо-

го сознания, никогда не исчезало, но продолжало существовать, оттесненное последующими культурами на периферию человеческого сознания. Тогда встает вопрос: отличается ли сознание современного человека от сознания его архаичного предшественника? На этот вопрос большинство антропологов и этнографов отвечают отрицательно. Они говорят, что первобытный человек мало чем отличается от человека современной эпохи, и истоки патриотизма и национализма, как и многие другие ценностно-мировоззренческие ориентации, находятся в «детстве человечества». В разные периоды времени они проявляются в более или менее «окультуренных» формах. Однако споры по этому поводу не только не прекращаются, но разгораются с новой силой, особенно в переломные моменты истории.

Пространство этих споров находится между полярными точками зрения, как правило, выраженными в известных афоризмах. Например, «Патриотизм — это последнее убежище негодяев» (С. Джонсон) и «Патриот — это человек, служащий родине, а родина — это, прежде всего, народ» (Н. Г. Чернышевский).

Символическая фигура русской культуры, академик Д. С. Лихачев, трепетно и возвышенно относя-

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2004. С. 40.

² Заведующая кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 50 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Взаимодействие познавательных процессов в научном и техническом творчестве», «История философии», «Культурология», «Серебряный век и философия Розанова» и др.

щийся к этому чувству, как к величайшей духовной ценности человечества, писал: «Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов — все определять в человеке и все освещать. Патриотизм — это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества. Патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания».

Можно предположить, что толерантность, как нравственно-психологическая основа диалога культур, неразрывно связана с чувством патриотизма. Патриотом может быть только толерантный человек, и наоборот. При этом любовь к Отечеству не должна связываться только с чувством собственного превосходства и защитой национальных приоритетов.

Менталитет является исторически обусловленным феноменом. Социальные преобразования и эволюция культуры ведут к тому, что менталитет меняется. Но изменение его — сравнительно медленный процесс. В отличие от кратковременных, переменчивых общественных настроений, колебаний общественного мнения и эмоциональных порывов, которые могут охватывать большие массы людей и весь народ в целом, менталитет устойчив и консервативен. Он сохраняется на протяжении целых исторических эпох. Трансформация его происходит лишь вследствие значительных культурных перемен.

Менталитет укореняется в бессознательных глубинах человеческой психики, и его носителям удастся осознать его содержание лишь ценой специальных усилий. Ментальные установки обычно кажутся человеку чем-то само собой разумеющимся, и он просто исходит из них в своем мышлении и поведении, не отдавая себе отчета в том, почему он мыслит и действует так, а не иначе.

Ментальность личности определяется, во-первых, типом общества, в которой она живет, особенностями социокультурного мира, к которому принадлежит данное общество; во-вторых, особенностями национальной культуры; в-третьих, особенностями субкультур или культурных форм, которые обуславливают менталитет отдельных социальных групп в обществе.

Любая идеология посредством пропаганды стремится распространить свое влияние на умы возможно большего круга людей. Идеальный гражданин в рамках идеологической парадигмы — это, прежде всего, патриот, для которого благо Отчизны выше любых личных благ.

Но все мы живем в сфере повседневности — в мире обычных, повторяющихся изо дня в день забот и дел, в тревогах и радостях, связанных с событиями частной жизни. Повседневная жизнь людей протекает на фоне исторических событий большого масштаба, происходящих в жизни страны, государства, человечества. Вроде бы давно определено, что такое патриотизм: это любовь к Родине, гордость ее прошлым и настоящим, уверенность в «светлом»

будущем. Патриотизм — обязательная составляющая черта национального самосознания. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификация себя с другими членами народа, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы Родины и своего народа.

Однако сегодня что-то странное происходит со словом «патриотизм» и чувством, которое оно выражает. Во «всеобщем источнике знаний» — Интернете — изящные и парадоксальные афоризмы связаны, мягко говоря, с осмеянием этого чувства, а мысли, воспевающие патриотизм, скучны и трудно произносимы. Что же случилось в общественном сознании, коль скоро одно из самых возвышенных социальных чувств превратилось в ментальном пространстве в некое вербальное «пугало»?

В нашей стране крах социалистического строя и последовавшие за этим общественно-политические преобразования привели к тому, что высокий смысл понятия «патриотизм» девальвировался. Современные разнонаправленные характеристики этого понятия, в том числе и негативный аспект патриотизма, сформировавшийся в последнее десятилетие, показали, в каком глубоком нравственном кризисе находится российское общество. Есть глубокая основа для кризиса патриотизма — это то, что в советском патриотизме было больше объединяющего, была общая цель, общие принципы, правила игры, которые людям казались довольно справедливыми. Сформировалось впечатление, что даже если ты не будешь эффективно, упорно работать, то все равно жизнь будет нормальной: у тебя будет и машина, и квартира, то есть существовали уравновешенность и спокойствие. Сейчас мы живем в несовершенном рыночном обществе, которое не гарантирует процветания, оно дает некоторые возможности, но, к сожалению, большинство не может воспользоваться ими. 80 % опрошенных, по данным ВЦИОМа, считают, что российское общество устроено несправедливо. Люди уже разобрались в правилах игры, которые есть, но возникла новая проблема — эти правила игры многих не устраивают. Люди не видят возможность развития, роста процветания для себя и своих семей. Это закладывает сильнейшую мину под развитие патриотизма.

Внедрение идеологических ценностей в обыденное сознание и подчинение частных житейских интересов человека общенациональным, государственным целям — это, несомненно, один из путей, который выводит личность за узкие рамки повседневного бытия. Перед человеком открывается широкое поле выбора форм общественно полезной деятельности и обретения в ней смысла жизни. Борьба за осуществление социальных идеалов, как бы различны ни были представления о них, создает условия для духовного подъема личности, развертывания и актуализации ее способностей. Однако ценности вообще и социально-политически ценностные ориентации в частности нельзя навязать человеку силой:

в ответ на идеологическое давление повседневность вырабатывает «иммунитет» против чужеродной для нее идейной «инфекции».

Кажется, что наиболее горячим и страстным противопоставление крайних позиций по поводу патриотизма представлено в русской литературе, философии, публицистике. Это, пожалуй, единственная черта русского национального характера, которая всегда получает серьезное и даже трагическое выражение в художественном и философском творчестве. Любовь к Родине становится тем стержнем в XIX веке, вокруг которого интегрируется российская жизнь. Спор между западниками и славянофилами задал этой теме непримиримую оппозиционность. Безрассудная любовь к Родине у одних противопоставлялась попыткам рационализировать это чувство у других. В результате в русской культуре рождается, с одной стороны, тема странной любви к Родине, где иррациональная тайна этого чувства доводится до крайности («Люблю Россию я, но странною любовью»), с другой — возникает необходи-

мость утверждаться в компании европейских стран, подобно тому как подросток стремится стать своим среди взрослых. Возможно, это связано с вечными поисками особого, «третьего» пути России, отзвуками мессианской идеи, которая рисовала Россию как социальную общность, играющую объединительную роль в построении будущего всемирного сообщества народов. «Что задумал Творец о России?» — спрашивал Н. Бердяев. Нет ответа на этот вопрос.

Представляется, что выбор позиций по отношению к Родине не так уж велик сегодня, а скорее дихотомичен: или «Моя страна не права, но она права, потому что это моя страна», или «Моя страна не права, но я сделаю все, чтобы она была права, потому что это моя страна».

А может быть, патриотом в глобальном мире станет человек, который доволен своей жизнью, чувствует себя свободным экономически и политически. В любом случае очевидно, что в XXI веке чувство патриотизма, для того чтобы стать одним из каналов диалога культур, должно получить новое содержание.

А. В. Денисов¹

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Воздействие неевропейских традиций на академическую музыку в XX веке имело особенно интенсивный характер. Сама проблема «Запад—Восток» в это время обрела достаточно специфические очертания — взаимообмен культур выступил как источник художественных возможностей, ранее оставшихся неизвестными. Конечно, диалог между разными национальными культурами стимулировался внешне-историческими и политическими обстоятельствами. Одновременно мышление композиторов XX века в целом было ориентированным на обновление системы художественных средств, радикальное новаторство и индивидуализацию музыкального языка. Слуховое самосознание стало открытым к новым влияниям, и в результате художественное пространство музыки XX века смогло предельно расширить свои звуковые горизонты.

Очевидно, в этом контексте музыкальное искусство не могло оставаться безразличным к открывавшимся перед ним новым перспективам. В первую очередь, это касается самой системы музыкального языка. Происходит взаимовлияние ритмической и ладовой организаций восточного и европейского происхождения, композиторы осваивают сам интонационный материал разных стран — не только Востока, но и Южной Америки и т. д. (вспомним произведения Л. Берлиоза, Дж. Кейджа, Э. Денисова —

например, «Солнце инков»). Нередким оказывается использование специфических инструментальных средств, значительно расширивших тембровую палитру. Наконец, именно неевропейская музыка позволила по-новому взглянуть на проблемы композиции и организации художественного времени — вместо концепции неуклонно-поступательного развертывания композиторы все чаще обращаются к медитативному типу драматургии.

Характерно, что композиторы не просто используют собственно языковые средства неевропейских культур, их начинает привлекать тематический и сюжетный материал неевропейского происхождения (вокальный цикл О. Мессиана «Харави», «Прощание с другом» С. Слонимского). Эти культуры интересуют авторов не только как сфера экзотики, далекой от европейского самосознания и потому эстетически привлекательной (как это было, например, в XVIII—XIX веках). Они также оказываются воплощением новых смыслов и образов, *внутренне близких* творческим поискам авторов. Можно сказать, что если музыкальный XIX век скорее воссоздает общие стилистические контуры неевропейского искусства, то век XX стремится постичь глубинные законы, лежащие в его основе.

Отдельного внимания заслуживает обращение к неевропейским фольклорным традициям. Хорошо известно, что фольклор становился интонационным источником для композиторов в разные исторические периоды. Достаточно вспомнить о творческом освоении фольклора в русской музыке XIX века — у М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Бородина, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского,

¹ Профессор кафедр режиссуры мультимедиа и звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Музыкальный язык: структура и функции», «Античный миф в опере первой половины XX века», «Музыка XX века», «Искусство мультимедиа: мультимедиа и техника» и др. Член Союза композиторов Санкт-Петербурга.

П. Чайковского. Точнее говоря, он выступал в качестве основы, питавшей профессиональное творчество и обогащавшей его своей музыкальной стихией. В то же время в XX веке фольклор открыл перед музыкантами неиссякаемые резервы для обновления музыкального языка — об этом наглядно говорит творчество И. Стравинского, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Бартока, а во второй половине XX века — Л. Берио, С. Слонимского, Б. Тищенко и т. д.

Нетрудно понять, что столь интенсивный интерес к фольклору был обусловлен многими причинами. С одной стороны, это интерес к архаическим культурам, точнее — архаическим моделям мышления, сохранившимся в народном творче-

стве. С другой — именно фольклор оказался воплощением основ музыкального мышления, принципиально отличающихся от академической традиции профессиональной музыки. Коллективный тип творческого сознания, закономерности устной памяти, особенности исполнительских традиций в фольклоре — все это позволило открыть композиторам XX века неизвестные ранее организующие закономерности музыкального искусства. В результате диалог «Восток–Запад», происходивший в контексте процессов глобализации, стал мощным стимулом для развития музыкального искусства, определившим его дальнейшие перспективы.

К. М. Долгов¹

МЕСТО ЯЗЫКА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Огромное значение в диалоге культур и цивилизаций имеет язык, на что обращали внимание самые известные мастера литературы, искусства и культуры всех народов. Что касается России, то это — М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, К. Н. Леонтьев, а в последние годы — Д. С. Лихачев и А. И. Солженицын, которые считали первостепенной задачей образования и воспитания обучение родному русскому языку, одному из самых богатых, утонченных и прекрасных языков мира... Язык, будучи ядром любой культуры, воздействует на развитие не только самой культуры и человека как объекта и субъекта культуры, но и на развитие всей сферы человеческой жизнедеятельности. Необычайное разнообразие и богатство языков обуславливает развитие различных народов и в целом всего человечества. Еще В. фон Гумбольдт писал: «Разные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями... они в состоянии схватывать в движении духа глубочайшее и тончайшее»². Вот почему для того, чтобы постичь характер того или иного народа, его духовное и культурное своеобразие, необходимо знать его язык, ибо каждый язык любого народа — это своеобразное мировидение, мирочувствование, мирозерцание.

В эпоху глобализации различия между языками приобретают всемирно-историческое значение: совместное рассмотрение различных глобальных проблем придает мысли новую форму, которая перейдет к будущим поколениям, определяет возрастание силы идей и одновременно расширяет их пространство, обуславливает нарастающее развитие в сфере самого мышления, и хотя поиск и нахождение истины, определение законов, в которых духовное обретает отчетливые границы, не зависит от языка, тем

не менее язык дает человеку предпосылки для развития внутренних сил, когда он стремится к бесконечному, и первое побуждение, отвагу и энергию человек на этом пути получает от языка.

Разумеется, развитие языка нельзя прямо связывать ни с общественным прогрессом, ни с прогрессом в области науки и техники, ни с прогрессом искусства и нравственного совершенствования. Влияние языка проявляется прежде всего в возвышении чувства языка и в формировании своеобразного мировидения, в повышении чувствительности человека и общества к красоте слова, эстетичности и утонченности родного языка, к правильному произношению и написанию слов, безошибочному использованию законов и правил грамматики, в развитии способности ощущать в речевых особенностях языка разнообразие и богатство человеческой природы, в воспитании утонченности слуха и речи, эстетического чувства, интуитивно отторгающего любые извращения, опошления и вульгаризации языка, в формировании чувствительности к происхождению, генеалогии каждого слова, в нетерпимости к единообразию, шаблону, штампу, обесцвечиванию и обесмысливанию языка и речи, к их обеднению и коверканью, к их необоснованному засорению иностранными словами и выражениями, в воспитании уважения и любви к великому русскому языку. Следует всеми силами беречь богатство, утонченность и своеобразие русского языка, ибо «своеобразие языка влияет на сущность нации, как той, которая говорит на нем, так и той, для которой он чужой, поэтому тщательное изучение языка должно включать в себя все, что история и философия связывает с внутренним миром человека»³, — писал В. фон Гумбольдт.

Язык — основное средство человеческого общения (монолога, диалога, полилога). Язык — основное средство коммуникации и информации. «Он — посредник процесса понимания и требует поэтому определенности и ясности. Он дает чувству выражение, и сам вызывает чувство и потому требует силы,

¹ Профессор кафедры философии, истории и культуры Дипломатической академии МИД РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ.

² Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370.

³ Гумбольдт В. фон. Указ. соч. С. 377.

отчетливости и гибкости. Он побуждает через сообщаемый мысли облик к новым мыслям и их сочетаниям и потому требует действия духа, который оставляет в словах свой отпечаток»¹. Эти три способности должны быть тесно взаимосвязаны и не подавлять друг друга, иначе язык будет искажаться, ясность станет скучной бессодержательностью, выражение чувств — высокопарной или манерной чувствительностью, весомая полнота смысла — надуманностью и неясностью.

Своеобразие каждого языка проявляется наиболее отчетливо в поэзии, где дух менее всего скован. Еще явственнее своеобразие языка проявляется в жизни народа и в ее выражении и отражении в литературе. Однако одухотвореннее и прекраснее всего своеобразие языка и языковая индивидуальность раскрываются в философии, где из благороднейшего объективного мира в его гармоничном движении рождается объективная истина. Восприятие обретает умеренность и спокойствие мышления, мышление, в свою очередь, — тепло и красочность восприятия, содержанием и целью философии становится важнейшее и величайшее, что только может охватить дух, а занятие ею кажется легкой и радостной игрой. Там, где по счастливой случайности человечество в лице какого-либо народа достигает высот развития и язык обладает способностью тесно сплести объективное и субъективное, при том что превосходство первого не ущемляет прав второго, там и распускается цветок человеческого общения. Живо построенная, основанная на обмене чувствами и идеями беседа сама по себе является как бы центром языка — ответом звука на звук, речи на речь. Происхождение и преобразование языков есть социальный, а не индивидуальный процесс.

Во все времена языки играли основополагающую роль в диалоге разных народов, наций и этносов. В эпоху глобализации роль языков также нельзя недооценивать, хотя ряд языков — английский, китайский — имеют особое значение в меж-

дународных общениях. Тем не менее, видимо, при этом следует сохранять языковое богатство и языковую самобытность народов. «Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее, и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый (говорящий) по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение, при том что мир и воображение, постоянно создающие картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии... То, что они дают нам сразу, есть полная, чистая и простая человеческая природа, если же мы проникаем в глубины их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувыдающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа. Изучение языков мира — это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека»². Вот почему всем народам необходимо изучать языки и культуры других народов, ибо через познание языков и, естественно, культур можно будет познавать дух, характер, своеобразие, нравы, обычаи, чувства и ментальность того или иного народа, что и являет собой движение к подлинному гуманизму.

Н. В. Дымченко³

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПРИДНЕСТРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Сегодня межэтнические проблемы, связанные с выживанием целых народов, вошли в разряд глобальных. Современное общество все сильнее нуждается в новом мировоззрении, направленном на диалог и интеграцию культур с целью их духовного обогащения.

Территория Приднестровья издревле являлась зоной активных контактов многих населявших ее народов, в первую очередь молдаван, украинцев,

русских. Давнее и тесное этнокультурное взаимодействие сопровождалось процессами межэтнической интеграции и частично — взаимной сменой языка и этнического самосознания.

Для проживающих в Приднестровье этносов характерна единая культурно-бытовая общность. Сближение молдавской и восточно-славянских народных культур в XIX веке облегчалось наличием в молдавской культуре древнего славяно-молдавского субстрата, возникшего в предшествующие эпохи, а также культурными контактами и общим вероисповеданием. Миграции народов, длительные контакты между ними способствовали сближению и диалогу национальных культур, их взаимному обмену.

¹ Гумбольдт В. фон. Указ. соч. С. 378.

² Там же. С. 247.

³ Директор Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь), кандидат культурологии, доцент.

Сегодня в полиэтничном пространстве Приднестровья (Приднестровский регион Молдовы, непризнанная Приднестровская Молдавская Республика. — *Прим. авт.*) имеют место культурные традиции разных народов. В первую очередь — русских, молдаван, украинцев, составляющих вместе 90 % населения, а также белорусов, болгар, гагаузов, немцев, армян, евреев. Изучение истоков и особенностей развития их культур, народных традиций и обрядов является актуальным в историко-культурологическом исследовании региона.

Следует отметить, что Приднестровье имеет опыт и первой своей государственности — Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР, 1924—1940 гг.). Это государственное образование в составе советской Украины просуществовало 16 лет, создав культурные традиции, отличающиеся от традиций Правобережной Молдавии (Бессарабии), входившей в состав Румынии. Правобережная Молдавия (ныне — Республика Молдова) стала осваивать латинские (романские) культурные ценности, а Левобережная Молдавия (Приднестровье) сохранила славянские.

В период между Первой и Второй мировыми войнами возросли различия в культуре, ментальности, образе жизни, психологии между жителями МАССР и Бессарабии. Впоследствии различия в политической истории Бессарабии и Приднестровья закрепились и на национальном самосознании проживающих в регионе молдаван, которые осознавали себя именно молдаванами, тогда как многие молдаване современной Молдовы ориентированы на румынский этнос.

Изучение проблемы диалога культур становится сегодня одной из доминирующих культурологических задач. Это связано с теми социально-политическими, экономическими и культурными изменениями, которые обуславливают необходимость поиска новых духовно-нравственных, патристических, национальных идеалов. В этом поиске все чаще обращаются к культурно-историческому опыту.

Этнокультурное разнообразие Приднестровья дало толчок созданию национальных общин. Формирование национальных культурных обществ приходится на начало 1990-х годов и связано с возрождением национального самосознания и культурных традиций народов бывшего СССР. Не стало исключением и Приднестровье как поликультурный регион. Если во многих постсоветских государствах национально-культурные общества создавались с возникавшими там так называемыми «национальными вопросами», в противостоянии с «титовскими нациями», то в Приднестровье этой проблемы не существует, а общества создавались в поликультурном пространстве края с целью возрождения и транслирования родного языка и культуры, народных традиций, самобытности и обрядности.

Крупными национально-культурными объединениями Приднестровья являются Союз украинцев, Союз молдаван и Союз русских общин При-

днестровья. Ранее тема деятельности национальных обществ в культурном пространстве Приднестровья была за пределами исследования культурных традиций края.

Надо отметить, что в Приднестровье — три официальных языка: молдавский, украинский, русский (Конституция ПМР), которые являются гарантом развития многонациональной культуры края. Права представителей разных национальностей закреплены в законодательных актах Приднестровья: законах ПМР «О гражданстве», «О языках», «О культуре», «Об образовании».

Опыт деятельности Союзов украинцев, молдаван и русских Приднестровья стимулирует процесс формирования поликультурного пространства региона. Отсюда представляется очевидным, что в крае начался процесс объединения и других национально-культурных общин. Результаты исследования показывают, что многие городские и районные общины белорусов объединяются в республиканское общество белорусов Приднестровья. Начался процесс объединения в республиканскую организацию болгар, гагаузов, представителей других народов.

Сегодня в Приднестровье помимо организаций основных трех этносов существуют национально-культурные общества белорусов, армян, болгар, евреев, немцев, поляков, болгар, цыган, азербайджанцев. Через свои организации они прикладывают немало усилий для того чтобы каждая культура развивалась не сама по себе, а в единстве с другими. Одна культура дополняет, обогащает, развивает другую, а не противостоит ей. Происходит равноправный диалог культур.

В маленькой непризнанной республике могут говорить на любом языке, выбирать школу с любым государственным языком обучения, нет притеснения по национальному признаку. На Приднестровской земле проживают люди разных национальностей, однако они издавна ощущают себя единым народом. Переплелись традиции и культуры, объединила их и единая история, и родственные связи. Исследование показало, что именно в этом диалоге культур и есть поликультурный феномен Приднестровья.

Динамика основных характеристик деятельности национально-культурных обществ Приднестровья, их сравнение в различные периоды позволили выявить количественные и качественные изменения в социально-культурном статусе Приднестровского региона. Так, ни украинцы, ни русские Приднестровья не считают себя диаспорой, а видят себя коренным населением. Надо отметить, что четко прослеживается степень культурного взаимовлияния и взаимообогащения населения региона с соотечественниками в России и Украине.

Население Приднестровья в историко-политическом, социально-экономическом и этнокультурном плане всегда было связано с Россией и Украиной. В то же время следует отметить, что Приднестровье существует в сложных политических и социально-экономических условиях, в непризнанности и экономической блокаде.

Большое значение в диалоге культур имеет и религиозный фактор. Основная часть населения вне зависимости от этнических корней в основном исповедует православие (РПЦ МП). Служба ведется на трех языках. Русская Православная Церковь и соответствующие ей традиции в этом крае, несомненно, играют роль объединяющего фактора.

Православие играет интегрирующую роль в истории Приднестровского государства, является центром культурного единения. Оно стало той доминантой, которая повлияла на становление самосознания русского, молдавского, украинского, болгарского, гагаузского народов, проживающих в Приднестровье, определило их духовно-нравственные и историко-культурные особенности.

Можно сделать вывод, что после распада СССР на всем его пространстве начался парад этнических суверенитетов и национальных идентичностей, но население Приднестровья смогло сохраниться как поликультурное и этноразнообразное сообщество. В регионе сложилась иная этнополитическая ситуация, чем на остальном постсоветском пространстве. Здесь никогда не было столкновений на почве этнических, религиозных или культурных разногласий. Все этнические культуры и идентичности Приднестровья всегда находились в гармоничном взаимодействии и взаимовлиянии. Мы можем говорить о преемственности российской надэтнической культуры.

Исследование показало, что в обыденном сознании местного населения не выделяются более

престижные или менее авторитетные национальные группы, что создает благоприятный социальный климат и способствует сплоченности населения. Непризнанная Приднестровская Молдавская Республика обеспечивает равноправное развитие и сохранение функционирующих на ее территории языков и предоставляет гражданам любой национальности правовые гарантии развития своего языка и культуры.

Сегодня защита и сохранение культурных особенностей народов, проживающих на территории Приднестровья, справедливо считается неотъемлемым условием прогресса и развития приднестровского общества, а взвешенная и обоснованная культурная политика — фактором устойчивого развития Приднестровья.

Для современного этапа истории человечества характерны глобализация, информатизация и демократизация всех сфер общественной жизни. Смена парадигмы культуры постсоветского пространства вызвала социокультурные изменения, переоценку духовных ценностей, появлению новых культурологических ориентиров. В Приднестровье исторически сложилась общность людей, уважающих все народы и их культуры, сложился многонациональный приднестровский народ.

Опыт поликультурного развития непризнанной республики является ярким примером диалога культур и этнической толерантности, получившим название «феномен Приднестровья».

С. А. Дятлов¹

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ²

Современное человеческое общество характеризуется культурно-цивилизационным и политико-экономическим разнообразием. В условиях тотального развития информационно-коммуникационных технологий, формирования глобального информационного общества качественно меняются, становятся более *мобильными, универсальными и взаимозависимыми* отношения между людьми, принадлежащими к различным культурно-цивилизационным типам. Формируются новые *глобальные (наднациональные) институты* и центры управления, коорди-

нации и согласования интересов людей различных стран.

В глобальном информационном обществе происходит формирование различных сетевых институциональных и управленческих структур, включая институты межгосударственных отношений, государственной власти на глобальном, федеральном, региональном и местном уровнях, а также различные самоорганизующиеся сетевые сообщества населения. Интернет-технологии не только быстро внедряются в политику, бизнес, государственное управление, но и трансформируют характер межличностных отношений в обществе (размываются внешние государственные границы, формируются виртуально-сетевые онлайн-сообщества, устанавливаются отношения информационно- сетевого партнерства, осуществляется группировка пользователей по определенным культурным, информационным, профессиональным интересам), правила общения, изменяют принципы коммуникационного взаимодействия, культурного обмена, ведения бизнеса, отношений между основными субъектами правоотношений, координации их деятельности.

¹ Профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, академик Российской академии естественных наук, член Экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда, эксперт по правовым вопросам Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества, доктор экономических наук. Автор книги: «Основы концепции устойчивого развития», «Основы теории человеческого капитала», «Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования», «Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование» и др. Член Экспертного совета по национальной экономике Российского гуманитарного научного фонда.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-03-00375а.

В структуре перечисленных институтов управления и развития информационного общества и экономики центральное место отводится электронно-сетевым институтам управления, регулирования, контроля и координации, важнейшим из которых является электронное государство (электронное правительство). *Электронное государство (Electronic Government) представляет собой универсальную организационно-функциональную форму диалога культурно-цивилизационных сообществ различного типа, форму согласования интересов и координации деятельности, интеграции в новую цивилизационную систему глобального информационного общества.*

В современной научной литературе имеется целый ряд трактовок термина «электронное правительство». Европейская комиссия в документе “E-governance, a definition that covers every aspect of government” определяет *электронное правительство как применение информационных и коммуникационных технологий в государственном управлении в сочетании с организационными изменениями и новыми навыками с целью повышения качества государственных услуг и демократических процессов, укрепления поддержки политики государства.*

В рамках Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года под электронным правительством понимается новая форма организации деятельности органов государственной власти, за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий обеспечивающая качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов.

Концепция электронного правительства тесно связана с концепцией *эффективного государства и эффективной демократии*. Государство, повышая качество своей деятельности, более эффективно используя государственную собственность, стремится оптимизировать бюджетные расходы, что позволяет активизировать политическую деятельность институтов гражданского общества, уменьшить уровень налогообложения и повысить инвестиционную активность экономических агентов. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) активно внедряются и в систему государственного управления. Органы государственной власти являются крупнейшими на российском рынке потребителями продукции и услуг в сфере ИКТ.

Особое место занимает проблема сотрудничества национальных правительств с глобальными институтами и гражданами различных стран, поскольку быстрое снижение стоимости коммуникаций создает предпосылки для изменения условий жизни населения различных стран. Происходит трансформация форм взаимодействия глобальных институтов управления, национального правительства и граждан различных стран в новую *универсальную информационно-сетевую форму*.

Внедрение технологий электронного правительства позволяет предоставлять услуги для населения

в интегрированном виде по сети Интернет; преодолеть информационно-цивилизационное неравенство; создать формы правления с большим участием граждан, что должно способствовать возникновению «электронной демократии». Целями внедрения электронного правительства являются: повышение качества предоставляемых государственных услуг, ориентация на пользователей; сокращение времени обслуживания заявителей; ликвидация административных барьеров в работе субъектов хозяйственной деятельности; расширение перечня предоставляемых в электронном виде государственных услуг; повышение степени вовлеченности граждан и органов власти в развитие глобального информационного общества; рост вовлеченности граждан в демократические процессы; повышение конкурентоспособности экономики; рост открытости и прозрачности деятельности органов власти.

Главной задачей внедрения технологий электронного правительства является смещение приоритетов в деятельности органов власти от ведомственных интересов к удовлетворению потребностей общества. Сегодня информационные технологии, создающие ценности нового электронного века и функционирующие по принципу «быстрее, лучше, дешевле, доступнее», в форме предоставления качественных государственных и общественных услуг должны работать на интересы всех граждан.

Известный исследователь и разработчик концепции электронного правительства Ж. Фанг в статье “E-Government in Digital Era: Concept, Practice, and Development” выделил основные направления внутренних и внешних взаимодействий, каждое из которых обеспечивает возможности трансформации существующих способов предоставления услуг органами государственной власти: Government-to-Citizen (правительство — граждане); Citizen-to-Government (граждане — правительство); Government-to-Business (правительство — бизнес); Business-to-Government (бизнес — правительство); Government-to-Employee (правительство — служащие); Government-to-Government (правительство — правительство); Government-to-Nonprofit (правительство — неприбыльные организации).

Р. Хикс в работе “Understanding e-Governance for Development” выделяет три основных направления развития электронного правительства: электронное администрирование (e-administration); электронное взаимодействие с гражданами, предоставление им электронных государственных услуг (e-citizens, e-services); развитие информационного общества (e-society).

В целом результатами создания электронного правительства должны стать: улучшение качества услуг, предоставляемых государственными органами; уменьшение количества времени, затрачиваемого заявителями на получение государственных услуг; снижение административных барьеров; расширение набора государственных услуг; повышение эффективности деятельности государственных органов; улучшение показателя удовлетворенности потребителей государственных услуг.

В России главным порталом электронных государственных услуг, предоставляемых органами законодательной и исполнительной власти, является интернет-портал Правительства РФ: www.government.ru. 15 декабря 2009 года был открыт Портал государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru), где есть сведения о 100 федеральных и 250 региональных госуслугах.

Для государства как для организационно-правового института основное значение имеет нормативное закрепление использования ИКТ в работе органов власти. В соответствии с Планом перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти, утвержденным 17 октября 2009 года распоряжением Правительства РФ № 1555-р, до 2015 года в электронном формате должны стать доступными 132 государственные услуги. Согласно утвержденной Президентом России 7 февраля 2008 года Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации к 2015 году Россия должна занять позицию не ниже двадцатого места в рейтингах развития информационного общества, а в классификациях по уровню доступности национальной ИКТ-инфраструктуры — позицию в первой десятке стран мира.

В ведущих странах разработаны международные и национальные проекты перехода к информационному обществу: “UK online”, “E-government: A strategic framework for public service in the Information Age” — национальные программы Великобритании; «Национальная информационная инфраструктура» — программа США; французский проект «Government Action Program for Information Society»; общеевропейская программа «e-Europe», проект стран «Большой семерки» «Государство онлайн».

Возможность использования информационных сетей и систем создает для всех граждан принципиальную возможность непосредственного участия в политическом волеизъявлении и обеспечении прав и свобод. Это преимущество информационного века. Вовлечение институтов гражданского общества, отдельных людей, населения, профессиональных групп и самоорганизующихся сетевых сообществ, реализующих свои функции благодаря развитию интерактивного взаимодействия через различные социальные, правительственные и бизнес-сети, в процесс принятия важнейших политических и социально-экономических решений, управление общественно-политическими процессами обуславливают существенные изменения в демократическом процессе, который трансформируется в электронную, или информационно-сетевую, демократию,

выходящую за национальные рамки отдельных государств.

В процессе осуществления информационно-сетевой демократии возникает проблема регулирования информационных правоотношений, *согласования противоречивых интересов* законодательных, правительственных, судебных органов власти и различных институтов гражданского общества, представляющих интересы населения. Концепция *электронного правового государства* предполагает соблюдение основополагающих принципов демократических институтов, а также расширение возможностей эффективного информационного взаимодействия основных государственных, частных и гражданско-общественных институтов, обеспечивает согласование противоречивых интересов, наличие организованной социально-правовой связи между личностью, различными субъектами общества и государством как выразителем их идей. Субъектом, оптимально согласующим все эти противоречивые интересы в рамках единого гражданского общества, является не только государство или правительство, но и частные институты, сетевые сообщества граждан и отдельные граждане, имеющие свободный доступ в Интернет. Следовательно, субъектом, оптимально согласующим все противоречивые интересы в рамках единого гражданского общества, является *агрегированный субъект информационного права*, или система (совокупность) взаимодействующих институтов электронного гражданского общества. Важнейшей задачей последних является создание действенных полифункциональных интерактивных организационно-правовых механизмов и процедур согласования государственных, общественных, групповых и личных интересов, реализация законных прав и интересов людей различных стран.

Национальные правительства в условиях глобальной экономики начинают пересматривать традиционные концепции и модели взаимодействия государственных органов, частных институтов и населения. В условиях глобального информационного общества возникает необходимость более тесной координации усилий различных стран в области гармонизации национального и международного законодательств в различных сферах деятельности и жизни общества.

Следовательно, электронное государство правомерно рассматривать как *новую универсальную организационно-функциональную форму культурно-цивилизационного диалога, взаимодействия, согласования интересов и координации деятельности различных правительств, бизнеса, общественных институтов и граждан, способствующих интеграции в новую универсальную систему глобального информационного общества.*

С. М. Елисеев¹

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЫ

Исследование геокультурного воздействия Европы на развитие российской государственности имеет важное значение для понимания механизмов и закономерностей ее развития. Особую актуальность данная тема приобретает в контексте очередной попытки российской элиты перейти от устойчивого мобилизационного развития, основанного на эффективном использовании природных ресурсов, к устойчивому инновационному развитию, основанному на эффективном развитии и использовании человеческого и информационного капитала. Обращает на себя тот факт, что несмотря на последовательные и убедительные призывы руководства страны к переходу на инновационный курс развития Россия продолжает сильно отставать от развитых стран, более того — этот разрыв увеличивается.

На протяжении многих столетий геокультурное воздействие Европы является определяющим в истории России. Развитие российского государства и общества в целом, как правило, происходит под влиянием экзогенных преобразований во внешней среде, в условиях ограниченности ресурсов и конкуренции, то есть неразвитости внутренних эндогенных факторов. Это обстоятельство, на наш взгляд, имеет ключевое значение для понимания сложившейся институциональной матрицы, определяющей культуру и темпы институциональных изменений, способы легитимации и осуществления власти, рекрутирования элит и т. д.

Началом формирования российской институциональной матрицы, по нашему мнению, можно считать X век. Большинство европейских народов уже приняло христианство, в Азии распространяется ислам, а славянские племена все еще остаются язычниками. Принятие христианства заложило основы нового мировоззрения, сформировало новую систему убеждений и представлений о мире, социальном порядке и месте человека в нем. Частью нового мировоззрения стало убеждение об отсталости славянских народов от народов Западной Европы в силу того обстоятельства, что последние пришли к христианству раньше славянских племен. В результате в сознании элит славянских народов сложились убеждения о необходимости догнать в будущем ушедшие вперед народы Западной Европы. Эта представление получит распространение и в русской культуре. В ней оно займет со временем едва ли не центральное место и станет предметом жарких споров и дискуссий на многие столетия. В кризисные и переломные периоды истории именно оно во многом будет определять стратегии общественного развития, вы-

бор средств и методов достижения целей. Развитие Европы и России происходило не только рядом, но и параллельно — геополитически, геоэкономически и геокультурно.

Российское общество во все времена испытывает внутреннюю культурную потребность следовать Западу, рассматривать все внутренние проблемы и конфликты в сравнении с Западом, одновременно защищая собственные культурные традиции от тотального подчинения европейской культуре.

Известный русский историк С. М. Соловьев писал, что Россия и Европа одновременно начали движение по исторической дороге, однако вследствие существенных различий в условиях развития, чрезвычайно неблагоприятных в случае России, при равенстве внутреннего потенциала последняя развивалась медленнее, что стало причиной разницы в историческом возрасте между Россией и ее европейскими соседями в два века². Большинство историков констатировали, что в условиях конкуренции с ушедшей вперед Европой Россия была вынуждена форсировать развитие, чтобы не стать жертвой «более взрослых» народов: «юный народ, долженствовавший заимствовать... плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, со страшным напряжением сил»³.

Представление о том, что Европа ушла значительно вперед по сравнению с Россией, сложилось, по сути, уже в период принятия христианства. Оно усилилось и переросло в убеждение правящей элиты в период после освобождения от татаро-монгольского ига, когда встал вопрос о путях дальнейшего развития общества и построения национального государства. Именно в этот период складывается институциональный каркас общества, включающий в себя политические институты, определяющие способы артикуляция и агрегацию интересов, экономические структуры, определяющие экономические стимулы, а также социальные структуры, которые определяют нормы и правила социального взаимодействия.

Таким образом, геокультурное воздействие Европы на Россию стало одним из важнейших факторов не только образования институциональной матрицы, но и тенденций ее институциональных изменений. «Оно прослеживается не только в западничестве и “выборе свободы и демократии”»: внимательный анализ славянофильских, самобытных, евразийских, патриотических, националистических и т. п. взглядов свидетельствует о не меньшей референтности европейской и западной традиции в антизападничестве воззрениях. Это выражается прежде всего в неосознанном принятии Европы (а со временем — и США) в качестве точки отсчета, главного

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор политических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе», «Политические процессы и институты в современной России», «Политические отношения и современный политический процесс в России», «Политическая социология» и др.

² Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 426–427.

³ Там же. С. 462.

оппонента, единственного культурного конкурента, того, от чего Россия принципиально отличается (разумеется, в лучшую сторону)»¹.

Хотя геокультурное и геополитическое воздействие Европы на Россию является общепризнанным фактом, это не дает оснований предполагать, что их институциональные матрицы могут быть сегодня похожи друг на друга. Скорее наоборот, под влиянием долговременных экономических, политических и культурных факторов исходные институциональные различия только усилились и укрепились. За последние 500–800 лет Западная Европа превратилась из отсталого в один из развитых регионов мира, демонстрирующим устойчивые темы развития. Россия же в аналогичный период достигла более скромных результатов. Заимствовав плоды западной цивилизации, непрерывно гонясь за ней со страшным напряжением сил, демонстрируя череду взлетов и падений, она продолжает отставать от развитых стран мира, в число которых вошли уже не только европейские, но и азиатские и североамериканские государства.

В этой связи возникает вопрос: а не загнали ли мы сами себя в институциональную ловушку, создав по-своему уникальный механизм мобилизационного развития, демонтаж которого становится все менее возможным по причине предельно высоких транзакционных издержек и политических рисков, неизбежных при осуществлении данной операции?

В отличие от Европы, в России государство одновременно является основным экономическим агентом и политическим актором, что на практике означает соединение политической и экономической власти в одном институте, и утверждение зависимости развития институтов собственности от институтов власти². Но при этом власть всегда остается первичным, а собственность — вторичным образованием. Как писал Е. Т. Гайдар, «власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся»³. По этой причине в системе отсутствуют действенные экономические стимулы развития собственности, но развиваются политические практики передела уже имеющейся.

Роль и функции государства в процессе модернизации в России во многих отношениях отличается как от роли государства на Западе, так и от функций власти на Востоке. «С одной стороны, российское государство есть сила, инициирующая эволюционные изменения, а с другой — представляет собой инертную структуру, мало соответствующую природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокирующую естественное разрешение назревших противоречий. В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т. п. всякий раз выступают

лишь в качестве объекта преобразования, но никогда — в качестве его опоры или стимула к изменениям. Их активный потенциал оказывается неостребованным. Накопленные за предшествующий период культурные и экономические силы общества отращиваются как ненужные, отжившие, негодные для дела обновления»⁴.

В этой связи естественно возникает несколько вопросов. Во-первых, возможно ли изменить исторически сложившуюся матрицу? Во-вторых, если да, то каким образом?

По нашему мнению, принципиальных препятствий на пути изменения институциональной структуры общества нет. Культура российского общества не содержит принципиальных ограничений для развития демократии и инновационного развития. Все мнения и представления о том, что отечественная культура не способна стимулировать экономический рост и развитие демократии, есть отголосок все того же геокультурного воздействия Европы на Россию. Следовательно, для того чтобы создать новую институциональную матрицу, необходимо прежде всего изменить представления и убеждения акторов, модели принятия решений, которые определяют принципы построения институциональной структуры. Следовательно, на первый план выходят не столько технологические, экономические или политические вопросы, сколько социокультурные.

Как свидетельствует мировой опыт, успешное проведение реформ и сохранения в течение длительного периода курса на экономическое развитие предполагает, прежде всего, изменения мировосприятия людей, их ценностей и убеждений, моделей принятия стратегических решений. Одни институциональные изменения без изменения культуры не могут привести к желаемому результату. Простое заимствование чужих институциональных структур не приводит к автоматическому изменению мировоззренческих основ общества, моделей поведения и принятия решений.

Опыт ряда государств Юго-Восточной Азии, испытавших на себе в середине прошлого века влияние аналогичных представлений о несовместимости традиций азиатской культуры с демократией и экономическим ростом и добившихся экономического роста и развития демократии, свидетельствует о том, что подобная точка зрения расходится с социальной практикой. Очевидно, что существующие экономические и политические институты не смогли полностью раскрыть потенциал отечественной культуры, взяв из нее только те ценности и традиции, которые способны обеспечить мобилизационное развитие при авторитарном правлении. Пока в сознании экономических агентов и политических акторов будут доминировать подобного рода представления, российское общество будет продолжать двигаться по мобилизационному сценарию, чередуя взлеты и падения, усиливая свою зависимость от колебаний цен на мировом рынке.

⁴ Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. № 2. С. 40.

¹ Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление // Полис. 2006. № 3. С. 8–28.

² Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: Истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997.

³ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997. С. 2.

Как свидетельствует успешный опыт изменения институциональной матрицы стран Западной Европы и ряда стран Юго-Восточной Азии, начинать надо не с политических, а социокультурных факторов¹. Прежде чем начать экономические и политические реформы, необходимо подготовить соответствующую почву. Согласно данным международных сравнительных исследований, на процесс развития общества серьезное влияние оказывают культурные ценности и нормы². Современным обществам «присущи ярко выраженные культурные особенности, сохраняющиеся в течение длительного времени и оказывающие заметное влияние на их политическое и экономическое функционирование»³.

Все попытки «стереть» в процессе модернизации культурные особенности ради достижения универсального порядка не создают новых дополнительных стимулов к социальному и политическому развитию. Несмотря на модернизацию, самобытность

культуры, обусловленная религиозными традициями, сохраняет свою силу.

Следовательно, в России, как и во многих других обществах, процесс перехода к инновационному развитию должен включать в себя не только политические, но и культурные факторы. Культура как эндогенный фактор должна поддерживать институциональные изменения, укрепляя веру акторов в возможность успешного перехода к новым типам развития.

Для того чтобы перейти к инновационной модели, необходимы глубокие изменения ментальных схем восприятия действительности на уровне как элиты, так и массы. Пока этого не произойдет, мы будем оставаться в плену прежних иллюзий и представлений, убеждающих нас в том, что существующая институциональная структура, ее экономические и политические институты способны обеспечить переход к инновационному развитию.

О. А. Жукова⁴

СТРАТЕГИЯ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Тема диалога культур и цивилизаций, оказавшаяся в последнее время в центре внимания философских и социально-гуманитарных наук, определила и самостоятельное направление международной политики. Она выражает новый принцип взаимоотношений политических субъектов, в основе которого — идея гармоничного сосуществования и устойчивого развития мирового сообщества. В условиях глобализирующегося мира резко возрастают частотность и глубина межкультурных и межличностных коммуникаций, возникающих в ситуации открытости рынка труда, обмена интеллектуальными ресурсами и технологиями, свободы передвижения товаров и капитала, широких культурных взаимодействий. В связи с этим возникает потребность осмыслить новый формат постиндустриальной цивилизации и оценить масштаб трансформаций, происходящих в национальных культурах с целью выработки своего рода оптимальной фор-

мулы социально-культурного развития. Особый интерес представляют международно-правовой и философско-культурологический аспекты проблемы диалога культур. Отметим, что основополагающие цели сформулированы в документах ООН и ЮНЕСКО, резюме и декларациях международных форумов. Тема диалога впервые была обозначена как стратегическая цель ЮНЕСКО в рамках среднесрочной программы 2002–2007 годов для поддержки и утверждения таких принципов и ценностей, как сотрудничество в целях мира в области образования, науки, культуры, интеллектуальной и нравственной солидарности человечества. Справедливо говорить, что диалог в качестве разрешения противоречий во взаимоотношениях различных национальных и этнических культур, обеспечения сохранности духовно-религиозных традиций, в соединении со стратегической целью становления глобального гражданского общества, может толковаться как ведущая стратегия развития современных субъектов исторического процесса.

Оценивая общий тренд процессов, происходящих на уровне международных отношений, следует обратить внимание на формирование новой этической парадигмы. Ее можно было бы назвать этикой культурного взаимодействия, призванной обеспечить эффективность и непротиворечивость множественных социальных, политических и межкультурных взаимодействий. Основные принципы современной этики международных отношений изложены во Всемирной декларации о культурном разнообразии, принятой в ноябре 2001 года Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на 21-й сессии и определенной Коитиро Мацуура следующим образом: диалог как гарантия мира — это категориче-

¹ *Линдсей Ст.* Культура. Ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 272–289.

² *Harrison L.* Who Prospects? Now Cultural Values Shape Economic and Political Success. N. Y., 1992.

³ *Инглхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 106–128.

⁴ Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры».

ское «нет» теории неизбежности конфликтов. В данном контексте диалог начинает выступать в качестве генерального способа передачи социального опыта, повышающего эффективность межкультурных и межличностных коммуникаций. Разработка положений этики культурного взаимодействия была продолжена резолюцией «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», а также «Права человека и культурное разнообразие» в 2001 году. В конце 2002 года появился документ под названием «Культура и развитие», а 21 мая стал теперь «Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития». Таким образом, можно заключить, что разнообразие, диалог и развитие в мировом сообществе XXI века понимаются в качестве механизма оптимизации культурных ресурсов человечества и, одновременно, как главный принцип политических отношений, представляя собой формулу устойчивого развития и эффективного взаимодействия политических и иных субъектов между собой.

Глобальный проект современности охватил всех субъектов исторического развития. При этом стратегия диалога на внешнеполитическом уровне, как правило, определяется качественными характеристиками национальной стратегии культурно-политического развития, репрезентируемой в том числе в философии и практике культурного диалога. Культурологический поворот, происходящий сегодня в историческом и социально-философском знании, позволяет ученым сосредоточить свое внимание не только на высоких традициях культуры, но и на слабо рефлексированных, неспециализированных практиках культуры, укорененных в повседневной жизни. Подобный интерес вызван тем обстоятельством, что культура повседневности, в отличие от высоких специализированных практик культуры и от культуры обыденной, в условиях современности все чаще берет на себя функции трансляции и актуализации культурных традиций, когда опыт непосредственного проживания человеком времени своей жизни становится необходимым моментом его социализации и культурной самоидентификации.

Казалось бы, последний сюжет выводит нас на экзистенциальную проблематику. Но она все же тематизирована концептом культуры и культуры трансформирующейся. Потому наш научный интерес, прежде всего, связан с необходимостью описания и интерпретации процессов трансформации культурных реалий, духовных и художественных традиций, культурных институтов, сложившихся в домодерную и модерную эпоху и получающих новый контекст существования в эпоху постмодерна с его парадоксальным синтезом противоречий. Они проявляются, с одной стороны, в процессах глобализации—локализации национальных культур как субъектов исторического творчества, с другой, деиндустриализации—реиндустриализации экономик на основе информационных технологий, с третьей, деурбанизации—реурбанизации социально-культурного ландшафта, десакрализации—ресакрализации высоких культурных практик — художе-

ственных, религиозных, политических, наконец, демифологизации—ремифологизации общественного и индивидуального сознания.

Настоящие процессы в полной мере проявляют себя в российской современности. Сила их такова, что проблема сохранения целостности страны, удержания ее в геополитических рамках исторической России представляет собой самостоятельную задачу. Здесь важны и политическая воля, и консолидированные усилия различных субъектов общества, и философская рефлексия по поводу исторического и культурного опыта нации. Вторую сторону этой проблемы составляет культурная самоидентификация. Логика развития стран — наследниц западно-европейской культуры привела к технологическому перевооружению и активной трансформации социокультурных практик. Глобализация уверенно выступает в качестве безальтернативного проекта современности. Одна из ее контртенденций — попытка сохранения национальными культурами своих традиций. Так, Япония осваивает вариант глокализации, идя по пути синтеза локальной культуры с мультикультурным миром, другая древнейшая цивилизация, такая как Иран, формирует свою идентичность на фундаменте религиозных ценностей и национального патриотизма. Индия, продолжая оставаться «заповедником» архаической и средневековой ментальности, тем не менее, прорывается в постиндустриальное общество через освоение информационных технологий. Китай, не отказываясь от идеи «срединного» самодостаточного центра цивилизации, охотно модернизируется на уровне научных и образовательных технологий. Какой путь в ситуации жесткой геополитической и исторической конкуренции избирает Россия? Предлагает ли она свой проект бытия человека в современном мире, способный, во-первых, сохранить ее как культурно-историческое целое, во-вторых, стать основой идей, ценностей, идеалов и практик, разделяемых и желаемых своим народом и вдохновляющих других?

На наш взгляд, основным моментом, выводящим на проблему исторической памяти и культурной самоидентификации российской нации в глобальном проекте современности, будет характер и способ наследования культурной и политической традиции. Важно понять и оценить способы сохранения России как исторического и культурно-политического субъекта. Альтернативы могут быть следующими: либо консервация и неизбежная рутинизация традиции, либо радикальное ее обновление вплоть до полного разрыва, либо переосмысление и творческое развитие. Собственно только последний вариант по-настоящему жизнеспособен. Именно он может быть сформулирован как цель и задача созидательной деятельности во всех сферах жизни российского общества — гражданско-политической, хозяйственно-экономической и культурно-образовательной. Такой творческий путь решения вопроса исторического бытия России может стать основой культурно-исторического проекта обновления и возрождения страны.

Драма России в XX веке заключалась в том, что рывок в современность был построен на разрыве традиции. Творческое развитие казалось невозможным: традиция представляла как архаика и рутина, как безжизненный традиционализм социальных и политических форм, как «неконвертируемое» в будущее прошлое. Историческое самосознание нации и сегодня не преодолело этого разрыва метафизических и инструментальных ценностей. Чрезвычайно важно, на наш взгляд, понять соотношение традиции и традиционализма в современной российской истории, переживающей новую волну модернизации, осмыслить свое прошлое и настоящее в горизонте образа будущего, причем точкой опоры здесь должно стать не реставрируемое прошлое, а возвращающееся будущее, т. е. творчески переосмысленное прошлое, увязанное с реалиями настоящего. Настоящая процедура рефлексии характеризует осложненный процесс культурной самоидентификации современного человека, подчеркнутый темой преемственности политической традиции России и наследия русской культуры в советскую эпоху.

Как нам представляется, процесс изучения национального культурно-исторического наследия «запустит» и активизирует процедуру философской рефлексии, которая возьмет на себя столь необходимую функцию смыслообразования и послу-

жит стержнем культурной самоидентификации нации. Здесь мы сталкиваемся с той же задачей, которая стояла перед русскими мыслителями. Вслед за И. А. Ильиным, восстанавливая историческую преемственность в качестве основы культурной и политической идентичности нации, можно сказать: «Кто хочет познать народ, увидеть его в истинном свете и справедливо судить о нем, тот не может довольствоваться лишь интересом к “последним новостям” на страницах газет, — он должен заглянуть в его историю, попытаться понять способ организации его труда и хозяйствования, изучить склад его характера и дарования его души, вдуматься в его культуру, уяснить себе его религию и благочестие, открыть для себя его искусство, проникнуться его правосознанием в быту и в политике, прислушаться к его поэзии и — понять»¹.

Понимание, к которому призывает философ, — это исходное условие диалога. Историческая диалектика прошлого, настоящего и будущего определяет собой логику преемственности и культурной самоидентификации. В фокусе такого диалога и находится исторический образ России — ее реальная, а не мифологизированная культурная история и перспектива будущего, которая совершается (а для истории уже вершится) в спектре возможностей глобального мира.

Н. А. Захаров²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДВЕ МОДЕЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

С начала XX века в мире обозначились первые тренды глобализации, которые привели к появлению двух глобальных мировых комплексов: «социалистического лагеря» и «демократического мира». А, по сути, двух миров, один из которых Россия, а другой — Запад. Рассмотрим общую схему макросоциальных процессов во временном континууме на примере этих двух цивилизаций России и стран Запада. Имеющаяся на данный момент теория развития общества включает в себя три основных этапа: традиционное, индустриальное и информационное общества. Данной проблематике посвящено множество трудов выдающихся ученых, таких как Д. Белл³, Ф. Уэбстер⁴, Э.Тюфлер⁵. До-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. III. С. 7.

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор социологических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. 20 книг: «Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего», «Организационное поведение государственных служащих», «Управление социальным развитием организации», «Россия: факторы и регуляторы социального действия: очерки по социологии управления», «Социальные регуляторы развития малого бизнеса российских регионов в контексте социологии управления: историко-социологический анализ» и др.

³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества / сокр. пер. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М., 1988.

⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004.

⁵ Тюфлер Э. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.

статочно подробно исследована динамика индустриального общества и выработана концепция в труде У. Ростоу «Стадии экономического роста»⁶.

Американским ученым У. Ростоу в начале 60-х годов была разработана концепция «пяти стадий роста», признаваемая, но не бесспорная и используемая в настоящее время. «Первая стадия» — традиционное общество (сельское хозяйство, рутинная техника, землевладение, земельная рента). «Вторая стадия» — «переходное общество», период создания предпосылок «сдвига» (take-off): увеличение капиталовложений в расчете на душу населения, рост производительности сельского хозяйства, появление «предпринимателей». «Третья стадия» — «сдвиг», «промышленная революция», накопления капитала, быстрый рост промышленности, радикальная смена методов производства (по У. Ростоу, на этой стадии Англия находилась в конце XVIII века, Франция и США — в середине XIX века, Германия — во второй половине XIX века, Россия — в 1890–1914 годы, Индия и Китай — с начала 1950-х годов). «Четвертая стадия» — «зрелость» индустриального общества, характеризующаяся бурным развитием промышленности, возникновением новых отраслей производства, повышением уровня, увеличением доли квалифицированного труда. «Пятая стадия» — эра «массового потребления», основными проблемами

⁶ Rostow W. The Stage Of Economic Growth. Cambridge, 1960.

общества становятся проблемы потребления, а не производства, основными отраслями промышленности — сфера услуг и производства товаров массового потребления, а не традиционные отрасли.

Если обобщить основные имеющиеся на сегодняшний момент концепции социального развития, то можно выделить следующие этапы общественной трансформации:

— *традиционное общество* представлено множеством различных цивилизаций (или культур)

по причине того, что отдельная такая цивилизация в значительной мере зависит от географической среды своего обитания в силу наличия в своем распоряжении рутинных технических средств труда;

— *индустриальное общество* имеет две основные полюсные модели — капитализм и социализм;

— формирующееся *информационное общество*, по всей видимости, будет представлено единой глобальной моделью.

Таблица 1

«Стадии роста» России и Запада¹

Этап	Стадии роста	Россия			Запад		
		Период	Вехи	Социальная система	Период	Вехи	Социальная система
Традиционное общество	Кризис традиционного общества (конец I стадии по У. Ростоу)	XVII век	1666 год. Раскол русской церкви	Московско-русская модель	Рубеж XV–XVI веков	1517 — начало Реформации	Феодализм ²
	Посттрадиционное общество (II стадии роста)	XVII — середина XIX века	Реформа 1861 года	Российская империя (освоение Евразии, элементы индустриализма)	XVI–XVIII века	1789 — Великая французская революция	Западные империи (Великие морские открытия, элементы индустриализма)
Индустриальное общество	Индустриальная революция (III стадия)	Кон. XIX — начало XX века	XIV съезд ВКП(б)	Вызревание индустриальной модели	XIX век	Серия научно-промышленных открытий середины XIX века	Формирование капиталистической индустриальной модели
	Индустриальный рост (IV стадия — зрелость)	1930–1960-е годы	Полет Ю. А. Гагарина	Социализм	Середина XIX — середина XX века	1969 — Н. Армстронг вступает на Луну	Капитализм
	Кризис индустриального общества (V стадия)	1960-е годы — 1991 год	развал СССР	«Развитой социализм» (или «Застой» и «Перестройка»)	1970-е годы	Хиппи, нефтяной кризис, поражение во Вьетнаме	Капиталистическое общество массового потребления
	Постиндустриальное общество	По сей день	—	Постсоциализм (конвергенция капитализма)	1970-е годы	Хельсинское соглашение — начало Разрядки	Посткапитализм (конвергенция социализма)
Информационное общество	Информационная революция	—	—	—	Рубеж XX–XXI веков	1991 — возникновение общедоступного Интернета	Глобализация

Сформировавшееся на рубеже XIX–XX веков индустриальное общество имело две основные экономические системы — капиталистическую и социалистическую.

Наличие ресурсов в достаточной мере обеспечило возможность формирования свободного рынка

¹ Таблица построена на материалах источников: *Захаров Н. Л.* Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. М., 2002; *Шахназаров О.* История развития общества: русский путь // Общество и экономика. 2000. № 2–4.

² В современной исторической науке феодализм анализируется как социальная система, которая существовала только в Западной и Центральной Европе в эпоху Средневековья, хотя отдельные черты феодализма можно обнаружить и в других регионах мира, и в разные эпохи. См. напр.: *Феодализм* // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 5-е изд. (2CD). М., 2001.

ка и конкуренции. В этих условиях практически отсутствует и необходимость, и возможность государственного вмешательства во внутреннюю экономику как в форме командного управления, так и в виде нормативного регулирования. Государство если и участвует в экономической деятельности, то, скорее, как один из многочисленных субъектов. Возможно, самый крупный, но равноправный с другими. В этих условиях господствующей формой собственности является частная собственность отдельных экономических субъектов. Либеральный рынок в условиях доступных ресурсов сам является естественной самоорганизующейся системой, не нуждающимся в целенаправленном управлении.

Капиталистическая модель могла сформироваться в странах, где геополитически имелись благоприятные

ятные климатические условия (что предполагало использование меньшего количества энергетических ресурсов), сырьевые колонии в разных частях планеты (открывающие доступ к разнообразным сырьевым ресурсам), незамерзающие порты в метрополиях и устойчивые внутренние коммуникации (что обеспечивало получение и использование большого количества разнообразных сырьевых ресурсов), высокая плотность населения (то есть избыток трудовых, человеческих ресурсов).

Описанные выше условия явились благоприятной основой устойчивого технического роста. Но они же привели к цикличности функционирования экономической системы, кризисам перепроизводства и росту напряженности между трудом и капиталом. Для недопущения разрушительных кризисов и большого роста безработицы капиталистические государства стали принимать антимонопольные законы, ограничивающие отрицательное воздействие кризисов на развитие экономики, начали прилагать усилия к созданию устойчиво действующих корпораций и введению правового и экономического регулирования производства, а соответственно, совокупного спроса и совокупного предложения товаров. «Возросла роль государственных программ по увеличению рабочих мест и сокращению безработицы. Таким образом, со временем изменялась экономическая, или хозяйственная, система капитализма. На смену “чистого капитализма” с “чистой рыночной системой” во многих странах приходил “смешанный капитализм” со “смешанной рыночной системой” и высокоразвитой индустриальной экономикой»¹.

К середине XX века появилась явная необходимость вмешательства государства в регулировании экономики, а также в формировании и проведении социальной политики как инструмента снятия напряжения между трудом и капиталом. Появление данной тенденции свидетельствует о размывании «чистого» капитализма. Данная тенденция — свидетельство того, что капитализм достиг своего позднего состояния, то есть состояния позднего капитализма, или *посткапитализма*.

Социалистическая модель хозяйствования сформировалась в тех странах, где географические и геополитические условия являлись препятствием в развитии индустриализма. Таковым является неустойчивый меняющийся климат, сложный ландшафт, подверженность природным катаклизмам (что требовало использования большого количества энергетических ресурсов); неблагоприятные геополитические характеристики — незначительное число сырьевых колоний, малочисленные незамерзающие морские порты, протяженные коммуникации суши, имевшие низкую пропускную способность (отсюда ограниченность сырьевых ресурсов); дисбаланс демографических характеристик населения (либо недостаток человеческих ресурсов, либо, наоборот, переизбыток).

Нехватка ресурсов не способствует формированию либерального рынка, а значит, ведет к монополистической экономике и в своем естественном развитии превращается в государственный монополизм. Государство становится либо единственным, либо подавляющим экономическим субъектом-собственником. Весь этот комплекс условий препятствует техническому развитию. Поэтому государственный субъект вынужден реагировать на все это мобилизацией экономических усилий, что, в свою очередь, приводит в экономике к ограничению возможностей функционирования либерального рынка и формированию системы административного регулирования экономических ресурсов.

Важнейшим инструментом государственного управления для социалистических стран становится социальная политика, осуществляемая социалистическими странами, способствует мобилизация человеческих ресурсов, что, с одной стороны, дает отдельному человеку минимум социальных гарантий, необходимых ему для осуществления производственной деятельности, а с другой — лишает его гуманитарных гарантий, обеспечивающих его самореализацию как свободной личности.

Геополитические реалии вынуждают социалистические государства стремиться к лидерству на мировой политической и экономической арене, а следовательно, им в большей мере требуется мобилизация человеческих ресурсов, что, таким образом, ведет к усилению эксплуатации работников (от низшего до высшего квалификационного уровня). Итогом такой эксплуатации являются высокие научно-технические достижения в ряде областей, на которые нацелена деятельность государственного субъекта, и отставание во всех других. Научно-техническое развитие становится некомплексным, бессистемным и зависимым от воли государственного субъекта, а не от естественных социально-экономических условий. По этой причине снижается роль естественных саморегулирующих социально-экономических факторов, возрастает роль государственного субъекта в управлении, а, одновременно, возрастает и цена человеческой ошибки.

Труднодоступность сырьевых ресурсов и неустойчивость научно-технического развития влияют на эффективность функционирования экономической системы, что приводит к низкому благосостоянию населения, снижению экономической активности организаций и угасанию мотивированности персонала. Возникшее экономическое отставание социалистических стран с необходимостью требовало либерализации рынка — снижения роли государства в управление экономикой — и детotalитаризации личности — освобождения ее от политического диктата и идеологического давления. Возникновение данной тенденции свидетельствует, что социализм достиг пределов своего развития и превратился в поздний социализм, или *постсоциализм*.

Индустриальное общество (и капиталистическое, социалистическое), дав толчок небывалому

¹ Бачурин А. В. Рынок и подъем экономики России. М., 1996. С. 149.

за всю историю человечества научно-техническому развитию, сформировало новые условия производительной деятельности человека.

В целом имеется три таких условия, которые повлияли на изменения.

Во-первых, характер взаимосвязи в системе: работник орудие труда (техническое средство).

В настоящее время квалификация работника зависит не от навыков использования определенного набора технических средств (например, прежде охотнику требовался набор жесткой системы навыков пользования луком для ведения успешной охоты), а от умений использовать свои навыки для создания новых технических средств; то есть современный человек не приспосабливается к имеющимся орудиям труда, а создает постоянно новые, приспосабливая их к характеру своей деятельности.

Во-вторых, дифференциация труда и эволюция системы организации трудовых взаимосвязей.

Первые цивилизации стали возможным в результате возникновения вертикальной дифференциации труда и организации иерархической системы управления трудом. В дальнейшем индустриальное общество сделало значительный шаг вперед благодаря возникновению горизонтальной дифференциации и организации труда по принципу «конвейера». В настоящее время на фундаменте сложившейся системы организации труда возникают новые вариации, связанные с матричными и проективными формами.

В-третьих, содержание и структура этических ценностей и норм.

При желании, можно проследить изменение трудовых этических ценностей в истории цивилизации. Первоначально в традиционном (предшествующем индустриальному) обществе генеральной ценностью являлось смирение. Для этой ценности было характерны установки: «неси свой крест», «не собирай сокровищ на земле». В индустриальном обществе главной мотивирующей ценностью становится достижение (или производительность). В настоящее время на первое место выходит ценность качества (или высокие стандарты деятельности, видимо эта ценность и станет ведущей в будущем). Современные мировые процессы имеют следующие особенности: конвергенция экономических систем, глобализация, трансформация индустриального общества, возникновение предпосылок либо для возникновения нового информационного общества, либо отката человечества назад.

Сейчас происходит исчезновение таких «чистых» социально-экономических форм как социализм и капитализм; этот процесс именуется *конвергенция*. На данную тенденцию в 1960-е годы обратил внимание Дж. Гэлбрейт, отмечавший в своих трудах: «Размышляя о будущем, мы выявили бы также важное значение тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную при-

близительно сходной системой планирования и организации»¹.

Экономическая как хозяйственная система обладает большой степенью неопределенности, поскольку относится к классу больших и сложных систем. При этом речь идет не просто о большом количестве элементов и связей между ними, а о неограниченном, по существу, количестве потенциально возможных связей, которые могут быть установлены между элементами. Второй важной особенностью хозяйственных систем является наличие в каждом элементе человека как управляющей подсистемы. Это означает, что как эффективность функционирования каждого элемента системы, так и выбор реально установленных связей из набора потенциально возможных не могут быть полностью и однозначно определены из единого центра.

Приведенные выше особенности хозяйственных систем, как систем с большой степенью неопределенности, имеют свои положительные и отрицательные стороны. Главной положительной чертой хозяйственной системы является ее неограниченная способность к выживанию, перестройке своих связей, переходу от одного качества функционирования к другому; то есть экономика является саморазвивающейся и самообучающейся системой, способной создавать новые элементы, а также новые связи между ними.

Главной проблемой нормального функционирования хозяйственных систем является сложность управления ими. «В соответствии с законом необходимого разнообразия Эшби, управление системой возможно только в том случае, если разнообразие возможностей управляющей подсистемы по крайней мере не меньше разнообразия ситуаций в управляемой подсистеме путем уменьшения числа элементов и набора потенциально возможных связей. С кибернетической точки зрения планирование можно определить как управляющее воздействие, направленное на ограничение деятельности системы, в рамках заранее выбранной траектории движения»². Исходя из этого, разнообразие планирующего органа должно быть не менее разнообразия хозяйственной системы. Очевидно, что в случае народного хозяйства в целом это, конечно же, невозможно. Командно-административная система пыталась ограничить как число элементов хозяйства, что явилось, по мнению А. Н. Петрова³, одним из факторов чрезмерной концентрации и специализации нашей экономики, причиной монополизации производства; так и число связей между элементами (достаточно усеченная номенклатура выпуска продукции, фондируемое снабжение и т. д.). Однако даже такое упрощенное описание системы показало безрезультатность и невозможность управлять экономикой из единого центра. Сложность хозяйства выросла настолько, что управляющая подсистема

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 463.

² Эшби У. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 6.

³ Петров А. Н. Методология выработки стратегии предприятия. СПб., 1992. С. 6.

ма оказалась просто не в состоянии контролировать его функционирование.

При увеличении сложности, новизны и размеров экономических параметров экономической системы наступает тот порог, за которым управление из единого центра становится невозможным. Тогда единственным средством развития экономики в направлении удовлетворения потребностей общества является наличие некоего регулятора, позволяющего самостоятельно настраивать систему с точки зрения создания необходимых элементов и связей между ними. Таким автоматическим регулятором и может выступать рынок, на котором сталкиваются потребности в форме спроса и товары (услуги) в форме предложения. В то же время эффективность данного автоматического регулятора (рынка) может быть различной. Стихийный скачкообразный рынок не является эффективным, так как элементы системы затрачивают слишком много времени на поиски связей между собой, да и такой спонтанный поиск не всегда приводит к рациональному и эффективному выбору. Кроме того, инерционность хозяйственной системы приводит к тому, что полное соответствие между спросом и предложением выступает как одномоментный акт, а разрыв между ними (деловая флуктуация) может достигать существенных размеров. Вследствие этого рыночная экономика развивается по так называемым циклам деловой активности: дно экономического цикла, расширение производства, пик и спад деловой активности. В таких условиях государственный субъект стремится к тому, чтобы глубина деловых флуктуаций была минимальна, а длина стадии расширения производства, наоборот, максимальна. Для этого вводятся элементы регулирования рынка, строится специальный механизм по его комплексному обслуживанию — рыночная инфраструктура.

В целом конвергенция приобретает мировой масштаб и ведет к универсализации социальных и экономических моделей, при этом она способству-

ет усилению кросскультурного взаимодействия и ведет к нивелированию не только социально-экономических различий, но и политических и социокультурных; данный процесс именуется *глобализация*¹.

Глобализация есть факт, свидетельствующий о том, что индустриальное общества утратило свои классические черты и находится в состоянии *трансформации*. Глобализация представляет из себя процесс перехода в информационное общество. Данный процесс характеризуется стиранием географических границ за счет развития информационных технологий и транспорта, с другой стороны, глобализация приводит к постоянной межкультурной коммуникации. Тенденции в экономике для позднекапиталистических и позднесоциалистических государств имеют диаметрально противоположные направления: для одних увеличение роли государства в регулировании экономики, для других — либеризация экономики; в этой связи современное общество может называться как *поздеиндустриальное*, или *постиндустриальное*.

В результате процессов конвергенции, глобализации и трансформации может произойти либо превращение современного постиндустриального общества в *информационное*, либо кризис постиндустриализма вследствие утраты управления над техникой, социальными, экономическими и политическими процессами, что приведет к эскалации насилия, терроризма, термоядерным конфликтам и, в конце концов, к откату к *доиндустриальному* состоянию общества.

Несомненно то, что нынешнее постиндустриальное общество — и посткапиталистическое и постсоциалистическое — нуждается в *трансформации* своих социально-экономических систем, их конвергенции, то есть уподоблении — это первая экономическая предпосылка становления информационной эпохи; вторая — социальная, то есть социальная политика в экономике.

¹ Grenčikova A. Nevyhnutnosť potreby vzdelávania pracovníkov ako dôsledok globalizácie procesov // Acta academica trenčiniensis. Trenčín, 2003. № 2. P. 34–38.

В. Ю. Зорин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПРОТИВ КОНФЛИКТА ЦИВИЛИЗАЦИЙ. РОССИЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ

С распадом СССР и ликвидацией противостояния двух идеологических систем, которые обеспечивали некоторую интеграцию, унификацию и стабильность, противоречия между особенностями культур и религий стали проявляться все чаще и далеко не гармоничным образом.

В дополнение к возрастающему числу этнических и религиозных конфликтов добавилась борьба за общую модель развития — однополюсный или многополюсный мир. Преследуя глобальные геополитические цели, активные субъекты современных международных отношений выстраивают доктрины и стратегии на основании каких-либо научных идеологизированных концепций.

Среди таких доктрин уместно вспомнить миротворческий подход к глобальным процессам Иммануэля Валлерстайна, либеральный миропорядок Френсиса Фукуямы, геополитический подход Жака Аттали, Великую шахматную доску Збигнева Бжежинского, концепцию многополярности Карло Санторо.

Наиболее заметной попыткой отразить существующие в мире процессы была работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и трансформация мирового порядка» (1996). Автор предложил еще одно целостное видение «мирового порядка» и «образа мира в целом». Хантингтон выделяет две точки зрения на будущее развитие культур: мультикультуралистов (по антропологической терминологии — сторонников этнического плюрализма и многообразия культур) и универсалистов. Универсалисты — сторонники новой универсальной культуры, сформировавшейся на основе западной (в основном США), которая должна распространяться во всем мире, сметая на своем пути все перегородки и уничтожая ненужное разнообразие культур, религий и т. д. Универсалисты убеждены в абсолютной значимости западной культуры. Они искренне полагают, «что люди всех обществ стремятся воспринять западные ценности, институты и обычаи. Если же оказывается, что у них нет такого желания и что они привержены своим традиционным культурам, то этих людей считают жертвами “ложного сознания”, сравнимого с тем, какое

марксисты обнаруживали у пролетариев, поддерживающих капиталистов»².

Каким же представляется мир Хантингтону? Это взаимодействие цивилизаций, которое может по ряду причин превратиться в столкновения и войны — локального и глобального характера. В определенном смысле Хантингтон возрождает цивилизационный подход Н. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера.

Основной тезис, который отстаивает Хантингтон, состоит в том, что различия между цивилизациями огромны и еще долго будут оставаться таковыми. С его точки зрения, цивилизации-метакультуры несхожи по своей истории, образу жизни и, что самое важное, по религиям. У людей различных цивилизаций отличаются представления о мире в целом, о свободе, о моделях развития, о соотношении индивида и общества, о вере и Боге. Основопологающим для политолога Хантингтона является положение о том, что межкультурные различия более фундаментальные, чем политические и экономические.

Как подчеркивал Александр Запесоцкий, такая постановка вопроса привела к тому, что «он был воспринят как апологет идей исторической предопределенности, неизбежности конфликта цивилизаций»³. Но так считали далеко не все авторитеты гуманитарных наук.

Идиологема конфликта цивилизаций была спокойно встречена учеными и политиками России, теория не получила достойной критики, а ее опасность, по моему убеждению, недооценена до сегодняшнего дня. Правда, в конце своей жизни С. Хантингтон дистанцировался от своего главного тезиса, но сама теория жива, а аргументация ее создателя продолжает самостоятельное существование.

В ряде своих работ я писал о теоретической несостоятельности и практической вредности концепции конфликта цивилизаций, особенно в условиях нашего Кавказа и Поволжья. Предлагалось также изжить этот термин из политического лексикона⁴.

Распространенность и общепризнанность концепции С. Хантингтона в среде политиков, общественных деятелей, научного экспертного сообщества позволяет оценивать ее в большей степени как доктрину, подкрепляющую многие шаги западных политических и военных структур в сфере внешней политики, в области стимулирования определенных глобализационных процессов. Наиболее рельефно позиция Хантингтона выражается в следующем суждении: в мире, где культурные идентичности — эт-

¹ Заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН (Москва), доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор. Автор более 90 научных и научно-популярных публикаций, в т. ч. книг: «Международные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации», «Проблемы раннего предупреждения и профилактики деструктивных явлений», «Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики», «Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы», «Русский народ в национальной политике. XX век», «Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законодательства» и др. Входит в состав редакционного совета журнала «Вестник российской нации». Член Союза писателей России. Награжден орденами Почета, Дружбы.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 511.

³ См.: Материалы X Международных Лихачевских научных чтений. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 37.

⁴ См.: Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002. С. 44; Свободная мысль. М., 2003. № 12. С. 4–15; Этнопанорама. Оренбург, 2006. № 3–4. С. 2–14.

нические, национальные, религиозные, цивилизационные — занимают главное место, они должны оказывать определяющее влияние на политику всех государств, в первую очередь США и Запада.

Сегодня в России, формулирующей собственную точку зрения на многие процессы на международной арене, во многом необходимо критически подходить к изыскам западных идеологов, пропагандирующих «универсальные подходы» к складывающимся процессам и возникающим в международной жизни явлениям.

Хорошо известно, если этнический конфликт усугубляется религиозным фактором, он становится особенно разрушительным и трудно поддается урегулированию. Неким теоретическим обоснованием этому призвана служить ставшая модной в последние годы точка зрения, согласно которой развитие мира представляется как развитие и взаимодействие отдельных цивилизаций. Цивилизации при этом изображаются в виде огромных культурных блоков, основанных на отдельных религиозных традициях: христианская цивилизация, мусульманская цивилизация, буддистская цивилизация и т. д. Если такие цивилизации представлять, как это нередко бывает, как закрытые целостности, неспособные к взаимопониманию, и видеть в их взаимопроникновении только потенциальное зло, то можно предсказать губительные конфликты между ними, представляющие главную угрозу всему человечеству.

В чем суть предсказаний С. Хантингтона? Рассматривая взаимодействие цивилизаций, американский ученый обращает внимание на сокращение содержательного присутствия Запада в незападных обществах. По его мнению, вскоре «наступит период геополитического противостояния по границам цивилизаций». Одним словом, отношения между цивилизациями сводятся к противостоянию, столкновению и конфликтам. Ученый предрекает рост межрелигиозных столкновений в ближайшем будущем. Это произойдет, по его мнению, именно на стыках названных цивилизаций¹.

По мнению Хантингтона, конфликты наиболее вероятны по «линиям культурных разломов» или пространственных границ, метакультурных общностей. Вся его книга пронизана предчувствием близких локальных межцивилизационных столкновений. Иногда в его формулировках присутствует уверенность в грядущих сражениях. Чем она вызвана? Основываясь на его исследовании, можно выделить несколько аспектов современной эпохи, способных дестабилизировать обстановку в мире в целом. Согласно воззрениям Хантингтона, особую роль в определении облика современного мира играет фундаментализм (строгое соблюдение архаических

¹ Основные труды С. Хантингтона: "The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations" (1957), "The Common Defense: Strategic Programs in National Politics" (1961), "Political Order in Changing Societies" (1968), "American Politics: The Promise of Disharmony" (1981), "The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century" (1991), "The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order" (1996), "Who Are We? The Challenges to America's National Identity" (2004).

норм, консерватизм и возврат к старым порядкам), прежде всего в виде религиозных движений. Возврат к традиционным культурным ценностям Хантингтон оценивает как реакцию на экспансию западной индустриальной культуры в развивающиеся страны. Особенно ярко подобная реакция проявляется в странах исламской ориентации, которые играют существенную роль в современную эпоху.

Своей концепцией «столкновения цивилизаций» профессор С. Хантингтон бросил вызов многим устоявшимся представлениям о характере происходящих и потенциальных глобальных и региональных противостояний, а также предложил новую парадигму для теоретического исследования и прогнозирования миропорядка на рубеже XX и XXI веков. С солидной долей уверенности можно сказать, что это едва ли не самая крупная из представленных за последнее десятилетие концепция, в которой дана общая картина мира.

Тезис Хантингтона о том, что именно цивилизационная модель объяснения современного и будущего состояния мира способна стать обобщающей, или главной научной парадигмой эпохи после холодной войны, вызвал серьезные возражения критиков. С такой упрощенной постановкой вопроса не согласен, например, Л. И. Абалкин. С точки зрения его теории исторического синтеза, влияние цивилизационных особенностей на развитие общества в каждой стране является лишь одним из трех мега-трендов: «До сих пор крайне слабо изучен вопрос о том, как воспроизводится тип цивилизации на протяжении нескольких столетий, каков генетический код, с помощью которого цивилизация воспроизводится на новом этапе? Это одна из сложнейших проблем. Во многом это определяется состоянием культуры в самом широком понимании, традициями, системой ценностей, верований, мотиваций, семейными отношениями, семейными преданиями и многим другим»².

Но вернемся к рассмотрению важнейших постулатов теории конфликта цивилизаций С. Хантингтона. Немаловажен и тот факт, что С. Хантингтон — политолог, а не историософ или культуролог: его построения адресуются не столько научной общественности, сколько ныне действующим политикам. Из предлагаемой концепции им сделаны практические выводы, даются определенные политические прогнозы, а западным политикам предлагается придерживаться стратегии, опирающейся на цивилизационную парадигму. В связи с этим вопрос о степени надежности предлагаемой им конструкции приобретает особую значимость.

Идеология вместо экономики. С. Хантингтон исходит из верного положения о том, что единство незападного мира или раскол по линии «Запад—Восток» — это миф, созданный на Западе. На самом деле для человеческого общества всегда была свойственной поликультурность. Такое положение сохраняется и поныне. Впервые в истории мир стано-

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полит. 1994. № 1. С. 33–38.

вится в политическом отношении многополярным. Вопреки надеждам западных политологов никакой универсальной цивилизации не возникает. Зато на смену трем большим блокам периода холодной войны, по заключению С. Хантингтона, приходят семь или восемь мировых цивилизаций.

Автор полагает, что после окончания холодной войны в жизни людей превалирующую роль играют культура, идентичность и их символы, отодвинувшие на второй план идеологию и политические или экономические интересы. По мнению С. Хантингтона, в условиях современности не идеология, а культура становится основой для объединения стран в блоки или цивилизации. Говоря о том, что отношения между цивилизациями приходят на смену идеологически окрашенной конфронтации двух систем времем «холодной» войны, он представляет их новым явлением последнего периода развития.

Более всего С. Хантингтон пытается доказать, что в итоге модернизации глобальная политика перестроилась в соответствии с культурными различиями. Люди и страны с близкими культурами стремятся держаться вместе, а люди и страны с разными культурами расходятся. Союзы, которые диктовались идеологией и взаимоотношениями супердержав, теперь сменяются союзами, определяющимися культурой и цивилизацией. Политические границы все более совпадают с культурными, этническими, религиозными и цивилизационными, культурные объединения приходят на смену идеологическим блокам эпохи холодной войны.

Однако, провозглашая «человеческую историю историей цивилизаций», С. Хантингтону следовало бы более обстоятельно пояснить это положение. Одна из главных его идей заключается в том, что в условиях современности цивилизация из объекта истории превращается в ее субъект. И с этим можно было бы согласиться. Но такой вывод отнюдь не означает, что цивилизационная парадигма господствовала исторически.

Несомненно, цивилизационный подход применяется некоторыми историками для упорядочения знаний о мировой истории, однако при этом цивилизации понимаются ими как исключительно или прежде всего культурные общности высшего порядка, не имеющие прикладного отношения к мировой практике. В истории война и политика были делом политических общностей (прежде всего государств), обладающих центральным руководством и общей волей. Культурным же общностям все это было чуждо.

Кроме того, специалистам известно, что применение цивилизационного подхода ограничено из-за отсутствия общепринятых критериев выделения отдельных цивилизаций. Поэтому перечень таких цивилизаций у разных авторов так или иначе отличается. Все это не мешает историкам с известной долей условности использовать цивилизационный подход для некоторых специальных целей. Однако он не может служить единственной надежной основой для серьезных политических прогнозов и тем

более для выработки реальной политической стратегии.

Религия как фантом. Каким же образом в таком случае поступает С. Хантингтон? Главной определяющей чертой рассматриваемых им цивилизаций считается религия, хотя при этом автор допускает, что четких критериев и границ у цивилизаций и быть не может. Из контекста его книги следует, что цивилизации определяются по доминирующему населению и его религии. Поэтому, например, в православную цивилизацию зачисляется вся Евразия, включая Казахстан, Грузию и Армению, а также ряд восточноевропейских стран. Следовательно, допускается, что в составе одной цивилизации могут находиться фрагменты других цивилизаций, например, вкрапления мусульман в России, Грузии и Казахстане. Именно в этом С. Хантингтон видит реальную угрозу этим странам и полагает, что им грозит неминуемый распад, как это уже произошло с Союзом ССР или Югославией. Похоже, то же самое он предсказывает и России.

Попытка выделения отдельных цивилизаций по одному жесткому критерию, в данном случае по религиозному, которую предпринял С. Хантингтон, обнаруживает принципиальную невыполнимость поставленной задачи. Например, в качестве отдельной цивилизации он выделяет Латинскую Америку. На наш взгляд, если последовательно руководствоваться исключительно конфессиональной принадлежностью, то следовало бы объединить Латинскую Америку с Испанией, Португалией, Францией и Италией (и даже Южной Германией), противопоставляя их Центральной и Северной Европе.

Однако это «развалило» бы стройный образ западной цивилизации, так любовно выпестованный С. Хантингтоном. Вместе с тем, избегая деления Запада на протестантский и католический, он в то же время берет на себя смелость предсказать, например, распад Украины на две части (Восточную и Западную) по религиозному принципу. Кроме того, проводя водораздел между Западной (католическо-протестантской) и православной цивилизациями, С. Хантингтон представляет исламский мир единой цивилизацией и не делит его ни на сунитскую, ни на шиитскую общности.

Враг или иной. В ограниченных рамках С. Хантингтон трактует и универсальную дихотомию «мы—они». По его мнению, для людей, ищущих идентичность и вновь изобретающих этничность, очень важен образ врага, нередко им объявляется варварство. На последней странице своего труда Хантингтон утверждает, что в «глобальном» возможном столкновении «между цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации... должны держаться вместе или же они погибнут поодиночке»¹. Однако автор не объясняет, почему образ «мы» должен обязательно противопоставляться не образу «другого», а образу именно врага. Судя по всему, над исследователем довлеет распространенный культурный стереотип.

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 532.

Тем не менее на основе этих сомнительных предпосылок делаются смелые выводы о том, что особенно опасная вражда между обществами возникает на расколах между основными мировыми цивилизациями, которые выглядят абсолютными антиподами и якобы по определению находятся в антагонистических противоречиях.

Конфликт цивилизаций или конфликт невежества. Рассуждая далее, С. Хантингтон не отличает причины конфликта от механизмов мобилизации и формирования союзов. При этом не берется во внимание, что культура гораздо чаще создает предпосылки для солидарности (хотя и это обстоятельство не следует абсолютизировать), чем служит почвой для конфликта. По нашему мнению, С. Хантингтон слишком преувеличивает распространенность конфликтов из-за различий базисных ценностей в современном мире. Там, где он находит «религиозный конфликт» (осетино-ингушский, палестино-израильский и пр.), речь чаще всего идет о политических и территориальных конфликтах, имеющих лишь косвенное отношение к религии или культуре.

Так, крупнейший российский исламовед В. Намкин подчеркивает: «Например, посмотрим на конфликт между армянами и азербайджанцами, возникший вокруг Карабаха... Там не просматривается конфессиональный элемент — это конфликт не из-за веры и нравственных ценностей, здесь дело не в культурном диссонансе. Это вопрос политики, земли, интересов власти, доступа к ресурсам и т. д.»¹.

Культура за или против политики. Своим открытием С. Хантингтон считает определение роли и места культурного фактора в мировой политике.

При всей важности культурного фактора представляется, что С. Хантингтон искажает его роль, заявляя, будто разные потенциалы политического и экономического развития у разных цивилизаций коренятся в их разной культуре. Например, он утверждает, что именно культурный фактор создает в Восточной Азии трудности с установлением демократических систем. Однако достаточно сравнить Северную Корею и Южную Корею или, например, Гонконг и Тайвань с Китаем, чтобы увидеть, что дело заключается вовсе не в культуре, а в политическом режиме. Столь же сомнительно звучит обвинение исламской культуры в неудаче демократических опытов в мусульманском мире — достаточно сравнить те же Пакистан и Турцию с Сирией или Ираком.

Разнообразию отмечается даже в бывшей советской Средней Азии, где Казахстан гораздо дальше продвинулся по пути развития демократического общества, чем, например, тот же Туркменистан. Между тем, С. Хантингтон безапелляционно заявляет, что развитие в посткоммунистических странах определяется, прежде всего, их цивилизационной подосновой: прогресс наблюдается там, где имеется наследие западного христианства. В связи с этим возникает вопрос, можно ли сказать, что, например,

Западная Украина продвинулась по пути прогресса дальше, чем Восточная Украина?

Фактически С. Хантингтон превращает «цивилизации» в необычайно устойчивые общества, неспособные к выработке каких-либо значимых общих культурных элементов. Из этого можно сделать вывод о якобы имманентно присущих их взаимоотношениям взаимном непонимании и враждебности. Следовательно, напряженность между ними объясняется не какими-либо реальными интересами с их своеобразной исторической динамикой, а культурными различиями. Вот почему С. Хантингтон заявляет, что «проблема для Запада — не исламский фундаментализм, а ислам как иная цивилизация».

Такая постановка вопроса крайне неверна и крайне опасна для будущей единой Европы. Тем более она неприемлема для России, где, по итогам переписи 2010 года, живет 14–16 млн граждан, представляющих народы, которые придерживаются исламской традиции. Весь исторический опыт нашей страны свидетельствует: возможен не только диалог между христианством и исламом, но и их сотрудничество.

Можно заметить, что в риторике С. Хантингтона находит место и аргумент о культурной несовместимости, который последние двадцать лет активно используется в Западной Европе новыми расистами. Подобно им он упрекает иммигрантов в нежелании ассимилироваться и упрямой приверженности своим собственным культурам — будто бы это создает угрозу распада принимающих стран, подрывая их христианские основы. На самом же деле за этим якобы «культурным» конфликтом, как правило, стоит много факторов, в том числе и практика дискриминации иммигрантов.

По сути, концепция С. Хантингтона, объявляющая культурную гомогенность панацеей от многих бед современного мира, поощряет этнонационализм и этнические чистки, то есть проведение кристаллизации общества.

Словом, цивилизационный подход в изложении С. Хантингтона — это своеобразный взгляд кабинетного ученого, весьма отдаленный от реальности. Чтобы понять это, достаточно обратиться к недавней истории постсоветских стран. Что касается России, то в ней благодаря объединяющей роли русского народа сохранилось уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов. Они сыграли историческую роль в формировании российской цивилизации, имеющей сложный характер и сумевшей, изменяя исторически свои политические границы, сохранять и поддерживать глубинные внутренние основы социально-культурной самобытности входящих в нее общностей. Их взаимодействие, не исключая конфликт как важнейшую форму развития, базировалось, тем не менее, не на попытках тотально навязать свои принципы друг другу, а на сотрудничестве, особенно и прежде всего именно между этноконфессиональными общностями как субъектами цивилизаций. Хорошо известны исторические факты подобного

¹ См.: Актуальные проблемы гуманитарных наук—2008. СПб.: СПбГУП, 2009. Вып. 89. С. 68.

рода, связанные как с международными коммуникациями горизонтального характера (например, между русскими и представителями мусульманских и иных конфессий этносов вновь присоединившихся регионов), так и с государственной политикой предоставления экономических и политических льгот населению «цивилизационно чуждых» западных и восточных окраин, например времен Александра I и вплоть до перестройки 1980-х годов¹.

В России, несмотря на стремления некоторых экстремистов с обеих сторон, не удалось спровоцировать раскол между православными и мусульманами. Между тем чеченские сепаратисты, всячески подчеркивающие свою верность исламу и исламской солидарности, ухитрились напасть на Дагестан и получили отпор от местных мусульман, вовсе не желающих становиться частью нового Халифата.

Рассчитывая на солидарность в мусульманском мире, чеченские сепаратисты были разочарованы, не получив той всеобъемлющей поддержки, на которую они рассчитывали. Эта неудача постигла балкарских и карачаевских радикалов. Нельзя также не признавать, что ваххабиты не имеют большой поддержки среди российских мусульман.

Факты недавнего прошлого опровергают умозаключения американских политологов. События августа 2008 года вокруг Грузии — еще один аргумент в пользу несостоятельности конфликта цивилизаций. Православная Грузия осуществила акт геноцида в отношении такой же православной Южной Осетии, но зато в последние годы ею были установлены нормальные отношения с мусульманскими странами — Азербайджаном и Турцией. Кстати, показателен тот факт, что С. Хантингтон ни разу не упомянул Грузию! Он постоянно обходит ее в своих рассуждениях, в частности о том, что новые католические и протестантские страны устремились в ЕС и НАТО. Но ведь туда же длительное время устремляется и Грузия, не будучи ни католической, ни протестантской страной. Трудно поверить в то, что такой искушенный профессионал, как С. Хантингтон не был осведомлен о положении дел в Грузии. По нашему мнению, такое умолчание запрограммировано, так как политика Грузии никоим образом не вписывается в нарисованную им картину. Кстати не объяснил автор и того положения, согласно которому православная Грузия уживается в западной цивилизации и не стремится в православную цивилизацию. Не менее показателен и тот факт, что в свою очередь Армения, хотя и находилась в конфронтации с Азербайджаном, поддерживала дружественные отношения с Ираном, а затем сумела установить достаточно тесные отношения с Турцией.

¹ См., например: *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 1997; *Национальная политика России: история и современность.* М., 1997; *Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов.* М., 1998; *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab imperio.* 2002. № 2; *Организация политического пространства империи и нации // Ibid.* 2002. № 7; и др.

В Средней Азии так называемая «мусульманская солидарность» вовсе не помешала резне в Фергане в конце 1980-х годов, Ошскому конфликту 1990 года и трагическим событиям 2010 года.

Не срабатывает тезис о прочной мусульманской солидарности и на международном уровне. До сих пор между республиками Центральной Азии остаются противоречия, имеются в наличии неурегулированные территориальные споры. Общеисламская культурная подоснова вовсе не помогает в этих регионах региональной интеграции. Например, Казахстан и Кыргызстан гораздо более склонны к сближению с Россией, чем с Узбекистаном.

Выдающийся российский ученый Н. Н. Моисеев писал: «Вряд ли прав Тойнби, утверждавший, что религии формируют цивилизации (таких же взглядов придерживается и С. Хантингтон). Ведь цивилизации старше любой религии, и мне кажется, что в данном случае все происходит как раз наоборот: цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом. Я думаю, особенности цивилизаций определяются, прежде всего, условиями жизни, особенностями территории, ее ландшафтами, климатом»².

«Принимая это утверждение Н. Н. Моисеева, — замечает Е. М. Примаков, — представляется нужным добавить, что религии являются важнейшей составной частью цивилизаций, оказывающей на них поистине огромное воздействие». И далее, Примаков справедливо указывает: «Это факт, что ислам, точно так же, как и христианство, иудаизм, буддизм, порожден “своей” цивилизацией и оказывает весьма большое влияние на ход дальнейшего ее развития. Однако исторической правдой является взаимозависимость, взаимопроникновение цивилизаций и их важнейших составляющих — религий»³.

В современных этнополитических конфликтах религиозный фактор является не причиной, а фоном, который может либо осложнять конфликт, либо, напротив, снижать его накал. Ведь, как отмечалось выше, несмотря на внешнее оживление интереса к религии, из символа веры она превращается в культурный феномен, и все больше людей видят в ней, главным образом, символ своей этнической идентичности. Культурные символы и являются теми важными ресурсами, к которым в условиях современности, как правило, апеллируют стороны, находящиеся в конфликте. И все же включение религии в арсенал политических средств и идеологических инструментов в рассматриваемых регионах встречается не так часто, как можно было бы ожидать, следуя логике «столкновения цивилизаций».

Реальную опасность вызывает не разделение мира на несколько так называемых цивилизаций, а апелляция политиков к образу «цивилизаций». Как справедливо заметил один из критиков концепции «конфликта цивилизаций» (Г. Мирский), после того как лозунг классового боя вышел из моды, у ряда политиков появился соблазн оправдывать на-

² *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизаций. М., 1998. С. 42.

³ *Примаков Е. М.* Мир после 11 сентября и вторжение в Ирак. М., 2003.

силе этничности и религией. В таком случае угроза межэтнических и межрелигиозных конфликтов действительно значительно возрастает. К счастью, ощущая всю опасность таких конфликтов, лидеры национальных движений чаще всего воздерживаются от мобилизации религиозного фактора. Еще лучше осознает это духовенство.

Итак, мы получили весьма удавшуюся провокацию к дискуссии, конечным смыслом которой является поиск ответа на вечный вопрос о причинах различий в социально-экономическом развитии стран и народов, сводящихся к выводу о нерушимости культурных различий и агрессивной сущности их носителей. Однако такой ответ, уже в силу своей «изящной» простоты, не может быть признан удовлетворительным. Достаточно обратиться, например, к прогнозу культурного антрополога Р. Шведера, который, связав два варианта предсказаний с концепциями Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, все же настаивает на собственном, как наиболее вероятном, третьем:

- Запад, превосходя всех и глобализуясь, распространится по всему миру;
- другие цивилизации (культурные) обречены на борьбу за сохранение своих культур;
- мир преобразуется в либеральный постмодернистский аналог Османской империи с системой религиозных общин и двумя основными «кастами» — глобальной элитой либералов-космополитов в Центре и нелибералами на местах. При этом преобразование глубинных архетипов культуры даже в условиях глобализации невозможно¹.

Вполне очевидно, что всякая умозрительная конструкция подтверждает свою обоснованность, лишь пройдя проверку реальностью. Ремесло предсказателя неблагоприятно. Однако политический опыт и социально-культурная практика подтверждают, что «западноцентристское» мышление как монополия на представления о путях и средствах человеческого прогресса изживает себя, уступая место культурному многообразию.

Другой подход основан на отношении к каждой культуре как к ценности, к источнику взаимного культурного обогащения. Для многих участников ежегодных Международных Лихачевских научных чтений он персонафицируется в фигуре Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Согласно Д. С. Лихачеву, «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»². В Соборном слове X Всемирного русского народного собора, проходившего в Москве в апреле 2006 года, специально было подчеркнуто, что «важной стороной миссии России в XXI веке является активное развитие диалога рели-

гий, культур и цивилизаций»³. Именно наше Отечество сегодня выступает уникальным примером пластической сложноорганизованной системы межкультурного взаимодействия, достойно выдерживающей драматические испытания на прочность и вносящей творческий вклад в мировую историю.

Диалог культур, партнерство цивилизаций — это сегодня не только теоретические конструкции высшего порядка, но и повседневность миллионов людей. И именно такой диалог культур особенно характерен для России и, прежде всего, для районов Кавказа и Поволжья. По хантингтоновскому определению эти территории относятся к зонам цивилизационного разлома, где в первую очередь и должны якобы произойти конфликты. Реальная практика населения этого региона есть лучший аргумент против сторонников конфликта цивилизаций.

Я хотел бы иллюстрировать этот тезис на конкретном опыте взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволожского региона⁴.

Территория Приволжского федерального округа является одним из полиэтнических регионов России. Она населена разными по языку и культуре финно-угорскими (мордва, эрзя и мокша, удмурты, бесермяне, марийцы); тюркскими (чуваши, башкиры, татары, в том числе кряшены и мишаре) и восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами. Этническую палитру дополняют переселенцы конца XIX — начала XX века: латыши, эстонцы, немцы, евреи, поляки, а также современные мигранты из Средней Азии и Кавказа.

Полиэтнический состав населения Волго-Уральской историко-этнографической области определил также ее поликонфессиональность. Здесь проживают последователи традиционных этнических религий (удмурты, марийцы, чуваши), суннитского ислама (башкиры, татары), православного христианства (русские, украинцы, белорусы, мордва, чуваши, кряшены, марийцы, удмурты и т. д.), старообрядчества (русские, мордва), католицизма (поляки, латыши), протестантизма: лютеране (немцы, эстонцы, латыши), баптисты, меннониты (русские, немцы и др.), иудаизма (евреи). В настоящее время широкое распространение получили различные восточные учения и протестантские деноминации.

Различные этнические и конфессиональные группы находятся в тесном соприкосновении друг с другом. Между ними происходит интенсивное взаимодействие как на этническом, так и на конфессиональном уровнях, особенно в условиях совместного проживания в одном населенном пункте. За последнее время появилось немало работ, в которых межэтнические отношения рассматриваются, прежде всего, в русле изучения конфликтов. Между тем опыт человечества говорит о том, что между группами людей, которые принадлежат к разным народам и различаются в культурном и языковом отно-

¹ См.: Culture Matters: How Values shape Human Progress. N. Y., 2000. P. 169–171.

² См.: Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983. С. 45–49.

³ Журнал Московской патриархии. 2006. № 6. С. 77.

⁴ См.: Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 10–11, 26–27.

шении, конфликты возникают далеко не всегда. Более того, их мирное сосуществование является скорее правилом, чем исключением. Но дело не только в этом. В процессе контактирования и взаимодействия они осваивают язык и элементы культуры друг друга, в некоторых случаях изменяют свою этническую идентичность.

Процессам такого мирного взаимодействия в последнее время уделялось гораздо меньше внимания, чем проблемам межэтнических конфликтов. В частности, огромный позитивный опыт такого взаимодействия, происходившего на протяжении столетий и происходящего в наше время на территории России, изучен и освоен далеко не полностью. По-видимому, населенные пункты, где совместно проживают представители разных этнических групп, представляют собой ту социальную среду, где наиболее интенсивно протекают процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия. Именно в этой среде наиболее выпукло проявляются многие тенденции и механизмы этнокультурных взаимодействий.

Полевые исследования, проводимые учеными Института этнологии и антропологии РАН в 2006–2008 годы, показали, что состояние межэтнических отношений сами жители определяют как стабильное, дружеское. В подтверждение этого приводят такие факты, как смешанные семьи, трудовые коллективы и даже совместные праздники. Обе группы отмечают общность в религии и сходство в ключевых элементах праздничной культуры. Так, в календаре и чувашей, и мордвы существуют новогодние праздники с гаданиями, масленица, Пасха, семицко-троицкий цикл, некоторые элементы похоронно-поминальной обрядности (раздача подарков, ниток), обязательные дни поминовения¹.

Несомненно, этнокультурному сближению различных народов способствуют межэтнические браки, доля которых начиная с 2000 года неуклонно увеличивается. В населенных пунктах ПФО при заключении смешанных браков культурный диалог начинается с процесса сватовства. В селе Наумовка Республики Башкортостан, например, если мордва сватает чувашку, то обряд протекает «помордовски», то есть приносят с собой пирог с творогом *ава ловцо*, который съедают в доме невесты по окончании моления. В том случае, если чуваша сватает мордовскую девушку, то могут также принести пирог, но чаще купленный в магазине торт. На поминках у чувашей мордва также участвует в ритуале *хывни*, то есть крошат и складывают кусочки поминальной еды в особую посуду².

В деревне Максимово Янаульского района Башкирии, где проживают удмурты и татары, народы, придерживающиеся различных религиозных традиций, помимо брачной сфер, дружеские и соседские контакты поддерживаются в хозяйственной взаимопомощи, гостевых визитах. Удмурты навещают та-

тар на мусульманские праздники. Татары прекрасно осведомлены об обрядах удмуртов. Есть праздники, которые отмечают оба народа. Например, сабантуй, включая обход деревни накануне праздника для сбора подарков, где участвуют подростки и парни независимо от национальности. Посещают все дома, собирают яйца для состязания борцов, полотенец, платки, отрезки тканей. Удмурты считают праздник татарским, но в последние годы отмечают его вместе. Сабантуй вошел в календарный цикл удмуртов и других селений республики. Обычай татар *каз омэсе* (гусиные помочи — *tam.*) — женские осенние помочи по обработке гусей — уже стал частью праздничной культуры удмуртов, когда родственницы, соседки, коллеги по работе помогают друг другу. Событие становится местом общения, праздником и трапезой с блюдами из птицы³.

В материальной культуре народов ПФО сегодня больше сходства, чем различий. Но тем не менее одежда, культовые предметы, некоторые повседневные и ритуальные блюда сохраняют этническую специфику. В то же время планировка усадеб, архитектура имеют общие черты и носят региональный характер.

Реальностью повседневной жизни населения стал мультилингвизм, когда жители свободно владеют несколькими языками. Так, по данным переписи населения 2002 года, 98 % населения РФ владеют русским языком⁴, а более 50 тыс. русских жителей Республики Башкортостан знают татарский, башкирский, чувашский, мордовский, марийский и другие языки соседних народов⁵. В Татарстане около 80 тыс. русского населения знают языки соседних народов⁶. Высок уровень билингвизма в мордовско-чувашских, удмуртско-татарских селах.

В «Поволжской декларации» принятой на международной конференции Совета Европы «Диалог культур и межрелигиозное сотрудничество» в Нижнем Новгороде, отмечалось: «Участники отвергли тезис о том, что в основе сегодняшней нестабильности лежит “столкновение цивилизаций”». В интересах всех культурных, этнических и религиозных сообществ, чтобы подобные обманчивые и провокационные идеи не использовались в качестве фактора политической мобилизации.

Участники конференции отметили так же эффективное межкультурное и межрелигиозное сотрудничество на местном и региональном уровне в Поволжье и России в целом. Совет Европы приветствовал вклад России в разработку политики и практических действий Совета Европы, которые предоставляют в распоряжение стран-участниц свой опыт и ценные механизмы диалога культур⁷.

³ Попова Е. В. Современные процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия у удмуртов — жителей смешанных селений // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М., 2009. С. 137.

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 20.

⁵ Там же. С. 133–134.

⁶ Там же. С. 153–154.

⁷ См.: Итоговые документы конференции «Диалог культур и международное сотрудничество». Нижний Новгород, 7–9 сентября 2006 г.

¹ См.: Яеафова Е. А. Чуваша в контексте межэтнического взаимодействия в Прибельском бассейне Башкирии // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М., 2009. С. 119.

² Там же. С. 127.

Вместе с тем, как показали последние полевые исследования ИЭА РАН, межэтнические отношения не всегда складывались гладко с самого начала, и нынешние хорошие, добрососедские и даже дружеские отношения — это результат длительного процесса постепенного сближения и взаимного привыкания представителей различных культур¹.

Современная этнополитическая ситуация в России показывает, что проблема межэтнических отношений неизменно остается одной из самых сложных и трудно регулируемых. Поэтому мы как ученые видим свою задачу в том, чтобы обобщить позитивные практики межкультурного сотрудничества, способствовать диалогу цивилизаций в условиях глобализации.

О. П. Зубец²

АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Проблема диалога культур, взаимодействия больших человеческих общностей, отличающихся определенным ценностно-нормативным и поведенческим своеобразием, не является исторически новой — она возникла тогда, когда одни племена вступали в контакт с другими племенами не на основе отождествления их с миром звериности, а признания в них человеческого начала³. Вождь олицетворял собой своеобразие своего племени, был тождественен ему и в этом качестве осуществлял связь с иным миром. Аристократизм как ценностное явление

корнями связан с образом вождя, исторически перешедшего в образ владельца замка. В свете проблемы диалога культур существенным представляется такое фундаментальное качество аристократизма, как первичность человека по отношению к миру, более того — их тождественность. Аристократ не есть воплощение норм, идеалов, не есть воспроизводство ценностей, заданных образцов, верований, идеологии, не есть персонификация социальных институтов и отношений. Аристократическому началу противостоит периферийность. Периферийный человек (мещанин), будучи отделен от мира, отдален от его вершины, его центра, связан с миром лишь посредством идеи, нормы, идеала и т. п. Более того, он обретает свое содержание только через эту связь, через свои объективации в отчужденном от него мире и их оценки. Поэтому и в ситуацию столкновения культур он включен только и исключительно как персонификация «своей» культуры.

¹ Проект «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование» выполнялся при финансовой поддержке РГНФ (грант 06-01-00204а). Проект «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: Опыт взаимной социально-культурной адаптации» выполнялся при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Руководитель обоих проектов — А. Д. Коростелев.

² Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор книг: «Возраст: особенности нравственной жизни», «Динамика нравственной жизни», «Трактаты о любви», статей: «Ценностное граничепологание и мораль», «Об аристократизме», «О гордости», «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали» и др.

³ Впрочем, изначально мир звериности был им даже ближе, чем соседнее племя, как связанный с образом родственного — тотемного животного, как источник не только опасности, но и пищи, а также знаний — часто инициация молодого война включала именно необходимость довольно долго (есть упоминания о целом годе) прожить в полном одиночестве в диком пространстве, среди животных — обучаясь их повадкам и способу выживания в конкретных природных условиях. Через ряд тысячелетий воспитание молодого аристократа в Англии также предполагало длительное путешествие, знакомство с совершенно иными народами и культурами, иной природой и иным государственным устройством. То есть и в первобытном обществе, и в обществе Нового времени, дабы стать полноценным членом человеческого сообщества, а особенно — чтобы стать его вождем, его вершиной, было необходимо покинуть свое социальное пространство с его устоявшимися нормами, взглядами, ритуалами, вкусами и приобщиться к совершенно иному пространству — дикости или иной культуры. Необходимо было уйти, чтобы вернуться в ином качестве — более достойном для обретения новой значимости внутри своего сообщества. Таким образом, диалог между различными ценностно-нормативными пространствами обеспечивался на индивидуальном уровне, когда в одном человеке соединялись приобщенности к этому разному образу. Именно такой индивид становился во главе сообщества, именно он, принадлежа не только этому сообществу, но и более широкому пространству, нес в себе возможность сосуществования с иным, с другим. Не культура, основанная на своеобразии, задавала возможность диалога, а отдельный человек нес в себе эту возможность.

Ситуация столкновения культур несет в себе две возможности: периферийный человек включается в нее в качестве производного носителя и воплощения определенных специфических ценностей, идеалов, традиций, представлений, норм и т. п. — всего того, что мы имеем в виду, когда поднимаем вопрос о проблеме диалога культур. Он — всего лишь более или менее адекватный и энергичный выразитель мира некоторой культуры, растворен в ней и лишен авторских прав. Вторая потенциальная возможность — включение в эту ситуацию аристократа, который сам и есть мир, и над которым не нависает ни национальный, ни религиозный, ни какой-либо иной флаг, за исключением, возможно, родового герба. Иными словами, в одном случае человек есть воплощение некоторого мира, существующего вне, помимо, независимо от него и являющегося источником его содержательной значимости. В другом — он есть центральная единственность, он равен сам себе и мир обретает значимость лишь как его воплощение, своего рода телесность.

Ситуация диалога культур в свете двух данных возможностей видится по-разному. Во втором случае о таком диалоге вообще можно говорить лишь условно. Сама проблема диалога культур порождена периферийностью человека. Другая оптика проблемы также имеет свою историческую традицию и опыт — это опыт отношения к индивидуальной экс-

центричности, то есть отношения не к совокупности иных ценностей, норм, вкусов, представлений, а к способности человека отрываться от них, задавать их своей неповторимой индивидуальностью.

Аристократ (речь, конечно, идет о своеобразии ценностного субъекта, хотя реальная история аристократизма подтверждает и иллюстрирует философскую реконструкцию¹) — подобно первобытному вождю или гомеровскому герою — не представляет и не воплощает род в своей индивидуальности, а тождественен ему, есть его подлинное бытие. Поэтому он осуществляет диалог с другим сообществом не как нечто типичное для своей культуры, а как ее индивидуальная единственность и единственная индивидуальность, низводя или, скорее, возвышая этот диалог до диалога между двумя индивидуальностями. Таким образом, не культура в виде ценностей, норм, форм поведения, идеалов опосредует отношение между людьми, их конфликт или взаимопонимание, но, наоборот, отдельные люди вступают в диалог непосредственно во всей своей индивидуальной человеческой неповторимости, уникальности и именно этой индивидуальностью опосредуют то, что мы сейчас называем диалогом культур².

В аристократическом опыте воплощена несводимость индивида к общим идеям и представлениям, к закону. Традиция в аристократизме тождественна индивидуальной привычке, а наибольшую ценность имеет то, источником чего является индивидуальная энергия, а не инициатива социальных институтов, и в основе чего лежит индивидуальная

эксцентричность, а не соответствие общей идее или правилу (о чем свидетельствует аристократически ориентированная английская ментальность). Прецедентное право и литература абсурда в этом отношении иллюстрируют одно и то же.

Диалог культур может сводиться к диалогу разных культурных содержаний, но он возможен и как такой диалог, в котором преодолевается привязанность человека к определенной культуре, его содержательная вторичность по отношению к ней. Такой диалог основан на забвении того, кто есть Монтеки, а кто — Капулетти, он основан лишь на личных именах — Ромео и Джульетты.

Утверждение, что аристократизм преобразует диалог культур в диалог индивидуальностей, фиксирует лишь момент анализа, но предполагает собственное отрицание, так как *Другой* существует для аристократического субъекта лишь в качестве «включения», момента его самого, его творения, порождения. Поэтому можно было бы предположить, что аристократическое основание диалога тождественно основанию диалога с самим собой. Но аристократ именно своей цельностью обеспечивает единство мира, а не через отторжение себя и диалог с самим собой, не через рефлексию. Поэтому он и не может предложить язык для диалога культур. Иными словами, аристократический индивид самим собой опосредует решение (или невзникновение) проблем диалога культур, он самим собой обеспечивает единство мира и взаимодействие Других в нем — самим собой он задает и границы и возможности диалога культур.

¹ Историческая аристократия ценностно локализует себя вне и над государственностью, национальностью и религией. Государственность чужда аристократическим ценностям в силу ряда причин: в первую очередь, в силу неприемлемости ценностей служения и подчинения, незаинтересованности в сильной централизованной власти, в войне, включающей в социальные отношения служения королю. Социальные связи в аристократическом мире подчинены родовой истории, пространство вторично по отношению ко времени. Единственное пространство, значимое в этом мире, — это та земля, которая дает аристократу имя, которая в ценностном отношении тождественна ему.

Аристократ не имеет и национальности — как в силу преваляирования межнациональных, но внутриаристократических браков, так и в силу того, что идея нации возникает на разрушении того общества, в котором аристократизм достиг своего предельного воплощения. Буржуазные революции были национальными революциями. Нация противостояла сословию и сословному неравенству. Она ставит во главу угла общую идею, буржуазная индивидуальность производна от этой идеи. Внерелигиозность аристократа связана также с неприятием служения любого рода, с установлением себя как единственного ответственного законодателя, укоренена в его родственности полубожественным героям.

² В чем различие между диалогом культур и диалогом двух индивидуальностей? Культура существует как содержательно фиксированное явление. Как оформленность. С культурой соприкасаются в первую очередь как с данностью, как с результатом — она подобна картине или музыке, которые воспринимаются нами как завершенные, и с которыми мы всту-

паем в диалог именно как с завершенными. Таков же и диалог индивида с культурой (даже представленной ему в лице другого индивида, который в этом случае предстает как носитель определенных норм, традиций, форм повседневного поведения). Иным предстает диалог индивида с индивидом, если они выступают не в качестве носителей определенных идей, норм, взглядов, а как потенциально содержательно неопределенные, меняющиеся, не связанные никаким фиксированным содержанием. Иными словами, невозможно представить, что мусульманская, или иудейская, или христианская культура вдруг изменят свое содержание на содержание иной культуры — тогда они перестают быть собой, погибнут. Для них подобное изменение является смертельным. Но отдельный человек может изменить свои взгляды, убеждения, верования, вкусы — и, тем не менее, остаться собой, остаться живым и, возможно, даже более живым. Таким образом, между бытием культуры и бытием культурного индивида есть существенное различие — и именно в пространстве этого различия можно искать возможность культурного диалога. Это то пространство, в котором Я несводимо к какой-либо культуре, Я является не ее воплощением, а ее основанием. Я и Другой сходятся именно в этом — как два художника, не понимающие и не принимающие картин друг друга, но понимающие и принимающие тот факт, что они оба являются художниками, пусть и разных направлений.

Если столкновение идей, взглядов, устоев может и часто бывает ожесточенным именно тем обстоятельством, что речь действительно идет о их жизни и смерти (в крайней форме), то столкновение двух индивидов, несводимых к взглядам и верованиям, несет в себе возможность понимания и диалога.

Б. С. Илизаров¹

О СУДЬБОНОСНЫХ ДИАЛОГАХ С ПРОШЛЫМ (Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина)

1. О горизонтальных и вертикальных социокультурных диалогах

Все живые культурные сообщества (цивилизации) находятся в дальних или близких связях, в диалогах. Эти связи всегда благотворны, даже в том случае, когда предлагаемые ценности воспринимаются другой стороной как зло и уничтожаются. Данные связи осуществляются прямым или косвенным путем. Иногда такой диалог превращается в монолог: нет заимствования или отдачи. В древности и в средневековье все типы подобных связей существовали, но ограничивались ближайшими соседями. Со временем культурные контакты стали осуществляться более интенсивно и с более отдаленными культурами. Культурные диалоги осуществлялись и в отдаленной ретроспективе: открытие античных памятников и в особенности древневосточных культур позволило европейцам, а затем и всему миру вести сложные и глубокие диалоги не только по горизонтали, но и по нисходящей во времени вертикали. Со временем социальная память человечества приобретает все большую глубину и сложность — по мере проникновения в праисторию человечества, эпоху камня и еще более глубокие слои прошлого. Чужие древние культуры и их персонажи воспринимаются большинством современных людей чисто интеллектуально, почти без эмоций. Совсем по-другому ведется диалог с собственным прошлым.

Отметим, что глобализация не может рассматриваться только как срастание современных культур по горизонтали, она рассматривается и как освоение человечеством огромного разнообразия культур прошлого. Д. С. Лихачев постоянно это подчеркивал, особенно в своих блестящих устных выступлениях. Но в каждой культуре как прошлого, так и настоящего есть элементы, вызывающие отторжение, неприятие с точки зрения общечеловеческой морали. Какова судьба негативного опыта и как он соотносится с опытом положительным? Здесь впервые делается попытка рационально осмыслить проблему добра и зла — как части исторического и культурного наследия.

С прошлым надо разговаривать и даже вопрошать. Оно мстит не за то, что мы его искажаем, преувеличиваем или умаляем. Оно жестоко мстит за то, что его замалчивают. Обращение к прошлому,

к оценке давних деяний, распутывание тайн — одна из форм исповеди и покаяния, при этом исповедь может быть принята или нет. Когда она принимается, в обществе наступает момент разрядки, катарсиса, оно освобождается от тяжкого груза, даже омолаживается, получая способность двигаться дальше. А двигаясь без оглядки дальше, оно вновь приходит к очередному выбору добра и зла. Человеческая история — это не только история развития, накопления и обмена материальными и культурными ценностями, но и накопление и развитие доброго и злого.

2. История и проблема морали

С какого-то времени в европейской исторической науке мораль и история стали не совместимы. Может быть, со времен Никколо Макиавелли? Не думаю. Он только открыто высказал то, в чем и до него были убеждены все, а именно: во имя общего народного блага вождь имеет право выйти за границы добра, справедливости, порядочности. Макиавелли доказательно подал древний тезис — силой зла обережем слабость добра: свое государство, своих граждан, их покой, культуру. Такова инстинктивная реакция любого человека на опасность, боль, страх. А ведь государство может быть преступным, граждане развращенными, культура упавшей, «покой» — обеспеченным невинной кровью. В этом можно убедиться, заглянув в анналы древних историков. Они понимали, что человек в истории есть мнимый объект, если он выведен из поля добра и зла. Вспомним хотя бы библейские книги Царств, историю Маккавеев, труды историков Древнеримской империи периода упадка морали или Византии. Тем не менее общечеловеческая практика задолго до Макиавелли различала государственные и частные интересы и мораль. По этому принципу жили все: вожди и большинство политиков, военачальников, крепостных, рабов, патрициев и самураев — задолго до Макиавелли. Но, в отличие от Макиавелли, они были согласны и в том, что не только князя мира сего, но и обычные люди ради сбережения добра-справедливости имеют право и волю совершать зло: «око за око, зуб за зуб». Осознанно пользоваться услугами зла в благих целях стало обычной практикой именно для европейской культуры. Те общества, которые мы относим к культуре «Востока» в этом смысле всегда были менее ханжескими. Что же касается России, то в Новое время она все больше демонстрирует приверженность к европеизму.

Только Л. Н. Толстой в конце XIX века спохватился и, призывая образ Иисуса Христа, стал проповедовать непротивление злу насилием, уверяя, что неделанием можно обустроить человечество наилучшим образом. Толстой не дожил до того времени, когда в XX веке миллионы людей освоили и испы-

¹ Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Автор книг: «Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива: к историософии сталинизма», «Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения», «Роль документальных памятников в общественном развитии: (теоретические вопросы использования архитектурных документов)», «Источниковедческие проблемы архивоведения: (методы измерения объемов письменной информации)», «Образ Сталина: взгляд из XXI века», «Слово воскрешает... или прецедент Лазаря». По материалам Народного архива» и др. Ряд книг переведен на иностранные языки.

тали на себе такую глубину насилия-зла, до которой человечество не смогло опуститься за все предыдущие тысячи лет. А между тем, не было бы сопротивление небывалому злу еще большим озлоблением и насилием — не избежали бы злой доли и те, кто не сопротивлялся.

Меня как историка озадачивает вопрос: откуда это всеобщее и, без сомнения, благодатное знание? Знание того, что считали злом и почему так считали различные категории граждан древневавилонской, британской, российской и других старых и новых империй, республик, султанатов и княжеств? Исследовать состояние морали в различных государствах и культурах чрезвычайно важно, но я пока не знаком ни с одной научной работой на подобную тему. Разрыв между моралью личности и моралью «коллектива» наметился еще со времен древнейших проточеловеческих сообществ. С тех пор государство, как высшая форма организации совместного проживания, первоначально в целях самосохранения, принуждая граждан к сосуществованию (законности), рано или поздно поработило их, а во внешней жизни, по отношению к другим нациям и государствам, отрицало всякую мораль, что принималось как должное. Только древние пророки на примере библейской истории впервые показали теснейшую связь личной, общественной и государственной морали, неизменно отмечая доброе и злое в каждом отдельном человеке, народе, царстве как базовые причины подъема и упадка государства—общества—личности. На другом конце Земли люди совершенно иной культуры и религии (Конфуций, например, и другие мудрецы) пришли к тем же выводам. Пал древний Израиль, пало множество христианских и иноконфессиональных государств, перемешались народы, преобразилось до неузнаваемости большинство этнических типов, все более определяющей становится роль личностей в истории не только отдельных стран, но и всего мира. Именно поэтому, вслед за древними историками, я считаю, что если первопричиной очередного подъема в развитии государства является увеличение потенциала добра и падение заряда зла, то первопричина упадка любых государств заключена в критическом перенапряжении потенциала зла, ведущего к неизбежной общественной катастрофе.

Разумеется, у государства, как у некоей организации, нет и не может быть морали, но его постигают катаклизмы, когда катастрофически падает уровень морали у руководителей и граждан. Из работы в работу я с умыслом цитирую слова Н. А. Бердяева, написанные именно по этому поводу: «Произошел радикальный разрыв между моралью личной, особенно моралью евангельской, христианской, и моралью государственной, моралью царства, моралью практики «князя мира сего». То, что почиталось безнравственным для личности, почиталось вполне нравственным для государства. Государство всегда пользовалось дурными средствами, шпионажем, ложью, насилием, убийством, различия тут бывали лишь в степени. Никто не мог никогда толком объ-

яснить и оправдать, почему несомненные пороки и грехи для личности — гордость, самомнение, эгоизм, корыстолюбие, ненависть, кровожадность и насильничество, ложь и коварство — оказываются добродетелями и доблестью для государства и нации. Это есть самая большая ложь мировой истории»¹. Философ прав, двуличие — самая характерная черта большинства заметных государственных деятелей мировой истории, а они только люди, точнее каждый из них — всего лишь человек, пусть и обладающий большими полномочиями. Как и все люди, государственные деятели наделены достоинствами и поражены пороками, которые справедливо ассоциируются с пороками и достоинствами руководимого ими государства. Государство становится прогрессивным или преступным только в зависимости от того, какого характера поступки совершают (какую проводят политику) руководящие им вожди и подвластные люди. Нацистская Германия тому пример. Благодаря своим руководителям и потворствующим им гражданам государство может быть преступным, двуличным, эксплуататорским или социально сбалансированным, терпимым и даже мудрым. Двуличность советского государства заключалась в том, что его руководители обещали создать рай на земле, то есть построить социализм. Вл. С. Соловьев как будто предчувствовал подстерегающий союзественников великий соблазн. По словам С. Л. Франка, он, «критикуя учение Толстого, однажды точно подметил: хотя государство и не может создать рай на земле, но его назначение в том, чтобы предотвратить превращение ее [жизни. — Б. И.] в ад»².

Только в Новое время и только европейцы почти религиозно уверовали в бесконечный прогресс человечества, рассматривая все погибшие цивилизации как восходящие ступени, ведущие от варварства к вершине современного европейского мира. Ж. Кондорсе и Г. Гегель каждый со своей стороны дали философское обоснование этого оптимистического тезиса. К. Маркс подвел под идею бесконечного прогресса одну из самых глубоких историсофских моделей — модель последовательно восходящих общественно-экономических формаций. Г. Гегель говорил о ступенчатом прогрессе Мирового Духа, а К. Маркс о спиралеобразном развитии материи, преобразуемой трудом человека. Но у обоих авторов исчезли такие «ненаучные» понятия, как повседневные добро и зло. Гегель был слишком восторженным философом и рассматривал эти понятия как высочайшие, а потому бесплотные абстракции, указывая и Богу подчиняться закону прогрессивного возрастания, через оплодотворение Духом избранных цивилизаций. Исторический материализм К. Маркса толкал его к конвертации материального добра в зло и обратно, в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. От времен Макиавелли до Маркса и далее людские слезы, горе, свобода, радость, высота человеческого духа или низость морального уродства и невинно

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 97.

² Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 465.

пролитая кровь для историка постепенно потеряли всякое значение. А «князья мира сего» где насилуют, а где воспитанием и подкупом нейтрализуют чувство добра и зла, не только у способных профессионалов, но и у рядовых граждан.

Конечно же, неслучайно древние хронисты, ветхозаветные и античные историки, христианские апостолы-историки и историки древнего Китая в большинстве своем мыслили категориями добра и зла и бесстрашно брали на себя роль судей. Они чувствовали, что все, о ком они писали, в том числе и они сами, всегда находились между двух напряженнейших полюсов души.

То, о чем идет речь, рождается вместе с человеком и никогда не умирает в нем. Механизм, составляющий сердцевину каждой души, действует как *моральный закон*. От него невозможно укрыться даже за самой толстой броней равнодушия и kloкочущей справедливостью ненависти. И. Кант тайну этого закона поставил вровень с тайной происхождения необъятной Вселенной: «Две вещи наполняют душу всегда все новым и все более сильным благоговением, — писал он, — чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». И это написал философ, не без основания считавший врожденный антагонизм между людьми благодатным двигателем общественного прогресса. Однако, даже более чем через двести лет после смерти Канта, никто так и не приблизился к пониманию сути морального закона как категорического императива, а не как прекраснотушной проповеди о пользе и вреде абстрактного добра или мелочного зла.

3. Моральный закон есть закон выбора

Все люди, к какой бы культуре или религии они не относились, понимают, что есть добро, а что зло и как они с этих позиций поступили в том или ином жизненном выборе. Примерно так же все знают, что истина есть, но никто не знает: что есть истина? Понимание разницы между добром и злом диктует любой жизненный выбор: это врожденное знание-действие, действие «морального закона во мне», который представляет собой базовый инстинкт человека. Человек единственный из живых существ может волевым усилием подавить в себе практически любые инстинкты и позывы: самосохранения и страха смерти, голода, размножения, агрессии, альтруизма, жадности, эгоизма и т. д. — и этим он отличается от животных. Но сугубо человеческий, осознанный, но все же инстинкт выбора — рационально подавить нельзя. Даже отрешение от мира и его соблазнов в самых крайних формах все равно есть *выбор-действие* — выбор между добром и злом. На историческом материале я пришел к убеждению, что инстинкт выбора — это самый мощный и самый ответственный из всех инстинктов, так как, подавляя или высвобождая все остальные инстинкты и желания, человек выбирает их как добро или зло для себя, для других, для потомков. Инстинкт выбора несет функцию регулятора всей духовной, интел-

лектуальной и физической жизни человека, с момента рождения и до смерти. Он заключен не в том, *что* конкретно выбирает человек, а в том, что сам по себе принцип *выбора* заложен в человека, как обязательный, принудительный механизм. Речь идет о любом выборе, во время которого внутренний анализатор помимо воли оценивает каждый поступок, слово, мысль, жест, маркируя их как события благоприятные или нет — оценивает на пределе человеческой честности (совести). Я заговорил о честности, хотя известно, что нет более лживого и коварного существа, чем человек. История человечества началась (в библейском варианте) с выбора любви, но одновременно и с сознательной лжи и обмана. Чаще всего люди обманывают самих себя. Но кто тот, кому они пытаются лгать или перед кем расклинаются? Для обыденного сознания это «внутренний человек», совесть, для научного — фрейдистское «сверх-Я», для религиозного — присутствие, «дыхание Бога» (Л. Н. Толстой). Разные понятия обозначают одно и то же.

Здесь необходимо вспомнить о том, что во второй половине XIX века Ф. Ницше внес существенное уточнение в формулу Макиавелли: великий человек не только может творить зло во имя утверждения добра, он обязан перешагнуть через то и через другое, обретая божественную свободу подлинного творца. Тем не менее сам Ф. Ницше и его могущественные адепты XX века не смогли ни на йоту выйти за границу, очерченную крайними точками добра и «зла». Моральный закон накладывает непреодолимые ограничения на все наши действия, слова и мысли. Можно убедить себя, что тебе безразлично то, к чему приводят твои поступки, что ради всеобщего блага ты свободен от моральных ограничений, что можно уничтожить какую-то группу людей или целые народы для счастья других, но это иллюзия. Моральный закон на то и закон, что не подчиниться ему нельзя. Неумолимая сила его не в том, что он ограничивает свободу воли человека, а в том, что, будучи абсолютно свободен, человек вынужден выбирать, *понимая*, что он выбирает. Не выбирать нельзя! Не понимать того, что ты выбираешь, ты не можешь! А вот лгать об этом можешь! Всего этого не принял во внимание И. Кант.

С описанной точки зрения история людей есть история постоянного возрастания полюсов, к которым люди, поколение за поколением, во всей полноте приносят свой жизненный опыт. Они делают свой выбор всегда осознанно и свободно, понимая, какого рода лепту и к какому полюсу в данный момент подносят. Отсюда подлинная история людей может трактоваться как история выбора.

Между добром и злом существует диалектическая связь, но это не связь по типу перелива из одного в другое и обратно. Эта связь, к которой стремится добро ради нивелировки, снятия ярости исторического зла. Зло же по мере исторического развития человечества стремится к радикальному отчуждению от добра. По этому поводу современный французский философ Ж. Бодрийяр размыш-

ляет так: «В то время, как Добро предполагает диалектическую связь со Злом, Зло базируется на самом себе, на полной несовместимости с Добром. Зло, таким образом, оказывается хозяином положения. И принцип Зла, господство вечного антагонизма, одерживает триумф»¹. С моей точки зрения, этот триумф всегда временный, по крайней мере до тех пор, пока добро жизни не потеряет способность «обволакивать» персонифицированное зло, удерживая его в общем поле.

4. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения

Как только мы пытаемся рассказать, как в конкретной исторической ситуации то или иное действие, решение или явление воплощаются в светлом или темном секторе морального поля, мы попадаем в тупик. Исторический контекст, в котором совершается выбор, бесконечно изменяет ситуацию, поскольку сам контекст — это часть исторического процесса, и он сам формируется в той же системе моральных координат. Верными или ошибочными были решения Сталина во взаимоотношениях с Гитлером в предвоенные годы, включая подписание «Пакта о ненападении»? Ответ на любой из таких вопросов порождает череду национальных, классовых, конфессиональных или клановых исторических бухгалтерий, которые попеременно предъявляют встречные счета своим контрагентам. Человеческой бухгалтерии добра или зла быть не может, а есть только *понимание* истинно доброго и истинно злого. Счет же ведется мимо нашей воли.

По поводу того, что считать добром, а что злом, высказано огромное количество мнений. Наиболее распространена релятивистская точка зрения, очень удачно сформулированная Л. Н. Толстым, который размышлял так: «Сознавать себя можно определенной формы куском льда и водой. В первом случае солнце — зло, во втором — величайшее благо». *Но мы создаем себя живыми существами, и поэтому для нас абсолютное благо — это жизнь, а зло — то, что ей противостоит.*

Жизнь является самой большой ценностью для людей на Земле, и поэтому общечеловеческое благо, истинное добро есть то, что дает, поддерживает и приумножает жизнь. Для человека жизнь — это единство физической, духовной и интеллектуальной составляющих; все, что развивает и расширяет сферу деятельности.

Истинное зло — это то, что мешает жизни, что причиняет смерть. Не смерть сама по себе есть зло, а именно то, что является ее причиной. Человек, причиняющий страдания или смерть, есть источник и проводник зла. Политика Сталина (и не только его, конечно) объективно способствовала развязыванию второй мировой войны с миллионами убиенных.

В человеческом мире добро не симметрично злу. Две половины единого морального поля не равны ни в количественном, ни в качественном, ни в сущностном отношениях. Жизнь, как высшее проявление

добра, является достоянием всех, поэтому добро растворено во всех людях и присутствует даже в злодеях — как дыхание жизни. Поэтому в процессе исторического развития добро возрастает вместе с ростом жизни и всего того, что обыденно необходимо для ее поддержания и развития. В свою очередь зло персонифицировано, экстраординарно и в отличие от добра не разлито во всем человечестве, а концентрируется в отдельных личностях или группах личностей, которые втягиваются в его орбиту. Поэтому зло, достигая необычайно высокой концентрации в отдельных людях и исполнителях злой воли, все равно не может достигнуть таких масштабов, как добро жизни во всех ее проявлениях, в повседневных заботах, в детях, в труде, а, главное, в любви.

5. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом

Большое зло обладает такого рода очарованием, которое сохраняется на годы, а иногда и на века. Не имея возможности остановиться, даже кратко, на самых мрачных и характерных проявлениях зла в истории человечества, рассмотрим наиболее важную для коллективной жизни людей сферу — на концентрат зла в сфере государственной деятельности, на примере культа личности И. В. Сталина.

Как и большинство людей на Земле, Сталин не был прирожденным злодеем. До тех пор пока он не попал в самый центр советской политической власти, мера зла и мера добра, которой он отмерял свою дореволюционную жизнь, мало отличалась от той, которую позволяли себе люди его круга — семинаристы Духовного училища в Тифлисе, революционеры-подпольщики, потом лидеры большевистской партии, захватившие власть в стране и развязавшие гражданскую войну. Правда, все этапы его жизненного пути сопровождалась творением все большего зла, а революция и гражданская война повязали его, как и всех участников, большой кровью. До середины 1920-х годов мера его добра и зла была примерно равна мере других политических лидеров второго ряда, как со стороны красных, так и со стороны белых. Первый ряд без сомнения занимали Ленин, Троцкий, Колчак, Деникин и другие, втягивавшие значительные массы сограждан в братоубийственную бойню. Личное и по-своему уникальное падение Сталина началось в тот момент, когда волею случая был сделан первый шаг к формированию из заурядной, мало образованной и неразвитой личности одного из самых кровавых в истории человечества диктаторов.

Если во главе партийно-государственного аппарата он оказался в результате интриг внутри Политбюро и практически случайно, то дальнейшие события развивались по классической схеме, которую с теми или иными нюансами использовали все диктаторы мира. Закрывая череду временных союзов с одними партийными группировками против других, он в очень короткие сроки «сосредоточил в своих руках необъятную власть» (как написал Ле-

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 205.

нин в известном «Письме к съезду»). Сталин получил в наследство от ленинского Политбюро систему контроля над обществом нового, особого качества. Помимо обычных управленческих и хозяйственных функций, советская система правления приобрела совершенно новые элементы: государственную партию; особо мощную тайную полицию, способную контролировать чуть ли не каждого гражданина; массовую рабоче-крестьянскую армию, лишённую кастовой чести. Необычность сложившейся системы заключалась ещё и в том, что каждая из этих сил, через взаимное прорастание, контролировали друг друга друг в друга. Партия имела свои ячейки во всех силовых структурах, в армии и госаппарате; спецслужбы имели осведомителей и особые подразделения в армии, партии и госаппарате на всех этапах; армия не только решала задачи внешней обороны и нападения, но и выполняла внутригосударственные карательные функции. И все эти структуры контролировала небольшая группа партийных лидеров, что давало соответствующим органам значительный приоритет перед другими силовиками. К концу 1920-х годов И. В. Сталин лично распоряжался уже не только всей мощью бюрократического аппарата, но и вооружёнными силами, органами госбезопасности и партии. Последнее было особенно важным, так как партия осуществляла не только формирование единой идеологии, но и создавала особый духовный и моральный климат в стране. Кто владел партией, тот владел моралью и чувствами советских людей. Так, без особых усилий, Сталин оседлал красного «дракона о трех головах». Мне достоверно известно, что на первых порах этот лидер искренне предполагал без помех со стороны оппозиции, быстрыми темпами единолично осчастливить советский народ, построив земной рай, то есть «социализм в отдельно взятой стране». Но те мероприятия, которые он при отсутствии государственного таланта насильственно провел (партийные чистки, коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию) стали злой насмешкой над демократическими и социалистическими преобразованиями в развивающемся обществе.

Устраняя своих реальных и мнимых оппонентов, он довольно быстро заболел обычной болезнью диктаторов — страхом за собственную жизнь и опасениями потерять сладость абсолютной власти. Год от года эти страхи нарастали и толкали к усилению репрессий, которые в свою очередь приводили к сгущению атмосферы страха. Гордыня заурядной личности, получившей в свои руки бесконтрольную и необъятную власть, привела к страшнейшей за всю историю человечества социальной катастрофе, которая по своим последствиям сопоставима с фашистской катастрофой А. Гитлера, также очаровавшего немцев обаянием зла.

Свой образ Сталин лично выстраивал сразу в нескольких ракурсах: образ духовный, внешний, а также интеллектуальный портрет. Все три составляющие имели очень мало общего с «первообразом». По сути это были личины, до сих пор заворажива-

ющие многих соотечественников и до сих пор маскирующие подлинную натуру.

Бытовая человеческая гордыня всегда порождает культ: в семье, в небольшом сообществе, в собственной душе. Но люди, внезапно овладевшие необъятной властью, загораются сатанинской гордыней, толкающей их к неукротимому самообожествлению. На протяжении всех тридцати лет правления И. В. Сталин сознательно и планомерно выстраивал культ собственной личности как «гения всех времен и народов». Главными орудиями подобного выстраивания стали ужас и страх, которые лидер навёл на своих собственных сограждан и которые очень быстро парализовали всякие позывы к сопротивлению. Ужас внушался грубо сфальсифицированными «открытыми» политическими процессами, массовыми расстрелами по приговорам внесудебных органов, «разнарядками» на массовые аресты и репрессии, спускаемыми с самого верха. По самым скромным подсчётам сталинских чекистов, за годы его правления было казнено более 3,3 млн человек. Страх, пропитавший всю общественную жизнь, превращал людей в массовых истериков, мазохистов и доносителей, все более и более влюблявшихся в своего «вождя и учителя». К концу правления Сталина культ его личности подпитывался уже не только голым ужасом и страхом, а выставившими из них суррогатными «любовью» и «уважением». Образ нового Ивана Грозного поднялся из преисподней, наполняя души народов СССР ликующим восторгом. Кульминация восторга совпала с победой в Отечественной войне, потери от которой затмили страдания и ужас репрессий.

Однако очарование злом вскармливалось и другими средствами, из которых наиболее важными были прельщение особым идеальным образом личности и картинами будущего коммунистического общества.

Все годы диктаторства Сталин с помощью фотографов, живописцев, скульпторов создавал череду своих изображений, грубо приукрашивающих реальный образ. Народы СССР стали «видеть» своего генералиссимуса крепко сбитым, стройным, высоколобым седовласым красавцем, без ярко выраженных национальных черт. Этот образ настолько впечатался в сознание людей благодаря массовым средствам информации, что многие и до нашего времени представляют «маршала Сталина» именно таким. Даже сохранившиеся кино- и фотохроники не способны повлиять на очарованное воображение современников вождя и их многочисленных потомков.

Свой интеллектуальный портрет, в образе «гения всех времен и народов» (один из официальных прижизненных титулов), И. В. Сталин ваял прямым вмешательством почти во все научные дисциплины, систематически проводя кампании по выработке «марксистского», а на самом деле сталинистского направления в той или иной науке. Физика, биология, лингвистика, математика, философия, генетика, растениеводство, история — вот далеко не исчерпывающий перечень наук, в развитие которых го-

сударственный лидер вмешивался лично. Особенно впечатляющая работа была проделана в области исторической науки. Сталин переписал под себя всю историю России—СССР, историю зарубежных стран, историю ВКП(б), историю большевиков Закавказья, а главное, свою биографию. В этой системе вся предыдущая история человечества, история России, Грузии, партии превратились всего лишь в подготовительные этапы, в подножье для величественной, невиданной в истории человечества фигуры советского вождя. Уродливая и лживая сталинская историософская модель с небольшими корректировками до сих пор воспроизводится в умах соотечественников.

6. Культ мертвой личности и его угасание

Любить и уважать образы покойников и возводить их в культ — совершенно разные вещи. Культ мертвого Сталина вызрел не из прижизненного культа и уж тем более не из любви и уважения к его делам. Посмертный культ личности этого государственного деятеля пережил периоды подъема и спада. Он то приходил в упадок, то возрастал, но всегда под воздействием двух факторов — тайны и пропаганды. После смерти кумира его культ продолжал жить механической жизнью еще три года. В этом были заинтересованы политические наследники Сталина, тщательно скрывавшие его преступления. После «разоблачения» в 1956 году одна из сталинских масок, скрывавшая масштабы репрессий, была приподнята. И если при жизни Сталина жертвы и палачи перманентно менялись местами, что поддерживало в обществе высокий уровень единодушной «любви» к вождю и всеобщей ненависти к «врагам», то после XX съезда общество естественным путем разделилось на антисталинистов и сталинистов. Тайна сталинской власти как власти беспредельного зла была публично приоткрыта и по воле тогдашних руководителей стала частью официальной пропаганды. При Л. И. Брежневе произошла смена курса и сталинистские настроения в части общества начали оживать, одновременно встречая глухое противодействие другой его части. При М. С. Горбачеве ситуация вновь изменилась: были раскрыты многочисленные архивные документы, стали известны механизмы репрессий, были реабилитированы многие имена — в общественном настроении возобладали антисталинистские тенденции. Очередной поворот начался с 2003 году. Про-

водниками современного суррогата сталинизма стали наиболее сохранившиеся структуры советского прошлого, то есть спецслужбы и специалисты в области пиартехнологий. Коммунистическая партия и Советская Армия не смогли пережить перестроечные годы, а структуры, заменившие их, пока не эффективны. Под влиянием основных пропагандистских каналов, образ Сталина вновь стал возвышаться в массовом общественном сознании, воскрешая глубоко лживую мифостофелевскую формулу о зле, творящем добро людям и победы стране. Накануне очередного поворота к антисталинизму мы находимся и сейчас.

Развитие культа мертвой личности Сталина хорошо иллюстрирует диалектику добра и зла в исторической перспективе, когда чередой разоблачений и воскрешений ведет к постепенному снижению в общественном организме концентрации токсинов зла. Когда наступит время катарсиса, разрядки напряжения, вызванного трагедиями сталинской эпохи, — наступит новое время, и большинство россиян будет относиться к Сталину примерно так же, как сейчас относится к хану Батюю или Ивану Грозному — с любопытством, но и только. Ни подлинной любви, ни злобы.

Сущность добра — это источник жизни и сама жизнь. Жизнь на Земле разрастается качественно и количественно: развивается общечеловеческая цивилизация, которая все в большей степени способна поддерживать рост рождаемости, продолжительности жизни, уровень благосостояния, интеллект, взаимопонимание и т. д. Экспансия жизни рано или поздно преодолеет границы Земли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но исторические провалы и пропасти зла, выкопанные Сталиным, Гитлером, Мао, Чингисханом, Цезарем и другими, еще не раз углубятся очередными вождями и фюрерами в непредсказуемое время, в неизвестной стране или на другой планете. Так в исторической перспективе будет расти расстояние между двумя полюсами, но диалектическая связь между ними сохранится еще очень долго. Это позволит добру в диалоге раз за разом, цикл за циклом постепенно гасить гнучесть жала зла и тем снимать перенапряжение между полюсами, ведущее к всеобщей катастрофе. Диалог, Слово это единственное средство, способное восстановить равновесие. Когда диалог живой жизни с мертвым прошлым станет невозможным — наступит миг окончательного разрыва.

А. В. Ильичев¹

ОБРАЗ ГОРОДА КИЕВА В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ...» ИЛАРИОНА: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ГРЕКО-ИУДЕЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУР

«Слово о законе и благодати...» (далее — «Слово...») первого русского митрополита Илариона — памятник, имеющий странную судьбу. С одной стороны, перед нами один из древнейших текстов, созданный более чем на 100 лет раньше «Слова о полку Игореве», а с другой — он оказался в значительной степени обойден вниманием исследователей. Возможно, это связано с тем, что, как бы ни утверждалось патриотическое звучание памятника, оно осуществляет себя не в песенно-фольклорных образах «Слова о полку Игореве», облегчающих наше понимание, а в довольно сложных образно-символических построениях, ключ к которым обнаруживается в христианской экзегетике. Между тем пафос единства Руси, ее особой исторической значимости в этом произведении ничуть не меньше, чем в «Слове о полку Игореве». По-разному определялись задачи, стоявшие перед Иларионом. Полагали, что основной смысл «Слова...» — в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового Заветов, направленном против иудейского учения. В 1872 году это мнение опроверг И. Н. Жданов, осознав «Слово...» как зашифрованную атаку на Византию². Это мнение было поддержано в работе Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947). М. Н. Тихомиров считал, что «Слово...» направлено против политического влияния Хазарского каганата³. Любопытна аргументация М. Н. Тихомирова, подчеркнувшего, что в «Слове...» нет ни одного образа, хоть как-нибудь принижающего Византию. Именно это обстоятельство заставило Тихомирова искать другой объект полемики Илариона.

Действительно, в «Слове...» Илариона Константинополь — это новый Иерусалим; с императором Константином сравнивается Владимир. Однако полемика с Византией существует, но ясной становится она только при углубленном внимании к поэтике «Слова...» Это во-первых.

Во-вторых, «Слово...» Илариона интересно как первый образец русской историософской концепции, предложенной еще до «Повести временных лет». Так, В. Н. Топоров отмечает впервые формулируемую в этом памятнике «русскую идею»⁴. Сравне-

ние традиционной схемы христианской идеи истории и ее варианта, предложенного Иларионом, позволяет сделать некоторые выводы относительно оригинальности взглядов автора. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, остановимся на проблеме источников текста Илариона.

С. П. Шевырев полагал, что ряд образов заимствован Иларионом из византийской литературы, в частности, «Слова на Преображение» Ефрема Сирина⁵. На другой источник указывал К. Д. Зеeman⁶ — это послание апостола Павла к Галатам (Гал., 4:21–31). Кроме этого места, связь которого с первой частью «Слова...» Илариона достаточно очевидна, подчеркнем, что в апостольских посланиях развивается тема распространения христианства, обсуждается проблема соотношения иудейства и христианства в самых разных аспектах.

Все это позволяет считать, что Новый Завет оказался одним из источников образно-символической системы текста Илариона. Причем его влияние вовсе не ограничивается только первой частью «Слова...», но обнаруживает себя и в дальнейшем.

Напомню, что первая часть «Слова...» строится как толкование соотношения Закона и Благодати; вторая часть посвящена рассказу о распространении христианства на Руси, а третья может быть охарактеризована как похвала Владимиру, завершающаяся молитвой.

Д. С. Лихачев пронизательно отметил, что «патриотический пафос этой третьей части, прославляющей Владимира, еще выше, чем патриотический пафос второй. Он достигает сильнейшей степени напряжения, когда, пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и “славный град” Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом... встать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига»⁷.

Нам же, в свою очередь, хочется подробнее остановиться на том, как создается образ Киева.

Прежде всего следует напомнить о том, что Иларион обращается со своим «Словом...» к «преизобильно насытившимся сладостью книжной»⁸. В другом же месте, вводя символическую аналогию между Агарью и Законом, Саррой и Благодатью, он замечает: «Да разумеет читатель» (35), подчеркивая наличие в тексте скрытого, неочевидного смысла.

Предварением той части, где разворачивается повествование о городе, оказывается похвала Вла-

¹ Профессор кафедр литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, доцент. Автор научных публикаций, в т. ч. научных и учебных публикаций: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна...: тема поэта и поэзии в каменноостровском цикле Пушкина», «Поэтика реминесценций в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века: Разбор и анализ», «Поэзия А. С. Пушкина: анализ и интерпретации», «Русская поэзия XVIII–XX веков: интертекстуальные связи: опыт анализа».

² Жданов И. Н. Сочинения : в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 1–80.

³ Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 132.

⁴ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. С. 264.

⁵ Шевырев С. П. История русской словесности. 2-е изд. М., 1860. Ч. 2. С. 26.

⁶ Зеeman К. Д. Аллегорическое и экзегетическое толкование в литературе Киевской Руси // Контекст—1990 : литературно-теоретические исследования. М., 1990. С. 78.

⁷ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 37–38.

⁸ Иларион. Слово о законе и благодати / пер. В. Я. Дерягина. М., 1994. С. 33. В дальнейшем «Слово...» цитируется по этому изданию с указанием страниц прямо в тексте статьи.

димиру, который сравнивается с императором Константином: «О, подобный великому Константину, равноумный, равнохристолюбивый... Он со святыми отцами Никейского Собора закон людям устанавливал, ты же, с новыми нашими отцами епископами сходясь часто, с глубоким смирением совещался, как в людях этих, новопознавших Господа, закон установить. Он царство эллинов и римлян Богу покорил, ты же — Русь... Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима принес, по всему миру своему его разнеся, веру утвердил. Ты же с бабкою своею Ольгой, принеся крест из нового Иерусалима, Константина града, по всей земле своей его поставив, утвердил веру, ибо ты подобен ему» (91).

Помимо очевидного сравнения, вернее, уравнивания Константина и Владимира, в подтексте отрывка возникает многозначительная параллель между Константинополем, осмысленным как новый Иерусалим, и Киевом, приравненным к нему.

Возникшая параллель между Киевом и Иерусалимом (через сравнение с Константинополем) — неожиданная и слишком многозначительная, чтобы быть незамеченной.

Ко времени императора Константина сложилась устойчивая доктрина, связанная с особой ролью Византии в христианском мире, опирающаяся на толкование сна Навуходоносора пророком Даниилом (Дан., 2:31–45). Даниил дал четырехчастную периодизацию истории человечества по «царствам». На исходе «четвертого царства» наступит конец царства человеческого и возникнет царство мессианское. Первое царство — Вавилонское — названо самим Даниилом, остальные три названы различными интерпретаторами. Это мидо-персидская империя, затем царство греческое и, наконец, римское¹. В комментариях святого Иеронима (IV в.) к книге Даниила утверждается, что Римская империя как четвертая, последняя монархия, будет длиться до конца мира². Блаженный Августин развил положение о том, что история разворачивается последовательно — с Востока на Запад: Рим занял место Вавилона³. После раскола Римской империи на Западную и Восточную с центром в Константинополе византийский император полагал, что именно этот город стал вторым Римом. Из текста Илариона видно, что с перенесением креста из Иерусалима Константинополь получает титул нового Иерусалима. Как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, «двойственная природа Константинополя как политического символа позволяла двоякое толкование. В ходе одного подчеркивались благость и священство, в ходе другого — власть и царство. Символическим выражением первого становится Иерусалим, второго — Рим»⁴.

¹ Петровский А. Комментарий к книге пророка Даниила // Толковая Библия : в 11 т. СПб., 1910. Т. 7. С. 23–25.

² См.: Варг М. Л. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 102.

³ Там же. С. 88.

⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Великого: к проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Художествен-

Таким образом, Владимир, перенесший крест из Константинополя в Киев, как бы освятил его Благодатью (что является темой всего «Слова...» Илариона), и создал возможность для символического сотенения нового Иерусалима и Киева.

Вслед за этим в тексте «Слова...» сразу следует сообщение о строительстве церкви Святой Богородицы Марии. И с этого места начинается тема церковного строительства, продолженного сыном Владимира Ярославом Мудрым. Сначала упоминается София Киевская, затем церковь Благовещения. Завершается отрывок темой града Киева.

Чисто внешне перед нами простое перечисление строительных заслуг Владимира и Ярослава Мудрого. Между тем образы церквей и града, безусловно, имеют специальное символическое значение⁵. Это, между прочим, следует из самого текста. Упоминание церкви Богородицы в начале и церкви Благовещения в финале связывается символическим итогом: «Пусть целование, что дарит архангел Деве, будет граду тому, ибо сказано Ей: “Радуйся, обрadowанная, Господь с Тобою!” И граду же: “Радуйся, благоверный град, Господь с тобою»» (95). Это естественно приводило к параллели образа Девы Марии и образа города. Это одна символическая линия, которая возникает в тексте «Слова...» Другая связана с образом церкви Софии Киевской. Во-первых, она поддерживает параллель «Константинополь — новый Иерусалим — Киев», так как София Киевская задумывалась по аналогии с Софией Константинопольской⁶. Тема нового Иерусалима поддерживается тем, что строительство Софии Киевской сравнивается со строительством храма царем Соломоном. Образ этого храма проходит через всю Библию и оказывается связанным с темой Закона и Благодати, с одной стороны, и с темой нового Иерусалима — с другой.

На горе Синай Иегова показывает Моисею образец святилища (Исх., 25:10–22). Соломон строит свой храм по образцу этого святилища: «Ты сказал, чтобы я построил храм на святой горе Твоей и алтарь в городе обитания Твоего, по подобию святой скинии, которую Ты предуготовил от начала» (Прем. Сол., 9:8). Завершается эта тема в Откровении Иоанна Богослова. Как пророчествует Иоанн, после Страшного Суда возникнет новый Иерусалим, в котором нет храма (Откр., 21:22–23), ибо храм, в котором обитал Бог в земном Иерусалиме, теперь исчез, так как Бог пребывает теперь не в храме, но в граде.

Вообще основание Храма всегда как бы повторяет «космогонический акт — Сотворение Мира.

ный язык средневековья : сб. ст. / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 238.

⁵ См. об этом подробнее: Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 49.

⁶ Яковсон А. Я. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985. С. 95. Об архитектурной самобытности Софии Киевской см.: Вагнер Г. К. Искусство мыслить в камне: Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры. М., 1990. С. 37–38.

Следовательно, все, что основывается, основывается в Центре Мира»¹. Таким образом, параллель между Ярославом Мудрым и Соломоном, Софией Киевской и храмом Соломона вновь обнаруживает в символической перспективе образ Иерусалима как сакральной точки христианского мировоззрения, некоего символического центра, который, по мысли Илариона, переносится из Константинополя в Киев.

Любопытно, что отмеченная нами параллель «Дева Мария — город» тоже связана с этой темой. Образ города-Девы разворачивается в Библии в связи с Иерусалимом. Например, в обращении к Иерусалиму: «Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий» (Матф., 21:5); «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе» (Захар., 9:9). Неоднократно встречается места, где Иерусалим, «дочь Сиона», выступает как невеста, ожидающая жениха: «Но будут называть тебя: “Мое благоволение к нему”, а землю твою — “замужнюю”, ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочетается <...> и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис., 62:4–5). Особенно значимой эта параллель становится в Откровении Иоанна, где греховный Вавилон изображается в виде блудницы, а новый Иерусалим — в виде невесты²: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим <...> приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр., 21:2); «Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца <...> и показал мне великий город, святой Иерусалим...» (Откр., 21:9–10). «Хотя ему (Иоанну. — А. И.) было обещано показать невесту, — пишет комментатор, — но показывается Иерусалим»³. Так через образ города-Девы вновь звучит тема Иерусалима. Отметим также следующий момент. Сразу вслед за обращением к городу («Радуйся, благоверный град, Господь с тобой!») следует призыв к Владимиру: «Восстань, о честный муж, из гроба своего! Восстань, отряхни сон, ибо ты не умер, но спишь до общего для всех восстания. Восстань, ты не умер...» (95), который некоторые исследователи толкуют как языческий заговор⁴. На самом же деле он продолжает евангельскую тему: «Посему сказано: “Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос”» (Послан. Ефес., 5:14).

Так в глубине символического подтекста образ Киева «подсвечивается» образом нового Иерусалима. Обратим внимание на то, что новый Иерусалим в Библии — это будущий рай, который маячит лишь в пророчествах. У Илариона он изображается уже как воплощающийся, становящийся. Именно это создает атмосферу особой торжественности и красоты всего — и города, и церквей. «Он дом Божий великий Его святой премудрости создал на свя-

тость и священие граду твоему, его же всякою красотою украсил золотом и серебром, и камнем дорогим, и сосудами святыми <...> И славный град святой Киев ты величеством, как венцом, увенчал <...> Узри же и город, величеством сияющий, узри церкви цветущие, узри христианство растущее. Узри город, иконами святых освященный и блистающий, и фимиамом курящийся, и хвалами, и молитвами, и песнопением святым оглашаемый» (93, 97). Это изобилие золота, серебра, камней драгоценных, сияние, блистание есть не только признак материальной, вещной красоты, но и красоты нетленной, духовной. Не случайно в новом Иерусалиме царит вечный день: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его... А ночи там не будет» (Откр., 21:23–25). Сравните с тем, что у Илариона: «Узри город, иконами святых освященный и блистающий...» За внешней телесной красотой просвечивает красота внутренняя, духовная.

Торжество божественного начала на Русской земле изменило традиционный пафос христианской историософии. Английский историк Р. Дж. Коллингвуд полагает, что христианская идея истории отбросила греко-римское «оптимистическое представление о человеческой природе», придав истории апокалиптический характер⁵. А. Я. Гуревич отмечает, что «историческое время в христианстве драматично»⁶. Б. С. Горский, специально сравнивавший образ истории в «Граде Божием» Блаженного Августина и в «Слове...» Илариона, пишет: «Обращаясь к современному этапу человеческой истории, Августин переполнен скепсиса и пессимизма в оценке его <...> Иларион же как раз <...> принадлежит к тем, кто полагает “славу в самом себе”, в своем времени. <...> Для Илариона время, в которое он жил, приобретает абсолютный характер, воспринимаясь как пора реализации идеала, к которому устремлена человеческая история»⁷. Это породило особый оптимизм историософии Илариона и создавало в целом нехарактерную для христианства ситуацию оправдания земной истории, данного времени, исключая его переживание как ущербное. Некоторые исследователи полагают, что в этом выразилось мировоззренческое двоеверие Илариона (языческое чувство прелести мира). Не отрицая возможности подобного рода трактовки, заметим лишь, что это, пусть в истоках и языческое, переживание мира Иларион объясняет и толкует, используя крайне сложные символические формы, выработанные христианской культурой и экзегетикой.

Представление о Киеве как «святом граде», новом Иерусалиме не исчезло бесследно. Позже, в «Повести временных лет» обнаруживается встав-

¹ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 43.

² Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132.

³ Орлов Н. Комментарий к Откровению Иоанна Богослова // Толковая Библия: в 11 т. СПб., 1913. Т. 11. С. 605.

⁴ См., например: Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1985. С. 29.

⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 56, 50.

⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 121.

⁷ Горский В. С. Образ истории в «Слове о законе и благодати» Илариона // Человек и история в средневековой мысли русского, украинского и белорусского народов: сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Горский. Киев, 1987. С. 41, 45.

ной эпизод о пророчестве апостола Андрея с очень характерной деталью: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда направился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”. И возшел на горы эти и благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев...»¹ Тут неслучайна параллель Рима, Киева и Богом благословенного города. Образ Киева стягивает к себе и значение императорского Рима, и Святой земли обетованной. Но окончательного оформления этого образа не произошло. Тут не место вспоминать о падении — экономическом и политическом — Киева во время татаро-монгольского нашествия. Но задуманная тенденция «сработала» позже, когда уже в XVI веке старец Филофей четко сформулировал этот образ и соотнес его с Москвой.

Правда, теперь уже на первый план вышла не идея «нового Иерусалима», а идея «третьего Рима».

В качестве подтверждения того, что образ Киева в XI–XII веках приобретал особую окраску, можно указать не на книжные источники, а на фольклорные. Если Иларион рисует Киев как земное воплощение небесного идеала в символах Библии, то для фольклора Киев эпохи Владимира — время русского эпоса: «Деятельность богатырей — героев эпоса — оказывается связанной не с отдельными областными центрами, а с главным центром единой русской земли — Киевом <...> “Эпическое время” русских былин стало временем идеальной “Киевской державы” и ее монарха — Владимира»².

В заключение подчеркнем, что древнейший оригинальный памятник славянской культуры возникает как продолжение и диалогическое переосмысление греко-иудейской традиции. Опираясь на библейскую образность, Иларион, между тем, формулирует оригинальную историософскую концепцию, утверждающую провиденциальное величие и самостоятельность славянской культуры.

Е. А. Кайсаров³

ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРЖЦА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В рассмотрении проблемы важное значение имеет понимание соотношения терминов «жители Петербурга» и «петербуржцы». Сам термин «петербуржцы» как обозначение новой городской общности с ее необходимым компонентом самоидентификации (приписыванием себе каких-либо признаков, качеств, отличающих данную общность от других) появился только в конце XVIII — начале XIX века. В документах Петровской эпохи обитатели новой столицы именовались «жители Петербурга». Процесс складывания новой общности был длительным, сложным и противоречивым. В нем дух нового Целого прокладывал себе дорогу через ментальность, культуру, представителей многих народов, участвовавших в создании нового центра российской культуры. Особенности взаимодействия представителей различных культур тесно связаны с характером заселения города, его общественным и экономическим предназначением.

Так, значительной частью населения Петербурга в 1703–1720-х годах явились временные строители. Новую крепость и город строили по разветвке 12–18 тыс. человек. Это реальная численность работников, а по царским указам она должна была составлять до 40 тыс. человек. Временные работни-

ки — крестьяне, которые присылались из девяти губерний России (Московской, Киевской, Архангельской, Азовской, Сибирской и др.). Другой частью временных работников стали мастеровые люди, переводимые из различных регионов на предприятия города. Например, мастеров «потребных строительству кораблей» выписывали из Москвы, Вологды, Шуи, Ростова, Устюга, Тотьмы. Город с момента его основания отличался пестрым национальным составом. Уже в первых сохранившихся описаниях Петербурга сообщалось, что на его строительстве было направлено «огромное множество людей — русских, татар, казаков, калмыков и т. д., а также финских и ингерманландских крестьян». В числе первых в Петербурге застраивалась Татарская слобода, которая возникла к северу от Петропавловской крепости за Кронверком. Петр I сознавал важность для будущего города привлечения специалистов с Запада. Иноземные корабельные мастера и флотские офицеры играли выдающуюся роль в строительстве военных кораблей и комплектовании флотских экипажей. Большим спросом в столице пользовался труд немецких ремесленников и ученых, английских моряков и садовников, французских архитекторов и домашних учителей, поваров и парикмахеров.

Западные мастера имели большие заслуги в развитии русских мануфактур, науке и культуре. Они подготовили учеников, основали в Петербурге свои школы. Некоторые из них вернулись на родину, другие приняли русское подданство и освоили язык. Процесс ассимиляции иностранцев в Петербурге протекал особенно интенсивно, хотя русские власти на протяжении XVIII века не предпринимали для

¹ Повесть временных лет // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С. 5.

² Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 159. Ср.: Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.

³ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук.

этого особых мер¹. Условия, сложившиеся в Петербурге, способствовали тому, что общины сохраняли национальные особенности, свой язык, культуру, уклад жизни. На ранних планах Петербурга можно найти обозначение таких слобод, как Немецкая, Французская, Татарская. Существовала также Французская слобода за дворцом князя Меншикова на Васильевском острове, Немецкая слобода в районе Адмиралтейства, финская слобода («Финские шхеры») на Западной стороне Марсова поля. Однако уже на планах середины XVIII века подобные названия слобод исчезают. Характерной чертой жизни многонационального петербургского населения становится сближение различных этнических групп, смешение языков. Один из иностранцев писал: «Пожалуй, не найти другого города, кроме Петербурга, где одни и те же люди говорили бы на столь многих языках, причем так плохо... Говорящий по-русски немец и говорящий по-немецки русский совершают столь много ошибок, что их речь могла бы быть принята строгими критиками за новый иностранный язык»². Работая над «Адмиралтейским регламентом» в 1716 году, Петр I сделал интересную запись: «Иноземцы считаются те, которые приехали из иных городов и вступили на службу. А которые родились в России и приняли службу, те яко россияне почтены имеют быть»³.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что в первой половине XVIII века большинство жителей Петербурга были выходцами из других мест, что предопределило обилие различных трудовых навыков, говоров, одежды, бытовых привычек горожан. Однако Петербург стал своеобразным котлом, переплавлявшим все это в свой особый петербургский стиль труда, частной жизни, общения и постепенно стал появляться, как писал М. С. Каган, известный всей стране и без особого труда узнаваемый (по поведению, манерам, речи, стилистическим и фонетическим особенностям) некий «психологический инвариант» — петербуржец. Эта ментальная структура свойственна далеко не всем жителям данного города. Свое идеальное воплощение она получила в петербургской интеллигентности. «Сознание и поведение петербургского интеллигента, — отмечал М. С. Каган, — были лишены фанатической ослепленности, проистекающей всегда из некоего эгоцентризма — политического, этнического, религиозного, эстетического; напротив, важной приметой интеллигентности, порожденной всей историей этого уникального города, была толерантность, терпимость к чужому мнению, как бы не отличалось оно от твоего собственного, а значит — готовность к диалогу»⁴. Поведение типичного петербургского интеллигента не импульсивно, а рационально по своей психологической установке, так как такой тип сознания формировался в рацио-

нально выстроенном городе, в интеллектуальной атмосфере просветительства. Для интернациональной генетики петербуржцев чуждыми являются националистические предрассудки. Существенная примета петербургского интеллигента — особая эстетическая чувствительность, важная роль требований вкуса во всех сферах жизни горожан. Это свойство сознания формировалось средой — архитектурной и природной, бытовой и игровой, речевой и художественной. Характерная черта петербуржца — неприятие им «домостроевского» отношения к женщине. Одной из традиций петербургской литературы и живописи стало утверждение духовного превосходства женщины над мужчиной, восхищение ее нравственной силой и духовным величием. Отличительным свойством петербуржцев стал, наконец, особый строй речи, чему способствовал интернациональный характер населения города с самого начала его существования. Особенности петербургского диалекта русского языка проявились в обогащении речи бытовыми словами и специальными терминами, заимствованными из французского и немецкого языков. Вследствие утверждения в Петербурге светской мысли, светского общения, художественной литературы с широким взаимодействием русского и французских языков интонационный характер речи постепенно стал меняться в сторону буквенного произношения. Так, для московского произношения было характерно «икание», а для петербургского — «эkanie».

Выдающиеся исследователи культуры Петербурга Д. С. Лихачев, М. С. Каган выделяли особую роль немецких школ города в формировании характерных черт петербуржцев. Так, Д. С. Лихачев вспоминает, что он был поражен программами немецких школ. Там преподавали их родной немецкий язык; русский язык как полуродной, а также церковнославянский язык, греческий, латынь и факультативно — английский. Знание иностранных языков позволяло строже относиться и к русскому. Замечательный язык И. С. Тургенева, Н. С. Лескова? да и А. С. Пушкина? объясняется именно тем, что благодаря изучению иностранных языков у них было лингвистическое чутье. Знание иностранных языков чрезвычайно важно было и для общего умственного развития петербуржцев⁵.

Специфические психологические качества, поведение, вкусы, речь, отличающие петербуржца, не передаются генетически, формируются или не формируются прижизненно. Можно привести немало примеров, когда люди родились и выросли не в Петербурге, но, переселившись в него и попав под его обаяние, оказались восприимчивы к духовной среде города и стали истинными петербуржцами.

Сегодня петербуржец, как особый тип горожанина, формировавшийся в течение нескольких столетий, находится на грани вымирания. Это связано с физическим уничтожением значительного чис-

¹ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 25.

² Там же.

³ Там же. С. 36.

⁴ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 351.

⁵ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 269–270.

ла петербургских интеллигентов в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, репрессий 1937–1938 годов. Часть интеллигенции эмигрировала в 1920-е и 1960-е годы. И все же, как отмечал А. С. Запесоцкий, это не приводило к принципиальным «переменам петербургского характера». До начала 1970-х годов все, кто попадал в Ленинград, обнаруживали, что люди ведут себя иначе, чем в других городах — их отличает особая культура, сдержанность, тактичность. Слом произошел в 1970-е годы, когда началась массовая застройка на правом берегу Невы, на Васильевском, в Купчино, на Гражданке. Буквально за несколько лет старый Петербург стал занимать меньше 10 % городской площади. В острой статье, посвященной строительству двух корпусов — небоскребов под названием «Жилой комплекс “Монблан”», уродующих исторический облик города, А. С. Запесоцкий подчеркивает, что «именно старый Петербург своим архитектурным строем, величиим, особым подходом к организации пространства формировал психологию людей». То, что сегодня происходит в городе, когда парочка «жадных и малокультурных людей с толстыми кошельками» за 2–3 года могут разрушить все, что делали Петр I, Монферран, Растрелли, Клодт, «до-страивая» Петербург на свой вкус, — «предательство созданных многими поколениями традиций и ценностей, которые существуют на берегах Невы и составляют наше счастье»¹.

Современные политические, социальные и этнические процессы, которые идут в городской сре-

де, таят в себе угрозу полного уничтожения остатков старой интеллигенции и традиций петербургской интеллигентности. Так, размывается слой петербургской интеллигенции, проживавшей в центральной части города. Исчезает этот «город в городе», который был хранителем качеств настоящего петербуржца. Растет число мигрантов, не желающих интегрироваться в петербургскую городскую общность. Опасность превращения «петербуржцев» просто в «жителей Петербурга» вызывает тревогу у общественности города. Несколько лет назад было создано общественное движение «Мы — петербуржцы», которое разработало документ «Нравственный кодекс петербуржца», направленный на сохранение лучших качеств горожан. Как утверждают авторы документа, это была «инициатива снизу». Обеспокоена сложившейся ситуацией и администрация города. В прошлом году был принят «План мероприятий, направленных на повышение уровня культуры и социальной ответственности, изменение поведенческих стереотипов жителей Санкт-Петербурга на 2010 год». В нем намечен целый комплекс мероприятий, направленных на восстановление традиций и культуры быта, культуры поведения, культуры речи, неприятие вандализма и социальной агрессии. От того, насколько активно будут внедряться в сознание и поведение новых поколений жителей города традиции петербургской интеллигентности, зависит формирование и смена социальных типов носителей этого духовного и поведенческого качества петербуржцев.

Д. Н. Катыхева²

ИСКУССТВО: ГРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ. ДИАЛОГИ КУЛЬТУР

«XXI век — диктатура денег» — так определяет новую эпоху известный кинорежиссер Андрей Кончаловский. Позади — большая культурная эпоха, когда Россия считалась культуроцентристой страной, а точнее — литературоцентристой, породившей плеяду гениальных писателей, поэтов, равных которым нет и, вероятно, не будет: Н. Гоголя, А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Булгакова, А. Блока, С. Есенина, М. Цветаеву, А. Ахматову, Н. Рубцова, И. Бродского.

Утверждался приоритет духовных ценностей над материальными, гуманистические ценности были азбучными истинами. Они диктовали неприятие мещанского мировоззрения с его низкими истинами, циничным прагматизмом, собственническими инстинктами, всепоглощающей косностью. Этому

¹ Запесоцкий А. С. Позиция: избранная публицистика. 1985–2003. СПб., 2008. С. 90–91.

² Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Литературный театр», «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр», «Петербургские сезоны. Начало XXI века (Драма. Балет)» и др. Почетный профессор СПбГУП.

противостояла формула А. Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно...»

«Жизнь человеческого духа» как высшая ценность театрального искусства определила реформаторские идеи К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в области актерского искусства. В предыдущую культурную эпоху (до 1990-х гг.) отечественный театр создал немало выдающихся произведений искусств, явив замечательную плеяду знаменитых режиссеров, актеров, художников, сценографов, композиторов. В данной статье анализируются последствия культурной эпохи, которую мы переживаем сегодня, и ситуация в современном отечественном театре.

Если обратиться к истории мирового и отечественного театра до рубежа первой четверти XX века, то можно обнаружить закономерность — при смене эстетических систем, координат, споров (к примеру, романтиков по отношению к классицизму) сохранялись сущностные черты искусства, в частности театра, — служить человеку, правде, истине, добру и красоте, решать проблему отношения идеала к действительности. Удары по ним со стороны авангард-

ных, модернистских течений не отбросят театр на обочину антигуманизма.

Ситуация резко изменилась после 1990-х годов. В своей книге «Фактор понимания» Александр Зиновьев повествует о тревожном диагнозе, а не только об отдельных явлениях человеческой жизни (того же искусства). Человечество подошло к конечной грани, ибо утратило смысл своего бытия. Может быть, это слишком пессимистично, но диагноз не смертельный, если его осознать и пытаться противостоять болезни.

В России ситуация более накалена. Демократическая революция обернулась потребительской, социалистическая система уступила место олигархическому капитализму с искаженным пониманием свободы личности, не учитывающему реальность, в которой все взаимосвязано. От этого сильнее всех пострадала культура — искусство, театр.

Вот как сегодня преобразовано гамлетовское «To be or not to be?» Культура, наука и искусство не существуют без запретов, морали, норм. Культура, как справедливо пишет В. А. Лекторский, «как в целом, так и любая ее область, — это некая цензура, система фильтров. Если вы хотите заниматься наукой, то не имеете права на плагиат... И любая сфера жизни, будь то мораль, наука, искусство, держится на этой системе фильтров, которая либо пропускает нечто, либо отбраковывает. *Это самовоспроизводящаяся система, которая вбирает не все, а лишь то, что позволяет ей развиваться*» (курсив мой. — Д. К.).

Ранее аналогичную мысль озвучил А. Блок в своей знаменитой речи по поводу 84-й годовщины смерти Пушкина «О назначении поэта»: «Поэт — величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устаревает... сущность поэзии, как всякого искусства, неизменна... Слова поэта суть уже в его деле. Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в грудах человеческого шлака»¹.

Современный, в том числе отечественный, театр частично оказался в плену постмодернистских опусов современной режиссуры, драматургии, опрокидывающей любые «фильтры». Это в известной степени отвечает потребностям определенной зрительской аудитории, обработанной так называемой «дебилизированной» экранной культурой (Интернет, телевидение), вытесняющей книжную культуру. Как этот процесс влияет на человеческую личность, предстоит изучить ученым. Но очевидно, что при восприятии картинки человек «заглатывает» все, что ему предлагают, не успев осмыслить, проанализировать. Воображение не участвует в этом процессе. При чтении же возникает медитативное состояние, порожаемое воображением, вырисовывается кинолента видений, и рождается ее осмысление. Казалось бы, картинка предоставляет большую информацию. Но связь сознания с информационным космосом не сравнится ни с какой экранной культурой.

Экранная культура начинает формировать новый человеческий тип, который утратил связь со своим прошлым, а также с прошлым своих предков, культурными традициями, живет сегодняшним днем, не думая о душе, реализуя потребительские цели. Происходит своеобразная «смерть субъекта» — полноценной человеческой личности с преобладанием духовных целей над материальными. Все это в избытке представлено на телеэкранах.

Музыкальная культура вытесняется примитивным шоу-бизнесом, где зрителя интересует не музыка, а сплетни об интимной жизни так называемых «звезд».

Если раньше зрительскую театральную аудиторию воспитывали с детства многочисленные кружки, студии, народные театры драмы, оперы и балета, оркестры, ансамбли, то теперь эта сфера культурной жизни населения исчезла. В домах культуры, дворцах, клубах — торговцы ширпотребом. Современная театральная зрительская аудитория неоднородна. Существует немногочисленный культурный слой людей. Они избирают театры, спектакли, которые не затронуты тленом деформации классических художественных текстов как в драме, так и в опере и балете. Как писал Пушкин, именно публика формирует драматические таланты. Вероятно, современная, измененная театральная аудитория не способствует формированию подлинных драматических талантов как в области актерского искусства, так и в режиссуре. Талантливый актер и режиссер сегодня — исключительная редкость.

Искусство периодически «сбрасывало с корабля современности» сложившиеся эстетические системы, в том числе театрально-драматические. Вопрос в том, что будет снесено этой бурей, что и как возродится на современном корабле. Имеются ли признаки возрождения, возрождения птицы Феникс из пепла? Каковы невосполнимые утраты? Как правило, свою лепту в искусство вносили гении, которые требовали их судить по закону, ими установленным. Они не укладывались ни в какие течения, но знаменовали новую стадию развития искусства и литературы.

Таков был Пушкин. Но он осознавал ту закономерность, о которой позже, в 1911 году, размышлял В. Кандинский (он был не только художником-авангардистом, но и теоретиком этого течения). Эта закономерность связана с тем, что в каждой эпохе собственная мера творческой свободы и что даже самые талантливые гении не могут перейти границы этой свободы. Этой мерой для Пушкина был «магический кристалл поэзии», через который реальность пропускалась в искусство, обремененная социально-нравственными задачами, эстетическими нормами, где безобразному, пошлому, криминальному не было места.

Проблема, которая здесь была затронута, — границы свободы творцов искусства — не является приоритетом художественной культуры. Она возникает и в диалоге культур, каждая из которых при всем своеобразии в эпоху глобализации не предполагает

¹ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 19.

некоего смещения, синтеза. Хотя отношение к «другому», отличному от тебя, имеет свои сложности. Однако глобальная сущность людей, как справедливо замечает академик А. А. Гусейнов, «возможна как общность сверхкультурная, транскультурная»¹. В этой «сверхкультуре» границы свободы личности представителей искусства не утрачивают своей актуальности.

В сфере искусств «сверхкультура» существует издавна, особенно ярко она проявляется в XX–XXI веках. Без творческого взаимообмена мирового искусства, участия в постановках, спектаклях разных государств, а не только на родине режиссеров, хореографов, оперных певцов, музыкантов, без обмена художественными идеями, школами «сверхкультура» не существует. При плодотворном диалоге куль-

тур возможно возникновение угрозы со стороны индустрии массового развлечения, подражания не лучшим образцам постмодернистской режиссуры и хореографического творчества в области театра, балета, оперного искусства. «Постмодернистские опусы» в руках малоодаренных «творцов» приводят к разрушению сущности художественных текстов. Ведь для них не существует границ свободы самовыражения в воплощении драматической классики, стилевых особенностей композиторского и оперного искусства. Это подражание опасно тем, что может обеднить глобальную «сверхкультуру» мирового искусства, которое столетиями усваивалось каждым новым поколением человечества. Этот процесс является залогом их нравственного, эстетического и духовного развития.

Р. М. Качалов²

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИМ РИСКОМ

Предприятия как наиболее распространенный в микроэкономике тип производственных организаций играют важную, хотя и далеко не однозначную, роль не только в экономических отношениях, но и в социокультурных межстрановых взаимодействиях. Поскольку на предприятиях работает основная часть населения, они в своей массе могут оказывать существенное влияние на социокультурные процессы в обществе. Характер и степень такого влияния, в свою очередь, зависят от тех культурных особенностей, которые присущи современным предприятиям в различных странах.

В течение большей части XX века в России как части СССР функционировала плановая, централизованно управляемая экономика, одной из характерных черт которой было игнорирование неопределенности хозяйственных отношений и связанного с этим риска. Наоборот, экономическая культура развитых западных стран рассматривала риск как неотъемлемую часть хозяйственной жизни экономических агентов. В итоге по отношению к экономическому риску сложились, как минимум, два типа культур, бытовавших независимо: культура игнорирования феномена риска и культура рационального к нему отношения и регулирования. Культу-

ра игнорирования риска утвердилась в централизованно управляемой экономике (так называемая X-экономика или «раздаточная экономика»), а другая — в так называемой экономике «менового типа», или Y-экономике [2; 4].

Пока экономика нашей страны принадлежала к «раздаточному» типу, была относительно закрытой и изолированной, восприимчивость к институциональным и культурным заимствованиям и нововведениям, неизбежно связанным с риском, оставалась на низком уровне, а культура рационального отношения к риску не была востребована и не стала существенным фактором прогрессивного развития. Как свидетельствуют наши многолетние эмпирические исследования, эта «антирисковая» экономическая культура сохраняется в культурной подсистеме отечественных предприятий до сих пор. Так, подавляющее большинство (около 80 %) опрошенных нами предприятий осознают рискованность своей хозяйственной деятельности, однако далеко не все из них считают, что на предприятии следует уделять специальное внимание *функции управления риском* [3]. Тем не менее становится все более заметным, что, по крайней мере крупные, российские корпорации, активно сотрудничающие с западными партнерами и консалтинговыми фирмами, склоняются к выделению функции управления риском в качестве самостоятельной части системы рационально обоснованного принятия решений.

В современных условиях глобализации экономическая культура развитых стран Запада все более активно проникает в российскую экономическую среду (в том числе — через транснациональные корпорации), что в целом привносит отсутствовавшие до некоторых пор элементы предпринимательской культуры. В этой ситуации те или иные особенности культурной подсистемы предприятий могут ускорить или затормозить позитивное развитие ин-

¹ Гусейнов А. А. Как возможна глобальная общность людей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 62.

² Заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность», «Взаимодействие простого и сложного в теории экономического риска» и др. Автор ряда изобретений. Ответственный секретарь научного журнала «Экономическая наука современной России», член редакционных коллегий журналов «Российский журнал менеджмента», «Финансы и бизнес» и редакционного совета «Экономического журнала Черногории» (Montenegrin Journal of Economics).

теграционных тенденций, стимулировать или ослабить заимствование положительно зарекомендовавших себя зарубежных культурных институтов и организационных инноваций. В частности, заимствование отечественными предпринимателями западной культуры учета экономического риска в процессах управления стимулирует формирование таких позитивных компонент внутрифирменной культуры, как нацеленность на долгосрочные, стратегические цели (в противовес тактическим, «сиюминутным»), использование практики постоянного самоанализа и самооценки деятельности, поиск и комплексное выявление факторов риска во всех сферах деятельности предприятия и т. п. [1].

Упомянутая выше «культурная подсистема» предприятия является одной из важнейших составляющих системной структуры предприятия и формирует, закрепляет и корректирует внутрифирменную организационную культуру. Согласно системно-интеграционной теории предприятия культурная подсистема охватывает культурную деятельность внутри предприятия. Эта подсистема наиболее тесно взаимодействует с ментальной и институциональными подсистемами предприятия — условно говоря, занимает как бы промежуточное положение между ними [5, с. 173–175]. Культурная подсистема предприятия является в определенной мере продуктом тех культурных и цивилизационных традиций и институтов, которые исторически присущи данной экономической системе. Задача данной работы состояла в том, чтобы исследовать особенности взаимовлияния культур и диффузии элементов культурных традиций в инородную предпринимательскую культуру, а в более узком, прагматическом плане — на примере изменения отношения к феномену экономического риска выяснить, в какой мере внутрифирменная культурная среда влияет на качество управления предприятием.

В процессе своего функционирования предприятие достигает определенного уровня развития внутрифирменной культуры, для которого характерно использование совокупности специфических для предприятия регуляризованных процедур ранжирования и оценки важности информации, циркулирующей внутри предприятия или поступающей извне. Кроме того, в результате хозяйственной деятельности и рабочих контактов с представителями иных культурных традиций на предприятии формируется своя внутрифирменная организационная культура, выражающаяся в наличии в коллективе согласованных оценок важности и ценности различных явлений, затрагивающих предприятие, в способах интерпретации информации, а также в таких особенностях взаимодействия и координации работы внутрифирменных субъектов, как навыки совместной деятельности, готовность к компромиссу и т. п.

Укоренившаяся на одном предприятии культура рационального отношения к объективному феномену экономического риска в управлении постепенно может стать достоянием многих как один из «культурных продуктов» деятельности предприятия,

например, в результате распространения информации через отраслевые и региональные союзы, сетевые средства коммуникации, вследствие миграции работников, неформальных контактов клиентов и т. п. [6].

Реализация на предприятии функции управления риском как самостоятельной управленческой подсистемы означает, что на предприятии вводятся специальные регламенты управления риском, обучается персонал или привлекаются внешние консультанты, назначаются лица, ответственные за управление уровнем риска, и т. п.; разрабатывается и апробируется комплекс специальных процедур мониторинга и выявления факторов риска, анализа их релевантности, оценки значимости и потенциального размера ущерба и, наконец, в соответствии с принятой моделью управления риском, разрабатываются антирисковые управляющие воздействия. Очевидно, что все это в совокупности складывается в новую, пусть и заимствованную внутрифирменную культуру, отличительными положительными чертами которой являются переход к принятию обоснованных качественным анализом и количественными расчетами решений, в условиях неопределенности и в ситуации экономического риска.

Культура сознательного, рационального и ответственного отношения к феномену риска, то есть признание возможности влиять на его характеристики, играет роль катализатора экономической активности, настраивая субъекты хозяйственной деятельности на получение значимых результатов нетрадиционными — порой сознательно рискованными — способами, на преодоление консерватизма, косности, психологических барьеров, препятствующих перспективным нововведениям и т. п. Таким образом, распространение такой относительно новой для отечественного бизнеса культурной традиции, как рациональное отношение к феномену риска при управлении хозяйственной деятельностью предприятия свидетельствует о включении предприятия в цивилизационный дискурс, способствует формированию и развитию его способности к абсорбции позитивных внешних организационных инноваций и культурных традиций в ходе постоянного диалога культур современного глобализирующегося мира.

Литература

1. Бартон Т. Л. Риск-менеджмент. Практика ведущих компаний : пер. с англ. / Т. Л. Бартон [и др.]. — М. : Издательский дом «Вильямс», 2008.
2. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика как российская традиция / О. С. Бессонова // *Общественные науки и современность*. — 1994. — № 4.
3. Бычкова А. Ю. Отношение отечественного предпринимателя к хозяйственному риску : результаты эмпирического исследования 2005–2010 гг. / А. Ю. Бычкова, Р. М. Качалов // *Системное моделирование социально-экономических процессов* : тр. 33-й междунар. науч. школы-семинара. — Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010.
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики : институциональный анализ / С. Г. Кирдина. — М. : Наука, 2004.
5. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия / Г. Б. Клейнер. — М. : Дело АНХ, 2008.
6. Российская корпорация: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития / под ред. Т. Г. Долгопятовой [и др.]. — М. : Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2007.

Г. Г. Коломиец¹

О РОЛИ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Искусство восходит только к искусству.

Д. С. Лихачев

Как известно, в середине прошлого века была выдвинута мысль о противостоянии двух культур: науки и искусства, когда в соотношении логики и интуиции явным приоритетом выступала логика. Шел спор «физиков и лириков». Однако сегодня ситуация в сфере философского и научного мышления изменилась: ученые говорят о «новом» диалоге этих двух культур, при котором интуиция, влекущая воображение и являющаяся составным элементом творческого процесса, необходима при создании фундаментальных научных теорий, пожалуй, не меньше, чем в искусстве. При этом то, что дает человеческой истории искусство, воспитывающее образно-логическое мышление и призванное будить мысль, вызывать чуткое отношение к миру, все еще недостаточно оценивается.

Название статьи указывает на самодостаточность искусства, искусство есть и в культуре и вместе с тем, образно говоря, летит «вперед» научно-культурных процессов. Оно способно быть «мессией» в диалоге культур самых разных форм. Так, можно говорить о диалоге музыкальной культуры и, к примеру, физико-математической и т. д. Искусство выступает как способ ценностного взаимодействия в диалоге разных эпох, наций и народов. Приведу такой пример. На XXII Всемирном философском конгрессе «Переосмысливая философию сегодня», который проходил в Сеуле (Южная Корея) в 2008 году, в обращении к участникам конгресса было сказано: современная ситуация отличается тем, что сейчас Запад встречается с Востоком, а все люди планеты действительно становятся гражданами единого мира. Мы живем в эпоху, когда человечество сближается, смешивается и сливается в одно целое, переживая при этом драматические коллизии. Поэтому следует выработать стратегию того, как способствовать созданию нового мира, ответить на вызовы, угрожающие существованию всей мировой цивилизации, мировому сообществу. Глобализация в XXI веке, в отличие от постановки глобальных проблем в XX веке, вынуждена будет решать духовную проблематику. Вместе с тем на Востоке, к которому сегодня обращено в мире пристальное внимание, философская мысль и сегодня отличается этичностью и обращением к эстетике, она оказывает на общество сильное влияние: воздействуя словом, закаляет дух, укрепляет человеческое достоинство. Завершая философский конгресс, все философское сообщество торжественно запело «гимн» из финала Девятой симфонии Бетховена, смысл которого в переводе М. Л. Лозинского звучит так: «Обнимитесь, миллионы, / в поще-

леу слейся, Свет, / братья, над шатром планет / есть Отец, к сынам склоненный!»

Искусство существует как один из способов не только чувственного выражения духовного опыта человека, но и интуитивного постижения мира, схватывания его сущностных оснований. Искусство — это то, чем питаются духовно и культивируют человека и общество. Искусство — необходимость.

«Искусство восходит только к искусству, — пишет Д. С. Лихачев в «Очерках по философии художественного творчества». — Нет такого этапа в развитии человечества, когда можно было бы сказать: вот появилось искусство! Искусство существовало до человека: оно есть в природе. Искусство свойственно животным и растениям: чувство красоты — до осознания этого чувства. Поэтому искусство — это простая данность, как и все то, что существует в мире. Данность нельзя определить, назначить ей функцию, спрашивать ее — зачем и кому она нужна». И все же мы спрашиваем: зачем человеку нужно искусство? Можно сказать словами М. С. Кагана, что искусство есть способ художественного духовно-практического освоения действительности, близкого мифологии. Можно сказать и так: искусство есть способ быть в мире, способ существования человека и общества, являясь выразительной формой человеческого бытия.

Как известно, культура представляет собой исторически выработанные способы взаимодействия людей друг с другом и окружающей средой, комплекс традиций, сеть специальных институтов, учреждений, сложившиеся формы социальной жизни. Культура предполагает исторические этапы развития духовно-практической деятельности человека. Культура устремлена на результат, который создается во благо человеку. Культуру составляет совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Культура, распластавшись в пространстве и протекая во времени, не покрывает целиком искусство, которое имеет свою автономную субстанциональность, если в качестве понятия искусства выступает не искусность, мастерство по правилам в любом виде деятельности, а ориентация на творчество, новизну, моделирование миров, прежде всего, в художественном пространстве. При этом, по словам Ф. Шиллера, искусство является тем, что само устанавливает свои правила.

Искусство по традиции связывалось с миром «прекрасного», «совершенного», с творчеством «по законам красоты», доставляющим удовольствие. Сущность искусства эстетическая, хотя оно может функционировать в разных целях человеческого бытия — мировоззренческой, религиозной, этической, познавательной, гедонистической, воспита-

¹ Профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук.

тельной, преобразующей, гармонизирующей, коммуникативной. Эстетическая функция является фундаментальной в искусстве, поскольку искусство есть вид творческой деятельности, в котором эстетическое доминирует. Эстетическая основополагающая искусства способна формировать ценностные ориентации личности, ценностное отношение человека к миру. При этом не следует ожидать от влияния искусством однозначного, положительного решения моральных проблем. Как отмечал А. Ф. Лосев, эстетическая норма достигается независимо от того, в каком фактическом содержании с точки зрения морали дано «эстетическое». Это значит, что эстетическая оценка не так непосредственно связана с жизненной позицией, она, по Лосеву, есть игра чистого смысла самого по себе. Эстетическое переживание — это умное, схваченное интуицией переживание или удовольствие от игры рассудка и воображения. Поэтому искусство, по словам И. Канта, если и не делает людей лучше, нравственнее, то делает их культурнее, а став культурнее, человек способен осознанно управлять собой и продвигаться в поисках смысла жизни.

Искусство, являясь самодостаточным, служит своеобразной формой взаимодействия человека с миром. С одной стороны, искусство призвано помогать процессу адаптации человека в окружающем мире, с другой стороны, оно стремится заглянуть дальше, вглубь, раздвинуть горизонты видения, помогает рассмотреть любое явление в возможности, оно желает разрушить автоматизм восприятия жизни, затвердевшие нормы той же адаптации. Искусство дает человеку ощущение безбрежности мира и понимание своих безграничных возможностей. В этом смысле оно выходит за пределы культивируемых норм, оно обладает характерной чертой свободы. «По своей природе художник смотрит вперед, в даль времени, в будущее. Он работает для будущего, — пишет в своем дневнике Г. В. Свиридов. — Мне все как-то кажется, что музыка должна идти впереди самого композитора». По словам Ю. Б. Борева, в искусстве всегда жило «Кассандровское» начало — способность предсказывать, предвосхищать будущее на основе интуиции.

Искусство мы рассматриваем нередко как центральную составляющую культуры. Вместе с тем современная эстетика указывает на особое положение искусства в системе культуры, его разноликость: искусство как часть культуры, являясь ее микрокосмом, исторически следует культурной эволюции, и в то же время оно выступает связующим звеном в диалоге культур, эпох. Искусство — это деятельность, имеющая цель в самой себе. Оно не только принимает участие в адаптации сложившихся культурных норм, оно их взрывает, продуцируя новые идеи, создает прорыв в будущее. Погружение в таинство бытия и есть свойство великого искусства. Г. В. Свиридов считал, что за последние годы в искусстве очень много придумано нового, но в искусстве главное как раз то, чего вообще нельзя придумать, это главное является как откровение, и душа

таланта должна быть открыта ему. Здесь дело в силе художника, которого он называет искателем истины. Художник, по словам Д. Д. Шостаковича, если он по-настоящему чуток и зорек, не может не отозваться на сильные жизненные импульсы; он все слышит, все вбирает в глубины своего сознания и своей памяти и в созданных им произведениях возвращает жизни ее образы, ее краски, ее дыхание, возвращает преображенными, заново осмысленными — такова великая сила искусства: рождаясь из жизни, снова уходит в жизнь, активно воздействовать на ход ее глубинных процессов.

Гений способен предвосхищать новации. Новая уникальная художественная реальность рождается не только на базе культуры, исторического развития социума, а и благодаря интуиции, озарению — особому эмоциональному состоянию, тождественному новой духовности, следствием которой являются новые формы, средства художественной выразительности — в этом заключается созидательный момент в искусстве как деятельности самой в себе. Гениальное искусство, созидая новое, разрушает привычное, стереотипы, нормы, оно — разрушитель культурных норм, создающий «взрыв», прорыв в неизведанное. Предваряя культурные нормы, искусство несет собственные духовные смыслы, новые ценности, через фантазию и художественную идею может превосходить то, что «накультивировано» обществом. Искусство есть творчество, акт творения в ответ на призыв Творца.

В искусство новые технологии могут вводиться не всегда путем «искры Божьей», вдохновения, но могут быть чисто умозрительным экспериментом, полезным самим по себе как готовящим почву для подлинного художника. Новации в искусстве вторгаются в традиции культуры, изменяя что-то в ней, внося положительный или отрицательный заряд. Однако здесь вступает в права мораль, нравственно-эстетическое начало, причем эстетическая ценность достижений искусства может не совпадать с этической. В искусстве в акте разрушения устоявшихся художественных и культурных норм есть стимулирующий созидательный момент. Искусство существует в живом процессе, оно многоцветное и пестрое по жанрам, в котором есть все. Становится все сложнее понять современные процессы взаимодействия искусств в диалоге культур. Однако это не вызывает пессимистического настроения, а наоборот, указывает на поиск, становление нового языка искусства будущего, как это было не раз в истории искусств в историко-культурном процессе. Очевидно, и в будущем искусство будет непредсказуемым, как оно крайне разное и непредвиденное сегодня. А тенденция к синтезу искусств, взаимопроникновению разностилевых качеств символично знаменует собой мировые глобализирующие процессы.

Среди множества ролей искусства, функционирующих в культуре, в качестве сверхфункции нередко называют преобразующую, гармонизирующую, коммуникативную. Мы же в качестве ведущей функции искусства назовем эстетическую, а сверхфунк-

цией ту, которая позволяет человеку продвигаться в культуре вверх и вперед вопреки нормам, рассудочному мышлению, дискурсу. Как утверждает ученый в области физико-математических наук Е. Л. Фейнберг, искусство успешно выполняет свою сверхзадачу, которая состоит прежде всего в том, чтобы возвысить движения души над движениями рассудка. Поиск новизны выражения в искусстве XX века и глобалистские процессы нынешнего времени как раз и

говорят о привлекательности алогизма в искусстве. Смысл искусства как самодостаточной сущности заключается, с одной стороны, в выполнении творческой, адаптивно-созидательной функции и, с другой — в разрушении стереотипов восприятия жизни, не давая ей заостряться, превратиться в неподвижный Ум, в чистую Рациональность. В этом значении искусство выступает впереди науки, сталкером, двигателем культуры, ее глубинных процессов.

В. А. Конев¹

ГЛОБУС СОЦИАЛЬНОСТИ И ЛОКУС СОВМЕСТНОСТИ

Мандельштам когда-то написал стихотворение:

В спокойных пригородах снег
Стребают дворники лопатами,
Я с мужиками боролатыми
Иду, прохожий человек.

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалые,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.

Прохожий человек и все его окружение: дворники, боролатые мужики, женщины в платках, люди в домах и трактирах у самоваров — это мир локальной совместности. Это мир конкретного социального и культурного мира, это не глобальность социального, а локальность совместности, локальность сообщества.

Сообщество обладает особым бытийным статусом, отличающим его от бытия социального. Сообщество локально, а социальное — глобально, сообщество укоренено в культуре, а социальное — в цивилизации. Но, несмотря на различие, эти две формы организации общественного человеческого бытия необходимо связаны друг с другом. Именно их связь дает жизнь социальности и истории.

Социальное, или социетальное, то, что Теннис называл *Gesellschaft*, бытийствует как отношения между людьми, опосредованные вещами и институтами. Это отношения принудительные, они существуют как внешние силы для вступающих в них индивидов, и эта их отчужденность от индивидов представлена как вещная среда, как учреждения, общественный порядок и тому подобное, короче, как некие объективные и формальные требования. Именно на базе подобных отношений складывается

ся тот современный мир, который получает глобальное распространение. Глобализация охватывает социетальные и цивилизационные формы организации жизни людей, оставляя незатронутыми совместность жизни в форме сообщества, того, что Теннис обозначал как *Gemeinschaft*. А между тем именно в сообществе, в среде *Gemeinschaft* проходит конкретная жизнь людей.

Любой социальный институт, любое учреждение, любая группа — это предъявленное требование. И как бы ни складывались социетальные образования — на базе ли экономических факторов или на основе идейных установок, по трафаретам или привычкам, какими бы они ни были по содержанию, назначению и функциям, но для того чтобы они стали реальным фактом, нужна энергия человеческого действия. Социетальные формирования и общество, толкуемое как социальный организм или как функционирующая система, это тела, склеенные, слепленные, соединенные «мертвой водой» социологического интеллекта, представленного идеологией, как в русских народных сказках соединяют разрубленное на части тело богатыря, побрызгав его мертвой водой. Но чтобы богатырь ожил, его еще надо окропить живой водой. Так и социальные структуры требуют для своего реального действия «живой воды» — живой крови и действующего тела человека. Может быть, эта потребность в животворящей крови, питающей холодные, бесчувственные социетальные тела, и символизировали человеческие жертвы в древних обществах, а потом «плоть и кровь» Христова Тайной вечери, или подпись кровью под клятвами на верность, а также реальная кровь миллионов, пролитая в войнах за торжество какого-то социального монстра.

Так и современная миросистема, соединяющая воедино страны, континенты и людей посредством глобальных транспортных связей, Всемирной паутины, всемирного рынка, где перемещаются товары, капиталы, информация, рабочая сила, представляет огромное тело нового Левиафана, которое требует для своего функционирования живой энергии, воли и мысли реально действующего конкретного человека. И эта «живая вода», приводящая в действие жернова социального, достается глобальному социальному Молоху — либо принудительно,

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурантропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть», «Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза», «Знак: игра и сущность», «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания» и др.

когда одни индивиды принуждают других к нужным действиям, дисциплинируя поведение через непосредственное или виртуальное приложение силы *ad homini*, непосредственно к человеческому телу, либо через внушенные установки, социальные ожидания и представления, вырастающие в так называемой повседневности, что также принуждает человека к действию. И в том, и в другом случае появляется реальное поступание, оживляющее социальное отношение и порождающее запрограммированный в нем результат. «Живая вода» для оживления социального как возможности глобального — это реальный социетально вынужденный поступок индивида, отдающего свою жизненную силу социальным институтам. Но социальные формы действия, утверждаемые в процессе глобализации, восходят, как правило, к культуре западноевропейской и североамериканской, а вынуждаемое этой культурой поведение может приходиться в конфликт с укорененностью индивида в ином сообществе, с иными традициями и ценностями культуры, что и становится потенциальным основанием антиглобалистских настроений и движений.

Нужно такое оживление возникающих глобальных социетальных структур, которое бы опиралось на силу той совместности и на то сообщество, которое жизненно значимо для действующих индивидов. В этом случае должны гармонизироваться культура локального сообщества и культурные истоки утверждающихся глобальных форм социальности. Здесь-то и становится жизненно необходимым для развития социальности диалог культур.

Но такой диалог осуществляют не культуры как таковые, а реальные их представители, конституирующие особые социальные группы — группы презентации.

Классы, страты, нации, потребители, горожане, профессиональные группы, чиновники, партии, коллекционеры, болельщики и тому подобные — это все социальные группы, которые заполняют арену, представляющую пространство общественной жизни. Здесь действуют номинальные силы. Мы не видим класс буржуазии, пролетариат или средний класс. Мы их знаем, так как называем, именуем эти классы особыми терминами. А когда возникает необходимость верифицировать подобные термины, мы обращаемся к реальным, а не номинальным группам — аристократию представит салон мадам Шерер, пролетариев увидим на каком-нибудь заводе или первомайской демонстрации, болельщиков на стадионе во время матча и т. д. Любая номинальная группа являет себя через группу презентации, которая в конкретном месте и в конкретное время объединяет совершенно конкретное количество людей, совершающих наблюдаемые определенные действия, ожидаемые от номинальной группы.

Отличие группы презентации как сообщества от социетального единства номинальных групп заключается в ее герменевтическом единстве. В группе презентации осуществляется реальный обмен сообщениями, которые так или иначе представляют

интересы входящих в группу индивидов. А интерес предьявляется индивиду как реально испытываемая им зависимость от других индивидов или конкретной ситуации. Обмен сообщениями между индивидами, имеющими сходные ситуации зависимости, создает герменевтическое поле, конституирующее реальное сообщество, а оно в свою очередь наполняет жизненной (бытийной) силой номинальную социальную группу. Группа презентации как реальное соединение людей в определенном месте и пространстве способна к воспроизведению себя во времени на основе «живой» памяти и повседневных предоставлений. Интеграция индивида в группу презентации становится символическим актом идентификации с номинально социальной группой.

В условиях экономической и социальной интеграции национальных экономик и сфер общественной и политической жизни различных стран формирование таких социальных групп, которые могли бы представлять своими реальными действиями процесс включения данного общества и его структур в мировую систему, является основанием гармонизации требований универсальных цивилизационных процессов и локальных культур. Примером этого может служить сочетание вестернизации и национальных культурных традиций и ценностей в Японии и Китае. Свидетелями этого выступают группы, сформировавшиеся в сферах утверждения значимых для современной миросистемы деятельности (наука, информация, инновации). О животворящей, социально продуктивной силе свидетельства писал Поль Рикер: «Свидетель, заслуживающий доверия, — тот, кто по прошествии времени может повторить свое свидетельство. Это постоянство роднит свидетельство с обещанием, а точнее — с обещанием, предваряющим любое обещание: с обещанием его сдержать, сдержать слово. Таким образом, свидетельство примыкает к обещанию среди тех актов дискурса, которые определяют идентичность (*ipseite*) в ее отличии от простой самоидентичности...» [1, с. 229].

Но подлинная сила социального не в его социетальных реализациях, а в его совпадении с сообществом. «Чистое» сообщество, представляющее реальную совместность людей, отличается от сообщества группы презентации тем, что оно возникает на своем собственном основании, а не на каких-либо социетальных зависимостях. Эта та действительность человеческого мира, которую Теннис обозначал как *Gemeinschaft* и которую в русской традиции обозначали как *соборность*. Именно о таком состоянии мира говорит стихотворение Мандельштама — все в единстве, в собранности, в гармонии, которая не вытекает не из каких социетальных связей, а существует конкретно, как некий общий космос людей и вещей здесь и сейчас. Воспринимаемый и переживаемый «прохожим человеком» Мандельштама общий со всеми космос, с дворниками, сгребающими снег, с мужиками бородатыми, с женщинами в платках, твякающими дворняжками и всем, что есть сейчас вокруг, несет в себе особый опыт — опыт со-

местности. Он самоценен, он не отсылает к каким-нибудь социетальным феноменам, а открывает индивиду его общественную природу, его неотзывную принадлежность миру и принадлежность этого мира ему самому.

Опыт сообщества открывает индивиду сферу бытия-вместе. Ж.-Л. Нанси в предисловии к русскому изданию своей книги «Непроизводимое общество» указывает на следующие онтологические принципы бытия-совместно: «1) не существует общей субстанции (крови, земли или мистического тела); 2) существует со-бытие, конститутивное для всякого бытия-отдельно, и мысль об изолированном *ego* лишена смысла; 3) коммуникация в бытии-вместе — это не информационный процесс и не процесс слияния, а парадокс прерывания в самих отношениях или отсутствии коммуникации в самой коммуникации» [2, с. 17]. Нет для сообщества общей субстанции — нет опоры в социетальном. Со-бытие конститутивно для всякого бытия-отдельно — каждое бытие-отдельно утверждает общий смысл. И особенно важно то, что коммуникация в сообществе не является информационным процессом, как это происходит в сообществах, презентующих номинальные группы, каждый в бытии-вместе понимает и принимает само совместное как данное, ибо, как отмечал Рикер, всякая герменевтика — это понимание самого себя через понимание другого. Чистое сообщество герменевтично не потому, что в нем происходит обмен сообщениями, выражающими некие смыслы, а потому, что оно порождает смыслы, организует событие смысла, которое и конституирует совместность. Именно в этом и скрыта его созидательная, оживляющая социальность сила.

Если речь идет о цивилизации, становящейся глобальной и охватывающей все человечество, а человечество состоит из народов, стран и культур, то совершенно ясно, что человечество не может лишиться этого разнообразия в процессе глобальной цивилизационной унификации многих сфер жизни и деятельности. Сохранение разнообразия человечества в условиях глобализации является такой же жизненной задачей, как сохранение разнообразия живой природы в условиях технического напора на естественный мир. Сохранение живой природы — дело утверждения экологического мышления, признающего ценность всего живого и вписывающего человека в экосистему планеты. А сохранение разнообразия человечества — дело утверждения нового культурного самосознания, признающего ценность всех культур и вписывающего человека определенной культуры в поле культурного взаимодействия.

Вероятно, можно выделить два типа свершающего опыта совместности, который реализуется в сообществе.

Первый предстает в форме сообщества как экзистенциального единения. Он формируется на базе культурного единства. Пример тому — ситуация, описанная Л. Толстым, когда Наташа Ростова танцует барыню у дядюшки в деревне: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, ко-

торым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитровесело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то делает, прошел, и они уже любовались ею. Она сделала то самое и так точно, так вполне точно это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей необходимый для ее дела платок, сквозь смех проследилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чужую ей, в шелку и в бархате воспитанную графиню, которая умела понять все то, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке».

Экзистенциальное единение возникает как общение без слов, как состояние длящегося понимания. Хотя экзистенциальные сообщества ситуативны, временны, часто просто мимолетны, являются отдельными вкраплениями в повседневность, но именно эти гомеопатические дозы общности прививают человеку опыт социальности, без которого не может существовать ничто в социуме, в социальном пространстве.

Второй тип «чистого» сообщества — сообщество под знаком символа, или сообщество символа. В этом случае пространство сообщества становится местом рождения нового опыта социального, а члены сообщества — центрами кристаллизации общественно значимых феноменов. Основой сообщества может выступить конкретный индивид или группа индивидов, выдвигающих какую-то идею, вокруг которой спланиваются его сторонники. Так зародилось христианство, коммунистическое движение, новые направления в искусстве и т. п.

Следует отметить одну онтологическую антиномию сообщества. Герменевтическое по своей природе сообщество строится на личностных отношениях, ибо свободное усилие, рождающее сообщество, может быть проявлением личности, а не функционера. А личность — неделимое бытие-в-отдельности, по своей онтологической природе она самодостаточная монада. Как могут монады, самодостаточные единичности, составлять сообщество? Как могут неделимые атомы разделять свое бытие с другими? Разрешая эту антиномию, Ж.-Л. Нанси вспоминает Эпикура. «Впрочем, — пишет он, — мир и не создан из простых атомов. Необходимы еще и отклонения (*clinamen*). Существуют наклонения и склонения друг в сторону друга, друг из-за друга или друг к другу. Сообщество, по крайней мере, — это отклонение “индивида”» [2, с. 27]. Нанси считает, что существование сообществ свидетельствует, что нет «атомарного абсолютизма», так как из абсолютов нельзя составлять связи. «Связь (или сообщество), когда оно существует, — утверждает он, — представляет собой нечто, что в принципе разрушает автаркию имманентности в ее закрытости или пределе» [Там

же, с. 28]. Но тогда сообщество должно разрушать личность, а тем самым разрушать и основание своего существования как источника живой силы социальности. Поэтому, не отказываясь от значимости *сlimate* для вхождения человека в сообщество, думаю, следует вспомнить еще один философский принцип, объясняющий единение абсолютов — предустановленную гармонию Лейбница. *Гармония* не сковывает, не ставит в ряд, не требует отказа от своего звучания, она возникает, когда ты слышишь других сквозь свой собственный голос. *Предустановленная* гармония добавляет к гармонии понимание, что гармония устанавливается тогда, когда именно твой голос подбирает звучащее окружение. Сообщество порождается не видом деятельности, а особым положением человека в отношении к окружению. Положением предустановленной гармонии, сознательным выбором своего окружения. «Выбор своего сознательного выбора» [См.: 3] порождает предустановленную гармонию, так как, совершив свой выбор и постоянно его подтверждая («выбирая свой выбор»), индивид тем самым утверждает космос своего бытия. Отвечает за его порядок и гармонию. Х. Арендт писала о подобной ситуации: «Спасительное средство против необозримости — а тем самым против хаотической недостоверности всего будущего — заложено в способности давать и сдерживать обещание» [4, с. 314].

Для установления гармонии различных культур в условиях глобализации, для рождения именно *предустановленной самим человеком* гармонии не-

обходимо сознательное формирование такого опыта социальности (совместности), который строится на умении услышать голос другой культуры как созвучный голосу твоей культуры. Новое культурное самосознание, необходимо укрепляющееся в условиях глобализации, видит в иной культуре не границу своей культуры, а возможность выделения в ней новых смыслов, новых интонаций. Экология культуры, о которой писал Д. С. Лихачев, как раз и предполагает способность культуры сохранять свою жизненность в условиях внедрения в нее элементов иных культур. Увидеть в жизни своей культуры моменты предустановленной гармонии культур, ибо все культуры имеют одну интенцию — развитие способности человека утверждать человеческий мир, а значит, реализовать эту гармонию. Диалог культур в этом случае становится частным случаем раскрытия этой предустановленной гармонии культур.

Литература

1. Рикер П. Память, история, забвение : пер. И. И. Блауберг [и др.] / П. Рикер. — М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
2. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / Ж.-Л. Нанси. — М., 2009.
3. Сафронов П. Философия сообщества [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://txt.runiver.org/blog/2010/03/19/community1/>
4. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни : пер. с нем. и англ. В. В. Библихина / Х. Арендт. — СПб. : Алетейя, 2000.

В. Н. Коновалов¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Целью данной работы является анализ динамики взаимодействия государства, обладающего суверенитетом и состоянием толерантности в международном сообществе. Это взаимодействие основывается на неразрывной связи толерантности и суверенитета, неотъемлемой частью которого она (толерантность) является.

К характеристике современного глобализационного процесса

Представляется, что специфика глобализации может быть понята только в связи с глубоким кризисом нации-государства, а значит, и суверенитета. Понятие «суверенитет» традиционно вводится в качестве одного из существенных при определении самого государства-нации. Суверенитет органично включает в себя территорию. Территория, государство-нация — неразрывно связанные категории, исторически сформировавшиеся в тесной связи друг с другом. Вспомним французского государствоведа Л. Дюги, который отмечал: «коллективность может быть государством только тогда, когда

она осела на территории с определенными границами. Без этого нет государства»².

Основополагающий признак суверенитета — территориальное верховенство государства, а важнейшим принципом является неотчуждаемость государственной территории.

В прошлом многие международные системы основывались на отношениях доминирования-подчинения. Современная система отличается тем, что все государства признаются равными по степени суверенитета. Безотносительно своего размера, военной мощи и экономических возможностей все государства наделяются исключительной властью использования силы в пределах признанных территориальных границ. Следовательно, государственный суверенитет можно определить как признание внутренними и внешними силами исключительного права руководства страны применять силу для решения проблем на своей территории.

Государственный суверенитет складывается из двух компонентов: внутреннего и внешнего. Внутренний компонент затрагивает отношения между государством и гражданским обществом.

¹ Заведующий кафедрой конфликтологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор.

² Дюги Л. Конституционное право. М., 1908. С. 128.

Внешний компонент касается признания некоторого государства другими членами мирового сообщества. Он основывается на взаимном уважении и признании территориальной целостности в пределах установленных границ.

Современные теоретики глобализации отмечают, что в процессе глобализации территориальность перестает быть организующим принципом социальной и культурной жизни; глобализирующиеся социальные практики соотносятся с миром как целым, а не с его локальным или национальным сектором, начинают свободно пересекать пространственные границы. В этом глобальном пространстве происходят сдвиги «в сторону трансконтинентальных или межрегиональных рамок действия, взаимодействия и осуществления власти» (Д. Хелд). В глобальном обществе интенсификация мировых отношений связывает отдельные территории таким образом, что на местное развитие влияют события, происходящие на расстоянии многих миль и наоборот (Э. Гидденс).

Известные теоретики глобализации Р. Робертсон, А. Аппадураи, М. Уотерс определяют процесс формирования глобального общества как «сжатие мира», «преодоление границ», «расщепление территориальности», проявление экстерриториальных сфер социальной жизни.

Аржун Аппадураи констатирует, что в позитивном плане глобализация означает прежде всего становление транснациональных сфер публичной жизни людей, ранее связанных территориально определенными публичными сферами соответствующих наций. Аппадураи в статье «Разъединение и различие в глобальной культурэкономике» (1990), в книге «Современность в полный рост: культурные измерения глобализации» (1996) сфокусировал внимание на примате культурного — символического и феноменологического. При этом локальное как выражение этнокультурной идентичности, религиозный фундаментализм, общинная солидарность не предшествует исторически глобальному, а производится (конструируется) из тех же культурных потоков образов, которые конституируют глобальное. Это пять культурно-символических пространств-потоков: этнопространство; технопространство; финанпространство; медиапространство и идеопространство. Современное локальное столь же детерриториализовано, как и глобальное.

«Глобальное» у Аппадураи и Уотерса, означающее что-то непространственное, нематериальное, символическое, гетерогенное и так далее, позволило создать модели, учитывающие новые тенденции в мире, связанные с ростом сепаратизма, культурного и религиозного фундаментализма и др. Новые тенденции описываются или объясняются при помощи дихотомического различия «территориальное—детерриториализованное», которое предстает как модификация дихотомии «локальное—глобальное».

В логическую структуру теории глобализации в представленной выше постмодернистской интерпретации вполне вписывается такое явление, как

исламский фундаментализм (ислаимзм). Вышеуказанные исследователи включили в понятие глобализации рост сепаратизма, культурного и религиозного фундаментализма, антиглобализационные социальные движения.

Не случайно процессы глобализации и исламизации в мусульманском мире совпали по началу.

Исламский миропроjekt в пункте организации социума принципиально противоположен западному миропорядку. Из двух подходов к организации социума — доминирование территориального или сферо-деятельностного начал — исламистский миропроjekt выбирает последнее.

Для исламизма как субъекта миропорядка предельной идентичностью (как совокупностью онтологических установок, определяющих его мировоззрение, целевые установки политической деятельности), то есть определяющей, базисной, фундаментальной для самоопределения и деятельностной активности, является создание исламского мирового порядка, всемирного халифата.

Становление интолерантного мирового порядка

Реализация такого проекта по определению предполагает универсализм. Если даже другие субъекты мирового порядка не будут ориентироваться на универсализм своей идентичности, мирное, бесконфликтное развитие не ожидаемо. Поэтому становящийся новый мировой порядок не может быть полюсным. Трудно согласиться с мнением Э. Я. Баталова о вероятной бесположности грядущего миропорядка, высказанным им в статье «Новый мировой порядок: к методологии анализа»¹.

В данном случае речь идет именно о контрарной, то есть позиционной (структурной) противоположности предельных идентичностей, в основе которых лежит принцип универсализма.

Прав С. Хантингтон, утверждающий, что «в полицивилизационном мире курс на созидание состоит в отказе от универсализма, признании разнообразия и в поиске общих ценностей»². Признание уникальности, особенности своей цивилизационной идентичности — ключ к мирному урегулированию проблем в условиях нового мирового порядка и утверждению философии толерантности.

Можно также привести множество примеров, иллюстрирующих становление «постнационального политического порядка». В контексте данной темы можно заменить последнее равноценным понятием «постсуверенного, или интолерантного мирового порядка».

Каким представляется будущее толерантности/интолерантности в свете размывания национально-государственного суверенитета? Отметим, что руководители практически всех стран, собравшиеся на Саммите тысячелетия (2000), приняли документ, в котором обозначены шесть общечеловеческих ценностей, составляющих в своей совокупности

¹ Баталов Э. Я. Новый мировой порядок: к методологии анализа // Полис. 2003. № 5. С. 33.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 527.

основу международных отношений. Это такие ценности, как свобода, равенство (людей и наций), солидарность, терпимость (толерантность), уважение к природе и разделенная ответственность¹.

В своей известной работе «О терпимости» (1997) американский теоретик Майкл Уолцер рассматривает толерантность в условиях существования множественности этнических групп и религиозных общин, или того, что называется мультикультурализмом.

«Предметом моего рассмотрения, — пишет он, — является толерантность в отношении культурных, религиозных различий и различий в образе жизни, то есть таких, при которых разнящиеся друг от друга люди не являются партнерами в каком-либо деле или начинании, и существование между ними различий не является неотъемлемой частью какой-либо игры или иной объединяющей их и культивируемой ими необходимостью»².

В международном сообществе, отмечает автор, самом толерантном из всех сообществ, объектом толерантности являются отдельные государства, обладающие суверенитетом. Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета. Все те, кто на-

ходится по *ту* сторону границы, не смогут вмешаться в происходящее на *этой* стороне, и суверенитет слугит гарантией этому.

Уолцер замечает далее, что суверенитет, особенно в современных условиях, имеет свои пределы, четко обозначенные в правовой доктрине гуманитарного вмешательства. Когда государство не способно контролировать гуманитарный конституционный порядок, и внутригосударственный конфликт угрожает международному миру и безопасности, международное сообщество вмешивается во внутренние дела государства и ограничивает государственный суверенитет.

Следовательно, если суверенитет в условиях глобализации ослабевает, то возрастает опасность усиления интолерантности. Повышенная интолерантность в качестве последствия вызывает применение практики гуманитарного вмешательства.

Признание уникальности, особенности своей цивилизационной идентичности — ключ к мирному урегулированию проблем в условиях нового мирового порядка и утверждению философии толерантности.

А. В. Костина³

О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Проблема диалога в границах современной культуры является одной из наиболее актуальных. Это стало особенно очевидно в контексте политических волнений, которые в течение последних месяцев охватили североафриканский мир и показали, что диалог выступает в качестве единственной приемлемой основы современного культурного и цивилизационного равновесия. При этом принятие стратегии диалога как основы межкультурного взаимодействия ставит на повестку дня вопрос о возможностях осуществления диалоговой коммуникации между культурами.

Сегодня в исследованиях доминируют два значения диалога, где акцентируется или его информационный аспект, связанный с коммуникационным взаимодействием, или феноменологический, предполагающий обмен между персональными целостностями со всеми особенностями и происходящий в процессе понимания одного человека другим, «вживания», «вчувствования».

¹ Декларация принципов толерантности // Первое сентября. 2000. 16 сент. № 66.

² Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 24.

³ Заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий и учебных пособий: «Культурология», «Культурная политика современной России: соотношение этического и национального», «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования», «Этническая культура: специфика развития в современном мире», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса», «Массовая культура как феномен постиндустриального общества», «Проблемы массового и элитарного искусства» и др. Член редколлегии электронного журнала «Знание. Понимание. Умение». Член Коллегии Научно-образовательного культурологического общества.

Несмотря на то что в ситуации диалога между культурами данное понятие утрачивает часть своих значений, присущих ему как строго научной категории, и приобретает черты и характер философской идеи, отражающей предмет в аспекте идеала, оно в полной мере может быть использовано в границах культурологического знания. Конечно, предполагается, что речь идет о тех ситуациях взаимодействия культур, в которых осуществляется не просто обмен информацией между ними, а попытка сближения на основе взаимного понимания. Это, в частности, отражает идея «диалога культур», предложенная М. Бахтиным, видевшим в диалогическом сосуществовании залог бесконфликтного культурного развития. Свообразным теоретическим посылом к разработке этой теории для Бахтина стала концепция О. Шпенглера, отстаивавшего возможность воспринимать мировые культуры как личности. Бахтин преодолел тезис немецкого ученого о непознаваемости и «внеаходимости» одной культурой другой и смог доказать их способность вести диалог во времени и пространстве, когда смыслы одной культуры раскрываются в границах другой и включаются в культурный оборот, причем часто помимо сознательного желания. В этот же диалог, по мысли Бахтина, должны быть включены и современные культуры, обладающие весьма существенной спецификой и функциональными особенностями.

В данном контексте понятие «диалог» означает такую социокультурную коммуникацию, которая направлена на установление понимания, признание многообразия как факта культурно-исторического

развития (от субкультур до цивилизаций) и права на подобное многообразие, ориентируется на отказ от логики конфронтации и утверждение логики компромисса и сотрудничества, основана на толерантности идеологий и культур и имеет своей целью предотвращение различных социальных катаклизмов — как локальных, так и глобальных¹.

Однако диалог может происходить в строго определенных условиях. Для его осуществления необходимо отсутствие неравенства и каких-либо иерархий (положений, авторитетов). Если подобное неравенство будет присутствовать, диалог неизбежно превратится не только в монолог, но и, вероятнее всего, в планомерное и жесткое проведение определенной политики, рассчитанной на интересы доминирующего субъекта коммуникации. Для равенства коммуникации необходима особая настроенность на взаимный обмен информацией, открытость смыслам иной культуры, стремление к познанию ее значений и отсутствие боязни утратить при этом собственное содержание.

Фактически эта проблема как философская была впервые воспринята представителями герменевтики. Здесь главным стал вопрос о том, как возможно понимание или взаимодействие двух систем в случае несовпадения их основных элементов — языка, совокупности представлений, ценностных доминант, картин мира. Уже Дильтей показал, что невозможность коммуникации между двумя ее агентами предполагает поиск некоего третьего смыслового поля, в рамках которого подобное общение может быть осуществлено.

Если перевести эту проблему из теоретической в практическую плоскость, окажется, что наименее приспособленными к диалогу являются культуры традиционного типа, ориентирующиеся в большей степени на воспроизводство смысловых матриц, чем на формирование новых смысловых паттернов. Это естественным образом связано с тем, что значительная содержательная составляющая этих культур передается только в процессе устной коммуникации. Многочисленные предписания, запреты, детализированная регламентация всех составляющих культуры — все это является для представителя традиционной культуры более значимой составляющей жизни, чем поле аналогичных смыслов — для представителя культуры современной.

Отсюда — такое качество данной культуры, как этноцентризм. Этноцентризм, предполагающий определенную закрытость и «эталонность» собственной культуры, образцов поведения, обрядов, типов взаимодействия, в значительной степени ограничивает подлинно диалогические отношения, где представления другого народа могли бы восприниматься в смысловом и ценностном отношении как собственные. Таким образом, традиционные культуры стремятся к замкнутости на себя, закрытости, что определяется стремлением к самосохранению².

¹ В политической глобалистике подобная трактовка диалога соотносится с концептом «новая культура мира» (См.: Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. М., 2004. С. 171).

² См.: Костина А. В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что культура является целостным системным объектом, обладающим высоким уровнем сложности и распадающимся на множество столь же сложных подсистем. Это также задает диалоговой коммуникации определенные пределы. Они определяют особенности каждой культуры, где ни один из их элементов не может быть перенесен без соответствующей адаптации и переосмысления в границы инокультурной системы³.

Здесь становится важным вопрос относительно третьего поля коммуникации, которое смогло бы объединить различные культурные образования, не изменяя их смыслового содержания. Очевидно, что в современной ситуации подобным третьим полем может стать культура, обладающая такими параметрами, как открытость, нацеленность на коммуникацию, способность к восприятию нового. Такими качествами в полной мере обладает национальная культура. В собственных границах она организует информационный обмен между этническими культурами, в границах глобального сообщества она обеспечивает связь как с иными национальными культурами, так и с цивилизациями.

Именно это обстоятельство и учитывается в концепции государства-нации, формирующегося на основе правовых норм и гражданственности. Конечно, те принципы, которые были выработаны национальным государством, в условиях глобализации испытывают давление со стороны межгосударственных объединений — экономических, политических, информационных. Между тем необходимо иметь в виду, что на сегодняшний день в мировом сообществе не выработаны принципы государственного устройства, альтернативные государству-нации, но опирающиеся на два основополагающих понятия данной системы — личность и диалог.

Именно поэтому сегодня ученые и политики говорят о необходимости создания интегративной культуры, преодолевающей социальный хаос, о грядущей культуре диалога⁴. Способность национальной культуры к отказу от логики вражды и утверждение логики компромисса и сотрудничества, основанной на толерантности идеологий и культур, имеет своей целью предотвращение различных противостаний между народами и многообразных социальных катаклизмов — как локальных, так и глобальных, а потому соотносится с таким понятием, как «новая культура мира»⁵.

³ Этой проблеме, в частности, посвящена статья А. С. Запесоцкого «Культурные предпосылки становления гражданского общества в России». С автором можно согласиться в том, что ценности либерализма и демократии, ценности частной собственности являются атрибутом западной культурной модели. В связи с этим путь построения гражданского общества в России, как отмечает автор, специфичен и определяется конкретными историко-культурными обстоятельствами ее развития (См.: Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию Э. С. Маркаряна / под общ. ред. А. В. Бондарева, Л. М. Мосоловой. СПб., 2010. С. 130—132).

⁴ Межуев В. М. Идея культуры. М., 2006. С. 375.

⁵ Ильинский И. М. О культуре войны и культуре мира. М., 2001; Кефели И. Ф. Указ. соч. С. 171.

А. К. Круглова¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ПАТРИОТИЗМ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
КТО В ЛЕС, КТО ПО ДРОВА?**

Название доклада отражает повсеместно распространенные скептические настроения относительно возможности совмещения «в одном флаконе» столь разномастных на первый взгляд феноменов, как диалог культур, глобализация и патриотизм.

При этом считается, что глобализация по своей природе монологична, делает невозможным диалог культур и совершенно враждебна патриотизму, а патриотизм несовместим с глобализацией и диалогом культур.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так, а точнее, совсем не так. Чтобы это показать, надо разобраться в смысле исходных понятий.

Первым из них подлежит анализу понятие «диалог культур». Его осмысление — заслуга в первую очередь таких мыслителей, как М. Бубер, М. М. Бахтин, В. С. Библер².

Делая вывод из совокупности идей, высказанных основоположниками разработки проблемы диалога культур, можно дать следующее определение: «Диалог культур — это форма межкультурного взаимодействия, условием, содержанием и целью которого является поиск общего в различном, стремление к пониманию и взаимопониманию».

Уяснение смысла и содержания понятия «диалог культур» позволяет понять роль и значение обозначаемого им феномена в процессе глобализации.

Прежде всего надо отдавать себе отчет в том, что идущая сейчас глобализация — это двуликий Янус. Одно ее лицо — реальное объединение человечества, которое интенсифицирует процесс диалога культур и делает его плодотворным. В этих условиях диалог культур, в свою очередь, способствует все более тесному объединению человечества для решения общих задач. Другое лицо глобализации — корыстные интересы транснациональных корпораций, которые готовы весь мир превратить в единое конвейерное производство прибыли, где нет места разнообразию, а есть четкое разделение труда. Эта сторона глобализации является препятствием для диалога культур, поскольку насильственным образом унифицирует культуры, уничтожая одну из важнейших предпосылок диалога — разнообразие.

Противостоящее такой глобализации движение антиглобалистов — тоже двуликий Янус. Одно его лицо — отстаивание права на разнообразие, другое — противостояние объективно необходимому процессу объединения человечества, то есть отри-

цание такой существенной стороны диалога, как стремление к единству.

Противоречивый характер антиглобализма нашел отражение в мультикультурализме. В настоящее время мультикультурализм определяется трояко: во-первых, как понятие, обозначающее факт культурного многообразия той или иной страны; во-вторых, как практика социальной и политической организации обществ в условиях культурного многообразия; в-третьих, как идеология, направленная на поощрение культурного многообразия³.

Одним из первооткрывателей мультикультурализма считается Индия⁴. Уже в 1950 году в конституции страны была предпринята попытка учесть ее культурное многообразие. Индийский союз признает языковое многообразие населения: хинди является официальным языком федерального государства наряду с английским и полтора десятками других языков, которые имеют официальный статус в штатах, где на них говорит большинство населения. Индийский союз признает также религиозное многообразие населения: статус нерабочих дней имеют пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддистский, один джайнистский и один сикхский праздник.

Первой в мире страной, открыто провозгласившей политику мультикультурализма, является Канада (1971). При этом были созданы программы и службы, направленные на поддержку этнокультурных ассоциаций и помощь в преодолении препятствий, которые мешают полноправному участию в жизни общества этническим сообществам и их отдельным представителям. В 1987 году была принята «Канадская хартия прав и свобод», благодаря чему мультикультурализм стал конституционной нормой.

Идея мультикультурализма воплощается в той или иной форме в ФРГ, Швеции, Австралии, Малайзии и других странах⁵.

Однако мультикультурализм, поощряя разнообразие культур, оказался непродуктивным в создании такой необходимой предпосылки диалога культур, как их единство. В результате крайности в осуществлении принципа мультикультурализма давали и дают о себе знать в весьма острых формах. «Среди наиболее опасных последствий мультикультурализма отмечаются этническая фрагментация общества, сознательный отказ от малейших проявлений ассимиляции основной господствующей культурой (даже в среде вновь прибывших иммигрантов), и, как результат, — нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях»⁶.

³ Малахов В. С. Мультикультурализм // Культурология : энцикл. М. : РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 1382.

⁴ Коадик Р. Ле. Мультикультурализм. URL: http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/02_Multiculturalizm.htm. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Дерябина С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 14–18.

¹ Заведующая кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор философских наук, профессор. Автор научных публикаций, в т. ч. учебных изданий: «Основы культурологии», «Социокультурная антропоэкология», «Культура эпохи Возрождения», «Теория культуры» (3 ч.), «Культурология» и др. Член президиума Санкт-Петербургского философского общества, член Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

² См. об этом: Круглова Л. К. Диалог культур в условиях глобализации // Диалог культур и культура диалога. СПб., 2010. С. 159–167.

В связи с этим становится ясным, что концепция мультикультурализма нуждается в дополнении его другими идеями и концепциями, соединение которых позволило бы использовать позитивные и нейтрализовать негативные последствия их воплощения в действительность.

Представляется, что роль таких концептуальных дополнений могли бы сыграть, во-первых, теоретический конструкт «бинарные и полиарные модели культуры»¹ и, во-вторых, идея патриотизма.

Под бинарными и полиарными моделями развития культур в данном случае имеется в виду их двухосновность или многоосновность в этническом смысле, то есть включение в культуру одного этноса достаточно весомой доли культуры другого этноса или других этносов.

В пользу бинарной модели развития культуры в первую очередь можно привести аргументы «от личности». Как известно, чувство общности со своим этносом — одна из наиболее сильных человеческих эмоций. Связано это с обстоятельствами именно культурного происхождения: с молоком матери человек впитывает в себя родной язык, родные напевы, наблюдает манеру говорить и действовать. В результате этническая культура живет у человека не только в сознании, но и в подсознании и является одной из основ его жизнедеятельности.

Кроме того, значение этнической культуры заключается в том, что через нее человек ощущает свою общность не только с современниками, но и с предшествующими поколениями людей.

Однако именно в логике аргумента «от личности» правомерно утверждение о необходимости выхода представителей малых народов на просторы мировой культуры, что возможно только через культуру крупных этносов. Это многократно усиливает чувство укорененности личности в бытии за счет принадлежности не только к своему этносу, но и к крупному этносу, ко всему человечеству.

Бинарность и полиарность культуры — необходимое условие развития не только малых, но и крупных этносов. Есть основания полагать, что крупные этносы образовались из тех малочисленных этносов, которые оказались достаточно открытыми влиянию других этнических культур, и что бинарность и полиарность любой этнической культуры — залог ее жизнеспособности.

Однако воплощение в жизнь идеи бинарных и полиарных моделей культуры все-таки не в полной мере гарантирует нейтрализацию негативных последствий мультикультурализма, важнейшим из которых является раскол единого культурного пространства.

Роль конструктивного каркаса, препятствующего дроблению социокультурного пространства на отдельные фрагменты и способствующего диалогу культур, может сыграть, как представляется, патри-

отизм как элемент личной культуры человека, элемент культуры каждого этноса, одна из основ государственной политики.

Патриотизм (от *греч. patris* — «родина, отечество») определяется как любовь к родине, преданность своему Отечеству, своему народу. Первое, что требует уточнения в этом определении — направленность патриотизма. Любить можно малую родину, историческую родину, большую родину, то есть страну, гражданином которой является тот или иной человек. Конечно, и то, и другое, и третье — патриотизм. Однако надо отдавать себе отчет в том, что патриотизм — прежде всего гражданское чувство, любовь и преданность стране, гражданином которой является человек.

Другое уточнение понятия «патриотизм» связано с определением самого субстрата, то есть «вещественного состава» того феномена, который обозначается этим понятием. Один из компонентов, как уже говорилось выше, — чувство любви к родине, Отечеству. Но вряд ли этим можно ограничиться. Человек — существо деятельное, и потому все его эмоциональные и интеллектуальные свойства приобретают культурный смысл в той мере, в какой они воплощаются в его деятельности. В соответствии с этим патриотом можно считать того человека, который не только испытывает чувство любви к своей родине, но своей деятельностью способствует ее процветанию.

Так понимаемый патриотизм, встроженный в структуру бинарных и полиарных моделей культуры, способствует плодотворному диалогу между народами любой многонациональной и многоконфессиональной страны.

Кроме того, истинный патриотизм не только не разъединяет, но и, наоборот, объединяет народы разных стран, что и является главной целью диалога культур. Этому соответствуют обе стороны патриотизма: патриотизм как чувство и патриотизм как деятельность. Патриотизм как чувство помогает человеку, любящему свою родину, отдающему отчет в силе и глубине своего чувства, понять другого человека, испытывающего такие же чувства по отношению к своей стране. Патриотизм как деятельность, направленная на благо страны, способствует увеличению того вклада, который вносит та или иная страна в мировую культуру, в развитие всего человечества, и тем самым содействует его объединению.

Таким образом, диалог культур, осуществляемый на базе бинарных и полиарных моделей культуры, необходимым элементом которых является патриотизм как чувство любви к родине и как деятельность, направленная на ее процветание, поддерживает позитивные и противостоит негативным тенденциям процесса глобализации, то есть является необходимым условием «глобализации с человеческим лицом». Отсюда следует, что столь противоречивые на первый взгляд феномены, как диалог культур, глобализация и патриотизм, при адекватном их понимании могут и должны быть в одном смысловом поле, могут и должны служить главными ориентирами на пути развития складывающейся в настоящее время глобальной культуры.

¹ См. об этом: *Круглова Л. К., Султанов К. В.* Бинарная модель культуры и дети Севера // *Дети Севера* : тез. докл. IV междунар. конф. «Ребенок в современном мире». СПб., 1997. С. 21–25; *Круглова Л. К.* Теория культуры. 2-е изд. СПб., 2009. Ч. 2. Структура и функции культуры. С. 215–218.

С. А. Лебедев¹

ДИАЛОГ НАУЧНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Глобализация как универсальная закономерность в развитии современной цивилизации состоит не только в усилении интеграционных связей между различными странами и регионами мира, а также между основными формами их жизнедеятельности (экономика, культура, политика, право, наука, идеология, здравоохранение, образование, СМИ и др.). Не менее важным фактором и необходимым условием успешного осуществления процесса глобализации является также стирание сложившихся когда-то резких границ и разграничений внутри каждой из указанных сфер общественного бытия, явившихся результатом прежней системы разделения труда в обществе. Главный смысл устранения прежних жестких структур — создание новых адаптационных возможностей для любого сегмента социальной системы и дополнительного ресурса их развития. В своем докладе я хотел бы остановиться на краткой характеристике основных линий интеграционных процессов, имеющих место в последние десятилетия в сфере науки и ставших предметом повышенной рефлексии в современной философии науки.

2. Условно можно выделить две основные линии диалога и интеграционного взаимодействия научных культур в современном обществе: внешнюю и внутреннюю. Внешнюю линию диалога науки образует взаимодействие между научными сообществами разных стран, информирование ими друг друга о своих научных результатах и вынесение их на суд мирового научного сообщества. Важным компонентом внешней линии диалога научных культур разных стран является также обмен своими научными ресурсами (кадрами, приборной базой, опытом организации исследований и др.). Интенсивность международных связей в сфере науки за последние десятилетия настолько возросла, что можно без преувеличения сказать, что на наших глазах рождается новое и огромное по своей значимости явление — превращение совокупности национальных наук в единую мировую науку. Мировая наука и ее субъект — мировое научное сообщество — легко преодолевают национальные границы науки, которые для нее с каждым десятилетием имеют все меньшее значение. Более того, преодоление мировой наукой этих границ становится абсолютно необходимым условием ее успешного развития и по финансовым соображениям. Экономический анализ финансовых и материальных затрат современных развитых

стран на науку свидетельствует о том, что происходит постоянное удорожание научных исследований. Это касается как роста цены каждого нового шага в науке по сравнению со стоимостью аналогичного шага в прошлом, так и общей стоимости затрат на науку в рамках ВВП каждой из развитых стран. Эта доля сегодня составляет 2–3 % ВВП и в абсолютных цифрах исчисляется ежегодно десятками и сотнями миллиардов долларов. Так, ежегодные расходы на науку в США составляют примерно 250 млрд долларов (для сравнения: современная Россия тратит на науку ежегодно только около 10 млрд долларов). Сегодня ни одна страна мира не может позволить себе развивать науку по всему фронту исследований и вынуждена выбирать для себя наиболее приоритетные направления. Это относится и к США, хотя как самая богатая страна мира они имеют наиболее внушительный список таких направлений². Выход из этой ситуации только один — интеграция и кооперация научно-технической деятельности различных стран и их финансовых возможностей. Ее основу должна составлять оптимальная и динамичная система разделения труда в мировой науке как единой и целостной системе.

3. Такая интеграция чрезвычайно выгодна не только для развития мировой науки в целом, но и для национальной науки каждой отдельной страны благодаря возможному доступу к общему информационному банку научных и технологических достижений человечества, интенсификации межстрановой мобильности научных кадров, обеспечению примерно равной оплаты научных сотрудников за аналогичную работу в разных странах и т. д. Современное человечество в принципе располагает соответствующими информационными и образовательными ресурсами для реализации проекта единой мировой науки. Однако имеется целый ряд факторов, мешающих его осуществлению в необходимом и полном объеме. Такими факторами являются, в частности, существующие противоречия между геополитическими, экономическими и военными интересами разных стран. Очевидно, что эти противоречия вряд ли исчезнут в ближайшие десятилетия, ибо они коренятся в существующем типе цивилизационного устройства современного человечества, основанного на таких приоритетах общественного развития, как материальное богатство, сила, власть, и их постоянном наращивании путем раскручивания спирали бесконечных, все возрастающих потребностей людей³.

Тем не менее и в этих условиях четко заявляют о себе интеграция научных потенциалов различных стран и рождение такого уникального явления со-

¹ Профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, заслуженный профессор МГУ. Автор ряда монографий и учебников по теоретической философии, логике и методологии науки, социологии науки и научному менеджменту, философии науки, философской антропологии, в т. ч.: «Философия: курс лекций», «Индукция как метод научного познания», «Философия науки: краткая энциклопедия», «Структура научного знания», «Философия науки», «Философская антропология», «Многомерный человек» и др.

² Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Системы государственной поддержки научно-технической деятельности в России и США. М., 2003.

³ Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Власть, наука, общество. М., 1994.

временной культуры, как формирование единой мировой науки в качестве особой глобальной структуры. Формирование и функционирование этой структуры эмпирически постоянно отслеживается и фиксируется в виде различных баз данных, создаваемых институтами научной информации всех развитых стран мира. Наиболее мощным из них является Институт научной информации США, созданный в 1960-х годах Ю. Гарфилдом. Задачей этого института является периодическая томография научных организаций различных стран, точная фиксация как их научных успехов, достижений, так и отставания в тех или иных областях науки и определение на этой основе общего уровня и состояния науки в той или иной стране. Другой, не менее важной задачей является определение на основе анализа сетей цитирования и научных коммуникаций наиболее продуктивных и перспективных направлений развития мировой науки. Характерно, что рождение новых научных областей происходит сегодня чаще всего в процессе неформальных когнитивных коммуникаций между учеными разных стран в режиме так называемых «невидимых колледжей» (Д. Дж. Прайс). Интегральным результатом библиометрического анализа научных публикаций является составление карт и атласов науки, в которых в графической форме характеризуются состояние, география и прорывные точки современной мировой науки¹. Библиометрическая информация о науке имеет важное практическое значение, поскольку может быть использована в целях контроля за развитием науки и управления этим процессом (в частности, путем опережающего финансирования новых перспективных научных направлений и предоставления их участникам необходимой организационной и правовой поддержки). Одной из важных областей практического применения библиометрических данных может быть также сознательно организуемый процесс «утечки научных мозгов» в нужном направлении и в нужное место. В этом отношении сегодня более актуально звучит не старая максима: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», а более современный ее парафраз: «На вершине управления и власти находится тот, кто владеет информацией об информации».

Важный практический вывод, который вытекает из понимания особенностей развития современной мировой науки, состоит в том, что для успешного развития национальной науки все более оправданной становится стратегия не ее конкуренции с национальными науками других стран, а всемерная интеграция с ними и с мировой наукой в целом путем решительного усвоения и использования их основных результатов. В полной мере и особенно это относится к развитию науки и инноваций в современной России. Сегодня позиция автаркии и самодостаточности российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого огромных финансовых средств. Такая стратегия просто губительна, так как в силу своей иллюзорности может при-

вести к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука, а именно к утрате способности ассимилировать достижения мировой науки и достойно участвовать в совместных с другими странами научных проектах². Поэтому главный смысл вновь создаваемых научных центров типа «Сколково» может быть только один — создание на территории России новой площадки для сотрудничества отечественной и мировой науки.

Другой столь же важной мерой Российского государства по возрождению и развитию отечественной науки могли бы стать осуществляемые по заказу государства централизованное и массовое обучение и переподготовка молодых российских ученых в ведущих научных центрах мира. Представляется, что на эти цели у Российского государства достаточно финансовых средств, особенно если иметь в виду, что это чрезвычайно выгодное вложение капитала, которое окупится сторицей за относительно короткое время. Высокую степень эффективности этой меры прекрасно продемонстрировал опыт становления молодой советской науки в 1920–1930-е годы и последующие успехи ее развития. Конечно, и на этом пути неизбежны определенные издержки, но в целом он незаменим для всех стран с догоняющим типом экономики. Высокая мобильность науки и научных кадров — это абсолютное требование эффективного развития науки сегодняшнего дня, но в еще большей степени — завтрашнего.

4. Наряду с внешней линией диалога научных культур различных стран в условиях глобализации имеется столь же напряженный внутренний вектор этого диалога. Каковы основные сюжеты этого вектора? Остановимся на двух из них: 1) диалог между естественно-научной и социально-гуманитарной субкультурами внутри корпуса научного знания и 2) диалог науки как особой подсистемы культуры и общества с другими подсистемами: экономикой, политикой, правом, образованием и различными формами мировоззрения. Оба названных выше сюжета четко зафиксированы и подробно проанализированы в философии науки XX века. Вопрос о существовании качественной и непреодолимой границы между естествознанием (науками о природе) и социально-гуманитарным знанием (науками о духе), как известно, был впервые поставлен неокантианцами в конце XIX — начале XX века. Мы не будем останавливаться подробно на их позиции и аргументации по данному вопросу. Отметим лишь ее суть: согласно неокантианцам, естественные и социально-гуманитарные науки — это не только существенно различные по предметам области научного исследования, но и, что более важно, радикально противоположные по установкам и методам формы научной культуры (объектно-обобщающий, номотетический тип познания в естественных науках и индивидуализирующе-описательный и принципиально-ценностный тип познания в социально-гуманитарных науках). Естест-

¹ Маршкова И. В. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М., 1988.

² Авдулов А. Н., Кулькин А. М. О стратегии развития инновационной деятельности в РФ. Контуры информационного общества. М., 2005.

венно-научное познание регулируется общезначимыми логико-методологическими процедурами. В социально-гуманитарном познании общезначимые методы отсутствуют, а основная нагрузка приходится на культурную эрудицию исследователя социально-гуманитарных явлений и событий, его интуицию, герменевтическое искусство истолкования смысла и значения изучаемых событий, реконструкцию заложенного в гуманитарных событиях и текстах их ценностного содержания, художественно-выразительный талант исследователя при изложении им своей интерпретации происходящих событий исторической и духовной жизни людей.

Относительно несостоятельности резкого противопоставления неокантианцами естественно-научной и гуманитарной субкультур было выдвинуто пять основных аргументов: 1) феномен возникновения и развития технаук как олицетворяющих собой единство естественно-научного и социально-гуманитарного познания и знания; 2) возникновение комплексных и междисциплинарных научных исследований, объединяющих ресурсы естественно-научного и социально-гуманитарного знания: экология, антропология, социобиология, математическая экономика, демография, история науки, генетика человека, социальная медицина, техника безопасности и т. д.; 3) обнаружение неустранимого слоя философских оснований у любой естественно-научной дисциплины и теории; 4) наличие культурно-антропологического и ценностного измерения у любой науки и научного знания независимо от их предметных областей; 5) реконструкция в рамках лингвистической философии, в современных эпистемологических концепциях конструктивизма и постструктурализма общих законов построения любого текста, включая научные тексты.

Эти законы утверждают: а) принципиальную роль субъекта в конструировании и структурировании любого текста и любого дискурса; б) всегда незавершенный характер их смысла и значения; в) опору всякого научного текста и дискурса на огромный пласт неявного, подразумеваемого знания, который по своему существу никогда не может быть полностью реконструирован; г) фундаментальную диалогичность любого знания, его обращенность к другому субъекту как своему возможному и равноправному интерпретатору и соавтору¹.

Все эти характеристики любого дискурса, включая естественные и математические науки, свидетельствуют о социально-гуманитарной природе любой области науки и любого научного знания. В то же время степень объективности, общезначимости, ценностной нагруженности, языковой строгости, незавершенности, поливариативности интерпретаций научных текстов существенно различна в естественно-научных, математических и социально-гуманитарных науках. Вот почему существенное различие между естественно-научным и социально-гуманитарным знанием неустранимо в принципе,

¹ Лебедев С. А. Единство естественно-научного и гуманитарного знания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2.

а потому диалог между ними о наиболее честной репрезентации природы научного познания неизбежен и в будущем.

Для современной философии науки стало очевидным то обстоятельство, что различие между естественно-научным и социально-гуманитарным типом исследования определяется отнюдь не только и не столько объектом естественных и социально-гуманитарных наук, сколько познавательными установками ученого по отношению к объекту познания. Можно создавать не только общие эмпирико-логические модели описания определенных областей природы, но и писать гуманитарные поэмы о ней, как это прекрасно делал когда-то Лукреций.

В то же время в последние десятилетия мы являемся свидетелями мощного вторжения естественно-научной методологии в социальные и гуманитарные исследования. Наиболее яркими примерами в обоих направлениях являются: 1) введение в современной космологии в качестве важнейшего объясняющего начала эволюции Вселенной «антропного принципа», явно гуманитарного компонента знания; 2) создание интуиционистской математики и логики; 3) все большее использование математических моделей в современных исторических исследованиях, языкознании, экспериментальных и математических методов в моделировании психических и культурных явлений; 4) становление на наших глазах нового социокультурного типа науки, называемого постмодернистской или постнеклассической наукой.

Очевидно, что непрерывный диалог между сторонниками сциентистского и гуманитарного понимания науки, между «физиками» и «лириками» в науке хотя и создает некоторое недопонимание, а иногда и конфронтацию между представителями естественно-научной и социально-гуманитарной субкультуры внутри науки, однако в целом, несомненно, играет положительную роль в общем развитии науки, способствуя взаимному оплодотворению естественно-научного и гуманитарного познания окружающей человека действительности².

5. Важной формой внутреннего диалога науки с культурой в условиях современной глобализации является ее взаимодействие с такими подсистемами культуры, как экономика, государство, политика, право, искусство, мораль, философия, религия и др. Насколько свободна современная наука в своем функционировании и развитии от указанных выше факторов? Подчиняется ли ее развитие только внутренним законам эволюции объективного знания («третьего мира» — К. Поппер) или эволюция науки складывается под воздействием не только внутринаучных, но и социокультурных факторов? Возможно, именно социокультурные факторы развития науки (потребности техники, технологий, необходимость экономических, социальных и культурных инноваций) являются главными детерминантами, определяющими развитие науки, как считают, например, экстерналисты (О. Шпенглер, Б. Гессен, Дж. Бернал, П. Фейерабенд, Т. Кун, Г. Гачев и др.).

² Лебедев С. А. Философия науки. М., 2011.

Как показали современные исторические и культурологические исследования динамики науки (В. С. Библер, П. П. Гайденко, В. С. Степин и др.), влияние социокультурных факторов на бытие, функционирование и развитие науки является существенным и неоспоримым. В этом смысле диалог науки с окружающей ее культурой и различными ее подсистемами столь же неустрашим, сколь и амбивалентен с точки зрения их влияния, оказываемого на развитие науки. Интерналисты очевидно не правы, когда рассматривают науку в качестве абсолютно самодостаточной подсистемы культуры, зависящей в своем содержании только от изучаемых ею объектов, накопленного ранее научного знания и используемого в ней некоторого беспристрастного и объективного научного метода. Однако очевидно не правы и представители грубого экстернализма, явно переоценивающие влияние различных факторов социокультуры на развитие науки (например, ее детерминации со стороны материальной общественной практики — марксизм).

Очевидно, что развитие науки обусловлено взаимодействием и диалогом внутринаучных и социокультурных факторов. При этом необходимо иметь в виду, что в силу различия предметных областей науки, уровня исследования (эмпирический, теоретический), этапа развития науки (нормальная наука или экстраординарная наука периода научной революции) принципиально невозможна какая-то единая интегральная формула степени «завязки» науки на общие факторы культуры. Здесь истина как никогда конкретна и может быть более или менее точно установлена только после тщательного историко-научного исследования того или иного этапа или эпизода в развитии науки¹.

Несомненно одно: диалог науки с ее социально-культурным окружением — одна из важнейших общих закономерностей ее развития. И поэтому наука и ее представители должны быть постоянно открыты диалогу на равных с представителями других, вненаучных, форм культуры.

В. Н. Липский²

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДИАЛОГА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В свое время Н. Данилевский в работе «Россия и Европа», основываясь на опыте образования Российского государства, высказал идею о том, что завоевания других земель, которые осуществляли русские, проводились «почти без участия правительства», да и завоеванные «совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но и даже не были лишены своей свободы и собственности и не были обращены победителями в крепостное состояние»³. Русской народной жизни, по мнению Н. Данилевского, свойственно отсутствие какой бы то ни было нетерпимости, которое нередко оборачивалось против самого населения России: «Можно еще указать на чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу. Тот же характер имеет и вся внешняя политика России, также нередко к ущербу России»⁴.

В методологическом плане идея многонационального единства народов, вероятнее всего, в пер-

вую очередь коррелирует с концепцией всеединства В. Соловьева: «Тело Христово как организм *совершенный* не может состоять из одних простых клеточек, а должно заключать и более сложные и крупные органы, каковые здесь естественно представляются различными народностями... и если христианство не требует *безличности*, то оно не может требовать и *безнародности*»⁵. Мыслитель на обширном историческом материале (Италия, Испания, Франция и др.) показывает, как нации в процессе своего культурного формирования «осуществляли в себе идеал всечеловечества». Например, итальянцы, достигая громадных высот в своем национальном творчестве, тем самым становились значимыми и для других народов. Чем значительнее национальные духовные достижения, тем более они и осуществляют в себе «идеал всечеловечества». Национальные по духу Достоевский и Толстой, выразившие духовные страдания и искания русских, стали всемирно признанными, точно так же, как Петрарка и Леонардо да Винчи.

Евразийство, возникшее в 1920–1930-е годы в русском зарубежье, стало продолжением духовных исканий В. Соловьева и других русских мыслителей. Несмотря на то что евразийскому проекту не дано было реализоваться, нельзя не отметить, что евразийство является свидетельством напряженных поисков русскими людьми путей в направлении воссоединения культур, мечтаний о всеединстве церкви и человечества, сохраняющем национально-индивидуальные черты. Кроме того, появление евразийства — еще одно свидетельство глубоко укорененной в чувственно-эмпирической и рационально-теоретической практике русских идей терпеливости

¹ Лебедев С. А. Философия науки.

² Заведующий кафедрой философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России (Москва), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Почетный сотрудник МВД. Полковник внутренней службы в отставке. Автор свыше 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Эстетическая культура и личность», «Высокий критерий искусства», «Европейский кодекс полицейской этики и направления его реализации в служебной деятельности», «Проблемы духовной культуры современного российского общества»; статей в научных сборниках: «Проблемы соотношения морали и права в философии», «Творчество как принцип антропогенеза», «Толерантность в культуре и процесс глобализации» и др.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 365–366.

по отношению к любой инокультуре, исповедующей нравственность и человечность.

В работе «К проблеме русского самопознания» один из основоположников евразийства Н. Трубецкой формулирует, наверное, наиболее существенный постулат, в котором разъясняются позиции евразийцев в вопросе взаимоотношений между различными народами: «Борьба с собственным эгоцентризмом возможна лишь при самопознании. Истинное самопознание укажет человечеству его настоящее место в мире, покажет ему, что оно — не центр Вселенной, не пуп земли. Но это же самопознание приведет его и к постижению природы людей (или народов) вообще, к выяснению того, что не только сам познающий себя субъект, но и ни один другой из ему подобных не есть центр или вершина. От постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания природы приходит к сознанию равенности всех людей и народов»¹.

Самопознание выполняет у Н. Трубецкого роль своеобразной методологии, которую он использует в своих размышлениях о ложном и истинном национализме, причем, с точки зрения Трубецкого, национализм в большинстве случаев является ложным. Осуждение национальной нетерпимости Н. Трубецкой начинается с такого вида национализма, свойственного лидерам малых народов, при котором они стремятся любой ценой получить государственную самостоятельность. В своем стремлении к великодержавию националисты навязывают народу не только «чуждые ему по духу формы романо-германского государства, права и хозяйственной жизни, но и романо-германской идеологии, искусства и материально-го быта»². И в более отдаленной истории, и в современной, к сожалению, примеров такого рода достаточно много. Н. Трубецкой замечает, что подобная нетерпимость (национализм), которой движет «мелкое тщеславие» разного рода руководителей, ведет в конечном счете к утрате национальной самобытности.

Еще один вид национальной нетерпимости — «воинствующий шовинизм», которому свойственно «распространять язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников»³. Это «эгоцентрическое самовозвеличивание» одного народа и его культуры над другим народом и его культурой ведет к тому, что «как только культура переносится на народ с чужим психическим укладом, весь смысл ее самобытности пропадает и сама оценка культуры меняется»⁴. Наконец, особым видом нетерпимости является отождествление национальной самобытности с созданными в прошлом культурными ценностями, формами бытия, стремление придать им абсолютно-истинный смысл даже тогда, когда они «явно перестали удовлетворительно во-

площать в себе национальную психику»⁵. Такая нетерпимость (ложный национализм) ведет к застою.

«Истинный национализм», основанный на национальном самопознании, рассматривает все явления внутренней и внешней жизни с точки зрения своей национальной культуры. Глубокое познание своей национальной культуры, в свою очередь, является препятствием к тому, чтобы «насиленно навязывать данную самобытную национальную культуру другим народам или раболепно подражать другому народу, почему-то пользующемуся престижем в определенной антропологической зоне. В своих отношениях с другими народами истинный националист лишен всякого национального тщеславия или честолюбия. Строя свое мирозерцание на самоодвлющем самопознании, он всегда будет принципиально миролюбив и терпим по отношению ко всякой чуждой самобытности»⁶.

Н. Трубецкой полагает, что единственный путь в познании и понимании инокультуры — это самопознание своей культуры, самобытной психики своего народа. Это создает возможность увидеть в другой культуре то, что сближает разные культуры и позволяет избежать искусственного национального обособления. Евразийство Н. Трубецкого в обличье «истинного национализма» оказывается в действительности не чем иным, как своеобразной формой национальной терпеливости. Н. Трубецкой сокрушается, что русской интеллигенции нередко не хватало терпеливости в отношении к другим культурам (за исключением лишь единичных «личностей»). Одни интеллигенты, стремясь быть «настоящими европейцами», презирали свою «отсталую» родину за то, что она, несмотря на все свое желание, не могла стать европейским государством, другие понимали под национализмом только стремление к великодержавности или русификацию, что в конечном счете, как полагает Н. Трубецкой, является следствием подражания западным шаблонам.

Евразийская идея многонационального единства народов на сверхнациональной основе единой культуры, в рамках которой отдельные национальные культуры не растворяются, а станут частью единого целого на базе равноправного сотрудничества — это, по существу, «абсолютный максимум», осуществление которого провозглашали своей целью евразийцы. Они полагали категорически неприемлемой дифференциацию культур на вышестоящие и нижестоящие и считали, что анализировать культуру необходимо сообразно эпохе, ее месту в развитии. Западноевропейская идея «универсального прогресса» (по существу, евроцентризм), в рамках которого высокими считаются культуры с развитым рациональным знанием, а низкими — в которых преобладает живое видение, не что иное, как проявление нетерпимости и инокультуры.

С точки зрения одного из лидеров евразийства П. Н. Савицкого, «в культурной эволюции мира мы

¹ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н. С. Следствие Чингисхана. М., 1999. С. 105.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 115.

⁶ Там же.

встречаемся с культурными средами или культурами, одни из которых достигли большего, другие — меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчлененного по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях

культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других»¹.

Таким образом, снобистское нетерпимое отношение ко всякой инокультуре самым негативным образом сказывается на всем процессе культуры и на развитии общества в целом.

Ф. Мамедов²

КУЛЬТУРА КАК ПУТЬ К СПАСЕНИЮ

- искренность;
- социальная справедливость;
- культура ответственности;
- объективная оценка человека, вне зависимости от национальности и вероисповедания;
- отказ от двойных стандартов в политической культуре;
- переход от права силы к праву культуры личности и ее знаний;
- ориентация на гармонизацию культур и солидарное сотрудничество.

Главным критерием участия в межкультурном диалоге может служить только высокая духовная культура личности. Ибо только она является истинным критерием ценности человека вне зависимости от его национальности, вероисповедания, места проживания, социального происхождения или занимаемой должности.

Для достижения позитивных результатов, как нам кажется, следует объединить усилия разных стран для решения следующих национальных и международных задач:

- организации культурологического образования и воспитания молодежи разных стран на основе гуманистической философии жизни, прогрессивных достижений мировой науки, культуры и цивилизации;
- введения базового курса «История и теория мировой культуры и цивилизации» в школы всех уровней, адаптированного к уровню социально-культурного развития различных стран;
- организации культурологического просвещения населения разных стран, предполагающего познание исторического опыта развития мировой культуры, утверждение универсальных нравственных принципов и сохранение культурного многообразия;
- организации подготовки международных экспертов-культурологов, необходимых для повышения эффективности социального управления и координации процессов культурного развития и мониторинга процессов аккультурации масс;
- повышения культуры политической, социальной, нравственной и правовой ответственности руководителей за результаты управленческой деятельности на всех уровнях.

Необходимо разрабатывать и осуществлять позитивный социальный инжиниринг, обеспечивающий ценностную идентичность различных культур и гармонизацию интересов на основе этой идентич-

История мировой культуры и цивилизации свидетельствует о том, что в условиях глобализации достижение устойчивого и безопасного развития человечества требует решения двух взаимосвязанных стратегических проблем: опережающего развития интеллектуальной, этической, правовой и управленческой культуры обществ — на национальном уровне и продуктивного межкультурного диалога, обеспечивающего взаимопонимание, предотвращение конфликтов и сотрудничество, — на уровне международном.

Спасти мир, избавить человечество от страданий, связанных с войнами и насилием, бедностью, невежеством и болезнями может *только высокая духовная культура* как совокупность знания и этики, науки и гуманизма, культуры разума и культуры чувства. Она служит истинным критерием абсолютной ценности личности. Разрушая расовые, этнонациональные, религиозные, политические и иные различия, она становится основой человеческого согласия и мира. Только через высокую духовную культуру — синтез знания и гуманистической этики, лежит путь в будущее человека, общества и всего человечества.

Ожидание позитивных результатов межкультурного диалога предполагает правильное видение его потребностей и целей, умение сформулировать правильные принципы и критерии, определить «что» и «как» нужно делать наилучшим образом для того, чтобы подняться на качественно новый уровень социально-культурного развития, отвечающий жизненным интересам народов и стран — участниц диалога, их лучшему будущему.

Думается, что культурный диалог будет тем более продуктивным, чем более он будет опираться на объективные, логически выверенные принципы и критерии. Как нам кажется, в качестве таких принципов могут быть определены:

- правильное понимание сущности и созидательных возможностей духовной культуры;
- знание истории и особенностей развития мировой и национальных культур;
- высокая этика, основанная на универсальных культурных ценностях;

¹ Антропология русской философии. СПб., 2000. С. 234.

² Профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности» и др. Главный редактор журнала «Симург» (Вопросы истории и теории мировой культуры и цивилизации).

ности. В качестве механизмов практического осуществления процесса можно было бы от имени нашего форума предложить международным организациям, заинтересованным в улучшении динамики и результативности диалога культур и цивилизаций, следующее:

— Объявление ООН и ЮНЕСКО Международного десятилетия перехода от человека типа *homo sapiens* к человеку типа *homo cultural*, нацеленного на развитие социальной базы для формирования человека нового типа, обладающего необходимым уровнем духовной культуры — знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, приверженного к универсальным международным ценностям высокой духовной культуры.

— Создание при ООН или ЮНЕСКО Международного совета мировой культуры и цивилизации в целях разработки и внедрения в мировую практику культурологической стратегии и координации процессов аккультурации и инкультурации масс, способствующей росту культурного уровня людей разных стран, а также гармонизации их культур и интересов.

— Создание Международного университета мировой культуры для подготовки экспертов-культурологов, необходимых для культурологического управления процессами устойчивого и безопасного человеческого и социального развития на национальном и международном уровне.

Разработанная нами модель Международного университета мировой культуры представляет собой комплексный образовательный, научно-

исследовательский, просветительский и экспертный центр, призванный служить интересам устойчивого развития человечества в третьем тысячелетии. Значимость создания такого международного университета обусловлена тем, что это новый метод, открывающий огромные возможности для подготовки человека высокой культуры типа *homo cultural*, сочетающего в себе национальные и общечеловеческие культурные ценности, а также для гармонизации разных культур как в рамках национальных государств, так и в рамках мировой цивилизации в целом. Он поможет выработать эффективные пути и новые технологии устойчивого развития, сохранения культурного многообразия и расширения взаимовыгодного международного сотрудничества в интересах прогресса и безопасности, конструирования лучшего будущего всего человечества.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что *и возможности, и пределы культурного диалога* обусловлены только одним — уровнем духовной культуры людей и народов, в первую очередь общей, профессиональной и этической культурой лидеров и лиц, ответственных за переговорные процессы. Только высокая духовная культура — интеллектуальная и нравственная — может спасти мир, если мир защитит культуру!

В заключение хочу сердечно поблагодарить российских ученых, которые своим самоотверженным трудом и гражданской позицией способствовали утверждению культурологии в качестве национального приоритета России и ключевой научной парадигмой XXI века.

М. А. Мануильский¹

МЕНТАЛИТЕТ. ИДЕНТИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА

Всякую культуру отличает, с одной стороны, разнообразие, с другой — целостность. Это аксиома философии культуры и культурологии. Расхождения начинаются, когда речь заходит о факторах, определяющих характер и конфигурацию культурного пространства, степень совместимости, комплементарности или, напротив, конфликтности отдельных элементов.

Важную роль в функционировании культуры играет менталитет ее носителей (субъектов). Принято считать, что рассматриваемый феномен как бы репрезентирует культуру, выражает ее квинтэссенцию через национальный характер (американцы деловиты, англичане чопорны, немцы педантичны и т. д.). Это верно лишь отчасти. Менталитет — глубинная антропологическая характеристика человека как ро-

дового существа, а применительно к нашей теме — мультикультурный фактор. Он во многом определяет трактовку базовых ценностей культуры, их бытование в повседневной жизни. Речь идет о манифестируемых нормах и ценностях, требованиях, предписаниях, одобряемых образцах поведения, составляющих так называемую базовую матрицу культуры и закрепленную в институциях, материальных памятниках, технических устройствах, канонических текстах, неписаных традициях, мифах. Возможность возникающих здесь коллизий поясню на примере.

Некоторое время назад я был в одной из стран Ближнего Востока, где посетил греческую православную церковь. Примыкающая к ней небольшая территория по традиции была ограждена и благоустроена, стояли каменные столы и скамейки. К моему удивлению на них расположились несколько арабских семей: мужчины жарили шашлык и курили кальян, женщины накрывали на стол (на нем стояли только безалкогольные напитки), дети мирно играли. Даже если отдыхающие были православными христианами, происходящее как-то не укладывалось в традиционные представления о правилах по-

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книг: «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Энциклопедические контуры человека», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Комплексное познание человека в единстве социальных и биологических качеств» и др.

ведения на территории храма (его настоятель в это время спокойно беседовал с паствой в помещении церкви и продавал предметы культа).

На первый взгляд увиденное иллюстрирует известный факт: любая культура функционирует как совокупность субкультур. Но последние могут рассматриваться в качестве таковых только при условии, что их специфика не угрожает базовым константам. А в рассмотренном случае налицо очевидное вторжение мирского, суетного на территорию сакрального, то есть имеет место нарушение фундаментального религиозно-культурного запрета. Объяснение местных жителей сводится к пресловутому «Восток (особенно Ближний) — дело тонкое», и «повышенная» терпимость — необходимое условие сосуществования, выживания культур в этом регионе. В данном случае можно говорить, что идентичность этноконфессиональной общности в значительной мере строится с помощью культурных кодов, изначально не присущих «материнской» культуре (протокультуре).

Зафиксированные в истории многочисленные факты диффузии культур, отход от фундаментальных норм и ценностей объясняются не только заложенным «по определению» в культуре потенциалом развития. Важную роль играют: 1) культурные экспансии (осуществляемые, например, с помощью миссионерской деятельности); 2) сознательные культурные заимствования (как правило, в ходе реформ); 3) естественная и трудовая миграция, эмиграция и ряд других факторов. Соприкосновение культур, нередко ведущее к конфликтам, происходит, прежде всего, на уровне *менталитета* людей.

Под менталитетом в данном случае понимается совокупность господствующих в массовом сознании (массовой психологии) представлений, чувств, настроений, фиксирующих:

- сферу локализации добра,
- сферу локализации зла,
- возможность и пути (средства) победы добра над злом,
- предполагаемое время, требующееся для победы добра над злом.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о массовых представлениях и чувствах, не всегда четко вербализируемых людьми, несмотря на то, что в различных текстах (политических, религиозных, литературных и др.) предлагаются ответы на упомянутые вопросы.

В контексте культуры и проблем идентификации кратко охарактеризуем каждую из этих составляющих.

С добром (благом) связываются, прежде всего, этноконфессиональные установки, то есть основополагающие ценности «своей» религии, представления о лучших чертах народа, его очевидных или мнимых достижениях, достоинствах национально-го характера, преимуществах культуры, обеспечивающих ее субъекту условия для полноценного успешного развития, уважение и достойный статус среди других народов. Упомянутые самохарактеристики со знаком «минус» расцениваются как «извинительные» недостатки; впрочем, в сложные, переломные эпохи они частично локализируются в сфере зла.

В эпоху модернити в странах либеральной демократии в ментальных структурах важную роль помимо этноконфессиональных начинают играть ценности индивидуализма, личной свободы, прав человека. Примечательно, что соответствующие установки в значительной мере были присущи и представителям контркультуры — движению, возникшему на Западе в 1960-годы и направленному на изменение устоев буржуазного общества. Иными словами, ментальные структуры западного общества обладают значительным потенциалом мультикультурной идентичности.

К сфере зла относят в основном факторы, которые расцениваются как препятствующие реализации идей добра, исторической миссии «своей» культуры. В радикальном варианте такими препятствиями видятся «другие» народы, культуры, конфессии, социальные группы («варвары», еретики, враги народа и т. п.). Стоит отметить, что сходные, близкие интенции могут быть присущи культурам и обществам, находящимся в антагонистическом противостоянии. Характерный пример — удивительное сходство советского и немецкого искусства 1930—1940 годов, в частности, широкое распространение получили помпезность в архитектуре и живописи, культ мощного человеческого тела и т. д.¹

Важнейший путь победы добра над злом усматривается прежде всего в социально-нравственном совершенствовании — *индивидуальном* (праведная жизнь в соответствии с религиозными заповедями) или *коллективном* (улучшение нравов, оздоровление нации). Альтернативой выступает установка на решение проблемы добра и зла, достижение справедливости за счет ресурсов других культур. Подобная установка лежит в основе всех экспансионистских проектов, борьбы с чужаками, инакомыслящими.

Темпоральный аспект ментальности включает три основные модели:

- стремление в кратчайшие сроки установить царство Добра и Справедливости (различные версии радикализма, экстремизма);
- понимание необходимости упорного труда и многих усилий (протестантская этика);
- готовность ради будущей победы «затянуть потуже пояса» и ждать (психология защитников осажденной крепости).

Известный отечественный философ Арсений Гулыга, разобрав различные подходы к культуре, сделал следующий вывод: «...Культура служит благу человека, его духовному здоровью... Культура в этом смысле трактуется предельно узко и содержательно — как деятельность, отмеченная для человека знаком плюс, освященная идеалом»². Солидаризируясь с этой оценкой, нельзя не признать, что в рамках «позитивной» культуры присутствуют элементы антикультуры, то и дело возникают явления, несущие деструктивный заряд. Как и в случае с моделью, предложенной Гулыгой, своим источником они имеют ментальные структуры индивида и общества. Ибо в культуре нет ничего, чего не было бы в человеке.

¹ Голомиток И. Тоталитарное искусство в поисках традиции // Человек. 1991. № 2.

² Гулыга А. В. Культура и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. С. 37.

А. П. Марков¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МАТРИЦЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Конструктивный и взаимопользительный диалог, в том числе и межкультурный, — это диалог разностей на почве общего (М. М. Бахтин). К сожалению, ценностно-нормативное пространство «общего» в западноевропейской и русской культурах уже несколько веков неуклонно сокращается, блокируя целенаправленные попытки народов понять друг друга. «Зона» непонимания образовалась в двух системообразующих сферах, из которых складывается духовная матрица цивилизации: в модели социально-экономического устройства и в этической концепции человека. Истоки цивилизационного конфликта уходят вглубь веков — в те времена, когда закладывались мировоззренческие основы социально-экономической парадигмы западной цивилизации и формировалось духовное ядро русской культуры.

Безусловно, русская культура изначально формировалась как культура христианская, европейская (о чем неоднократно говорил и писал академик Д. С. Лихачев). Первое и самое глубокое «окно в Европу» было прорублено князем Владимиром — «окно» в духовный мир Византии, откуда на Русь пришла аутентичная, подлинная христианская традиция, органично впитавшая гуманистический пафос и энергетику античной культуры. Более того, русская культура не просто есть разновидность европейской христианской культуры, но ее концентрированное выражение, ее сохранившееся в историческом времени духовное ядро. Именно русская культура смогла сохранить во всемирном масштабе идущий еще со времени Нагорной проповеди Христа этический идеал, который содержится уже в самых ранних литературных текстах². Иными словами, уже на самых ранних этапах формирования русской духовности были заявлены ключевые христианские ценности, на основе которых формировались соответствующие им человеческие качества: любовь, сострадание и прощение, равнодушие к материальному благополучию и человеческая солидарность³.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Становление культурологической парадигмы» и др.

² Уже в «Слове о законе и благодати» первого русского митрополита Иларiona (первая половина XI в.) была заявлена идея духовной самобытности культуры, утверждалась великая христианская ценность свободы личности и отрицание моральной целесообразности закона Ветхого завета («закон Моисеев отошел, а Благодать и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась и на наш народ русский»).

³ Д. С. Лихачев показывает, как эта морально-этическая линия позднее получила развитие в русских летописях, в древнерусской иконописи, в агиографической литературе — в любимых народом незатейливых книжечках для се-

русской культуры сохранила дух и сущность подлинно христианской культуры (а значит, и подлинно европейской) вопреки всем выпавшим на ее долю соблазнам и тяжким испытаниям (а может быть, и благодаря им).

Культура Западной Европы складывалась, безусловно, как христианская, но со временем она утратила духовную сущность христианства. «Духовной развилкой», где разошлись пути русской и западноевропейской культуры, стали XV–XVI века. Именно в те времена Русь начинает осознавать свою культурную миссию во всемирной истории, суть которой была схвачена формулой: «Москва — Третий Рим»⁴. И уже на основе осознания этой великой миссии «русская идея» впоследствии приобретает государственный, национально-политический характер, успешно решая объединительные и экспансионистские задачи.

Европа примерно того же периода переживает этап реформирования с противоположным вектором движения. Этот период известен как Реформация, которая была обусловлена глубинным духовным кризисом западноевропейской культуры. Именно тогда сформировалась новая идеология (в рамках кальвинизма, протестантизма), составившая основу современной западной цивилизации (видимым толчком для реформ стали пороки церкви позднего средневековья — торговля индульгенциями, продажность, разврат и т. д.).

Ядром социально-экономической парадигмы западной цивилизации стала капиталистическая модель жизнеустройства, которая начала складываться еще в XVI–XVII веках и продолжила свою духовную экспансию в интеллектуальном пространстве Европы XVIII века⁵. Процесс становления и культурной легитимации капиталистической системы носил концептуальный, ценностный, идеологический характер и состоял в принципиальной корректировке (а по сути, в смене) цивилизационного этоса христианской культуры.

мейного чтения описывалось житие православных святых, которые в своей земной биографии максимально полно воплотили христианскую сущность человеческой жизни: любовь и милосердие в отношениях с ближними, свободу как предпосылку выражения божественной природы человеческого духа, нестяжательство и страдание, социальную справедливость и соборность.

⁴ Эта миссия впервые была заявлена в послании псковского инокa Филофея Великому князю московскому Василию: «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

⁵ Анализ динамики становления капиталистической парадигмы в ее ценностном аспекте содержится в работах польского ученого А. Хиришмана (актуальность идей которого для понимания сегодняшнего цивилизационного кризиса представлена в статье В. П. Макаренко «Теория капитализма: типик социального знания?» (см.: Социологические исследования. 2001. № 3)).

Как известно, в докапиталистических обществах на протяжении многих столетий доминировал героический этос с его идеалом «славы», а стяжательство воспринималось (как в христианской, так и в мусульманской культурах) как грех, признак нравственной неполноценности, удел социальных изгоев. Соответственно, культура того времени торговлю и промышленность воспринимала как воплощение жадности, скупости и жестокости. Согласно М. Веберу, в Новое время на смену «героического этоса» пришел буржуазный этос протестантской этики, который «реабилитировал» торгово-промышленную деятельность, придав ей статус религиозного служения: такого рода занятия стали рассматриваться как достойные христианина.

Корректировка христианской духовной матрицы началась с попыток создать новую теорию государства, более совершенную систему политического управления (Макиавелли, 1469–1527). В их основе лежал пессимистический взгляд на природу человека. Логика размышлений была такова: в своей жизни люди руководствуются страстями, что превращает человеческую историю в цепь бессмысленных жестокостей. История культур и цивилизаций знает два пути обуздания человеческих страстей: путем ужесточения насилия и с помощью моральных ограничений. Но оба варианта в конечном счете не способны конструктивно решить проблему: вера и разум бессильны в своем стремлении обуздать человеческую греховность, а христианская мораль не смогла улучшить «человеческую природу». Значит, надо найти более эффективные методы совершенствования людей и управления обществом. Так начался поиск средств, образующих альтернативу христианской морали. Появился «третий» рецепт, который привел к повороту в социальной мысли: использовать человеческие страсти для достижения «общего блага»¹. В основе «третьего пути» лежала смена критериев моральной оценки человеческих страстей, которым надо было обеспечить культурную легитимацию. Его исходная позиция такова: люди руководствуются эгоизмом, жадной властью, стремлением к наслаждению, корыстью; страсти сильнее веры и разума, они деструктивны по своей природе, порождают главные несчастья человеческого рода: войны, голод и мор. Но справедливый социальный порядок может быть построен на основе взаиморегулирования страстей. Теоретическое «оправдание» страстей началось с рождения идеи о их взаимопозиции, о способности страстей ограничивать друг друга (Бэкон, 1561–1626; Спиноза, 1632–1677). Позже родилась концепция равновесия страстей (Юм, 1711–1776), согласно которой одни страсти (жадность, алчность, корысть) можно использовать для усмирения других страстей — тщеславия, плотских и властных желаний. Так постепенно сложилась теория управления социальным прогрессом посредством «продуманного установления одной стра-

¹ Эти «рецепты» до сих пор образуют основу наиболее распространенных вариантов идеологии, социальной теории и политики.

сти против другой»². Окончательная реабилитация страстей произошла в эпоху Просвещения, которая стала воплощать в жизнь концепцию улучшения мира с помощью страстей, придав последним статус «управляемых интересов» (Юм). Реабилитация страстей выражала оптимистическое представление, прежде всего французских материалистов, о возможности «улучшения и исправления» человеческой природы. Впоследствии идея использования страстей для «общего блага» стала фундаментом политической экономии и стержнем идеологии либерализма.

Главной («привилегированной») страстью стала алчность, которая получила положительную оценку и была наделена способностью обуздывать другие страсти, уравнивать и усмирять деструктивные человеческие импульсы, то есть другие страсти (Гельвеций, 1715–1771). Алчность, которая раньше квалифицировалась как опасная страсть (а в первоначальном христианском контексте — как самая отвратительная, убивающая в человеке его душу), теперь стала свидетельством добродетели индивидов, она получила культурную легитимность и стала господствовать над миром³. И если прежде пиетет перед деньгами и благополучием считался свойством рабов, лакеев и простолюдинов, то теперь страсть к наживе стала залогом «светлого будущего». «Делание денег» было названо «интересом» и стало рассматриваться как стабильная и спокойная страсть, а само понятие «интереса» получило нейтральную моральную оценку и теоретический статус⁴.

Обоснование спасительной роли «интересов» стало главной интеллектуальной тенденцией Нового времени. «Интересы» были отождествлены с материальной выгодой и пользой, то есть с разумом; они стали восприниматься в качестве посредника между страстями и разумом — как пространство свободы от разрушительных страстей и бессильного разума. Сложилось представление о том, что развитие экономики способно улучшить как социальный и политический строй, так и человеческую природу. Со временем моральные оценки перешли в политические постулаты и получили статус онтологических основ и гносеологических принципов социальной философии и политики Нового времени⁵. И эту главную задачу, подчеркивает А. Хиршман, выполнили философы. Социально-политические результаты такой духовной революции значительны: на смену «аристократам духа» пришли люди, стремящиеся к удовлетворению материальных ин-

² См.: *Hirschman A. Namietnosei i interesy: u intelektualnych zrodol kapitalizmu*. Krakow, 1997. С. 34.

³ Слова «страсти» и «жадность» (с отрицательным смыслом) были заменены нейтральными «пользой» и «интересом».

⁴ См.: *Hirschman A. Op. cit.* С. 47.

⁵ Идея «равновесия страстей» затем была использована в политике «отцами-основателями» США и вождями Французской революции для обоснования и реализации принципов разделения власти и социального договора. На этих иллюзиях держится теория и практика демократии и связанная с нею парадигма социальной мысли Нового времени (См.: *Hirschman A. Op. cit.* С. 34).

тересов, — люди, которые ранее были презираемы аристократией (различные социальные маргиналы, из которых сформировались ростовщики, купцы, промышленники); сфера экономики и международной политики вышла из-под контроля разума и христианских принципов морали. Но эта концепция в итоге оказалась для европейской культуры «миной замедленного действия»: в основе интереса оказалась худшая из человеческих страстей — алчность, которая, как показала история, парадоксальным образом резонирует с другими «грехами», поддерживая и стимулируя их антикультурные энергии и проявления. Жизнь показала, что страсти деструктивны по своей сути, и цивилизация, основанная на их утверждении, не имеет перспектив в масштабах исторического времени.

Именно взаимоисключающие векторы ценностной устремленности культурных систем обеспечивали низкую эффективность процессов межкультурного диалога России с западным миром. Оппозиция русской культуры и западной цивилизации как взаимоисключающих систем очевидна: если культура утверждает духовность, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает стыда и греха; если в культуре действуют моральные регуляторы, то в цивилизации доминирует сила и внешние формы принуждения, основанные на законе. Русская культура, которая была изначально основана на ценностях аутентичного христианства (в его православном варианте), сохраняя свою духовную матрицу на протяжении многих веков, не могла «понять» представителя западного мира с его рациональностью, выгодой, страстью к наживе. «Идеальная» устремленность русского сознания была сущностной ментальной чертой нашего бытия: народ демонстрировал в истории глубинную жажду «космического преображения» жизни, он готов был отдать все свои силы и «положить живот» во имя спасения Святой Руси, защиты Отечества, строительства коммунизма и т. д. Эта идеальная доминанта (и мотивация) была глубоко встроена в духовную матрицу культурного организма. В начале XX века русский народ не захотел строить «капиталистический рай», а взялся за строительство «Царства Божия» на земле, которое он воспринимал не как результат эволюции настоящего, а как чудо космического масштаба. И как только вера в чудо была потеряна, включилась энергия тотального нигилизма и такого же космического саморазрушения. И сегодня только духовно слепые вожди не могут понять простую вещь: русский человек не хочет и не будет строить мир материального благополучия без его идейной основы.

Но с момента «буржуазной революции» 1990-х годов духовная матрица отечественной культуры была подвергнута жесточайшей деструкции: последовательно разрушалась система ее ценностных координат, в том числе и путем некритичного заимствования и насильственного внедрения американизированных экономических и политических моделей, которые зарождались на принципиально иной

ценностно-нормативно почве западноевропейской культуры¹. Погружение народа в «капиталистический рай» стал самоубийственным с точки зрения духовности проектом — утверждаемый и по сегодняшнему дню в теле российской духовности антропологический тип «неоязычника» зародился в недрах западной цивилизации, которая давно уже сменила свою христианскую духовную матрицу и сейчас открыто исповедует финансовый успех, аморализм и гедонистический индивидуализм. Параллельно с утверждением «человека языческого» идет «зачистка» духовно-нравственных основ «русскости». Этот процесс существенно усилился с развитием средств коммуникации и приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания, которые активно используются в деле разрушения традиционных моральных норм, размывания представлений о норме и патологии, о добре и зле.

Сегодня капиталистическая модель переживает кризис, который касается не только реальной экономики, но и концептуальных оснований бытия человека и общества. В цивилизационном плане базовая причина кризиса — исчерпанность доминирующей мировой парадигмы: губительные последствия развития капиталистической модели экономики не совместимы с перспективой выживания человечества². «Итоги» капитализма впечатляют: он разрушил европейскую «высокую» культуру, воплотившую великие духовные ценности христианства; изменил антропологический тип человека христианской цивилизации; капитализм во многом определил кризис неевропейских цивилизаций, оказывая «продуктами распада» массовой культуры репрессивное в духовном плане воздействие на сознание и поведение человека «третьего мира». Капиталистическая модель жизнеустройства поставила под угрозу существование человеческой цивилизации в целом: сегодня очевидно, что капиталистический кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), и неизбежно встанет вопрос о сокращении численности населения, что может поставить на повестку дня вопрос о роде *Homo*³. В контексте происходящего довольно мрачными выглядят перспективы человеческого рода: «Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-матрешкой, аналогов которому не было и который, похоже, сметет не

¹ К сожалению, в последние годы такое заимствование характерно и для сферы образования, которое выступает основным институтом сохранения культуры народа.

² «Управляемая сверху» и «смешанная» экономика также не являются эффективными средствами решения социальных проблем, а потому не могут считаться образцами для подражания (См.: *Hirschman A. Op. cit.*).

³ В то же время отечественные ученые (и особенно представители либеральной интеллигенции) продолжают считать, что беды России — в непоследовательности капиталистического развития. Это свидетельствует о кризисе современного социального знания, которое не в состоянии понять происходящее, описать возможные последствия и предложить модели корректировки.

только капитализм с его сторонниками и противниками, но всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 млрд пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от Цивилизации не меньше, чем она отличалась от Палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны»¹.

Восток и Запад — две формы цивилизации, постоянно взаимодействующие и взаимовлияющие друг на друга. Однако это сопоставление одного с другим отнюдь не является бесконфликтным и гармоничным. О давнем противостоянии Востока и Запада — роман Ф. Гримберг «Небесная дорога любви, или Арахна». В предисловии она пишет: «и Арахна, и ее отец, красильщик тканей, — люди этого античного Востока, мастера Малой Азии... И значит... вызов, брошенный Арахной богине Афине, покровительнице одноименного с богиней города-государства, — это... вызов, брошенный Востоком Европе... тема соперничества, “дружбы-вражды” Европы и Востока заставила обратиться к самым разным материалам, версиям, теориям...»⁴

Из-за этого противостояния Запада и Востока возникают разного рода перекосы в оценке их взаимного одновременного притяжения и отталкивания. Показательна в этом отношении весьма спорная, но глубокая и хорошо фундированная книга, демонстрирующая эрудированность и тонкость ума Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока»⁵. Книга эта была написана в 1978 году, но актуальность и интерес к ней продолжают привлекать внимание многих авторов. Однако в основном эту работу критикуют — как западные исследователи, так и представители Востока. Правда, сам автор пишет, что «хотя в исследовании затронут широкий круг авторов, книга далека от того, чтобы быть исчерпывающей историей или общим обзором ориентализма»⁶. Несколько ранее,

В настоящее время ответственно мыслящие гуманитарии — как России, так и стран Западной Европы — озабочены пониманием истоков кризиса европейской цивилизации и выработкой новых парадигм бытия человека и общества². И надвигающаяся беда, как это ни парадоксально, становится площадкой для межкультурного диалога и взаимопонимания представителей различных цивилизационных матриц.

С. Т. Махлина³

ВОСТОК НА ЗАПАДЕ

он подчеркивает, что, «несмотря на значительное число упоминаемых мною книг и авторов, гораздо большее их число пришлось оставить без внимания. Для моей аргументации, однако, не так уж важны ни исчерпывающий список имеющих отношение к Востоку текстов, ни четко очерченный список текстов, авторов или идей, в совокупности образующий канон ориентализма»⁷. Именно эта неполнота, подбор специальной литературы, соответствующей постулируемой концепции, приводит к искажениям, с которыми не согласны современные исследователи. Конечно, связано это в первую очередь с особенностями личности автора. Эдвард Саид прямо указывает: «Большая часть из личных инвестиций в это исследование происходит из осознания моей собственной принадлежности к “Востоку” в качестве ребенка, росшего в двух британских колониях... Мое исследование ориентализма было такой попыткой построить список оставшихся на мне, *восточном человеке*, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока»⁸ (курсив мой. — С. М.). Он верно пишет: «Еще никому не удавалось отделить ученого от обстоятельств его жизни, от его причастности (сознательной или бессознательной) к определенному классу и набору убеждений, социальной позиции, или же просто от его включенности в общество»⁹. Все это с несомненностью отразилось в книге Эдварда Вади Саида. По сути верно показано взаимовосприятие этих двух цивилизаций в терминах Своего и Чужого: «выявлению различий между знакомым (Европа, Запад, “мы”) и незнакомым (Восток, “они”)»¹⁰.

В книге четко разделяются понятия восток и Восток: «Определенные ассоциации с востоком (East) — не столь уж невежественные, но и не вполне грамотные — неизменно группируются вокруг понятия Востока (Orient)»¹¹. При этом Восток, как правило, отождествляется с исламским Востоком: «Если термин “Восток” (Orient) понимали как-то иначе, нежели как синоним азиатского востока (East) в целом или как общее обозначение всего далекого и экзотического, то наиболее строгое его понимание ка-

¹ Фурсов А. Прощальный поклон капитализма. Статья вторая. URL: <http://yablor.ru/blogs/andrey-fursov-konec-tretyeyepohi-4-krizis-bibleyskogo-proekta/728907>

² Либеральные идеологи капиталистической модели оказались в ситуации интеллектуального бессилия объяснить причины экономического кризиса и продолжают настаивать на этой модели как единственно возможной.

³ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор свыше 330 научных публикаций, в т. ч. 13 монографий: «Семиотика культуры и искусства», «Тесты по истории искусства древнего и средневекового Востока», «Русская философия и художественная культура России», «Язык искусства в контексте культуры» и др.

⁴ Гримберг Ф. Небесная дорога любви, или Арахна : роман. М. : РИПОЛ классик, 2005. С. 5.

⁵ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Мир, 2006.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Саид Э. В. Указ. соч. С. 12.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. С. 88.

салось именно исламского Востока (Orient)¹. Верно говорится о том, что «Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга»².

Анализируя историю освоения Западом Востока, Саид постоянно подчеркивает чувство собственного превосходства европейских исследователей, выражающееся в их описаниях «восточного» человека, который «иррационален, развращен, ребячлив, он “другой”, тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, “нормален”»³. Несмотря на рост систематического знания о Востоке, в описаниях европейских исследователей всегда звучит позиция силы и господства. Все это подтверждается обильными ссылками. И выглядит довольно убедительно, ибо доля правды в этом действительно есть. Он постоянно подчеркивает «чувство конфронтации»⁴.

Эдвард Саид разделяет отношение к Востоку европейцев и американцев. Для европейцев «Восток (Orient) — это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний»⁵. Восприятие Востока европейцами Саид называет ориентализмом — «определенным способом общения с Востоком, основанном на особом месте Востока в опыте Западной Европы. Восток — это не только сосед Европы, но еще и место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого... Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями, колониальным стилем»⁶. Этот ориентализм приобретает, по мнению Саида, отнюдь не положительные черты, в нем много именно отрицательного. Ориентализм — это термин, с помощью которого Саид пользуется «для описания западного подхода к Востоку... как к предмету познания, открытия и практики... непрерывного и безраздельного доминирования Запада»⁷. По его мнению, «реальность ориентализма одновременно и антигуманна, и устойчива»⁸, в нем проглядывает «определенное чувство превосходства»⁹ Запада перед Востоком. Для него ориентализм — «это отношение силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии... ориентализм скорее це-

нен как знак европейско-атлантической власти над Востоком»¹⁰ (выделено мною. — С. М.). Саид оказывается заиклен на указании стремления власти Запада над Востоком: «это своего рода интеллектуальная власть (authority) западной культуры над Востоком»¹¹. При этом «сущность ориентализма заключена в неискоренимом разделении западного превосходства и восточной неполноценности»¹². Он подчеркивает, что «ориентализм можно считать своего рода регламентированным письмом, видением и исследованием, в котором доминируют императивы, перспективы и идеологические предпочтения, очевидно, предназначенные для Востока»¹³.

Ориентализм, по мнению Саида, связан «с высокомерным административным отношением европейского колониализма XIX — начала XX века... Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”¹⁴. Ориентализм по Саиду — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»¹⁵. Как правило, ориентализм — это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это разработка базового географического различия («мир состоит из двух неравных половин — Востока и Запада...»¹⁶). В связи с этим «идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами» породила представление о том, что существует «превосходство Европы над восточной отсталостью»¹⁷. Объясняет это Саид следующим образом: «Для человеческого сознания совершенно естественно сопротивляться воздействию неведомого и чужого, а потому все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего)»¹⁸. Поэтому, делает вывод Саид, «из-за ориентализма Восток не был (и не является до сих пор) свободным предметом мышления деятельности»¹⁹. Тут следует заметить, что такое видение отнюдь не характеризует отношение России к Востоку. Но Саид, имея в виду в первую очередь Францию, Британию и Германию, именно поэтому делает вывод, что «европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “Я”²⁰, видя в ориентализме комплекс “восточных идей”. Это: “восточный деспотизм, восточная роскошь, жестокость, чувственность”. Кроме

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 117.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 310.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Саид Э. В. Указ. соч. С. 14.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 313.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 23–24.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 11.

того, ориентализм включает “множество восточных сект, философий и премудростей”, адаптированных “для местных европейских нужд”¹. Поэтому, считает Саид, ориентализм связан «с представлениями о том, что такого делаем “мы”, чего “они” не могут ни сделать, ни понять»². Конкурирующие колонизаторы Востока Англия и Франция видели в нем прежде всего инертность и женственность³. Но в итоге и те, и другие должны констатировать «неприятие Востока»⁴.

Это явная натяжка, хотя в ней и есть доля истины. Вот что по этому поводу писал Григорий Померанц: «Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, принципиально равноправны. Мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог. Диалог начался в XIX в., когда Толстой и Достоевский, овладев западной формой романа, сумели преобразить ее и сказать Европе то, чего она раньше не знала. Он продолжался и в XX в., когда европейски образованные индийцы, японцы, мусульмане начали миссионерскую работу на Западе»⁵. Правда, здесь мы касаемся вопроса Запада на Востоке, но это уже иная проблема, не входящая в круг рассмотрения данной работы.

У американцев же «Восток не вызывает такого чувства, поскольку для них Восток прежде всего ассоциируется с Дальним Востоком (преимущественно с Китаем и Японией)»⁶. Но если для Британии и Франции Восток до начала XIX века — лишь Индия и библейские земли, то с начала XIX века и до конца Второй мировой войны Франция и Британия доминировали на Востоке. После Второй мировой войны их сменила Америка на Востоке, именно в плане доминирования над ним. Но и здесь ориентализм — нечто более значительное, «чем простое нагромождение лжи»⁷. Итак, показывая, что «Ноам Хомский изучал инструментальную связь между вьетнамской войной и понятием объективности в гуманитарном знании в том его виде, как оно использовалось для сокрытия субсидируемых государством военных исследований», Саид делает неправильный вывод о том, «что он подходит к Востоку прежде всего как европеец или американец, и лишь затем как индивид... и что более важно, он принадлежит к той части света, которая имеет определенную историю вовлеченности в дела Востока чуть ли не со времен Гомера»⁸. Тем самым заведомо определяется необъективность ученого. Переходя к современности, Саид отмечает, например: «И традиционные ориенталисты... и Киссинджер представляют себе разницу между культурами, во-первых, как разделяющий их фронт, во-

вторых, как предложение Западу контролировать, обуздывать или каким-либо иным образом управлять Востоком (через посредство более совершенного знания и соответствующей власти)»⁹. Анализируя работы современного американского ученого Гарольда У. Глиддена, Саид показывает квинтэссенцию его концепции: «С одной стороны, есть западные люди, и, с другой, есть восточные люди, арабы. Первые (порядок не важен) рациональны, миролюбивы, либеральны, логичны, способны придерживаться реальных ценностей, лишены природной подозрительности; последние не обладают ни одной из этих черт»¹⁰. Как правило, для европейцев «восточные народы, равно как и африканцы, — это прежде всего представители подчиненной расы, а не обитатели определенной географической среды»¹¹. Правда, справедливости ради, надо сказать, что Саид отмечает «кризис ориентализма в XX веке и возрождение культурной силы на востоке»¹². Однако все же настаивает на том, что для XIX века было характерно подчеркивание «чувственности, склонности к деспотизму, спутанной ментальности, привычки к неаккуратности, отсталости...»¹³.

Различая скрытый и явный ориентализм, Саид говорит о том, что, желая подчеркнуть нечто хорошее о Востоке, говорят «мудрость Востока», но при этом ислам воспринимается «никудышным, пустым и тривиальным»¹⁴.

Действительно, такие представления возможны и распространены на Западе. Но обобщать все же не стоит. На Западе отношение к Востоку у разных авторов различно, и, конечно же, мы можем найти восторженное восприятие Востока в целом и искусства в частности. Таково, например, восприятие Востока французским историком Д. де Ружемоном, который систематизировал символы Востока и Запада, рассеянные в литературе от Платона до европейских романтиков: «Восток — заря, утро, верх, правое, предельная утонченность, ангел откровения, дух, интуиция, мудрость, возрождение, просветленное знание, отчизна души». В сопоставлении с Востоком «Запад — закат, вечер, низ, левое, непрозрачная плотность, сумерки, демон утилитаризма и слепого могущества, забвение высших ценностей души, телесность и материальность, беспорядочная активность, ложное,отяжеленное материей знание, страна изгнания»¹⁵.

Да и у самого Саида мы можем найти следующее утверждение: «значительное число крупнейших писателей XIX века были восторженными поклонниками Востока»¹⁶. Или об ученых: «не так уж редко появлялись исследователи, которые относились к Востоку с симпатией и с неподдельным интересом...»¹⁷

⁹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Там же. С. 317.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 321.

¹⁵ Rougemon D. de. L'aventure occidentale de l'homme. P., 1957. P. 25.

¹⁶ Саид Э. В. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 339.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ Померанц Г. Выбор XXI века // Померанц Г. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. С. 560. (Лики культуры).

⁶ Саид Э. В. Указ. соч. С. 8.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 21–22.

Но в целом «западный ориентализм процветал на фоне униженного положения Востока или восточного человека в качестве объекта исследования»¹. И это относится не только к писателям, исследователям, но и философам.

Таковы, например, взгляды Фридриха Шлегеля. Или Фридриха Ницше, утверждавшего «символ превосходства современности (и европейской культуры)»². То же относится и к Марксу: «стародавние оппозиции “Европа”—“Азия”, “Запад”—“Восток” — за чрезвычайно широкими ярлыками скрывают все возможное человеческое многообразие, сводя его в итоге к одной-двум итоговым собирательным абстракциям. И Маркс здесь не исключение»³. Нельзя все же не отдать должное справедливым оценкам Саида в анализируемой проблеме. Так, он уважительно и с одобрением говорит о книгах «Западно-восточный диван» Гете и «О языке и мудрости индийцев» (Über die Sprache und Weisheit der Indier) Шлегеля⁴. И в то же время пишет: «Большая часть из расистских элементов, присутствующих в упреках Шлегеля в адрес семитов и других “низших” восточных народов, была широко распространена в европейской культуре»⁵. И далее: «“хороший” Восток — это всегда классический период какой-нибудь древней Индии, тогда как “плохой” Восток связан с нынешней Азией, частично Северной Африкой и повсеместно — с исламом»⁶.

Эдвард Саид ограничивается анализом британского, французского и американского ориентализма. И в первую очередь касается контакта с арабами и исламом, что отнюдь не верно, если мы говорим об отношении Запада к Востоку, подчеркивая популярность «антиарабских и антиисламских предрассудков на Западе»⁷. Безусловно, в этом есть правда. «К сожалению, иногда столкновение интересов коренных европейцев и мусульман приводило к серьезным конфликтам, поэтому в последнее десятилетие отношение к исламу со стороны большинства коренных жителей Старого света стало крайне негативным»⁸. Но и в отношении к исламу мы находим передежки в анализируемой книге Эдварда Саида. Правда, перед этим он дает эскизно историческое описание Запада к Востоку начиная с эпохи античности. Но уже даже в Древней Греции он видит не естественное изображение Востока, а его репрезентацию. Так, уже в драме Эсхила «Персы» «Восток превращается из весьма далекого и зачастую опасного Иного в фигуры более привычные (в случае Эсхила — в выдающихся азиатских женщин)»⁹. Анализируя античную литературу, Саид приходит к следующему выводу: «Азия говорит че-

рез и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии, — того лежащего за морем враждебного “другого мира”», «Восток, и в особенности Ближний Восток, еще со времен античности воспринимался на Западе как его великая комплементарная противоположность», «отношение к Востоку в целом со стороны Запада колеблется между презрительным отношением к нему как к чему-то известному и трепетом восхищения его новизной (или даже страхом перед ней)»¹⁰. В дальнейшем, анализируя европейских литераторов, писавших о Востоке, он постоянно видит негативное восприятие всего Востока, и в первую очередь ислама. Отождествляя Восток с исламом, Саид пишет: «Ислам недаром олицетворял собой ужас, опустошение, демонические орды ненавистных варваров»¹¹. Поэтому, начиная с эпохи Наполеона, по Саиду, европейцы стремились «приблизить Восток к Европе и тем самым поглотить его полностью и — что особенно важно — устранить, или по крайней мере смягчить его чужеродность, а в случае ислама — и враждебность»¹². Такую позицию можно видеть и в художественном творчестве, особенно в литературе, внесшей «существенный вклад в построении ориенталистского дискурса. Сюда входят труды Гете, Гюго, Бертона, Шатобриана, Кинглейка (Kinglake), Нерваля, Флобера, Лэйна, Бертона, Скотта, Байрона, Виньи, Дизраэли, Джордж Элиота и Гюте. Позднее, в конце XIX — начале XX века к этому ряду можно добавить Даути (Doughty), Барраса, Лоти, Т. Е. Лоуренса, Форстера...

К концу XIX века все эти достижения получили материальное подкрепление в виде европейской оккупации всего Ближнего Востока (за исключением отдельных частей Османской империи, поглощенных после 1918 года)»¹³.

Для европейцев, по книге Эдварда Саида, характерно «небрежное, сколь и распространенное смешение арабского с санскритом (как, например, в “Шагреновой коже” Бальзака роковой талисман покрыт арабской вязью, названной санскритом)...»¹⁴ И уж, конечно, обойти фигуру Киплинга Саид не мог¹⁵.

Эти утверждения довольно подробно и ярко автор аргументирует в книге, выискивая и подчеркивая в творчестве указанных писателей только негативное отражение Востока, нередко с явными передежками. Это же характерно и для современного ориенталиста, который, по мнению Саида, «далек от объективности»¹⁶. Упоминает он и американских писателей — Марка Твена, Фитцджеральда, но и у них находит «общий шаблон»¹⁷.

Конечно, умная и глубокая книга достаточно ярко описывает определенные абберации в сознании современных обывателей. «Вероломные китайцы, полуголые индийцы и пассивные мусульма-

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 151.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 243.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Садыкова А. А. Проблемы этноконфессиональных отношений в западноевропейской арабской публицистике. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009. С. 6.

⁹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Саид Э. В. Указ. соч. С. 89, 92, 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 217.

¹⁵ См.: Там же. С. 349–352.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 303.

не представляются исключительно как стервятники, зарящиеся на “наши” щедрые дары... например, считается, что арабы ездят на верблюдах, что все они террористы, что у них нос крючком, что они продажные распутники, а их незаслуженное богатство — это оскорбление подлинной цивилизации»¹.

Безусловно, во многом Эдвард Саид прав. С сожалением приходится констатировать вслед за Даниилом Андреевым: «Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью...»² Он говорит о том, «что многие считают, что “религиозная эра в человечестве завершилась”»³. Между тем Андреев уверенно предсказывает, что в наше время «зреет предрасположенная к рождению всечеловеческая интеррелигия»⁴, когда она превратится «вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком, *Розою Мира*»⁵. В религии будущего, по его мнению, будет «Культ Единого, Культ Солнца Мира».

В современном мире стереотипное восприятие ислама на Западе связано с терроризмом, воинственностью и агрессивностью. Причины этого коренятся не только в ориентализме, но еще и в том, что они стали мощной диаспорой в Европе, нередко вызывая отрицательные эмоции чуждым бытом, одеждой, нравами. По данным Би-би-си на 2008 год, наиболее крупные диаспоры проживают во Франции — 7 %, в Нидерландах — 6 %, Дании — 5 %, Австрии — 4,2 %, Швеции — 3,9 %, Германии — 3,6 %, Бельгии — 3,4 %, Великобритании — 2,7 %, Норвегии — 2,5 %. Проживают мусульмане и в Италии, Финляндии, Люксембурге. Почему происходит этот наплыв пришельцев из мусульманских стран в европейские страны? «Подавляющее их большинство — трудовые эмигранты. Это они сменили в богатых западноевропейских странах преобладавших там ранее бедняков из Италии, Испании, Португалии, Греции, либо вернувшихся к своим очагам вследствие улучшения жизни на родине, либо несогласных работать за низкую плату. Приехавшие им на смену афроазиаты (преимущественно выходцы из арабских стран, Турции, Ирана, Пакистана, Индонезии, Малайзии и прочих государств ислама), убедившись в преимуществах общества массового потребления, не спешили покинуть процветающий Запад, даже если им приходилось туго, ибо на родине было еще труднее»⁶.

При этом сталкиваются интересы коренных европейцев и мусульман, что нередко приводит к кровавым столкновениям. Из-за закона 2004 года о запрете религиозных символов в образовательных учреждениях во Франции возникли погромы в 2005 году. Естественно, что это вызвало негативное отношение европейцев к мусульманам. Понятно, что это искаженное и неверное представление.

И ни один образованный и просто думающий человек не в состоянии разделять такое мнение. Ибо ислам — религия, как и любая другая, отнюдь не связанная с агрессией. Наоборот, сила этой религии в том, что ее последователем может быть любой человек любой национальности. Д. Л. Андреев приводит весьма резонный пример того, почему возникают разногласия в религиях: «как если бы несколько путешественников поднимались с разных сторон на одну и ту же гору, видели и обследовали различные ее склоны, а по возвращении заспорили бы о том, кто из них видел реально существующее, а кто — причуды собственного воображения; причем каждый рассуждал бы, что гора именно такова, какой она оказалась с его стороны, а свидетельства других путешественников о других ее склонах — лживы, абсурдны и являют собой западню для душ человеческих. Таким образом, первый вывод, вытекающий из сопоставления междурелигиозных разногласий, заключается в себе путь к устранению тех из них, которые основаны либо просто на недоразумении, либо на несовпадении объектов религиозного познания в различных рядах опыта...»⁷ Мы хорошо понимаем, что все религии в конечном счете говорят об одном и том же. Хорошо это ощущают творческие люди. Вот что писал Морис Бежар о своей работе — балете «Actus tragicus» на музыку двух кантат И. С. Баха, которая была поставлена им вскоре после балета «Победители», где была заложена, по словам хореографа, «благочестивая зрелость буддизма»: «Христианские медитации о смерти — так я выражал свою принадлежность к той же цивилизации, что и Боссюэ! Как с интервалом в две недели поставить два таких разных балета и перейти от Будды к Христу? Не думаю, чтобы разница была так уж велика. Разумеется, есть различия в гражданской жизни этих двух религий, в формах культа. Но на определенном уровне проступает единство»⁸.

Внимание к исламской культуре по вполне понятным причинам в наше время актуально и важно. В 2000 году в Государственном Эрмитаже прошла выставка «Земное искусство — небесная красота». Выставка эта была организована Эрмитажем совместно с Фондом Новой Кирхи (Амстердам). На ней были представлены не только коллекция Эрмитажа, но и произведения из собраний Музея Бенаки (Афины), Британского музея (Лондон), коллекции Насера Л. Халили (Лондон), Музея Метрополитен (Нью-Йорк), Дома рукописей (Сана). Выставка эта была подготовлена при непосредственном участии М. Б. Пиотровского, глубокого знатока языка искусства ислама. Эта выставка была незабываемой и вызвала резонанс во всем мире. На ней воочию возможно было познакомиться действительно с немой красотой искусства ислама, в котором в макрокосме (мироздание) и микрокосме (человек) представлена всеохватная целостность Сущего, испол-

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 169.

² Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Прометей, 1991. С. 17.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 43.

⁷ Ланда Р. Г. Указ. соч. С. 47.

⁸ Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, Гл. редакция театр. лит., 1989. С. 187.

ненного красоты и совершенства. Весь мир в исламе отождествлялся с телом человека.

Саид анализирует отношение Запада к Востоку Средиземноморья с XVII века¹. Но ведь взаимодействие Запада и Востока в этом регионе началось много раньше. Справедливости ради стоит отметить, что Саид, конечно же, знает об этом. Он пишет: «С конца VII века... ислам в его арабской, османской или североафриканской, или испанской форме доминировал над европейским христианством или вполне реально угрожал ему»². Но сосредоточивает свое внимание на доминировании Запада над Востоком, на том, что в исследованиях «ориенталистов» проявляется «замаскированный этноцентрический предрассудок»³.

В 711 году арабо-берберские войска омейядских халифов вторглись на Пиренейский полуостров из северной Африки и разгромили королевство вестготов. Так Испания стала провинцией Дамасского халифата. Затем один из Омейядов подчинил себе все мусульманские владения и основал Кордовский эмират с центром в городе Кордова. К X веку Испания стала центром культуры не только для Востока, но и для Запада. В Кордовском университете учились студенты из многих европейских стран — Англии, Франции, Германии. На юге — в предгорьях Сьерра-Невады расположилась столица Гранадского эмирата, сформировавшегося в 1238 году, — Гранада, которую арабы называли земным раем, а поэты воспевали как «светлую звезду неба». Однако и испанским мусульманам приходилось бороться с аналогом крестовых походов — реконкистой. Успехи реконкисты привели к тому, что Кордова пала в 1238 году, Гранадский эмират удержался еще два столетия, но, в конце концов, и он пал в 1492-м.

Когда мы говорим об искусстве ислама, следует иметь в виду, что оно весьма разнообразно, ибо подразумевает искусство разных народов, исповедующих ислам. Так как ислам исповедуют очень разные народы, то естественно, что в разных регионах, в разных этносах мы видим определенные отличия. Однако для всего искусства ислама характерна определенная общая семантика, объединяющая разные направления, связанные с этническими особенностями. Ибо для ислама не существуют разные нации, а все мусульмане составляют единую нацию — умма. Искусство ислама выработало особый неповторимый язык. В нем есть черты, которые можно найти и в христианском искусстве. Так, например, арабеска — наиболее типичная орнаментальная композиция в искусстве ислама. Впоследствии этот орнамент широко распространился в европейском искусстве под тем же названием.

При Аббасидах была основана переводческая коллегия «Дом мудрости», где переводились древнегреческие и эллинистические книги. Труды античных авторов мы знаем как раз по арабским переводам. В свою очередь арабские труды были переведены на латынь. А арабская поэзия оказала сильней-

шее влияние на последующую литературу не только Востока, но и Запада. В книге Саида об этом говорится мимоходом⁴. И в этом неприятие идей Саида не только на Западе, но и на Востоке. Ведь не только на Востоке, но и на Западе с восторгом воспринимается творчество таких известных классиков, как Омар Хайям, Низами, Фирдоуси, Маарри, Хафиз. Да и в наше время Нобелевская премия справедливо присуждена Орхану Памуку. Интерес к творчеству Салмана Рушди вызван не только всколыхнувшим скандал произведением «Сатанинские стихи», но и его романом «Стыд», и многими другими произведениями, в том числе интересными наблюдениями о положении турецких гастарбайтеров в Германии. Впрочем, современные писатели Дальнего Востока широкой пользуются известностью не только у себя в стране, а иногда и вопреки их неприятию на Родине — во всем мире. Вспомним Кавабату, Ясуси Иноуэ, Мураками. А как писал о Востоке Г. Гессе! Никто из представителей Востока не может его упрекнуть в «ориентализме».

Мудро и с состраданием пишет о восприятии Запада исламом и ислама Западом Г. Померанц: «По ряду причин ислам оказался болезненно чувствителен к крайностям западного плюрализма. Тут имеет значение многое: и жесткая связь истины со словом, с арабским словом, услышанным Мохаммедом; и напряженное переживание соблазнов пола. Дальний Восток, с его образом туманного, невыразимого Пути и относительным равнодушием к сексу, легче входит в современность. Фундаментализм ислама — болезненная реакция на вызов современного Запада; но эта реакция на действительное зло»⁵.

Однако Восток для европейцев отнюдь не ограничивается только миром ислама, о котором преимущественно пишет Эдвард Вади Саид. И Восток отнюдь уже не является миром слабого подопечного, над которым Запад имеет свою власть. «В современном диалоге западный интеллектуал, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индеец знает Европу; образованный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры. С европоцентристской точки зрения непонятно, почему страны Дальнего Востока обгоняют динамичный Запад в своем динамизме, а в мире ислама поднялась волна контр-модернизации»⁶.

В основном Эдвард Саид концентрирует свое внимание на литературе. Начиная анализ с античной литературы, он затем исследует творчество Данте, Шекспира в аспекте избранной темы, затем писателей Нового и Новейшего времени.

Однако Восток на Западе предстает во всех видах искусства. Так, сегодня в области архитектуры мы видим выдвигание восточных архитекторов в коргору наиболее знаменитых и известных, востребованных не только на Востоке, но и на Западе.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 235.

⁴ Саид Э. В. Указ. соч. С. 121.

⁵ Померанц Г. Указ. соч. С. 555.

⁶ Там же. С. 560.

Только в одном месте Саид говорит о восточных мотивах в творчестве Моцарта. «Его “Волшебная флейта” (в которой масонские коды перемежаются с образами благословенного Востока) и “Похищение из серала” помещают исключительно благородный вид человечества именно на Востоке. И это обстоятельство в гораздо большей степени, чем модные тогда “турецкие” музыкальные мотивы, заставляет Моцарта смотреть на Восток с симпатией»¹. На самом деле, конечно же, мы видим музыкальное воздействие Востока на Западе в разных национальных культурах и в разные периоды, ибо в каждой национальной музыкальной культуре всегда можно найти специфические черты. Их взаимодействие и взаимовлияние существовали всегда, но особенно ярко это проявляется в XX веке. «Три основные составляющие звукового бытия нации: речевая интонация вербального языка, которая может быть включена в виде компонента в художественное целое и воздействовать особенностями своего интонационно- и ритмического содержания на структуру музыкального текста; национальная традиция музицирования, включающая в себя фольклор и светскую устную или устно-письменную профессиональную традицию; музыка церковного ритуала, породившая свою традицию»².

Бела Барток писал: «Изучение крестьянской музыки имело для меня решающее значение, так как привело к мысли о возможности полного освобождения от всевластия нынешней системы мажора и минора... и к совершенно свободному распоряжению каждым отдельным тоном нашей хроматической двенадцатитоновой системы»³. Это стремление приводит в конечном счете к тому, что он использовал фольклор не только венгерский, не только соседних регионов — Румынии, Словении, Болгарии, но и турецкие, арабские и другие восточные национальные элементы музыки. Нередко в его творчестве используется архаичная пентатоника, полиладовая гармония.

Музыка XX века вобрала в себя ориентализм в широком спектре философских, эстетических идей Востока. Вспомним Дебюсси. Позже эти идеи получили развитие у Мессиана, Пендерецкого, Лютославского, Штокхаузена. В слуховой кругозор европейских композиторов входит музыка стран Африки, Азии, Америки, включая арабский мир, а также Индию, Китай, Японию, Цейлон, Индонезию — Юго-Восточную Азию и Дальний Восток. Так, японские гагаку мы найдем у Мессиана, яванский гамелан — у Дж. Кейджа, индийский рагсангит — у Ф. Р. Херфа. Дьердь Лигети для создания «новых модальных и хроматических музыкальных идиом стремился к интернациональным средствам выразительности»⁴. В творчестве Софьи Губайдул-

линой чувствуется стремление к органичному объединению свойств искусства Запада и Востока. Она считает, что «связь между жизнью и высотой идеальных установок и абсолютных ценностей, постоянное воссоздание *legato* жизни»⁵ есть истинно религиозное восприятие действительности. Но оно требует уважительного отношения ко всем религиям. В «Ночи Мемфисе» проявилась дзэн-буддистская идея растворения своего «я» в окружающем мире.

Знаменитый современный певец Леонард Коэн пять лет провел в буддистском монастыре под именем Джикаи — «молчание».

Наоборот, на Востоке мы видим влияние Запада. Там музыканты находятся в ситуации двойного диалога: с одной стороны, со своей национальной культурой, с другой — с европейской культурой. Одни в национальную фактуру включают элементы современного музыкального языка, другие, изучая европейский авангард, соединяют его средствами национальной музыки. Тем самым Восток и Запад создают единую музыкальную культуру. Однако тема Запад на Востоке — совсем другой поворот от нашей проблемы, и потому она остается за скобками.

Во второй половине XX века в музыке возникает тенденция обращения к истории искусства в целом. Отдаленные периоды этой истории переживаются как цветущие и зовущие. Эклектика соединения несоединимого становится предпочтительной. Описывая XX столетие, А. С. Соколов констатирует, что «в художественной культуре разразились два качественно разных кризиса. Один связан с авангардом, другой — с постмодернизмом. В них, впрочем, есть и общие признаки Времени. В обоих случаях можно говорить о кризисе культуры текста. Высочайшая информационная насыщенность текста в авангарде (структурализм) и постмодернизме (полистилистика) перекрывается вторжением бесписьменной культуры (рок, хепенинг, электронная музыка и т. д.), живущей по своим законам»⁶.

Интересно современное сочинение В. И. Мартынова «Дети выдры» (2009), наглядно сопоставляющее особенности западных и восточных средств выразительности. Исполнители этого произведения — ансамбль «Хуун-хуур-ту» (Восток) с применением тувинского горлового пения (хрипения) и инструментальный ансамбль “Opus posth”, академический хор «Млада» (Запад).

Сегодня появляется все больше выдающихся исполнителей с Востока. Напомним лишь такие имена, как пианисты Ланг Ланг, Юджа Вонг, Юнди Ли, скрипачка Маюко Камио, дирижер Кеннет Ногано.

Советская власть стремилась развивать культуру народов, входивших в состав СССР. Для этого изучалась культура, на основе которой создавались новые произведения профессиональными музыкантами из России. Этот процесс происходил повсеместно в республиках Средней Азии и Балтии, Кавказа и Приполярья, Поволжья и Сибири.

⁵ *Холопова В. Н.* Софья Губайдуллина: путеводитель по произведениям. М., 2001. С. 3.

⁶ *Соколов А.* Какова же она — «форма» музыкального XX века // Музыкальная академия. 1998. № 3–4. С. 2–8.

¹ *Саид Э. В.* Указ. соч. С. 182.

² История зарубежной музыки XX века. М.: Музыка, 2007. С. 11.

³ *Bartok B.* Weg und Werk. Schriften und Briefe. Budapest, 1957. S. 145.

⁴ *Ligeti G.* Begegnung mit Kurtág in Nachkriegs. Budapest // Musik der Zeit. Dokumentation und Studien. Bonn, 1986. S. 15.

Организовывались декады национальных культур, проводившиеся в Москве. Шел активный процесс направления импульсов от центра к периферии. Музыканты из Москвы и Ленинграда посылались в национальные республики, закладывая там композиторские школы, основы музыкального образования. Характерный пример — становление профессиональной музыкальной культуры в Бурят-Монголии (с 1958 г. — Бурятии). Первая декада была проведена в 1940 году.

Формированию национальной композиторской школы способствовало изучение мировой музыкальной классики и вместе с тем знакомство с оригинальным ориентальным материалом.

Так, Б. П. Сальмонт собрал 229 напевов, из которых 176 были бурятскими. Он сделал ряд обработок бурятских народных песен, многие из которых вошли в репертуар таких известных исполнителей, как Ирма Яунзем в передачах Всесоюзного радио¹. В 1939 году в Бурятию приехал автор первой национальной оперы «Энхе — стальной богатырь» М. П. Фролов, который записывал мелодии бурятской музыкальной культуры. Опера Л. Н. Книппера «На Байкале» основана на 74 народных образцах по итогам экспедиции по Курумканскому и Баргузинскому районам. Опера «Мэдэгмаша (У подножия Саян)», балет «Свет над долиной» С. Н. Рязова также основаны на записях фольклора по Кабанскому району. В 1956–1957 годах была поставлена опера в Улан-Удэ Б. Ямпилова «У истока родника». Опера Д. Аюшева «Побратимы», посвященная 300-летию великой дружбы между русским и бурятским народами, была показана на сцене филиала ГАБТа в Москве в 1959 году в дни Второй декады. В этой опере воспроизведен ориентальный колорит в картинах массового народного праздника. В 1967 году была написана опера «Прозрение». Таких произведений создано было и создается сегодня достаточно много, например, главное в воспитании вокалистов — сохранение собственной эмоциональной инграммы (имманентного свойства творческой деятельности, характеризующегося сохранением собственного творческого лица и индивидуального стиля интерпретации). В конечном счете, бурятские вокалисты стали выступать в западноевропейских операх, принося в них ярко выраженный восточный элемент. Так, бурятская певица Валентина Цыдыпова выступала в парижском оперном театре «Опера-Бастий», исполняла роль мадам Баттерфляй в постановке режиссера Роберта Уилсона с дирижером Мюнц Вун Чунгом. Ее исполнение вызвало положительные отзывы: «помимо многочисленных достоинств парижской постановки “Мадам Баттерфляй” отметил и настоящее чудо в лице исполнительницы заглавной партии — солистки Мариинского театра, имевшей феноменальный успех у публики и очаровавшей самых взыскательных меломанов»². Этот успех хорошо понимали у нас в стране: «Три арии Чيو-чио-сан

певица-актриса превратила в настоящую монооперу, а созданный ею образ идеально смотрелся в ряду самых выдающихся исполнительских версий»³. Столь же ярким результатом стала ее работа в 1997 году на гастролях Мариинского театра в Риме в партии Турандот, где она была воплощением восточной красавицы с завораживающими интонациями и нежнейшим *pianissimo*, переняв такую трактовку у Монсеррат Кабалье.

Монгольская и бурят-монгольская песня лишена жестких метрических рамок и потому непривычна для восприятия теми, кто привык к европейской ритмически обусловленной музыке. Особенно это характерно для архаичных материалов. Там после произвольного протяжного звука с текстом следует ритмический отрезок вокальной мелодии, затем снова растянутая звучность, и так несколько раз. Как считают многие, это обусловлено характером хозяйственной деятельности кочевников, не ограниченной лимитом времени, когда скотовод передвигается на коне по степи, гармонично проводя быт на фоне природы.

Ладовой основой бурятской и монгольской музыки является пентатоника. При этом лимитированный звукоряд все же не препятствует выражению экспрессивных возможностей выражения. При этом в музыке восточных бурят попадаются неожиданные для европейского слуха скачки на малую, большую септиму или октаву. Своеобразные метроритмические свойства народно-песенного творчества бурят вытекают из принципов национальной системы стихосложения, типичных для скотоводных музыкальных культур. Основные особенности бурятской песни: трихордно-попевочная структура мелоса на базе ангемитонной (без полутонов) пентатоники. Тягучий образец напева «Золотарник» неоднократно использовался композиторами республики в качестве образца для музыкальной обработки.

На XIII Международном фестивале EARLY-MUSIC, проходившем с 5 по 30 сентября 2010 года в Санкт-Петербурге, наряду с европейской была представлена корейская музыка. На этом фестивале была также исполнена турецким ансамблем “Golden Horn” музыка Дмитрия Константиновича Кантемира, много сделавшего для связи русской и турецкой культур. Любопытно, что во времена императрицы Елизаветы Петровны, как известно, талантливой музыкантши, при дворе был ансамбль турецких музыкантов⁴.

Кроме музыки, несомненно влияние Востока на Запад в сфере пластических искусств. Эдвард Саид пишет только о том, что «в некоторых случаях репрезентации Востока можно связать с тюрьмами Пиранези, в других — с роскошью Тьеполо, в третьих — с экзотической величием живописи конца XVIII века. Похоже, в XIX веке, в работах Делакруа и в буквальном смысле дюжины французских и английских художников восточная живопись придала этим репрезентациям визуальное выраже-

¹ Гуревич П. С. Оперный театр Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1964. С. 25.

² Игнатов В. Мадам Баттерфляй из Улан-Удэ // Советская культура. 1994. 12 февр. С. 12.

³ Бабалова М. Моноопера из трех арий // Коммерсантъ. 1995. 2 дек. С. 12.

⁴ XIII Международный фестиваль EARLYMUSIC, 5–30 сентября 2010 г.: буклет. С. 13.

ние <...> Восток... в Европе конца XIX века превращается в нечто поистине хамелеонообразное под названием (в качестве прилагательного) “восточный” (ориентальный)¹. В то время, когда в Европе распространилась мода на шинуазри и тюркери, повсеместно строились китайские павильоны. Не беда, что в них почти ничего китайского не было. Так, для королевы Норвегии был выстроен китайский дворец, где крыши были изогнуты, но, увы, совсем не так, как это характерно для китайских пагод. Да и в России в пригородах Петербурга в залах, посвященных Востоку, полно деталей, не соответствующих первоисточнику. Так, на полу изображены драконы — священные существа, высоко почитаемые и потому никак не могущие быть попираемы. Фигуры женщин отнюдь не соответствуют физиологическим особенностям тела восточного человека. Они на изображениях разводят руки — что для приличной женщины в Китае было недопустимо. Кисти рук их обнажены — признак распушенности и бесстыдства.

В последующем обращение к Востоку становится все более широким и всеобъемлющим. Достаточно хорошо известен факт воздействия японской гравюры на импрессионистов. Творчество А. Матисса связано непосредственными узами с искусством Востока, что отразилось в его исканиях выразительных средств языка пластических искусств.

В России ярким примером обращения к Востоку могут служить работы К. Петрова-Водкина: «Его творчество можно уподобить зеркалу, смотря в которое Запад узнает в себе Восток, а Восток — Запад»². Сегодня постоянно проходят выставки восточного искусства в ведущих музеях мира, в том числе у нас в городе. Достаточно вспомнить выставки только 2010 года корейского искусства в Эрмитаже, японского искусства в Русском музее.

Если мы обратимся к современной архитектуре, то увидим, что многие выдающиеся архитекторы — выходцы из стран Востока. Но строят они не только у себя на родине, но и в Европе, чем заслужили всемирную известность.

Что же касается литературы, то здесь несть числа примеров, когда западные писатели обращаются в своих произведениях к Востоку. Так, огромный вклад в становление мифа о превосходстве культуры Востока над культурой Запада внес Г. Гессе во всемирно известных романах «Степной волк», «Сиддхартха». До сих пор появляются романы, в которых воспевается искусство Востока. Бестселлером стал роман Хелен Девиитт «Последний самурай» (у нас он издавался дважды — в 2004 и 2010 г.). Не говоря уже о распространении произведений писателей, родившихся и творящих на Востоке. Нашумевшая история с «Сатанинскими стихами» Салмана Рушди несколько заслонила

его творчество. Между тем им созданы прекрасные романы, например, «Стыд», опубликованный у нас на русском языке, интереснейшие исследования о положении турецких гастарбайтеров в Германии и т. д. Получили широкую известность на Западе Мураками и Орхан Памук — Нобелевский лауреат (правда, оба на родине не воспринимаемые однозначно).

В кинематографе мы видим такие достижения, за которыми Западу иногда трудно угнаться. В Индии налажено производство огромного количества фильмов, намного опередив Голливуд. Если же мы хотим обратить внимание на глубину и тонкость содержания произведений этого вида искусства, то, конечно же, японские фильмы Акиры Куросавы и Нагиса Осимы стали классикой XX века. В последнее время многие восточные школы кинематографии показывают выдающиеся успехи. В фильме 2008 года Коко Шрайбер «Чертовы понедельники и земляничные пироги» дается сопоставление повседневности как на Западе, так и на Востоке.

Столь же значительны успехи представителей науки. Недавно Нобелевским лауреатом стал ученый из Японии.

Столь же значительны взаимовлияния Востока на Запад и Запада на Восток в области кулинарии. Это ли не признание Запада равноправия с ним Востока?

Между тем Саид пишет: «Один из аспектов электронного мира постмодерна состоит в том, что стереотипы, через которые смотрят на Восток, получают определенное подкрепление. Телевидение, кино и все прочие медиаресурсы сводят всю информацию к более или менее стандартизированным формам»³. В этом есть доля истины, но она относится только к массовому искусству. Когда же мы обращаемся к наиболее серьезным произведениям, то всегда здесь присутствует тонкое, почтительное и глубокое постижение особенностей культуры Востока. Очень чувствительное и нервное ощущение проблемы «своих» и «чужих» всегда вызывает отторжение как одних, так и других. Не случайно обращение к книге Эдварда Саида, ибо она отражает чувства многих людей Востока, ощущающих несправедливое к ним отношение — как к Другим. И это рождает ответное чувство агрессии и жестокости. Безусловно, модернизация Востока должна состояться без его вестернизации, что удается не всегда.

Вполне можно согласиться с кредо Григория Померанца: «Я верю в возможность мировой цивилизации, где европейский принцип диалога наций (“концерта наций”) будет дополнен диалогом великих культурных коалиций, диалогом подступов к единому Богу. Но для того чтобы дух победил, нужно великое обновление... и в каждом из нас идет борьба духа любви с духом раздора и гибели. Вопрос о будущем всегда открыт»⁴.

¹ Саид Э. В. Указ. соч. С. 183.

² Даниэль А. М., Даниэль С. М. Запад и Восток в творчестве К. С. Петрова-Водкина // Советское искусствознание. М., 1989. Вып. 25.

³ Саид Э. В. Указ. соч. С. 45.

⁴ Померанц Г. Указ. соч. С. 561.

И. В. Мацеевский¹**ЭТНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В МИРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТЕКСТ И ТРАНСЛЯЦИЯ**

Этническая музыка в последние несколько десятилетий оказалась в довольно парадоксальной ситуации.

С одной стороны, войны, революции, идеологическая борьба, репрессии носителей традиции, урбанизация, стереотипизация вплоть до воинственной шаблонизации форм массовой культуры и массовой медийной трансляции, мутации сознания вплоть до решительного *противостояния традиций в недрах самой среды* — все это способствовало разрушению, а порой и полному уничтожению в некоторых регионах этнической музыки в ее живом реальном бытовании и функционировании.

С другой — расширение диапазона и задач современной глобализованной культуры, поиск новых выразительных возможностей искусства, путей *экологизации искусства* в общем контексте стремлений и тенденций оживить роботизированную человеческую популяцию, поиск свежего, *натурального* материала и живых форм непосредственного художественного взаимодействия носителей и реципиентов искусства, а также глубинных источников возрождения и развития национального искусства, *национальной идеи* и ее воплощения в творениях художественной культуры под самыми разными лозунгами вызвали на рубеже тысячелетий новый и доселе невиданный по масштабу взрыв обращения к этнической музыке.

Внимание к ней проявляется как в сферах науки, общего и художественного образования (от вузов до детских дошкольных учреждений), клубной работы, так и в самых разнообразных областях и формах современной коммуникации (массмедиа, Интернет и т. д.).

Все активнее зарождаются, изменяются, рушатся и вновь создаются многочисленные творческие группы этнического искусства самых разных направлений и форм. Для одних этническая музыка является, главным образом, лишь *материалом для типизации и тиражирования* в рамках определенных стандартов жанра и формы трансляции (интерпретации, артикуляции, исполнительского поведения, звуко- и видеозаписи, в прямом или опосредованном контакте со слушателем). Другие стремятся в той или иной мере возродить этническую музыку в

присущей ей *имманентной* системе ее порождения и коммуникации. В первых рядах здесь многочисленные, преимущественно молодежные профессиональные и аматорские, городские и сельские, студенческие, школьные, клубные (всех родов) фольклорные и этнографические группы и отдельные солисты — певцы, инструменталисты, танцоры, сказители, актеры-лицедеи и т. д.

В числе кардинальных в деятельности и современной художественной реализации этнической музыки всех видов художественных групп, к ней обратившихся, — проблема *исполнительской коммуникации* и соответственно характера *трансляции* ее образов, а также лежащих в их воплощении художественных структур перед реципиентами искусства (зрителями, слушателями и т. д.).

В естественных условиях бытования, функционирования, передачи и *континуации* традиционного этнического искусства *формирование* художественного *текста*, *текстовой структуры* песни, танца, наигрыша во всем комплексе ее составляющих (слово, напев, инструмент, техника игры, танцевальная лексика и мизансцена, многоголосие, фактура, композиция, артикуляция, тембр и т. д.) происходит каждый раз *заново* в процессе *непосредственной художественной коммуникации исполнителя-творца и реципиента* (включая взаимное общение певцов, инструменталистов, танцоров, актеров в процессе одновременного создания—восприятия).

Здесь важно осознать следующее. Характер коммуникации и соответственно путь формирования соответствующего звукового и визуального образа и его восприятия существенно связаны со спецификой того или иного *типа бытования* определенного музыкального образца в рамках *целостной* системы существования жанра и отдельного художественного произведения, конкретного акта функционирования данного произведения искусства в реальной ситуации.

Основополагающее значение имеет *психологическая установка* певца, инструменталиста, танцора на *характер коммуникации* с учетом объективных и субъективных обстоятельств исполнения. В их числе место и время исполнения (день, вечер, ночь и т. п.); тип и акустика помещения, температура, погода, влажность и т. д. И собственное состояние артиста, включая его настроение, и особенности его соматики и психики, голоса и двигательного аппарата, оптимальные на данный момент регистровые зоны, характер дыхания, состояние губ, языка, связок, резонаторов и пр. И соответственно особенности реципиента: ведь не в эфир летит, а *непосредственно к нему* обращена и *ему* транслируется та или иная образная, художественная информация.

Вместе с тем этот реальный звуковой образ, то есть единственная в своем роде и никогда более

¹ Композитор, заведующий сектором инструментоведения Российского института истории искусств, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Украины и Польши. Автор более 150 научных работ, посвященных проблемам традиционного инструментализма, композиции и импровизации, музыкального образования, пограничных и этнических культур, нескольких десятков крупных симфонических, камерных и хоровых циклов, в т. ч.: симфонии-концерта «Аз и Я», вокальных циклов «Духовные песни», «Беспокойство» и др. Написал музыку к 12 кинофильмам. Член Союза композиторов России и Украины. Член Международного совета традиционной музыки ЮНЕСКО. Председатель Программного совета Центра народной и духовной музыки Центрально-Восточной Европы (Люблин).

не повторяемая текстовая структура, воспринимается каждый раз не как новое, не как *другое* произведение, но лишь как оптимальное для той или иной художественно-коммуникативной ситуации *воплощение* одного, единого по своей сути произведения, одной песни, одного инструментального творения, более того — даже как *та же самая песня, тот же самый наигрыш...*

История этномузыкалогии — это в значительной мере история поисков учеными объяснения данного феномена.

Один из путей решения опирается на *априорное универалистское заблуждение* (по образному определению классика этномузыказнания XX века Е. В. Гиппиуса) — видеть в основе разных исполнительских или региональных *версий* (!) некий «изначальный» или «воображаемый певцом или музыкантом» *текст-образ, текст-архетип* и затем моделировать его (воздействие опыта восприятия письменной, композиторской музыки с ее изначальным нотным текстом здесь очевидно). Отработаны даже методы построения такой модели на основании моделирования *ритмического архетипа* (К. В. Квитка, В. Л. Гошовский и др.), вертикального сопоставления вариантов и поиска общих тонов или ладомелодических центров, так называемого мелодического типа (И. И. Земцовский) и т. д. В этом же контексте — поиск *песенной парадигмы*, трактуемой как формула возможного набора вариантов, отсюда и трактовка жанра как *совокупности* определенных групп песен (наиболее последовательна здесь С. И. Грица). Тезаурус носителей письменной традиции сказывается и в соответствующих формах исполнительской интерпретации, ориентированной (вольно или невольно) на некий «основной», «исходный» мотив.

Более продуктивным, в особенности в контексте поисков путей перенимания и соответственно континуации аутентичных форм музицирования и передачи традиции, нам видится представление о каждом реальном исполнительском *музыкально-этнографическом факте* как *элементе множества* возможных текстов (в математическом смысле),

объединенных общими *законами структурирования* (в том числе артикулирования) в рамках художественной *системы*, воспринимаемой традицией как одно целостное, *единое произведение*, единая песня, танец, наигрыш.

В связи с этим чрезвычайной осторожности требует и терминология, в частности употребление понятий «импровизация», «варьирование», «интерпретация», «исполнение». Ведь условия коммуникации при нормативном, изначальном, традиционном функционировании этнической музыки не позволяют *ни репродуцировать* какую-либо единую текстовую структуру, *ни варьировать*, то есть *изменять*, нарушать ее цельность в рамках действующих *границ данного множества*.

Расширение круга документированных (зафиксированных любыми видами аудиовизуальной техники) аутентичных реализаций в рамках каждой песни, каждого инструментального произведения, каждого танца, каждой игровой композиции, выявление принципов исполнительского порождения «правильного» (для соответствующего типа коммуникации) текста, а также стационарное и аналитически контролируемое обучение у традиционных мастеров этнической музыки, народных певцов, музыкантов, лицедеев, безусловно, должно повысить уровень достоверности представлений исследователя и вторичного интерпретатора, транслятора этнической музыки.

В противном случае его интерпретации будут обладать лишь технологическими, а отнюдь не существенными отличиями от трактовок традиционной песни академическими или поп-музыкантами, так называемыми народными хорами, оркестрами народных инструментов, поп-группами, ансамблями этно, этно-поп, этно-рок и т. д.

Реализация того или иного вектора трансляции, естественно, существенно усиливается соответствующими действиями мастеров современных форм массовой трансляции, звукорежиссеров, создателей телевизионных, радио-, видео- и мультимедийных программ.

А. Н. Медушевский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Возможности и пределы диалога культур определяются изменением социальных отношений и взаимодействий, эмпирической базой исследований, принятыми познавательными методами. В гумани-

¹ Главный редактор журнала «Российская история», главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), ординарный профессор Высшей школы экономики, доктор философских наук. Автор более 350 публикаций, в т. ч. книг: «Утверждение абсолютизма в России», «История русской социологии», «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе», «Сравнительное конституционное право и политические институты», «Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI века», «Теория конституционных циклов», «Размышления о современном российском конституционализме» и др.

тарном познании XX века констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с отсутствием четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей — несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности.

Три основные проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», то есть мотивация поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов — глобали-

зация — привел к разрушению устойчивых, исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс — информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) — уже к середине XX века привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс — познания «другого» — связан с необходимостью восприятия чужой культуры и мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (то есть таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX века *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании звания истории как полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в немецкой неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идеографических — неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

Диалог культур предполагает обращение к истории как науке, но последняя нуждается в радикальном изменении методов познания и повышении доказательности и сравнимости выводов. История может быть наукой в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, то есть выражать системообразующее свойство феномена человека. Эти три параметра присутствуют в *новой теории когнитивной истории*, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленного человеческого поведения. Развиваясь в эмпирической реальности, данное поведение неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания,

возможного на основе методов классического источниковедения.

Таким образом, когнитивная история в широком смысле есть наука о культуре — человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, а также информационного продукта своей целенаправленной деятельности (с позиций исторической науки он выступает в качестве исторического источника, содержащего намеренно заложенную создателем и ненамеренную информацию). Теория и методология когнитивной истории, разработанная выдающимся российским ученым О. М. Медушевской (1922–2007), стала результатом научного синтеза ряда новых и вполне традиционных направлений гуманитарного знания — информатики и так называемых когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, и историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии — с другой. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX века¹.

Диалог культур не может обойти проблему качества информации. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником: это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационного ресурса, но с другой — резко снизило качество информации (которая часто не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). Это актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и вообще теоретического источниковедения применительно к современной эпохе. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, следовательно, и степень адекватности научных представлений. Несомненным приоритетом современной теории и методологии истории становится продвижение к исторической аналитике доказательного и точного знания².

На этой теоретической основе (методов когнитивных наук) возможно расширение границ диалога культур при решении следующих аналитических задач: определения критериев достоверности научного знания как центральной проблемы методологии и теории истории и источниковедения, выработки на этой основе отношения к различным направлениям и школам в современной теории исторического познания; изменения баланса междисциплинарных отношений исторической науки; выяснения инно-

¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Она же. Теория исторического познания: избр. произведения. — СПб., 2010.

² Подробнее см.: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10; Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4.

вационной составляющей социологических, правовых, экономических и антропологических подходов для решения задач исторической науки. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой: понимание истории как строгой и точной науки (и тогда сохраняется значение разработки методов критической проверки данных и установления критериев доказательности выводов) или восприятие ее как одной из разновидностей искусства (субъективного конструирования реальности), то есть следование релятивистским установкам, размывающим научные методы (представленным в учениях постмодернистов, сторонников деконструктивизма, герменевтики или их последователей). Определение позиции исследователем зависит от ряда внешних факторов, выявляемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанным нравственным и интеллектуальным выбором.

В контексте новой ориентации когнитивной методологии и аналитической истории актуальны результаты обсуждения в российской исторической науке следующих приоритетных направлений:

- методы исторических исследований и формулирование критериев достоверности научного знания;

- критическое переосмысление историографической традиции, необходимое для формирования новой научной этики и придания нового импульса исследовательской работе;

- расширение проблематики методологических подходов в контексте модернизации, глобализации и информатизации;

- научная постановка вариативности интерпретационных концепций, конструирования моделей исторических процессов и реконструкция стратегий направленных социальных изменений в истории;

- выяснение отношений исторической науки и социальной практики меняющегося мира, в частности в области информационных технологий направленных социальных изменений в истории.

К числу ключевых проблемных областей должны быть отнесены: основы социальной и культурной адаптации индивида в условиях быстрых социальных изменений; конструирование информационной картины мира и социальной реальности по таким параметрам, как пространство (географические рамки диалога цивилизаций), время (представления о прошлом и настоящем, основанная на них картина будущего); смысл существования (когнитивные основы мотивации поведения). С этих позиций реконструируются направления консолидации национальной идентичности; крупные социальные катастрофы, причины возникновения и выход из них (опыт революций и реформ); формы собственности, их юридическое обоснование, факторы, определяющие их смену и степень легитимности; выявление реальной социальной структуры и стереотипов сознания; формы правления — их правовые основы, политический режим, институты и их функционирование; изменения правовых институтов и соци-

альных отношений в пространстве диалога цивилизаций и обмена историческим опытом.

Современный этап российской истории позволяет подвести итоги грандиозного социального эксперимента, связанного с веком революций, гражданских войн и коммунистического правления. Это подведение итогов чрезвычайно важно для поиска исторических и новых основ национального существования, формирования идентичности, а также определения места страны в условиях глобализации — процесса превращения мира в единую экономическую, технологическую и информационную систему. Проблема национальной идентичности является одной из определяющих для XXI века и включает ряд составляющих: параметры данной идентичности; определение того, являются ли продуктом исторического развития или результатом искусственного конструирования; понятие нации и ее интерпретации — гражданской (политической) нации и этнической (культурной) нации. Соотношение таких понятий, как «народ», «нация», «этнос», имеет значение для анализа их применения в постсоветской реальности (понятия «россияне», «русские», «соотечественники» и др.). Очевидно, что все эти проблемы имеют важную историческую составляющую — становление национальных государств, их основных признаков в истории (территория, гражданство, законодательство, институты власти, идеология, образование, символика, культура), — закладывая основу интеграционных и дезинтеграционных процессов на современном этапе.

В центре внимания — сопоставление и критический анализ исторического опыта многонациональной Российской империи, советской модели решения национального вопроса и современных (постсоветских) концепций национальной идентичности, связанных с ними политических трактовок национального и государственного суверенитета, моделей конфедерализма, федерализма и унитаризма, альтернатив дипломатического признания (или непризнания) новых государств, историческая память, границы государства, соотношение конфессиональной и национальной идентичности, символика российской государственности. В этой перспективе актуально обращение к проблемам периодизации, в частности к соотношению периодов Киевской Руси, Московской Руси, Петербургской империи, Советского Союза и Российской Федерации, анализу причин перехода от одних типов государствственности к другим, социальным конфликтам, которые сопровождали их смену. Сравнение трех кризисов государства при переходе к Новому и Новейшему времени — Смутного времени начала XVII века, социальных революций начала XX века и демократической трансформации конца XX века — проводится по побудительным мотивам и началу возникновения (конфликт легитимности и законности); по логике разворачивания и движущим силам (какие социальные группы выступали за стабильность, а какие — за дезинтеграцию); по политическому выражению (спонтанный процесс социального разрушения

и консолидация на новых конституционных основах); влиянию на стабильность государства (распад и восстановление во всех трех случаях); соотношению в этих конфликтах внутренних (социальная структура традиционного общества и ее модернизация) и внешних факторов (войны, интервенция, дипломатия); институциональных параметров конфликта (противостояние между законодательной и исполнительной властью, так называемое двоевластие и последующее разрешение в пользу одной из ветвей власти). Это направление исследований открывает возможности отыскания определенного типологического сходства переходных политических режимов, возникающих в ходе этих конфликтов, и их идеологических формул, сравнения конфликтов по социальным параметрам, продолжительности и динамике развития.

Чрезвычайно важна возможность выхода из таких кризисов, связанная с анализом исторического опыта революций и реформ. Если ранее приоритетной проблематикой являлась история революций и движений социального протеста, то на современном этапе, как показывает ряд круглых столов, проведенных в Журнале «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история») к 90-летию юбилею российских революций начала XX века, можно констатировать существенное изменение исследовательской парадигмы: опыт революций выступает не конструктивным решением проблем, но, скорее, интерпретируется как срыв модернизации в ее правовых формах — ретрадиционализация общества (восстановление архаичных институтов и представлений, становившихся тормозом устойчивого и предсказуемого процесса социальных преобразований). Революция, если она не приводит к восстановлению правового порядка, выступает скорее как цивилизационная ловушка, способная поглотить достижения предшествующего позитивного развития. Это делает актуальным обращение исследователей к другому способу социальных преобразований — реформам, направленным на модернизацию традиционного общества. Этот путь интерпретируется как возможность позитивных изменений, причем включает различные технологии их осуществления. Приоритетным направлением исследования становится сравнительный анализ и альтернативы формирования российской государственности, история государства и права (ранее практически исключенная из сферы научного исследования для периода нового и новейшего времени), типология реформ, способов их осуществления в истории, возможности использовать их опыт (как позитивный, так и негативный) в современных преобразованиях.

Основными направлениями дискуссий в рамках культурного диалога должны быть признаны социальные корни и заимствования правовых норм и институтов; исторические конструкции разделения властей, парламентаризма, судебной системы; сопоставимость форм правления и политических режимов в России и в других странах; значение исторического опыта при выборе современной формы

правления, конструкции федерализма и бикамерализма, разделения функций институтов центрального и местного управления и самоуправления при проведении современных конституционных, земельных, административных и судебных реформ; вопросы оптимальных и ошибочных институциональных решений; формирование гражданской службы и этических принципов ее функционирования. Все эти проблемы включают анализ *изменения культурных стереотипов, социальных отношений и правовых институтов в контексте процессов модернизации, глобализации и информатизации*. В контексте этих подходов несомненную важность представляет практика журнала «Российская история» по разработке проблемной области аналитической истории как теории исторических исследований и социальной практики¹.

На основе теории когнитивной истории становится возможным выстраивание методов и критериев *доказательности и проверки* знания; научное конструирование — *построение модели* (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса и *прогнозирование* — аналитический вклад, в ходе которого выявляются фазы процессов, прошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (науки о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания. *Познаваемость социального (исторического) процесса* определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это дает истории стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект, следовательно, открывает перспективы полноценного диалога культур с позиций сравнительно-исторического, структурно-функционального и антропологического подходов в режиме настоящего времени.

В науках о человеке присутствуют осознанная человеческая ориентированность на прожитый опыт (обобщенный в научном знании) и стремление избежать его негативных последствий. Человечество — открытая система, и здесь возможно лишь «упреждающее прогнозирование». Эту функцию и берет на себя наука о человеке, особенно социология истории и историческая наука в ее широкой трактовке. В этом состоит значение когнитивной истории — теоретического течения современной мысли, направленного на создание стройной и логически непротиворечивой концепции социального познания. Аналитика реализованных в ходе исторического процесса вариантов развития становится инструментом упреждающего прогнозирования.

¹ См.: Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5. С. 3–18.

А. М. Мелихов¹

«КОММУНАЛКА» КУЛЬТУР

В либеральном мире возникла риторика, в которой диалог и толерантность предстают такой же панацеей, как диктатура пролетариата — в марксизме-ленинизме. Однако мне представляется, что толерантными и прагматичными бывают только победители, желающие спокойно наслаждаться плодами своего успеха. Победенные же всегда их ненавидят и сочиняют самоутешительные сказки в том духе, что проиграли они исключительно из-за своего великодушия и благородства, а победители восторжествовали над ними только потому, что были подлыми и безжалостными. Увеличить толерантность в нашем мире можно, лишь уменьшая количество людей, которые ощущают себя побежденными. Однако ни на одном пьедестале почета не могут разместиться все желающие — иначе он перестанет быть пьедесталом...

Но можно ли предоставить каждому народу, каждой цивилизации отдельный пьедестал? Именно этим народы занимаются в периоды своего становления: каждый из них создает свою культуру, свой пьедестал для самовозвеличивания и сохраняет жизнеспособность лишь до тех пор, пока в нем живет эта коллективная греза. Поэтому вопреки либеральному катехизису национальные культуры не сближают, а, напротив, наиболее остро разобщают нации. Не респектабельные космополитические «вершки» культур, но полубессознательные «корешки» предвзятостей и преданий, «обосновывающих» убежденность (всегда иллюзорную) каждой нации и включающей ее цивилизации, что именно она «самая-самая», — ради этой убежденности они и создаются.

Компромиссный диалог возможен при дележе прибыли, но не на конкурсе красоты. А состязание народов больше похоже на конкурс красоты, чем на торг дельцов. Нации создаются и объединяются в цивилизации не ради достижения каких-то практических материальных целей — для этого существуют промышленные и финансовые корпорации, включая криминальные, а ради обретения (всегда иллюзорного) чувства избранности, уникальности, причастности к чему-то прекрасному, почитаемому и долговечному. Но представляете общество, в котором избранными себя считают все? Когда имеет место конкуренция не прибылей или технологий, а вымыслов?

Увы, вопреки либеральным сказкам, чем больше народы соприкасаются, чем лучше узнают, тем силь-

нее раздражают друг друга. Каждый начинает понимать, что его возвышенному образу самого себя нет места в мире другого, что другой, точно так же, как и он сам, прибегает к наиболее возвышенным чувствам для себя самого. Конфликты грез нельзя преодолеть никаким «воспитанием толерантности», ибо толерантность является не самостоятельным качеством, а всего лишь следствием уверенности в своей неуязвимости.

Свой принцип взаимодействия культур я бы рискнул сформулировать так: народы должны общаться посредством своих рационализированных элит и прагматизированных периферий, а соприкосновение национальных тел, их культурных ядер желательно свести к минимуму.

Главные трудности межкультурного общения возникают тогда, когда в соприкосновение вступают массы. Ибо у массового человека есть опасная склонность судить каждую социальную группу по наиболее вредоносным ее представителям. Сегодня у множества простых людей ислам, например, ассоциируется с терроризмом. Чтобы если не устранить это предубеждение полностью, то хотя бы его ослабить, необходимо на эмоционально впечатляющих примерах постоянно демонстрировать, что исламский мир не есть нечто единое, цельное, единодушно поднимающееся на борьбу с неверными, что с этим миром можно вполне успешно сотрудничать, а экстремисты отвергаются большинством своих соотечественников.

Чтобы уменьшить страх одной культуры перед другой, нужно прежде всего изображать вызывающих тревогу соперников слабыми, страдающими, ибо сила всегда вызывает тревогу. И все-таки следует отчетливо сознавать, насколько наивна концепция мультикультурализма, рассчитывающего на мирное равноправное сосуществование многих культур в пределах общего государства: культуры в основе своей направлены не на равенство, а на доминирование, исключительность. Если культура не обеспечивает человека иллюзией, что он является частью чего-то «самого-самого» прекрасного и справедливого, у него исчезает мотив ее защищать, приносить ей даже скромные жертвы. И тогда она обречена на поражение и распад, а принадлежащие ей люди — на ужас ничтожности перед бесконечно огромным и равнодушным мирозданием.

Главная задача культуры и заключается в том, чтобы создать защитный слой иллюзий, ограждающих человека от осознания собственной мизерности. А потому каждой культуре необходим собственный уголок, в котором она ощущала бы себя безраздельной хозяйкой, нужно по возможности избегать культурных «коммуналок». Однако сегодняшняя глобализация создает подобные «коммуналки» в невиданных прежде масштабах, а потому избежать столкновения упрощенных культурных ядер — стол-

¹ Писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург). Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отечественным гробам», «Интернационал дураков» и других, а также 60 научных работ по математике. Ряд литературных произведений переведен на европейские и китайский языки. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя и др.

кновения массовых иллюзий — в пределах одной страны уже практически невозможно.

К счастью, подавляющее большинство мусульман по-прежнему остаются в местах своего традиционного проживания. И чтобы не создавать из них террористов или «сочувствующих», Запад, как более экономически сильный, не должен посягать на их защитные грезы, должен минимизировать культурную экспансию — это можно назвать принципом максимального культурного невмешательства. Западные люди обычно замечают вторжение «чужаков» в свою культурную среду, но не замечают вторжения своих обычаев, нравов, вкусов, образцов и образов в культурную среду тех, чьей агрессии они опасаются. Однако их агрессия порождена ровно тем же самым страхом — оказаться людьми второго сорта в собственном доме.

Каждый человек хотя бы у себя дома должен ощущать себя самым мудрым, самым справедливым и самым уважаемым. Такое возможно лишь в отдельной квартире, но никак не в коммуналке. И современный терроризм в какой-то мере может быть уподоблен высокоидейной коммунальной склоке. Культуры обогащают друг друга только на расстоянии, когда каждая *добровольно* берет у другой то, что ей нравится. Вспомним, как мы любили Запад издавна, как доставали книги Ремарка и Хемингуэя, как почти подпольно развивали джаз и переименовывали улицу Ленина в Бродвей! И какую настороженность, а то и враждебность начал вызывать американский образ жизни, когда россияне начали угадывать в его проникновении в свою культурную среду пренебрежение и принуждение...

Однако приостановить культурную экспансию хотя и трудно, но все-таки возможно, когда речь идет о культурах, разделенных государственными границами. А как быть с культурами, оказавшимися в пределах одного государства вследствие завоеваний или миграций?

Уничтожить борьбу культур за первенство невозможно, можно лишь добиваться первенства в разных сферах, уверяя себя (только про себя, а не вслух), что именно твоя сфера и есть самая главная. Так, чемпион по бегу свысока поглядывает на чемпиона-штангиста, тот отвечает ему взаимностью, и в результате все довольны, пренебрегая ироническим взглядом чемпиона по шахматам.

Это разделение и следует оберегать, не замахиваясь на невозможное — на дружбу народов: индивиды разных национальностей могут дружить сколько угодно, но народы дружить не могут, ибо их порождает стремление не к равенству, а к избранности, скромные народы надолго не задерживаются на исторической арене. Часто слышишь: «Как это не может быть дружбы народов, вот у нас в батарее служили два грузина, один еврей, три казаха... У нас в коммунальной квартире жили два еврея, один грузин, три прибалта!..» Нужно разъяснить, что дружба индивидов и дружба народов — это совершенно разные вещи, что в артели, роте или коммуналке люди не являются представителями своих народов, ибо

народы суть огромные наследственные *структуры*, объединенные коллективными иллюзиями, не выдерживаемыми скептического взгляда чужака, а потому опасющиеся чужаков.

Простому человеку, который чувствует себя проигравшим какому-то пассионарному чужаку в бытовой ситуации, начинает казаться, что он проиграл всю страну, и он склоняется к лозунгу «Россия для русских». Поэтому *в уверенном доминировании, а следовательно, и миролюбии русских заинтересованы прежде всего национальные меньшинства*.

Для того чтобы представители разных культур могли хотя бы в какой-то степени слышать, входить в положение друг друга, сильные должны осознать свою силу, а слабые — свою слабость. Сильные не должны впадать в истерику, а слабым не следует бросать вызов тем, от чьего миролюбия зависит их судьба. Последнее, правда, наиболее мучительно для национальной гордости меньшинств, и я вовсе не предлагаю им отказаться от нее, то есть исчезнуть. Я предлагаю лишь испытывать эту гордость в тех сферах, где более ценится индивидуальная воля, индивидуальный талант, где можно достичь огромного личного успеха и при этом сделаться предметом любви и гордости русского большинства, как это удалось Муслиму Магомаеву, Махмуду Эсамбаеву, Высоцкому, Окуджаве, Алферову, Слуцкой...

Нужно почаще давать понять простому человеку, что все международные успехи российских ученых, спортсменов, художников в конце концов приписываются русскому народу, подобно тому как славу Петербурга составляют архитектурные шедевры, построенные итальянскими зодчими.

Представители национальных меньшинств могут достигать высоких успехов в культуре большинства, не вызывая ничего, кроме любви и гордости, пока они не ощущаются инородным вторжением в доминирующую культуру: *равенство индивидов вполне возможно, но равенство культур — опасная утопия*, доминирующая культура этого не допустит, только потерпев поражение в гражданской войне. «Кто в доме хозяин?» — этот роковой вопрос надолго заслонит все культурные проблемы. Конкуренция индивидов рождает только раздражение, а конкуренция культур — святую самоотверженную ненависть, ибо утрата чувства коллективной избранности оставляет человека беззащитным перед лицом грозной вечности. Зато если национальные меньшинства будут развивать свою культуру для собственного пользования (для чего все национальные культуры изначально и предназначены), то вполне может оказаться, что — на некотором расстоянии — ею будет очаровано и национальное большинство. Культурные различия приветствуются и заимствуются всеми народами, пока это ощущается как *добровольный выбор* — так в русскую культуру вошли силлабо-тоническое стихосложение, архитектурный классицизм, балет, шашлык и джаз. Но даже слабый намек на принудительность, насильственное вторжение немедленно вызовет реакцию отторжения.

Вообще успехи, позволяющие каждому народу гордиться собой и очаровывать других, создает его национальная аристократия. И потому создание национальной аристократии, ставка на самых одаренных и романтических, — самая мудрая национальная политика. Это наилучшая реализация принципа «вызывать уважение успехами, а не давить на жалость несчастьями». Тем более что ресурсы сочувствия так же ограничены, как и материальные ресурсы, и делят их едва ли не с еще более острыми обидами. Поэтому даже самым многострадальным «малым народам», имевшим несчастье навлечь на себя зависть и настороженность заметной части «большого народа», лучше не ввязываться в это состязание, в котором каждая сторона будет преувеличивать собственные раны и преуменьшать чужие: в любом подобном состязании проиграет тот, кто физически более слаб.

«Малым народам» не стоит забывать о том, о чем в личной жизни с грустью помнит каждый разумный человек: что бы с тобой ни стряслось, у других на первом месте все равно будут оставаться их собственные заботы, и власть, даже благожелательная (насколько власти вообще может быть присуще это свойство), ни из-за какого «малого народа» не станет всерьез ссориться с «большим».

Поэтому даже по вопиющим поводам обращаться за поддержкой к народу и власти следует совершенно по-разному, памятуя о том, что у них совершенно разные цели: у народа на первом месте — гордость, у власти — безопасность. Обращаясь к народу, необходимо подчеркивать его великодушие и безупречность, снимая с него ответственность за действия мерзавцев и психопатов, сколько бы их ни набралось («нацисты не имеют национальности»), и напирая на общую заинтересованность в спокойствии и процветании общей страны (что чистая правда). Власти же убедительно нужно реагировать на то, что, закрывая глаза на «подвиги» нацистов, она наживает больше неприятностей (для себя), чем предотвращает.

Это о разумном поведении народов «малых» по отношению к народам «большим». Для «внутреннего употребления» им можно дать еще один совет: меньше пафоса. Разумеется, преступления против ни в чем не повинных людей необходимо клеймить как бесчеловечные, «про себя», однако, понимая, что они очень человеческие: ощутив хотя бы мнимую угрозу своим воодушевляющим сказкам, ни один народ не сумел избежать безобразных жестокостей. Если не предъявлять к человеческой природе завышенных требований, будет меньше поводов для обид. И если даже человек делается любимцем и гордостью «большого народа», то все равно до конца он никогда не станет своим, своими могут стать разве что его внуки. А этого человека откровенный культурный диалог непременно будет чем-нибудь задевать.

С этим нужно либо смириться, либо уезжать в любой из миров, где человека ждут аналогичные проблемы. Поэтому лучше быть терпимым к тому,

чего избежать все равно не удастся. Правда, это легче провозгласить, чем исполнить: не имитировать терпимость, а быть по-настоящему терпимыми удается только сильным.

Относительный мир между народами в былые времена удавалось установить лишь имперской власти, которая оказывалась сильнее каждого покоренного народа в отдельности и даже сильнее союзов, созданных народами. Правда, такого могущества практически ни одной империи достичь не удалось — ни одна из них не была настолько сильна, чтобы одолеть всех своих вассалов или, по крайней мере, сделать это, не подвергая опасности собственное существование. Отсюда и родился принцип «разделяй и властвуй». А зрелые империи пришли к еще более мудрому принципу (отчетливо, по-видимому, его не формулируя): собирай подати и не трогай культуру. Это и есть наиболее безопасный диалог культур или, по крайней мере, основание к таковому — культурное невмешательство. По возможности не трогай религию, обычаи — словом, ничего из того, что относится к главной человеческой ценности — коллективным иллюзиям. Сохрани за покоренными народами право молиться, как они хотят, жениться, как хотят и на ком угодно, есть, пить, танцевать, одеваться и даже судиться — разумеется, под контролем «федеральной» власти. Лучше всего, если собственная элита будет управлять народами-вассалами, усыпляя ее гордость возможностью входить в элиты «федеральные», тогда как гордость «плебса» будет убаюкана тем, что с чужеземцами в своей будничной жизни ему сталкиваться почти не придется.

О чем-то подобном сегодня рассуждают прагматичные лидеры национальных общин: о праве на собственный суд, разумеется, под присмотром федеральной власти. Иными словами, если община этим правом начинает злоупотреблять, последуют определенные санкции — вплоть до ее лишения этой почетной прерогативы. Но если община обеспечивает правопорядок среди своих сочленов, тогда и ее культурная деятельность станет вызывать более сильную симпатию.

Теоретически добровольные национальные общины и могли бы сделаться теми отдельными кварталами, в которых каждая культура могла бы безмятежно наслаждаться своей избранностью, не раздражая посторонних свои самомнением, открывая им лишь свои общечеловеческие элементы. Вопрос: как предотвратить конфликты между этими «уникальностями»? Ведь мир в былые времена обеспечивался отнюдь не равноправием, а неравноправием: те национальные общины, которым удавалось привести своих членов к миру с социальным окружением, каким-то образом поощрялись, те, которые не сумели обуздать своих жуликов, насильников и экстремистов, лишались этих поощрений...

Все это по силам (как тогда, так и сейчас) осуществить лишь «федеральной», «имперской» элите, заинтересованной в сохранности и процветании многонационального целого. Если же такая элита оказывается неспособной укротить кнутом или

пряником неизбежные амбиции отдельных народов, она открывает путь конфликтам всех со всеми. По крайней мере раньше всегда было так: или все ненавидят центральную власть и представляют, что без нее жили бы в мире и дружбе, или все ссорятся друг с другом и мечтают о центральной власти, у которой они могли бы найти управу на наглость соседей.

Итак, мы приходим к выводу, что для более или менее безопасного диалога культур необходимо реабилитировать выражение «имперское сознание», в определенных кругах уже давно превратившееся в ругательство. Рискну предположить, что *имперское сознание заставляет жертвовать этническими интересами во имя общегосударственного целого*. То есть имперское сознание — вовсе не высшая концентрация национализма, как сегодня многие привыкли считать, а, напротив, его преодоление.

Хочется призвать национальные меньшинства: берегите имперское сознание! Только уверенность народа-хозяина в своей силе и ответственность за многонациональное целое обеспечивает вашу безопасность. Однако одной безопасности недостаточно, есть еще и гордость. Но ведь самоутверждаться

вне сферы борьбы за власть можно во много раз более успешно — собственно за пределами этой коммуналки и начинается самое восхитительное и долговечное! А задирая русское большинство, изображая его естественный патриотизм чем-то низким и зловонным, ставя под сомнение его право на государственное доминирование, вы все равно не добьетесь силового равенства, но лишь пробудите мстительность и национальный реваншизм: скинхеды — это первые и самые убогие «цветочки». Берегите имперское сознание, ибо на смену ему может прийти только националистическое!

Организационные формы взаимоотношений национальных общин с народом доминирующей культуры могут быть разными. Главное — чтобы они служили единой базовой стратегии: *каждая культура должна быть спокойна за фундаментальное, культуурообразующее чувство собственной исключительности, за свое традиционное наследие, в чем бы оно ни заключалось: в территории, социальной функции или образе самой себя, — только в этом случае культуры смогут, не вызывая вражды, обмениваться своими общечеловеческими элементами*.

А. Н. Мосейко¹

РУССКИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Диалог культур в современном мире разворачивается в парадигме *вызова*, формирующейся и постепенно распространяющейся во всем мире глобальной культуры (по происхождению западной и американской), и *ответа* со стороны обществ и культур, которым был брошен вызов.

Наиболее острый характер этот *вызов* приобретает в диаспорах, объединяемых по принципу цивилизационного единства в «миры» (китайский, африканский, русский). Каждый из этих миров представляет культуру страны исхода, однако в силу жизненных обстоятельств диаспоры, находящиеся в различных странах, интегрируют и культуру стран проживания. Нас прежде всего интересует *ответ* русского мира, точнее, реакция на глоболизирующую культуру выходцев из России, живущих в Европе, США, Австралии. С какой культурой они себя идентифицируют?

История русского рассеяния связана со сложнейшими процессами идентификации, имеющими различные формы и пережившими различные этапы развития. Для понимания проблем идентификации эмигрантов, живущих в инокультурном, иноязычном окружении, важной представляется теория диалогизма, разработанная М. М. Бахтиным,

который считал, что процесс самоидентификации происходит в оппозиции, диалоге с образом «другого», другой культуры. Диалог культур, идентичностей образов — полифоническое (по терминологии М. М. Бахтина) поле диалога взаимодействующих культур, цивилизаций².

Для русских эмигрантов организация своего «жизненного мира» в недрах иной культуры повседневности — всегда потрясение, культурный шок. Неизбежно разворачиваются процессы аккультурации, которые включают как монологические варианты — *ассимиляцию* (поглощение доминантной культурой) или *сепарацию* (ее полное отторжение), так и их диалогическую альтернативу — *интеграцию*, то есть двойную идентификацию: со своей культурой и (в той или иной мере) с культурой принимающей страны. Последняя является наиболее продуктивной.

Эмигранты послереволюционной волны адаптировались на чужбине чаще всего по типу сепарации. Они стремились в своей повседневной жизни сформировать анклав зарубежной России с единым языком, культурой, бытовыми привычками и формами жизнеустройства. Основой их самосознания была идентификация с многовековой русской культурой, ее неуничтожимыми ценностями. Писатель Б. Зайцев отмечал: «Чем далее идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество. Все более уходим душою с чужой земли, возвращаясь к вечному и духовному в России»³.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 29–30.

³ Зайцев Б. Жизнь с Гоголем // Современные записки. Париж, 1935. № 59.

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарное исследование» и др.

Сохранение духовного наследия русской культуры — эта задача, даже миссия, стала основой самоидентификации русского зарубежья первой волны. Самоидентификация — это всегда выбор, и особенно острым он стал для молодого поколения писателей — эмигрантов первой волны. Они уехали из России детьми, подростками или в очень юном возрасте. Молодые поэты, писатели плохо помнили Россию, у них не было острого чувства необходимости хранить традиции культуры России, жить в постоянном диалоге с Россией, в тени ее постоянного незримого присутствия. Утрата корней приводила к неискоренимому одиночеству. Их не публиковали на русском языке, они не имели своего читателя. Это поколение «молодых апатридов». В. С. Варшавский назвал их «незамеченным поколением»¹, хотя, несмотря на отверженность, одиночество, беспочвенность, большинство из них сумело сохранить в изгнании верность высоким заветам русской культуры, идентификацию с ней. К этому поколению принадлежат писатели Б. Поплавский, В. Варшавский, В. Яновский, В. Сирин-Набоков, Г. Газданов и др.

В идентификации творческой интеллигенции молодого поколения был и другой путь — войти в западную литературу, писать на европейских языках. Но это путь отказа от родного языка и перехода в чужой язык и чужую культуру. Практически это новая идентификация, новое имя, разрыв с Россией (Анри Труайя, Эльза Триоле, Ромен Гари, Питер Устинов, Натали Саррот и др.).

Для эмиграции послевоенной и советской волн в силу различных обстоятельств приемлемой была добровольная культурная ассимиляция в стране проживания, стремление освоиться в господствующей культуре повседневности, по возможности не выделяться из нее. Но так ли просто обстояли дела с внутренней самоидентификацией?

Идентификация — понятие сложное, комплексное, многоуровневое. Оставив в стороне социобиологический уровень (гендерный, возрастной), необходимо обратить внимание на наличие социального, личностного, политического, повседневно-бытового, национально-этнического, культурно-цивилизационного уровней. В статье основное внимание уделяется культурно-цивилизационному уровню идентификации. В процессе адаптации эмигранты полностью интегрируются в социальную среду стран проживания, идентифицируются с ней. Однако в своем личном духовном пространстве, своем жизнеустройстве они сохраняют доминанту русской культуры, идентифицируются с ней.

Информант Ольга — преподаватель университета в Сиднее — рассказала об эмигрантской судьбе своей семьи. Сначала мать Ольги обосновалась в Германии, вышла замуж за немца, после смерти мужа переехала с дочерью в Тунис, где не смогла устроиться. По совету друзей переехала в Австралию, где семья постепенно обустроилась, Оль-

га смогла окончить университет. Ольга — гражданка Австралии, имеет австралийских друзей, любит эту страну, в то же время она является прихожанкой русского православного храма, в семье читают русскую литературу, говорят по-русски. Ольга после пребывания в Москве сказала, что только в России почувствовала себя «дома». Перед нами пример двойной идентификации, особенно характерной для второго и последующих поколений русских эмигрантов.

Психолог М. М. Лебедева в 1991 году во время работы I Конгресса соотечественников провела эмпирическое исследование особенностей самосознания русских эмигрантов первой и второй волн и их потомков. По ее мнению, реальная Россия почти не присутствует в сознании исследуемых, их этническая идентичность базируется на образе иной, идеальной России, причем этот внутренний образ у каждого свой².

Особенно сложны и противоречивы процессы идентификации эмигрантов третьей волны. Некоторые исследователи отмечают характерную для них потребность в «самооправдании» через демонстративное игнорирование России и изменений в ней. В отличие от эмигрантов первой волны, они хотят «стряхнуть» с себя все, что напоминает о России, — язык, традиции, образ жизни³. Однако, думается, не все так однозначно. В советской эмиграции после 1970-х годов, получившей название третьей волны, можно выделить две основные категории: национальную (евреи, немцы, греки, выезжающие на историческую родину) и диссидентскую, выезд которой носил протестный характер и был добровольным или вынужденным.

Удивительные сюрпризы преподносят эмигранты-евреи в процессе своей адаптации и идентификации в странах проживания. Они стремятся сохранить культуру страны исхода (СССР, России), считая ее наиболее развитой, духовной, организуют свое жизнеустройство по типу сепарации, более того, они активно распространяют российскую культуру, организуя русские библиотеки, выставки, клубы любителей русской словесности, русской музыки. В Израиле лучшим является Русский драматический театр, сильнейшими специалистами по истории русской, в том числе современной, литературы являются израильские ученые — Р. Глинттершик, Д. Штурман, Л. Флейшман и др. Почти анекдотичным является факт: когда молодые люди (дети приехавших из России эмигрантов) пошли в армию, через два года израильская армия запела русские и советские строевые песни на иврите и русском языке⁴.

Также противоречивыми являются процессы адаптации и идентификации диссидентской эмиграции. Пожалуй, наиболее точно метаморфозы самосознания и самоидентификации диссидента выразил Жорж Нива — известный франко-швейцарский русист, исследователь России и ее верный поклон-

¹ Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 371–373.

² Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев [и др.]. М., 2001. С. 170.

³ Там же. С. 135–136.

⁴ Там же. С. 162.

ник: «Выдворенный из СССР, встреченный и облаканный на Западе как оставшаяся в живых жертва режима, диссидент, не отдавая себе отчета, переходил от блаженства к замешательству, далее — к отчаянию и, наконец, к неприятию мира, в который он попал. Ему трудно было согласиться с “кюстинским” взглядом на Россию как страну абсолютного рабства и полного отсутствия корней, где нет ни гражданского общества, ни культуры. Изгнанник все чаще сравнивает западную бездуховность с тем самозабвением, которое отличало разговоры друзей и единомышленников... Он собственными глазами видит, что и на Западе власть манипулирует массами... И в один прекрасный день он бросает в лицо остолбеневшему западному миру громкое: “Ненавижу!”»¹.

Процессы идентификации приобретают особую сложность, конгломератность, внутреннюю диалогичность в нашу эпоху, эпоху глобализации культур. Глобализация обуславливает различные формы кризиса идентификации, порождая «личность без принадлежности», когда эмигрант, утрачивая (иногда намеренно) связи с собственной культурой, не способен вписаться в культуру страны проживания. В то же время наряду с тенденцией глобализации и универсализации культуры существует противоположная, диалоговая, тенденция локализации, подъема мультикультурализма, что признает даже убежденный сторонник глобализации Дж. Бхагвати². Следует отметить, что в условиях глобализации стано-

вится заметно все больше явлений «этнокультурного ренессанса».

Эмигранты, их потомки, даже прожившие многие годы в чужих странах, ставшие гражданами этих стран, рано или поздно осознают две важные закономерности: во-первых, этнонациональная культурная идентичность представляет важнейшую часть ядра человеческой личности, основу ментальности, картины мира. В ней заключены базовые ценности и нормы культуры, вырабатываемые тысячелетиями, основы национального характера, о котором писал Д. С. Лихачев³. Утрата этой формы идентичности грозит аномией, серьезными психическими расстройствами. Во-вторых, в эпоху глобализации и универсализации все большую ценность приобретают культурная уникальность, непохожесть на других, те черты национального характера, которые выделяют человека, заставляют обратить на него внимание. Именно этнокультурная идентичность делает современного человека уникальной личностью⁴.

В трудных и противоречивых процессах идентификации, в диалоге с культурами стран проживания интерес к национально-этническим корням своей базовой культуры неизбежно возникает у потомков русских эмигрантов. По свидетельству некоторых исследователей, пик этого интереса приходится на третье поколение эмигрантов⁵, что, бесспорно, свидетельствует о том, что русский мир в его зарубежной части жив, способен к обновлению и обогащению.

М. С. Мотышина⁶

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ

В основе кросскультурных конфликтов лежат два основных противоречия:

- нарушение кросскультурных коммуникаций;
- столкновение поведенческих стереотипов, которые базируются на разных ценностных системах.

По оценкам, примерно 60–70 % подобных конфликтов обусловлены именно первой причиной, остальные 30–40 % — второй. Кросскультурные конфликты возникают, прежде всего, в рамках международных корпораций, на совместных предприятиях, при международных взаимодействиях в различных хозяйственных образованиях. Процессы глобализации и международной кооперации привели к росту данной категории конфликтов, что, в свою оче-

редь, требует разработки подходов к изучению этого феномена и механизмов управления им. По мнению Д. Мацумото, конфликт при межкультурном общении неизбежен, поскольку участники взаимодействия не могут послать или принять сигналы однозначным образом, как они привыкли это делать во внутрикультурных ситуациях⁷.

По данным социологических исследований, 35,7 % всех конфликтов в организации возникают между руководством и подчиненными международных компаний⁸. Например, руководство гипермаркета «Мега» в Санкт-Петербурге ввело обычное европейское правило: сотрудника организации любого статуса не должны были именовать по отчеству. Через некоторое время часть русского руководства компании ушла, а вновь прибывшие на их посты долго не задерживались. Это было связано с тем, что русские руководители привыкли, что к ним обращаются по имени и отчеству. Весьма показательны данные социологических исследований об отношениях иностранцев к россиянам, например: по мнению иностранцев,

¹ Нива Ж. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 288.

² Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М., 2005. С. 148.

³ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.

⁴ См.: Эмиграция и репатриация в России. С. 161–162.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: «Системное исследование организаций», «Исследование систем управления», «Методы и модели маркетинговых исследований» и др.

⁷ Мацумото Д. Психология и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/14.php

⁸ Захаров Н. Л. Организационное поведение государственных служащих. М., 2009. С. 100.

девять из десяти их сотрудников не пунктуальны, но при этом девять из одиннадцати способны выполнить задачу, даже если не хватает средств на ее выполнение.

Учет культурных отличий — сложная проблема. Как отмечает Л. В. Смирнягин, у англо-голландской многонациональной корпорации «Юнилевер» около 20 тыс. менеджеров примерно в 90 странах мира, из них только 1600 — так называемые экспатрианты, то есть люди, приехавшие в одну из этих стран на работу для «Юнилевер», остальные же относятся к местному населению. Руководству компании приходится иметь дело со служащими совершенно разных культурных традиций, и различия эти неминуемо сказываются на решениях, которые руководство разрешает им принимать. Часто оказывается, что единое указание, разработанное в штаб-квартире и разосланное по всем филиалам международной корпорации, воспринимается в разных странах по-разному и влечет различные последствия¹.

Распространение кросскультурных конфликтов привело к росту интереса к этому феномену со стороны теоретиков и практиков менеджмента. Большое внимание стало уделяться изучению и созданию теоретических и прикладных моделей исследования кросскультурных коммуникаций и конфликтов. Особое место в этом ряду принадлежит различным типологиям деловых культур. Так, Р. Д. Льюис выделил три типа культур²:

1. *Моноактивные культуры*. Их представители ориентированы на задачи. В эту группу входят немцы, англичане, американцы, австралийцы, новозеландцы, скандинавы (за исключением финнов).

2. *Полиактивные культуры*. Представители данной культуры ориентированы на людей. Это испанцы, итальянцы, латиноамериканцы, арабы.

3. *Реактивные культуры*. Характерная черта этого типа культуры — придание большой значимости вежливости, умению слушать. Ее типичные представители — японцы, китайцы, финны.

Одним из самых значительных исследований влияния культуры на организации стало исследование голландского ученого Г. Хофстеде, проведенное в 1980-е годы³. Его результаты достаточно подробно описаны в литературе, поэтому мы остановимся на развитии этого подхода применительно к России.

В 1990-х годах чешские культурологи Д. Вейга, Д. Янузас и А. Бугхолц провели кросскультурное исследование в России. Они проанализировали от-

¹ Смирнягин Л. В. Глобализм и национальные деловые культуры. URL: <http://www.geo.1september.ru/2002/18/2.htm>

² Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: пер. с англ. М., 2001.

³ Hofstede G. Cultures Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, 1984; *Idem*. Culture and Organizations (Intercultural Cooperation and its Importance for Survival) Software of the Mind. L., 1991.

веты 170 российских руководителей⁴. Рассмотрев исторические корни системы управления в России, где долгие годы преобладало единоначалие, исследователи выдвинули гипотезу, что на этапе развития страны начиная с 1992 года в российской экономике все большее распространение получает идея свободного предпринимательства, выражаемая в том числе в возникновении новых культурных ценностей.

Ученые проанализировали распределение ответов респондентов с точки зрения шкал Г. Хофстеде. Оказалось, что по шкале «индивидуализм—коллективизм» (степень предпочтения личных целей и задач коллективным) отмечены лишь незначительные изменения в сторону развития индивидуализма, что может объясняться глубокими историческими корнями русского коллективизма как одной из национальных культурных ценностей. *Дистанция власти* (готовность к восприятию идеи неравенства между людьми): если в прошлом в России дистанция власти была высока, то ей на смену пришла идея соучастия в управлении (совместного управления) с выраженной тенденцией сокращения дистанции.

Избегание неопределенности (отказ от незапланированных ситуаций в пользу спланированных и заранее продуманных шагов): современные предприниматели в быстро и порой непредсказуемо меняющейся экономической ситуации готовы идти на риск, принимать неожиданные и самостоятельные решения. И хотя эти качества пока еще не обрели общенациональной значимости, тенденция к их проявлению растет, особенно в негосударственном секторе экономики. *Мужское—женское начало* (приоритет, который в культуре данного вида придает человеческим отношениям): в постперестроечной России этот параметр отмечен потенциальным ростом в сторону женского начала. Все отмеченные авторами исследования изменения наиболее характерны для российских руководителей, возраст которых не превышал 40 лет. Стиль управления людей более старшего возраста почти не отличался от социалистического.

Исследования российской модели управления и кросскультурных коммуникаций на основе развития методики Г. Хофстеде проводятся и в настоящее время. Результаты подобного исследования представлены, в частности, в работах С. П. Мясоедова⁵. На основе этих результатов можно проследить, какова динамика изменений деловой культуры в России в настоящее время. Автор рассматривает позиционирование российской деловой культуры следующим образом (табл. 1).

⁴ Veiga J. F., Yanouzas J. N., Buchholtz A. K. Emerging Cultural Values Among Russian Managers: What Will Tomorrow Bring? // Business Horizons. 1995. July-August.

⁵ Мясоедов С. П. Российская деловая культура: воздействие на модель управления. М., 2009.

Таблица 1
**Позиционирование российской деловой культуры
 по шкале ценностей**

№ п/п	Параметры	Диапазон изменений (0–100 %)	Параметры
1	Цель	50–60	Личность
2	Низкий контекст	50–60	Высокий контекст
3	Нейтральность	50–60	Эмоциональность
4	Индивидуализм	50–60	Коллективизм
5	Мужественность	65–75	Женственность
6	Достижения	65–75	Статус
7	Универсальность	65–75	Конкретность
8	Низкое избегание неопределенности	75–85	Высокое избегание неопределенности
9	Низкая дистанция власти	83–93	Высокая дистанция власти

Например, если рассмотреть шкалу «цель–личность», то в России делается акцент на личные отношения, хотя это происходит, естественно, не всегда и не везде. Россия — страна с множеством субкультур. Под воздействием рыночных реформ российская деловая культура и российская модель управления, по мнению автора, довольно быстро «дрейфуют» по шкале ценностей из Азии в англосаксонском направлении. При этом быстрее всего «культурный дрейф» происходит в столицах, городах-миллионниках, в рыночном секторе экономики, на предприятиях хай-тек и в сфере услуг (включая услуги финансового сектора).

Знание места деловой культуры страны на шкале ценностей помогает в том числе понять возможные истоки кросскультурных конфликтов, а также способы их преодоления. С. П. Мясоедовым предложен алгоритм анализа и разрешения кросскультурных конфликтов¹.

Как видно из табл. 1, более половины из рассмотренных параметров применительно к России находятся в середине шкалы. Это является, по мнению автора, одновременно причиной и следствием так называемого дуализма российской души и основой противоречивости характера российского менеджмента, потому что из середины под воздействием обстоятельств одинаково легко двигаться в сторону как англосаксонской культуры (Север Европы, США, Канада и др.), так и Азии. Двойственность (дуализм) присуща российской деловой культуре в целом. Это проявляется в двойственности подходов, в двойных стандартах, «скачках» из одной крайности в другую при выборе стратегии. Это проявляется также в том, что организационная культура и система ценностей, которые доминируют в верхних эшелонах власти компаний (и государства), по сути, отличаются от организационной культуры и системы ценностей в низовых кластерах (на уровне цехов и бригад). Отметим, что подобное несовпадение моделей управления в верхних эшелонах власти и на

¹ Мясоедов С. П. Алгоритм анализа и решения кросскультурных конфликтов // Управление персоналом. 2009. № 6.

уровне кластеров отмечают и другие исследователи российской деловой культуры².

Кросскультурные конфликты, порожденные различными субкультурами, системами ценностей, обусловленные двойственностью российского менеджмента, стали его характерной особенностью. На это обращается внимание, в частности, в работах Г. Градосельской³. По ее мнению, которое сформировалось в результате проведения эмпирических исследований, в России назрел настоящий корпоративный кризис, когда верхи не могут управлять, а низы не хотят жить по-старому. Притом «низы» — это не рабочие и не младший технический персонал, а менеджеры и специалисты. Этот кризис обусловлен прежде всего недооценкой социального фактора на предприятиях.

На основе проведенных исследований автор развенчивает мифы, связанные с менеджментом корпораций, в том числе: об идеальной карьере менеджера, эффективности должностных инструкций, привязанности менеджеров к корпорациям по мере карьерного роста, кризисе «духа предпринимательства» в России, западных корпорациях как образце для подражания. Так, опрос менеджеров в Москве и Санкт-Петербурге показал, что для большинства профессионалов западные корпорации не являются идеальным образцом организации — больше половины опрошенных (55,9 %) оценили их отрицательно. Наблюдаются «двойные корпоративные стандарты»: чем выше управленческий уровень, тем чаще случаются подработки (больше возможностей для ведения побочных проектов). Из менеджеров высшего уровня 74,5 % приходилось вести побочные проекты, в то время как показатель сотрудников, находящихся на неуправленческих должностях, составляет «всего» 35,3 %. На первое место среди недостатков работы в корпорации выходят именно факторы корпоративной культуры: на «зомбирование» жаловались 40,2 %; на невозможность гибко планировать свой график работы — 39,9 %; на искусственно поддерживаемую конкуренцию между сотрудниками — 17,6 %; на переработки, слишком большую нагрузку — 17,3 %; на невозможность сделать хорошую карьеру — 15,6 %.

Основное противоречие таково: от людей требуют полной отдачи и преданности, в то время как постоянный контроль и регламентация деятельности низводят их до уровня винтиков. По мнению автора, можно констатировать, что из крупных, вертикально интегрированных компаний ушел дух предпринимательства и творчества. Обстановка в холдинговых компаниях все больше напоминает советские министерства, главки и конторы рангом поменьше. Люди работают «для галочки» и не видят результатов своего труда. И так же, как в советские времена, самые ловкие пользуются корпоративными ресур-

² Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2003.

³ Градосельская Г. Мифы новых российских корпораций // Неприкосновенный запас. 2006. № 4–5 (48–49). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/gg14.html>; Градосельская Г. Невольники в галстуках: изнанка корпоративной культуры // Harvard Business Review — Россия. 2009. Июнь–июль.

сами (деловыми связями, доступом к информации, компьютерами и программным обеспечением), чтобы решать собственные задачи, не связанные с деятельностью компании.

По результатам исследований автором выделены два характерных типа сотрудников, условно названные «менеджерами» (послушные администраторы-карьеристы) и «независимыми профессионалами» (творческие и профессионально сильные личности). По оценкам, менеджер — не очень уважаемая в обществе роль. Однако на данный момент подавляющее большинство (84,1 %) респондентов относят-

ся к «менеджерам» и лишь 9,4 % — к «независимым профессионалам».

Таким образом, исследования показывают складывающуюся в современных корпорациях весьма опасную ситуацию бюрократизации компаний, отсутствия свободы творчества. Эта ситуация порождает условия для стагнации современной экономики и негативно сказывается на темпах и качестве социально-экономического развития России. Очевидно, необходим поиск путей выхода из сложившейся ситуации, формирование новой деловой среды.

В. С. Мухина¹

ЛИЧНОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ РОССИИ

В России можно получить не только светское образование. Молодое поколение по своему свободно-му выбору может учиться в Московской православной духовной академии (Сергиев Посад), в Буддийском университете (Улан-Удэ) или Исламском институте (Казань).

Безусловно, разное философское видение пути человека в этом мире к духовному идеалу, к личностному росту в рамках разных конфессий готовит не только будущих служителей религиозных культов, но и духовные ориентиры исповедующих ту или иную религию. Это относится также и к тем, кто не исповедует веры, но живет в условиях исконной религии, формирующей в истории народа этническое и культурное самосознание. Правомерно говорить о том, что молодое поколение, исповедующее традиционную религию, усваивает ее философские и духовные ориентиры, подчас истово следуя им в своих помыслах, суждениях и поступках, проявляя себя в повседневном стиле жизни и в проблемных ситуациях в соответствии с идеалами своей конфессии.

Названные конфессии имеют многовековой путь поиска сущностных основ, ориентирующих человека в мире.

Буддизм как религиозно-философское учение возник в Древней Индии в VI–V вв. до н. э. и в ходе истории стал одной из распространенных мировых религий наряду с христианством и исламом. В истории буддизм широко распространился в Китае, Тибете, Монголии, Японии и других странах. В России буддизм исповедуют прежде всего буряты, калмыки, тувинцы и отдельные представители всех дру-

гих народов страны, которые выбрали для себя путь Будды.

Православие — одно из трех основных вероисповеданий христианства (возникло в I в. н. э. в Палестине), исторически сложившееся в рамках Византийской империи. В настоящее время православие распространено в России (помимо русских, многие другие народы исповедуют православие), Белоруссии, частично на Украине, в Румынии, Югославии, Болгарии, Греции, на Кипре.

Ислам, или мусульманство — одна из распространенных религий, возникших в начале VII в. в Аравии. Ислам исповедуются в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. В странах СНГ ислам исповедуют в Средней Азии, Казахстане, Азербайджане. В России ислам исповедуют народы Северного Кавказа — Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, еще Татарстана и Башкортостана, а также отдельные представители всех других народов страны, которые выбрали для себя мусульманство.

Исторически Россия стала многоконфессиональной державой, где *то* складывалось толерантное отношение к наличию в ней разных вероисповеданий, *то* возникало яростное непризнание какой бы то ни было конфессии.

Сегодня в России настало время, когда все конфессии получили возможность развивать свои структуры, восстанавливать каноны вероисповедания и укреплять свое видение человека, его духовного развития в этом мире.

Современная Россия — страна, которая ищет новую идею, новую идеологию для всех ее граждан, которая сплотила бы многонациональные и многоконфессиональные массы ее граждан. За многонациональностью стоят исторически сложившиеся обычаи, которые были возвращены в условиях исконных ландшафтов и усвоенных ориентаций на традиционные религии.

Каждая конфессия обладает величием и глубиной своего видения человека в мире, его пути к духовному росту. Если конкретный человек усваивает

¹ Академик Российской академии образования, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Возглавляет научную школу «Феноменология развития и бытия личности». Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. свыше 50 книг: «Таинство детства», «Возрастная психология. Феноменология развития», «Феноменология развития и бытия личности: избранные психологические труды», «Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)», «Отчужденные: Абсолют отчуждения» и др.

философские основы исповедуемой религии, то вносит это свое знание в практику своей обыденной жизни, независимо от того, какое светское образование он получил в качестве своей профессии. Отсюда возникает *глубинная необходимость в понимании сущностных ориентиров граждан нашей многоконфессиональной страны и необходимость в принятии исходного видения сущностных основ человека в мире на его пути к своей духовной цели в соответствии с предписаниями той религии, которую он исповедует*. Россия — страна, в которой (так исторически сложилось) существуют все ведущие мировые конфессии. Так называемая толерантность к существованию разных конфессий должна распространяться не только на обрядовое, вероисповедальное их разнообразие, но и на то, что *разные конфессии ориентируют человека на разное его присутствие в мире и нацелены на развитие в человеке разного типа личностных качеств, на ведение его к высотам духовного развития не по идентичным основаниям и многие другие*.

Полагаю, что для прояснения сформулированного выше понимания, следует обратиться к обсуждению некоторых конкретных философских и психологических постулатов обсуждаемых конфессий. Как психолога меня, прежде всего, интересует понимание сущностного «я» человека как личности в философиях каждой из конфессий. Обращусь к анализу видения человека в буддизме и православии. В обеих религиях есть глубинно представленные ориентиры на сущностные качества человека, которые должны быть непременно присущи исповедующим буддизм и православие.

Буддизм предлагает духовные практики, позволяющие перейти от низшего к высшему. Буддизм придает знанию сакральное значение, так как именно знание позволяет искать истину. Ключевые понятия буддизма, определяющие духовный путь, которыми пользуются ламы и хуваки (студенты буддийского университета): все не вечно; аскетизм; просветление; созерцание; преодоление препятствий; медитация; осознание сакральных истин; пробуждение; освобождение от страданий; нирвана; невозможность сущностного «я» и т. д.

Особый интерес для философии и психологии представляет понимание буддизмом такого сложного понятия, как «я», значения и смыслы которого блуждают загадочным образом в головах представителей разных конфессий и философского видения человека.

В коренной сутре дзен-буддизма («Сутра о Запредельной Премудрости, отсекающей заблуждения алмазным скипетром») речь идет от лица Будды, который беседует с учеником. Будда сказал Субхути (ученику): *«Если бодхисаттва¹ имеет представление (образ) “я”, представление (образ) “человек”, представление (образ) “существо” и представление (образ) “вечная душа” (“долгожитель”)², то он*

¹ *Бодхисаттва* — человек, который принял решение стать буддой.

² В тексте и в скобках предьявлены разные понятия, что связано с неоднозначными переводами специалистов-буддологов.

не является бодхисаттвой...»; «Когда есть образ, то есть и заблуждение».

Далее буддийская философия предлагает миру еще более сложные задачи, решение которых требует особых рефлексий в условиях особых законов мышления. Для этого надо не только постичь эти законы, но превратить их в особые умственные действия, которые определяют навыки мышления в рамках буддийской философии.

Будда спросил: *«Субхути, как ты думаешь, может ли у архата³ быть такая мысль: “Я достиг архатства или нет?”»* Субхути сказал: *«О нет, Превосходнейший в Мире... В действительности нет никакой мерки для измерения архатства. О Превосходнейший в Мире, если бы у архата была мысль: “Я достиг архатства”, то он облекся бы в представления “я”, “личность”, “существо” и “вечная душа”». И далее идут суждения о том, что Будда пятьсот рождений тому назад был отшельником, который не имел образа «я», что он менял множество ипостасей, которые не давали единого образа «я», что «бодхисаттвы должны породить в себе особое чистое сознание, не пребывающее в звуке, запахе, вкусе и в “законе”». Они не должны быть привязаны к чему-либо.*

Согласно тексту сутры все бодхисаттвы должны породить в себе чистое сознание, не привязанное к видимому, не привязанное к слышимому, не привязанное к обоняемому, не привязанное к вкусоощущаемому, не привязанное к осязаемому, не привязанное и к дхармам⁴. *Учение о том, как не быть привязанным к учению, — смелый постулат, и его надо принять верующему.*

Особое значение придается нирване. Нирвана — угасание, одно из самых главных понятий в буддизме. Нирвана — такое состояние, при котором угасают все страсти, вся привязанность к жизни, все, что связывает человека с этим миром. Угасает наше стремление к удержанию «индивидуального “я”».

Понимание сущностного «я» в буддизме состоит в том, что именно индивидуальное «я», личность как сущность, отрицается вовсе. Понимание «я» как присутствия–отсутствия в мире сопряжено с обобщающим учением о мгновении и всеобщем непостоянстве сущего.

Глубоко философское постижение такой важнейшей буддийской доктрины, как *учение о несуществовании индивидуального «я» человека* — один из сущностных постулатов. Ключевые понятия философии буддизма определяют особенности мышления и специфику картины мира и самосознания буддистов. Буддизм отличается от всех других религий, которые признают сущностное «я» человека.

Православие предлагает совсем иной путь движения человека к духовным высотам. Понимание сущностного «я» в православии состоит именно в том, что оно относится как к самому Богу, так и к каждому отдельному человеку, который берет на себя ответственность за свое духовное развитие, за борение против того, чтобы стать *ничто* [Ис. 41: 29].

³ *Архат* — человек, достигший наивысшего уровня духовного развития.

⁴ *Дхарма* — учение Будды Шакьямуни.

«Я» в православии относится к Богу, который провозглашает свое всеусущее присутствие в мире: «Я есмь Сущий» [Исх. 3: 14]; «Я — и нет Бога, кроме Меня» [Втор. 32: 39]; «Я первый и Я последний» [Ис. 44: 6]; «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» [Откр. 1: 10]; «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» [Откр. 22: 13] — так много раз.

«Я» в православии относится и к человеку, который несет ответственность за сущностные свои особенности и за способ своего бытия. Бог сотворил человека по образу Своему, и стал человек душою живою. И нарек человек имена всяку душу живую и научил всяким искусствам. Человек рождается для страдания, но его вразумляет Бог. Человек смотрит в Бога и учится у Него. Бог поучает: замечайте и смотрите. Смотреть и видеть — не одно и то же. Слушать и слышать — не одно и то же. Бог учит видеть и слышать.

Избравшие путь православного служения Богу единокровны в осознании своего «я». Для самосознания православного человека значимо единство двух ипостасей: во-первых, «Я — Бог», «Я — личность», «Я — человек, имеющий свободу выбора и ответственности»; во-вторых, «Я — червь», «Я — раб», «Я — прах». В этой двоичной сущности человека заложен глубокий смысл, ориентирующий верующих на альфу и омегу своей сущности.

Ключевые понятия, определяющие духовный путь, которыми пользуются православные студенты духовной академии: «Я — сын человеческий»; «Я — человек, сотворенный по образу и подобию

Божью»; «Я — смиренник»; «Я — тот, кто наделен Творцом высшим даром — даром свободы выбора»; «Я — существо свободное, я есть личность, призванная к вечному бытию». Эти понятия организуют особенности мышления и специфику картины мира и самосознания православных христиан.

При сравнении понятийных систем, которые усваивают и студенты буддийского университета, и студенты православной духовной академии (а вслед за ними — массы верующих), становится очевидным, что из этих систем понятий, из этих философий в сознании людей вырастают два особенных мира, две особенные позиции в отношении духовного видения мира и личностного роста.

Сегодня время благоприятствует развитию традиционных постулатов видения пути человека в сферах разных конфессий. Важно продолжать искать пути для понимания духовных устремлений внутри каждой из конфессий. Важно уметь восхищаться разнообразием путей человека к вершинам его совершенствования. Важно научиться приязненно относиться к существованию в самосознании народов множественности путей личностного роста.

Религия — способ поддержания устойчивости человеческой жизни. Религия вместе с традиционной (этнической) и общероссийской культурой создает и творит личность, ее нравственные ориентиры. Интерес и доброжелательность друг к другу представителей разных конфессий одной страны — России — могут содействовать консолидации ее народов.

А. П. Назаретян¹

ПЕРСПЕКТИВА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СИСТЕМО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Судя по целому ряду взаимодополняющих признаков, развитие планетарной цивилизации стремительно приближается к беспрецедентной бифуркационной фазе, сопоставимой по значимости с возникновением жизни на Земле. Одно из косвенных, но впечатляющих свидетельств дали мегаисторические расчеты. На протяжении по меньшей мере 4 млрд лет ускорение эволюционных процессов в биосфере и затем в антропосфере происходило по простой логарифмической формуле: временные дистанции между фазовыми переходами последовательно сокращались приблизительно на две трети (возможно, эта тенденция обозначилась во Вселенной еще раньше, задолго до образования Сол-

нечной системы). Психологически неоднозначные эффекты ускоряющегося развития мы переживаем повседневно. При экстраполяции же логарифмической тенденции в будущее, около середины XXI века полученная гиперболическая кривая на графике заворачивается в вертикальную линию, то есть теоретически скорость эволюционных трансформаций становится бесконечной.

Этот сенсационный математический результат назван в международных энциклопедиях именами двух независимо получивших его ученых (австралийского и российского) — *вертикаль Снукса—Панова*. Вероятнее всего, его предметным референтом станет кардинальная смена либо стратегий, либо направлений эволюции. Это может быть переход к «нисходящей ветви» истории, о перспективе которой давно писали философы, то есть дальнейшие события будут направлены в сторону *простого аттрактора* — к равновесию, более или менее интенсивному саморазрушению общества и природы. Альтернативный сценарий — дальнейшее развитие в сторону *странного аттрактора* — может быть сопряжен с взрывообразным выходом планетарной

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории» (Москва), главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии» и др.

эволюции на взлетающую стадию и превращением интеллектуальной активности в космически значимый фактор. Во всяком случае, сценарий сохранения предполагает такие фантастические изменения в характере цивилизации, которые едва ли доступны нашему воображению.

Сегодня важнее разобраться, существует ли в данной бифуркационной фазе странный аттрактор, то есть возможна ли в принципе дальнейшая прогрессивная эволюция или за ее близким пиком непременно последует обрыв. И, если она в принципе возможна, то от чего зависит реализация того или иного сценария? Наши исследования показывают, что одним из решающих факторов может стать успех (или провал) культурной интеграции в современном мире.

К сожалению, широко распространенное убеждение в возможности устранить культурные конфликты, сохранив при этом актуальное многообразие национальных, конфессиональных и классовых культур, утопично. Синергетическое моделирование, как и сам опыт истории, предостерегает нас от безоблачных прожектов: прогресс теперь, как и прежде, есть выбор меньшего из зол, и, разрабатывая план действий, следует предвидеть необходимую плату за успех. На нашем этапе истории высокой, но неизбежной платой за интеграцию служит потеря культурной самобытности народов, а этот болезненный процесс вызывает естественное сопротивление.

Макрогрупповые культуры исконно строились в ментальной матрице «они—мы» (наши—не наши, свои—чужие, верные—неверные). Иначе говоря, солидарность внутри группы опиралась на внешнюю конфронтацию. Этот негэнтропийный механизм, совершенствовавшийся на протяжении тысячелетий, служил задаче *упорядочения* социального насилия, предотвращения его хаотических форм. Когда же перед человечеством впервые реально встала задача *устранения* насилия, эффективный прежде механизм обернулся дисфункциональными эффектами. Это характерное явление, когда на новом этапе эволюции системы прежние механизмы удержания

устойчивости становятся контрпродуктивными, известен в синергетике как *закон отсроченной дисфункции*. Приходится с грустью признать, что при новых обстоятельствах культурная интеграция предполагает стирание макрогрупповых различий и соответственно унификацию макрогрупповых культур. Вероятно, в рамках оптимального сценария национальные, классовые и конфессиональные различия могут некоторое время сохраняться в карнавальной форме. Однако без усвоения единой системы ценностей и норм глобальная цивилизация, оснащенная все более дешевыми и легкодоступными средствами массового поражения, драматически ускользающими из-под государственного контроля, не сможет физически сохраниться.

В синергетической модели эволюции хорошо известен *закон необходимого разнообразия* дополняется *законом иерархических компенсаций*: рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях. В нашем случае следует ожидать, что с развитием информационных сетей стирание макрогрупповых (национальных, конфессиональных, классовых) различий составляет необходимую предпосылку для растущего разнообразия *микрогрупповых культур*, формирующихся по общности интересов. Последние, в отличие от общностей традиционного типа, тесно переплетены между собой многомерными связями и по определению исключают противопоставление «своих» «чужим».

Перестройка мирового сообщества по неформальным сетевым основаниям, возможно, будет в ближайшие десятилетия способствовать предотвращению политических конфликтов с использованием новейших средств. В этих условиях едва ли не самый острый «глобальный» вопрос состоит в том, способен ли разум освоить стратегические смыслообразующие мотивации во внерелигиозном и внеидеологическом контексте. Именно органическая привязанность смыслообразования к макрогрупповым конфронтациям может оказаться решающим препятствием для сохранения антропосферы Земли в XXI веке.

С. А. Осколков¹

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Художественное творчество — важнейший фактор духовного развития человечества, прежде всего его ценностной, гуманитарной составляющей. Современное общество, безусловно, нуждается в полноценном искусстве, выражающем глубинные основы человеческого существования. Между тем искусство в современном мире подвергается жестоким испытаниям, проверяется на жизнестой-

кость, вынуждено доказывать свою сущностную значимость.

Одной из главных характеристик современной ситуации можно считать нарастающее противоречие между академическим, высоким искусством, требующим вкуса и специальной подготовки, и массовой культурой, рассчитанной на широкую аудиторию. За последние десятилетия произошли кардинальные изменения во многих сферах общественной жизни, причем важнейшая составляющая этих изменений — глобализация и массовизация культуры.

¹ Заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов и Союза концертных деятелей России.

Ученые, размышляющие об этих проблемах, говорят о появлении принципиально новой культуры, при этом давая ей явно оценочные определения: масс-культура, поп-культура, шоу-культура и т. д.

Между тем данный тип культуры имеет несомненные исторические корни. Он связан прежде всего с соотношением между «высокой», профессиональной культурой и культурой низовой, традиционно-народной. Диалог между ними всегда был важнейшим элементом социальной динамики. В конечном счете всякая культура вырастает из низов, из самой толщи народной жизни. Вспомним знаменитые слова М. И. Глинки: «Музыку создает народ, мы, композиторы, ее только аранжируем».

Проблема не только в том, что вследствие глубинных ментальных трансформаций нарушился баланс между высокой и низовой культурой или что доминирование ценностей массовой культуры ведет к дискриминации ценностей подлинных, вытесняя их на периферию культурного пространства. Проблема в том, что низовая культура сегодня фабрикуется, выхолащивается, обезличивается, становится частью поп-культуры, перестает в этой связи быть источником подлинного творчества. Пагубную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Новая культура, отмечает академик А. С. Запесоцкий, создается «не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность, отвергнутых человечеством»¹. И далее: «В России сегодня формируется новый самобытный тип культуры, не имеющий прямых современных аналогов за рубежом. Его можно назвать культурой богатого хама. Наиболее близкий аналог — Древний Рим эпохи деградации и упадка»².

Другая проблема — навязывание массам низкопробной поп-продукции в противовес собственно народному творчеству. Массы перестают быть творцами массовой культуры. И это подрывает возможности дальнейшего развития культуры академической, о чем также справедливо пишет В. В. Миронов. В шоу-культуре оказываются смешанными все основные механизмы коммуникации аудитории с искусством. Традиционное прослушивание музыки предполагает интимный диалог, личностный контакт с произведением. Шоу-культура работает с энергетическими реакциями массы, с ее сиюминутными настроениями и т. д.

Неотъемлемой чертой массовой культуры выступает ее рыночный характер. Казалось бы, можно отвергнуть саму идею денежной оценки произведения искусства, но никуда не деться от того, что реально это осуществляется. С одной стороны, данный факт является объективным, соответствует законам определенной фазы развития человечества. Но с другой — цена, определяемая рынком, сплошь и рядом не соответствует реальной эстетической цен-

ности, а определяется «раскруткой». Закономерно возникает ситуация, когда сочинения Платона на рынке «будут стоить меньше носового платка Джона Леннона»³.

В условиях глобализации меняется и язык искусства, он становится все более космополитичным, следовательно, безликим. Если в искусстве прошлых веков можно было безошибочно определить и время создания художественного произведения, и его принадлежность к конкретной национальной культуре, то теперь, в начале XXI века, нередко трудно понять, написано оно в Германии, Франции или в России. Да, глобализация формирует открытость и доступность, создает беспрецедентные возможности общения, но она же ведет к нивелировке, усреднению национально-народной самобытности.

Наконец, проблемы художественной коммуникации. Известный отечественный музыковед М. Г. Арановский, анализируя процессы развития симфонической музыки, приходит к такому выводу: «В каждую эпоху человечество нуждается в таком жанре, который смог бы в обобщенной форме выразить сущностные черты современного понимания человека, объединяя на этой основе людей в идеальный коллектив»⁴.

В XVII–XVIII веках такими жанрами могли быть мессы, пассионы, оратории, в XIX–XX — оперы и симфонии. Исследователь отмечает, что эти жанры должны были обладать потенциальными возможностями к воплощению идеала «новой соборности», адресуясь к массовой аудитории и формируя ее духовное единство⁵.

На протяжении многих веков истории европейской цивилизации идеал, о котором идет речь, формировался в русле христианства. Высочайшие достижения в области живописи, музыки, архитектуры были связаны именно с христианской традицией. В Новое время функции культурной музыки перешли к светским жанрам. В начале XIX века Л. ван Бетховен в своей Девятой симфонии провозглашал «Объединитесь, миллионы!», спустя сто лет А. Скрябин создавал свою грандиозную мистерию, при помощи которой мечтал слить в едином духовном порыве все человечество. В середине XX века Д. Шостакович являет миру один из величайших символов противостояния злу и насилию — Седьмую (Ленинградскую) симфонию.

В наши дни, на мой взгляд, пространство «объединяющего» жанра замещает (может быть, временно) растущая энергия фестивального движения. Только в Петербурге ежегодно проводятся десятки фестивалей искусств. Все они призваны решать главную задачу — формировать духовный мир человека, обратить внимание на сам факт существования академического искусства.

Несмотря на социально-политические катаклизмы и цивилизационные катастрофы, пройдя

¹ Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры // СМИ как фактор трансформации российской культуры : научный доклад А. С. Запесоцкого и материалы дискуссий. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 39.

² Там же.

³ Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. С. 170.

⁴ Арановский М. Г. Симфонические искания. Л., 1979. С. 16.

⁵ Там же.

через геологические разломы эпох, человечество в XX веке осталось прямым наследником Большой Культуры. Трансформируясь, меняя свои обличья, будучи потрясены в глубинных своих основах, понятия Добра и Зла выстояли. Принимая невиданные ранее, порой просто причудливые и фантастические формы, снимая эстетические ограничения,

академическое искусство прошлого столетия в целом стремилось ориентироваться на идеалы Истины, Добра и Красоты.

Процесс глобализации неизбежен, более того — в нем немало позитивного. Важно только придать ему верное направление, ввести в правильное русло.

Б. Д. Парыгин¹

ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Потенциальные возможности диалога культур в качестве социально-психологического фактора, способного эффективно влиять на многие стороны социальной жизнедеятельности людей, чрезвычайно велики и поэтому не случайно оказываются в поле зрения научного сообщества.

Об этом свидетельствует многолетний опыт обращения к данному феномену как к стержневому вопросу в рамках широко известных Международных Лихачевских научных чтений, регулярно проходящих на базе СПбГУП².

Вместе с тем на пути дальнейшего научного развёртывания и практического использования потенциала названного диалога как предмета исследования и обсуждения нельзя не видеть реальных трудностей или социально-психологических барьеров. В их числе — уже обозначенная нами ранее проблема многомерности смысловых значений диалогической коммуникации³. Она может быть серьёзным барьером на пути достижения взаимопонимания, если в ходе дискуссии один контекст культуры, например идеологический или политико-правовой, подменяется конфессиональным.

Не меньшие трудности способна породить и ситуация диалога с различной степенью акцентированности внимания и аргументов ее участников на тех или иных сторонах самой культуры в зависимости от того, кто или что рассматривается в качестве ее субъекта.

Так, при обращении к рынку как к главному критерию суждения о целесообразности сохранения или замены того или иного городского ландшафта можно недооценить роль культуры сбережения исторической, архитектурной и художественной ценности облика города.

¹ Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный член Международной академии психологических наук и Нью-Йоркской академии наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная психология: истоки и перспективы», «Анатомия общения», «Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории», «Социальная психология» и др. Награжден орденом Почета. Почетный профессор СПбГУП.

² Парыгин Б. Д. Диалог культур — стержневой вопрос чтений // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 151–152.

³ Парыгин Б. Д. Глобализация как фактор развития образования в контексте диалога культур // X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г.: доклады. СПб., 2010. С. 549–550.

Разумеется, вопрос о субординации, или ранговом распределении смысловых значений, культуры может быть успешно решен по результатам дополнительной экспертизы. Так это произошло, например, по итогам диалога о судьбе строительства небоскреба «Охта-центра» в Санкт-Петербурге.

Наряду со смысловой составляющей тех или иных разновидностей потенциала диалогического общения в качестве его психологического барьера способен выступать и разрыв в уровне самой культуры установления и поддержания контакта между его участниками. Об этом можно судить как по полноте представлений субъектов о возможностях выбора способов общения, так и по уровню его адекватности характеру и целям складывающегося диалога.

Здесь сказывается различная степень готовности его участников к толкованию и реализации специфики не тождественных диалогу форм интеллектуального взаимодействия, таких как беседа, полемика или «мозговая атака», известная у психологов как *brainstorming*. Различия состоят в степени дозированнойности таких альтернативных составляющих, как корректность, сдержанность, с одной стороны, раскрепощенность, энергетическая и эмоциональная наполненность — с другой.

Уже по этим признакам вполне уловима разница между спокойной беседой, даже если она и не сводится к обмену совпадающими и взаимно комплиментарными суждениями, с одной стороны, и к острой и темпераментной полемикой на почве расхождения взглядов участников — с другой.

В отличие от полемики, диалог в режиме мозговой атаки, несмотря на их сходство в степени эмоционально-энергетического накала, полностью исключает какие бы то ни было выпадки личного характера в адрес оппонента, тем более оскорбительного свойства, и даже самую критическую оценку аргументов и логику альтернативного мнения.

Сопоставляя эти разновидности коммуникативного действия, нетрудно прийти к выводу о нередкой наблюдаемой нами удаленности практики от желаемого уровня общей культуры готовности к диалогу. Природа различий в данном случае коренится в психологической готовности участников диалога к возможности установления доброжелательных, даже в определенной мере доверительных отношений с оппонентом. Это предполагает их настроенность не только на то, чтобы слушать, но и на то (что

более важно), чтобы слышать, стремиться максимально понять точку зрения другого. Именно такой психологической настройкой на контакт с оппонентом может привести к преодолению барьера априорной склонности к неприятию его суждений и аллергической реакции на его «инакомыслие».

Хочется попутно заметить, что, по данным последних исследований, осуществленных молодыми психологами под нашим руководством, удалось обнаружить два доминирующих психологических барьера в общении: плохое настроение и инакомыслие собеседника. Следующим по значимости барьером на пути реализации возможностей диалогического общения может оказаться сам переход от установления первичного контакта к достижению согласия уже по существу рассматриваемых вопросов или трудноразрешимых проблем.

Подведем итог: потенциал возможностей диалога культуры включает две составляющие — с одной стороны, опыт режиссуры или сочленения между собой всего многообразия специфических смысловых значений и форм межкультурных коммуника-

ций, с другой — адекватную целям и субъектам этого процесса общую коммуникативную культуру установления психологического контакта и достижения взаимопонимания между его участниками.

На пути решения этих задач лежат уже названные выше социально-психологические барьеры. Преодоление последних обеспечивает полноту реализации потенциала как предметных разновидностей межкультурного диалога, так и общей личностной, а вместе с тем и глубинной коммуникативной культуры его участников.

В целом совершенствование диалога во всех его ипостасях как инструмента межкультурного, так и внутрикультурного характера открывает новый простор для более полного осуществления многообразия и свободы человеческого общения.

Нацеленность социума и личности на психологическую готовность к этому предполагает радикальную перенастройку с традиций и технологий авторитарно ориентированных стратегий на развитие демократически направленных взаимоотношений и обращения людей друг с другом.

В. М. Померанцев¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: «ФИЗИЧЕСКОЕ» НАПОЛНЕНИЕ

Глобальная культура

Мир состоит из немцев и французов, русских и китайцев. Мир, возможно, будет состоять из других народов, этносов. И каждый народ, этнос имеет свою национальную культуру. Таковы законы мироздания. В этом случае возникает вопрос: что такое глобальная культура?

Глобальная культура — это поиск.

Глобальная культура — это цементация национальных культур на базе общих, родственных, одинаковых, близких положений и принципов разных национальных культур.

Глобальная культура — это компромисс, поиск в национальных культурах духовно-родственных компонентов разных народов и государств.

Глобальная культура — это смягчение несовместимых явлений разных культур, поиск условий жить рядом.

Когда-то при выборе Папы Римского возникло безвыходное положение, никак не удавалось договориться. И тогда коллегия кардиналов заняла закрытое помещение, в котором имелось лишь отверстие для подачи пищи. Если очередное голосование было безрезультатным, то поступал сигнал в виде черного дыма из трубы. А когда удавалось преодолеть разногласия, из трубы валил белый дым ко всеобщей радости окружающих. Коллегия кардиналов покидала помещение как триумфаторы.

¹ Профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), доктор химических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. по вопросам высшего технического образования.

Глобальная культура — это поиск «белого дыма», вынужденного компромисса, принудительного диалога.

Почему данный вопрос возник в наше время, почему возникла необходимость такого поиска? Появились современная глобализация, современный техногенный, коммуникационный потенциал.

Где мы?

Мы понимаем под образованием компонент культуры, ее составную часть. Опыт подсказывает, что начальный этап образования вкупе с воспитанием компонуется из умения читать, писать, считать. В него входят и основы законов мироздания, и морально-нравственные устои. Компьютер скорее мешает освоению начального этапа образования. Все чаще выдвигается тезис, что образование сводится к умению нажать нужную кнопку. Хорошо оперировать кнопками, когда за плечами фундаментальное образование.

Слово «образование» чаще всего используют в общем, для охвата любого периода жизни человека, не разделяются понятия «образование» и «обучение». Более продуктивно разведение этих понятий по нишам, тем более что богатство русского языка позволяет это сделать. Образование с воспитанием охватывает первый период жизни человека, условно первые 20 лет жизни. Оно завершается с выходом в практическую жизнь. Далее человек вступает в период обучения, длящийся всю жизнь. Человек учится и обучается всю жизнь. Итак, образование и обучение занимают разные временные ниши, они разведены по времени.

Также различна их содержательная, философская база. Для образования характерна своеобразная всеядность, в нем господствует элемент веры. Все принимается на веру, незыблем интеллектуальный авторитет преподавателя. Обучение зиждется на элементе критицизма, ниспровержении сложившихся стереотипов. Самый отличительный признак — обучение принципиально не может быть беспредметным, в отличие от всеядности образования. Беспредметность означает отсутствие будущей сферы деятельности, без нее обучение осуществляется вхолостую. В образовании и обучении роль и место компьютера существенно различаются.

Деятельность вуза обычно рассматривается в координатах вход—выход: кого принимают на I курс и кого выпускают с дипломом. Однако существенно, что именно в этот период происходит переход из образования в сферу обучения. И если первый этап (первые три курса) завершается получением общего базового образования, то второй заканчивается формированием специалиста (в научно-исследовательской, производственной или какой-либо общественной сфере).

При Петре Великом молодым людям, чтобы они научились ходить строем, к ногам привязывали сено и солому. Система высшего образования в России и Европе находится на этом этапе. Из этого не следует, что мы продвинутые, а система увязла в Петровской эпохе. Просто подчеркнутое выделение этапа «высшего базового образования» и «высшего профессионального обучения» равнозначно по эффекту переходу от этапа «сено—солома» к маршированию правой и левой ногами. Европа подошла к внедрению двухэтапной Болонской системы. В основу этого подхода положена серьезная базовая подготовка.

Несколько слов о компьютере. Компьютер — явление первичное (а не просто ящик с определенными характеристиками). Понятию «компьютер» мы придаем более широкий смысл: это сквозная и всеобщая компьютеризация, Интернет, сформированная ими современная глобализация, всеохватный, всепроникающий поток коммуникаций.

Выдающийся философ Николай Бердяев в книге «Судьба России» писал: «Нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу». Техногенные явления подлежат не только физическому, но и духовному освоению. Когда техногенное явление, например компьютер, не освоено духовно, оно становится источником противоречий уже на начальном этапе образования. Духовное освоение потоков техногенного, технологического развития происходит в лоне культуры, а поэтому выступает предметом диалога культур. Следует заметить, что все компоненты общественного развития, включая экономику, непременно подлежат духовному освоению. По этому поводу А. С. Запесоцкий пишет: «Культурная деградация становится настоящей катастрофой для экономики».

Отдельная тема — коммуникации. Человек погружен в море негатива, вседозволенности, растраженной примитивной гадости. Выход средств

массовых коммуникаций за рамки национальных границ, за пределы отдельных цивилизаций, их всепроникающее и всеохватное свойство ставит актуальную проблему создания жестких рамок их дозволенности. Выработка приемлемых границ и ограничивающих условий — один из важных вопросов диалога культур, проблема номер один.

Куда же мы идем?

Во все времена вопрос, где мы, куда мы идем, был главным, ключевым, базовым вопросом общественного развития. Формирование вектора общественного развития — первостепенная забота всех общественных систем. Особенно остро этот вопрос встает в переломный период. Сейчас, заикленные на капитализме—социализме, испуганные гигантскими темпами техногенного развития, ошеломленные чудовищным, безграничным потенциалом компьютеризации, мы внимаем малейшим намекам на наше будущее.

Долго длился выход человека из сферы купли-продажи. На века растянулся этот процесс, а в эпоху не сложился. Века, в которые складывались отдельные государства, формировались и разрушались целые империи, вереницей проходили войны. Они и служили точками отсчета исторического времени, по ним именовали и отсчитывали эпохи развития цивилизаций. Но как только завершился выход человека из этой сферы, встал вопрос о нераспространении законов купли-продажи на базовые элементы среды обитания человека (искусство, науку и др.). Требования были обусловлены ключевыми параметрами техногенного прогресса, развитием экономики.

Так формировалась новая эпоха, так выдвигались новые требования. И на их фоне Революция 1917 года воспринимается как попытка одномоментного, одноразового, одноместного исключения из сферы купли-продажи буквально всего. Но то, что затрагивает интересы всего мира, неподвластно отдельным цивилизациям. Формируются понятия о внеисторических, противоисторических, внесистемных явлениях общественной жизни. Целые периоды истории развития отдельных государств рассматриваются вне исторического процесса.

Технологический прорыв наших дней, всеохватная компьютеризация и ее плоды в виде Интернета и современной глобализации, социальные и национальные сдвиги выявили наличие глубинного тормоза, в качестве которого выступают базовые элементы среды обитания человека в оковах купли-продажи. Слом этих оков — первоочередная задача. В рамках цивилизационных конфликтов, надеюсь, ограниченных жестким соперничеством экономик и государств, «влечет нас рок событий» в наше будущее. И над всем этим довлеет необходимость вывода за пределы купли-продажи базовых элементов среды обитания человека.

Весь набор системных элементов общественного развития, все компоненты техногенных процессов обусловили переход к новой эпохе. Мы вступаем в эпоху формирования базовых элемен-

тов среды обитания человека и вывода их из сферы купли-продажи. Наука и искусство занимают первоочередное место в процессе выхода из этой сферы.

Без вывода базовых элементов среды обитания человека, включая науку и искусство, из сферы купли-продажи нам не выйти на новый качественный уровень общественных отношений. Проблема качества общественных отношений была обозначена патриархом Кириллом как ключевой момент нашего развития.

Опыт России сфокусирован в национальной идее, в требовании духовности и единения общественной жизни, самоограничения (в широком понимании) личной жизни.

К сфере самоограничения относится и клятва «Не навреди». Эту клятву, на мой взгляд, следует включить в качестве обязательного элемента процедуры получения диплома. Не навреди людям, не навреди матери-природе, не навреди грядущим поколениям!

М. Е. Попов¹

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА²

В начале XXI века во всем мире все больше возрастает интерес к концепциям конфликтов макросоциальных идентичностей. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются и изучаются проблемы межкультурного диалога, национальной и региональной безопасности современной России. Незавершенные социально-политические, социокультурные и экономические трансформации в России нового века служат катализатором возникновения нового «национального вопроса» на уровне безопасности общественной жизни. В постсоветские десятилетия произошел бурный рост этнического самосознания у граждан России, что выразилось, прежде всего, в требованиях этно- и регионоцентризма, национально-культурной автономии, сецессии, а также в существенном изменении характера межэтнического взаимодействия, принимающего вид непреодолимых конфликтов идентичностей на южных рубежах страны.

Снижение роли гражданской идентификации, актуализация этнонационального и этнорелигиозного сознания, новые этнополитические реалии, глобальные противостояния, вялые модернизационные процессы в обществе явились мощными факторами воздействия на проблему межэтнического диалога, национальных интересов, конфликтов идентичностей и общественной стабильности, вербализованными элементами которой является действующая система региональной и национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что на национальные интересы России сегодня негативно влияют «глобальное информационное противоборство... националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильствен-

ный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма»³.

Специфика современных этнополитических столкновений заключается в том, что они протекают на фоне затяжного кризиса идентичностей. Идентификационный кризис связан с поиском новых смыслов развития человеческой цивилизации в атмосфере конфликтов идентичностей. Конфликтная идентичность в глобализирующемся мире выступает как амбивалентная структура коллективного самосознания, констатирующая осознание консолидации социальных и культурных ценностей в ситуации конфликта с «иными» (осознаваемыми в качестве «враждебных» и «чуждых») ценностными системами.

Угроза дестабилизации социальных институтов вследствие актуализации этнополитических конфликтов идентичностей в северокавказском регионе напрямую связана с проблемой геополитической безопасности, составными частями которой являются национальная и региональная безопасность. Безопасность России как защищенность формируется в период структурных трансформаций, когда в социальной системе происходят амбивалентные процессы конфликта и диалога идентичностей. Способность к культурному диалогу придает коллективной идентичности репродуктивный характер, однако конфликтующие идентичности могут служить основанием макрополитических и социальных трансформаций, ведущих к распаду общегосударственной идентичности. Атрибутами конфликтов идентичностей являются иррациональность и субъективность: экзистенциальный опыт конфликтующих сторон формируется субъективно интерпретируемой социальной реальностью и мифологизированным этнополитическим контекстом.

Конфликтогенность геополитического пространства Северного Кавказа определяется прежде всего незавершенностью регионального процесса формирования российской гражданской идентичности, ее неустойчивостью, а также непоследовательностью действий российской политической элиты

¹ Докторант кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор научных публикаций, в т. ч. книг: «Российская идентичность: векторы развития в контексте национальной безопасности», «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа» и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностно-идеологические аспекты конфликтов и напряжений на Северном Кавказе». Грант Президента Российской Федерации МД-4849.2011.6.

³ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. 19 мая.

в направлении построения гражданского общества в стране. Конструирование новой макросоциальной идентичности явно не входило в задачи реформаторов раннего романтического периода постсоветских реформ, достаточным считалось разрушение советской идентичности. Необходимо отметить, что российская идентичность в новом веке — это не переходная идентичность, во многом негативная по определению, построенная на отрицании «советскости». Постсоветская идентичность сформировалась в первой половине 1990-х годов и по своей природе могла быть только конфликтной идентичностью, отражающей период отхода от одной макросоциальной идентичности (советскости) к другой. Личности и группы с такой переходной идентичностью не могут чувствовать себя тождественными друг другу, конфликты идентичностей в такой обстановке неизбежны.

Конфликт общероссийской и региональной идентичности, становление этнополитических идентичностей и реализация концепции «этнической правосубъектности» на Северном Кавказе в постсоветский период привели к необходимости согласования двух пластов макросоциальной идентичности — общегосударственной, надэтнической, цивилизационной, с одной стороны, и этнополитической, этнорелигиозной, этнокультурной — с другой. При этом последняя функционирует в современном российском обществе не столько в социокультурном контексте, сколько в политико-правовом.

Этнополитические процессы в Северо-Кавказском регионе в первом десятилетии XXI века изменили характер угроз региональной, национальной и общественной безопасности по сравнению с началом и серединой 1990-х годов. В начале XXI века произошла деэскалация вооруженных этнополитических конфликтов, однако радикальный этнонационализм, активизирующий террористическую деятельность и региональные конфликты, свидетельствует об институциональной деградации гражданской культуры и дестабилизации демократических процессов на юге страны.

Адекватное выявление механизмов инициации этнополитического конфликта идентичностей и во-

влечения в него все новых и новых участников — путь к прогнозированию и раннему предупреждению конфликтов, предотвращению их эскалации. Конфликт идентичностей не всегда укладывается в простые познавательные схемы. Как справедливо отмечает Дж. Ротман, «одним из атрибутов конфликта идентичностей является его “неуловимость”». Другими словами, такой конфликт глубоко субъективен; соперники, оказавшиеся в конфликте идентичностей, иногда сами с большим трудом могут объяснить природу своего соперничества. Когда конфликтующие стороны описывают свои спорные проблемы в категориях истории, событий или значимости, внешнему наблюдателю может показаться, что он слышит различные рассказы. И так оно и есть на самом деле. Субъективный опыт соперников формируется специфической культурной реальностью и историческим контекстом. То, что одной стороне представляется как борьба за свободу, другой — как терроризм»¹.

Демодернизация социально-политических и экономических отношений в российских регионах в условиях конфликтов идентичностей не позволяет полиэтническому населению юга России обеспечить устойчивое формирование гражданской идентичности, преодолеть морально-правовой нигилизм, обеспечить общественную безопасность и перспективное демократическое развитие. Для большинства населения Северного Кавказа, не принадлежащего к правящим или «оппозиционным» этнокланам, закрыта возможность свободной конкуренции в политической сфере, что формирует социальное неравенство, имеющее мощный конфликтогенный потенциал в современном мире. Ситуация осложняется тем, что, оставаясь неразрешенными и неурегулированными, региональные этнические, этнорелигиозные, этнополитические конфликты, начавшиеся как конфликты интересов, превращаются в манифестированные деструктивные конфликты идентичностей, аннигилирующие человеческую моральность и порождающие новый виток насилия, вероятность разрешения которого существенно снижается.

Г. А. Праздников²

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО: ДИАЛОГ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Прогнозируя будущее мира в канун нового тысячелетия, видный европейский ученый Клод Леви-

¹ Rothman J. Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997. P. 35.

² Заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Направленность художественной формы: художник и публика», «Нравственный смысл художественного творчества» и др. Член Союза театральных деятелей.

Строс произнес знаменательные слова: «XXI век будет веком гуманитарной науки либо его вообще не будет». Всякий социальный прогноз связан с большой долей неопределенности, но это пророчество скорее тяготеет к реальному смыслу, чем к метафоре. Только совершенно нечуткий человек может не уловить при всех успехах современной цивилизации нарастающее чувство тревоги. Ответственно думающие люди понимают, что раздираемый противоречиями современный глобальный мир требует глубочайшего гуманитарного осмысления. В широком обсуждении проблем возрождения российской науки

практически отсутствует ее гуманитарная составляющая. Сказать, что это вызывает недоумение, — значит почти ничего не сказать. Кризис современной исторической ситуации, в том числе и в России, происходит не потому, что не хватает финансовых средств и профессионально умелых, образованных людей. Мир деформирован нарастающими тенденциями дезинтеграции разных сфер деятельности — политической, экономической, научной, технической, художественной, мало ориентированных на реалии человеческой жизни. Незадолго до добровольного ухода из жизни, академик Валерий Алексеевич Легасов неординарно объяснил нашу страшную техногенную катастрофу: «Чернобыли взрываются от того, что нынешние “гении техники” стоят не на плечах Толстого и Достоевского, а на плечах таких же “технарей”, как и они сами»¹.

Только глубокое гуманитарное мышление в состоянии постичь эту загадочную максиму выдающегося ученого-естественника («технаря»). Современная культура вышла на пик смыслового поиска, особенно очевидного на фоне разрушительных реформ образования, безответственных интеллектуальных игр, отвязных телешоу. Время покажет, оправдает ли гуманитарная наука брошенный ей вызов, да и хватит ли ей этого времени. Свою последнюю книгу, завершённую незадолго до смерти, один из крупнейших наших мыслителей Александр Зиновьев заканчивает категорично и мрачно: «Человечество погибает от своей глупости»².

Гуманизация жизни, самосовершенствование человека и человечества — таков объективный смысл исторического процесса, в котором свободно и целенаправленно, или, напротив, преодолевая объективные и субъективные трудности, мир превращается в человеческий мир. «Мир человека» — безоценочное, нейтральное понятие. Человечность — качественная оценка этого мира, и связана она не с любой, но только с нравственно направленной деятельностью. Человеческий мир связан с Абсолютом, идеалом, ориентирован на подлинные ценности человеческой жизни. В середине 1980-х годов Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил ввести в гуманитарную науку понятие «человекофера» (или на международном латыни — «гомосфера»). Понятие «всеобъемлющее, как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себе иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность...»³

В широком смысле слова человеческий мир и есть мир культуры. Именно культура превращает социальное пространство в человеческий мир. Сохранение и развитие культуры — одна из важнейших смысловых ориентаций государственного строительства и межгосударственного сотрудничества. Именно поэтому свободное использование культурных ценностей и участие в культурной жизни — одно из определяющих прав человека, закрепленное в юридических документах как российско-го (Конституция РФ, п. 2, ст. 44), так и междуна-

родного уровня (Декларация прав человека, ООН. 1948 г., ст. 27).

В настоящее время в России завершается разработка нового базового федерального закона о культуре. В Государственной Думе прошли парламентские слушания, на которых была обсуждена концепция проекта закона, предварительно рассмотренная и проанализированная в Российском институте культурологии (РИК).

Из выявленных в ходе обсуждения проблемных узлов концепции мне представляются принципиально значимыми два. Первый — опасность ведомственного подхода, когда содержание закона может быть сведено к деятельности учреждений и сфер, подчиненных Министерству культуры. Скажем, обсуждаемая реформа образования — одна из важнейших составляющих российской культуры, равно как культурные процессы, проходящие за границами образовательных учреждений, — важнейший фактор формирования образовательного потенциала страны.

Второй узел — проблематичность самой регуляции в сложной и деликатной сфере культуры. «То, что задача государства — поддержка культуры в разных формах, — понятно. Но, например, “управлять” культурой нельзя», — сказал на обсуждении концепции один из ее разработчиков, директор РИКа Кирилл Разлогов⁴. Заковыченность слова «управлять», по-видимому, выражает ироническую интонацию ученого, его отношение к ситуации, когда культура была не только скована системой запретов, но вынужденно подчинялась жестким предписаниям, деформирующим творчество. Именно в этих условиях сложилось представление об управлении как о деятельности, внешней по отношению к культуре, чуждой ей и в принципе невозможной. Но ведь закон не просто управление, управление *жесткое*.

На самом деле противоречия нет. Два вышеобозначенных узла разрешаются двуединством сущностным толкованием культуры, «схватывающим» ее чрезвычайно сложное содержание. Если культура не только совокупность материальных и духовных ценностей, но и процессы их сотворения, освоения, функционирования, то управление этими процессами есть момент самой культуры. В той же мере определяющий ее жизнь (управление культурой), сколько и определяемый ею (культура управления). Образ жизни, системы ценностей, норм — все это культура. Тип культуры, как полагал Питирим Сорокин, определяется тем, какие ценности лежат в его основе. Права человека, его отношение к закону, непреложное ему подчинение или возможность обойти, пренебречь — все это есть состояние культуры. Наверное устарели «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые в 1992 году; по-видимому, недостаточно хорошо прописаны в нем какие-то положения, но ведь нарушение норматива расходов на культуру из федерального бюджета в размере 2 % уже в момент принятия закона

¹ Московские новости. 1987. 17 дек. С. 7.

² Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521.

³ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 15.

⁴ См.: Токмашева М. Культура без фундамента // Культура. 29 янв. — 3 февр. 2010. № 3. С. 3.

и во все последующие годы (иногда менее 1 %) никак не связано с несовершенством документа.

Чем выше уровень культуры общества, тем совершеннее оно управляет культурным процессом. Прежде всего это материальное обеспечение культуры. Государственная жизнь — тоже предмет соответствующего регулирования, поскольку только на уровне целостного системного видения культуры возможно справедливое и равномерное обеспечение потребностей учреждений культуры и населения страны. Управление предполагает определение приоритетных сфер и направлений культуры, их долговременную и ситуативную поддержку, а также (заранее предвижу реакцию!) различные формы контроля и ограничений. По самой сути культура не может быть стихийным (или управляемым «невидимой рукой рынка») процессом.

Регулирование культурной жизни — это не запрет тех или иных фильмов, спектаклей, выставок, но осознанное, целенаправленное обеспечение условий, в которых культура может наиболее полно реализовать свое назначение. Только в таком измерении следует понимать заложенную в концепции нового закона мысль о необходимости охвата культурой всех социально-экономических программ страны. Создание новых культурных объектов и организация их успешного функционирования полагаются не как отраслевой «довесок» к социальным проектам, но как их экзистенциально-смысловая основа.

Обозначим только несколько вопросов, решение которых невозможно без централизованного целостного управления культурной сферой в ее нынешнем состоянии:

1) отсутствие не только равных, но относительно сопоставимых возможностей общения с высокой культурой в центрах и провинции. В небольших городах и селах не встречаются с «живым» искусством от 87 до 93 % жителей страны. Телеканал «Культура» — по сути единственный канал культурных программ — по недавнему свидетельству министра культуры Александра Авдеева имеют возможность смотреть только 3 % потенциальных зрителей;

2) низкая материальная обеспеченность населения, исключающая возможности не только знакомства с культурными ценностями других стран, но резко ограничивающая для многих посещение театров, кинотеатров, музеев, приобретение книг и звукозаписей в собственной стране;

3) слабая общегуманитарная и художественная культура людей, определяющая отсутствие соответствующих потребностей даже при возможности их финансового обеспечения. Нарастающие тенденции дегуманитаризации образования имеют катастрофический характер — искусство в учебных планах российской школы занимает в разы меньшее место, чем в школах развитых стран. Доступность искусства, законодательно обеспеченная каждому гражданину, предполагает огромную просветительскую и воспитательную работу по поводу искусства и помимо него. Многие жители столичных городов

ни разу в жизни не были в театре, не бывают в музеях и не смотрят канал «Культура». Реальная цифра зрителей этого канала, по-видимому, много меньше потенциальных 3 %.

Детские школы искусств, которые не только готовят кадры для профессионального художественного образования, но и формировали хороших зрителей и слушателей, ввиду дороговизны обучения многим оказались недоступны. Прежде оплата обучения в этих школах была соотносима с возможностями практически всех групп населения, ныне многим она не по карману.

В ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (их тексты можно найти в Интернете) значительное место занимает вопрос о нарушении прав человека в сфере культуры, причем динамика этих обращений возрастает. Вот лишь некоторые из претензий граждан:

- резко ограничены возможности реализации прав в области образования, несопоставимые для богатых и бедных, горожан и сельских жителей;
- разрушена сеть клубных и культурно-просветительских учреждений;
- отток и текучесть педагогических кадров, особенно молодых (отъезд за рубеж, репетиторство, переход в другие сферы деятельности), вследствие крайне низкой оплаты труда;
- отсутствие единого культурного пространства;
- недоступность отечественной прессы (в результате непомерно высоких цен на подписку резко сократились тиражи);
- незащищенность людей (особенно детей) от нравственно негативного воздействия СМИ;
- вытеснение из программ радио и телевидения классического искусства.

Самое тревожное обстоятельство состоит в том, что на жалобы, претензии, предложения, содержащиеся в докладах, никто никак не реагирует. При нарастающей риторике о защите неотъемлемых прав человека их нарушение — причем самых первостепенных — становится *нормой*. Дисбаланс между законодательно утвержденными правами и невозможностью их реализации люди переживают острее, чем отсутствие соответствующих прав.

Вот строки, написанные незадолго до смерти одним из лучших наших поэтов последних десятилетий, благородным и совестливым человеком Владимиром Соколовым:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Это состояние экзистенциального вакуума, переживаемое многими нашими соотечественниками, не только опрометчиво, но опасно списывать на «чернушные» веяния в искусстве.

Тема прав и свобод человека явно вытеснила из наших разговоров проблему ответственности,

в высшей степени свойственную русской культуре. «Святая русская литература», — говорил Томас Манн устами героя своей ранней новеллы «Тонио Крегер», и через всю свою жизнь пронес эту оценку. Тема ответственности художника идет от «Слова о полку Игореве», открыто, даже декларативно утверждается пушкинским «Пророком». В таком понимании ответственность художника перед искусством и жизнью составляет одно целое — «единство обывания» (М. Бахтин). Необходимость этого единства особенно отчетливо осознается в переломные эпохи. Говоря о кризисе культуры, Н. А. Бердяев отмечает выход культуры из сферы специализаций и дифференциаций: «Основная проблема века — проблема отношения творчества (культуры) к жизни (бытию)»¹. Актуальность этих слов, написанных в 1916 году, ныне возросла многократно.

Все острее тема ответственности обозначается и в мировой культуре. В сентябре 1997 года влиятельная неправительственная организация, объединяющая бывших президентов и премьер-министров стран всех континентов (Совет международного сотрудничества), представила мировой общественности проект Всеобщей декларации обязанностей человека, полагая, что ООН дополнит этим документом Декларацию прав человека. Этот проект опубликован в ряде западных стран и в России, но до сих пор не принят, хотя его текст хорошо известен

в мире, и приходится неоднократно встречать обращение к нему в отечественной литературе.

Необходимо отметить, что в преамбуле проекта признание ответственности и обязанностей связывается с человеческим достоинством как основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Имеет этот документ правовой статус или не имеет — вопрос времени, а не смысла. Чрезвычайно важного смысла нашего времени.

Отношение свободы и ответственности в диалоге не только (даже не столько!) гармония, но конфликт и противоречия. Уже общим местом стало в разговорах наших деятелей культуры сопровождать слово «ответственность» прилагательным «пресловутая» — «никто никому ничего не должен». Неолиберализм исключает из своей теории любые аргументы в поддержку справедливости. Красноречиво название книги Александра Никонова, одного из лидеров неолиберальной публицистики, — «Свобода от равенства и братства».

Жизненное бытие, состояние культуры и организационные процессы в ней есть система неразрывных связей и отношений, причин и следствий. Необходимо заново осознать: ответственность и предполагаемые ею ограничения — не досадная помеха в свободной жизни, а фундаментальное условие самой свободы.

Впрочем, порядочные люди никогда это не забывали, и, может быть, на их консервативной нравственности страна и держится.

Е. В. Середкина²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ «ХАЙ-ТЕК» И ГАДЖЕТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Зло возникает обычно от бездумья.
Залог совестливости — не просто чувства, а мысль!

Д. С. Лихачев

Процессы глобализации и интернационализации современной жизни, а также беспрецедентные по своим масштабам контакты между Западом и Востоком, Севером и Югом порождают новые культурные артефакты/кластеры/феномены, выводя тем самым проблему диалога (полилога) на первый план. Культура как таковая всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению. Она не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где эти смыслы обмениваются символами и категориями, «проводятся» и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой. Это возможно лишь при волевых интеллектуально-эмоциональных

¹ Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 520.

² Доцент кафедры философии Пермского технического университета, кандидат философских наук. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия и методология науки XX века: от формальной логики к истории науки», «Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: материалы постоянно действующего теоретического междисциплинарного семинара», «Философия техники М. Хайдеггера» и др.

интенциях «агентов-посредников», сознательно расширяющих диалоговое пространство и конструирующих новую кросскультурную реальность. Тогда можно говорить о диалоге культур, «культурной полифонии» (М. Бахтин). Стремление к некоей идеальной «сверхпроводимости» является, по сути, глубинным нервом всякой культуры, а в конечном счете речь идет о выявлении импульсов ее жизненного роста.

Идея культурной «сверхпроводимости» особенно актуальна для современного глобализирующегося техногенного мира, требующего максимального расширения коммуникационного пространства. И здесь важная роль принадлежит «высоким технологиям» («хай-тек») и гаджетам. Высокие технологии (Hi-Tech), опирающиеся на наукоемкие отрасли промышленности, все больше проникают в «тело» социума и культуры. Разработки в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), биотехнологий, искусственного интеллекта и антропоморфных роботов размывают доселе

четкие границы и нормы научного исследования и порождают новую онтологию и глобальные «узлы коммуникаций». Речь идет о становлении нового информационно-коммуникационного общества (ИКО), базирующегося на концепции Web 2.0, суть которой выражается в «сращивании» компьютерных наук с информацией и коммуникацией. О признаках Web 2.0 свидетельствуют социальные сети по типу Facebook, Myspace, LinkedIn, LiveJournal, Twitter, YouTube, Wikipedia, а также возможность выходить в Интернет в любой момент и из любой точки с помощью специальных электронных устройств¹.

Коммуникационные и кросскультурные возможности в таком типе общества резко возрастают. Среди положительных тенденций выделим следующие: 1) децентрализация; 2) становление культуры open source; 3) самоорганизация по принципу «умной толпы» и др. Под децентрализацией понимается процесс стирания границ между «центром» и периферией», главного культурного проклятия прошлых эпох. Географическое месторасположение субъекта-«юзера» не играет никакой роли в Сети; мир становится единой «глобальной деревней». Процесс «опенсорсизации» (от *англ.* open source — открытый код) предполагает дальнейшее открытие электронных кодов, ресурсов и источников для свободного пользования в Интернете и противостоит проприетарным установкам современной цивилизации. Яркий пример тому — политика сорyleft в Сети и открытые учебные курсы по типу Массачусетского технологического института. Наконец, процессы синергии и кооперации в сфере технологий мобильной связи порождают так называемый эффект «умной толпы» (Г. Рейнгольд), нацеленной на решение конкретных практических задач².

Расширение возможностей для вхождения в диалоговое пространство представителей различных культурных традиций, вероисповеданий, социальных групп, субкультур в эпоху «хай-тек» и гаджетов очевидно. Статус «юзера» индифферентен к дихотомиям прошлых эпох (Запад—Восток, деревня—город, метрополия—провинция, мужчина—женщина и т. д.). Однако это динамично развивающееся коммуникационное поле имеет свои пределы, которые необходимо подвергнуть тщательному философскому анализу.

Во-первых, возникает проблема новых «лузеров», вынесенных за скобки ИКО. К этому социальному слою принадлежат те, кто плохо разбирается в современных ИКТ или по разным причинам не имеет гаджетов и продвинутых средств связи. Среди

них в первую очередь оказываются пожилые люди и бедные слои населения. Современный мир принадлежит так называемым нетократам³.

Во-вторых, происходит «сращивание» человека с современными средствами связи, и этот биотехносимбиоз порождает целый ряд психологических, социокультурных и экзистенциальных проблем. Современные исследователи утверждают, что мы столкнулись с «хищными технологиями века». «Речь идет об алчных вещах, несущих в себе соблазн, вещах, ставшими большими, чем они есть на самом деле, вещах, в которых слились средство и содержание, технология и психология и которые, помимо удовлетворения потребностей, ради которых они и были созданы, начинают удовлетворять иные потребности или даже порождать их»⁴. Предельно расширяя мир человека, уничтожив пространственно-временные границы, сделав возможным доступ к любой востребованной информации, «высокие технологии» сделали человека своим придатком. Происходит агрессивная интервенция технологического в биологическое, когда мобильный телефон (iPhone) становится «виртуальным ошейником», держащим нас на коротком поводке.

Согласно социологическим опросам в США, самым ненавистным и в то же время необходимым изобретением является мобильный телефон. Среди основных аргументов против мобильных телефонов респонденты называли раздражение от ощущения привязанности к трубке, от того, что их всегда могут «достать» и т. д.⁵ Говорят, что А. П. Чехов называл телефон оскорбительным изобретением («Тебе звонят, и ты бежишь!»). А сегодня и бежать не нужно, телефон всегда с тобой. Без телефона возникает чувство страха, беспокойства, неуверенности, словно мы лишаемся «полноты бытия».

В-третьих, ученые и философы фиксируют проблему дебиологизации, деантропологизации человека⁶. Использование любой технологической формы так или иначе приводит к ее интериоризации и, как следствие, к видоизменению отношения человека к реальности сквозь призму нового «веера» возможностей. Сегодня смело можно говорить о тренде «тотальной виртуализации» человеческого существования. В Интернете «юзеры» не только обитают, рабо-

¹ Необходимо отметить, что в последнее время ИТ-специалисты все громче начинают говорить о концепции Web 3.0 (Semantic Web). Web 3.0 основан на «умной» обработке информации. Суть ее заключается в том, что не пользователи, а сами машины осуществляют поиск информации по содержанию, включая поиск по видео- и цифровым изображениям, основываясь на метаданных и базах.

² Так, «умная толпа» с помощью рассылки sms в 2001 году сумела самоорганизоваться и заставила уйти в отставку президента Филиппин Джозефа Эстраду. Недавние события в Египте также направлялись в первую очередь флэш-моберами. Об «умной толпе» подр. см.: Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.

³ Нетократия — одно из названий постиндустриальной элиты, нового постиндустриального правящего класса. Вводя его, социологи хотели подчеркнуть одно из основных свойств членов нового правящего класса — умение выстраивать вокруг себя с помощью современных технологий и средств связи сеть, систему человеческих отношений, основанную на выполнении ими комплементарной функции, то есть на замыкании на себе решения каких-то задач и интересов других людей. См.: Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма: пер. со швед. СПб., 2004.

⁴ Емелин В. А., Тхостов А. III. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 84–90.

⁵ Результаты были получены в ходе ежегодного телефонного опроса американцев в рамках программы по популяризации технических изобретений Lemelson-MIT Program в 2004 году.

⁶ Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 19–31.

тают, общаются, продвигают свои проекты, актуализируют творческий потенциал, влюбляются, но и даже создают семьи... с цифровыми персонажами. Так, японский геймер, известный под ником Sal9000, влюбился в виртуальную героиню игры LovePlus для приставки Nintendo DS по имени Nene Anegasaki и в 2009 году заключил с ней официальный брак. Насколько может быть оправданным такое расширение коммуникационного пространства? Человек уже не различает мир реальный и виртуальный. С помощью высоких технологий происходит конвергенция телесного и цифрового планов бытия.

В-четвертых, активное использование информационно-коммуникационных технологий постепенно размывает границы между публичным и приватным пространством. По сути, «хай-тек» в сфере коммуникации разрушил институт *privasy*, главную «священную корову» западной цивилизации. Так, основная идея мобильной связи состоит в обеспечении непрерывной возможности доступа к своим абонентам вне зависимости от местонахождения последних. Результатом такой политики стала полная доступность человека и разрушение внешних границ. Человек превратился в абонента. Ежедневная возможность связаться с другим оборачивается катастрофическим разрушением зоны приватности. Ничего тебя уже не может спасти от неприятного звонка. Другим ярким примером разрушения внутренних границ субъекта эпохи ИКО является Facebook и другие социальные сети. Молодые люди выкладывают личную информацию на всеобщее обозрение на добровольной основе. В новой «фэйсбукской» картине мира пересматриваются основы таких экзистенциалов, как «интимное», «постыдное», «потаенное».

Наконец, к «заслугам» современных средств связи можно отнести уничтожение «эпистолярного» жанра и формирование особого «олбанского», или «падонковского» языка. «Язык — дом бытия», — говорил М. Хайдеггер. Тогда язык является отражением и результатом процессов, происходящих в обществе. А суть «новоязыка» техногенной цивилизации — упрощение грамматических конструкций. «Среди молодежи (и не только) стало модным писать sms на эрзац-языке, с помощью шаблонов которого можно быстро выразить свою “как бы” мысль (или ее отсутствие), не озадачиваясь знанием и соблюдением правил языка»¹.

Итак, современные технологии связи как никогда ранее нуждаются в глубоком философском и социокультурном рассмотрении. Какой выход из тупика мы видим? Прежде всего необходимо осознать проблему и принять ее как данность. А далее мы предлагаем обратиться к плодотворным, на наш взгляд, идеям М. Хайдеггера, который в конце своей жизни много размышлял о сущности и природе техники.

Философское осмысление помогает постигнуть важную вещь, а именно отношения человека с техникой сложнее, чем простое умножение его возмож-

ностей. Современные электронные средства связи не только выполняют инструментальную функцию, но и трансформируют субъект изнутри, меняя его ценности, когнитивные познавательные схемы и саму структуру деятельности. Пора отказаться от представлений о нейтральности технических устройств, которые мы используем для преобразования внешнего мира. Вместе с внешним миром изменяемся мы сами. Об этом предупреждал еще М. Хайдеггер: «В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу»².

При таком отношении даже самые продвинутые технологические инструменты не «одухотворяют» человека, а, напротив, обслуживают наиболее архаические и примитивные инстинкты и формы деятельности. Так, японские ученые Исследовательского института приматов и Университета Осаки выпустили недавно книгу с красноречивым названием «Обезьяны с мобильными телефонами». Основная идея книги сводится к тому, что современные средства связи повернули эволюцию вспять, фактически превратив молодых японцев в стаю приматов»³. (На ум сразу приходит цитата голландского анатома Больке: «Человек — это инфантильная обезьяна с нарушенной функцией внутренней секреции»).

Что мы можем противопоставить больховской зловещей антропологии, где масштаб дезертирства жизни просто потрясает? Обратимся к философии техники М. Хайдеггера. На наш взгляд, заслуга Хайдеггера заключается в том, что он не только *ужасается* и очерчивает проблемное поле современной технической цивилизации, но и предлагает «рецепт спасения», заключающийся в новой позиции *отрешенности от вещей* (*die Gelassenheit zu den Dingen*)⁴.

Осмысляющее размышление немецкий философ противопоставляет *калькулирующему* (просчитывающему) *мышлению*, на которое сегодня опирается мир техники. Осмысляющее мышление не только освобождает нас от зависимости техники, но и помогает раскрыть истинную сущность техники, а значит, и нашу сущность. Уже в самой попытке помыслить *Gestell* для нас открывается *зазор бытия*, в котором мы можем обнаружить алетейю-истину. Другими словами, мы можем использовать технические приспособления по назначению, но при этом дистанцироваться от них, понимая, что их *функциональное* использование не имеет отношения к нашей сущности.

² Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М., 1993. С. 221.

³ См.: Мембрана. Люди. Идеи. Технологии. Последний звонок: мобильный телефон превращает японцев в обезьян. 11 ноября 2005 г. URL: <http://www.membrana.ru/articles/telecom/2005/11/11/195600/html>

⁴ Этот термин взят Хайдеггером из средневековой немецкой мистики, в частности из трудов Мейстера Экхарта (1260—1228), который использовал его в смысле «оставить мир в покое, таким, какой он есть, не мешать естественному течению вещей и предаться Богу». Хайдеггер понимал под «отрешенностью» освобождение, свободу от вещей (техники).

¹ Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Указ. соч. С. 89.

По Хайдеггеру, мы можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им вызывать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность. «Мы впустим технические приспособления в нашу по-

вседневную жизнь и в то же время оставим их снаружи, то есть оставим их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Я бы назвал это отношение одновременно “да” и “нет” миру техники старым словом — “отрешенность от вещей”¹.

Т. Б. Сиднева²

ДИАЛОГ КЛАССИЧЕСКОГО И НЕКЛАССИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Внутренняя многомерность глобализации, ставшей ключевой характеристикой современной эпохи, во всей полноте проявляется в искусстве — сфере, где неизбежно царит субъективное творчество духа. Художественная картина мира сегодня беспрецедентно пестра, многолика и многоязычна. Она отражает расширение временных и географических пределов, синтез безграничных технических и творческих возможностей, преодоление культурных (эстетических, нравственных, религиозных, политических) барьеров и границ. Одновременно сосуществуют принципиально различные творческие задачи, ценностные критерии, условия бытования, механизмы функционирования искусства.

Кардинально изменилось понимание профессионализма и дилетантизма в художественной практике. Приметой времени становится доминирование менеджмента, вытесняющего творчество, которое в традиционном значении оказывается избыточным, — как более характерное выступает понятие «креатив», фиксирующее поточный и «производственный» характер художественной деятельности. Апология развлечения определяет новейшую иерархию искусств — зрелищность превращена в едва ли не главное основание художественности. Искусство все более явно представляется сферой общедоступной и прикладной, обслуживающей какие-либо иные, порой не согласующиеся с его природой виды деятельности. Автономность и самодостаточность, некогда ставшие знаком эмансипации художественного творчества, преодолеваются растворением искусства в повседневности. Художественное мышление оказывается зависимым от предельной функциональности и практицизма, с одной стороны, и от мира гаджетов с их «потенциальной бесполезностью и комбинационно игровой ценностью»³ — с другой.

В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о роли классического художественного наследия в современной культуре, о возможностях и пределах его влияния на ключевые аспекты процесса глобализации.

Понятия «классика», «классический», как известно, свободны от терминологической строгости

и имеют множество толкований. Это и обозначение эпох и стилей в истории искусства, и определение типов творчества (с установкой на совершенство и завершенность), и оценка высокой значимости художественного произведения. Существует понимание классики как синонима фундаментальности и академизма.

Уникальность современной эпохи заключается в колоссальном объеме художественной памяти и вовлеченности бесчисленного множества образцов искусства прошлых эпох в актуальное смысловое пространство. В сложившейся ситуации — при сохранении всего континуума исторических толкований классики — наиболее принципиальным является ее понимание как некоего резервуара позитивного художественного опыта, как совокупности наиболее значимых, проверенных временем образцов искусства. Иначе говоря, искусства, отвечающего таким определениям, как «манифестация истины в чувственной форме» (Г. Гегель), «символическое изображение бесконечного» (А. Шлегель), «абсолютное, данное в отображении» (Ф. Шеллинг), искусства, сопряченного с совершению «бытия в истине» (М. Хайдеггер).

Принадлежность к классике сегодня не ангажирована каким-либо видом искусства, жанром или стилем — мы говорим о классической драме и классической симфонии, классике джаза и рок-музыки, классике мультипликации и т. п. Каждая видовая или жанрово-стилевая сфера имеет тот фундаментальный пласт художественного опыта, в котором искусство поддерживает неизбежное постоянство, тождественность самому себе. В этом отношении вся динамика развития искусства представляет собой двуединый процесс кристаллизации художественного опыта в наиболее значительных, вершинных творениях эпохи и одновременно обновления и преодоления традиции. Классик музыки XX века, композитор «тысячи стилей», И. Стравинский утверждал, что «с традицией восстанавливают связи, чтобы творить новое. Традиция обеспечивает, таким образом, непрерывность творчества»⁴. Проблема классики не сводима к вопросу о сохранении культурного наследия. Рассуждая о бессмертных творениях искусства, не следует забывать, что понятие, о котором мы говорим, не допускает отношения к великим произведениям как к некоей данности, находящейся «рядом с нами», наподобие любого ставшего привычным

¹ Хайдеггер М. Указ. соч.

² Проректор по научно-исследовательской работе Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 147.

⁴ Стравинский И. Статьи и материалы. М., 1973. С. 37.

и безразличным явления культуры»¹. Также далеко от подлинного восприятие классики, понимание ее как нормативного информационного поля, когда мы «опираемся только на образование, на выученное знание былого»². Тотальная критика современных художественных событий с позиции классики, охранительство, основанное на отношении к великому как к догмату, святилищу, суеверное благоговение тоже неуместны. «Фетишизм не только парализует способность критического суждения, но и закрывает глаза на самый объект поклонения»³.

Значимость вершинных творений искусства заключается не в их «музейной» ценности, а в способности быть непреходящим критерием, исходной позицией, некоей точкой отсчета в понимании художественного процесса. Атрибутами классики, проверенными временем, остаются красота, гармония, совершенство, духовность. Однако это не означает, что классика — учебник жизни или руководство по правильному выстраиванию культурного пространства. Это прежде всего исследование жизни (Ю. Лотман), напряженнейший духовный опыт.

Классическое искусство «создает реальность, совпадающую с понятием прекрасного», — утверждает Г. Гегель⁴. Но красота здесь ни в коей мере не совпадает с привлекательностью и аттрактивностью. Она отражает свободу и «наглядность духа», тождество смысла и телесности, высшее единство абсолютного и субъективного — качеств, которые присущи произведениям Моцарта и Пушкина, Кафки и Шенберга, Достоевского и Шнитке. Характерная для великого искусства «установка на ясность, завершенность, совершенство» (Г. Гегель) реализуется во внутренней слаженности элементов, составляющих целое, что также является сверхзадачей различных эстетических и стилевых парадигм.

Метафизической целью искусства, как определил ее И. Кант, является удовольствие рефлексии. Не чувственное ощущение, не удовольствие наслаждения, а «рефлектирующую способность суждения»⁵ полагал он мерилом искусства. И эта способность прозрения, откровения, засвидетельствования тайны бытия также является принадлежностью искусства. Неисчерпаемость художественных смыслов, символическая «открытость—сокрытость» (Г. Гадамер), непереводаемость на вербальный язык (Ю. Лотман) — константы подлинности творения, которые отражают истинность известного суждения: «Великое искусство опознается по потрясению, которое оно вызывает» (М. Хайдеггер).

Неклассическая эпоха, наступление которой совпало с критикой метафизики и системности в фи-

лософии, бунтарскими проектами модернистов начала XX века, во многом утверждала себя на опровержении ценности классического наследия, подвергая сомнению проверенные историей константы подлинности. Чрезвычайная свобода отношения к искусству прошлого (его эстетике и технике) характерна и для постмодернизма. Но эта свобода принципиально иная, она основана не на опровержении или отказе от классики. Вовлеченные в постмодернистскую игру, классические произведения превращены в языковой материал для реализации экспериментальных проектов. Перед нами проходит череда экстравагантных и шокирующих метаморфоз, как, например, в оперных спектаклях: Кармен предстает блондинкой, окруженной рокерами на мотоциклах; Татьяна печатает письмо на машинке; «Волшебная флейта» превращается в «Чудесную дуду».

Десакрализация классики, оказавшейся «целиком во власти внешности», — характерная черта общества потребления. Как отмечает Ж. Бодрийяр, утратив трансцендентный смысл, образцы классического искусства «не противостоят больше в качестве *произведений* и субстанции смысла... они сами стали конечными предметами и возвращаются в коллекцию, в созвездие аксессуаров, которыми определяется “социокультурный” уровень среднего гражданина»⁶.

Создается устойчивое представление, что в настоящее время достигнута граница, когда вырастает поколение, узнающее классическую музыку по телефонным сигналам, рекламе, классический театр по экспериментальным проектам, эпатажным акциям. Казалось бы, это угрожает катастрофой забвения оригинала, утраты подлинности. Но в то же время очевидна и противоположная тенденция: постмодернистское прочтение классики побуждает к поиску достоверного источника, порождает стремление сохранить художественные шедевры и увидеть их в неприкосновенности. «Закат» постмодернизма показывает, что налицо явная усталость от бума «экспериментации». Повышается статус академического искусства, происходит возврат к подлинности, общепризнанным шедеврам. Экспериментальные иронические игры с классикой, с одной стороны, и превращение ее в элемент комфорта и престижа — с другой, стали тем испытанием, в котором доказывается или опровергается природная жизнеспособность художественного творения. Диалог-конфликт и диалог-согласие отражают крайние точки взаимодействия классической и неклассической парадигм искусства. Возможно, в этом сложном диалоге и заключена тайна множественности современного художественного опыта.

¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 310.

² Там же.

³ Климовицкий А. Бетховен и традиция (К вопросу о феномене музыкальной наследственности) // Музыка—Язык—Традиция. Проблемы музыковедения. Л., 1990. Вып. 5. С. 130.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. СПб., 2005. Т. 2. С. 460.

⁵ Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2001. С. 237.

⁶ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 141.

М. В. Силантьева¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СЦЕНАРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Возможности и границы межкультурного диалога в коммуникативном пространстве современной культуры определяются прежде всего соизмеримостью (или несоизмеримостью) ценностной базы такого диалога (и шире — взаимодействия культур в целом).

Философия еще в начале XX века в рамках поиска моделей «неклассической рациональности» обратилась к идеям «жизненного мира» (Э. Гуссерль), «экзистенциалов» (М. Хайдеггер), «исторического времени» (Н. Бердяев), «языковой игры как формы жизни» (Л. Витгенштейн, Дж. Остин) и т. п. В конечном счете предложения, выработанные «неклассической рациональностью», сводились к рекомендации при анализе истинности высказывания обращать внимание на тот «фон» существования, который сопутствует тем или иным рассуждениям в качестве конкретного времени и места их рождения. Конкретизируя этот подход, с одной стороны, М. М. Бахтин формулирует понятие «хронотопа»; с другой — М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делез вводят различие виртуального образа бытия как проекции сознания, налагаемого им на мир, и самого мира, который становится тайной за семью печатями. В свете последней концепции не только язык играет говорящими в процессе общения, но и сама игра, играя участниками, сталкивается с навязываемой ими ей и друг другу «своей игрой».

В самом деле, анализируя пространство межкультурной коммуникации в современной Европе, США и России, где за последнее время в силу интенсификации миграционных потоков такая коммуникация стала частью повседневности, нельзя отделаться от мысли, что различные социальные группы разной «величины» и «веса» системно конкурируют друг с другом на «игровом поле» коммуникативных практик. В процессе описываемой здесь конкурентной ситуации выживания собственных систем ценностей эти группы стремятся навязать «свою игру» конкурентам и уклониться от «игр», навязанных ими. Это касается в равной мере выходцев из Черной Африки и Курдистана, а также самих европейцев. Последние, правда, составляют наиболее нейтральный «отряд» игроков, допускающих даже идею поражения собственной версии культуры в рамках сценария «мультикультуризма». Мультикультуризм неразрывно связан со стремлением преодолеть европоцентризм. Правда, изначально импульс такого преодоления на практике восходит к амбивалентному

ценностному отношению Нового Света к Старому. Поэтому стремление «уравнять в правах» «старушку Европу» с ее музеями и дворцами с конгломератом поселений любого другого континента следует искать в стремлении технически совершенной Северной Америки реабилитировать свою «внеисторичность» и ощущаемую в связи с этим «ценностную второсортность». Ощущаемую особенно остро теми, кто имеет отношение к культуре и истории.

Европа, в общем, особо не возражает тем оппонентам, кто в теоретических дискуссиях и в законодательной прагматике «расширяет» ее ценностную базу до принятия некоторых норм шариата (пример: многоженство как практика въезда второй жены мусульманина в Великобританию по туристической визе с последующим предоставлением ей социальных льгот как жене своего мужа при условии, что брак заключен не на территории Соединенного Королевства). В Германии законодательно запрещен отказ в приеме на работу по национальным и расовым мотивам (однако разрешено при этом отказывать «без объяснения причин»). На основании сказанного можно предполагать, что практика мультикультуризма, имевшая место в странах Западной Европы, была все-таки «подстрахована» со стороны национальных государств (разумеется, национальных в культурном и языковом, а не этническом смысле) наличием альтернативных сценариев, основанных на требовании сохранения ценностных параметров «материнской» культуры. Так, во всех без исключения европейских странах и США существует довольно строгое законодательство о национальном языке. Особенно это касается (по понятным причинам) медицины, детских и образовательных учреждений; различных сфер сервиса, требующих высокой квалификации.

Ярким примером здесь может служить Швейцария. Используя, как и другие страны, труд мигрантов на низкоквалифицированных и тяжелых работах, эта страна «по определению» запрещает им въезд на постоянное место жительства. Другой пример — Австрия, где при сравнительно резком сокращении численности и способов въезда иммигрантов сегодня существует разветвленная система бесплатных государственных курсов, способствующих знакомству неимущих слоев общества (состоящих как из собственных граждан, так и включающих мигрантов) с основами немецкого языка и культуры, а также современными коммуникативными и некоторыми профессиональными технологиями. Таким путем осуществляется укрепление национальной идентичности на «любом» этническом субстрате — рекрутируемом из числа тех, кто психологически «готов» стать немцем, оставаясь при этом выходцем из Нигерии или России. Но именно выходцем, для кото-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч. книг: Экзистенциальные проблемы этики творчества Н. Бердяева, «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности» и др. Член Российского философского общества.

рого не только язык, но и другие ценности бывшей «материнской» культуры отодвигаются на второй план по отношению к гражданским и культурным ценностям «принявшей» его страны.

Мультикультурализм, об упокоении которого возвестила канцлер Германии Ангела Меркель, по сути, представляет собой не столько продуманную национальную политику, сколько неизбежную фазу «притирания» мигрантских субкультур к национальным идентификационным программам государств и народов, давших им приют. Претендуя на приведение собственной идентификационной программы мигрантов к «общему знаменателю», составленному из «сверхценности» массового потребления и амальгамированных ценностей их исторической родины, мультикультурализм лишь служил отсрочкой, этапом в решении идеолого-культурных задач «принимающих» стран. Отсрочкой, которую, морщась, терпели, но которой на деле никогда не придавали декларируемого общественного веса.

Альтернатива мультикультурализму — «поликультурность», способность поддерживать «плаучность» исходных культурных ценностей при однозначном доминировании принятых в качестве определяющих ценностей иной культуры. Способность удержать высокую планку, задаваемую подобными требованиями, вряд ли может иметь массовый характер. Для тех государств, которые не смогут выде-

лить средства на превращение мигрантов в полноправных (прежде всего в культурном смысле!) граждан своей страны, остается швейцарский вариант.

Как известно, в психологии размывание идентификационных программ считается одним из наиболее близких путей к кризису личности. Государственная идеология, в значительной степени состоящая из «сверхпсихологической» программы национально-культурной идентификации, — также один из ключевых механизмов поддержания общественной консолидации на должном уровне. Продуманная национальная политика, основанная на уважении прав человека, в том числе и его права поддерживать ценности своей культуры, — важный элемент стратегии устойчивого развития, особенно перспективной в посткризисное время. В то же время нельзя требовать от всех гастарбайтеров быть билингвами в полном смысле этого слова. Очевидно, что национальные идентификационные программы будут претерпевать влияние «встречных» идентификационных проектов и даже включают некоторую часть казусов, связанных просто с неправильным «прочтением» тех или иных «исконных» смыслов» (ср. русскую транскрипцию «яхта» английского слова «йот», похожую на чтение этого слова плохим школьником). Актеры межкультурного диалога при этом все равно останутся в тех границах, которые определены ценностями, принятыми ими в качестве базовых.

А. В. Смирнов¹

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Современные многоаспектные процессы глобализации и интеграции, характерные для развития цивилизации XXI века, осуществляются в условиях диалога культур и формирования новых общекультурных элементов как показателей становления глобальной культуры. Элементы глобальной культуры отражаются, прежде всего, в языке как носителя культурных ценностей, материальных и духовных, и в развитии языковой картины мира. Язык — это часть человеческой культуры и это порождение самой культуры и средство ее выражения.

Каждый национальный язык отражает национальный менталитет, его исторические корни и свою уникальную культуру и картину мира. Языковая картина мира развивается как составная часть концептуальной картины мира, в которой в резуль-

тате межкультурного взаимодействия и диалога культур формируются новые смысловые концепты, лежащие в основе взаимопонимания и взаимодействия носителей различных языков. Новые знания встраиваются в структуру языков и усваиваются последующими поколениями вместе с усвоением родного языка и иностранного языка.

Под влиянием процессов глобализации развиваются тенденции, изменяющие языковую картину мира:

— выделяются прагматически престижные языки, которые занимают ведущие позиции в межнациональном общении, языки мира (английский, немецкий, французский), — это европейские языки, отражающие приоритетное развитие европейской культуры;

— усиливаются процессы умирания малых и сверхмалых языков, «по оптимистическому прогнозу уже в конце нынешнего столетия исчезнет 60—70 % языков, по пессимистическому — 95 %, и исчезновение каждого языка является серьезной гуманитарной потерей» [1];

— в информационно развивающемся обществе формируются новые общепонятные языковые фор-

¹ Заведующий кафедрой иностранных языков и делового перевода Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук. Автор 20 научных публикаций, в т. ч. книг: «Языковая картина мира английской народной сказки», «Непрерывное образование как педагогическая система. Акмеологический подход», «Тестовые задания по практическому курсу английского языка» и др.

мы и единицы межнационального общения, особенно ярко выраженные в современной лексике (Интернет, сайт, файл, бизнес, акциз, маркетинг, менеджмент), которые свидетельствуют о процессах глобализации языковой картины мира, о развитии общекультурных концептов языка.

Развитие современной языковой картины мира — это междисциплинарная, комплексная проблема, которая становится предметом исследований в области лингвистики, культурологии, философии, социологии, психологии и педагогики.

Рассмотрение проблемы языковой картины мира в лингвистике, философии и педагогике стало наиболее актуальной задачей, когда изучение лексико-семантической структуры языка привело к осознанию того, что языковое значение (значение языковых единиц: слов, предложений, текстов) как ментальный феномен является неотъемлемой частью более общей концептуальной структуры мышления.

Поставив задачу выделить стоящие за языковыми формами когнитивные структуры представления знаний, объяснить функционирование языковых единиц с точки зрения ментальных процессов, выявить стратегию порождения и восприятия текста как процесса и результата актуализации и взаимодействия множества концептов с учетом особенностей национального менталитета, лингвистика вышла на новый уровень своего развития, где одним из важнейших предметов исследования становится «картина мира», представленная в языке.

В основе изучения языковой картины мира лежит философская проблема общей картины мира. М. Хайдеггер так определяет понятие «картина мира»: «При слове “картина” мы думаем, прежде всего, об изображении чего-то. ...Картина мира, сущностно понята, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [4].

Хотя концептуальная картина мира является идеальным, ментальным образованием, она может быть выявлена только при глубоком анализе языковых значений и структур, учитывая, что язык соотносим с определенной системой концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Роль языка всеобъемлюща в жизни каждого человека. Посредством языка человек реализует себя в мире и через язык постигает мир. Общая картина мира «присваивается» человеком через языковую картину мира: «...единицы языка должны рассматриваться как элементы структуры языка, а вся структура языка может сопоставляться со структурой мира... картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, то есть «языковой картиной мира» [2].

Как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, языковая картина мира представляет собой определенный способ концептуализации и категоризации действи-

тельности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который понимал ее как сумму всего языкового содержания и как репрезентацию этого содержания посредством внутренней формы конкретного национального языка.

Картина (образ) мира — структура духовная (идеальная, ментальная) и существует не в языке, а в сознании. Язык репрезентирует и объективирует картину мира в своих речевых построениях, причем структура этих построений отображает структуру мысли не всегда полно. Структура языка со всеми особенностями индивидуального покрова отдельных языков ближе стоит к структуре сознания, чем мира, и обусловлена в своих принципиальных чертах не миром, а его коммуникативным назначением — служить транслятором значения от говорящего к слушающим.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны, в ряде случаев они не менее сложны и интересны, чем научные.

Принимая концепцию языковой картины мира, надо признать, что язык доминирует над индивидуальным сознанием и своей формой навязывает всем говорящим на нем общие контуры устройства объективного мира. Сообразно покрою своей формы язык имплантирует в сознание говорящих общий для них портрет мира, в котором они живут [3].

Концепция языковой картины мира как составной части концептуальной, общей картины мира ориентирует не столько на коммуникативную функцию языка, сколько на его мировоззренческую функцию, на новое мировосприятие и миропонимание, на развитие глобального мышления. В связи с этим концепция языковой картины мира может стать содержательной основой фундаментализации непрерывного лингвистического образования, актуальность которого неизменно возрастает в условиях диалога культур и партнерства цивилизаций. Развитие экономического и политического сотрудничества, науки, культуры, искусства, туризма, спорта на международном уровне требует от человека не только владения иностранными языками, но и иноязычными культурами, понимания глобальных проблем и общих тенденций развития цивилизации XXI века.

Лингвистическое образование на основе языковой картины мира выполняет комплекс функций, формирующих современную языковую личность:

— познавательную (язык и языковая картина мира как средство познания и концептуального мышления) — формирующую мировоззренческо-лингвистическую компетентность личности;

— культурологическую (язык и языковая картина мира как носители и составные части национальной, иноязычной и глобальной культуры) — формирующую лингвокультурологическую компетентность личности;

— коммуникативную (язык и языковая картина мира как средства общения и ментального взаимопонимания, продуктивного взаимодействия) — формирующую коммуникативно-лингвистическую компетентность;

— личностно-образующую (язык и языковая картина мира как инструменты развития и воспита-

ния) — формирующую современную языковую личность, в структуру которой входят вышеназванные виды лингвистической компетентности и обладающую готовностью к продуктивному межкультурному диалогу и взаимодействию.

Литература

1. Кибрик А. Е. Диалог культур и языки / А. Е. Кибрик // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. : доклады. — СПб., 2010. — С. 86.

2. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; отв. ред. А. М. Шахнарович. — М., 1990. — С. 103.

3. Смирнов А. В. Языковая картина мира английской народной сказки : монография / А. В. Смирнов. — СПб., 2007. — С. 5–8.

4. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. — М., 1993. — С. 49.

А. В. Солдатов¹

ДИАЛОГ НАУКИ, РЕЛИГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях мировой глобализации анализ диалога науки, религии и художественной культуры на различных уровнях и в разные временные интервалы приобретает особое значение, учитывая также и то обстоятельство, что многие ученые считают религию одной из первых форм глобализации.

То обстоятельство, что религия в наше время связана с наиболее значительными достижениями человечества, в том числе с наукой и искусством, не вызывает сомнения, как не вызывает сомнения и глубокая укорененность культуры, понимаемой в самом широком смысле этого слова, на почве веры. Можно найти множество примеров в истории, показывающих, как религиозные идеи и верования, мифологические и религиозные картины мира коренным образом меняли облик культуры.

Хотя в современной технологической цивилизации доминирует научное мировоззрение (что связано со стремительным приумножением фактических данных о мире, с которым человек соприкасается в повседневной деятельности), все же за горизонтом этого позитивного знания остается главный вопрос: каков же смысл наблюдаемой нами деятельности мировых сил и законов, чем и кем определяется этот смысл? Однако ответы на эти вопросы, хотя

они и возникают в рамках научной картины мира, все же дает религиозное мировоззрение. Как мы часто видим, экспериментальная наука на современном этапе ее развития пытается ставить такие вопросы, которые она принципиально разрешить не может. Процесс эмпирического знания расширяется вглубь и вширь, бесконечно и безраздельно. Однако бесконечность и безраздельность не означают полноты познания, ибо невозможно уйти от ответа на вопрос о природе существования самого человеческого разума и той планомерно организованной системы целей и средств, которая составляет сущность нашей жизни. Эти факты создают в человеке субъективную уверенность в том, что мировое бытие имеет какое-то разумное обоснование и развивается в соответствии с разумными целями.

Нужно отметить, что для эмпирической науки данные рассуждения не играют решающей роли, ибо они оставляют право на постановку вечных вопросов о природе бытия другой параллельно существующей области познания — философии. Однако и сама философия в своем анализе границ эмпирического бытия опирается на реальные связи материальных элементов и замкнута лишь на эмпирический мир. Поэтому философия, в сущности, дополняет положительную науку, а также художественные модели рациональными соображениями относительно конечного смысла и значения процессов согласно идеальной схеме предполагаемого ею устройства мира. Следовательно, наука постигает связь процессов в природе, искусство специфическим образом моделирует мир, а философия пытается выявить смысл этих процессов и облекает данные науки в форму, соответствующую той или иной доктрине. Однако выявление смысла и определенного плана в окружающем нас бытии не решает вопроса о разумном существовании мирового бытия и опирается в психологическую предрасположенность человека ощутить

¹ Заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Понятия пространства и времени в структуре естественно-научной теории», «Проблема мироздания в науке и культуре»; статей: «Развитие философских наук в Санкт-Петербурге» (на англ. яз.), «Проблема первоначал мира и структура Вселенной» (на англ. яз.) и др. Исполнительный директор Международного фонда изучения проблем науки и богословия им. П. А. Флоренского, президент Оргкомитета постоянно действующего международного конгресса по проблемам взаимодействия науки, философии и богословия, член Европейского общества по изучению науки и теологии, Международного союза истории науки, Британского научного и медицинского сообщества.

присутствие разумности мира. Уникальность человеческих способностей именно и состоит в умении видеть мир с двух точек зрения — с точки зрения времени и с точки зрения вечности. В первом случае мир предстает перед нами как бесконечное многообразие вещей и событий, находящихся в определенном соответствии. Во втором случае мир представлен человеку через его безусловную, то есть ничем не определяемую основу, которая обуславливает все многообразие, существующее в мире. Эту основу на протяжении всей истории своего существования человек называл Богом. Величайшие пророки человечества, такие как Будда, Христос, Мухаммед, достигли высочайшей степени ясности в созерцании божественного откровения и способности сформулировать его на языке религиозных догм. Однако такие способности присущи лишь выдающимся личностям, а в общей массе люди пытались и пытаются выразить тайну мира рациональным образом. Поскольку религиозное откровение и вера, с одной стороны, а научное познание — с другой, опираются на разные познавательные способности, то непонятно с первого взгляда, какой логический статус имеет диалог между наукой и религией, то есть соотношение того, что принадлежит двум пересекаящимся сферам познавательных способностей и двум сферам бытия. Ведь совершенно ясно, что каковы бы ни были научно установленные законы наличного бытия, они не устраняют религиозного откровения, и наоборот, любое религиозно-мистическое постижение довременного, вневременного и послевременного основания бытия ни в коей мере не устраняет наличия многообразных данных о последнем, полученных в рациональном подходе. Однако, как показывает исторический опыт, несмотря на кажущуюся независимость данных религии и науки о сути бытия, религия и наука постоянно находились в определенном взаимоотношении. Более того, в различные исторические периоды имели место попытки их взаимного исключения и доминирования одной формы мышления над другой.

Что же явилось основной причиной вышеуказанных конфликтов? Очевидно, что противостояние возникает не между индивидуумами, обладающими выдающимися способностями к религиозному откровению, и гениальными учеными, достигшими особых успехов в постижении реальности, а между религиозной и научной картинами мира как различными формами научного познания. Таким образом, можно сделать вывод о том, что какое-либо сравнение религии и науки имеет смысл лишь в контексте «социального бытия», и именно поэтому взаимному анализу могут быть подвергнуты лишь те аспекты религии и науки, которые выражены в социально значимой форме. А поскольку не все в религии, равно как и в науке, может быть выражено на общезначимом языке, то, естественно, сама постановка проблемы определяет и метод ее решения, то есть подведение данных религии и науки под общий для любого исследования мышления язык — философский анализ. Однако в любой религии фило-

софским является не практика и не индивидуальное созерцание божественной истины, а онтологически сформулированный взгляд на природу бытия, предлагаемый обществу в терминах религиозной картины мира. Естественные науки также сами по себе далеки от наглядности (особенно современные физика и космология), и поэтому обществу предлагается онтологически резюмированная научная картина мира как другая возможная форма общественного сознания. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в плане сравнения науки и религии анализу могут быть подвергнуты лишь положения научной и религиозной картин мира, сформулированные на философском языке. То же можно сказать и о соотношениях научной и художественной картин мира.

Художественная картина мира понимается как образная модель реальности и включает в себя некоторые регулирующие правила. В структуру всякой художественной картины мира входят два важнейших элемента — специфически художественный образ мироздания и каноны, которым должны соответствовать произведения, соотносящиеся с определенным художественным подходом моделирования реальности (романтизм, реализм, символизм и т. п.). С точки зрения построения картин мира наблюдается некая схожесть. В истории культуры мы можем наблюдать соотношенность художественных и научных способов познания, на которую указывает, например, У. Эко. Но имеются и существенные различия при художественном и научном моделировании реальности. Обретенное в художественном образе единство человека и современной ему действительности остается открытым для потомков, сохраняет свою значимость, представляет собой аналогию драматического произведения с выходом новых персонажей, в то время как в научном познании преобладает модель восхождения по лестнице прогресса. Обращаясь к истокам противопоставления между научной и художественной формами познания, можно отметить, что оно имеет место потому, что науку незаконно отождествили с репродукцией (с биосоциальной деятельностью по передаче знания, подверженной действию независимых от человека законов). Такой канон науки изначально исключал из своего состава творческого человека. Собственно, творчество было отнесено к искусству (отсюда, в частности, идет подразделение на научную и творческую интеллигенцию). Но с творчеством связана деятельность, способствующая как созданию уникальных произведений искусства, так и идей науки.

Примерно с 1980-х годов получил широкое обсуждение вопрос о необходимости создания нового мировидения, которое открывает перспективы дальнейшего взаимодействия научного и художественного знания. Причем эта необходимость очевидна и для научного, и для художественного творчества. Таким образом, мы наблюдаем смену парадигм. Новое мировоззрение включает в себя сознание того, что научное понимание и рациональное постижение

мира имеют свои границы. Происходит фундаментальный пересмотр понятия науки, естественные науки все в меньшей степени могут служить идеалом научного знания, современный менталитет связан с признанием политеоретичности научного познания. Различные теоретические образования существуют как равноправные, не теряя своей уникальности и ценности перед лицом новой теории. Новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого, художника и богослова.

Итак, в современном познании существуют различные способы моделирования реальности, в том числе научный, религиозный и художественный. Соответственно этому выделяются следующие модели мироздания: 1) религиозная картина мира; 2) научная картина мира; 3) художественная картина мира.

Оригинальность и самобытность духовной культуры аборигенов юга Дальнего Востока России уже более века привлекает внимание многих исследователей — этнологов, искусствоведов, культурологов, фольклористов, краеведов. Отметим, что современные ученые часто пишут о полном исчезновении в настоящее время многих сфер и видов традиционной духовности: фольклора, орнаментального творчества, шаманизма и др. В определенной степени эти ученые правы: полностью ушли в небытие отдельные мотивы амурского орнамента, сюжеты некоторых легенд, мифов, преданий, сказок, мелодии песен и т. п. Но осталось главное: свет духовности, основы народной эстетики, художественные принципы мастеров искусства. Все это переходило из века в век. Такое историко-философское явление можно назвать органичной связью культур во времени, своеобразным диалогом культур народов региона, многие элементы которого, возможно, зародились еще в неолите — новом каменном веке — и сохранили свои знаки, символы и художественные образы в разные исторические периоды и в наше время. Безусловно, многое, как мы уже отметили, не нашло отражения в этнических культурах аборигенов, но глубинная основа его сохранилась до настоящего времени.

Приведем ряд примеров, наглядно иллюстрирующих высказанное выше предположение. Нам представляется, что образцом в данном случае является функционирование орнаментального творчества аборигенов. В течение многих столетий оно сохраняет свой стиль, цветоформу, пластику, линейный контур. Его спирально-ленточные мотивы за это время почти не изменили свои культурные смыслы, конфигурацию, композицию, колорит, де-

Несмотря на многочисленные различия, все эти картины имеют общие черты: они анонимны, отражают специфические образы целой эпохи развития той или иной формы общественного сознания, их структура включает в себя онтологические, гносеологические и методологические компоненты. При подобном подходе вопрос об адекватности той или иной модели мироздания во многом снимается, поскольку они, во-первых, построены на различных познавательных способностях человека, а во-вторых, описывают различные аспекты реальности. Наука опирается на эмпирическое и рациональное познание и описывает реальный материальный мир. Религия, напротив, основывается на вере и моделирует мир духовный, художник моделирует свой собственный мир. А целостный взгляд на мир предполагает взаимодополняемость этих трех картин мира.

Н. А. Соломонова¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

кор, технику изготовления, своеобразии национальных швов, целостность, своеобразный язык. Цвет в создании образа узоров имеет первостепенное значение, он определяет стиль и ритм орнамента, его форму².

Не только орнамент, его спирально-ленточная основа прошли через века, во многом сохранив свои мотивы и стилевые черты. Отметим, что наряду с орнаментом сохранили свою сущность, оригинальность музыкальная и обрядовая культура. Остановимся подробнее на музыкальном фольклоре.

Изменение исторических, социокультурных условий и образа жизни коренных народов, урбанизация, включение в сложную систему социальных отношений оказали огромное влияние на содержание традиционных жанров музыкального фольклора. Культурная модернизация на определенном этапе способствовала расчлененности форм использования свободного времени у аборигенов, в отличие от их прежнего образа жизни, где не было четкого разграничения рабочего и нерабочего времени. Не существовало и четкого выделения их музыкального творчества в особый вид духовной деятельности как относительно его содержания, так и относительно форм его социального функционирования, — оно было частью их быта, обычаев, верований, обрядовых действий. Новой социальной формой занятия искусством, ранее не свойственной этим народам, стала художественная самодеятельность, участницами которой и стали носители фольклорных традиций. Появились песни с устойчивыми текстами, которые прочно вошли в репертуар современных

¹ Профессор кафедры звукорежиссуры СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ.

² Например, цвет в языке нивхов имел особое значение не только в орнаментации вещей. Так, они часто употребляли выражения «чо нал вал» — «цвета рыбы», «хэвр пала вал» — «цвета икры». Подобные выражения были также у нанайцев, ульчей, эвенков, эвенов, негидальцев (*Гонтмахер П. Я.* Нивхи: этнографические тетради. Хабаровск, 1999).

фольклорных коллективов, а также новые синтетические формы, знаменующие собой репрезентацию «модернизированного синкретизма» — вокально-хореографические сюиты с аккомпанементом баяна, инструмента иной культурной традиции. Развитие этномызыкальных традиций Дальнего Востока является собой частный случай культурного синкретизма, возникающего на стыке существенно различных цивилизационных парадигм. В эволюции указанных традиций находят свое отражение, с одной стороны, изменения социальной реальности, с другой — взаимосвязь и взаимодействие принципиально различающихся культурных кодов. В каждой системе, составляющей этот феномен, можно проследить наличие бинарных противоположностей. Бинарность адаптации инонациональных традиций в этнических культурах заключается в следующем. Во-первых, традиционный звукоидеал (Фр. Бозе), оставаясь устойчивым в основных системообразующих механизмах, в то же время ассимилирует интонации инонациональные, представленные другими этнокультурами. Адаптация этих интонаций происходит в рамках национальной культурной традиции, то есть процесс происходит «национально» (В. Белинский). Во-вторых, весь комплекс интонационных универсалий, проявивших свою стойкость и жизнеспособность, несмотря на ту негативную внешнюю среду, в которой оказалась традиционная культура за последние полвека, не утратил способность к трансформации, а также и адаптации в своей интонационной среде инородных и стадияльно отличных интонационных реалий, представленных прежде всего русской культурой.

Анализировать поставленную в заглавии проблему невозможно без учета воспитания детей в семье, культурных контактов, межэтнических и гендерных отношений, менталитета, проблемы близости к природе этносов, что в итоге привело к формированию толерантного сознания северян. В языке тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов есть традиционная терминология, связанная со словом «терпеть». «Терпение» у первобытных народов означало не слабость, а силу, умение разумно реагировать на сложные жиз-

ненные проблемы и терпеливо относиться к соплеменникам.

Таким образом, в духовной культуре коренных малочисленных этносов Дальнего Востока отстоялась ее корневая, сущностная основа, которая в течение многих веков, теряя некоторые свои элементы и мотивы, сохранила своеобразие, оригинальность и национальные краски до настоящего времени — начала XXI века. Диалог культур аборигенов региона, по данным археологов и этнологов, начиная с эпохи неолита помог сбережению, сохранению очагов их духовности, их мира, традиционного искусства.

В течение нескольких столетий шел процесс взаимодействия культуры малочисленных этносов Дальнего Востока с русской культурой. Наиболее активный диалог между этими культурами приходится на 1920–1950-е годы. В это время появились первые художники из среды северян, которые окончили Ленинградский институт (ныне — Санкт-Петербургская академия) живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. К таким художникам относятся ульч А. Дятала, нанаяц А. Бельды, нивх С. Гурка. Позже художественные вузы окончили удэгейцы И. Дункай и Л. Пассар. Преподаватели этих вузов познакомили будущих живописцев, графиков и скульпторов с творчеством выдающихся русских художников, их манерой, стилем и своеобразием письма и рисунка, но самое главное — они ставили своей задачей сохранить в станковых произведениях аборигенов их взгляды на мир, природу и человека.

В этот же период 1920–1950-х годов, а также в 1960–2000-е годы в среде малочисленных этносов юга Дальнего Востока появляются свои писатели и поэты. В их произведениях сохраняются мотивы традиционного фольклора, включаются многие сюжеты, отражающие, например, Медвежий праздник, другие обряды и обычаи. Но все это преподносится в свете глубинного взаимодействия национальной эстетики коренных народов и новых взглядов на мир. Таков диалог культур дальневосточных этносов с русской культурой.

**В. Д. Сошников¹,
А. В. Карпов²**

ИСКУССТВО МУЛЬТИМЕДИА КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Современная художественная культура как «особое гуманитарное пространство»³, пространство

¹Заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор.

²Заведующий кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат культурологии, доцент.

³Гусейнов А. А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. : доклады. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 61.

диалога культур, традиций, технологий, ценностей, смыслов принципиально отличается от культурно-исторических и художественных эпох прошлого. Это отличие заключается по меньшей мере в наличии двух факторов.

Во-первых, в результате появления и развития нового пласта культуры, формирующегося под влиянием *информационно-компьютерных и мультимедийных технологий*, открываются новые возможности

для художественного творчества. Новые технологии, прежде всего мультимедийные¹, становятся вполне самостоятельным и автономным фактором художественно-культурного развития, принципиально изменяя способ существования художественной культуры, ее распространения, продуцирования и т. д. Под влиянием новых технологий изменяется и сама природа искусства, формы его бытия, участия в жизни людей, функции и принципы связи с другими видами и формами деятельности, действительностью и человеком.

Во-вторых, актуальный контекст развития современной художественной культуры составляет *глобализация*. Глобализация — это не только формирование проникающего взаимодействия культур, но и определенная коррекция природы искусства. Отношение к названному явлению сложилось далеко неоднозначное. Тем не менее можно утверждать, что становление глобальной культуры приводит к трансформации всех компонентов художественной культуры и художественной жизни общества (художественно-культурная среда — художник — художественное произведение — художественный музей/галерея — художественная критика — аудитория искусства).

Представленные факторы развития современной художественной культуры порождают совершенно иные формы *межкультурного диалога*, что наиболее ярко проявляется в новой сфере художественной практики — *искусстве мультимедиа*.

Во-первых, *межкультурный диалог как фактор расширения границ искусства*. Искусство мультимедиа значительно расширяет границы классических, традиционных видов искусств, дополняя и поддерживая стремительно развивающееся пространство Интернета, создающего свои оригинальные программы в новых жанрах (от сайтов и рекламы до интернет-телевидения). Технологии за последнее время сделали большой шаг вперед, и в интернет-среде можно наблюдать очень интересные проекты, с одной стороны, арт-хаусного искусства, с другой — представляющие новые экранные формы, берущие на себя социальные функции и играющие значительную роль в формировании нового образа современной культуры.

Во-вторых, *межкультурный диалог как фактор формирования художественных критериев мультимедиа*. В условиях культуры нашего времени, когда художественное наследие и современное искусство нередко трактуются как текст, все значения которого равны и открыты любой интерпретации как автора, так и воспринимающего, чрезвычайно трудно построить четкую систему признаков, позволяющих квалифицировать качественный уровень произведения. Мультимедийные технологии художественного творчества в силу своей синтетичности и масштабности максимально ярко демонстрируют эту коллизию. Отсутствие в настоящем времени строгих содержательных критериев искусства мультимедиа

влечет за собой почти абсолютную свободу автора создавать, используя по собственному усмотрению в качестве арсенала всю предшествующую художественную историю и свободу зрителя воспринимать, переосмысливая произведение без оглядки на какие-либо устойчивые эстетические представления и нормы. «Мультимедийное» измерение искусства формирует эстетическую идеологию современности, субъективная доминанта которой снимает вопрос о точности и категоричности художественных критериев, свойственных искусству времен четких художественных школ и течений.

В-третьих, *межкультурный диалог как фактор формирования образовательного пространства в сфере мультимедийных искусств*. В сфере современного гуманитарного образования межкультурный диалог еще более важен, ибо он значительной мере определяет педагогический процесс. Режиссура мультимедиа в последнее десятилетие доказала свою абсолютную состоятельность, так как все культурно-исторические предпосылки создали новый вид искусства, опыт которого уже достаточно значителен и его творческо-технологическая палитра распространилась на все виды художественного творчества, особенно на аудиовизуальные искусства.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов первым в мировой практике начал и продолжает в настоящее время подготовку специалистов режиссеров мультимедиа, а также ведет крупные научные исследования в сфере новых искусств и технологий художественного творчества.

В-четвертых, *межкультурный диалог как фактор формирования научного пространства в сфере мультимедийных искусств*. Искусство мультимедиа настоятельно требует создания своей оригинальной теории, основываясь на практике развития взаимодействия творчества и информационно-компьютерных технологий. Трактовки понятия «мультимедиа» в опыте научного осмысления данного феномена постоянно расширяются. Ключевыми научными проблемами, на наш взгляд, являются следующие:

- определение понятия «мультимедийное искусство», его природы и сущности, жанрового своеобразия, особенностей художественного языка и образно-смысловой направленности;

- анализ мультимедийного искусства в контексте основных категорий искусствознания (художественное сознание, художественная реальность, художественное пространство и время, художественный стиль и творческий метод и т. д.);

- разработка новой научной методологии, адекватной исследуемому явлению, исходящей из понимания мультимедиа не только как новой формы существования искусства, но и формы его отрицания; изменения форм и методов художественной деятельности в традиционном ее понимании; изменения статуса произведения искусства как артефакта; изменения характеристик восприятия произведения искусства как явления реального мира.

По словам Т. Е. Шехтер, «виртуальное состояние искусства, виртуальное бытие искусства должно рас-

¹ См., напр.: Мультимедиа: творчество, техника, технология. СПб.: СПбГУП, 2005; Искусство мультимедиа. Мультимедиа и техника. СПб.: СПбГУП, 2010.

смаиваться как независимый и самостоятельный вид творческой деятельности, далеко не во всех своих свойствах соизмеримый и сопоставимый с художественной деятельностью в реальном пространстве и реальном времени»¹.

На этом пути еще предстоит сделать достаточно много. Зарубежные научные центры и крупнейшие университеты проводят научные конференции, симпозиумы, но разрозненность искусствоведческих и культурологических исследований не в полной мере раскрывает сущность этого явления как вида искусства и культуры. В СПбГУП проводятся фундаментальные научные исследования, издаются научные труды, защищаются диссертации, посвященные новым технологиям художественного творчества и образования.

Крайне необходимо создание международного центра, анализирующего сущность мультимедиа одновременно с реальным становлением этого вида искусства. Данная задача — предмет научно-исследовательской деятельности преподавателей и ведущих специалистов, чья практическая работа окажет реальное воздействие на ускорение процесса, активно утверждающего новые художественно-выразительные возможности и перспективы коммуникации в части разработки алгоритмов моделирования творчества.

Расширение границ искусства — это и расширение сферы межкультурного диалога, диалога, порождающего новые явления и формы культуры и художественного творчества.

А. И. Тимофеев²

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Глобализация представляет собой противоречивый процесс. Если рассматривать его в культурно-историческом срезе, то можно выделить две противоположно направленные тенденции. Одна из них состоит в том, что стремительно растет культурно-историческая рефлексия, и многие этносы, жившие по традиции, начинают осознавать себя и поэтому начинают стремиться активно самоопределяться в культурном аспекте в том числе. Противоположная тенденция, очевидно, заключается в унификации. Эта тенденция наглядно видна в одежде, быте, архитектуре и инфраструктуре городов и многом другом. В настоящее время появились довольно многочисленные «граждане мира», которые пытаются жить, не имея корней. Эти две тенденции сложным образом соотносятся.

Когда говорится об отношениях различных культур, то требуется сделать акцент именно на понятии «взаимодействие». Взаимодействие предполагает субъект-субъектное отношение в виде активного действия участников. Здесь важен не только обмен нетождественными языковыми суждениями или образами, но и пример собственного стиля жизнедеятельности, тем более что межкультурные контакты становятся массовыми.

Принятие за основу взаимодействия предполагает, что в нем участвует индивидуальность в широком смысле этого слова, которая стремится проникнуть в другую культуру, а навстречу ей выступает богатство культурных смыслов в виде культурного наследия, образа жизни других людей, различных спосо-

бов отношения к природе. Для понимания своей культуры как раз может помочь восприятие идей и ценностей других культур. Это восприятие обычно более контрастно и противоречиво, чем восприятие привычной собственной культуры, поэтому и дает больше шансов, оттолкнувшись от этого контраста, понять себя. В связи с этим важна не только культурно-историческая определенность как таковая, но и то, как индивид себя отождествляет с этой определенностью.

В теории межкультурной коммуникации для характеристики субъекта коммуникации используется термин «идентичность», который имеет широкий междисциплинарный характер. В концепт этого термина входят три момента: самоидентичность в форме рефлексии, непрерывность пространства и времени собственного существования и личные отношения в форме признанности.

Определенная культурная идентичность связана с разделением на «своих» и «не своих». «Не своя» культура может мыслиться тройным образом: как враждебная, как чужая и как другая.

Враждебная культура — это такая культура, принципы существования которой противостоят принципам своей культуры; здесь складывается устойчивое представление о том, что ценности и обычаи этой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни в своей культуре. В ней может мыслиться нечто зловещее, несущее угрозу для собственного существования.

Чужая культура — это такая культура, принципы существования которой непонятны. Она может представляться странной, необычной, контрастирующей с обычным и привычным окружением; недоступной для познания, вызывающей чувство недоверия, настороженности.

Другая культура — это такая культура, принципы существования которой понятны. Здесь имеет место

¹ Шехтер Т. Е. Художественное воображение и логика фрактала // Виртуальное пространство культуры : матер. науч. конф., 11–13 апреля 2000 г. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общество, 2000. С. 60.

² Заведующий кафедрой гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор философских наук, профессор. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. книг: «Учение о человеке в философии Гегеля», «Становление философской антропологии от Канта до Гегеля» и др.

принятие существования культурных различий, знание особенностей другой культуры, благожелательное к ней отношение, стремление активно усвоить ее ценности и достижения.

Очевидно, что межкультурное взаимодействие возможно только в том случае, когда не своя культура рассматривается как другая, а не как чужая, тем более враждебная.

В последнее время категория «другой» стала объектом активного внимания в области гуманитарных исследований и, по сути, приобрела статус междисциплинарной. С ее помощью ученые стремятся осмыслить идеи диалогизма, высказанные в рамках неклассической философии. Прежде всего, сюда относится идея о «коммуникативном существовании». Главный смысл этой идеи состоит в том, что действительному субъекту нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры собственного существования. «Другой» здесь не является гипостазированной абстракцией — это «действительный Другой». Только во взаимодействии с «действительным Другим» личность может раскрыть для себя смыслы своего собственного бытия.

Традиционная непосредственная обратимость, когда каждая из сторон поочередно была то субъектом, то объектом, заменяется обратимостью взаимодействия, когда субъект, соотносясь с собой, в отношении к другому предполагает, что и другой, соотносясь с собой, также является субъектом. Как в индукторе, так и в реципиенте взаимодействия предполагается способность указывать на себя. Таким образом, возникает идея незаместимости личностей, которые вступают в такое взаимное отношение, поскольку каждый из коммуникативных партнеров обусловлен другим.

Благодаря этому несущей организационно-смысловой конструкцией современной версии межкультурной коммуникации становятся субъект-субъектные отношения в форме взаимодействия. При этом центральная проблема концепции такого взаимодействия конституируется как проблема подлинности коммуникации.

Подлинность коммуникации обеспечивается, если, в свою очередь, в общей идентичности выделяется наряду с моментом культурно-исторической идентичности и момент биографической идентичности. Термин «биографическая идентичность» здесь используется, поскольку в данной теме следует сделать акцент не столько на форме идентичности как самосоотнесенности, сколько на том многообразии содержания сознания, которое каждый отдельный человек отождествляет с самим собой.

Исходя из этого, следует рассмотреть этапы формирования биографической идентичности человека и посмотреть, на каком этапе привычки и навыки лучше всего усваиваются ребенком. Если брать возрастные этапы становления идентичности по Э. Эрикссону, то он в целом выделяет восемь этапов становления идентичности в жизненном цикле человека¹. Следует

обратить внимание на четвертую (6–11 лет) и пятую стадии (11–20 лет). Эрикссон полагает, что на четвертой стадии ребенок активно овладевает различными умениями и одновременно различными символами культуры. Пятая стадия является ключевой для приобретения чувства собственной идентичности.

Если говорить, например, о воспитании толерантности как необходимого для межкультурного взаимодействия качества индивида в указанный возрастной период, то следует отметить, что этот процесс неотделим от нравственного воспитания, и даже более того — предполагает нравственное воспитание как таковое. По сути, толерантность — одна из разновидностей доброжелательного отношения к людям. Тем самым воспитание доброжелательности является условием формирования толерантности, а не наоборот.

Незрелое сознание при большом акценте на воспитание толерантности может запутаться в плюрализме ценностей. Общий тезис «Если нет Бога, то все дозволено» может иметь и такой вид: «Если нет безусловных культурно-исторических смыслов, то все дозволено». Усваиваемые в детском возрасте ценности должны пониматься как безусловные. Таким образом, биографическая идентичность должна формироваться на основе усвоения целостной системы ценностей определенной культурно-исторической идентичности. Не случайно Д. С. Лихачев с такой настойчивостью говорил о необходимости воспитания «нравственной оседлости» человека.

Биографическая идентичность основывается на чувстве непрерывной действительности своего прошлого, настоящего и будущего. В свою очередь, это чувство непрерывности предполагает как определенную ретроспективу, так и определенную временную перспективу. Определенный действительный человек должен знать, что он имеет определенных предков и определенных потомков, как в семейном, так и в социальном аспектах. Это обеспечивает чувство непрерывности его собственной идентичности, поэтому между биографической и историко-культурной идентичностью есть прямая связь. Тем самым совершенно обосновано требование, чтобы между становлением биографической идентичности и усвоением смыслов культурно-исторической идентичности не было противоречий. Через культурно-историческую идентичность задается биографический этос действий. Таким образом, совершенно определенно можно сказать, что межкультурная толерантность должна воспитываться на нравственных основах определенной культурно-исторической идентичности. Исходя из этого, формирование определенной культурно-исторической идентичности подрастающего поколения должно несколько опережать по времени воспитание межкультурной толерантности.

Опора на безликую в культурно-историческом смысле основу может сформировать очень широкую идентичность, но это будет функциональная идентичность потребителя как такового, который терпим абсолютно ко всему, что не касается удовлетворения

¹ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. С. 100–153.

его индивидуальных потребностей. Как отмечает Ж. Бодрийяр: «Управляемое овладение объектами и благами потребления является индивидуализирующим, десолидаризирующим, деисторизирующим»¹. Сфера духовных интересов, духовного творчества при этом постоянно сужается: «В век ширпотреба нет его неба, доля художников хуже калек». Напротив, лозунг «Хлеба и зрелищ» звучит все громче.

Как это очевидно, функциональная идентичность соответствует идее смерти субъекта, предложенной в философии постмодернизма. Умирая, субъект лишается субстанциальной глубины, лишается багажа общих идей, представлений, ценностей, норм. Таким образом, Ж. Бодрийяр, по сути, делает вывод, что человек общества потребления во многом лишается и культурно-исторической, и биографической идентичности. (Понятно, что такая смерть субъекта представляет собой одно из направлений развития — в действительности субъективность человека не может умереть полностью.)

Здесь шла речь о субстанциальном аспекте субъективности. Что касается динамического аспекта, то способность желания нацелена на вещь и опосредствована включенностью индивида в функциональный механизм общества. Тем самым индивид может потребить вещь, если он выполняет определенную функцию, а это означает, что он находится в функциональной зависимости, является зависимой переменной. Индивидуальность и в этом отношении лишается собственного центра идентичности, поскольку она включена в цикл потребления.

Глубокое теоретическое обоснование такого понимания идентичности дал видный представитель философии постмодернизма Ж. Делез. В работе «Логика смысла» он строит теоретическую модель социума, в которой субъект (Я) должен умереть, поэтому термин «идентичность» (самотождественность) активно используется. Делез прокламирует возможность «универсальной коммуникации событий», характерной для функционального общества, и соответственно функциональной идентичности. Универсальная коммуникация событий имеет место тогда, когда возможны любые события. Эта мысль излагается следующим образом: «Мы пытались выяснить природу алогичной возможности и невозможности событий. Но по мере того, как утверждается расхождение, а дизъюнкция становится позитивным синтезом, создается впечатление, что все события — даже противоположные — возможны, что они “интер-выразительны” (s’enter’ expriment). Невозможность появляется только вместе с индивидуальностями, личностями и мирами, в которых события осуществляются, но не между самими событиями или между их *акосмическими, безличными и доиндивидуальными* сингулярностями»².

Чтобы такое состояние стало действительным, индивидуальность (речь может идти и о личност-

ной, и о культурно-исторической индивидуальности) должна отрешиться от своей идентичности; точнее говоря, эта идентичность должна стать функциональной. Делез недвусмысленно пишет об этом: «Индивидуальность должна осознать саму себя как событие, а осуществляющееся в себе событие — как другую индивидуальность, как бы привитую на первой. Если это удастся, то ее понимание, желание и представление этого события становится пониманием и желанием прочих событий как индивидуальностей и представлением всех других индивидуальностей как событий»³. При этом возникает то, что Делез называет единоголосием, то есть появляется полный внутренний резонанс в универсальной коммуникации событий. Существование любых событий служит необходимым условием такого единоголосия.

Следует обратить внимание на то, что делезовской модели универсальной возможности событий соответствуют совершенно определенные мировоззренческая и социальная модели. Он делает следующий вывод: «Расхождение утверждаемых серий [событий. — А. Т.] образует уже “хаосмос”, а не мир; пробегающая по ним случайная точка образует контр-Я, а не Я; дизъюнкция, понятая как синтез, меняет свой теологический принцип на принцип дьявольский. Именно децентрированный центр прочерчивает между сериями и для всех дизъюнкций безжалостную прямую линию Эона — то есть дистанцию, на которой изгнанные Я, мир и Бог выстраиваются в линию: Большой Каньон мира, “крушение” Я и расчленение Бога»⁴. Таким образом, по сути, делается вывод, что все устойчивые структуры человеческого бытия должны исчезнуть, на смену им придет свободное общество безличной коммуникации, которое похоже на модель свободного анархического общества, предложенную П. Фейерабендом, и в которой реализован принцип “anything goes”.

К слову можно заметить, что Древний Рим, после того как идентичность его населения стала функциональной идентичностью потребителей и стал господствовать лозунг «Хлеба и зрелищ», очень быстро исчез с арены мировой истории.

Исходя из уже изложенного, думается, что фундаментальной задачей является формирование оснований для ведения активного паритетного межкультурного взаимодействия на базе единства культурно-исторической и биографической идентичности. Это уже задача образования, в том числе и высшего.

Что касается понимания смысла образования, то здесь имеется в виду образование как таковое, а не профессиональная подготовка к какому-то определенному виду деятельности. Образование как таковое состоит в формировании отдельного человека как личности, в том, чтобы он усвоил общие принципы, законы, правила, идеалы и ценности, руководствуясь собственным мышлением. Об-

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 116.

² Делез Ж. Логика смысла. М.: Издат. центр «Академия», 1995. С. 213.

³ Делез Ж. Указ. соч. С. 214.

⁴ Там же. С. 212.

разованный человек может рассмотреть предмет с общих точек зрения и, следовательно, выявить его существенные основы.

Следует обратить внимание на различия и между общим средним и высшим гуманитарным образованием. Для общего среднего образования характерно формирование, прежде всего, определенной картины окружающей природной и социальной действительности. Личность школьника рассматривается скорее как объект воспитания, как нечто еще не вполне самостоятельное. Особенность высшего гуманитарного образования, напротив, состоит в развитии рефлексивной функции мышления. Такие дисциплины, как философия, психология, культурология, направлены на формирование осмысления и осознания предпосылок и форм деятельности личности как таковой. Они дают возможность раскрыть специфику духовного мира человека, его внутреннее строение, развить критическое отношение к собственной деятельности. Такое понимание своей личности базируется на стремлении постичь предельные основания человеческого бытия, человеческой культуры в целом.

Благодаря сформировавшейся способности к рефлексии на основе имеющихся общих теоретических и ценностных понятий появляется возможность ведения межкультурного сравнения, а не просто противопоставления своей культуры чужой культуре. При этом сравниваются не поверхностные внешние свойства той или иной культуры, а ее существенные признаки

Осознание чего бы то ни было, то есть рефлексивное порождение понимания общих смыслов сходных предметов, состояний, действий и тому подобного возможно именно тогда, когда высказываются нетождественные суждения об одном и том же предмете, то есть в дискуссии как форме конфликта. В дискуссии происходит сравнение, а оно дает основания для рефлексии. Без сравнения осознание собственных ценностей не представляется возможным, другого способа структурирования самосознания в человеческом мышлении, видимо, нет. Роль дискуссии-конфликта как раз состоит в том, что посредством ее ценности переводятся с индивидуально-психологического уровня на социальный уровень.

Дискуссия, проходящая внутри определенного типа культуры, имеет существенные отличия от дискуссии в межкультурном диалоге. В первом случае речь может идти о лучших способах и степени совершенства выражения того, что считается подлинно ценным, а во втором — о смысле самих базисных

ценностей данного культурно-исторического образования, поскольку они сравниваются с базисными идеями культуры другого типа.

В дискуссии ценность высказывается. Таким образом, благодаря выражению ее сути с помощью языка в ней высвечивается общезначимый смысл. Он позволяет данной ценности существовать как некоторому личностному убеждению. Ценность в убеждении соотнесена с иным и благодаря этому становится как предметом самосознания, следовательно, получает общественную значимость. Именно таким путем непосредственное переживание реальности превращается в ее оценивающее осмысление.

Таким образом, в сфере высшего образования, очевидно, ставится более сложная задача. Она состоит в формировании осознанной способности к ведению межкультурного диалога, способности к активному межкультурному взаимодействию. Для того чтобы она успешно решалась, требуется, чтобы студенты ясно и отчетливо осознавали свою культурную идентичность, понимали духовные основы своей культуры. Они должны обладать знаниями об основных типах культур и тех базисных ценностях, на которых эти культуры основываются. Соответственно также требуется сформировать умение оценивать межкультурную дистанцию и наличие межкультурных барьеров. Такой анализ духовных оснований определенной культуры позволяет сформировать определенные содержательные предпосылки для ведения межкультурного диалога. Благодаря этому межкультурные барьеры могут быть преодолены. Поиск общего поля межкультурного взаимодействия может быть успешным.

Межкультурный диалог способствует не только лучшему пониманию других культур, но и заставляет заниматься анализом смыслов и ценностей собственной культуры, служит эффективным средством культурного самопознания, постижению глубин своей собственной культурно-исторической идентичности. Поскольку выделяются элементы и отношения в другой культуре, то требуется осознать и аналогичные элементы и отношения своей культуры. Заметим, что, например, древнегреческая философия возникла на границе разных культур. При этом некоторые исследователи полагают, что ее возникновение связано в том числе и с необходимостью создания инструментария для межкультурного диалога. Вместе с тем философия сыграла ведущую роль и в самопознании основ своей культуры самими древними греками. Эту роль она выполняет и в современной духовной жизни.

А. В. Успенская¹АНТИЧНЫЕ РЕЦЕПЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Одной из характернейших особенностей русской классической литературы является ее открытость влияниям других культур, в частности непрерывный творческий диалог с литературой классической древности. Этот диалог (проходящий в форме то переводов, то прямых рецепций, то еле заметных влияний) представляется важным и для путей развития современной культуры, так как Античность — это наряду с христианством общий фундамент европейской и русской ментальности, тот общий культурный код, который дает нам и представителям западной культуры возможность слышать и понимать друг друга.

В последнее десятилетие можно отметить явно возросший интерес к связям русской классической литературы с Античностью. Творчество И. С. Тургенева не является исключением, о чем свидетельствуют фундаментальное исследование Н. Жекулина², последние работы Г. Кнабе, М. Альбрехта и других исследователей³. Однако представляется, что пока нет целостной картины тургеневских античных рецепций и даже отмеченные исследователями факты в ряде случаев все еще нуждаются в дополнительной интерпретации.

Не до конца прояснена и роль античных штудий в формировании *мировоззрения* Тургенева. Его учителями были Х. Ф. Грефе, позже Ф. К. Фрайтаг, дома он учился с Кристофером Вальтером. Видимо, еще только предстоит оценить значение знакомства с ординарным профессором Санкт-Петербургского университета Христианом Фридрихом, или, как его звали в России — Федором Богдановичем Грефе (приехал из Лейпцига в 1810-м, умер в 1851-м).

Это был блестящий филолог, комментатор античных текстов. В 40 с небольшим лет стал академиком, изучал санскрит, занимался сравнительной

грамматикой древних языков. Прирожденный педагог, он резко выделялся на фоне обычной университетской профессуры. В авторитарном обществе и университетское обучение часто строилось на жестко иерархическом принципе. Поэт и прекрасный переводчик древнегреческих эпиграмм Владимир Печерин, также ученик Грефе, поступивший в университет на 4 года раньше, вспоминал в книге «Замогильные записки»: «Никакое самостоятельное развитие было невозможно. Студенты в основном слушали лекции, заучивали их, а профессор преподавал по тетрадкам, им же вызубренным во время оно»⁴. Но о Грефе и он, и другие студенты вспоминали, что его лекции были шире, нежели просто изучение греческих авторов. В каком-то смысле это были уроки духовной свободы. Темные места обсуждались коллективно, при комментировании студентам широко предоставлялось право слова, их приучали высказывать собственное мнение, даже если это мнение было совершенно ошибочным.

Любопытно было бы сравнить судьбы этих двух учеников Грефе — Печерина и Тургенева. Оба до поры до времени серьезно увлечены классикой, мечтают о профессиональной преподавательской работе в университете, много занимаются дополнительно, проходят курс обучения в Германии. Затем под влиянием суровой российской действительности начинается угасание интереса к чистой классической филологии, сквозь призму Античности оба пытаются оценить современность. У Печерина это проявилось в поэме «Торжество смерти», наполненной античными образами и идеями яростного западничества: «Как сладостно отчизну ненавидеть / и жадно ждать ее уничтожения». У него появилось ощущение «духоты», «отсутствия воздуха» и полной невозможности существования в России, что привело его в 1836 году к отъезду за границу. Рискнем предположить, что и у Тургенева, возможно, именно погружение в античный мир укрепило его неприятие современной действительности, ненависть к тирании, способствовало формированию его западнических устремлений. Важно и то, что оба ученика Грефе, столь сильно увлеченные Античностью, в какой-то момент ощущают невозможность жить в России.

В современной литературе о Тургеневе существует мнение, что наследие античной культуры, при всей его значительности, для Тургенева, как и для других писателей послепушкинской эпохи, уже не ощущалось современным, не имело никакого отношения к настоящей и будущей судьбе России, и обращения его персонажей к античным образам характеризовали их как «отставных». В частности, в романе «Отцы и дети» речь старика Базарова, наполненная античными отсылками, — как считает,

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета» и др.

² Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian text (19th century) and antiquity. Budapest ; Tartu, 2008. P. 169–206.

³ Кнабе Г. Тургенев, античное наследие и истина либерализма // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 84–110; Von Albrecht M. Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst. Literatur als Brücke: Studien zur Rezeptionsgeschichte und Komparatistik. Hildesheim, 2003. S. 163–193. № 1. С. 84–110; Кузнецов В. А. Горацианский текст Тургенева: (К проблеме риторических моделей в реалистической словесной культуре) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 165–181; Аюпов С. М. Архаический подтекст романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // И. С. Тургенев и Ф. И. Пютчев в контексте мировой культуры. Орел, 2003. С. 46–50; Кроо К. Пигмалион Овидия в межтекстовом прочтении повести И. С. Тургенева. Вешние воды (О поэтической функции визуального изображения) // Studia Russica. 2004. Вып. 21. P. 107–122; Жилякова Э. М. Тургенев и Гораций // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии. Томск, 1997. С. 153–167.

⁴ Печерин В. Замогильные записки. М., 1932. С. 5.

например, Г. Кнабе, — осмыслена в ироническом ключе¹. Исследователь полагает, что Тургенев солидарен с Евгением Базаровым в мягко ироническом отношении к отцу: обилие возвышенных античных ассоциаций и имен в речи Василия Базарова — знак того, что это персонаж трогательный, но отживший свое, ненужный, как и его латынь.

Но не стоит упускать из виду, что обилие греко-латинских историко-мифологических образов подчеркивает и усиливает связь образов стариков Базаровых с героями «Старосветских помещиков». Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна оказываются у Гоголя не просто обитателями трогательного поместья, но жителями маленького «золотого века», где вечно цветет и плодоносит сад, где не иссякают еда и питье, где есть лекарства от всех болезней. У стариков Базаровых также есть идиллический сад и огород с лекарственными травами. Другая, параллельная смысловая линия возводит старосветских помещиков к Филемону и Бавкиде, персонажам высокого античного мира, за доброту и чистосердечие вознагражденных богами. Литература Нового времени, используя этот античный миф, уже и раньше обостряла заложенный в нем конфликтный потенциал: золотой век посреди всеобщего железного века, идиллия в неидиллическом пространстве неосуществима, столкновение двух типов бытия может обернуться трагедией. В «Фаусте» Гете этот конфликт действительно разрешается трагически: кроткие Филемон и Бавкида сожжены со своим домиком, так как оказываются на пути прогресса, и вина Фауста, объективно не желавшего им зла, неотменима. Одержимый «современными» вопросами, стремящийся разрушить старый мир во имя блага человечества, Базаров причиняет своим «старосветским помещикам» боль, разрушает их мирок. Таким образом, внимательное рассмотрение античных образов позволяет открыть новые смысловые пласты повествования.

Весьма важным, хотя и наименее изученным является вопрос об элементах античной трагедии, присутствующих в романах Тургенева. Если под этим углом зрения проследить внутреннюю динамику романов 1850-х — начала 1860-х годов — от «Рудина» к «Отцам и детям», — становится очевидна их взаимосвязь, позволяющая говорить о некоей целостности. И в этой романной тетралогии обозначен переход от поисков положительно-героя-деятеля, необходимого России в эпоху реформ, не просто к герою-нигилисту, разрушителю, но к изображению «героя» в античном, трагическом смысле. От драматического конфликта личности и окружающей среды (тот тип повествования, который его современники называли социальной повестью) Тургенев приходит к универсализации проблематики, приводя к столкновению мир и человеческое «я», исполненное запредельных, возвышенных, но нереализуемых в пределах человеческой судьбы устремлений.

¹ Кнабе Г. Тургенев, античное наследие и истина либерализма... С. 87.

Трагический герой — Базаров — скроен по рецептам героического мифа. Подобно им он ставит цели глобальные — полное безоговорочное разрушение старого мира. Он абсолютный нигилист и не признает над собой никаких авторитетов. Исследователи уже отмечали, что нигилизм Базарова носит столь всеобщий, тотальный характер, что тургеневский герой напоминает не столько реального нигилиста начала 1860-х годов, сколько пушкинского или лермонтовского демона².

При создании высокого, трагедийно-героического образа Базарова Тургенев использует систему древних, архетипических мифологем: герой мистическим образом связан с деревьями, при этом он — как особое дерево — противостоит лесу (в беседе с Анной Сергеевной Одинцовой он говорит, что люди для него — это березовый лес, где бесполезно изучать отдельное дерево). Мифологический герой подобного плана, разрушив старый мир до основания, сажает мировое дерево, создавая мир новый. В этом плане не случайно, что Базаров — медик по образованию — учит Кирсановых сажать деревья (в частности, серебристые ели); во сне перед дуэлью он сражается с Павлом Петровичем, который представляется ему лесом; несмотря на то что для него «природа — не храм, а мастерская», он чуть ли не с нежностью вспоминает знакомую с детства осинку на краю ямы, трагически отождествляя себя с нею.

Исследователи уже обращали внимание на влияние античной трагедии на романы Тургенева, в частности на роман «Дворянское гнездо»: действительно, судьба высокого, практически безупречного героя, над которым тяготеет неумолимый рок, родовая вина дворянского сословия перед народом демонстрирует связи с «Царем Эдипом» Софокла. «Отцы и дети» по своему глубинному содержанию — трагедия одинокого, сверхчеловеческого героя. Но есть и еще один семантический уровень прочтения. Тургенев действует подобно Гоголю, опрокидывавшему в зал комедию — когда «Ревизор» становится трагедией уже не героев, а зрителей, которые должны в финале застыть, подобно героям пьесы, ужаснуться самим себе, очиститься и воскреснуть. Так и в романе Тургенева — трагедия героя провоцирует следующий круг идей. Тургенев показывает, как тихое, деревенское, «горацианское» счастье Николая Петровича, выстроенное на материале деревенских писем занявшегося фермерством А. А. Фета, достигнуто. Но картины идиллической жизни на ферме Кирсановых не отменяют более глубокой, универсальной проблематики. Россия нуждается не в частичном улучшении, не в возвращении к истокам, но во всестороннем обновлении. Ей необходим не просто положительный «герой времени» — герой-деятель, реформатор, но герой в высшем смысле этого слова — и его поиски ведутся на протяжении четырех романов. В четвертом романе такой герой найден, он напоминает одновременно и Гамлета, и Дон-Кихота, и несгибае-

² См. об этом: Маркович В. М. Человек в романах Тургенева // Маркович В. М. Избранные работы. СПб., 2008.

мых героев античной трагедии. Но герой, казалось бы, способный принести обновление миру, трагически одинок. Подобно античным героям, он дерзает на запредельное и его поединок с миром обречен; в то же время сам он связан с темной, хтонической бездной¹, испытывает влияние сил хаоса и жаждет лишь разрушать, но не созидать. И это трагедия не только героя, но и России, и вовлеченными в эту

трагическую ситуацию становятся не только персонажи Тургенева, но и его читатели.

Таким образом, диалог культур, даже столь далеко отстоящих друг от друга по времени, оказывается весьма плодотворным для русской литературы, способствуя расширению семантического поля художественного произведения, универсализации его проблематики.

Н. И. Фатиев²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Само понятие «диалог культур» содержит скрытую полемичность по отношению к словосочетанию «конфликт цивилизаций», введенному в научный обиход С. Хантингтоном. Детский вопрос: какого рода дизъюнкция здесь уместна — строгая или нестрогая, только кажется элементарным.

«Когда грохочут пушки, музы молчат». Означает ли это то, что столкновение цивилизаций исключает диалог культур? А как быть с крестовыми походами, одним из побочных результатов которых было знакомство европейцев с неизвестными им ранее работами античных философов? Имеются и другие факты подобного рода, доказывающие, что даже пресловутая холодная война не являлась препятствием для диалога культур. Но тогда в каком смысле можно говорить о пределах культурного диалога, раз он способен идти даже в весьма некультурном контексте? Уместно вспомнить высказывание шолоховского героя Макара Нагульнова, который объясняет, почему его надо взять на диспут о существовании Бога. «Оно, конечно, может, и не такой уж сильный я оратор, но зато, брат, кулак у меня при случае на любую дискуссию годный! Как разок припечатаю, так мой супротивник и возражать мне не сможет, потому что возражать хорошо стоя, а лежа — какие у него могут быть возражения? Лежачие возражения во внимание не принимаются!»³

О чем разговор? О возможности общения на невербальном уровне, как в боксерском поединке? Нет. Последнее — это только игра, а у героев «Поднятой целины» полноценный культурный диалог на жизненно важную тему. И историческая реальность подобного процесса диалога подтверждает сам факт понимания позиций сторон. Философская герменевтика способна интерпретировать аргументы, связанные с насилием, ибо, как писал еще Константин Леонтьев: «Насилие не только побеждает. Оно еще и убеждает многих!»

Это значит, что ни насилие, ни даже война не отменяют возможности ведения диалога культур, влияя лишь на его формы. Например, эпоха Возрожде-

ния явила нам ситуацию, при которой деятели Реформации и Контрреформации были воспитаны в рамках одной и той же гуманистической, по сути, культуры. Как указал в свое время А. Х. Горфункель: «Утратив свое идеологическое значение, гуманизм превращался в технику, в отрасль гуманитарного знания. У реформаторов он становился орудием религиозной полемики, у воинствующих католиков он из первой формы буржуазного просвещения постепенно превратился в ученое иезуитство»⁴.

Сказанное выше лишь подтверждает тот факт, что сам по себе культурный диалог способен оказываться излишне толерантным по отношению к нравственным вызовам эпохи. Кажется, что в чем-то подобном упрекал Ульрих фон Гуттен Эразма Роттердамского, наиболее выдающегося светоча той далекой от нас культуры Возрождения.

Но еще хуже в рамках диалога культур может обстоять дело с социальной ответственностью, с тем, что Николай Бердяев в «Русской идее» называет проблемой «оправдания культуры»⁵. Существенна ли для межкультурного диалога социальная доминанта? Тема культуры в традиции русских народников — это разговор о долге слоя, воспользовавшегося культурой, перед простым народом. Наибольшей силы тема покаяния культурного человека перед народом достигает, конечно, у Л. Толстого. А для западного интеллектуала здесь не было никакой проблемы, ибо культура ценна сама по себе, а не потому что она может что-то дать бедным, голодным или обездоленным. Но Вторая мировая война выявила нравственную неправоту европоцентристской идеи культурной самодостаточности, поставив вопрос об ответственности классической немецкой культуры за Освенцим, Бухенвальд и все остальное.

Нацизм явил собой тот предел, за которым всякий культурный диалог невозможен. Как говорил Э. Хемингуэй на II съезде американских писателей, «есть только одна система, которая не может дать хороших писателей. И система эта — фашизм. Потому что фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами!» Однако это крайность, лишь подтверждающая своим наличием широту пределов, в рамках которых может иметь место диалог культур.

¹ «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 59. (Письмо к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.).

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

³ Шолохов М. А. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1960. С. 169.

⁴ Горфункель А. Х. Гуманизм—Реформация—Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 13.

⁵ Бердяев Н. Самопознание. М., 2006. С. 135.

Иное дело — его плодотворность. Многие отмечают, что современная Россия впервые со времен появления посланий инока Филофея утратила свое мессианское начало (присутствовавшее, согласно тому же Н. Бердяеву, как в идее Третьего Рима, так и в идее Третьего Интернационала). Сегодня мы мало что можем сказать окружающему миру, ибо неспособны еще разобраться в самих себе. Мы можем выступать скорее в качестве переводчика или ретранслятора в диалоге Восток—Запад, но при этом наша интерпретация европейских ценностей в глазах того же Запада очень недозападная, а в глазах Востока — слишком переамериканская! Сказанное служит лишним

подтверждением мысли Н. Гумилева о том, что общечеловеческие ценности возможны лишь в отрицательном смысле («не убий», «не укради»), а позитивные ценности у всех этносов разные. Совпадают они могут, только если человечество сольется в единый суперэтнос, но не как ценности этого суперэтноса, а скорее как ценности победившего всех этносов Соединенных Штатов Америки. Но по этому поводу уже сейчас можно констатировать, что Ф. Фукуяма своей концепцией выдал желаемое за действительное. Нас ожидает мультиполярный мир и бесконечно идущий в его времени и пространстве диалог культур.

Г. Ф. Фейгин¹

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ БЛОКАХ

Европейский Союз (ЕС) представляет собой самый крупный из существующих на сегодняшний день региональных интеграционных блоков. После окончания Второй мировой войны интеграционные процессы в Европе идут очень динамично. В настоящее время ЕС включает 27 стран, в которых проживают около 500 млн человек. История современного ЕС берет начало в 1950-х годах, когда по инициативе министра иностранных дел Франции Р. Шумана было создано Европейское общество угля и стали, куда вошли ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург. В 1957 году были заключены так называемые Римские соглашения, что означало образование Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Основная цель заключалась в создании единого внутреннего рынка, который обеспечивал бы свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами — участницами ЕЭС. В дальнейшем ЕЭС регулярно расширялось: в 1973 году в эту организацию вступили Великобритания, Ирландия, Дания; в 1981-м — Греция; в 1986-м — Испания и Португалия. В 1992 году был подписан Маастрихтский договор, в результате которого ЕЭС было преобразовано в ЕС и принята его современная концепция. Данная концепция наряду с экономическим сообществом включает совместную внешнюю политику и политику безопасности, а также тесное сотрудничество в области юстиции и внутренних дел. В 1995 году к ЕС присоединились Австрия, Швеция и Финляндия; в 2004-м — Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Словения, Литва, Латвия, Эстония, Мальта и Кипр; в 2007-м — Болгария и Румыния.

О динамичности и глубине интеграционных процессов в Европе свидетельствуют следующие факты:

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук.

— в рамках ЕС действуют наднациональные управленческие органы (Европейская комиссия, Европейский совет, Европейский парламент, Европейский суд, Европейская счетная палата), которые берут на себя все больше функций, выполнявшихся ранее на уровне национальных государств; тем самым ЕС все больше приобретает форму наднациональной структуры государственного типа;

— с 1995 года действует Шенгенское соглашение², фактически означающее ликвидацию границ между странами-участницами. В 2002 году в обращение введена единая европейская валюта — евро; это также свидетельствует о высоком уровне интеграции европейских стран в единую систему, имеющую много общих признаков с национальным государством;

— интеграционные процессы в рамках ЕС затрагивают множество аспектов. Совместно проводятся региональная, торговая, аграрная политика, политика взаимоотношений с соседними странами и содействия развивающимся странам, политика в области образования, защиты прав потребителей, транспортная, социальная, культурная политика.

Для оценки современного уровня европейской интеграции целесообразно воспользоваться классификацией, предложенной венгерским экономистом Б. Балаши³ (табл. 1).

² В настоящее время в Шенгенскую зону входят большинство стран ЕС (за исключением Великобритании, Ирландии, Болгарии и Румынии — однако эти страны тесно сотрудничают с Шенгенской зоной и могут присоединиться к ней в будущем). При этом Шенгенское соглашение подписали Швейцария, Норвегия и Исландия, которые не входят в ЕС. Это свидетельствует о последовательном проведении курса на полную ликвидацию границ в Европе.

³ *Welfens P. Grundlagen der Wirtschaftspolitik*. Berlin, 2005. S. 247. Подход Б. Балаши позволяет оценить уровень интеграции в любом региональном блоке. В табл. 1 дана авторская оценка современного уровня интеграции в ЕС на основе подхода Б. Балаши.

Таблица 1

Уровни региональной интеграции

1. Зона предпочтения	Страны осуществляют сокращение таможенных пошлин и других внешнеторговых барьеров	Уровень интеграции в ЕС
2. Зона свободной торговли	Страны — участницы зоны полностью отменяют таможенные пошлины по отношению друг к другу, однако проводят индивидуальную таможенную политику по отношению к внешнему миру	
3. Таможенный союз	Страны — участницы союза отменяют таможенные пошлины по отношению друг к другу и проводят при этом единую таможенную политику по отношению к внешнему миру	
4. Экономический союз	Страны — участницы союза устанавливают общие правила конкуренции на едином рынке. Единый общий рынок, предполагающий свободное перемещение товаров, услуг и капиталов, представляет собой базовый элемент экономического союза	
5. Валютный союз	Страны — участницы союза фиксируют курсы национальных валют по отношению друг к другу или вводят единую валюту. В условиях валютного союза происходит интенсификация конкуренции при сокращении транзакционных расходов, связанных с операциями на валютном рынке. Основная проблема заключается в том, что денежная политика должна быть единой для стран — участниц союза. Это несколько ограничивает возможности национальных государств по проведению экономической политики	Европейский Союз
6. Политический союз	Страны — участницы союза принимают общую конституцию и проводят общую политику по всем основным направлениям: внешняя политика, валютная политика, политика национальной безопасности	

Как видно из табл. 1, каждый последующий вид объединения представляет собой более глубокую интеграцию. Современный ЕС находится на предпоследнем уровне, но уже приближается к наивысшему (уровень 6). В настоящее время действует валютный союз, куда вошли еще не все участники ЕС, при этом активно предпринимаются попытки завершить создание и политического союза. Важным шагом в данном направлении стала многолетняя дискуссия о принятии Европейской конституции. В дальнейшем Европейская конституция была заменена Лиссабонским договором, вступившим в силу 1 декабря 2009 года. Фактически данный договор подтверждает стремление ЕС стать гомогенным интегрированным политическим образованием, близким к национальному государству. Успехи интеграционных процессов в Европе привели к тому, что в ряде регионов ЕС рассматривается как образцовая модель интеграции, которая могла бы быть внедрена во всем мире. В то же время, несмотря на серьезные успехи, перед современным ЕС стоит целый ряд проблем, вызывающих дискуссии о его будущем как наднациональной политической структуры.

Одна из таких проблем состоит в необходимости интегрировать многочисленные национальные культуры, сформировавшиеся относительно обособленно в рамках многовековой истории. Необходимо учитывать, что каждая из стран — членов ЕС до недавнего времени имела государственные границы, функционировала и развивалась как независимое национальное государство. При этом на территории каждой из стран проживает преимущественно коренное население, определяющее тип национальной культуры. Такое положение вещей принципиально не изменилось и после принятия Шенгенского соглашения, когда фактическая ликвидация государственных границ внутри Европы должна была

способствовать резкому усилению миграции европейского населения. Однако миграция усилилась незначительно, во многом в связи с культурными, в том числе языковыми, барьерами. Итак, создание на территории Европы единой экономики невозможно без решения проблемы культурной интеграции (в частности проблемы интеграции деловых культур). Ключ к достижению поставленной цели лежит в определении стратегических ориентиров политики ЕС, направленных на разумное сочетание интеграционных процессов с мероприятиями по поддержке национальных культурных особенностей, в том числе в деловой сфере (оказывающей непосредственное влияние на экономику).

Речь идет в частности о следующих аспектах:

1. Учет национальных традиций в рамках образовательной реформы

К настоящему моменту на территории ЕС фактически завершён переход к унифицированной образовательной системе, начавшийся в 1999 году после подписания Болонского соглашения. Основная цель данного процесса заключается в создании единого европейского образовательного пространства, максимально упрощающего академическую мобильность. В то же время не подлежит сомнению тот факт, что национальные образовательные системы содержат многочисленные культурные традиции, определяющие эффективность их работы. Поэтому полная унификация образовательных стандартов может привести к снижению качества образования в Европе и к социальным противоречиям¹. Не случайно ведущие университеты в Европе (Оксфордский, Кембриджский, Сорбонна и некоторые другие) протестовали против распространения принципов Шенгенского соглашения на их дея-

¹ О критических аспектах Болонского процесса см.: Bologna-Reform in der Kritik in: <http://www.deutsche-bildung.de>

тельность, так как это может подорвать сложившийся мировой имидж. Если рассматривать ситуацию в целом, то представляется целесообразным в рамках европейской политики образования учитывать национальные особенности при построении структур высших учебных заведений, осуществлении их кадровой политики и формировании взаимоотношений с национальными государствами. Однако это не должно препятствовать реализации курса на формирование единого европейского образовательного пространства, которое представляет собой важный элемент европейской интеграции.

2. Поддержка национальных брендов

На протяжении развития европейских стран в их экономике сформировались традиции, принявшие форму национальных брендов («швейцарский сыр», «швейцарские часы», «бельгийский шоколад», «чешское пиво», «чешское стекло», «итальянские макароны» и др.). Очевидно, что национальные бренды по-прежнему привлекают потребителей, которые с данным брендом связывают определенные представления о качестве предлагаемого продукта. При этом европейская интеграция способствует перетокам капитала и миграции рабочей силы, в результате чего могут быть подорваны производственные традиции, формирующие национальные бренды. Негативные экономические и социальные последствия в этом случае представляются неизбежными. В связи с этим экономическая политика ЕС должна предусматривать специальные меры, направленные на поддержку культурных традиций в области производства, формирующих национальные бренды.

3. Учет культурных традиций в рамках сельскохозяйственной политики

Несмотря на то, что в рамках ЕС последовательно проводится принцип свободной конкуренции, сельское хозяйство регулярно выступает объектом государственной поддержки. Наплыв на европейский рынок сельскохозяйственных товаров из развивающихся стран может привести к банкротству многочисленных сельскохозяйственных предприя-

тий на территории ЕС, что негативно скажется на европейских природных ландшафтах. Следует отметить, что сельское население в некоторых районах ЕС (например в горных районах) рассматривается как часть национальной культуры, привлекающая многочисленных туристов. Поэтому сельскохозяйственная политика ЕС и далее должна учитывать этот фактор¹.

4. Поиск разумных ограничений трансграничных перемещений в сфере занятости

Одним из основных элементов политики ЕС является обеспечение свободного трансграничного перемещения рабочей силы. Это означает, что каждый гражданин страны — члена ЕС имеет абсолютно равные возможности трудоустройства на всей его территории². Однако в европейских странах сформировались некоторые традиции, определяющие статус той или иной профессиональной группы. Так, в Германии особенно выделяется статус государственных служащих (сотрудники аппаратов государственных администраций, профессора университетов, учителя школ, сотрудники железной дороги). В соответствии с действующим порядком этот статус получают исключительно граждане Германии. В связи с социальной значимостью подобного статуса отказываться от него в ближайшем будущем представляется нецелесообразным. Поэтому политика ЕС в области занятости должна быть гибкой и обеспечивать разумное сочетание свободной конкуренции на рынке труда с учетом национальных традиций.

Очевидно, что поставленная проблема не исчерпывается обозначенными аспектами. Развитие европейской интеграции на современном этапе непосредственно зависит от того, в какой мере развитие интеграционных процессов будет эффективно сочетаться с сохранением многовековых национальных культурных традиций. Только в этом случае возможно избежать социально-экономических противоречий, регулярно воздвигающих барьеры на пути развития европейской интеграции. Решение данной задачи должно обеспечить европейской интеграционной модели стабильное будущее.

¹ В данном контексте примечательна программа развития сельскохозяйственных территорий ЕС на 2007–2013 гг., осуществляемая Европейской комиссией. В ней отмечается, что в 27 странах, входящих в ЕС, 56 % населения проживает в сельской местности, а сельскохозяйственные территории составляют 91 % (Landwirtschaft und laendliche Entwicklung.: URL: <http://ec.europa-eu>).

² О проблемах рынка труда в современном ЕС см.: *Welfens P., Borbely D.* EU-Osterweiterung, IKT und Strukturwandel. Stuttgart, 2008.

А. Я. Флиер¹

ЭЛИТАРНАЯ, НАРОДНАЯ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРЫ: ДИАЛОГ НА ЭШАФОТЕ

Как известно, существует множество признаков, на основании которых можно различать и классифицировать разные культуры. Например, различия культур по этническим, конфессиональным и сословным признакам очевидны любому; чтобы увидеть их специфику, не нужно быть большим специалистом. Дифференцирование и типологизация культур по технологическим, археологическим, хозяйственно-культурным и некоторым иным признакам уже не столь очевидны, и их могут системно осуществить лишь подготовленные люди. Среди таких, не сразу бросающихся в глаза, но очень важных по существу различий представляется очень важной дифференциация культур по их социально-функциональным признакам.

Постоянно подвергаются научному исследованию (в том числе сравнительному) такие всем известные явления, как элитарная, народная и массовая культура². Элитарная и народная культура чаще всего противопоставляются по сословным и художественно-стилевым признакам, массовая культура определяется просто как отброс цивилизации³. А между тем функциональное различие их гораздо сложнее и значимость этого различия неизмеримо важнее.

Элитарная культура (правильнее называть ее креативной) по своей социальной функции ориентирована преимущественно на специализированное производство. Ее реализуют люди, в той или иной мере специально обученные своему ремеслу, а качество изготавливаемого продукта является главным критерием оценки их работы. Поэтому креативная культура ярче всего проявляет себя в эксклюзивных заказах и может быть названа «элитарной» скорее по своим заказчикам и потребителям, нежели производителям. Но следует сказать, что и социальная элита сама охотно участвует в производстве этой культуры, особенно в гуманитарно-художественных ее сегмен-

тах. Креативная культура — это *культура качества*, и она обеспечивает, прежде всего, социальную дифференциацию общества — по профессиям, сословиям, корпорациям. Представителей этой культуры объединяет общность профессиональной деятельности и ее качественные показатели. Самыми высокими оценками для этих людей являются слова «мастер», «профессионал».

Народная культура (правильнее называть ее традиционной) по своей социальной функции ориентирована на неспециализированное производство (для семьи) и на обмен (преимущественно с соседями) — материальный, информационный, социальный, культурный. Это культура бытовой соседской коммуникации, и в ней решающую роль играет обычай. Традиционную культуру реализуют в основном крестьяне — универсальные работники, способные осуществлять все хозяйственные работы и символические действия, потребные в данных условиях проживания, и основным критерием оценки того, что они делают, является соответствие традиции. Это *культура обычая*, и она обеспечивает в первую очередь этническое единство общества (т. е. коммуникационное единство). Представителей традиционной культуры объединяет прежде всего общность места проживания и оно же, как правило, является основой их идентичности. Самой важной оценкой для представителя этой культуры является понятие «местный».

И, наконец, массовая культура, которая по своей социальной функции ориентирована преимущественно на потребление — материальное, информационное, художественное и пр. Это культура толпы — зрителей в кинозале, болельщиков на стадионе, посетителей ресторана или магазина, участников туристической экскурсии, т. е. людей, объединенных случайно, обстоятельствами ситуативно возникшего краткого общего интереса. Такая культура сама ничего не производит, а только нанимает специализированных производителей для своих нужд. Это культура потребителей и регуляции их потребительских устремлений. А регуляция потребления — это задача политики. Массовая культура по своим функциям является преимущественно политической, поддерживающей порядок в ситуативных процессах массового потребления. Это *культура конъюнктуры*, сиюминутно возникающей на потребительском рынке, и она объединяет людей коллективным характером какого-либо потребления или получения удовольствия. Здесь главными идентифицирующими ярлыками являются названия предмета увлечения — панк, рокер, байкер, фанат какого-либо артиста, болельщик «Спартака» или «Зенита» и т. п.

Итак, мы имеем дело с культурами, обеспечивающими производство, обмен и потребление (разумеется, не абсолютно, а по преимуществу). Но

¹ Профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, заведующий лабораторией педагогической культурологии Института образования взрослых РАО, руководитель Научно-исследовательского центра «Школа культурного моделирования», доктор философских наук, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурогенез», «Культурология для культурологов», «Некультурные функции культуры», «Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» и др.

² См., например: *Костина А. В.* Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009; *Gans H.* Popular Culture and High Culture; an Analysis and Evaluation of Taste. N. Y., 1974.

³ *Адорно Г., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. М.; СПб., 1997; *Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б.* Социология контркультуры. Критический анализ. М., 1980; *Голицын Г.* Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве и искусство творчества. М., 2000; *Захаров А. В.* Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7; и др.

если с признанием исторической глубины креативной и традиционной культур вопросов не возникает, то требуется установить, что же можно считать историческим предшественником массовой культуры, в своем нынешнем виде появившейся только во второй половине XIX века. Мне представляется, что это были культуры закрытых мужских коллективов, изолированных от широких социальных контактов, которых объединяло только общее потребление — криминальные банды, заключенные, военнопленные, военные наемники и т. п. Это были сообщества, по существу объединенные только «вокруг общего котла», собственно, как и посетители современных «Макдоналдсов». Другие такие чисто потребительские сообщества в истории нам неизвестны.

Теперь возникает вопрос о диалоге между названными культурными явлениями. Следует отметить, что в истории эти три типа культуры существовали совершенно автономно. Они были необычайно далеки друг от друга как по людям, производившим продукцию, так и по людям, потреблявшим ее, а главное — столь специфичны по своим ценностным установкам, что между ними не возникало не только соперничества, но даже о каком-либо их серьезном взаимодействии говорить не приходится.

Вместе с тем отсутствие прямого и непосредственного взаимодействия вовсе не говорит о том, что между этими культурами не существовало диалога. Просто этот диалог носил опосредованный характер, выражался, как правило, не в заимствовании характерных форм (имевших очень жесткую социальную привязку), а в усвоении определенных смыслов и ценностей, зарождавшихся в недрах одной социальной культуры, а затем распространявшихся в специфических формах иных. Наиболее явным образом именно элитарная культура влияла на иные социальные культуры своими престижными чертами. Но по существу своих глубинных ценностных установок и народная культура, несомненно, оказывала влияние на элитарную, хотя выраженных формальных следов это не оставляло. Массовая культура, поскольку была в данной ситуации маргинальной и, как правило, девиантной, судя по всему, в качестве источника какого-либо влияния не выступала.

Но вот наступила вторая половина XIX века. В Европе (включая Россию) и в Северной Америке начался промышленный бум, повлекший за собой невероятный размах урбанизации, сорвавший с насиженных мест сначала сотни тысяч, потом миллионы, а позднее и десятки миллионов крестьян и жителей малых городов, миллионы и десятки миллионов этнических и политических мигрантов. А ведь такое перемещение человеческих масс является не только физическим. Это в такой же мере и культурное перемещение — в среду иной культуры, иных параметров и норм социальной справедливости, иных символических систем и т. п. Но главное — это перемещение миллионов людей в социальную ситуацию, где совершенно отсутствуют веками складывавшиеся обычаи, всегда игравшие такую значимую

роль в процессах социальной стабилизации, делавшие людей совершенно предсказуемыми и социально комфортными в глазах соседей. В процессе этих миграций началось фактическое размывание социальных оснований традиционной культуры.

В новых условиях на замену традиционной культуре начала формироваться массовая культура, упорядочивающая социальное поведение людей не на основе исторической традиции, а на основе общих потребительских интересов. Здесь не место спорить о том, сколь удачной оказалась эта замена. Свою социальную стабилизирующую функцию массовая культура выполняет весьма успешно, ну а то, что старшему поколению не нравятся рок-н-ролл, фастфуд и реклама по телевидению, — это еще не самое страшное.

Проблема видится совершенно не в этом. Проблема заключается в том, что массовая культура оказалась настолько успешной в своих стабилизационных функциях, настолько универсальной и настолько удобной в практической жизни для всех социальных слоев, что она начала постепенно вытеснять все иные культуры из социальной практики, по крайней мере, на уровне повседневного быта. И тогда заработала «культурная гильотина», отсекающая сегменты элитарной и традиционной культур, теряющие свою социальную актуальность и продуктивность.

Все мы хорошо помним то явление, которое мы до сих пор называем «интеллигентской бытовой культурой», имевшей распространение в жизни отечественной городской интеллигенции еще несколько десятилетий назад. Что осталось от нее в наши дни? Судя по всему, интеллигентская культура во все большей мере начинает превращаться только в культуру профессиональной деятельности и профессионального потребления. Мы уже интеллигенты по профессии, а не по социальному и культурному состоянию. На работе и в выходах в «свет» мы еще в состоянии соблудности наш интеллектуальный лоск. На уровне же дома, быта, телевизора, повседневного потребления современная российская интеллигенция практически полностью перешла на стандарты массовой культуры, поскольку она технически удобней, отнимает меньше времени, что в гонке нашей сумасшедшей жизни является немаловажным фактором, требует меньше интеллектуальных усилий, столь важных в нашей профессиональной работе. Что же касается самой высокой культуры, здесь важно подчеркнуть то, что не только производителями, но и основными потребителями ее становятся профессионалы соответствующего профиля. Постоянно приходится слышать от музыкантов, что на концертах классической музыки основную часть публики уже составляют сами же музыканты, при неуклонном сокращении иных слушателей. Это практическое наблюдение за нашей действительностью. Но, судя по книгам западных исследователей современной культуры, и там происходит то же самое, хотя и своих, специфических для западной культуры формах¹. Таким образом, то,

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001; Эко У. Полный наезд. М., 2007; и др.

что мы называем элитарной (креативной) культурой, все больше и больше замыкается в сфере сугубо профессиональной деятельности и потребления, фактически вытесняется в эту сферу. На уровне же приватной жизни массовая культура становится всеобщей и всеобщей.

Еще сложнее ситуация с традиционной народной культурой. На протяжении всего XX века эта культура неуклонно теряла свои социальные позиции, поскольку фактически размывалась ее социальная база — крестьянство. По существу к концу XX века в промышленно развитых странах Европы и Северной Америки крестьянство сохранилось только в районах со сложными природными условиями, где современные механизированные формы сельского хозяйства неэффективны (например, у горцев). Там еще мы находим очаги традиционной народной культуры в ее «живом», естественном проявлении. Но этой культуры мы уже практически не знаем. Нам она представлена главным образом в виде сценических имитаций, в исполнении профессиональных артистов. Фактически в современном обществе традиционная культура превращается в исторический реликт, музейный экспонат, сохраняемый главным образом на потребу туристам — иностранным и внутренним.

Но ведь носители традиционной культуры отличаются не только особыми навыками трудовой деятельности, но и специфической психологией. Это люди с «коллективным лицом», выражающие нормы и интересы всего сельского сообщества¹ и высоко конкурентоспособные именно в коллективных условиях жизни и деятельности. И люди с такой психологией и социальной конкурентоспособностью такого типа ныне живут не только в деревне. Они уже живут повсюду, и в современных городских условиях воплощаются в характерном типе социальных аутсайдеров. Они не могут успешно конкурировать с более образованными, а главное — психологически более пластичными горожанами, которые в своей деятельности опираются не столько на порядок согласования между соисполнителями, как в деревне, а на личную инициативу и выраженную личную индивидуальность.

Именно для таких социальных аутсайдеров традиционная культура становится определенной «культурной резервацией», в границах которой они получают необходимую психологическую компенсацию, а нередко и социальную поддержку. Сейчас многие авторы пишут о заметных тенденциях неоархаизации в современной культуре². Разумеется, причин этого явления много. Но одной из важнейших причин, как представляется, является потребность в психологической компенсации для социальных аутсайдеров, что достигается их обращением к формам традиционной культуры.

¹ Костина А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., 2009.

² См., например, Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.

Но это обращение выражается не только в участии в фольклорных коллективах. 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и недавние взрывы в московском метро — это тоже проявления традиционной культуры, «огрызающей» под натиском социального прогресса. Это даже не столько борьба за возвращение достойного социального статуса для традиционной культуры (его отстоять уже не удастся), сколько акции возмездия победителю со стороны проигравшего. Что называется, «умирать, так с музыкой». Сегодня эти акции совершаются преимущественно исламскими экстремистами, завтра в это могут включиться самые неожиданные силы.

Итак, подведем итоги. Мирное сосуществование трех социально-функциональных культур закончилось. Начался процесс радикальных перемен в социокультурном устройении человечества, по крайней мере, в обществах, находящихся на переходе от индустриальной стадии развития к постиндустриальной. Общие параметры этого нового устройства видятся такими.

Центральное место в современном социокультурном комплексе решительно занимает массовая культура, принимающая на себя роль универсальной культуры повседневности и тотально (глобально) регулирующая бытовое жизнеустройство и досуг всех социальных слоев. Ее абсолютная победа на этой площадке социального бытия определяется такими качествами, как чрезвычайная пластичность, алгоритмическое удобство, интеллектуальная и символическая простота. Представители высокой культуры охотно пользуются ее услугами, поскольку массовая культура является наиболее экономной по временным, техническим и интеллектуальным затратам на свое использование. Это культура «быстрой еды» во всех прямых и аллегорических смыслах. Для малообразованных слоев массовая культура хороша простотой своих символических кодов, понятностью культурных смыслов и социальных установок. Эта культура становится основной и фактически бесконкурентной на рынке потребления и развлечения.

Элитарная (креативная) культура локализуется в зоне преимущественно специализированной профессиональной деятельности и потребления. Ее художественная часть проходит процесс откровенной музеефикации, локализуется в качестве экспоната эксклюзивного потребления. Но при этом существенно возрастает социальная значимость ее познавательной составляющей. Элитарная культура превращается в специализированную индустрию производства новых знаний и смыслов, что, собственно, и является главной целью постиндустриального развития. Креативная культура и раньше успешно выполняла такую функцию, но никогда прежде она не была настолько сконцентрирована на ней. Теперь же все не основные, функционально второстепенные сегменты этой культуры, например, сословно-бытовые, последовательно отсекаются гильотиной жесткой функциональной специализации.

Весьма сложными и размытыми представляются исторические перспективы традиционной культуры (разумеется, речь идет о промышленно развитых странах, где крестьянства в классическом виде уже практически не осталось). Ее художественная часть уже полностью поглощена сценической имитацией; ее материально-бытовая практика уже фактически подавлена более доступными товарами массового промышленного производства. Традиционная культура стремительно теряет свои утилитарные, жизнеобеспечивающие функции и превращается в культуру преимущественно символическую. Для политической власти традиционная культура давно уже является чисто идеологическим явлением, манифестируемым в пропагандистских целях. В своих же социальных параметрах эта культура становится специализированной культурой социальных аутсайдеров, их «культурной резервацией», где она сохраняет сильные позиции как «прибежище людей, не задействованных в социальном прогрессе», и, возможно, это и станет ее основной социальной функцией.

Но означает ли все это, что в новых условиях между тремя культурами прекратился всякий диалог? Ни в коей мере. Просто он в современных условиях осуществляется в особенных проявлениях.

Конечно, активная мода на заимствование элитарной культурой своеобразных форм народной культуры, характерная для второй половины XIX — начала XX веков и связанная с завершающим этапом формирования буржуазных наций и актуализацией этноспецифических черт европейских культур, уже ушла в прошлое. Хотя и сейчас сохраняется достаточно высокая популярность «этнического искусства», но она основывается совершенно на иных началах — не на актуализации этнического чувства населения, а на высокой коммерческой привлекательности для туристов всякой этнической экзотики (а этническим чувством на лотках не торгуют).

Серьезный диалог между элитарной и традиционной культурами ныне идет совершенно в ином — прежде всего в процессах переживания националь-

ной истории, в этнокультурной исторической памяти. Здесь, в проблемном поле исторической памяти, бесписьменная народная культура только в течение XX века начала занимать достойное место наряду с городской культурой правящих слоев. Видимо, этот процесс будет развиваться и дальше, поскольку уже сейчас ясно, что история государства и история народа — это не совсем одно и то же. Сегодня диалог между элитарной и народной культурами осуществляется преимущественно на площадке исторической памяти.

Диалог между элитарной и массовой культурой идет уже давно и воплощается в первую очередь в том, что массовая культура поставляет элитарной коммерчески наиболее успешные формы, позволяющие элитарной культуре выживать в современных условиях. А элитарная культура поставляет массовой культурные смыслы и содержательные паттерны, которые сама массовая культура не в состоянии породить. Этот взаимообмен представляется достаточно продуктивным и в то же время сугубо утилитарным, техническим, не способным породить новые культурные ценности.

И, наконец, диалог между массовой и народной культурами производит впечатление наименее очевидного и плодотворного. Массовая культура просто заимствует из народной отдельные формы, которые имеют успех у потребителя как экзотические, и использует их в своих контекстах, не имеющих никакого отношения к традиционным.

Дальнейшее развитие событий, как представляется, будет зависеть от того, как быстро в рамках массовой культуры станут возникать новые обычаи, т. е. сколь скоро она станет превращаться в новую традиционную культуру теперь уже городского населения. Новейшие исследования показывают, что такие процессы уже начались¹. Но очень трудно представить себе, каких своих сегментов еще лишатся элитарная и старая традиционная культуры в векторе развивающегося социокультурного тренда усиления функциональной специализации культур.

Ведь эшафот истории работает без выходов...

И. А. Шадхан²

В ЗАЩИТУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

длинноволосый пацан и говорит: «Глобализация — это когда большие массы людей из разных стран любят одну и ту же музыку». Мой сыночек поддакивает ему: «Рэп, например». — «Здорово! Молодцы», — сказал я, не зная, на самом деле, радоваться ответу или огорчаться.

Кстати, совсем недавно во Пскове снимали фильм о Масленице. Удался довольно эффектный эпизод, где на площади взхлеб, весело, под баян и частушки водят хоровод одетые в национальную русскую одежду два десятка женщин, а рядом стоят несколько японцев и удивленно глазят на них.

Они глазят, оператор снимает, а я, режиссер, разнимаю руки двух танцующих и одной из них кри-

¹ *Сурова Е. Э.* Иконические традиции современности // Новые традиции. СПб., 2009.

² Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный деятель культуры Польской Республики.

чу: «Японцев в хоровод возьмите!» И что вы думаете? Она подбежала к группе гостей заморских, поклонилась, взяла за руку близстоящего — и в пляс. Только один фотографировать остался, остальные все танцевать пошли. И про японцев тоже, кстати. Лет десять назад был в Японии. Много бродил по Токио. Очень хотелось встретить японку в национальной одежде. В кимоно! Причесанной по особенному — с такой кичкой сзади. Только в воскресенье в каком-то парке увидел женщину с ребенком в национальных костюмах. Красиво! А так все в джинсе да в джинсе. Даже в театре кабуки большинство зрителей-японцев тоже в джинсе. Мы, европейцы, пришли в театр в костюмах. Вот такие дела... А еще вспоминаю гостиницу. Высокое, почти небоскреб, здание. Внизу ресторан, где все туристы завтракают. Есть национальные блюда, но у большинства на тарелках то, что образно можно назвать «сосиски», то есть то же самое, что и во всей Европе.

Трудная эта тема — Глобализация. Сегодня ее видят и слышат, прежде всего, средства массовой коммуникации. Интернет, массмедиа. Информация о том, что происходит в мире, во всем мире, стала доступной практически в любой, даже слаборазвитой стране. Получается, что я живу в своей стране, там, где родился, — и одновременно живу во всем мире. Более того, я понимаю, что моя страна зависит от того, как развивается экономика во всем мире, в разных странах, и свою экономику не меняет, а развивает, не оглядываясь на ее развитие в других регионах мира. Потому что наступило время, когда экономические законы для всех одни. А те, кто их не соблюдает, безнадежно отстает. Почти то же самое происходит с технической революцией. А главное — со связью. На моем мобильном телефоне — телевизор, радио.... Семьдесят каналов. Я в России, но Америка, Австралия, весь мир становится, а точнее, стал ближе, почти рядом.

Западная Европа давно объединилась в Европейский Союз. Там даже денежная валюта одна и та же. Постепенно, медленно начинает действовать и Евразийский Союз. Кстати (опять «кстати»), в прошлом году снимал фильм о городе Астане, новой столице Казахстана, президент которого, Нурсултан Назарбаев, является автором современной концепции Евразийского Союза.

Автором архитектуры этого города стал XXI век. Те же многоэтажные здания удивительной формы, созданные по самым современным проектам. И недаром один из интервьюируемых сравнивает Астану с Нью-Йорком, Парижем, Токио, Москвой, Шанхаем... И вправду, недостроенный центр «Москвасити» напоминает архитектурные ансамбли в Астане. На площади в день города одетые в национальную одежду музыканты играют суперсовременную музыку. А на площади среди небоскребов — ярмарка, где можно купить уже национальные, традиционные казахские сувениры или то, что стало сувенирами. Замечательные вышивки, на которых бьющие копытом жеребцы, национальные узоры... И даже мечи, казахская одежда, игрушки... А какие шелковые наряды!

Представляете, как киношно: старинный щит и меч или фигурка жеребца и золотой небоскреб, в котором, в золоте которого, есть тоже свое, национальное!

А еще на все это смотрит национальная гордость Казахстана — скульптурный портрет поэта, имя которому Абай. Это он говорил, что человек обязан себя спрашивать, если не каждый день, то один раз в неделю или хотя бы раз в месяц, как он живет и зачем он живет.

Все это и есть Глобализация. Хотя споров по этому поводу во всем мире много. Удастся ли в эпоху глобализации сохранить родное, национальное, тысячелетиями живущее, или ему предстоит исчезнуть? Продолжу тему Казахстана именно в этом ракурсе. Казахский язык стал вторым государственным языком республики, а первым остался русский. Надолго ли? В недалеком будущем всем представителям разных этносов (а их много в Казахстане) придется овладеть казахским языком, иначе там будет просто трудно выжить. Но, с другой стороны, в Университете имени Назарбаева — президента Казахстана — все занятия, по всем специальностям (а это Политехнический университет) идут на английском языке и работают там в основном преподаватели из Англии и США. И учат так, чтобы вырастить специалистов, умеющих работать с современными технологиями. И это тоже Глобализация!

Прибавьте к этому авторитарное управление государством президентом Назарбаевым, имя которого не сходит с уст интервьюируемых мною людей, какого бы возраста они ни были. Обо всем этом в моем фильме «Миссия», снятом в прошлом году.

Открываю Интернет. Ищу расшифровку слова «глобализация». Вот она: «Глобализация — это процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран». Выбираю первое опорное слово из этой цитаты. Слово это — «процесс». Да, наверное, глобализация — это процесс. Долгий процесс, даже трудно сколько-нибудь точно подсчитать, когда он начался. Еще в древности народы, как известно, перемещались. Занимали или в результате войны входили в другие и совсем новые пространства, иногда сливаясь с другими народами, иногда уничтожая побежденных. Но, так или иначе, перенимая те или иные обычаи, традиции, то есть обогащая свою культуру жития, быта, знаний, верований. Я не историк культуры и мне трудно обозначить датами становление процесса взаимовлияния и взаимопроникновения. Но понятно, что античная Греция оставила нам и свою великую архитектуру, и свою концепцию красоты природы и всего, что создано природой. Никогда, ни в одну эпоху не было столь гармонично тело человека, как оно запечатлено в греческой

скульптуре. А философия, поэзия, театр древней Греции!.. А Олимпийские игры! Рим тоже оставил немало. Нет, пожалуй, я в этом запутаюсь. Если говорить проще, то каждая эпоха отдавала в будущее прежде всего свои достижения в области творчества, если можно так сказать. И эти творения могли быть в самых разных сферах: той же философии, искусстве, литературе и, конечно, науке. Мир объединяло и объединяет до сих пор стремление найти какой-то общий знаменатель, общую базу, основу жизни человечества.

Огромную роль в этом процессе сыграли религии: иудаизм, христианство, ислам, буддизм. Им удалось объединить не только огромные пространства, но и целые народы, живущие в разных природных условиях и говорящие на разных языках. Разве это не был процесс глобализации? То же в сфере искусства. Творения живописи, архитектуры, литературы, той же науки — разве они не принадлежат всему человечеству? Но объединиться не удавалось. Несмотря на общую веру, народы воевали. Но все же то, что становилось общим, накапливалось. Накапливалось и росло общение. Например, в торговле. Торговля между разными странами, товары которых перевозили торговцы из одного конца мира в другой, — разве это не шаги если не глобализации, то хотя бы к глобализации? Появились удивительные личности, которые пытались свои отсталые страны двинуть к более развитым странам. Тот же Петр I! Пытался Россию приблизить к европейской культуре, правда, опять сохраняя крепостную систему. Без всякой натяжки, Петербург — это первый глобализированный город в России по тем временам. Многонациональный, говорящий на разных языках, строящийся при Петре и дальше, вслед ему, выдающимися архитекторами Западной Европы. В Петербурге поселилась наука, получало развитие европейское образование, а под влиянием перемен менялся быт, традиционные устои, вся культура жизни.

Но, несмотря на все это, каждая страна жила по-своему. Своей экономикой. Накапливала свою мощь и всегда потенциально готовилась к войне с другими странами, а порой и воевала с ними. Кстати говоря, опять «кстати», великий Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» буквально кричит, можно сказать, вопит против войны, видя в ней страшную угрозу человечеству и всей цивилизации. Но, быть может, войны XX века, страшные войны — это тоже шаги к глобализации современного мира?

Поясню свою мысль. Результатом Первой мировой, ее главным итогом, был родившийся и победивший в Германии фашизм, а в России главный итог — Великая Октябрьская социалистическая революция, в результате которой родилось новое государство Советский Союз. И то, и другое государство стали тоталитарными. Они-то, в конечном счете, не вдаваясь в подробности, и развяжут Вторую мировую войну. А результатом Второй мировой войны станет крах одной, германской, тоталитарной системы, рождение атомного оружия и долгая, на десятилетия затянувшаяся холодная война, которая,

в свою очередь, закончится крахом второго тоталитарного государства — Советского Союза не стало. Но вот что интересно. В послевоенном мире рождались совершенно новые тенденции. И прежде всего — экономическое и техническое соревнование систем. Соревнование уровней жизни. Возникло понятие «открытое общество». Нарастало желание общаться. Государственные системы были врагами, исповедовали каждая свою идеологию, а люди этих стран тянулись друг к другу. Одновременно с технической революцией происходила мировая культурная революция. Сознание людей эволюционировало в сторону нахождения общего языка. Советское государство, провозглашая лозунги «Мир во всем мире» или «Все народы — братья», постепенно избранно открывало свои границы для культурных обменов (гастроли балетов Большого и Кировского (Мариинского) театров, выдающихся пианистов, скрипачей и т. д.). Стоит обратить внимание на невербальную сферу искусства. Нарастало количество международных фестивалей, конкурсов: Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве, Первый конкурс Чайковского в Москве, где победителем стал американец Ван Клиберна...

Вообще, этот период, длящийся более сорока лет, чем-то напоминает блуждание еврейского народа, ведомого Моисеем. Когда задумываешься о глобализации, трудно обойтись без истории религии как таковой. Без нравственной, духовной составляющей. Разве монотеизм как таковой — не начало глобализации? Это вопрос, который требует особых рассуждений, но который всегда присутствует в этой непростой теме.

Да, правы те, кто утверждает, что глобализация — это прежде всего новая экономика, новые технологии, новые финансовые схемы... Но в этом процессе глобализации лежат новые возможности общения, сближения, новая роль человека как такового, который, где бы он ни жил, готов принять общие для всех правила игры. А это значит, что культура, развитие культуры, в том числе и массмедиа, Интернета, информации (они по-своему тоже являются культурой, несмотря на все противоречия) — это жизнь, это процесс... А любой процесс ставит много вопросов.

Вторым опорным словом в цитате из Интернета, определяющим понятие глобализации, на мой взгляд, является слово «интеграция».

Интеграция — это внедрение, вселение представителей разных народов, иногда в большом количестве, в другие, чуждые им страны со своей культурой, языками, бытом. Это адаптация к условиям жизни и культуре тех стран, куда они внедрились по самым разным причинам. В эти страны они принесли и свое: часто другую религию, другое отношение к жизни. И в то же время усваивали язык, культуру, новые условия жизни — по сути, новое для них общение. Мне кажется, что одними из первых интегрантов были евреи. Так сложилась судьба этого многострадального народа, спасшего себя, приспособившись к условиям жизни в других странах, по-

скольку своей страны столь долгое время у них не было. И приспособлялись весьма успешно, хотя условия жизни, многие государственные ограничения, от которых часто было, что называется, невмоготу (я имею в виду Россию), мешали проявлять себя, находить достойное место в жизни. А что значит адаптироваться? Это прежде всего овладеть языком той страны, в которой живешь, начать понимать культуру народа, среди которого ты живешь, и, в конечном счете, приносить пользу не только себе, но и стране.

Этот процесс интеграции разных народов усилился в послевоенные годы и особенно в последнее десятилетие. Чему она — интеграция — учит человечество? Терпимости, прежде всего. Уважению к человеку другой национальности, другой веры... Возникло понятие «толерантность». Оно возникло именно отсюда, из интеграции. Правила общения, поведения становятся общими, и все это не противоречит соблюдению в цивилизованных странах своих национальных обычаев, исповеданию своей веры. Все это тоже часть процесса Глобализации.

И, наконец, последняя часть цитаты: «Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран».

Мировое разделение труда. Например, то, что производит Россия, становится продуктом не только для России, а для того чтобы стать продуктом не только для России, сам продукт должен соответствовать общим стандартам, а значит, и само производство должно соответствовать общим технологиям.

Компьютеры, производимые в США или Японии, или автомобили Франции, Германии, той же Японии востребованы практически всем миром. Начинается соревнование технологий. И та страна, которая отстанет именно в технологиях, стандарты которой тоже не остаются постоянными, может только собирать на своей территории (разделение труда) те же машины или компьютеры. Уровень производства или культуры производства становится базовым для развития страны в целом.

Поэтому глобализация ставит много проблем перед самыми разными странами. И одна из них — это проблема образования. Почему, зачем президент Казахстана Назарбаев создает университет, где преподавание всех предметов ведется на английском языке, а преподаватели — из США и Англии? Потому что он понимает, как важно соответствовать сегодняшнему уровню развития экономики, промышленности, технологий самых развитых стран мира. Его молодому государству нужны специалисты совре-

менного международного уровня, которые создадут в Казахстане современную науку и современное производство. Войти в общемировую экономику не в качестве сырьевой базы, а благодаря высокообразованной молодежи, для которой процессы глобализации — естественная и единственно возможная форма существования.

Но это вовсе не означает подавления своего родного языка, своих национальных традиций, обычаев, своих праздников, танцев, песен. Наоборот! Сохранение некоего баланса между новыми и старыми ценностями есть культура современного государства, культура его идеологии. Здесь огромную роль должны сыграть все средства массовой информации. Они не должны превращаться только в обслуживающую сферу. Тем более государственное ТВ.

Примечательно, что на нашем телевидении существует канал «Культура». Культуру мы понимаем как нечто высокое, а главное творческое, не обслуживающее человека, а удивляющее его, возвышающее человека. Получается, что искусство, творчество, культура исчезли с других каналов или появляются на них крайне редко. Скорее всего, это позиция нашего государства в лице государственного ТВ, которому, к сожалению, всегда было свойственно пренебрежительное отношение к человеку.

Имеет ли это отношение к Глобализации? Я думаю — нет! Глобализация не противоречит высокому искусству, творчеству, хотя мы живем в век развития в основном услуг самого разного рода, услуг усредненных, то есть понятных всем (почти) и востребованных подавляющим большинством.

И, возвращаясь к тому, что сказал подросток, аппетитно поедающий блины у меня на кухне: «Глобализация — это когда большие массы людей из разных стран любят одну и ту же музыку». Вопрос, который сразу приходит в голову после его слов: а как соединить мир? Или объединить мир? Как найти тот общий знаменатель для всех стран и народов, чтобы избежать самого страшного — войны, всепоглощающей войны? Только путем объединения экономик, чтобы капиталы одной страны были вложены в экономику других стран, чтобы создавались общие рынки. Недаром Россия стремится стать членом ВТО.

И, в конечном счете, чтобы у всех народов были общие песни. Это тоже Глобализация.

Я в Москве. Иду по Тверской. Иду мимо афиш, на которых имена знаменитых музыкантов из самых разных стран мира, имена Баха, Шумана, Шуберта, Чайковского, Прокофьева. Значит, искусство тоже востребовано! Но не большинством. А когда оно было востребовано большинством?..

И все же именно они, великие имена философии, науки, искусства, способствовали Глобализации. Не так ли?

Ю. М. Шор¹

ДИАЛОГ КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выделение проблемы диалога в культурологическом знании не случайно. Диалог — одна из узловых, базовых категорий гуманитарных наук, выражающих по-своему даже их сущность. Диалог, пользуясь категориальной сеткой академика В. С. Степина, — «культурная универсалия». Категория диалога соотносится с такими понятиями, как «конфликт», «взаимодействие», «творчество». Можно сказать, что диалоговая ситуация — в ядре проблем современной цивилизации, путь к диалогу — задание нашего времени. Наша эпоха — эпоха кризисов, конфликтов, потрясений. Перспективный вектор поисков их разрешения, в сущности, только один: налаживание общения, взаимопонимания, формирование условий для полноценного диалога.

Гносеологическая природа диалога весьма сложна. Основателем его в европейской традиции считается, как известно, Сократ. Диалог у Сократа — не просто путь к истине, итог интеллектуального взаимодействия. Диалогический процесс — сама истина, само взаимодействие голосов, их взаимообогащение, отсечение ошибочных путей, постоянная проверка на прочность. Диалог также предполагает открытость навстречу другой точке зрения, способность и желание понять собеседника, совместно размышлять над противоположными позициями.

Но есть и другая опасность — понять диалог вне его внутренней направленности на истину, в частности истолковать бахтинский полифонизм в духе безразличного плюрализма, равнодушного равноправия различных позиций. Беда философии либерализма в том, что диалог она понимает просто как наличие любых точек зрения, правомерность каждой из них. Безразличная равноправность — ее девиз. Между тем, подлинный диалог — это творческий поиск, который хочет достичь цели, это взаимообогащение, возвышение до понимания точки зрения Другого, развитие, корректировка и, если надо, трансформация своей позиции. В этом пункте диалоговый подход смыкается с деятельностным². Только в активном деянии, в энергетически-процессуальном истолковании диалога осуществляется подлинное взаимодействие голосов, возникает прорыв в пространство творчества. Ибо диалог — это творящее состояние, переживание интеллектуальной возбужденности, постоянно возобновляемой пассионарности.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки теории культуры», «Культура как переживание: (гуманитарность культуры)», «По следам творящего духа: [сборник работ]» и др.

² Деятельностный подход — одно из выдающихся достижений отечественной мысли 1960–1970-х годов. Развивался Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, А. Н. Леонтьевым. В настоящее время переживает как бы «второе рождение», прежде всего в трудах академика В. С. Степина.

Все сказанное имеет прямое отношение к российской культуре. Не случайно М. М. Бахтин возник именно на российской почве. В пределе диалог — это открытость миру, творчеству, свободе. Еще со времен Сократа и Платона диалог — это пиршество духа, совместное духовное действие, одновременно и свободное, и обязывающее. Способность к диалогу — относится ли это к личности, нации, государству — это всегда способность быть открытым навстречу окружающему миру, его энергиям и его стихиям, это полноценное внимание миру, ошутимая контактность с ним. Такая открытость всегда была присуща ядру русской культуры.

Говоря о русской культуре, мы имеем в виду не ее наличное состояние, сложное, драматически-противоречивое, не действительный исторический путь России, путь, полный трагедий и ошибок. Речь идет об исходных ценностях культуры и духа, которые ведь тоже реальны, обладают действительным существованием, но сегодня во многом попораны и порушены. Культура, в отличие от общества, — соединение, синтез, нераздельность действительного и должного, наличного состояния и идеала, причем идеал тоже реален, он — наше глубинное, сущностное, потаенное и одновременно зовущее, возвышающее.

Понятая таким образом, русская культура развернута к диалогу, который может рассматриваться как универсальная форма отношения к миру, ко всем его слоям и пластам: к природе, к другим людям, к духовному универсуму. Диалог — ситуация глубинного онтологического общения, подлинная, а не мнимая встреча с Реальностью, обретение живой связи с нею. В контексте этой связи возникает и диалог с самим собой, превращение себя в вопрос, в проблему собственного сознания, то, что Г. С. Батищев называл «проблематизацией самого себя».

Для русской культуры диалог, взаимодействие голосов — важнейшая ее характеристика. Она включает в себя и деяние, и созерцание, и направленность вовне, и вглядывание внутрь себя, и активность, и пассивность. Прежде всего, это диалог человека с природой, так многосторонне отраженный в русском искусстве и православной религии. Природа для отечественной традиции — нечто живое, одухотворенное, наполняющее человека силой, творческой энергетикой. Вспомним природу в творчестве А. С. Пушкина. Для великого русского поэта она и равнодушна и тепла, и объективна и субъективна, и сопричастна человеку и чужда ему. Русское сознание не приемлет однобоко-активистского, утилитарно-прагматического отношения к природе как к «складу сырья, орудий и материалов» (С. Аверинцев). Русская религиозно-философская мысль близка в этом плане идее Мартина Хайдеггера о том, что человек — не хозяин, а «пастух» бытия, его заботливый пастырь. Или вспомним тютчевское:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Отношение к другому человеку для российской традиции — не холодное, бездушное «социальное взаимодействие», а мир понимания и сочувствия, пространство теплой, интимной субъективности, встречающейся с другими субъективностями. Отсюда же — соборность, слияние общения человеческого и Божественного.

Наконец, это диалог человека с высшими духовными потенциями бытия, с Божественными энергиями. Выдающийся современный мыслитель С. С. Хоружий, занимающийся православным исихазмом, подчеркивает, что именно в энергетическом взаимодействии с Абсолютом, в «духовном делании» раскрываются перед человеком высшие смыслы реальности¹.

Диалог с миром (и это принципиально важно!) раскрывается в русской религиозной философии как диалог с тайной, с неизреченным, с непостижимым. Понимание и переживание мира как чуда и тайны, характерное, например, для С. Л. Франка, — важнейшая составляющая русской мысли.

Диалог есть форма взаимодействия с окружающим миром. В теории систем высказывается важная мысль: сложная система может развиваться, изменяться, функционировать только в условиях обмена энергией и информацией с другими системами и с внешней средой. Причем наиболее открытой, уязвимой для воздействия система становится при переходе от одного состояния к другому, эта открытость как раз и создает наиболее благоприятные условия для такого перехода.

В этом плане в высшей степени важен в связи с развитием компьютерных технологий феномен **виртуальной реальности**. Как взаимодействует человек с этой реальностью? Что это дает ему и что отнимает? В чем природа такой реальности? Насколько, наконец, она «реальна»? Глубоко занимающийся этой проблемой С. С. Хоружий отмечает, что нарастают признаки становления нового типа реальности — вариативной, калейдоскопической, подвижной, что мы, видимо, приближаемся к появлению специфического «виртуалистского мировосприятия». Но нельзя не видеть и тенденций, глубоко негативных. Да, несомненно, «расширяются опыт и способности человека — но расширяются они за счет погружения в умаленную и участненную реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики»². Философ приходит к решающему выводу: «Гипертрофия “виртуалистского мировосприятия”, глобальная трансляция и тиражирование его установок служат, как весьма можно предположить, симптомами энергетического упадка человека и мира — упадка не количественного, а качественного: убыли формо-строительной воли и способности»³.

В опыте же русской культуры, в частности в православном исихазме, как, впрочем, и в других типах мистических практик (в классической йоге, тибетском буддизме, неоплатонической мистике), показывает С. С. Хоружий, имеет место энергетическая полнота взаимодействия с миром, что служит гарантией полноты вступающей в диалог с человеком реальности. В этом — величайшее значение опыта русской культуры, способной выступить в качестве противовеса современной коммерческой, техно-электронной цивилизации.

¹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 25–29.

² Хоружий С. С. Указ. соч. С. 349.

³ Там же. С. 349–350.

Н. З. Ярошук¹,
К. А. Гезалова гызы²

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Академик Д. С. Лихачев тонко чувствовал ценность национальных культур: «Каждая национальная культура и каждый тип культуры бесценны. В мире существует множество бесконечностей, и каждая бесконечность находится в несоизмеримости с другой...»³ Он не разделял модные нынче высказывания о так называемой глобальной культуре, призванной нивелировать национальные особенности: «В самом деле, в пределах европейской культуры сохраняются многие национальные культуры Европы. Европа внимательнейшим образом изучает все культуры (я бы сказал — всего земного шара); все культуры использует, обогащается сама и обогащает другие народы»⁴.

Здесь следует обратить внимание, что диалог культур выходит за рамки Европы и распространяется на культурное пространство «всего земного шара». Речь идет о диалоге культур Запада и Востока.

Английский писатель Джозеф Киплинг, лауреат Нобелевской премии (1907), автор «Книги джунглей», трогательной истории о совместном проживании зверей и человеческого детеныша, вместе с тем утверждал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда». Звери и люди могут, люди и люди — нет. Такая позиция оказалась довольно устойчивой для западного мировосприятия, найдя свое выражение в европоцентризме. Философы и деятели культуры России, над которой парил двуглавый орел, не разделяли такую одностороннюю позицию. Интерес к истории и культуре Востока в разной форме прорастал в русском национальном сознании.

И если антизападничество было заметным в среде славянофилов и некоторых представителей других идейных течений, то антивосточничества, антиазиатства на серьезном уровне почти не встречалось. Симпатии к Азии проявлялись начиная с художественных образов («да, скифы мы, да, азиаты мы...» (А. Блок), «золотая дремотная Азия опочила на куполах» (С. Есенин)) и продолжая фундаментальными научно-аналитическими проектами основоположников евразийства. Никто ведь не давал уничижительной характеристики Востоку, подобной выражению «гнилой Запад», обозначающему тезис славянофилов о гниении западной культуры.

Вместе с тем, по большому счету, русское национальное сознание не культивировало целенаправленно вражду и ненависть к западной культуре. Основоположники славянофильства, критикуя пороки западноевропейской цивилизации, с уважением относились к достижениям культуры Запада.

Не порывая с Западом, Россия устремляет свой взгляд на Восток. Вспомним хотя бы творческую деятельность семьи Рерихов — Николая Константиновича (1874–1947), философа, художника, писателя; Елены Ивановны (урожд. Шапошниковой) (1879–1955), его жены, философа, публициста, культуролога; Юрия Николаевича (1902–1960), его сына, философа, востоковеда. Духовное учение, провозглашенное Рерихами и одновременно центральный труд их семьи, названо Агни-Йога (или «Живая этика»). В нем утверждается, что основой духовного развития земной цивилизации должен стать универсальный синтез культуры Запада и Востока, а также науки и религии. Е. И. Рерих в эволюции планетарного человечества центральное место отводила России как «стране грядущего».

Особая роль в обосновании взаимодействия России и Востока принадлежит основоположникам евразийства — князю Н. С. Трубецкому (1890–1938), философу, языковеду, культурологу; П. П. Сувчинскому (1892–1985), философу, публицисту, музыковеду; П. Н. Савицкому (1895–1968), философу, экономисту и географу; Г. В. Флоровскому (1893–1979), философу, ученому и религиозному мыслителю. Начало евразийству как самостоятельному течению общественно-политической мысли было положено публикацией в 1921 году в Софии сборника этих авторов под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», более известного под кратким названием «Исход к Востоку». Сущность взглядов евразийцев (П. Н. Савицкий) можно выразить так: Россия не Европа и не Азия, а особый культурный мир, лежащий между Азией и Европой, исторически развивающийся то во взаимодействии, то в борьбе и с Европой, и с Азией. П. Н. Савицкий и Н. С. Тру-

¹ Профессор Международного славянского университета им. Г. Р. Державина, профессор кафедры экономической теории Института экономики РАН, доцент социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги: «Почему национализм обречен» и др., учебника «Логика»; статей по философии науки, социальной философии, этносоциологии: «О месте славянофильства в русской философии», «Запад—Восток: встречное движение в философии», «Нация и политика в гражданском обществе», «Этнонациональные отношения: политический и культурологический аспекты», «Глобализация и национально-конфессиональные особенности» и др. Ответственный секретарь журнала «Вестник Российского философского общества».

² Научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана (Баку), стажер Института государства и права РАН, ученый секретарь секции «Проблемы Восточной философии (исламский мир)» Российского философского общества. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги: «Оправдание и оправдательный приговор в уголовно-процессуальном праве Азербайджанской Республики». Статей: «Функции государства в условиях глобализации», «Проблема толерантности в глобализирующемся мире», «Правовая государственность в эпоху глобализации и национальные правовые культуры».

³ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3.

⁴ Там же.

бецкой признавали славянскую основу русского народа, равно как и значение Византии для развития древнерусской культуры. Наряду с этим они обратили большое внимание на роль других, в особенности восточных, народностей и племен, проживающих на обширной территории России — Евразии, преимущественно тюрко-татарских и монгольских¹. Главной проблемой для евразийцев была самоидентификация России в контексте всемирной истории. Отношения «Восток—Запад» являлись предметом их анализа в той мере, в которой это касалось проблем России с ее прошлым и будущим, с ее самобытностью и самостоятельным значением для решения проблемы «Восток—Запад».

Не соответствуют действительности некоторые утверждения, что евразийцы занимали непримиримую позицию в отношении Запада. Евразийцы вовсе не страдали изоляционизмом и вполне положительно относились к достижениям западноевропейской культуры. Они не оспаривали тот факт, что формирование русской культуры испытывало на себе влияние и Запада, и Востока, взаимодействие их культур.

Принято считать, что евразийство прошло три этапа в своем развитии. Первый этап (1921—1923) — философское и культурологическое обоснование самобытности и антизападничества. Второй этап (1924—1929) — переориентация деятельности. Третий этап (1930—1939) — медленное угасание и подведение итогов. Это не совсем верно. Евразийские идеи разделяли многие философы, идеологи в разное время. На современном этапе интерес к евразийству возрастает в силу многих причин. Наблюдается то, что можно назвать неоевразийством. Евразийство в своем современном звучании призвано на новом уровне осуществлять историческую миссию по активному взаимодействию культур Запада и Востока, западной, русской и восточной философии.

Если же обратиться к проблемам образования и развития культуры в многонациональной России, то можно отметить следующее. В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения... Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». А это значит, что государство в лице своих институтов обязано создавать все необходимые условия (экономические, социально-политические, правовые и иные) для реализации гражданами любой национальности своих прав и свобод, интересов и потребностей. Культура каждой национальности обладает самоценностью, требует к себе внимания и бережного отношения. Задача государства — предоставить права и обеспечить реальную возможность свободного развития каждой национальной культуры. Граждане любой национальности должны иметь возможность свободного выбора образования, доступа к средствам

массовой информации, производства и потребления духовных ценностей, в соответствии со своей национальной ориентацией.

Поскольку интересы каждой нации, национальной группы, национального меньшинства недостаточно учитываются в национальной политике государства, вопросы национальной культуры пытаются решать силами общественности. В последние годы в государствах СНГ стали возникать и успешно функционировать культурно-национальные общества, объединения, осуществляющие свою деятельность, прежде всего, в области образования, культуры, исторически-национального воспитания. Такие национально-консолидирующие движения приобретают все более массовый характер. Они выполняют важные функции духовного общения, развития национальной культуры, а порой и другие жизненно необходимые функции. Они могут решать многие проблемы русскоязычного населения в государствах СНГ, республиках Российской Федерации, проблемы национальных групп в инонациональной среде.

В Российской Федерации Государственной Думой в мае 1996 года был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», который вступил в силу в июне 1996 года. Закон не во всем совершенный, но идеальных законов не бывает. Беда в другом: ряд положений Закона (как, впрочем, и других законов) не выполняется. Но кое-что все-таки делается. Согласно данному закону, национально-культурная автономия — это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. В числе других прав национально-культурная автономия имеет право создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством Российской Федерации. Национально-культурные автономии могут быть местными (городскими, районными, сельскими), региональными и федеральными. Граждане Российской Федерации, относящие себя к определенным этническим общностям, имеют право на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования. В целях обеспечения права на получение основного общего образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения национально-культурные автономии могут вносить предложения в органы власти о создании классов, учебных групп в государственных, муниципальных образовательных учреждениях с обучением на национальном (родном) языке, а также о создании государственных, муниципальных образовательных учреждений с обучением на русском языке

¹ См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 92. С. 274.

ке и углубленным изучением национального (родного) языка, национальной истории и культуры.

Реализуя предоставленные права, в Москве, например, работают 115 национальных объединений. Чтобы представить их многообразие, назовем некоторые: Московское цыганское культурно-просветительское общество «Романо кхер», общество чечено-ингушской культуры «Даймохк» («Отчизна»), Московская чувашская национально-культурная автономия, Общество эстонской культуры.

В преодолении переживаемого обществом духовного кризиса (а во многом это область духовно-национального) большое значение имеет хорошо продуманное, целенаправленное националистическое образование и воспитание, которое начинается в семье и детских садах, проходит через среднюю школу и продолжается в высшей школе. Такое образование и воспитание способствуют формированию культуры межнационального общения с преданно-

стью своей нации, уважением к другим народам, что конструирует межнациональные отношения, когда свободное развитие каждой нации является условием свободного развития всех. Это не достигается неким количеством разовых мероприятий, националистический подход должен учитываться во всей системе образования и воспитания.

И тогда сбудется прогноз Д. С. Лихачева: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»¹.

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 6.

Секция 3

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Руководители секции:

- Г. М. БИРЖЕНЮК, декан факультета конфликтологии СПбГУП, заведующий кафедрой социально-культурных технологий, доктор культурологии, профессор
- А. К. ИСАЕВ, председатель Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук
- А. Л. САФОНОВ, заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, профессор СПбГУП, доктор экономических наук, действительный государственный советник РФ 3-го класса
- Е. И. СТЕПАНОВ, главный научный сотрудник Сектора комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН, главный редактор журнала «Конфликтология», президент Международной ассоциации конфликтологов, доктор философских наук, профессор

В. А. Авксентьев¹

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА КАК ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культуру конфликта можно определить как совокупность идей, представлений, образов и установок относительно роли конфликта в жизни общества и человека, предпочтительных стратегий поведения в конфликте и приемлемых способов его завершения. Ядром культуры конфликта является выбор стратегии поведения в конфликте. Эта стратегия формируется как часть культуры того или иного социума и имеет устойчивый характер.

В российской научной литературе, не говоря уже о политическом дискурсе, тема *культуры конфликта* не получила должного развития. В зарубежных исследованиях проблематика культуры конфликта связана, прежде всего, с работами Й. Галтунга, хотя признание роли культуры в урегулировании и разрешении конфликтов типично для многих авторов.

Отсутствие интереса к проблематике культуры конфликта в российской науке и социуме само является характерным признаком реальной культуры конфликта в обществе. Конфликт по-прежнему воспринимается в массовом сознании как дисфункция, как проявление социальной болезни. Основная стратегия поведения — либо избегание, либо победа любой ценой. Победу любой ценой Й. Галтунг на-

зывал «очень бедной культурой конфликта» (“very poor conflict culture”).

Конфликтология, будучи не просто новой научной дисциплиной, но и новой *философией конфликта* (Л. Козер), ориентирована на формирование в обществе новой культуры конфликта, а именно — отношения к конфликту как позитивно-функциональному явлению. Хотя далеко не во всех культурных феноменах конфликт трактуется как дисфункция (например, воспевание войн, романтики борьбы, революций характерно для многих культур и целых культурных эпох), все же доминирующим было негативное отношение к конфликту. Возникновение конфликтологии как научной отрасли представляет собой переход на *исторически новый этап культуры конфликта*. Этот этап можно обозначить как *современную демократическую культуру конфликта*. Ее важнейшим признаком является отход от восприятия конфликта как однозначно деструктивного феномена к пониманию конфликта как созидателя (Conflict the Creator — J. Haltung). Становление и развитие конфликтологии, возникновение конфликтологических (мировотворческих и др.) центров и расширение конфликтологического образования — важнейшие факторы формирования современной культуры конфликта.

В России новая демократическая культура конфликта пока не сложилась. Несмотря на то, что институционализация конфликтологии в России состоялась и имеются несомненные научные и прикладные результаты, *культуротворческая, мировоззренческая функция* конфликтологии реализована

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор. Автор 230 научных публикаций, 10 монографий, в т. ч.: «Этническая конфликтология»: в 2 ч., «Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы», «Региональная конфликтология: экспертное мнение», «Региональная конфликтология: концепты и российская практика» и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов, член редколлегии журналов «Конфликтология», «Вестник Южного научного центра РАН», «Вестник Ставропольского государственного университета».

недостаточно. Бесспорным достижением является работа (пока немногочисленных) консалтинговых центров, научных лабораторий. Принят закон о медиации (без упоминания о необходимости конфликтологического образования), расширяется преподавание конфликтологии, «Конфликтология» введена в перечень научных специальностей. Но почти не изменилось отношение как политического класса, так и массового сознания к конфликтам. Последние по-прежнему рассматриваются как нечто нежелательное.

Объясняется это частично тем, что российская конфликтология складывалась в условиях распада СССР, когда приоритетными для научного анализа были этнополитические процессы и конфликты. Зарубежная конфликтология, возникшая на несколько десятилетий раньше, формировалась, прежде всего, как трудовая конфликтология, а также как организационная конфликтология. Объектом изучения двух последних отраслей конфликтологического знания являются *конфликты интересов*, важной чертой которых является их «податливость» процессу разрешения и урегулирования.

Этническая конфликтология изучает *конфликты идентичностей* (identity-based conflicts), которые гораздо более сложны в урегулировании, не говоря об их разрешении. Конструктивный потенциал таких конфликтов неочевиден, он существует в *потенции*, реализуется далеко не в каждом конкретном случае. Большинство этнических конфликтов не нашли своего разрешения, превратились в затяжные конфликты и региональные кризисы.

Эта специфика «основных» для современной России конфликтов и напряжений в значительной степени определила отношения к конфликтам как феномену и обусловила важнейшие черты культуры конфликта. Что в свою очередь распространилось и на трудовые конфликты. Для этого типа конфликтов характерны общие для российской культуры конфликта признаки:

- конфликт нежелателен, он разрушает систему отношений;
- лучшая стратегия — не допустить конфликта (в результате чаще всего — «загнать» проблему вглубь);
- необходимо «закрыть» всю информацию о конфликте для посторонних, представить отношения как неконфликтные;
- если стратегия «недопуска конфликта» не сработала, то главное — победить в конфликте;
- компромиссы крайне нежелательны, хотя и допустимы;
- представление о возможном выходе из конфликта по типу «взаимный выигрыш» практически отсутствует;
- если не удалось выиграть, то проигравший ориентируется на реванш.

В итоге трудовые конфликты превращаются зачастую не в конфликты интересов, а в «конфликты позиций» (статусов).

Современная демократическая культура конфликта предполагает новые, на первый взгляд непривычные для российской жизни стратегии поведения в трудовом конфликте и оценки конфликтных ситуаций:

1) стороны трудового конфликта имеют большой блок общих интересов, в то время как сосредотачиваются на кажущихся непримиримыми противоречиях;

2) для конструктивного разрешения конфликта важна организованная коммуникация между участниками, в то время как последние предпочитают минимизировать ее, либо коммуникация сама становится фактором эскалации конфликта;

3) конструктивный выход из конфликта предполагает участие посредников (фасилитаторов, медиаторов, арбитраторов), в то время как участники таких конфликтов чаще всего стремятся «не выносить сор из избы» и не привлекают профессиональных конфликтологов и медиаторов, а в большинстве случаев не знают о существовании таких возможностей.

Принятый Госдумой РФ закон об альтернативном урегулировании споров (закон о медиации) выполняет как минимум важную культуротворческую функцию: он делает упор на возможность досудебного и внесудебного урегулирования споров на основе достигаемого в процессе медиации консенсуса. В этом важное отличие от судебных решений, которые не имеют консенсусного характера и в результате которых одна из сторон, как правило, считает себя проигравшей («проиграли суд»).

Хотя медиация применима в любых сферах жизни, закон делает упор на трудовых и в целом экономических конфликтах. При этом и текст закона, и его обсуждение показывают, что акцент сделан на *примирительных процедурах*, а не на разрешении конфликтов. Примечательно, что слово «конфликт» не употребляется в тексте закона, речь идет о «спорах». Это также является проявлением российской культуры конфликта: избегание самого термина в документах и в политической коммуникации. Всем, кто имеет опыт работы с властями, хорошо известно их отношение к употреблению этого понятия.

Употребление термина «спор» вместо «конфликта» небезобидно для культуры конфликта. Управление конфликтом, тем более *конфликтом интересов* предполагает его разрешение, в крайнем случае урегулирование. Посредничество в споре ориентировано на примирение сторон, а не на разрешение конфликта. Спор — это проявление конфликта на уровне коммуникации, это составляющая конфликта. Окончание спора далеко не всегда означает разрешение конфликта, что каждый человек знает по личному опыту. Проблемы, породившие конфликт и вербализованные в споре, остаются неразрешенными.

Более того, депутаты и эксперты, участвовавшие в обсуждении законопроекта, использовали как взаимозаменяемые понятия «арбитрация» и «медиация», хотя с точки зрения культуры конфликта раз-

ница существенная: арбитрация предполагает установление правых и виноватых, арбитр должен обладать достаточной легитимностью для вынесения такого суждения. Арбитрация не ориентирована на поиск выхода по типу «взаимный выигрыш».

Тенденция к отождествлению медиации с арбитрацией свидетельствует о доминирующих воззрениях в российской культуре конфликта: в конфликте один выигрывает, другой проигрывает. Более того, при обсуждении законопроекта о медиации депутаты Государственной Думы РФ высказывали опасения, что эта деятельность «подменит или дискредитирует судебную систему», медиация станет «институтом серых схем» и медиаторы будут извлекать из нее прибыль. Относительно последнего закон дает четкую ориентацию, что медиация не может преследовать цель извлечения прибыли. Однако в большинстве стран с современной культурой конфликта медиация и другие виды посредничества в трудовых и иных экономических конфликтах высокооплачиваемы. Оплата услуг медиатора (шире — конфликтолога) в любом случае составляет малую

величину по сравнению с экономической результативностью в случае выхода из конфликта по типу «взаимный выигрыш».

Один из главных рисков, связанных с реализацией закона о медиации, обусловлен сложившейся культурой конфликта. Медиация как способ разрешения конфликтов должна быть востребована обществом, а это произойдет в том случае, если будет понятен ее смысл.

Современная российская культура конфликта имеет архаический характер и является препятствием для модернизационных процессов. С другой стороны, формирование современной культуры конфликта может внести вклад в развитие демократических процессов в России. Такая культура конфликта вносит новые смыслы в сам концепт демократии, которая чаще всего трактуется как политическая конкуренция. Культура конфликта предлагает конструктивное взаимодействие и партнерство между соперничающими субъектами как альтернативу остроконфликтным вариантам конкуренции.

Г. М. Бирженюк¹

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК РЕСУРС УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Коренная ломка сложившихся за 70 лет советской власти социально-трудовых отношений, начавшаяся в 1990-е годы прошлого столетия и не завершенная до сегодняшнего дня, мировой экономической кризис, сохраняющаяся многоукладность российской экономики, незрелость многих социальных институтов, имеющих отношение к социально-трудовой сфере — все это объективно порождает значительное количество конфликтов как в традиционных системах «труд—капитал», так и в отношениях работника с государством в тех случаях, когда последнее выступает в качестве работодателя.

Причины конфликтов весьма разнообразны и каждый из них во многом уникален в силу специфики причин, многообразия вариантов конфликтного поведения, сторон конфликта и т. д. В своей работе «Основы менеджмента» М. Х. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури дают обобщенную картину основных причин конфликтов в современной организации. Это ограниченность ресурсов, которые нужно делить, взаимозависимость заданий, различия в целях, представлениях и ценностях, манере поведения, уровне образования, а также плохие коммуникации, несбалансированность рабочих мест, недостаточная мотивация и т. д.²

¹ Декан факультета конфликтологии СПбГУП, заведующий кафедрой социально-культурных технологий, доктор конфликтологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ» и др.

² См.: Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента : пер. с англ. М., 1998. С. 576.

Следует отметить, что понятие «социально-трудовые конфликты» является относительно новым для российской действительности. В советский период трудовое законодательство практически не включало термин «трудовые споры» (тем более — конфликты). Считалось, что для этого нет «социальной базы».

Практика же российской действительности, начиная с 90-х годов прошлого века, показала, что база для трудовых споров и конфликтов (в том числе и коллективных) есть и имеет тенденцию к расширению. Во многом это объясняется особенностями развития экономики переходного периода.

Сравнивая отечественную практику с предложенной вышеуказанными авторами типологией производственных конфликтов, можно сделать вывод о том, что список причин социально-трудовых конфликтов выглядит намного пестрее и богаче. В него можно с полным основанием включить конфликты, причинами которых являются:

а) оплата труда работников (это может быть несогласие работников с размерами оплаты труда, несогласием сроков выплаты заработной платы, задержками расчетов за выполненные работы, задержками расчетов увольняющихся и увольняемых работников);

б) разгосударствление и приватизация (конфликты возникают между государством в лице его органов, трудовыми коллективами, определенными группами внутри организаций, отдельными лицами);

в) участие работников в управлении предприятиями;

г) занятость (принудительные отпуска без сохранения заработной платы или с частичной оплатой, введение неполного рабочего дня и сокращенной рабочей недели, подталкивания работников к увольнению по «собственному желанию» без выплаты предусмотренных компенсаций и пр.);

д) непризнание профессиональных союзов (объединений профессиональных союзов) и их органов со стороны работодателей (объединений работодателей);

е) проведение процедур санации (банкротства) организаций¹;

ж) нарушение прав отдельных категорий работников².

Все это актуализирует проблему доступа работников к услугам структур, способных защитить их права, оказать воздействие на работодателя, дать консультацию по оптимизации того или иного конфликта. Здесь внимание привлекают новые формы коммуникации, появление которых напрямую связано с функционированием сети Интернет.

В частности, в целях обеспечения доступа к информации о деятельности Государственной инспекции труда в городе Санкт-Петербурге создано web-представительство. Web-представительство инспекции является информационной системой общего пользования, размещенной в сети Интернет, подчиненной ресурсам Федеральной службы по труду и занятости и входящей в состав единого портала Роструда. На сайте <http://git78.rostrud.info> постоян-

¹ В частности, в 2009 году в Государственную инспекцию труда в Санкт-Петербурге поступило 10 662 обращения граждан из различных источников. В течение 2009 года государственными инспекторами труда было рассмотрено 10 364 жалобы и обращения граждан по вопросам нарушения трудового законодательства. В I квартале 2010 года от граждан в Инспекцию поступило 1734 обращения (текущий архив ГИТ по СПб).

² Например, проверками, проведенными ГИТ по СПб, выявлены значительные нарушения трудовых прав работающих женщин, в том числе в части охраны труда: случаи незаконного увольнения беременных женщин, нарушения сроков выплаты пособия по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком и др.; привлечение женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и женщин, имеющих детей-инвалидов с детства до достижения ими возраста восемнадцати лет, к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни без письменного согласия и медицинских рекомендаций; нарушения установленного порядка приема на работу женщин, связанные с незаключением с ними письменного трудового договора и приказа о приеме на работу; нарушения порядка расторжения трудовых договоров, применения дисциплинарных взысканий и произведения расчета в соответствии с трудовым законодательством; непредоставление дополнительных оплачиваемых отпусков за работу во вредных и (или) опасных условиях труда либо предоставление их меньшей продолжительности, чем это установлено Списком производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день; нарушение Норм предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную; нарушение режима труда и отдыха, в том числе об установлении 36-часовой рабочей недели; нарушение работодателями требований Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин и, как следствие, факты применения труда женщин на запрещенных работах.

но осуществляется информирование работников и работодателей о работе инспекции, о порядке обращения в инспекцию, о работе информационно-консультационных пунктов³. Аналогичным образом организована работа ГИТ во всех регионах РФ.

Активно используется Интернет в деятельности различных органов и организаций ФНПР. Это делается в порядке реализации Концепции информационной работы, принятой Генеральным советом ФНПР 14 марта 1996 года и развитой в дальнейших документах ФНПР.

Обращают на себя внимание попытки граждан самоорганизоваться, используя ресурсы Интернет, и создать нечто вроде социальной сети для тех, кто попал в ситуацию трудового конфликта.

В частности, уже существуют интернет-порталы, специально ориентированные на освещение трудовых конфликтов. Blackjob.net содержит список как плохих работодателей, так и тех, кому работник может доверять. Здесь же налицо попытка соблюдения своеобразного паритета прав: работодатели могут разместить отзыв о сотруднике, с которым расстались, с характеристикой причин и самого работника. Поскольку на портале имеется форум, все стороны конфликта, а также другие заинтересованные лица могут включиться в дискуссию по поводу той или иной конфликтной ситуации.

Портал Orabote.net рассматривает только характеристики работодателей. Здесь привлекает внимание рейтинговая система, благодаря которой можно оценить положительные и отрицательные отзывы о компании, сравнить условия труда в ней с другими компаниями.

Портал Antijob.anho.org содержит черный список организаций и конкретных работодателей. Здесь же размещаются материалы, описывающие способы классовой самоорганизации работников. Есть возможность диалога на форуме.

Такого рода сайты имеют продолжение в форме блогов. Здесь, в ЖЖ, идет оживленная переписка между бывшими и нынешними сотрудниками компаний и их начальством (например, <http://chernysh.livejournal.com/27483.html>). В итоге некоторые вопросы удается урегулировать или прояснить.

Сегодня в Интернете можно найти множество ссылок на материалы, отражающие различные стороны социально-трудовых конфликтов. Есть видеоматериалы о том, как начальник ругает подчиненных с использованием ненормативной лексики, фотоматериалы, свидетельствующие о недопустимых условиях работы, и т. п.

Имеются многочисленные факты уступок работодателей в обмен на снятие соответствующих материалов из Сети. Налицо возникновение нового посредника в трудовых спорах по имени Интернет. Как представляется, использование нарождающихся технологий в деятельности специалистов-конфликтологов можно рассматривать как перспективный ресурс и новую технологию работы в сфере социально-трудовых конфликтов.

³ См.: Информация об итогах работы Государственной инспекции труда в городе Санкт-Петербурге по рассмотрению обращений граждан в 2009–2010 гг. URL: <http://git78.rostrud.ru/results/18744/20318.shtml>

А. В. Дмитриев¹,
Г. А. Пядухов²

ДЕСТРУКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МИГРАНТОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Нарушить хрупкое равновесие российского социума могут различные факторы, в том числе дегуманизация трудовых отношений и обострение противоречия между общественной потребностью в первоочередном трудоустройстве безработных граждан России и сложившейся практикой игнорирования этой потребности работодателями, предпочитающими нанимать иностранных работников. Развивается этот процесс на фоне глубоких деструкций правовой культуры, распространения теневых практик (дискриминация, принудительный труд, обман, нелегальный статус, изоляция, формы работы, сходные с торговлей людьми, и др.). Наблюдается устойчивый рост напряженности и конфликтности взаимодействий между трудящимися-мигрантами и российскими работодателями. Проявляется это, во-первых, в тенденции пренебрежения работодателями правовыми практиками разрешения конфликтов и в институализации неправовых, криминальных практик.

Во-вторых, в росте протестных выступлений легальных, нелегальных мигрантов, в их стремлении к различным формам самоорганизации и разрешению конфликтов через попытки организации неформальных переговоров с работодателями, а также привлечение посредников из правозащитных организаций и руководителей местных национально-культурных объединений, созданных этническими соотечественниками — гражданами России.

Третья тенденция отражает попытки использования легальными мигрантами законодательно регламентированных методов и процедур регулирования конфликтов, обращения за помощью в контрольно-надзорные органы субъектов РФ и в консульские учреждения и посольства стран происхождения мигрантов, расположенных в России. Подкрепляется эта тенденция инициативами общественных организаций по созданию системы учета злоупотреблений работодателей, по защите интересов мигрантов в судах и иных инстанциях. Предпринимаются попытки создания профессиональных союзов иностранных работников.

Прослеживается также тенденция латентизации конфликтов, инициированная нередко стремлением работодателей выстраивать с трудящимися-мигрантами патерналистские отношения, создающие иллюзию общей заинтересованности в деле, что позволяет смещать конфликты вглубь, минимизировать риски развития открытых форм.

Несмотря на разнообразие тенденций, конфликты чаще всего улаживаются по жесткой схеме: работодатель предлагает мигрантам альтернативу — принять его условия без каких-либо обсуждений, либо быть уволенным. То есть доминирует принудительно-силовое подавление и «закрытие» конфликта. Подобная позиция предопределена не только правовым нигилизмом, но и гипертрофированным пониманием работодателями права частной собственности на принадлежащие им средства производства и автоматическим переносом этого права на трудящихся-мигрантов, которых они рассматривают как оплаченный безропотный придаток этих средств, всецело зависящий от воли хозяина и позволяющий получать сверхприбыли.

Высокий конфликтный потенциал взаимодействия мигрантов с работодателями порождает еще одно явление. При всей добровольной зависимости от работодателя и внешней сдержанности, мигранты остаются критически мыслящими людьми, которые осознают, видят и чувствуют тот предел эксплуатации работодателем, за которым они не только могут потерять себя как личности, но и потерять здоровье, быть лишенными сколько-нибудь достойного денежного вознаграждения. Осознание этого предела предопределяет потенциальную готовность к самым крайним формам защиты своих прав и к конфликтам с весьма прямолинейным пониманием возможностей, предусмотренных частью 2 статьи 45 Конституции РФ: «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». В полной мере это относится к легальным и нелегальным мигрантам. В подобной обстановке они, естественно, не будут питать уважения и теплых чувств к российским работодателям, а порой и к России в целом, ассоциируя с ней пережитые лишения. Братского капитализма, как известно, не бывает.

Деструкции правовой культуры отчетливо проявляются в отсутствии сколько-нибудь общих представлений у мигрантов и работодателей о правовых механизмах регулирования трудовых конфликтов. Обе стороны имеют об этом, как правило, полярно различающиеся представления и тем самым лишаются возможности в адекватной форме представлять свои интересы и вырабатывать взаимоприемлемые решения.

¹ Член-корреспондент РАН, руководитель Центра конфликтологии Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия». Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

² Старший научный сотрудник Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, кандидат исторических наук. Автор и соавтор монографий: «Этнические группы мигрантов: тенденция притока, стратегии поведения», «Нелегальная иммиграция: риски и опасности», «Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия» и др.

Вероятность дальнейшего роста злоупотреблений мотивируется и отсутствием внятного правового регулирования трудовых отношений между работодателями и мигрантами. Многие нормы законодательства, призванные решать эту проблему, рассыпаны по различным правовым актам и отраслям, часть из них устарела. В Трудовом кодексе РФ их попросту нет. Поэтому представляется обоснованным предложение ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации о целесообразности принятия отдельного федерального закона, предметом которого будет являться исключительно правовое регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации как самостоятельной категории мигрантов.

Не менее важной задачей является принятие антидемпингового законодательства, которое ограничило бы произвол работодателей в вопросах оплаты труда и трудоустройства иностранных работников и граждан России. Однако этот вопрос буквально «топится» на разных уровнях.

Ограничению произвола работодателей способствовало бы проведение экспертизы текстов нормативно-правовых актов, регулирующих приток, пребывание и деятельность иностранных работников в России на предмет наличия в них положений, создающих в той или иной форме предпосылки для их произвольной трактовки и, следовательно, для развития коррупции.

Целесообразно также проведение экспертизы конфликтногенных последствий действующего миграционного законодательства и проектов соответствующих нормативных правовых актов, обсуждаемых в Государственной Думе РФ.

Подчеркнем, что вышеотмеченные меры принесут должный эффект лишь при тесной взаимосвязи с решением другой проблемы, связанной с реализацией права граждан Российской Федерации на приоритетное трудоустройство. До настоящего времени в нормативных правовых актах не прописан детально механизм и гарантии реализации данного права. Действующие административные процедуры противоречивы и легко обходятся работодателями, предпочитающими нанимать иностранных работников. Отсутствует в нормативных актах и положение о санкциях за игнорирование работодателями конституционного права граждан России на труд и за ущерб, который они причиняют подобными действиями.

Преодолеть сложившуюся ситуацию, минимизировать риски деструктивных конфликтов и повернуть работодателей к цивилизованным практикам взаимодействия с трудящимися-мигрантами, равно как и с работниками из числа граждан России, под силу только государству. Однако без инициативы институтов гражданского общества, без углубленного исследования назревших проблем и формирования соответствующего общественного мнения их решение будет затруднено.

И. А. Кох¹

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ В МОДЕРНИЗИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

Социальные изменения — неизбежный спутник всех процессов общественного развития. Характер, масштаб и глубина социальных изменений могут варьироваться в широком диапазоне, затрагивать экономические, политические, социокультурные основы общества и воздействовать на образ жизни людей.

Находясь в постоянном движении, общество претерпевает социальные изменения, связанные с переходом отдельных элементов и их структур, связей и отношений из одного состояния в другое, с возникновением или исчезновением того или иного явления, его отдельных элементов. Одни из этих изменений могут происходить на микроуровне, то есть быть связанными с более или менее существенным изменением внутри социальной группы или статуса и роли отдельной личности, а другие — на макроуров-

не, то есть они связаны с существенными изменениями в социальных группах и общностях, социальных институтах и даже во всем обществе на социетальном уровне. Социальные изменения различаются не только по масштабам, но и по своим последствиям. Одно дело, когда эти изменения происходят в рамках сохранения качества данного социального явления, а другое — когда они выходят за пределы этого качества и связаны с преобразованием институциональных структур.

Вследствие неравномерного развития отдельных частей целого, исчезновения одних институциональных структур и возникновения других меняется уровень социальной напряженности в обществе, а порой возникают конфликты. Управление социальными процессами должно быть направлено на предупреждение и урегулирование конфликтов, что порой осложняется латентным характером противоречий и источников социальной напряженности. Постоянный научный анализ и мониторинг социальных изменений — необходимое условие эффективного социального управления, правильной деятельности органов государственного и муниципального управления.

¹ Профессор кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы (Екатеринбург), доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, 4 монографий, в т. ч.: «Социальная эффективность муниципального управления», «Социальный портрет предпринимателя на территориях, подвергшихся реструктуризации базовых отраслей промышленности» и др.

Провозглашенный на модернизацию общества курс порождает множество проблем, научный анализ которых необходим для успешного решения предстоящих задач. Одной из центральных подобных задач является исследование факторов торможения процессов модернизации. Вряд ли удастся избежать этого торможения, которое мы будем называть «болезнями роста» и банальными актами сопротивления инновациям, психологически свойственными большинству людей. Поэтому своевременное выявление противоречий, скрытых «пороков развития» и латентных факторов сопротивления переменам, а также принятие своевременных мер будут способствовать ускорению процессов модернизации.

Одна из особенностей модернизации российского общества состоит в том, что она осуществляется по типу «догоняющего» развития. При этом идеологи рассматриваемого процесса опираются на опыт других стран, где модернизация хоть и успешно осуществлена, но в других исторических и социально-экономических условиях. Чужой опыт, конечно, позволяет учесть исторические ошибки, однако надо сказать, что попытки некритического освоения готовых культурных образцов, нередко сводящихся преимущественно к заимствованию без учета конкретно-исторических условий, чаще всего порождают перманентную дезорганизацию. Модернизация — это, прежде всего, социальный и культурный процесс активного создания и освоения новой системы ценностей, формирование нового типа инновационного мышления.

Быстрые темпы социальных перемен объективно порождают противоречия норм и ценностей, противостояние традиций и инноваций. Различные социальные группы и слои населения придерживаются различных, порою противоположных позиций по поводу экономической и политической стратегии развития общества. Разнообразие ценностей — естественное состояние человеческих сообществ. Но именно оно и обуславливает возможность позитивных и негативных интерпретаций, возникновения социокультурных противоречий. Наличие в современном социуме ценностей и структур традиционного общества, обычаев и традиций, сложившихся на доиндустриальной стадии развития, соседствует с ценностями индустриального общества, технической цивилизации. Сосуществование традиционных и модернизированных форм и элементов культуры — нормальное явление, характерное для развивающихся обществ, в которых традиционные ценности к тому же обычно значительно превышают потенциал модернизированных структур культуры.

Исторические примеры модернизации развивающихся стран Азии, которым удалось соединить традиционную культуру с культурно-ценностными комплексами индустриального общества в процесс модернизации, вряд ли могут быть полезными для российского общества. Достижения новых индустриальных стран Азии, недавно еще отсталых — от Японии до Сингапура и Китая — вызывают удив-

ление и восхищение, но этот опыт неповторим, поскольку многое в нем обусловлено менталитетом народа. России предстоит пройти свой трудный путь модернизации, преодолевая сопротивление отдельных социальных групп, а иногда и массового сознания. К стати, уже сегодня ясно, что сопротивление переменам, инновациям характерно не только для определенных групп и лиц — практически во всех социальных группах и политических движениях. Формирование новой системы ценностей, инновационного мышления — процесс достаточно длительный, а модернизацию необходимо осуществлять быстрыми темпами. В этом и скрывается главный источник дезорганизации и повышенной социальной напряженности, которые неминуемо будут сопровождаться конфликтами.

Для успешной модернизации общества необходимо сформировать в массовом сознании определенную иерархию базовых фундаментальных ценностей. Фундаментальные ценности свидетельствуют о готовности общества к переменам. В обществе должно быть достаточное количество социальных групп и индивидов, готовых стать субъектами инноваций, вооруженных стратегией и тактикой модернизации с учетом имеющегося экономического потенциала, человеческих и природных ресурсов.

В этом плане предстоит еще много сделать для преодоления устойчивых стереотипов коллективистского сознания у людей старшего поколения, нравственного «оправдания» экономического расслоения общества, появления новых социальных групп — предпринимателей, работников банковской и торговой сферы. В массовом сознании по-прежнему сохраняются представления о справедливости уравнилельных отношений, моральное осуждение богатства и богатых — постоянный источник социальной напряженности и конфликтов в обществе с социальным неравенством. Наше общество еще далеко от толерантности к разнообразию ценностей, которая необходима для утверждения норм и принципов демократических свобод — необходимого условия модернизации по западному образцу. Поэтому культурная и нравственная легитимация предпринимателей, а также новых для нашего общества форм деятельности, утверждающих ценности свободы, экономической самостоятельности и ответственности, являются важнейшими компонентами идеологической подготовки модернизации. В противном случае не избежать столкновения ценностей, социальной напряженности и конфликтов.

Социальная напряженность в период перемен, реформ, модернизации во многом зависит от представления населения о естественности или искусственности тех или иных процессов общественного развития. В России процессы модернизации исторически всегда рассматривались как искусственно навязанные руководством страны. Так происходило начиная с Петра I, навязывавшего России западные модели развития. И сегодня институт частной собственности многими воспринимается как нечто навязанное, а потенциальные собственники все еще

опасаются независимости, риска и ответственности. Навязанная модернизация оценивается прежде всего сквозь призму негативных последствий — извращения традиционной культуры, деградации привычного образа жизни, при этом положительные стороны остаются в тени. Однако описываемые процессы могут рассматриваться как определенная стадия развития, как естественный процесс перехода на новый уровень индустриального общества, повышенная тревожность и социальные катастрофы вовсе не являются обязательными их последствиями.

Процессы социальных изменений, трансформацию традиционных ценностей культуры, общественных отношений в модернизированные изучали многие известные социологи, в том числе М. Вебер, К. Маркс, Р. Парк, Ф. Теннис, М. Леви, Т. Парсонс, У. Ростоу и многие другие. В их работах накоплен огромный теоретический опыт анализа процессов перехода общества от традиционного к индустриальному, различные проблемы и варианты, возникающие на этом пути, общие закономерности и особенности, связанные с социокультурной спецификой страны.

В концепциях модернизации проблема социальных изменений рассматривается в двух основных вариантах. Во-первых, постоянно осуществляются внутрисистемные изменения, ибо само равновесие социальной системы не представляет из себя неподвижность, а есть состояние динамическое. Это по-

стоянно изменяющееся равновесие характеризуется Т. Парсонсом по аналогии с биологическим гомеостазом. В рамках системы существует постоянное нарушение баланса связей и их воспроизводство, которые ведут к дезинтеграции системы и одновременно вызывают необходимость ее восстановления. Во-вторых, происходят изменения самой системы в целом под влиянием как внутренних — эндогенных, так и внешних — экзогенных факторов, которые могут иметь различную природу и силу влияния.

Социальная напряженность есть следствие дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы. В случае большого напряжения регулирующие и контрольные институциональные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приводит к разрушению социальной структуры. Постоянным латентным источником социальной напряженности в обществе являются неудовлетворенные потребности населения.

Потребуется значительные усилия и время для формирования в сознании населения новых ценностных ориентаций, обеспечение эффективного взаимодействия органов местного самоуправления с населением и грамотно выстроенной политики реагирования на его нужды и потребности в период социальных перемен — неотъемлемых спутников модернизации.

К. С. Пигров¹

ЦЕННОСТЬ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Доклад посвящается российским профессиональным союзам

Мой доклад нацелен на то, чтобы привлечь внимание теоретиков к аналитике трудолюбия. Трудность темы состоит в том, что современный Запад заметно охладел к ней. На первый план там сегодня выдвигается не труд, а досуг, частная жизнь в обществе потребления. Поскольку наша российская философия в значительной мере «переводная», то такого рода аксиологические акценты могут перейти и к нам. И для Запада такое смещение интереса не оправдано. Тем более, оно не оправдано и даже опасно для российской цивилизации, как не оправдано и опасно также и для Третьего мира. Возможность единой глобальной цивилизации в будущем реальна, но вовсе не предрешена. Условие воз-

можности такой цивилизации, которой еще никогда в мире не бывало, состоит в точном выборе базовой ценности, которая могла бы объединить все человечество. Я полагаю, что такой ценностью является ценность труда.

Самым важным и радикальным путем решения тех мучительных проблем, которые беспокоят современного цивилизованного человека, его сознанию представляется потребление. Радикальный дефицит условий воспроизводства жизни, нехватка пищи, нехватка одежды, недостаточно хорошие жилищные условия, плохой транспорт, неудовлетворительная медицина, словом, недостатки в потреблении, дефицит предметов потребления — вот что главным образом является источником тоски и упаднического настроения, утраты смысла жизни как западного человека, так и вообще всех тех людей, которые уже так или иначе вкусили блага современного «общества потребления». Причем никакие технические достижения, никакое повышение производительности не могут здесь помочь. Все равно появятся новые потребности, которые снова окрасят жизнь в минорные тона. Суть проблемы коренится в том, что в такого рода несчастном созна-

¹ Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Социальная философия», «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодеятельного философствования», «Шепот демона: опыт практической философии» и др. Главный редактор журнала «Методические записки» (СПбГУ), член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

нии господствует трагический разрыв потребления и производства.

Проблема может быть решена только в том случае, если не потребление будет поставлено в центр жизненного мира, а производство, не «наслаждение благами», а производство их.

Особенно опасными потребительские ориентации оказываются для жителей тех стран, которые не прошли жесткой школы протестантской этики, и/или по ряду причин утратили свои собственные традиционные формы трудолюбия и в то же время были воспитаны в духе патернализма, в надежде, что власть, государство «должны обеспечить» высокий стандарт потребления. В постсоветской России опасность такого рода весьма велика. В советский период существовали попытки разработать свой вариант трудовой этики на основе марксистского тезиса о «труде как о первой жизненной потребности». К сожалению, они не дали сколь-нибудь существенных результатов, хотя сама по себе эта установка должна быть оценена в целом позитивно. Как бы там ни было, сегодня в новых экономических и духовных условиях мы вынуждены заново формировать ценность труда как базовой ценности для российской цивилизации. Та же проблема существует и в целом ряде стран третьего мира, да и в самих развитых западных странах ценность трудолюбия незаметно отходит на второй план.

Что касается России, то в разработке новой российской идеологии, так называемой «русской идеи», роль труда как ценности должна занять важное место. Собственно, только в том случае, если в нашем Отечестве будет возрождена добродетель трудолюбия, мы можем рассчитывать на то, что сумеем не только достойно войти в сообщество современных высокочивилизованных стран, но и принять участие в создании новой постиндустриальной цивилизации.

Уже Аристотель сформулировал принцип, который лег в основу всего дальнейшего обоснования трудолюбия в этике. Речь идет о том, что человеческие существа получают радость от самой реализации своих способностей (врожденных и приобретенных), и это удовольствие возрастает по мере роста этих способностей и их сложности. В новоевропейской философии обоснование трудолюбия шло по двум путям.

Во-первых, концепция привлекательного труда как потребности здорового организма развивалась Шарлем Фурье. Бог был бы «неумелым механиком», если бы в природе человека не было бы соответствующих необходимому труду естественных склонностей. Фурье выступал против того, чтобы рассматривать труд как долг и обязанность. Долг придуман моралистами для того чтобы удушить естественные порывы человека, поработить его в «строе цивилизации». Правильно организованный труд, поскольку он лежит в самой человеческой природе, будет способствовать взлету всех страстей человека. Иными словами, труд — необходимое условие полноты бытия каждого человека.

Во-вторых, от Канта, Фихте и Гегеля идет традиция рассмотрения труда как деятельности позитивной свободы. Здесь существенна полемика с концепцией естественного права, акцент на различии между волей и произволом, недопустимость сведения воли к естественным влечениям. Следование естественным склонностям — это не свобода, а порабощение естественной необходимостью. Целью разума вообще не являются удовольствия как таковые. Цель разума состоит в удалении посредством труда естественной простоты, непосредственности и единичности, в которую погружен дух. Культура (*die Bildung*) есть освобождение труда и труд освобождения. Культура есть тяжкий труд, направленный против непосредственности стремлений. Труд неотъемлем от развитого человека. Именно потребность и привычка чем-либо заниматься отличает человека культурного от варвара. Сама способность с терпением выносить тяжесть труда является одной из отличительных черт человека по отношению к животному: «человеку как духу живется не так легко, как животному, да ему, как духу, и не должно так легко житься» (Гегель).

Суровость и ригоризм философского обоснования протестантской трудовой этики в немецкой классической философии снижается тем обстоятельством, что абсолютная идея, отпуская себя в мир и потом, с помощью напряженного труда, себя там обнаруживающая, ничем не рискует. Поскольку счастливый конец в системе абсолютного идеализма гарантирован, то тяжкий труд лишен подлинной ответственности и настоящей серьезности. Субъект работает как бы со «страховочной сеткой». Радикальная историческая неудача невозможна. История все равно «в конечном счете» зализает раны, нанесенные ей волюнтаризмом и авантюризмом. Возведение труда на пьедестал долга обесценивается произвольностью и гарантированной беспроигрышностью игры абсолютной идеи. Предустановленная гармония, с позором выгнанная в протестантскую дверь, влетает в окно абсолютного идеализма.

Между тем, трагизм человеческого бытия в том, что успех его деятельности не гарантирован. Судьба человека — это судьба Каина или судьба Сальери: люди могут прилежно трудиться, отдавать все силы, жертвовать собой в труде, но счастливый финал в этом стохастическом мире вовсе не обязателен. Существует судьба, которая означает, по существу, неизбежность контакта с системой, на порядок более сложной, чем то, что может охватить наш разум, чем то, что может охватить наша деятельность.

Для новейшего философствования, подготовленного романтическим видением мира, но в полной мере начавшегося с Шопенгауэра, Маркса и Ницше, в мире нет предустановленной гармонии между потребностью в труде, желанием труда с одной стороны, и необходимостью труда — с другой. Хотя, возможно, труд и возник из архаической игры, но в современной цивилизации он уже не есть игра и не может вернуться в состояние блаженной вневольной активности. В то же время труд не есть и некое

фатальное проклятье за первородный грех, не есть некая деятельность, органически и принципиально неприемлемая для человека.

Маркс и Энгельс, для которых идея труда как первой жизненной потребности в будущем обществе была весьма важна, ибо она являлась гарантом построения коммунистического общества, непоследовательно колебались между концепцией труда как потребности здорового организма с одной стороны и труда как долга и высочайшего напряжения — с другой стороны. Историческая философия Маркса предполагала, что сформировавшаяся в архаике естественная потребность в труде на уровне игры отчуждается в цивилизованном обществе, обретая превращенные формы. С одной стороны, возникает тупое рабское исполнение подневольных, чуждых человеку задач, связанное с чрезмерностью физического, а потом, в буржуазном обществе, и умственного, нервного напряжения. Лицемерная индоктринация, обращенная именно к жертвам такого подневольного труда, проповедует идею труда как долга. Но к такой проповеди не может быть доверия. С другой стороны, труд превращается в весьма своеобразную и тоже отчужденную деятельность. Речь идет о страсти к наживе. Предпринимателем руководит не жажда непосредственного потребления, но стремление «конденсировать», организовать, сформировать чужой труд, — по сути иррациональное стремление, выступающее как самоцель. Страсть к наживе, предпринимательский порыв предстает как инобытие подлинного трудолюбия, как превращенная форма потребности в труде, хотя деятельность капиталиста и не является трудом в обычном смысле слова. Оказывается, что *страсть к наживе — той же природы, что и страсть к инновациям*, а потому в буржуазном обществе, где предприниматель и изобретатель образуют, как правило, творческий «тандем», прибыль представляет собой в некотором роде вознаграждение за творческую инициативу, а гонорар изобретателя по своей природе являет собой часть прибыли, но ни в коем случае не «плату за труд» изобретателя.

Одной из трагических проблем стран социализма было как раз то, что, уничтожая саму возможность получения прибыли, уничтожали и стимул к творчеству. Поэтому, хотя партийно-государственные органы и пытались подменить собой функции предпринимателей, концентрируя задачи по преимуществу в военно-технических областях, но рано или поздно социалистические страны в научно-техническом прогрессе, в развитии цивилизации в целом, отставали от своих капиталистических конкурентов (ср. ФРГ и ГДР, Южную и Северную Корею и т. д.).

Попытаемся наметить основные черты современного труда, который принес такой успех развитым странам Запада. При всем бесконечном многообразии такой труд предполагает, что в нем обязательно присутствует момент интенсивнейшего напряжения, подлинной серьезности, и в то же время — риска, негарантированности успеха. Гарантия присутству-

ет только в простейших видах труда, которым с помощью стандартных дидактических приемов может быть за ограниченное время обучен каждый. Подлинный труд, сложный и ответственный, выступает в качестве универсальной формы самоосуществления человека, его свободы, а потому обладает бесконечной притягательностью для каждой индивидуальности. Для современной России задача состоит в том, чтобы возродить ценность всего многообразия трудовой активности в цивилизации, его глубинную внутреннюю связь с православием, с традицией русской культуры, с традициями и религиями других народов России. Мы должны видеть и культивировать своеобразие различных форм трудовой этики в нашей стране, перенимать и развивать умение трудиться китайцев и японцев, немцев и евреев, американцев и голландцев. Мы должны объявить войну нашей лени и неряшливости, нашему русскому авось-бытию, заново раскрыть русскую основательность и тщательность, смекалку и надежность, истовость серьезности и неистовость сосредоточенности.

Особое внимание следует уделить такому модусу труда в постиндустриальном обществе, как терпение. Терпение вообще — это особый способ видения мира и воздействия на вещи, особая жизненная позиция, связанная с преодолением самого себя, своей собственной вспыльчивости, поспешности, возбудимости. Именно этот способ видения мира необходим в труде, именно этот способ воздействия на вещи в труде и должен культивироваться. Труд не есть только средство для получения каких-то материальных благ. В нем самом не меньшая ценность, чем в тех удовольствиях, которые могут быть получены с его помощью. В противоположность нетерпению, работе наспех, авось как, только бы скорей получить результат, терпение в труде предполагает направленность всех сил на удержание реакции, на замедление эмоционального порыва, на охлаждение страсти. Терпение есть форма сохранения силы в труде, — интенсивный, творческий поиск свободы. Терпение в труде — это борьба с идолом пожирающего времени. Медлительность, независимость от времени, внутреннее спокойствие перед ним, сдержанность и молчаливость — вот характеристики труда постиндустриальной эпохи. Терпение в труде может быть сравнено с путем, который открывается при выходе из платоновской пещеры. Если выйдешь слишком быстро, будешь ослеплен чрезмерным количеством света, если слишком быстро вернешься, чтобы освободить товарищей, будешь ослеплен темнотой. Философия труда учит медленности и тщательности без ограничений. Ошибка — дочь поспешности. Не нужно спешить, не боясь потерять время, мы, в конечном счете, выиграем его. Морок «высокой производительности труда» как самоцели должен быть преодолен. Терпение как трудовая добродетель глубоко экологично. Оно предполагает позволить природным процессам идти своим ходом, в процессе труда внимать судьбоносности каждого момента, находить в любом случайном рисунке реальности его внутреннюю закономерность и красо-

ту. Терпение в труде будущего противостоит вульгарности индустриализма. Его эквивалент в классической философской традиции — понятие труда как деятельности свободы.

Таким образом, именно формирование и/или возрождение на новой постиндустриальной основе ценности труда во всех странах, в частности — того тысячелетнего российского трудолюбия, которое украсило нашу землю прекрасными храмами, замечательной светской архитектурой, которое породило неповторимую культуру, в том числе и индустриальную, техническую, является сегодня для нас самым

важным. Именно новое трудолюбие — тот ключевой пункт, который позволит выстроить глобальную цивилизацию, а России — достойно в нее войти.

Любовь к труду — это выход за пределы своего «я». Лозунг «Все для человека, все для блага человека» принципиально неверен. Индивид — не последняя цель общественного развития. Человек может реализоваться тогда, когда он идентифицируется в труде с высшим началом мира, с Абсолютом. Глобальная цивилизация будет возможна, если люди примут нравственную ценность труда как базовую.

А. Н. Полухина¹

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Конфликтные ситуации периодически возникают в современной деятельности общества или организации. Причины происхождения социально-трудовых конфликтов разнообразны, полностью предотвратить их возникновение невозможно. Как следствие осознания данной ситуации огромное значение в практической деятельности приобрели технологии разрешения конфликтов.

Целью доклада можно определить краткую характеристику одного из самых эффективных способов разрешения социально-трудовых конфликтов — медиации. Постараемся проследить исторический и практический аспекты медиации, основываясь на зарубежном опыте, для выявления возможностей его применения в российской практике.

Медиация как термин, используемый для определения одного из способов разрешения конфликта, в последнее время широко применяется в странах Северной Америки и Европы, хотя в России подобная деятельность не столь известна. Под медиацией понимают такое завершение конфликта, в котором участвует третья сторона, не заинтересованная напрямую в исходе конфликта: роль третьей стороны может исполнять один человек, либо группы профессионалов или даже государства². Медиация обладает детально разработанной и выверенной технологией.

Медиация возникла в США в 1960-е годы и пользуется большой популярностью в этой стране. По различным данным, обращение к медиатору в США происходит в 75–85 % случаев возникновения конфликтных ситуаций, а из достигнутых соглашений выполняются 90–95 %. В зарубежном деловом мире мирное

урегулирование конфликтов, в том числе социально-трудовых, имеет прочную правовую базу регламента своей деятельности. Например, в США насчитывается свыше 2500 нормативных актов штатов, так или иначе связанных с регулированием процедуры посредничества. Обобщающим итогом стало появление в 2001 году Унифицированного закона о посредничестве (Uniform Mediation Act). В Великобритании действует Британская медиаторская организация — Центр разрешения конфликтов, во Франции существует Трибунал по конфликтам, играющий арбитражную посредническую роль в судебной системе³.

В 2003 году нами проводилось в США исследование (по гранту IREX «Актуальные вопросы современности»), направленное на изучение деятельности по управлению конфликтами в организации. В ходе реализации проекта автор в течение четырех месяцев общался со специалистами — медиаторами, сотрудниками медиаторских центров Флориды: Флоридского центра по разрешению конфликтов, Катанезского центра по разрешению урбанистических конфликтов и конфликтов окружающей среды при Атлантиске Университете штата Флорида, Медиаторского центра при суде округа Оранж г. Орландо (последний центр являлся также местом практики). Кроме того, принималось участие в организационной встрече переговорного процесса, направляемого медиаторами Флоридского и Катанезского центров, по поводу урегулирования спорных вопросов между Департаментом транспорта города Ди Лэнд и Национальным парком Окала (Флорида).

По результатам исследования нами были сделаны выводы: медиаторские центры существуют в США в двух типах. К первому принадлежат медиаторские центры, действующие при американских судах, занимающиеся досудебной практикой рассмотрения дел. Медиаторские центры второго типа, к которому принадлежат такие центры, как Флоридский и Катанезский, принимают участие в разрешении значимых общественных конфликтов, где невозможно однозначно

¹ Профессор Марийского государственного технического университета (Йошкар-Ола), доктор экономических наук, кандидат исторических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Развитие управления в сфере туризма и гостеприимства», «Проблемы управления персоналом в сервисно-туристской сфере», «Управление персоналом организации в сфере туризма и гостеприимства», «Проблемы менеджмента организации отрасли социально-культурного сервиса и туризма», учебного пособия: «Кадровый менеджмент в социальной работе» и др.

² Иванова Е. Н. Мифы и легенды о медиации. URL: <http://www.inharmony.spb.ru/treningi/business/service.html>

³ Корягин А. Визит к медиатору, или Давайте попробуем договориться // Вестник Союза потребителей Российской Федерации. 2007. № 2. С. 19.

и быстро достичь соглашения, которое удовлетворяло бы обе конфликтующие стороны, поэтому процессы урегулирования могут растягиваться на несколько лет с заранее непредсказуемым результатом. Исходя из этого, второй тип медиаторских центров имеет академическую направленность и часто действует при классических университетах (например, Флоридский центр действует при Университете Центральной Флориды, а Катанезский центр — при Атлантском Университете). Именно второй тип медиаторских центров разрабатывает и апробирует новейшие технологии фасилитаторов, то есть специалистов-переговорщиков, которые могут применяться при разрешении сложных конфликтов.

Еще 7 лет назад (во время проведения нашего исследования) и ранее большинство менеджеров-практиков высказывались, что при разрешении конфликтов, возникающих в организации, вмешательство профессиональных медиаторов не требуется, так как решение подобных проблем входит в компетенцию менеджера.

Но сегодня развитие медиации в США переживает стадию расцвета: сформирован рынок по оказанию медиаторских услуг; наконец, такие крупные компании, как Вулмарт (Walmart) и Компания по оказанию почтовых услуг (Post Office USA) ввели в штат своих организаций сотрудников — профессиональных медиаторов, а также ежегодно проводят обучение руководителей различных уровней навыкам ведения медиаторских дел. Таким образом, указанные примеры могут свидетельствовать о широком распространении медиаторской деятельности именно в сфере реальной экономики при разрешении социально-трудовых конфликтов.

О развитии медиации как специальной сферы деятельности по предоставлению услуг для успешного разрешения конфликтов в странах Евросоюза может многое сказать тот факт, что во многих европейских странах сегодня можно пройти обучение и стать профессиональным медиатором. К примеру, в Германии необходимо прослушать 200 учебных и практических часов стоимостью 3000 евро за 2–3 года, но самый длительный период обучения предлагается в Австрии — 600 часов (для сравнения: в США всего 30–40 часов). Таким образом, рынок медиаторских услуг постепенно складывается и в странах Европы.

Кроме того, можно вести речь об историко-философском аспекте развития медиации. По мнению профессора Петры Бард (Центрально-Европейский университет), посредническая деятельность по разрешению конфликтов в своем развитии прошла три уровня: первый уровень — божественный (конфликты разрешались при участии Бога или богов), второй уровень основывался на разрешении конфликтов при помощи «божьих переводчиков» (речь идет о священнослужителях и церкви), третий уровень — человеческий (или посредничество при разрешении конфликтов между людьми самих людей). Кроме того, П. Бард определяет разницу между «европейским» пониманием разрешения конфликтов и «азиатским»: европейский менталитет направлен на разрешение конфликтов и со-

блюдение при этом прав человека; азиатский менталитет при разрешении конфликтов в первую очередь учитывает интересы партии, государства, расы или этноса. Существует и гендерная разница в разрешении конфликтов: женщины толерантны и нацелены на поиск компромиссов; мужчины более агрессивны, им сложнее договориться и решить конфликтную ситуацию. Более того, проявляется и социальная разница: представители среднего класса более склонны к переговорам и поискам разрешения конфликта, нежели представители низших классов¹.

В отношении спектра конфликтных ситуаций, при разрешении которых применяется медиация в Центральной и Восточной Европе, можно привести следующие цифры, основываясь на мнении профессора из Чехии Даны Потосковой: 74 % дел составляет помощь при разрешении семейных конфликтов, особенно в аспекте мультикультурной семьи, 10 % дел — при разрешении общественных конфликтов (местных, муниципальных и т. д.), 8 % дел — посредничество в разрешении трудовых и производственных конфликтов, 4 % дел — в отношении защиты прав покупателя и 4 % дел — разрешение конфликтных ситуаций в сфере бизнеса². Итого, общий процент социально-трудовых конфликтов составляет примерно 16 %.

В 2010 году в России был принят закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ. Следовательно, с 2011 года (время вступления закона в силу) при разрешении конфликтных ситуаций, в том числе и социально-трудовых конфликтов, возможно приглашение медиатора. Закон описывает порядок проведения медиации, условия выбора медиатора, оплату его услуг. Можно сделать вывод, что институциональное оформление медиаторской деятельности в России состоялось. Но для широкого применения медиации при разрешении социально-трудовых конфликтов необходимо подготовить достаточное количество профессиональных медиаторов и инициировать создание саморегулируемых организаций медиаторов, при этом учитывая тот факт, что медиаторская деятельность не может быть коммерческой.

Таким образом, посредничество (медиация) при разрешении социально-трудовых конфликтов может способствовать успешному достижению результата. Хотя мы осознаем, что разрешение любого конфликта — процесс длительный и противоречивый, с заранее непредсказуемым результатом. Тем не менее во многих подобных ситуациях участие посредника является важным фактором прекращения конфликтного взаимодействия. Можно констатировать тот положительный факт, что в России принят закон о медиации, а следовательно, появилась возможность применять этот эффективный механизм разрешения конфликтов, в том числе социально-трудовых.

¹ Бард П. Объединительные процессы в странах Восточной и Центральной Европы : лекция // Медиация и другие методы стимулирования демократического диалога : курс лекций. Будапешт, 2007.

² Потоскова Д. Практическая реальность: Европейская модель медиации и разрешения конфликтов : лекция // Медиация и другие методы стимулирования демократического диалога...

А. В. Пушкарева¹

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Термин «социальная напряженность» входит в категориальный аппарат социологии права, психологии, социологии труда, социологии организаций, социальной философии, истории и политических наук и может рассматриваться как междисциплинарное понятие. Несмотря на кажущуюся простоту, есть основание полагать, что речь идет о новом социальном явлении, которое имеет свой собственный механизм возникновения, объективные и субъективные составляющие в системе факторов и условий, ее порождающих, общие предпосылки и локальные причины, действующие в каждом конкретном сочетании обстоятельств, места и времени. Каждая из этих наук вкладывает в это понятие свой смысл. Кроме того, социальная напряженность, как сосредоточение сил и энергии людей, предстает необходимым условием жизнедеятельности общества, служит тем двигателем, посредством которого оно добивается поставленных целей. Наличие ее положительных и отрицательных проявлений говорит о неоднозначности разносторонности данного феномена.

Социальная напряженность может рассматриваться, на наш взгляд, в двух основных аспектах — с точки зрения готовности общества, организации или трудового коллектива к конфликтному взаимодействию и с точки зрения нарушения внутренних связей, сотрудничества, деформации межличностных отношений внутри общества или такой группы. При этом оба аспекта связаны, и второй как бы является внутренним отражением первого.

На макроуровне усиливается звучание объективных факторов, снижающих уровень достигнутого в масштабах государства. Скажем, нарушение механизмов контроля в экономике, политике, культуре приводит к спаду производства, отсутствию рабочих мест, глубоким изменениям в содержании и формах жизни различных социальных групп.

На сегодня практически все исследователи, занимающиеся проблемой социальной напряженности на производстве, сходятся в одном: социальная напряженность — это психологическое состояние значительных социальных групп, можно сказать — групповые эмоции. В основе социальной напряженности, по их мнению, находится групповая неудовлетворенность, возникающая в результате большого разрыва между уровнем ожидания существенных позитивных изменений в социально-экономической, производственной сфере и фактическом уровне реализации этих ожиданий.

Таким образом, значительная часть современных исследователей сводят проблему социальной напряженности к проблеме морально-психологического климата.

Если анализировать этот феномен в более широком контексте, то социальная напряженность — это характеристика состояния социально-трудовых отношений с точки зрения вероятности их перехода в открытый конфликт между сторонами этих отношений.

Если социальную напряженность рассматривать как характеристику социально-трудовых отношений, то она обычно обуславливается:

- степенью несовпадения интересов работодателей и работников наемного труда;
- различием в степени их ответственности за невыполнение своих договорных обязательств;
- состоянием неравенства возможностей в защите своих прав.

Однако нам такой подход представляется достаточно узким. Тем более что указанные причины, вызывающие социальную напряженность, не всегда напрямую зависят от непосредственного начальника подразделения, например, руководителя отдела, особенно на государственных предприятиях. Эти моменты регулируются и законами государства и региона, и объективной социально-экономической ситуацией.

Так или иначе, социальную напряженность нельзя не связывать с проблемой социально-психологического климата в коллективе. Когда речь идет о социально-психологическом климате, имеют в виду следующее:

- совокупность социально-психологических характеристик группы;
- преобладающий и устойчивый психологический настрой коллектива;
- характер взаимоотношений в коллективе;
- интегральная характеристика состояния коллектива.

Благоприятный социально-психологический климат характеризуют оптимизм, радость общения, доверие, состояние защищенности, безопасности и комфорта, взаимная поддержка, теплота в отношениях, межличностные симпатии, открытость коммуникации, возможность свободно мыслить, творить, интеллектуально и профессионально развиваться, вносить вклад в развитие организации, совершать ошибки без страха наказания и т. д.

Неблагоприятный социально-психологический климат характеризуют пессимизм, раздражительность, скука, напряженность и конфликтность отношений в группе, неуверенность, боязнь произвести плохое впечатление, страх наказания, неприятие, непонимание, подозрительность, недоверие друг к другу, нежелание вкладывать усилия в развитие коллектива и организации в целом, неудовлетворенность и т. д.

Существуют признаки, по которым косвенно можно судить об отношениях в коллективе:

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук.

- уровень текучести кадров;
- производительность труда;
- качество продукции;
- количество прогулов и опозданий;
- количество претензий, жалоб, поступающих от сотрудников и клиентов;
- выполнение работы в срок или с опозданием;
- аккуратность или небрежность в обращении с оборудованием;
- частота перерывов в работе.

На социально-психологический климат в коллективе влияют многие факторы: удовлетворенность работой, характер выполняемой деятельности, организация совместной деятельности, психологическая совместимость, характер коммуникаций в организации, а также характер руководства организацией. Важным фактором в создании оптимального социально-психологического климата является стиль управления руководителя.

Демократический стиль развивает общительность и доверительность взаимоотношений, дружелюбность. При этом нет ощущения навязанности решений извне, «сверху». Участие членов коллектива в управлении, свойственное этому стилю руководства, способствует оптимизации СПК.

Авторитарный стиль обычно порождает враждебность, покорность и заискивание, зависть и недоверие. Но если этот стиль приводит к успеху, который оправдывает его использование в глазах группы, он способствует благоприятному СПК, как, например, в спорте или в армии.

Попустительский стиль имеет своим следствием низкую продуктивность и качество работы, неудовлетворенность совместной деятельностью и ведет к формированию неблагоприятного СПК. Попустительский стиль может быть приемлем лишь в некоторых творческих коллективах.

Если руководитель предъявляет завышенные требования, прилюдно критикует сотрудников, часто наказывает и редко поощряет, не ценит их вклад в совместную деятельность, угрожает, пытается запугать увольнением, лишением премии и т. д., ведет себя в соответствии с лозунгом «начальник всегда прав», не прислушивается к мнению подчиненных, невнимателен к их нуждам и интересам, то он формирует нездоровую рабочую атмосферу. Отсутствие взаимного уважения и доверия заставляет людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга, сокращается частота контактов, возникают коммуникативные барьеры, конфликты, появляется желание покинуть организацию и, как следствие, происходит снижение производительности и качества продукции.

Страх наказания порождает стремление избежать ответственности за совершенные ошибки, перекладывание вины на других, поиск «козла отпущения». На эту роль, как правило, выбирается человек (группа лиц), который не виновен в случившемся, но отличается от большинства сотрудников, не похож на них, слаб и не способен постоять за себя. Он становится объектом нападок, враждебного отношения, необоснованных обвинений. Наличие «козла отпущения» позволяет членам группы осуществлять разрядку напряжения и неудовлетворенности, которые легко накапливаются в атмосфере взаимного недоверия и страха. Тем самым группа поддерживает собственную стабильность и сплоченность. Это кажется парадоксальным, но какую бы неприязнь и враждебность ни вызывал в свой адрес «козел отпущения», он нужен группе как «предохранительный клапан», позволяющий освободиться от агрессивных тенденций. Поиск «козла отпущения» играет роль механизма интеграции и стабилизации отношений в группе, позволяет избежать острых и интенсивных конфликтов. Но этот процесс обеспечивает лишь частичный, одномоментный эффект. Источник напряженности и неудовлетворенности в организации сохраняется, и немалую роль в их появлении играет неправильное поведение руководителя.

Даже если руководитель использует авторитарный стиль управления, он может быть позитивным, если, принимая решение, учтет интересы служащих, объяснит им свой выбор, сделает свои действия понятными и обоснованными — иными словами, станет больше внимания уделять установлению прочной и тесной связи с подчиненными.

Таким образом, руководитель может существенно повлиять на характер межличностных отношений в рабочем коллективе, на отношение к совместной деятельности, удовлетворенность условиями и результатами работы, то есть социально-психологический климат, от которого во многом зависит эффективность деятельности организации в целом.

Социальная напряженность в организации представляет собой чаще всего латентную стадию развития конфликтной ситуации, которая проявляется в изменении психологического состояния участников процесса, а именно в устойчивом рассогласовании интересов, потребностей, норм социальных субъектов данного процесса. Таким образом, на уровне организации социальная напряженность, прежде всего, означает психологический дискомфорт, который, на наш взгляд, и является важнейшим ее идентификатором.

А. С. Ржаницына¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР
И ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

Глубокоуважаемые коллеги! Работа нашей секции проходит в контексте общей тематики Чтений — «Диалог культур в условиях глобализации». Глобализация, безусловно, ускоряет вхождение в постиндустриальную фазу развития тех стран, где этот процесс еще не завершен. При этом в каждой из стран попытки модернизации государства и общества, его политической, социальной и производственной сфер происходят под влиянием неизбежного в условиях глобализации усиления диалога культур. Этот диалог может строиться и строится по-разному.

Например, во второй половине 1980-х годов ряд видных государственных деятелей и ученых СССР предлагали М. С. Горбачеву присмотреться к опыту реформ в Китае. К этому времени был накоплен интереснейший и поучительнейший опыт реформ в Венгрии, ГДР, Польше и др. Изучение, осмысление и творческое применение этого опыта могло бы стать примером диалога культур. Но исторический выбор советского руководства лежал в области «вхождения» в глобализацию по западному образцу.

Следует отметить, что США и особенно Западная Европа имеют огромный опыт развития рыночной системы с учетом интересов разных слоев населения. Возможности рынка давно уже не абсолютизируются даже в США. И в Евросоюзе, и в Америке существуют системы «противовесов», приводящие к созданию балансов интересов правящих слоев, предпринимателей и трудящихся.

Этот «западный образец» в последние десятилетия переносится на российскую почву весьма своеобразно. Заимствуются и копируются его отдельные составляющие, способствующие ускоренному обогащению небольшой части общества. Те же составляющие, которые обеспечивают гармонизацию интересов участников рынка, развитие экономики в целом, игнорируются. Это касается государственных и политических институтов, законодательных актов, механизмов регулирования экономики и так далее — всего, что в совокупности образует культуру. Происходящее можно охарактеризовать как своего рода ущербный диалог культур — диалог с порочными целями, приводящий к плачевным результатам. В связи с этим одним из наглядных примеров является регулирование государством социально-трудовых отношений в стране.

Безусловно, успешно заимствования зарубежного опыта всегда определяется умением его адаптировать к национальной культурной традиции. В связи с этим представляется важным, что для русского общества в его истории всегда имела значение такая категория, как социальная справедливость. А она, как известно, включала идею уважения к труду и к тому, что трудом нажито. Опора на трудовые при-

оритеты была бы для общественной атмосферы нравственным мотивом в противоположность позиции, когда результатом являются легкие деньги. А нравственность — важнейшая содержательная часть образа жизни, а следовательно, и культуры. Современный водораздел культур в мире в странах, у которых может быть исторически обусловленное взаимопонимание, проходит больше по этой составляющей, чем по регуляторным институтам.

К сожалению, экономика, как правило, рассматривается вне культурного пространства. Это принципиально неверно, ибо человек в социуме не может не быть человеком экономическим — либо производителем, либо потребителем, либо тем и другим.

Нынешний экономический кризис обострил проблему поиска решений, в которых могло бы участвовать большинство граждан социума. А это повлекло бы социальные улучшения, хотя правительство видит выход в сокращении социальных расходов: федеральный бюджет начал экономить даже на беременных, больных. Но надо понять, что сама по себе бюджетная экономия не заменит необходимости увеличения производства, в условиях которого можно расширить предложение товаров и услуг, обеспечить конкуренцию, добиться снижения цен, не допустить падения реальных доходов и заработков.

В политике следует понимать связь социальных и экономических явлений. Труд, доходы, социальное страхование, предпринимательство, услуги образования и здравоохранения, цены, домохозяйство, потребительский рынок и прочее — это не просто отношения социального иждивения, прав и гарантий в области уровня жизни, но одновременно и экономика. Там, где субъект процесса, действия, мероприятия — человек, возникает диалектическое противоречивое единство социального и экономического.

Несколько иллюстраций. Нам нужно увеличить экономический фактор — совокупную трудоспособность общества. Это можно сделать на основе увеличения продолжительности здоровой жизни человека, чему в 2011–2012 годах должно служить самое крупное социальное мероприятие — модернизация здравоохранения. В числе культурных последствий — продленная трудовая активность в пожилом возрасте, снижение миграционной составляющей и т. д.

Другой пример. В намеченном Минздравсоцразвития РФ пересмотре закона о социальном обслуживании населения необходимо усилить внимание к сфере услуг по уходу за детьми и инвалидами в целях высвобождения времени семьи, которое она может использовать более производительнее в экономических целях. Проблема детских садов — вопрос женской занятости, снижения бедности при дополнительном доходе жены. Культурные последствия — социализация детей, формирование экономики заботы и т. п. И таким примерам — несть числа.

¹ Главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ.

Необходимо выбирать социальные меры, которые способствуют экономическим улучшениям. И здесь главная проблема — *заработная плата, доходы за труд и экономическую деятельность*, усиление мотивации населения к трудовой активности. Это означает необходимость ликвидировать известный конфликт — недооценку цены рабочей силы в России, создание условий для самообеспечения экономически активного населения с опорой на собственные силы, умения и знания.

Отсюда — *вектор эффективной и в то же время справедливой социальной политики*, не просто «подачки» на бедность, а *курс на достаток работника*, включение его в состав среднего класса как базы общественного процветания и согласия. Надо отказать от действующей ныне ориентации материального положения человека на прожиточный минимум (ПМ), который ущемляет права личности и признает обеспечение только физиологической жизни. Этот норматив несправедлив и, по сути, представляет собой индульгенцию для работодателей, ибо в Конституции записана всего лишь гарантия минимальной, но не «справедливой» оплаты, как считает Международная организация труда (МОТ).

Если стремиться к развитию страны, то необходимо сформулировать идею, ставящую перед народом позитивную, мобилизующую и даже амбициозную цель. Новый курс в социальной политике, по нашему мнению, связан с определением *стандарта доходов, достаточного для экономической устойчивости трудоактивной семьи — работника и его ребенка (СЭУ)*. В соответствии с ним заработанный доход должен обеспечивать приличное питание, набор товаров длительного пользования, возможность вырастить и обучить детей, иметь право на отдых и досуг. Его размер в 2–2,5 раза выше ПМ, но отличие здесь не количественное, а качественное — принципиально иной образ жизни. Если в ПМ основное — питание, то в предлагаемом стандарте ведущее место занимают услуги, появляются накопления и так далее, как в структуре западного семейного потребления. Стандарт позволяет определить, сколько должен зарабатывать человек для себя и иждивенца, поскольку рассчитывается стоимость жизни взрослого и ребенка.

Стандарт не есть некая социальная гарантия, *это индикатор политики, мобилизующий усилия всех агентов экономики — работодателя, работника и государства* — действовать в указанном направлении. Работник, прилагающий усилия, получает перспективу жить достойно, по-человечески. Работодателю необходимо улучшать рабочее место, чтобы хорошо платить и получать прибыль. Государство должно содействовать этому и как крупнейший работодатель (для бюджетников), и как институт, ответственный за общее развитие.

В соответствии с этим строится и законодательство. К примеру, вводятся, наконец, стандарты оплаты в зависимости от уровня квалификации для профессиональных групп, предусмотренные

в Трудовом кодексе, ликвидируются унижающие труд фиксированные оклады в отраслевых системах (3–5 тыс. руб. при среднем уровне заработной платы более 20 тыс. руб. в месяц). Во многом проблема разрешается введением прогрессивной шкалы налогов, что должно способствовать более справедливому распределению произведенного дохода на заработную плату и прибыль. Лучше поощрять добросовестный труд, чем рантье и демонстративное потребление за счет сверхдоходов и т. п. Надо сказать, что в этом формате мы действительно могли бы приблизиться к лучшим общепризнанным характеристикам западного гуманизма.

Предлагаемый стандарт как экономический вектор влияет и на культуру поведения, ценностные установки работников. Как известно, при низкой оплате удобно жить экстенсивно, не надо прилагать усилий, отсутствует стремление вводить новую технику, нанотехнологии, повышать квалификацию. В итоге нет условий для серьезного роста производительности труда.

И так везде. Низкая цена рабочей силы — это «серая» занятость, неуплата налогов, взятки, двойная мораль, депрессивное настроение и другой негатив, даже содействие терроризму (пока милиционера можно «купить» за небольшие деньги). А поведение — это часть культуры.

Достойная заработная плата способствует не только росту производства товаров и услуг, но и солидным трудовым пенсиям, высокой покупательной способности населения, поступлению налогов. Следовательно, появляются источники финансирования социальных услуг, образования, медицины, культуры, а также пособий и льгот тем, кто не может самостоятельно обеспечивать себя без государственной помощи: многодетным семьям, инвалидам, детям-сиротам и т. п.

В систему экономических стимулов также следовало бы включить *реформу социального страхования*. Судя по зарубежной практике, целесообразно разделить страховые взносы между работодателем и работником, подняв заработную плату на величину страхового взноса. Работник накапливал бы собственный страховой капитал, а тем самым — стремление к большему трудовому вкладу.

В России же, к сожалению, страхование развивается своеобразно. Яркий пример — инициированная программа модернизации здравоохранения. Предполагается, что обязательное медицинское страхование будет единственным каналом финансирования, бюджет вообще не будет нести никаких расходов на медицину (скорую и высокотехнологическую). Интересен тот факт, что увеличение страховых взносов более чем на 400 млрд руб. за два года за счет фонда зарплаты работников пойдет не на улучшение их лечения, а на укрепление материально-технической базы медицинских учреждений, внедрение современных информационных систем в здравоохранение, стандартов медицинской помощи, то есть на то, что должен был бы финансировать бюджет из общих налогов.

Такое решение нарушает принципы страхования как формы распределения, имеющей объективные закономерности и последствия. Видимо, ими можно пренебречь, если социальная политика — не наука, а бытовые впечатления. Права работников на средства, поступающие в социальное страхование, должны быть оформлены, собственность страховых фондов должна из государственной стать публично-частной (работников и работодателей), что привело бы к более эффективной их организации, использованию и контролю.

Другой пример — обсуждение вопроса о повышении *пенсионного возраста*, против которого, по данным опросов, возражает большинство. Но финансисты из власти и приближенные к ним эксперты настаивают на этой мере. Видимо, в их культурную парадигму не входит сочувствие к тем, кто за долгие трудовые годы устал, работал в тяжелых и вредных условиях, чье здоровье нарушилось, кто не может жить только на одну пенсию, кто хочет, наконец, заняться воспитанием внуков. Финансовые соображения важнее человеческих.

Нужно не изобретать новые конструкции, а повысить роль профессионализма, усилить научно-методические основы принятия решений, научиться правильно просчитывать их эффекты. Сейчас же

эффективность программ определяется путем сложения процентов разнородных показателей — от уменьшения смертности до повышения заработной платы. И никого такой «метод» не смущает, напротив, на основе полученных данных делаются красивые слайды (доклад Минрегионразвития «Об итогах деятельности органов управления за 2009 г.»).

Повысить качество и расширить культурный контекст управления могла бы *системная независимая экспертиза*, но не как временное сотрудничество власти и ученых, а как встроенная часть процесса принятия решений. Пока же социальная экспертиза проектов и методик не обязательна.

Однако недостаточно того, чтобы управление опиралось на специалистов, также нужны активные, болеющие за дело люди, способные не только советовать, но и действовать ради общего блага. Именно такие люди могут стать реальными носителями и трансляторами позитивной мировой экономической культуры в трансформационной России.

В целом, можно сделать вывод, что недостаточное внимание к вопросу приоритета труда, благополучия работников превращает Россию в зону постоянного роста социальной напряженности, готовит почву для разрастания социально-трудовых конфликтов.

А. Н. Самарин¹

СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

В системе образования любого общества заложена матрица его воспроизводства. На крутых исторических поворотах от перспективности изменения содержания образования и модификации его структуры во многом зависит успех или неудача преобразований. В государствах, где реформы достигли успеха, прогресс в деле образования был одним из важнейших рычагов подъема экономики. Наша страна избрала свой, особенный путь, который уже привел к результатам противоположного свойства².

В России с середины 1990-х годов параллельно происходили два взаимосвязанных крайне неблагоприятных процесса: во-первых, свертывание и разрушение наукоемкой промышленности (не говоря о деиндустриализации общества в целом), во-

вторых, фактическое превращение страны в сырьевой придаток как стран Запада, так и Китая. Между тем именно наукоемкое производство выступает главным стимулятором развития образования, тогда как сырьевой стране полукOLONИального периферийного капитализма действительно не нужны ни собственная промышленность, ни наука, ни массовое образование³. Эта стратегическая переориентация ее отечественной элиты во главе с нелиберальной ее частью происходила под мощным воздействием Запада и главным образом в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда и Всемирного банка. Деиндустриализация стала, по распространенному мнению, фактором демодернизации, который отдаляет нас от постиндустриального общества.

В 1970-е годы Россия занимала второе место в мире по числу студентов на 10 тысяч человек населения. Сейчас по этому показателю (179 студентов) нас обогнали Канада (299), Австрия (227), Бельгия (224), Финляндия (220), Испания (187) и некоторые государства Латинской Америки.

Пропорционально сокращению реального производства стал падать спрос не только на высоко-

¹ Доцент кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат философских наук. Автор 200 научных публикаций по конфликтологии, групповой психологии, философии и социологии образования, политической конфликтологии, в т. ч. книги: «Основы социальной психологии»; соавтор учебников: «Практическая психология для дипломатов», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации»; участник многих коллективных монографий по социальным конфликтам. Член редколлегии журналов «Конфликтология», «Репутациология», «Международные научные исследования». Член-корреспондент Международной славянской академии. Член Президиума Международной ассоциации конфликтологов, Российского философского общества, эксперт Фонда исторической перспективы.

² Самарин А. Н. Элиты и образование в современной России // Философия образования XXI века. 2002. № 4.

³ Самарин А. Н., Бояринцев В. И., Фионова Л. К. Научный потенциал России: от прошлого к настоящему // Конфликтология. 2009. № 4; Они же. Разгром науки и образования — уничтожение России // Репутациология. 2010. № 2.

квалифицированных специалистов, которые в течение 20 лет сотнями тысяч продолжают покидать страну (по некоторым оценкам, около 5 млн из них оказались в эмиграции), но даже на рабочие руки. Были закрыты большинство профессионально-технических училищ. От квалифицированных рабочих советской эры осталось ныне менее 3 %. Отсюда снижение качества управления, проектирования, производства. В этом коренная причина падения ракет и спутников.

Научная эмиграция, по неофициальным экспертным оценкам, превысила 800 тыс. человек. А число отъезжающих за образованием не поддается учету, но ежегодно одних только выпускников вузов уезжает около 15 тысяч для поствузовской подготовки за рубежом. Французский философ Блез Паскаль говорил некогда, что если из Франции уедут триста лучших интеллектуалов, то его родина превратится в страну идиотов. А Россию покинули от 60 до 80 % наиболее квалифицированных ученых и специалистов главных отраслей науки¹. Поскольку большинство из них ранее так или иначе работали в вузах и полноценно заменить их невозможно, то (по очевидной цепочке) качество как высшего, так и среднего образования стало катастрофически снижаться. На культурном и образовательном уровне молодежи сказались также деградация СМИ, которые постоянно пропагандируют гедонизм и потребление.

В итоге выпускники школ, будучи в большинстве функционально малограмотными и некультурными, все менее пригодны для получения высшего образования. Но даже студенты лучших университетов, по оценке экспертов движения «За возрождение отечественной науки», не могут преодолеть пробелы, получая «высшее образование без среднего». Например, выпускник энергетического вуза ныне может не иметь понятия о законе Ома, а математик — о биноме Ньютона. Как отечественные, так и зарубежные специалисты единодушно отмечают падение качества профессиональной подготовки по сравнению с достигнутым ранее в СССР.

На упомянутом выше Круглом столе в Госдуме отмечались и малая трудовая востребованность выпускников вузов, наличие серьезной проблемы их трудоустройства, поскольку работодатели неохотно берут молодежь без стажа практической работы. Осенью 2009 года на одно рабочее место претендовало 17 выпускников колледжей и институтов. Значит, остальные 16 не нужны? Подавляющее большинство выпускников не находят работу по специальности.

Начавшаяся ликвидация педвузов и внедрение новых федеральных стандартов школьного образования (с тремя обязательными бюджетными уроками) окончательно разрушат лучшие традиции отече-

¹ Газета «Аргументы и факты» (2009. № 43) задает вопрос: «Остались ли в России умные люди? Или все они переехали в Америку, Германию, Великобританию...» и приводит данные: в 2008 году в США доля затрат на науку в общей сумме бюджетных расходов составила 6–7 %, в европейских странах — 4–5 %, в России — 0, 8 %! При этом не будем забывать, что ВВП России, по данным агентства РиФ, ненамного превышает валовой продукт американского округа Лос-Анджелес.

ственной школы, отбросят следующие поколения нашей молодежи как минимум на сто лет назад. А если учесть, что, по данным О. Н. Смолина — заместителя председателя Комитета Госдумы по науке и образованию, нагрузка на учителя возросла примерно вдвое, а его зарплата в среднем вдвое уменьшилась, то ясно, что последние высокообразованные и опытные учителя уйдут из школы. Это блестяще описала в своем получившем широкую известность письме Мария Чистякова. Понятно, что интеллектуальный и культурный уровень молодежи совершенно не будет соответствовать задачам XXI века.

В то же время известно, что для развития высоких технологий России не хватает по меньшей мере полумиллиона специалистов, а остро необходимая реиндустриализация немыслима не только без массовой полноценной средней школы, но и без высококачественной профессиональной подготовки рабочих, которая просто отсутствует.

Происходящий развал просвещения и профессионального образования поставит крест на любых планах модернизации, включая и модернизацию обороны — не понимать этого даже неолiberaлы не могут. Сохранение высококачественной системы образования — сегодня необходимое условие национального существования. Несмотря на все заклинания об инновациях и модернизации, на практике видно, что умные, образованные молодые люди стране не нужны. Одну из наших статей, затрагивающих эту грустную тему, пришлось назвать «Назад — в пещеры»². Даже министр А. Фурсенко признал, что уровень школьного образования резко упал: «...25 % школьников не знают математики и примерно столько же не знают русского языка». Академик С. П. Капица дал жесткую оценку школьным преобразованиям: «Россию превращают в страну дураков». К нему присоединился и известный богослов Андрей Кураев, который отметил: «У меня такое ощущение, что последние 20 лет наше правительство и реформаторы, экспериментирующие над школой, ставят своей задачей сделать ее фабрикой по производству быдла...»

Частичным ответом на упадок системы образования стал рост в последние годы эмиграции молодежи: квалифицированной — в поисках работы по специальности, неквалифицированной — для получения высококачественной подготовки. Однако такое решение возможно лишь для меньшинства — хотя бы по финансовым причинам. Большая часть учащейся молодежи испытывает растущую неудовлетворенность как своим настоящим положением, так и перспективой пополнить армию безработных, что может иметь серьезные политические последствия. Об этом откровенно говорили представители студенческих союзов на Круглом столе, посвященном образованию, в Госдуме 14 марта сего года. Всякий, кто наблюдал за декабрьскими событиями 2010 года в Москве, не может не понимать, сколь дорого стране обойдется деградация образования.

² Самарин А. Н., Бояринцев В. И., Фионова Л. К. Образование: назад в пещеры // Знание — власть. 2010. № 21.

Одновременное разорение производства и образования обрекает на десоциализацию миллионы людей и на криминализацию — целые поколения молодежи. Например, «в 2009 году официально было зарегистрировано около 3 млн преступлений, а по данным исследователей из НИИ Академии Генпрокуратуры РФ, фактически в том же году в России

было совершено не менее 26 млн преступлений!»¹ Абсолютное большинство правонарушений совершается необразованными молодыми людьми. Эта огромная цифра — надежный показатель неблагоприятных социальных итогов двадцатилетнего реформирования школы, экономики и духовно-нравственной сферы.

Л. Н. Тимофеева²

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

1. Конфликты в государстве возникают нередко тогда, когда нарушаются принципы справедливости. Человечество с самых древних времен стремилось к справедливости, соизмеряя ее то с правом, то с честностью, моралью — самообязывающими правилами. В первом случае субъектом правового арбитража справедливости/несправедливости выступает государство, во втором — сам человек и человеческое сообщество.

Различают политическую и социальную справедливость. Понятие «политическая справедливость» тесно связано как с сегодняшним осуществлением естественных и нормативных отношений между субъектами и объектами политики, институтами и гражданами, государственным аппаратом и населением, так и с представлением о лучшем будущем для народа. Часто важнейшими критериями политической справедливости выступает легитимность политической власти и политического режима, то есть доверие народа к субъектам политики. Но политическую справедливость невозможно оценить без социальной справедливости, которая в разное историческое и политическое время предстает по-разному. Для классического феодального общества в Европе естественной выступала сословная справедливость. Значительным шагом в развитии справедливости можно считать политическую демократию, основанную на равноправии, в частности на равенстве всех членов общества перед законом. Это

формальное равенство и является основой политической справедливости в условиях развитой западной демократии. Однако не форма власти, а ее реальное содержание, доступность ее для граждан выступает реальной основой справедливости. Для социалистического государства большое значение имело равенство стартовых возможностей и социальный лифт для выходцев из низов.

В зависимости от того, каковы для общества приоритеты, им выстраивались модели политической и социальной справедливости. В частности, от лидерства критериев общего или индивидуального выделяют справедливость коммунитаристскую, либеральную, либертатную, получившие свое воплощение в социалистической, социал-демократических и капиталистической политических и экономических системах.

2. О какой бы модели справедливости ни шла речь, государство на деле не бывает беспристрастным арбитром, а разбирает конфликты с точки зрения интересов правящего класса и господствующей идеологии, которая понимается как общее видение того, как должно быть устроено общество, объединяющее разрозненные политические концепты в связную картину с целью (нередко достигаемой) получить поддержку у вдохновленных этими идеями людей³. В США, например, государство действует в рамках либеральной идеологии и в интересах «среднего класса», заинтересованного в политической стабильности, к нему по уровню доходов относится 70 % белого населения и 20 % черных американцев. Осуществляя социально-политический арбитраж, государство обычно предоставляет определенные гарантии одним (например, пособие безработным или многодетным семьям) и устанавливает ограничения для других (например, максимум земельных владений, размеры которых ограничены в Японии, Пакистане или Египте). Эти меры смягчают противоречия, возникающие между различными социальными слоями общества.

Безусловно, этот арбитраж, несмотря на требование беспристрастного рассмотрения конфликтов, постоянно подвергается давлению со стороны сильных заинтересованных групп. Крупные груп-

¹ Доктор юридических наук Владимир Овчинский — об убийствах в России // Сайт Движения за возрождение отечественной науки. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3719&Itemid=36 (дата обращения — 20.01.2011).

² Заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор научных публикаций, в т. ч. монографий: «Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация», «Государственная служба России: диалог с обществом», «Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации», «Политическая конфликтология перед новыми вызовами»; учебных пособий: «Политическая конфликтология», «Политический конфликт», «Связи органов государственной власти с общественностью», «Конфликты на государственной службе: проблемы управления (основы государственно-административной конфликтологии)». Председатель правления Российской ассоциации политической науки (РАПН), член президиума Международной ассоциации конфликтологов. Награжден орденом «Знак Почета».

³ См.: Шварцмантель Дж. Идеология и политика : пер. с англ. М., 2009.

пы давления, лоббируя свои интересы, со временем способствуют формированию своеобразного «арбитражного вектора». Современные правовые социальные государства стараются избежать этих перекосов, поддержать равновесие интересов в обществе. Неудовлетворенность обоснованных притязаний может привести к серьезным конфликтам в государстве. Важно, чтобы меры, которые будет предпринимать государство для этого выравнивания, были законными (легальными) и легитимными в представлениях народа. Большая роль в этом вопросе предназначена для легальной политической оппозиции, которая должна иметь правовые основания для контрольной функции и функции гражданского сопротивления.

3. Вопрос состоит в том, какая доктрина социальной справедливости и ради какого большинства может быть принята современным российским обществом? Анализ социальных разделов программ современных российских политических партий позволяет заметить в них, хотя и не всегда последовательную, приверженность к одной из четырех основных существующих в мировой практике *моделей социальной политики* — либеральной, корпоративной, социал-демократической, социалистической. Как известно, *либеральная модель* (англосаксонские страны) предполагает минимально необходимую государственную поддержку социальных низов (ее отстаивала партия СПС). *Корпоративная модель* (Германия, Австрия, Франция) предполагает развитие системы пособий по социальному страхованию, дифференцированных по видам трудовой деятельности и, соответственно, интеграцию профсоюзного движения с государством. (Промежуточный вариант: «сформировать условия, в которых большинство населения будет способно самостоятельно решать свои социально-экономические проблемы» и «создать эффективную систему социальных гарантий» — в свое время предлагала партия «Единая Россия».) *Социал-демократическая модель* типична

для скандинавских стран и нацелена на обеспечение государством широкого диапазона социальных услуг всему населению при полной занятости (этой линии придерживается партия «Яблоко»). *Социалистическая (патерналистская) модель* существовала в социалистических странах; ее стержнем является ведущая, определяющая роль государства, несущего основную нагрузку в социальной сфере (это позиция КПРФ).

Массовая бедность целых слоев и групп населения в России признается всеми политическими партиями. *Половиной всех денежных накоплений в России владеют 2 % богатых и очень богатых семей, а у 40 % домохозяйств сбережения отсутствуют вовсе*¹. По мнению экспертов, система глобального капитализма должна реагировать на требования социальной справедливости. Измерение социальной справедливости должно стать ключевым раздражителем — выравнивание стартовых возможностей для целых социальных слоев. Сейчас мотивация «у меня нет перспектив» есть у миллионов людей, и их не остановить. Если продолжать думать, что все эти категории находятся вне российской политики, то через 4–5 лет возможно повторение египетского сценария.

Ответить однозначно на вопрос, какая социальная политика государства удовлетворит уязвленное чувство социальной справедливости россиян, непросто. Требуется исследование и общественная дискуссия. Нужно, чтобы действующие партии (парламентские и непарламентские) договаривались о принципах политической и социальной справедливости для современного российского общества, о социальных стандартах и о процедурах их пересмотра — словом, по всем политическим и социальным проблемам, волнующим общество. Нужна постоянно действующая площадка для переговоров между властью и институтами гражданского общества, между партиями, а также между партиями и властью, как это было заявлено несколько лет назад на «Гражданском форуме».

А. Г. Титова²

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализ конфликтов в социально-трудовой сфере в современной России побуждает к осмыслению широкого социально-культурного контекста, который выступает фоном и источником ряда процессов, стимулирующих либо сдерживающих данные конфликты. Исторический опыт показывает, что те государства, которые сегодня принято называть развитыми, по-разному — различными путями в различном тем-

¹ См.: Социальное неравенство и публичная политика. М., 2007. С. 22.

² Профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук. Автор книг: «Политический процесс и политические отношения в современной России», «Технология власти» и др.

пе — достигли своего современного состояния. Ряд государств Западной Европы развивался плавно и в течение длительного периода. Другие — скачкообразно и быстро. Разница в траектории и темпах цивилизационного развития сказывается на всех аспектах жизни общества, в том числе и в сфере социально-трудовых отношений, определяя общую ситуацию конфликтности/бесконфликтности, а также формируя «повестку дня» и конкретные поводы конфликтов. Россия в 1991 году стремительно вошла в новую — рыночную — цивилизацию, и совершенно естественно, что за минувшие 20 лет сформировались не все соответствующие институты. Этим определяется общая

ситуация в стране и конфликтогенная составляющая нашей жизни в частности.

Можно с полным основанием полагать, что конфликтогенный фон российского социума в значительной степени определяется конфликтами в сфере труда как основной сфере жизнеобеспечения человека. Трудовые конфликты возникают между субъектами, занятыми в сфере материального и духовного производства, различаются представлениями о месте работника в организации трудового процесса, его статусе, распределении материальных и духовных благ, функций управления.

В настоящее время в России налицо все основные причины трудовых конфликтов: углубляющееся социальное неравенство; неравномерное распределение материальных и духовных благ; отстранение работника от процессов принятия решений. По-прежнему главной проблемой остается занятость населения.

Если исходить из официальных данных, то безработица в России становится стабильным явлением, что является неотъемлемой составляющей рыночной экономики: в 2001 году в стране было зафиксировано 6,2 млн безработных¹, в 2011 году, по прогнозам Минздравсоцразвития России, общее количество безработных — 6,4 млн человек².

Опасность заключается в том, что процессы, характеризующие состояние социально-трудовой сферы, приобретают стойкую негативную направленность, в обществе начинает формироваться «культура бедности». Речь идет уже не столько о безработице, сколько о ценностных ориентациях, мировоззрении, морали, психологическом состоянии населения — кризисных ощущениях и опасениях, превращающихся в экономический фактор. Речь идет о формировании уверенности в том, что положение страны в целом и отдельной личности в частности ухудшается, что мероприятия, проводимые в социально-экономической сфере, имеют негативные последствия, происходит «привыкание к бедности», атрофирующее волю и стремление изменить положение. Безработица породила много социальных проблем, в том числе таких, как нищета и бездомность. Практика показывает, что из людей, оказавшихся «на дне», только 30 % могут вернуться к нормальной жизни. Остальные с целью выживания объединяются в криминальные группировки.

Картельные сговоры, раздувание чиновничьего аппарата, безответственность бизнесменов, бездействие государственных органов, которые обязаны контролировать соблюдение законов, отсутствие необходимых законов (проект закона о взаимодействии государства и бездомных уже четыре года находится на рассмотрении в Государственной Думе) тяжелым грузом ложатся на плечи населения. Стремление сдержать безработицу заставляет правительство снижать уровень реальной заработной платы, что ухудшает положение трудящихся. Рост

оплаты труда отстает от роста цен на товары и услуги, в том числе в области здравоохранения и образования.

Трудовые конфликты детерминированы не только социально-экономическими отношениями и политической ситуацией в обществе, но и в значительной степени типом господствующей культуры, базовыми ценностями, утверждаемыми в обществе властвующими субъектами. Основу конфликтов в производственной сфере составляют либеральные ценности, настойчиво внедряемые в общественное сознание и породившие в 1990-е годы кризис российской культуры и ценностные противостояния, кризис культуры труда: существенно снизилась ценность труда, произошла девальвация многих нравственных ценностей, что обеспечило углубление социальных противостояний в трудовой сфере, агрессивный характер конфликтных взаимодействий. Стали исчезать такие предпосылки трудовой деятельности, как любовь к избранной профессии, привычка и уважение к труду, стремление обеспечить качественный результат, ответственность работодателя за социальное положение работника и условия его труда.

В настоящее время сохраняется расхождение между требованиями рынка и таким социокультурным фактором, как менталитет и ценностные ориентации россиян. Активность традиционных ценностей: привязанность к малой родине, надежды на «правильного лидера», который сможет отрегулировать ситуацию, неприязнь к «богатым», ожидание помощи, результатов от обращения к властям с претензиями и жалобами на бедственное положение — свидетельствует об отсутствии у значительной части населения мобильности, воли к активной адаптации — самостоятельной независимой деятельности, устойчивой и последовательной борьбе за свои права. От личности сегодня требуется содержание культуры, соответствующее либерализованной экономике: стремление к высокому уровню производительности труда, мобильности, значительный адаптационный потенциал, правовые знания. Трудовая мобильность, в частности, означает стремление к повышению квалификации, переобучению, способность осваивать смежные профессии, менять место жительства для получения работы, соглашаться в условиях кризиса на выполнение низкооплачиваемой и неквалифицированной работы и т. д.

Адаптация к современным условиям трудовой деятельности предполагает способность работника отстаивать свои права в различной форме, в том числе и в движениях протеста. Правовая культура призвана способствовать развертыванию правовых форм борьбы, наполнять протестные акции качественно новым содержанием (наряду с требованием повышения оплаты труда — претензии к качеству инфраструктуры трудовой деятельности, соблюдению техники безопасности, контролю за соблюдением норм рабочего времени). Культура протеста на современном этапе должна включать: умение граждан грамотно предъявлять требования и отстаивать свои права; правильно определять объект требова-

¹ Социально-экономическое положение России. Январь–октябрь 2001 г. М., 2001. С. 234.

² Рынок труда 2011 года: тенденции, прогнозы, экспертные исследования // Кадровое дело. 2011. № 1. URL: <http://www.auditit.ru/articles/personnel/a111/285327.html>

ний; умение организовывать протестное движение на значительном территориальном пространстве; консолидацию протестных движений; отраслевое и межотраслевое распространение акций протеста; увеличение численности акций и разнообразие требований в этих акциях.

Механизм формирования новой социокультурной среды разрешения трудовых конфликтов включает: *создание новой системы подготовки и переподготовки кадров*, соответствующей требованиям развития отраслей производства, сферы услуг, сельского хозяйства; *организацию массовой подготовки специалистов в обла-*

сти консалтинга и медиации, владеющих искусством вести переговоры в конфликтной ситуации, обеспечивать взаимодействие работника и работодателя на правовой основе, заключение трудовых соглашений, которые не носили бы кабального характера; создание сети правового и политического просвещения трудящихся, *активизацию и организацию протестных движений*, участие политических партий, профсоюзов в защите прав работающих людей. Это должно способствовать адаптации работника к меняющейся системе трудовых отношений, созданию цивилизованных отношений во всех видах трудовой деятельности.

Е. В. Харитонов¹

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР²

Неотъемлемой частью диалога культур является диалог культур бизнеса («деловых культур»). Деловые взаимоотношения между странами развиваются в форме диалога деловых культур, специфика которых определяется особенностями цивилизации и культуры этих стран. Мы рассматриваем социальную ответственность бизнеса, или корпоративную социальную ответственность, как одну из важнейших характеристик современной деловой культуры. В международном понимании корпоративная социальная ответственность трактуется как «добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума»³.

В наши дни достаточно много внимания уделяется социальной ответственности бизнеса перед обществом как компоненте внутренней социальной политики государства. В предлагаемом докладе социальная ответственность бизнеса рассматривается как элемент межкультурного диалога и как фактор развития взаимопонимания и эффективного партнерства в системе международных отношений, а именно — в отношениях России и стран африканского континента, которые также обладают собственными деловыми культурами, непосредственно связанными с общим культурно-историческим контекстом этих стран. В последние годы российские компании активно выходят на африканские рынки и в связи с этим ищут формы диалога и эффективного партнерства со странами континента. В Африке старшее поколение воспринимает Россию как правопреемницу СССР и относится к ней

как к социально-справедливому государству, которое помогало странам Африки в национально-освободительной борьбе и в борьбе за социальную справедливость. Вместе с тем, в Африке, где велика доля людей молодого возраста, воспоминания об СССР актуальны далеко не для всех. Многие там даже не понимают, что современная Россия — это совсем другое государство, которому предстоит пройти путь, в результате которого оно сможет де-факто считаться «социальным». В условиях постсоветского реформирования России в 1990-е годы была демонтирована не только советская модель социализма, но и существовавшая в СССР авторитарная модель социального государства. При всех своих недостатках оно обеспечивало совершенно определенные социальные гарантии и стандарты уровня жизни, которые были утрачены с началом реформ 1990-х годов. Россия де-юре является социальным государством, что официально зафиксировано в ст. 7 Конституции РФ: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако де-факто правильнее было бы назвать Россию страной, вставшей на путь строительства социального государства. В процессе освобождения российского общества от тотального вмешательства государства по инерции снижена социальная роль государственности, то есть российское государство впало в другую крайность, на время оставив гражданина один на один со стихией рынка. Таким было положение в современной «постперестроечной» России. В настоящее время благодаря принятию и реализации ряда социальных программ ситуация начинает выправляться. Вместе с тем, России еще предстоит пройти путь превращения концептуальной модели, основанной на нормах, в практическую модель социального государства. Все это, в свою очередь, повлияло и на деловую культуру в современной России, на представления представителей российского бизнеса о «правильных» формах социальной ответственности.

¹ Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент.

² Исследование выполнено авторским коллективом (Л. А. Андреева, С. М. Тищенко) под руководством Е. В. Харитоновой при финансовой поддержке РГНФ, грант № 09-03-00674 а/р «Взаимодействие бизнеса и государства в продвижении образа России как социального государства в странах Африки».

³ URL: <http://www.csrjournal.com/lib/analyticarticle/471-kso-v-mezhdunarodnom-ponimanii.html>

В мировой практике разработано и функционирует несколько моделей социальной ответственности бизнеса: англо-американская (англосаксонская), европейская, смешанная.

Англо-американская модель социальной ответственности бизнеса перед обществом ограничивается созданием рабочих мест и обеспечивает эффективность их использования через заработную плату, создание условий труда и выплату высоких налогов. В силу природы англо-американского предпринимательства, основанного на максимальной свободе субъектов, многие сферы общественных отношений остаются до сих пор саморегулируемыми (в том числе сфера трудовых отношений «работник–работодатель» (двухсторонний договор), добровольность медицинского страхования и т. д.). В то же время в США, например, выработаны многочисленные механизмы участия бизнеса в социальной поддержке общества через корпоративные фонды, нацеленные на решение разнообразных социальных проблем за счет бизнеса (спонсирование профессионального образования, пенсионных и страховых сфер для персонала). Ответственная социальная деятельность и благотворительность корпораций поощряются соответствующими налоговыми льготами.

В *европейской модели* бизнес платит большие налоги, а государство на эти средства реализует социальные программы для населения. Западноевропейские общества имеют развитые системы денежной помощи; их охват и размеры существенно различаются, однако лишь в немногих странах сформировалась система поддерживаемых государством социальных услуг в том объеме, который наблюдается в скандинавских странах (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия). Такова *скандинавская модель* социального государства и социальной ответственности бизнеса.

Европейская модель социальной ответственности принципиально отличается от американской. Европейский бизнес рассматривает государство как институт, приводящий в исполнение принятые правила поведения, а в США подобное вмешательство государства расценивается как нарушение свободы бизнеса. Если американская модель рассматривает в качестве целей корпоративной социальной ответственности прибыльность и ответственность перед акционерами, то европейская относит к ней дополнительно вопросы ответственности перед работниками и местными сообществами.

В последние годы в связи с развитием крупного бизнеса наиболее популярной в Европе стала *смешанная модель*, или «*корпоративная социальная ответственность*». Эта модель ориентирует бизнес на три сферы проявления социальной инициативы: экономику, занятость и охрану окружающей среды. Во многих европейских странах законодательно закреплено обязательное медицинское страхование, пенсионное регулирование, природоохранная деятельность предприятий.

В *Японии и Южной Корее* широко используют отдельные элементы модели «Бизнес отвечает за

все», в соответствии с которой бизнес предоставляет жилье, поощряет семейные рабочие династии, осуществляет обучение специалистов за счет корпораций, обеспечивает пенсионные выплаты и т. д.¹ Это классический вариант патернализма, который принят и составляет одно из основных конкурентных преимуществ большинства компаний в Японии.

У российского бизнеса до сих пор нет четкой ориентации на одну из вышеперечисленных моделей. В ноябре 2004 года в Москве на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей была принята «Социальная хартия российского бизнеса», провозгласившая принципы корпоративной социальной ответственности². Однако сейчас мы наблюдаем переход от «хаотической» благотворительности к корпоративной социальной ответственности.

Особое значение вопрос о социальной ответственности бизнеса приобретает в системе международных деловых отношений со странами *Африки*. Африка — континент с огромным количеством острейших социальных проблем, и правильно выбранная форма социальной ответственности работающего там российского бизнеса может быть условием эффективного межкультурного диалога между Россией и странами африканского континента.

Нами было проведено исследование, позволяющее определить, какую форму социальной ответственности бизнеса предпочитают в африканских странах. Одновременно изучались реальные предпочтения работающего в Африке российского бизнеса.

Мы дополнили список из трех вышеназванных классических моделей социальной ответственности бизнеса: англосаксонская («Ответственность бизнеса должна ограничиваться уплатой налогов, созданием рабочих мест, выплатой заработной платы и соблюдением условий труда»); скандинавская («Бизнес должен успешно вести дела и исправно платить высокие налоги, а государство — эффективно распределять эти налоги, в том числе на социальные нужды») и смешанная социально ориентированная модель («Бизнес должен быть социально ориентированным и участвовать в социальных и благотворительных проектах»). Дополнительные: модель «социальной справедливости», отражающая полный контроль бизнеса со стороны общества; *асоциальная* — жестко-прагматическая модель, ориентированная на интересы бизнеса и противопоставляющая бизнес обществу; *сверхнормативная*, или «меценатская» модель, основанная на личной инициативе представителей бизнеса и де-факто исключая государственное регулирование взаимодействия бизнеса и общества.

Результаты. Африканцы предпочитают «социально справедливую» («подконтрольную») модель социальной ответственности бизнеса, в наибольшей степени отражающую мечту о социальной справедливости, в соответствии с которой бизнес подконтролен общественности и отвечает ее ин-

¹ См. подробнее: Андрунакиевич А. Н. Социальная ответственность бизнеса: теория и российская практика // Государственное управление : электронный вестник. 2008. Вып. 15.

² Позиции РСПП : сборник документов. М., 2006.

тересам. На втором месте — социально ориентированная смешанная модель: «Бизнес должен помогать тем, кто нуждается, и делиться богатством, избегать несправедливости, когда большие акулы получают больше, чем трудолюбивые работники». Единогласно отвергаемая — «асоциальная» прагматическая модель, де-факто не имеющая отношения к социальной ответственности бизнеса (именно эту модель предпочли представители работающего в Африке крупного российского бизнеса!). Африканцы отвергли также классические англосаксонскую и скандинавскую модели, объяснив это тем, что «бизнес должен делать больше, чем просто платить налоги и создавать рабочие места». Эти модели далеки от представлений африканского населения о социальной справедливости. Это ценная информация для переговоров — понимаем социальные представления населения, мы можем вести диалог на уровне системы ценностей страны-партнера.

Российский бизнес. Мы получили результаты, которые вводят нас в проблемную зону диалога с африканскими партнерами, в зону непонимания и рассогласования интересов. За редким исключением, опрошенные российские бизнесмены выбирали асоциальную прагматическую модель, а также

сверхнормативную, где сам бизнесмен принимает решение о благотворительности и социальной помощи незащищенным социальным группам и конкретным людям. На последние места единогласно были поставлены скандинавская модель, связанная с высокими налогами и выраженной ролью государства, а также предпочитаемая африканцами социально справедливая модель полной прозрачности и подконтрольности бизнеса.

По мнению африканцев, иностранный бизнес, приходящий в Африку, обязан включаться в решение социальных проблем африканских стран и таким образом «оплачивать» возможность вести бизнес в Африке и иметь доступ к ее ресурсам. Деловые отношения между Россией и Африкой строятся в форме диалога, цель которого — поиск точек соприкосновения и основ для сотрудничества, которое будет соответствовать как нашим стратегическим и геополитическим интересам, так и логике «африканского развития». Российскому бизнесу, идущему в Африку, следует представлять, насколько болезненными являются там вопросы, связанные с социальной сферой, и переосмыслить представления о социальной ответственности как компоненте межкультурного диалога.

А. Н. Цой¹

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Социальный контекст и конфликтологическая проблема

Социальный контекст, в котором находится каждый гражданин и гражданские институты, представляет собой клубок потенциальных (и актуальных) конфликтов и социальных протестов. На фоне миграционных процессов и модернизации всех сфер жизнедеятельности российского общества проявляются: конфликты в ЖКХ, акции в защиту собственности, пикеты обманутых дольщиков, митинги в защиту экологии, акции в защиту журналистов, протесты против реформ в образовании, протесты автомобилистов, акции в защиту животных, протесты против реформ в армии и здравоохранении, столкновения фанатов, градостроительные конфликты, протесты против миграции.

Таковы социальные факты, с которыми региональная и муниципальная власть имеет дело, решая одновременно две стратегические задачи: обеспечение стабильности и развития. Для процессов развития необходимы инновации, для стабильности — отсутствие массового сопротивления и конфликтов.

¹ Доцент кафедры управления человеческими ресурсами Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат социологических наук. Автор более 100 научных публикаций и 2 книг в области конфликтологии, разработчик спецкурса для магистрантов «Организационный конфликт-менеджмент» и программы подготовки конфликтологов, руководитель Московской школы конфликтологии.

Управление конфликтами — это проблема, прежде всего, диалога культур и институционализации культуры конфликта². Если общество признает существование (наличие) конфликта, то появляется возможность цивилизованного согласования интересов и диалога между разными группами (сторонами конфликта).

С точки зрения управления конфликтами признать наличие конфликта значит открыть возможность обсуждения проблематики конфликта в целях перевода его в правовое поле, развивая демократические механизмы его разрешения и одновременно выстраивая культуросообразные отношения со всеми участниками конфликта.

Правовой контекст: рынок и демократия

Конституция РФ является основой деятельности всех ветвей власти, а народ осуществляет власть. Демократия предполагает (это очень важно) *право каждого гражданина бороться за свои права, за власть и влияние на власть*. В борьбе за свои интересы и ответственность гарантируется единство экономического пространства и, самое главное, поддерживается конкуренция, свобода экономической деятельности. Само признание разных форм собственности закладывает потенциальный конфликт. Демократия и рынок объединяет общий процесс — столкно-

² Здравомыслов А. Г. Об итогах III Всероссийского социологического конгресса. URL: <http://www.sociolog.net/zdrav.html>

вание интересов разных субъектов взаимодействия, проявляющееся в разных формах, чаще всего в конфликтах. То есть право каждого гражданина на защиту своих интересов и собственности закреплено Конституцией РФ.

В Конституции РФ признаются идеологическое, политическое многообразие и многопартийность, общественные объединения равны перед законом. В Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной. В разных сферах взаимодействия граждане и объединения защищают свои интересы. Каждый гражданин (а не только чиновники регионального и муниципального уровня) должен научиться цивилизованно разрешать конфликты, так как основными ценностями, декларируемыми Конституцией РФ, являются *демократия* и свобода экономической деятельности — *рынок*.

Именно эти процессы должны быть в поле зрения образования (в рамках курса конфликтологии), так как потенциал конфликтного взаимодействия и социального согласия составляет фундамент (основу) становления демократии и свободы экономической деятельности граждан.

Социологический смысл инноваций: конфликты и согласие

Повышение качества жизни невозможно без инноваций в разных сферах деятельности. Большинство работ исследователей, а вслед за ними и взгляд управленцев, сосредоточены на раскрытии технологического аспекта инноваций; при этом из виду упускается такое явление, как *«инновационная недееспособность»*¹. Именно из-за насильственной составляющей в конфликтах общественный климат, формируемый социальными новациями, не способствует росту, обоснованному с экономической точки зрения, а зачастую и тормозит его. Инновационность общества может быть раскрыта в социологическом аспекте.

Социологический смысл инноваций² состоит не в самих технических изобретениях и новшествах, а в отношениях между людьми, в изменении ценностных оснований их взаимодействия. Социологический аспект социальных инноваций³ заключается в трансформации норм, правил и принципов социального взаимодействия, всей статусно-ролевой системы.

Социальные инновации имеют сущностные характеристики, среди которых главные — высокий риск, большая степень неопределенности, труднопрогнозируемый побочный продукт, последствия которого сложно предусмотреть.

Например, возможно ли достижение социального согласия в обществе, в котором социальные реформы воспринимаются гражданами как негатив-

ные по своим последствиям и снижают их жизненный уровень?

Социальное согласие возможно в двух вариантах: в тоталитарном и демократическом⁴. И там, и там возможно согласие, но на разной почве. Тоталитарный вариант социального согласия основан на страхе, ненависти, репрессиях. Страх и репрессии ограничивают конфликты и их эскалацию. Демократический вариант основан на добровольности и плюрализме, принятии прав человека, общечеловеческих ценностей. Конфликты являются индикатором демократического механизма и свободы экономической деятельности.

Социальные инновации (социальные реформы, модернизация) являются мощным конфликтогенным фактором, а потому региональная и муниципальная власть обязана выстраивать политику развития региона с учетом этой системной и сущностной связи между инновациями и конфликтами.

Инновационный потенциал и новый взгляд на функцию конфликта

Некоторые исследователи отмечают не только негативную функцию конфликта, но и необходимость конфликта для достижения связей внутри системы⁵. Конфликт не обязательно является болезненным явлением, он не всегда связан с агрессией и разрушением. Иногда конфликт играет роль рычага, который может способствовать исправлению недостатков или формированию новых норм, которых сегодня не хватает в российском обществе, для того чтобы урегулировать права какой-либо социальной группы. Это касается тех конфликтов, в которых идет борьба за инновации (технические и социальные), в которых конфликт выполняет несколько функций:

- интеграционную (слияние части с целым);
- активизации социальных связей;
- содействия появлению новых идей и творчеству;
- сигнальную;
- информационную;
- трансформационную (преобразование деловых отношений);
- профилактическую.

Ключевой функцией конфликта является функция баланса и удержания целостности, гармонизации общества. Г. Зиммель писал, что назначение конфликта заключено в обнаружении противоречия, конфликт является формой жизненной динамики («конфликт питается энергией жизни»), он и есть сама жизнь, но жизнь человеческая, культурная. Без конфликта может быть только натуральная жизнь (жизнь в природе), поэтому *культура, жизнь и конфликт — это нераздельные понятия*. Конфликт

¹ Санто Б. Инновация как средство экономического развития : пер. с венгерского / общ. ред. и вступ. ст. Б. В. Сазонова. М., 1990. С. 173.

² Латин Н. И. Теория и практика инноватики : учеб. пособие. М., 2008.

³ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.

⁴ Эфирова С. А. Социальное согласие: тоталитарный и демократический варианты // В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования : сб. / под ред. Т. М. Дридзе и Л. Н. Цой. М., 1999.

⁵ Козер Л. Функции социального конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. М., 1991; Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Пг., 1923.

не предназначен для разрешения, он имманентно присущ самой жизни и неразрешим.

В конфликтах ярко проявляется инновационный потенциал¹, однако многие управленцы сегодня не могут его обнаружить, потому что часто видят в конфликтующих сторонах врагов или оппонентов.

Не конфликт угрожает равновесию и организации, а жесткость в управлении и неспособность власти налаживать конструктивное взаимодействие с теми, у кого есть другие интересы, и кто защищает их теми средствами и способами, которые есть в его распоряжении.

Итак, новый взгляд на конфликт сегодня необходим, и он заключается в том, что именно в протестах и конфликтах ярко проявляет себя не только разрушительный процесс, но инновационный и конструктивный потенциал. Важно иметь средства обнаружения².

Образовательный контекст: диалог культур

Вузы должны поставить в центр внимания студентов не только процесс приобретения знаний, исследования, но и технологии перевода знаний в действия, в процесс принятия управленческих решений. Какие исследования сегодня нужны вузам в рамках гуманитарных наук, в частности конфликтологии? Требуются такие исследования, которые позволяют решать реальные проблемы.

За время обучения в вузе будущие специалисты должны научиться исследовать, изучать (освоить позицию исследователя), объяснять, логично излагать (освоить позицию публичного оратора), понимать (освоить позицию медиатора, фасилитатора, переговорщика), изменять (мыследеятельностный подход: освоить позицию рефлексивного управленца) и активно жить в обществе³.

В основу обучения должны быть положены практические принципы:⁴

- не абстрактное познание, а освоение и овладение;

- прожективность — не знание и описание, а проект и предписание;

- критерием истины является НЕ истинность как соответствие описания объекту, а реализуемость как соответствие объекта проекту или действия — предписанию.

Главная идея, которая должна лежать в основе образовательных технологий в рамках конфликтологии, — объединение процессов исследова-

ния конфликта, обучения и проектирование конфликтов, перевода Е-процессов (деструктивных) в И-процессы (конструктивное русло) в целях достижения цели, решения проблем и поставленных задач, направленных в будущее. Для решения этих задач почти нет препятствий, однако решать их необходимо совместно.

Резюме

Сегодня для преподавателя в вузе почти нет препятствий для того, чтобы в рамках своего предмета (например, конфликтологии или организационного конфликт-менеджмента) использовать разные образовательные технологии. Однако есть системная проблема, и она связана с будущим России. Кто сегодня в образовательном процессе занимается будущим? Конечно, не предметники, потому что там основная задача — обучить предмету. Будущим России будут заниматься (и уже занимаются в вузах и школах) те преподаватели и учителя, которые применяют игры и игровые технологии⁵.

Можно предложить несколько шагов для развития игровых образовательных технологий в вузах:

- региональной и муниципальной власти сформировать ЗАКАЗ конкретным вузам по разработке новых учебных курсов по конфликтологии для подготовки будущих чиновников и управленцев в структурах власти;

- министерству образования и науки РФ сформировать ЗАКАЗ специалистам (организация тендеров и грантов) на тему: «Исследование конфликтов и разработка игровых технологий в образовании»;

- ректорам вузов включить в программы подготовки преподавателей вузов и учителей школ курс «Конфликтология и консенсусология»;

- заказ специалистам от Министерства образования и науки РФ (организация тендеров и грантов) на тему: «Подготовка методических пособий по игровым методам в области конфликтологии»;

- ректорам вузов и директорам школ организовывать конкурсы на тему: «Лучшие преподаватели по конфликтологии».

Принципы образовательных технологий по конфликтологии и организационному конфликт-менеджменту должны соответствовать принципам демократии⁶, а механизмы разрешения конфликтов на региональном и муниципальном уровнях должны проектироваться в вузах всеми участниками образовательного процесса в целях организации диалога культур и решения социальных задач.

¹ Дудченко В. С. Основы инновационной методологии. М., 1966.

² Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М., 2007.

³ Монсон П. Лодка на аллеях парка. М., 2004.

⁴ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 154; Дубровский В. Я. Введение в системодействительностный подход. URL: http://www.genovista.com/topic_8.htm

⁵ Всероссийская ассоциация по играм в образовании. URL: <http://www.rage-portal.ru/community/interactive>

⁶ Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000.

В. Н. Шаленко¹

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время Федеральная служба государственной статистики (Росстат) на основании данных, предоставляемых Федеральной службой по труду и занятости (Роструд), публикует сомнительные данные о количестве забастовок. Здесь фиксируются

только те забастовки, которые проходили в рамках зарегистрированных коллективных трудовых споров, причем делается это только с 2006 года. Те забастовки, которые возникали стихийно, российской статистикой не учитывались вообще (см. табл. 1)².

Таблица 1

Данные о числе забастовок, зафиксированных государственными органами

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число забастовок	817	291	80	67	5933	2575	8	7	4	1

Приведенных в таблице данных вполне достаточно, чтобы понять, что они непригодны для анализа. Сначала забастовки исчисляются сотнями (2000 и 2001 гг.), затем десятками (2002 и 2003 гг.), потом тысячами (2004 и 2005 гг.), в последние годы (2006–2009) — единицами. Найти логичное объяснение таким изменениям, полагают эксперты, просто невозможно. Ведь все эти годы социальная ситуация в стране была относительно стабильной. Даже монетизация льгот (2005) и протесты против нее с середины 2004 года не объясняют роста числа забастовок с 67 до почти 6 тыс.: трудовые коллективы редко присоединялись к этим акциям. Это явление можно объяснить изменением методики учета забастовок. С 2006 года стали учитываться только законные забастовки, но при этом оказалось, что огромное количество забастовок и трудовых протестов, протекающих в других формах, оказались неучтенными.

Приведем данные мониторинга трудовых протестов ЦСТП, которые частично пересекаются по времени с данными Росстата³, обо всех протестных акциях, связанных с действиями работников по отстаиванию своих социально-трудовых интересов. Единица протеста — выдвижение сформулирован-

ных требований хотя бы по частичному изменению социально-экономической ситуации на предприятии. Инициаторы протеста — наемные работники (члены или не члены профсоюза), предпринимающие, в том числе и вместе с представителями других групп и организаций, протестные действия. Особо выделяются протестные акции работников, приводящие к полной или частичной остановке деятельности предприятия или организации (стоп-акции). Данные мониторинга ЦСТП значительно отличаются от данных Росстата, прежде всего, из-за того, что здесь учитываются все виды протестов, а не только законные забастовки. Даже если сравнивать число стоп-акций с числом официально зарегистрированных забастовок, видно, что данные расходятся на порядки. На основании данных мониторинга можно охарактеризовать интенсивность трудовых протестов (среднемесячное число акций) и напряженность трудовых протестов (доля стоп-акций в общем числе акций протеста). В кризисном 2009 году интенсивность трудовых протестов значительно возросла по сравнению с 2008 годом — почти в три раза. В 2010 году показатель интенсивности снизился, но не до уровня 2008 года, а всего лишь на четверть.

Таблица 2

Общее и среднее количество трудовых протестов за 2008–2010 годы⁴

	Общее число акций (в т. ч. за 10 мес.)	Среднемесячное число акций (в т. ч. за 10 мес.)	Общее число стоп-акций (в т. ч. за 10 мес.)	Среднемесячное число стоп-акций (в т. ч. за 10 мес.)	Доля стоп-акций (в т. ч. за 10 мес.), %
2008	96 (77)	8,0 (7,7)	60 (46)	5,0 (4,6)	62,5 (59,7)
2009	272 (233)	22,7 (23,3)	106 (95)	8,8 (9,5)	38,9 (40,8)
2010	174	17,4	76	7,6	43,7

По региональной распространенности трудовых конфликтов в докризисной ситуации по уровню конфликтности выделялся Центральный федеральный округ. При этом не было ни одного федерального округа, где вообще не происходило акций трудового протеста. Половина всех акций в Центральном

округе пришлось на Москву и Ярославль, а в Сибирском округе — на Красноярский край. В кризисный период с Центральным округом сравнялся Уральский округ, где лидировали Свердловская и Челябинская области. В числе наиболее конфликтных регионов по-прежнему остались Москва и Красноярский край.

Распределение трудовых конфликтов по отраслям

В условиях прошедшего экономического кризиса число отраслей, где возникли трудовые конфликты, изменилось незначительно; из 38 отраслей в докризисный период трудовые конфликты произошли

¹ Профессор Российского государственного социального университета (Москва), доктор социологических наук.

² Российский статистический ежегодник. 2009.

³ Мониторинг ЦСТП: трудовые протесты в России за 2008–2010 гг. // *Труд* 2010. CSTR.doc3.

⁴ Приведены данные за 10 месяцев.

в 17 отраслях, а во время кризиса — в 19. По количеству акций *лидерами* оказались транспорт и машиностроение (40 % от общего числа акций). Если в докризисный период лидерами были только транспортники, то при кризисе на первое место вышли машиностроители (число акций выросло с 9 до 27). На долю машиностроения пришлось целая четверть всех трудовых конфликтов. В докризисные месяцы лидерами *второй* группы были пищевая промышленность, сфера коммунального обслуживания, деревообработка. В обстановке кризиса ими стали *другие* отрасли — топливная, черная металлургия и химическая промышленность. Не было зафиксировано акций трудового протеста в финансово-кредитной сфере, информационно-технологической отрасли, материальном снабжении, медицинской и полиграфической отраслях. В целом в той или иной мере трудовыми конфликтами были охвачены ведущие отрасли народного хозяйства.

В кризисный период главным фактором большинства коллективных забастовок оставались невыплаты заработной платы. Если в докризисное время каждый второй случай был связан с этой проблемой, то во время кризиса это стало причиной почти двух третей конфликтов персонала с администрацией. Значительно снизилось количество акций, вызванных *низкой* зарплатой, так как интересы бастующих работников по поводу заработной платы сместились *с ее размера на ее сохранение*. Другая массовая причина трудовой конфликтности на предприятиях — увольнения и сокращения численности персонала. При кризисе они стали второй по значимости причиной (с 3 до 20 %), в то время как несогласие бастующих с реорганизацией производства, которая всегда сопровождается сокращением рабочих кадров, не было главным ни до экономического кризиса, ни во время него. Однако его реальное значение достаточно велико, поэтому персонал постоянно готов к протесту против ущемления экономических и социальных интересов наемных работников, причиняющего им серьезный совокупный ущерб. К остальным нечастым причинам относятся неудовлетворительный режим и условия труда, давление администрации на протестующих работников, рост потребительских цен и так далее.

Следует иметь в виду новую тенденцию конфликтного поведения бастующих в постиндустри-

альном российском обществе — одновременное применение средств противоборства. Доля таких *комплексных акций* в протестном арсенале работников пока невелика, но они сознательно используются для усиления своих силовых позиций в конкретном конфликте путем одновременного давления и на собственника и на внешнюю социальную среду. Например, забастовка или голодовка могут сопровождаться митингом или пикетом, а также обращениями в суд и прокуратуру.

В докризисный год наиболее популярной формой была полная остановка предприятия (36 %), второй и третьей формами по частоте были митинги (25 %) и выдвижение требований (20 %), а также голодовки (13 %). Во время кризиса увеличилось количество реальных форм трудового протеста; появились акции солидарности, митинги протеста, перекрытия магистралей, которых в докризисное время не было. К тому же акции стали сопровождаться публичными обращениями в судебные и правоохранительные органы. Однако самыми распространенными акциями при кризисе стали митинги *за пределами предприятия* (34 % всех акций), тогда как доля остановок всего предприятия уменьшилась до 16 %, но увеличилось число голодовок в абсолютном и относительном выражении.

Таким образом, во-первых, трудовые конфликты в постиндустриальной экономике все чаще выходят за пределы бастующего предприятия, приобретая *публичный характер*. Эта неоднозначная тенденция свидетельствует, на мой взгляд, о серьезных препятствиях для взаимовыгодного регулирования конфликта интересов между трудом и капиталом. Во-вторых, по-прежнему остается *незначительной* доля легальных форм протекания коллективных трудовых конфликтов. Бастующие работники ориентируются не на законные правила и процедуры, а на предъявленные оппоненту претензии, нередко в ультимативной форме. Ориентированные на силовой сценарий борьбы лидеры в ответ на отказ обретают моральное право на призыв людей к стихийным забастовкам или протестным акциям¹. К тому же нынешнее трудовое законодательство с его чрезмерно сложной регламентацией не позволяет большинству бастующих работников быстро и эффективно регулировать конфликты интересов путем переговоров на взаимовыгодной основе.

¹Шаленко В. Н. Трудовые конфликты. Методология, теория и управление : монография. М. : Academia, 2008.

Секция 4

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Руководители секции:

- О. Т. БОГОМОЛОВ академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный доктор СПбГУП
- Г. М. РЕЗНИК президент Адвокатской палаты г. Москвы, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ
- В. Е. ЧУРОВ председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
- Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО иностранный член РАН, академик Национальной академии наук Украины, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор

Н. В. Витрук¹

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Теория и практика демократического правового государства в западных странах развивалась в направлении формирования социального государства («государства всеобщего благоденствия», “welfare state”). В государствах с традиционной демократией был накоплен достаточно большой опыт в разработке социальной политики и ее реализации, в признании и обеспечении социальных прав граждан. Известные (подчас существенные) социальные достижения в провозглашении социальных и культурных прав на конституционном уровне и в реальном их гарантировании имели место в СССР и иных социалистических государствах (отсутствие безработицы, бесплатное здравоохранение, образование, система государственных пенсий и иных социальных пособий для многодетных семей, женщин, лиц с ограниченными физическими возможностями и т. д.). Многие политики и ученые на Западе признают, что Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах был принят под воздействием достижений социальной практики СССР и других социалистических государств.

В современном мире вокруг социально-экономических и культурных прав человека и гражданина продолжается оживленная дискуссия, являются ли они такими же защищаемыми государствами, как политические и гражданские (личные) права, либо они признаются и гарантируются в реализации и защите по воле конкретного государ-

ства при наличии у него достаточных социально-экономических возможностей. Общей закономерностью в современном обществе является усиление внимания к социальным аспектам деятельности демократического правового государства, к социальным правам личности, к разработке эффективных программ социальной политики и ее реализации. В этом же направлении постепенно, хотя и медленно, развиваются и государства посткоммунистического и постсоветского пространства. Опросы общественного мнения показывают, что первостепенное значение в настоящее время граждане в этих странах придают экономическим и социальным правам.

В части 1 ст. 7 Конституции РФ провозглашено: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Приведенная конституционная формула означает не что иное, как конституционную цель и конституционный принцип, общенациональный проект по реализации конституционной установки о том, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. Положение, содержащееся в части 1 ст. 7 Конституции, находит конкретизацию, развитие и гарантирование в последующих статьях Конституции РФ. К ним можно отнести следующие конституционные установления: достоинство личности охраняется государством (ч. 1 ст. 21); все равны перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); государство гаран-

¹ Заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ в отставке.

тирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного и должностного положения, места жительства и других обстоятельств (ч. 2 ст. 19); мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (ч. 3 ст. 9). В соответствии с ч. 2 ст. 7 Конституции РФ в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (см. также ст. 38–41 Конституции РФ). Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду (ст. 42), на получение бесплатного образования (ст. 43), каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научно-технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44).

Научно-технический прогресс не только приносит человечеству блага, но и связан с последствиями социального или иного характера (рост безработицы, неполная занятость, постоянная необходимость повышения знаний, профессиональной подготовки и др.). Современные государства адаптируются к условиям динамичного развития мировой и национальной экономики, процессов глобализации, оказываются перед необходимостью экономических и социальных реформ. В зарубежных государствах прослеживается тенденция перехода к модели «активного социального государства», приспособлявая его к стремительно развивающемуся технологическому инновационному развитию, к новым вызовам в современном мире. Эти цели непосредственно связаны с возрастанием гуманистических начал социального правового государства, его нравственной направленностью, что позволяет обеспечить возможность самостоятельно решать свою судьбу, в полной мере раскрыть свой творческий потенциал. Господствующие элиты, олигархические кланы не заинтересованы в расширении социальной деятельности государств, а ученые и политики, обслуживающие их, внедряют в общественное сознание мысль, что социальное неравенство — естественное условие, необходимый спутник поддержания и развития рыночной экономики. Однако такая идеологическая установка и политика ведет к замедлению, торможению в развитии экономики, к росту социальных противоречий и катаклизмов, к неустойчивому развитию общества, политической системы общества, к подрыву гражданского мира и согласия. Осознавая это, Евросоюз взял на вооружение теорию и практику поиска гармоничного экономического и социального развития, инвестирования в человеческий капитал, сочетания рыночных отношений с государственной поддержкой слабо защищенных в социальном отношении граждан. Целями такой политики являются обеспечение для всех равенства реальных шансов и возможностей, укрепление социальной солидарности, единение гражданского общества вокруг конституционных ценностей, преодоление социального отчуждения, недо-

пустимого в цивилизованном обществе неравенства, дискриминации, маргинализации части населения. Ставится задача содействовать занятости, бороться с бедностью, примирить социальный прогресс с охраной окружающей среды, быть ответственными перед детьми и молодежью, будущими поколениями. Глобальный финансово-экономический кризис создал большие трудности в поддержании активной социальной политики государств ЕС, что потребовало с их стороны усиления координации и взаимной финансовой и иной помощи. В конечном счете ставится задача перехода от минимальных стандартов социального благополучия к принципу социального качества, универсальной социально-экономической безопасности¹.

Социальное демократическое правовое государство в России — это конституционный, общенациональный проект, для реализации которого необходимы гигантские усилия, совместные действия государства, гражданского общества, бизнеса и всех граждан в течение длительного периода времени. Не все благополучно в социальной практике в Российской Федерации. Государственное и политическое руководство постоянно подчеркивает, что реформы и модернизация — это средство решения давно назревших проблем в экономике и в социальной сфере, имеют своей главной целью улучшение жизни населения, каждого человека. В послании Президента РФ Д. А. Медведева 2010 года в обрисованной им политической стратегии акцент сделан на модернизацию, на переход к качественно новому этапу социальной деятельности российской государственности.

Актуальнейшей, острейшей задачей современной социальной политики и практики остается борьба с бедностью и нищетой многочисленного слоя населения, преодоления резкого различия в имущественном положении. В России расслоение общества на бедных, включая большой слой маргиналов, и богатых, весьма богатых, которые цинично демонстрируют свой праздный образ жизни, превысило предельно допустимые нормы для развитых стран в десятки раз. В результате проведенных «шоковых» реформ их плодами пользуются не более четверти населения страны, а половина населения по-прежнему ведет борьбу за выживание.

В послании Президента РФ Д. А. Медведева 2010 года одной из стратегических целей названа государственная забота и поддержка детей, подростков, молодежи, положение которых не может удовлетворить современное гражданское общество. В России 2 млн подростков неграмотны; уже к первому классу школы сложности со здоровьем выявляются почти у трети детей, отклонения по здоровью имеют две трети подростков; на начало года в очереди в детские сады стояло 1 684 тыс. детей; более 700 тыс. детей

¹ См.: Лукашева Е. А. Европейские модели социального качества: параметры модернизации социального государства // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства : материалы II Междунар. науч.-теоретич. конф. М., 2010. С. 27–42.

являются сиротами; 130 тыс. подростков остаются вне семейной заботы; для 545 тыс. детей-инвалидов не создана соответствующая инфраструктура; в 2009 году от преступных посягательств пострадали более 100 тыс. подростков и школьников.

Президент РФ Д. А. Медведев предложил ряд мер по исправлению негативной ситуации в социальной сфере, в частности в положении детей, подростков и молодежи, предусмотрев включение в этот процесс не только федеральной власти, но и региональных властей и муниципальных образований. Так, он ориентирует региональные и муниципальные власти на предоставление бесплатно молодым и многодетным семьям земельных участков для строительства домов или дач, на развитие программы «Родового сертификата», национального проекта «Здоровье», на использование «материнского капитала» на погашение ипотеки и займов, на установление регионального «материнского капитала», введение налоговых льгот, на реализацию программы реконструкции старых и строительство новых детских садов, на создание семейных детских садов, оказание помощи приемным семьям, на оплату расходов выпускников детских домов за посещение подготовительных курсов в системе высшего и среднего профессионального образования. Местные власти могли бы более активно участвовать в реализации государственной программы «Доступная среда» по созданию инфраструктуры для людей с ограниченными физическими возможностями, в реализации президентской инициативы «Наша новая школа». Приоритеты политики в положении детей, подростков и молодежи — это формирование и развитие ценностей здорового образа жизни, патриотического воспитания (развитие поисковых отрядов, экологических организаций по охране природной среды и др.). В решении названных задач и в реализации социальных программ активную позицию должны занять гражданское общество и бизнес. Необходимо развивать и укреплять частно-государственное партнерство.

Выполнение социальных программ находится в прямой зависимости от поступлений в бюджет, от поисков новых каналов такого поступления. Господствующая государственно-политическая элита, признавая незыблемость проведенной несправедливой, криминализованной приватизации, отрицает всякую возможность национализации ряда отраслей производства, отказывается вводить прогрессивный налог на доходы, получаемые олигархическим капиталом даже в условиях финансового и экономического кризиса, в то время как растет число миллиардеров. Нельзя же серьезно воспринимать слова премьер-министра В. В. Путина, когда он убеждает оппонентов, что практика прогрессивного налога у нас уже была, но она не оправдала себя потому, что налоговая служба плохо работала. В ряде Скандинавских стран, где проводится эффективная социальная политика, налогообложение построено так, чтобы исключить возможность получения сверхприбылей (Норвегия, Швеция). Размер социальных расходов в этих странах сопоставим с объемом ВВП в России и других странах с переходной экономикой.

Правительство увеличивает размеры пенсий, иных социальных пособий на мизерные суммы, но и эти «добавки» сразу же поглощаются ростом цен, инфляцией. Значительная часть пенсий уходит на оплату услуг ЖКХ; пенсионеры, ветераны войны и труда, люди старших поколений, создававших народное богатство, как были в разряде бедных, так ими и остаются. Развитая, сильная экономика позволяет смелее перераспределять доходы, не ущемляя существенно свободу, автономию и права собственников. Экономика в России нестабильна, рост производства незначителен, все еще нет твердой правовой основы либо она не соблюдается. Теневая экономика, мошенничество, коррупция на всех уровнях власти, нецелевое использование и прямое хищение бюджетных средств и многие другие негативные явления и факторы в жизни страны душат нормальное экономическое развитие, не дают возможности сделать ощутимые для всего населения меры социального характера (увеличить зарплаты, установить достойные пенсии, пособия на детей и т. д.). Все еще проблематичным является развитие малого и среднего бизнеса, формирование многочисленного среднего класса.

Важным направлением в социальной сфере является повышение социальной ответственности капитала, укрепление союза государства, предпринимателей, работников и профсоюзов. Большую ошибку допустили авторы Трудового кодекса РФ, отказавшись от социально-правовой категории трудового коллектива, как это было и культивировалось в советское время. Но это не означает, что их фактически нет в организациях и объединениях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, которые одновременно выступают в качестве трудовых коллективов, функционирующих на принципах социального партнерства, социальной солидарности и общественной пользы. При всем различии интересов работодателей и наемных работников у них есть и совпадающие интересы, составляющие основу для формирования трудового коллектива. Устойчивое развитие общества и демократического правового государства без социальных катаклизмов, взрывов и социального напряжения возможно лишь при условии социальной ответственности бизнеса и осуществляющих его работодателей. Работодатели и работники как члены единого трудового коллектива имеют взаимные права и обязанности и взаимную ответственность. Функционирование трудового коллектива, взаимные права и обязанности работодателя и работника регулируются на основе сочетания государственного и договорного начал и обеспечения социального партнерства. Статус члена трудового коллектива является корпоративно-правовым. Работодатели и работники связаны взаимными правами и обязанностями, взаимной ответственностью в их реализации и защите. Трудовой коллектив формируется путем соглашения между работодателем и работниками на основе коллективного договора, с соблюдением принципов социального партнерства. Работ-

ники могут иметь своих представителей в управлении организацией, реализуют право на объединение, включая право на создание профессионального союза. Работодатель и работники создают из своих представителей рабочие органы — комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, по разрешению индивидуальных трудовых споров, примирительные комиссии по разрешению коллективных трудовых споров и др. Необходимо активизировать деятельность профсоюзов в защите социальных прав работников — членов трудовых коллективов, в развитии производственной демократии, в возможной реализации права на забастовку, социального диалога.

Качество политической системы общества является средством и условием качества жизни людей. В государствах с традиционной, устоявшейся демократией развитое гражданское общество стоит на страже социальной справедливости, проявляет заботу о социально незащищенных людях, о создании достойных условий жизни для всех, а не только для избранных. Гражданское общество состоит из свободных объединений людей по интересам (политические партии, общественные объединения, религиозные организации, медийные объединения и информационные системы, организационно-правовые формы гражданской инициативы, семья и др.), которые действуют инициативно в целях обеспечения достойного уровня жизни и свободного развития каждого человека. В России еще не сформировалось надлежащее гражданское общество, не произошла перестройка общественного, группового и индивидуального сознания. В результате отсутствует консолидация общества и государства, а включение институтов гражданского общества в решение социальных задач остается проблематичным. Решение социальных проблем возможно лишь в условиях подлинной демократии, гражданской активности всех социальных слоев и групп общества. Явно просматривается тенденция отчуждения публичной власти от основной массы населения. Миллионы граждан не ходят на выборы, не доверяют организаторам в честности их проведения, в объективности деятельности избирательных комиссий и судов. На последних выборах в представительные (законодательные) органы государственной власти и в органы местного самоуправления за правящую партию (как в советское время!) были прямо пропорциональны использованию «административного ресурса», что вызвало протест представителей других партий и общественности. Президент РФ Д. А. Медведев, выступая по итогам выборов, вместо осуждения такой практики пытался ее защитить, сославшись на небольшое количество жалоб о нарушениях избирательного законодательства в избирательные комиссии и суды, большинство которых было отклонено. Хорошо известно, что о реальном положении дел следует судить не по количеству поступивших жалоб. Необходимо усиление контроля общественности за властью, а в необходимых случаях — давление на власть. Преодоление гражданской индифферентности — одна из

актуальных задач в решении активной социальной политики государства. Возможность отстаивать свои права индивидуально и коллективно — важнейшее средство в решении социальных проблем, воздействию на государственную власть, предотвращении произвола должностных лиц.

Формирование гражданского общества и стимулирование становления институтов демократии на конституционно-правовой основе включает развитие законодательного регулирования данной сферы общественных отношений в целях обеспечения свободы слова, возможности критики публичной власти и ее должностных лиц, установление прозрачных, четких и простых каждодневных отношений государственных органов и граждан, совершенствование системы оказания государственных и муниципальных услуг на новой технологической основе, активное подключение к оказанию социальных услуг некоммерческих организаций. Развитие, политическая конкуренция на выборах в городских округах и муниципальных районах с численностью депутатов не менее 20 человек сделает политические партии ближе к повседневной жизни населения, повысит реальную правовую защищенность гражданского общества от незаконного, произвольного вмешательства государства в деятельность субъектов гражданского общества, в установлении общественного контроля за государственной властью в выполнении ею своих социальных обязательств, в несении ответственности за их невыполнение.

В совершенствовании правового регулирования поддержки, охраны и защиты материнства, детства и семьи, охраны здоровья и оказания медицинской помощи, социального обеспечения и самой правоприменительной практики в направлении его конституционализации положительную роль играет Конституционный Суд РФ, конституционные и уставные суды в субъектах Российской Федерации. Правовую защиту социальных прав осуществляют и суды общей юрисдикции.

Отсутствие либо слабое обеспечение социальных прав деформирует всю систему прав и свобод человека и гражданина, ведет к политической апатичности, к неверию в авторитет и силу государства. Существует и обратная связь. Недостаточная обеспеченность экономических и политических прав и свобод, отсутствие эффективных юридических средств их защиты ведут к снижению уровня реализации социальных прав граждан.

В формировании социального правового государства, в соблюдении, обеспечении и защите социальных прав в России следует учитывать региональные аспекты. Обеспечение и реализация социальных прав граждан зависит от действия как федеральных органов государственной власти, так и органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Регионы в России отличаются (подчас весьма существенно) по социально-экономическим показателям, имеют особенности по национальному и конфессиональному составу, по своим традициям

и обычаям. Многие субъекты Российской Федерации являются дотационными, не имеют достаточной финансовой базы и не могут самостоятельно в должной мере реализовывать общенациональные проекты, федеральные и региональные социальные программы. Жесткая и избыточная централизация в федеративных отношениях ведет к сужению прав субъектов Российской Федерации и прав местного самоуправления, прежде всего в сфере социальных отношений. Во многих случаях передача полномочий по осуществлению социальной политики на уровень субъектов Российской Федерации и местного самоуправления осуществляется без создания соответствующей финансово-экономической основы. В Российской Федерации сложилось крайне неравномерное распределение финансовых ресурсов по регионам. Допускается излишний централизм доходов в вышестоящих бюджетах, а бюджетные средства подчас расходуются неэкономно либо разворовываются. В социальной сфере не изжито издевательство и казнокрадство. В свете социальной политики, определенной посланием Президента РФ Д. А. Медведева 2010 года, необходимо поощрять, а не лишать поддержки регионы, которые добились увеличения собственной доходной базы, и учитывать это при распределении федеральных дотаций, улучшать пропорции распределения доходов между бюджетами разных уровней. В результате таких мер должна повыситься роль регионов и муниципалитетов в решении ключевых социально-экономических задач, в оказании адресной помощи многодетным и молодым семьям, по созданию условий для развития социально уязвимых детей (детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей с ограниченными возможностями здоровья и с девиантным поведением), нуждающимся в повышении профессиональной квалификации, в получении медицинской помощи и т. д. С учетом последствий экономической кризиса необходимо развивать экономическую самостоятельность слаборазвитых и депрессивных, но перспективных регионов, богатых природными ресурсами (например, в развитии туризма, сельскохозяйственного производства и др.).

Как показали выступления на международной научно-практической конференции на тему «Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации прав человека на Северном Кавказе», состоявшейся 18–21 ноября 2010 года в г. Пятигорске, федеральную власть и общественность тревожит положение на Северном Кавказе, в особенности всплеск насилия, террористические акты, проявления экстремизма, убийства сотрудников милиции и других правоохранительных органов, должностных лиц органов публичной власти, активизация бандформирований, безудержная коррупция, безработица, особенно среди молодежи, клановость в организации государственной власти и местного самоуправления, сращивание власти с криминалом, межэтническая напряженность, отток русского населения. По большинству социально-экономических показателей республики Северного Кавказа стоят на последнем месте среди других субъек-

тов Российской Федерации. Более 65 % населения имеют денежные доходы ниже прожиточного уровня. Уход молодежи в бандформирования обусловлен их социальными проблемами, отсутствием перспектив трудоустройства, коррупцией в бизнесе, невозможностью в реализации многих прав и свобод личности. Все это вызывает отторжение населения от власти, ненависть молодых людей к правящей этноклановой политической элите. Сегодня первоочередными задачами в субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе являются повышение экономической самостоятельности, разрешение социально-экономических, межэтнических и межконфессиональных противоречий. В некоторых субъектах Северо-Кавказского федерального округа требуют более пристального внимания проблемы по регулированию, обеспечению и защите прав коренных малочисленных народов (их 47, по признанию Правительства РФ), постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство и занимающихся традиционными промыслами.

Развертыванию демократического потенциала федерализма и местного самоуправления, обеспечению и реализации прав и свобод граждан должно способствовать образование Северо-Кавказского федерального округа, режим постоянного диалога органов государственной власти, региональных и местных сообществ (региональные отделения политических партий, национально-культурные автономии, региональные общественные палаты и гражданские форумы), деятельность региональных уполномоченных по правам человека, конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации, активное участие субъектов Российской Федерации в законотворческом процессе на федеральном уровне¹.

В послании Президента РФ Д. А. Медведева 2010 года в центре внимания поставлен человек, сознание которого должно быть адекватным модернизационным процессам в обществе и государстве. Исключительно важным является формирование гуманистического, цивилизационного мировоззрения, общегосударственного и регионального патриотизма в противовес национализму и сепаратизму, верности конституционным идеалам и ценностям.

Изучение опыта зарубежных государств в области социальной политики и практики его использования с учетом особенностей и своеобразия российской действительности является важной задачей органов публичной власти и отечественной науки. Следует приветствовать идею Президента РФ Д. А. Медведева о соглашении между Россией и Евросоюзом «Партнерство для модернизации», возможное содержание которого он охарактеризовал в Послании Федеральному Собранию 2010 года.

¹ См.: Кабышев В. Т., Заметина Т. В., Пихов А. Х. Конституционно-правовые вопросы модернизации федеративных отношений на Северном Кавказе // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2010. Вып. 11. С. 145–182.

Ф. Б. Власов¹

ИДЕОЛОГИЯ СОГЛАСИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Концепция социального правового государства является несомненным достижением мирового культурного прогресса. Однако пока она получила свое практическое воплощение в относительно небольшой группе стран. Это, прежде всего, ведущие западноевропейские страны, где собственно и зарождались, крепились, распространялись основополагающие представления о социальном правовом государстве. Говоря иначе, свое наиболее полное воплощение эти представления получили там, где они стали результатом многовековой эволюции политической и общественной мысли. Там же, где эти идеи предстают как чужеродный, привнесенный извне элемент, результаты их реализации иначе как плачевными не назовешь.

Показателен в этом отношении пример России. В Конституции российское государство провозглашается правовым и социальным. Однако факты реальной жизни дают все основания усомниться в этом. В действительности пока ни один из трех общепризнанных компонентов правового государства — ни гуманитарный, ни нормативный, ни институциональный — не реализован в России в достаточной степени.

Схожая ситуация и с реализацией концепции социального государства. В стране принято много законов, направленных на защиту социально-экономических прав граждан и обеспечение их социальной защищенности. Однако уровень социальных гарантий удручающе низок. Продолжает углубляться социальное неравенство. Все говорит о том, что в условиях современной России социальное государство остается преимущественно декларацией, а не свершившимся фактом.

Причин такого положения немало. Одной из них является состояние общественного сознания. Сравнивая ситуацию в России с ситуацией в странах, принимаемых нами в качестве эталона, обнаруживаешь, что в каждой из них достигнуто общественное согласие относительно базовых ценностей, допустимых рамок диалога, способов разрешения конфликтов. Подчеркнем, что это согласие касается не только необходимости соблюдать закон как таковой, оно распространяется на основополагающие жизненные ценности, включая понимание социальной справедливости. В свою очередь, это гарантирует единство мировосприятия и, будучи воплощено в соответствующих законодательных актах, обеспечивает эффективное согласование экономических интересов основных социальных групп. В этих условиях отсутствуют сколько-нибудь значимые социальные и экономические причины для массовых нарушений закона. Поэтому утвердившееся в ука-

занных странах мировоззрение можно с полным основанием характеризовать как идеологию согласия. Важно отметить, что одной из ключевых ценностей такой идеологии является социальная ответственность. Без нее общественное согласие просто невозможно.

К сожалению, в современной России сохраняется принципиально иная ситуация. Как показал Ж. Т. Тощенко, российское общественное сознание сегодня расколото². Это означает, что по ключевым вопросам мировоззренческого характера россияне занимают взаимоисключающие позиции. Нередко число сторонников прямо противоположных точек зрения делится почти поровну.

Данный вывод имеет прямое отношение к оценке перспектив практической реализации в России концепции социального правового государства. Мировоззренческий раскол означает, что россияне по-разному воспринимают справедливость тех законов, по которым мы сегодня живем, а это создает благоприятную почву для их систематического и массового нарушения.

Мировоззренческое противостояние отражает социально-экономические реалии современной России, прежде всего нарастающее социальное расслоение. Формальное равенство перед законом в российских условиях оборачивается фактическим неравенством возможностей реализовать свой трудовой потенциал и получать законное вознаграждение, соответствующее квалификации и результатам труда. Такое положение обусловлено не отсутствием трудолюбия или таланта у миллионов людей, а существующими общественными условиями. И оно сохраняется на протяжении всего периода либеральной модернизации. Поэтому продолжающееся навязывание обществу либеральных догм служит препятствием к достижению общественного согласия. В этих условиях перспективы практической реализации в России концепции социального правового государства выглядят весьма туманно.

Своеобразие российской специфики состоит еще и в том, что у нас сторонники либеральной идеологии в своей массе понимают ее как отрицание социальной ответственности. Это отрицание выразилось в правовом нигилизме правящей бюрократии, в ее стремлении максимально освободить себя от решения экономических и социальных проблем, переложив их на рынок и незрелое гражданское общество.

В российском варианте либеральной доктрины много отступлений от стандартов, принятых в странах с давними традициями либеральной демократии.

¹ Профессор кафедры экономической теории и управления персоналом Государственного университета — Учебно-научно-производственного комплекса (Орел), доктор экономических наук.

² Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания — угроза преобразованию России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru>

Очевидным рецидивом уравниловки советской поры стала пресловутая «плоская шкала» налога на доходы физических лиц. Какие бы аргументы ни приводили в пользу этого решения, они не могут скрыть стремления правящей элиты минимизировать свои социальные обязательства. Живучесть подобных рецидивов свидетельствует о культурной отсталости тех, кто взялся пересаживать на российскую почву зарубежные модели либерального толка. В преодолении этой отсталости свою положительную роль призвана сыграть глобализация. К сожалению, пока в ходе диалога культур отечественные «законодатели мод» усваивают, главным образом, внешние приметы западной либеральной культуры. Задача же состоит в том, что-

бы усвоить ее глубинные достижения, перенять такие выработанные этой культурой навыки, как умение обуздывать свои эгоизм и алчность, быть терпимыми к иному мнению, воспринимать аргументы своих оппонентов, учитывать их интересы, добиваться взаимоприемлемых решений. Только при этом условии возможно сближение мировоззренческих позиций, поиск на этой основе компромиссов, формирование, в конечном счете, некоей системы ценностей, способной сплотить российское общество. Это и станет для нас искомым идеологией согласия. Только такая идеология и способна сыграть роль институциональной основы подлинно социального правового государства.

В. Г. Ганшин¹

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КИТАЯ

Введение

Термин «гражданское общество» стал в последние годы одним из наиболее популярных в лексиконе политологов и политиков. Одни видят в нем панацею от всех бед глобализованного мира, другие, напротив, полагают, что гражданское общество само есть продукт более тесных мировых связей. Если добавить к этому, что и в теоретическом определении этого феномена нет единства, можно представить, насколько эфемерную субстанцию предполагают исследовать те, кто берется за ее изучение. Тем не менее объект исследования существует. Более того, занимаемый им плацдарм постоянно расширяется. К ставшим уже «классическими» обществам западного толка приближаются государства Азии, Африки, Латинской Америки. Особенно «поспешают» в этом смысле страны, именуемые известной аббревиатурой БРИК, среди которых, правда, Россия отнюдь не выглядит передовой державой. Пальма первенства (по количеству и качеству) в формировании гражданских институтов, как и во многих других областях, здесь принадлежит Китайской Народной Республике.

Китайская «специфика»

Гражданское общество (его элементы) в Китае имеет давнюю историю², однако в современном понимании его формирование следует отнести к периоду регулирования и преобразования отношений между государством, рынком и обществом, под воздействием тех кардинальных перемен, которые начались в Китае с декабря 1978 года, и принятия страной политики реформы и открытости внешнему миру. С одной стороны, тотальное вмешательство государства в условиях мирного развития не доказа-

ло своей универсальности, с другой — и рынок дал примеры неуправляемых катаклизмов и кризисов.

По мнению китайских ученых, эволюция отношений между государством и обществом в Китае в новейшее время, то есть начиная с 1949 года, прошла четыре основные стадии³. Это прежде всего тотальное интегрирование общества со стороны государства после образования КНР на основе структур, состоящих из отдельных единиц, и посредством административной системы. Затем — появление индивидуального пространства и возрождение общественных объединений с начала перехода к реформе и открытости и до 1989 года. Затем, с 1989 года и по середину и конец 1990-х годов, — дальнейшее расширение экономического пространства по инициативе государства и относительное сокращение пространства социального. И, наконец, с середины и конца 1990-х годов и по настоящее время — полное развитие гражданского общества, характеризующееся развитием плюрализма и институционализации организаций гражданского общества.

В принципе, как и везде, развитие гражданского общества представляет собой процесс постепенного ухода (добровольного или вынужденного) всемогущего государства из рыночной и во многом социальной сферы⁴. И в современном Китае мы видим те же движущие причины. Однако при всей схожести сценариев зарождения гражданского общества в Китае и в других странах, особенно уже прошедших этот путь, существуют и немалые отличия.

Говоря о специфике процесса формирования китайского варианта гражданского общества, Цзя Сицзинь, один из ведущих в стране исследователей этой проблемы, преподаватель Пекинского университета, выделяет следующие наиболее харак-

¹ Руководитель Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук.

² Более подробно на эту тему см.: *Костяева А. С.* Тайные общества Китая первой четверти XX века. М., 1995; *Тайные общества в старом Китае* / отв. ред. В. П. Илюшечкин. М.: Наука, 1970.

³ Китайско-российский форум: сопоставительный анализ проблем социально-экономического развития Китая и России. Пекин, 2001.

⁴ Подробнее об истории зарождения и развития гражданского общества в Китае см.: *Ганшин В. Г.* Китай и его соседи. На пути к гражданскому обществу. М., 2004; *Он же.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007.

терные, по его мнению, особенности. Во-первых, китайское гражданское общество возникло в том пространстве, которое отвело ему государство. Во-вторых, из-за отсутствия институциональных гарантий основных полномочий и прав гражданское общество мигрирует в пределах, открыто или молчаливо допускаемых государством. Пространство это и степень развития общества непрерывно изменяются вслед за переменами в действиях правительства. В-третьих, формирование китайского гражданского общества шло по двум линиям: по линии той социальной сферы, которая непосредственно отводилась ему государством, и по линии того социального пространства, которое образовывалось внутри ранее развившейся системы рыночной экономики. Из обеих этих линий, давших начало гражданскому обществу, одна идет сверху вниз, а другая — снизу вверх. В-четвертых, двойственная структура государственно-социальных отношений в Китае являет собой модель эволюции кооперативизма.

Соответствующим образом проявляется и роль китайского гражданского общества в области политической реформы. Оно стимулирует и наращивает организационный фундамент социального самоуправления, способствует постепенному переходу власти от унитарного господства правительства к модели более плюралистического управления, наконец, «выращивает» основы гражданского самосознания в интересах политической системы демократии. Хотя, по признанию китайских специалистов в этой области, ряд структурных особенностей китайского гражданского общества предопределяют его слабость, нестабильность, институциональную неразвитость и незавершенность и весьма скромную роль в политическом развитии страны.

Институты гражданского общества

Как уже отмечалось, в современном Китае формирование гражданской политики является производным от процесса разгосударствления, ориентированного на рынок. Происходит рост самостоятельности отдельных граждан, передача известной доли власти от государства нижестоящим звеньям порождает относительно независимое и демократическое общество. Составляющие его элементы в виде классов, групп населения, слоев и страт стремятся своими силами реализовывать корпоративные интересы, объединяясь в ассоциации, сообщества, союзы. Вместе с тем государство, передавая часть своих функций обществу, продолжает «держат под контролем» процесс развития гражданских инициатив. Это тоже одна из характерных особенностей формирования гражданского общества в КНР. Власть буквально культивирует создание неправительственных организаций, стремясь посредством НГО¹ привлекать для работы в них людей, не нашедших себя в официальных структурах, предоставить

¹ В Китае принята аббревиатура NGO — от английского «non-governmental organization». Всего же в специальной литературе существует более 40 различных наименований неправительственных, некоммерческих организаций.

им шанс участия в реформах и управлении, высказывать свои соображения.

Начало реформ породило возникновение новых неправительственных организаций, в том числе и таких, которые приобретали новые структурные и смысловые характеристики. Так, из «чистых» неправительственных объединений они превращались в вполне независимые, даже по западным меркам, организации. Наиболее яркий пример — реализация вполне состоявшегося проекта «Надежда», разработанного и внедренного Фондом развития китайской молодежи (поддерживаемого государством и на базе китайского комсомола) с целью помочь в получении образования детям из сельских районов.

Значительный перелом произошел в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда на сцену активной общественной жизни стали выходить «настоящие» НГО. Одним из признаков их независимости от власти и соответствия западным критериям служит, по мнению весьма уважаемого и авторитетного специалиста в этой области, профессора Университета Дж. Хопкинса Л. Саламона, их юридический статус: наличие регистрации в Министерстве гражданской администрации².

Говоря о китайских неправительственных организациях, следует особо подчеркнуть: их создание, развитие и функционирование носит во многом уникальный характер. Являясь в значительной степени «продуктом» национальных реформ, неправительственные общественные организации, естественно, содержат в себе многие характерные черты переходного периода. Прежде всего, это достаточно жесткий контроль над ними со стороны властей. В первую очередь это относится к их политической ориентации. Такая позиция руководства страны позволяет ему практически полностью контролировать процесс институционализации гражданских инициатив. Более того, массивная разъяснительная работа, которую ведут партийные органы, приводит к тому, что многие вновь возникающие объединения предпочитают сотрудничать с властью, нежели оппонировать ей. Пожалуй, в этом заключается основное отличие китайских общественных организаций от большинства аналогов в других странах.

Можно с известной долей уверенности предполагать, что у руководства Китая пока что нет однозначной оценки в отношении национальных НГО и их практической деятельности. С ростом социальных проблем (безработица, «старение» населения, рост нетрудоспособных членов общества, сельская миграция) оно надеется, что НГО смогут сыграть более активную роль при оказании социальной помощи и в улучшении благосостояния населения.

Выводы

1) Нарращивание комплексной мощи КНР, постепенное решение социальных задач, рост благосостояния населения и расширение рамок среднего класса — основы любого гражданского общества, показы-

² Baltimore: Center for Civil Society Studies / eds.: L. Salamon, H. K. Anheier [et al.]. URL: <http://www.jhu.edu/~ccss/pubs/books/gcs/pdf>

вающие закономерности формирования гражданского общества в Китае, постепенное сокращение сферы деятельности партии и государства.

2) Организационное укрепление гражданских институтов в КНР происходит при жестком контроле партийно-государственной элиты. «Гласность погорбачевски» и антигосударственная правозащитная деятельность — абсолютно неприемлемые формы выражения гражданских интересов.

3) Государство будет и впредь содействовать деятельности таких гражданских институтов, которые,

с одной стороны, готовы взять на себя часть бремени в реализации социальных ожиданий населения, с другой — обеспечивают людям подъем вверх на социальном лифте, поддерживая стабильность и порядок в обществе в целом.

В этой связи попытки КПК урегулирования отношений с неправительственными организациями представляются не конъюнктурным маневрированием ради сохранения власти и удержания в повиновении населения, но стремлением найти свою нишу в новых исторических условиях.

В. Г. Графский¹

О ПРАВЕ НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА СУЩЕСТВОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ (Из истории идеи)

Потребность и непреходящая забота о достойном существовании и, соответственно, достойном обращении зафиксирована в обычаях и узаконениях многих народов с незапамятных времен. Поскольку первые узаконения в государственно-организованном и государственно-сплоченном обществе, как и многие существовавшие до них правовые обычаи, представляли в виде морально-нравственных наставлений, то наиболее известными правилами такого рода можно считать ветхозаветные 10 заповедей.

Среди них обращает на себя внимание своей бесспорной социальной оправданностью заповедь о почитании родителей: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...» (Исх. 20: 12). Столь же хорошо известны и наказания за нарушение этой заповеди, которая была одновременно правилом должного поведения. Наказания были понятными, доступными, четко определенными и крайне суровыми. Именно по этим причинам они, по всей вероятности, оказались наиболее действенными в деле предупреждения и смягчения недобрых отношений в семье и за ее пределами.

Право на достойное человека существование в своей собственно юридической составляющей предполагает отлаженную защиту и охрану определенных человеческих благ и интересов, при этом общепризнанный статус этих благ и интересов всегда был высоким и размещался на самом верхнем уровне иерархии ценностей, то есть существующей ие-

рархии норм и ценностей религиозных, моральных, нравственных и связанных с ними правовых.

В этом смысле нетрудно обнаружить и уяснить наличие преемственной связи современного представления о праве на достойное существование с очень отдаленными по историческому измерению идеями и узаконениями. Обратимся за иллюстрацией к положениям средневекового императорского судебника, известного под названием Каролина (1532). В разделе «О судьях, судебных заседателях и судебных чиновниках» император Карл V, от имени которого составлено уложение, торжественно и «гласно объявлял»: «Итак, прежде всего мы постановляем, повелеваем и желаем, чтобы... уголовные суды были устроены наилучшим образом и никому не причиняли неправды, ибо сим *важным делам, касающимся чести, тела жизни и имущества человека*, подобает ревностное и предусмотрительное усердие» (пер. С. Я. Булатова, курсив мой. — В. Г.). Высшим благом человека, защищаемого от «причинения неправды» и охраняемого законом во имя обеспечения «общего блага», было совокупное достоинство человека — его жизнь, здоровье, а также честь и собственность.

Пройдет немало времени, прежде чем это же человеческое достоинство будет названо естественными и неотчуждаемыми правами человека и получит несколько иное терминологическое оформление. В конце XVII века Джон Локк увековечит это достоинство в виде формулы о триаде естественных прав человека (*жизнь, свобода, собственность*), а в 1776 году Томас Джефферсон попытается уточнить ее как триаду естественных и неотчуждаемых прав человека в виде *права на жизнь, свободу и стремление к счастью*, которые к тому же пребывают в понятной взаимосвязи с «самоочевидной истиной, что *все люди сотворены равными*».

Формула «право на достойное человека существование» является изобретением конца XIX столетия и становится общественно значимой благодаря усилиям двух выдающихся мыслителей — Георга Еллинека в Германии и Владимира Соловьева в России. Для немецкого философа достойное существо-

¹ Заведующий Сектором истории права и государства Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Федерализм в развивающихся странах»; «Государство и технократия: историко-критическое исследование»; «Бакунин: из истории политической и правовой мысли»; «Политические и правовые взгляды русских народников» и др.; учебников: «История политических и правовых учений»; «Всеобщая история права и государства» и др. Ряд работ переведен на иностранные языки. Член редколлегии журнала «Государство и право». Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ по праву и политологии, координатор Экспертного совета отдела философии, социологии, правоведения, политологии и науковедения Российского гуманитарного научного фонда.

вание человека как гражданина определенного государства взаимосвязано с наличием определенных нравственных условий. Исходя из этих соображений он ставит и обсуждает вопрос о необходимом минимуме условий для выживания общества. Он уточняет толкование права указанием на его взаимосвязь с нравственностью и фиксирует ее формулой «право есть не что иное, как этический минимум», который необходим для выживания общества и для проявлений соответствующих нравственных настроений.

Сам термин «минимум», толкуемый как «минимум жизнедеятельности» (*Existenzminimum*), был взят из обихода экономистов, где он означал обязательный минимум материальных средств для выживания общества, без которого оно распадается, умирает. Точно такое же назначение у конструкции права как минимума минимума нравственной жизнедеятельности. Право, будучи воплощением минимальных нравственных и полноразмерных законных требований, обеспечивает выживание общества созданием внутренней убежденности сограждан в необходимости такого сочетания права и нравственности, что в свою очередь благотворно воздействует на эффективность действия самого права¹.

Достойное существование предполагает наличие необходимых и достаточных условий для пользования многими и разными правами, признаваемыми необходимыми человеку в его частной и в известных пределах в общественной и политической жизни. Уже упомянутые ранее формулировки прав человека в трудах философов и публицистов XVIII века относятся к разряду азбучных истин теории естественного права и естественных прав человека. Обсуждались они и в рамках теоретической юриспруденции.

Однако, как полагал Г. Еллинек, естественно-правовой юриспруденции этого периода не доставало более глубокого понимания различных социальных сил, воздействующих на право. Она, прежде всего, не вполне уяснила себе, как бессильно было бы право, если бы оно, будучи поддержано принуждением, ничем кроме средств внешнего государственного принуждения не располагало. На примере церковного права уже давно было продемонстрировано, что правопорядок может быть гарантирован средствами иными, чем те, которые обычно объединяются под понятием правового принуждения. Естественно-правовое мировосприятие признавало принуждение в вопросах совести, но противопоставляло его правовому принуждению как принуждению внешнему; все то, что гарантировалось только принуждением этого последнего рода, оно не признавало правом.

Эта давняя по происхождению теория — и вплоть до новейших ее модификаций — упускает из виду, что кроме государства существуют еще и другие социальные силы, которые предстают надежными гарантиями соблюдения норм права. То неорганизованное давление, которое производят на индивида и общество общепризнанные социальные нравы, особые правила приличия в поведении определен-

ных общественных классов и профессий, конфессиональные союзы, пресса и литература, гораздо сильнее, чем сознательное, осуществляемое государством принуждение. Негосударственные гарантии сами по себе, без государственного принуждения, не были бы достаточными для охранения правопорядка. В то же время с прекращением давления со стороны указанных социальных сил разрушился бы сам правопорядок, ибо законное государственное принуждение является в известном смысле всего лишь элементом, служащим для необходимого подкрепления внесударственных гарантий пользования правами².

Подход Владимира Соловьева был несколько иным. Право на достойное существование он рассмотрел в другой иерархии ценностей — прежде всего в иерархии ценностей духовных, связанных с перспективой нравственного совершенствования человека.

Центральным вопросом в обсуждении права на достойное человека существование для Соловьева стал вопрос о характере взаимоотношений права и нравственности и роли права в нравственном совершенствовании человека, в том числе роли присущей правовому общению традиции принудительного осуществления необходимых правил и требований. По словам философа, правом при поддержке государства обусловлена действительная организация нравственной жизни в целом человечестве, и при отрицательном отношении к праву, как таковому, нравственная проповедь, лишенная объективных средств и опор в чуждой ей реальной среде, осталась бы в лучшем случае только *невинным пустословием*, а само право, с другой стороны, при полном отделении своих формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов и целей потеряло бы свое безусловное основание и, в сущности, ничем уже более не отличалось бы от произвола.

Обращает Соловьев внимание и на словесное оформление термина «право» — право «на всех языках» непреложно свидетельствует о коренной, внутренней связи этих двух идей: принудительного осуществления необходимых правил и нравственно-должного наполнения. «Понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения. Всякому понятны и никем не будут оспариваться такие этические утверждения: я сознаю свою *обязанность* воздерживаться от всего постыдного, или, что то же, признаю за человеческим достоинством (в моем лице) *право* на мое уважение; я *обязан* по мере сил помогать своим ближним и служить общему благу, т. е. мои ближние и целое общество имеет *право* на мою помощь и службу; наконец, я *обязан* согласовать свою волю с тем, что считаю безусловно-высшим, или, другими словами, это безусловно-высшее имеет *право* на религиозное отношение с моей стороны (на чем первоначально и основано всякое богопочитание)». Общий вывод философа такой: нет тако-

¹ Еллинек Г. Социально-этическое назначение права, несправды и наказания. М., 1910. С. 48.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2001. С. 335.

го нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в терминах правовых¹.

Отсюда не следует, конечно, что сферы права и нравственности совпали одна с другою и что можно не только сблизить, но смешивать этические и юридические понятия. Неоспоримо только то, разъяснял свою позицию Соловьев, что между этими двумя областями есть положительное и тесное, внутреннее отношение, не позволяющее отрицать одну из них во имя другой.

И нравственный, и юридический законы относятся, собственно, к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берет эту волю в ее общности и всецелости, а второй — лишь в ее частичной реализации по отношению к известным внешним фактам, составляющим собственный интерес права, каковы неприкосновенность жизни и имущества всякого человека и т. д.

С точки зрения юридической важно именно объективное выражение нашей воли в совершении или недопущении известных деяний. Это есть другой существенный признак права, и если оно первоначально определилось как некоторый минимум нравственности, то, дополняя это определение, мы можем сказать, утверждал Соловьев, что право есть требование *реализации* этого минимума, то есть *осуществления определенного минимального добра*, или, что то же, действительного устранения известной доли зла, тогда как интерес собственно нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческом.

Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но человек не может существовать, а следовательно, и развивать свою свободу и нравственность иначе, как в обществе. Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались, но для этого необходимо существование общества. Однако общество не может существовать, если всякому желающему предоставляется беспрепятственно убивать и грабить своих ближних; следовательно, принудительный закон, действительно не допускающий злую волю до таких крайних проявлений, разрушающих общество, есть *необходимое условие нравственного совершенствования* и, как такое, *требуется самим нравственным началом*, хотя и не есть его прямое выражение.

Требование личной свободы, чтобы оно могло осуществиться, уже предполагает стеснение этой свободы в той мере, в какой она в данном состоянии человечества несовместима с существованием общества или общим благом. Эти два интереса, противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, в действительности сходятся между собою. «Из их встречи рождается право»².

¹ См.: Соловьев В. Право и нравственность (1899). Минск, 2001. С. 22–44.

² Там же. С. 30, 35–39.

Принцип права может рассматриваться отвлеченно; и тогда он есть лишь прямое выражение справедливости. Но в понятии права непременно заключается элемент объективный, или требование реализации: необходимо, чтобы право имело силу всегда осуществляться, то есть чтобы свобода других, независимо от моего субъективного ее признания, то есть от моей личной справедливости, всегда могла на деле ограничивать мою свободу в равных пределах со всеми. «Это требование справедливости принудительной привносится из идеи общего блага или общественного интереса, или — что то же — интереса реализации добра, для чего непременно нужно, чтобы справедливость была действительным фактом, а не идеей только. Степень и способы этой реализации зависят, конечно, от состояния нравственного сознания в данном обществе и от других исторических условий. Таким образом, право естественное становится правом положительным и формулируется с этой точки зрения так: *право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов — личной свободы и общего блага*».

Свобода каждого человека или его «естественное право жить и совершенствоваться» было бы пустым словом, если бы они зависели от произвола всякого другого человека, которому захочется убить или искалечить своего ближнего или отнять у него средства к существованию. И если мы имеем нравственное право отстаивать свою свободу и безопасность от покушения чужой злой воли, то помогать в этом отношении другим есть наша нравственная обязанность; «эта общая всем обязанность и исполняется в пользу всех законом уголовным».

Но правовое принуждение в этой области, ограждая свободу мирных людей, оставляет достаточный простор и для действия злых наклонностей и не принуждает никого быть добродетельным. Злобный человек может, если хочет, проявлять свою злобу в злословии, интригах, клеветах, ссорах и т. д. Только тогда, когда злая воля, покушаясь на «объективные публичные права ближних», грозит безопасности самого общества, тогда только интерес общего блага, совпадающий с интересом свободы мирных граждан, должен ограничить свободу зла. Право в интересе свободы дозволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать *злодеем*, опасным для самого существования общества. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — *до времени* не превратился в ад». Такой преждевременный ад грозил и еще до некоторой степени грозит человечеству *с двух сторон*. Так как нормальное, то есть «безопасно и достойно существующее и совершенствующееся», общество обусловлено «правильным равновесием личного и собирательного интереса», то пагубные для общества отклонения от безопасного и достойного бытия могут быть основаны или на перевесе силы у личных произволов, разрываю-

щих общественную солидарность, или, напротив, на перевесе силы у общественной опеки, подавляющей личность, — «первая аномалия грозит гжучим адом анархий, вторая — ледяным адом деспотизма, то есть той же анархии, того же произвола, только сосредоточенного, стянутого и давящего извне»¹.

Разумеется, в исторической действительности «равновесие между свободными личными силами и собирательной силой общественной организации является подвижным и колеблющимся, слагающимся из множества частных нарушений и восстановлений».

Защита жизни и имущества всех от посягательств внешних и внутренних врагов и затем «обеспечение всем необходимой помощи», образовательной, санитарной, продовольственной, со всем, что этому служит (пути сообщения, почта и т. д.), — вот «*практическое добро*», которое может и должно осуществляться организованной силой общества, неизбежно налагающей для этого на частных лиц определенные ограничения, или «повинности». Основное свойство того добра, которое обусловлено правовой общественной организацией, есть не принудительность (что есть лишь возможное следствие), а общепонятная *объективность задачи*. Важно, прежде всего, чтобы известные вещи фактически *были* и чтобы известных вещей фактически *не было*. Важно, чтобы надежной *была защита* от внешних врагов, важно, чтобы они не жгли и не разоряли сел и городов; важно, чтобы лихие люди не убивали и не грабили прохожих; «*важно, чтобы население не вымирало от болезней; важно, чтобы были для всех доступные школьные условия умственного образования и просвещения*».

Эти рассуждения философа подготавливают восприятие права на достойное существование как своего рода современную модификацию одного из естественных прав человека, признаваемого также и правом положительным, то есть законодательством того или иного современного государства.

«Естественное право есть та алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права». Естественное право сводится всецело к двум факторам — свободе и равенству, то есть оно, собственно, и являет собой «*общую алгебраическую формулу*» всякого права, его рациональную (разумную) сущность. Свобода есть необходимый субстрат, а равенство — его необходимая формула. Цель нормального общества и права составляет общественное благо. Эта цель есть общая, а не коллективная только (не сумма отдельных целей). Эта общая цель по существу своему внутренне соединяет всех и каждого. Соединение всех и каждого происходит при этом благодаря солидарным действиям в достижении общей цели. Право стремится осуществить справедливость, но стремление это — лишь общая тенденция, «логос» и смысл права².

¹ Соловьев В. Указ. соч. С. 42.

² Там же. С. 19.

Право положительное лишь воплощает и реализует (иногда не вполне совершенно) в конкретные формы эту общую тенденцию. Право (справедливость) пребывает в таком соотношении с религиозной моралью (любовью к ближнему своему), в каком пребывают государство и церковь. При этом любовь к ближнему другому есть нравственный принцип церкви, а справедливость есть нравственный принцип государства. Право в отличие от «норм любви, религии» предполагает принудительное требование реализации минимального добра. Существенной является комплексность философской характеристики права как воплощенного этического минимума и как необходимого атрибута достойного человеческого существования. В наборе прав человека право на достойное существование — одно из центральных.

«Требуется, — разъяснял русский философ, — чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию и достаточный физический отдых, но чтобы он мог также пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования». В обсуждении этого фундаментального права философ употребляет следующие уточняющие характеристики: право человека на достойное существование; одно из основных общечеловеческих прав. Главная особенность философского учения о праве на достойное человека существование Соловьева заключена в его соподчинении идее общего блага и личной свободы.

В современном законодательстве право на достойное человеческое существование впервые наиболее отчетливо было зафиксировано в тексте Веймарской конституции 1919 года. Это было сделано в ст. 151 в такой формулировке: «Строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости, имея целью гарантировать для всех достойное человека существование. В этих пределах надлежит обеспечить хозяйственную свободу отдельной личности. Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, которым грозит опасность или ради высших требований общего блага».

Это принципиальное положение дополняется еще одним важным конституционным требованием: «Собственность обязывает. Пользование ею должно быть в то же время служением общему благу» (ст. 153). В ныне действующей конституции (1949) это право предполагается, по всей видимости, наличествующим правилом в процессе претворения общего конституционного принципа о защите и соблюдении человеческого достоинства. «Достоинство человека неприкосновенно. Соблюдать и защищать его является обязанностью всей государственной власти» (ст. 1).

В российской Конституции 1993 года это право отчетливо не фиксируется, провозглашается лишь общий принцип о политике по созданию условий, обеспечивающих человеку достойную жизнь. «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Таким образом, право на до-

стойное человека существование имеет признание в современных конституциях, но не существует в виде действующего субъективного права. Поскольку действующее право обладает рядом вполне определенных и наличествующих в общественной практике правил-требований и процедурных действий. Как пояснял Еллинек, необходимым признаком всякого права является то, что оно есть право действующее: «Правоположение только тогда представляет составную часть правопорядка, когда оно действует, — право, уже не действующее или долженствующее еще превратиться в действующее, не есть право в истинном значении этого слова». Норма действует, если она обладает способностью вли-

ять в качестве мотива, определять волю. Конечным же источником этой способности служит убеждение в том, что мы обязаны следовать этой норме. «Положительность права», как и положительность гарантирующих его пользование закона и режима законности в конечном результате основана на убеждении в том, что это есть право действующее. «На этом чисто субъективном элементе построен весь правопорядок»¹.

Таким образом, право на достойное человека существование, признаваемое концептуально и доктринально, все еще ждет своего институционального и гарантированного процедурного оформления и закрепления.

В. В. Ершов²

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации одной из важнейших юридических теоретических и практических проблем, прежде всего связанной с государственным суверенитетом, является соотношение международного и внутригосударственного права. В зарубежной и российской специальной литературе, как правило, выделяют два традиционных свойства государственного суверенитета: верховенство государственной власти по отношению к другим социальным властям внутри страны и независимость государства по отношению к другим государствам во вне³. Категорию «суверенитет» в XVI веке выделил Ж. Боден как «суверенитет, данный государю» для «осуществления суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится

в их общем владении»⁴. В дальнейшем суверенитет стал рассматриваться как один из основных признаков собственно государства⁵.

Характерно, что еще Ж. Боден понимал практическую невозможность установления и реализации абсолютного суверенитета, подчеркивая объективное существование его определенных пределов. «Абсолютная власть государей и суверенных властителей, — разъяснял Ж. Боден, — никоим образом не распространяется на законы Бога и природы»⁶. В конце XIX — начале XX века Г. Еллинек, проанализировав исторический опыт европейских государств, пришел к убедительным выводам: 1) «суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория»; 2) история «неопровержимо показывает, что государства, которые теперь считаются издавна суверенными, никогда не имели такого характера»⁷ (курсив мой. — В. Е.). Г. Кельзен в середине XX века, соглашаясь и развивая положение об относительности государственного суверенитета, справедливо подчеркивал: абсолютный суверенитет одного государства с неизбежностью «исключает суверенитет любого другого государства»⁸. Наконец, уже в начале XXI века М. Н. Марченко обоснованно констатировал: в дальнейшем в «...теоретическом и практическом плане суверенитет все больше эволюционировал от абсолютного суверенитета (хотя и в номинальном виде) к относительному...»⁹ Таким образом, возможно сделать вывод: начиная

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 335.

² Ректор Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы РФ. Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Председатель экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи при Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Член Совета Московского областного отделения Ассоциации юристов России. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права»; «Статус суда в правовом государстве»; «Теоретические и практические проблемы применения трудового права»; «Судебное правоприменение»; «Трудовой договор» и др. Член редакционных советов журналов: «Российское правосудие», «Российский судья», «Российская юстиция», «Права человека», «Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение». Награжден медалями имени Анатолия Кони, «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени, «За заслуги перед судебной системой РФ» I степени, почетным знаком «Общественное признание», нагрудным знаком Совета судей РФ «За служение правосудию».

³ См., например: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008. С. 69; Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. С. 691.

⁴ Боден Ж. Шесть книг о государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. 1 / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 334, 335.

⁵ См., например: Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 58.

⁶ Боден Ж. Указ. соч. С. 335.

⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 356.

⁸ Kelsen H. General Theory of Law and State. N. Y., 1995. P. 86.

⁹ Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. С. 84.

с XVI века и до настоящего времени суверенитет государств в теоретическом и практическом плане существовал и исследовался преимущественно как относительный, а не как абсолютный. Следовательно, суверенитет государства может быть ограничен на национальном уровне самим государством, иными государствами или надгосударственными органами.

Международная правоспособность индивида в условиях глобализации — следующий актуальный теоретический и практический вопрос. «Казалось бы, — справедливо замечает А. И. Ковлер, — международно-правовое признание правового статуса личности должно повлечь за собой и признание его международно-правовой субъектности. Более того, общеизвестное положение теории права о том, что основу понятия субъекта права составляет обладание правами и обязанностями участника общественных отношений, применимо и к международному праву, коль скоро в нем существуют имеющие специфические формы правоотношения».¹ Противники международной правосубъектности индивида полагают: поскольку субъект права должен обладать не только правами, но и обязанностями, постольку индивид в международном праве является неполноценным «субъектом», не несущим никаких обязанностей и никакой ответственности за нарушения международного права. Среди наиболее известных отечественных юристов-международников — сторонников данной точки зрения можно назвать С. В. Черниченко. «Индивиды, — утверждает он, — ни при каких условиях не являются и не могут быть субъектами международного права»². Аналогичную позицию разделяют и многие другие известные ученые, например, Н. А. Ушаков и Ю. А. Решетов. Свою позицию С. В. Черниченко подтвердил и в 1999 году: «Если придерживаться дуалистической концепции соотношения международного и внутригосударственного права, неизбежен вывод о том, что права человека и основные свободы предоставляются отдельным лицам и их группам (коллективам) государствами только посредством их внутреннего права. Иными словами, прямо от международного сообщества индивиды и их группы никаких прав не получают»³.

Компромиссную точку зрения высказал В. А. Карташкин: «Тенденция развития международного права состоит не только в регулировании многообразных отношений между государствами, но в усилении роли человека, который стал одним из участников международных отношений и субъектов международного права. При этом надо иметь в виду, что первоначальные субъекты международного права — государства — не только обладают правами и обязанностями, но и в отличие от индивидов создают его нормы и принципы. Поэтому следует прийти к выводу, что

индивид является субъектом международного права с ограниченной правоспособностью (курсив мой. — В. Е.). Однако по мере развития международного права и межгосударственных отношений объем прав и обязанностей индивида будет увеличиваться, а его роль на международной арене — возрастать»⁴. В то же время последовательными сторонниками международной правоспособности индивида выступают, например, Р. А. Мюллерсон⁵, Н. В. Захарова⁶, Г. В. Игнатенко⁷ и другие ученые.

Как представляется, отрицание международно-правовой правосубъектности индивидов, во-первых, основано на легизме, ограничении «всего» права только национальными нормативными правовыми актами, «законодательством». Во-вторых, индивид, состоящий в определенных правоотношениях как с органами государственной власти, так и с физическими и юридическими лицами, несет определенные обязанности и ответственность, установленные не только национальным, но и международным правом. В-третьих, по меньшей мере дискуссионным выглядит аргумент противников международной правосубъектности индивида о том, что последний не создает норм и принципов международного права. В данном случае в рамках сложившихся конкретных правоотношений определенного правового статуса его субъекты (в том числе как государства, так и индивиды) выступают не в виде правотворческих органов либо лиц, а в качестве сторон определенных правоотношений, обладающих правами и обязанностями, предусмотренными установленным ранее национальным или международным правом. В-четвертых, доводы противников международной правоспособности индивида очевидно противоречат многим статьям Конституции Российской Федерации (например, ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 3 ст. 46).

Многие зарубежные и российские авторы выделяют три направления воздействия глобализации на право⁸. Представители одного из них, анализируя внутригосударственные системы права и систему международного права, убедительно подчеркивают: «Уже недостаточно исследовать каждую в отдельности, а необходимо рассматривать их в общей системе»⁹. Доминировавшие в мире ранее теории дуализма и монизма с приоритетом внутригосударственного права над международным правом, основанные на «самодостаточности внутригосударственного права» и регулировании международным правом только межгосударственных отношений, «в настоящее время весьма существенно расходятся с реальной действительностью»¹⁰.

⁴ Общая теория прав человека. М., 1996. С. 493.

⁵ См.: Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 181.

⁶ См.: Захарова Н. В. Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.

⁷ См.: Игнатенко Г. В. Международное и советское право: Проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1.

⁸ См., например: Марченко М. Н. Государство и право... С. 267.

⁹ Twining W. Globalization and Legal Theory. L., 2000. P. 51.

¹⁰ Ibid.

¹ Ковлер А. И. Антропология права : учеб. для вузов. М., 2002. С. 382.

² Черниченко С. В. Личность и международное право. М., 1974. С. 149.

³ Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. М., 1999. Т. II : Старые и новые теоретические проблемы. С. 384.

Действительно, в доктрине международного права сложились две концепции соотношения международного и внутригосударственного права — монизм и дуализм. В рамках концепции монизма выделяются два направления: монизм с приоритетом внутригосударственного права (монизм «наоборот») и монизм с приоритетом международного права¹. Монизм «наоборот» (И. Мозер, А. Цорн и др.) теоретически основывается на работах Г. Гегеля, исследовавшего международное право как «внешнее» государственное право, а суверенитет государства — как высшую международно-правовую ценность. «Внешнее государственное право, — полагал Г. Гегель, — происходит из взаимоотношений самостоятельных государств; поэтому то, что есть в нем в себе и для себя, получает форму должностности, потому что его действительность зависит от различных суверенных волей... Принцип международного права как всеобщего, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, должны выполняться. Однако так как взаимоотношения государств основаны на принципе суверенности, то они в этом аспекте находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и их права имеют свою действительность не во всеобщей, конституированной над ними как власть, а в их особенной воле»². Как справедливо заметил В. Л. Толстых, «в современной доктрине эта позиция не пользуется признанием. В то же время на практике государства часто пытаются обеспечить приоритет норм внутригосударственного права по отношению к своим международным обязательствам»³.

Большинство российских и зарубежных научных и практических работников исходит из концепции дуализма (Г. Трипель, Д. Анцилотти и др.), в соответствии с которой международное и внутригосударственное право регулируют различные общественные отношения. Международное право — отношения между государствами. Внутригосударственное право — отношения между лицами. Отсюда должны существовать обособленные системы международного и внутригосударственного права. В то же время обособленные системы международного и внутригосударственного права должны «взаимодействовать», «сближаться», «гармонизироваться» и т. д. Например, уже в XXI веке российский автор Н. А. Цивадзе пишет: «необходимым элементом современного конституционного законодательства стало положение, закрепляющее соотношение международного и внутригосударственного права. Вопрос о соотношении международного права и национального решается в пользу сближения норм двух систем с целью их эффективного

взаимодействия»⁴. Однако, думаю, традиционно применяемые российскими и зарубежными специалистами понятия «взаимодействие», «гармонизация», «сближение» не отражают научно обоснованной современной концепции соотношения международного и внутригосударственного права.

Как представляется, достаточно определенного ответа на вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права не дает также и Конституция РФ, содержащая в себе, как представляется, нормы права, выработанные на основе как дуалистической, так и умеренно монистической концепции. Приведем пример. Во-первых, в ч. 2 ст. 4 Конституции РФ установлено: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Во-вторых, в Конституции РФ отсутствует норма о соотношении общепризнанных (основных, основополагающих) принципов международного права и Конституции РФ. В-третьих, не в «гармонии», а в диссонансе с ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ записано: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Отсюда великое множество российских научных и практических работников делают вывод о приоритете Конституции РФ над международным правом во всех его формах. Например, весьма характерно и типично мнение Б. Л. Зимненко: «Конституция РФ в рамках правовой системы России обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также положениям, предусматриваемым источниками международного права, ставшими частью правовой системы государства. В случае возникновения коллизий между конституционными положениями и положениями международного права государственный орган должен руководствоваться положениями, закрепленными в Конституции РФ»⁵.

С другой стороны, во-первых, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено преимущество только одной формы международного права — международных договоров лишь над федеральными законами — одним из видов нормативных правовых актов, в свою очередь являющихся одной из форм российского права. Во-вторых, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ установила: права и свободы человека и гражданина гарантируются судом прежде всего в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В-третьих, ч. 3 ст. 46 Конституции РФ гарантирует: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». При

¹ См., например: Толстых В. Л. Курс международного права: учеб. М., 2010. С. 202.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 2007. С. 425–426, 428.

³ Толстых В. Л. Указ. соч. С. 203.

⁴ Цивадзе Н. А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

⁵ Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11.

этом очевидно, что «межгосударственные органы по защите прав и свобод человека» будут принимать свои решения в соответствии с международным правом. В-четвертых, ст. 18 Конституции РФ не ограничивает национальное право только «законодательством», нормативными правовыми актами, принимаемыми российскими правотворческими органами: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Таким образом, думаю, возможно сделать вывод о том, что в Конституции РФ весьма дискуссионно нашли свое отражение по существу во многом взаимоисключающие концепции дуализма и умеренного монизма.

Соотношение внешних форм международного и национального права — важнейший теоретический и практический вопрос, к сожалению, привлекающий очевидно недостаточное внимание исследователей. Лишь отдельные специалисты затрагивают эту острую и малоизученную проблему. Так, Е. Т. Усенко в целом справедливо заметил: «В иерархической структуре международного права главенствующее системообразующее место принадлежит его основным принципам, составляющим идейную и нормативно-правовую основу системы... Без или вне основных принципов международного права нет и самого международного права как правовой системы. Основные принципы международного права дополняют связь ее элементов по однородности их свойств содержательной связью и тем самым придают системе характер содержательной целостности»¹.

В то же время, полагаю, теоретически более обоснованно и точно относить основополагающие принципы современного международного права к внешней форме международного права, неоспоримому праву (*ius cogens*), обязательному для органов государственной власти и иных уполномоченных лиц, принимающих или применяющих нормативные правовые акты, содержащие нормы права, либо вырабатывающих или применяющих нормативные правовые договоры, содержащие нормы права. Кроме того, представляется теоретически обоснованным, а практически необходимым установить следующую иерархию форм современного международного права, реализуемых в России: 1) основополагающие принципы международного права; 2) международные договоры, содержащие нормы права; 3) обычаи международного права. Такой вывод, полагаю, может быть основан, в частности, на системном толковании ст. 103 Устава ООН, ст. 53 и 71 Венской конвенции «О праве международных договоров» и ст. 38 Статута Международного суда.

Так, согласно ст. 103 Устава ООН: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по насто-

ящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». В соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров «Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*ius cogens*)»: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

Исходя из изложенных теоретических и правовых аргументов считаю теоретически обоснованным п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в соответствии с которым «при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации... неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта»². Буквальное толкование данного пункта Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет сделать, как минимум, два вывода. Первый: международное право, как и внутригосударственное, право обязательно для применения судами общей юрисдикции. Второй: неприменение международного права как и внутригосударственного права является кассационным или надзорным поводом к отмене или изменению судебных актов.

Кроме того, думаю, теоретически спорно, а практически малопродуктивно с позиции действительной и эффективной защиты прав и правовых интересов физических и юридических лиц сводить все внутригосударственное право только к законодательству, нормативным правовым актам, содержащим нормы права. Полагаю, к внешним формам российского права, кроме нормативных правовых актов, содержащих нормы права, возможно также относить основополагающие принципы российского права, нормативные правовые договоры и обычаи российского права, содержащие нормы права³.

В связи с вышеизложенными правовыми и иными аргументами считаю теоретически более убедительным, а практически необходимым исследовать

² Российская газета. 2003. 2 дек.

³ См. более подробно: *Ершова Е. А.* Сущность, источники и формы трудового права в Российской Федерации. М., 2008; *Ершов В. В.* Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М., 2010.

¹ Усенко Е. Т. Указ. соч. С. 105–106.

международное и внутригосударственное право не в различных, а в единой системе форм международного и российского права, объективно состоящей из двух подсистем — международного и национального права, в свою очередь образованных составляющими их элементами — внешними формами международного и российского права. Как представляется,

в частности, к ним можно отнести основополагающие принципы международного права, международные договоры и международные обычаи, содержащие нормы права; основополагающие принципы российского права, нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры и обычаи российского права, содержащие нормы права.

З. Н. Каландаришвили¹

ЕВРАЗИЙСКИЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время в юридической науке существует много различных градаций типологии правовой культуры. На наш взгляд, наиболее предпочтителен в синхронном плане (плане современности) на основе выделения ценностных критериев в типологии правовых культур восточный и западный типы правовой культуры.

Для восточного типа характерны утверждения единства общества и человека, для западного же типа свойственны приоритет индивидуальных ценностей над общественными. В западноевропейских же обществах доминирующими принципами, определяющими характер общественных отношений и содержание регулирующих их правовых норм, являются субсидиарность, индивидуализм, стратификация общества и принцип свободы. В правовых культурах восточного типа социальная интеграция достигается за счет принципов коллективизма, самоограничений индивидуальных действий и целей ради достижения общего блага².

Так, например, в дореволюционной России до столыпинских аграрных преобразований (а Россия того времени, будучи евразийской страной, больше тяготела к правовой культуре восточного типа) была велика роль соседской общины, зачатки которой зародились еще в родовой фазе первобытнообщинного строя, которая препятствовала выделению личности, развитию личного права и индивидуальной правовой культуры.

Особенности российского общества и правовой культуры того времени заключались в следующем: высокая приоритетная защита общих интересов, общего дела, духа соборности в ущерб личным притязаниям индивида, его правам и интересам, составляющим смылосодержательный корень, основание права и правовой культуры как таковых; слабость личного и, следовательно, правового начала в культуре вообще; широкое распространение неправовых регуляторов в обществе (моральных, религиозных, нормативных, патриархально-семейных, традиционных и т. д.); отрицательное отношение православной рели-

гии к фундаментальным устоям правового общества, а тем самым и к праву и правовой культуре в целом: русская философская религиозная мысль выражала отрицательное отношение православия к частной собственности, капиталистической системе хозяйства как таковой, проценту на капитал и, наоборот, отмечала положительное отношение к элементам социализма, свободному, аскетическому труду, к нестяжанию и добровольной бедности, православие объявляло труд правом и обязанностью одновременно (что и нашло отражение в советских Конституциях); высокая степень «присутствия» государственности в общественной жизни, господство официальной идеологии, подчинение права государству.

Все это привело к правовому регрессу в развитии правовой культуры. Коммунистический эксперимент, начатый в нашей стране в 1917 году, был направлен на строительство принципиально нового общества, которое, по мысли его организаторов, должно было основываться на всеобщем равенстве и братстве, на свободе человека и труда, всеобщем счастье и отсутствии эксплуатации человека человеком. Однако попытки насильственного и ускоренного внедрения этих идеалов в жизнь обернулись в итоге трагедией для России. Однако следует заметить, что наряду с регрессивными тенденциями советская правовая культура имела и заметный прогрессивный потенциал (развитие законодательства, науки, образования и т. д.), выступивший, в конечном счете, фундаментом для современного периода правового и социального развития³.

В современной российской правовой культуре, которая занимает в типологии правовых культур особое, специфическое место, совмещаются как западные, так и восточные корни. Ее системообразующими элементами являются этатизм, «имперское» мышление, коллективизм и отсутствие традиций индивидуализма и гражданской ответственности, неприятие частной собственности как основной формы собственности, укоренившиеся в моральных и религиозных установках⁴.

¹ Заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент.

² Рубаник В. Е. Византийская, западная и восточнославянская традиции правового регулирования отношений собственности в политико-правовой и законодательной практике // Государство и право. 2005. № 2. С. 92.

³ Каландаришвили З. Н. Особенности правовой культуры в российском социоправовом пространстве // Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе. СПб., 2005. С. 230.

⁴ Каландаришвили З. Н. Правовая культура современного общества. СПб., 2008. С. 48.

Чаще всего для обозначения феномена русской культуры исследователи используют термин «евразийская» культура.

Своеобразие русской культуры заключается в том, что через православие и Византию она является прямой наследницей культуры античной. В русской правовой культуре мы находим действующими ее основные принципы, которые уже прошли через горнило последующих философско-правовых школ и традиций и преобразены в свете исторического опыта христианства¹.

Основной особенностью русского общественно-го сознания вообще и правовой культуры в частности на протяжении веков являлся этикоцентризм, то есть подчинение права более высоким, нравственным и религиозным ценностям. Подобное отношение к праву объясняется наличием специфических условий, в которых формировалось правовое сознание русского общества начиная с X века, в связи с принятием христианства православного обряда.

Для православного сознания право не имеет значения самодовлеющей ценности, а является лишь одним из средств достижения религиозно-нравственных целей. Поэтому западноевропейский индивидуалистический идеал правового государства никогда не выступал в российском правовом сознании в качестве общественного идеала. С последним скорее связывались представления о царстве «правды», чем права.

Российские политические катаклизмы XX века привели к возникновению архетипически сходной модели пролетарского государства, имеющего «священную» миссию освобождения мирового пролетариата и устройства своеобразного «Царства Божьего» на земле. В силу этих особенностей русского менталитета индивидуалистическое правовое государство, принципиально отсекающее от себя все возможности служения идее, выходящей за рамки охраны прав человека и гражданина, не может удовлетворить подлинно значительные ожидания и запросы российского общества. Коллективный невроз российского общественного сознания обусловлен болезненным состоянием нашего подсознания, которое в отсутствие оправданности социального существования испытывает ощущение катастрофы и одновременно вседозволенности. Тем самым провоцируется ситуация своеобразной социальной аномии. При этом, например, воровство предстает как «оправданная» жизненная позиция, с которой невозможно бороться лишь правовыми средствами, поскольку если мораль отменена, то все позволено. С этим связаны и непрекращающиеся разговоры о «твердой руке» и объединяющей «национальной идее» как о средствах национального спасения, которые в отсутствие адекватной самоидентификации способны при их реализации вызвать лишь очередную социальную мутацию².

¹ Чайка В. Н. Образ государства: традиции, коллективное бессознательное // Образ государства в современном правосознании: Восьмие Спиридоновские чтения. СПб., 2008. С. 80.

² Тимошина Е. В. Правовая культура: понятие, структура, функции // Кодекс—info: правовой науч.-практ. журнал. 2000. № 2. С. 35–36.

По концепции В. П. Малахова, к доминантам духовности и системообразующим идеям российской правовой культуры относятся:

1) религиозность, которая характеризуется высокой этико-эмоциональной настроенностью, склонностью к экстаической сосредоточенности на веровании и самоотверженности. Эта установка была синтезирована в идею соборности;

2) моральность, смысл которой заключен в смиренности и терпимости, негативном отношении к рационально-практическому образу жизни и одухотворенности;

3) идея правовой справедливости, которая предстает не равной мерой воздаяния за одинаковые деяния, а такой оценкой, в которой выражена и утверждена индивидуальность человека и его деяния;

4) идея милости, которая воспроизводится в контексте чисто российского комплекса сервильности, ненавидящего раболепия перед властью, привычной приниженности, распластанности перед ней. Но одновременно готовности перейти грань дозволенного, пренебречь законом и предписанием;

5) идея служения, которая фиксирует ценность подчинения человека общественному целому, призванность человека воспроизвести в своем единичном бытии его гармонию;

6) идея мучения, которая призвана компенсировать правовой произвол, придание ему смысла душеспасения. Правовая сфера именно в силу нравственной неполноценности воспринимается как сфера насилия и страдания³.

Как верно в этой связи отмечает В. Е. Синюков: «Самобытность российской правовой системы и правовой культуры в частности обусловлена не столько технико-юридическими, формальными признаками, сколько глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни русского народа. К таким началам, имеющим методологическое значение для анализа отечественной правовой культуры, можно отнести следующие:

1) Самобытность русской государственности, не поддающаяся элиминации даже после длительных и массивных включений иностранных управленческих и конституционных форм. Для русского права всегда была исключительно важной связь с государством. Необходимо исследовать природу целостности права и государства в русской правовой культуре, не стремясь втиснуть каждый раз в “естественно-правовой” шаблон с его противопоставлением феноменов “позитивного” и “разумного”.

2) Особые условия экономического прогресса, для которого характерна опора на коллективные формы хозяйствования: крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив, — которые основывались на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии и традициях местного самоуправления.

3) Формирование особого типа социального статуса личности, для которого свойственны преобла-

³ Малахов В. П. Философия права. М., 2002. С. 411–417.

дание коллективистских элементов правового сознания и нежесткость линий дифференциации личности и государства. В этой черте нет, скорее всего, ничего упречного, и попытки повесить на ее соответствующий ярлык напоминают стремление бороться с самой жизнью. Нужно раскрыть природу этой особенности соотношения личности и государства в русской правовой культуре и обратить ее на службу человеку.

4) Тесная связь традиционной основы права и государства со спецификой православной ветви христианства с ее акцентами не на мирском жизнепонимании Бога и человека (католицизм) и тем более благословении стяжательства (протестантизм), а на духовной жизни человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. п.)¹.

Итак, российская правовая культура — это понятие не этнографическое. В этом и заключается основная трудность ее культурного отождествления. Она — сложное духовное, этическое, политико-правовое явление, в котором переплетены источники самого различного содержания.

Таким образом, вычлняя место русской правовой культуры, которую можно обозначить как особую «евразийскую» в типологии правовых культур, следует подытожить, что русская правовая культура является самобытной и специфической (включающей элементы Запада, Востока и местного своеобразия) и находится в настоящее время на этапном рубеже поиска собственной целостности и на дальнейшем этапе своей эволюции. Она уже пережила диаметрально противоположные по смыслу периоды своей истории, включая расколы и дифференциации, и теперь в наши дни нуждается в системной идентификации

с отечественной духовной и культурной жизнью общества, в сопряжении со всем контекстом жизнедеятельности российского общества. Формирование правовой культуры современного российского общества требует сегодня, прежде всего, переосмысления сложившейся современной системы ценностей и нравственно-правовых идеалов.

Разложение правовых и нравственных идеалов во многом происходит от того, что значительная часть нашего общества утратила связь со своими национально-духовными корнями. Несомненной здесь является необходимость в патриотическом и правовом воспитании человека начиная с раннего детского возраста, основанного на нравственных, гражданских и православных традициях, укорененного в национальной и правовой культуре, формировании личности гражданина России, готовности защищать свое Отечество. В России сегодня необходима единая национальная идея, которая основывалась бы на богатых традиционных отечественных ценностях.

Сегодня в нашей стране, как никогда, необходимо духовно-нравственное и патриотическое возрождение и самоочищение российского общества, достигаемое лишь богатым духовным началом, но огромную роль в этом процессе может и должно сыграть государство и его институты. Для этого энергия государственного строительства должна быть направлена не только на «форму», но и на нравственно-духовное содержание проблемы. Только в этом случае российская правовая культура, имеющая богатые правовые и нравственно-духовные традиции прошлых лет, сможет обрести твердую почву для решения задач своего развития и дальнейшей эволюции.

В. В. Лапаева²

ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе различий между доминирующим на Западе человекоцентристским пониманием права как формы индивидуальной свободы и системо-

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 176.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и многопартийность в современной России», «Право и политика: из научной публицистики»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права»; ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». На протяжении многих лет занималась экспертизой законопроектов в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Советник Председателя Конституционного Суда РФ. Член редколлегии журнала «Социологические исследования». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

центристской традицией российского правопонимания, в рамках которой право предстает как некое доминирующее над индивидом нравственно-религиозное начало, лежат различные подходы к трактовке такого фундаментального феномена политико-правовой культуры, как *общее благо*.

В рамках античной философии общее благо (*bonum commune*) понималось как обусловленное политической природой человека благо всех членов социально-политического сообщества «на основе естественно-правового (и, следовательно, общесправедливого) признания блага каждого»³. Впоследствии данное понятие претерпело различные исторические модификации, но в целом не ушло от этого изначального смысла, в соответствии с которым общее благо, по сути, предстает как условие блага каждого. Такой подход к трактовке общего блага смыкается с представлением о справедливости

³ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 96.

общественного устройства, при котором обеспечивается выражение и защита блага каждого члена общества, исходя из естественно-правового принципа справедливости, выраженного формулой «каждому — свое: равным — равное, неравным — (соответственно) неравное».

Если операционализовать категорию общего блага и перевести ее в плоскость категории интереса, то можно сказать, что понятию «общее благо» соответствуют *универсальные интересы*, присущие неограниченному кругу лиц, а не так называемые *общественные интересы*, представляющие собой, по сути, групповые интересы большинства¹. Носителями общего блага (общего интереса) являются здесь сами члены общества (каждый в отдельности и все вместе), а не отчужденные от них и господствующие над ними государственные, социальные или конфессиональные институты. В контексте такого подхода право выступает в качестве важнейшего общего блага, поскольку именно оно создает условия для свободной, равносправедливой реализации блага каждого по принципу: благо одного человека может быть реализовано до тех пор, пока оно не препятствует реализации блага другого человека. Применительно к сфере нормативной регуляции социальной жизни такое понимание роли права означает, что для государства регулятивная ценность права как формы индивидуальной свободы (то есть возможности человека действовать в соответствии со своей разумной свободной волей) обладает приоритетом перед ценностью нормативных регуляторов нравственного или религиозного характера.

В России же на протяжении всей ее истории в трактовке общего блага доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало. Характерные для русской философско-правовой школы представления о возможности достижения всеобщей солидарности на нравственных началах самоограничения индивидуальной свободы ради общего блага свидетельствуют о непонимании (а скорее о психологическом неприятии) того обстоятельства, что общечеловеческая солидарность может утвердиться лишь на основе и в границах формального правового равенства, гарантирующего людям свободу и справедливость в общественной жизни².

На практике всякое отступление в сторону нравственности или религии от твердой основы правового принципа формального равенства означает, что человек попадает на зыбкую почву произво-

ла. Или свобода в правовой форме равенства, писал В. С. Нерсесянц, или произвол в его многоликих проявлениях³. Свобода в человеческих взаимоотношениях возможна только в пределах действия принципа формального равенства, в рамках которого один человек равен другому человеку, а следовательно, независим от него, то есть свободен. За пределами действия этого принципа человек неизбежно попадает в зависимость от властного усмотрения или от степени нравственного совершенства своих партнеров по взаимоотношениям.

Релятивизм этической концепции права был ярко продемонстрирован в советские годы, когда население с удивительной легкостью адаптировало свои религиозно-нравственные представления о праве, справедливости, общем благе к классовой идеологии большевизма. Отсутствие в общественном сознании правового стержня в виде идеи формального равенства позволило большевикам увлечь людей идеологемой фактического равенства, в рамках которой равенство в правах подменялось потребительской уравниловкой, всеобщая человеческая солидарность — классовым единством, общее благо — общественными интересами коллектива, право — партийными директивами, свобода — произволом, справедливость — классовой диктатурой и т. п. В итоге интересы личности были полностью подчинены так называемому «общественному интересу», монополию на выражение которого присвоила себе коммунистическая партия.

В настоящее время позиция системноцентристского подхода к праву, традиционно опирающаяся на течения политической философии, связанная с идеями соборности, евразийства, византийства, державности, получает все более заметное идеологическое подкрепление со стороны концепций управляемой демократии, либеральной империи, суверенной демократии и т. п. Все эти течения и направления социально-политической мысли так или иначе проповедают идею особого пути России, не вписывающегося в вектор либерально-правового развития западной цивилизации, оспаривают универсальный характер прав человека и пытаются обосновать авторитарную самобытность российского права и демократии тяготением российского общества к системноцентристской концепции общего блага.

Однако важной особенностью современного этапа развития страны является то обстоятельство, что в действующую Конституцию заложено человекоцентристское правопонимание, выраженное прежде всего в ст. 2, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а также в ряде иных конституционных положений. Конечно, реализация этих положений на практике в значительной мере определяется тем, как законодатель и правоприменитель трактуют правовой смысл ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права человека могут быть ограничены законом для защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

¹ Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правового регулирования экономики. М., 2003. С. 10–11.

² «Как бы ни были разнообразны нравственные понятия у различных народов, — писал, например, Е. Н. Трубецкой, — все они сходятся между собой в том, что человек должен поступаться некоторыми личными интересами ради блага общего, ограничивать свой произвол ради ближних... И не подлежит сомнению, что именно в этом принципе всеобщей человеческой солидарности выражается не преходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный непреложный закон добра...»

³ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 40.

обеспечения обороны страны и безопасности государства». Если (как зачастую это и бывает на практике) закрепленное в Конституции основное право человека ограничивается федеральным законом не для защиты права другого человека и тех ценностей общего блага, которые делают такую защиту возможной, а для обеспечения доминирующих над человеком коллективных интересов, то это означает, что государство, выражающее указанные интересы и создающее закон, который их защищает, произвольно решает, что есть право человека¹. Тем не менее наличие в Конституции норм, прямо закреп-

ляющих приоритет прав человека в системе нормативных ценностей государства, природный и неотчуждаемый характер основных прав и свобод человека, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права перед национальными законами, создает устойчивую нормативную основу для развития и укрепления человекоцентристского правопонимания, с позиций которого ценности индивидуальной свободы могут успешно защищаться не только в рамках политико-правового научного дискурса, но и (что особенно важно) в процессе правотворческой и правоприменительной практики.

О. В. Мартышин²

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ПРОТИВНИКИ

Концепция и практика социального государства порождены потребностью использовать рычаги политической власти для обеспечения справедливости. Его прообраз можно найти в «Утопии» Т. Мора. Назвав современные ему европейские государства, где царят неравенство, эксплуатация и жестокость, «заговором богатых», автор переходит к описанию совершенного строя, не знающего частной собственности и паразитизма, основанного на всеобщем производительном труде, равенстве и справедливости. В нем государство регулирует социально-экономические отношения, и в частности народное собрание решает важнейшие вопросы о мере труда и потребления.

Утверждение капитализма в ходе промышленной революции, торжество принципов экономического либерализма чрезвычайно обострили социальный вопрос в Европе XIX века и вызвали к жизни различные проекты использования государства для его решения.

Среди многообразных течений утопического социализма, переживавшего расцвет в начале века, росло влияние сен-симонизма, наделившего государство функцией управления централизованными и планируемыми производственными процессами. При этом сам А. Сен-Симон, помышляя о превращении системы производства в единую фабрику, не отменял права частной собственности, что сделали его последователи.

Одними из первых откликнулись на крайнее социальное неблагополучие консерваторы. Они обличали несправедливость капитализма и системы экономического либерализма. В «Манифесте Коммунистической партии» это названо «феодалным социализмом»: «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ». Но именно консерваторы стали инициаторами первых фабричных законов,

ограничивающих продолжительность рабочего дня. Лишь к концу XIX века, когда капитал вынужден был смириться с зачатками государственного регулирования, что привело к появлению неолитерализма, во взглядах консерваторов произошел поворот, и они взяли на вооружение отвергавшиеся ими ранее принципы экономического либерализма, что в полной мере характерно для консерваторов и по сей день.

Наибольшее влияние на формирование концепции социального государства оказало социалистическое и рабочее движение XIX–XX веков, причем обе его ветви — и революционная, и реформистская. Марксизм, коммунистическая идеология отводят государству (диктатуре пролетариата, различным формам революционно-демократической диктатуры) решающую роль в социально-экономических преобразованиях. «Реальный социализм» со всеми своими привлекательными и отталкивающими чертами, бесспорно, олицетворял социальное государство.

Но и реформистский социализм, начиная с проекта «Организации труда» Луи Блана, где правительство выступает как верховный регулятор производства, со «свободного народного государства» Ф. Ласалля, создающего производственные ассоциации, с рассуждений Дж. Ст. Милля о том, как посредством отмены ренты и ограничения права наследования можно в течение жизни двух поколений заложить основы социализма, с программы фабианцев, также неотделим от концепции социального государства. В действиях социалистических и социал-демократических правительств эта концепция получила реальное воплощение в формах, характерных для Запада.

Наряду с социальным государством в социалистическом варианте, то есть с признанием общественной собственности на средства производства, в XIX веке возникает иной его вариант с сохранением частной собственности. У истоков его стоит Огюст Конт. Ни в коей мере не будучи социалистом, он воспринял от Сен-Симона отрицательное отношение к свободной конкуренции. О. Конт говорил не о правах, а об обязанностях человека. И собствен-

¹ Подробнее см.: Ланаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4.

² Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук.

ность для него не право, а социальная функция. Она призвана служить общественному благу. Выдвинутой им идея солидарности классов была подхвачена Э. Дюркгеймом, Л. Дюги и многими другими социологами и юристами конца XIX — начала XX века, в частности в России. Л. Дюги подчеркивал, что идеи солидаризма выдвигаются им не для упразднения, а для спасения частной собственности. Солидарность предполагала широкую сферу государственного регулирования, возможность ограничения частной собственности. Во второй половине XX века происходит сближение двух реформистских представлений о социальном государстве в связи с отходом социал-демократии от идей обобществления основных средств производства.

Особый тип «социального государства» представляют фашистские режимы. Не посягая на основные интересы крупного капитала, они пользовались государственной властью как инструментом регулирования экономических отношений и социального маневрирования.

С конца XIX века любое государство становится в той или иной степени социальным, какова бы ни была политическая платформа правящих сил или партий. Однако ведущая роль в утверждении этого принципа, бесспорно, принадлежит социалистическим и коммунистическим движениям. Близость слов «социальный» и «социалистический» не случайна так же, как и то, что решающим аргументом противников социального государства было и остается принципиальное отрицание идей социализма. В XIX веке в их пропаганде каждый шаг государственного регулирования в сфере производства, образования подавался как введение социализма.

Одним из первых еще в середине XIX века с осуждением социальных функций государства выступил Г. Спенсер. Он отвергал государственное регулирование не только в промышленности и торговле, но и в образовании, просвещении, видя в нем «социалистические изменения». Эти изменения, по мнению Г. Спенсера, постепенно выльются в государственный социализм, что потребует расширения принудительных мер, роста бюрократии и надления ее обширными полномочиями. Благо миллионов представлялось Г. Спенсеру совершенно нереальной целью государственной деятельности. Поэтому он выступал против подчинения личных интересов общественным и за 10 лет до выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина обосновал формулу «выживания наиболее приспособленного», как созданного самой природой механизма осуществления социально-экономического прогресса.

В сочинениях Г. Спенсера содержится весь набор аргументов против социального государства, применяемых до сегодняшнего дня. В середине XIX века Г. Спенсер представлял британский либерализм, а попытки государственного регулирования социальных отношений называл «новым торизмом». Спустя век ситуация принципиально изменилась, и предложенная Г. Спенсером программа стала характерна как раз для консерваторов.

Консерватизм второй половины XX века получил яркое литературное воплощение в сочинениях Ф. Хайека. Новыми аргументами в пользу экономического либерализма послужил опыт тоталитарных государств в социалистическом и фашистском вариантах. Он воспринимался как подтверждение предсказаний Г. Спенсера о последствиях государственного регулирования социально-экономических отношений. Другие варианты Ф. Хайек исключал, он относил к одному семейству не только фашистов и коммунистов, но и фабианцев. Биологический закон выживания наиболее приспособленного у Ф. Хайека отступает на второй план, уступая место защите частной собственности и инициативы от посягательств. Свободу личности и демократию Ф. Хайек связывает с частной собственностью, со свободной конкуренцией, не замечая, что она привела к образованию монополий. Любая политика, направленная на распределительную справедливость, ведет, по его мнению, к уничтожению господства права. Взгляды Ф. Хайека типичны для современного экономического либерализма или консерватизма. Они представляют собой идеологическое обоснование политики правых партий во многих странах мира. Цель этой политики состоит в том, чтобы дискредитировать концепцию социального государства и свести к минимуму государственное регулирование социально-экономических отношений.

В постсоветское время экономический либерализм получил распространение и в России. Широкая пропаганда сочинений Ф. Хайека и близких ему по духу авторов этому способствовала. Хотя Конституция 1993 года провозглашает Российскую Федерацию социальным государством и содержит полный набор прав человека в соответствии с общепризнанными международными декларациями и пактами, принципы социального государства не получили в этом документе развернутого и четкого воплощения. Конституция не содержит никаких указаний о методах осуществления социальных функций государства, о формах обеспечения прав человека второго и третьего поколения.

Противники социального государства отстаивают тезисы о приоритете личных интересов над общественными, о «персоноцентристской системе» как идеале, в отличие от «социоцентристской», о «минимальном государстве».

Среди юристов особую активность в отрицании социальных функций проявляют сторонники так называемой «либертарно-юридической теории права и государства». Они утверждают, что принципы свободы, равенства и справедливости должны носить сугубо формальный, юридический характер, что фактическое равенство, то есть определенное выравнивание исходных условий, противоречит принципам права, что особые социальные права для обездоленных создают несправедливые привилегии, нарушают принцип формального равенства, порождают иждивенческие настроения, паразитизм, в силу чего их не следует рассматривать как закон-

ное притязание и вполне можно было бы заменить благотворительностью. «Либертариисты» отвергают государственное регулирование экономики, абсолютизируют свободу рыночных отношений, утверждают совсем в духе Ф. Хайека, что деятельность государства по перераспределению доходов несовместима с демократией, свободой и формированием гражданского общества. Не вызывает сомнений, что эта позиция отвечает интересам определенных слоев общества.

Следует признать, что социальные функции государства значительно сузились по сравнению с советской эпохой, противники социального государства многого добились в сфере производства, финансов, торговли, образования, здравоохранения, культуры, трудовых отношений. Дальнейший рост неравенства представляет угрозу для стабильности общества. В этих условиях защита и развитие принципов социального государства на правовой основе приобретает особое значение.

Г. И. Муромцев¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Название данного доклада, на первый взгляд, содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, правовые культуры (во множественном числе), с другой — глобализация, которая, казалось бы, предполагает лишь одну правовую культуру — глобальную. Такая постановка проблемы говорит о том, что глобализация (в ее правовом смысле) понимается в данном случае лишь как процесс все большей унификации в мировом масштабе правовых норм и институтов (прежде всего в области прав человека), а не как стадия развития человечества, где международные стандарты в этой области одинаково эффективны во всех регионах мира. В этих условиях раскрытие механизма и направленности взаимодействия правовых культур позволяет в известном смысле предвосхитить дальнейшее развитие глобализации. Исследование темы предполагает рассмотрение в рамках культурно-исторического и системно-структурного подходов ряда аспектов правовых культур и глобализации, недостаточно изученных в нашей юридической литературе.

Рассмотрение глобализации сквозь призму взаимодействия правовых культур предполагает осмысление вопроса о том, какие правовые культуры участвуют в этом взаимодействии: те, что исторически сложились к началу процесса глобализации, с одной стороны, и формирующаяся глобальная правовая культура — с другой? Что есть эта последняя — некое новое образование, возникшее за рамками существующих правовых культур, синтез нескольких (всех) современных правовых культур либо в этой роли выступает одна из них, уже существовавшая до начала процесса глобализации? Такое видение проблемы предполагает ответы на следующие вопросы: 1) содержание понятия правовой культуры, где сегодня нет единства мнений; 2) типология и класси-

фикация правовых культур; 3) исходная точка процесса глобализации и стадии, на которые он распадается, поскольку характер стадии может определять направленность, а также специфику взаимодействия правовых культур; 4) аспекты и направленности их взаимодействия.

При рассмотрении первого вопроса мы исходим из понимания правовой культуры как «среза», или аспекта, «большой», то есть общесоциальной, культуры, характер которой предопределяет структуру и место в обществе правовой культуры. В данном контексте под общесоциальной культурой мы понимаем некую исторически сложившуюся «конструкцию» общества, которая включает, помимо социально-классовой структуры и форм собственности, философию миро- и правопонимания, знания, навыки, умения, обычаи, законы, религию и т. д.²

Правовая культура, как и культура общесоциальная, включает элементы духовного и материального, объективного и субъективного, пронизывая все сферы и аспекты правовой действительности: характер правопонимания, правовую психологию, структуру и доктрину права, уровень юридической техники и т. д.

Всякая культура — правовая и общесоциальная, будучи продуктом истории, отражает известную ее стадию в преломлении к тому или иному обществу. Вместе с тем ее содержание может включать элементы, заимствованные извне: ведь история культур предполагает их взаимодействие и взаимовлияние. В контексте данной темы важно отметить, что в ходе этого процесса объективные и субъективные элементы структуры правовых культур могут демонстрировать отнюдь не одинаковую степень подвижности и восприимчивости к внешнему влиянию.

Специфика современной правовой карты мира состоит в том, что представленные на ней правовые культуры (либо их элементы) отражают практически все стадии истории права — от самых ранних до самых развитых. В этих условиях типология правовых культур актуальна с точки зрения не только

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России».

² См.: Муромцев Г. И. Культура и право: аспекты соотношения // Право и культура / под ред. Н. С. Соколовой. 2-е изд. М., 2009. С. 66–123.

истории, но и характера их взаимодействия в современном мире. В основу этой типологии мы положим характер права и правопонимания как «несущих конструкций» правовой культуры. С этой точки зрения можно выделить два исторических типа правовых культур: традиционный и современный, или буржуазно-европейский. Поскольку Европа давно преодолела этап традиционного развития, то два указанных типа правовых культур можно определить как традиционно-восточный и буржуазно-европейский. Если традиционное право основано на религии либо тесно с ней связано, то европейское право буржуазного типа, будучи светским, выступает уже в «чистом» виде. Важно отметить, что религии стран Африки и Востока, в отличие от Западной и Центральной Европы, не прошли через Реформацию. Хотя традиционное право и традиционная правовая культура возникают в древности и Средневековье, однако связанные с ними проблемы актуальны и сегодня в обширных районах Африки и Востока. Их проявление связано также с актами международного терроризма, обычно осуществляемыми носителями традиционной правовой культуры в форме радикального ислама.

Буржуазно-европейский тип правовой культуры, помимо собственно Европы, представлен также в Северной и Южной Америке, Австралии. Он доминирует в ряде стран Востока (Япония, Южная Корея, Тайвань). В остальных регионах мира он существует в неразвитых формах в силу незавершенности процесса построения буржуазного общества.

Классификация правовых культур предполагает выделение их разновидностей в рамках отдельных исторических типов этих культур. Так, в рамках их традиционного типа можно выделить культуру обычного права и культуру традиционно-религиозного права (иудейского, индусского, мусульманского). Буржуазно-европейский тип правовой культуры включает культуру англосаксонского права и культуру романо-германского права.

Помимо этого, существуют правовые культуры, переходные от одного типа к другому. При этом в одних случаях они отражают переход общества от одной социальной системы к другой (в России, например, от тоталитарно-советской, а по сути полутрадиционной, к буржуазно-европейской). В других случаях элементы европейской и традиционной правовых культур сосуществуют в течение десятилетий и даже веков в рамках «национальной» правовой системы, проявляясь в характере соответствующего правосознания, норм и институтов, а также механизмов действия права. При этом соотношение традиционных и европейских элементов в правовой культуре той или иной страны обратно пропорционально уровню ее буржуазного развития. Такая картина характерна для многих регионов Африки, Ближнего и Среднего Востока, Индии и т. д.

Раскрытие механизма взаимодействия европейских и традиционных элементов правовых культур требует учета как минимум двух существенных особенностей традиционной правовой культуры. Это:

- 1) восприятие мира и его составляющих, в том числе права и государства, вне контекста истории, то есть в качестве несотворимых, вечных и неизменных. Такое правопонимание, характерное для ранних стадий традиционного права, остается затем определяющим, хотя позже дополняется правопониманием, признающим сотворимость и изменчивость права;
- 2) наличие в структуре этого права синкретичного «пласта», где право, мораль и религия выступают в слитном виде. Это обстоятельство обуславливает возможность несовпадения сферы действия традиционного права с границами государства. Кроме того, фактор слитности делает проблематичным включение в механизм действия такого права каких-либо внешних норм, в том числе и законов государства. Отсюда — феномен «живого права», действующего за рамками правовой системы во многих странах афро-азиатского региона.

Рассматривая проблему взаимодействия правовых культур в условиях глобализации, следует учитывать, что известная «матрица» такого взаимодействия сложилась еще до начала процесса глобализации. Она включала различные его уровни, или аспекты: межтипное и внутритипное; региональное, межгосударственное, а в ряде стран и внутригосударственное взаимодействие. С началом процесса глобализации формируется также глобальный уровень взаимодействия правовых культур. Оно осуществляется прежде всего в рамках принятых ООН международных актов о правах человека — сначала на стадии их создания, а затем при их имплементации в национальные правовые системы.

Думается, создание Организации Объединенных Наций следует считать исходной точкой современного процесса глобализации. Хотя мир был еще расколот на две противоположные системы, а десятки стран имели статус колоний и полукolonий, однако появление такой всемирной универсальной организации, как ООН, положило начало новому миропорядку, основанному на принципах международного мира и сотрудничества государств. Всеобщая декларация прав человека 1948 года вместе с принятыми позже пактами об экономических, социальных и прочих правах человека, а также факультативными протоколами к ним составила Международный билль о правах человека¹. Он стал своеобразным международным стандартом для соответствующих разделов конституций десятков государств мира.

Крушение колониальной системы положило начало второй стадии глобализации. Впервые мир становится глобальным в том смысле, что все его страны стали равноправными субъектами международного права.

Наконец, начало третьей, современной, стадии глобализации положил распад СССР и «социалистического содружества» государств. Раньше процесс глобализации «пересекался» с противостоянием двух социально-политических систем, в условиях которого правовые культуры не столько взаи-

¹ Lawson E. Encyclopedia of human rights. N. Y., 1991. P. IX–XIX.

модействовали, сколько противостояли друг другу. Реальное их взаимодействие возможно было в рамках лишь каждой из этих систем либо стран «третьего мира». Теперь капитализм становится доминирующей в мире общественно-экономической формацией, а глобализация — по сути, процессом его превращения в некое единое мировое сообщество буржуазного типа. В силу логики такого развития правовая культура буржуазно-европейского типа начинает играть роль глобальной правовой культуры. Однако едва ли в обозримом будущем это приведет к мировой унификации правовых культур, во-первых, потому что в мире широко еще пространство действия традиционных (полутрадиционных) правовых культур; во-вторых, в силу все возрастающего разрыва в уровне развития наиболее передовых и наиболее отсталых стран мира. Как известно, социально-экономическая и культурная отсталость есть фактор консервации традиционных (полутрадиционных) отношений и соответствующих правовых культур.

В этих условиях взаимодействие правовых культур происходит по двум направлениям. Во-первых, в рамках европейского их типа как основы глобальной правовой культуры; во-вторых, между последней и правовыми культурами традиционного (полутрадиционного) типа. Что касается внутритипового взаимодействия традиционных правовых культур, то оно практически отсутствует в силу их взаимоотторжения на уровне слитного пласта их структуры.

Эти два направления взаимодействия правовых культур рассмотрим на примере механизма имплементации положений Международного билля о правах человека (как глобального стандарта в этой области) в регионах мира, представляющих европейскую правовую культуру, и в регионах, где представлены традиционные (полутрадиционные) правовые культуры.

В первом случае такое рассмотрение показывает, что сама по себе общность доктрины и структуры права недостаточна для унификации положения в области прав человека в соответствующих странах либо регионах. При этом обнаруживается зависимость эффективности имплементации международных стандартов в области прав человека от уровня социально-экономического и политического развития соответствующих стран. Не случайно Международный билль о правах человека наиболее успешно реализуется на европейском континенте. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, действующая в рамках Совета Европы с 1953 года и ратифицированная всеми его членами, наиболее полно отражает права и основные свободы человека, представленные в Международном билле о правах человека. Каждое государство — участник Конвенции берет на себя обязательство привести свое законодательство в соответствие с ее положениями. Впервые в истории здесь создан эффективный международный внегосударственный механизм защиты прав человека. Он включает Европейскую комиссию по правам человека и Европейский

суд по правам человека, наделенные полномочиями по рассмотрению жалоб от государств, неправительственных организаций и граждан о нарушении прав человека государствами — участниками Конвенции¹. Практика свидетельствует, что этот механизм динамично развивается.

В то же время на американском континенте, также представляющем европейскую правовую культуру, мы видим другую картину. Межамериканская конвенция по правам человека 1969 года (по сути, скопированная с Европейской конвенции) серьезно уступает последней с точки зрения представленных в ней прав и основных свобод человека, числа ратифицировавших ее государств (среди них, в частности, нет США), а также эффективности механизма имплементации международных норм о правах человека. Она включает Межамериканскую комиссию и Суд по правам человека. Причины этого обычно видят в политической нестабильности ряда государств региона². Но ведь политическая нестабильность также имеет свои причины, как правило, социально-экономического характера.

Еще больший контраст между положениями Международного билля о правах человека и практикой их имплементации наблюдается в регионах, представляющих традиционные (полутрадиционные) правовые культуры.

В Африке, например, Африканская хартия прав человека и народов 1981 года (принятая в рамках Организации африканского единства) подчеркивает в преамбуле значимость исторических традиций и ценностей африканской цивилизации, лежащих в основе концепции прав человека и народов; выделяет приоритетное значение права на развитие, только в условиях которого могут быть гарантированы права человека, и т. д. Здесь фактор традиционной культуры наряду с социально-экономической и культурной отсталостью стран региона предопределяет неэффективность как самих положений Африканской хартии, так и механизма ее обеспечения в форме Африканской комиссии по правам человека и народов³.

Своеобразна ситуация в регионе Ближнего и Среднего Востока. Здесь действуют Арабская хартия прав человека 2004 года, принятая в рамках Лиги арабских государств, и Всеобщая исламская декларация прав человека 1982 года, подготовленная Европейским исламским советом, действующим в рамках ЮНЕСКО. Если первая является, по сути, светским документом, где воспроизводится известная часть положений Международного билля о правах человека, то вторая провозглашает аналогичные положения имеющими божественное происхождение и в силу этого неизменными и обязательными для исламских государств⁴. В то же время в научной

¹ Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996. С. 478–482.

² Там же. С. 484–487.

³ Bassat A. Droit de l'homme et l'Africanite // Penant. 1984. № 785. P. 285–286; Lawson E. Op. cit. P. 13–17.

⁴ Sinaceur M. A. Declaration Islamic universelle des droits de l'home. Presentation // Droits de l'home, droits des peuples. Etudes reunites par Alain Fenet. P., 1982. P. 228–235.

литературе арабских стран можно встретить высказывания о несовместимости международных документов о правах человека, отражающих «исключительно западные идеи», с культурой стран Востока¹. Пока не приходится говорить об эффективности механизма имплементации положений Международного билля о правах человека в национальное законодательство стран этого региона.

Что касается государств Азии, то там этого механизма просто не существует². Итак, фактором разбалансированности процесса имплементации международных норм о правах человека является несоответствие уровней социально-экономического развития и общественного правосознания.

При внутритиповом взаимодействии имплементация ведет к неэффективности и даже фиктивности отдельных норм и институтов, заимствованных из более развитых правовых культур. Пример тому — положения Конституции РФ о демократическом характере Российского государства, высшей ценности прав человека, крайне неэффективные структуры СНГ, во многом заимствованные у Европейского Союза, и т. д.

Что касается межтипового взаимодействия правовых культур, то их «несостыкованность» проявляет-

ся в нескольких вариантах: 1) попытки соединения в одно целое элементов европейской и традиционной культур (включение в Конституцию Исламской Республики Иран 1979 г. значительного числа цитат из Корана; распространенная в арабских странах практика включения в конституции положений о шариате как основном источнике законодательства; о равенстве граждан лишь в его рамках и т. д.); 2) традиционное истолкование европейских государственных институтов (наличие поста духовного — наряду со светским — главы государства в Исламской Республике Иран; знание мусульманского права как условие вхождения в состав Верховного суда Йеменской Арабской Республики и т. д.); 3) параллельное действие в ряде социальных сфер норм европейского и традиционного права (законодательство о личном статусе во многих афро-азиатских странах); 4) «живое право» как сегмент традиционного права, действующего за рамками официальных правовых систем.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в обозримом будущем процесс глобализации будет в известном смысле «зауженным» в силу невключенности в него традиционных (полутрадиционных) правовых культур.

М. В. Немытина³

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

В категории «модель правосудия» следует в первую очередь обратить внимание на вторую составляющую, уловив органическую связь с категорией «справедливость». В русле отечественной правовой традиции правосудие означает «суд правый», а также «скорый, милостивый, равный для всех». Так, в Указе Александра II Сенату от 20 ноября 1864 года, оповещавшем подданных о придании проектам Судебных уставов силы закона и введении в России новых судебных установлений, говорилось: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших...»⁴

Понятие «правосудие» в современном международном и российском праве, разных его отраслях используется как тождественное справедливому судебному разбирательству. Содержащаяся в доктрине, законодательстве и практике высших судебных инстанций страны установка субъектам правоприме-

нительной деятельности на то, что судебное решение должно соответствовать не только закону, но и отвечать требованиям справедливости, имеет в российском праве огромное созидательное значение.

Неразрывно связанная с понятием «правосудие» категория «справедливость», в отличие от формируемой государством законности, отходит обществу. Именно в обществе следует искать истоки правосудия. Отсюда логически вытекает трактовка правосудия в духе либеральных подходов к праву как осознания роли общества в функционировании судебной власти, отправления судопроизводства, достижения целей справедливости.

Так, Конституционный Суд России, определяя нормативное содержание права на судебную защиту прав и свобод (ч. 1, ст. 46 Конституции РФ), постановил, что оно «реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан»⁵. Поскольку правосудие само по себе может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости, используемое Конституционным Судом РФ и многократно вслед за ним повторенное словосочетание «справедливое правосудие» вызывает недоумение. Подобная трактовка категории

¹ Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. С. 387.

² Общая теория прав человека. С. 486.

³ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство»; учебно-методических пособий: «Российский суд присяжных», «Программы клинического юридического обучения» (вып. 1–5) и др.

⁴ Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 1 : Устав гражданского судопроизводства. С. XXXVIII.

⁵ По делу о проверке конституционности части второй ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Баронина : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 декабря 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6341.

«правосудие» в современном российском праве (как на уровне доктрин, так и практики), правильная по существу, представляется некорректной в лингвистическом отношении, соединяющей слова с одинаковым смыслом, а также не соответствующей исторически сложившимся в отечественном праве трактовкам данной категории.

Правосудие в русле отечественной интерпретации — это некий правовой идеал и одновременно цель деятельности судебной системы, определяемая в тот или иной период не только и не столько государством, сколько обществом в целом, исходя из потребностей граждан в праве.

На основании особенностей понимания правосудия в национальном правосознании применительно к движению дел в судах, уместным будет вести речь о судопроизводстве, процедурах, а не о правосудии, если не акцентировать внимание на достижении в ходе их рассмотрения справедливости. Судопроизводство — это согласованная работа звеньев судебной системы, связанная с разрешением различных категорий дел. В отличие от категории «правосудие», отражающей вполне определенные цели деятельности судебной системы, отвечающие ожиданиям общества, категория «судопроизводство» отвечает в большей степени за формы и процедуры.

Представляется неверным вести речь о правосудии только в процессуальном смысле — как о судопроизводстве. Характеристика правосудия не может ограничиваться отраслями процессуального права. Материальное право (его различные отрасли) процедируется на судебные споры отнюдь не в меньшей степени, чем дифференцированное по типам юстиции, видам производств процессуальное право. Идея взаимной обусловленности подлежащих защите отношений, регулируемых материальным правом, и процессуальных способов их защиты не нова. Но она представляется особенно актуальной в плане конструирования современного правосудия в России.

В связи с этим правосудие можно рассматривать как органичное движение материального права в процессуальном пространстве в целях достижения справедливости. Эта дефиниция применима к разным типам юрисдикции и видам судопроизводства. Выработка простого и разумного механизма рассмотрения определенных категорий дел в целях достижения справедливости, придания судебной практике единообразия и устойчивости — объективно присущая судебной системе функция, в реализацию которой вовлечены все ее звенья.

Следовательно, если правосудие есть не что иное, как движение норм материального права в процессуальном пространстве, при его отправлении естественным образом преодолеваются барьеры, существующие между различными отраслями права. Одновременно исследования проблем правосудия приобретают межотраслевой характер, научные достижения в области не только процессуального, но и материального права транслируются в судебную практику для совершенствования рассмотрения от-

дельных категорий дел, вынесения по ним отвечающих ожиданиям общества справедливых решений.

Представляется, что судьи давно преодолели существующее в отечественной науке и законодательстве деление права на отрасли. Для них в процессе применения права давно не существует такого рода искусственных преград. Разрешая споры физических и юридических лиц, судьи в рамках юрисдикции судов оперируют массивом норм отраслей материального и процессуального права в определенной сфере правового регулирования. Вышесказанное в равной мере можно отнести и к адвокатам, представляющим в судах интересы сторон.

Указание на необходимость органичного соединения норм материального и процессуального права существует и в законодательстве. Так, Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РФ предусматривает уголовное преследование «в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления» (ч. 1, ст. 20). Тем самым уголовно-процессуальный закон «вторгается» в сферу уголовного материального права.

В связи с этим можно констатировать: в то время как в судебной практике нормы материального и процессуального права давно соединены по категориям дел, подлежащих рассмотрению судов в рамках их юрисдикции, продолжающаяся сохраняться в российской юридической науке отраслевая разобщенность служит серьезным тормозом на пути достижения обществом целей правосудия.

Понятие «правосудие» можно рассматривать и в смысле достижения обеспечения прав человека судебной системой страны в целом, оценивая тем самым ее эффективность. В связи с этим проблемы правосудия перестают быть уделом профессиональных юристов, а становятся делом общества. Критерий «справедливо/несправедливо» формируется в обществе и должен соответствовать его ожиданиям. Правосудие отправляется от имени государства, но адресуется обществу. Конфликты частных интересов в стенах судов переходят в плоскость публичных интересов. Работу судов можно рассматривать как индикатор состояния законодательства и деятельности институтов государства и общества по применению права.

С помощью категории «правосудие» можно задавать стандарт, «поднимать планку» разрешения судами как определенных категорий дел, так и каждого конкретного дела в рамках различной юрисдикции. А судебную практику можно рассматривать как высшее проявление юридической деятельности, поскольку другие практики (законотворчество, работа органов исполнительной власти, следственная, прокурорская, адвокатская практики) «проходят проверку» в суде. Как справедливо отметил А. В. Смирнов, в современном мире «судебный процесс постепенно приобретает новую качественную определенность, дискурсивно-состязательный вид, в котором независимость суда и равенство сторон дополняются активным потенциалом всех участников процесса и его социальной открытостью»¹. По мнению В. В. Яркова, «подход, связанный с пониманием социально-

¹ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 7.

го предназначения правосудия как системы, направленной на защиту прав и сохранение правопорядка, обеспечение стабильности и прочности отношений гражданского оборота и публично-правовых отношений, отражен в ГПК РФ и АПК РФ»¹.

Таким образом, категория «правосудие» указывает на достижение в ходе судебного разбирательства целей справедливости, соответствие деятельности судебной системы в целом и отдельных ее звеньев ожиданиям общества, обеспечение прав человека.

Говоря о правосудии, можно вести речь о специфике судебных систем разных стран: английской, французской, американской, российской, охватывающая географическую карту мира. В юриспруденции принято подчеркивать исторически сложившуюся принадлежность, национальную идентичность институтов судостроительства и судопроизводства: австрийская модель конституционной юстиции; английская модель суда присяжных; французская модель ювенальной юстиции и др.

Российское правосудие в нынешнем его состоянии демонстрирует как принадлежность к исторически сложившимся формам и институтам судопроизводства, так и готовность воспринимать их аналоги, сложившиеся за рубежом.

Так, Конституция Российской Федерации и законодательство, в частности Закон РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 года², разрешая гражданам «защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом», явное предпочтение отдают судебной защите прав (ст. 45–47 Конституции РФ). Граждане, которые в советский период писали жалобы на своих обидчиков в различные инстанции, значительные потоки этих жалоб перенесли в суды. Был введен судебный контроль за ограничением прав и свобод в сфере уголовного преследования: судебный контроль за законностью и обоснованностью задержания и ареста, за ограничением тайны переписки, телефонных переговоров и иных коммуникаций и т. д. (ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25 Конституции РФ).

Возведенное в абсолют право на судебную защиту привело к тому, что граждане (иногда и их адвокаты) подчас не задумываются над тем, есть ли в данном конкретном случае спор о праве, не различают конфликт интересов сторон и спор сторон о праве (а эти понятия отнюдь не тождественны). Одна сторона не выполняет обязательства в отношении другой, например потому, что не в состоянии сделать это в настоящее время. И если даже судебное решение будет вынесено, то обстоятельства этой стороны не изменятся и выполнить свои обязательства она все равно не сможет. А вынесение судебного решения — это колоссальный затратный механизм (расходятся материальные, временные

ресурсы). Получается, что многочисленные звенья государственного механизма в лице судей, сотрудников аппарата судов, судебных приставов работают вхолостую.

В России следует развивать процедуры досудебного разбирательства, которые может и должен применять судья, прежде чем принять дело к своему рассмотрению, процедуры примирения при рассмотрении дела в суде — достижение мирового соглашения. Юристам здесь нужна помощь психологов, конфликтологов, медиаторов и других специалистов. В нашей стране активизировалась, наконец, деятельность третейских судов. Общество предпринимает попытки разрешать споры физических и юридических лиц с использованием альтернативных государственному суду форм и методов, то есть цивилизованного альтернативного правосудия.

Новые для современного российского судостроительства и судопроизводства институты подчас оказываются хорошо забытыми старыми. Но обращаясь к этим институтам, вводя их на законодательном уровне и реализуя на практике, мы подчас не улавливаем их сути, самого главного, на чем строились эти институты в ином социальном контексте.

Так, вводя в современных условиях мировые суды как институт, имевший место в дореволюционном прошлом, мы не уловили природу этого института, который был ориентирован прежде всего на примирение спорящих сторон. Ведь мировому судье вменялось в обязанность разрешить дело миром, и только исчерпав возможности примирения сторон, он должен был начать рассмотрение дела по существу.

На момент введения института присяжных заседателей речь шла о его «возвращении в Россию», то есть апеллировали к дореволюционному отечественному опыту. Следует обратиться к Закону РФ от 16 июля 1993 года³, который ввел институт присяжных заседателей на территории девяти субъектов Российской Федерации. Что касается УПК РФ 2001 года, то в части регламентации суда присяжных он соответствует духу и букве Закона РФ от 16 июля 1993 года. В русле компаративистского подхода в данном случае важна оценка современного состояния института в плане его соответствия как системе общего права, так и отечественной правовой традиции.

Суд присяжных на момент введения представлял собой сплав трех компонентов: а) заимствования из зарубежного уголовного процесса (англо-американского, поскольку институт берет свое начало в системе общего права); б) элементы, присущие дореволюционной отечественной процедуре рассмотрения дел с участием присяжных заседате-

³ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон Рос. Федерации от 16 июля 1993 года // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313.

Стоит обратить внимание на то, что закон был принят за полгода до Конституции РФ 12 декабря 1993 года, придавшей Суду присяжных статус конституционного института.

¹ Ярков В. В. Модели правосудия в сфере гражданской юрисдикции: причины и следствия // Модели правосудия : сб. науч. ст. Саратов, 2008. Вып. 4 : Право России: новые подходы. С. 33.

² Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 19. Ст. 685.

лей; в) нормы советского уголовного процесса со свойственным ему обвинительным уклоном.

Стоит заметить, что Суд присяжных надо рассматривать не только как форму рассмотрения дел с участием 12 представителей общества (этот фактор чрезвычайно важен для общества), но и как условие состязательности сторон (что весьма значимо для профессионального сообщества).

Если оценивать современный российский суд присяжных в сравнении с зарубежными аналогами, то от них ему достались: подход к судебному разбирательству в условиях этой процедуры как к праву обвиняемого (подсудимого) быть судимым себе подобными; наиболее последовательно воплощающийся именно в суде присяжных принцип состязательности в уголовном судопроизводстве.

Если посмотреть на суд присяжных через призму восприятия дореволюционного отечественного опыта, то из него была заимствована прежде всего сложная процедура постановки вопросов присяжным заседателям. Если в современном уголовном процессе Англии, США, Канады от участвующих в рассмотрении дела присяжных заседателей требуется однозначный ответ на вопрос о виновности (невиновности) подсудимого, то в российском Суде присяжных существует сложный порядок формирования судьей вопросного листа, в котором вопросы формулируются отдельно по каждому деянию, которое совершил подсудимый, отдельно в отношении каждого подсудимого, если их несколько; должны быть поставлены три основных вопроса: доказано ли, что соответствующее деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в его совершении (закон предусматривает и постановку одного основного вопроса о виновности подсудимого, являющегося объединением всех трех); далее возможна постановка частных вопросов об обстоятельствах, влияющих на степень виновности подсудимого, освобождающих его от ответственности; в случае признания подсудимого виновным перед присяжными ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения (ч. 1–4 ст. 339 УПК РФ)

Такой подход ведет к накоплению вопросов в вопросном листе, затрудняя восприятие его содержания присяжными заседателями. Проблемы оправдательных вердиктов присяжных при доказанности вины подсудимых либо обвинительных вердиктов при недоказанности вины, получающих серьезный общественный резонанс, на поверку могут оказаться результатом неверно понятого присяжными содержания вопросного листа. Возникает также проблема, как оценить деятельность присяжных в суде — являются ли они только «судьями факта», либо содержание вопросного листа таково, что им приходится становиться еще и «судьями права». Таким образом, проблема вопросного листа, который после того как его заполняют присяжные заседатели, становится вердиктом, в российской системе правосудия стоит достаточно остро.

Модель правосудия означает принадлежность к исторически сложившимся типам судопроизводства. При определении особенностей правовых систем ключевую роль играет специфика деятельности судов стран, принадлежащих к этим системам: какие источники права применяют суды, принадлежат ли судам только правоприменительные полномочия или деятельность судов носит правообразующий характер и т. д.

Существуют два основных типа судопроизводства: состязательный и следственный (инквизиционный). «Состязательная система судопроизводства, — отмечает И. В. Решетникова, — возникла в Великобритании, в дальнейшем была воспринята США, Канадой, Индией, Австралией и другими странами, принадлежащими к семье общего права. Поэтому состязательный процесс отличается преобладающим развитием процессуальных отраслей права, отсутствием кодификации, ролью судебного прецедента, большим значением судов в жизни государства»¹.

В странах Европы получила распространение следственная (инквизиционная) система, «поэтому ее называют также континентальной системой»², — уточняет И. В. Решетникова. Автор обращает внимание на следующее обстоятельство: «Следственный процесс основывается на романо-германском типе права, поэтому гражданскому процессу свойственны общеправовые принципы: верховенство закона, подчинение закону положений судебной практики, преобладающее развитие гражданского права, кодификация правил об отправлении правосудия и пр.»³.

Конечно же, классические типы судопроизводства в ходе эволюции общества претерпевают изменения. Так, следственный процесс дореволюционной России, который с принятием Судебных уставов 1864 года воспринял родовые черты состязательного процесса, идентифицировался дореволюционными юристами как смешанный.

Таким образом, на основе исторических типов судопроизводства можно выделить *состязательную модель, следственную модель и модель судопроизводства смешанного типа*. Данная типология применима как к уголовному, так и к гражданскому судопроизводству. Определяющим здесь является соотношение функций суда и сторон в ходе процесса и доказывании обстоятельств дел, подлежащих рассмотрению судов.

Представляется, что осмысление в интегративном ключе категории «модель правосудия» имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Правосудие формируется в гражданском обществе, но при этом воспроизводится посредством организованной государством судебной системы, на основе процедур, в рамках которых нормы материального права получают процессуальную жизнь. Модели

¹ Решетникова И. В. Модели гражданского судопроизводства // Модели правосудия : сб. науч. ст. Саратов, 2008. Вып. 4 : Право России: новые подходы. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 9–10.

правосудия имеют типические черты, характерные как для исторически сложившихся правовых систем, так и для судебных систем, существующих в рамках этих систем институтов судостроительства и судопроизводства. Интегративные модели правосудия мож-

но рассматривать как некие образцы, позволяющие совершенствовать судостроительство и судопроизводство отдельно взятых стран в смысле восприятия ими наиболее удачных юридических конструкций, существующих в современном мире.

Р. А. Ромашов¹

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

1. Специфика современного мира, на мой взгляд, заключается в двух факторах. С одной стороны, крах социалистической политико-правовой системы в конце XX века ознаменовал переход от биполярной структуры мироустройства к интеграционной, характеризующейся такими наднациональными средами, как открытое информационное общество, транснациональная экономика, мультикультурализм. В XXI веке говорить о диалоге культур и партнерстве цивилизаций стали не только в теоретическом, но и в реалистическом контекстах. С другой стороны, экспериментальное подтверждение ошибочности (либо, по крайней мере, неточности) марксистской теории линейного исторического развития и как производной от этой теории концепции прогрессивной типологии политогенеза (предполагающей прохождение любым государством этапов рабовладельческого, феодального, буржуазного/капиталистического, социалистического строя), завершающейся отрицанием государственного механизма и формированием бесклассового коммунистического общества, обусловило активизацию нигилистических настроений и связанных с ними концепций «конца истории».

Не входя в дискуссию относительно содержания и гипотетической достоверности обозначенных направлений, следует акцентировать внимание на необходимости переосмысления традиционных представлений, касающихся теоретических моделей государства. Представляется, что в современных условиях, в комплексе образующих так называемую «эпоху мультикультурализма», можно выделять три основных модели государственного устройства: национальную, правовую, социальную.

В рамках первой модели внимание акцентируется на восприятии государства в качестве суверенной нации. В основу создания второй модели положен принцип правовой организации и правового ограничения государственной власти. Третья модель рассматривает государство как инструмент осуществления социальной заботы об обществе и государственной защиты интересов людей, отнесенных к так называемым «социально не защищенным» группам. Следует подчеркнуть, что выделенные модели не следует рассматривать в качестве автономных, противопоставляемых конструкций. На практике не существует национальных, правовых, социаль-

ных государств в «чистом виде». Предлагаемые модели представляют собой теоретические построения абстрактного характера, в основу создания которых положены определенные факторы организации и функционирования современных государств, в реальности эти модели носят взаимосвязанный и взаимообуславливающий характер.

2. *Национальное государство* представляет собой организацию политически (государственно) организованного народа — *нации*, выступающего в качестве социальной основы публичной политической власти государства и коллективного носителя государственного суверенитета.

По мнению П. А. Сорокина, «нация, состоит из индивидов, которые:

- 1) являются гражданами одного государства;
- 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории;
- 3) занимают общую территорию, на которой жили они и живут их предки.

Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, — она действительно образует нацию», — писал ученый².

В таком понимании *национальное государство* — это государство, в рамках которого и власть, и общество объединены единой историей, общими целями и задачами будущего развития. Понятие нации при этом приобретает не национально-этнический, а конфессиональный либо политико-культурологический смысл³.

Так как в национальном государстве национальные интересы «сливаются с собственно-государственными задачами в одно целое, в совокупность общественно-публичных интересов»⁴, то, по мнению сторонников этатистского подхода, интересы нации как единого субъекта выражаются, прежде всего, в международном праве, где нация выступает в качестве государства. Таким образом, в Уставе ООН, например, под Организацией Объединенных

² Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 466.

³ К примеру, в Российской империи русская нация образовывалась не по национальному признаку, а по конфессиональному: русским считался всякий человек, исповедующий православие, соответственно принадлежность индивида к русской нации определялась не столько фактом рождения от русских родителей, сколько фактом крещения.

⁴ Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909. С. 23.

¹ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ.

Наций фактически подразумевается организованный союз государств. По мнению Г. Кельзена, Устав ООН регламентирует отношения между нациями-государствами¹, а К. Океке считает, что в Уставе ООН понятия «государство» и «нация» взаимозаменяемы².

В зависимости от понимания нации выделяют мононациональные и полинациональные государства. В мононациональных государствах совпадают названия нации и титульной национальности (Франция, Германия, Италия, Испания, Киргизия, Азербайджан и др.). В полинациональных государствах понятие нации носит комплексный характер и выражается понятием «многонациональный народ» (США, Австралия, Россия и др.).

3. Теория *правового государства* возникла в результате естественного и в достаточной степени традиционного стремления ученых к моделированию «идеальной формы государственного устройства». Попытки подобного рода предпринимались на всех этапах социального развития и, как правило, включали в себя достаточно стандартный набор «добродетелей», необходимых для «совершенного государства». Это, прежде всего, наличие справедливых законов, которым подчиняются как сами подвластные, так и властители; далее — это эффективная система социального управления, представители которой используют имеющиеся у них властные полномочия для достижения общегосударственного блага, а не для удовлетворения эгоистических потребностей; это также механизм обеспечения социальной стабильности, позволяющий снизить (а в перспективе — ликвидировать) социальные противоречия между представителями различных классов (каст, страт и т. п.); наконец, это система действенных государственных гарантий, посредством которых обеспечивается забота о социально-незащищенных членах общества.

В качестве определения правового государства может быть предложена следующая дефиниция: *правовым является государство, в котором действует система юридических гарантий, посредством которых, с одной стороны, обеспечивается баланс и консенсус законных интересов государства, общества, личности, а с другой — оказывается эффективное противодействие противоправным посягательствам как в сфере публичного, так и в сфере частного права.*

Говоря о признаках правового государства, следует выделить две группы свойств, характеризующих данный феномен: это общие (свойственные для всех видов государств) и специфические (характерные только для правового государства) черты.

К *общим признакам* относятся признаки, отличающие государство от других видов и форм социальных организаций. Такими признаками являются рассматриваемые ранее: наличие обособленной территории; наличие института гражданства (подданства); наличие аппарата публичной политической власти; государственный суверенитет.

К *специфическим признакам* правового государства следует отнести: демократический политический режим; развитое гражданское общество; признание и юридическое закрепление самоценности человеческой личности.

Принципами правового государства, т. е. основополагающими началами его формирования и функционирования, являются: верховенство правового закона; разделение властей; взаимная ответственность государства, общества, личности.

4. *Социальное государство* — это организация публичной политической власти, деятельность которой направлена на обеспечение человеческого достоинства собственных граждан.

Принципами социального государства являются: — обеспечение социальной справедливости (уравнительная, надельительная);

— сочетание государственной заботы о гражданах и социальной активности самих граждан;

— обеспечение «минимума человеческого достоинства» в отношении социально незащищенных групп населения.

В качестве основных целевых установок функционирования социального государства следует рассматривать социальную стабильность, социальный баланс и, как следствие, низкий уровень социальной конфликтности, социально-активную личность, выступающую в качестве основополагающей ценности и вместе с тем объекта целевого воздействия социального государства.

Социальная стабильность

В любом государстве (социальное государство исключением не является) стабильность социальных отношений рассматривается в качестве базового условия, с которым связываются все остальные производные виды социальной жизнедеятельности. В качестве факторов, обеспечивающих социальную стабильность, следует рассматривать сильную власть, единую правовую систему, уважительное отношение к позитивному праву, стабильную (суверенную) экономику³.

Социальный баланс

— Официальное признание факта социальной расслоенности (стратификации); создание теоретической модели взаимодействия стратов.

— Выделение социальных групп, не обладающих самостоятельными возможностями (дееспособностью) в сфере реализации права на человеческое достоинство (инвалиды, нетрудоспособные пенсионеры, лишённые родителей малолетние дети, невменяемые, больные СПИДом и т. п.). В отношении названных групп следует осуществлять комплексные программы социализации, основной задачей которых является преодоление взаимного отчуждения названных лиц и «нормального общества».

¹ Kelsen H. The Law of United Nations. L., 1952. P. 52.

² Okeke G. N. Controversial Subjects of Contemporary International Law. Rotterdam, 1974. P. 20.

³ См.: Ромашов Р. А. Ценностные детерминанты социального правового государства // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: материалы. Межвуз. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 21 июня 2003 г.) / под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2003. С. 10–15.

— Разумная пропорция между производительным и непроизводительным секторами (с одной стороны, те, кто дотируется из государственного бюджета. Кроме перечисленных категорий к ним относятся учителя, врачи, военные, милиция и т. п., а с другой стороны, те, кто государственный бюджет формирует).

— Ограничение криминалитета до социально-безопасного уровня.

— Обеспечение территориальной целостности.

Социально-активная личность

В социальном государстве происходит переход от установки тоталитарного государства («Государство — МЫ»), в котором к идеологическому концепту («Государство — Я»), предполагающему осознание гражданином себя как маленькой, но вместе с тем самозначимой частицы государства, от которого в определенной степени зависит жизнь этого государства сегодня и завтра. Данный концепт предполагает, что, во-первых, делая лучше себя и воздействуя на свое ближнее окружение, я как гражданин

в определенной степени улучшаю и государство; во-вторых, от того, насколько активно участвую лично я в делах государства, зависит не только будущее государства, но и мое будущее; в-третьих, являясь частью государства, я тем не менее самостоятелен в своем стремлении улучшать собственную жизнь всеми непротиворечащими закону силами и средствами, при этом государство обязано обеспечить лишь некий минимум социальных благ; в-четвертых, я формирую государственную власть (в лице ее представительных органов) и содержу эту власть (за счет взимаемых с меня налогов).

Таким образом, в социальном государстве, с одной стороны, обеспечивается социальная стабильность и минимизируется социальная конфликтность, связанная с неравномерным распределением в обществе материальных благ, а с другой — создаются условия, обеспечивающие людям возможность самостоятельно заботиться о достижении и преумножении собственных благ и благ своих близких.

В. Н. Сафонов¹

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАПРАВЛЕНИИ ПРИЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В США

Утверждение о том, что положения Конституции США (и конституций штатов) имеют перво-степенной целью защиту частного интереса, распространено в литературе. Это аргументируется наличием в Билле о правах преимущественно личных прав естественного происхождения. Отмечается опора на английское общее право (нацеленное на защиту частного интереса) при формировании собственного; приводятся и другие основания². Такой подход был реализован основателями Конституции США в форме конституционных принципов. Принципы свободы договора, равенства субъектов права («равная защита законом»), процессуальные гарантии личности, требование «надлежащей правовой процедуры», трактуемое как судебные гарантии свободы и собственности, остаются основой конституционализма³.

¹ Профессор кафедры теории государства и права Юго-Западного государственного университета (Курск), доктор юридических наук.

² *Бернам У.* Правовая система США. М., 2007. С. 111, 113, 124–125; *Лафитский В. И.* Конституционный строй США. М., 2007. С. 33–39; *Шайо А.* Самоограничение власти. М., 2001. С. 38–41. В США широко распространена оценка социально-экономических прав как «прав по закону», «позитивных», «списочных прав» (entitlements), появляющихся в процессе выделения средств на социальные нужды по воле правительства и исходя из ресурсов, но якобы не в соответствии с требованиями Конституции.

³ О принципах частного права как общих конституционных принципах пишут и отечественные авторы. См.: *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 664–665; *Неишатаева Т. В.* Суд и общепризнанные принципы международного права // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия : сб. ст. М., 2008. С. 629–630; *Ершов В. В.* Теоретические и практические проблемы правового понимания, правотворчества и правоприменения // Теорети-

Цель данного сообщения — показать противоречивое сочетание частных и публичных начал в развитии конституционных принципов США. Такое сочетание стало результатом реализации идей социального государства (в его «американском варианте»).

Конституционализм в правовой традиции понимается как ограничение действий государства и его органов; сдерживание власти от попыток нарушения прав граждан на жизнь, собственность, свободу — прав естественного происхождения, продекларированных в период формирования конституционализма. Однако недостаточное внимание обращается на наличие принципов, гарантирующих защиту публичного интереса — принципов «общего благосостояния» (благоденствия), «общественной пользы», «инспекционных полномочий» государственной власти. Эти принципы длительное время (до периода «нового курса» Ф. Рузвельта) отодвигались судьями Верховного суда на задний план, что повлияло и на характер изучения американского конституционализма⁴.

Для понимания принципов как форм и источников права, развиваемых в соответствии с процессом «публицизации американского права», следует выявить специфику конституционного правотворчества, прежде всего особенности судебного толкования.

ческие проблемы правоприменения / под ред. В. М. Сырых, М. В. Заниной М., 2010.

⁴ Г. В. Мальцев указывает, что наиболее распространенным недостатком по отношению к принципам является недооценка одних принципов и переоценка других. См.: *Мальцев Г. В.* Указ. соч. С. 662.

Во-первых, лаконичность и неопределенность излагаемых в тексте Конституции США принципов требует их интерпретации, уточнения смысла. Верховный суд США определяет («декодирует», «расшифровывает») содержание принципов, применяя и конкретный, и абстрактный конституционный контроль, и эта сторона его деятельности усиливает значение конституции в правовой системе США.

Во-вторых, принципы формулируются не в одном, а в совокупности прецедентов, именуемых конституционной судебной доктриной¹. Можно утверждать, что современная американская конституция в значительной степени — это конституционные судебные доктрины. Проводится деление принципов на так называемые «самоисполнимые» и принципы, требующие толкования, но и первые подвергаются интерпретации судьями.

В-третьих, законодатели и судьи создают новые юридические конструкции, нередко отступая от буквы основного закона. Одни и те же принципы с течением времени наполняются Верховным судом различным, иногда противоположным содержанием². Так, принцип «надлежащей правовой процедуры» раскрывался судом, как защищающий неприкосновенность частной собственности. Однако в 1937 году этот принцип был истолкован как основание ограничения договорной свободы и правомочий собственников³.

В-четвертых, если в российской юридической науке прослеживается линия на проведение различий между конституционными и общеправовыми принципами, то в США ее нет. Тот же принцип «надлежащей правовой процедуры» ранее рассматривался Судом как чисто процессуальный принцип. Однако в 1905 году Верховный суд придает принципу материально-правовое содержание, рассматривая его как конституционный запрет принимать законы об ограничении продолжительности рабочего дня, нарушающие договорную свободу⁴.

Каковы основания таких существенных (и, по некоторым оценкам, «губительных»⁵) изменений в трактовке конституции, и не противоречат ли такие повороты традиции господства частноправовых принципов?

При сохраняющемся приоритете частноправовых принципов главной проблемой и задачей стало признание социального законодательства соот-

¹ Подробнее о понятии американской конституционной судебной доктрины: *Жидков О. А.* Избранные труды. М., 2006. С. 390–405.

² Суд утверждал, что если затронут общественный интерес, федеральное правительство вправе использовать инспекционные полномочия. Более того, в случае «непреодолимого общественного интереса» (compelling interest) федеральное правительство может регулировать действия частных лиц и применять к ним положения законов, предусматривающие некоторые ограничения права собственности. См. подробнее: *Сафонов В. Н.* Конституция США и социально-экономические права граждан. М., 2007. С. 167–168.

³ *West Coast Hotel Co. v. Parrish*, 300 U. S. 379 (1937) (в тексте: «капиталистов»).

⁴ *Lochner v. New York*, 198 U. S. 45 (1905).

⁵ *Eaton W.* Who killed The Constitution? The Judges vs. The Law. Washington, 1988; *A Time to Speak: selected writings and arguments / R. H. Bork.* Wilmington, Del. 2008.

ветствующим (непротиворечащим) Конституции. Если ранее последовательно защищался принцип формально-юридического равенства, то идеалом «материального правосудия» постепенно становилось и достижение социально-экономических целей государственно-организованного общества. Доказать соответствие Конституции судьям следовало, по мысли теоретиков научных школ «социологической юриспруденции» и «правового реализма»⁶, путем трансформации старых и создания новых принципов, основанных на конституционных положениях об «общем благосостоянии» и «публичной пользе» (общественном интересе).

Анализ постановлений Верховного суда США приводит к выводу об использовании для легитимации социального государства принципов «равной защиты законом» и «надлежащей правовой процедуры». Суд стремился сохранить системное единство принципов⁷. Эволюция принципов способствовала движению к социальному государству.

В российской юридической науке реализация конституционных принципов в системе правового регулирования также остается предметом исследования⁸.

Конституционный опыт США по реализации принципа социального государства в условиях господства в этой стране частноправовых принципов не является универсальным. Его оценка как возможного пути реформирования возможна в странах, где принципы рыночной экономики глубоко укоренились в политико-правовом сознании. Такие особенности американского права и государственности, как перевес индивидуалистического сознания, господство частного права, ограниченная роль государства, применение главным образом кредитно-финансовых методов регулирования экономики не позволяют рассматривать такой опыт как образец или как возможность заимствования для нашей страны.

⁶ «Правовой реализм» в США отождествлялся с передачей функции реформирования права судьям, которые создают новые принципы права. См. подробнее: *Sutton J.* Law and Society. Origins, Interactions and Change. L.; Sydney, 2000.

⁷ После «нового курса» Ф. Рузвельта и признания социального законодательства соответствующим Конституции в США пришли к согласию о необходимости защиты публичных интересов путем государственного регулирования отношений собственности. Однако во второй половине XX века дискуссии возобновились. Для преодоления противоречия между частноправовыми и публично-правовыми принципами суд применял новый подход, сущность которого в следующем. Законы о социальных гарантиях продиктованы целями защиты фундаментальных прав человека. В соответствии с принципом «надлежащей правовой процедуры» государство призвано не только исполнять законы о социальных гарантиях, но и принять такой закон (во исполнение Конституции) с целью защиты основных прав человека (на жизнь, свободу и собственность). Подробнее см.: *Tribe L.* American Constitutional Law. N. Y., 1988. P. 1644.

⁸ *Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И.* Конституционная экономика: проблемы теории и практики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 2. С. 7–11; *Ланаева В. В.* Правовой принцип формального равенства // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: сб. ст. М., 2008; *Крусс В. И.* Правотворчество и конституционализм // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования российского законодательства / под общ. ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко. М.; Н. Новгород, 2007.

Помимо правовой идеологии с ее абсолютизацией принципа формального равенства¹ препятствием для рецепции и реализации американских правовых принципов в российском праве является характер правотворчества.

С теоретической точки зрения принцип формального равенства является основой и российского права; другие принципы имеют универсальное значение и частично совпадают с принципами российского права. Следует, однако, учесть, что в правовом стиле² США огромное значение имеет специфика законотворчества, соотношение права (понимаемого преимущественно как судебское право) и закона. Ядро законотворческого процесса — «обработка» судами положений законодательных актов путем толкования (более свободного, чем в английском праве), с возможностью усмотрения и даже отказа от следования прецеденту при вынесении решения. С этим связана многословность, неопределенность вплоть до утраты смысла, чрезмерная насыщенность дефинициями текста американских законов³.

В США такой метод изложения нормативных предписаний в определенной мере обоснован стремлением гибкого применения конституционных принципов с учетом меняющихся общественно-экономических условий и с целью апробации законодательных положений в судах, выносящих решения по всем социальным значимым вопросам в форме решений о праве.

В новой России роль судебной власти весьма неоднозначна, в том числе и в таком аспекте, как применение конституционных принципов при разрешении конкретных дел. По-видимому, такой способ судебной деятельности при существующем уровне развития судебной власти — дело будущего⁴.

Вместе с тем в условиях формирующейся правовой системы России значимые компоненты американского опыта могут и должны быть востребованы.

Следует признать, что сущностные очертания, формальные признаки и основные элементы социального государства как правового принципа эволюционируют во всем мире, в том числе и в соответствии

¹ Следуя «завету» О.-У. Холмса о том, что «в праве нет ничего абсолютного», американский Верховный суд в XX веке (как мы показали выше) многократно отступал от этого принципа.

² Понятие правового стиля мы применяем в значении, близком правовой традиции. См. подробнее об этом: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 1. С. 107–115.

³ В этой связи Г. В. Мальцев отмечает, что и некоторые российские законы напоминают американские статуты, повторяя такие их качества, как рыхлость, избыточность определений и многословность терминологии. См.: *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 726.

⁴ Об этом косвенно свидетельствует и permanently продолжающаяся дискуссия о признании судебного прецедента одним из источников права в РФ. Вместе с тем, по мнению судьи Конституционного Суда Г. А. Гаджиева, при создании российской Конституции действовала презумпция, что конституционное право самодостаточно, и даже совершенно, и «если развитие конституционного права требует новых правовых решений, то они могут быть найдены путем создания высшими судами, и, прежде всего, Конституционным судом РФ, в процессе истолкования конституционных принципов». См.: Проблемы реализации Конституции: Международное исследование // Конституционный вестник. 2008. № 1. С. 248.

с американским опытом. Такие новации в американской социальной политике, как перенесение акцента с социальных пособий, выплачиваемых определенным слоям населения, на программы переобучения и профессиональной подготовки с требованием «обязательного трудового вклада» для инвалидов и некоторых других категорий получателей (замена welfare state на workfare state) при всей противоречивости такого подхода соответствуют требованиям постиндустриального общества.

Для России адекватная трактовка принципа общего блага и правовой доктрины «общего благосостояния» становится едва ли не императивной необходимостью в условиях «системной переходности» и некритическое перенесение западных приемов реформирования (например, в виде «монетизации»). Невозможно продолжать рефлексивную стратегию реагирования на наиболее «кричащие социальные проблемы». Образцами такой стратегии стали частичная индексация размера пособий, принятие программы «материнского капитала», попытки контроля над ценами на коммунальные услуги.

Однако не ставятся (или ставятся как второстепенные) вопросы активного привлечения к решению социальных проблем органов власти на местах, более активного участия российского бизнеса в решении социальных проблем, изменения позиции СМИ в направлении признания принципа социального государства, переориентации политики в сфере образования и занятости. Долю ответственности должно взять на себя и научное сообщество, относящееся к принципу социального государства как к неосуществленной и неосуществимой декларации. Для России верная трактовка социального государства — это путь к тому, чтобы не потерять государство для будущих поколений, государство как объединительную идею. Выход из существующего положения в переходе от защиты абстрактных государственных интересов⁵ к защите общего блага, понимаемого как главная цель государства, соответствующая законным правам и общему интересу всех — большинства и меньшинства, всех социальных групп и, в первую очередь, каждого человека. При этом надо учитывать и опыт англо-американского права, где категории общего благосостояния и общественного интереса принимают значение конституционных принципов, юридическая сила которых выше иных нормативных установлений и решений властной элиты. Там понятие общего блага⁶, этой сердцевины конституционализма, увязывается с судебными конституционными гарантиями частной собственности и предоставлением каждому равных юридических возможностей в сочетании с некоторыми фактическими возможностями, осуществляемыми путем перераспределения материальных благ в духе европейского социального государства.

⁵ Г. А. Гаджиев верно отмечает сложность вопроса о том, в каких случаях общественный интерес соответствует интересам социальной общности, а в каких представляет собой квазипубличный интерес государственной бюрократии. См.: Проблемы реализации Конституции... С. 257.

⁶ Подробнее о концепции общего блага см.: *Гаджиев Г. А.* Этические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте «конституционной экономики // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / сост. П. Баренбойм, А. Захаров. М., 2010. С. 79–89.

А. В. Стремоухов¹СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевым принципом социальных прав, вокруг которого выстроилась их система, является положение, сформулированное в п. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благополучия его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам».

В период работы над текстом Всеобщей декларации прав человека (1948) именно Советский Союз, несмотря на возражения западных держав, руководствуясь опытом осуществления социальных прав, предложил записать в ней такие права, как право на труд, на отдых, на социальное обеспечение. Впервые в истории международных отношений в этом документе были закреплены многие социальные права².

В 1993 году Российская Федерация была провозглашена правовым и социальным государством (ст. 1, 7 Конституции РФ). Современное государство только и может создаваться как правовое и социальное, «когда же социальное государство отсутствует, рушится и правовое государство»³.

Высшей целью России как социального государства⁴ является создание условий (юридических, организационных, экономических), обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Под достойной жизнью обычно понимают материальную обеспеченность на уровне стандартов развитого общества, возможность обладать и пользоваться материальными и социальными благами современной цивилизации, включая жилище, медицинское обслуживание и социальное обеспечение, а также здоровую экологическую среду.

П. И. Новгородцев, обосновывая право на достойное человеческое существование, указывал, что «пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатками средств... Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя за-

боту о материальных условиях его осуществления»⁵. Материальные условия достойного существования человека юридически обеспечивают социальные права.

Социальные права — это установленные Конституцией РФ и международными правовыми актами фактические и юридические возможности человека, обеспечивающие достойный уровень его материального и физиологического бытия, а также защищенность этого бытия.

По поводу определения социальных прав существует широкая полемика⁶. Почти все определения социальных прав отличаются одно от другого. Но контент-анализ показал, что большинство определений объединяет нечто общее: то, что социальные права — это возможности обеспечения человеком достойного уровня собственной жизни⁷.

Социальные права занимают важное место в системе основных прав: это неотчуждаемые права каждого человека и гражданина; они направлены на удовлетворение наиболее значимых для каждого человека потребностей в жилье и питании, работе и отдыхе.

До сих пор не все юристы однозначно принимают высказанное положение. Длительное время социальные права не признавались в качестве основных прав. Классическая теория и практика буржуазного права исходили из того, что качествами основных прав человека обладают лишь природные и политические права и свободы; что же касается социальных, то они рассматривались в виде «программных установок законодателя»⁸.

Некоторые российские ученые и сегодня практически разделяют эту позицию. Так, профессор С. С. Алексеев считает, что социальные права — это не что иное, как идеалы, лозунги-задачи, принципы деятельности государства, выступающего в качестве института «общественного служения», что эти права есть особые «юридически слабые права публичного характера»⁹. Авторы одного из учебников «Консти-

⁵ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 322–323.

⁶ См.: Нелюбина Е. В. Понятие и место социальных прав в системе прав человека и гражданина // Государство и право. 2009. № 8. С. 103–106.

⁷ См., к примеру: Аристов Е. В. Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционное исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8–9; Бондарь Н. С. Права человека и Конституция. Ростов н/Д, 1998. С. 186; Конституционное право / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 1999. С. 146; Права человека: учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2001. С. 164; Конституционные права и свободы человека и гражданина / под ред. О. И. Тиунова. М., 2005. С. 186–187; Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 118.

⁸ См.: Бондарь Н. С. Права человека и Конституции России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 1996. С. 177.

⁹ См.: Алексеев С. С. Право: азбука—теория—философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 620, 622.

¹ Заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук.

² См.: Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008. С. 155.

³ Зорькин В. Д. Об угрозах Конституционному строю в XXI в. и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 8.

⁴ Подробно о характеристике социального государства см.: Постников В. Г. Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 98–100.

туционное право»¹ даже не упоминают в своей работе о том, что Конституция РФ закрепляет целый банк социальных прав человека и гражданина.

Весьма убедительно оппонировал авторам такого подхода еще в начале прошлого века П. И. Новгородцев. Он писал: «Когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим следует разуметь не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни»².

Потребовался достаточно длительный исторический процесс, чтобы право на достойное человеческое существование, или социальные права, получили признание в качестве основных прав человека и вошли в единую систему как права и свободы второго поколения.

В настоящее время социальные права имеют всеобщее признание. Они закреплены во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), Европейской социальной хартии (1961) и др.

К ним Конституция РФ относит: право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37); право на отдых (ч. 5 ст. 37); право на охрану материнства, детства и семьи (ч. 1 ст. 38); право родителей заботиться о детях и их воспитании (ч. 2 ст. 38); право на социальное обеспечение (ст. 39); право на жилище (ст. 40);

право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); право на благоприятную окружающую среду (ст. 42).

Особенности социальных прав

1. Их объем и возможности реализации во многом зависят от состояния экономики, ресурсов и позитивной деятельности конкретного государства, которую невозможно создать в одночасье одинаковой во всех государствах. Ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах специально говорит о том, что эти права должны обеспечиваться постепенно и «в максимальных пределах имеющихся ресурсов». Следовательно, возможности обеспечения их реализации гораздо ниже, чем у других прав.

2. Эти права распространяются только на сферу материально-бытовой и биологической жизни и направлены на удовлетворение важнейших, наиболее значимых для каждого человека потребностей в жилье и питании, работе и отдыхе и т. д.

3. Юридические формулировки базовых положений этих прав могут носить рекомендательный характер (например, «право на достойную жизнь», «право на справедливые и благоприятные условия труда», «право на удовлетворительное существование»).

4. Этим правам корреспондирует обязанность государства обеспечивать их экономическими, политическими и юридическими мерами.

5. Они закрепляются за каждым человеком, то есть не зависят от гражданства их субъектов.

6. Прямое действие этих прав объективно оказывается весьма относительным³.

И. А. Честнов⁴

РАЗВИТИЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кардинальные изменения, происходящие в современном (постсовременном) обществе, во многом обусловленные процессом глобализации, и философии, выступающей рефлексией, в том числе над социальным миром, не могут не привести к изменениям в государственном устройстве и, соответственно, в теории государства⁵, в концепции соци-

ального, правового государства. Поэтому представляется чрезвычайно важным рассмотреть изменения основных характеристик государственности, в том числе концепций социального, правового государства, и наметить контуры формирующейся постклассической теории государства.

В организации и функционировании государства сегодня происходят противоположные, взаимоисключающие изменения. С одной стороны, государство утрачивает свое бывшее могущество, отдавая многие ранее считавшиеся сугубо государственными функции надгосударственным и негосударственным (преимущественно международным) организациям и частным лицам. В современном глобальном постиндустриальном, информационном обществе размываются «очертания»,

¹ См.: Габричидзе Б. Н., Ким-Кимэн А. Н., Чернявский А. Г. Конституционное право: учеб. М., 2003.

² Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование СПб., 1911. С. 4.

³ См.: Гревцов Ю. И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 79.

⁴ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук.

⁵ Термин «теория государства» — безусловно, метафора. Как таковой теории государства сегодня не существует в силу дифференциации социального знания на юридическую теорию государства, политическую, экономическую и т. д. «Ближе» всего к «теории государства» располагаются теория управления и социология. Однако первая изучает один из

аспектов государства (как и юриспруденция, политология и т. д.), а вторая не может не конкретизироваться в изучении социальных явлений (и государства в том числе) так называемыми «частными социологическими теориями» — общественными науками, все теми же юриспруденцией, политологией, экономической наукой и т. д.

признаки, основные характеристики государства эпохи модерна, государства-нации. Государство постепенно превращается в аморфное образование с неопределенными границами в силу «растворения» его функций в надгосударственных и негосударственных образованиях. Так, Мартин Ван Кревельд в работе с весьма звучным названием «Расцвет и упадок государства» небезосновательно утверждает, что по мере того как «современное государство оставляет командные высоты, которых оно достигло между 1945 и 1975 годами, некоторые из его наиболее характерных институтов с большой вероятностью приходят в упадок. К их числу относятся, что довольно естественно, находящиеся в государственной собственности хозяйственные предприятия (которые от Китая до Британии либо ликвидируются, либо распродаются); системы социального страхования (чья доля в ВВП падает повсеместно); система правосудия (в некоторых странах частное правосудие, так же известное как «аренда судьи», начинает одерживать верх, поскольку работает быстрее и дешевле, чем та, которую представляет государство); тюремная система (все развитые страны, от Австралии и Британии до США, в отчаянии ищут более дешевой альтернативы тюремному заключению и экспериментируют с частными тюрьмами); вооруженные силы (многие из которых, сильно сокращены после окончания «холодной войны», до сих пор стремятся найти себе новые задачи, от поисково-спасательных работ до ведения войны с наркотиками); полиция (которая дополняется, а часто заменяется частными службами безопасности); государственные школы (которые превращаются в учебные заведения для детей низших классов, поскольку состоятельные родители либо посылают своих детей в частные школы, либо обращаются к домашнему обучению); государственные средства массовой информации (которые, помимо того, что требуют значительных субсидий, зачастую являются прекрасной иллюстрацией словосочетания «тоска зеленая»); и статистический аппарат (который в той мере, в какой он оперирует в терминах отдельных государств, становится все более бессмысленным). Так или иначе, но все эти и другие государственные службы сокращаются по всему миру»¹. Известный политолог Ф. Шмиттер в этой связи утверждает, что европейская действительность оставляет позади фазу нации-государства, поскольку «современный контекст неуклонно благоприятствует преобразованию государств либо в конфедерации, либо в кондоминиумы, либо в федерации разного состава и структуры»². Анализируя современные тенденции в области глобализации один из крупнейших юристов современности О. Хеффе приходит к выводу, что эпоха суверенного государства закончилась или приближается к своему завершению вследствие перехода реальных

¹ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 512.

² Schmitter P. The European Community as an Emergent and Novel Form of Political Domination // Instituto Juan March. Working Paper. № 26. 1991. P. 15.

властных полномочий к надгосударственным органам, совокупность которых образует «федеративную, субсидиарную, комплементарную мировую республику»³. По мнению М. Манна, современное государство больше не может принимать самостоятельные решения по вопросам, относящимся к его «внутренним делам», что означает эрозию его суверенитета⁴. Можно и дальше продолжать изложение такого рода высказываний. Очевидно, что в современном научном сообществе сложилась, по крайней мере, серьезная озабоченность перспективами государства-нации.

Однако, с другой стороны, государство имплицитно, используя новые «мягкие», знаково-символические методы властвования, проникает во все сферы общества, устанавливая, по мнению некоторых исследователей, тотальный контроль с помощью манипулятивных технологий⁵. Именно эта знаково-символическая деятельность обеспечивает социальную идентичность и тем самым превращает аморфную массу — население — в субъект права и политики — народ, нацию. Тем самым именно государство формирует, политически и юридически организует общество. В этом, как представляется, состоит трансформация социальной природы и правовой формы современного (постсовременного) государства.

Несмотря на чрезвычайную актуальность изучения трансформаций, происходящих с современным (постсовременным) государством⁶, более интересным и, может быть, более важным представляется анализ *изменений представлений, в том числе теоретических, о сущности, роли и значении государства*. Это обусловлено тем, что сегодня меняются философско-мировоззренческие основания восприятия социальных явлений и процессов (включая, безусловно, и государство). Более того, приходит признание неискоренимости представлений (значений) о социальном объекте из его онтологии. Социальные явления и процессы не существуют вне тех значений и смыслов, которые им приписывают люди и, тем самым, совершают социально значимые действия, выступающие содержанием соответствующих процессов и явлений. Признание имманентности знаково-символической опосредованности социального бытия — один из постулатов

³ Hoeffe O. Demokratie im Zeitalter der Globalisierung. 2. Aufl. München, 2002.

⁴ Mann M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Development, not Dying // Daedalus. 122. № 3. Summer 1993.

⁵ См.: MacIntyre A. Verlust der Tugend. Zum moralische Kriege der Gegenwart. Frankfurt am Main. 1995. Teil 4; Foucault M. Mikrophysik der Macht. Berlin, 1976; Бурдье П. О символической власти // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005; Он же. Социальное пространство и символическая власть // Там же.

⁶ Этому посвящен, в частности, специальный выпуск журнала «Европейское обозрение» (European Review. Cambridge, 2005. Vol. 13. Supp. № 1), в котором излагается проект центра Бременского университета по изучению трансформаций современных государств; см. также: Schuppert G. F. Was ist und wie misst man Wandel von Staatlichkeit? // Der Staat. 2008. Bd. 47. Heft 3; Genschel Ph., Leibfried St. Schupperts Staat: Wie beobachtet man den Wandel eine Formidee? // Ibid.

постклассического мировоззрения, картины мира, возникающих в эпоху постиндустриального, пост-модерного общества.

Классическая теория государства, основанная на классической научной парадигме, постулирует универсальность, объективность и рациональность государства. Тем самым государство предстает устойчивым (статичным), независимым от индивидов надындивидуальным, разумным феноменом, свойственным любому современному социуму с едиными признаками — характеристиками. Постклассическое науковедение¹, как раздел философии, исходит из контекстуальности, релятивности, имманентной субъективности, изменяющей представление об объективности, постоянной изменчивости государственности. Постклассическая рациональность, как содержание постклассического науковедения, исходит из принципиальной непредсказуемости (по крайней мере, в точках бифуркации) трансформаций, происходящих сегодня в социальном мире (в том числе и с государственностью), и коммуникативной концепции истины как общезначимости, вырабатываемой дискурсивными практиками коммуникативным сообществом².

Исходя из положений постклассической социальной философии, *государство* можно определить как *механизм воспроизводства политически и юридически организованного социума*. Эту деятельность осуществляет правящая элита и референтная группа во взаимодействии (в идеале — диалоге) с населением. Элита и референтная группа выраба-

тывают политические и юридические инновации, а широкие народные массы осуществляют их легитимацию (или антилегитимацию) и совместно с государственным аппаратом воспроизводят их в практической жизнедеятельности. Несовпадения и одновременно взаимодополнительность представлений (стереотипов) о государстве, действий в политико-юридической сфере, механизм формирования политических интересов и ожиданий, «человеческое» в государственной должности — вот далеко не полный перечень проблем, нуждающихся в осмыслении с позиций новой — постклассической — методологии. Именно в постклассической методологии видятся перспективы переосмысления концепции социального, правового государства в изменившемся социокультурном контексте.

Процесс глобализации, определяющий основные трансформации государственности, не является унификацией политико-правового устройства современных социумов. При любом отношении к этому противоречивому процессу нельзя не признать, что новые — знаково-символические, манипулятивные — методы власти и правового регулирования связаны с возрастанием и расширением значения *легитимации* государства и права. Именно в этом, как представляется, состоит *переосмысление концепции социального правового государства: содержание последних — признание населением форм власти и правового регулирования, очерчивающее конфигурацию государства и права именно в этом обществе*.

В. Е. Чиркин³

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНДИКАТОРЫ

Элементы социальной деятельности государства известны с древнейших времен (государственные оросительные системы на Востоке, «водопровод, построенный еще рабами Рима» (В. В. Маяковский), зякат в мусульманской умме — 5-процентный налог с имущества богатых в пользу бедных и др.). Определенная «социальность» государства вытекает из того, что оно в какой-то мере всегда было организацией по выполнению «общих дел» (это вскользь отмечал и К. Маркс), а также политическим институтом общества по регулированию социальных кон-

¹ В. С. Степин использует термин «постнеклассическое науковедение» (Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009).

² *Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main, 1988; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981. Bd. 1, 2.*

³ Главный научный сотрудник Сектора сравнительного права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Государственная власть в развивающихся странах», «Основы сравнительного государственоведения», «Законодательная власть», «Глава государства. Сравнительно-правовое исследование»; учебников «Конституционное право России», «Государственное и муниципальное управление», «Публичное управление» и др. Член редколлегии журналов: «Труды Института государства и права Российской академии наук», «Государство и право».

фликтов, чтобы они не разрослись до степени, угрожающей анархии и распаду общества. Уже мыслители Древнего мира пытались осознать и обобщить эти элементы социальности (например, некоторые положения китайского автора Конфуция, индийские законы Ману, «государство философов» у Платона), в дальнейшем это делали некоторые писатели Средних веков и утописты. Однако зачатки идей социального государства как особого явления появились во второй половине XIX века в работах части бывших левогегельянцев. В отличие от К. Маркса, Ф. Энгельса и их сторонников (тоже в прошлом левогегельянцев), которые для «ликвидации эксплуатации человека человеком» выдвинули идею диктатуры пролетариата и тезис *социалистического* государства, Л. фон Штейн и его последователи считали, что государство должно принять радикальные меры по «подъему» низших классов общества до уровня богатых и сильных.

Первыми конституциями, законодательно закрепившими отдельные элементы *социального* государства, были мексиканская 1917 года и Веймарская конституция Германии 1919 года, обе они были приняты на волнах революционных событий. Множе-

ство принципиальных социальных положений с позиций классовой борьбы, ликвидации частной собственности и установления власти рабочих и крестьян содержалось в первой советской Конституции 1918 года, в последующих советских конституциях, в основных законах «стран народной демократии» после Второй мировой войны. Несколько иного рода важные социальные положения были в конституциях 1920-х годов и позже, принятых в Народных Республиках Монголии и Туве, Бухаре и Хорезме, затем во многих конституциях стран, освободившихся от колониальной зависимости (особенно в Конституции Индии 1949 г.). В отличие от первых, «инструментальных» конституций (они содержали в основном положения о личных и политических правах и высших органах государства) после Второй мировой войны общим правилом стали «социальные» конституции.

Впервые термин «социальное государство» был включен в определение государства в Конституции Германии 1949 года. Теперь такой термин наряду с положениями о демократическом, правовом и светском государстве присутствует во многих конституциях Европы Азии, Африки, Латинской Америки. В них, однако, есть только клише «социальное государство», его содержание и цели в таких статьях не раскрываются, хотя о некоторых мерах социального государства говорится в последующих статьях (об установлении государством минимального размера оплаты труда — МРОТ, прожиточном минимуме, об особой заботе о кочевых, горных, малых коренных народах и т. д.). В ст. 7 Конституции РФ содержится важнейшее принципиальное положение о целях деятельности социального государства — достойная жизнь и свободное развитие человека.

На наш взгляд, важно различать экономические, социальные и конституционные индикаторы (правовые индикаторы, взятые в целом, гораздо более детально и выходят за пределы статьи) социального государства. Экономические и социальные индикаторы требуют наличия определенных ресурсов у общества и государства, выделения приоритетов в экономической и социальной политике, соответствующих пропорций в распределении государственного бюджета, они могут быть выражены в процентах, математически. Такие ресурсы, как и уровень жизни общества в разных странах, крайне неодинаковы. Установленный законом минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в богатом Люксембурге — 1642 евро в месяц (приблизительно 66 тыс. руб.¹, меньше работнику нельзя платить на предприятиях в учреждениях любой формы собственности), в Нидерландах — 1392 евро, во Франции — 1321 евро — недостижимая мечта даже в космически отдаленном будущем не только для жителей тропической Африки, но и для многих европейских государств. В Эстонии МРОТ — 728 евро, в Испании — приблизительно 600, в Латвии — 232². В России МРОТ в 2010 году составлял 4330 руб. (около 106 евро). Как сооб-

щалось, с 2011 года МРОТ в России индексируется на 6 % (это значительно менее уровня инфляции) и будет составлять 4611 руб.³ Это ниже, чем в Болгарии (123 евро), не говоря уже о Польше или Чехии (там больше в 2–3 раза), хотя эти страны не имеют ни нефти, ни газа. Правда, оценивая подобные данные, нельзя забывать о том, что производительность труда в России вчетверо меньше, чем в США, втрое — чем в Западной Европе (в сельском хозяйстве — в 5–6 раз), а расточительность огромна: на единицу изделия тратится в 3–4 раза больше энергии и воды.

Социальные отношения в обществе разных стран тоже неодинаковы. Об этом свидетельствуют примеры «уличных боев», социального поведения олигархов разных стран, включая их благотворительность, и повседневного отношения труда и капитала, уровень пенсий, организация образования или здравоохранения. В некоторых странах вообще нет МРОТа или пенсий.

Требования разных народов к качествам социального государства неодинаковы. В Норвегии, занимающей в мировом рейтинге качества жизни первое место, они иные, чем в Индии (134-е место)⁴, но идея социального государства, этот принцип в конституциях, определенная ступень в движении к такому государству — социальная ценность. Этот конституционный принцип в определенных формах, хотя бы как целеполагание, может быть закреплен в конституциях всех государств, он должен стать вектором деятельности властных структур и всегда может являться ориентиром развития общества и государства: построение идеального социального государства во всех странах впереди, а за новой ступенью в его развитии должна последовать другая.

На наш взгляд, в конституциях XXI века могли бы получить закрепление следующие элементы принципа конституционного государства, которые стали бы конституционными индикаторами.

1. *Формулировка о главных целях политики и деятельности социального государства.* Выше говорилось о двух целях, названных в ст. 7 Конституции РФ. На наш взгляд, они верно отражают главное, хотя можно обсуждать и другие формулировки. Пространные положения такого рода содержатся в конституциях Бразилии, Индии, Филиппин, других стран в разделах, озаглавленных «Руководящие принципы политики» (государства, правительства, управления). Однако в них есть оговорка, что на основе таких конституционных положений нельзя требовать осуществления конкретных социально-экономических прав в судебном порядке (например, права на труд или на жилище). Это только руководящие принципы для деятельности органов, управляющих страной.

2. *Включение в конституции на уровне международных стандартов перечня социально-экономических прав человека и гражданина.* Теперь такие права (они обычно называются правами второго поколения, первым были личные и политические (гражданские)

¹ Следует учесть, что курсы валют изменяются.

² См.: Аргументы и факты. 2009. № 33. С. 12.

³ См.: Российская газета. 2010. 30 дек.

⁴ См.: Human Development Report 2009 — HDI rankings. United Nations Development Programme. N. Y., 2009. P. 1.

права) названы в большинстве конституций (включая основные низамы стран мусульманского фундаментализма). Нет таких норм в «старых» конституциях (США, 1787 г.; Норвегии, 1814 г.), в конституциях государств — членов Британского содружества в Карибском регионе, других стран, но во многих из них основные признаки социального государства существуют на практике. Это, конечно, не мешает подкрепить практику соответствующими конституционными положениями.

3. *Социальная функция частной собственности.* В новых конституциях нет положений о «священной и неприкосновенной» частной собственности. Напротив, говорится, что собственность обязывает, она должна служить общему благу (наряду с интересами собственника), выполнять социальную функцию (например, ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г.). В постсоциалистических конституциях, в том числе в России, таких положений нет. Иногда конституции содержат более широкие формулировки, относящиеся в целом к собственности. Ст. 128 Конституции Испании 1978 года устанавливает, что все виды богатств, независимо от вида собственности, должны служить общему благу. В Конституции Индии 1949 года в ст. 38 говорится, что собственность и контроль над материальными ресурсами должны быть распределены так, чтобы они служили общему благу и не приводили к концентрации богатств и средств производства во вред общим интересам (в действительности в Индии есть крупные монополии и долларовые миллиардеры). Национализация частной собственности (теперь только за возмещение, часто предварительное) признана современными конституциями многих стран и время от времени осуществляется. Даже в США во время кризиса в 2008 году имела место своеобразная фактическая национализация некоторых компаний. Вместе с тем социальная функция частной собственности отнюдь не исключает защиту права собственности.

4. *Социально ориентированная экономика.* Положения такого рода редки (есть в Конституции Польши 1997 г.), чаще они обсуждаются на уровне научных дискуссий и обычно в плане численных сопоставлений (например, какой процент ВВП следует тратить на образование, науку или здравоохранение). Юридическими методами этот вопрос решить нельзя. Необходимы комплексные расчеты с участием специалистов различного профиля и прежде всего политическая воля доминирующего в обществе социального слоя и руководства страны при обязательном учете реальных возможностей общества. Неоправданные социальные расходы могут привести к сложностям в развитии страны (как было в Швеции или Испании) и даже к порогу банкротства, перед которым оказалась, например, Исландия в 2008 году во время мирового экономического кризиса, а в 2010 году — Ирландия, Греция и Португалия.

5. *Социальная справедливость*¹, включая справедливое распределение общественных богатств, созданных природой и трудом человека. Положения

¹ Некоторые российские авторы различают виды закрепляемой в конституциях справедливости: дистрибутивную (например, льготы), распределительную (пенсии), коммуни-

такого рода (преимущественно общая формулировка о социальной справедливости) есть в немногих конституциях (Бразилии, Египта, Индии, Ирландии и др.), и толкуются они тоже неодинаково. В Конституции РФ такого положения нет, но словосочетание «социальная справедливость» есть в законах об общественных объединениях (1995) и политических партиях (2001) с указанием на то, что оно не является разжиганием социальной розни. Призыв к социальной справедливости в России исходит и от Русской православной церкви².

Социальная справедливость имеет множество аспектов. Мы уже упоминали о МРОТ. В некоторых конституциях предусматривается установление государством черты бедности («потребительской корзины»). Она определяется законами как набор товаров и услуг, необходимых для поддержания жизнедеятельности. Это довольно ушербная мера социальной справедливости. В России такой набор пересматривается раз в пять лет (на практике он был просто подтвержден), в денежном выражении «потребительская корзина» устанавливается постановлениями Правительства РФ на каждый квартал. На III квартал 2010 года (по Постановлению Правительства РФ от 16 декабря 2010 г. № 1020) она составила 5707 руб.³, что ниже МРОТа. Это означает, что при МРОТе даже один человек, без семьи, не может обеспечить свое существование (в 2010 г. прожиточный минимум, например, в Германии составлял 347 евро в месяц, то есть около 13 300 руб., в Великобритании «корзина» включает 800 наименований). Лица, чей доход (в том числе членов семьи) не достигает установленной величины для жизни, имеют право на субсидии от государства (везде при их выделении существует строгая проверка). Есть много других сторон социальной справедливости (пособия по безработице обычно в течение года, в Канаде — 8 месяцев, государственная социальная помощь, государственное и муниципальное образование и здравоохранение, прогрессивное налогообложение и др.)⁴.

Социальная справедливость демонстрируется также разницей в доходах 10 % самых бедных и 10 % самых богатых. В Западной Европе разрыв составляет 7–9 раз, в США — 15, в России, по официальным данным по стране, — до 19 раз (в Москве — 34 раза)⁵, по неофициальным подсчетам — до 40–50 раз. Публикация в 2010 году деклараций о годовых доходах должностных лиц Российского государства и о ге-

кативную. См.: Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости. М., 2009. С. 27–37.

² Российская газета. 2009. 28 янв.

³ Российская газета. 2010. 20 дек.

⁴ В России, одной из немногих стран мира, прогрессивного налогообложения нет. Заявляют иногда, что наши соответствующие органы не могут осуществить такой сбор налогов. Может быть, тогда их нужно заменить другими, теми, кто сможет? Говорится и о том, что переход к «плоской» шкале налогообложения (13 % с любого дохода) повысил собираемость налогов, но это повышение — с бедных, а не с высоких доходов. В Дании, например (правда, это небольшая страна), при налогообложении учитывается все. Размер налога зависит и от того, какой у тебя дом, какая машина, как часто ты ею пользуешься, есть ли еще машина в семье и т. д.

⁵ См.: Российская газета. 2008. 13 авг.

ниальных женах министров и губернаторов, иногда зарабатывающих в десятки, а в единичных случаях — почти в сотню раз больше своих мужей (до 600 млн руб.), стала определенным шоком для российского общества. Среди 100 должностных лиц государства (парламентариев, министров, губернаторов и др., список лиц составлен журналистами), получивших в 2009 году самые высокие доходы (иногда более 2 млрд руб.), на первых местах в списке оказались некоторые парламентарии; премьер-министр занял 99-е место, президент — последнее¹.

6. *Правовое равенство и фактическое выравнивание социально-экономического положения людей, социальных, этнических и иных общностей, вносящих свой вклад в развитие общества.* Декларирования простого равенства возможностей недостаточно. Некоторые конституционные нормы о выравнивании или об особой заботе государства относятся к горным, кочевым народам, сельскому населению, коренным малочисленным народам. Во многих конституциях сказано об особой заботе в отношении детей, ветеранов и т. д. Общество должно проявлять особую заботу о некоторых категориях лиц. Правда, круг таких категорий иногда слишком расширен. В данном случае необходима более точная юридическая определенность.

7. *Социальное партнерство (социальная солидарность²) и одновременно экономическая и политическая состоятельность различных слоев населения и представляющих их объединений.* Этот принцип содержится в немногих конституциях (например, в Конституции Египта 1971 г., Португалии 1976 г.). О социальном партнерстве правительства, объединений предпринимателей и профсоюзов говорится в ст. 14 Конституции Республики Беларусь 1996 года. Наиболее широкая формулировка — о «человеческой солидарности» — содержится в ст. 13 Конституции Кубы 1976 года. В Конституции Бразилии 1988 года в качестве одной из основных целей государства выдвигается построение «солидарного общества» (ст. 3). В России о социальном партнерстве сказано в Трудовом кодексе 2001 года. Социальное партнерство не ограничивается и не должно ограничиваться трудовыми отношениями. Кроме того, оно не исключает состоятельности, ибо у разных групп населения есть, помимо общих, собственные интересы. Партнерство, как и состоятельность, должно распространяться также на политическую сферу, о чем говорится в единичных конституциях (Чехия и др.), оно не исключает чередования партий у власти по воле народа (избирателей).

8. *Социальная ответственность различных слоев населения и властных структур, в том числе во вре-*

мя трудовых и иных конфликтов. Этому учат события, произошедшие в зарубежных странах (например, в 2010 г. в Киргизии), как, впрочем, и события в самой России в октябре 1993 года со стрельбой из танков по зданию парламента. Социальная ответственность еще не нашла своего выражения в нормах конституций. В обществе она рассматривается скорее как моральное явление. Обычно говорится о социальной ответственности бизнеса. Однако социальная ответственность должна быть многосторонней. Ее должно нести государство, не выполнившее своих обязательств (возможна политическая ответственность — отставка правительства, а также ответственность в иных формах, в том числе за ущерб), ее несут работники (ибо забастовка на определенном предприятии может принести больший ущерб обществу, чем выгоды от нее работникам), есть ответственность бизнеса (например, за невыплату в срок заработной платы). Все это — отдельные примеры. Общее понятие социальной ответственности, необходимое для современных конституций, пока не выработано.

9. *Социально-экономический арбитраж государства.* Государство не является социально нейтральной силой, но оно выражает интересы не только большинства населения с защитой законных прав меньшинства, как обычно говорится в западной литературе (хотя и это имеет место). Во-первых, у государства как определенной организации есть своя воля, независимая или не полностью зависимая от социальной структуры общества. Во-вторых, хотя по общему правилу государство выражает (или учитывает) интересы большинства населения (во многих развитых государствах большинство населения составляет «средний класс»), оно прежде всего действует в соответствии с интересами и под давлением того социального слоя, который доминирует в обществе экономически, политически и идеологически. Однако все же государственная власть поддается давлению со стороны иных слоев (нельзя доводить ситуацию до социального взрыва, который грозит отстранением самой власти). Включение положений об арбитражной роли государства в конституции придало бы большую ясность роли государства в социально-экономических и политических отношениях.

В 1970–1980-х годах социальное государство обычно толковалось как государство *всеобщего* благоденствия. Практика разрушила этот миф, а теория поставила вопрос иначе: государство должно создавать инфраструктуру и обеспечить основные нужды человека, но и сам человек обязан заботиться о себе и своей семье.

¹ Среди женщин, не являющихся государственными служащими, самый крупный доход оказался у жены бывшего мэра Москвы Лужкова — 30 млрд руб. См.: Российская газета. 2010. 13, 14, 17 мая; Российская газета. Неделя. 2010. № 102. С. 11; № 108. С. 4; Аргументы и факты. 2010. № 20. С. 4.

² В каждом из этих двух словосочетаний есть достоинства и недостатки.

Секция 5

РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Руководители секции:

П. Н. ГУСЕВ	главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, заслуженный работник культуры РФ
В. Г. ЛОШАК	главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики МГИМО (Университет) МИД РФ
В. К. МАМОНТОВ	президент ОАО «Редакция газеты «Известия»
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс»

А. Алимжанов¹

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ НА ТЕМУ «РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР»

Актуальность темы нынешних Лихачевских научных чтений ни у кого не вызывает сомнений. «Диалог культур в условиях глобализации» возможен и необходим. И события последних дней в странах Арабского Востока, Северной Африки — еще одно аргументированное подтверждение его необходимости.

Несколько субъективных мыслей по данной теме. Мне близка данная тема в силу того, что я живу в стране, расположенной на той самой границе Востока и Запада. Может быть, она достаточно условна в культурном смысле, но достаточно конкретна в географическом. И если пристально изучать историю региона Центральной Азии в целом, то можно очень четко и ясно проследить крупницы материи, из которой, собственно, и складывается разноцветное полотно диалога культур. Тем более что сохранилось немало артефактов, свидетельствующих о диалоге с незапамятных времен. Для примера можно привести находки таримских мумий европеоидов (так называемая «Лоуланьская красавица»), которые жили более 4 тысяч лет назад и умели, как свидетельствуют артефакты, успешно сосуществовать с представителями других рас.

Но что же мы имеем сегодня? В силу обстоятельств я прожил несколько лет в Москве (2007–2009) и обнаружил много общего между нашими странами. Увы, но тенденция к снижению образовательного уровня населения характерна и для России, и для Казахстана. Я бы даже назвал данный процесс люмпенизацией. Как следствие, убийство инородца, дворника, в те годы уже не было событием. Это становилось обыденностью. Поскольку моя работа

была связана с общественными коммуникациями, ко мне обращалась одна уважаемая российская газета с вопросом о том, как я (как иностранный гражданин) забочусь о собственной безопасности. Это был своего рода опрос людей о том, что они делают в этом направлении. Журналистка спросила меня: «А не носите ли вы с собой нож в целях безопасности?» Меня тогда это поразило!

Мы медленно, но верно забываем друг друга. Уже выросли целые поколения детей и у нас, и в России, которые с трудом представляют наши страны. И не только дети! Представления друг о друге свелись к набору стереотипов. Водка, Чечня, балалайка, Байконур, тубетейка, нефть... Мы уже не видим различий.

И как тут не вспомнить слова Дмитрия Лихачева: «Именно индивидуальные особенности народов связывают нас друг с другом, заставляют любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогает нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно».

В последнее время мы часто слышим разговоры об экологии. Глобальное потепление, глобальное похолодание... Но мы не вспоминаем, что в экологии есть две части: экология биологическая и экология нравственная, как утверждал Дмитрий Лихачев. Нравственная экология сегодня в еще более плачевном состоянии, чем биологическая! Это видно уже невооруженным глазом.

Многие из нас родом из несуществующей страны СССР. Во время его существования Казахстан

¹ Директор филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан.

называли «лабораторией дружбы народов». На нашей территории всегда было много племен и народов. И сегодня их около сотни. Мы декларируем, что в Казахстане сложилась некая уникальная модель межнационального согласия. Некоторые горячие головы уже начали говорить об уникальном опыте, который надо распространить даже в Европе. Но жизнь подсказывает, что модель, увы, не идеальная. Противоречий много, потому как везде — люди. А у людей есть интересы. Эпоха всеобщей дружбы заканчивается и уступает место эпохе учета интересов. И может, надо перестать заверять друг друга в вечной и нерушимой дружбе, а перейти к созданию и сохранению баланса интересов друг друга?

В последнее время приходится часто слышать термин «конфликт цивилизаций». Справедливо ли это? Цивилизация одна. Людей много. Интересы разные. Представления о мире разные. Но биологический вид один! Так что точнее будет — конфликт интересов, а не война цивилизаций.

Кто-то утверждал, что история человечества — это история войн. Тоже спорный тезис. Просто война дольше сохраняется в памяти. А мирная разме-

ренная жизнь не так богата событиями, или, как сегодня говорят, информационными поводами. Вот живут же бок о бок армяне и грузины, и никогда не воевали друг с другом. Кочевники Центральной Азии за многие века выработали ген терпимости. Да, были воинственные племена, но всегда в основе их развития был диалог. По степной традиции речь хана мог прервать только поэт. Такова цена *слова* в степи.

Но самое главное подтверждение — существование Великого шелкового пути. Караваны всегда шли с Востока на Запад и с Запада на Восток. Они и сегодня идут. Недаром строится современная автомагистраль Западная Европа—Западный Китай. Это еще одно подтверждение вечной мудрости — обо всем можно договориться! Нужно только начать диалог. И пока он не закончится, «Шелковый путь» взаимопроникновения культур будет открыт. Мы будем успешно взаимодействовать с учетом интересов всех, как люди из Таримской пустыни более 4 тысяч лет назад.

А диалог в современных условиях без средств массовой информации немислим.

Ю. А. Вербицкая¹

РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: КРЫМСКИЕ АСПЕКТЫ

Возьмем тезис из теории журналистики: «Роль СМИ в глобальном диалоге культур очевидна — это коммуникация и социальные функции журналистики: информационная, образовательная и так далее». А теперь возьмем журналистскую практику в отдельно взятом регионе — Автономной Республике Крым, которая показывает, что тезис «хромеет»: диалог культур на полуострове практически отсутствует, а в отдельных случаях происходит на так называемом «языке вражды». Данное утверждение может выглядеть весьма категорично, тем не менее анализ информационного пространства Крыма это подтверждает.

Если добавить к этому тот факт, что журналистика сегодня стала асоциальна по своей сути, то есть утратила общественное содержание, тогда нам представится и вовсе безрадостная картина.

В российско-украинских отношениях, пребывающих с 2004 года то в фазе обострения, то в фазе стабилизации, Крым занимает особое место. Особость полуострова в геополитическом, социокультурном и гуманитарном плане не вызывает сомнения. В этом контексте вопросы формирования и моделирования крымского информационного пространства становятся основополагающими для обеих стран. В эпоху ведения информационных войн, применения новых информационных и сетевых технологий, психотехнологий и прочих методов манипулятивного воздействия, на первый план выходят проблемы информационной безопасности и содержания поля массо-

вой коммуникации. Содержание массовой коммуникации ключевого для Украины и России региона во многом определяется функционирующими в автономии СМИ, степенью их влиятельности на аудиторию, а также степенью влиятельности на социальные и политические процессы журналистского корпуса автономии в целом.

Собственно крымское информационное пространство поликультурного региона предстает как поле политического и культурологического боя, в котором силы противников сегментированы по национальному и культурному признаку — Крым как часть *русского мира* противопоставляется Крыму как части независимой *прозападно ориентированной* Украины, к тому же в информационном пространстве есть Крым как *часть тюркского мира*.

Сравнительный анализ медиапространства полуострова выявляет две его ключевые характеристики: во-первых, крымские СМИ разделены по национальному, а во-вторых, по политическому признаку. Здесь уместно использовать их деление на про-российские, проукраинские и крымско-татарские. Журналистские «пулы» автономии формируются по национальному и политическому признакам.

Таким образом, каждая из групп формирует свой образ Крыма, не соответствующий реальности, и нагнетает межнациональную обстановку на полуострове.

В итоге активная мыслящая аудитория отказывается от традиционных СМИ и уходит в социальные сети, в частности на Facebook, а большинство населения попадает под манипулятивное воздействие и те-

¹ Журналист, координатор проектов Международного медиа-клуба «Формат-3» (Симферополь, Крым), кандидат филологических наук.

ряет свою социальную субъектность, что никак не способствует диалогу культур в глобальном мире.

А последствия потери субъектности у журналистского сообщества, которые также наблюдаются в медиaprостранстве, и вовсе являются катастрофическими для общества. Возьмем, к примеру, происходящее на Украине в 2004 году и роль журналистов в «оранжевой» революции. Пропаганда, контрпропаганда, информационные войны, манипулятивные техники, наблюдаемые нами на Украине, да и в мировом информационном пространстве, заставляют говорить о том, что, по сути, массовая коммуникация теряет свою творческую составляющую. Из мыслящего субъекта и активного коммуникато-

ра журналист может превратиться в механического ретранслятора идей и, таким образом, рискует стать объектом психотехнологических манипуляций.

Между тем сегодня как никогда востребована социотерапевтическая функция журналистики, то есть работа с обществом, а именно — медиатерапия. В частности, в Крыму необходимо формировать социальный оптимизм, активизировать горизонтальную коммуникацию населения, направлять социальную энергию на позитивные инициативы, в конце концов элементарно общаться с обществом — живо, с пониманием, не страшась затрагивать такие болезненные для Крыма темы, как национальная идентичность.

А. Гербер¹

РОЛЬ СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Взявшись говорить на эту тему, да еще и в обществе профессионалов, я с мучительной неловкостью ощущаю себя человеком, который принес горсточку песка в пустыню...

Ну конечно же, мы — СМИ — играем роль, да еще какую! Ну конечно же, сидя верхом на бочке с порохом, смолим фитиль. Ну конечно же, вот это вовсе не должны, а другое наоборот — очень должны и даже обязаны... А еще, уходя, гасить свет, мыть руки перед едой и, отходя ко сну, подсчитывать, сколько хороших дел сделали за день, чтобы он не пропал даром... Право же, неловко.

А с другой стороны, человек, чье имя собрало здесь и сегодня в одиннадцатый раз неравнодушных представителей интеллигенции разных стран и народов, — как он умел говорить о таких наивных и очевидных истинах в самое несвоевременное время и в самом неподходящем месте. И быть услышанным.

Итак, глобальный диалог, и в нем мы — СМИ.

Не посягая на весь глобальный мир, позволю себе говорить о том, что я знаю чуть-чуть лучше, — о Германии и Европе. А здесь главное событие и главная болевая точка диалога культур — феноменальный, феерический, смертельный провал «мульти-культи». Этим «воздушным» и слегка «мульти-шным» словом означено одно из важнейших для выживания в сегодняшнем мире глобальной культуры суперпонятие — «многообразие и многополярность культур в единой Европе». Еще точнее — именно та конкретная концепция, на которую все так тратились и полагались, как выяснилось, зря. Окончательный диагноз произнесла самая авторитетная и почитаемая в Европе домохозяйка европейской коммуналки — мудрая и уравновешенная канцлер ФРГ Ангела Меркель: «Попытка сказать: “Давайте-ка сейчас устроим мультикультурализм и будем жить вместе и радоваться друг другу” провалилась, — сказала она и добавила: — Абсолютно провалилась».

О провале политики мультикультурности в Европе объявил и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. А Италия и Франция без знаковых деклараций просто перешли к новому укладу. Что сегодня происходит на эту тему в Европе, вы сами видите. Добавлю только, что, по данным социологических исследований, вторым по популярности политиком Германии в минувшем году назван бывший берлинский сенатор и член правления Бундесбанка Тило Саррацин, опубликовавший книгу «Германия самоликвидируется» — о смертельной для страны опасности иммигрантов и «мульти-культи». Скандал вокруг нее не утихает в Германии и далеко за ее пределами, а книга, которую прочло уже как минимум 5 млн человек, безусловно, будет названа книгой года нынешнего.

Еще раз прошу обратить ваше внимание на то, что все это означает не просто и не только отношения внутри Германии, Франции, Великобритании (и далее по глобусу Европы) со своими личными иммигрантами, но провалившуюся модель диалога культур в сегодняшнем мире многокультурной Европы. И это буквально ожог Европы.

Вряд ли в таком кратком сообщении почтенные коллеги ждут от меня (не теоретика, а практика СМИ) анализа или хотя бы серьезного перечня вполне объективных причин такого провала. Хотя он, конечно, такому анализу активно подвергается, поддается и еще очень долго будет темой для ученых, политиков всех мастей и, конечно же, журналистов. Но для нас уже сегодня и сейчас важно понять, что же из этого следует?

А следует жить!

Потому что провал данной модели мультикультурного сосуществования не может означать отказа от диалога культур в принципе. Тут ведь все очень просто: или диалог, или конфликт. То есть совершенно очевидно, что нужны новый взгляд и иная модель сосуществования культур в глобальном пространстве. Такая, которая всем нам на

¹ Главный редактор RW-TV «Русская волна — Russische Welle» (Дюссельдорф, Германия). Член президиума Международной академии телевидения и радио (IATR).

пользу оценит и учтет «воздушность» и ошибки европейской «мульти-культы». И очень срочно.

Один из основных признаков и законов глобализации — бешеное ускорение не только информационных потоков, но и процессов, взаимодействий. Циклические кризисы, в которые народы и человечество входили веками и из которых выходили десятилетиями, вскипают и выбрасываются в единое пространство по секундомеру. Да еще и по закону домино. Выгляните в окно...

Разговор-то ведь не только о Европе. Не посягая на территорию хозяев, позволю себе лишь напомнить о советской дружбе народов, на которую с таким азартом все мы успели многообразно потрудиться. Как рухнула она с запахом пороха и серы, без разбора погребая под собой действительно имевшие место быть доброе и человеческое.

Нет, срочно, просто очень срочно глобальному миру нужна принципиально новая — не мультипликационная — концепция диалога. Я бы даже сказала, что дуэта и хора культур.

Но что это я все о СМИ ни словом?!

Так нет же, это я все, наоборот, о нас.

Давайте подумаем, например, об этих крепких, хорошо ухоженных ребятах с телеканалов, которые работают на медиарынке и выкладывают на свои медиаприлавки свой медиапродукт. Кому не понятно, что самыми благими разговорами на самых замечательных конгрессах вряд ли можно надеяться подвигнуть их выкладывать на прилавок то, за что меньше, а не больше заплатит покупатель. Я, собственно, о телевидении говорю в первую очередь вот почему. Несмотря на вполне философское отношение к социологическим исследованиям, сошлось на одно из последних, по итогам которого ясно, что сегодня читает газеты только один из десяти 30–50-летних (самая активная возрастная группа). Остальные девять смотрят теленовости. А вот молодежная группа с 14 до 25 лет газет не читает вообще и признает только телевизор и Интернет. Следует только учитывать, что чем больше наши телеканалы будут приторговывать «жареным», тем скорее эта медиапара сделает короткую рокировку в сторону: Интернет, Интернет, Интернет... и телевидение.

При этом все поголовно социологические исследования показывают, что сегодня люди во всех странах доверяют СМИ больше, чем власти.

В общем, мы, конечно, не можем требовать от медиарынка, чтобы он жил вопреки законам рынка. Надо пользоваться тем, что можно и даже выгодно делать внутри этих законов. Тем более, дорогие коллеги, товар товаром, но вот те же социологи фиксируют «усталость» аудитории от постоянной доски объявлений катастроф и конфликтов вместо телевизионных инфовыпусков. И такая статистика есть в том числе по России. Своими глазами видела и вас отсылаю к работам профессора Лидии Матвеевой. Особенно полезно отметить, что от телевизора уходят не бабушки с дедушками — и так не слишком рекламоемкие потребители, а наоборот, самые активные и, уж извините, денежные, если мы взяли

говорить о рынке СМИ. Так что позволю себе еще раз уточнить направление пафоса данных своевольных заметок из области морали — в область строгого корыстного расчета. По сути, мы с вами дожили до времени, когда для СМИ начинает быть экономически невыгодным и даже не совсем безнаказанным ставить только на раздоры и катастрофы. Несмотря на некоторый полемический задор изложения, прошу уважаемых коллег не отказываться от этой мысли категорически и сразу.

Так что же все-таки можно выдвигать в рабочие гипотезы, чтобы в наше время глобализации и овцы живы, и СМИ сыты? То есть тоже живы. Позволю себе предположить некоторые направления поиска, исходя из того, что глобализация — это когда ты раньше чувствовал упругость границ, а теперь — локоть соседа по ближней и даже очень дальней стране.

Итак, король умер. Да здравствует король!

«Мульти-культы», несмотря на очень многие дивные находки, безусловные успехи и достижения, не состоялась как диалог по причине некоей подмены понятий, некоторого честного самообмана и милого лукавства. Она немного лубок, немного священная корова. Конечно же, хорошо и полезно показать свое и увидеть чужое искусство на сцене, кухне и фестивале. Как первый шаг к диалогу. «Мульти-культы» пала потому, что не сделала второго. А вот СМИ взяли на себя роль главного могильщика не только по причине известной своей априорной специфики, но и как компенсаторный эффект любой подмены и замещения. По закону маятника. Когда мы ровно 9 лет назад впервые вышли в эфир, во всех немецких медиа внутренней русской (не российской!) темой была исключительно криминальность так называемых «поздних переселенцев» — казахстанских немцев (то есть «русских») на фоне наркотиков. Мы даже один из первых репортажей делали из тюрьмы, чтобы убедиться, действительно ли там 70 % «наших», как утверждают коллеги. Оказалось, кстати, если кому интересно, что на данный момент среди сидельцев данного заведения «наших» было около 17 %, а вообще иммигрантов — более 50 %.

А теперь попробуйте угадать, какой сюжет возьмет канал, если ему предлагают украинскую девочку, которая пришла в школу с ножом, казахстанских подростков, терроризирующих дискотеку маленького немецкого городка, или 28 «русских» учеников в одной из гимназий, которые вывели ее по общегерманскому конкурсу на первое место? Угадали?

Вот это и есть роль СМИ, много преуспевших в диалоге культур. Причем эту реальность мы — медиа — не просто фиксируем. Констатируя всевластность и почти единовластие СМИ в глобализованном пространстве, надо признать, что мы ее — реальность — одновременно таковой моделируем и строим.

Павшая европейская межкультурная концепция, при всех прочих глобальных мировых тормозах и взрывателях диалогов, грешна не тем, что осо-

знанно начала диалог и вела его, а тем, что не сделала второго шага. То есть не доверилась себе настолько, чтобы от констатации и предъявления перейти к проникновению и погружению в инокультуру. Для чего ее надо по-другому увидеть.

Чтобы как-то с этим разобраться, я бы хотела ввести в наш профессиональный оборот новый термин «иновидение». Позвольте для ясности — через СМИ. Помните одно фото, обошедшее все мыслимые издания, над которым хохотала вся Европа: семейная фотография на память путешествующего по Западу мусульманина с толпой жен... в глухих паранджах. Ничего себе, дамы сфотографировались «на память»! Но ведь это смешно-то только в контексте нашей культуры! А из того — другого, инокультурного — контекста проистекает, что на снимке всего лишь почтенный и состоятельный восточный господин, который может себе позволить достойно содержать, развлекать и даже просвещать такое вот число пристойных женщин, ответственность за которых он на себя взял пред Богом и людьми. Ну и что же здесь смешного?!

Позволю себе сказать, что вот это «иновидение» и есть главный вызов глобального мира. А также самый короткий и единственный путь к «немультяшному» диалогу культур. И он же — главный вызов мира глобализации, предъявленный к исполнению средствам массовой коммуникации. Добавим сюда только еще пару ключевых понятий: погружение в «иноконтекст» «инокультуры», о чем мы уже упомянули, и «стереовидение». Это когда, например, немцам интересно не только, каковы мы — русские — в Германии и какая культура стоит за нами, но и какой мы «своими русскими глазами» видим их страну, что о ней думаем и понимаем. И наоборот. Похоже, что такой взгляд вполне мог бы лечь в основу следующей концепции европейского диалога культур в условиях глобализации. А создавать новую на развалинах «мульти-культы» после горьких сетований

и разочарований и по трезвом размышлении Европе все равно придется... И СМИ в этом процессе — первая скрипка. Даже наш более чем скромный опыт вещания в Германии на русском языке говорит о наличии реального запроса зрительской аудитории на такое вот видение. Как и на реальную, ненадуманную почву для тонкого, почти чувственного диалога культур.

И еще один пассаж о диалоге. Позволю себе напомнить уважаемым коллегам одно давнее и хрестоматийное исследование американских социологов. Выясняя психологию национального предрассудка в своей поголовно многокультурной стране, они составили список в несколько десятков национальностей и предложили большой группе опрашиваемых высказать свое отношение к каждой. По принципу «отношусь хорошо — плохо — никак». Причем среди списочных национальностей было около десятка несуществующих, вымышленных буквосочетаний. Так вот, не помню уже за давностью штудий, какой именно процент опрошенных, но точно помню, что огромный, высказался отрицательно именно об этих несуществующих в природе национальностях. Вот они лично к этим конкретным относятся плохо!

Это я все о возможностях диалога и роли СМИ. Давно проверено и подсчитано, что в природе человека не доверять и опасаться того, что неизвестно и непонятно. Подозревать в высмеивании говорящего на непонятном языке. И в угрозе — живущего по иным канонам. Так что роль СМИ в мире глобализации — заполнять информационные черные дыры в межкультурном пространстве, в которых и прячутся все демоны раздоров. И создавать тем самым почву для диалога культур.

Процесс этот сколь жизненно важный, столь и изнурительно постепенный. И так, как в старом анекдоте про английский газон, ежедневно и 400 лет подряд. Разве что всемирная глобализация не даст нам уже ни возможностей таких, ни сроков.

Мариан Геруля¹

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В АВТОРИТЕТНОЙ ПРЕССЕ ПОЛЬШИ

Методология исследований

В исследованиях был использован метод, позволяющий объективно и систематически описать содержание публикаций. Объектом исследования стали три польских еженедельника — «Ньюсуик», «Политика» и «Впрост» — и два информационных ежедневных издания — «Газета Выборча» и «Жечь Посполита», причисляемые к авторитетной прессе. Выбранные СМИ читает польская интеллигенция, они оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения. Читательский охват еженедельников составляет: около 7,9 % — «Политика», 10,7 % — «Ньюсуик» и

10,9 % — «Впрост». Для ежедневных изданий показатели следующие: 18,7 % — «Газета Выборча» (самое читаемое ежедневное издание в Польше) и 5,2 % — «Жечь Посполита».

Анализировались выпуски 2005 и 2006 годов. Исследованию подверглись все номера еженедельников — всего 102; среди ежедневных изданий было выбрано по 30 выпусков каждого года (всего 60).

Материал, соответствующий условиям исследования, был подвергнут анализу с 4 точек зрения: наличия и частоты публикаций, темы, характера публикации и выбранного жанра. Исследование носило главным образом характер количественного анализа, хотя не лишено и качественных заключений.

¹ Профессор кафедры журналистики Силезского университета (Катовице, Польша).

Наличие и частота публикаций, касающихся Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки

Этот показатель говорит о том, насколько редакция заинтересована в данной теме, какое внимание обращает на нее. Он показывает также, что СМИ имеет определенную стратегию подхода к данной тематике и соответственно формирования мнения своих читателей.

Таким образом, можно сделать вывод либо о продуманной редакционной политике, либо о случайности затрагивания определенных тем.

В изданиях отчетливо выделяются две тенденции. Во-первых, в еженедельниках «Ньюсуик» и «Политика» независимо от периода тематика, касающаяся США, отчетливо преобладает над материалами, касающимися России. Особенно в «Политике» редакция решительно предпочитает американскую тематику. Частота публикаций, посвященных этим странам, также показывает большие различия в редакционной политике. Если материалы о России появляются в издании лишь немного чаще одного раза (1,1), то для «американских» материалов этот показатель превышает 4 публикации (4,3).

Во-вторых, о ежедневных изданиях и еженедельнике «Впрост» можно сказать, что их редакции не оказывают предпочтения ни той, ни другой стране. Это особенно видно в «Газете Выборча», которая в исследуемые годы посвятила обеим странам почти одинаковое количество публикаций. Частота публикаций в этой группе выглядит следующим образом: «Впрост» — 1,6 (Россия) и 1,9 (США); «Газета Выборча» — 3,0 (Россия) и 2,9 (США); «Жечь Посполита» — 4,4 (Россия) и 6,1 (США).

Тематическая структура публикаций

Исследуемые материалы были разделены по тематике на 4 группы:

- политика;
- экономика;
- проблемы личности и общества;
- культура, искусство, история и спорт.

В рамках этих групп некоторые темы изучались более подробно. Тематическая структура показывает, до какой степени многоаспектной является исследуемая тема. Представление конкретных тем обычно является целенаправленным выбором редакции с целью направления внимания читателей. Таким образом можно формировать точку зрения и воздействовать на восприятие той или иной проблемы.

Трудно однозначно утверждать, что анализируемые издания имеют устойчивую редакционную политику относительно тем, касающихся России и США. Можно, однако, отметить некоторые закономерности. Во-первых, в большинстве изданий просматриваются главные темы, которым уделяется больше внимания, чем остальным. В «русских» публикациях это прежде всего политические темы, а также культура и история. «Американские» темы — политика, проблемы личности и общества, культура и искусство. Во-вторых, трудно указать издание, в котором в исследуемые годы были бы сбалансированы «русские» и «американские» темы. Более других это ха-

рактерно для «Газеты Выборчи», особенно относительно России. В-третьих, самые редкие публикации на страницах всех анализируемых изданий — на экономические темы. В-четвертых, самое сильное преобладание политических тем наблюдается в изданиях «Газета Выборча», «Ньюсуик», «Жечь Посполита» и «Впрост». Это особенно касается 2006 года.

Характер публикаций

Существенным показателем, говорящим о способах подачи выбранных тем, является характер журналистских материалов. В зависимости от редакционной политики это стратегия беспристрастного или оценочного подхода. Тем самым оказывается большое влияние на восприятие читателями затрагиваемых вопросов. Рассмотрение публикаций за длительный период создает более или менее объективное представление об этом. Материалы рассматривались с точки зрения трех подходов: положительное изображение проблемы, нейтральное и критическое.

Можно утверждать, что в польской прессе отражены разные стратегии изображения русской и американской действительности. Публикации, касающиеся США, как правило, носят нейтральный или положительный характер со значительным преобладанием первого. Лишь в отдельных изданиях в некоторые периоды критический подход преобладает над положительным (при доминировании нейтрального). Совсем по-другому освещаются российские темы. В большинстве изданий преобладает критическое изображение России, практически независимо от тематики. Оно особенно характерно для «Ньюсуик», «Впрост», где в среднем 60 % материалов имеет негативный оттенок. В этом отношении немного отличаются «Газета Выборча» и «Политика» со значительной долей нейтральных материалов. Особенно мало позитивного было сказано о России в 2006 году в изданиях «Жечь Посполита» и «Впрост».

Принимая во внимание некоторые темы, можно указать на подобную редакционную политику отдельных изданий. Если в случае США мы имеем в основном нейтральное изображение при равновесии положительного и критического звучания, то в случае России имеем дело с большей дифференциацией. Очень критически освещается прежде всего политическая сфера, где материалы такого рода превышают 80 % («Ньюсуик», «Политика»). Положительное звучание этой тематики в некоторых изданиях появляется в виде исключения, особенно в 2006 году («Жечь Посполита», «Газета Выборча», «Впрост»). Почти столь же критически в некоторых изданиях представляются вопросы экономики, общества и личности («Ньюсуик», «Впрост», «Политика»). Нейтрально в некоторых журналах.

Резюмируя, можно сказать, что американская проблематика на страницах анализируемых журналов подается относительно объективно, хотя между отдельными изданиями есть большие различия в характере освещения определенных тем. Российская тематика представляется во всех изданиях в основном в критическом ключе. Лишь в немногих изданиях и отдельных темах мы видим попытки создания уравновешенного образа России.

Ю. Голигорский¹КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И СМИ:
СОБСТВЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ «КАРТИНКИ»

Тем из участников Чтений, кто родился и вырос в Советском Союзе, нет нужды напоминать прекрасный фильм Александра Митты «Гори, гори, моя звезда». Но для тех, кто не видел этот фильм, я расскажу о нем, вернее о трех эпизодах этого фильма, где играет неповторимый Евгений Павлович Леонов.

Герой Леонова — «иллюзионщик» Паша, что называется, «стрижет купоны» с нового вида искусства — немного кино. Пашка крутит по деревням незамысловатую ленту, повествующую о зажиточной дамочке, которая, едва распрощавшись с мужем, заводит пляжный роман с местным ловеласом. Ее маленькая дочка, оставшись без присмотра, гонится с сачком за бабочкой у самой кромки берега и по неосторожности тонет в море, накрытая нахлынувшей волной...

Такая вот душещипательная история, которую Пашка-«иллюзионщик» (напомню, речь идет о немом кино!) снабжает своими «конъюнктурными» комментариями. Почему «конъюнктурными»? Дело в том, что в зависимости от того, представители какой власти сидят в зале, меняются характер и настрой Пашиных комментариев.

Безвластие на селе? И Паша «работает» только на деревенского обывателя, сопровождая происходящее на экране следующим комментарием:

*Городская дама, а ни стыда, ни срама...
...А вот московский франт-элегант...
...Вырядились дамочки — молодые мамочки...
...Вот он на ходу подметки режет — увлекает женский пол...
...Ай, все идет по-городскому:
Мужик из дому — жинка к другому...
...Пока она гуляла, шутя, у ней погубило родное дитя...*

Но вот власть в деревне захватили «красные» — появился социальный заказ, и «закадровый» голос Паши *ту же самую картинку* комментирует следующим образом:

*Рабочий в шахте, крестьянин в поле,
А буржуй-кровосос в Черном море.
Полубуйтесь, товарищи, на заморского франта,
Его в Россию прислала Антанта.
Вот такие безобразия творит всемирная буржуазия...*

...Вот так и мы утоним с горя барона Врангеля в Черном море.

И снова смена политических декораций: «белые» выметают «красных» из деревни; в зале уже князя, штабс-капитаны и их адъютанты и любовницы. И Пашин комментарий чутко отражает настроение текущего момента:

¹ Независимый журналист, продюсер (Великобритания). Около 30 лет проработал во Всемирной службе Би-би-си в Лондоне. Был ведущим передач, продюсером и редактором.

*Как хороши, как свежи были розы...
И Русь цвела, не зная власти хама-комиссара...
...Кто из нас не предавался знойной страсти?
Но сердцем, сердцем были мы чисты.
...Дитя погубило в пучине моря,
Но те, кто жизнь остался, — не лучше их судьба:
Отца и мать замучат в «чрезвычайке»,
Так пусть же белый рыцарь отомстит за все...*

К чему столь пространное вступление? Дело в том, что временами, глядя на выпуски новостей в разных странах, я вспоминаю Пашку-«иллюзионщика» и его «злободневные» закадровые пояснения. Технология этого «творчества», как кажется, мало изменилась.

Принято считать, что «камера не врет». Все верно: камера действительно не врет — врут только те, в чьих руках камера. Врут не все, но — врут.

Поразительно, как абсолютно одни и те же телевизионные картинки, которые разные журналисты подчас получают из одних и тех же информационных агентств, в руках «опытных» препараторов обретают абсолютно разный смысл.

«Террористы» в одних комментариях обретают ореол «борцов за свободу» — в других. У одних — «погромщики и мародеры», которые у других становятся «активистами сражений против расовой дискриминации».

Стратегическая авиация, «без разбора бомбящая все и вся на земле» в одних сообщениях, становится в других «современным эффективным средством сдерживания агрессора и гарантом безопасности мирных граждан». (Кто-то из вас, грешным делом, подумает, что я говорю о войне в Грузии, а кто-то — о военных действиях в Ливии. Вы вольны интерпретировать мою мысль как угодно...)

Попытка представить только свою точку зрения как единственно правильную чревата массой непредсказуемых последствий: от смешных до трагических. Она порождает вредные стереотипы и ослабляет стремление людей к конструктивному диалогу. Мне самому не раз приходилось объяснять в Лондоне, что «не все русские — либо агенты КГБ, либо олигархи, способные и горящие желанием скупить все футбольные команды британской высшей лиги».

Приезжая в Россию, я также часто вынужден доказывать, что «Альбион — далеко не всегда туманный, что не все британцы только и делают, что пьют пиво, в перерывах между пинтами рассуждая о том, как бы напакостить России...».

Если я и утрирую, то не сильно. Но стереотипы созданы. Они созданы СМИ. И они весьма живучи...

Во многом средства массовой информации являются пленником тех, кто может оказать политическое, финансовое, а подчас и физическое давление на них. Действует старый принцип: «Кто платит,

тот и заказывает музыку». Как правило, журналисты сопротивляются этому. Некоторые при этом теряют перспективу карьерного роста, возможно, даже лишаются работы, а подчас и жизни. Другие оказываются более сговорчивыми. Третьи вообще пудрят мозги с воодушевлением; они набили руку и научились подавать искаженную информацию так красиво, или, если хотите, «гламурно», что большинство зрителей, слушателей и читателей абсолютно уверены в правдивости увиденного, услышанного или прочитанного.

Поражает то, что темпы технического развития средств массовой информации в подавляющем большинстве обратно пропорциональны способности масс критически осмыслить полученную информацию.

Развитие Интернета породило многомиллионную армию «пашек-иллюзионщиков». Кто-то называет Интернет «глобальной помойкой», а другие рассматривают Интернет как апофеоз свободы самовыражения. По-моему, в этом споре еще рано говорить, кто прав. Но уже сегодня ясно, что очень влиятельные силы задействовали в Интернете систему «профессиональных троллей» — так сейчас называют тех, кто кочует под различными «никами» от одного сайта к другому, запуская туда ту или иную заказную информацию, или, правильнее будет сказать, дезинформацию.

Впрочем, наверное, хватит «кошмарить» собравшихся. Лучше предложить решение.

В первую очередь я отмечу, что не вижу панацею в мерах запретительного или карательного характера. Для начала можно попытаться изменить систему собственности и контроля над средствами массовой информации, когда ни владелец, ни акционеры, ни правительства, ни оппозиция и ни одна лоббистская

группа не смогут *безраздельно* контролировать то или иное значительное средство массовой информации. И Руперт Мэрдок, и Александр Лебедев смогли бы рассказать, какие гарантии им пришлось дать, когда они скупали заведомо убыточные, но очень престижные британские печатные издания. И в этом никто не видит ничего предосудительного.

Мне кажется, что и в России, в среде специалистов, мало кто сомневается в необходимости эффективной системы общественных сдержек и противовесов, способной противостоять натиску и правительству, и оппозиции, и большим денег, и хаотичности Интернета. Не столько угроза уголовного преследования, сколько достойная доверия общественная форма контроля, в которой представлены все основные оттенки политической, экономической, культурной и общественной жизни — вот в чем я вижу решение.

Такие организации — назовем их общественные или попечительские советы — вовсе не должны управлять ежедневной редакционной политикой того или иного средства массовой информации. Их функции и предназначение должны идти гораздо глубже: они должны анализировать состояние общества и его реакцию на те или иные важнейшие события и вносить соответствующие стратегические (но не оперативные!) коррективы в работу подотчетных им СМИ.

Чем шире будут представлены *различные* интересы в таких общественных наблюдательных органах, тем больше у рядового потребителя информации будет доверия к СМИ, тем меньше шансов будет у «пашек-иллюзионщиков» всех мастей оболванивать массы. Тем репрезентативнее будут мнения, высказываемые СМИ. Тем проще станет вести диалог.

М. И. Дзялошинская¹

СМИ КАК РЕСУРС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Некоторые российские публицисты рассматривают глобализацию как апокалиптическое зло, насылаемое на народы зловредными транснациональными корпорациями. Сторонники такого толкования глобализации не хотят видеть очевидное: современный мир представляет собой множество интенсивно взаимодействующих между собой народов, религий, культур. И специфика этих взаимодействий требует, с одной стороны, построения открытых отношений между представителями различных культур, а с другой — перед каждым народом стоит задача сохранения своей идентичности. Таким образом, стратегия межнационального, межконфессионального общения в глобализирующемся мире должна опираться на новые правовые, нравственные и социальные нормы, регулирующие эту сложную сферу человеческих отношений на основе

мультикультурализма и толерантности в противовес шовинизму и конфронтации.

При этом акцент должен делаться именно на мультикультурализме. Этим понятием обычно обозначают комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т. д. Другими словами, мультикультурализм означает содействие сосуществованию различных культур и в одной отдельно взятой стране, и в глобализирующемся мире в целом. Все это дает основание для вывода о том, что мультикультурализм представляет собой не просто этическую доктрину, но и определенную политическую программу, государ-

¹ Профессор кафедры связей с общественностью Академии труда и социальных отношений (Москва), кандидат филологических наук. Автор свыше 70 научных публикаций.

ственную политику, характерную для стран, стремящихся способствовать формированию открытого общества.

Другими словами, если мультикультурализм означает содействие сосуществованию различных культур в одной стране или в целом мире, то толерантность выступает как психологическая или социально-психологическая характеристика индивидов и социальных групп, проявляющаяся в их взаимодействии с другими индивидами или социальными группами. Таким образом, мультикультурализм и толерантность представляют собой тесно связанные, но не идентичные понятия.

Россия является полиэтничным, полирелигиозным, поликультурным обществом. На территории нашей страны проживают представители более ста восьмидесяти национальностей, которые имеют свою историю, обладают уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Исторически сложившийся многонациональный состав населения Российской Федерации обязывает изучать, сохранять и развивать все богатство и многообразие существующих культур, воспитывать уважение к представителям всех наций и народов. Именно поэтому проблемы мультикультурализма и толерантности для России чрезвычайно важны. Именно поэтому есть настоятельная необходимость бороться за то, чтобы и на уровне управленческой практики (включаяющей деятельность органов власти, правопорядка, различных социальных структур) и на межличностном уровне обеспечивалось уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья. На государственном уровне такой подход требует соблюдения закрепленных в законах судебной-процессуальных и административных норм, предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. На личностном уровне этот подход должен реализовываться в признании права другого быть другим.

К сожалению, в настоящее время для многих россиян характерны ненависть к приезжим, желание «очистить Россию от иностранной скверны», искоренить «нетрадиционные религии» и т. д. Участились проявления нетерпимости, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, отчуждения и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам и социально наименее защищенным группам в обществах. Есть факты насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений.

Эта ситуация, безусловно, требует активизации деятельности СМИ по формированию «системы иммунитета» к этнической и религиозной агрессивности, стимулирования интереса журналистов к концептуальным основам культурной политики властей как на уровне России и конкретных субъектов Федерации, так и на глобальном, межгосудар-

ственном уровне. С помощью СМИ возможно обеспечить прозрачность процесса принятия решений в сфере культурной политики, функционирования и взаимодействия национально-культурных автономий и т. д.

Однако вместо того чтобы продвигать в обществе идеи мультикультурализма и толерантности, российские СМИ, регулярно освещающие в определенном ключе национальные вопросы, энергично поддерживающие участников различных этнических и конфессиональных конфликтов и попутно внедряющие в сознание людей негативные стереотипы, вносят свой вклад не только в формирование бытового расизма, но и в оправдание действий различных структур, проводящих дискриминационную политику.

Как показали проводившиеся на протяжении 10 лет исследования электронных версий федеральных и региональных печатных СМИ, около 40 % всех публикаций содержат отчетливо выраженные признаки интолерантной интенции. Причем эта величина остается практически постоянной на протяжении всего периода исследований. В настоящее время российские СМИ активизируют основные факторы интолерантности: усиливают общую или специфическую ситуацию напряженности, при которой повышаются агрессивность и нетерпимость социальных групп или отдельных индивидов, формируют эгоцентрический тип культуры межличностных и социальных отношений.

Столь высокий уровень интолерантности СМИ обычно объясняют социальным запросом, то есть напряженным состоянием современного российского общества, высоким уровнем катастрофизма ожиданий массовой аудитории. Однако есть основания предполагать, что дело не только в том, что российская пресса удовлетворяет некие запросы определенной части аудитории, но и в том, что российская журналистика столетиями пользовалась профессиональными технологиями агрессивной пропаганды и у нее нет ни традиций, ни опыта ведения толерантного диалога. Исследование деятельности российских СМИ показало, что глубокие традиции российской журналистики ориентируют журналистов на противостояние, агрессию, формирование у аудитории резко негативного отношения к тем или иным нациям, конфессиям, социальным группам. Для этого используются различные средства: подбор тематики, специфическое комментирование, использование дискриминирующей лексики и стилистики. Очевидно, что разговор с аудиторией на таком «языке вражды» не может способствовать продвижению в обществе идей толерантности и мультикультурализма.

Формулируя причины, по которым в периодических изданиях появляются материалы, способствующие распространению экстремистских настроений в обществе, сами журналисты достаточно часто фиксируют тот факт, что наиболее сильным стимулом в пользу подготовки таких публикаций является деньги. Правда, иногда журналисты сознают-

ся в том, что не очень отчетливо представляют последствия своей деятельности (в скобках заметим: неизвестно, что страшнее — откровенно циничный журналист или тот, который не ведает, что творит).

Для предотвращения экстремистских выступлений в российских СМИ, по мнению представителей журналистского сообщества, необходимо, во-первых, соблюдать профессиональные этические кодексы журналистов, во-вторых, внедрять идеи и дух толерантности и гражданской ответственности в деятельность журналистов и, в-третьих, укреплять федеральную и местную законодательную базу и добиваться ее строгого выполнения.

Сами СМИ, для того чтобы способствовать формированию толерантного сознания и препятствовать распространению экстремизма и насилия в России, должны прежде всего формировать уважение у своих аудиторий к существующему разнообразию культур, доброжелательно показывать разнообразие ценностей и идей, которых придерживаются разные люди, раскрывать антиобщественную природу экстремизма в различных его проявлениях.

В современном российском медиaprостранстве наблюдаются три противоборствующие силы. Одна позиционирует СМИ как бизнес, другая — как ин-

ститут влияния, третья — как средство диалога и институт гражданского общества. Первые два направления пока явно лидируют. Можно предположить, что в немалой степени это связано с нежеланием большого количества журналистов и руководителей СМИ активно участвовать в «толерантизации» общества: это дело сиюминутно неприбыльное, а вложение сил и средств в социальные акции, которые в отдаленном будущем, возможно, принесут дивиденды в виде цивилизованного, гуманитарно настроенного общества, нынешних тружеников пера и микрофона не особенно привлекает.

Из этого следует, что для усиления роли СМИ в становлении в обществе установок толерантности необходимо многое менять в самосознании журналистов и в деятельности структур профессионального журналистского сообщества. Понижение уровня агрессивности СМИ требует не только осознания журналистами значимости этой проблемы, но и овладения принципиально новым инструментарием профессиональной деятельности, обеспечивающим организацию массового диалога между всеми участниками социальных процессов. «Диалог — ключ к толерантности» — так может быть сформулирована суть новой профессиональной культуры журналистов.

А. А. Дятлов¹

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО СБЛИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

1

В любом разговоре необходимо сразу договориться о терминах, поэтому вначале — небольшой эпизод.

В советское время был выдающийся жокей Насибов. На своем верном Анилине он три раза подряд выигрывал дерби, что, кажется, для российского конного спорта до сих пор неповторенная роскошь. Насибов говорил: «Я — жокей. И на все в мире смотрю как жокей».

Вслед за Насибовым скажу: я не филолог, не лингвист, я — журналист и на все в жизни смотрю как журналист.

Вероятно, интересно наблюдать за диалогом культур, за тем, как он происходит на высшем уровне: культурный обмен, конференции, мощные международные организации вроде Нобелевского комитета, оценивающего интеллектуальный вклад, важный для всего человечества... Но я точно знаю, что настоящий диалог людей, культур, цивилизаций начинается всегда на бытовом уровне, когда у соседей по коммуналке (а Земля и есть такая коммуналка, где нравы и привычки у жителей разные, иногда просто несовместимые в общежитии) начинаются разговоры хотя бы на кухне перед завтраком.

В какой-то мере СМИ и есть такая «коммунальная кухня». В какой-то мере, потому что сегодня они

не стали средством массовой коммуникации и особенно — диалога между людьми.

Конечно, мы можем щеголять миллионными тиражами и говорить об охвате телевизионным вещанием аудиторий в миллиарды человек, но особенности СМИ таковы, что это в основном одностороннее вещание на аудиторию, монолог. Вы же не разговариваете с газетой и не пытаетесь вступить в спор с ведущим телепрограммы. Это было бы как минимум странно.

2

Конечно, выбрасывать на «свалку» историю СМИ как историю великих усилий людей выстроить быструю и относительно недорогую систему распространения информации было бы глупостью. Примерно такой же, как поведение некоторых водителей на дорогах. Научившись водить, они начинают глумиться над новичками, быстро забыв, как сами шарахались от пролетающих рядом «шумахеров».

Так и с историей распространения информации. Я постараюсь бегло и просто рассказать об этом, но без такого экскурса обойтись невозможно, хотя вы, скорее всего, и без меня знаете реперные точки. Если коротко, то в этой истории было несколько ключевых моментов.

Первый момент — это изобретение книгопечатания. Первым точно датированным печатным текстом сегодня считается китайская ксилографиче-

¹ Первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда». Главный редактор Телерадиослужбы «Комсомольской правды», журналист.

ская копия буддийской Алмазной сутры, изданная в 868 году.

Но важнее был второй шаг — изобретение в XV веке наборного шрифта, которое приписывают немецкому печатнику Иоганну Гутенбергу. Этот немецкий гений оставил без работы тысячи монастырских переписчиков книг и так удешевил производство печатной продукции, что книга из сокровища стала превращаться в предмет массового распространения знаний и интеллектуальных развлечений. И ко времени Пушкина книга стала уже нормальной и привычной в каждом приличном доме вещь, хотя и бумажной, собеседником практически по всей Европе и в России.

Здесь «собеседник» — ключевое слово. Начался диалог между людьми разных эпох (античными авторами, например, и их читателями пушкинских времен). Это удивительно красиво показал в своих «Беседах о русской культуре» Юрий Лотман.

Так что спасибо Гутенбергу за почин.

Дальше эту попытку информационного диалога не только между жителями одной страны, но и между разными странами продолжили газеты, радио и телевидение. У радио и телевидения, естественно, возможностей для диалога было гораздо больше, нежели у бумажных носителей, которые могли быть «собеседниками», но не могли вести настоящий диалог.

Первыми «золотую жилу» живого общения с помощью радио и ТВ начали разрабатывать американцы. Это они породили то, что мы сегодня называем «прямым эфиром». Однако не это, как мне кажется, стало настоящей революцией в создании среды для свободного диалога людей, независимо от их пола, возраста, местоположения. (О национальности я не говорю — это отдельная тема.) Речь идет о пятой революции общения (после изобретения книгопечатания, газет, радио и ТВ) — Интернете. Точнее о самом ярком и точном прорыве в нем — о том, что сделал Марк Цукерберг.

3

А что сделал Цукерберг? Чем он выделился со своим Facebook в истории построения диалога между людьми, культурами и цивилизациями?

Ведь и до него Интернет имел сервисы для общения. «ЖЖ», например, ICQ («аську»), электронную почту. Люди постепенно погружались в новую реальность, возможность написать письмо по электронной почте хоть Папе Римскому, свободно высказать свое мнение в журналах, болтать часами по «аське»...

Цукерберг, как мне кажется, сломал два скверных принципа, на которых строилась сфера общения в Интернете до него.

Первый — это принцип анонимности. Тот самый, на котором, по крайней мере у нас в России, интернет-сообщество просто расцвело, правда, не теми цветами, на которые хотелось бы любоваться. Анонимность — это знак трусости и ощущения полной безответственности. Поэтому так много в Сети хамства, мата и вездозволенности.

Небольшое отступление: я не призываю ввести цензуру в Интернете. Всякая цензура не просто вредна, но и бесполезна. Гораздо важнее — воспитание в себе самоцензуры, которая постоянно заставляла бы нас задумываться не о том, какие мысли можно или нельзя «бросать» в мир миллионов пользователей Интернета, а о том, как, в какой форме, какими словами их выразить, никого не унижая и не оскорбляя. Это, кстати, одна из важнейших составляющих в профессии журналиста.

Вернемся к Цукербергу. Он ликвидировал принцип анонимности. В Facebook не принято, в отличие от других сообществ, занимающихся диалогом людей, иметь никнейм. Это неприлично. Как же ему это удалось? Возможно, потому, что там принято публиковать свое реальное фото. Это надо осмыслить. Но факт остается фактом: там даже мата нет. Это не приветствуется самими «фэйсбуковцами».

Кстати, в этом смысле и LiveJournal начал самоорганизовываться в лучшую сторону. Но исправлять всегда труднее, нежели закладывать какие-то принципы с самого начала.

Второй принцип, который сломал Цукерберг, — это кастовость. Как известно, он создавал свою социальную сеть для того, чтобы могли общаться студенты разных сословий в чужих кастовость университетов Великобритании, «понаехавшие» и потомки лордов — без разницы. В какой-то мере эта социальная сеть, простая, открытая и понятная, построена как русская баня — в ней все равны. Более того, веерная система «знакомьтесь с друзьями моих друзей» выводит любого пользователя просто в море знакомств, контактов и распаивает возможности общения так, что и горизонта не видно.

Однажды один социолог сказал мне, что, по их исследованию, сборщик автомобилей на ВАЗе и президент России разделены всего четырьмя рукопожатиями (общими знакомыми). В Facebook — одно рукопожатие. Я, например, едва став его пользователем, сразу получил приглашение «зафрендиться» с Дмитрием Анатольевичем Медведевым: у нас оказалась цепочка друзей, в которой нашлись общие знакомые.

И все это — неанонимность, легкость доступа к людям, отсутствие кастовости — как мне кажется, сверхважно, если говорить о бытовом диалоге людей при полном отсутствии границ в Интернете.

4

Вернемся к вопросу о роли СМИ. Считать ли социальные сети некой разновидностью СМИ в диалоге культур?

На мой взгляд, ни один из социальных интернет-сервисов, в которые с удовольствием «сливают» информацию и мнения миллионы людей, не является средством массовой информации. И главное отличие от СМИ здесь очень простое: в любом СМИ в основе распространения информации лежит (правда, у кого больше, у кого меньше) проверка достоверности этой информации перед публикацией.

И когда журналисты говорят, что за блогерами надо проверять информацию, а блогосфера — помойка, где, правда, иногда попадаются нормальные вещи, которые можно использовать в СМИ, они правы. Я говорю это не потому, что сам журналист, а потому что так оно и есть, если смотреть на блогосферу и социальные сети с точки зрения классической журналистики. Исключение составляют — и, кстати, имеют высокие рейтинги и хорошую аудиторию — блоги и посты в социальных сетях профессиональных журналистов. Кажется, блогосфера начинает перерастать период младенчества, и нормальный умный текст становится важнее простого эпатажа или, как говорят журналисты, бессмысленной, но яркой «фишки». Хотя и фишек никто не отменял, слава богу.

Однако именно Интернет и интернет-сообщества осваивают великую площадку, на которой свободно не только размещается разный «мусор», но и выводится в свободный доступ, не ограниченный ни пространством, ни временем, мировое культурное богатство. Фильмы всех времен и народов, аудиобиблиотеки, виртуальные хранилища интеллектуальных ценностей, виртуальные музеи, электронные энциклопедии... да, пожалуй, все, что только может прийти нам в голову в этом плане. И главное — с максимально легким доступом! Это бесценно.

5

Но если традиционные СМИ теряют свою аудиторию, а с нею — и возможность поддержания диалога между людьми, культурами и цивилизациями, что им делать? Ответ известен. И придумал его не я (увы) — идти в Интернет, становиться мультимедийными и интерактивными.

Здесь тоже есть две тенденции — создание СМИ для СМИ (как это делают новостные агентства типа РИА-Новости или NewsRu.com), информацией которых пользуются СМИ для создания своего контента. Либо, что интереснее, использование Интернета для создания, как я уже упомянул, мультимедийного СМИ. Самый простой пример — газета «Комсомольская правда», в которой я работаю. Опираясь на газетный журналистский коллектив, мы выпускаем бумажную версию «КП» (более 700 тыс. ежедневного тиража и более 3 млн — еженедельник «КП»), раскрутили сайт kp.ru (около 1 млн посетителей в день), развиваем свое радио и телевидение.

Зачем? Для того чтобы, подобно мощному профессионально работающему с аудиторией и информацией блогеру, закрутить вокруг себя в живом общении всю аудиторию, до которой можем дотянуться, и главное — дать возможность читателям, слушателям, зрителям, интернет-сообществам общаться через нашу площадку. Это и есть, возможно, прообраз того самого СМИ, которое получит реальное влияние в диалоге культур.

И если вы посмотрите сайты ведущих мировых газет в Интернете, то увидите, что самые умные уже раскручивают свои интернет-версии не просто как отражение самой газеты (что в бумаге, то и на сайте), а как чисто онлайнное СМИ.

6

Но есть один нюанс, который меня беспокоит, и пока не ясно, что с этим делать. Как бы мы ни развивали традиционные и электронные СМИ, как бы ни разрабатывали социальные сети, остается, на мой взгляд, последняя граница, а скорее — стена, мешающая взаимопроникновению культур на уровне простых людей, даже вооруженных возможностью неограниченного получения и отдачи информации, — это виды письма. Иероглифы, линейное арабское письмо, латиница и кириллица. Здесь у Европы меньше шансов проникновения в Азию, чем у Азии в Европу. Это вопрос удобства и адаптации в получении информации и в общении вообще: человек так устроен, что если он чего-то не понимает или ему что-то не очень удобно, то он перестает этим заниматься.

В этом смысле в коммуникации простых европейцев, арабов и китайцев много неудобств, особенно у европейцев. Им непривычна графика алфавитов восточных стран. А это лишает желания искать точки соприкосновения, поскольку визуально европеец попадает в тревожащую его непривычную среду.

Возможно, здесь надо идти на сближение через визуализацию информации. Видео понятно всем, настолько, что ведущие телекомпании имеют рубрики «Без комментариев».

Но пока мы стоим на старте этого движения.

Впрочем, еще один гений объединения и сближения людей — Стив Джобс — уже представил миллионам людей свой iPhone и iPad, сведя в одну точку потоки визуальной информации, возможность видеть своего собеседника, спорить в онлайн и обсуждать любые темы через все имеющиеся социальные сети.

Так что сближение началось неплохо.

Значит, и у журналистов остается одна глобальная задача — уметь работать на всех площадках, быть умными модераторами, направляющими и осмысливающими потоки информации, важной для любого пользователя Сети в любой точке мира, независимо от его веры, образа жизни и культурной среды. Они профессионально могут искать точки соприкосновения, сближающие обычных людей.

А это сейчас, пока договариваются о взаимном сближении по всем пунктам наверху, самое необходимое. Что тоже, конечно, абсолютно правильно, хотя зачастую и формализовано.

Два этих встречных движения лучше, чем любое из них, отдельно взятое.

А. И. Евсеев¹,
Н. И. Фатиев²

ИДЕОЛОГИЯ И ИМИДЖЕЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Тема идеологии в современной западной философской мысли в основном преподносится в контексте прекращения ее существования. Одна из сравнительно недавно вышедших на Западе книг на эту тему «Конец идеологии» Карла Дитриха Брачера³ объясняет, что ушедший XX век был веком идеологии, что его принципиально отличает от века прошедшего.

Вообще-то, за последнее время идеологию хоронят не впервые. Всем известна идея деидеологизации Дэниела Белла. Смысл его позиции заключался в том, что производимый ранее обществом пирог делился столь неравномерно, что многим не хватало, а идеология существовала для того, чтобы это оправдать. Или, как указывал Карл Мангейм, «в слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его». Дэниел Белл думал, что с развитием технологий совокупный общественный пирог вырастет до таких размеров, что его хватит всем и нужда в идеологии пропадет. Однако он успел обнаружить, что ошибался, и написал о «реидеологизации». Некоторые из нас помнят, как в конце 1980-х годов уже немолодой Дэниел Белл на негнущихся ногах взобрался на кафедру в актовом зале Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, чтобы объявить, что идеология устояла. Так в связи с чем ее собираются хоронить сейчас?

В настоящее время многие известные западные авторы, такие как М. Кундера, говорят о планетарной трансформации идеологии в имиджологию⁴. С их точки зрения, реальность оказалась сильнее идеологии, в которой было слишком много утопических идей, а имиджология во многом благодаря деятельности массмедиа может оказаться сильнее реальности. Как, скажем, симулякр Бодрийера, представляющий собой гиперреальность⁵.

В новых общественных условиях хорошо знакомая всем идеологическая пропаганда превращается в PR. Это не так уж ново: вспомним, что еще в 1928 году племянник З. Фрейда Эдвард Бернайс в своей книге назвал PR «новой пропагандой». Правда, впоследствии потянувшийся в Германии и за этим термином шлейф отбил у него охоту употреблять его.

Однако если сегодня поставить вопрос по существу, чем одно отличается от другого, то получим ответ: пропаганда — это плохо, а PR — хорошо, потому что первое имеет место в тоталитарном обществе, а второе — в демократическом. Именно такие ответы присутствуют сегодня даже в некоторых учебниках. Но они малоубедительны. Скажем, проводившаяся когда-то усилиями нашего государства пропаганда здорового образа жизни в разы полезнее, чем PR-кампания по продвижению на рынок сигарет известных брендов.

Так что дело не в словах, а в том, что стоит за ними. За спиной пропаганды всегда стояла государственная идеология, которой, как известно, у нас в стране сейчас нет. Ибо ст. 13 Конституции Российской Федерации указывает: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной». Это звучит дико для отечественного уха, ибо многие из нас, как из гоголевской «Шинели», вышли из системы государственной идеологии. Но ведь еще булгаковский Воланд удивлялся, что у нас «чего не хватиться, ничего нет». Однако, как известно, «свято место пусто не бывает». И приснопамятный PR, активно используя федеральные телеканалы и остальные СМИ, внедряется в опустевшую нишу в форме имиджологии, то есть технологии создания и поддержания имиджа — приятной глазу и прочим органам чувств внешней оболочки.

Почему это происходит? Прежде всего потому, что *политический выбор* в современном обществе теряет отличие от *выбора потребительского*. На бытовом уровне разнообразные электоральные процедуры выглядят как тот же шопинг, основанный на тезисе «Заверните мне то, что понравилось». Противоядием этому явлению с позиций человеческого интеллекта остается способность рационального анализа. Но современные медиа не помогают, а скорее мешают ее развитию. В обществе исчезла сфера критического общения, состоящая обычно из интеллектуалов одного круга (общавшихся ранее в кафе, литературных салонах или на тесных кухнях советских квартир). Правда, существующие ныне социальные сети, и особенно блогосфера, стремятся взять на себя функцию интеллектуального критического общения, но этот процесс еще находится в начале пути.

Как давно сетуют западные философы, начиная с леворадикалов начала 1960-х годов (Г. Маркузе), в их обществе исчезают сами основания для критического анализа состояния социума. Этим основаниям активно мешает скорлупа псевдочастной жизни, которую общество потребления научилось регулировать и координировать. Даже когда социально-политические дебаты все-таки происходят в медийной среде — разговор модерируется в со-

¹ Генеральный директор РИА «Ленинград», генеральный директор «Пронто—Петербург», генеральный директор — главный редактор газеты «Экономика и время».

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

³ Bracher K. D. The Age of Ideologies. L., 1985.

⁴ Kundera M. Immortality. N. Y., 1992. P. 114.

⁵ Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor, 1994. P. 12–13.

гласии со стилистикой принятой здесь сферы потребления и начинает зависеть от общих особенностей развлекательного жанра в значительно большей степени, чем от критериев, принятых в сфере науки и образования. За примерами далеко ходить не надо: достаточно посмотреть идущие в прайм-тайм телешоу основных каналов, начиная с «Первого». Сюда также можно добавить специфику медийной псевдоаудитории. Это давно уже не генерировавшийся ранее научной средой «мыслящий тростник». Присутствует очевидный разрыв между не очень значительной группой непубличных специалистов своего дела и множеством готовых как можно чаще появляться на экране и раскручиваемых с помощью СМИ персонажей. Последние обычно слабо разбираются в каких-то конкретных проблемах, волнующих общество, но при этом всегда готовы высказаться.

В результате формирование общественных предпочтений перестает как-то, например социологически, определяться на уровне самосознания социума, ибо потребляемый самосознанием контент не вырабатывается внутри с помощью интеллектуальной рефлексии, а привносится извне с использованием масштабных PR-акций. Формируемая медийным пространством *новая публичность* дает возможность софистической деятельности для стремящихся определять общественное мнение медийных структур и PR-служб. В результате изменяется сам смысл публичности. Аргументы заменяются символами, спорить с которыми бессмысленно, можно лишь идентифицировать или не идентифицировать себя с ними. В этих условиях даже понятие «культура» становится лишь «суперслоганом», то есть лозунгом, пригодным для использования в любом дискурсе.

Вспомним, что живой классик европейской мысли Юрген Хабермас еще в книге «Структурная трансформация публичной сферы» настаивал, что пропаганда и PR сливаются именно в рамках общества потребления¹. Более всего ему не нравится образуемое в рамках имиджологии единство медиа и политических структур. В этом случае журналисты в своей работе теряют всякую самостоятельность и полностью зависят от имиджмейкеров как от постановщиков задач, хотя при этом медиа «рулит» своей аудиторией не так, как раньше идеология делала это по отношению к массам. В общении медиа и аудитории присутствует процесс кодирования и декодирования значимой информации, который во многом определяется манерой и формой ее подачи. На этой почве возникает симбиоз политиков и владельцев медиа. При этом медийные структуры более ответственны за форму и манеру подачи материала, чем за сам контент. (Общеизвестно, одни и те же факты, поданные в несовпадающих интерпретациях в новостях или присутствующие в них с разной интенсивностью, звучат в сознании аудитории с разной силой.)

¹ *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989. P. 168–175.*

Для Ю. Хабермаса идеалом общественно государственного устройства является совещательная демократия. Но в условиях, когда политика организуется как спектакль, по театральным законам в расчете на кратковременный «катарсис», тиражируемый в медиапространстве, интеллектуальная рефлексия становится не просто излишней, но изгоняемой частью политического действия — как неполиткорректным способом «поверить алгеброй» нарождающуюся «политическую гармонию». Например, открыв сейчас предвыборный манифест 2002 года партии «Единая Россия», мы можем прочесть там: «В 2008 году каждая российская семья будет иметь благоустроенное жилье, достойное третьего тысячелетия». Как это красиво декларировалось тогда! Хотелось ли при этом кому-то из читавших задумываться еще и о связи слов с реальностью?

Однако ахиллесовой пятой политической имиджологии является то обстоятельство, что окружающая людей реальность не виртуальна. Проявляющая себя, подчас весьма жестко, связь с объективной реальностью никогда не позволит государственной политике превратиться в «виртуальную реальность».

Но оценим ситуацию с другой стороны. Возможна ли в современном мире организация совещательной демократии без посредства медийных структур, то есть в виде непосредственного, предварительного не срежиссированного общения власти и сограждан? И где взять некий репрезентативный микрокосм современного социума, годный для разумного и ответственного общения с властью? (Стоит ли обсуждать здесь точку зрения, согласно которой этот микрокосм представлен в Государственной Думе, и доходы и привилегии депутатов? Это обсуждение — обычное дело для большинства наших граждан.)

Как же нам быть с основной традицией политической науки, которую можно проследить от Аристотеля до Ханны Арент, традицией, ставшей чуть ли не бесспорной в Европе со времен Просвещения? Согласно этой традиции в политике ведущую роль играют рационально значимые аргументы, то есть те, которые опираются на достигнутую в этот период научную истину. Роль медиа в этом случае должна сводиться к обеспечению публичности в отношении как принимаемых политиками решений, так и получаемых при этом результатов. Но приход в сферу медиа *манипулятивной публичности* в корне меняет дело. Имиджология отличается от идеологии прежде всего тем, что в публичной сфере политик перестает выступать с открытым забралом. Реальные основания его деятельности теперь носят подковерный характер и отличаются от озвучиваемых в СМИ деклараций. (Лицемерие в политике было всегда, но нас интересует здесь не личная, а государственная позиция.) Характерно признание одного из ответственных работников ЦК КПСС о том, что в команде составителей выступлений генсеков конкретные специалисты и спичрайтеры обычно присутствовали в пропорции 50 на 50. И только у Горбачева последние совершенно вытеснили первых.

Можно ли согласиться с тем, что, как пишет Ф. Джеймисон, «ностальгия по идеологии есть ностальгия по привилегированной роли интеллектуалов»?¹ Думаем, нет, ведь от того, что эти самые интеллектуалы перебрались в сферу создания политического имиджа, покинув идеологию, как покидают оскудевшее полезными ископаемыми месторождение, они вряд ли утратили привилегированность. Кормушка осталась той же самой, а то и улучшилась. Но если вернуться к более серьезным материям, то вслед за М. Кундера следует признать, что на фундаментальном уровне политической борьбы ничего не изменилось. Фронт этой борьбы по-прежнему проходит по понятийно-идеологической сфере, соединяя критику теорий и человеческую практику, то есть нормы и факты, которыми должен пользоваться человеческий разум. Проблема состоит в том, что *spin doctors*, действующие в рамках имиджологии, используя медиа в некорректной форме, способны максимально усложнить разуму его работу.

Остается задать вопрос: можно ли считать крайними в описанном выше процессе сами российские СМИ? Мы уже пытались показать, что тренд их развития мало отличается от общемирового. Если говорить о российской специфике, то в 1990-е годы свобода российской прессы поддерживалась в основном за счет неконсолидированности политической власти в стране. Когда же в нулевые годы вертикаль власти была образована, последним гарантом ее свободы стала конкуренция политических и бизнес-элит различного уровня. При этом у нас отсутствует реальное соперничество политических партий, не сформированы сколь-нибудь действенные структуры гражданского общества, нет по-настоящему независимой судебной системы.

В этих условиях государственные чиновники или олигархи воспринимают СМИ не как «четвертую власть», а как подходящее средство для политических манипуляций (создание требуемого политического имиджа, информационные войны, слив компромата и пр.).

При этом одному из нас, как издателю, приходится констатировать, что печатные СМИ в определенных аспектах выглядят более социально ответственными, чем электронные (если вспомнить идущее от Уилбура Шрамма деление СМИ на либеральные, тоталитарные, социально ответственные и социалистические).

Во-первых, потому, что «то, что написано пером, не вырубишь топором». То есть убрать текст из Интернета технически проще, чем пустить под нож весь тираж печатного издания. К тому же, как известно, «рукописи не горят».

Во-вторых, автор печатного издания, как и сам издатель, хорошо известен, в отличие от тех, кто печатается в интернет-ресурсах типа Твиттера и т. п. Кстати, недавно в Интернете прошла информация о том, что Пентагон создает специальную программу, способную населить интернет-ресурсы роботами, которые смогут по команде тиражировать некие вариативные тексты на заданную тему.

И последнее: редакции печатных изданий всегда стремились к тому, чтобы их детище имело свою индивидуальность, отличалось от других изданий периодической печати «лица необщим выражением». Наличие редакции, редакционной политики, направленной на индивидуализацию печатного издания, плохо согласуется с представлениями имиджмейкеров о СМИ как о своем подсобном орудии.

А. С. Запесоцкий

РОССИЙСКИЕ СМИ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ «КУЛЬТУРЫ»

Мое сообщение является продолжением выступления на предыдущих Чтениях: «Информационные потоки как фактор трансформации культуры»².

На первый взгляд, последние 20 лет отечественные СМИ развиваются под воздействием западной культуры, ее идеалов «свободы слова», «прав человека» и т. д. Дискуссии, ведущиеся в нашем обществе, помещают в фокус внимания массовой аудитории различные споры и конфликты между журналистами и чиновниками. Якобы главные проблемы развития российских СМИ лежат в плоскости отношений «журналистика и власть». Думается, на самом деле это — способ отвлечь внимание гражданского общества от реальных и опаснейших процессов раз-

ложения Великой Российской Культуры, замены ее на культуру деградации и упадка — процессов, в которых решающую роль играют три ведущих канала общероссийского телевидения.

Сегодня телевидение в духовной жизни людей занимает уникальную нишу, расчищенную для него российскими реформами последнего десятилетия. Исследования, проведенные в нашем Университете, показывают катастрофическое уменьшение возможностей доступа к ценностям культуры у населения современной России по сравнению с СССР 1980-х годов³. В ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, принятой на Третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций резолюцией 216А (III) от 10 декабря 1948 года, провозгла-

¹ Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1991. P. 398.

² Запесоцкий А. С. Информационные потоки как фактор трансформации культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 425–428.

³ Запесоцкий А. С. Глава IV : Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры — условие формирования социального качества жизни // Права человека и правовое социальное государство в России / Е. А. Лукашева [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, 2011. С. 182–205 (книга готовится к выпуску в издательстве).

шается, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами»¹. Российский регресс в реализации данного положения очевиден.

К примеру, социологические опросы 2007 года показывают, что около 70 % петербуржцев в течение года ни разу не были в драматическом театре. Более 90 % опрошенных не посещают концерты музыкальных академических жанров и концерты народной музыки. Более 50 % посетителей кинотеатров ищут только возможность развлечься. Уровень посещаемости музеев в первое десятилетие XXI века составляет по сравнению с последним десятилетием советской власти: в Эрмитаже — 80 %, в Русском музее — 53 %, Саратовском музее — 57 %, Ярославском — 47,6 % и т. д. В десятки раз сократилось посещение лекториев при музеях. По опросам 2009 года, 80 % россиян вообще никогда не были в музее. Не лучшим образом обстоит дело и с библиотеками. В настоящее время Россия пока еще остается «читающей страной», но выпуск книг, брошюр, журналов и газет изменился по содержанию кардинально и не в пользу шедевров мировой литературы, высококачественных печатных СМИ. Львиную долю тиражей составляет продукция, отнести которую к ценностям культуры в принципе не представляется возможным.

В результате происшедших трансформаций теперь только около 8 % жителей страны ходят в кино; 6 % — на дискотеки, в клубы и театры; в спортклубы — 5 %; в кафе и рестораны — 5 %; в церковь — 5 %; на дополнительные занятия в сфере образования — 4 %; на концерты — 4 %; в библиотеки — 3 %; в музеи и на выставки — 2 %.

Одной из существенных черт изменения образа жизни россиян в постсоветский период стало одомашнивание досуга, обеднение его структуры: примерно 60 % россиян в свободное время теперь предпочитают смотреть телевизор дома. Телевидение абсолютно доминирует в структуре досуга жителей страны как по затрачиваемому на просмотр телепередачи времени, так и по числу людей, занимающих ежедневно места перед экранами телевизоров. За последние 5 лет доля смотрящих телевизор детей и подростков в России увеличилась с 15 до 21 %. И эти замеры не учитывают «пассивных» (по аналогии с курением) форм восприятия — когда дети вынуждены присутствовать в помещениях, где телевизор смотрят взрослые. При этом книги сейчас читают 8 % детей и подростков, газеты и журналы — 4–5 %.

В июне 2010 года председатель Комитета Государственной Думы РФ по культуре Г. Ивлиев сообщил общественности, что до 30 % россиян не принимают участия в культурной жизни страны: «...люди просто не ходят в театры, в кино, не принимают участия в самом минимальном светском ликбезе»². Как кон-

статируют многолетние исследования ВЦИОМ, население страны неуклонно погружается в дремучее невежество. По опросам 2010 года, свыше 30 % россиян убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. Свыше 80 % жителей не могут назвать ни одного имени современного ученого. Аналогичные негативные сдвиги происходят и в сфере морально-нравственных качеств населения, системе ценностей и т. д.

Реагируя на острую критику в свой адрес в связи с негативным влиянием телевидения на население, телебоссы обычно возражают, что, дескать, «телевидение — всего лишь зеркало жизни». Между тем в интервью на журфаке МГУ генеральный продюсер «Первого канала» г-н Эрнст высказался несколько иначе. На вопрос, должно ли телевидение нести культуру в массы, он ответил: «Телевидение воспитывает, но косвенно. Это система пилюль... Люди не любят горькие таблетки. Облатка — веселенькая и сладкая — нужна для того, чтобы ты проглатывал такие вещи. Людям кажется, что они смотрят сериал для того, чтобы развлечься, просто провести время, похихотать или поужасаться. А на самом деле... Почему в первые годы такая популярность была у русских сериалов про реальность? Потому что, когда глобально изменилась ценностная шкала, люди не знали, как себя вести в новой реальности. И они принимали это как модель поведения, которая проговаривалась под видом развлечения. В целом общество само выработать модели поведения не может. Основная суть... телевидения — в том, чтобы проговаривать текущую ситуацию и правильные моральные модели. ...формировать модели поведения — ненавязчиво — опосредованно — это эффективнее, чем просто учить. Учителя, извини меня, можно послать. Просто сказать: “Ты кто такой? Кто дал тебе это право?” А того, кто опосредованно формирует модели поведения, послать трудно, потому что ты этого не чувствуешь. Это происходит помимо твоей воли и сознания. Ты же развлекаешься!»³

В приведенной цитате обращает на себя внимание сразу несколько аспектов. Во-первых, в начале 1990-х, вопреки утверждению г-на Эрнста, ценностная шкала не изменилась в одночасье. Ее только предстояло изменить, что и было сделано с помощью телевидения. Во-вторых, г-н Эрнст и его товарищи отказывают обществу в способности выработать правильные модели поведения и присваивают это право себе. В-третьих, любопытна формулировка: «Учителя можно послать». Общественный уклад России «до Эрнста» этого сделать не позволял, во всяком случае — безнаказанно. Но учитель по определению несет детям и подросткам разумное, доброе, вечное. И является в этом смысле неприемлемым оппонентом современного российского телевидения. В этой связи понятен «культурологический» замысел сериала «Школа» — проекта Константина Эрнста, нацеленного на разрушение авторитета отечественного учителя и отечественной

¹ Всеобщая декларация прав человека // Международно-правовые документы по вопросам культуры / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 1996. С. 27.

² Ивлиев Г. П. Перспективы развития электронных библиотек в Российской Федерации: интернет-интервью с председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре от 25 июня 2010 г.

URL: <http://www.garant.ru/action/interview/251298/> (Дата обращения: 28.10.2010).

³ Научные и учебные тетради Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Тетрадь № 1, сентябрь–декабрь 2009 г. / сост. В. Т. Третьяков. М., 2010. С. 27.

школы. Не случайно сразу после активного навязывания телезрителю этого сериала по стране прокатилась волна избиений школьниками своих учителей. Идея Эрнста («учителя можно послать») была навязана телевидением массовой аудитории в качестве социальной нормы. В-четвертых, главное — телевидение в руках таких продюсеров выступает как инструмент манипулирования гражданами.

В практической повседневной деятельности телевидение, разумеется, скрывает от многомиллионной аудитории свою реальную сущность и создает ряд не соответствующих действительности мифов. Набор этих мифов существует как бы «в одном пакете», где каждый не соответствующий действительности компонент хорошо согласован с другими и точно вписан в общую концепцию: поскольку наше общество отвергло социалистический уклад жизни и избрало рыночный путь развития, существующая модель организации работы СМИ в стране якобы является единственно возможной и абсолютно соответствует самым передовым рыночным (западным) стандартам.

Представление о СМИ как «зеркале жизни», объективно и достоверно отражающем наиболее важные для аудитории стороны жизни — один из типичных мифов. Современное российское государство желает официально видеть лишь одну из функций СМИ — предоставление «потребителю» некой информации. Последняя, дескать, является всего лишь «товаром». И как любой другой товар, будто бы должна абсолютно свободно производиться и распространяться. Законодательство о СМИ закрепляет игнорирование иных аспектов деятельности СМИ, ставит их вне правового регулирования, как бы вне закона. Однако формальное игнорирование социально значимых обязанностей СМИ, самоустранение государства и отстранение общества от оценки исполнения и регулирования всего спектра функций приводит не к исчезновению тех или иных функций, а к их деформации, в итоге — к социальной дезорганизации. Так, к примеру, вместо просвещения населения, популяризации научного знания, придания знанию статуса ценности СМИ формируют антинаучные представления о мире, популяризируют всевозможных шарлатанов, дискредитируют ученых. Вместо вовлечения молодежи в научную деятельность формируется пренебрежительное отношение к науке и т. д.

Именно абсолютизация рыночных механизмов работы СМИ вывела в современной России их деятельность из-под контроля общества. Но утверждение об имманентно присущей СМИ рыночной сути является мифом. Известно, что различные социальные институты в разной степени могут быть включены в деятельность рыночных механизмов. И рыночные механизмы могут быть по-разному использованы в их деятельности: как во благо исполнению основных функций, так и во вред.

СМИ по своим функциям являются социальными институтами, обеспечивающими в первую очередь духовное воспроизводство, относятся к классу институтов, аналогичных школе, церкви, семье, а не к предприятиям, акционерным обществам. Конечно,

но, в ряде отношений СМИ находятся значительно ближе к рынку и более схожи с коммерческими предприятиями, нежели семья или школа. Условно говоря, их место в ряду социальных институтов находится где-то между библиотеками, театрами, с одной стороны, и рыночными субъектами — с другой. Но суть от этого не меняется. Превращение коммерческой стороны деятельности СМИ в их главную функцию имеет резко негативные последствия для государственного и общественного развития.

Утверждается, что российский подход является калькой порядка, существующего в странах Запада. Так ли это на самом деле? В государствах современного Запада СМИ действуют свободно именно как рыночные институты. Но это только с одной стороны. С другой — в каждой из стран, где имеет место подобная картина, на протяжении длительного периода под давлением общества реализуется стремление к полному разделению коммерческой и содержательной сторон деятельности СМИ. На практике это воплощается в общественных дискуссиях о роли СМИ, шлифовке корпоративной этики, корректировках национальных профессиональных стандартов и законодательств, укреплении соответствующих механизмов работы редакций и т. д.

Свободы слова «в чистом виде» не существует ни в одной стране мира. Органы исполнительной власти и большей бизнес везде стремятся контролировать ключевые аспекты деятельности СМИ. И нередко добиваются в этом успехов. Но гражданское общество, корпоративная культура столпов журналистики и судебная власть все же ограничивают подобные устремления.

В России при формировании постсоветского законодательства аналогичные западным идеи независимости СМИ от власти и бизнеса имелись в виду и были заложены в нормативные акты. Но их реализация в обществе иного типа не просто провалилась, а привела к диаметрально противоположным последствиям: сегодня корпоративная этика российских журналистов аморальна, судебная власть де-факто подконтрольна исполнительной, большой бизнес, также подчиняющийся исполнительной власти, служит основным орудием управления средствами массовой информации. Общество почти полностью отстранено от влияния на СМИ. Таким образом, СМИ в своей деятельности ориентируются только на вульгарный потребительский спрос и указания власти, поступающие опосредованно — через бизнес, владеющий СМИ.

Но интересы госслужащих далеко не всегда тождественны интересам государства, а потребительский спрос — механизм, совершенно неравнозначный влиянию гражданского общества. Поэтому для сравнительного анализа принципиально важно учитывать, что в странах Запада существует многовековая практика ограничений деятельности СМИ со стороны гражданского общества, сформировавшая механизмы соответствующего контроля и регулирования духовно-нравственных аспектов массовой информации. Именно поэтому, скажем, телевидение

Западной Европы и США столь разительно отличается от российского.

С. П. Капица обращает в связи с этим внимание на существование в Англии и Франции специальных служб, контролирующих соблюдение языковых и этических норм. В Би-би-си ему представили шестистраничный том правил поведения журналистов, утвержденный совместно государственными и общественными органами, познакомили и с официальным контролером телевидения лордом Муртоном. Собеседник рассказал о «ежовых рукавицах», с помощью которых он действует в интересах общества: «Мы никогда не говорим журналисту (он очень “округло” выражался), что надо говорить, — мы слушаем, что он говорит. Если нас это не устраивает (ключевая фраза. — А. З.), мы его переводим на другую работу. Может, он даже больше денег будет получать, он способный человек, но нас он не устраивает как журналист»¹.

Те функции нравственного контроля, которые на Западе по отношению к СМИ выполняет граждан-

ское общество, в СССР более 70 лет выполняло государство, задействуя механизм партийного руководства. И его мгновенное самоустранение от данных обязанностей создало вакуум, тем более опасный, что страна оказалась в состоянии перехода не только в экономической сфере, но и в сфере идеологической, морально-нравственной. В связи с этим следует обратить внимание на совершенно иную политику при переходе к рынку властей Китая, развивающихся в опережающем темпе экономические свободы и не устранившихся от ответственности за духовно-нравственное состояние нации.

Из сказанного вытекает, что в диалоге с зарубежными культурами (тем более в условиях глобализации) российскому государству и обществу следует проявлять большую осторожность и категорически избегать механического и поспешного переноса на нашу культуру инородных принципов и стандартов деятельности. Опасность подобных действий в полной мере проявилась в разрушительном для отечественной культуры функционировании СМИ постсоветского периода.

С. Н. Иконникова²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАЗВИТИИ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Маршалл Маклюэн (McLuhan) (1911–1980) — известный канадский культуролог, литературовед, социолог, историк философии, профессор университета в Торонто. Он прославился в 1960-е годы новым подходом к исследованию причин коренных сдвигов в истории мировой культуры. Его книги «Механическая невеста: фольклор индустриального человека» и особенно «Галактика Гутенберга» (1962) были переведены на многие языки, стали бестселлерами, многократно переиздавались, вызвали острые дискуссии. Вслед за этими произведениями последовали не менее значительные работы: «Осмысляя средства коммуникации: новые измерения человека», «Средства коммуникации — это сообщение», «Война и мир в глобальной деревне». Высказанные идеи были популярны, даже легкодоступны массовому читателю. Маклюэн утверждал, что любая культура в прошлом, настоящем и будущем базируется на средствах передачи информации и системе массовой коммуникации. Средства связи, их техническое и технологическое оснащение, а также деятельность органов чувств, включенных в процесс восприятия, определяют развитие культуры, передачу культурного наследия, традиций и инноваций. Коммуникации являются необходимым звеном

этого процесса. Разрушение или преобразование системы коммуникаций неизбежно приводит к утрате или смене культурных ценностей. Происходит «коммуникативный разрыв», оказывающий влияние на все сферы культуры. Возникает иная конфигурация социальной, антропологической и культурной системы. Новые средства коммуникации постепенно вытесняют прежние способы фиксации и передачи информации, между старыми и новыми средствами коммуникации возникают отношения конкуренции и соперничества, нарушается баланс восприятия сообщений. Это приводит к созданию новой «Галактики», в которой господствует новая коммуникативная система, обращенная к другим органам чувств, формирующая новые ценности и отношения между людьми. История мировой культуры прошла через эту смену эпох, или «галактик». М. Маклюэн выделяет в истории культуры 4 эпохальных сдвига в развитии средств коммуникации.

Первая эпоха характеризует архаичное, племенное общество, не имеющее развитой письменности и передающее информацию в устной форме. Звук и слово являлись главными средствами коммуникации. Они были непосредственно обращены к органу слуха, имели краткий срок хранения, зависели от многих конкретных условий среды обитания, возможностей общения, запаса информации. Сведения о жизни племени, весь корпус знаний, магических верований, практических навыков хранились в памяти старшего поколения. Устная речь и «ухо» на протяжении тысячелетий сохраняли культурный фонд общества. Это была эпоха «аудиотактильного единства» человечества.

¹ Совесть: бесполезное свойство души? : круглый стол по проблемам нравственности и духовности, 30–31 января 2009 г. / ред. В. К. Мамонтов, А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 121–122.

² Заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, академик Российской академии естественных наук, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ.

Вторая эпоха связана с изобретением и распространением фонетического алфавита и письменности. Начиная с V столетия до н. э. вплоть до XV века книга была рукописной. На передний план коммуникации выдвигается способность освоения грамотности, навыков письма и чтения. Тексты непосредственно обращены к «глазу» и интеллекту, способности писать, воспринимать и понимать текст. Это выдвигает на первый план «визуальные» особенности человеческой чувственности, формирует раздробленное сознание. Появляются новые профессии: учителя, переписчика, летописца. Возникает ремесло изготовления и торговли письменными принадлежностями. Создаются центры обучения письменности и чтению. Рукописные книги были предметом роскоши, они хранились в особых помещениях, были гордостью владельца.

Для письма использовался папирус, дорогой и неудобный для рисования, жесткий и ломкий. Восковые таблички служили недолго, применялся для письма пергамент. Поскольку гончарное производство было достаточно развито, то для письма использовалась поверхность вазы, горшка, тарелки. Финские гончары поставляли свою продукцию в Италию и на Восток, и вместе с изделиями распространялась и письменность. Производство бумаги, пришедшее в Европу из Китая, было необходимым условием развития письменности.

Третья эпоха именуется «галактикой Гутенберга» и связана с изобретением Гутенбергом в XV веке печатного станка и началом производственного книгопечатания. Новое средство передачи информации произвело революцию в массовых коммуникациях. Оно также было обращено к «глазу» человека, способного считывать информацию, но благодаря возможности тиражирования многократно увеличивало число читателей, расширяло диапазон контактов. Печатаются не только книги, но и газеты, альбомы, реклама. Изобретение бумаги, чернил на масляной основе, гравировка по дереву, изготовление деревянных блоков, приспособление винодельческого прессы и специальной техники стали основой издательской деятельности. «Книга стала в буквальном смысле учебной машиной, а рукописное письмо перешло в разряд вспомогательных средств обучения»¹. Типография была первым предприятием массовой стандартной продукции и способствовала развитию рыночной экономики и индустриальной цивилизации.

Четвертая эпоха — «галактика Маркони» — начинается с середины XIX века с изобретения телеграфа Морзе и начала электронных средств массовой коммуникации. Телеграф был новым средством объединения культурного пространства, ускорения передачи информации и сплочения людей. Это стало началом эры электронной цивилизации: радио, телевидения, компьютеров, Интернета, которые создают мировую информационную сеть. Новая общность напоминает «всемирную деревню», возврат к племенному типу сознания. Эти новые обстоятельства требуют всестороннего исследования,

прогнозирования их влияния на сознание и поведение человека, его ценностные установки и предпочтения. «В век электроники, пришедшей вслед за длившейся около пяти столетий эпохой книгопечатания и механики, мы сталкиваемся с новыми формами и структурами человеческой взаимозависимости и человеческого самовыражения, которые являются “устными” по своему характеру даже там, где отсутствует словесный компонент»².

Такова общая схема исследования эволюции средств массовой коммуникации и их влияния на развитие культуры. Важно отметить, что предметом культурологического анализа является не столько технологическое обновление средств коммуникаций, сколько изучение влияния средств массовой коммуникации на мировоззрение человека, формы его самосознания и мышления, способы восприятия мира, на изменение объема и специфики информации в процессе общения с другим человеком и иной культурой. Именно эти антропологические особенности интересуют культуролога.

Маклюэн сопоставляет особенности мировосприятия человека африканской — устной и европейской — печатной культуры. Африканский ребенок живет в мире звуков, обращенных к слушателю, в магическом, скрытом мире устного слова. Он должен научиться распознавать не только значения слов, но и смыслы интонаций магических формул, требуемых ритуалом и произносимых в определенном и строго соблюдаемом порядке. Звуки являются индикаторами вещей, движений, состояний. Распознавая звуки, человек устанавливает местонахождение другого человека или животного, «читает» своеобразный мир жизни племени, окружающей природы. «Глаз для большинства африканцев не столько орган восприятия, сколько инструмент воли, в то время как главным воспринимающим органом является ухо»³. Африканский ребенок получает образование, которое базируется на устном слове, заряженном драмой и эмоциями.

Западная цивилизация основана на использовании визуальной технологии мира вещей, освоении письма и алфавита. Слова обретают всеобщность смысла, но теряют магическую силу интонации и произношения. «Поскольку мир уха — это горячий гиперэстетический мир, а мир глаза — относительно прохладный и нейтральный, западные люди кажутся представителям слуховой культуры очень холодной рыбой»⁴, — пишет Маклюэн. Необходимо иметь в виду, что фонетические способы коммуникации Китая, Индии остаются по-прежнему аудиотактильными и претерпели мало изменений. Известно, что греческий философ Сократ ничего не написал, не владел письменностью. Знанием о его идеях и диалогах мы обязаны Платону. Фонетический алфавит для древних греков был таким же новшеством, какими впоследствии стали кинокамера и компьютер. Даже Россия сохраняет склонность к устной аудиокультуре, выступлениям политических лидеров, сказаниям и легендам.

² Маклюэн М. Указ. соч. С. 6.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 29.

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 215.

Постепенно под влиянием печати изменяются субструктуры языка и способы чувственного восприятия. Из этого магического звучащего мира, устного акустического пространства только алфавитное письмо производит первый удар новой технологии, расширяет возможности глаза и уха, открывает перед человеком мир познания и действия. Ни пиктографическая, ни идеограмматическая или иероглифическая формы письма не обладают расщепляющей силой фонетического алфавита. При этом китайскую культуру отличает тонкость различий множества оттенков реальности. Для египетской иероглифики характерна избыточность письма, когда каждый слог обозначается не одним символом, а несколькими, не совпадающими по значению. Эта трудность проявилась при расшифровке знаменитого Розеттского камня. Ранняя письменность средиземноморской цивилизации представляла собой рисунки, или «логографическое» письмо. Затем рисунки превратились в символы, упростились до нескольких десятков букв. Древнееврейское письмо не имело гласных. Древние киприоты и японцы выработали силлабическое письмо. Славянское письмо в религиозных текстах использовало сокращения из нескольких букв, подобно современным аббревиатурам. «Но только гений сирийско-палестинских семитов создал алфавитное письмо, от которого произошли все прошлые и настоящие алфавиты»¹.

Фонетический алфавит становится основой печатной продукции и производит раскол в сознании человека, освобождает от господства устной передачи информации. Алфавит, или буквенное письмо, представляет собой наиболее развитую и доступную для обучения систему письма, в нем ограниченное число знаков, простое изображение. Алфавит без особой трудности переходит из одного языка в другой. Он получил широкое распространение, сделал образование доступным, обучение — легко усваиваемым в любом возрасте. Алфавитное письмо просуществовало без изменений более трех с половиной тысячелетий, использовалось в древности евреями, финикийцами, арамейцами, греками, этрусками, римлянами. «Простота, адаптируемость и удобство обеспечили алфавиту триумф перед другими системами письма. Ни одна другая система письма не имеет такой долгой, сложной и интересной истории»². Величие этого изобретения состоит в том, что каждому звуку соответствует один знак. Алфавит способствовал преодолению племенного устройства общества и переходу к цивилизации.

В Европе возникают университеты как центры обучения наукам. Искусство письма, умение вести конспекты, записывать под диктовку лекцию, правильное произношение и интонация, чтение вслух, запоминание текста были необходимыми требованиями образования.

Книгопечатание внесло существенные изменения в процесс передачи информации. На первый план выдвинулись механические операции, возможность повторения текста, распространение его в массовой ауди-

тории. Печатный текст изменил характер восприятия информации, способствовал развитию самосознания, индивидуальных вкусов и предпочтений. Возникает проблема авторства книжного текста, литературной славы и интеллектуальной собственности. Книгопечатание — это технология индивидуализма, отмечает Маклюэн. Человек имеет большие возможности для выбора книг, погружения в текст, обсуждения различных проблем. Книгопечатание способствовало развитию свободы слова, свободы писателя и читателя, появилась возможность читать что угодно и где угодно. Наряду с этим книгопечатание привносит в мышление «гомогенность», однородность, всеобщность, одновременность получения информации.

Печатная книга — первый унифицированный, массовый товар — завоевывает европейские рынки. Книга стала предметом торговли, приобрела рыночную стоимость. Книга перестала казаться редкостью, ее можно было купить, читать в любое время и в любом месте. Появляются книги не только на латыни, но и на национальных языках. Книгопроизводство становится отраслью, требует значительных капиталовложений, регулируется законами рыночной экономики. Возникают дискуссии по поводу преимуществ печатной книги по сравнению с рукописной. Обсуждается вопрос эффективности усвоения информации. Сможет ли книга, читаемая быстро и про себя, заменить книгу, читаемую медленно и вслух? Насколько изменится авторитет устного слова, публичного выступления, ораторского искусства? Известный философ и ученый Лейбниц еще в 1680 году высказывал опасение, что увеличение числа книг приведет к отвращению от наук, и люди, придя в отчаяние, впадут в варварство. Бесконечному числу авторов грозит либо забвение, либо их книги будут иметь кратковременный успех, их будут читать, для того чтобы «развеять скуку». Подобные проблемы обсуждаются и в современной аудитории относительно роли телевидения, компьютеров, Интернета.

Расширение диапазона общения, связанное с алфавитом и книгопечатанием, в последующем с электронными средствами информации, открывает новые перспективы развития общества. Важно проследить влияние средств массовой коммуникации на развитие интеллектуальных и эмоциональных возможностей человека. «Мы живем в едином тесном пространстве, оглашающемся звуком племенных барабанов»³, — пишет Маклюэн. Перед нами открывается возможность жить во множестве сопредельных миров и культур одновременно. Мы больше не связаны с одной культурой, как не связаны с одной книгой, одним языком или одной технологией. Новые технологии не только расширили пространство, но и создали «поле одновременного действия». Философ П. Тейяр де Шарден писал о «космической мембране», которая сомкнулась вокруг земного шара и стала «технологическим мозгом» мира. Эти обстоятельства выдвигают новые проблемы безопасности человечества. Новая электронная технология стала средством диалога культур и цивилизаций.

¹ Маклюэн М. Указ. соч. С. 75.

² Там же. С. 73.

³ Маклюэн М. Указ. соч. С. 47.

М. Б. Касенова¹

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ИНТЕРНЕТ

1. Интернет по своей технологической сути носит международный, глобальный характер, в том числе и потому, что техническая и технологическая поддержка его функционирования как таковая осуществляется таким образом, чтобы обеспечивать функционирование Интернета в пределах не только одного какого-то государства, но и в международном масштабе. Международный (в значении «межстрановой»), глобальный характер Интернета диктует саму логику управления им: вопросы управления Интернетом не могут находиться вне международного, глобального контекста. В этом смысле Интернет предполагает существование как «внутреннего», так и «внешнего», интернационального механизма управления.

И «внутренний», и «внешний» институциональные механизмы управления Интернетом взаимосвязаны, и однозначно разграничить их, а также определить четкие критерии такого разграничения невозможно, поскольку они — «две стороны одной медали». «Внутренний» институциональный механизм управления Интернетом в целом уже сформировался, ибо сформировался и устоялся «внутренний» организационно-технический порядок функционирования Интернета. Это, однако, не означает, что «внутренний» механизм не будет развиваться и совершенствоваться дальше. «Внешний», международный, механизм управления Интернетом пока еще находится в стадии формирования и становления. В настоящее время существует организационный, институциональный вакуум в области международного, глобального управления Интернетом. Сущностные институциональные структуры и организации не представляют в настоящее время сформировавшийся «внешний» институциональный механизм управления Интернетом. Принципиальным в этой связи является то, что доминирующее значение имеет «внутренний» институциональный механизм управления Интернетом, который не может и не должен игнорироваться при формировании механизма «внешнего».

2. Поиск ответа на вопрос о том, управляет ли кто-то Интернетом (а если управляет, то кто и каким образом), нужно начинать прежде всего с анализа «внутреннего» институционального механизма управления Интернетом. При этом следует иметь в виду ряд принципиальных моментов.

¹ Профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук, адвокат. Автор ряда научных работ, опубликованных в России и за рубежом, по проблемам общей теории права, взаимодействия международного и национального права, международного частного права, сравнительно-правовых аспектов регламентации отношений в сфере Интернета, управления Интернетом, в т. ч. монографии «Международно-правовое управление Интернетом», «Международное частное право России. Учебно-методический комплекс». Член Российской ассоциации международного права, Международной ассоциации международного права (Лондон).

а) В силу специфики организации и функционирования Интернета глобальные информационные потоки и пакеты данных способны сами находить путь от отправителя к получателю. Существующая так называемая «физическая структура сети Интернет» (Internet's Physical Network Structure) включает громадное число в основном коммерческих сетевых операторов и сетей, от небольших до межконтинентальных. Сетевые операторы могут в зависимости от потребностей рынка объединять, соединять свои инфраструктуры. Такие сети, которые фактически и формируют «физическую структуру Интернета», связаны воедино по примеру топологии крупной и хорошо развитой сети автомагистралей.

б) Интернет в определенном смысле представляет собой нейтральное пространство, некое саморегулирующееся киберпространство (Self-Regulation Cyberspace), и ни одно государство не может его отключить. Вместе с тем понимание Интернета как пространства, не имеющего центрального аппарата управления и координации работы, не совсем верно. Существование централизованного технического управления объективно необходимо для выполнения как минимум трех конкретных функций, связанных с устройствами адресации (главным образом, компьютерами), подключенными к Интернету. Эти функции охватывают:

- эксплуатацию корневых серверов (operating the root servers), позволяющих подключенным к Интернету устройствам находить друг друга, а пакетам данных перемещаться от отправителей к получателям по всей сети Интернет через добровольное соблюдение открытых протоколов и параметров, определяемых стандартами Интернета² (включая, например, осуществление функции назначения параметров протокола «http»-адреса);

- выработку принципов выделения блоков интернет-адресов (выделение IP-адреса пространства);

- выработку и внедрение принципов создания и администрирования национальных доменов верхнего уровня — ccTLD (Country-Code Top-Level Domains)³ и присвоения индексов имен интернет-доменов (например, таких как .com, .ru, .info и т. п.).

Изложенное делает понятным, что ответ на вопрос о том, управляет ли кто-то Интернетом прежде всего объективно связан с необходимостью анализа компетенции и системы органов, которые отвечают за технологическую поддержку и централизованно обеспечивают техническое функционирование Интернета, их структуры и порядка функционирования.

в) В центре анализа «внутреннего» институционального механизма управления Интернетом должна

² См.: Internet Activities Board, "The Internet Standards Process"-RFC 1310, RFC Editor, March 1992, а также ISOC. URL: <http://www.isoc.org>

³ Национальные домены Country-Code Top-Level Domains (ccTLDs). URL: <http://www.iana.org/cctld/cctld.htm>

находиться лишь система организаций, централизованно обеспечивающих техническое функционирование Интернета и, таким образом, имеющих непосредственное отношение к процессу управления Интернетом. При таком подходе к анализу (и это принципиально!) «физическая структура сети» должна быть исключена, поскольку ее функционирование «вторично»: без соблюдения соответствующих протоколов и параметров «физическая структура Интернета» функционировать не может.

г) Функционирование Интернета зиждется на «архитектурных принципах Интернета» (Architectural Principles of the Internet), существо которых требует пояснения. Архитектурные принципы Интернета обозначаются, как RFC 1958¹ (далее — RFC 1958), и являются базовыми принципами технического проектирования. К ним, наряду с другими, относятся принципы функциональной совместимости (interoperability), открытости (openness) и сквозной связи (end-to-end principle), а также принцип отсутствия централизованного контроля.

Одним из основных в ряду архитектурных принципов Интернета является принцип сквозной связи (end-to-end principle — e2e)². Этот принцип зачастую представляется как основополагающий архитектурный принцип Интернета, основа технологии Интернета, как ориентир для органов управления при оценке изменений в Интернете, как базис будущего культурного обновления.

В чисто техническом отношении e2e означает, что определенные обязательные сквозные функции могут выполняться надлежащим образом только самими «оконечными системами» (end-systems), то есть конечный результат системы является главным. RFC 1958 содержит следующую трактовку: «Задача

¹ Request for Comments (RFC — серия документов, начатая в 1969 г. и содержащая описания набора протоколов Интернета и связанную с ними информацию, то есть касающуюся фундаментальных интернет-протоколов, их сочетания, возможности разработки новых). Документ RFC 1958 озаглавлен «Архитектурные принципы Интернета». (The Architectural Principles of the Internet). Подробнее см.: URL: <http://www.dbj.rtt.bw.schu.de/feacher/info/rfc/rfc.htm>; <http://www.fags.org/rfcs/rfc158.htm>; см. также: *Carpenter Brian*. Architectural Principles of the Internet. June 1996. URL: <http://www.ietf.org/u/ietchair/discuss-criteria.htm>; Internet Engineering Task Force of The Internet Society, Architectural Principles of the Internet, RFC 1958, at Brian Carpenter ed., 1996. URL: <http://www.ietf.org/rfc/rfc1958.txt>

² Принцип сквозной связи был впервые выдвинут Сальцером, Ридом и Кларком (см.: *Saltzer J. H., Reed D. P., Clark D. D.* End-to-End Arguments in System Design. 2 ACM Transactions on Computer Sys. 277 (1984). URL: <http://www.reed.com/Papers/EndtoEnd.html>. См. об этом подробнее: *Blumenthal M. S.* End-To-End and Subsequent Paradigms // L. Rev. Mich. St. U. Det. C. L. 709, 717 (2002); *Lemley M. & Lessig L.* The End of End-to-End: Preserving the Architecture of the Internet in the Broadband Era. 48 UCLA L. Rev. 925 (2001); *Lessig L.* The Architecture of Innovation. 51 Duke L. J. 1783 (2002); *David P. A.* The Beginnings and Prospective Ending of “End-to-End”: An Evolutionary Perspective on the Internet’s Architecture. Stanford Econ. Dept., Working Paper № 01-012, 2001. URL: <http://www.econ.stanford.edu/faculty/workp/swp01012.pdf>; *Clark D. D. & Blumenthal M. S.*, Rethinking the Design of the Internet: The End to End Arguments vs. the Brave New World. Stanford Program in Law, Sci. & Tech., The Policy Implications of End-to-End Conference Paper, 2000. URL: <http://cyberlaw.stanford.edu/e2e/papers/TPRC-Clark-Blumenthal.pdf>.

сети заключается в как можно более эффективной и гибкой передаче дейтаграмм. Все остальное должно осуществляться оконечными устройствами»³.

В соответствии с принципом e2e Интернет не выполняет никаких других функций, кроме эффективной передачи пакетов данных. Функционирование Интернета, начиная с проверки прав доступа и заканчивая обработкой информации, должно обеспечиваться конечными устройствами, то есть устройствами, подключаемыми к Сети. В этом заключается фундаментальное отличие Интернета от других сетей связи (к примеру, телефонных), где именно сеть выполняет большинство функций, а сами телефонные аппараты в конечных точках не имеют развитых логических возможностей⁴.

Принцип e2e в некотором смысле ограничивает функциональность Интернета, поскольку связан только с передачей пакетов данных от отправителя к получателю. Не предполагается, например, что Интернет будет осуществлять фильтрацию определенных пакетов данных в зависимости от их содержания. Не предполагается также, что Интернет будет проводить проверку прав доступа, отслеживать прохождение пакетов данных или вносить изменения в данные. Интернет только обеспечивает прохождение информации⁵. При характеристике принципа e2e и его оценке следует исходить из того, что он «глубоко встроено в систему Интернета», является основополагающим принципом функционирования Интернета, а его фундаментальный характер очевиден и для создателей интернет-протоколов, и для организаций, обеспечивающих их последующее развитие. Кроме того, и это является принципиальным моментом — архитектурные принципы Интернета являются не только принципами технического проектирования, они, по сути дела, отражают фундаментальные для интернет-сообщества ценности.

3. Представляется, что интернет-организации, непосредственно обеспечивающие техническое функционирование Интернета, можно охарактеризовать как «систему организационного-технического мониторинга Интернета». Эти интернет-организации, между которыми существуют постоянные устойчивые формальные и неформальные связи, можно условно распределить по основным группам, или центрам: Общество Интернета (Internet Society, ISOC) и его ассоциированные организации, Корпорация по присвоению имен и адресов в Интернете (The Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN), Консорциум Всемирной паутины (World Wide Web Consortium, W3C).

³ URL: <http://www.fags.org/rfcs/rfc158.htm>

⁴ См. подробнее: *Izenberg D.* The Rise of the Stupid Network. URL: <http://www.rageboy.com/stupidnet.html>

⁵ Такую оценку принципа e2e разделяют не все исследователи: см. подробнее, например, позицию Джонатана Зиттрана, считающего, что узкая сфокусированность на принципе сквозной связи игнорирует возможности сложного взаимодействия между компьютером и Интернетом как «генерирующей системы» (см.: *Zittrain J.* The Generative Internet. 119 Harvard. Law. Rev. 1974, 2029–32 (2006)).

Общество Интернета (далее — ISOC). Бурный рост Интернета, расширение сфер его использования и потребность интернет-сообщества в формальной организации, которая являлась бы неким центром, где решались бы вопросы «стандартизации» функционирования Интернета, привели в 1991 году к образованию Общества Интернета под эгидой Корпорации национальных исследовательских инициатив (Corporation for National Research Initiatives, CNRI). В январе 1992 года ISOC было учреждено в качестве некоммерческой корпорации, являющейся юридическим лицом федерального округа Колумбия, США.

Основная цель создания ISOC заключалась в том, чтобы «обеспечить открытое развитие, эволюцию и использование Интернета на благо всех людей во всем мире»¹. Практически все технологические стандарты Интернета разрабатываются и устанавливаются группой организаций, входящих в ISOC либо действующих под его эгидой. ISOC является организационной и юридической базой для большинства организаций, которые отвечают за разработку технических стандартов Интернета, поскольку главная задача создания и функционирования ISOC — содействовать открытой разработке стандартов протоколов, администрированию и технической инфраструктуре Интернета. Организационная структура ISOC основана на принципе членства. При этом членами Общества могут быть как юридические, так и физические лица. По последним данным (середина 2010 г.), ISOC насчитывает более 28 тысяч индивидуальных членов по всему миру и более 150 организаций-членов в 180 странах мира.

Корпорация по присвоению имен и адресов в Интернете (далее — ICANN) в силу исторически сложившихся обстоятельств играет особую роль.

История возникновения ICANN фактически начинается в 1997 году. Именно тогда в США стали предпринимать активные попытки по уменьшению административной роли государства в управлении Интернетом. В январе 1998 года администрация президента Б. Клинтона разрабатывает и принимает «Предложение по улучшению технического управления именами и адресами Интернета». Этот документ, предусматривавший необходимость обеспечения упорядоченного перехода к созданию новой некоммерческой организации, занимающейся управлением доменными именами верхнего уровня, получил название «Зеленая книга».

В июне 1998 года Национальная администрация телекоммуникаций и информации США (National Telecommunications and Information Administration, NTIA)² выпустила документ, названный уже «Белой книгой». Этот документ был своего рода отражением реакции интернет-сообщества на «Зеленую кни-

гу». В «Белой книге» предлагалось создать организацию, которая должна заниматься предоставлением доменов верхнего уровня, отвечать за предоставление IP-адресов и протокольных параметров, но сохранять при этом «центральную координирующую функцию в глобальной сети Интернет для общественного блага»³.

В октябре 1998 года было сообщено о создании ICANN. Некоммерческая корпорация ICANN создана в соответствии с законами штата Калифорния и является юридическим лицом штата Калифорния. ICANN призвана осуществлять свою деятельность в качестве оператора доменного пространства Интернета.

Деятельность ICANN основывалась на возобновляемом договоре «Меморандум о взаимопонимании»⁴ (Memorandum of Understanding, MoU), заключенном между ICANN и Министерством торговли США, которое занималось вопросами присвоения имен и адресов в Интернете и представляло интересы Правительства США. До 2006 года существовало шесть редакций MoU. В сентябре 2006 года было решено заключить Соглашение о совместном проекте (Joint Project Agreement, JPA) между Министерством торговли США и корпорацией ICANN. Соглашение закрепляло десять основных показателей, по которым Министерство должно было оценить эффективность работы ICANN и готовность корпорации к осуществлению своих функций в качестве независимой организации, учитывающей интересы всего международного интернет-сообщества.

30 сентября 2009 года, в последний день действия Соглашения, было принято решение о прекращении его действия. Вместо него был заключен новый документ, носящий бессрочный характер, — Подтверждение обязательств Министерства торговли США и ICANN (Affirmation of commitments by the United States Department of Commerce and the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, далее — Подтверждение обязательств). По условиям нового документа Правительство США в лице Министерства торговли не контролирует деятельность ICANN ни организационно, ни формально. Согласно Подтверждению обязательств ICANN становится «независимой, саморегулирующейся организацией», предоставляющей отчеты о своей деятельности не Министерству торговли США, а всему интернет-сообществу, которое будет самостоятельно оценивать эффективность работы ICANN. Подготовка таких отчетов возложена на так называемые «команды оценщиков» (Review Teams). Членами Review Teams являются представители всех организационных структурных подразделений ICANN, а также независимые эксперты. Представители структурных подразделений, входящих в Review Teams, раз в три года избираются Президентом ICANN и Председа-

¹ В создании ISOC принимали участие Винт Серф (Vinton G. Cerf) и Роберт Кан (Robert E. Kahn), являющиеся одними из «отцов-основателей» Интернета. См. подробнее: URL: <http://www.isoc.org/isoc/mission/>; <http://info.nic>; <http://www.livinginternet.com/i/ii/cerf.htm>

² URL: <http://www.ntia.doc.gov>

³ См. подробнее: URL: <http://www.icann.org/general>

⁴ Меморандум о взаимопонимании см.: URL: <http://www.icann.org/general/icann-mou-25nov98.htm>; http://www.ntia.doc.gov/ntiahome/domainname/agreements6_09162003.htm; Бабкин С. А. Интеллектуальная собственность в Интернете. М., 2006. С. 212–213.

телем правительственного консультативного комитета при Правлении ICANN (Governmental Advisory Committee, GAC). Каждые три года Review Teams обязаны представлять подготовленные отчеты мировому интернет-сообществу. По условиям Подтверждения обязательств первый отчет предполагается подготовить в конце 2010 года.

ICANN «централизованно и единолично» продолжает осуществлять контроль за соблюдением базовых принципов присвоения доменных имен и адресов в Интернете. Корпорация не регистрирует доменные имена сама, но именно ICANN решает, какие устройства могут быть подключены к Интернету и какие у них при этом будут имена. ICANN осуществляет свои полномочия на базе широкого консенсуса (например, при создании новых доменов высокого уровня или при делегировании полномочий в части регистрации доменных имен для определенных географических регионов). В настоящее время существует 21 так называемый «общий домен верхнего уровня» (generic Top-Level Domains), в частности .com, .org и пр. Контролирующие функции за системой присвоения доменных имен и адресов в Интернете принадлежат только ICANN.

Консорциум «Всемирной паутины» (World Wide Web Consortium, W3C, далее — W3C) является независимой организацией, деятельность которой сосредоточена на вопросах, касающихся единых стандартов и протоколов Интернета¹. Членство в W3C открыто для любой организации, которая заключает с ним соответствующее соглашение. Учредителями W3C являются Массачусетский технологический институт в США, Европейский консорциум по исследованиям в области информатики и математики (ERCIM) в Европе и Университет Кейо в Японии. Руководящим органом W3C является Управляющий комитет, который формирует общую политику и стратегию для W3C. Работа W3C строится по группам, распределяемым в зависимости от стоящих перед ними задач. Возглавляет работу W3C его председатель, назначаемый Массачусетским технологическим институтом, а в компетенцию этого председателя входят вопросы взаимодействия с членами W3C и «внешние связи».

Программные задачи W3C состоят в том, чтобы «полностью раскрыть потенциал Всемирной сети путем разработки общих протоколов, которые способствуют ее эволюции и обеспечивают ее функциональную совместимость», а также в разработке, испытании и внедрении новых технологических стандартов Сети².

W3C имеет собственную структуру, и членство в нем могут иметь главным образом организации. Например, членами W3C являются такие организации, как Adobe Systems, Inc, компания «Боинг», «Шеврон», «Сити-груп», а также целый ряд других

¹ W3C был основан Тимом Бернерсом-Ли в 1994 году в Массачусетском технологическом институте совместно с Европейским центром ядерных исследований (CERN).

² URL: <http://www.w3.org/>. В определенном смысле функции W3C схожи с функциями IETF. Например, эта организация тоже разрабатывает технологические стандарты, но деятельность ее является более узконаправленной применительно к Всемирной сети и связанным с ней технологиям.

компаний и организаций различных стран. Физические же лица, входящие в интернет-сообщество, обладают в плане участия в работе W3C ограниченными возможностями — в основном через те адресные списки W3C, которые являются публичными.

4. Динамичное развитие Интернета, «интернетизация» значительного числа государств, обеспечение безопасного функционирования сети Интернет и тому подобное приводят к необходимости обсуждения вопросов контроля и управления Интернетом на международном уровне, свидетельством чему является проведение двух всемирных встреч по вопросам информационного общества под эгидой ООН — в Женеве (2003), Тунисе (2005).

Итогом первого, женеvского, этапа Всемирной встречи по вопросам информационного общества (далее — ВВУИО) было, во-первых, принятие двух документов, впоследствии одобренных Генеральной Ассамблеей ООН, а именно: Декларации принципов по вопросам информационного общества (далее — Декларация принципов) и Плана действий (далее — План действий)³. Во-вторых, ВВУИО предоставила Генеральному секретарю ООН мандат на учреждение *Рабочей группы по управлению Интернетом* (The Working Group on Internet Governance, далее — WGIG).

Центральным вопросом работы WGIG была разработка рабочего определения понятия управления Интернетом. С учетом базовых критериев, анализа предложений, а также результатов дискуссий среди заинтересованных сторон, участвовавших в работе ВВУИО, WGIG, широкого интернет-сообщества, было выработано следующее рабочее определение: «*Управление Интернетом представляет собой разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своей соответствующей роли, общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение Интернета*».

Важно обратить внимание на то, что разработанное рабочее определение зиждется на концепции широкого участия в механизмах управления Интернетом правительств, частного сектора и гражданского общества. Это рабочее определение исходит из признания того, что в конкретных вопросах управления Интернетом каждая группа (правительств, частного сектора, гражданского общества и пр.) имеет свои различные интересы, играет различную роль и принимает участие в различных формах, которые зачастую могут дублировать друг друга.

WGIG разработала рекомендации в отношении механизмов управления Интернетом и предложила четыре организационные модели управления Интернетом.

Второй, тунисский, этап заключался в «приведении в действие документов первого этапа, а также в выработке решений и достижении договоренностей по вопросам управления Интернетом».

³ Документ ООН: A/RES/59/220. Декларация принципов и План действий ВВУИО — WSIS-03/Geneva/DOC/0004.

луй, самым значительным итогом Тунисского этапа ВВУИО стало учреждение под эгидой ООН Форума по вопросам управления использованием Интернета (The Internet Governance Forum, IGF)¹.

Форум по вопросам управления Интернетом (далее — IGF), именуемый также Форумом по вопросам управления использованием Интернета, является новым органом для ведения многостороннего политического диалога с участием всех заинтересованных сторон². IGF фактически заменил WGIG и функционирует на многосторонней основе с участием всех заинтересованных сторон на основе мандата ООН.

При осуществлении деятельности, предусмотренной мандатом, IGF опирается на существующий институциональный механизм управления использованием Интернета, не выполняет надзорные функции, не подменяет существующие структуры, механизмы, институты или организации, не вмешивается в вопросы повседневной эксплуатации или технического обслуживания Интернета.

Существующий мандат не предполагает «жесткой» организационной структуры IGF: предусматривается, что структура должна быть нейтральной, прозрачной, демократичной, децентрализованной, с возможностью ее периодического пересмотра. Форум должен функционировать на постоянной основе через проведение регулярных встреч, совещаний, которые могут проводиться одновременно с крупными конференциями ООН по соответствующим вопросам. IGF обязан публиковать материалы о своей деятельности на регулярной основе.

С 2005 года IGF проводит ежегодные форумы по вопросам управления Интернетом: в 2006 году форум состоялся в Афинах (Греция), в 2007-м — в Рио-де-Жанейро (Бразилия), в 2008-м — в Хайдарабаде (Индия), в 2009-м — в Шарм-эль-Шейхе (Египет), в 2010-м — в Вильнюсе (Литва).

5. Два этапа ВВУИО предусматривали среднесрочную перспективу глобального управления Интернетом и подтвердили необходимость создания условий для движения в сторону интернационализации механизмов управления Интернетом. Несомненно, что создание IGF можно назвать своего рода победой международного сообщества, стремящегося интернационализировать механизм управления Интернетом.

Решение вопроса «интернационализации» процесса управления Интернетом так или иначе связано с международным правом. Обозначим лишь один из аспектов, а именно — обсуждение возможности создания *международного органа управления Интернетом*. При этом речь идет ни о замене ICANN в части осуществления функций присвоения имен

и адресов, ни о ревизии существующего институционального механизма управления Интернетом.

Обсуждаемое предложение о создании нового международного органа управления Интернетом предусматривает варианты использования и распределения полномочий между этим органом и ICANN. Суть заключается в том, чтобы ICANN осуществляла повседневные операции, необходимые для нормальной работы Интернета, а деятельность новой международной организации была бы связана с принятием политических решений. При этом все решения нового международного органа, касающиеся управления Интернетом, должны жидиться на основе принципов, выработанных международным сообществом, а также на основе дополнительного набора четырех конкретных принципов. Первые три из этих дополнительных принципов сфокусированы на *механизме управления*:

1) принцип структурной взаимодополняемости (structural complementarity), то есть устранение дублирования процедур и механизмов;

2) принцип устойчивой стабильности и надежности (sustainable and robustness stability) Интернета;

3) принцип долгосрочной стратегии (long-term policy issues), то есть сосредоточение внимания на вопросах долгосрочной стратегии, а не на текущих операциях.

Указанные принципы могут рассматриваться как своего рода гарантия для ICANN и сторонников сохранения этой организации в том, что передача международного органу функций, связанных с выработкой политических решений, не повлечет за собой изменений в деятельности ICANN.

Четвертый принцип относится к *существу управления*, а не к механизму его осуществления. В соответствии с этим принципом *международный контроль управления должен осуществляться на базе принципов, заложенных в архитектуру сети Интернет*, включая функциональную совместимость, открытость и принцип сквозной связи (interoperability, openness and the end-to-end principle).

Принципиально важным является то, что создание международного органа «решает проблему легитимности»: ICANN является юридическим лицом права США, а не международной организацией. Легитимность международного органа основывается на его обязанности соблюдать принципы интернет-сообщества, и потому такой орган потенциально обладает большей независимостью в своей деятельности. Решение вопроса интернационализации управления Интернетом в формате международного управления, базирующегося на архитектурных принципах Интернета и на либеральных демократических ценностях принятия решений, в настоящее время остается лишь призывом.

¹ URL: <http://www.intgovforum.org>

² URL: <http://www.itu.int/wsis>

М. Н. Ким¹**СЕТЕВЫЕ СМИ: ОТ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР**

С появлением Интернета наступила новая коммуникационная эра, которая принесла с собой не только инновационные технологии, но и иные методы и инструменты взаимодействия между людьми. Прежде всего исследователи отмечают два очень важных изменения: во-первых, информационные потоки перестали быть однонаправленными; во-вторых, стала реальностью организация мгновенной обратной связи с пользователями.

Развитие Интернета и информационных технологий решающим образом сказалось сегодня не только на новых возможностях людей в обмене информацией, но и на свободном ведении диалога с представителями различных культур. Стало это возможным за счет кардинального изменения медийного ландшафта.

Во-первых, глобальная сеть становится новым «открытым пространством для сбора, хранения и распространения информации, важным фактором развития публичной сферы и гражданского общества»².

Во-вторых, инфраструктура Интернета, сложившаяся сегодня как информационно-коммуникативная среда, стала включать телекоммуникационные системы, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), наконец, различные информационные ресурсы, содержащие различные контентные приложения. Как видим, в сети Интернета происходит «схождение» (слияние) воедино технологий, обеспечивающих как коммуникационные, так и информационные аспекты глобальной сети. Не случайно, что основной теоретико-прикладной концепцией развития инфраструктуры Интернета стала в середине 1990-х годов концепция конвергенции.

В-третьих, новые коммуникационные и информационные технологии в сети практически стерли границы времени и пространства, создав тем самым самые благоприятные условия для общения между людьми в режиме реального времени.

Все эти технологические инновации непосредственным образом сказались и на трансформации сетевых медиа, которые представляют наиболее динамично развивающийся сегмент виртуального пространства. По мнению ученых, глобальные информационные сети представляют на сегодня «организованные системно-сетевым образом и основанные на передовых электронных технологиях компьютерные, космические и телекоммуникационные каналы связи, обмена, производства и распространения информации»³. На основе информационно-коммуникативных технологий возникли так назы-

ваемые сетевые СМИ, которые в отличие от традиционных средств массовой информации могут превратиться в совокупность вездесущих массмедиа, которые «будут способны доставлять любой контент любому пользователю в любое время в любом месте на любой терминал»⁴.

В отличие от традиционных информационных ресурсов, сетевые СМИ представляют собой постоянно обновляющуюся информационную систему, обратившись к которой человек может ежесекундно получать самые разнородные сведения из различных сфер человеческой жизни. Благодаря такой оперативности, с одной стороны, и всеохватности — с другой, сетевым СМИ удастся информировать людей в режиме онлайн, организовывать на своих сайтах живой обмен мнениями по тем или иным актуальным проблемам современности. Таким образом, создается новая информационная культура информационного взаимодействия, основанная на реальном диалоге между людьми. Возможным это стало за счет того, что деятельность сетевых СМИ, в отличие от традиционных СМИ, строится на иных принципах дестандартизации, антицентрализма, десинхронизации, оптимизации и рассредоточения информационных потоков. Именно благодаря этим принципам в подаче и потреблении информации становится возможным становление системы открытого, индивидуализированного, созидающего диалога между отправителем и реципиентом.

Предполагается, что современный человек, овладевший специальными методиками освоения большими массивами информации на основе новых технологий, способен не только сам добывать и осваивать необходимый ему массив информации, но и сам формировать необходимый контент, принимать активное участие в различных форумах, на которых обсуждаются острейшие проблемы современности и многое другое.

Нельзя не учитывать и коммуникативных возможностей сетевых СМИ, которые позволят на интерактивном уровне осуществлять не только обмен знаниями, но и организовать диалог культур.

Таким образом, интерактивность становится одним из важнейших качеств сетевых СМИ.

В сети появилось сетевое телевидение. Главными отличительными чертами данного ТВ-вещания являются: мультимедийность, интерактивность, развлекательность. Уже сегодня мы можем говорить не о пассивном, а об активном телезрителе. Такой потребитель контента может реально влиять не только на ход передачи, но и на программную сетку вещания, на сюжет фильма и т. д. Эксперты в работе «Интерактивного телевидения в мире и в России» выделяют четыре основных направления, отличающихся как функциональностью, так и содержанием: расширенное, или интернет-ТВ (enhanced

⁴ Калинин А. Перспективы телевидения в обществе вездесущих сетей // Broadcasting. 2005. № 4. P. 21.

¹ Заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук, профессор.

² Конвергенция СМИ: от печати к «цифре». URL: <http://www.tutby.com/publications/business>

³ Коваленко И. Е. Социальные аспекты развития телекоммуникационных технологий и услуг как фактора формирования в России информационного общества (на примере Московского региона). М., 2004. С. 14.

TV); персональное ТВ (personal TV); интерактивное ТВ (interactive TV); «интеллектуальный дом» (SmartHome).

Мобильное телевидение — еще одна модная новинка, которая претендует на то, чтобы стать популярной в Европе. Телепередачу вполне можно смотреть на экране современного телефона с расстояния вытянутой руки. Особенно актуальна данная новинка для тех, кто много времени проводит в дороге.

Новой разновидностью сетевых СМИ становится блоггерство. История блогов начинается с 1994 года. Именно в тот год Джастин Холл создал и поддерживал свой блог в сети Интернет, но тогда эта новинка была безымянной. В декабре 1997 года Джон Барджер присвоил новому типу веб-сайтов имя «веб-блог». И только в начале 1999 года Питер Мерхольц сокращает это название до общеизвестного теперь «блог».

Блог — этой сетевой дневник, которым активно стали пользоваться не только обычные пользователи, но и журналисты. До 90 % блогов интерактивны. Благодаря блогам люди получили возможность свободного общения по любым интересующим их темам. Таким образом, блоги дают возможность множеству людей общаться друг с другом в виде диалога вне зависимости от времени и пространства.

Итак, рассмотрев различные типологические модификации сетевых СМИ, мы можем заключить, что современные электронные массмедиа, отличаясь таким чертами, как многоканальность, мультимедийность, интерактивность, способны в отличие от традиционных СМИ к отражению происходящих событий в режиме реального времени и непрерывному обновлению информационных ресурсов. Отличительной особенностью контента, производимого новыми электронными массмедиа, стала синтетичность, то есть конвергенция в одном информационном продукте различных типов информации (в частности, текста, изображения и звука). Новые информационно-коммуникационные технологии позволили адресату не только выбирать нужную ему информацию, но и самому активно участвовать в информационном взаимодействии. Двусторонняя модель коммуникации, таким образом, становится доминирующим в новых электронных массмедиа. Поэтому сегодня более приемлемым является термин «СМК», так как в данном случае имеется в виду не одностороннее воздействие на массовую аудиторию, а налаживание обратной связи с аудиторией, взаимный обмен информацией, общение, наконец, диалог культур.

В сети Интернет происходит взаимодействие различных культур, которые могут отличаться по различным основаниям: профессиональным, национальным, цивилизационным и т. д. При этом диалог культур может касаться любых вопросов, тем и проблем. Но для того чтобы организовать в сетевых СМИ полноценный диалог между представителями различных культур, от журналистов стали требоваться иные подходы к работе. Прежде все-

го стала увеличиваться содержательно-смысловая роль журналиста в этом межкультурном взаимодействии. Локально-информационная, комментаторская задачи беседы сменяются на обмен мнениями как импульс к постановке проблемы, начало широкой дискуссии. Именно на базе этих изменений, по мнению исследователей, обычный обмен информацией стал преобразовываться в социально-проблемный, проблемно-психологический или историко-биографический диалог.

Четкую и расширенную трактовку термину «диалог» дает в своих трудах М. М. Бахтин. Слово «диалог» и производные от него употребляются в следующих смыслах: «1) композиционно-речевая форма жизненного высказывания (разговор двух или нескольких лиц); 2) всякое речевое общение; 3) речевой жанр (диалог бытовой, педагогический, познавательный); 4) вторичный жанр — диалог философский, риторический, художественный; 5) конститутивная черта определенного типа романа (полифонического); 6) жизненно-философско-эстетическая позиция; 7) формообразующий принцип духа, неполной противоположностью которого является монолог»¹.

Как видим, термин «диалог» рассматривается ученым в различных значениях и интерпретациях. В одном случае основанием для той или иной классификации служит соотнесенность диалога с той или иной духовной сферой жизнедеятельности человека, в другом — с функциональным назначением данного жанра, в третьем — с областью его языкового применения. На основе рассмотренных классификаций можно, видимо, по аналогии говорить о различных подвидах диалога культур, разворачивающихся в сетевом пространстве.

В духовной сфере имеют место философско-публицистические, художественно-публицистические и научно-познавательные диалоги. По своим функциональным назначениям одни из них используются для того, чтобы познакомить представителей других культур с мировоззренческими парадигмами своей культуры, другие — в педагогических и познавательных целях для лучшего понимания чужой культуры.

Наконец, в языковой сфере диалог может иметь самые разнообразные формы: от короткого чередования реплик до развернутых высказываний. Данные формы особенно характерны для различных интернет-форумов, где между пользователями идет активный обмен мнениями по безграничному кругу проблем и вопросов.

В диалоге культур, как показывают наши исследования, могут применяться различные типы диалогов. Например, Б. В. Рождественский и А. А. Волков выделяют следующие типы диалогов, исходя из их функциональной заданности: риторические, призванные воздействовать на эмоциональную часть сознания с помощью риторических приемов; эвристические, ориентированные на возникновение

¹ См.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / науч. ред. Т. Г. Юрченко. М., 2001. С. 225–226.

оригинальной идеи, возникающие во время спора, дискуссии, диспута; эротематические, рассчитанные на активизацию диалога между учителем и учеником, в ходе которого первый задает вопрос, а второй на них отвечает; информационные (когда функция сообщения довлечет над функцией экспрессивно-эмоционального воздействия речи: конференции, эпистолярные диалоги)¹.

К наиболее популярным типам диалогов в Сети можно отнести так называемые карнавальные диалоги (сатурналии, мениппеи, симпозионы), истоки которых мы находим еще в античной литературе. Как отмечает И. В. Нестеров, «карнавальность диалога состоит в свободном общении при отмене социальной иерархии и устранении дистанции между людьми»², что и делает возможным диалог между людьми, которые в реальной жизни могут отличаться между собой по материальному и социальному положению, уровню образования, мо-

ральным и другим качествам. Но в ходе общения в Сети все эти различия между людьми как бы стираются, делая их равноправными партнерами по общению.

Такая же «презумпция равенства» (термин С. Бенхабиб) может установиться и в диалоге культур. По мнению В. Гусейнова, данное понятие применительно к культурам может означать следующее: «Культуры передовые (продвинутые) и отсталые являются таковыми не в силу того, что первые в себе, изначально более совершенны, а вторые ущербны, и еще менее в силу антропологических различий носителей этих культур — они таковы только в силу обстоятельств, исторической судьбы»³.

Демократизм сетевого общения уводит представителей различных культур от жесткой конфронтации, открывая дорогу диалогу культур. Именно в этом и заключается основная ценность взаимодействия культур в сетевых СМИ.

В. Б. Кокашвили⁴

ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (На примере телеканала TVCI)

Телевидение сегодня выполняет множество различных функций, которые трансформируются в зависимости от социальных, политических и культурных изменений в обществе. На отечественном телевидении существует множество каналов, каждый из которых ориентирован на определенную аудиторию.

В диалоге культур телевидение играет важную роль. Располагая большими возможностями воздействия на общество, телевизионные каналы в той или иной степени решают проблемы, возникающие в данной области.

В 2005 году телеканал «ТВ Центр» запустил свою международную версию — «ТВ Центр — International» (TVCI). Основной целью создания нового канала стало формирование условий для удовлетворения национально-культурных и национально-образовательных запросов соотечественников за рубежом, полноценного общественного и культурного развития российской диаспоры.

Одним из самых крупных направлений в формировании передач телеканала TVCI является культурная тематика: живопись, театр, балет, коллекции российских музеев, реликвии отечественной истории и многое другое. Прежде всего это документальные ленты разных лет, тематические сериалы, а также передачи познавательного характера. К таким программам можно отнести «Историю государства

Российского», «Всемирную энциклопедию», «Дневник путешественника», передачи «Неприрученная природа», «21 кабинет», «Наши любимые животные», «Москва Первопрестольная».

Говоря непосредственно о диалоге культур, телеканал создает специализированные передачи, направленные на информирование россиян, живущих за рубежом, о состоянии дел в России.

Внешняя политика России — прежде всего общественные и деловые связи Москвы и России с представителями соответствующих кругов русских диаспор в различных странах мира — вызывает постоянный интерес соотечественников за рубежом. В эфир выходят программы, в полной мере освещающие эти вопросы.

Также нельзя не отметить, что сегодня наши соотечественники за границей испытывают потребность в сохранении родного языка, ведь полноценное владение языком — важнейший фактор поддержки национального наследия. Телеканал формирует языковые знания и навыки посредством создания специализированных телепередач. В соответствии с возрастными особенностями передачи о языке помогают усвоить необходимый объем информации.

Имея ежедневное круглосуточное вещание и аудиторию свыше 20 млн телезрителей в СНГ, Балтии, Восточной и Западной Европе, Азии и Северной Африке, на Ближнем Востоке, в США, Канаде, телеканал может транслировать свои программы практически на всю территорию земного шара.

В сетке вещания телеканала присутствует рубрика «Театральный сезон», представляющая драматические постановки прославленных театров и многое другое. Она рассказывает о культурных ценно-

¹ См.: *Рождественский Б. В.* Теория риторики. М., 1997. С. 259–291, 440–444; *Волков А. А.* Основы русской риторики. М., 1996. С. 314–315.

² *Нестеров И. В.* Диалог и монолог как литературоведческие понятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 6–7.

³ *Гусейнов В.* Диалог культур: возможности и пределы. URL: <http://www.lych.ru/online/index.php>

⁴ Директор дирекции зарубежного вещания «ТВ Центр».

стях и содействует сохранению культурного наследия страны.

За время своего существования телеканал TVCI прочно занял место на рынке русскоязычного этнического телевидения и пользуется устойчивой популярностью и уважением у соотечественников за рубежом, о чем говорят многочисленные зрительские отклики. Охват вещания посредством кабельных сетей включает Австралию, Азербайджан, Армению, Болгарию, Венгрию, Германию, Израиль, Казахстан,

Киргизию, Латвию, Литву, Македонию, Молдавию, Польшу, Румынию, США, Узбекистан, Украину, Францию, Чехию, Эстонию и ЮАР. Вещание посредством IPTV через некоторых интернет-провайдеров делает TVCI глобальным, в результате чего диалог культур находит отражение не только на телевизионном экране, но и в других средствах массовых коммуникаций. Сегодня многие российские телеканалы создают зарубежные аналоги для полноценного выхода за пределы российской аудитории.

С. С. Комиссаренко¹

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Актуальность рассмотрения Интернета как коммуникативного пространства для выстраивания диалога культур обусловлена, с одной стороны, качественными изменениями информационных технологий, меняющих смыслообразующие составляющие современного мира. Информация становится мощным фактором, влияющим на становление политических систем, на изменение социальных тенденций и на развитие культурных процессов. Глобализация обуславливает необратимые процессы изменения мирового порядка таким образом, что информационное взаимодействие людей становится острой необходимостью.

Эффективное взаимодействие может осуществляться только в том случае, когда его основу составляет диалог, базирующийся на межкультурных связях. Культура здесь выступает в различных аспектах. Она является и конечным «культурным продуктом», ради которого может осуществляться взаимодействие людей, и условием, создающим атмосферу доверия и взаимного понимания между ними. Кроме того, культура выступает своего рода гарантом информационной безопасности и ядром межнациональной стабильности. Межкультурный диалог может устанавливаться посредством различных коммуникационных каналов, но Интернет сегодня играет среди них ведущую роль. Интернет обладает диалогичной сущностью сам по себе. В нем изначально заложены субъектно-субъектные отношения, которые вовлекают в свою сферу миллионы людей. Сегодня он качественно меняет социально-культурную реальность и технологии коммуникации в ней.

С другой стороны, изменения информационного пространства посредством Интернета связаны не только с ориентацией на культурное взаимодействие. Налицо ситуация, когда по мере разрастания во Всемирной паутине различных сетей межкультурный диалог подвергается опасности с точки зрения влияния на него негативных воздействий различного рода информации. Подобные тенденции способны раскалывать мир не только по оси вероисповеданий, но и в аспекте этнокультурных рассо-

гласований и приоритетных культурных предпочтений развитых стран перед странами третьего мира.

Кроме того, сегодня существуют и более локальные проблемы, связанные с состоянием российского общества, где Интернет как играет позитивную роль, так и несет проблемы трансформирующего характера. Глобальная сеть представляет собой открытое пространство, в котором каждый человек может заявить о своих воззрениях и амбициях, не считаясь с общественными интересами и нравственно-этическими нормами общежития. В подобном случае диалог становится более предпочтительным, чем диалог. Обмен мнениями происходит, но люди не слышат друг друга. Кроме противопоставления индивидуальных устремлений общественным требованиям, существует противостояние целых асоциальных групп, демонстративно игнорирующих любое стремление к диалогу. Это может привести к дисбалансу между культурным и социальным развитием, что в конечном счете всегда приводит к конфликтам.

Можно сказать, что Интернет, с одной стороны, стал необходимым ресурсом взаимодействия людей, а с другой — является источником больших проблем, требующих социологического и культурологического осмысления. Однако сегодня он больше изучается с технической точки зрения и гораздо менее — с позиции новой парадигмы развития общества. В контексте рассмотрения коммуникации с точки зрения среды для выстраивания диалога культур можно обозначить лишь некоторые аспекты большой проблемы влияния Интернета на социально-культурные процессы современного российского общества.

Во-первых, это вопрос появления субкультурного интернет-сообщества как новой разновидности субъекта межкультурной коммуникации. Интернет-сети создают новое информационное пространство и делают каждого пользователя его активным участником. Человек становится именно активным субъектом, а не наблюдателем или пассивным потребителем информационного продукта (в отличие, скажем, от печатных или телевизионных коммуникаций). Появилась возможность прямого участия в обсуждении различных событий с целью повлиять

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии.

на них, выразить свое личное отношение. Интернет способен формировать общественное мнение определенной аудитории (пользователей вообще и блоггеров как наиболее активной части интернет-сообщества) по любому общественному событию, происшедшему как в мировом масштабе, так и в масштабе России.

В информационном пространстве возникают новые интернет-отношения, формируется новый тип общественных взаимосвязей. Единение людей происходит не по вертикальной шкале стратификации, а по горизонтальной, где социальные статусы, должности, образование, доход не являются критериями разделения или объединения. Блоггеры делятся по личностным позициям, мировоззрению и социальным ролям, которые они определяют самостоятельно.

Во-вторых, для каждого человека как для субъекта интернет-сообщества появилась возможность создавать новости и распространять их в глобальной сети. Любой блоггер, таким образом, является творцом информационного пространства. Он может создавать событие, исходя из собственных представлений о его информационном поводе. Данная сфера является сегодня свободной и доступной областью приложения нереализованных журналистских способностей. Новости становятся ценностью сами по себе, поскольку содержат факты, непосредственно переданные с места событий. Благодаря интернет-технологиям стала более доступной первичная информация. Изменилась скорость доставки и возможность мгновенного реагирования на события, происходящие в мире. Отношение к этим событиям формируется по мере добровольного решения блоггера выразить собственное суждение. Это суждение демонстрирует определенный уровень общественной позиции интернет-сообщества, то есть наиболее продвинутых социальных слоев. К тому же анонимность подачи делает мнения критичными и открытыми, вызывающими больше доверия, чем суждения, высказанные в официальных СМИ.

В-третьих, благодаря Интернету информация становится содержательным элементом жизнедеятельности отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Она оказывает влияние на формирование общественной позиции. С этой точки зрения отношение к информации, распространенной в интернет-среде, есть некий «лакмусовый» критерий, по которому можно судить не только о состоянии развития общественной мысли, но и тех, кто определенным образом ее выражает. Интернет дает возможность проследить уровень накала и напряжения общественного суждения, способности к объективизации отражения социальных событий. По выраженному интересу к последним можно судить о проявлении социальной активности. Таким образом, проявление этой активности можно изучать сегодня по общественному диалогу, который возникает в интернет-сообществе в связи с теми или иными мировыми, федеральными или региональными событиями.

И, наконец, нужно сказать, что доступность информации влияет на демократизацию российского

общества. Информационное пространство Интернета является плюралистическим по содержанию и мозаичным по форме. Любой пользователь может войти в сеть или принять участие в дискуссионном форуме, выразив собственную гражданскую позицию. С этой точки зрения Всемирная паутина является неуправляемой территорией, в которой информация потеряла инструментальное значение влиять на идеологию государства (общества) с позиции правящей партии. Информация перестала быть прерогативой определенного класса или определенных кругов общества. Она потеряла собственника, стала общедоступной. Сегодня ею владеют все, кто выходит в Интернет. При этом она не обесценилась. Наоборот, интерес к эксклюзивной информации возрастает и «цена» на нее растет. Спрос рождает предложение быстро получить необходимую информацию и незамедлительно запустить ее в Сеть. Здесь увеличивается значение скорости и ответной реакции. Интернет сузил временное и увеличил пространственное содержание каких-то сведений. В конечном счете он изменил актуализацию как самого содержания этих сведений, так и технологии их распространения.

Интернет становится самопроизводным явлением общественной жизни — воспроизводящим себя по мере необходимости. В нем действует интернет-сообщество, которое также по своей природе является самопроизводным и самовостроизводным субъектом диалога, не всегда основывающимся на межкультурной коммуникации.

На уровне общества межкультурная коммуникация может быть эффективной только при условии открытости и готовности всех субъектов участвовать в диалоге. При этом равноправие есть особое условие указанной коммуникации. Здесь изменяются позиции главенства и подчиненности. Но равноправие в данном случае — право каждого на реплику и не более того. Всегда ли правильно пользуются им участники интернет-диалогов? Нарушения допускаются как в самом процессе общения, так в аспекте его воздействия. Не всегда влияние Всемирной паутины приводит к положительному результату. В конечном счете интернет-сообщество лишь отражает общие тенденции уровня культуры различных слоев общества.

Организовать диалог есть самое трудное во взаимодействии людей. Он требует определенной положительной направленности на партнера, знания его культурных ориентаций, а главное — умения отдавать столько, сколько ты получаешь. Готовность к диалогу есть первый шаг к позитивному взаимодействию. Остается немного — научиться вести разговор с позиции равноправного обмена мнениями с оппонентами, чьи суждения нами не разделяются, при этом иметь потребность выслушать их до конца и задуматься над собственным мнением — так ли уж оно верно? Диалог культур — это всегда преодоление собственной состоятельности и умение услышать и увидеть культурную состоятельность другого человека.

Е. Е. Корнилова¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ

В XXI веке информационные процессы все больше проявляют общемировой, глобальный характер. Объективными условиями этого процесса являются интеграция западной и восточной цивилизаций, становление государств более открытого типа, создание политических и экономических союзов, новейших информационных технологий, позволяющих мгновенно доставлять информацию в любую часть земного шара.

Глобальные телевизионные системы Intelsat, Интернет, компьютерные системы, в первую очередь Интернет, создают мировое информационное пространство. Эти достижения цивилизации имеют большое значение для развития человечества, в частности для преодоления одного из мировых противоречий — между уровнем развития экономики и культуры богатого Севера и бедного Юга. Сбывается пророчество о превращении Земли в «глобальную информационную деревню». В положительном плане глобальные системы способствуют просвещению менее развитой аудитории, ознакомлению с достижениями культуры, техники, науки и т. д. Примером могут служить американские телепрограммы, демонстрируемые в Индии с согласия правительства этой страны, в которых дается информация о гигиене, агрономии, географии, ремеслах, технологиях и т. д. Очевидна и другая сторона процессов глобализации. Программы спутникового телевидения, компьютерные системы способствуют насаждению и утверждению жизненных ценностей и стандартов определенного характера. Исследователи давно пришли к выводу, что безобидные на первый взгляд мультфильмы Диснея, которые круглосуточно транслируются по одному из каналов спутниковой системы Intelsat, сыграли огромную роль в насаждении во всем мире раннеамериканских ценностей: удачливости, жестокости, силы.

Нельзя не отметить, что глобализация информационных процессов проявляется в воздействии на характер современной отечественной журналистики. Несомненно, российская журналистика имеет свои самобытные, сложившиеся в течение столетий оригинальные качества. Под влиянием мощной информационной индустрии Запада происходит размывание ее характеристик, утрачивается национальное своеобразие. Делячество, аморальность, сенсационность, беспринципность становятся привычными и обыденными.

Глобальные информационные сети таят в себе и еще большую опасность. Космическое телевидение не знает границ, что создает потенциальную возможность вмешательства во внутренние дела суверенных государств, провоцирования межнациональных и военных конфликтов. Интернет позволяет без контроля со стороны общественности распространять любые, в том числе фальсифицированные,

факты, присваивать чужую информацию, провоцировать и вводить в заблуждение пользователей.

Конкуренция интернет-телевидения с привычным «голубым экраном» набирает темпы, и хотя рейтинги у них пока несоизмеримы: телевизор ежедневно смотрят 44 млн человек, видео в Интернете — 24 млн пользователей, очевидно, что будущее за интернет-телевидением. Первая попытка организации телепоказа в Интернете была сделана в 1992 году, а в 1998-м американские студенты выкладывали во Всемирную паутину уже полноценные программы. В России этот процесс активизировался лишь в 2006 году, но за последние пять лет темпы роста видео в Интернете составили 74 %. Такое стремительное развитие интернет-телевидения не ставит под сомнение его победу над условно традиционными СМИ (эфирным, кабельным и спутниковым телевидением, радио, газетами и журналами). Согласно исследованиям eMarketer (www.emarketer.com), проведенным в 2007 году, в США 70 % пользователей смотрят видео онлайн, а 20 % делают это ежедневно. Аудитория эфирного телевидения в России также значительно сократилась за счет Интернета.

Глобализация средств массовых коммуникаций является объективной реальностью, результатом развития цивилизации и новых технологий. Сегодня значительно меняется принцип потребления информации, и активные пользователи хотят быть независимыми в том, что, когда и где слушать/смотреть. И здесь интернет-телевидение дает, конечно, больше возможностей, чем привычная кнопка на пульте. Структура интернет-телевидения включает такие составные части, как:

- интернет-каналы на базе корпораций;
- сетевые интернет-каналы;
- видеохостинги;
- социальные сети и видео;
- авторское потоковое вещание;
- конвергенция (интернет-телевидение и СМИ).

Средства массовой информации в конце XX — начале XXI века действительно стали играть все более значительную роль в развитии цивилизации, активно влияя на ее характер. Глобальная журналистика обслуживает становление массовой культуры как социальной среды и является во многом ее порождением. Каждый день более 1,5 млрд человек выходят в Сеть, интересуются новостями, бизнес-каналами, религиозными, развлекательными программами, фильмами онлайн. В 2011 году 22 % всех жителей Земли являются пользователями Интернета (<http://mediarevolution.ru>). Современное индустриальное общество стремительно преобразуется в информационное общество, в котором большая часть работающего населения будет занята в сфере производства, обработки, управления и обмена информацией.

Процесс глобализации информационных систем стал возможен благодаря достижениям разума, раз-

¹ Заведующая кафедрой журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, профессор.

вития цивилизации, новейших технологий. Вместе с тем он способствует насаждению и утверждению жизненных ценностей и стандартов колонизаторского характера, унификации сознания и, что самое негативное, нивелирует этнические, национальные и культурные особенности стран и народов.

В мире растет убежденность во всемогуществе массовой информации, которая становится все более изощренным средством «соблазнения» общественно-

го мнения, влияния на все три ветви государственной власти. Новая конфронтация, нарастающая в мире, будет «звездной войной» информационных систем. Оружием станут глобальные СМИ, более эффективные и изощренные, чем те, которые были раньше. Информационно-пропагандистские комплексы, основанные на образах и мифах, приобретают глобальный характер, подчиняя своим требованиям творческие особенности и журналистские технологии.

В. Г. Лошак¹

ПО МНЕНИЮ ЛИНДЫ И АЛАНА (Как появилось первое в отечественной прессе свободное мнение западных журналистов о России)

Одним из серьезных последствий «железного занавеса», за которым все мы находились в СССР, как известно, была полная невозможность прочесть или услышать мнение западных экспертов о стране, в которой мы жили. Что-то, конечно, узнавали из западных радиоголосов, что-то доносил Самиздат. Но потребителями этой информации были единицы. Массовому прослушиванию «Свободы», «Немецкой волны», «Голоса Америки» здорово мешала раскинувшая свои сети по всему Союзу система глушилок, треском и писком забивавших частоты, на которых вещал «враг».

И вот в 1988 году «Московские новости», где я тогда работал, в очередной раз взбудоражили страну, и без того жившую ожиданием больших перемен. Интересно, что в ту горбачевскую эпоху границ объявленной гласности не понимал никто — ни читатели, ни писатели. Казалось, вчера еще было нельзя, а сегодня — можно. Лишь те немногие, кто стоял за кулисами изданий, расширявших круг возможного, понимали или хотя бы видели, как все происходило. Происходило прежде всего в «Московских новостях», «Огоньке», самом серьезном идеологическом издании — журнале «Коммунист». Темы, имена, архивные материалы возникали то как продукт договоренностей между властями, то просто как рискованные шаги самих журналистов и их главных редакторов. Власти необходимо было демонстрировать перемены и собственной стране, и своим западным партнерам. Последнее обстоятельство и привело к решению, которое объявил нам на редколлегии главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев: «Со следующей недели у нас в редакции будут работать американские журналисты».

Какие американские журналисты могут работать в советской газете, мы приблизительно представляли. Эти никому не известные фантомы иногда возникали в статьях партийных газет из-за рубежа или телерепортажах, бескомпромиссно бичующих западную действительность. Их суровые лица, фра-

зы, цитаты о бедствиях трудящихся и непримиримой классовый борьбе должны были добавлять всему этому пропагандистскому мутному потоку какой-то оттенок достоверности. Но им давно никто не верил, включая, кажется, наших бойцов идеологического фронта.

Американцы появились на утренней планерке в понедельник. Им обоим было лет по 25. Она была худая, востроносая, в больших очках и вся какая-то уж очень некрасивая. И имя у нее было соответствующее — Линда Фельдман-Ро. Он был невысокий, с маленькой головкой и живыми глазками, белобрысый — Алан Куперман. Алан, кажется, работал на «Вашингтон пост», а Линда — точно на «Крисчен Сайенс Монитор». Оба почти не говорили по-русски. Его отправили в международный отдел «Московских новостей», ее — в отдел информации. Присматривал за ними такой справный парень, тоже якобы наш журналист.

Настоящие американцы внутри советской редакции — это было почти невозможно. Но Яковлеву этой границы невозможного показалось мало. И он решил: они будут каждую неделю писать в газету. Писать, о чем захотят. Нет, этого сейчас не понять. Американцы? О чем захотят? В советской газете?!

Время было переходное, и получалось, что эти американцы с любопытством и иногда с симпатией писали о нашей стране, а рядом еще печатались пропагандистские ястребы АПН («Московские новости» были частью этой замечательной организации, всем смыслом которой было давать отпор «тлетворному влиянию Запада»), которые клеймили Америку за каждый ее шаг. Правда, надо сказать, за командировки в эту страну шла между ними суровая борьба. Тех, кто попадал в обойму, было видно сразу: мягкие пальто, шляпы с короткими полями, твидовые пиджаки, не наши галстуки...

Яковлев собрал несколько человек, в том числе и самих американцев, чтобы определить, что и как часто они станут писать. В принципе, их стажировка в «Московских новостях» могла быть и не публичной, но Яковлев с его тонким политическим чутьем решил сделать из пребывания американцев очевид-

¹ Главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ.

ный факт гласности и перестройки. Сначала думали, что будут они писать об Америке, потом пришли к противоположному решению. Пусть пишут о том, какой они видят нашу страну, пусть накладывают свой американский опыт на здешние впечатления. На острые политические темы решили не выходить, да никто и не был расположен.

Линду и Алана сфотографировали. Так с этим снимком идущих по московской улице американцев и вышло с десяток колонок с рубрикой «По мнению Линды и Алана». Сегодня невозможно представить, какая это была сенсация! Некоторые специально приходили к стендам газеты на Пушкинскую площадь, где жила редакция, прочесть настоящих американцев. И это при том, что писали они о вполне обычном: как у нас много курят, впечатления от Ленинграда и московского метро, поход в баню... Скажу честно, что именно эти два молодых американских журналиста дали нам тогда первый урок того, за что российская пресса борется уже много лет, — разделения текстов на факты и комментарии. Писали они вроде бы обыкновенно, но в этом очевидно чувствовалась другая школа. Из сегодняшнего дня я бы сказал, что они очень старались быть докладными.

...А людьми они были довольно разными. Алан, хотя и казался любознательным парнем, но был сдержан: в друзья не лез, по кабинетам не ходил, лишних вопросов не задавал. Зато Линда будто рас-

творилась в компании девушек отдела информации. Там все было с приличным английским, а Лену Хангу она просто считала почти за свою. Будущая телезвезда обладала характером открытым и общительным. Они и обедали вместе и, кажется, даже ходили по магазинам.

Увы, ничем хорошим для Лены, да и для ее коллег это не кончилось.

Американцев тепло проводили и стали о них забывать. И вдруг редактора отдела информации Сашу Мостовщикова вызвал Яковлев с вопросом, чем там у него в отделе люди занимаются. Мостовщиков еще не успел, как позже он мне рассказывал, начать отчитываться, как Яковлев достал копию какой-то статьи: «Да они у тебя во время работы бегают в магазин лифчики мерить!», — сообщил главный редактор опешившему Мостовщикову.

Потом стало понятно, что и самому Яковлеву, который английского не знал, какой-то вышестоящий доброжелатель перевел самые неприятные моменты из статьи в «Крисчен Сайенс Монитор». Это, собственно, и был отчет Линды Фельдман-Ро о работе в «Московских новостях». Так мы выглядели по мнению Линды. Как по мнению Алана, тогда узнать не удалось, его публикаций или не было, или они до нас не докатились. Зато спустя лет восемь сам Алан Куперман вернулся в Москву уже заведующим бюро журнала «Ньюсвик». Он действительно хорошо знал Россию.

А. В. Лыткина¹

ЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ

Для мировой журналистики процессы глобализации становятся реальностью в XIX — начале XX века. Основы информационной глобализации были заложены созданием: а) новых средств передачи информации (пирескаф-пароход, поезд, самолет, телеграф, телефон); б) новых печатных технологий и средств фиксации информации (паровой цилиндрический печатный станок, ротационная печатная машина, стереотипия, линотип, телетайп, фотография); в) принципиально новых СМИ (информационное агентство, радио, кинематограф, обогатившиеся в XX в. телевидением и Интернетом).

Сегодняшняя информационная глобализация — явление противоречивое, неоднозначно толкуемое. С одной стороны, это калькирование глобализации экономической (монополизация средств массовой коммуникации, коммерциализация медиасектора, демассификация СМИ), с другой — концептуальное развитие феномена журнализма, опирающегося на реципрокные, редиистрибутивные (термины И. Уоллерстайна) отношения с миром, способствующего гомогенизации жизненного и информационного пространства, но ориентированного и на процессы глокализа-

ции — «адаптации к локальным вызовам жизненных контекстов»².

Переход от персонального к дифференцированному журнализму, возникновение массовой (Б. Г. Дей, Э. де Жирарден) и коммерческой прессы, партийной печати, технологические прорывы XX и XXI веков в области телевизионного вещания и интернет-СМИ, явления тайминга, кавериджа, фреймирования новостных сюжетов, переизбыточность сообщений и иные проявления информационного глобализма не уничтожили интереса к локальному, национально-специфическому «медиа-ландшафту» (термин А. Аппадурраи). Так, сохраняют свои позиции сформировавшиеся еще в XIX веке и выделенные Л. Саламоном во «Всеобщей истории прессы» (1906) направления развития журнализма: англосаксонская информационная линия и доктринальный журнализм континентальной Европы и России.

История отечественной журналистики XVIII — начала XXI века содержит примеры формирования и сохранения автономных журналистских явлений, национальных традиций освещения русского мира. Одно из них — российский журналистский поли-

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, доцент.

² Землянова Л. М. Особенности фреймирования международных новостей // Международная журналистика в многополярном мире. М., 2008. С. 47.

тический текст. Он возникает в 1856–1857 годах одновременно с появлением частной периодики. Для ранней российской журналистики обращение к этому тематическому направлению не было случайностью. Фактографическая информация «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» не оставляла пространства для «мнения». Журнальные повременные издания публиковали материалы, предлагавшие свое видение проблем общества и путей их разрешения в рамках политической публицистики. Но позитивная идея, истина в произведениях А. Сумарокова, Ф. Эмина, Н. Новикова, И. Крылова, А. Радищева, Н. Карамзина была лишь номинирована.

Политическая публицистика александровской эпохи, не будучи «высокого качества» (Н. Пиксанов), развивалась по тому же сценарию. Публикации на тему конституционных проектов в журналах «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Дух журналов», «Журнал для пользы и удовольствия» и других оставались либо сугубо информационными («О конституционном праве в Англии», «Взгляд на республику Соединенных Штатов Американских областей», «Изображение Французской Республики»), либо абстрактными, невнятными во взглядах (А. Куницын «О конституции», «Не в конституциях благо народа»).

Политической публицистики будущих декабристов в реальности не существовало. Ее заменила литературная критика в «Сыне Отечества» и альманахе «Полярная звезда». Эта же линия была ведущей и во времена царствования Николая I. Цензурные уложения 1826–1834 годов, «период мрачного семилетия» сделали невозможным существование политического журналистского текста.

СМИ в том понимании, к какому мы привыкли, уже не существуют или прекратят существование в ближайшее время. Это важно, потому что структуры и организации, связанные с диалогом культур, продолжают апеллировать к СМИ, которые они себе представляют, но механизм оказывается как максимум негодным или как минимум устаревшим и не дает искомого результата.

Немного сведений из истории. Если к началу XX века количество информации, находящейся в распоряжении человечества, удваивалось примерно один раз в 100 лет, то к 1980-м годам это происходило уже раз в пять лет, а в современном мире — один

¹ Заместитель директора дирекции радиовещания Всероссийской государственной телерадиокомпания, заместитель генерального директора — художественного руководителя Российского государственного музыкального телерадиоцентра (Москва), соведущий программы «Перекрестный допрос. Программа Игоря Малова и Елены Зелинской» (РГРК «Голос России»). Член Союза журналистов РФ. Лауреат премии Союза журналистов РФ.

Революционно-демократическая журналистика («Современник»), обсуждая вопросы крестьянской революции, ограничивалась обобщенными рассуждениями, иносказательно излагая идеи будущего гармонического жизнеустройства, оперировала идеомифологемами.

Прослеживание этапов движения русского политического журналистского текста позволяет вывести некую инвариантную модель, которая, возникнув в XVIII веке, достаточно явственно предстает и во второй половине XIX — начале XX века. Авторская идея решения проблемы «власть—личность» будет лишь декларирована даже в публицистике М. Каткова и Л. Толстого («К рабочему народу», «К политическим деятелям»). Она не будет доказана и в партийной печати, возникшей в России в 1905 году. Политический текст советской эпохи был эксплицитен, ориентировался на нормативную и программную информацию.

Новейшая российская политическая публицистика, сделавшая попытку принять американские образцы в перестройку, в нулевые годы вновь обратилась к традициям русской политической журналистики, предлагая лишённые конкретики рассуждения, дополненные частными фактами или перегруженные экономическими, финансовыми выкладками («Российская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», издания политических партий и объединений).

Итак, инвариантная структура в российском журналистском политическом тексте оказалась устойчива к различным «повесткам дня», сохраняя диалоговые отношения с национальной традицией, но оставаясь в контексте европейского доктринального журнализма.

И. В. Малов¹

СМИ В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

раз в полтора года. Кроме того, доступность информации для большого количества людей увеличилась не в несколько раз, а намного. Наконец, изменился сам характер информационных источников. Они уже не ожидают пассивно своих пользователей и даже не являются всего лишь зазывалами в свои паутины. Информационные источники активно вторгаются в жизнь общества и человека, практически заставляя воспринимать передаваемую ими информацию на сознательном и подсознательном уровнях.

Среди этих источников находится и то, что мы называем СМИ. Но средства массовой информации — крайне широкое понятие. “No Comment” на “Euronews” или «Вести–24» далеки от программы «Ты не поверишь!» на НТВ настолько, что вряд ли их можно отнести к одному и тому же роду явлений. На самом деле СМИ следовало бы разбить как минимум на два больших сектора и работать с каждым из них по-разному.

Во-первых, это профессиональные информационные каналы (ПИК), дающие безоценочные сообщения с лент информационных агентств, а также агентства и каналы, продающие «картинки» с минимальными текстами. Здесь корректировать освещение событий можно только сравнительно грубыми методами: заменить подпись под картинкой горящих южноосетинских домов на грузинский город Гори или просто не поставить на ленту какие-то сообщения. Грубость искажений при этом сравнительно легко наказуема, так как в 80–90 % случаев сравнительно легко найти альтернативную или недостающую информацию у конкурентов. Однако кто из потребителей информации способен, располагает временем и желает проанализировать весь поток, чтобы сложить целостную и относительно правдивую картину? Только сравнительно узкий круг профессионалов, упрощающих картину мира до приемлемой простоты, снабжающих эту картину острыми комментариями, делающих ее продаваемой широкому кругу людей.

Здесь возникает часть так называемых СМИ, которую мы хотели бы выделить во-вторых, — собственно СМИ, которые могут быть расшифрованы как «средства массовой интерпретации». Их существование не связано напрямую с той или иной степенью демократичности устройства общества и его государственно-правовыми основами. Манипулирование при помощи интерпретаций процветает при любой степени свободы рынка. Именно эта часть средств массовой информации во многом определяет диалог культур, так как именно она, а не ПИКовые информационные структуры в большей степени дает яркие картины, формирует стереотипы восприятия и закладывает основы взаимной приязни или недоверия культур.

Здесь существуют исключения, но они, как всегда, лишь подтверждают правила. Коллеги из ВВС, пытаясь сохранить взвешенность и имея целый кодекс правил поведения журналиста в разных ситуациях, неоднократно сталкивались с ситуацией невозможности реализации указанного кодекса в полной мере (достаточно вспомнить грустную историю про иракскую папку).

При этом каналы, журналы и газеты, выходящие для публики, но пытающиеся соблюсти все правила ПИК-структур, никогда не получают тиражи и рейтинги, сравнимые с теми, которые имеют СМИ, использующие информацию лишь как повод для ярких интерпретаций, легко сбываемых потребителю.

Здесь имеет смысл выделить несколько важнейших посылов, определяющих участие тех или иных СМИ в диалоге культур. Во-первых, культура — всегда на 90 % интерпретация действительности. То, что закономерно и общепринято в одной культуре, практически табуировано в другой. Самый яркий пример — попытка внедрения демократии западного типа в традиционные или даже светские вос-

точные общества. Результатом этого является приход к власти радикальных или фундаменталистских сил, сокращение или полное прекращение диалога культур в регионе. Мы наблюдаем такую ситуацию сейчас на «большом» Ближнем Востоке, имеющем тенденцию к расширению. Единственный путь в данном случае — внедрение позитивных образов, а не расшифровка глубоких культурных посылов, неприемлемых для собеседника.

Во-вторых, ключевым словом в указанном контексте должно стать «уважение», а не «подражание». Подражание без понимания культурных посылов приводит к тому, что визави в какой-то момент разочаровываются друг в друге. Ибо, образно говоря, один не получает много колбасы без неприемлемых социальных обязательств, другой — больше духовности без неприемлемых для светского человека ограничений.

Третьим моментом является то, что для культурных и интеллектуальных элит, пользующихся сравнительно надежными источниками информации и понимающих глубокие смыслы диалога культур, этот диалог не должен стать источником спекуляции. Мы знаем, что поддержка национальных или традиционных культур в целом ряде случаев становится борьбой за стоимость слова «национальный» или «традиционный». Характерный пример — варварское истребление редких видов китов под лозунгом национальных промыслов. Причем это истребление осуществлялось отнюдь не только некими аборигенами. Идя этим путем, можно и канибализм в ряде регионов планеты оправдать особенностью национальной культуры.

Именно здесь мы понимаем основной смысл диалога культур. В высоком смысле — в плане обмена произведениями искусства, творческой мысли, образцами достижений и памятниками истории (виртуальном, разумеется) — проблем, как правило, нет. Здесь обмен следует лишь поддерживать — в этом зале много людей, которые активно работают на этом пути. Другое дело — диалог, результатом которого должно стать понимание взаимоприемлемого уровня проникновения и «сожития» разных культур. Тяжелые условия, в которых идет обсуждение этих проблем, в том числе бомбы и автоматы в руках, позволяют пессимистам сделать вывод о водовороте всемирного апокалипсиса, в который постепенно втягиваются земные цивилизации. Да, время красноречивое и больших надежд в диалоге культур заканчивается. Он все более принимает примитивно меркантильный характер переговоров в «культурном ВТО». Это тупиковый путь, ибо поражение идеи мультикультурализма не означает, что ее успешно заменит отсутствие какой-либо гуманистической идеи вообще. Идея взаимоуважения, обмена доступными образами, а не цифрами могла бы стать основой для нового этапа диалога. Однако заинтересованных в этом политических сил не так уж и много.

В. К. Мамонтов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУРЫ С ИСТРЕБИТЕЛЕМ

События в Ливии с небывалой силой подвигли думающих людей к простому и безотлагательному размышлению: что в мире есть вообще, кроме больших денег, нефтяных интересов и борьбы за власть?

Не знаю, как подступиться к теме диалога культур в связи с этим. Как бы мы ни относились к Каддафи, он, безусловно, является культурным феноменом. Красавец-офицер, окруженный телохранительницами-девственницами, туарег в одеждах, расшитых бисером, раскидывающий свой шатер в Кремле... Это же фильм, сказка, фэнтези! Наконец, состарившийся диктатор, упрямо цепляющийся за власть и культуру в его понимании: за культуру победы и суверенности; за культуру личной власти; за культуру вождизма и «зеленых книг». Да, там племенное устройство, но чем оно отличается от корпоративных отношений в нефтяной корпорации? Да, внутри страны наблюдается угнетение народа. Но кто без греха? Да, есть счета в западных банках, но ведь это лишний раз доказывает, что националиста в пестрых одеждах терпели, ненавидели, поощряли, вели диалог...

И наконец, современные конкистадоры, улучив момент, высадились. И горе индейцам, инкам и ацтекам с их примитивной культурой, включавшей, увы, людоедство: их будут отучать есть людей самым радикальным способом: их убьют — и они не смогут есть людей. Мертвые не едят.

А главное — у них заберут золото. Золото земли, на которой они родились. Она нужнее тем, кто «цивилизованнее» их. Кто грабит, вооружившись Смитом, не только Вессоном, но и Адамом. В его кармане — томик Сэлинджера, его маркировка — Венера Тициана. Он читал «Маугли», видел «Солярис», слушал Перголези и Бритни Спирс. В этом «прелестном» диалоге культур веками ничего не меняется: те, кто устанавливает стандарты, делают так, чтобы вы в них не вписались, а потом ограбят и железным гребнем причешут не хуже «Севильского цирюльника».

СМИ в таких «диалогах» в последнее время играют все более зловещую роль. Они рисуют картину, абсолютно далекую от реальности. Они ведут информационную войну, то есть лгут. Причем в интересах одной стороны, которая по тем или иным причинам должна победить для начала в общественном мнении. На примере той же Ливии мы видим, как выдуманные бомбардировки Бенгази стали поводом к реальным бомбежкам и атакам с воздуха. Причем силы не равны: да, у индейцев есть ружья, но старые и немного. Но дело даже не в этом: Каддафи проиграл прежде всего в информационной войне, он ничего не смог доказать мировому глобальному

сообществу, СМИ которого слаженно проповедуют борьбу с диктатурой и защиту демократии.

В сущности, на наших глазах происходит «восстановление исторической справедливости», как ее понимают «отцы» западной цивилизации: ресурсы должны принадлежать не дикарям, а цивилизованным людоедам, которые сумеют скрыть свое людоедство, украсить его бисером не хуже бурнусов Каддафи: для этого у них есть медиа.

Журналисты, пытавшиеся соблюдать кодекс чести, оказались в меньшинстве. 99 % снимающих и пишущих толклись в Египте на площади Тахрир, чтобы снять услужливо написанные по-английски транспаранты. И только несколько журналистов отправились в опасное путешествие по 18-миллионному Каиру, который, в отличие от многотысячной площади, молчал, запирает двери и не хотел никаких революций, никаких потрясений. Их репортажи — слово правды, но они были в исчезающем меньшинстве. Эта правда никому не нужна. Почти никому.

Западный мир, произведший на свет миллионы артефактов, шедевров литературы и искусства, небесных путеводителей сознания и гуманистических катехизисов жизнеустройства, ведет себя как последний разбойник. И если мультикультурность ему мешает, он легко объявляет ее исчерпанной, отбрасывает, как скорлупу, и прагматически оглядывается, где бы еще утолить жажду и голод, чем подкормить своих «зверей»: философов и актеров, жрецов и песнопевцев, неисчислимый офисный планктон, гигантские управляющие компании, алчных финансистов и жадных производителей ненужных товаров и услуг, которые навязываются человечеству путем изощренной моды, рекламы и других способов, заставляющих безостановочно гнаться за призраками.

«На всех рассчитано не было!» — так отвечает Запад мигрантам. Так отвечает Китаю, смертельно его боясь. Не вижу оснований думать, что он приготовил что-то внушающее оптимизм и для нас.

Параллельно с Ливией развиваются события в Японии — это, похоже, один из последних редутов самобытности, который пока держится. Его не уютят с воздуха, но особую, жизнестойкую и своеобразную культуру страны подвергает испытаниям все то же глобальное «чудовище» — оно принимало облик бомбардировок Хиросимы, он приняло облик атомного цунами. Именно гонка за глобальными стандартами возвела в безнефтяной и безгазовой Японии десятки АЭС, заложив грандиозную цивилизационную мину.

Мне доводилось уже писать о своем визите к престарелому руководителю крупной японской корпорации. Мы ели из черных лакированных плошек цветы хризантем, рис, жарили мясо на чугунной жаровне. И я имел глупость сказать, что телевизор

¹ Президент ОАО «Редакция газеты «Известия». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Член комиссии Общественной палаты РФ по науке и инновациям; по сохранению и развитию отечественной культуры; по вопросам развития гражданского общества.

его фирмы безотказно работает у меня уже десять лет. Понятно, что нормальному магнату, который заинтересован в том, чтобы люди купили побольше его скоропортящихся товаров, такое не понравится. Но... Я и тогда думал, что японцы — особенные люди. Даже капиталисты. Они должны были обрадоваться, услышав такое заявление, поскольку им нравятся истинные ценности. Дедушка отложил палочки, улыбка сползла с его лица. «Это самое плохое сообщение, которое я услышал за последние десять лет», — сказал он.

Надо сказать, что вокруг нас, кушавших рис, стояло человек десять разных менеджеров, помощников, переводчик, секретарей, готовых подсказать дедушке цифру, если забудет (их загадочные визитки с иероглифами до сих пор хранятся у меня). Все эти люди засыпали, словно их поразило громом. Дедушка держал паузу, сохраняя убитый вид. Я перестал жевать хозяйскую герань, мои акции на токийской бирже упали до нуля.

И тут глава корпорации засмеялся. Он пошутил. И вся его рать, облегченно выдохнув, тоже принялась смеяться. Кто — повизгивая, кто — деликатно прикрывая рот ладошкой.

Японцы — люди, и ничто человеческое им не чуждо. В паузах, нюансах и деталях этой истории можно разглядеть национальные черты, как мне кажется, но наглядно видны и общие — глобалистские и местные. Виден капиталист, но одновременно и ремесленник, который начинал свое дело в электромастерских. Что мой телевизор — работают старенькие «девайсы» первой трети прошлого века, которые он собирал!

Любуюсь японцами, как иероглифами: не понятны, но завораживают. На них надвигается в значительной степени чужой им мир, а они сдают «клочки» своей самобытности только в жесткий обмен на место в глобальном будущем, да еще и перекраивают это будущее под себя — где и сколько могут.

При этом я абсолютно уверен: когда премьер Японии с экрана телевизора говорил о том, что ситуация находится под контролем, он не знал, действительно ли это так. Он знал одно: говорить надо, что под контролем. Потому что она, возможно, под контролем в действительности, и у японских чиновников больше оснований говорить так, чем у наших в схожей ситуации. (А, может, и нет, никто не знает, чем ответит вулкан.)

Но миллионы соотечественников, подобно дедушкиным подданным вокруг обеденного стола, ждут именно его знака, именно его слов, именно таких слов. И рефлексиируют соответственно, а именно: с облегчением покупают маски, послушно залезают под столы, где опасности меньше, пьют йод. Трепещут в душе. Но им задана модель поведения: над нашей родиной дым. В нашем муравейнике настали тяжелые времена. Не обещаю ничего, кроме крови, пота и слез. Сплотимся. Без паники.

Они и не паникуют. Разве что в душе. Но этого нельзя показывать.

Почему нельзя? Уже иностранцы уезжают из Токио пачками, значит, не верят премьеру? Он что-то говорит, а ядерные стержни уже обнажились, испарив воду Японского моря, и рванул водород, и пыльная туча зависла над Фукусимой. Что же ты врешь, премьер, что ты можешь знать? Ты не предвидел цунами, ты даже точного числа жертв не знаешь! «Под контролем...» Ты еще скажи: «С экипажем поддерживается устойчивая связь посредством перестукивания». Может, нам еще и на первомайскую демонстрацию как ни в чем не бывало выйти? Ты просто выдаешь страшную правду дозированно, словно радиацию, которая разом убьет. По частям она тоже смертельна, но это будет позже.

Думают ли японцы о словах премьера, как это описано в предыдущем абзаце, который лично мне дался подозрительно легко? Что-то подсказывает, что именно так они и думают. Но ведут себя не в соответствии с тем, что ядерным реактором раскаляется в их душе, как и в любой человеческой, а в соответствии с целостностью их собственной защитной оболочки, которая и есть их культура.

Они, такие особые и отдельные, фактически оказываются сейчас на глазах целого мира хранителями всеобщей великой тайны и последнего умения: они верят, что правила достойного поведения спасительны (между прочим, мы еще недавно умели так жить, и наши спасатели-чернобыльцы — великий тому пример). А выплеснутые наружу боль, страх, унижение, отчаяние и раздражение губительны. Так, укрощенный «ядерный джинн» дает доброе и ласковое электричество, а вырвавшийся — несет грубую и неумолимую смерть.

Эти правила в остальном мире давно окрестили лицемерием. Какая нравственная оболочка? Она не нужна, как непрозрачные пакетики для пива: чего ханжить?

Без достойной (ханжеской) оболочки остается у нас и во всем мире не только пиво, непристойные журналы, устная неподцензурная речь. В разряд лицемерия, к примеру, занесена большая семья: кто в самом деле любит кучу сопливых и вечно орущих детей? Все любят, чтобы легкомысленно и бездетно. Неспешная и трудовая карьера; надо умудриться получить все и сразу — и такая цель оправдывает любые средства. Никто не любит более дипломатию — всем нравится WikiLeaks. Кажется, все весело хотят жить ядерной глупостью, вулканической жадностью и радиационным глумом наружу — и перестать того стесняться, а объявить нормой, долгожданным избавлением ото лжи и лицемерия. От той самой защитной оболочки, которая так помогает сейчас японцам и даже вызывает в нас полузабытое чувство ознобной зависти, когда видишь их, строим отправляющихся чинить реактор и попрощавшихся с родней.

Господин японский премьер, у которого все под контролем, хотите знать, что у меня на душе, когда я вижу вас на экране телевизора, который работает до сих пор, будь он неладен? Вы читали «Пир во время чумы» великого русского поэта Пушкина? Ах, не читали? Так почитайте — будет диалог культур! Я пе-

речитываю, и каждая строчка мне нравится! «И бездны мрачной на краю...»; «Не жди, пока зараза минет!» Кто говорил, что атомные электростанции защищены от любого землетрясения? Кто уверял, что новые технологии исключают опасность? Что говоришь? Извините?

Нет, брат. Не маловато ли? Где же харакири, которое тоже примета японской культуры? Нам вроде это не свойственно. Мы в подобных случаях режем по живому. С небывалой силой сами сметаем с лица Земли страну, которая допустила Чернобыль. Не глядя на то, что она наша и больше нам жить негде. Мы с гибельным восторгом выворачиваем ее и себя наизнанку, вместе с проклятой атомной станцией вытряхиваем в космическую пустоту, над которой читает свои завораживающие стихи пушкинский герой, саркофаг с целой цивилизацией вместе с Твардовским, Гагариным, Шолоховым, Королевым и Курчатовым — чтобы мерзкому Чернобылю больше негде было угнездиться.

Японцы же кланяются, вздыхают, горюют, моют мыльной водой, посыпают борной кислотой — и по кирпичику восстанавливают шаткую постройку, перенесшую их Чернобыль. Бедствие еще и не вполне случилось, может, случится, может, еще худшее обойдет стороной, но его последствия уже устраняются. Японцы не рушат, а, как муравьи, укрепляют страну, прискорбно допустившую Чернобыль, поскольку это их страна. Она несовершенна, тоталитарна, раздвижные стены ее домов картонные, она проиграла войну, она еще вчера была феодальной и однажды вырезала миллиона два китайцев — но больше им жить негде.

К счастью для вечно трясущегося на груди старухи-Земли «ожерелья» этих островов, японцы еще не перешагнули на ту выдающуюся ступень развития, когда становится не важно, где и как жить. Может, потому что в отличие от Ливии на их территории нет нефти. А значит, откладывается и «диалог культур».

А. В. Матвеева¹

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ СМИ КАК ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА В ГЛОБАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

1) Бурное развитие техники в области коммуникации привело к глобализации информационного пространства, возникновению виртуального политического, экономического, межкультурного и межличностного взаимодействия разных субъектов, начиная с ведущих политиков и заканчивая простыми жителями страны. Смыслом массовых коммуникаций начиная с первобытных обществ было общение людей с друг другом через обмен знаками, символами, текстами, содержащими культурную, сакрально-обрядовую, экономическую и политическую информацию. Г. Тард², а позднее М. Маклюэн³ отметили, что каждому типу общества соответствует определенный тип коммуникации, который обеспечивается развитием технических достижений данной исторической эпохи. Как показывает опыт, развитие информационных процессов неизменно сопровождается интенсивным социокультурным воздействием на общество, в том числе на социальные и культурные условия жизни людей, систему общественно признаваемых ценностей, мотивацию по-

ведения, причем такое воздействие может иметь не только положительные, но и отрицательные последствия, которые следует предвидеть и по возможности нейтрализовать.

Так, с одной стороны, мы сталкиваемся с позитивным опытом взаимодействия СМИ различных стран и благодаря этому можем присутствовать на рождественском концерте в Австрии, церемонии присуждения кинопремии «Оскар» в США или смотреть спортивные состязания в ЮАР. С другой стороны, мы становимся свидетелями распространения идеологии насилия как легитимной формы проявления интересов одной социальной группы против всего мира, когда в новостных передачах события, спровоцированные террористами, демонстрируются с шокирующими подробностями и пафосом, создающим ореол героизма вокруг преступников.

Марк Хаузер, автор одного из последних научных бестселлеров «Мораль и разум», вводит понятие «инстинкт нравственности». Он пишет: «Наши способности в сфере морали обеспечиваются моральной грамматикой, которая создает инструментарий для построения конкретных моральных систем. С этих позиций овладение культурой — специфическими нормами — процесс, больше напоминающий развитие какого-либо органа тела, чем просиживание в воскресной школе за изучением пороков и добродетелей. Благодаря универсальной моральной грамматике мы судим о том, какие действия допустимы, обязательны или запрещены, не рассуждая и не имея доступа к лежащим в их основе принципам»⁴. И если в СМИ при создании информационного контента не учитывает-

¹ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, профессор кафедры массовых коммуникаций Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, академик Международной академии телевидения и радио. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Связь с аудиторией в телекоммуникации», «Психологический анализ профессионально важных качеств творческих работников телевидения», «Восприятие рекламного образа в телевизионной коммуникации», «Психология телевизионной коммуникации», «Современный образ России: перспективы развития» и др.

² Тард Г. Психология толп. М., 1998.

³ McLuhan M. The Gutenberg galaxy: the making of typographic man. L., 1960.

⁴ Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008.

ся специфика культурной матрицы, это толкает людей на нарушение «инстинкта нравственности».

Роль СМИ как системы обеспечения информационного пространства социальных международных коммуникаций состоит в формировании активного и конструктивного диалога всех социальных слоев общества с учетом их этнокультурных особенностей. СМИ может стать организатором, модератором и режиссером таких диалогов. Для эффективного участия отечественных СМИ в международных социальных коммуникациях необходимо способствовать восстановлению национальной идентичности населения нашей страны через возвращение исторической памяти, актуализацию краеведческой, антропологической, этнокультурологической и собственно исторической работы, которая отражалась бы в информационных продуктах. При этом жанры могут быть самыми разнообразными, начиная с актуального репортажа и заканчивая художественными и документальными фильмами или радиоспектаклями. Важно повысить ценность собственных культурных и национальных ценностей в ряду культурных и национальных ценностей других стран и цивилизаций с обращением к мнению авторитетных персоналий из других стран, позволяющих вернуть актуальность таким старым понятиям, как «дружба между народами», «ценность уникальных черт каждой культуры».

2) Причастность человека к огромному информационному потоку, содержащему информацию как международного, так и частного характера, вызывает у человека затруднения в использовании этой информации в своей жизни. Размытость норм, провокационный характер медиадискурса, латентность причинно-следственных связей в информационном потоке затрудняют процесс идентификации и социализации человека в современном обществе. Внедрение мультимедийных средств коммуникации во все стороны жизни общества привело к появлению новой размерности в картине мира человека — публичности, что находит свое выражение в смещении игровой и практической деятельности человека. Хейзинга называет такую форму коммуникации «перформансностью» и приписывает ей статус универсальной характеристики современной культуры, выражающейся в категории «пуэрилизма» (ребячливости)¹. Согласно Хейзинге, этот феномен выражается в потребности человека в банальных развлечениях, тяге к сенсациям, массовым зрелищам и в потребности поведения по мерке отроческого и юношеского возраста. Так, новости на телевидении все больше приобретают характер шоу, а реальная жизнь становится объектом зрелища в жанре «реал-ТВ».

Доминирование опосредствованных способов взаимодействия между людьми привело к тому, что визуальная коммуникация, визуальные коды и визуальные образы стали основным средством передачи информации. В результате изменился образ лидера в обществе, успех которого стал во многом зависеть от того, насколько хорошо он смотрится на телевизионном экране, появился новый тип героя — шо-

умен — и новый тип звезды — телезвезда. Понятие харизмы видоизменяется в понятие имиджа, а понятие красоты — в понятие выразительности.

Все это приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества в информационном обществе, человек начинает искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в гендерной, этнокультурной и конфессиональной сфере. Современные средства массовой информации восстанавливают семантику дописьменной речевой коммуникации. Так, в частности, способы проявления чувств, форма мышления, характер волевой регуляции поведения, особенности вербальной и невербальной коммуникации являются уязвимыми точками для инокультурной агрессии в информационном пространстве.

Поэтому на лидерах медийных сообществ лежит огромная ответственность за ту информационную политику, которую они проводят в области межкультурных коммуникаций. От того, какие кадры и в какой последовательности появятся на телеэкранах или мониторах компьютеров, как будет организовано пространство события, временной континуум и какие слова будут сказаны, может зависеть то, в какой атмосфере будет протекать тот или иной политический или гражданский диалог.

3) Значение информационного ресурса СМИ для межкультурного диалога значительно возросло после заявлений ведущих европейских политиков — А. Меркель, Н. Саркози и Д. Кэмерона — о провале 50-летних усилий в построении мультикультурного общества на территории Евросоюза. А. Меркель потребовала, чтобы те, кто хочет влиться в немецкое общество, не только уважали закон и Конституцию, но и выучили немецкий язык, являющийся хранителем традиционной германской культуры.

В то же время, согласно расчетам ООН, в течение 50 ближайших лет население всех стран Европы будет убывать и стареть. Процессы замещающей миграции и интеграции мигрантов и их потомков в современный западный мир будут неизбежны. Вовлечение инокультурных членов в традиционное общество столкнется с проблемой адаптации культурных матриц.

Уникальный исторический опыт России, позволивший соединить более 80 национальностей и народностей под гербом Российской империи, дал возможность Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву заявить, что наша страна не должна «дать себя спровоцировать на рассуждения по поводу краха мультикультуры». В этой ситуации у российских СМИ и журналистов появляется уникальный шанс предложить современному миру наш богатый опыт по формированию информационного многоголосья, позволяющего мирно сосуществовать в одном культурном пространстве христианам, мусульманам, буддистам и представителям других конфессий. Россия имеет большой опыт взаимодействия и взаимобогащения различных этнокультурных общностей и диалога цивилизаций. Основой такого диалога является русский язык и русская культура, служению которым посвятил всю свою жизнь Д. С. Лихачев.

¹ Хейзинга Й. Homo ludens (Человек играющий). М., 2001.

О. Ф. Русакова¹**ДИСКУРС SOFT POWER КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

В условиях глобальной маркетизации и медиатизации общественной жизни дискурс soft power, или «мягкой силы», выступает в качестве ведущего инструмента властных коммуникаций, осуществляемых социальным и правовым государством как внутри страны, так и за ее пределами.

В целях укрепления властных позиций и умножения ресурсов социального управления современные государственные институты используют стратегию сочетания административных и иных жестких форм отправления власти с «мягкой» силой, которая заложена в коммуникативных практиках PR, масс-медийных технологиях, политическом маркетинге и брендинге, а также в развлекательном дискурсе массовой культуры и шоу-политики. «Развлекай и властвуй!» — вот один из ключевых девизов политического дискурса общества массового потребления.

Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает властным политическим структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность. Данный эффект достигается благодаря тому, что soft power обладает способностью такого ментального воздействия, при котором без оказания видимого насилия, опираясь на техники соблазна и гуманитарные ценности, осуществляется формирование и воспроизводство следующих источников легитимации власти: лояльность населения, согласие, признание, идентичность, привлекательность политики, верность политическому бренду.

Дискурс soft power как властный ресурс активно включен в систему современных международных коммуникаций, в программы строительства межгосударственных союзов и политических блоков.

Впервые в качестве специальной категории, обозначающей особого рода внешнеполитический властный ресурс, понятие soft power стало применяться в работах американского политолога, специалиста в области международных отношений Джозефа Ная². Суть «мягкой» силы он разъясняет путем сравнения ее с традиционными «жесткими» способами внешнеполитического воздействия. Под «жесткой» силой исследователь подразумевает использование во внешней политике таких властных средств, как вооруженное насилие, военное вмешательство, экономическое давление, подкуп. Главным методом данного вида воздействия является метод «кнута и пряника».

В противоположность «жесткому» способу влияния «мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек.

¹ Заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор политических наук, профессор.

² Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

«Мягкое» могущество подразумевает использование в качестве ресурсов властного влияния привлекательные политические имиджи и культурные ценности, транслируемые средствами массовой информации. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своими политическими идеалами, программами, достижениями культуры.

Привлекательность государства, согласно политике soft power, во многом зависит от того, насколько являются всеобъемлющими и перспективными его цели для всех участников коммуникации, насколько совпадают их ценностные ориентации. Политика, по словам Ная, с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими. В качестве примера внешней политики в духе soft power Най приводит план Маршалла, в результате реализации которого «европейцы с радостью приняли американское лидерство»³.

Согласно Наю, soft power — это система мощных властных ресурсов, которая помогает США на протяжении многих лет осуществлять мягкую гегемонию на международной арене. По его мнению, одной из причин, почему советская система власти в СССР потерпела поражение, стала недооценка советской политической элитой важной роли механизмов soft power во внешнеполитической конкуренции.

Одним из элементов мягкой американской гегемонии Най считает массивную коммерческую рекламу вещественных символов Америки, с которыми в годы холодной войны ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, — отмечает Най, — молодежь в самых разных европейских странах, — и к западу, и к востоку от “железного занавеса” — открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственное “Я”»⁴.

Другим проверенным инструментом мягкой гегемонии Соединенных Штатов выступает американская поп-культура. Адаптация к ней европейцев после Второй мировой войны способствовала легкому и жизнерадостному усвоению идей и принципов либерализма, впрыснула молодую энергию в «высокую» культуру послевоенной Европы. В итоге, отмечает Най, именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей — демократической реконструкции Европы и создании НАТО. Массовая культура оказала США огромную услугу в поддержании экономического и военного лидерства.

Сегодня у американской внешнеполитической «мягкой» силы есть серьезные конкуренты на меж-

³ Най Дж. Указ. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

дународной арене. Основным конкурентом выступает Европейский Союз, который впечатляет своими «мягкими» ресурсами. К ним, в частности, относятся: европейское законодательство, регулирующее миграцию; большие объемы гуманитарной помощи развивающимся странам; эффективный контроль за продажей оружия; контроль за изменением климата; запрещение смертной казни; соблюдение прав человека. Кроме того, в Европе мощнее, чем в США, система социального обеспечения, деятельность профсоюзов, а рыночные отношения более регламентированы.

С позиции оригинальной теории текучей современности проводит анализ дискурса *soft power* известный исследователь Зигмунд Бауман. Он противопоставляет современной эпохе легкой, текучей современности эпоху *hand wake*, или тяжелой современности. Ментальной проекцией тяжелой современности, согласно Бауману, выступает фордистская модель мира, основанная на принципе жесткой иерархии управленческих функций как в сфере производства, так и в сфере построения государственной власти. Фордизм, отмечает Бауман, был самосознанием современного общества в его «тяжелой», «громоздкой» или «неподвижной» и «укоренившейся», «твердой» фазе. Это был мир авторитетов, лидеров, законодателей, разработчиков режима и контролеров, знающих все лучше остальных. На смену фордизма приходит легкий постфордистский мир, полный бесконечных возможностей потребительского выбора. Данный мир «похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки смогли надеяться попробовать каждое»¹. Дружественный потребителю легкий мир не отменяет существование авторитетов, а до бесконечности умножает их количество. В результате этого ни один из авторитетов не в состоянии оставаться им на протяжении долгого времени.

В постфордистском мире непрерывных маркетинговых новаций и информационных изменений само ценностно-нормативное содержание объектов потребительского, политического и культурного же-

ления постоянно изменяется под давлением моды и общественного мнения. Мир прочных объектов и авторитетов сменяет мир одноразовых товаров, разработанных для немедленного устаревания, и переходящих политических фигур. Идентичность приобретает черты гибкости, хрупкости, непрочности, нестабильности, но вместе с тем, воплощаясь в множественном разнообразии потребительских соблазнов, выступает в виде непрерывного серийного потока.

Бауман обращает также внимание на такую черту текучей современности, как смена инструментов властвования. Если в фордистском мире одним из главных способов осуществления властных функций была дисциплина, основанная на жестком подчинении стоящей над всеми властной инстанции (данная инстанция обычно описывалась посредством таких метафор, как *паноптикум* и *старший брат*), то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается рассредоточенной и сконцентрированной в значительной степени в руках СМИ. В текучем мире именно СМИ оказываются для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в быстроменяющихся модных тенденциях и способах идентификации. Экранные зрелища взяли на себя властную функцию дисциплинарного форматирования общественного сознания, став одним из воплощений сил *soft power*. «Зрелища, — отмечает Бауман, — пришли на место надзора, не утратив дисциплинирующей власти своего предшественника. Подчинение стандартам (позвольте добавить, пластично и изящно адаптируемое подчинение гибким стандартам) теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения и проявляется в личине осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы»².

Общий вывод таков: в условиях текучей современности успешное отправление государственной власти предполагает эффективное применение разнообразных инструментов *soft power*, что возможно в случае коммуникативной гибкости, чувствительности к быстроменяющимся запросам общества, оперативной информационно-культурной отзывчивости всех государственных структур.

А. А. Серебряков³

СМИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Проблемы эффективности межкультурного диалога занимают ведущее место в современных гуманитарных исследованиях. Вариативность и многообразие развития диалога культур как бытия культуры подразумевают наличие многоаспектных процессов взаимодействия в мировом сообществе. Обобщенно

их можно свести к двум направлениям — унификация мира на основе западной культуры («вестернизация») и заинтересованный диалог культур. Первый путь практически исчерпал себя, так как обусловливает обострение международных противоречий. Второй — при существовании альтернативных взглядов на сущностные характеристики самого диалога культур, учитывающего своеобразие и культурную самобытность всех участников, — признается оптимальным.

Очевидно, что в условиях глобализации значение СМИ в налаживании диалога культур огром-

¹ Бауман З. Текучая современность : пер. с англ. / под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008. С. 70.

² Там же. С. 94.

³ Декан факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета, доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы, доктор филологических наук.

но. СМИ активно участвуют в генерировании инновационных социально-политических процессов, влияя на формирование и направленность общественного мнения в зависимости от собственной политико-идеологической ориентации, способствуя или препятствуя реализации властно-организующих функций.

Учитывая, что межкультурный диалог определяется как развивающийся, протекающий в рамках взаимного уважения процесс интерактивного обмена между индивидуумами, группами с различными культурными корнями и предпочтениями, можно заключить: в идеале основная роль СМИ должна сводиться к обеспечению диалога культур, воспитанию в обществе толерантности, всемерному проведению идеи благотворности взаимоуважения и взаимопонимания культур и т. д. На практике все это зачастую оказывается труднодостижимым.

До последнего времени одним из самых действенных средств диалога культур признавалось телевидение. Являясь особым средством глобализации, оно становится фактором формирования аксиологической системы, источником модификации феномена культуры. По мнению некоторых исследователей, именно телевидение выработало «некую универсальную культуру поведения, массовые стереотипы, стили жизни, стандарты досуга, которые все более сближают различные культуры и тем самым облегчают межкультурный диалог»¹. Как обоснованно заключила Е. Е. Корнилова, «телевидение — это зеркало нашей жизни. <...> Мы смотрим в экран, а видим себя»². Однако именно телевидение зачастую выступает в качестве примера практической реализации унифицирующей, вестернизированной стратегии развития глобализации.

Особое значение имеют так называемые глобальные СМИ, охватившие своим вещанием практически все регионы мира, в том числе мировые телевизионные сети новостей. Активно формируя интернациональную аудиторию, они обладают огромным потенциалом в области организации межкультурного диалога и в значительной степени его реализуют, примером чего может служить канал “Euronews”.

Следует отметить некоторые особенности глобальных сетей теленовостей. Во-первых, как свидетельствует Новейшая история, такие глобальные сети, работающие в условиях жесткой конкуренции, привлекают максимум аудитории в периоды острых международных кризисных ситуаций. Зависимость от рейтингов определяет заметную ориентацию на негативные, «экстремальные» новости. Во-вторых, духовные ценности редакционных коллективов мировых новостных каналов определяются идеологией, принятой в стране основного базирования, как правило, западной. На данный момент мировой ры-

нок информации практически поделен между несколькими медиакомпаниями, определяющими специфику освещения событий в мире. Очевидный выход в такой ситуации — создание и финансирование за государственный счет национальных каналов, ориентированных на зарубежную аудиторию и выполняющих, помимо информационной, культуроформирующую функцию, как, например, “Russia Today”.

Возможно также постоянное функционирование межгосударственного телевидения с преобладающей мультикультурной информационной составляющей, например Межгосударственная телерадиокомпания «Мир», ориентированная на СНГ. К сожалению, сейчас потенциал поддержки глобального диалога культур такими каналами ограничен недостаточным широким охватом реальной аудитории.

Необходимо также учитывать, что ресурсы традиционных СМИ не безграничны. Все более распространяется мнение, что печатные СМИ и телевидение престанут играть роль основных источников информации уже к середине этого десятилетия, уступив место социальным сетям и блогам. В свою очередь к 2020 году им на смену могут прийти так называемые социальные новости (Social News) — интернет-сайты, на которых пользователи самостоятельно размещают новостные сообщения и голосуют за них. Еще недавно создатели скандально известного сайта “WikiLeaks” не могли обойтись без традиционных СМИ: часть материалов, имевшихся в их распоряжении, была обработана профессиональными журналистами и опубликована в ведущих печатных изданиях мира. Реализация проекта “Social News”, когда новости транслируются аудитории из первоисточника, может существенно изменить функции и статус журналистской работы.

Описанная ситуация может генерировать и качественно иные проблемы в сфере формирования межкультурного диалога. При очевидных достоинствах Интернета как свободного массмедиа нового, гипертекстуального, типа нельзя не отметить, что Всемирная паутина нередко становится ареной информационных войн без правил, обнаруживая нетолерантность и нетерпимость. Не связанные редакционными и профессиональными этическими нормами авторы способны провоцировать реальные конфликты, а технологические, игнорирующие человеческий фактор решения не могут в полной мере обеспечить гуманитарную составляющую диалога. Оптимальных действующих, универсальных стратегий обеспечения глобального диалога культур в такой информационной среде пока не предложено. Поэтому очевидна необходимость максимально эффективного использования ресурсов традиционных печатных и электронных СМИ.

¹ Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В. Телевидение как фактор диалога культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 500. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/Lihach_2009.pdf

² Корнилова Е. Е. Позиционирование российских телеканалов // Известия Южного федерального университета. 2008. № 1. С. 168.

В. Т. Третьяков¹

ЗАПАДНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ТРОЯНСКИЙ КОНЬ ВНУТРИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1) Когда мы говорим о «конflikте» или «диалоге» цивилизаций, то априори предполагаем, что это цивилизации, основанные на так называемых мировых религиях, а также, видимо, еще и на конфуцианстве. Несмотря на то что сегодня Запад, особенно Евросоюз, пытается отречься от своих христианских корней, ментально знак равенства между «европейской цивилизацией» и «христианством» еще не уничтожен.

2) До сих пор фактически все признавали, что глобальное лидерство европейской цивилизации обеспечивалось, в частности, монотеизмом христианства. Именно это обуславливало «единство духа и воли» человека европейского, его персональную ответственность перед единственным судьей и, соответственно, перед самим собой. Интеллектуальное, метафизическое и психологическое преимущество христианства-монотеизма перед любым язычеством и перед любым безбожием (атеизмом) считалось бесспорным.

3) Также бесспорно, что телевидение было рождено западной (европейской, евроатлантической) цивилизацией. И то, что телевидение стало одновременно одной из самых любимых игрушек этой цивилизации и одним из главных механизмов управления миром, субъектом которого является Запад.

4) Что представляет собой современное телевидение, если взглянуть на него через призму парадигмы различий между единобожием и политеизмом, язычеством или атеизмом и христианством? Я утверждаю, что современное телевидение (во всех своих проявлениях и ответвлениях, включая интернет-телевидение и пр.), став главным квазирелигиозным институтом Запада, приобрело все черты (а с 1970-х гг. — и качества) язычества.

5) Доказательств тому — множество. Я остановлюсь лишь на одном из них, самом наглядном — на современной телевизионной теократии. Теократия — это смешение языческих богов в Римской империи в период ее заката и гибели.

6) Современная телетеократия — описание: боги и божества четырех уровней, их происхождение и борьба между ними.

7) Что вытекает из предложенного взгляда на современное телевидение в свете темы диалога цивилизаций (который, на мой взгляд, по-прежнему является лишь частным случаем конфликта цивилизаций)? Как минимум следующее: евроатлантическая (когда-то христианская) цивилизация утратила преимущество (монотеизм), благодаря которому до сих пор лидировала в мире.

8) Новая современная квазирелигия Европы и США (отчасти и России) включила «чужих богов», которые постепенно займут верхние ступени в пока еще иерархичной, но уже теократии Запада. И так, первоначальное лидерство потеряно за счет отказа от монотеизма, а чужие боги допущены на территорию, полностью принадлежащую когда-то своему богу. Молодые боги, как известно, всегда более активны и более пассионарны, по сравнению со старыми. И скоро они займут место старых богов.

9) Диалог цивилизаций во многом является формой проникновения новых богов и ценностей в пантеон старых (классических) богов. Происходящий параллельно с диалогом цивилизаций их конфликт автоматически способствует превращению диалоговых площадок в поле тактических военных операций.

10) Именно телевидение (хотя не только оно), уже ставшее квазирелигией и квазицерковью Запада (чего пока не произошло на Востоке — как исламском, так, например, и конфуцианском), внешне выглядящее как главная идеологическая крепость Запада, уже сформировалось как троянский конь внутри этой крепости. Последствия этого нам хорошо известны и давно описаны в античной мифологии. Становятся очевидными (для меня) последствия диалога цивилизаций, который активно ведет современное западное (и российское) телевидение. Осознает ли телевидение, чем оно занимается в этом диалоге (и в «войне цивилизаций», которую оно тоже не перестало вести), — вопрос отдельный, интересный и даже занимательный, но второстепенный и в этом смысле несущественный. Тем более что в значительной степени это медицинский, психиатрический вопрос.

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, автор и ведущий программы «Что делать? Философские беседы», главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс».

Автор книг: «Филантропия в советском обществе», «Горбачев, Лигачев, Ельцин. Политические портреты на фоне перестройки», «Титус Советологов. Их борьба за власть. Очерки идеологии российской политики», «Русская политика и политики в норме и в патологии. Взгляд на события российской жизни, 1990—2000», «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Бесхребетная Россия», «Наука быть Россией. Наши национальные интересы и пути их реализации», «Ну-жен ли нам Путин после 2008 года? : сборник статей», а также более 2 тыс. статей в российских и зарубежных СМИ.

Лауреат премии «Золотое перо» Союза журналистов России, премии ТЭФИ, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание», лауреат премии Русского биографического института.

Секция 6 ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Руководители секции:

- В. Н. ВАСИЛЬЕВ** член-корреспондент РАО, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- Е. И. ПИВОВАР** член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор
- А. О. ЧУБАРЬЯН** академик и член Президиума РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

В. И. Адишев¹

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИАЛОГ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Характерной особенностью современной культурной ситуации является расширение диалога и взаимодействия между странами по вопросам общего и профессионального музыкального образования. Развитию сотрудничества в этой сфере способствует целый ряд культурных институций, включая международные музыкальные организации.

В их числе — Международный музыкальный совет (создан ЮНЕСКО в 1949 г.). Данная организация координирует деятельность музыкальных советов Европы, Америки, Африки, Австралии. Под патронажем данной организации функционирует Европейский музыкальный совет. В своей деятельности он опирается на созданные почти в каждой стране (Россия не входит в их число) национальные музыкальные советы — совещательные и рекомендательные органы при правительствах, помогающие им выработать политику в области музыкальной культуры и музыкального образования.

Европейский музыкальный совет имеет развитую структуру, в которую входят Европейская ассоциация консерваторий (курирует профессиональное образование), Европейский союз музыкальных школ (организует взаимодействие учреждений не-

профессионального сектора музыкального образования), Европейская ассоциация музыки в школах (объединяет учителей музыки общеобразовательных учебных заведений) и др. Совет координирует различные направления музыкальной деятельности на европейском континенте, способствует взаимодействию и обмену информацией в области музыки и музыкального образования между странами, организует мастер-классы, курсы, творческие мастерские и др.

Под эгидой Европейского музыкального совета, его структурных подразделений в последние годы выполнен целый ряд международных исследовательских проектов. В их числе: «Исследование подготовки учителей музыки в Европе», «Музыкальное образование в мультикультурном европейском обществе», «Откуда студенты приходят в консерватории», «Настройка образовательных структур Европы. Ориентиры для разработки и реализации программ высшего музыкального образования», «Разработка и использование системы кредитов в высшем музыкальном образовании» и др.

Масштабно работает и другая организация — Международное общество музыкального образования. Созданное в 1953 году по инициативе ЮНЕСКО, оно имеет в настоящее время представительства более чем в 80 государствах. Данная организация издает «Международный журнал музыкального образования», систематически публикует бюллетени, в которых информирует педагогическое сообщество о событиях, явлениях, процессах, происходящих в мировом музыкально-образовательном пространстве. Общество инициирует проведение иссле-

¹ Декан факультета музыки Пермского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики, доктор педагогических наук, профессор. Автор книг: «Музыка в женских институтах России конца XIX — начала XX века (теория и практика образования)», «Теоретические основы музыкального образования в школе: исторический аспект», «Историко-география и источниковедение музыкального образования в отечественных школах закрытого типа (80-е годы XIX — начало XXI в.)», «Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX — начала XX века: теория концепции, практика» и др.

дований с участием ученых разных стран. Результаты ряда выполненных в последнее время исследований опубликованы (см. книги: «На пути к глобальному сообществу: Международное общество музыкального образования. 1953–2003 гг.», «Музыка различных культур: книга для музыкантов-педагогов» и др.).

Существенный вклад в развитие диалога в сфере музыкального, шире — художественного образования вносят международные научные конференции. Новейшее видение состояния, проблем, перспектив развития музыкального образования представлено в материалах двух всемирных конференций по художественному образованию, проведенных под эгидой ЮНЕСКО (Лиссабон, 2006; Сеул, 2010). Значимым итогом первой из названных конференций явилось принятие подготовленной учеными разных стран Дорожной карты художественного образования. Она представляет собой свод идей, принципов, ориентиров, рекомендаций, призванных содействовать общему пониманию странами сущности, роли и путей развития художественного образования.

В Дорожной карте, в частности, подчеркивается, что:

— одним из серьезнейших вызовов XXI века является растущая потребность в творчестве и творческих людях. Данная потребность в большей степени может быть удовлетворена через художественное образование. Такое образование, насквозь пронизанное творческими процессами, творческой деятельностью, способно эффективно развивать в людях воображение, критическое мышление, инициативность, самостоятельность, свободу и ответственность, творческое отношение к действительности, гибкость, адаптивность, восприимчивость к инновациям;

— художественное образование обладает значительным социальным и культурным потенциалом. Оно способствует повышению образованности детей, молодежи в области культуры и искусства, улучшению качества общего школьного образования, развитию культурного разнообразия. Существенны возможности художественного образования в формировании социальных навыков, гражданской позиции в пользу ценностей, моделей поведения, эстетических принципов, моральных ориентиров, позволяющих подрастающему поколению становиться ответственными гражданами мира;

— право на художественное образование является всеобщим правом людей, всех учащихся. Художественное образование должно стать обязательной частью школьных и внешкольных образовательных программ, являться одним из главных компонентов общего образования. Следует шире информировать общественность о ценности, социальной значимости художественного образования, создавая тем самым спрос на данное образование;

— среди основных стратегий повышения результативности художественного образования особое значение имеют: а) актуализированная, творчески ориентированная подготовка всех участников процесса художественного образования: педагогов общеобразова-

тельных предметов, преподавателей художественных дисциплин, работников культуры и искусства; б) развитие партнерских связей между культурными и образовательными системами. Важно знакомить учащихся с видами искусств через художественную практику, опыт, уделять внимание не только результату процесса, но и самому процессу художественного образования. Отправной точкой в художественном образовании следует считать культуру, к которой принадлежат учащиеся, через глубокое понимание собственной культуры двигаться к постижению других культур.

Сформулированные в Дорожной карте идеи и подходы, отражающие современные взгляды мирового научного сообщества на художественное, в том числе музыкальное, образование, существенно значимы для выстраивания национальных моделей художественного образования.

На международных научных форумах последних лет — и в этом их особая ценность — происходит интенсивный обмен опытом реальной постановки художественного образования. В частности, на конференциях отмечены следующие позитивные аспекты музыкально-образовательной практики, имеющие место в различных странах мира.

В Южной Корее за исторически короткий срок достигнуты значимые результаты в образовании детей и молодежи средствами искусства. В стране реализуется национальная концепция художественного образования, цель которой — гармоничное развитие человека. Высокими темпами развивается сеть детских музыкальных школ, в том числе частных. Южная Корея занимает ведущее место в мире по производству фортепиано, которые в основном покупаются внутри страны. Здесь издается большое число качественной учебно-методической литературы по музыкальному образованию.

В практике художественного образования Японии верность традициям сочетается с освоением новых идей и ценностей. В общеобразовательной школе художественные предметы занимают достойное место. Вне школы для детей и взрослых функционируют разнообразные курсы — по обучению игре на музыкальных инструментах, рисованию, каллиграфии, традиционным танцам, овладению искусством икебаны, сочинению хайку и др. Многие годы в стране существует движение хоровых коллективов «Поющие голоса Японии», проводятся многочисленные конкурсы, смотры, фестивали художественного творчества, в том числе знаменитый Музыкальный фестиваль Сузуки. Издаются разнообразные энциклопедии, справочные издания, журналы по искусству, в том числе для дошкольников, школьников и родителей, функционирует система специальных телевизионных художественно-образовательных передач. В учебных заведениях и на производстве уделяется большое внимание созданию художественной среды. Красота рассматривается в стране как экономическая категория, а художественное образование, приобщающее к красоте, — как один из эффективных инструментов ее успешного социально-экономического развития.

В Англии существует развитая сеть независимых музыкальных центров, где детям с раннего возраста преподаются пение, ритмика, танец. Большинство оркестров страны систематически выезжают с концертами в общеобразовательные школы. Около трети английских детей обучаются игре на музыкальных инструментах. В Шотландии повсеместно организованы музыкальные центры по работе с молодежью, реализуется проект «Шотландский музыкальный автобус для всех».

В начальных школах Китая уроки музыки преподаются два-три раза в неделю, эти занятия проводятся до последнего класса старшей школы. В Литве, Мозамбике, Конго внимание акцентируется на развитии хоровой культуры, в первую очередь в общеобразовательных школах, проводятся многочисленные хоровые фестивали. В Венесуэле разработана и реализуется национальная программа развития детских оркестров. В Македонии общеобразовательные и музыкальные школы заключают договоры о совместной деятельности по музыкальному образованию учащихся. В ряде земель Германии работают институты (центры) поддержки одаренных детей, существующие при местных высших музыкальных школах. В Нидерландах реализуется программа «Инновации», основная цель которой — максимальное развитие юных дарований. В Шотландии действует программа «Молодежная музыкальная инициатива», благодаря которой в стране значительно возросло число мероприятий инновационного характера. В США, Норвегии, Новой Зеландии предприняты специальные шаги по совершенствованию подготовки преподавателей художественных дисциплин, повышению их престижа в общественном сознании.

Характерной чертой современной мировой практики музыкального образования является расширение международных обменов. В европейских странах растет число вузов, принимающих на обучение иностранных студентов, увеличивается их доля в контингенте обучающихся. Например, в ряде высших музыкальных школ Германии до 40 % студентов составляют иностранцы. Аналогичная ситуация наблюдается в Голландии. Активно в этом направлении продвигаются некоторые страны на постсоветском пространстве. В настоящее время в Нацио-

нальной академии музыки Украины обучается более 250 иностранных учащихся, в Белорусской академии музыки — около 200.

Все большее распространение получает такая форма международной коммуникации, как договоры и соглашения о сотрудничестве в области музыкального образования. Многие европейские музыкальные вузы имеют до десяти и более соглашений подобного рода (Литовская академия музыки и театра заключила 55 договоров с европейскими партнерами). Интенсификации международного обмена, сотрудничества, развитию академической мобильности способствует Болонский процесс, в котором участвуют большинство европейских стран, включая и функционирующие в этих странах вузы в области культуры и искусства.

Современная практика музыкального образования столкнулась с рядом проблем и вызовов, общих для многих стран мира. Среди них: снижение уровня государственной заинтересованности в академическом искусстве и академическом музыкальном образовании; недооценка на государственном уровне роли музыкального образования в развитии личности и общества; изменение ценностных ориентаций людей в сфере музыкальной культуры; смена вектора музыкальной жизни от классически ориентированной к сочетающей разные культуры неклассической, более популярной музыкальной деятельности; углубление тенденции отчуждения людей от музыкального искусства (они реже посещают концерты, спектакли), изменение форм бытования искусства в обществе, которое становится все более виртуальным; снижение в обществе престижа профессий в сфере музыкального образования и соответственно падение конкурса в профессиональные музыкальные учебные заведения, снижение уровня подготовки абитуриентов и др.

Осознавая серьезность угроз, международное музыкально-образовательное сообщество едино в понимании того, что в данной ситуации чрезвычайно полезен взаимообогащающий диалог, межкультурное взаимодействие, приводящее к совместному решению общих проблем и выработке новых стратегий развития музыкального образования как в мире в целом, так и в отдельной стране.

С. М. Ашкинази¹

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ НА ЗАПАДЕ: ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Когда в середине XX века в Европе и Америке возник интерес не только к традиционным формам рукопашного боя стран дальневосточного региона, но и в целом к восточной философии и культуре, это была во многом дань экзотике и моде, возникшей после возвращения американских войск по окончании Второй мировой и Корейской войн, где они во

¹ Профессор кафедры физического воспитания СПбГУП, доктор педагогических наук.

время боевых действий лицом к лицу «познакомились» с восточными боевыми искусствами, а в период оккупации даже смогли позаниматься у местных мастеров. «Разожгли» интерес к Востоку и фильмы такого признанного в Японии и мире режиссера, как Акира Куросава. Его «Гений дзюдо» («Сугата Сансиро»), выпущенный еще в 1943 году, и более поздние — «Двойник», «Смута» и, конечно, «Семь самураев» — во многом способствовали популяризации

дзен-буддийской жизненной философии и самурайских принципов. Огромная волна «паломничества в кунг-фу и кэмпо» поднялась в Америке в середине 1960-х годов после фильмов талантливого мастера и киноактера Брюса Ли.

Но мода недолговечна и изменчива. Однако мы являемся свидетелями того, что, несмотря на то что первая волна ажиотажа вокруг восточных единоборств уже давно прошла, устойчивый интерес к ним сохраняется в большинстве стран Европы и мира. Причина тому — их мощный философско-этический потенциал.

Глубокие философские основы и культурно-психологические традиции — принципиальное отличие восточных боевых единоборств от других. Поэтому необходимо четко различать и дифференцировать боевые искусства как оружие, а точнее — как оружие и способ насилия, и как феномен дальневосточной культуры, интегрировавший даосско-буддийско-конфуцианские идеи, знания и принципы. *Более того, можно с уверенностью говорить, что восточные боевые искусства уже много веков не просто неразрывно связаны со становлением и развитием восточной философии, медицины и культурно-психологических традиций этого региона, но и сами являются важной частью этих систем.* Именно «многослойность» и многоплановость позволили им совершить триумфальный марш по миру, прочно внедриться в систему физической культуры многих стран, причем весьма далеких не только географически, но и культурно и духовно.

Не секрет, что абсолютное большинство новичков приходят в секции спортивных единоборств для того, чтобы как минимум научиться защищать себя и драться. Но любому, кто приходит и начинает занятия восточными боевыми искусствами, с первых тренировок прививается важная мысль о том, что для истинных приверженцев восточных боевых искусств победа над противником, победа физическая, безусловно, важна, но никогда не является самоцелью. Преодоление самого себя, своих слабостей и недостатков, постижение окружающего мира и себя в нем, жизнь в гармонии с окружающим миром — вот истинный смысл пути, который предложили потомкам основатели восточных боевых систем (их объединяют общим понятием «кэмпо»).

Наиболее удачно определение этому феномену дали А. А. Долин и Г. В. Попов в своей фундаментальной работе «Кэмпо — традиция воинских искусств» (1990): «*Кэмпо* — это учение, сложный комплекс духовной и физической культуры, это многовековые традиции борьбы, находящиеся в непрерывном развитии. *Кэмпо* — также и путь реализации популярной на Востоке концепции единства микрокосма человеческой личности и макрокосма, достижения гармонии с миром и с самим собой».

Большинство исследователей признают, что фундаментальной основой и источником восточных боевых искусств является даосская философия. Ее идеи пустоты, борьбы сил инь и ян (тепла и холода, тьмы и света, зла и добра), взаимодействия

пяти первоэлементов, принципы недеяния, мягкости, взаимопревращений, естественности и другие не просто являются концептуальными составляющими теории боевых искусств, но имеют достаточно четкие прикладные толкования применительно к различным аспектам подготовки — техническому арсеналу, тактике ведения поединка и психологической подготовке бойца.

В связи с этим следует отметить, что признанные и используемые в современной медицине для диагностики и лечения акупунктура, циклы физиологической активности различных органов человеческого тела — это производные натурфилософских представлений даосских мыслителей о взаимодействии инь и ян, пяти первоэлементов (стихий), о циркуляции энергии «ци» в человеческом организме. Ряд принципов современной спортивной тренировки (в частности, волнообразность тренировочных нагрузок и цикличность) — это вполне реальное воплощение законов жизнедеятельности и адаптации человеческого организма, подмеченных и описанных еще в III веке до нашей эры.

Если проанализировать эти идеи, то нужно признать, что мы далеко не полностью осмыслили и апробировали опыт восточной физической культуры. Например, процесс обучения во многих эзотерических школах боевых искусств строился строго с учетом времени в течение суток и календарных периодов, соответствовавших космогоническим природным стихиям — «воде», «дереву», «огню», «земле» и «металлу». В восточной физической культуре были разработаны не просто комплексы психофизических упражнений для «покорения» этих стихий, но и методики, которые развивали конкретные двигательные способности строго в определенные времена года. Думается, что эта интересная идея еще не до конца оценена и опробована в теории и методике спортивной тренировки, хотя в этом направлении уже ведутся серьезные исследования.

Не меньший вклад в развитие философской основы кэмпо внес буддизм, трансформировавшийся в специфических условиях Китая в чань (дзен)-буддизм. Секта чань, основанная в VI веке нашей эры легендарным буддийским патриархом Бодхидхармой, явилась центром развития нового направления в буддизме и послужила мощным толчком в развитии психотехники и практики самообороны.

Активная практика медитации и психорегуляции, установка на познание мира и самопознание, специальные тренировки, безусловно, способствовали развитию восприимчивости человека к окружающему миру, природе, искусству. Не случайно считалось, что настоящий мастер должен одинаково искусно владеть мечом и кистью, слагать стихи, в совершенстве владеть каллиграфией, знать чайную церемонию и искусство аранжировки цветов. Кстати, конфуцианский комплекс «шести искусств» включал этикет, музыку, каллиграфию, математику, управление колесницей и стрельбу из лука. Именно поэтому воинские искусства на Востоке были тесно переплетены с культурой, а многие известные ма-

стера не просто были ценителями, но и внесли свой вклад в развитие изящных искусств.

Говоря о взаимовлиянии воинских искусств и культуры Востока, нельзя не отметить их вклад в развитие классического театра в Китае и Японии. В режиссуре современной пекинской оперы и спектаклях кабуки батальные сцены с оружием и без оружия являются неотъемлемой и органической их частью. Эстетика этих театров неотделима от боевых искусств. Для спектаклей тщательно разрабатываются специальные парные и групповые комплексы формальных упражнений, а актеры этих театров до сих пор много часов проводят на тренировках, отработывая чистоту, пластику и синхронность боевых движений.

Безусловно, боевые искусства Востока на протяжении своей многовековой эволюции претерпели значительные изменения. Но есть один их аспект, который остался неизменным до наших дней, — это требования к морально-этической стороне формирования личности адепта той или иной системы, его нравственному облику. Это, на мой взгляд, обусловлено тремя обстоятельствами.

Во-первых, даосизм в своей основе абсолютно отрицал любое проявление агрессии и насилия. Так, канонический даосский трактат «Дао дэ цзин» практически на одну треть посвящен морально-этическим нормам этого учения и проповедует скромность, благородство, отказ от воинственности, гордости, себялюбия. В другом древнем трактате — «Кан ин пин» («Книга наград и наказаний») — содержится свод заповедей и предписаний, определяющий не только кодекс поведения в человеческом обществе, но и взаимоотношения человека с окружающим миром и природой. Во-вторых, изначально восточные единоборства развивались в монастырях как средства психотренинга и самообороны. В-третьих, патриархи в основания своих боевых школ закладывали нравственные барьеры, сдерживающие использование знаний и навыков боевых искусств в корыстных целях. И эти традиции живут

до сих пор. Так, в школах современного японского каратэ-до обучение всегда начинается с клятвы, которую новички дают своему учителю. Эта клятва примерно следующего содержания: «Я должен помнить, что предпринял изучение каратэ, чтобы иметь представление обо всем. Я готов защищать справедливость и ближнего своего. Я никогда не стану жестоким и высокомерным. Я никогда не применю своих знаний каратэ, кроме того случая, когда уже никак не смогу этого избежать, и всегда только как средство защиты».

Но будем объективны — эти важнейшие фундаментальные постулаты в жизни выполняются не всегда. Причин много, но главная состоит в том, что *темпы распространения восточных боевых искусств в Европе и Америке значительно опередили возможности освоения истинных ценностей этой части культуры Востока. Спортсизация и коммерциализация, стремление к быстрым результатам, внешняя атрибутика, ритуалы без понимания их смысла во многом вытеснили философско-этическую составляющую кэмпо.* К сожалению, это произошло во многом благодаря телевидению и кино, ежедневно пропагандирующим насилие и жестокость, которые демонстрируют псевдомастера боевых искусств.

Те, кто захочет приобщиться к этой интереснейшей и увлекательной стороне культуры Востока, должны понимать, что изучение восточных боевых искусств может осуществляться только двумя путями — либо по пути гармонического самосовершенствования, нравственного восхождения, либо по пути культа силы, что в конечном счете приводит к духовной деградации. Поэтому мы считаем, что при обучении единоборствам неукоснительно должен соблюдаться специфический для них принцип воспитания — *принцип опережающего формирования нравственного сознания и нравственного поведения.* И в этом заключается существенное отличие решения воспитательных задач в единоборствах от других видов спорта, где обучение и воспитание гармонично дополняют друг друга.

**В. Н. Васильев¹,
А. А. Шехонин²**

ПЕРЕХОД ВУЗОВ РОССИИ К КОМПЕТЕНТНОСТНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Кардинальным событием в реформировании отечественной системы высшего профессионального образования является начало с 2011 года масштабного перехода вузов на реализацию Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Концептуальным основанием ФГОС ВПО принят компетентностный подход, который рассматривается государством как ключевая методология построения новой отечественной системы образования, отвечающей требованиям Болонского процесса и постиндустриальной эпохи развития общества. Компетенции (общекультурные и профессиональные) как результат освоения образовательных программ понимаются в ФГОС ВПО как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области». Компетенции выпускника вуза формируются на основе модели его будущей профессиональной деятельности (области, видов и задач профессиональной деятельности) и должны отражать требования профессиональных стандартов специалистов (выполнения определенных трудовых функций).

Фактически речь идет о построении новой культуры и типа высшего образования в стране, что возможно только на основе его глубокого реформирования, а не просто поверхностной имитации модернизации. Базисом академических преобразований системы образования должна стать смена дидактики образовательной парадигмы подготовки специалистов, а именно переход от традиционной — знаниевой (ЗУНовской) — модели к компетентностной на основе инновационной психолого-педагогической теории компетентностного образования. Построение новой системы высшего образования России ведется в рамках болонских реформ с учетом негативного и положительного опыта, накопленного странами-участницами.

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги «Интернет-технологии — образованию», статей в научных сборниках и журналах. Председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. Вице-президент Российского союза ректоров. Президент Оптического общества им. Д. С. Рождественского. Лауреат премии Президента РФ в области образования, премий Правительства РФ в области образования.

² Проректор по учебно-методической работе Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), заведующий кафедрой прикладной и компьютерной оптики, кандидат технических наук, профессор. Автор более 110 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Проектирование оптико-электронных приборов», «Методология проектирования оптических приборов» и др. Заместитель председателя Совета Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области приборостроения и опто-техники.

Нынешний этап «академической революции» в глобальном высшем образовании диктуется основными тенденциями развития Болонского процесса, который отметил свое десятилетие. С 1999 года 47 стран-участниц проявили серьезное желание построить европейское пространство высшего образования и добились, по признанию многих стран (в том числе не-болонских), значительных успехов. Парадигмальный сдвиг высшего образования «болонского формата» связан с необходимостью освоения дидактики результат-ориентированного, студенто-центрированного и компетентностного подходов. Результат-ориентированный подход, ориентация на результаты обучения и компетенции выпускника вуза, является важнейшим средством для сравнения, сопоставления и прозрачности систем и уровней высшего образования, а также для формирования принципиально согласующихся квалификационных структур в образовании и экономике. Результаты обучения, как революционный фактор, формируют важную часть современных концептуально-методологических подходов к высшему образованию и обеспечивают основные блоки болонских реформ, создание новой методологии проектирования инновационных педагогик и образовательного процесса.

Педагогическая тенденция выражать знания, умения и компетенции посредством результатов обучения размещается в центре болонских процессов, что порождает необходимость глубоких реформ, направленных на модернизацию «устаревшей» европейской системы образования. Результаты обучения и компетенции изменяют акцент образования от «преподавания» к «обучению», который ведет к введению новой философско-образовательной категории студенто-центрированного подхода в противоположность традиционному подходу, ориентированному на преподавателя.

Перенос акцента не означает снижение роли преподавателя. Новый аспект дидактики означает, что студент в психолого-педагогическом смысле не выступает рыночным получателем образовательных услуг, а становится активным субъектом процесса, несущим ответственность за обучение и его результаты. Студенто-центрированное обучение делает объединяющим центром болонских преобразований новую технологическую триаду «преподавание — обучение — оценивание», обеспечивающую достижение заданных результатов обучения и компетенций. Именно эта методологическая система способна придать Болонскому процессу характер реальной практики внедрения его преобразований в образовательную деятельность вузов.

Вместе с тем критический анализ десятилетних болонских реформ позволяет выделить перечень следующих проблемных академических полей:

— смещение акцента на приоритет структурного подхода по сравнению с решением задач сущности академических преобразований — обеспечения качества образования на уровне международных стандартов;

— несистемный, некомплексный подход к осуществлению болонских реформ;

— методологические просчеты в разработке бакалаврских и магистерских образовательных программ;

— неготовность научно-педагогического состава вузов к дидактической «перезагрузке» (освоению новых методов, организационных форм и технологий обучения) с целью реализации результат-ориентированного, студенто-центрированного и компетентностного подходов.

Проведенные этапы структурных преобразований отечественной системы высшего образования на законодательном и правовом уровне требуют дальнейшего содержательного продвижения в области академических преобразований, развития и освоения дидактики психолого-педагогической теории компетентностного образования. Заявленный парадигмальный сдвиг отечественной системы от знаниевой модели к компетентностной требует анализа и освоения болонской дидактики результат-ориентированного и студенто-центрированного образования. При этом технологии заимствования и копирования «под кальку» европейского опыта являются контрпродуктивными. Акцент Болонского процесса на студенто-центрированном обучении требует изменения культуры и адаптации у преподавателей и обучающихся: они должны стать более мотивированными и активными и по-другому участвовать в учебном процессе — это вызов сложившимся формальным культурам с недостаточными традициями преподавательского наставничества, индивидуального, активного и интерактивного обучения, междисциплинарности, активного взаимодействия и взаимответственности педагогических команд и т. п.

Формирование и развитие компетенций выпускника в соответствии с ФГОС ВПО связано с приданием образованию деятельностной направленности на основе развития системно-деятельностного подхода, проявляющейся в моделировании целостного содержания, форм организации и условий профессиональной деятельности, сочетании новых и традиционных педагогических технологий, формировании системы разного уровня сложности задач, профессиональных проблем, ситуаций и т. п. В результате функционирования знаниевой образовательной системы у студента, как правило, не складывается системной картины, а остаются лишь отрывочные сведения из отдельных дисциплин, которые обыч-

но ввиду малого интереса к ним обучающие быстро забывают. Вопросы же освоения самой деятельности, процесса, способов и средств ее осуществления остаются за рамками знаниевой системы, и по этой причине она не может служить базисом компетентностного образования. Не вызывает сомнения, что переход на компетентностное образование не может быть осуществлен чисто административным формальным путем поверхностной корректировки действующих образовательных программ на основе системы знаниевого обучения, имеющей глубокие традиции и исторические корни. Без опоры на развитие современной психолого-педагогической теории, в том числе технологической триады «преподавание—обучение—оценивание», и создания необходимых условий компетентностный подход не получит своего развития и будет поглощен «традициями».

Переход от знаниевого к компетентностному (деятельностному) образованию потребует кардинальных изменений всех звеньев существующей образовательной системы индустриального общества, включая:

— *отношения с внешней средой, в том числе с другими уровнями образования* (ответы на современные вызовы работодателей, отечественного и зарубежного рынка труда, общества, личности, взаимосвязи с уровнями общего, профессионального, дополнительного образования);

— *целеполагание и результаты обучения и воспитания* (от усвоения ЗУНов — к формированию компетенций выпускника, соответствующих требованиям к выполнению определенных трудовых функций и социально-личностной деятельности);

— *содержание образования* (от предметно разбросанной структуры к системной основе овладения деятельностью, в том числе отвечающей личным интересам обучающегося);

— *деятельность обучающегося и переход к студенто-ориентированной системе* (от репродуктивной, пассивной позиции обучающегося — к активной, ответственной его позиции за процесс и результаты обучения);

— *образовательные технологии* (от традиционных форм и технологий преподавания к инновационным, активным и интерактивным технологиям, от заповедной формы обучения к организации активной самостоятельной работы студента; от контроля знаний к новым средствам и методам регулярного оценивания персональных результатов обучения и компетенций);

— *образовательная среда вуза* как система внутреннего влияния и условий формирования и развития личности (содержание деятельности управленческого персонала и профессорско-преподавательского коллектива вуза);

— *уровень кадрового, организационно-управленческого, финансового и материально-технического обеспечения* деятельности реформируемой системы образования.

Ю. С. Васильев¹,
В. Н. Козлов²,
О. К. Павлова³,
П. И. Романов⁴

ДИАЛОГИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Потенциал общества определяет развитие внутренней и внешней культуры государства. Культура, определяемая уровнем развития образования, науки и искусства, является системно образующей технологией государства. Процессы в образовательной и научной сферах определяют развитие внешней и внутренней культуры государственной организации⁵. Эти процессы развиваются в рамках межнациональных традиций, интересов общества, а также с учетом процессов глобализации, то есть на основе *диалога культур* внутри государства и на межгосударственном уровне.

1. *Исторические процессы глобализации* имеют глубокие древние и средневековые корни. Анализ причин глобализации во времена средневековья позволяет выявить характерные основы глобализации этого периода. В этот период начиналась *географическая глобализация*, связанная с расширением представлений о Земле на основе величайших географических открытий и последовавшими после этого насильственными захватами земель. Открытие новых территорий стимулировало *политическую глобализацию*, что привело к захвату земель и созданию основ колониальной системы. Позднее глобализация сформировалась *на основе доминирования сильных государств или групп государств над слабыми государствами или территориями*. При этом государства с недостаточным культурным уровнем оказались в неравном положении с европейскими. Причиной этого явился низкий уровень образования и науки в отдельных государствах, отсутствие или недостаток культуры, что сильно ограничивало диалог культур. Особенно это кон-

трастировало с развитием образования и науки, играющими ведущую роль в построении межгосударственных отношений на основе *построения национальных культур* как основы для обмена мнениями, переговоров при формировании «политики глобализации».

2. *Политика глобализации* — это искусство управления отношениями между государствами, классами, нациями, партиями и другими социальными группами, осуществляемое на основе *диалога культур внутри государства* или *диалога культур на межгосударственном уровне*. Неравномерное развитие ведущих государств интеллектуальной культуры стало основой дифференциации мирового сообщества, сложившейся к началу XXI века. В результате рассматриваемый процесс сформировал сложившуюся и существующую до настоящего времени «*монополярную системную модель глобализации*», которая сменила *двуполярную модель глобализации*, существовавшую до 1990-х годов.

Развитие взаимодействующих государств в XXI веке определило ситуационную модель развития мирового сообщества, адекватную культурному уровню развития государств мирового сообщества в условиях монополярной глобализации. *Категориальная характеристика монополярной глобализации* может быть основана на совокупности следующих элементов:

— *национальная культура* как интеграция науки, образования и искусства, создающая культуру государства в целом и определяющая искусство управления процессами внутри государства в условиях монополярной глобализации;

— *политическая культура* как наука, образование и искусство в сфере управления государством и межгосударственными отношениями монополярного характера;

— *технологическая культура* как наука, образование и искусство для обеспечения устойчивого развития инноваций в области техники и технологии, характерных для монополярной глобализации.

3. *Диалог культур как интеллектуальная технология* гармонизации развития мирового сообщества в условиях глобализации является одним из средств устойчивого развития. При этом интеллектуальные технологии представляют собой совокупность технологий интеллектуализации образовательной и научной деятельности, позволяющей достичь необходимого уровня развития общества для создания государственной, политической и технологической культуры, адекватной устойчивому развитию в условиях глобализации.

¹ Академик Российской академии наук, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (национального исследовательского университета), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ.

² Проректор по учебно-методическим объединениям (УМО), заведующий кафедрой системного анализа и управления Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования.

³ Профессор кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор исторических наук.

⁴ Директор Научно-методического центра УМО вузов России (Санкт-Петербург), доктор технических наук, профессор.

⁵ Системные ресурсы качества высшего образования России и Европы / Н. И. Булаев [и др.]. СПб., 2008; *Васильев Ю. С., Козлов В. Н., Попова Е. П.* Концепция, структура и содержание многоуровневой системы высшего технического образования. СПб., 2007; *Бусурин В. Н., Васильев Ю. С., Козлов В. Н.* Концепция, структура и содержание государственных образовательных стандартов по техническим направлениям и специальностям. Л., 1991.

Интеллектуальное обеспечение устойчивого развития на основе диалога культур должно обладать необходимыми свойствами. Должны быть решены вопросы о возможностях и средствах гармонизации процесса глобализации на основе диалога культур. Это может быть осуществлено на основе *идентификации процесса глобализации*, который имеет цели, средства и прогнозируемые результаты. Для успешной *идентификации* можно определить *модели глобализации* как цели, средства и результаты *глобализации*.

Интеллектуальные технологии для идентификации моделей глобализации должны обеспечивать средства достижения поставленной задачи. Для этого можно рассматривать *диалоги культур как конструктивные гуманные средства идентификации*. При этом для идентификации направлений глобализации можно формировать *модели глобализации* на основе погружения проблемы в *триаду*, позволяющую идентифицировать *цели, средства и прогнозируемые результаты*. В этой ситуации *диалоги культур — это пробные вариации целей, средств и результатов*, необходимые для идентификации отдельных составляющих триады¹.

Решение проблем идентификации глобализации затруднено отсутствием полной информации о целях, средствах и результатах. В настоящее время в процессе глобализации преобладает *объявление средств*, а цели представляются искаженно. Поэтому основная *задача диалога культур* может состоять в идентификации целей и средств участников глобализации, где имеются лидеры (со своими целями) и ненасильственно вынужденные участники глобализации. Такая стратегия существования может прогнозировать возможные конфликты и своевременное применение технологий для гармонизации гло-

бализованных отношений между государствами при различном распределении ролей.

Интеллектуальные технологии в процессе диалога культур различных государств могут формировать интеллектуальную культуру и технологии для двух групп взаимодействия:

- *лидеров* развивающегося периода современной глобализации;
- *не лидеров* данного периода глобализации.

4. *Интеллектуальные технологии лидерства*, как исторические, так и потенциально развивающиеся на государственном или личностном уровнях, формируются системой образования. При этом общая характеристика технологий данного типа дана в книге², где определены соотношения между информационным и интеллектуальным направлениями развития общества.

Системный мониторинг состояния глобализации определяет эффективность для лидирующих и ведомых государств, участвующих в глобализации. Создание интеллектуального пространства для обеспечения *адекватного диалога культур* является средством гармонизации интересов. При этом возможно применение *форсайт-развития интеллекта* как формирования и развития интеллекта на основе эффективных теорий и моделей знаний, умений и навыков, сокращающих затраты на создание экстенсивного информационного потенциала³.

Технологии и теория знаний с помощью форсайт-интеллектуальных технологий способствует смене лидеров в военном, экономическом, политическом, техническом и других направлениях развития государства. При этом важную роль играет диалог культур в сфере образования и науки как основных институтов, обеспечивающих эффективное взаимодействие культур.

М. Н. Ветчинова⁴

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

Перед школой третьего тысячелетия стоит глобальная задача — создание «человека культуры» (в определении В. С. Библера), ибо «человек культуры» — это целостный человек, и его «выращивание» предполагает сопряжение образования и воспитания, направленных на формирование его ценностного сознания.

В связи с этим одной из ведущих тенденций современной парадигмы образования выступает выдвигание культуроведческих дисциплин, в том числе и иностранных языков, в разряд приоритетных. Ученые-педагоги рассматривают иностранный язык в качестве

средства не только общения, но и приобщения к культурному наследию стран и народов изучаемого языка. Некоторые ученые (Е. И. Пассов) трактуют процесс соизучения иностранного языка и культуры как иноязычное образование и вполне правомерно считают его процессом обучения и воспитания учащихся содержанием и средствами иностранного языка, оказывающими положительное воздействие на их культурное обогащение, духовное совершенствование на базе диалога иной культуры и родной.

Феномен образования в контексте культуры изучали такие ученые, как Э. С. Баллер, М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. П. Валицкая, Б. С. Гершунский, В. Е. Давидович, М. С. Каган, И. А. Колесникова, которые считают, что образование и культура представляют собой две стороны единого процесса развития человечества и общества.

Обозначенная парадигма воспитания с позиции культуры (Е. В. Бондаревская, А. П. Валицкая,

¹ Козлов В. Н. Системный анализ, оптимизация и принятие решений. М., 2010; *Он же*. Математика и информатика. СПб., 2003.

² Козлов В. Н. Интеллектуальные технологии и теория знаний. СПб., 2010.

³ Козлов В. Н. Системный анализ, оптимизация и принятие решений.

⁴ Профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук.

Н. Б. Крылова, Н. Е. Шуркова и др.) ставит ведущей целью современного образования воспитание человека культуры, формирование и развитие личности, способной к саморазвитию и самоопределению в обществе, в культуре, в профессии.

Значимую роль в формировании культуры личности занимает изучение языков, родного и иностранных, и освоение родной и иноязычных культур. Д. С. Лихачев видел в языке одно из самых главных проявлений культуры. Он писал: «Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове... Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир» [4, с. 14]. В подобном ракурсе о единстве языка и культуры говорит и Е. И. Пассов: «Язык — это сугубо человеческий мир, очеловеченный мир Культуры» [6, с. 4].

Теоретическому осмыслению различных аспектов проблемы интеграции культуры в процесс преподавания иностранного языка посвящены исследования И. И. Халеевой, Е. И. Пассова, В. П. Фурмановой, С. Г. Тер-Минасовой, В. В. Сафоновой. Среди исследований, направленных на практическую разработку методики обучения иностранному языку с учетом его культурологической составляющей, можно назвать работы В. В. Ощепковой, А. Н. Богомоловой, Т. П. Поповой, П. В. Сысоева и др. Несмотря на некоторые различия данных научных подходов, вывод о необходимости и важности обучения языку, и в частности иностранному, как компоненту культуры, является общепризнанным. Это обусловило актуальность тезиса о том, что «язык — ключ к пониманию культуры».

Национально-культурные особенности каждого народа и их отражение в языке являются в наши дни достаточно широко исследуемой темой, особенно в языкознании. Такой повышенный интерес обусловил возникновение в 1990-х годах новой науки — лингвокультурологии, областью научных исследований которой становится язык как феномен культуры. Корни молодой науки усматриваются в трудах таких видных ученых, как А. А. Потебня, М. М. Покровский, Г. В. Степанов, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. Н. Телия и др.

Таким образом, соотношение языка и культуры — вопрос сложный и многоаспектный. Язык занимает первое место среди национально-специфических компонентов культуры. Язык способствует тому, что культура может быть средством общения, а также средством разобщения людей. Языковое образование играет огромную роль в процессе создания и интерпретации «образа мира», проникновения в мировую культуру и осознания своей национально-культурной принадлежности.

По мнению Г. В. Елизаровой, усвоение только формы языка без учета культурного компонента ведет к поведению, отражающему собственные культурные нормы обучающегося и входящему в конфликт с поведением носителей культуры изучаемого языка [3, с. 7].

Данная мысль очень важна, так как незнание культуры другого народа приводит к межнациональным непониманиям и конфронтации. Как точно отме-

тил Д. С. Лихачев, каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой», поскольку познание своего сопряжено с познанием чужого.

Эта фундаментальная идея отражена и в Национальной доктрине образования: «Система образования призвана обеспечить воспитание патриотов России, ...проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традиции и культуре других народов; формирование культуры мира и межличностных отношений» [5, с. 2].

Поставленная этой доктриной задача призвана способствовать решению актуальной сегодня проблемы терпимости к чужой культуре. Следовательно, и задача изучения иностранного языка состоит в том, чтобы дать учащимся представление об универсальности любого языка в выражении коммуникативных потребностей человека, тем самым формируя уважительное отношение к языкам разных народов и их культуре в целом.

Говоря о взаимодействии культур, традиционно опираются на принцип диалога культур, который раскрыт в работах М. М. Бахтина, В. С. Библера, С. Ю. Курганова и других ученых. Согласно данной концепции, любое обучение должно строиться как диалог различных исторически существовавших логик, культур, способов понимания. М. М. Бахтин писал, что «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается человек в человеке как для других, так и для себя... Личность есть там, где есть диалог» [1, с. 40]. «В ходе диалога возникает особое общение между людьми, в котором участники “нащупывают” свой собственный взгляд на мир» [2, с. 32].

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, урок иностранного языка — это перекресток культур, это факт подачи иноязычной культуры, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру [7, с. 30].

Емкими являются мысли Д. С. Лихачева о том, что «изучение иностранных языков обостряет чувство языка и своего в первую очередь» и называет изучение иностранных языков воспитательным средством [4, с. 358].

Следовательно, спецификой преподавания иностранного языка является то, что оно осуществляется в контексте диалога культур, взаимодействие которых в процессе учебной деятельности ведет к накоплению фундаментальных человеческих ценностей.

Обобщая представленные положения современных ученых о преподавании иностранного языка в контексте культуры, можно сделать вывод о том, что ценностными основами соизучения языка и культуры выступает совокупность следующих положений, в которых иностранный язык рассматривается как феномен культуры, элемент культуры, «перекресток культур», средство трансляции культуры. Следовательно и цель обучения иностранному языку будет достигнута только тогда, когда процесс его изучения по-настоящему станет процессом приобщения к культуре, а знание иностранного языка — ключом к диалогу культур.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1986.
2. Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность / М. М. Бахтин. — Саранск, 1992. — Ч. 2.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. — М., 2005.
4. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М., 2000.
5. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. — М., 2000.
6. Пассов Е. И. Технология диалога культур в иноязычном образовании / Е. И. Пассов. — Липецк, 2005.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М., 2004.

А. В. Воронцов¹

ОБРАЗОВАНИЕ В ЛОГИКЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР — МЕХАНИЗМ ПРОРЫВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И РОССИИ К ПРИРОДОСООБРАЗНЫМ ФОРМАМ БЫТИЯ

Диалог культур вытекает из закона разнообразия культурной, этносоциальной эволюции человечества на планете Земля в течение всей сознательной жизни. Каждый народ, входя в культурное пространство диалога всего человечества, несет богатство своей историко-культурной памяти, опыт взаимодействия с «кормящим ландшафтом» (по Л. Н. Гумилеву), пережитых трагедий и побед в социокультурной и экологической логике своего развития.

Любая национальная культура в той или иной степени (в зависимости от уровня ее открытости) является диалогом культур и несет в себе «ген» всечеловечности. В русской культуре, которая всечеловечна вследствие всечеловечности мировоззрения русского человека, по Ф. М. Достоевскому, это «измерение» диалога культур в логике «Россия—Запад» и «Россия—Восток» наиболее проявлено, особенно в русской литературе, поэзии и в гуманитарном блоке русской науки.

Любое национальное образование как механизм восходящего воспроизводства качества культуры, качества общественного интеллекта и качества человека² опирается на такой диалог национальной культуры со всеми культурами народов мира, с «Востоком» и «Западом». Здесь проявляется культуроцентричное измерение самого качества образования.

Начало XXI века и, очевидно, весь этот век станет эпохой смены оснований и ценностей человечества, которая обусловлена глобальным экологическим кризисом, приобретающим черты усложняющегося процесса соскальзывания рыночно-капиталистического мира в пропасть возможной экологической гибели уже к середине XXI века. На эту возможность, которая на глазах приобретает черты реальности, указывали многие отечественные и зарубежные ученые, мыслители, политические деятели разных взглядов и мировоззренческих убеждений, такие как А. Гор, В. П. Казначеев, Н. Н. Мо-

исеев, Б. Коммонер, Д. Кортен, Ф. Миттеран, М. Стронг, А. П. Федотов, А. Л. Яншин и др. Становятся все более востребованными учение о ноосфере В. И. Вернадского и современные теории, развивающие это учение в России.

В этой логике образование превращается в механизм прорыва человечества и России к природосообразным формам бытия, который можно назвать ноосферным прорывом XXI века. Размышляя о таком ноосферном прорыве к «эпохе ноосферы», академик РАН Н. Н. Моисеев выдвинул понятие системы «Учитель», подчеркивая, что именно она сможет обеспечить выход и России, и человечества к новым формам ценностей бытия.

Речь идет о «человеческой революции», решающей глобальные экологические проблемы, о которой прекрасно написал А. Печчи, первый директор Римского клуба, в своей монографии «Человеческие качества» (1980).

Русская культура, которая выдвинула из своих недр русский космизм, украшающий творчество таких наших мыслителей и писателей, как А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. Н. Федоров, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, К. Э. Циолковский, С. П. Королев, Д. С. Лихачев и другие, опирающаяся на системы всечеловечности, всемирности, любви, доброты, общности, коллективизма, альтруизма, правды, социальной справедливости, бережного отношения к земле и природе и тому подобного, предуготовлена всей системой своих ценностей для создания образования XXI века, наиболее соответствующего ноосферному прорыву.

Реформа образования, модернизация в России начала века будут проходить свое историческое осмысление по критерию их соответствия вызовам XXI века.

К сожалению, современная стратегия модернизации российского образования, вследствие абсолютизации компетентностного подхода в ущерб другим, не менее, а, может быть, более важным подходам, таким как культуроцентричный, системный, знаниецентричный, не учитывает приоритет воспитания человека XXI века в пространстве русской культуры и русского языка, об экологии которых писал Д. С. Лихачев.

¹ Заведующий кафедрой истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Союза писателей России.

² Субетто А. И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта — социалистический императив. М., 1990.

Настораживают и чрезмерное увлечение технологическими понятиями в образовательном пространстве, и постоянные реформы в образовании, за логикой которых исчезло главное — восходящее воспроизводство качества человека, его мировоззрения, фундаментализация образования и воспитание человека, вне которых нет будущего ни у России, ни у человечества.

Школа и учитель в диалоге культур — важнейший социальный институт общества. Президент РФ Д. А. Медведев утвердил национальную образовательную инициативу «Наша новая школа» — это свидетельство того, что верхи осознают: без более совершенной школы процветающее государство не сотворить. А сердце школы — учитель. Перед ним стоят небывалые задачи: обогащать детей новыми знаниями; добывать эти знания вместе с детьми; на основе истинных знаний формировать более зрелое цивилизованное продуктивное мышление; со-зидать новую ментальность подрастающего поколения — выводить его из обморочного национального состояния, возвращать новую нравственность (прежде всего добиваться национального единения в повседневной жизни и бытового братства, неутомимого трудолюбия и добротолубия); пестовать новую духовность (просвещенную православность); вырабатывать новое мышление — это познание и учение своими силами, рассчитывание только на себя, способность мыслить вполне самостоятельно.

Русский учитель — воспитатель русского человека. Это центральная идея новой народной русской школы. Русский учитель — это деятель, постигший сущность православного национально-духовного начала в человеке и знающий, как будить и развивать его в детях, носящий в себе национально-патриотическую убежденность и являющийся но-

сителем идейно-профессиональной преданности своему делу, проявляющий заботу об органическом слиянии национального образования с духовным просвещением и воспитанием, подготавливающими учеников к свободе духа.

Русский учитель — это идущий и ведущий детей по пути освоения образа жизни русского народа, включающий в себя знания, умения и навыки, опыт труда, творческую деятельность, образец семейной жизни, все то, что разумно накоплено предыдущими поколениями. Он передает лучший опыт жизни русского народа в современных условиях и таким образом совершенствует нацию. *Русский учитель — ключевой деятель современного российского общества.*

Ныне учитель, как и общество в целом, поражен тяжелейшим заболеванием: произошло духовное оскудение, испарение нравственно-эстетического идеала, утрата профессионализма. Он воспитывает не гомо сапиенса, а гомо экономуса. Нужно готовить нового учителя. Прежняя общекультурная и педагогическая образованность должна уйти в небытие. Воспитание, образование и обучение должны быть пронизаны *просвещением*.

Нужно осознать, что человек породил глобальный экологический кризис и именно человек может его преодолеть в XXI веке, опираясь на высшие достижения гуманизма, заложенные в культуре, в гуманистическом опыте исторического развития образования.

Диалог культур и образование в России смогут стать механизмом прорыва в воспитании человека XXI века, если будет мобилизован позитивный потенциал русской культуры и российского образования, особенно накопленный за последние 300 лет их развития, а не за 20 лет «модернизации» и «реформ».

Е. О. Галицких¹

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ — ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ НОВОГО ВЕКА

Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур.

Д. С. Лихачев

Современная международная ситуация, кризис доверия между народом и властью в странах Востока, обсуждение научным сообществом России про-

¹ Заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор книг: «Духовное развитие личности», «Конспекты уроков для учителя литературы. 8 класс. Творчество А. С. Грина», «От сердца к сердцу: мастерские ценностных ориентаций», «Интегративный подход к профессионально-личностному становлению будущего педагога в университете», «Диалог в образовании как способ становления толерантности», «Профессия — учитель», «Литературные салоны в школе» и др.

екта Федеральных государственных образовательных стандартов, поиск педагогами взаимопонимания между реформаторами и обществом обострили проблемы «диалога культур» в образовании. Вызовом времени можно назвать потребность в реальных способах установления этого диалога, поиске ресурсов, которые бы открывали пути решения проблемы межкультурного обучения в высшей школе. Изучение теории и практики диалога в образовании в течение 10 лет² дает нам право считать, что накоплен и научно осмыслен

² *Галицких Е. О.* Диалог в образовании как способ становления толерантности. М., 2004.

огромный «запас» знаний о диалоге культур и народов, наук и образовательных практик многоликого мира. Но сила теоретических знаний оказывается недостаточной перед реальными конфликтами, возникающими в разных странах, если общественные группы выбирают агрессию вместо диалога.

Мировое образовательное сообщество профессионалов работает на будущее, оно способно влиять на сознание молодых людей, которые завтра станут управлять государствами и решать глобальные проблемы обеспечения Земли топливом, населения — продуктами питания, а каждого конкретного гражданина — правом на безопасную жизнь на своей родной планете. Вызов XXI века — формирование нового современного опыта межкультурной коммуникации молодых людей, которые не имеют стереотипов, открыты новому, готовы к сотрудничеству со сверстниками разных стран, обладают необходимыми культурологическими знаниями о своей стране и знают языки международного общения, кроме своего родного. Существует несколько продуктивных практик организации «живого межкультурного диалога», среди них программы международного обмена и образовательные проекты, стратегические ресурсы профессиональной подготовки молодежи.

Межкультурный диалог дает молодым людям знания, необходимые для жизни и эффективной работы в любой точке земного шара, способствует развитию личности, воспитанию толерантности, уважению к другим культурам и жизненным ценностям людей разных национальностей. Достижение такого результата было бы невозможно, если бы студенты были не подготовлены к межкультурному диалогу в условиях гуманитарного университета.

Именно гуманитарные специальности оказались в эпицентре борьбы за сохранение своего статуса в профессиональном образовании и реализации культурологической концепции содержания образования, в котором способность выпускника к диалогу, партнерству и сотрудничеству рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки.

Проведенные научные исследования на базе филологического факультета Вятского государственного гуманитарного университета, Вятского социально-экономического института и Кировского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов выявили следующие стратегические ресурсы подготовки студентов к межкультурному диалогу.

1) Включение диалоговых технологий обучения в модульные программы изучаемых дисциплин, формирующих коммуникативную компетентность выпускников. Наиболее востребованными и эффективными оказались технологии круглых столов, дебатов, дискуссий, педагогических мастерских и читательских семинаров, проводимых в интерактивных режимах взаимодействия студентов. Поскольку доминантой гуманитарного образования является коммуникативная компетентность, реализующая способность человека к речевой и интерпретационной деятельности, поэтому процесс преподавания и учения насыщен текстами, отражающими своеобразие национальных культур разных народов.

2) Актуализация авторских мастер-классов, которые обладают потенциалом формирования опыта творческой деятельности, обогащающей культуру студентов и позволяющей сформировать опыт презентации национальной культуры, ценностей малой родины представителям другой культуры. Раскроем алгоритм мастер-классов, которые стали инновационной формой образовательного процесса в вузах и активно используются в современной педагогике. Мастер-класс — это презентация креативного, диалогового, деятельностного характера преподавания профессионалом своего дела.

Новая образовательная технология профессионально-личностного становления специалиста под названием «мастер-класс» включает следующий алгоритм организации диалогового взаимодействия всех его участников:

1. Постановка преподавателем проблемы профессионального мастерства, коммуникативной компетентности, межкультурного диалога.

2. Презентация личности мастера и его диалоговой позиции.

3. Интерактивное включение всех участников мастер-класса в процесс формирования нового опыта творческой деятельности (работа в группах, социализация, выстраивание «живого знания», эксперимент, поиск, полилог).

4. Обогащение квазипрофессионального опыта, формирование компетенций путем интерактивного взаимодействия, выполнения заданий, решение профессиональных задач, основанных на эффективных приемах профессионального творчества преподавателя.

5. Работа с методическими и дидактическими материалами преподавателя (пособиями, книгами, статьями, открытиями, текстами разных национальных литератур).

Рефлексивный этап мастер-класса включает самоанализ каждого участника:

— Какому профессиональному приему диалогового взаимодействия научился?

— Какой мыслью, идеей, традицией другой культуры обогатился?

— С какой перспективой развития (чтения, познания, деятельности) уходишь?

— Какие ресурсы развития межкультурного общения видишь?

— Как расширил свой культурный кругозор, опыт понимания и переживания своей и другой культуры?

Владение технологией мастер-класса — это показатель профессиональной компетентности преподавателя, отражение его опыта в открытом режиме диалогового взаимодействия.

3) Организация Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы международных научно-практических конференций, в которых проходит сотрудничество трех уровней: ученых и их научных школ, аспирантов по направлениям научных исследований и научных студенческих обществ из разных стран ближнего и дальнего

зарубежья (Россия—Испания, Россия—Казахстан, Россия—Украина).

4) И наконец, журналистские и театральные семинары, позволяющие реализовать потенциал межкультурного общения в образовательной среде университета как встречу представителей разных поколений сферы творческой деятельности, открытых диалогу при обсуждении произведений киноискусства, художественной литературы, живописи и театра. На этих семинарах студенты и преподаватели могут ощущать себя не только материалом социального производства, но прежде всего подлинными субъектами культуры и исторического действия. Личность студента, способного к межкультурному диалогу и творческому саморазвитию, должна быть в центре внимания образовательного процесса, его смыслом и целью, а не средством организации обучения.

Чем разнообразнее, содержательнее и компетентнее будет опыт диалоговой деятельности студентов, тем быстрее и эффективнее включатся они в процесс профессиональной самореализации, выстроят профессиональную карьеру, найдут сферу приложения своих творческих, интеллектуальных сил «сквозь границы». Все выявленные ресурсы реализуют идею Д. С. Лихачева о том, что «наша

культура, русская культура и культура российских народов, — европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества»¹. Актуализация представленных ресурсов дала возможность увидеть, что приобретенный студентами опыт полилога с людьми другой культуры формирует мировоззрение зрелой активной личности гражданина, способного оценить как сильные, так и слабые стороны менталитета родного народа, образовательного уклада своего университета.

Футурологи, социологи подчеркивают, что новый век будет отличаться глобальной «интернетизацией» жизни, заменяющей социальную реальность виртуальной, непосредственное общение человека с другим человеком компенсируется общением через Интернет. Сосредоточенность интересов, чувств и помыслов молодых людей только на Интернете опасна. Названные ресурсы направлены на решение важной задачи глобального образования — подготовить выпускников университета к жизни среди граждан разных стран, помочь сохранить свое национальное достоинство и овладеть диалогом как способом общения интеллигентных людей, способных к пониманию себя и других в контексте партнерства цивилизаций.

В. В. Горшкова²

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Социокультурные и социально-экономические преобразования общества, масштабы инновационных тенденций российской образовательной системы осуществляются в контексте нарастающей глобализации, что является фактором движения всего мирового сообщества. Современные философы все чаще акцентируют внимание на идее выбора будущего, наличия такого выбора в условиях многозначности и непредсказуемости социальной реальности и в связи с этим на роли образования в ситуации выбора, когда смена образовательной парадигмы осознается как глобальная тенденция, обусловленная мировым цивилизованным процессом, как условие выживания человечества.

Под глобализацией образования следует понимать кросскультурную структуру интернационального, межгосударственного научного и культурного взаимодействия во всех областях развития социума. Такая структура должна включать множество пластов знания и ценностей, сосуществующих в контексте взаимообогащения.

Глобализация, проявляясь во все большем пространстве интернет-технологий, возникновении гламурной, таблоидной культуры, появлении культурных мутаций, приводит к тому, что становится

затруднительной, а иногда невозможной трансляция устойчивых норм, образцов, эталонов, практик прежней культуры, поскольку устойчивость значительно поколеблена в своем основании.

Современное образование не может не реагировать на глобальные вызовы времени. Один из этих вызовов заключается в том, что, например, на уровне европейского сообщества идет процесс усиления степени дискретности всех форм жизнедеятельности людей. Следствием этого становится утрата содержательной целостности в процессе жизнедеятельности людей, в том числе в сфере образования. Это касается и отечественного образования. Вместе с тем в российском обществе воспроизводится миф о том, что советское образование было одним из лучших в мире, таковым и сейчас продолжает оставаться (но уже российское образование) в силу фундаментальности подготовки. Отчасти это правда, но в то же время в современных условиях это все больше становится мифом уходящей эпохи. Переставая быть транслятором знания, опыта, прежних культурных образцов, образование и в качестве транслятора успеха не выполняет своего предназначения. Даже наличие диплома самого престижного учебного заведения еще не гарантирует достижения высокого социального статуса, поскольку для попадания в VIP-группу нужны другие виды капитала, кроме культурного и символического.

¹ Лихачев Д. С. Избранное. М., 2006. С. 138.

² Заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор.

В настоящее время все большее распространение процессов глобализации приходит в противоречие со стремлением образования как социально-культурного института делать ставку на удовлетворение потребностей в успехе части населения, увеличивая количество направлений подготовки по наиболее востребованным специальностям.

В связи с этим можно назвать еще один миф, в основе которого лежит утверждение, что ценность образования как сферы общественной жизни заключается в его инерционности, поскольку оно, испытывая на себе давление остальных сфер жизни, упорядочивает в своих границах случайные воздействия, превращает их в устойчивые формы знания и опыта; формирует традиционную систему ценностей, что дает возможность нового развития общества.

Вместе с тем в реальности наблюдается другой процесс. Идет размывание традиционных ценностей, формируется мир виртуальности с его логотипами, брендами, клиповым сознанием и т. д. Мир переживает очередную культурную революцию. Виртуальный мир, созданный на основе глобальной Сети, имея своим преимуществом доступность такого модуса для огромного количества людей, продолжается в реальном мире путем мутаций культурных форм. Роль образования в этом процессе — формирование новой догматики, схоластики, и здесь наблюдается процесс редукции, то есть обучение сводится к все более дискретным и простым формам, увеличивая при этом инструментальную оперативность мыслительных процессов.

Если знания по-прежнему будут редуцироваться до информации, различного рода сообщений, то при этом будет происходить снижение роли рефлексии как инструмента получения новых знаний, а будет возрастать значение повторений, упрощенных стереотипов. Образование вынуждено воспроизводить разорванность целостного мира человечества, все больше приобретая формы, распространенные в шоу-бизнесе. Поиски культурологов в области глобализации во многом совпадают с идеями социологов и историков по проблемам развития процесса глобализации в современном диалоге культур

Никогда ранее образование не входило в число широко дискутируемых проблем, как в современной реальности. Это объясняется принципиальной важностью проблемы, от решения которой в значительной степени зависят идеология и конкретная политика образовательной системы, проводимая в отдельных странах.

В последние годы проблемы системы образования обсуждаются не только на специализированных форумах (Всемирная конференция ЮНЕСКО по образованию), но и на мировых конференциях: например, Всемирный саммит по устойчивому развитию (Йоханнесбург), Международная конференция ООН по финансированию для развития (Монтеррей). Исследованиями проблем образования совместно с ЮНЕСКО занимаются также международные организации — Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), Всемирный банк, ВТО. Основная цель такой заинтересо-

ванности — нахождение модели модернизации системы образования, направленной на повышение его доступности, качества и эффективности.

Что касается проблемы соотношений общественной и индивидуальной значимости образования, то образование было заявлено «общественным благом», а не только «эскалатором» удовлетворения индивидуальных потребностей социального продвижения и обеспечения материального благополучия способом совершенствования процессов труда и естественной потребностью человека в познании и возвышении. Образование представляет собой самостоятельную сферу человеческой самореализации, идентификации и интеграции.

Какие изменения претерпевает современная система российского образования? Вопрос весьма принципиальный. Образование есть отражение в культурно-антропологической и социально-экономической сферах бытия человека. Что принципиально нового появилось или появляется в системе образования трансформирующегося российского общества в результате так называемой «модернизации»?

Наиболее заметные изменения произошли по следующим основным направлениям: отказ от идеологического тотального диктата; на государственном уровне продекларированы принципы гуманизма, приоритета общечеловеческих ценностей: уважение к правам и свободам человека; плюрализм.

Провозглашенные принципы отражают оценку основополагающей роли образовательной системы в условиях глобализации, данную Вторым саммитом Совета Европы (1997): «Укрепление взаимопонимания между людьми, воспитание человека в духе демократии, осознания личностью своих прав и обязанностей, проявлений активности индивида в гражданском обществе».

Однако достаточно глубокие процессы обновления вошли в противоречие с практикой, когда провозглашению ориентации на «демократизацию общества», построение «социального государства», «становление правового общества» (конституционное право на образование) сопутствует проявляющаяся тенденция к явной ограниченности реализации этих фундаментальных принципов.

Анализ современного состояния образовательной системы российского общества дает основание ученым прийти к единому мнению. Внешне система образования, существенно сохраняя свои прежние очертания, стремится к общемировой интеграции, по сути же, практика образовательного процесса вступает в конфликт с теориями, вскрываются новые недостатки образовательной концепции.

Мировое экономическое пространство и соответственно рынок образовательных услуг все больше ориентируются на «дематериализованные» виды деятельности. И будущее основывается на непрерывной трансформации и инновациях. В связи с этим поддержание соответствия содержания изучаемых дисциплин профессиональным интересам субъектов должно обеспечить обучающихся необходимым объемом опережающих идей, знаний и способов деятельности с учетом динамики рынка труда.

Е. М. Доровских¹

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1. Конституция РФ гарантирует каждому право на образование (ст. 43) и право на пользование родным языком, на свободный выбор языка воспитания и обучения (ст. 26). Помимо права на обучение на родном языке, государство обеспечивает гражданам условия для изучения и преподавания родного языка и других языков народов России, а также для научных исследований всех языков (ст. 10 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов РФ»). Аналогичные нормы присутствуют в конституциях и уставах субъектов РФ. Однако необходимо отметить, что в большинстве названных правовых актов отсутствуют нормы об использовании языков в сфере образования.

2. Государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке гражданам России, проживающим за пределами своих национально-государственных или национально-территориальных образований, а также не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп (ст. 9 Закона РФ «О языках народов РФ»). Федеральный закон РФ от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», закрепляя право малочисленных этнических общностей на получение образования на родном языке, ограничивает его «рамками возможностей, предоставляемых системой образования в соответствии с законодательством РФ и законодательством субъектов РФ» (ст. 10).

В значительном количестве основных законов субъектов Российской Федерации содержатся нормы о гарантиях прав национальных меньшинств и малочисленных коренных народов, в частности на свободное изучение, использование и сохранение родного языка. В законах субъектов о языках и об образовании, как правило, гарантируются права национальных меньшинств в сфере национально-языковых отношений, в ряде субъектов Федерации были приняты специальные законы о правах национальных меньшинств и коренных малочисленных народов. В республиканских законах гарантии сохранения и развития других языков народов республики разработаны менее детально, чем государственных языков, однако эти законы включают практически все элементы закрепленного в федеральном законодательстве правового режима языков, необходимые для защиты прав иноязычного населения республик, прежде всего национальных меньшинств и малочисленных коренных народов. К сожалению, общим недостатком всех республиканских законов о языках является отсутствие перечня этих языков, хотя подобная конкретизация здесь была бы крайне необходима.

3. В настоящее время законы об образовании субъектов РФ достаточно точно воспроизводят положения действующего федерального закона: они в значительной степени восприняли и структуру, и понятийный аппарат, и содержание статей Закона РФ «Об образовании». Между тем из этого не следует однозначный вывод об автоматическом воспроизведении норм федерального закона. Как правило, законы республик и автономных округов отличаются своеобразным подходом к решению проблем языкового развития. Республиканское законодательство обладает определенной вариативностью в установлении обязательного изучения государственного языка республики. Она заключается прежде всего в расстановке приоритетов — главной целью правового регулирования является создание наиболее благоприятных условий для возрождения, сохранения и развития языка народа (языков народов), давшего название республике «титულიной» нации. При этом преемственность и непрерывность воспитания и обучения на родном языке рассматривается как основа национально-культурного развития личности, а национальная школа призвана способствовать развитию национального самосознания личности, национальных культурных традиций. На достижение этих целей в значительной степени направлены и меры, содержащиеся в государственных республиканских программах.

Представляется, что создание национальной системы образования в каждой отдельной республике является менее продуктивным фактором национального развития, чем взвешенный подход к учету реально сложившихся языковых интересов и национально-языковых отношений. Обособление в национальной школе в определенной степени ограничивает возможности дальнейшего продолжения образования и последующего трудоустройства ее воспитанников.

4. Русский язык, являясь государственным языком на всей территории России, изучается гражданами Российской Федерации как в общеобразовательных учреждениях, так и в образовательных учреждениях профессионального образования. Во всех имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях (за исключением дошкольных) его изучение регламентируется государственными образовательными стандартами (ст. 6 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»; ст. 10 Закона РФ «О языках народов РФ»). Государственные языки республик, так же как и государственный язык Российской Федерации, изучаются в качестве обязательного предмета в образовательных учреждениях, находящихся на их территории, независимо (как правило) от языка обучения.

5. Выполнение русским языком функций универсального средства общения на всей территории РФ

¹ Научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций по политико-правовым вопросам.

не лишает его качеств языка национального. Поэтому его обязательное изучение во всех образовательных учреждениях требует особого внимания к сочетанию федерального и национально-регионального компонентов образования при разработке программ изучения языков. Изучение русского языка регламентируется государственными образовательными стандартами. Однако количество часов, предусмотренных образовательными программами для изучения русского языка, остается недостаточным для глубокого и систематического изучения предмета. Особенно это становится очевидным при анализе образовательных программ по русскому языку «Русский язык как родной». Так, в соответствии с ней в школьную программу обучения не включаются более или менее полное знакомство с особенностями диалекта — народного говора той местности, в которой расположена школа, изучение основ древнерусского и частично церковнославянского языка, систематические уроки риторики. Примерная программа по русскому языку для основной общеобразовательной школы (5–9-е классы) в абсолютных цифрах может восприниматься как самодостаточная. Но уровень грамотности учащихся свидетельствует о том, что этих часов явно недостаточно для овладения материалом. Присущий русскому языку междисциплинарный статус среди других школьных предметов не способен устранить последствия минимизированного подхода к изучению русского языка в начальной и средней школе.

Необходимость внесения кардинальных изменений в обучение русскому языку касается не только увеличения часов, но и изменения самого подхода к содержательной стороне предмета и его методике. Целесообразно было бы сосредоточить усилия на более глубоком изучении отдельных предметов, наилучшим образом организующих мышление учащихся. Конечно, прежде всего это математика, но к таким предметам специалисты относят и изучение языка. Преподавание русского языка должно быть дополнено изучением основ (по меньшей мере) древнерусского и частично церковнославянского языков. Введение их изучения в программу по русскому языку потребует внесения изменений в государственный образовательный стандарт. Такие нововведения, безусловно, должны быть тщательно дозированы для тех учащихся, для кого русский язык не является родным.

Важно в целом обеспечить единый уровень образования, единый образовательный стандарт вне зависимости от того, является школа платной или нет. Необходимо в отношении русского языка обеспечить учащимся более или менее равный уровень знаний. Применение федерального компонента государственного образовательного стандарта при изучении русского языка должно обеспечивать общегосударственный уровень образования как условие всестороннего развития и мобильности личности, ее конкурентоспособности на рынке труда; национально-региональный компонент при изучении государственного языка республики должен обеспечивать уровень образования, отвечающий национально-культурным потребностям личности, ее этнической самоидентификации.

Существует и еще один аспект этой проблемы. Очевидно, необходимо постепенно вводить национально-региональный компонент во всех полиэтнических регионах, не являющихся республиками, а в республиках частично пересматривать его содержание. Во-первых, национально-региональный компонент Государственного образовательного стандарта должен варьироваться в зависимости от того, являются ли национальная культура и национальный язык родными для тех или иных учащихся; во-вторых, этот компонент не должен быть «монополизирован» государственным языком республики; в-третьих, обязательность изучения государственного языка должна иметь альтернативу — возможность изучения иного языка (из бытующих на территории республики) либо, вероятно, вообще отказ от его изучения. Представляется, что подобный подход отвечает государственной политике России в языковой сфере, которая «исходит из основополагающего принципа равноправия всех языков независимо от их правового статуса, численности и характера расселения носителей языка. Стержнем языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и поощряется изучение национальных языков населением ее республик»¹.

¹ Русский язык : федеральная целевая программа ; утверждена Постановлением Правительства РФ от 23 июля 1996 г. № 881 // СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3925.

Н. П. Дудин¹**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

На первый взгляд, состояние современного юридического образования и юридической науки представляется достаточно благополучным: юридическая профессия на протяжении более десяти лет в нашей стране сохраняет достаточно высокий престиж, количество абитуриентов в юридические вузы не уменьшается, статус высшего образования растет, появляются новые, оригинальные теоретические разработки и т. д. Однако если более глубоко вникнуть в содержание современной юриспруденции, понимаемой и в качестве образования, науки, и в виде практической деятельности, то нельзя не признать, что с юридической наукой не все благополучно.

Современное состояние юриспруденции определяется, прежде всего, социальным контекстом. Последний же характеризуется достаточно резкой сменой картины мира (в том числе научной), обусловленной переходом общества западных стран к эпохе постиндустриального социума, который иногда именуют информационным. Несмотря на многочисленные философские и социологические исследования постиндустриального общества, приходится констатировать, что в юриспруденции практически отсутствует осознание резких изменений ее содержательных оснований в связи с приходом нового типа общественных отношений, которые представляют серьезный «вызов» традиционной юридической науке и образованию. Это проявляется в том, что прежде казавшиеся незыблемыми исходные положения онтологии и гносеологии, такие как признание объективности мира, возможности аподиктического знания о нем, закономерное (в том числе основанное на причинности) его — мира — устройство и вытекающие отсюда принципы и презумпции правовой системы (естественные, неотчуждаемые права человека, демократия и т. д.) подвергнуты радикальному сомнению. С точки зрения постструктуралистов эти абстрактные и одновременно исходные для соответствующих научных дисциплин принципы являются не более чем идеологемами, прикрывающими господство одних социальных групп над другими.

Все вышеозначенное не могло не сказаться на состоянии юриспруденции. Однако у юридической науки и ее преподавания существуют и свои «специфические» трудности, на которых необходимо остановиться специально. Во-первых, сегодня как никогда остро встала проблема недостаточности позитивистской — формально-догматической — методологии, которая, как ни странно, продолжает господствовать в юриспруденции. Акцент на фор-

¹ Директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, генеральный советник юстиции 3-го класса, кандидат юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ.

мальных аспектах права означает одновременно игнорирование социальной характеристики права, его связи с обществом. Такой подход не позволяет объяснить, почему одни и те же нормативно-правовые акты действуют с разной степенью эффективности в разных странах, разных культурах-цивилизациях.

Отсюда, в частности, вытекает завышенное ожидание, свойственное умонастроениям конца 1980-х годов в нашей стране, относительно возможности использования западных институтов, таких как парламентаризм, права человека, правовое государство и т. д. Если право воспринимается в качестве всего лишь инструмента, который легко и просто создать в любом историческом и социокультурном контексте, то понятно стремление реформаторов поскорее прописать соответствующие разделы в конституции. Но формально-догматический, инструментальный подход к праву как раз и не в состоянии объяснить, почему у нас эти институты действуют не так, как на Западе.

Более того, такой подход, не принимающий во внимание также происходящие в нашем обществе изменения, не способен дать ответ на вопрос о росте деструктивных явлений в общественной, прежде всего правовой, жизни нашего социума. Без анализа изменений ценностных ориентаций широких слоев населения (разрушения старых и отсутствия новых) тут не обойтись, а позитивизм игнорирует ценностный подход к праву. В результате получается, что законодательные инновации (реформы) плохо соотносятся с общественными реалиями.

Обозначенная проблема связана ко всему прочему с «инфляцией законодательства». Именно так квалифицирует современное положение в нормотворчестве французский антрополог права Н. Рулан: «Никогда еще изречение “Никто не может ссылаться на незнание закона” не было столь обманчивым, как сегодня. Никому точно не известно, сколько существует действующих законов: может быть, сто тысяч... Но какая часть их применяется? Избыток законов ведет к неэффективности права даже в эпоху компьютеров»². Современным обществам, по его мнению, присущ безудержный рост правовых норм. «1995 г. был рядовым годом в этом отношении: на свет появились 1350 законов и 1407 декретов, которые влились в законодательный и нормативный поток предыдущих лет, поскольку в силе остается все то, что не было отменено. Некоторые области оказались затронутыми в большей степени, чем другие: трудовое, городское муниципальное и налоговое право. Кроме того, жесткие рамки кодификации не суживают право. Считается, что более 4000 признанных преступными деяний, не упоминающихся в новом Уголовном кодексе, находятся в некодифицированных текстах. Неопределенность права

² Рулан Н. Историческое введение в право : учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 15.

возрастает, когда некоторые законы предусматривают потенциальную возможность прекращения срока своего действия или, по меньшей мере, скорый пересмотр. <...> Сегодня никто не знает все содержания права, за исключением компьютеров, этих новых анонимных «Дигест»¹. В нашей стране, по данным Т. В. Кашаниной, издано и действует около 2 тыс. законов, федеральных нормативных актов (законов, указов, постановлений, инструкций) насчитывается около 121 тыс. Если же сложить вместе федеральные нормативные правовые акты и акты субъектов Федерации, всего получится более 500 тыс.²

В связи с этим возникает вопрос: должны ли юридическая наука и ее преподавание сосредотачивать свое внимание на комментировании законодательства и способах его применения? Особенно если учесть, что в таких отраслях права, как административное, финансовое, экологическое, жилищное, законодательство меняется в среднем дважды за пятилетний срок обучения студента.

Думается, что основной акцент должен быть сделан на преподавании принципов права, составляющих основные положения в данной отрасли права, с позиций которых должно критически оцениваться действующее в ней законодательство и то, что в западной традиции права именуется «юридическим мышлением» — практические ориентированные знания правоприменения, включая толкование права. По тем самым причинам возрастает значение теории права и теоретических разделов в отраслевых и специальных юридических дисциплинах, так как эти проблемы и темы разрабатываются именно в ней.

И еще одна проблема, возможно, самая актуальная для современной юридической науки. Это проблема плюрализма правопонимания. Не секрет, что сегодня существуют разные подходы к пониманию и теоретическому осмыслению права, во многом в силу его сложности и многомер-

ности. Так, кроме трех традиционных типов правопонимания (юридический позитивизм, теория естественного права, социология права) сегодня активно развиваются «неклассические» или «постклассические» (а иногда говорят о «постнеклассических» — А. В. Поляков) типы правопонимания. К ним, например, относятся: антропология права, феноменология права, критические правовые исследования, феминистическая теория права, правовой экзистенциализм и др. Сейчас важно подчеркнуть не то, какие именно существуют концепции права, а то, что они дают разную оценку правовой реальности, по-разному трактуют основные юридические понятия и квалифицируют юридически значимые ситуации. Сложность усугубляется тем, что ни один из типов правопонимания сегодня не в состоянии убедить своих оппонентов в собственной правоте, большей обоснованности.

Выход в теоретическом аспекте, как представляется, может быть только один: постоянно обновлять собственную позицию в диалоге с другими точками зрения, а юридическая наука и ее преподавание из формально-догматической должна стать социокультурно ориентированной: наполниться социальным содержанием, включающим, прежде всего, «человеческое измерение» всех правовых явлений и институтов. Это предполагает допущение традиционных юридических исследований анализом «неформального, неофициального» нормативного регулирования и фактического правопорядка, а также правосознания общества, в котором преломляются и приобретают соответствующую оценку и, тем самым, мотивацию к поведению все юридически значимые феномены. Именно диалог с другими правовыми цивилизациями, предполагающий внимательное изучение чужого опыта при уважении к собственным традициям, — магистральный путь развития юридической науки и ее преподавания.

И. А. Зимняя³

УНИСОН ПОЛИЛОГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА XXI ВЕКА — НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Почти 30 лет назад с провозглашения Великой Университетской Хартии (так и пишут — все слова

¹ Рулан Н. Указ. соч. С. 194.

² Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М., 2007. С. 137.

³ Академик Российской академии образования, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов (Москва), доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Разработчик компетентностного подхода в современном образовании. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. учебника «Педагогическая психология»; монографий: «Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке», «Психология обучения неродному языку», «Психология обучения иностранным языкам в школе», «Лингвопсихология речевой деятельности» и др. Редактор коллективной монографии «Стратегия воспитания в образовательной системе России».

с прописной) началось целенаправленное формирование европейского образовательного пространства. Все шире очерчиваемое начиная с Болонских соглашений 1999 года, оно включает новые страны и с 2003 года — Россию [1], что ярко отражает общемировую тенденцию глобализации. Отмечается, что «в настоящее время Минобрнауки России совместно с Евросоюзом формируют “Общее пространство Россия–ЕС в области науки и образования”». Начавшийся с присоединения России к Болонской декларации процесс интеграции российской и европейской систем образования является одним из важных элементов формируемого пространства» [4].

Преодолевая исторически сложившееся разногласие мнений, оценок, стереотипов, общекультурных и страновых традиций, участники (или, точнее, субъекты) этого пространства вступают в многозначный полилог, вырабатывая общие подходы, общие решения относительно целеполагания, архитектоники, содержания, оценивания результатов современного образования в контексте мировых тенденций интеграции, глобализации. При этом одна из важных составляющих образования — научно-исследовательская деятельность в высшем образовании — имплицитно или, чаще всего, эксплицитно, в частности в Коммюнике конференции европейских министров, ответственных за высшее образование (2009), выделяется в качестве основной, базовой: «... высшее образование должно базироваться на научных исследованиях, тем способствуя инновационному и творческому процессу в обществе» [3]. Относительно этой позиции все заявления субъектов образовательного пространства Россия—ЕС, все тексты соглашений и в целом весь разноголосый полилог участников звучат в унисон.

В этом контексте следует подчеркнуть, что такой унисон всего полилога образовательного пространства, с одной стороны, подготовлен самой историей развития высшего образования в мире и в особенности университетского, а с другой — новыми тенденциями цивилизационного развития XX—XXI веков. Показательно, что выработанная в этом контексте в 1999 году Всемирная декларация о науке и использовании научных знаний в XXI веке задала новые контексты понимания связи науки и общества, науки, производства и жизни, что и было воспринято европейским образовательным пространством XX века применительно к задачам модернизации и повышения качества высшего образования. Еще в 1993 году в Докладе по высшему образованию отдела высшего образования ЮНЕСКО «Стратегия изменения и развития высшего образования» отмечалось, что принцип неразрывности обучения и научно-исследовательской деятельности остается существенным и для высшего образования будущего. Подчеркивалось, что ни одна система высшего образования не может осуществить свою цель и быть жизнеспособным партнером на службе у общества, если значительное число учебных заведений — в разной степени в соответствии со своими задачами и потенциалом — не будет заниматься научно-исследовательской работой [5].

Возникает вопрос: в чем же заключается непреходящая и все усиливающаяся ценность научно-исследовательской деятельности в высшем образовании, в чем секрет унисона поликультурного, разноразличного образовательного пространства «Россия—ЕС»? Можно выделить основные линии аргументации: во-первых, научно-исследовательская деятельность, будучи познавательной, направленной на поиск, получение нового знания, развивает человека, способствует формированию обобщенных способов действия, вы-

явлению сущностного в познаваемой действительности. Это стимулирует и развивает, ведет вперед. Эта деятельность, требуя наличия определенных личностных качеств — целеустремленности, организованности, ответственности, самостоятельности и других, — в ее процессе сама совершенствует их и личность в целом.

Во-вторых, научно-исследовательская деятельность, основанная на решении познавательных исследовательских задач, включенных в изучение учебных дисциплин, способствует глубине и осознанности их освоения и, соответственно, решению на этой основе не только научных, но и практических, профессионально-ориентированных проблем. Научно-исследовательская деятельность при правильной ее организации, результируясь в сформированности единой социально-профессиональной компетентности, повышает в целом качество всего образовательного процесса, что является одной из важных целей современного образования [2].

И в-третьих, ценность научно-исследовательской деятельности студентов вузов, вузовских коллективов и высшего образования в целом определяется глобальными социально-экономическими вызовами общества, его переходом в новый информационно-технологический XXI век, требующий инноваций, новых идей, новых решений, новых технологий. При этом не могут не сохраняться два исторически сложившихся направления развития самих научных исследований, самой науки — «чистая» (фундаментальная, теоретическая) и практико-ориентированная, прикладная, отвечающая насущным требованиям времени наука.

Рассмотренные три основных довода объясняют феномен унисона полилога всего образовательного пространства относительно научно-исследовательской деятельности ее значимостью для человека, образования, общества. В этом сила и значение научного исследования.

Литература

1. Болонский процесс: 2007–2009 годы : в 4 кн. / науч. ред. В. И. Байденко. — М., 2009.
2. Зимняя И. А. Целенаправленная организация исследовательской деятельности студентов — существенный фактор управления качеством образования: доклад / И. А. Зимняя // Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе : XV Междунар. науч.-метод. конф. СПбГУП совместно с РАО и Советом ректоров вузов Санкт-Петербурга, 29 октября 2010 г. — СПб., 2010.
3. Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование, Левен / Лувен-ла-Нев, 28–29 апреля 2009 г. // Высшее образование в России. — 2009. № 7.
4. Решение коллегии Минобрнауки России от 16 декабря 2004 г.
5. Strategies for change and development in higher education : UNESCO Policy paper on higher education prepared by the division of higher education. — 1993. — Oct.

Н. Н. Кириллова¹**О ГЛОБАЛИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИКИ
И РОЛИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ**

Случайно ли на рубеже двух веков совпадение научных дебатов о глобализации, с одной стороны, и о синергетике — с другой?

В научно-публицистической литературе, включая педагогическую, наиболее частотными стали такие термины, как «модернизация» и «инновация», «синергетика» и «глобализация». Первая пара слов, объединенных причинно-следственными отношениями, характеризуется полностью созидательным содержанием. Вторая пара, наделенная определенной степенью риска, — лишь наполовину. Остановимся именно на последней и рассмотрим ее роль в образовательном процессе.

Синергетика, имея своей задачей изучение общих принципов и механизмов самоорганизации и саморазвития в сложных системах различной природы (физическая, химическая, биологическая, социальная и т. п.), вышла за пределы механики, став междисциплинарным направлением в научных поисках решения данной задачи. Расширению области синергетики способствовал общий постулат: синэргией (то есть обменом, совместной деятельностью) обладают не только процессы, изучаемые механикой и — шире — точными науками, но и явления живой природы, явления социальной жизни, включая язык. Исследование взаимодействия диссипативных, неравновесных структур бельгийским физхимиком и философом И. Пригожиным (Нобелевская премия 1977 г. по химии) привело к утверждению того, что неравновесность может служить источником либо организации и порядка, либо хаоса. Состояние неустойчивости в системе через период флуктуации (неравновесности) может закончиться под действием какого-то толчка, который вызовет бифуркацию системы, то есть деление на ветви. «Все ветви равно возможны, но только одна из них будет осуществлена», — пишет И. Пригожин².

В современном обществе, охваченном глобализацией, такой точкой бифуркации И. Пригожин считает развитие информационных технологий, которое способно привести мир к новому результату. Но каким он будет, по словам автора, «никто не может предугадать». В указанном сочинении под захватывающим заголовком «Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям» он пишет о том,

¹ Профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект», «Сопоставительная фразеология романских языков», «Практическое пособие по лингвокультурологии. Французский язык» и др.

² Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям // Новости гуманитарных технологий. Гуманитарное развитие в России и за рубежом : экспертно-аналитич. портал. URL: <http://gtmarqet.ru/laboratory/expertise/2006/2685>

что будущим поколениям предстоит «найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма». Процесс глобализации амбивалентен. И, как пишет И. Пригожин, на человечестве лежит большая ответственность за выбор соответствующей ветви бифуркации³.

Глобализацию, являющуюся следствием общественного развития стран и народов в нынешнем мире, воздействием одних на другие, следует признать неизбежной. Вопрос только в том, какого свойства это воздействие — созидательного или разрушительного?

Из всех областей общественной жизни более всего отрицательным потенциалом заряжена глобализация информационного пространства, которое является по большей части формой трансляции деструктивных ценностей. Поэтому вместе с процессом глобализации нарастает тревога, высказываемая в основном научной общественностью, по поводу того, что глобализация принимает форму пропаганды западных, в большей степени американских ценностей, что приводит к нивелированию национально-специфических черт культур и в итоге к смешению культур. Справедливо утверждение и того, что социально-экономическая реформа, в которую вовлечен мир, «в большинстве случаев носит империалистический облик, проникнута духом национального превосходства, избранности, мессианизма»⁴.

Лингвистами выделена типология социальных личностей, которые сформировались в совокупном материале СМИ 1990-х годов. Это ««братан» (криминальная личность), «новый русский» (демонстрирующий свое богатство в суперлативе «самый крутой») и «телевизионный ведущий» (носитель голоса власти и вместе с тем эластичной морали)»⁵. Сожаление вызывает тот факт, что их образ, транслируемый визуально и через речь, входит в поле социального резонанса, захватывая самую широкую, самую восприимчивую телевизионную аудиторию. И это не может не представлять серьезной социальной опасности, так как затрагивает менталитет нации, шкалу ее духовных ценностей. Гипотеза Сепира—Уорфа (которой без малого 100 лет) гласит, что язык влияет на мышление. Против нее восставала почти вся советская лингвистическая общественность. Истекшее время, заполненное дискуссией, показало, что ее нельзя ни полностью признать, ни полностью отвергнуть. Однако наш современник О. А. Корнилов, автор книги о национальных языковых картинах мира, показывает, что утверждение американских антропологов подтверждается коммуникативным поведением наших соотечественников. Применив известную ди-

³ Пригожин И. Указ. соч.

⁴ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 121–122.

⁵ Верн Ж. Завещание чудака. М., 1992. С. 18.

лемму «что первично: курица или яйцо?» к двум ипостасям: к языковому сознанию, в котором запечатлены специфические черты национального характера и менталитета, и языку как его внешней форме, он заключает, что «“яйцо”, каковым был язык на этапе своего становления, превращается в “курицу” и начинает порождать собственные “яйца”, т. е. предлагать новым поколениям носителей языка уже сформированную и запечатленную в формах языка специфику национального мировосприятия и мирооценки в готовом виде»¹. Как часто мы слышим стереотип «бизнес есть бизнес», сказанный в попытке оправдать свое действие, рассматриваемое обществом как мошенничество! И в этом мы видим справедливость слов другого американского этнолога, который в речевых стереотипах видел «каналы для мысли»: «Хотя не каждый пожелает следовать во всем за Уорфом, тем не менее нельзя обойти тот факт, что язык создает как бы “каналы для мысли”, подобно тому как культурные модели создают нормы для более общих норм поведения»². Почему-то более ста лет назад во французском сознании, которое до нас донес великий провидец и писатель Жюль Верн, слово «бизнес» именно так и воспринималось — как синоним мошенничества: «Разве не все ему удавалось в этом мире? <...> покупая по низкой цене и продавая по высокой участки земли и помещая часть полученной прибыли в различные акции: железнодорожные, нефтяные, акции золотых приисков, Вильям Гиппербон разбогател в такой мере, что мог оставить после себя колоссальное состояние»³.

Противостоять деструктивному влиянию, приносимому глобализацией, может только концепция «диалога культур». Но даже и в ней есть дихотомия «минуса» и «плюса», о которых говорится в докладе А. С. Запесоцкого. Из двух подходов к проблеме диалога национальных культур: а) диалог сильного и слабого (англосаксонская цивилизация) и б) взаимодействие равных — положительно заряженным является второй. Первый приводит к конфликту цивилизаций, второй — к «декларации прав культур» Д. С. Лихачева, основанной на понимании культуры как единой системы человеческой деятельности, пронизанной нравственными принципами взаимодействия⁴.

Однако окончательный вывод о характере влияния глобализации на нравственность общества (положительном или отрицательном) можно сделать, очевидно, только на основании объективного исследования языковой продукции, так как только через нее можно постичь изменение ментальности.

В лингвистике разработана методология изучения внешних симптомов работы синергетических механизмов в количестве шести зависимостей. Напри-

мер, первая зависимость, описывающая интенсивный рост употребительности некоторых лексических единиц или грамматических форм при переходе языка из одного типологического состояния в другое (закон Пиотровских), или шестая: прямая зависимость между частотой словоформы и ее многозначностью, а также употребительностью в разных контекстах⁵. Владение вышеуказанной методикой и применение ее к лингвистическим крупным массивам позволяет проследить характер тенденции американизации нашего общества и получить ответ, затронута ли область национального сознания, наша идентичность, наши духовные ценности, без веры в которые невозможно сохранение базиса на национальном уровне.

Барометром состояния дел в обществе является образование. Перманентные эксперименты в системе образования подвергают ее в разнообразные флуктуации и бифуркации и не способствуют оформлению какой-либо из траекторий в траекторию устойчивости. Эффект синергии таков: на систему образования сильно (очень сильно) действует ее взаимодействие с внешней средой, конструируемой СМИ и государственными структурами, запущенными механизмом глобализации. Чтобы внутри этого хаоса возник новый системный порядок, необходимо вернуться к педагогическому учению К. Д. Ушинского, в центре которого находится учитель в качестве главной фигуры, а ученик озабочен воспитанием в себе гуманности, образованности, трудолюбия, религиозности, патриотизма. В статье «О необходимости сделать русские школы русскими» К. Д. Ушинский (вспомним, что он также работал в условиях глобализации — французского влияния) ставил вопрос перед современниками: «Хорошо ли мы сами ее знаем? (Россию. — Н. К.)» и высмеивал ситуацию, когда русский «оказывался в состоянии иностранца посреди Родины своей»⁶.

Для решения современных нравственных проблем, поднимаемых Лихачевскими чтениями, необходимо, чтобы «разработка системы национального воспитания всех народов страны и в первую очередь русского как государствообразующего была бы возведена в ранг государственной стратегии»⁷. В обсуждаемом ныне новом стандарте среднего образования единственно положительным моментом, на мой взгляд, является введение нового предмета «Россия в мире». Несмотря на сильную критику, которая приходится на долю этого предмета, он мне представляется совершенно понятным и необходимым. Он поможет сконцентрировать исторические, географические, социологические, культурно-эстетические знания в единую концептосферу школьника и сформировать понимание роли и веса в мире нового концепта под названием «Моя страна».

¹ Корнилов О. А. Указ. соч. С. 121–122.

² Найда Е. А. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II. С. 45–71.

³ Верн Ж. Указ. соч. С. 18.

⁴ Запесоцкий А. С. Проблематика диалога культур в научном и нравственном наследии академика Д. С. Лихачева // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения (13–14 мая 2010 г.). СПб., 2010. С. 76–77.

⁵ Пиотровский П. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб., 2006. (Филологические исследования). С. 14–15.

⁶ Ушинский К. Д. О необходимости сделать русские школы русскими // Вестник Герценовского ун-та. 2010. № 2 (76). С. 42–44.

⁷ Гончаров И. Ф. Облик русской национальной школы // Там же. С. 35.

Е. В. Коврикова¹

ПОТЕНЦИАЛ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА СТУДЕНТОВ ВУЗА

По мнению всего прогрессивного человечества, от позитивного взаимодействия мультикультурного мира зависит не только жизнеспособность современного постиндустриального общества, но и будущее нашей планеты, где почти не осталось моноэтнических или монокультурных государств. И хотя корни разнонаправленных национальных, религиозных и иных противостояний и конфликтов уходят глубоко в историю, политику и экономику мировой цивилизации, поиск позитивного социопространства неизбежно ведет к диалогу и сотрудничеству всех участников межкультурной коммуникации.

Справедливы слова седьмого Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, что «торжество культурного многообразия — это и основа для диалога... и реальность, которая диктует необходимость такого диалога»². Любая культура, какими бы богатствами она ни располагала, может эффективно функционировать только в процессе диалога с другими культурами «как с равноправными собеседниками и во времени, и в пространстве»³.

Анализируя феномен диалога культур и религий с философской точки зрения, ливанский ученый С. Н. Фарах обосновывает несколько основных принципов, создающих условия для его позитивного осуществления: познание самого себя; открытость партнеров на основе духовного сближения; «равенство точек силы и слабости»; уважение позиции другого; независимость во взглядах на те или иные культуры при наличии знаний об их особенностях; охват разных уровней и сфер проведения диалога; «диалектика подверженности воздействию и оказания воздействия в прошлом, настоящем и будущем», включающая способность и восприимчивость к критике и самосовершенствованию⁴.

Возможность развития межкультурного диалога и взаимодействия во многом принадлежит одному из мощных катализаторов мировой цивилизации — сфере образования. Для этого настоятельно требуется усиление его гуманитарной составляющей и гуманистической сущности (Д. С. Лихачев, Е. В. Бондаревская, А. С. Запесоцкий, Ю. В. Сенько и др.), когда приобщение человека к культурным ценностям становится всеобъемлющим явлением постижения разных концепций мировоззрения человека через миро-

вую художественную культуру, что создает предпосылки для сопереживания, взаимопонимания и эмпатии, образно-эмоционального контакта, «вовлекает в диалог культур»⁵. В связи с этим особую актуальность приобретает развитие *общекультурной компетентности* студентов — будущих учителей музыки как способности к решению типичных и нестандартных задач профессиональной (музыкально-творческой, педагогической и исследовательской) деятельности в условиях мультикультурной и поликонфессиональной социосреды, готовности к межкультурному диалогу, проявления толерантности и эмпатии.

Структуру общекультурной компетентности будущего учителя музыки мы представляем в виде трех компонентов: мотивационно-ценностного, интеллектуально-когнитивного и эмоционально-деятельностного.

Мотивационно-ценностный компонент включает: потребность в идентификации себя как представителя той или иной музыкальной культуры; способность понимания общезначимой и самобытной ценности разных культур, в том числе религиозных, отраженных в музыкальных произведениях разных композиторов, стилей и жанров.

Интеллектуально-когнитивный компонент предполагает освоение духовных музыкально-культурных традиций разных народов, отражающих их особенности, вероисповедание, обычаи; приобретения и развития общекультурных знаний через актуализацию музыкально-творческих знаний и умений в социокультурном контексте; целостного и объективного понимания особенностей межкультурного взаимодействия в области музыкального искусства, постоянного самообразования и расширения общекультурного кругозора, способствующего межкультурной коммуникации.

Эмоционально-деятельностный компонент включает развитие эмпатии, толерантности и навыков диалогового взаимодействия на основе коммуникативной составляющей музыки, ее глубоко эмоциональной и многофункциональной составляющей. Этот компонент содержит также способность к рефлексии как свободному поиску адекватного осмысления и оптимального разрешения нестандартных ситуаций музыкально-творческой и педагогической деятельности на основе соблюдения адекватных норм поведения в мультикультурной среде в целях позитивного диалога и сотрудничества с представителями разных культур.

Проведя исследование сущности духовных традиций музыкального искусства (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Л. С. Выготский, Г. У. фон Бальтазар, К. Сиспор, А. Н. Леонтьев, В. В. Медушевский,

⁵ Якадина Т. А. Поликультурное образование и воспитание современного учителя // Изв. Акад. пед. и соц. наук. М., 2005. С. 311.

¹ Доцент кафедры фортепиано Казанского федерального университета, лауреат международных и всероссийских конкурсов.

² Обращение экс-Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Кофи Аннана // Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения: моногр. / сост., автор предисл. С. Н. Фарах. М.; Бейрут; Н. Новгород, 2010. С. 10.

³ Нигматов З. Г. Гуманистические основы педагогики: учеб. пособие. М., 2004. С. 134.

⁴ Фарах С. Н. Диалог религий Запада и Востока: опыт христианства и ислама // Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. Ч. 8: Социокультурное будущее цивилизаций / ред. Ю. В. Яковец, Г. В. Осипов, Б. Н. Кузык. М., 2009. С. 275.

А. Н. Сохор, В. Н. Холопова и др.), мы считаем, что это интегральное понятие, отражающее как религиозный («отношения человека к Богу»), так и светский опыт надбытийного существования личности, ее духовных идеалов, устремлений и ценностных ориентиров, способы и пути приобщения к нему, сохранения и трансляции средствами музыки¹. Это то глубинное и сокровенное, что вольно или невольно заложено творцом, композитором, раскрыто и передано исполнителем и в итоге воспринято слушателем.

По мнению В. В. Медушевского, музыкальное искусство не просто сохраняет и распространяет знания человека о мире, воплощает идеалы, ориентирует в системе ценностей, доставляя эстетическое наслаждение, но и ведет за собой, стимулирует активность этого восприятия, сопереживания, мышления и коммуникативного общения. А. Н. Сохор, крупный исследователь социологии музыки, особо выделял в ней функцию социального общения — трансляцию во времени и пространстве эмоционального и духовного опыта человека, групп, организаций, что «способствует более тесному общению и сближению людей», когда музыкальное восприятие становится звеном общественно-музыкальной коммуникации². Композитор Александр Скрябин и суфист Хазрат Инайят Хан видели в музыке мощную силу, просветляющую и перерождающую все человечество, объединенные мечтой о вселенском братстве, о соединении культур Востока и Запада, А. Скрябин воплощал в жизнь «Мистерию», которая включала элементы культур всего мира, а И. Хан пытался воздвигнуть под Парижем «храм единства всех народов и религий»³.

Раскрытие общекультурного потенциала духовных традиций музыкального искусства (то есть средства развития общекультурной компетентности студента) может способствовать осознанию взаимодействия разных культур в процессе их возникновения и развития, а также восприятия и трансляции. Показательно, что в музыкально-теоретических исследованиях типов музыкального профессионализма Востока и Запада можно найти достаточно подтверждений их неразрывности и взаимозависимости, причем не только в аспекте восточного и западного мышления, а также светского и религиозного, народного и профессионального и т. д. К примеру, строжайший кодекс западных церковных песнопений VII века «Григорианский антифонарий» утрачивал строгий аскетизм благодаря проникновению поликультурных народно-бытовых традиций с певчими из народа, что в итоге стало мощным стимулом дальнейшего

развития западноевропейской профессиональной музыкальной культуры⁴.

Для полноценного выявления потенциала духовных традиций музыкального искусства в развитии у студентов навыков межкультурной коммуникации мы считаем необходимым ввести понятие *общекультурологической интерпретации*, которая способна открыть в произведении искусства глубинные общекультурные смыслы, оказывая влияние на самопозиционирование личности в обществе, на познание культуры как целостного явления. В период получения профессионального образования студент уже имеет определенные навыки культурологических межпредметных ассоциаций и взаимосвязей, общекультурный кругозор, основанный на знаниях гуманитарных и специальных дисциплин, появляется потребность в рассмотрении соотношения искусства и жизненных ситуаций, что актуализирует взаимодействие всех составляющих будущей музыкально-творческой, педагогической и исследовательской деятельности. Эта полифония специальных и социокультурных знаний, способности к анализу, обобщению и интуитивному поиску внутренних, личностных смыслов духовных традиций музыки становится предпосылкой их цельного общекультурологического осмысления как одного из способов развития навыков межкультурной коммуникации и диалога, проявления толерантности и эмпатии.

Наиболее полное представление о феномене толерантности, на наш взгляд, предлагают петербургские ученые Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев, А. С. Колесников и др. Они считают, что это целостное двуединство, суть которого заключается в снижении интолерантных и развитии толерантных факторов; сложное интегративное явление, включающее терпимость, доверие и свободу высказывания различных мнений и взглядов «при недопустимости позиции абсолютизации»⁵. Принцип толерантности в процессе развития общекультурной компетентности будущего учителя музыки помогает осуществлять его эмоциональную, психологическую, интеллектуальную и духовную консолидацию в межкультурной коммуникации, наряду с основополагающим принципом гуманизма. Эмпатия в данном случае выступает как способность и готовность сопереживать и сочувствовать, становится незаменимым компонентом позитивных коммуникативных отношений, ключевым фактором их успешного осуществления, способом познания человеческой индивидуальности и «психологическим фундаментом» адаптации личности в мультикультурном пространстве⁶.

⁴ Шахназарова Н. К. Музыка Востока и музыка Запада: типы музыкального профессионализма. М., 1983.

⁵ Зобов Р. А. Толерантность и перспективы развития общества // Толерантность и интолерантность в современном обществе: перспективы и реальность: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2009. С. 30.

⁶ Веденева Л. В., Притыченко И. В. Эмпатия как способ познания человеческой индивидуальности // Педагогика искусства: история, теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 апреля 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 13.

¹ Бердяев Н. А. Мир творчества. «Смысл творчества» и переживание творческого экстаза // Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 194.

² Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура. М., 1975. С. 137.

³ Москалев С. Для диалога религий нужен контакт от сердца к сердцу. URL: <http://forum.sufism.ru/index.php?PHPSESSID=2695d846a73c1290e6ead79663cd5beb&topic=5858.msg47581#msg47581> (дата обращения — 15.10.2009).

Таким образом, раскрытие потенциала духовных традиций музыкального искусства посредством общекультурологической интерпретации становится необходимым условием и гарантом развития навыков межкультурного диалога студентов, готовности к адекватной и позитивной

профессиональной деятельности будущего учителя музыки в условиях мультикультурного и поликонфессионального общества, способности диалогового взаимодействия и сотрудничества с представителями разных культур, религий и народов.

В. А. Колесников¹

ИННОВАЦИОННОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Д. С. Лихачев, как один из наиболее видных патриархов отечественной гуманитарной мысли, самое серьезное внимание уделял интегративному подходу к изучению социально-общественных, культурологических проблем, помогающих нам отвечать на вызовы времени. Набирающая силу современная тенденция интегративного осмысления процессов, явлений, разово проявляющихся импульсов в социальной действительности убедительно доказывает перспективность гуманитарного познания, берущего за основу динамизм, нелинейность развития, соответствующего постнеклассическому этапу становления науки. Рациональность и суперрациональность в понимании и объяснении научной картины мира уже плохо работает. Сегодня познавательная деятельность выходит на необходимость раскрытия внутреннего мира человека и его творческой личности, духовно-индивидуального начала.

В XXI веке человечество столкнулось с новой ситуацией в социокультурной реальности и необходимостью ее понимания. Новая реальность формируется развивающимися рыночными отношениями, частной собственностью, процессами демократизации и информатизации, деятельностью средств массовой информации, усиливающейся технологизацией и виртуализацией жизни, активным развитием социальных сетей, набирающим темпы научно-техническим прогрессом, глобализацией всех сфер социального бытия. По сути дела социокультурные реалии наших дней есть результат свершившихся информационной, этической, сексуальной, гендерной революций, погружения общества в маргинальное состояние. Это все то, что соответствует общецивилизационной тенденции современности — усилению массовой индивидуализации социума и одновременно деперсонализации,

эгоистичности человека, разъединению реального человеческого общения, разрушению социально-коллективистской выраженности человеческого сообщества и разъединению сообществ, культур, цивилизаций. Преодолеть это разъединение можно только посредством активного и заинтересованного диалога, сотрудничества.

Цивилизация наших дней противоречива. Она, с одной стороны, вбирает в себя традиции культурного наследия прошлого, с другой — содействует массовой индивидуализации социума. То есть она (цивилизация) противопоставляет себя культуре, так нужным для единения общества коллективистским началам в человеке. Социальность обеспечила становление в нас, людях, общественно-коллективистского начала, благодаря чему и состоялся человек. Однако в наши дни общественное начало все больше вытесняется и заменяется искусственной средой как в окружении человека, так и в нем самом. Микрочипирование, при котором информация «снимается», считывается с тела человека, есть ее (искусственной среды) высшее и далеко не последнее проявление. Так важная для нас социализация сегодня во многом подменяется содержанием искусственной среды в окружении человека.

Для современной науки возникает новое поле методологических проблем. Востребованной становится более глубокая аналитическая проработка методологии социокультурной реальности: на что опираться в нашей деятельности — только на естественно-научное познание и данную методологию или на гуманитарную методологию и познание в гуманитарном понимании? Человек получает информацию, определяющую его поведение, не только путем естественно-научного познания мира, основанного на логике, рациональности, законах, «среднестатистическом резюме» (А. И. Ракилов), но и на внелогических путях познания. Его мировоззрение должно быть целостным. Естественно-научная часть его — лишь часть целого, а другой полноценной частью мировоззрения является гуманитарное познание. В гуманитарном познании акцент смещается на единичное, индивидуальное, на субъект. Это есть то, что М. Вебер называл культурно-значимой индивидуальной действительностью. И прорываться к этой важной для нас действительности в современном социуме необходимо за счет преодоления искусственной среды в окружении человека, рабо-

¹ Директор Иркутского государственного педагогического колледжа № 1, доктор философских наук, заслуженный учитель РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. пяти монографий по проблемам философии образования и глобалистики: «Образование и личностное становление человека» и др.; статей: «Институт образования как новая форма развития общества в XXI веке», «Картина образовательной реальности: от концептуального видения к практике реального обновления», «От нового взгляда на образование — к инновационному развитию общества» и др. Член Президиума Российского философского общества, член Президиума Общероссийского движения «Образование для всех», член Президиума Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

тающей на его унификацию, усредненность, обезличенность. На наш взгляд, сегодня развивать человеческое в человеке мы успешно можем только в границах по-новому понимаемого личностного начала, личностного становления человека. Сделать это можно за счет иного понимания новой сути образования, точнее — понимания нового смысла и предназначения феномена образования в XXI веке как части культуры. За счет переосмысления устоявшегося и формирования новых категорий, понятий, интерпретаций, изменения взгляда на мир и человека в нем. Это подход, ранее не существовавший в практике культурной и научной деятельности, который позволит нам отвечать на вызовы современности. Все предыдущие подходы, которые ранее объясняли становление личностного начала в человеке, себя изживают. Личность в наши дни — это способность к творчеству как «основной драгоценности мозга человека» (Н. П. Бехтерева), самостоятельная реализация его жизненного выбора, критическое самоосмысление и самокорректировка последующих действий, самоизменения, способность к обретению себя самобытного в культуре и обществе, что возможно за счет выхода на духовный уровень бытия, осуществляемый каждым индивидуально.

Новизна постановки вопроса, на наш взгляд, заключается в том, что, осуществив жизненный выбор, соотносимый со становлением личностного начала, человек тем самым встал на путь постоянного последующего личностного самообразования. Специфика социокультурной реальности будет «подталкивать» человека к этому, ибо человек и окружающий мир в современных условиях, чтобы соответствовать друг другу, должны взаимопроникать, пронизываться благоприятными интенциями (внутренними установками). Только в условиях взаимной открытости и может вырисовываться предметно-духовное единство мира. Оно-то и выражает то содержание, которое необходимо нам в новых условиях культурно-образовательной реальности. Только через осознание необходимости своего творческого взаимодействия с миром в новых конструктивных проявлениях своей активности можно обеспечить развертывание своего личностного потенциала в течение всей жизни. Современные исследователи отмечают, что сегодняшняя социальная ситуация «поглощает» нас, подавляя становление личностного начала. Однако один из векторов нашего возможного движения вперед и преодоления, разрешения ситуации все-таки определен. Речь идет о понимании образования не как процессов обучения, воспитания, социализации (это все, на наш взгляд, предобразование), а как социального института, широкого социокультурного явления. Это значит, что вне данного института мы не в силах обрести единство индивида и коллектива, единство культур и их диалог в глобальном

мире, так как искусственная среда будет постоянно препятствовать становлению данного единства.

Только иной взгляд на содержание и ценность гуманитарного образования и осовременяемые культурные традиции позволят осуществить системный и качественный прорыв в таком нужном нам диалоге культур, диалоге различных моделей образования. Ибо только через диалог конкретных представителей той или иной культуры и будет приобретаться особый смысл таких действий, ведущих к поиску и обретению новых ценностей, которые смогут объединить народы. Более того, необходимо кардинальное изменение ценностных оснований человеческой деятельности в условиях расширяющегося диалога культур.

На наш взгляд, такой «мозаикой», совокупностью ценностей уже сегодня могут выступать как индивидуальные ценностные ориентиры (свобода личности, ее уникальность, неповторимость, социальная активность, духовное совершенствование, жизненная самостоятельность, ориентация на успех в сфере рынка труда, экологическая образованность, толерантность как выражение подлинно человеческих качеств — таких как дружба, человеколюбие, сострадание, соучастие, умение выслушивать собеседника, воспринимать и развивать социально значимые инновации), так и коллективные (следование общечеловеческим, базирующимся на гендерной основе традициям, коллективное преодоление негативных последствий научно-технического прогресса, связанных с усилением роли искусственной природы в жизни современного человечества, стремлением к соблюдению гармонии в отношениях между обществом и окружающей средой, общечеловеческая ценность коллективного выживания). Их диалектическое взаимодействие и создает «многоцветье» в понимании постоянно находящейся в движении социокультурной реальности. Складывается это «многоцветье» только посредством всеохватывающего социального института образования. «Вывод» образования на общество в целом обеспечит поддержание стабильности и равновесия в социокультурном организме, в развитии производства, совершенствовании профессиональной и социальной структур общества, социокультурных процессов в нем.

Одновременно культура, как центральная часть гуманитарной образованности человека в современных условиях, включаемая в интеллектуальный поиск новых ценностных ориентиров в эпоху трансформаций, будет во многом содействовать переосмыслению и осовремениванию традиций и укреплению в нас социальной памяти как фундамента для продолжения подлинно человеческой жизни. И решать эту проблему в наши дни можно посредством развития взаимодоверия, взаимоуважения культур, с опорой на инновации в гуманитарной сфере человеческой деятельности.

Н. С. Коноплев¹

МЕСТО ДИАЛОГА В ЛИЧНОСТНО РЕАЛИЗУЕМОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Образование, его личностно-андрагогическая завершенность. Образование — это всегда самообразование, и в выявляемом контексте оно непременно андрагогично (быть андрагогом, то есть педагогом по отношению к самому себе, — значит личностно совершенствоваться с момента проведения жизненного выбора вплоть до «предельного возраста»; такое совершенствование доступно лишь при «цивилизационном накате»), что соответствует «ветру перемен».

Современность стягивает воедино прошлое, настоящее и будущее: их синтез мы охватываем с позиций восходящей к Античности статической концепции времени (согласно ей прошлое, настоящее и будущее воплощают собою *одновременность* — переживаемое сознанием индивида совмещение трех временных срезов). Опирируя данной концепцией, мы подчеркиваем фиктивность, то есть «человеческую представленность», временного ряда по отношению к объективирующейся изменчивости (объективность времени стянута «личностной завербованностью»: время — переживаемая субъектом «текучесть», но субъект — частица объективной реальности, и наш прогон «временного сгустка» также «выслан» «прерогативами объекта»). Взвинчивающаяся виртуализация неповторимости «я» усиливает подтекст статической концепции времени и роль «лично-взвихренного» субъекта.

Никто не может избежать бифуркационных интенций, и мы не свободны от произвольного волеизъявления, так как между «я» и реальной действительностью пребывает глобально сконструированная искусственная среда. Я, покинутый на самого себя, стремлюсь к тому, чтобы плыть в русле природно-естественного коллективизма. Вместе с тем я как мое «я» глобально субъектен, и от моего «я» зависит среда обитания. Но коль скоро я — андрагог, в моем ведении — целенаправленное использование всеохватной динамо-неравновесности.

Горизонтально-вертикальная программа образования. Структурируя образование горизонтально-вертикальным подходом, мы приобретаем к горизонтали связанное с детско-подростковым возрастом диалогически целенаправленное обучающее воспитание. К горизонтали притянут феномен педагога — будь то семья или школьный учитель. Важно, что ребенок социализуется под диалогическим (диалог здесь занимает ведущее положение) присмотром внимательных, серьезных нянек, что позволяет малышу избегать примечательных результатов незадачливого опыта Маугли. Временные параметры горизонтали промерены прошлым, настоящим и будущим — пределами детства, отрочества, юности (возраст носителя верхнего предела — примерно

20 лет «жизненной стези», юность нами понята как «вернувшийся бумеранг»: оттого она засвечена будущим — составным элементом всепоглощающего «неземного озарения»).

Горизонталь связана с экстенсивным развертыванием предстоящей личности, когда на ее (горизонтально) пересечении с вертикалью молодой человек, диалогически взвешивая все «за» и «против», свершает жизненный выбор — индивидуализированной практикой претворяет «личный подспуд». Вертикаль ответственна за последствия жизненного выбора, осуществляемого взрослеющим человеком, благодаря чему усиливается его личностный статус. Это происходит под влиянием растущей творческой самодостаточности индивида, со знанием дела относящегося к внешнему окружению. Вертикаль вскрывает обустроенность личности «на всю оставшуюся жизнь». Много это или мало? Все зависит от того, как личность совместит прошлое, настоящее и будущее. Если такое — диалогически подстраховываемое — совмещение выдаст на-гора четко слаженную, непрерывную линию из указанных временных рядов, проживаемая личностью одновременность позволит ей, диалогически поддерживая постоянную связь с горизонталью, на лично «воспрявшем» уровне приподнять интересы социума до действительной человечности. Их возвеличение прочерчивает пик андрагогичности, являющий собой творчество, под влиянием которого происходит подлинное воссоединение людей, замещающее глобально-искусственную среду. Отмечаемое свойство — свойство андрагога-индивида как «совокупности всех общественных отношений» (К. Маркс). Основоположники научной философии рассматривали аутентичную человечность через снятие индивидом классового отчуждения (сегодня классовость переливается во внутренние покои «я» — нужно быть начеку).

Свобода человека начинается с его «природно-коллективистской приобщенности». Андрагогичность поддерживает в индивиде личностный темперамент, она помогает ему овладеть «сладостным напряжением», под влиянием которого переломными временами личность не утрачивает присущей ей (нерелигиозной) веры в ранее наработанные идеалы. Андрагог — образованный выразитель единства общественных устоев (обнимающих полем диалогических очертаний диалектическую соотношенность культурных традиций и «цивилизационного разбега»), совершенствующего их личностный приоритет (в данном случае это набор индивидуальных действий, направленных на ступеньевание «глобальных излишеств»). Представленное образованием «индивидуализированное превосходство» налагает на его хозяина торжественную обязанность — быть всегда в форме: образованный человек как духовно одаренный глубоко переживает связь с родной землей,

¹ Профессор Иркутского государственного университета, доктор философских наук.

содействует ее процветанию. Образованность неповторима, она, если можно так выразиться, эзотерична (но не в духе теософии) — любит скрываться. Но она зримо проявляется «по делам рук их» — тех, кто отдает себя служению высокому и прекрасному.

Вертикаль структуры образования выстраивается благодаря андрагогичности — важнейшему условию постоянного личностного совершенствования. Связь вертикали образования с горизонталью обеспечена также тем, что вертикаль своей андрагогичностью приурочивает стройно скроенную фигуру непростого обывателя, охватывающую горизонталь, к задействованию «телесной памяти». Задействование в данном случае заключается в том, что «память тела» позволяет индивиду ухватить то, от чего отстывает «память рассудка» (данная тематика изучается философией телесности — с привлечением методологии диалогического понимания М. М. Бахтина). Скажем, сильная боль в зрелом возрасте отсылает меня к той боли, которую я испытывал в младенчестве... И вот она — «исчезнувшая младость» — «восстала из пепла».

Выше мы свидетельствовали об одновременности прошлого, настоящего и будущего. Память тела ее укрепляет, и в этом мы также с очевидностью запечатлеваем «природно возделываемый компонент образованности». Это понятно: образование всегда связано с общественно насыщенным индивидом,

обеспечивая его цельность в «биопсихосоциальной разрешенности». Андрагог — носитель образования и человек, открывающий «личностные озарения» в образовании как самому себе, так и тем, кто рядом, — возвращает творческий коллективизм.

Диалогически апробированная связь культуры и цивилизации — шаг в направлении складывающегося института образования. Мы попытались «разложить по полочкам» новизну «засветившегося» образования, функционально — следовательно, диалогически — обнимающего «общественно присутствующий повседнев». Каждая из «полочек», накапливая «образовательные прецеденты», преодолевает (стремясь искоренить!) «завалы» глобализма. Расширяясь, углубляясь, возвышаясь и устремляясь к классово-социальной справедливости, образование — выше мы стремились подвести к этому выводу читателя — становится общественно организованным институтом: приближает немного растерявшееся человечество к завидным далям ноосферы. Ноосфера же как неспешно структурируемый образ жизни человечества набором «точно застолбленных попыток» ее адаптации к современным условиям и при опоре на совершенствующийся бытуклад (который наконец-то возвратит человеку его «трудовое благополучие»; ныне, как известно, оно мало занимает субъекта деятельности, став «достоянием» техники) возвращается диалогом культуры и цивилизации под социопатронатом вызревающего института образования.

**В. М. Кутузов¹,
О. Ю. Маркова²**

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА — ДИАЛОГ С МОЛОДЕЖЬЮ

Формирование корпоративной культуры университета является важной составной частью внутренней и внешней политики вуза. В эпоху глобализации открылся интересный парадокс: чем более универсальными становятся ценности, моральные нормы, коммуникативные практики, тем большую значимость для повседневной жизни людей приобретают факторы, определяющие их идентичность, индивидуальность, локальную общность. В этом смысле корпоративная культура университета оказывается важным ресурсом в обеспечении его репутации на рынке образовательных услуг и в интеграции субъектов образовательного процесса в дисциплинарном и коммуникативном пространстве.

Под корпоративной культурой университета здесь понимается система ценностей, ритуалов и атрибутов, упорядочивающих взаимоотношения трех основных

групп (администраторов, преподавателей, студентов), обеспечивающих их идентичность, как участников единого дискурса, формирующих чувство «мы».

Процесс формирования корпоративной культуры раскрывается как диалог социальных субъектов, различающихся по менталитету, степени укорененности в университете, коммуникативным практикам и отношению к университету. Деловую и межличностную коммуникацию в университете можно рассматривать как межкультурную, настолько различны цели, ценности и интересы участвующих в ней групп.

Важной и сложной составляющей процесса формирования корпоративной культуры университета является диалог со студенчеством.

Диалог с молодежью как стратегическая политика университета имеет глубокий социальный смысл. Именно в университетах, в том числе посредством формирования корпоративной культуры, у молодого поколения возникают мировоззрение сопричастности к организации, социальная ответственность, гражданское сознание, патриотизм и воспитываются соответствующие им поведенческие сценарии и коммуникативные практики.

¹ Ректор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор технических наук, профессор.

² Заведующая кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор философских наук, профессор.

Диалог с молодежью эффективен при условии дифференцированного подхода к группам студентов, учитывающего различие их ценностей и мотиваций. Отношение студентов к вузу является одним из способов их дифференциации. Выделяется несколько групп студентов:

1) студенты, которые рассматривают университет как дисциплинарное учебное пространство (школу);

2) студенты, которые рассматривают университет как временное место пребывания;

3) студенты, которые рассматривают университет как центр самореализации;

4) студенты, которые рассматривают университет как дом.

Студенты, которые рассматривают университет как дисциплинарное учебное пространство (школу). «Студенты-школьники» ждут от вузовской администрации и преподавателей четко сформулированных требований, жесткого контроля, опеки и внимания. Они ориентированы на регламентацию всех форм коммуникаций, на закрепление в социальном пространстве университета классической образовательной парадигмы «учитель—ученик».

Студенты, которые рассматривают университет как временное место пребывания. Это студенты, для которых процесс настоящего (учеба) и процесс будущего (работа) максимально дистанцированы друг от друга, в их менталитете временность пребывания в университете является абсолютной доминантой.

Студенты, которые рассматривают университет как центр профессиональной, социальной и личностной самореализации. Эти студенты способствуют поддержанию имиджа университета и его репутации.

Студенты, которые рассматривают университет как дом. Воспринимать университет как «дом» могут не все студенты, а только те, которые имеют дополнительные стимулы пребывания в нем, ощущают особую защищенность внутри университета, создают нечто, интегрируемое университетом. К ним относятся:

1. Дети университетских династий. Во многих университетах сложились династии преподавателей и сотрудников и, как следствие, семейная традиция обучать детей в том университете, где работают родители или родственники. (В данном случае мы говорим именно о культурной преемственности поколений, а не о способах «пристраивания» детей на бюджетное место.) Для них университет — дом, потому что в нем обитает (работает) семья, они чувствуют свою защищенность и понимают неразрывную связь семейного и университетского бытия.

2. Студенты, работающие в профкоме, клубе, газете и других университетских подразделениях, то

есть являющиеся не только студентами, но и членами внутренних организаций университета. В силу их задействованности в корпоративных ритуалах и спецмероприятиях они воспринимают и разделяют корпоративные ценности.

3. Студенты, работающие на кафедрах и в лабораториях. Аксиосфера данной группы является более сложной, поскольку включает в себя ценность кафедры и понимание ее места в университете; и ценность университета в целом, само Имя университета является для них символом успеха и интеграции профессионального сообщества.

4. Студенты — инициаторы специальных мероприятий, интегрированных в корпоративные ритуалы университета. В ряде вузов, как и в ЛЭТИ, существуют уникальные спецмероприятия, инициаторами и реальными организаторами которых являются студенты. Эта группа студентов, во-первых, включена в университетскую жизнь. Во-вторых, осознает себя не только частью университетского факультета, но и субъектом — создателем имиджа и репутации своего вуза.

5. Студенты, которые в силу индивидуальных особенностей жизни находятся под особой опекой в университете. Это сироты, больные молодые люди. Или, наоборот, спортсмены, артисты, социальные лидеры.

Именно студенты, воспринимающие университет как дом, являются посреднической группой в диалоге между вузовской администрацией, преподавателями и остальной студенческой массой. Главная педагогическая технология по отношению к ним — поддержание чувства причастности и ответственности. Осознание значимости своей роли в университетской жизни вызывает у данной группы потребность в разделении и трансляции корпоративных ценностей.

Корпоративная культура университетов остается недостаточно востребованным ресурсом. Во-первых, корпоративные ценности университета не обладают ярко выраженным содержанием. Во-вторых, в силу различия в интересах и мотивации деятельности основных субъектов образовательного процесса корпоративные ценности не выполняют полностью свою интегрирующую функцию. В-третьих, временность существования студенческой части коллектива затрудняет процесс его интеграции вокруг ценностей университета.

Таким образом, диалог с молодежью в процессе формирования корпоративной культуры университета требует применения сложных дифференцированных коммуникативных технологий, учитывающих диверсификацию мотиваций и ценностей студенческих групп.

С. С. Лебедева¹

ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Процессы глобализации предполагают взаимосвязь стран и культур, толерантность между социальными группами, взаимопонимание между поколениями. Дальнейшее развитие общества и человека актуализирует вопрос о социокультурной значимости образования на основе критериев человечности и нравственности.

Одна из острых проблем современности — проблема диалога между поколениями. Молодой человек, расширяя сферы взаимодействия, вступает в диалог со старшими поколениями, носителями духовной и материальной культуры, обогащает свой креативный, эмоциональный, волевой, действенно-практический ресурс и в дальнейшем по-новому оценивает свои возможности, перспективы, осуществляя собственную траекторию развития.

Диалог с молодым поколением был для Дмитрия Сергеевича Лихачева одним из важнейших вопросов, с которым он связывал развитие культуры, общества и отдельного человека. Выступая активным представителем российской культуры, науки, образования, Д. С. Лихачев видел их дальнейшее развитие в активной связи ученых, деятелей науки и культуры и молодого поколения, перед которым стоит выбор жизненного, профессионального, научного пути.

К сожалению, как нам кажется, инициативы Д. С. Лихачева в данном направлении, имевшие большой общественный и социокультурный резонанс, еще недостаточно изучены, и в силу этого нами представлены некоторые страницы прошлого. Хочется остановиться на интересном этапе педагогической деятельности Д. С. Лихачева в середине 1960-х годов, которую вполне справедливо можно было бы назвать «педагогическим ренессансом».

Д. С. Лихачев считал, что новое молодое поколение необходимо увлечь наукой, культурой по примеру крупных ученых, неистовых энтузиастов, творческих личностей. Он был одним из первых, кто предложил ввести молодых людей в творческую лабораторию ученых и использовать такую форму диалога поколений, как «школа юных филологов», которая начала действовать на Васильевском острове в школе № 27. Предварительно ученый неоднократно встречался с учителями литературы и русского языка, руководителями школ и общественности Василеостровского района, читал интереснейшие, глубокие по содержанию лекции о древнерусской истории и литературе, подробно рассказывая о деятельности Пушкинского Дома и его значимости

в развитии современного литературоведения и культуры в целом.

По инициативе Д. С. Лихачева в девятые филологические классы были отобраны учащиеся из школ района, интересующиеся литературой, и составлена целая программа дополнительного литературного образования. Директор школы № 27 Ардалион Александрович Мордвинов, в прошлом военный корреспондент, прошедший после войны лагерь, энергично принял за осуществление этой идеи. Помимо Д. С. Лихачева перед учащимися филологических классов выступали такие известные литературоведы, как Г. А. Бялый, В. Г. Базанов, Г. П. Макогоненко, а также начинающие молодые ученые, аспиранты из Пушкинского Дома.

Д. С. Лихачев считал, что нельзя ограничиваться чтением лекций, подготовкой учащимися докладов по вопросам изучаемых курсов, необходимо их привлекать к работе в библиотеках и архивах. Один из филологических классов проходил практику в архиве Пушкинского Дома. И эта практика привела к хорошим результатам: ученик 9-го «а» класса Володи Кибардин нашел неизвестный материал с автографом А. С. Пушкина. Д. С. Лихачев считал, что молодые люди смогут стать серьезными учеными, если с подростковых лет будут на содержательной, интересующей их основе вести диалог со своими наставниками.

Такая внутренняя позиция Д. С. Лихачева была сформирована им не без влияния личного опыта, атмосферы и системы обучения в гимназии К. И. Мая. Именно там, встретившись с прекрасными педагогами М. Г. Гороховым, Б. И. Умновым и другими, Дмитрий Сергеевич глубоко оценил воспитательный потенциал диалога младшего и старшего поколений.

Инициатива Д. С. Лихачева имела большой общественный резонанс и высоко ценилась учениками и педагогами. Более того, она поддерживалась властью. Наряду с созданием филологической школы № 27 стали возникать математическая (школа № 30), физическая (школа № 38), химическая (школа № 10), биологическая (школа № 32). Василеостровский райком партии и исполком поддерживали эту инициативу до начала 1970-х годов. В общественный совет по народному образованию при Василеостровском РОНО входили такие ученые, как ректор Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова А. Д. Александров, ректор Горного института Н. Г. Келль, директор Зоологического музея, представители Государственного оптического института, Академии тыла и транспорта и др.

Интересный опыт обучения в филологической школе зажигал энтузиазм не только учащихся, но также и их родителей. Юные филологи посеща-

¹ Профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, старший научный сотрудник. Автор научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная работа с пожилыми и инвалидами» (в соавт.), «Управление инновационным дошкольным образовательным учреждением в условиях социального партнерства» (в соавт.), «Образование инвалидов: практика и теоретико-прогностическая модель».

ли лекции на филологическом факультете ЛГУ, вместе с ними слушать Г. А. Бялого, Е. Г. Эткинда, М. Л. Тронскую и других приходили их родители: профессор Академии тыла и транспорта, преподаватель Военно-морского училища им. Фрунзе, мамы — картограф, библиотекарь, научный сотрудник — географ. Посещали филологические лекции в ЛГУ и учителя школы: математики, биологии, и классные руководители. Даже в школьной стенной печати юные филологи обсуждали интересные литературоведческие проблемы.

Аналогичный диалог поколений шел и на базах школ юных физиков, математиков, биологов. Посещались физические и химические лаборатории, фонды Зоологического музея, изучались материалы геологического музея и другие научные и культурные центры города. Опыт работы школ для юных будущих специалистов был обобщен Ленинградским институтом усовершенствования учителей.

Из учащихся филологических классов некоторые продолжили и развили свой интерес к литературе: работает научным сотрудником музея А. С. Пушкина на Мойке, 12 Ирина Петровна Горелик, ведет большую общественную работу по сохранению и восстановлению музеев-усадб в Ленинградской области специалист по социальной работе и публицист Наталия Андреевна Жданович, внучка известного литературоведа В. Е. Евгеньева-Максимова. При ее беспримерном энтузиазме воссозданы некоторые культурно-исторические и литературные памятники в Гатчинском районе Ленинградской области.

Диалог поколений продолжается...

Сейчас, анализируя прошлое, связанное с неутомимой деятельностью наших выдающихся ученых, среди которых одно из первых мест необходимо по праву отдать Д. С. Лихачеву, можно быть уверенным, что у диалога поколений есть будущее, если его участники опираются на лучшие традиции еще недавней отечественной истории родного города.

**В. Н. Максимова¹,
Н. М. Полетаева²**

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Процессы глобализации в сфере образования бросают вызов профессиональным качествам современного педагога, его способности к постоянной инновационной деятельности. В ходе реформирования отечественной системы образования в русле глобализации и интеграции в мировое образовательное пространство в профессиональном сознании и деятельности педагога сталкиваются противоположные тенденции: с одной стороны, необходимость в соответствии с новыми государственными стандартами образования (среднего общего и высшего профессионального) осваивать и реализовать на практике западные образцы и модели обучения, которые далеко не всегда обеспечивают рост качества образования, востребованный задачами инновационного развития России, с другой — стремление сохранить апробированные и дающие высокие результаты подходы к содержанию и организации обучения. Столкновение данных тенденций — процесс объективный, однако порождающий борьбу мотивов профессиональной деятельности педагога, снижающий

субъективную мотивацию его активности. Нововведения в сфере образования «сверху» происходят так часто и так кардинально, что полностью разрушают сложившийся «снизу» педагогический опыт, обеспечивавший стабильно высокие результаты работы. Одновременно разрушается педагогическая наука, имеющая практическую ориентацию на определенную модель организации образовательных систем. Учитель школы и преподаватель вуза лишаются научно-теоретического и учебно-методического обеспечения профессиональной деятельности как условий качества образования.

Поэтому любое нововведение в данной сфере сопровождается большим риском снижения качества результатов образования. Любое нововведение требует от педагога увеличения трудоемкости работы, затрат на овладение нововведением на практике, что не сопровождается адекватным ростом оплаты труда; в связи с этим снижается мотивация инновационной деятельности, повышаются пассивность и инертность в работе, что неизбежно ведет к снижению качества результатов образования. Одновременно падает авторитет педагога в глазах обучающихся и их родителей, а значит — и его влияние на обучение и воспитание. В этой непростой ситуации встает вопрос о профессиональных качествах, которые помогут педагогу сохранить личностный авторитет и социальный статус в современном обществе глобальных перемен и тем самым позитивно повлиять на качество российского образования, на его конкурентоспособность на мировом рынке образовательных услуг и на рынке труда.

¹ Заведующая кафедрой теории и методики непрерывного образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Акмеологический подход к педагогике», «Акмеология: новое качество образования», «Межпредметные связи в учебно-воспитательном процессе», «Система педагогических целей и задач как средство руководства учебно-воспитательным процессом в профтехучилище» и др.

² Заведующая кафедрой педагогики и педагогических технологий Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, профессор.

Исследования, проведенные под руководством авторов статьи, позволяют утверждать, что универсальным критерием качества современного педагога правомерно рассматривать его профессиональную зрелость¹. Профессиональная зрелость педагога — это высший уровень профессионализма, включающий совокупность личностно-профессиональных качеств, знаний и умений, гарантирующих стабильно высокое качество и результативность его деятельности в настоящем и будущем². Можно сказать, что такая зрелость является интегративным показателем развития педагога как профессионала, его самоопределения в системе ценностных ориентаций в социальном, правовом, политическом, историческом и профессиональном пространстве³.

Структура профессиональной зрелости, включая внутренние и внешние компоненты, отражает сложность и иерархичность этого системного качества личности педагога. Внутренние ее компоненты представляют собой интегральные качества, отражающие гармоничность личностного и профессионального развития: готовность к непрерывному личностно-профессиональному саморазвитию и самообразованию; готовность к профессиональной и личностной творческой самореализации; готовность к творческой и исследовательской деятельности; к инновационной педагогической деятельности. Все виды готовности включают в себя когнитивно-инновационный, ценностно-мотивационный и деятельностно-технологический компоненты. На пересечении этих компонентов формируются личностно-профессиональные новообразования, обеспечивающие способность педагога к продуктивному решению инновационных профессиональных задач в новом социокультурном пространстве образовательной деятельности, формируемом интеграционными процессами. К новообразованиям относятся: аутопсихологическая компетентность, инновационная психолого-педагогическая компетентность, способность к саморегуляции, способность к самоорганизации, акмеологическая позиция личности, — которые неразрывно связаны с духовно-нравственным развитием, с приобщением к высшим гуманистическим ценностям.

Внешние компоненты профессиональной зрелости педагога выражены в результативности инновационной профессиональной деятельности, в высоком качестве образования и в авторитете.

Проведенные исследования показали зависимость: чем выше уровень профессиональной зрелости педагога, тем выше его авторитет⁴. У студентов вузов наблюдаются внешние признаки проявления уважения к педагогу как показатели его личностного авторитета: высокая посещаемость занятий, актив-

ность в изучении и обсуждении учебного материала, интерес к научным исследованиям преподавателя, стремление посоветоваться и пообщаться с ним. Авторитет педагога составляет важнейшее психолого-педагогическое условие повышения качества образования как в вузе, так и в школе.

Инновационная психолого-педагогическая компетентность — это постоянно возобновляемая в процессе непрерывного профессионального образования компетентность педагога. По данным статистики, ежегодно обновляется 5 % теоретических и 20 % профессиональных знаний. В США установлена единица измерения устаревания знаний выпускников вузов — «период полураспада компетентности», когда в результате появления новой научно-прикладной информации или реформирования моделей деятельности компетентность специалистов снижается на 50 %. В течение последнего десятилетия этот период быстро сокращается⁵. Выпускникам вузов 2011 года, которые придут работать учителями начальной школы, по существу надо будет сразу повышать свою профессиональную квалификацию в области освоения новых образовательных стандартов, вводимых в новом учебном году.

Компетентность является наиболее вариативным компонентом профессиональной зрелости педагога, особенно в условиях глобализации и реформирования образования. Достижение высокого уровня профессионализма обеспечивается прежде всего инвариантными акмеологическими качествами педагога как субъекта профессиональной деятельности и субъекта жизнедеятельности в целом. Профессиональная зрелость представляет собой универсальную ценность педагогической культуры, рассматриваемой в контексте диалога культур, и универсальный критерий качества работы современного педагога.

Профессиональная зрелость исследуется как акмеологическое понятие, отражающее высший уровень (акме-форму) развития профессионализма, который предполагает высокую мотивацию достижений и профессиональное творчество, стремление внести в профессиональный труд что-то новое, оригинальное, свое (А. А. Деркач, Ю. Г. Кузнецов, Н. В. Кузьмина, В. Д. Семенов, И. А. Сиялова и др.). Мотивация творческой деятельности педагога, его способность соединять инновации и традиции в новые оптимальные модели обучения определяются прежде всего системой внутренних ценностных ориентаций личности.

С позиций акмеологии профессиональной деятельности выделяется система акмеологических ценностей, отражающих высшие формы и уровни целостного развития человека, его жизненных ресурсов, творческого потенциала самореализации: саморазвитие, творчество, профессионализм, индивидуальность, духовность, одаренность, зрелость, здоровье. Названные ценности позволяют строить профессиональную стратегию с позиций

¹ Максимова В. Н. Акмеологический подход в педагогике: моногр. СПб., 2007. С. 126.

² Проблемы становления профессиональной зрелости педагога в условиях непрерывного образования: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Максимовой. СПб., 2010. Вып. 2. С. 5.

³ Современный образовательный менеджмент: учеб. пособие / В. Н. Максимова [и др.]. СПб., 2010. С. 129.

⁴ Проблемы становления профессиональной зрелости педагога в условиях непрерывного образования. С. 32.

⁵ Психолого-акмеологические обоснования саморазвития личности в системе непрерывного образования: сб. науч. тр. М., 2002. С. 11.

нового смыслового подхода, связанного с самоосуществлением, с самореализацией человеческого предназначения, «привлекая и эксплуатируя ресурсы сознательной саморегуляции» (Е. В. Селезнева).

Ценности — «это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм»¹ и регуляторов поведения и деятельности человека. Н. И. Лапин к универсальным ценностям относит культурно-инвариантные базовые ценности, а в минимальной модели базовых ценностей населения России выделяет традиционные, универсаль-

ные и посттрадиционные терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) базовые ценности.

В условиях глобализации образования и диалога культур в структуре профессиональной педагогической культуры осуществляется развитие инвариантных, универсальных ценностей. К таким ценностям мы относим профессиональную зрелость педагога, связанную с инициативностью современного человека как инструментальной посттрадиционной базовой ценностью, актуальной для инновационного развития всего человеческого общества.

И. А. Максимцев²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО БАЗИСА ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Переход к инновационной и при этом социально ориентированной экономике невозможен без пересмотра идеологического базиса существующей экономической парадигмы. В условиях глобальной экономики формирование идеологического базиса предполагает определение универсальных, то есть общих для глобального сообщества, духовно-нравственных основ хозяйствования. Мы понимаем, что выявление единых ценностей и интересов возможно только в результате плодотворного диалога основных современных цивилизаций и культур: западно-христианской, православной, конфуцианской, индуистской и исламской.

Только при условии гармоничного сочетания концепции экономического роста и принципов социальной справедливости можно заложить основы стабильного развития мировой экономики. Потенциально возможная новая модель мирового развития должна быть основана на принципах справедливости, эффективности и общественной солидарности. В этой ситуации Россия с ее многовековой культурой, основанной на ценностях соборности, самоограничения, умеренности, жертвенности и па-

триотизма, может и должна подать пример проведения взвешенного и ответственного курса на модернизацию своей экономики и социальной системы с опорой на традиционные идеалы народа.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию было отмечено, что наши ценности — справедливость, свобода, патриотизм — формируют наше представление о будущем. Без преувеличения, ключевая роль в процессе создания достойных условий жизни нашего народа отводится стратегии развития России на период до 2020 года.

Можно выделить три основные группы условий/ценностей для перехода к подлинно инновационной модели экономики. Причем они универсальны по своей сущности и созвучны этическим нормам всего мирового сообщества.

Первое и важнейшее условие перехода к инновационному сценарию развития — это *возрождение трудовой этики, уважения к человеческому труду*. Возрождение духовно-нравственных основ хозяйствования напрямую связано с формированием профессиональной культуры, трудовых и предпринимательских ценностей, что позволит повысить роль «человеческого капитала» как основного фактора экономического развития. Насаждаемые в нашем обществе коммерциализация ценностей, потребительская психология, размывание понятия справедливости в общественных отношениях — все это напрямую ведет к нивелированию общественной ценности труда и грозит деградацией производительных сил и социальной структуры общества.

Радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда, должно сопровождаться ответственной социальной политикой, направленной на поддержку всех граждан России, в первую очередь основных производителей — тружеников промышленности и сельского хозяйства, работников «некоммерческих» секторов экономики (оборона, медицина, образование, наука и культура), от состояния которых напрямую зависит духовное и материальное благополучие каждого. Следует также оказывать особую поддерж-

¹ Лапин Н. И. Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб., 2010. С. 105.

² Ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. книг: «Состояние и перспективы интеграции России в Балтийском регионе в свете расширения ЕС», «Промышленность России и проблемы глобализации», «Управление качеством образования в высшей школе», «Развитие торгового-экономического сотрудничества России и стран Евросоюза в условиях глобализации: проблемы и перспективы» и др. Ряд работ опубликован за рубежом. Председатель редколлегии журнала «Известия Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов». Заместитель председателя Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, заместитель председателя Экспертного совета по экономике Высшей аттестационной комиссии, член Экспертного совета по законодательному обеспечению образования при Комитете Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области образования.

ку людям, не способным в силу старости или недугов обеспечить себе достойную жизнь.

Реализация инновационного сценария развития позволит добиться кардинального повышения производительности труда лишь при условии создания дополнительной, мобилизующей мотивации к производительному и качественному труду. Необходимо создать ясный и разделяемый обществом критерий определения справедливой оплаты труда, позволяющей честному работнику жить достойно и обеспечивать необходимые потребности своей семьи. В этом смысле рост занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни и сохранения российского народа, его культуры и традиций.

Наряду со справедливой оценкой вложенного труда не менее важным является и справедливое распределение произведенного национального дохода. Необходимо вернуться к пониманию того, что в индивидуальном успехе каждого человека всегда присутствует и общественная доля. Весьма опасно абсолютно неприемлемое различие в доходах между богатыми и бедными, сложившееся в нашей стране. Важной мерой в решении этой проблемы является внедрение таких стандартов общественного поведения, при которых наиболее богатые и успешные готовы добровольно разделять преимущества своего положения в обществе с малообеспеченными и социально незащищенными людьми.

Другое, не менее значимое условие перехода к инновационной экономике — это готовность разбудить творческую активность народа, создать для подавляющей части общества равные возможности для развития, в том числе в области предпринимательства. Главную роль в этом процессе призван сыграть малый и средний бизнес, прежде всего в производственной сфере и области научного творчества. Именно такому малому и среднему бизнесу государство должно создать условия для развития.

Наличие справедливой конкуренции — второе важнейшее условие инновационного прорыва. Конкуренция — один из двигателей экономики. Монополизм равнозначен консервации и отсталости. Результаты добросовестной конкуренции служат интересам общества; она ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения. Честная конкуренция подразумевает выгоду для всего общества в целом и социальную ответственность за результаты экономической деятельности.

Сегодня на российское предпринимательство возложена огромная социальная миссия в реализации Стратегии—2020. Однако бездуховность, размытость нравственных критериев в социально-экономической деятельности мешают этому, проявляясь в том числе в коррупции и монополизации рынка. Вне всякого сомнения, малый и средний бизнес может взять на себя выполнение одной из социальных функций государства — обеспечение максимальной занятости населения. Но для этого

должны быть уничтожены все имеющиеся барьеры чиновничьего произвола и реализованы меры полновесной государственной поддержки этого сегмента экономики. Исключительно или преимущественно технократические меры повышения интереса к труду и предпринимательству едва ли способны принести ожидаемый опережающий эффект. Дополнительные мобилизующие мотивации не могут быть созданы без учета особенностей укорененного в национальном характере понимания норм справедливости и нравственности. Монополизм аморален. С этической точки зрения собственник должен быть не фиктивным, а эффективным — организатором производства, хозяйственником, чего просто невозможно представить без здоровой рыночной конкуренции. Поэтому сейчас как никогда важно гарантировать ответственное управление государственными активами, обеспечить доступность кредитов малому и среднему бизнесу, создать возможность для участия работников в управлении предприятиями.

Без полноценной конкурентной среды, без массовой народной поддержки позитивному развитию экономики будет положен логичный предел. Для того чтобы избежать подобного сценария, важно разбудить творческую инициативу народа, создать равные возможности для свободной реализации экономических инициатив граждан.

Третье ключевое нравственное условие в реализации инновационной модели развития — *солидарность поколений и различных социальных групп в нашей стране, основанная на принципах социальной справедливости*. Такая солидарность предполагает воспитание чувства нравственной гражданской ответственности, преодоление отчужденности человека труда от распределения его плодов, от власти и других сфер общественной жизни, в которых происходит формирование и развитие свободной и творческой личности. Здоровая культура солидарности является необходимым условием процветания свободного, социального и правового государства.

Солидарность и взаимопомощь — важнейшие христианские традиции, укорененные в российском обществе, которые всегда рассматривались в качестве необходимых условий его существования и развития. Крайне важно осознать, что превратно понимаемая нашими современниками «протестантская этика капитализма» не может служить заменой вековым православным традициям успешного ведения хозяйства, примером чего стали выдающиеся русские предприниматели начала прошлого столетия.

Техническое перевооружение производства в рамках инновационной модели должно сочетаться с возрождением проверенных временем российских трудовых традиций, в том числе коллективизма, несколько не наносящего ущерб частной инициативе. Менталитет работника, не радеющего о результатах своего труда, ориентированного исключительно на зарабатывание «денег ради денег», равно как и дельца-спекулянта, должен уйти в прошлое. В про-

тивном случае «человеческий фактор» не позволит решить главную задачу кардинального повышения эффективности и социальной ориентированности российской экономики.

Безусловно, важна роль высшего образования — в развитии диалога культур и тем самым в формировании духовно-ценностных основ инновационной экономики. Экономика — это гуманитарная социальная наука. Она по своей сути нормативна, то есть предписывает, что «нужно сделать», чтобы общество стало жить лучше. Экономика тесно связана с политикой, она выполняет конкретный общественный заказ. В связи с этим гуманистический аспект очень важен в экономическом образовании. Установка высшего экономического образования исключительно на выработку профессиональных качеств у студентов без ориентации на развитие человека как личности, на формирование его духовных и нравственных ценностей привели к кризисным явлениям не только в экономике, но и в образовании.

Сложившееся положение требует коренного изменения образования. Встает необходимость его ориентации не только на высокие технологии, инновационные процессы, но также на систему ценностей, способную обеспечить духовное возрождение современного общества.

В процессе образования *необходимо не столько соединение теоретических знаний с существующими у студентов ценностными ориентирами, сколько непосредственное формирование самих ценностных ориентиров*. Целью образования должно являться не простое заполнение памяти человека информацией, которая будто бы может пригодиться ему во всех случаях жизни, а расширение его сознания. Сознание выступает как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя. Уровень сознания определяет состояние духовности и нравственности человека. Изменение сознания, его развитие — одна из задач процесса образования.

В нашем университете мы пытаемся системно подходить к задаче духовно-нравственного просвещения студентов. В учебном плане заняли свое место курсы, объектом исследования которых являются этические аспекты в экономике: этика бизнеса и предпринимательства, креативный маркетинг, нравственное лидерство, креативная экономика, исторические, религиозные особенности российского предпринимательства и т. п. Однако мы понимаем: введение точечных специализированных дисциплин не может решить столь сложную комплексную задачу. Необходимо применение духовно-нравственного подхода в преподавании всех экономических дисциплин.

Вернемся к вопросу о необходимости создания новой экономической парадигмы и ее идеологического базиса. Традиционные рыночные критерии экономической эффективности, такие как максимум прибыли, максимум объема производства, максимум удовлетворения потребностей и так далее, должны рассматриваться с оговоркой об их «стерильности» для условий реальной жизни. Безусловно, их необходимо знать, понимать логику экономического механизма, однако при этом должно прийти осознание того, что подлинный экономический рост должен быть регулируемым (иногда сознательно ограничен) и сбалансированным. Нужно думать о будущих поколениях. Реализация идеи устойчивого экономического развития невозможна без духовно-нравственного осознания действительности.

Европейское экономическое образование (как показывает опыт многолетнего сотрудничества с вузами Франции, Германии, Италии, Финляндии и многими другими) уже давно подвергает жесткой критике доминирующую в современном мире неоклассическую экономическую школу с ее рыночными ценностями и нормами поведения. Неоклассиков, безусловно, изучают, но при этом говорят об их несостоятельности в решении таких современных проблем, как безработица, экономическая нестабильность, долгосрочный экономический рост. Такие базовые постулаты неоклассической модели, как совершенная конкуренция, абсолютная информация и рациональность рыночных агентов, изначально идеалистичны и оторваны от реальности, поэтому институциональный подход давно признается нашими европейскими коллегами более обоснованным в решении современных экономических проблем.

Также для нас является очень важной задача по формированию способа мышления наших студентов, который, безусловно, определяет их духовно-нравственное развитие. С нашей точки зрения, *важно не просто научить студента мыслить, то есть научить его процессу опознавания и осознания существующей действительности, а развить у него самостоятельное, творческое мышление*.

Таким образом, высшее профессиональное образование, являясь важнейшим социально-государственным институтом, должно не только обеспечить подготовку высокопрофессиональных специалистов, но и сформировать у студентов умение целостного восприятия окружающего мира, процесса и результата деятельности через призму духовных и нравственных ценностей, обеспечивающих социальную направленность развития современного общества.

В. А. Мосолов¹

О РАЗНООБРАЗИИ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕМЫ «ОБРАЗОВАНИЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР»

Данная тема научного обсуждения имеет, на мой взгляд, два крупных направления. Одно охватывает вопросы вклада образования в дело укрепления добрых отношений между народами, в единение поликультурного общества на гуманистических и демократических началах. Совершенно ясно, что этот вклад неодинаков в различные исторические эпохи и в разных странах, подобно тому как исторически неодинакова роль образования в социально-экономическом развитии государств.

Другое направление охватывает проблематику диалога культур в самом образовании как социальном институте. Я в своих заметках остановлюсь на этом направлении и выделю в нем четыре узла проблем. Первый — это вопросы делового взаимодействия культур в масштабе «преподаватель—студенты» («учитель—школьники», «воспитатель—воспитанники»). Второй выражен в проблематике культуры саморефлексии преподавателя и обучающихся. Третий предстает как совокупность вопросов и тенденций, связанных с диалоговым потенциалом национальных систем образования, взаимно интересующихся друг другом и стремящихся к обмену идеями и опытом организации образования. Четвертый узел проблем касается преемственности в развитии образования, вопросов оценки и учета традиций в какой бы то ни было инновационной системе образования. В каждом из этих узлов проблем есть какие-то определяющие парадигмальные вопросы.

Так, представляется, что наиважнейший вопрос во взаимодействии преподавателя и обучающихся — это вопрос о взаимопонимании и взаимоприятии личностей тех и других. Это тем более важно именно в наше время, когда культура старшего поколения и культура молодых стали существенно расходиться в разные стороны. Современные дети нередко ставят как отцов, так и особенно дедов просто в тупик, ввергают в состояние своеобразного мировоззренческого шока, ибо молодежная субкультура на рубеже XX—XXI веков стала неимоверно динамичной в своем развитии и социокультурном статусе. В целом молодежь, несомненно, прекрасна и надежна, но она во многом уж слишком необычна и, можно сказать, впервые в мировой истории порождает в своей среде типы, метафорически метко и емко названные в народе «отморозками». «Отмороженность» — одно из знаковых негативных явлений в наше время.

¹ Профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки истории образования и педагогической мысли», «Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее: Опыт историко-педагогического исследования русской духовности», «Педагогика в социо-космо-историческом измерении. Проблемы воспитания», «Концепция воспитания обучающихся в учреждениях профессионального образования» и др.

Усложняющаяся культура отношений между поколениями существенно актуализирует и делает остро востребованной рефлексивную культуру учителя и учеников, вузовского преподавателя и студентов. Педагогическая рефлексия ценна сама по себе, важна как компонент педагогической культуры, но становится чрезвычайно актуальной именно в связи с необходимостью и целесообразностью неуклонного возвращения преподавателем в себе потенциала понимания «другой» культуры — культуры обучающихся. Бесплезно, а то и вредно повышение квалификации педагога без устремленности к этому возвращению. Вместе с тем необходимо делать все возможное, чтобы носители этой «другой» культуры, то есть обучающиеся, имели «царя в голове», были в меру самокритичны, умели прислушиваться к «тихому голосу совести» (И. А. Ильин, Э. Фромм), а не к визгливым требованиям негативных и опасных страстей. В ряде психолого-педагогических трудов единодушно отмечается низкая планка культуры самовоспитания современного молодого россиянина. Но если нет высокой культуры внутреннего диалога, то не может быть духовно глубокой культуры отношений между людьми, отношений к природе, к жизни и смерти. Как говорится в разнообразной старинной философско-педагогической литературе, от человеческого «единожития» зависит человеческое «общезитие». Эту мысль можно найти в трудах Иоанна Златоуста, Сергия Радонежского, Нила Сорского, Л. Н. Толстого, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского и др.

«Общезитие» — это и человечество в целом, с его необозримым культурным разнообразием, с его противоположностями, различиями и сходством. В этом разнообразии свое место занимает и образование.

В третьем из четырех указанных выше аспектов проблемы диалога культур в образовании отчетливо видна историческая противоречивая тенденция заимствования опыта и теоретических идей в области образования и нешуточной борьбы за национальную самодостаточность, независимость в данной сфере общественной жизни. История образования и педагогической мысли свидетельствует, что никогда ни одна страна, ни одно государство не обходились без заимствования идей и практики воспитания и обучения, организации дела образования.

Проблема заключалась и заключается в мере заимствования. По данному поводу как раз и ведутся ожесточенные споры. В этом состоит тонкость и мудрость образовательной национальной стратегии. Из-за меры ориентации на европейскую образованность и культуру вели свои горячие споры славянофилы и западники. Этот вопрос о мере «стал ребром» перед организаторами советского образования после 1917 года. В течение 70 лет вроде бы опре-

делилась своя, именно советская, социалистическая педагогика, учившая тому, как осуществлять коммунистическое воспитание, формировать «нового человека». Однако самобытность советского образования отнюдь не была абсолютной и тоже предполагала определенную меру заимствования. Сам марксизм был заимствованием. Другое дело, *сколько, как и что* мы заимствовали. К тому же новый отечественный опыт воспитания и образования вызывал жгучий, неподдельный и нередко доброжелательный интерес теоретиков и практиков образования всего мира. Особенным предметом этого интереса был (и остался!) теоретический и практический опыт А. С. Макаренко.

Но вот собственно советское образование, вернее, его идеология, рухнуло в начале 1990-х годов. Педагогика перестала называться советской, а приоритет классовых ценностей был заменен приоритетом общечеловеческих ценностей. Значение диалога культур в образовании резко возросло, причем не только для российского образования. И вновь обострился вопрос о мере заимствования иностранного опыта. Со стороны российского образования эта мера в настоящий момент должна быть, пожалуй, весьма большой, хотя вряд ли можно выразить ее в точных математических показателях. Во всяком случае, уже одно внедрение ЕГЭ подтверждает линию на реальное вхождение в мировое образовательное пространство. По нашему убеждению, ЕГЭ, как и вообще тестирование знаний, является средством приучения учащейся молодежи к внутреннему диалогу, к молчаливому сосредоточенному, аргументированному выбору того или иного ответа. Конечно, бывает, что кто-то из обучающихся применяет «метод тыка», но в принципе речь идет о внутренней диалоговой культуре самопроверки компетентности.

При глобализации диалог культур посредством образования значительно усиливает роль основательных знаний иностранных языков. Без таких знаний не может быть настоящего диалога на уровне широких масс, а не элиты. Элитарная языковая образованность для России — это уже исторически пройденный этап. С точки зрения гуманности и демократии это было не лучшее время, но теперь-то, теперь-то совсем нехорошо, когда люди посылают друг другу «эсэмэски», но не знают точно этимологию данного слова, ставшего «русским».

Относительно четвертого узла проблем диалога культур в образовании подчеркнем, что российское образование последние сто лет преследует длинная череда категорических отречений от прошлого, переоценок исторических событий, фактов вклада выдающихся деятелей и т. д. Старшее поколение за свою жизнь побуждалось к многократному измене-

нию или существенной корректировке его мировоззрения. По сути, не было истинного диалога с прошлым, ибо живые и процветающие нередко крайне субъективистски, предвзято и конъюнктурно пересматривали дела ушедших на тот свет. Несомненно, в этих пересмотрах имели место и позитивные моменты, говорили правда и справедливость, но ведь проглядывала и ложь, то есть та ложка дегтя, которая вполне могла испортить вкус бочки меда.

Такое отношение к диалогу с прошлым не может остаться незамеченным. Один из его плодов — цинизм, апатия к выяснению истины. Более того, ущербный диалог с прошлым так или иначе скажется на диалоге с будущим, на приятии людьми «планов громадьа».

Проблематика, объемлемая темой «образование и диалог культур», разумеется, очень широкая. Но образование может способствовать диалогу культур, представляющих сегодня во всей палитре своих красок как в масштабе страны, так и в масштабе ныне живущего человечества, только в том случае, если само образование диалогично в своем содержании, целях, методах, формах, средствах и результатах. Само образование должно быть образцом диалоговой культуры, прежде чем претендовать на роль социального института, существенно влияющего на мирные отношения государств и на дружбу народов.

Но немало препятствий тому, чтобы образование стало таким образом, хотя исторически именно оно, как социальный институт, стало внедрять диалог в качестве метода обучения и воспитания. Я много размышлял, например, над тем, почему так трудно применять сократовский метод «повивального искусства» в изучении философии и педагогики. И пришел к выводу, что нужно не только преподавателю в чем-то хотя бы минимально походить на Сократа, но и среднестатистическому студенту — на собеседника Сократа.

В заключение выражу сомнение в достаточной убедительности имеющейся в научной литературе точки зрения о том, что востребованная сегодня новая образовательная парадигма, требующая «смещения сферы образовательного взаимодействия в сферу электронного информационного пространства», «предполагает развитие соответствующих механизмов мышления, которые не могут быть развиты в рамках традиционных лекционных и семинарских занятий» (Г. А. Берулава, М. Н. Берулава, 2010). Разнообразие лекционных и семинарских занятий огромно, включая применение электронных средств в диалогах. Да и зачем разрушать то, что выстрадано и непоколебимо в течение тысячелетий? То, что выстрадано, нуждается скорее в осторожном совершенствовании, чем в радикальной революции.

Л. М. Мосолова¹

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И ДИАЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Культурологизация образования — внесение элементов систематизированного научного знания о культуре во все уровни среднего и высшего образования — в нашей стране началась значительно раньше, чем появилась «Культурология» как специальность в университетах России.

В этом отношении показателен опыт «педагогика искусства» и его культурологической базы 1980-х годов, связанный с предшествующим опытом эстетического воспитания молодежи, широко развернутого в образовательных системах страны в 1960–1970-е годы.

Прогрессивно мыслящие филологи, музыканты, художники, философы и педагоги — Д. С. Лихачев, Д. С. Кабалевский, Б. М. Неменский, Б. П. Юсов и другие — создали научные школы и организовали такие практики художественного образования в стране, которые не имели аналогов в мире. Они вели речь о принципах руководства учебно-воспитательным процессом как процессом художественно-творческим, а в целом — культурным процессом. В их концепциях художественное образование понималось не как узкоутилитарное или развлекательно-досуговое, а оценивалось как неотъемлемая часть *духовной культуры* формирующегося человека. Многое было сделано для *интеграции искусств* в учебном процессе в целях развития целостного художественного сознания учащихся.

В научной школе Д. С. Кабалевского была разработана нетрадиционная программа для старших классов — «Мировая художественная культура» (МХК), которая в соответствии с решением коллегии Министерства просвещения РСФСР в 1987 году была рекомендована для реализации в общеобразовательных школах страны.

Для культурологического понимания искусства и образования огромное значение имел корпус научных трудов по теории культуры и истории художественной культуры, который был создан в стране Э. С. Маркаряном, М. С. Каганом, Э. В. Соколовым и их соратниками. Именно труды этих ученых легли в основу образовательных моделей по художественной культуре и культурологии в целом.

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Теодор Герцен», «История культуры Кольского Заполярья», «Искусство Кыргызстана», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «Культурологическое образование», «Основы теории художественной культуры», «Мировая художественная культура в памятниках», «Жизненный мир поликультурного Петербурга» и др. Член редколлегии журнала «Вопросы культурологии». Академик Национальной академии художеств Республики Кыргызстан, вице-президент Санкт-Петербургского культурологического общества.

Следует также отметить, что культурологическое образование в вузах развивалось в последующие годы значительно быстрее и эффективнее, нежели система школьного преподавания МХК. Вместе с этим предмет «Мировая художественная культура» был первой школьной дисциплиной, освоение которой приобщало старшеклассников к пониманию и необходимости *диалогического общения* с иными культурами. Само название предмета, что очень важно, ориентировало школьников на постижение истории художественной культуры как *мирового процесса*, протекающего во взаимосвязанных социальных системах Запада, России, Востока, Юга. В определенной степени это подготовило школьников к восприятию и пониманию нарастающих процессов глобализации жизни.

К сожалению, большие содержательные, когнитивные, аксиологические, эмоционально-психологические возможности этого предмета не были за два десятилетия вполне реализованы. Слабо развивались методы преподавания этой интегративной сложной дисциплины. Авторами школьных учебных программ, подготовленных в 1980-е годы под руководством Л. М. Предтеченской, были допущены *системные ошибки* — они не давали никакой *культурологической преемственности* к этому курсу и не обеспечивали его преподавание хорошей *теоретической базой*. Особенно это видно по учебникам МХК. К тому же не хватало *компетентных в культурологическом отношении учителей*, и данный школьный предмет чаще всего стали преподавать специалисты по отдельным видам искусства. Таким образом, важнейший просветительский и воспитательный курс интегративного культурологического характера стал превращаться в искусствоведческую «шедевриаду», отстав от мейнстрима современной науки о культуре. Искусство не рассматривалось как «зеркало», «код» конкретных культурных эпох, создаваемых разными этносами или нациями. Оно не было понято как мощное средство инкультурации личности. Исторические эпохи и сами произведения не интерпретировались в культурологическом ключе.

Сегодня становится очевидным, что приобщение детей к мировой художественной культуре как сфере особого *интегративного знания*, способного вместить в себя историю народов и их культур, расказанную совместно «языками» разных искусств, является актуальной задачей.

Обновление содержания дисциплины «Мировая художественная культура» действительно может стать пространством формирования глобального и диалогического сознания учащихся, если его сделать *культурно-историческим конструктом с адекватной методикой его преподавания в школе*.

В этом отношении представляется необходимым преодолеть, например, европоцентризм, эклектическую невнятицу в представлении разных культур и их типов, асинхронность изложения исторического материала, ввести историю культуры народов России в общий мировой процесс, не нивелируя ее особенности, представить крупным планом современную мировую культуру с ее противоречиями, достижениями и векторами движения и т. д.

До сих пор почти во всех версиях школьной истории МХК вздымаются «горные массивы» европейской Античности, готики, Ренессанса, Просвещения, модернизма, а где-то рядом — менее высокие «горные плато» древних восточных цивилизаций, полностью теряющиеся к Новому времени и совсем невидимые сегодня. Где-то у «подножия» высоких еврокультур изредка встречаются «холмики» не дотягивающих до западных стандартов культур таких народов, как славяне, финно-угры, кельты, скандинавы, тюрки и т. д. Многие народы и регионы просто отсутствуют в версиях развития мировой культуры.

Особенно недопустимо сегодня отсутствие синхронной истории развития культуры народов мира, а также нашей современности. Яркий пример тому — рассмотрение средневековых культур.

Примерно в одну и ту же эпоху жили новгородский князь, грузинский витязь, саксонский рыцарь, ярл викингов, эмир Севильи, монах Ассизи и т. д. Однако в программах и учебниках по МХК немецкий феодал, живущий на одном берегу Дуная, помещен в *средневековую* Европу, а живущий в то же время славянский князь — в *Древнюю Русь*. Что же касается скандинавского викинга, пиратствующего

в это же время в фьордах ближней Балтики, то он помещен в *первобытное общество*.

Школьнику, обучавшемуся по таким программам, трудно себе представить, что Христофор Колумб и его последователи (начавшие «культурную коммуникацию» Европы с аборигенами Америки) и московский князь Иван III (покончивший с татаро-монгольским нашествием и занятый большой заботой об архитектурном обновлении Кремля) существовали в одну и ту же историческую эпоху. Выпускник современной школы не может увидеть в едином времени даже культуры своей большой Родины. Например, какие культуры были распространены на берегах Невы, на Алтае, Северном Кавказе или на берегах Волги и Амура, когда в Европе создавалась ренессансная культура, и т. п.

В наше время глобализации и полилога культур необходимо выстраивать такие образовательные модели, которые бы действительно интегративно (иначе невозможно) охватывали мир человеческой культуры в синхронии и диахронии, соответствующих исторической реальности в ее высоких взлетах развития и медленном традиционном течении. Именно в таком образовательном пространстве возможно вырабатывать с юных лет глобальное (планетарное) видение культурных процессов мира в их взаимодействии, формировать навыки межкультурного диалога и толерантности.

Современная школа в целом требует разработки инновационной модели культурологизации образования от начальных до старших классов, которая в итоге поможет выпускникам компетентно действовать в условиях глобализирующегося и локализирующегося социокультурного мира.

Г. В. Мухаметзянова¹

РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРОКОМПЕТЕНТНОГО ПОДХОДА

В условиях стремительно меняющегося социума в контексте мирового культурного развития большое значение приобретает совершенствование всех сторон жизни общества на основе сочетания позитивных традиционных и инновационных процессов, обеспечивающих динамичность

¹ Академик Российской академии образования, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор. Автор более 350 научных работ, в т. ч. книг: «Формирование мировоззрения учащихся в процессе эстетического воспитания», «Трудовое и эстетическое воспитание студентов», «Стратегии реформирования системы среднего профессионального образования», «Педагогическая культура татарского народа», «Гуманизация и гуманитаризация средней и высшей технической школы», «Подготовка специалистов социальной сферы: региональный аспект», «Методология проектирования и развития системы среднего профессионального образования в регионе», «Современные проблемы образования», «Профессиональное образование в России: методология и теория», «Профессиональное образование: проблемы качества, научно-методическое обеспечение» и др. Главный редактор «Казанского педагогического журнала». Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

происходящих преобразований. Рыночная экономика предъявляет жесткие требования к человеку, осуществляющему свой социально-нравственный, социально-культурный и профессиональный выбор. Помочь в этом выборе призван учитель как носитель социокультурных ценностей. Развивающей и развивающейся российской школе нужен компетентный педагог, являющийся Личностью, духовным наставником подрастающего поколения.

С позиции новой социокультурной парадигмы педагог рассматривается как активный субъект, способный создавать гуманитарное пространство жизни, духовный мир науки, культуры. Основным образовательным ориентиром в условиях диалога культур становится развитие гуманитарного потенциала личности педагога, определяющего его будущие культурные трансформации в контексте глобализации образовательного пространства.

Под гуманитарным потенциалом личности педагога понимается интеграционная целостность

общечеловеческих идей, профессионально-гуманистических ориентаций и гуманистических технологий, направленная на воспроизведение и реализацию гуманитарных ценностей в процессе культурно-профессионального самоопределения.

Для разработки инновационных подходов к развитию гуманитарного потенциала личности педагога необходимо выявить интегративные взаимосвязи личностного, профессионального, гуманитарного и культууроформирующего компонентов в преподавании социально-гуманитарных дисциплин в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) нового поколения. В образовательное содержание по социально-гуманитарным дисциплинам следует включать не только учебный, но и культууроформирующий материал, способствующий становлению культурно-гуманитарных поведенческих стратегий педагога.

В процессе перехода к гуманитарной парадигме образования в условиях диалога культур на основе использования основополагающих категорий бахтинской концепции — культура, личность, диалог — и их интерпретации В. С. Библером становится все более очевидным, что доминантой педагогической деятельности является обращенность к другому. Эта обращенность выступает характеристикой образовательного процесса как гуманитарного феномена: педагогический процесс в той мере гуманитарен, в какой он строится на принципах доверия, взаимопонимания, сотрудничества.

Стержневой идеей разработки системообразующей целостной структуры гуманитарного потенциала развития личности педагога в условиях диалога культур является культуурокомпетентностный подход.

Культурокомпетентностный подход к модернизации содержания и технологий формирования культуры и гуманитарной образованности будущих педагогов в преподавании гуманитарных дисциплин — инновационное направление организации учебного процесса, в котором главенствует цель формирования личности специалиста как гражданина, подготовленного к использованию в собственной деятельности культурных образцов и норм жизни любого уровня, способного к толерантному сотрудничеству с другими культурами.

Основными принципами культуурокомпетентностного подхода выступают глобализация, системность, целостность, фундаментальность, открытость, преемственность, гуманизация, интеграция, этнокультурная самоидентификация, креативность.

Реализация принципов культуурокомпетентностного подхода в процессе гуманитарной подготовки будущих педагогов определяет необходимость решения комплекса задач модернизации содержания и технологий формирования общей культуры и гуманитарной образованности студентов в условиях глобализации: использование положений ФГОС нового поколения о требованиях к проектированию и ре-

лизации общекультурных компетенций в модели педагога; обновление учебных планов и образовательных программ с помощью культууроформирующих модулей; разработка и реализация инновационных технологий культууроформирующих проектов; определение критериев оценки усвоенных студентами культууроформирующих знаний; осуществление оценки освоенных культууроформирующих компетенций: выбор социокультурных, ценностных альтернатив, культурная самоидентификация, готовность к смене культурных приоритетов в условиях глобализации.

В качестве системообразующих компонентов культуурокомпетентностного подхода в гуманитарной подготовке педагога выступают: теоретико-методологические основы формирования общей культуры и гуманитарной образованности; модели личности современного педагога в условиях глобализации образования; научно-методическое обеспечение определения культууроформирующего потенциала гуманитарных дисциплин; уровень развития педагогических технологий, основывающихся на исследовательской, проблемно развивающей, проектной, креативной, культууроформирующей, профессионально ориентированной деятельности студентов; критериальная оценка усвоенных студентами общекультурных компетенций.

Культурокомпетентностный подход обеспечивает формирование гуманитарных компетенций, включающих прочные и осознанные знания основ наук — гуманитарных, естественно-научных, технических, технологических; определенные познания в области искусства; интеллектуальные и художественные умения и навыки; сформированные умения и навыки культуры умственного труда — умения планировать свою деятельность, осуществлять самоконтроль ее качества, самостоятельно получать и перерабатывать информацию из различных источников и др.; реализующихся в культууроформирующей деятельности в соответствии с личностной позицией педагога в контексте глобализации образовательного пространства.

Показателями выраженности общей культуры через гуманитарную образованность педагога выступают: наличие, глубина, широта гуманитарных знаний; содержание и развитость духовных потребностей; система ценностных ориентаций и социальных норм, которыми нужно руководствоваться в различных сферах деятельности; идеалы, степень включенности будущего специалиста в учебно-познавательную, культууроформирующую, социокультурную деятельность в контексте культурного диалога.

Личностная детерминация целей культуурокомпетентностного подхода как партнерского взаимодействия «преподаватель—студент»; интеграции профессиональной, гуманитарной и культууроформирующей составляющей; преемственности и непрерывности в проектировании и реализации культууроформирующего содержания дисциплин социально-гуманитарного цикла; доступности но-

вой по культууроформирующему содержанию учебной информации, ее целостности и взаимосвязанности с профессиональными компетенциями реализуется на основе культууроформирующих проектов.

Проведенный анализ действий педагога и студента в контексте проектного обучения позволил выработать алгоритм разработки культууроформирующих проектов, который включает следующие этапы: мотивирующий, целеопределяющий, содержательно-организационный, рефлексивный и коррекционный.

На этапе мотивации обозначается культууроформирующее, эмоционально-ценностное, профессионально-личностное осознание педагогического смысла предстоящей проектной деятельности. Целеопределяющий этап ставит задачу определения культурно-гуманитарных универсалий проекта. Разработку культууроформирующих модулей и мониторинг результатов реализации проекта включает содержательно-организационный этап. Рефлексивный этап, в свою очередь, определяет культурно-педагогическую саморефлексию в процессе апробации проекта. И наконец, на коррек-

ционном этапе анализируются резервы для оптимизации всего проекта.

Использование поэтапного алгоритма разработки культууроформирующих проектов позволяет студентам определить профессионально-личностную траекторию развития, построенную на основе специально организованных образовательных ситуаций гуманитарного творчества, с целью формирования культурно-гуманитарных универсалий как эталонов и норм культуры, задающих образцы нормативно-ценностных личностных ориентаций в гуманитарном пространстве современной культуры.

Использование культуурокомпетентностного подхода обеспечивает новый уровень культурной идентификации личности педагога, важными характеристиками которой являются: понимание важности культуры и гуманитарной образованности для реализации жизненных планов, самоидентификации в обществе и на работе; стремление к осознанному и достойному выбору культурных ценностей; сформированность толерантного сознания и поведения в условиях диалога культур.

А. А. Оводенко¹

УНИВЕРСИТЕТ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП) и его студенчество можно рассматривать как определенное социально-культурное пространство, вмещающее всю палитру культур, общества, страны, цивилизаций. Мы не преувеличиваем, так как наш университет — это *alma mater* более чем для тысячи студентов, аспирантов, слушателей (из 16 тыс. обучающихся в ГУАП), представляющих континенты Азии, Африки, Америки, Европы. Университет, его студенчество — это «соль нации», способная определить направление развития страны, ее цивилизационную принадлежность, качество культурного потенциала.

Высшая школа представляет собой одно из важнейших достижений мировой цивилизации в самом широком смысле. Современный университет — важнейший фактор раскрытия творческого потенциала общества. Если тезис о том, что о степени цивилизованности страны можно судить по отношению к женщине, то качество той или иной

культуры в еще большей степени характеризует отношение к высшему образованию.

Университетское образование в России имеет менее впечатляющую историю, чем образование в Западной Европе. Если в Византии первый вуз появился в 1045 году, в Болонье — в 1051-м, в Сорбонне — в 1200-м, то у нас первым высшим учебным заведением принято считать Славяно-греко-латинскую академию, открытую в 1687 году. Однако за пройденные три с половиной века мы наблюдаем мощное развитие высшего образования в России как хранильнице университетской поликультурности.

Здесь уместно привести слова академика Д. С. Лихачева о значимости университетской культуры: «Когда я учился в школе, а потом в университете, мне казалось, что моя “взрослая жизнь” будет в какой-то совершенно иной обстановке, как бы в ином мире, меня будут окружать совсем другие люди, а на самом деле все оказалось иначе... подлинные друзья приобретаются в молодости... молодость — это время сближения... Университет — университетская культура — хранит и сберегает молодость»².

Диалог исторической памяти и настоящего неотъемлемы от истории нашего университета. Это диалог и в учебно-воспитательном процессе, и в научно-исследовательской деятельности, и во внеучебной жизни — между культурой вуза в прошлом и культурой его нынешних обитателей: студентов, педагогов,

¹ Ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. книг: «Проектирование робастных локационных устройств систем управления», «Робастные устройства и приборы обработки локационной информации», «ГУАП через годы в будущее», «Закономерности глобализации и их воздействие на экономику России». Обладатель 88 авторских свидетельств на изобретения. Научный редактор периодического бюллетеня «Новости Международного института планирования образования» (ЮНЕСКО).

² Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988. С. 18.

профессоров и аспирантов. Речь идет о том, что история вуза, его традиции, умение реализовать их потенциал являются существенным ресурсом в подготовке профессионалов, их последующей самореализации.

Нынешний год для нас знаменательный, можно сказать, ключевой. Именно он внесет дополнительный потенциал в развитие социально-культурной памяти студентов вуза: 25 января 2011 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения отметил свое 70-летие. За этот короткий по историческим меркам период вуз прошел большой и сложный путь — от небольшого института до известного и признанного в России и за рубежом университета.

Датой рождения вуза принято считать 25 января 1941 года, когда в тревожное предвоенное время, в период бурного развития авиации, вышло постановление правительства о создании Ленинградского авиационного института (ЛАИ). Институт был размещен в здании Чесменского дворца. Во время Великой Отечественной войны высшее учебное заведение было эвакуировано в Куйбышев и Ташкент. В феврале 1945 года ЛАИ был преобразован в Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП). С 1985 года он стал головным в области целевой интенсивной подготовки соответствующих специалистов, с 1989-го — одним из первых приступил к подготовке инженеров-исследователей, чем обеспечил методологическую основу реализации многоуровневого образования. В конце 1980-х — начале 1990-х годов вуз открыл множество новых направлений подготовки (юридический и экономический факультеты, специальности, связанные с информационным сервисом), расширил перечень и профиль технических специальностей. Институт получил статус Государственной академии аэрокосмического приборостроения (ГААП), а в 1997 году — статус университета.

Высокий международный авторитет нашего вуза способствовал приглашению его в 1993 году в Европейскую аэрокосмическую ассоциацию (STAR), объединяющую ведущие высшие учебные заведения и компании соответствующего профиля в Европе и США. В 1994 году на базе ГУАП была создана Российская Санкт-Петербургская секция Международного общества приборостроителей (ISA) — организация, объединяющая в своих рядах около 50 тыс. членов из более чем ста стран мира.

В настоящее время университет продолжает динамично развиваться, в его состав входят 13 факультетов, реализующих более ста образовательных программ. Университет активно развивает международную деятельность. Подписаны соглашения о сотрудничестве с рядом ведущих вузов зарубежных стран (США, Франции, Англии, Германии, Японии, Китая и др.). ГУАП является инициатором реализации крупных международных программ, проводит международные научно-технические и научно-методические конференции, в том числе под эгидой ЮНЕСКО.

Ключевое место в формировании социальной памяти у студентов принадлежит внеаудиторной и воспитательной работе в вузе, циклу гуманитарных дисциплин, различным дополнительным специализированным курсам. Мы придерживаемся курса, заданного правительством России: сегодня историческое образование и сформированное патриотическое сознание являются форпостом государственной безопасности.

Для нас патриотическое воспитание — систематическая и целенаправленная деятельность университета по формированию у студентов высокого патриотического сознания, чувства верности Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Воспитательную работу в этом направлении мы ведем с учетом того, что за последние годы содержание понятия «патриотизм» в общественном сознании существенно изменилось, особенно в понимании нового поколения. У значительной части молодежи, выросшей в годы социальной нестабильности, выработалось критическое отношение к своей стране, ее государственной политике. В этих условиях особенно важно помочь студентам осознать сущность Родины, скрытую в духовной жизни народа, традициях и обычаях, исторической памяти, которая передается из поколения в поколение, в пространственно-географических представлениях.

В университете должны поддерживаться и создаваться условия для приобретения непосредственного духовного опыта, с помощью которого можно убедиться в безусловных достоинствах своего Отечества, в частности на примере собственной *alma mater*. Образы, воссоздаваемые при изучении истории Отечества, должны помогать воплощать те идеи, которые университет стремится донести до основной массы студентов. На материале жизни и деятельности национальных героев — создателей и защитников России — изучение истории позволяет использовать прошлое как сокровищницу моральных примеров, высоконравственных поступков. Необходимо в полной мере использовать богатейшие возможности, связанные с тем, что обучение студентов Государственного университета аэрокосмического приборостроения проходит в Санкт-Петербурге — городе с уникальной историей и разными культурными ценностями. Нужно попытаться объяснить, что посещение музеев, театров, культурных учреждений для будущих инженеров не менее важно и полезно, чем для историков и искусствоведов. Освоение культурных ценностей формирует гордость за свой талантливый народ и обогащает личность.

Кроме того, в формировании социальной памяти и личности будущих профессионалов необходимо использовать «рычаги» гражданско-правового воспитания. Наш вуз имеет особые возможности правового просвещения, так как в его структуре функционирует юридический факультет.

Важной формой гражданской социализации будущих специалистов, организаторов производства, социальной, культурной, правовой среды общества

является студенческое самоуправление как особая форма самостоятельной общественной деятельности студентов и аспирантов. Студенческое самоуправление обладает огромным потенциалом, приобщая студентов к разнообразным мероприятиям в качестве участников, организаторов, носителей социальной памяти своей страны.

Таким образом, настоящая реальность и история нашего университета — это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь, он является средством осуществления коммуникационных связей, взаимопроникновения информации, условием взаимопонимания людей разных возрастных категорий и культур. Наше будущее, воспроизводство наших достиже-

ний — это развернутый диалог, создающий обстановку доверия, взаимоуважения и взаимодействия, который в стенах университета общепризнан, предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов, выработку общих культурных ценностей. Студенты принимают активное участие в расширении международной деятельности, в программах ЮНЕСКО, реализуемых кафедрой ЮНЕСКО, опосредованно объединяющей культуры 43 государств, в деятельности Российско-французского центра инноваций и трансфера технологий и в других формах межкультурного взаимодействия, представляющих собой основу для объективного диалога реальности и прошлого.

Л. А. Пасешникова¹

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Конституционализация академической свободы, как отмечают исследователи, начала осуществляться в XX веке путем закрепления ее в том или ином виде в источниках международного и европейского права, а также в основных законах (конституциях) государств². В настоящее время в конституциях разных стран (хотя и не всех) находят отражение отдельные элементы академической свободы.

Так, Основной закон Федеративной Республики Германия в ст. 5 п. 3 закрепляет, что «искусство и наука, исследование и преподавание свободны. Свобода преподавания не освобождает от верности Конституции». Конституция Италии гласит, что «искусство и наука свободны, и преподавание их свободно. <...> Учреждения высокой культуры, университеты и академии имеют право на автономную организацию в пределах, установленных законами государства» (ст. 33). Статья 20 Основного закона Испании, помимо признания и закрепления права на свободное выражение и распространение взглядов, идей и мнений в устной, письменной форме или иными средствами восприятия, провозглашает и свободу преподавания, что, по сути, тесно связано с академическими свободами. Конституция Швейцарии (ст. 20) закрепляет положение, по которому «свобода на получение образования и на проведение научных изысканий гарантирована». Академические свободы закреплены и в конституционном законо-

дательстве Греции (ст. 16 п. 1): «Искусство и наука, исследования и образование свободны. Их развитие и содействие им являются обязанностью государства. Университетская свобода и свобода образования не освобождают от обязанности соблюдать Конституцию». Достаточно детальное регламентирование академической свободы дается в Конституции Бразилии. В гл. III «Об образовании, о культуре и о спорте» содержится самостоятельный раздел (отдел) «Об образовании». Устанавливается, что «обучение ведется на основе следующих принципов...» (и весьма детально эти основополагающие начала образовательной деятельности сформулированы). Япония в закреплении академических свобод ограничилась гарантией свободы научной деятельности. Что также немаловажно, поскольку конституции некоторых государств на этом аспекте внимания не акцентировали (Канада, США)³. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что само понятие «академическая свобода» в конституционных актах, как правило, не используется и речь идет о закреплении отдельных ее элементов (научной свободы, образовательной свободы, университетской автономии).

Сравнение приведенных конституционных положений свидетельствует о том, что понимание академической свободы, равно как и ее содержание, носит весьма неоднозначный характер и варьируется от простой констатации в конституционном акте наличия свободы образования и научных исследований (Швейцария) до детального изложения содержательных аспектов данного института, осуществляемого в рамках самостоятельного раздела в национальной конституции (Бразилия).

Что касается Конституции РФ, то в ней термин «академическая свобода» также не встречается, однако мы можем найти отдельные ее элементы в системе конституционных прав и свобод личности, предусмотренных российским Основным

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры государственного права. Автор 33 научных публикаций, в т. ч. учебного пособия «Сборник упражнений и задач по государственному (конституционному) праву России (для студентов юрид. ф-тов)» (в соавт.); статей в научных сборниках: «Образовательные правоотношения: соотношение ГК РФ и специального законодательства», «Реализация конституционного права на получение высшего профессионального образования в Российской Федерации», «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России» и др. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Волосникова Л. М. Академическая свобода как правовой феномен // Государство и право. 2006. № 8. С. 102.

³ См.: Конституции зарубежных стран / сост. В. Н. Дубровин. М., 2001.

законом. В качестве таковых в первую очередь будут выступать право на образование (ст. 43) и свобода научного творчества и преподавания (ст. 44). Таким образом, для авторов Основного закона образование, преподавание, научное творчество (наука) выступают в качестве самостоятельных видов социальной деятельности, объединенных определенным форматом. Относительно академической свободы действующая Конституция специальных норм не содержит, что, впрочем, не следует понимать как умаление социальной значимости этого института. В п. 1 ст. 55 Конституции закреплено положение, в соответствии с которым «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». По нашему мнению, академическая свобода может быть отнесена к числу общепризнанных свобод (о чем, в частности, свидетельствует закрепление ее элементов на международно-правовом уровне) и в этом качестве должна рассматриваться как объект конституционно-правового регулирования.

Следует отметить важность самого закрепления академической свободы (или хотя бы ее элементов) на конституционном уровне в системе основных прав и свобод личности. Институт прав и свобод человека, правовое государство как принцип и цель развития современного цивилизованного государства является центральным в конституционном праве. Он закрепляет свободу народа и каждого человека от произвола государственной власти. Это сердцевина конституционного строя. Философской основой этого института является учение о свободе как о естественном состоянии человека и высшей ценности.

Законодатель может закреплять в нормах права, особенно конституционных, только такие права, для осуществления которых сложились реальные политические, экономические, социальные и иные предпосылки. Е. А. Лукашева справедливо отмечает, что права личности — это не «дар» законодателя: «Законодатель не может искусственно “занижать” или “завышать” объем прав и свобод; он связан принципами и нормами естественного права, условиями социальных взаимосвязей людей, состоянием экономического развития общества»¹.

Применительно к институту академической свободы исследователи справедливо отмечают, что «академическая свобода возможна лишь там, где сформировалась система высшего образования, ядром которой являются университеты, призванные объединить науку и преподавание. Причем такие учебные заведения должны быть достаточно крупными и материально обеспеченными, чтобы иметь большое значение в обществе и реально осуществлять самоуправление»².

¹ Лукашева Е. А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 95.

² Волосникова Л. М. Генезис академической свободы в США — правовая традиция или конституционное право //

Права, свободы и обязанности личности имеют социальное назначение, заключающееся в удовлетворении ее многообразных потребностей и интересов. Что касается прав и свобод, выступающих элементами академической свободы, то они традиционно относятся к группе социальных или социально-культурных прав. Второе, на наш взгляд, более точно. Так, например, А. Н. Кокотов относит право на образование, свободу творчества, в том числе и научного, свободу преподавания к числу духовно-культурных прав и свобод, которые нацелены на обеспечение людям возможности творческого развития, приобщения к ценностям своего и других народов, цивилизаций, приумножения и совершенствования культурной среды³. Дело в том, что социальные права направлены в первую очередь на обеспечение достойного уровня жизни индивида; культурные — на его духовное развитие. Несомненно, наличие соответствующего уровня образования, научных степеней и званий влияет на уровень жизни человека. Хотя, к сожалению, в нашей стране это отнюдь не является гарантией не то что высокого, но даже просто достойного жизненного уровня. Гораздо выгоднее становится, получив образование (а иногда и без него), уходить в коммерцию или во власть, нежели в науку. Но это уже издержки российской рыночной экономики, и они не могут рассматриваться как общемировая тенденция.

Основная же цель академической свободы, на наш взгляд, — это не рост материального благосостояния ее носителей, а их духовное, идейное, нравственное развитие. Поэтому рассматриваемые права, по нашему мнению, являются по своей сути в большей мере культурными, чем социальными, тем более что само понятие культуры многоаспектно и отражает состояние различных сфер жизни общества в целом и индивида в частности. Более того, мы даже можем проследить их связь, например, с политическими правами, если рассматривать в качестве элементов академической свободы свободу слова, выражения мнений и т. п. В любом случае это еще раз подтверждает системность конституционных прав и свобод индивида. Неслучайно даже Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции от 4 декабря 1986 года прямо закрепила «неделимость и взаимозависимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав».

Говоря о месте академической свободы в системе конституционных прав, также следует обратить внимание на то обстоятельство, что последние включают в себя права человека и права гражданина. То есть возможна классификация прав и свобод в зависимости от субъекта — их носителя (гражданина, иностранца, апатрида). Иными словами, в зависимости от принадлежности к гражданству определенного государства. Гражданство, как известно, определяет устойчивую правовую связь лица с конкретным государством, выражающуюся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Гражданство

Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 43.

³ Кокотов А. Н. Конституционное право России. М., 2006. С. 81.

в первую очередь влияет на объем политических прав. Что же касается прав социально-культурных, к которым, как мы уже определили, относятся академическая свобода в целом и составляющие ее элементы, то они по общему правилу определяются как права человека вне зависимости от наличия или отсутствия гражданства. Свидетельством тому выступает употребление в нормативных источниках (как международных, так и национальных, в том числе в конституциях) формулировок «каждый имеет право», «каждому гарантируется». Принадлежность рассматриваемых прав и свобод индивиду вне зависимости от гражданства отражает их естественный, неотчуждаемый и непередаваемый характер. Как, например, подчеркивает В. В. Спасская: «Естественный характер права на образование объясняется тем, что человеку свойственно развиваться, тво-

рять, создавать новое, накапливать опыт, знания в той или иной сфере, конечно, передавать наработанное и познанное другим поколениям, в чем, собственно, и заключается сущность образования... образование и самосовершенствование являются естественным состоянием человека, условием его полноценного существования в обществе»¹. Неслучайно ЮНЕСКО рекомендует рассматривать право на образование как элемент права на жизнь, права на развитие, которое должно реализовываться в течение всей жизни человека². Право на образование не может быть передано другому лицу, группе лиц, обществу, государству ни по договору, ни в силу закона, ни на каком-либо другом основании. Сам человек не может отказаться от своего права на образование. Человеку нельзя запретить воспользоваться этим правом³.

Е. И. Пивовар⁴

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном мире межкультурный диалог принято считать новой формой международного сотрудничества. С одной стороны, это утверждение справедливо, если понимать этот диалог как систему мер и ценностей, целенаправленно реализующихся тем или иным государством или организацией. С другой стороны, межкультурный диалог — понятие вполне традиционное, ведь дружеские, семейные, рабочие, творческие контакты также являются его неотъемлемой частью и вне зависимости от времени играли и будут играть важную роль во взаимодействии людей и народов.

Сегодня межкультурный диалог связан с новыми вызовами, которые возникли перед человечеством. При этом следует учитывать, что, помимо глобализации, на межкультурное взаимодействие оказывают влияние и такие факторы, как стремление стран

и народов сохранить и укрепить свою особенность, идентичность.

Проблематика межкультурного диалога является важнейшей практически для всех макрорегионов и стран. Постсоветское пространство как совокупность стран, объединенных историческим наследием и политико-экономическими связями, постепенно перестает быть некоей целостной общностью. Страны, входящие в него, развивают собственные внешнеэкономические и внешнеполитические связи, выстраивают новые системы двусторонних и многосторонних союзов. Одновременно на постсоветском пространстве продолжают и интеграционные процессы. Огромное значение в их развитии имеет социокультурная интеграция, которая делает возможным глобальный межкультурный диалог между народами и в меньшей степени зависит от политической или экономической парадигмы.

В современном глобализирующемся мире приобретает большое значение расширение многоуровневого партнерства в гуманитарной сфере, с одной стороны, основанное на существующих историко-культурных связях, с другой — опирающееся на новейшие инновационные достижения. Одна из важнейших составляющих взаимодействия в гуманитарной сфере — образовательное и научное сотрудничество, способствующее сближению интеллектуальных элит наших государств, обмену опытом и новейшими достижениями, разработке и реализации совместных инновационных проектов в различных сферах деятельности.

В последние годы в России все активнее развиваются исследования в области постсоветского пространства, включая как государства СНГ, так и страны Балтийского региона, и данная тематика постепенно входит в рамки учебных программ высших учебных заведений. На многих гуманитар-

¹ Спасская В. В. Право на образование как источник образовательных отношений // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 3. С. 78.

² Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комментарий. / под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 2007. [Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»].

³ Спасская В. В. Указ. соч. С. 78.

⁴ Член-корреспондент Российской академии наук, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения», «СССР и холодная война», «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований» (5 вып.), «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии», «Постсоветское пространство: альтернативы интеграции» и др. Член редколлегии журналов «Вестник архивиста», «Родина». Член правления Российского союза ректоров. Член президиума Совета ректоров государственных вузов Москвы и Московской области.

ных факультетах в классических университетах появляются курсы по постсоветскому зарубежью как одному из этапов новейшей истории зарубежных стран, образуются учебно-научные структуры, которые непосредственно занимаются постсоветским зарубежьем.

Постсоветская проблематика вошла в диссертационные советы по всеобщей истории, политологии, экономике, международным отношениям. Специалисты по странам ближнего зарубежья все более востребованы как в государственных органах, занимающихся взаимодействием между Россией и странами-соседями, так и в частном бизнесе, активно работающем в регионе. Произошедшие в 1990-е годы кардинальные перемены в политической, социально-экономической и других сферах настоятельно требовали адекватных шагов в образовательной сфере.

Например, в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) в 2006 году был открыт Центр по изучению стран постсоветского зарубежья, впоследствии преобразованный в кафедру. А в 2010-м создано и Управление по гуманитарному сотрудничеству на постсоветском пространстве. Определенные и значимые успехи в деле изучения постсоветского зарубежья в РГУ уже достигнуты. Это и обеспечение учебного процесса, и выход в свет методических пособий и программ, и проведение конференций и круглых столов, в том числе международных, и ведение интернет-ресурсов.

В настоящее время на основе опыта последних лет стало очевидно, что эта деятельность должна быть построена на принципе междисциплинарности, преобладания страноведческого и регионоведческого подходов. При этом междисциплинарность должна не только пониматься как связь между различными областями знаний, но и применяться в рамках каждой отдельной области знаний: например, в истории междисциплинарный подход предусматривает синтез источниковедения, историографии, теории и методологии истории, изучения и использования различных методов в исторических исследованиях и т. д.

Отношения между государствами во многом определяются форматом их взаимодействия в интеграционных объединениях в экономической и военно-политической областях — СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП и др. Споры относительно характера этих интеграционных структур не утихают в среде политиков, экономистов, политологов. У двух парадигм, характеризующих сущность новых политических и экономических объединений, — новой формы интеграции или формы «цивилизованного развода» — есть свои сторонники и противники. В связи с этим представляется необходимым активизировать исследования дихотомии интеграционных и дезинтеграционных процессов, оценки причин возникновения интеграционных структур, их генезиса, функционирования и той роли, которую они играют в современном мире.

На современном этапе изучения постсоветского зарубежья представляется целесообразным уйти от подхода, согласно которому оно понималось только как объект или предмет внешней политики России. В настоящее время его изучение не может ограничиваться только двусторонними связями России со странами постсоветского зарубежья. Ведь появляются и иные модули. К примеру, Шанхайская организация сотрудничества включает Россию, страны Центральной Азии, Казахстан, Китай. В еще большей степени данный постулат касается государств Балтийского региона — Литвы, Латвии и Эстонии, которые вошли в принципиально иное геополитическое пространство, получив членство в Евросоюзе и Североатлантическом альянсе.

С понятием постсоветского зарубежья тесно связано понятие зарубежья российского. Последнее является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Концепт Русского мира в последние годы становится частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, поскольку позволяет соединить в единый комплекс те проблемы развития, которые связаны с миграционными потоками всех направлений. Осмысление роли и места Русского мира в международном контексте, в том числе на постсоветском пространстве, является не только условием формирования объективного взгляда на мировой исторический процесс, но и важной составляющей понимания современных социокультурных процессов и их прогнозирования. Русский мир в странах постсоветского зарубежья, помимо сугубо образовательной и научной составляющей, в равной степени является субъектом международной политической деятельности, что в особенности касается государств Балтии.

Огромное значение для подготовки высококвалифицированных специалистов по постсоветскому пространству имеет изучение государственных языков этих стран. Это позволит студентам в будущем не только общаться на языке изучаемой страны, но и уделять внимание работе с документами и источниками на этих языках, что особенно важно для изучения последних двух десятилетий, когда делопроизводство, деловая переписка и документооборот переводились в большинстве этих стран на национальные языки.

В качестве эффективного механизма активизации межвузовского образовательного сотрудничества в 2009 году по инициативе и при активном участии РГУ, а также при поддержке Россотрудничества была предложена организация форумов ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и других государств — инновационная форма сотрудничества представителей университетской общественности, открывающая новые направления и возможности интенсификации взаимодействия в области образования, науки и культуры.

В российском вузовском сообществе по инициативе РГУ с начала 2010 года стала активно обсуж-

даться идея организации Форума ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов стран СНГ. Эта идея была реализована. В рамках Форума, состоявшегося в октябре 2010 года в Баку (в его работе приняли участие ректоры ведущих гуманитарных вузов и деканы гуманитарных факультетов России, Азербайджана, Украины, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана), были обсуждены приоритетные направления развития гуманитарных и общественных наук в странах СНГ; совместные образовательные программы по магистратуре и бакалавриату; международные программы по подготовке аспирантов (докторантов) и совместное руководство диссертационными работами; организация и развитие академической мобильности студентов, аспирантов и преподавателей; организация научных мероприятий. Участники обсуждения сошлись в том, чтобы в перспективе создать постоянно действующие многосторонние комиссии по основным направлениям деятельности Форума. Однако обсуждение этих в общем стандартных вопросов в рамках данного Форума, безусловно, будет отличаться определенной региональной спецификой.

Форум стал постоянно действующим объединением ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов стран СНГ, обеспечивающим систематические встречи как руководителей вузов, так и преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Очередные заседания планируется проводить не реже одного раза в год на базе одного из вузов-членов Форума. При этом Форум будет приурочиваться к значимым датам: например, в 2011 году он будет приурочен к 20-летию образования Содружества Независимых Государств.

В целях обеспечения работы по организации и проведению заседаний Форума по примеру уже действующих российско-французского и российско-германского было решено сформировать Координационный совет, в который вошли руководители вузов-участников.

Важным направлением в рамках развития новых форм межвузовского сотрудничества могло бы стать, на мой взгляд, создание в перспективе аналогичной межвузовской организационной структуры, включающей и гуманитариев из стран Балтийского региона.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что международные форумы ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов становятся постоянно действу-

ющими площадками систематических встреч руководителей, преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов университетов и факультетов для обсуждения актуальных проблем гуманитарного образования в различных странах. Организация форумов — инновационная форма сотрудничества представителей международной университетской общественности, которая открывает новые направления и возможности взаимодействия в области образования, науки и культуры.

В целях поддержки научно-образовательного сотрудничества России и стран постсоветского зарубежья и развития межкультурного взаимодействия представляется целесообразным: активизировать сотрудничество между вузами, включая реализацию совместных образовательных и научных программ; интенсифицировать академической и межбиблиотечный обмен; содействовать открытию центров и представительств российских образовательных учреждений на постсоветском пространстве, модернизировать сотрудничество в сфере межрегионального межвузовского взаимодействия, в том числе посредством создания межрегиональных вузовских консорциумов. Большую роль в укреплении позиций русского языка на постсоветском пространстве должно играть межрегиональное приграничное сотрудничество. Безусловно, отдельным направлением должна стать поддержка программ подготовки и переподготовки, повышения квалификации педагогических кадров.

Целесообразным представляется создание двусторонней межвузовской консультационной структуры, в функции которой будет входить обсуждение и разработка конкретных мер по реализации вышеперечисленных предложений.

Организация учебно-научной работы по проблематике постсоветского зарубежья должна строиться на широком сотрудничестве вузов, обмене мнениями и опытом коллег как внутри России, так и на международном уровне. Это сотрудничество может и должно проявляться не только в проведении совместных конференций и круглых столов, но и в виде издания совместных сборников документов, коллективных монографий, проведении совместных летних школ, активизации студенческого и преподавательского обмена.

Поставленные выше задачи выполнимы, ведь у России и ее соседей есть огромный интеллектуальный, культурный, духовный, научный потенциал, способный при грамотно выстроенной политике взаимодействия принести обществу, и особенно молодежи, огромную пользу.

Н. В. Рудская¹КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОР ВЗАИМОБОГАЩАЮЩЕГО ДИАЛОГА КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ

Проблема взаимодействия культурных систем стала в настоящее время предметом оживленного дискурса в среде политиков, экономистов, представителей науки и образования. Чтобы российское образование не «бежало впереди паровоза» (как это нередко случалось в нашей истории), необходимо четко разобраться в сущности и условиях ведения диалога культур. В качестве исходной точки рассуждений можно рассмотреть мнения авторитетных российских культурологов — А. П. Маркова и В. М. Межуева.

А. П. Марков характеризует диалог культур как «процесс саморазвития культурных систем», которому свойственны «постоянное взаимодействие и взаимообусловленность составляющих единиц». При этом огромное значение имеет тот фактор, что этот процесс должен быть непременно «взаимобогащающим диалогом культурных миров», каждый из которых имеет свои «смысловые глубины, свою уникальность и самождественность» [1, с. 3].

Взаимобогащающий характер диалогических отношений всегда подразумевает отношения равенства, партнерства, раскрывает возможность «взаимосоотнесения ценностей, норм, значений, мировоззрений, способов постижения мира, идеалов и смысла человеческой деятельности» [Там же]. Поэтому целью диалога культур, как считает В. П. Межуев, «является не устранение многообразия вер и культур, а осуществление каждым своего права на свободное самоопределение, на свободный выбор того, что он считает для себя в культуре важным и нужным» [2, с. 390].

В связи с вышеизложенным можно заметить, что сегодня огромное значение для России приобретает задача поиска своего культурного самоопределения, национальной самоидентификации и защиты нравственных и духовных ценностей, которая, в свою очередь, предъявляет ко всей системе отечественного образования определенные требования. Выпускники вузов должны составить в ближайшем будущем основу для формирования политической, экономической и духовной элиты России, сознательно нацеленной на возвращение России статуса великой державы.

Необходимо уточнить, что *образование* (в отличие от предметно-ориентированного обучения) есть, прежде всего, *надпредметная, ценностно-ориентированная система знаний*, формирующая «образ» личности специалиста как *целостного и органичного субъекта культуры* [1; 3]. Культурология в связи с этим выступает как одна из основных составляющих высшего образования, которая способна обеспечить осмысленное преломление общекультурных ценностей, придать духовно-нравственный,

ценностный смысл содержанию деятельности специалиста.

В настоящее время культурологическое образование уже достаточно прочно вошло в систему высшей школы, однако быстрые темпы социальных перемен в России, модернизация общества и распространение рыночных отношений практически во всех сферах материальной и духовной жизни предъявляют новые требования к системе подготовки специалистов с высшим образованием.

Присоединение России в 2003 году к Болонской декларации обусловило необходимость радикальных перемен в системе высшего образования. Стремление России интегрироваться в единое европейское образовательное пространство вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Даже если не принимать в расчет негативную реакцию на «реалии» Болонского процесса со стороны Московского и Петербургского университетов, то нельзя не заметить, что сами методы и цели подобной интеграции вызвали напряженную дискуссию как в академической среде, так и среди профессорско-преподавательского состава вузов.

Так, по мнению академика РАН Г. Г. Малинецкого (заместителя директора Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН) бездарная реформа образования в РФ, связанная с «болонизацией» и введением единого госэкзамена, привела к разрушению основы основ инновационного развития — высококачественного русско/советского образования [3]. Качество обучения, как считает Малинецкий, падает, вместо образования мы получаем его симуляцию, имитацию. Но, тем не менее, «реформа» продолжается.

Необходимо также отметить, что, несмотря на провозглашенные Болонской декларацией компоненты — обязательность сочетания национальных традиций и инноваций, приобщение к иным национальным культурам, развитие самосознания, диалога и толерантности, — ориентация на «европейские ценности» (как приоритетные в культурной политике) была признана большинством участников Болонского процесса.

В связи с этим возникает резонный вопрос: почему мы с такой легкостью перенимаем и насаждаем на своей почве занесенные к нам идеи, далеко не всегда органичные для нашего национально-исторического и духовно-культурного бытия? Ответ может быть только один: мы не научились сопрягать новомодные идеологические поветрия с исконными ценностями нашей национально-исторической традиции, мы не привыкли верить ей истинность тех или иных идей, привносимых в нашу жизнь. Мы забыли, что *диалог культур* может происходить *только* в зоне *взаимного* уважения к ценностям, нормам и значениям *взаимодействующих* миров.

¹ Доцент кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (национального исследовательского университета), кандидат культурологии.

Великий русский мыслитель И. А. Ильин (1883–1954), всем сердцем любивший Россию и знавший Запад, как никто другой, оставил нам жесткий совет: «Плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и самим себе. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи» [4, с. 427].

Возрождение и восхождение русской цивилизации и культуры не начнется без «возвращения к себе», без поиска своей культурной самоидентификации, своего *культурного самоопределения*. Более того, именно в инаковости и цивилизационной самостоятельности залог нашего успеха на путях культурного (духовно-нравственного, геополитического, социально-экономического, научно-образовательного) возрождения России.

В решении задач самоидентификации и культурного самоопределения России огромную роль должны сыграть именно культурологические дисциплины, призванные обеспечить ценностно-ориентированную интенцию всей системе высшего образования.

В настоящее время положение культурологического образования в российских негуманитарных вузах вызывает вполне оправданное беспокойство. Уповая на бесконечные *инновации, трансформации, модернизации*, мы (в который раз уже) готовы строить «наш новый» инновационно-модернизированный мир, не беря в расчет тот факт, что университетская культура всегда была продуктом прошлых достижений и традиций, что основополагающей ценностью университетской культуры является поддержание институциональных традиций, проявляющихся не в отказе от предшествующих ценностных ориентаций, а в их приращении, расширении. С этой точки зрения университет выступает сразу в двух ипостасях — как механизм производства культуры и одновременно как гарант ее наследования.

В силу «случившегося» экономического кризиса и многочисленных модернизационных «метаний» значение и «удельный вес» культурологических дисциплин в техническом университете значительно ослабли. Конечно же, тому есть и объективные причины. Так, в силу своей относительной «молодости» культурологии еще предстоит «пробивать» себе дорогу «в мир», доказывая свою состоятельность как научной и учебной дисциплины. По этой же причине «вся система культурологизации образования нуждается в теоретической оснащенности, систематизации мирового и отечественного опыта, разра-

ботке поэтапного движения учащихся в области понимания культуры и культурологии» [5].

В сложившейся ситуации преподавание культурологии в техническом вузе требует от преподавателя известной доли терпения, упорства и мужества, так как на сегодняшний день правомерно говорить скорее о *выживании* культурологических дисциплин в образовательном цикле технического вуза.

Но, как известно, *дорогу осилит идущий*. И. А. Ильин писал, что одним из самых удивительных феноменов русского национального характера является умение «незримо возрождаться при зримом умирании», что в трудную минуту, русскому народу свойственно проявлять свои лучшие качества, обращаясь к нашему вечному духовному наследию, к истокам той силы, которая сделала наше Отечество великой державой.

Мы уверены, что культурология как наука и как учебная дисциплина имеет огромный духовно-нравственный и интеллектуально-инновационный потенциал для того, чтобы внести свою существенную лепту в дело достойного обновления и модернизации отечественной культуры, и прежде всего отечественного образования.

Залогом этой уверенности являются декларируемые культурологией приоритеты, которые подразумевают, с одной стороны, сохранение самобытности национальной культуры России, верность ее духовным и историческим традициям, а с другой — открытость и готовность перенимать лучшее из мирового опыта: не слепо и механически, но — творчески, сообразуясь с особенностями русского *культурного мира*.

Нет сомнений, что культурологические дисциплины, являясь истинным духовно-нравственным *иммунитетом* против экспансии губительного для всей системы отечественного образования культа утилитарного знания и потребительского прогресса, помогут нашему Отечеству занять достойное место в мировом сообществе, выстроить равноправные отношения в диалоге с другими культурами и народами мира.

Литература

1. Марков А. П. Отечественная культура как предмет культурологии / А. П. Марков. — СПб., 1996.
2. Межуев В. П. Идея культуры / В. П. Межуев. — М., 2006.
3. Малинецкий Г. Г. Инновация — последняя надежда России / Г. Г. Малинецкий // Реальные инновации и их имитации в России : семинар Ин-та динамического консерватизма. — М., 2009.
4. Ильин И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М., 1993. — Т. 2. — Кн. 1.
5. Гончаров С. А. Культурология как фундаментальная инновация в современном образовании / С. А. Гончаров // Культурное многообразие: от прошлого к будущему : тексты участников Второго российского культурологического конгресса с международным участием. Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008 г. — СПб., 2010.

Ю. В. Сенько

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ²

Уважаемые коллеги! Тема, внесенная в название нашей секции, представляется мне настолько же актуальной, современной, насколько и «вечно-зеленой», непреходящей. Дело в том, что непрерывно длящийся диалог культур является конституирующей, атрибутивной характеристикой образования, включая и профессиональное. Это значит, что феномен образования может быть понят лишь в его непрерывности. При условии, что оно рассматривается как способ становления человека в культуре. Образование, говоря словами И. Канта, является проблемой без всякого разрешения, неисчерпаемым заданием культуры всем и каждому. В определении образования заложено понимание недостижимости его последней цели и бесконечности пути к ней. Тезис этот на первый взгляд пессимистичен. Но его пессимизм снимается историческим опытом: возможного нельзя было бы достичь, если бы люди снова и снова не тянулись к невозможному.

Нет человека образованного, но есть человек, образующийся в культуре. Человек образованный, образовавшийся — значит, человек ставший, совершенный, завершённый. Но таких людей не было и нет. Серьезный человек не отважится назвать себя таковым: «Только необразованный человек может утверждать, что он сполна разрешил для себя проблему образования»³. У входа в центр подготовки компании IBM (Эндикот, штат Нью-Йорк) на камне высечены слова: «Образование не достигает точки насыщения».

В гуманитарной парадигме профессиональное образование — это становление становящегося человека в профессиональной культуре. И процесс этот не имеет завершения. Другими словами, образование — это всегда реализующаяся возможность самообразования. Образование, по сути, и есть самообразование: «Надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной. Вот волосы седые, а работа не окончена», — говорил Я. Корчак. Надо отыскать себя в профессии, и поиск этот непрерывен — добавлю я в контексте нашего разговора.

Непрерывность образования предполагает преемственность различных его ступеней и возможность последовательного восхождения по ним, продолжения и смены образования. Чтобы обеспечить непрерывность образования, реализуются межпредметные связи, принципы последовательности, систематичности, преемственности, условия перехода

от образования к самообразованию и др. При всем многообразии мер и способов, ориентированных на обеспечение непрерывности образования, есть общее, единое основание, на котором эти меры и способы могут быть реализованы. Попробую на основе анализа временных характеристик образования показать, что таким основанием выступает диалог.

Установка не «образование на всю жизнь», а «образование через всю жизнь» выверена опытом многих поколений и отражена в народной пословице «Век живи — век учись». Эта способность учиться всю жизнь отражена и в номенклатуре (социальные, коммуникативные, императивные, способность учиться всю жизнь) ключевых компетенций ЮНЕСКО. Таким образом, время — прошлое, настоящее, будущее — оказывается включенным в непрерывное образование всех и каждого. Связь непрерывности и диалога как онтологического основания образования становится понятной, если учесть, что образование — дар моего духа Другому, что оно — обращение к Другому за сочувствием, сомыслием, содействием.

Результатом профессионального образования, если корректно использование термина «результат» в контексте непрерывности, выступает становящийся образ, образ человека образующего в профессии, человек сам-себя-образующих-здесь, сейчас, в данное мгновение. Образование — всегда настоящего времени и в настоящем времени, хотя основано на прошлом и устремлено в будущее. Но что же обеспечивает непрерывность образованию, придает ему характер настоящего и не только во времени? Я полагаю, что ключевым условием, основанием непрерывности образования является «незавершимый» (М. М. Бахтин), длящийся в этом процессе диалог как гуманитарное определение мышления, взятое в его всеобщности. Вследствие своей универсальности диалог не сюжет, не фрагмент учебного занятия, так как не кончается с той или иной образовательной ситуацией. Более того, сама жизнь, по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге — вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п.⁴

В своих институционализированных формах профессиональное образование предполагает как минимум диалог трех культур:

- а) культуру будущего специалиста или слушателя курсов повышения квалификации;
- б) культуру преподавателя, в том числе и его профессиональный опыт;
- в) «ставшую» культуру — социальный опыт — часть общественно-исторического опыта, ему изоморфную и зафиксированную в проектах содержания образования (стандарт образования, учебный план, учебная программа, учебное пособие и др.). Это действительно проекты, которым предстоит

¹ Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование научного стиля мышления учащихся в процессе обучения», «Диалог на уроках физики», «Гуманитарные основы педагогического образования», «Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя» и др.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00163а).

³ Гессен С. И. Основы педагогики. М., 1995. С. 35.

⁴ Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 351.

встреча с культурами непосредственных участников педагогического процесса.

При этой встрече обязательно произойдут изменения в содержании образования — его обретения и потери. Оно будет преобразовано конкретным учащимся и преподавателем в их содержание обучения. А содержание обучения включает в себя культуру непосредственных участников обучения. Ведь усваивать — значит объединять продукты «чужого», общественно-исторического опыта с показателями собственного. Очевидно, что содержание образования не тождественно содержанию обучения. Содержание образования стандартно, анонимно, всеобщее, внеличностно, добыто кем-то и когда-то («личность притаилась, погибла в параболе», — А. И. Герцен). Содержание же обучения личностно, интимно, не тиражируемо, разветвляется здесь и сейчас, на данном учебном занятии именно этим преподавателем с этими слушателями.

Если содержание образования дано, то содержание обучения задано самими участниками процесса обучения в ходе этого процесса. Иными словами, до начала процесса обучения его содержания еще не было «в природе». Что из содержания образования будет вычерпано и что будет внесено в это содержание преподавателем и учащимся, как причудливо это будет переплавлено в их образах, действиях, мыслях, чувствах, станет знанием «живым», родным, насущным, пристрастным — вопрос будущего, и он всегда открыт.

Содержание образования представлено в педагогическом процессе текстами культуры. Однако не всякий текст культуры становится текстом образовательным. Образовательным этот текст станет для конкретного учащегося при условии, что перед ним не безличностная информация, а духовное послание автора текста, который ожидает встречи со своим читателем-учеником. Содержание образования — это «горизонт ожидания» (Х.-Г. Гадамер), точка возможного пересечения мира текста и миров учащего и учащегося.

Что при этом происходит — большой педагогический вопрос. В ходе обсуждения его психо-

логической стороны применительно к проблеме наглядности А. Н. Леонтьев приходит к выводу: «Каждый *материал* представляет в этих случаях именно материал, в котором и через средство которого собственно *предмет усвоения* еще *только должен быть найден*». В наглядном материале предмет усвоения *дан* учащимся, но не *задан им*, явлен им, но еще не *проявлен* для них. Обращен в будущее, находится в предстоянии и учебник-книга, в котором собраны учебные тексты. Однако проблема в том, что учебных текстов не существует. Есть тексты — звенья в цепи культуры, которым суждено или не суждено стать учебными в процессе взаимодействия конкретного слушателя и конкретного преподавателя. Вот почему находим у К. Д. Ушинского: образование — это то, чего еще нет.

Напрашивается вопрос: если наглядному материалу еще предстоит стать наглядным, тексту культуры — учебным текстом, «чужому», «мертвому знанию» — «своим», «живым», если все в будущем, то что же в настоящем? Что делать педагогу сейчас, сегодня? В общем виде ответ очевиден: создавать условия для перевода содержания образования в содержание обучения. Этот вывод мне удалось сформулировать 10 лет назад. Применительно к проблеме наглядности он был получен 35 лет назад В. Г. Болтянским. Он предложил формулу наглядности: *изоморфизм + простота*, то есть были определены дидактические условия, необходимые для обнаружения предмета изучения в различных видах наглядного материала.

Таким образом, будущее в процессе образования выступает не только отражением целевых установок образования, оно является онтологическим основанием образования, определяя сам факт его непрерывного движения. Образование всегда накануне себя: оно в культурном предстоянии человека, в обращении к его духовному опыту. Другими словами, построение образования на диалогической основе является условием его непрерывности.

Н. П. Терентьева¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ШКОЛЬНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Идея диалога является одной из методологических основ современного понимания сущности искусства, а философская, эстетическая категория диалога культур во многом определила представление о системе школьного литературного образования, что последовательно реализовано в «Программе литературного образования», разработанной под руководством профессора, члена-корреспондента РАО В. Г. Маранцмана. В программе системно разработаны историко-эстетические подходы к явлениям искус-

ства, подтверждающие диалогическую сопряженность в изучении отечественной и зарубежной литературы. Авторы программы исходили из представления о том, что «своеобразие национальной культуры невозможно осознать вне сопоставления русской и мировой литературы, произведения которой в школьной программе могут быть представлены скупой, но вместе с тем позволяют увидеть основные вехи развития литературы в разнообразных национальных образцах в каждую историческую эпоху»².

¹ Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук.

² Программа литературного образования: 5–9 классы / под ред. В. Г. Маранцмана. М., 2005; Программа литературного образования: 10–11 классы / под ред. В. Г. Маранцмана. М., 2005.

В 9-м классе, например, дана панорама эпох развития литературы от Античности до современности, обозначены проявления взаимодействия и возможности диалогической интерпретации произведений разных эпох и культур. Обзорному знакомству с древнегреческим театром, трагедией Эсхила «Прикованный Прометей» сопутствует обращение к ее интерпретациям в изобразительном искусстве и музыке (Пьеро де Козимо, Ф. Гордеев, Ф. Лист), сравнение ее с поэтической пьесой М. Карима «Не бросай огонь, Прометей!», рассказом М. Горького «Старуха Изергиль». Диалогическая позиция ученика-интерпретатора может быть выражена в творческой работе «Где и как я поставил бы “Прометей” Эсхила?» Освоение античной лирики (Катулл, Сафо) предполагает поиск ее эха в русской лирике (А. С. Пушкин «Египетские ночи», «Мальчику (Из Катулла)», А. А. Ахматова «Нам встречи нет...», «И когда друг друга проклинали...», «Заплаканная осень, как вдова...», И. А. Бродский «Письма римскому другу»).

В отборе произведений зарубежной литературы учитываются характер их взаимодействия с русской литературой, степень популярности произведений зарубежного автора среди русской читающей публики в разное время. В 10-м классе это Э. Т. А. Гофман («Крошка Цахес по прозвищу Циннобер»), П. Мери («Кармен»), И.-В. Гёте («Страдания юного Вертера»), «Фауст»), Стендаль («Красное и черное»), О. де Бальзак («Евгения Гранде»), Ч. Диккенс («Большие надежды»), Г. Флобер («Госпожа Бовари»), А. Рембо («Пьяный корабль»).

Так, знакомство с личностью, творчеством Чарльза Диккенса включает обращение к вопросу о «русском Диккенсе», отзывам о нем русских писателей (Гоголь, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Достоевский, Толстой), побуждающим учащихся понять, почему именно с Диккенсом так сроднилась русская литература. В ходе анализа романа «Большие надежды» диалог английского и русских классиков станет очевидным, так как обнаружатся «точки» их сопряжения: реализм, демократическая, гуманистическая направленность, сатирическое начало. Акцентируются типологически родственные мотивы: изображение социальных контрастов буржуазного мира, участи «бедных людей», внимание к детской душе, размышление об истоках преступлений, «нравственное отношение» (Л. Н. Толстой) к предмету изображения. В качестве индивидуальных творческих заданий учащимся предлагается сравнить Лондон Диккенса и Петербург Достоевского, мотив утраченных иллюзий в романе Ч. Диккенса и повести И. А. Гончарова «Обыкновенная история», исследовать роль криминально-детективного сюжета в романах «Преступление и наказание» и «Большие надежды», выявить, чем близки нравственные идеалы Ч. Диккенса, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого¹.

¹ Терентьева Н. П. Диккенс // Литература: 10 класс. Учебник. Базовый и профильный уровни : в 2 ч. / под ред. В. Г. Марцманна ; РАН ; РАО . 6-е изд. М., 2009. Ч. 2. С. 370–379.

Очевидно, что обозначенный подход к реализации диалога культур на уроках литературы может быть осуществлен в условиях профильного филологического обучения. В школах с углубленным изучением иностранных языков нередко вводится курс зарубежной литературы. Главные цели изучения зарубежной литературы петербургский методист И. Л. Шолпо формулирует так: «...воспитывать *терпимость* к чужим традициям и мировоззрению, *интерес* к другим народам и *желание понять* другую культуру не как экзотическое явление, а как равноправный и равноценный мир, *включить* изучение чужой культуры в *диалог* со своей собственной, предотвратить формирование замкнутого национально-патриотического сознания»². Выстраивая последовательно школьный курс зарубежной художественной литературы с 5-го класса, она замечает, что в старших классах историко-литературный курс будет разным в зависимости от того, какой иностранный язык изучается в школе как основной: курс литературы Англии и США в английских школах, литературы Франции — во французских, Германии и Австрии — в немецких и т. д. Литература же других стран будет рассматриваться лишь в качестве отдельных реплик в диалоге с литературой страны изучаемого языка.

Возможности диалога культур в исследовательской деятельности учащихся по литературе выявлены нами в процессе руководства филиалом НОУ (научного общества учащихся) лингвогуманитарной гимназии № 48 г. Челябинска, где основным иностранным языком является французский.

Диалог культур России и Франции определил типологию тем, содержание исследований старшеклассников³.

Целью ученического исследования по литературе является читательская интерпретация заинтересовавшей школьника проблемы. Это сфера самообразования, самостоятельного поиска (разумеется, под чутким руководством педагога). Внимание к слову, тактичный анализ текста — путь к обоснованному, доказательному решению проблемы, а в конечном итоге — к интерпретации. Заметим, что в случае обращения к произведениям французских авторов ученики работают с подлинниками французских текстов. Исследование превращается в диалог языковых личностей — русскоязычного исследователя, переводчика и французского писателя, что, естественно, требует исключительного внимания к языку оригинала.

Типология тем ученических исследований на основе диалога культур

1. Темы сравнительно-сопоставительного характера, целью которых является компаративный анализ оригинального текста и его перевода:

² Программа по зарубежной художественной литературе для 5–6 классов средней школы : кн. для учителя / под ред. И. Л. Шолпо. СПб., 1999. С. 3.

³ Россия–Франция : диалог культур в исследованиях учащихся / сост. и общ. ред. Н. П. Терентьевой. Челябинск, 2002.

Сравнительный анализ басен Ж. де Лафонтена и И. А. Крылова.

«Пиковая дама» Пушкина в переводе П. Мериме.

Басни Лафонтена в переводе В. А. Жуковского.

«Пиковая дама» Пушкина в переводе А. Жида.

Поль Верлен в русских переводах.

Русские переводчики Беранже.

Роман А. Макина «Французское завещание» и его русский перевод.

Роман О. де Бальзака «Евгения Гранде» и перевод Ф. М. Достоевского.

Сказки Шарля Перро в переводе И. С. Тургенева.

2. Страницы жизни многих русских писателей связаны с Францией, ставшей частью их судьбы и творчества: И. С. Тургенев, А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, И. Эренбург и др. Это обстоятельство определило такой тип темы, как «Франция Марины Цветаевой», «Франция О. Э. Мандельштама».

3. Исследование русских (российских) реалий, лингвистических вкраплений во французском тексте, а также французских и иных реалий в произведениях русской литературы:

Варваризмы в романе А. Макина «Французское завещание».

Французские, английские, немецкие реалии в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

4. Исследование функции французского языка в произведениях русской литературы, эпистолярном наследии русских писателей:

Эпистолярная культура XIX века в письмах А. С. Пушкина на французском языке.

Средства интимизации в письмах И. С. Тургенева к Полине Виардо.

Французский язык в произведениях А. С. Пушкина.

Французская речь в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Галлицизмы в романе «Евгений Онегин».

Галлицизмы в пьесах А. Н. Островского.

5. Исследование взаимосвязей в жизни и творчестве русских и французских художников:

А. С. Пушкин и А. Шенье.

А. С. Пушкин и Парни.

И. С. Тургенев и Г. Флобер.

В. Маяковский и Ф. Леже.

6. Типологические связи произведений русской и французской литературы (тематика, проблематика, образы, мотивы):

Сатирическое мастерство (Н. В. Гоголь «Мертвые души» и О. де Бальзак «Утраченные иллюзии»).

Мотив утраченных иллюзий (И. А. Гончаров «Обыкновенная история» и О. де Бальзак «Утраченные иллюзии»).

Предложенная типология тем ученических исследований на основе диалога культур может быть перенесена в сферу проектно-исследовательской деятельности школьников, изучающих другие языки.

Самостоятельность, самообразование, саморазвитие, самоопределение — таковы личностные новообразования, которые формируются в процессе исследования. Ученик сам начинает выстраивать траекторию своего движения в мире культуры, вечных ценностей.

Диалог культур как один из подходов к литературному образованию убеждает в справедливости суждения Д. С. Лихачева: «Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур, удаленных от нас во времени и в пространстве — древних и других стран. Каждая из культур прошлого или своей страны становится для интеллигентного человека «своей культурой» — глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого»¹.

В. Е. Триодин²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Глобальные перемены, произошедшие в обществе за последнюю четверть века, не получили пока сущностного определения. Американский социолог и футуролог, лауреат Нобелевской премии Э. Тоффлер ввел понятие «футурошок», но это скорее эмоциональная характеристика людей, подвергнутых слишком большому количеству перемен за короткий срок. Используемые в специальной литературе понятия — «инновационное общество», «информационное общество» и тому

¹ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 207.

² Директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Воспитание увлечением: формирование и деятельность клубных объединений», «История и теория социально-культурной деятельности» и др.

подобные — отражают всего лишь какую-то одну сторону грандиозной перестройки. Но даже в рамках этой отдельно взятой грани легко просматриваются новые системные свойства общества. Так, люди, овладевшие современными средствами связи, демонстрируют принципиально новые формы и способы общения, организации, коллективную волю. Происходит даже медиатизация языкового сознания — рождается медиаязык. Эти вновь приобретенные качества прошли своеобразную экспериментальную проверку на Ближнем Востоке. Произошедшие там события специалисты связывают с «электронной революцией» или «революцией Твиттера». Протестующие через социальные сети, с помощью мобильных телефонов или sms вырабатывали совместные планы, действовали как единый организм.

Россия стоит на пороге квантовой революции. С ней связывают изменение самой природы материи. Но это означает, что изменится и природа человека. Нужны серьезные исследования, чтобы понять, что происходит, в каком направлении движется общество. Без этих исследований не может существовать ни одна наука о человеке, и прежде всего педагогика. Ведущие теоретики педагогики (Д. И. Фельдштейн) отмечают, что система образования исчерпала себя. И не потому, что плоха, а потому, что не соответствует реалиям современного общества, которое исторически переросло ее.

Современная теория образования потребует пересмотра, казалось бы, незыблемых основ, например классического представления об объекте и субъекте образовательного процесса. Еще в конце прошлого века выдающийся математик Н. Н. Моисеев показал, что разрыв между субъектом и объектом невозможен. Все, что нас окружает, и мы сами — лишь элементы некой единой системы, из которой выделить тот или иной объект можно лишь условно.

Новые достижения науки и техники требуют корректировки или пересмотра мировоззренческих позиций. Придется признать значимость интуиции, иррационального мышления в познании. Захватывающе интересна постановка вопроса о коллективном интеллекте как показателе утверждения на планете информационного общества. Коллективный интеллект — это не арифметическая совокупность индивидуальных интеллектов, а качественно новое явление. Грандиозный организм планетарного человечества как бы обретает мозг, общий планетарный интеллект (Н. Н. Моисеев). Собственно говоря, концепция коллективного разума — логическое развитие идеи славянофилов о соборности. Скорее всего, она и должна бы была получить название соборного разума. Все чаще исследователи обращаются к утверждению Н. А. Бердяева о том, что человек по природе есть некий великий мир — микрокосмос. Наука сделала немало открытий о связи человека как микрокосмоса с космосом. Поэтому трудно себе представить современную педагогику без осмысления концепции космизма В. И. Вернадского, космического воспитания К. Н. Вентцеля.

Становление современной теории образования требует пересмотра ее отношения с культурой. Сегодня с образованием произошла мутация. Из него исчезла культура. Надо пропитать образование культурой, ибо именно она — основание содержания образования (А. М. Новиков), предпосылка и результат образования человека (Н. В. Бордовская, Н. А. Реан).

В марте 2010 года Президиум РАО заслушал сообщение академика А. С. Запесоцкого «Культурология и педагогика: проблемы взаимосвязи», в котором он предложил считать исследования на стыке педагогики и культурологии одним из приоритетных направлений деятельности РАО; создать НИИ культурологии. Президиум РАО рекомендовал своим подразделениям изучить возможность интеграции достижений культурологии в педагогике.

Пристального внимания и осмысления требует опытно-экспериментальная работа по соединению культуры и образования, проводимая в некоторых регионах.

В Центре образования № 686 г. Москвы ученики обучаются сразу в трех школах: общеобразовательной, музыкальной и драматической. В Санкт-Петербурге при Государственном Русском музее с 1990 года действует Российский центр музейной педагогики и детского творчества. Центр разработал новую программу полихудожественного развития детей. Изобразительное искусство, музыка становятся согласно программе обязательными компонентами обучения и формирования личностной культуры. Программа была апробирована в школе № 199, которая получила статус Всероссийской гимназии при Государственном Русском музее. Сегодня по программе полихудожественного развития работают уже 42 региона России. Ее важным звеном стало привлечение к преподаванию искусствоведов. Расширение педагогического корпуса — новая тенденция современной школы. В конце 2010 года в российских школах проходила акция «Знаешь — научи». Те, кто достиг определенных высот в своей профессиональной карьере, пришли в классы, где когда-то учились сами, чтобы провести «урок успеха».

Русский музей апробирует не только новую образовательную программу, соединяющую культуру и образование, но и, по существу, новый тип образовательного учреждения на стыке школы и музея.

Идея образовательного центра как совокупности образовательно-культурных учреждений региона — школы, клуба, библиотеки, музыкальной школы, театра и тому подобных — была в 1930-е годы высказана С. Т. Шацким. Сегодня она вновь оказалась востребованной.

Разработанная Русским музеем модель образования идеально подходит и для образования взрослых. Более того, из-за отсутствия массовых образовательных учреждений сами учреждения культуры становятся образовательными институтами взрослых.

Статистика показывает, что неформальное образование взрослых смещается в социально-культурную сферу. Она становится осью, вокруг которой образование взрослых набирает неслыханные обороты. Здесь рождаются новые необычные формы образования, требующие вдумчивого изучения и анализа. Одна из них — буккроссинг (обмен книгами между незнакомыми людьми). Человек сознательно оставляет прочитанную книгу в общественном месте, чтобы кто-то другой мог эту книгу найти, прочитать и передать по отлаженной цепочке еще кому-то. Буккроссинг — попытка создать мировой книжный клуб, членом которого может стать любой, умеющий читать. Философия буккроссинга проста: книга живет до тех пор, пока она перечитывается, а идеи, изложенные в ней, обдумываются. Книги умирают, простаивая на пыльных полках. Отсюда лозунг буккроссеров «отпустите книгу на волю».

Изменилась и содержательная сторона деятельности учреждений культуры. Они становятся комплексными социально-культурными институтами. Это отчетливо видно на примере тех же музеев. Музей перестал быть только хранителем святынь. Сегодня музей — это и храм, и театр, и концертный зал, и научно-учебный центр, и многое другое. Музеи расширяют свое культурное пространство. Возводятся целые музейные города. Выставочными залами музеев становятся улицы, площади. Ночь в музее — такая же реальность, как день.

В образовательном пространстве рождается новая школа диалога культур. Диалог — показатель назревшей потребности в смене научной парадигмы. Сегодня, например, обострилась потребность в кросскультурной грамотности.

Конструктивность диалога культур обусловлена осознанием партнерами глубинной внутренней взаимосвязи друг с другом, общностью конечных жизненных целей, наличием объединяющих идей, ценностей. В США, например, ежегодно проходят молитвенные завтраки: завтраки начинаются с молитвы, затем происходит обмен мнениями с участием президента США. Американцы показывают, что у них могут быть разные политические взгляды, но у всех общий Бог. Общая молитва — связующее звено яростных политических противников. После молитвы они более доброжелательно, конструктивно ищут пути решения возникших проблем.

История накопила немало фактов сближения культур в результате диалога, взаимодействия. Замечено, например, что победители нередко приобретают черты побежденных. Противостояние Запада и Востока (по Кипплингу, «Запад есть Запад, Восток есть Восток») оказывается не такое уж и незыблемое. Исследователи отмечают активное усвоение Западом культуры Востока. Это проявляется в массовом увлечении восточными единоборствами, танцами, интересом к учениям восточных философов. Наблюдается любопытная тенденция сращивания народной музыки с роком и электрогитарами. Тропой рок-н-ролла пошла даже классическая музыка. Из синтеза рока и оперы родился новый жанр «рок-опера».

Вместе с тем надо иметь в виду, что смысл и суть диалога культур состоит не в синтезе культур, не в поглощении одной культуры другой, не в обосновании претензий какой-то культуры на абсолютную истину, а в формировании презумпции равенства культур, взаимоуважительного отношения между ними. Петербургские библиотеки много делают для взаимопонимания культур. В Библиотеке национальных литератур демонстрируется «Карта-путеводитель “Многонациональный Петербург”». На карте отражено влияние разных национальностей на формирование облика города. В библиотеке им. М. Ю. Лермонтова можно увидеть спектакль по повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». В библиотеке им. В. В. Маяковского работают курсы русского языка, информационный центр для иммигрантов.

Анализ деятельности учреждений культуры показывает, что они на практике реализуют положение М. М. Бахтина о диалоге как взаимопонимании участвующих в этом процессе и в то же время сохранении своего мнения. Понимание культуры как социального опыта, педагогически адаптированного к образовательной сфере (В. В. Краевский), позволяет расширить границы традиционного видения процессов в образовании и обнаружить новые связи и взаимодействия.

Литература

1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. — 2010. — 1 дек.
2. *Бордовская Н. В.* Педагогика / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. — СПб. : Питер, 2004.
3. *Запесоцкий А. С.* Культурология и педагогика: проблемы взаимосвязи (текст докл. на заседании Президиума РАО, 31 марта 2010 г.) / А. С. Запесоцкий // Вопросы культурологии. — 2010. — № 6. — С. 4–9.
4. *Моисеев Н. Н.* Экология и образование / Н. Н. Моисеев. — М. : Юнисам, 1996.
5. *Новиков А. М.* Основания педагогики / А. М. Новиков. — М. : Эгвес, 2010.
6. *Фельдштейн Д. И.* Взаимосвязь теории и практики в формировании психолого-педагогических оснований организации современного образования / Д. И. Фельдштейн // Педагогика. — 2010. — № 10. — С. 3–15.
7. *Шацкий С. Т.* Из лекционного курса «Колхозное строительство в школе» / С. Т. Шацкий // Шацкий С. Т. Педагогические соч. : в 4 т. / С. Т. Шацкий. — М. : Просвещение, 1965. — Т. 4. — С. 16–75.

О. А. Фиофанова¹

ДИАЛОГ ОБРАЗОВАНИЯ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные.

Д. С. Лихачев

В условиях глобальных вызовов Нового времени культурная миссия образования амплифицируется, обогащается новыми смыслами и функциями. Университетам как институциональным образовательным структурам предстоит не только научить будущих специалистов смотреть на свою специальность вне зависимости от профиля, с общечеловеческой точки зрения, но и проектировать инновационные культурные пространства. Идея университета в философском аспекте — это идея развивающегося человека.

На новом этапе антропогенеза целесообразно создавать новые механизмы и инструменты организации работы образовательных учреждений в пространстве культурупорождающих практик. Однако приходится признать, что такая ориентация в деятельности современных образовательных учреждений не реализуется. Учебные заведения вольно или невольно концентрируют свою деятельность на оказании так называемых образовательных услуг, то есть не на прямом, а на опосредованном участии в общественных процессах. Поэтому культурная миссия образования сегодня «заслонена» игрой спроса и предложения на образовательные услуги.

Институционально университеты стали позиционировать себя как технопарки, университетские округа, оправдывая географические масштабы научно-технической деятельности, профориентационно-непрерывного образования.

Мы акцентируем внимание на проблеме образования как института проектирования пространства культуры. В трудах Д. С. Лихачева проблема актуализирована прогностически: «Сегодня много говорится о единстве различных “пространств” и “полей”. В десятках газетных и журнальных статей, в теле- и радиопередачах обсуждаются вопросы, касающиеся единства экономического, политического, информационного и иных пространств. Меня же занимает прежде всего проблема пространства культурного. Под пространством я понимаю в данном случае не просто определенную географическую территорию, а прежде всего пространство среды, имеющее не только протяженность, но и глубину»².

Культурное пространство как проектируемый феномен и педагогическое понятие определяется достаточно вариативно: это динамическая сеть взаимосвязанных социокультурных событий, созда-

ваемых в среде пребывания людей; это временное сочетание источников энергии, способных обеспечить развитие личности в соответствии с культурными целями. То есть можно сказать, что понятие проектирования культурного пространства связано с обозначением целостности средств, обуславливающих развитие целостности человека.

Успешность проектирования культурного пространства можно оценить параметрически. Параметр «*достаточность*» означает насыщенность проектируемыми культурными событиями, развитость культурной инфраструктуры. Параметр «*рациональность*» — это продуманность расположения, организации структур и функций проектируемого пространства (например, привязанность социокультурных проектов к нуждающимся нишам, а не прожектерство). *Постоянство* — непрекращение культурупорождающей деятельности, ее существование и реализация в долгосрочных программах (в отличие от дискретности как прерывности деятельности и ее ориентации на мероприятийный подход). *Скоординированность* — это взаимодействие организаций и учреждений как социокультурных институтов пространства, объединение их ресурсов для эффективного использования. Параметр «*активность*» обозначает включенность групп, общностей, конкретного человека в культуротворческую деятельность пространства в качестве субъекта этой деятельности³.

В основе анализа социокультурного проектирования лежит фундаментальная социально-философская методология И. Канта о понятии множества возможных миров: «Возможный мир — это мир, который может быть или мог быть. По отношению к миру существующему, актуальному он такая же реальность, но реальность нереализованная. Однако кто может доказать, что эта реальность не будет реализована, если сложатся соответствующие условия?»⁴ Специфике социокультурного проектирования отличает учет культурного фактора, потому что это проектирование социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений.

Идея участия гражданского общества в выработке и принятии решения по проектам, их корректировке, в недопущении произвольных социальных решений властей стала одной из общепринятых основ практики социокультурного проектирования во многих странах. Доктрина Public participa-

¹ Директор научно-образовательного центра «Социальное проектирование в сфере образования и культуры» Удмуртского государственного университета (Ижевск), доктор педагогических наук.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8.

³ Фиофанова О. А. Социальное проектирование культурного пространства: ревитализация городской среды // Социальная педагогика в России. 2010. № 5.

⁴ Kerzner H. Project Management: A System Approach to Planning, Scheduling and Controlling. 4th ed. N. Y., 1992.

tion, развивающаяся в Европе с 1960-х годов, строится на переходе от функционального к средовому (environmental) подходу — с активным участием жителей города в разработке и осуществлении социокультурных проектов. Реализация доктрины предполагает разработку процедур поддержки естественных социально-идентификационных механизмов, то есть отождествление участников процесса выработки решений с проблемными социокультурными ситуациями, а самого процесса — с диалогом, партнерством.

При этом жизненная проявленность человека в социокультурном проекте определяется следующими триадами (табл. 1).

Таблица 1

Смысловое пространство проекта	Экзистенции человека в проекте
Культурное	Ценности— путь—ответственность
Социальное	Замысел— реализация—рефлексия
Деятельностное	Цель—средство—результат

Функцию проектирования пространства культуры от лица университетов могут взять на себя научно-образовательные центры (НОЦы) как площадки опережающего развития, активизирующие потенциал студенческой молодежи, общественности города, власти и бизнеса в форме проектных групп как коллегиальных органов управления проектированием культурного пространства. Результаты реализации социокультурных проектов могут стать основой психологических, социологических, педагогических, по-

литических, экономических исследований (что рассматривается в документах модернизации высшего образования как первичная функция НОЦов).

За текущий учебный год нами реализовано несколько социокультурных проектов (представленных на сайте serdcegoroda.ru), в том числе: тематическая площадка «На планете Маленького Принца» (диалоги власти—бизнеса—общества—человека о детстве); управленческие мастерские «Менеджмент в социокультурной сфере и социально ответственный бизнес: на пути к экономике счастья»; стратегические игры «Человек в пространстве культуры» (осмысление деятельности в аспекте культурного вклада); детско-родительская студия «Витражи времени» (межпоколенные отношения); проектные мастерские «Архитектура будущего» (художественные и музыкальные проекты молодежи) и др. В апреле 2011 года планируется реализовать институционально-семейный проект «Большая квартира» (проект представлен на сайте университета: udsu.ru).

Так, образование становится институтом проектирования культурного пространства, а социокультурные проекты выполняют функцию ревитализации городской среды. Ревитализация — восстановление активных функций общества в среде на микро-, мезо-, макро- и мегауровне (табл. 2).

Образование необходимо рассматривать не только как *культуроосвоительную практику* (освоение содержания образования как пласта культуры), но и как *культуропорождающую практику*, что особенно актуально в условиях цивилизационного перехода.

Таблица 2

Уровень ревитализации	Основные действующие лица	Примеры потенциальных функций НОЦ
Микроуровень	Человек, люди, население, граждане, жители, социальные страты и целевые группы, социальные роли и статусы, профессиональные позиции, функционалы, должности и т. д.	Улучшение качества жизни людей через увеличение возможностей для социокультурной реализации личности; реализация потребности в нахождении себе подобных — социальная идентификация
Мезоуровень	Учреждения, организации, производства, хозяйства, государственные, муниципальные, частные (коммерческие) и общественные (некоммерческие) структуры	Контроль за качеством социальных услуг; поддержка профессиональных и этических стандартов в сообществах, осуществляющих деятельность в социальной сфере
Макроуровень	Внутренние факторы влияния на территории, социальные институты, органы власти и управления; социальные, экономические, финансовые, нормативные, политические, организационные и другие процессы и соответствующие им территориальные инфраструктуры и сети	Экспертиза принимаемых в социальной сфере решений, лоббирование интересов отдельных социальных групп (например, молодежные социальные инициативы), осуществление самоуправления, в том числе определение (ограничение, расширение) пределов вмешательства государства в данную сферу
Мегауровень	Субъекты внешнего влияния на территорию: федеральные, региональные и международные факторы	Осуществление связи и кооперация региональной деятельности с общей деятельностью внутри сетевых и международных организаций, информирование общественности, формирование имиджа региона, привлечение внешних ресурсов в социальную сферу
Метауровень	Мифы, идеи, теории, принципы, стереотипы, нормы и правила, определяющие потребности, поведение, деятельность, жизнь и взаимодействие факторов и участников процессов в культурном пространстве	Пропаганда идей культуры, развитие гражданских и семейных ценностей, ответственное самоограничение различных социальных слоев, развитие гражданских диалогов и т. п.

М. Н. Фроловская¹ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ–СТУДЕНТ»²

Личность вырастает только при существовании «обратной связи» с другими личностями.

Д. С. Лихачев

Образование сводит друг с другом людей, стремящихся обнаружить смыслы как в предметном содержании, так и во взаимоотношениях, ощутить себя частью мира и увидеть себя в других. Нельзя объективировать педагогические знания, исключая субъективный мир преподавателя и студента. В непосредственных участниках педагогического процесса высшей школы сущностное открывается при условии организации взаимодействия «преподаватель–студент», направленного на совместный поиск смыслов. В таком случае ориентации высшей школы на освоение стандартов и перечня компетенций (преимущественно в монологе) становится явно недостаточным. Необходимо развертывание диалога, педагогическим основанием которого выступает гуманитарно ориентированный профессиональный образ мира самого преподавателя.

Профессиональный образ мира педагога можно рассматривать как универсалию педагогической культуры, целостное отношение к педагогическому процессу, к себе и другим его участникам, включающее аксиологическую (ценности и смыслы), онтологическую (взаимодействие непосредственных участников педагогического процесса), методологическую (принципы стиля педагогического мышления) составляющие. Все три составляющие взаимосвязаны, так или иначе замыкаются (или размыкаются?) на диалоге. Во-первых, представления педагога о самом себе и своей деятельности выводят определенную шкалу ценностей педагогической культуры, определяют теоретическое осмысление и эмоциональное переживание ядра педагогического процесса — взаимодействия с «другим». Во-вторых, все составляющие профессионального образа мира организуют взаимодействие особого характера через обращение к «другому». В-третьих, они являются базисной структурой, определяющей стиль педагогического мышления, принципами которого (Ю. В. Сенько) выступают метафоричность, рефлексивность, понимание, другодоминантность и, конечно же, диалогичность.

Гуманитарная направленность профессионального образа мира педагога проявляется, прежде всего, в помощи «другому» пробиться к об-

разу, выстраивая и свой собственный профессиональный образ мира в диалоге. Диалог в педагогическом процессе высшей школы многомерен. Он представляет собой своеобразное пространство, где каждый проявляет свое индивидуальное видение образа мира, где реализуются процессы самоосуществления. Это и средство, с чьей помощью открываются ценности, образцы культуры, смыслы, носителем которых является преподаватель. В то же время диалог — это мощный резерв становления профессионального образа мира педагога, возможность «вхождения» в педагогическую культуру.

Д. С. Лихачев полагал — и не без оснований, — что миссией образования является помощь человеку войти в пространство культуры, человеческой деятельности, жизненных ценностей и смыслов. «Вхождение» в смысловое поле возможно лишь в диалогическом взаимодействии. Диалог в педагогическом образовании предполагает преподавателя — носителя такого «проникновенного слова», которое, по М. М. Бахтину, вмешивается во внутренний мир Другого и позволяет ему услышать собственный голос. Диалог не может выстраиваться без взаимного понимания, при котором сохраняется уважительное отношение к жизненному опыту преподавателя и студента, устанавливается приятие друг друга, когда каждый ставит себя на другого.

«Другой» значителен не потому, что он такой же, как и «я», но потому, что он *иной*. Этот «другой» обогащает бытие педагога. Быть другим — это возможность и «я», и «другого». «Я» есть нечто другое, чем «ты». Каждый (и педагог, и студент, и автор текста «ставшей» культуры) смотрит на мир через призму собственного образа мира. В процессе профессионально-педагогического диалога субъективные пространства преподавателя и студента проникают друг в друга, что и образует пространство их взаимодействия. Это диалоговое пространство культуры позволяет каждому, не становясь другим, выйти за пределы собственной культуры, вжиться, вчувствоваться в чужой контекст восприятия мира и определяется степенью открытости, желанием сделать предметом согласования свои мысли и чувства, способностями всех участников педагогического процесса к пониманию «другого».

Для преподавателя быть организатором смыслового взаимодействия — значит сделать общение личностным, добиться взаимопонимания и каждым своим действием постоянно реализовывать готовность учиться у своих учеников. Способность педагога к профессиональному самоопределению (являющемуся одним из проявлений его *смыслоопределения*) можно понять, рассматривая степень его

¹ Доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук, докторант, почетный работник общего образования РФ, лауреат Премии Правительства РФ в области образования за 2009 год. Автор монографий: «Становление профессионального образа мира педагога», «Гуманитарное основание профессиональной культуры педагога», учебных пособий: «Педагогика понимания» (в соавт.), «Учитель–Ученик: возможность понимания», «Педагогика искусства», «Педагогика» и др.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00163а).

открытости (или закрытости) для взаимодействия с миром культуры, «другого» (в первую очередь ученика).

Известна русская гуманистическая мысль о проблеме смысла человеческого бытия: человек — основа бытия, но сущность человека не в нем самом — она предназначена ему культурой, миром, человеческим общением (Н. Бердяев, Д. Лихачев). Качественное содержание человеческой жизни определяется отношением личности к другим: «Личность не самодостаточна, она не может довольствоваться собой. Она всегда предполагает существование других личностей. Личность предполагает различия, установку разности личностей, то есть видение реальностей в их истинном свете»¹. В этом смысле гуманистический характер профессионального образа мира и проявляется в ориентации педагога прежде всего на участников педагогического процесса, в диалоге с которыми он открывает, уточняет, развивает самого себя и реализует собственную позицию.

Этот диалог и есть «святая святых педагогического процесса. Только внутри него совершается таинство становления личности» (М. Бубер). Попытка смотреть одновременно с нескольких позиций похожа на попытку наблюдать предмет, ситуацию сразу с нескольких точек. Чтобы раскрыть потенциал студента, важно усмотреть в нем не просто сумму качеств, стремлений, но воспринять его в некоей цельности, увидеть в нем конкретную личность во всем ее богатстве. Но для этого необходимо, чтобы студент каждый раз оказывался партнером в социокультурной ситуации, которая в ходе диалогового взаимодействия становится педагогической. Пере-

вод ситуации в педагогическую строится на основе профессионального образа мира преподавателя в диалоге «я» (преподаватель) и «ты» (студент). Когда преподаватель «узнает “другого” во всей его инаковости как самого себя и прорвется к этому “другому” извне»², только тогда он прорвется в этой преобразующей встрече и к самому себе. Через «ты» каждый участник педагогического процесса становится «я», формируется его профессиональный образ мира.

Педагогическую деятельность, возникающую в диалоге, М. Бубер, М. М. Бахтин называют сферой «между». «Между» — не вспомогательная конструкция, но истинное место и носитель межличностного события в педагогической деятельности. Профессиональный образ мира педагога одновременно детерминирует диалог и обусловлен диалогом, где каждый обращается непосредственно к Другому и вызывает его на непредсказуемый ответ, настоящий урок (а не автоматически повторяемый, и не тот, результаты которого наперед известны преподавателю).

Суть «между» реализуется не в деятельности того или другого участника педагогического процесса, не в том реальном пространственно-временном мире каждого, но в самом буквальном смысле — «между ними обоими, словно в некоем, им доступном измерении»³. И в самые яркие моменты диалога педагогической деятельности выясняется, что «стержень происходящего — не индивидуальное, не социальное, а нечто третье»⁴. Скорее всего, это «нечто третье» и есть профессиональный образ мира педагога, на основании которого выстраивается взаимодействие «преподаватель—студент» в профессионально-педагогическом диалоге.

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 355.

² Бубер М. Я и Ты. М., 1993. С. 152.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 155.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. И. 20
Абрамов С. Р. 261
Авксентьев В. А. 421
Адищев В. И. 533
Акаев А. А. 21
Аксюмов Б. В. 264
Алимжанов А. 490
Анчев П. 24
Асадуллин Ф. А. 266
Астафьева О. Н. 269
Астахов Е. М. 216
Афанасьев В. Г. 272
Ашкинази С. М. 535
Бирженюк Г. М. 423
Богомолов О. Т. 27
Большаков В. П. 274
Бонненберг Х. 219
Борисов О. С. 276
Бузина О. 30
Буров Н. В. 278
Бусыгин А. Е. 35
Васильев В. Н. 538
Васильев Ю. С. 540
Вербицкая Ю. А. 491
Ветчинова М. Н. 541
Виноградов О. М. 38
Витрук Н. В. 449
Власов Ф. Б. 454
Возьмитель А. А. 281
Волощина В. А. 283
Вольф Й. 40
Воронцов А. В. 543
Гаджиев Г. А. 43
Галицких Е. О. 544
Ганшин В. Г. 455
Гатилов Г. М. 46
Гезалова гызы К. А. 418
Гербер А. 492
Геруля М. 494
Глаголев В. С. 284
Голигорский Ю. 496
Горбенко А. Н. 48
Горшкова В. В. 546
Гранин Д. А. 54
Графский В. Г. 457
Громадский Р. Б. 285
Громыко А. А. 56
Гуревич П. С. 286
Гусев П. Н. 58
Гусева Е. А. 288
Гусейнов А. А. 61
Делягин М. Г. 224
Денисов А. В. 290
Дзялошинская М. И. 497
Дмитриев А. В. 425
Долгов К. М. 291
Доровских Е. М. 548
Дудин Н. П. 550
Дуткевич П. 65
Дымченко Н. В. 292
Дятлов А. А. 499
Дятлов С. А. 294
Евсеев А. И. 502
Елисеев С. М. 297
Ершов В. В. 461
Жданок Т. А. 229
Жукова О. А. 299
Запечалов В. В. 230
Запесоцкий А. С. 67, 504
Захаров Н. Л. 301
Зимняя И. А. 551
Зобнин Ю. В. 73
Зорин В. Ю. 306
Зубец О. П. 313
Зукович Л. 75
Иконникова С. Н. 507
Илизаров Б. С. 315
Ильичев А. В. 321
Исаев А. К. 78
Кайсаров Е. А. 324
Каландаришвили З. Н. 465
Карпов А. В. 397
Касенова М. Б. 510
Катагум М. Й. 231
Катышева Д. Н. 326
Качалов Р. М. 328
Квинт В. Л. 79
Ким М. Н. 515
Кип В. Л. 235
Кириллова Н. Н. 553
Кирпичников М. П. 82
Клейнер Г. Б. 85
Клесс А. 236
Коврикова Е. В. 555
Козлов В. Н. 540
Кокашвили В. Б. 517
Колесников В. А. 557
Коломиец Г. Г. 330
Комисаренко С. С. 518
Конев В. А. 332
Коновалов В. Н. 335
Коноплев Н. С. 559
Корнилова Е. Е. 520
Костина А. В. 337
Костомаров В. Г. 88
Кох И. А. 426
Круглова Л. К. 339
Кувалдин В. Б. 239
Кутузов В. М. 560
Лавров С. В. 92
Лапаева В. В. 467
Лебедев С. А. 341
Лебедева С. С. 562
Лекторский В. А. 96
Липский В. Н. 344
Лиханов А. А. 97
Лошак В. Г. 521
Лыткина Л. В. 522
Макаров В. Л. 99
Максимова В. Н. 563
Максимцев И. А. 565
Малов И. В. 523
Мамедов Ф. 346
Мамонтов В. К. 525
Манилова А. Ю. 101
Мануильский М. А. 347
Марк Х. А. 102
Марков А. П. 349
Маркова О. Ю. 560
Мартышин О. В. 469
Матвеева Л. В. 527
Матвиенко В. И. 105
Махлина С. Т. 352
Мациевский И. В. 361
Медушевский А. Н. 362
Мелихов А. М. 366
Миронов В. В. 107
Моисеев А. А. 241
Мосейко А. Н. 369
Мосолов В. А. 568
Мосолова Л. М. 570
Мотышина М. С. 371
Муромцев Г. И. 471
Мухаметзянова Г. В. 571
Мухина В. С. 374
Назаретян А. П. 376
Наумкин В. В. 243
Некипелов А. Д. 110
Немытина М. В. 474
Никандров Н. Д. 113
Оводенко А. А. 573
Осколков С. А. 377
Павлова О. К. 540
Парыгин Б. Д. 379
Пасешникова Л. А. 575
Петренко В. Ф. 118
Пивовар Е. И. 577
Пигров К. С. 428
Пиотровский М. Б. 123
Полетаева Н. М. 563
Полухина А. Н. 431
Померанцев В. М. 380
Попов В. В. 245
Попов М. Е. 382
Праздников Г. А. 383
Проданов В. 124
Пушкарева Л. В. 433
Пядухов Г. А. 425
Рар А. 129
Расторгуев В. Н. 184
Резник Г. М. 133
Ржаницына Л. С. 435
Романов П. И. 540
Ромашов Р. А. 478
Русская Н. В. 580
Русакова О. Ф. 529
Саджади С. М. Р. 135
Самарин А. Н. 437
Санаи М. 136
Сафонов А. Л. 141
Сафонов В. Н. 480
Сенько Ю. В. 582
Серебряков А. А. 530
Середкина Е. В. 386
Сиднева Т. Б. 389
Силантьева М. В. 391
Син Г. 144
Скатов Н. Н. 145
Смирнов А. В. 147, 392
Согрин В. В. 249
Солдатов А. В. 394
Соломонова Н. А. 396
Солонин Ю. Н. 150
Сошников В. Д. 397
Степанов Е. И. 151
Степин В. С. 153, 261
Стремоухов А. В. 483
Терентьева Н. П. 583
Тимофеев А. И. 399
Тимофеева Л. Н. 439
Титаренко М. Л. 157
Титова Л. Г. 440
Тлили М. 163
Тощенко Ж. Т. 165
Третьяков В. Т. 532
Триодин В. Е. 585
Унгер Ф. 173
Успенская А. В. 403
Фарах С. 252
Фатиев Н. И. 405, 502
Федотов М. А. 174
Фейгин Г. Ф. 406
Фиофанова О. А. 588
Флиер А. Я. 409
Фроловская М. Н. 590
Харитоновна Е. В. 442
Хренов Н. А. 176
Цой Л. Н. 444
Чанг С. 182
Черешнев В. А. 184
Честнов И. Л. 484
Чиркин В. Е. 486
Чубарьян А. О. 187
Чуров В. Е. 188
Шадхан И. А. 412
Шаленко В. Н. 447
Шемшученко Ю. С. 192
Шехонин А. А. 538
Шмаков М. В. 195
Шмелев Н. П. 198
Шнайдер Э. 204
Шойер М. 205
Шор Ю. М. 416
Шувалов К. В. 256
Шульц В. Л. 207
Эйфман Б. Я. 210
Эль Захаби М. 257
Юдин Б. Г. 212
Яковенко А. В. 214
Яо Яо К. 260
Ярошук Н. З. 418